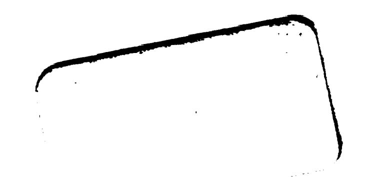

РУССКАЯ СТАРИНА
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.
1895.
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
ПОСОШКОВ·ШАФИРОВ·МАКАРОВ·
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ
ИМПЕРАТРИЦА АННА·ІОАННОВНА
ЛОМОНОСОВ
Ѳ·ВОЛКОВ·
СУМАРОКОВ·
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК·
ДЕРЖАВИН·
КУЛИБИН·
ТАТИЩЕВ·
ШЛЕЦЕР·
М·ЩЕРБАТОВ
БОЛТИН·
ВИЗИН
РАДИЩЕВ
КАРАМЗИН·
МОРДВИНОВ·
КРЫЛОВ
ЕРМОЛОВ·
ГРИБОѢДОВ·
ПУШКИН
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVI-й. ІЮЛЬ. 1895 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1895.

VII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюля 1895 г.

Вибліографическій листокъ.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова.

XI.

В. Г. Перовъ, его жизнь и худож. дѣятельность. Біограф. очеркъ Л. К. Дитерихса. Съ портретомъ Перова и 8-ю снимками съ его произведеній.

Очеркъ г. Дитерихса составленъ на основаніи трудовъ Н. П. Собко и В. В. Стасова, а также и по статьямъ самого В. Г. Перова, напечатаннымъ въ «Художественномъ Журналѣ» и «Пчелѣ».

Василій Григорьевичъ Перовъ былъ сыномъ барона Григорія Карловича Криденера, который, выйдя въ отставку, переѣхалъ сначала въ Петербургъ, а потомъ въ имѣніе брата своего, близъ Дерпта. Послѣ непродолжительныхъ занятій съ матерью его отдали въ ученье сначала къ священнику, а затѣмъ къ заштатному дьячку; въ каллиграфіи особенно Перовъ дѣлалъ большіе успѣхи. У этого же дьячка, одновременно съ Василіемъ Васильевымъ,—какъ Перовъ первоначально прозывался по фамиліи своего крестнаго отца,—учился другой ученикъ, сынъ крестьянина. Въ то время какъ будущій художникъ старательно выводилъ каждую букву, этотъ мальчикъ постоянно шалилъ и болталъ ногами. Разсерженный такимъ отношеніемъ къ дѣлу, дьячекъ однажды разбранилъ его слѣдующимъ образомъ: «куда тебѣ писать, тебѣ только ногами болтать, и будешь ты у меня Иванъ Болтовъ, а вотъ онъ будетъ у меня Василій Перовъ». Эти прозвища, съ легкой руки дьячка, остались навсегда за его учениками. Когда Перову исполнилось 9 лѣтъ, отецъ его переѣхалъ на частную службу въ Арзамасскій уѣздъ, гдѣ маленькій Василій, вообще не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ, и очень нервный, заболѣлъ натуральной оспой, слѣды которой, въ видѣ слабости зрѣнія, остались у него на всю жизнь. Однажды изъ Арзамаса былъ выписанъ живописецъ для поправки портрета. Процессъ письма, техническіе пріемы, растираніе красокъ, — все это въ высшей степени занимало и увлекало Перова, такъ что онъ вооружился карандашомъ и принялся рисовать прямо съ натуры. На первыхъ порахъ дѣло не клеилось, и онъ по совѣту матери началъ копировать имѣвшіяся въ домѣ картины. Поступивъ въ Арзамазское уѣздное училище, онъ заявилъ себя прекраснымъ почеркомъ и способностью къ рисованію, которымъ онъ продолжалъ заниматься, кромѣ обязательныхъ уроковъ въ классѣ, еще и въ свободное время. Въ то время въ Арзамазѣ процвѣтала школа живописи академика А. В. Ступина. Вотъ въ эту-то школу и поступилъ Перовъ, предварительно выдержавъ сильное сопротивленіе матери, желавшей отдать его въ нижего-
родскую гимназію и опасавшейся за сво
Васю, такъ какъ ученики этой школы по
зовались дурной репутаціей, какъ бе
бразники и пьяницы. Въ школѣ Пер
пришлось пробыть всего только три мѣся
такъ какъ онъ чуть было не втянулся
жизнь учениковъ Ступина, попавъ съ ни
на какую-то пирушку, откуда пришелъ д
мой навеселѣ. Мать пришла въ ужасъ и р
шила взять своего Васеньку изъ школ
Почти одновременно съ этимъ отецъ л
шился мѣста и переѣхалъ въ Арзамазъ, г
и нанялъ квартиру противъ школы Ступи
и Перовъ снова поступилъ въ эту школ
А. В. Ступинъ пророчилъ матери славн
будущность ея сына, но долго не разрѣш
ему рисовать масляными красками. Пер
тайкомъ началъ копировать этюдъ Брюл
«Старикъ» и пряталъ свою работу. Случ
но какъ-то Ступинъ увидѣлъ ее, и, вмѣс
ожидаемаго выговора, Перовъ получилъ п
хвалу и поощреніе. Перовъ былъ внѣ се
отъ радости. Къ этому времени его отецъ
лучилъ мѣсто управляющаго, переѣхалъ
всѣмъ семействомъ на мѣсто новаго служен
а Василія оставилъ въ Арзамасѣ у Ступи
гдѣ онъ пробылъ не долго, такъ какъ, буду
обиженъ однимъ товарищемъ, онъ пустилъ
него тарелкой съ горячей кашей и долже
былъ оставить школу и пѣшкомъ приш
къ родителямъ. Нѣкоторые изъ товарищ
по школѣ присылали ему оригиналы для
ній, но копіи его уже не удовлетворяли,
онъ остановился на мысли написать «Р
нятіе». Натурщикомъ для этой карти
служилъ дворовый Иванъ. Весь вели
постъ проработалъ надъ первою самосто
тельною картиною молодой художникъ, и
работа, хотя и грѣшила во многихъ отн
шеніяхъ, но представляла очень удачну
попытку съ признаками дарованія.

Во второй главѣ своего очерка Л.
Дитерихсъ дѣлаетъ общую характеристи
Московскаго училища живописи и вая
куда поступилъ Перовъ. Пріѣхавъ съ матер
въ Москву, молодой художникъ остановил
у знакомой М. Л. Штрейтеръ и сталъ р
узнавать объ училищѣ и условіяхъ для п
ступленія туда, и немедленно отправился
инспектору этого училища, захвативъ съ с
бою лучшіе рисунки. Разсмотрѣвъ ихъ, Р
мазановъ сказалъ: «Вы можете поступить
училище и, если только вамъ никто не
правлялъ этого, то трудитесь, работайте,—
васъ будетъ художникъ, у васъ есть талант».
Съ отцомъ Перовъ велъ оживленную пер
писку и посылалъ ему бо́льшую часть свои
работъ. Отецъ, въ письмахъ своихъ, дава
ему указанія и совѣты, какъ жить и работат
и предостерегалъ его отъ соблазновъ ст
личной жизни; совѣты эти производили доб
ное вліяніе. Но вскорѣ отецъ, обремененн
семьей, не только пересталъ присылать е
средства, но не могъ платить г-жѣ Штрейтер
за его содержаніе, и только благодаря

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1895 г.

ІЮЛЬ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1895.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XIII[1]).

Смерть и погребеніе императора Николая.—Мои личныя ощущенія по случаю кончины государя.—Назначеніе меня въ Печальную коммиссію.—Верховный маршалъ графъ Гурьевъ.—Члены коммисіи: графъ Борхъ, князь Михаилъ Кочубей, Хитрово, Пейкеръ, Поповъ.—Разногласія на первыхъ порахъ между Гурьевымъ и членами.—Толпы чиновниковъ, согнанныхъ въ коммиссію.—Мысль, представленная мною разсвирѣпѣвшему графу Гурьеву.—Видъ усопшаго государя на походной кровати.—Замѣчательныя черты графа Гурьева.—Необъятная гордость его.—Несчастное бальзамированіе тѣла государя.—Мелочное честолюбіе высокихъ лицъ.—Столкновеніе графа Гурьева съ графомъ Блудовымъ.—Перенесеніе тѣла государя изъ дворца въ соборъ.—Отправленіе герольдовъ.—Замѣчательныя событія въ жизни графа Гурьева, имъ самимъ разсказанныя.—Споръ его съ покойнымъ государемъ.—Ненависть его къ почтовому вѣдомству вообще и къ Прянишникову въ особенности.—Зять графа Гурьева, Челищевъ.—Награды по коммиссіи.—Мои обманутыя ожиданія.—Опасное положеніе царицы Александры Ѳеодоровны во все это время.—Ея продолжительная жизнь потомъ.

Буквально ошеломленный этимъ извѣстіемъ, я тотчасъ возвратился въ свою квартиру, приказалъ, не знаю уже для чего, закладывать карету и торопилъ жену скорѣе собираться и ѣхать со мною ко дворцу, но зачѣмъ и для чего, я и самъ не понималъ.

Громадность событія просто поглотила меня, и мнѣ казалось совершенно невозможнымъ оставаться на мѣстѣ. Можно было всего ожидать, но только не смерти государя, этого колосса духомъ и

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1895 года.

*

тѣломъ. Часто видя его на парадахъ, на улицахъ и т. п., я про себя думалъ, какой вѣкъ назначенъ для этого богатыря и можно ли допустить, чтобы смерть осмѣлилась когда-нибудь подступить къ нему? Казалось, что его кончина просто невозможна, потому что съ этою кончиною долженъ перевернуться міръ—до такой степени обаяніе его власти, могущества, его величія, нравственнаго и физическаго — было сильно въ моихъ глазахъ, да конечно не въ моихъ однихъ. Какъ ни много надѣлалъ мнѣ горя покойный царь, но я никогда не переставалъ питать къ нему истиннаго и глубокаго благоговѣнія. Это былъ истинный представитель императорскаго величества. На всемъ земномъ шарѣ трудно было найти личность, которая съ бо̀льшимъ достоинствомъ олицетворяла бы это величество. Я всегда думалъ и думаю, что это былъ великій государь, и мнѣ кажется, что рано или поздно, когда пройдетъ мода на отрицаніе всевозможныхъ авторитетовъ, ему воздана будетъ должная и справедливая честь.

Развѣ не былъ онъ мудръ? Развѣ не былъ онъ справедливъ? Развѣ не каралъ онъ пороки, какъ никто? Кто такъ награждалъ и цѣнилъ доблести, какъ онъ? Развѣ онъ не желалъ счастья и блага Россіи? Не онъ ли былъ первымъ и неутомимымъ труженикомъ для ея благоденствія? По моему мнѣнію, наперекоръ нынѣшнему модному мнѣнію, онъ былъ великій государь. Названіе рыцаря чести, которое давали ему за границей, было справедливымъ названіемъ. Но и у него были недостатки и быть можетъ очень большіе; да развѣ можетъ царь, на какомъ бы тронѣ онъ ни сидѣлъ, перестать быть человѣкомъ, а развѣ человѣкъ можетъ быть безъ недостатковъ?

И доселѣ, какъ при покойномъ государѣ, вся добрая, истинно полезная для государства иниціатива исходитъ отъ престола, а вся эта толпа нигилистовъ пока еще ничего не произвела сама собой, кромѣ шума, самохвальства и ругательствъ всего, что признавалось доселѣ достойнымъ уваженія. Со временемъ, съ постепеннымъ народнымъ развитіемъ, вѣроятно, и у насъ выработаются полезные государственные и общественные дѣятели, которые по праву, по дѣламъ своимъ и заслугамъ, назовутся истинно передовыми людьми, а нигилисты переходнаго времени—просто толпа бродягъ, сходная

со стаею голодныхъ собакъ; толпа, чающая только какъ бы заварить кашу и разсчитывающая въ суматохѣ поживиться чѣмъ-нибудь. .

Обращаюсь къ впечатлѣніямъ, произведеннымъ на меня кончиною государя. Когда экипажъ былъ поданъ, я торопливо усадилъ въ него мою жену, самъ помѣстился вмѣстѣ съ нею и поспѣшно отправился къ Зимнему дворцу. Я былъ убѣжденъ, что событіе это привело въ движеніе весь Петербургъ и что у дворца я найду огромныя народныя толпы. Къ величайшему моему удивленію— ничего подобнаго не было. Объѣхавъ дворецъ нѣсколько разъ—я не видѣлъ рѣшительно никакихъ признаковъ, говорящихъ о страшной потерѣ, понесенной государствомъ. Смущенный и сбитый съ толку этимъ страннымъ спокойствіемъ, я возвратился домой и сѣлъ за обѣдъ; но прежде, нежели я успѣлъ кончить его, я получилъ, чрезъ почталіона, приглашеніе Прокоповича пожаловать къ нему теперь же и сколь можно поспѣшнѣе. Такое поспѣшное требованіе со стороны такого деликатнаго человѣка, какъ Прокоповичъ, меня значительно удивило. Когда я пришелъ къ нему, онъ мнѣ тотчасъ предъявилъ собственноручную записку графа Адлерберга, которою онъ требовалъ, чтобы я немедленно вступилъ въ составъ «Печальной коммиссіи», назначенной для погребенія государя, и явился къ предсѣдателю этой коммиссіи, графу Гурьеву.

Прежде, нежели я успѣлъ сообразить что-либо, заботливый Прокоповичъ сталъ убѣждать меня тотчасъ надѣть мундиръ и отправиться во дворецъ. Я такъ и сдѣлалъ. На переѣздѣ во дворецъ я не могъ не остановить своихъ мыслей на странномъ столкновеніи обстоятельствъ. Судьба судила мнѣ принять участіе въ погребеніи государя, который, быть можетъ и ненамѣренно, но такъ сильно тѣснилъ меня при жизни. О степени этого участія я, конечно, не могъ составить никакого понятія, ибо не только не зналъ порядка и свойства дѣйствій, принятыхъ въ подобныхъ случаяхъ, но даже никогда отъ роду не слыхалъ объ учрежденіи, называемомъ «Печальною коммиссіею». Я думалъ, что это только сокращенное имя коммиссіи, но что оффиціально она носитъ какое-либо другое наименованіе.

Когда я явился во дворецъ и отыскалъ комнаты, отведенныя для «Печальной коммиссіи», я нашелъ уже ихъ наполненными зна-

чительнымъ числомъ чиновнаго люда, между которымъ, конечно, встрѣтилъ много знакомыхъ. Все это составляло нестройную мундирную толпу, собранную съ разныхъ концовъ гражданскаго міра. Никто рѣшительно ничего не зналъ, хотя нѣкоторые перелистывали уже какіе-то огромные томы, Богъ знаетъ откуда явившіеся. Видъ этой сборной братіи произвелъ на меня не очень выгодное впечатлѣніе. Мнѣ, значительно избалованному и самоувѣренному, было просто непріятно, что и меня заставили вмѣшаться въ эту толпу, хотя въ ней могли быть люди и болѣе достойные и болѣе даровитые, чѣмъ я. Въ другой комнатѣ, какъ тотчасъ я замѣтилъ, шли очень оживленные и даже крупные разговоры. Заглянувъ въ эту комнату, я обратилъ прежде всего вниманіе на какую-то оригинальную фигуру, въ длинномъ тепломъ сюртукѣ и въ какой-то шелковой шапкѣ на головѣ. Съ краснымъ лицомъ, съ огромными глазами, фигура эта дышала, такъ сказать, барствомъ, гордостью и самоувѣренностью. Громкимъ, рѣшительнымъ голосомъ, она проповѣдывала что-то окружавшимъ ее господамъ, въ числѣ которыхъ я тоже узналъ много знакомыхъ мнѣ лицъ. Со стороны можно было подумать, что это суровый учитель читаетъ нотацію своимъ ученикамъ: та́кова была картина, на которую я взглянулъ мелькомъ... Но надобно было разобрать ея сущность, и собранныя мною свѣдѣнія обогатили меня слѣдующими данными.

Верховнымъ маршаломъ или предсѣдателемъ «Печальной коммиссіи» былъ назначенъ графъ Гурьевъ, предсѣдатель департамента экономіи Государственнаго Совѣта. Лица, знавшія его ближе, прибавляли, что это человѣкъ строптивый и характерный и что теперь, только-что появился, уже началъ бушевать съ членами коммиссіи. Въ заключеніе я узналъ, что фигура въ безцеремонномъ костюмѣ и съ какимъ-то колпакомъ на головѣ—именно и былъ графъ Гурьевъ.

Членами коммиссіи были назначены: графъ Борхъ, оберъ-церемоніймейстръ двора. Эту добрую, но ограниченную до ничтожества личность я зналъ уже прежде. Все его семейство, включительно съ старою графинею Лаваль, матерью его жены, связано было самыми дружескими отношеніями съ княземъ Одоевскимъ, у котораго я постоянно и видѣлъ графа. Кромѣ того, вслѣдствіе тѣхъ же друже-

ственныхъ отношеній къ князю, мы часто припрягали графа къ разнымъ благотворительнымъ затѣямъ нашего Общества и даже устраивали нѣкоторыя изъ этихъ затѣй въ его домѣ, на Англійской набережной. Общественное мнѣніе считало графа пустымъ и добрымъ человѣкомъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Эти свойства особенно выразились впослѣдствіи, когда онъ имѣлъ неосторожность принять должность директора императорскихъ театровъ. Слабый собственными умственными средствами, но съ то же время кроткій и деликатный, онъ тотчасъ очутился въ хищныхъ рукахъ Ѳедорова, который управлялъ и имъ, и всѣмъ театральнымъ міромъ, наслѣдуя достойнымъ образомъ К—у, державшему въ своихъ рукахъ слабаго Гедеонова.

Потомъ членомъ коммиссіи очутился князь Михаилъ Кочубей, въ то время уже гофмаршалъ двора и президентъ придворной конторы. О немъ я уже говорилъ достаточно, чтобы было нужно здѣсь повторять снова черты его характера.

Третьимъ членомъ былъ Хитрово, церемоніймейстеръ, сынъ того Хитрово, который былъ нѣкогда государственнымъ контролеромъ, очень милый человѣкъ, но тоже не изъ бойкихъ. Онъ мнѣ казался совершенно чуждымъ честолюбія и если ходилъ по дворцовымъ галлереямъ, вмѣстѣ съ Кочубеемъ, за графомъ Адлербергомъ, чтобъ получить Станислава, то ужь никакъ не по собственнымъ убѣжденіямъ, а скорѣе по вліянію и настояньямъ того же Кочубея. Хитрово въ особенности любилъ со мною потолковать и передалъ мнѣ подробно исторію своей женитьбы на какой-то итальянкѣ. Добрый семьянинъ, онъ, сколько могъ я замѣтить, сосредоточивалъ тогда всю любовь на своемъ маленькомъ сынѣ и, въ своихъ разсказахъ о немъ,—передавалъ даже такія подробности о его произрастаніи, пищевареніи и т. п., которыя могли быть интересны единственно для родительскаго сердца. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ оберъ-церемоніймейстеромъ двора.

Пейкеръ, прежде чиновникъ военно-походной канцеляріи государя, а потомъ директоръ капитула орденовъ, былъ тоже членомъ коммиссіи; только я не помню, былъ ли онъ назначенъ при самомъ учрежденіи коммиссіи или впослѣдствіи присоединенъ къ ней, подобно нѣкоторымъ другимъ личностямъ, въ которыхъ она встрѣ-

чала надобность. Собственно въ Пейкерѣ не было исключительной надобности; но графъ Адлербергъ вѣроятно ввелъ его въ составъ коммиссіи для того, чтобы, по окончаніи ея занятій, дать ему, наряду съ другими членами, соотвѣтственную награду. Въ этомъ отношеніи графъ считалъ себя предъ Пейкеромъ въ долгу. Графъ принадлежалъ безспорно къ числу людей самыхъ добрыхъ; но доброта его всегда требовала, такъ сказать, внѣшняго возбужденія. Онъ не отказывалъ ни въ какихъ наградахъ, когда ему о нихъ докладывали, но самъ онъ никогда не останавливался на мысли: не слѣдуетъ ли, не пора ли наградить того или другаго? Пейкеръ разсказывалъ мнѣ, что онъ лѣтъ десять носилъ Станислава на шеѣ, хотя былъ постоянно въ разъѣздахъ съ государемъ и безпрерывныхъ сношеніяхъ съ графомъ. Чрезъ ихъ руки проходила бездна представленій о наградахъ, но о наградѣ ему никакъ не заходило рѣчи. Пейкеръ самъ просить не хотѣлъ, а графъ не догадывался. Какой-то ничтожный случай измѣнилъ это странное положеніе дѣла. Кажется, что при какомъ-то докладѣ о комъ-то графъ замѣтилъ, что этотъ кто-то давно не получалъ награды. Пейкеръ сказалъ, что есть люди, которые болѣе продолжительное время не получаютъ награды. «Вотъ я, наприм., въ теченіе десяти лѣтъ ношу одинъ крестъ, какъ сами ваше сіятельство изволите видѣть»,—прибавилъ Пейкеръ. Графъ вскочилъ съ мѣста, сталъ обнимать его, извиняться предъ нимъ и тутъ же поздравилъ его съ Станиславомъ 1 ст., выразивъ увѣренность, что государь ему не откажетъ въ его ходатайствѣ, которое дѣйствительно тотчасъ и было удовлетворено.

Замѣчу мимоходомъ, по опыту жизни, что если такая смѣлость, съ какою К. выпрашивалъ себѣ звѣзду, представляется неудобною, то съ другой стороны излишняя щепетильность, неумѣренная забота о своемъ достоинствѣ — не приноситъ рѣшительно никакой пользы. Есть много начальниковъ, подобныхъ графу Адлербергу. Такимъ же частію былъ и князь Барятинскій. Они не награждаютъ не потому, чтобы не хотѣли наградить, но потому, что забываютъ въ многосложныхъ соображеніяхъ о своихъ высшихъ интересахъ. Тотъ же опытъ жизни убѣдилъ меня, что всѣ большіе господа всегда и болѣе всего думаютъ о томъ, что выше ихъ, и мало заботятся о томъ, что подъ ними. Привыкнувъ дѣйствовать всегда по докладамъ

и представленіямъ, они полагаютъ достаточнымъ соглашаться на доклады и представленія о наградахъ. Думать еще о томъ, всѣ ли туда вошли и нѣтъ ли еще людей, о которыхъ доложить некому— не по ихъ части. Само собою разумѣется, что я это говорю только въ общемъ видѣ и что есть блистательныя исключенія, когда самъ начальникъ близко знаетъ заслуги каждаго и самъ заботится о соотвѣтственномъ вознагражденіи. Эти исключенія принадлежатъ рядовымъ, такъ сказать, министрамъ, заключеннымъ въ границахъ своихъ министерствъ; большіе придворные бары, какъ Адлербергъ, Барятинскій и другіе, все вниманіе которыхъ сосредоточено на состояніи погоды въ придворномъ мірѣ—по натурѣ вещей, болѣе забывчивы по этой части, хотя, въ то же время, если они ужь остановили на комъ свое высокое вниманіе, то мгновенно дѣлаютъ этому счастливцу такую карьеру, которая приводитъ всѣхъ въ изумленіе.

Наконецъ членомъ коммиссіи былъ еще и знаменитый въ нѣкоторомъ отношеніи Гавріилъ Степановичъ Поповъ. Кто не зналъ въ Петербургѣ Гавріила Степановича? Купцы, крестьяне, быть можетъ, не всѣ его знаютъ; но можно голову прозакладывать, что нѣтъ положительно ни одного чиновника, большаго и малаго, который бы не зналъ Гавріила Степановича. Между тѣмъ весьма трудно сказать, откуда именно проистекала такая громадная популярность. Мѣстъ большихъ и важныхъ онъ не занималъ; общественнаго значенія и вліянія никогда не имѣлъ, громадными талантами не славился. Напротивъ, онъ былъ человѣкъ значительно ограниченный и не чуждъ былъ даже странностей, которыя, въ соединеніи съ его долговѣчностью и неодолимою страстію со всѣми знакомиться, едва-ли не были главною причиною его обширной извѣстности. Еще при Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ, этомъ другѣ царей и между прочимъ главноначальствующемъ надъ почтовымъ департаментомъ, онъ имѣлъ какую-то выгодную позицію близкаго князю человѣка, что̀, конечно, не слишкомъ говоритъ въ пользу государственнаго значенія этого сановника. Этого времени я уже не засталъ, и когда появился въ Петербургѣ, позналъ Гавріила Степановича въ качествѣ одного изъ исправляющихъ должность департаментскихъ секретарей Государственнаго Совѣта. Въ то же время двѣ пуговки назади его вицъ-мундира свидѣтельствовали, что онъ владѣлъ ка-

мергерскимъ ключемъ. Когда послышалось вѣяніе прогресса и когда въ составѣ Государственнаго Совѣта понадобились люди, истинно даровитые, моего Гавріила Степановича спустили оттуда и помѣстили въ разрядъ такъ называемыхъ почетныхъ опекуновъ Опекунскаго Совѣта, т. е. людей, уже мало годныхъ.

Я уже не помню, какимъ образомъ завязалось первое мое знакомство съ Гавріиломъ Степановичемъ, что̀, впрочемъ, нисколько не было затруднительно при его стремленіи со всѣми знакомиться; но когда судьба загнала меня въ почтовый міръ—тамъ наше знакомство приняло прочный видъ, потому что въ этомъ мірѣ, по старой памяти, онъ пользовался большими связями, и его часто можно было встрѣтить или на обѣдѣ у Прянишникова или на вечерѣ у Прокоповича. Въ этотъ же періодъ имъ овладѣла другая страсть—къ поэтическимъ шалостямъ. Сближеніе мое, по Обществу, съ литературнымъ кружкомъ знакомило меня съ развитіемъ и проявленіями этой страсти. Панаевъ въ особенности разсказывалъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, тысячи уморительныхъ по этой части анекдотовъ, сущность котóрыхъ заключалась преимущественно въ томъ, что бѣдный поэтъ постоянно умолялъ Панаева помѣщать его произведенія въ «Современникѣ», на что́, конечно, тотъ не могъ согласиться и долженъ былъ изобрѣтать фантастическія причины отказа. Такимъ образомъ свѣтъ лишенъ наслажденія читать эти произведенія; но авторъ нашелъ таки возможность проявить свой талантъ. Онъ сталъ сочинять надписи къ портретамъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и въ этомъ исключительномъ родѣ пріобрѣлъ обширную, хотя, конечно, комическую, извѣстность.

Но эти увлеченія были безвредныя. Къ сожалѣнію, онъ поддался увлеченію самому для него вредному. Дѣло вотъ въ чемъ. Я жилъ какъ-то въ домѣ Зейдлица, противъ Технологическаго института, на Загородномъ проспектѣ. Изъ дверей въ двери, прямо противъ моей квартиры, поселилась какая-то помѣщица, какъ говорили, богатая, недавно овдовѣвшая и пріѣхавшая въ Петербургъ для устройства дѣтей. Дѣйствительно, когда я выходилъ на свой балконъ, на сосѣднемъ балконѣ я видѣлъ эту барыню и съ нею двухъ прелестныхъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, отъ 10 до 13-ти лѣтъ. Барыня была уже далеко не первой молодости; можно было

видѣть ясные остатки красоты. но красоты суровой, отталкивающей. Такое близкое наше сосѣдство повело ко взаимнымъ поклонамъ, и дѣло тѣмъ и ограничилось. Я былъ очень удивленъ, когда увидалъ эту даму на блистательныхъ вечерахъ Прокоповича, о которыхъ я говорилъ выше. Наконецъ, я былъ просто пораженъ, когда мнѣ объявили, что она невѣста нашего Гавріила Степановича. Кто видѣлъ и помнитъ его, тотъ пойметъ, какъ мало шло къ нему положеніе жениха и мужа! Ограниченный, слабый, безхарактерный, съ самою мизерною наружностью, онъ былъ, сравнительно съ этимъ положеніемъ, просто смѣшонъ и жалокъ. Тѣмъ не менѣе бракъ совершился, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершилось то, чего каждый разсудительный, практическій человѣкъ долженъ былъ ожидать. На другой день послѣ свадьбы, или чрезъ нѣсколько дней, только весьма скоро, «безъ всякаго», какъ говорятъ чиновники въ своихъ бумагахъ, «замедленія», жена объявила ему, что ей нужно было его имя и званіе для лучшаго успѣха при устройствѣ дѣтей, а что онъ, лично, вовсе ей не нуженъ и можетъ убираться куда угодно, и въ заключеніе просто выгнала его. Гавріилъ Степановичъ возвратился въ свою холостую квартиру и до днесь, когда я пишу эти строки, остается рѣшительно тѣмъ же Гавріиломъ Степановичемъ, какимъ я позналъ его лѣтъ тридцать тому назадъ. Коварная же супруга его, которую мнѣ удалось встрѣтить лѣтъ чрезъ пять послѣ того, обратилась въ сѣдую старую мегеру.

Обращаюсь къ составу Печальной коммиссіи. Всѣ эти лица, о которыхъ я говорилъ, были членами коммиссіи и въ моментъ моего появленія во дворцѣ шумѣли въ особой комнатѣ и, какъ по всему было замѣтно, бунтовались противу грознаго и строптиваго верховнаго маршала. Въ другой комнатѣ, какъ я выше сказалъ, сгруппирована была толпа чиновниковъ, собранныхъ изъ разныхъ вѣдомствъ, которая должна была образовать канцелярію коммиссіи. Тутъ было много самоувѣренныхъ физіономій съ крестами на шеяхъ. Мысль, что я, малочиновный въ то время и рѣшительно безъ всякихъ крестовъ, неминуемо долженъ подчиниться которой-либо изъ этихъ самоувѣренныхъ физіономій, сильно смущала меня и путалась съ другою мыслію о возможности избѣгнуть отъ этого унизительнаго по моимъ понятіямъ положенія. Наконецъ, когда я спросилъ, что

это за дѣла, которыя всѣ перелистываютъ, мнѣ объяснили, что это привезенное изъ сенатскаго архива дѣло о погребеніи императора Александра, которымъ коммиссія должна руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ; что это дѣло заключается во многихъ томахъ и что они розданы по рукамъ для просмотра и извлеченія того, что можетъ быть полезнымъ для настоящей коммиссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ тою же цѣлью, и мнѣ вручили одинъ изъ этихъ томовъ необъятной величины. Я видѣлъ, что все это первоначальный сумбуръ, предшествующій всякому дѣлу, и ожидалъ, что изъ всего этого выйдетъ. Между тѣмъ изъ комнаты, отведенной для членовъ коммиссіи, гдѣ, какъ я сказалъ уже, раздавались бурныя пренія, стали появляться нѣкоторые изъ нихъ въ нашей комнатѣ съ красными лицами и звучными ругательствами противъ Гурьева и, отведя, такъ сказать, душу, снова отправлялись туда.

Можно было видѣть, что тамъ идетъ буря и что старикъ Гурьевъ не церемонится съ своими сочленами. Вдругъ, среди нашей комнаты, раздались возгласы: «Правителя канцеляріи, правителя канцеляріи! гдѣ правитель канцеляріи?» Никакого правителя канцеляріи у насъ не было, всѣ мы составляли только разноплеменную толпу, и потому никто, конечно, не считалъ этихъ возгласовъ относящимися къ кому-либо лично и отдѣльно. Возгласы эти повторились и не получали отзыва. Среди этихъ недоумѣній кто-то изъ членовъ коммиссіи ринулся ко мнѣ и, сказавъ: «вотъ правитель канцеляріи», съ этими словами схватилъ меня за руку и потащилъ въ комнату членовъ. Графъ Гурьевъ сурово взглянулъ на меня и, не вдаваясь ни въ какія изслѣдованія: кто я, откуда и почему именно я явился въ качествѣ правителя канцеляріи, а не другой кто, торжественнымъ суровымъ голосомъ объявилъ мнѣ, что надо тотчасъ составить церемоніалъ траура и отдать въ печать.

Я мгновенно отыскалъ церемоніалъ траура при погребеніи императора Александра, написанный страшно древнимъ языкомъ, придѣлалъ къ нему нѣсколько фразъ такого же склада, примѣнимыхъ къ настоящему вопросу, показалъ первое мое произведеніе графу Гурьеву, получилъ одобреніе и отправилъ церемоніалъ въ печать. Все это было сдѣлано быстро и толково.

Бурныя пренія среди коммиссіи, между тѣмъ, не только не пре-

рывались, но разгарались болѣе и болѣе, такъ что нѣкоторые изъ членовъ, въ какомъ-то неистовствѣ, выскакивали оттуда и уѣзжали домой, произнося невнятныя, но гнѣвныя слова, изъ которыхъ можно было однако понять, что съ этимъ самодуромъ нельзя ничего сдѣлать. Кончилось тѣмъ, что всѣ члены разъѣхались, и остался одинъ Гурьевъ. Мы, составляющіе канцелярію, съ любопытствомъ слѣдили за разстройствомъ дѣла въ самомъ его началѣ и ожидали, какимъ скандаломъ все это завершится.

Оставшись совершенно одинъ, Гурьевъ потребовалъ меня. Когда я вошелъ къ нему въ комнату, онъ мѣрилъ ее скорыми шагами, съ распаленнымъ лицомъ и сверкающими глазами. Не обращая на меня никакого вниманія, онъ говорилъ громко съ самимъ собою, очевидно, продолжая поражать своихъ разбѣжавшихся противниковъ: «Это рѣшительно невозможно! Я такъ и государю скажу», — гнѣвно восклицалъ Гурьевъ. «Погребеніе императора Александра совершалось шесть мѣсяцевъ; тогда можно было все сдѣлать и приготовить. Въ двѣ недѣли, которыя мнѣ дали, я ничего не могу сдѣлать, особенно съ такими членами, какихъ мнѣ напихали. Я такъ и государю скажу; пусть выберетъ кого другаго, я не могу, я старъ» и т. п. Я привожу только сущность гнѣвныхъ фразъ разъяреннаго старика, которыя онъ бросалъ въ пространство, потому, что я хотя и стоялъ въ той же комнатѣ, но онъ ни разу на меня не взглянулъ и очевидно не могъ признавать во мнѣ слушателя. Какія были у него пренія съ разогнанными членами—я не знаю; но видно было, что его приводила въ отчаяніе краткость срока, даннаго ему на совершеніе всѣхъ пріуготовительныхъ распоряженій къ такому торжественному событію.

Такимъ образомъ, графъ Гурьевъ продолжалъ ходить по комнатѣ и расточать сердитыя фразы; я продолжалъ стоять и слушать, хотя всѣ эти фразы не относились и ни сколько не были обращены ко мнѣ. Когда я увидѣлъ изъ словъ его рѣшимость отказаться отъ дѣла, на него возложеннаго, я тотчасъ сообразилъ, что въ такомъ случаѣ мнѣ церемониться съ нимъ нечего. Если онъ сложитъ съ себя званіе верховнаго маршала, думалъ я, мнѣ въ этомъ не будетъ рѣшительно никакой потери. Если же мнѣ удастся тѣмъ предложеніемъ, которое я рѣшился ему сдѣлать о направленіи

дѣла, удержать его на мѣстѣ и помочь ему исполнить порученіе, въ такомъ случаѣ я разомъ пріобрѣту многоразличныя выгоды, хотя не вещественныя и, прежде всего, большое значеніе въ глазахъ сего самодура старинныхъ временъ. Когда послѣ многословія, проникнутаго отчаяніемъ и безнадежностію исполнить въ короткій срокъ все то, что предыдущая Печальная коммиссія дѣлала въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, наступила пауза и графъ Гурьевъ продолжалъ мрачно шагать по комнатѣ, по-прежнему не обращая на меня никакого вниманія, я сказалъ: «ваше сіятельство! угодно ли вамъ позволить мнѣ сказать нѣсколько словъ?» Графъ, видимо удивленный звуками моего голоса, или моею смѣлостью, или наконецъ тѣмъ, что здѣсь очутился человѣкъ, котораго хотя онъ и самъ призвалъ, но котораго рѣшительно не замѣчалъ, вскинулъ на меня свои огромные глаза, торопливо ко мнѣ подошелъ и надменно спросилъ: «что такое?» Тутъ я началъ развивать ту мысль, что если Печальная коммиссія приметъ на себя сама исполнить все то, что дѣлала предшествовавшая печальная коммиссія, то она, конечно, никакъ не успѣетъ этого совершить въ назначенный срокъ, какъ справедливо признаетъ и самъ графъ.—Но, по моему мнѣнію, говорилъ я, нѣтъ рѣшительно никакой надобности, чтобы коммиссія дѣлала все своими руками. Ей должно принадлежать только руководство дѣломъ, распредѣленіе работъ. Исполненіе же самыхъ работъ должно быть возложено на тѣ части, въ которыхъ онѣ, съ наибольшею быстротою, могутъ быть совершены. «Ваше сіятельство, скажите только,—продолжалъ я,—что должно быть сдѣлано, и это будетъ сдѣлано или придворною конторой, или конюшенною конторою, или другими частями, гдѣ есть мастера, подрядчики и всѣ спеціальные способы. Для того, чтобы распоряженія ваши быстро передавались и быстро исполнялись, возьмите въ коммиссію представителей отъ этихъ частей, которые и будутъ отвѣчать за дѣло. Такой представитель отъ придворной конторы, самаго полезнаго и могущественнаго въ предстоящемъ дѣлѣ учрежденія, есть уже въ лицѣ гофмаршала князя Кочубея. Такого же представителя должно взять отъ конюшенной конторы. Всѣ строительныя работы сосредоточьте въ рукахъ главнаго архитектора; для герольдическихъ дѣлъ возьмите извѣстнаго спеціалиста и т. п. Такимъ пу-

темъ,—заключилъ я,—предстоящее намъ дѣло будетъ исполнено».

Я говорилъ и на этотъ разъ съ тѣмъ одушевленіемъ, съ тѣмъ вдохновеніемъ, о которомъ упоминалъ выше. Къ несказанному удивленію и почти неожиданно для меня самого, графъ Гурьевъ слушалъ меня чрезвычайно внимательно. Когда я кончилъ, онъ сказалъ только: «вы умный человѣкъ». Вслѣдъ за тѣмъ онъ взялъ свой огромный стариковскій картузъ съ какимъ-то назатыльникомъ, при мнѣ надѣлъ его и тихо поплелся въ переднюю, гдѣ огромный гайдукъ, постоянно его сопровождавшій, закуталъ его въ шубу и окончательно увелъ по корридорамъ, ведущимъ къ подъѣзду. Послѣ его отъѣзда разошлась по домамъ и та огромная толпа, которая имѣла образоваться въ канцелярію. Я тоже отправился безъ всякихъ опредѣленныхъ идей относительно будущихъ отношеній моихъ къ предстоящему дѣлу.

Но я забылъ упомянуть довольно важное обстоятельство. При самомъ появленіи моемъ во дворецъ, я тотчасъ узналъ, что доступъ къ покойному государю самый легкій и что многіе изъ тѣхъ, которые, подобно мнѣ, были собраны въ Печальную коммиссію, посѣщали уже комнату, гдѣ онъ скончался и гдѣ лежитъ, какъ умеръ. Нечего и говорить, что я тотчасъ ринулся туда. Комната, въ которой скончался государь, находится въ первомъ этажѣ, на углу плаца, гдѣ дѣлаются разводы, и Дворцовой набережной, окнами на плацъ. Прежде всего поразилъ меня размѣръ этой комнаты: до такой степени она была мала и непомѣстительна. Я видалъ кабинеты многихъ аристократовъ и по роскоши, съ которою они были устроены, имѣлъ о кабинетѣ государя самое величественное понятіе. Между тѣмъ комната, которая носила это почетное названіе, едва-ли имѣла аршинъ семь въ длину и пять въ ширину, хотя, быть можетъ, при составленномъ мною предубѣжденіи, она показалась мнѣ уже черезчуръ мала, и дѣйствительный размѣръ ея былъ значительнѣе того, какой я здѣсь привожу. Мнѣ объяснили, впрочемъ, что настоящій кабинетъ государя былъ вверху, а что это былъ временный кабинетъ, въ который государь перешелъ не за долго до своей кончины и вотъ по какому случаю. Однажды, когда государь работалъ въ верхнемъ кабинетѣ, кто-то изъ дежурныхъ, камердинеровъ, дворцовыхъ гренадеръ,—я ужь не помню

положительно кто, но только изъ состоящихъ въ комнатахъ, прилегающихъ къ кабинету, внезапно заболѣлъ припадкомъ холеры и скоро умеръ. Самъ ли государь встревожился этимъ обстоятельствомъ, или настоянія докторовъ подѣйствовали на него, только вслѣдъ за этимъ событіемъ, онъ оставилъ верхній кабинетъ и перешелъ внизъ, въ ту комнату, гдѣ ждала его смерть.

Когда я вошелъ въ эту комнату, я увидалъ, что государь, совершенно еще свѣжій, лежалъ какъ спящій, на своей походной кровати, стоявшей поперекъ комнаты. Лицо его было покойно и не носило никакихъ слѣдовъ страданій. Покрытъ онъ былъ своею военною шинелью. Въ головахъ, сколько помню, висѣлъ портретъ, кажется, Ольги Николаевны въ какомъ-то военномъ мундирѣ. Въ ногахъ стоялъ священникъ во всемъ облаченіи и читалъ. Кровать, поставленная поперекъ комнаты, со священникомъ, стоявшимъ передъ нею, почти совершенно перерѣзывали комнату, такъ что при входѣ надобно было по одиночкѣ пробираться за спиною священника, чтобъ перейти на другую сторону кровати и поцѣловать руку усопшаго государя. Надобно замѣтить, впрочемъ, что картинка, которую потомъ можно было видѣть во всѣхъ магазинахъ, совершенно вѣрно передавала обстановку комнаты, гдѣ скончался государь. Для народа въ это время еще не было доступа къ усопшему государю; очевидно, допускались только, такъ сказать, домашніе, дворцовые, къ числу которыхъ въ этотъ моментъ и я такъ неожиданно и оригинально примкнулъ.

Передавать глубокія ощущенія, какія я испытывалъ при видѣ этого великаго и могущественнаго государя, недвижно распростертаго на походной кровати, къ которому я не только могъ безбоязненно приблизиться, но котораго могъ внимательно разсматривать, я не берусь, сколько потому, что это требовало бы таланта, котораго за собой не признаю, столько и потому, что такого рода изъясненія не совсѣмъ входятъ въ рамку моихъ простыхъ разсказовъ.

Когда на другой день совершенно равнодушно и значительно поздно явился я въ Печальную коммиссію, я уже по пріему, сдѣланному мнѣ новыми моими товарищами, мгновенно замѣтилъ, что мое положеніе и мои отношенія къ нимъ начинаютъ обрисовываться и принимать опредѣленныя черты. Въ то же время мнѣ со-

общили, что графъ Гурьевъ пріѣхалъ въ коммиссію чрезвычайно рано и постоянно спрашивалъ меня. Когда я вошелъ въ комнату, назначенную для членовъ, онъ приблизился ко мнѣ и ласково сказалъ: «ну, братъ, я былъ сегодня рано у Адлерберга и во всемъ съ нимъ условился. Теперь начнемъ работать».

Этотъ быстрый переходъ на «ты» показывалъ мнѣ, что сей грозный мужъ желаетъ сблизиться со мной и видитъ во мнѣ главнаго сотрудника. Это предположеніе тотчасъ оправдалось, потому что онъ сталъ безпрерывно требовать меня къ себѣ, спрашивать моего мнѣнія и давать одному мнѣ приказанія. Я видѣлъ, что сразу понялъ эту строптивую натуру, и, разумѣется, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше я ладилъ съ ней. Дошло наконецъ до того, что я сдѣлался положительно его любимцемъ и почти неограниченнымъ распорядителемъ всего дѣла. Я долженъ былъ выслушивать самыя восторженныя похвалы моему уму, моимъ способностямъ, моему усердію, которыя онъ часто произносилъ при разнородной толпѣ, наполнявшей его кабинетъ. Довѣріе его ко мнѣ не знало предѣловъ. Своихъ членовъ онъ почти слушать не хотѣлъ и держалъ ихъ, какъ школьниковъ. Когда которому-нибудь изъ нихъ хотѣлось провести какую-нибудь мысль, они сообщали ее мнѣ и просили доложить Гурьеву; но я почти постоянно отказывался отъ этого удовольствія. Особенно въ страшной опалѣ у него были князь Кочубей и добрый Гавріилъ Степановичъ.

Одною изъ замѣчательныхъ чертъ натуры Гурьева, которую я тотчасъ понялъ, было какое-то вялое производство его мыслительнаго процесса. Происходило ли это отъ преклонности лѣтъ его, или отъ устройства головы его — не знаю; только для него не было ничего убійственнѣе, какъ когда прервутъ теченіе его мыслей. Поэтому, когда входилъ къ нему, я никогда не начиналъ рѣчи прежде, нежели онъ самъ обращался ко мнѣ. Случалось много разъ, что, занятый какою-нибудь мыслію, онъ останавливалъ свои глаза на мнѣ, но я видѣлъ, по выраженію ихъ, что это до меня не касается, и продолжалъ стоять неподвижно дотолѣ, пока онъ самъ, покончивъ съ мыслію, которая была у него, такъ сказать, не очнется и не начнетъ: «а, любезный, что у тебя?» Тогда я быстро и ясно говорилъ ему, въ чемъ дѣло. Случалось и такъ, что графъ потре-

буетъ меня самымъ поспѣшнымъ образомъ. При моемъ появленіи въ его комнату, я уже замѣчалъ, что онъ забылъ и меня, и то, что хотѣлъ сказать мнѣ, и углубился во что-то другое. Я тотчасъ возвращался въ свою комнату, въ сознаніи, что если перебью его мысли, то сдѣлаю ему большую непріятность, а если буду ждать, когда онъ раздѣлается съ овладѣвшею имъ задачею, потеряю драгоцѣнное для меня время и задержу дѣла, изъ которыхъ одно другаго было спѣшнѣе.

Господа, подобные Кочубею и Гавріилу Степановичу, неспособные ни наблюдать надъ процессомъ мышленія другихъ, ни сами поглощаться этимъ процессомъ, страшно бѣсили своею безтактностію Гурьева и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно сами обрывались. Едва только который-нибудь изъ нихъ начнетъ: «позвольте, Ваше Сіятельство...» какъ у того мгновенно нальются глаза кровью, и онъ гнѣвно говорилъ: «Прошу васъ не мѣшайте мнѣ, не прерывайте меня... Сами не приносите никакой пользы и мнѣ не даете думать!» На мои глаза графъ Гурьевъ былъ типомъ боярина старыхъ временъ. Гордость и самоувѣренность его не знали просто предѣловъ. Къ самому графу Адлербергу, несмотря на то, что тотъ былъ министромъ двора и такъ сказать главнымъ хозяиномъ всего дѣла, Гурьевъ относился чрезвычайно надменно, свысока. Такъ, напримѣръ, когда при объясненіяхъ моихъ съ нимъ, встрѣчалось какое-нибудь затрудненіе, отвратить которое не отъ насъ зависѣло, онъ говорилъ почти презрительно: «ну сходи къ Адлербергу, пусть скажетъ или спроситъ государя». Помню также, при какомъ-то обстоятельствѣ, графъ также презрительно спросилъ меня: «какъ зовутъ Адлерберга?», какъ будто вопросъ этотъ относился не къ другу царя и сильному министру, а къ личности незначительной и неизвѣстной. Но не одного Адлерберга, онъ и всѣхъ другихъ также третировалъ. Слабый Борхъ пробовалъ было копошиться противъ такого гордаго деспотизма, но, несмотря на то, что былъ оберъ-церемоніймейстеромъ, былъ страшно побиваемъ этимъ свирѣпымъ господиномъ.

Но этого мало. Господство его надъ всѣмъ составомъ Печальной коммиссіи хотя проявлялось въ самыхъ жесткихъ формахъ, все-таки представлялось естественнымъ, истекая изъ положенія его,

какъ начальника этого учрежденія. Но онъ позволялъ себѣ выходки уже просто неумѣстныя и не совсѣмъ безопасныя. Такъ, напримѣръ, по утвердившемуся обычаю, верховный маршалъ, изготовивъ окончательно церемоніалъ погребенія, долженъ представить лично одинъ печатный экземпляръ государю, а другой императрицѣ. Гурьевъ никакъ не хотѣлъ исполнить этого обычая и намѣревался послать эти экземпляры просто въ пакетахъ. Всѣ, окружавшіе Гурьева, просто пришли въ ужасъ отъ такого намѣренія и уговаривали его представить экземпляры лично. Гурьевъ страшно ломался и говорилъ: «зачѣмъ я потащусь чрезъ весь дворецъ? Надо еще мундиръ надѣвать. Я старъ» и т. п. Наконецъ таки его уломали. Помню, въ одинъ вечеръ онъ облекся въ мундиръ съ видимымъ неудовольствіемъ и постоянно ворча, зачѣмъ онъ потащится. Надо замѣтить, что комнаты, занимаемыя Печальною коммиссіею, были совершенно противоположны половинѣ, занимаемой государемъ, и находились на той сторонѣ дворца, гдѣ былъ кабинетъ министра двора. Едва Гурьевъ вышелъ изъ этихъ комнатъ, въ которыхъ и подлѣ которыхъ всегда находилась толпа различныхъ придворнослужителей, какъ остановился предъ этой толпой и брюзгливо спросилъ: «гдѣ государь живетъ?». Привожу эти слова съ буквальною точностію. Я слышалъ собственными ушами. Они, мнѣ кажется, лучше всего характеризуютъ гордаго Гурьева, сдѣлавшаго этотъ вопросъ такимъ тономъ и въ такой формѣ, какъ будто онъ относился къ обыкновенной личности, а не къ государю. Само собою разумѣется, что вслѣдъ за этимъ вопросомъ нѣсколько челядинцевъ бросились впередъ указывать и прокладывать дорогу этому оригинальному барину, который, медленно и важно выступая, скрылся въ корридорахъ, ведущихъ на половину государя.

Впрочемъ, о Гурьевѣ мнѣ, конечно, придется много говорить, но здѣсь въ противоположность ему, я не могу не выдвинуть милаго и кроткаго образа графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга. Начать съ того, что, кажется, еще предъ кончиной государя, онъ совсѣмъ переселился во дворецъ; по крайней мѣрѣ я знаю положительно, что все время до погребенія онъ постоянно жилъ тамъ, работая буквально день и ночь. По самой существенной зависимости нашего дѣла отъ министерства двора, графъ Адлербергъ

весьма часто и ужъ, конечно, ежедневно прибѣгалъ въ нашу коммиссію. Съ другой стороны я постоянно бѣгалъ къ нему въ кабинетъ съ различными вопросами. Случалось такъ, много разъ, что графъ Гурьевъ скажетъ: «ну, поди, спроси Адлерберга», и я тотчасъ, явясь къ графу, передавалъ ему вопросъ. Послѣ минутнаго колебанія, графъ скажетъ: «надо спросить государя, подождите меня», схватитъ саблю, всегда стоявшую въ углу, подпояшетъ ее и быстрыми шагами пустится на половину государя. Но едва я принесу Гурьеву разрѣшеніе государя, переданное мнѣ графомъ Адлербергомъ, какъ является новый вопросъ и новое приказаніе: «сходи опять къ Адлербергу, спроси его». Я снова являюсь къ графу, онъ снова препоясываетъ саблю, снова бѣжитъ къ государю и приноситъ разрѣшеніе. Одинъ только разъ, я помню, кроткій и терпѣливый графъ, при подобномъ случаѣ, сдѣлалъ нетерпѣливую гримасу и сказалъ, скорѣе про себя, чѣмъ для меня: «зачѣмъ же не въ одинъ разъ». Впослѣдствіи, когда графъ Гурьевъ скрылся изъ коммиссіи и подъ видомъ болѣзни засѣлъ дома, я сталъ въ непосредственныя сношенія съ графомъ Владиміромъ Ѳедоровичемъ и снова удивлялся и кротости, и дѣловитости его.

Но я, по обычаю, страшно забѣжалъ впередъ. Обращаясь назадъ, я долженъ сказать, что во исполненіе моей идеи, за которую графъ Гурьевъ въ первый вечеръ назвалъ меня «умнымъ человѣкомъ», въ составъ коммиссіи назначенъ былъ членъ придворной конюшенной конторы Мельниковъ, Александръ, братъ Мельникова, который былъ впослѣдствіи главноуправляющимъ путями сообщеній и публичными зданіями. Спустя нѣсколько лѣтъ, мнѣ говорили, что именно по конюшенной конторѣ назначено было слѣдствіе, открыты были большія злоупотребленія, и что Мельникову, который былъ главнымъ распорядителемъ конюшеннаго дѣла, приходилось плохо. Какъ бы то ни было, но въ моментъ, о которомъ разсказываю, Мельникову поручено было все, что относилось до конюшенной части, начиная съ пріуготовленія траурной колесницы до постройки траурнаго платья безчисленнымъ кучерамъ и конюхамъ, и тѣмъ самымъ предоставлено было широкое поле для его дѣятельности.

Траурное убранство Петропавловскаго собора и погребальнаго катафалка поручено было знаменитому Монферану.

Герольдическая часть, т. е. изготовленіе знаменъ, гербовъ, значковъ и т. п., предоставлена была хитрѣйшему изъ всевозможныхъ жидовъ, К—е, который съ трудомъ говорилъ по-русски, но въ то же время умѣлъ составить себѣ славу глубокаго знатока русской исторіи и особенно герольдической ея стороны. Вкрадчивый, ловкій, онъ, быть можетъ, не столько зналъ глубину дѣла, сколько умѣлъ пускать пыль въ глаза. Онъ сдѣлался извѣстнымъ между нашими аристократами, такими охотниками до подобныхъ побрякушекъ, вѣроятно при ихъ содѣйствіи примкнулся къ Эрмитажу, а впослѣдствіи былъ уже и штатскимъ генераломъ, и начальникомъ спеціальнаго отдѣленія въ герольдіи Сената. Въ его распоряженіе отданы были всѣ театральные декораторы, и онъ постоянно возился съ золочеными палками и рисунками на картонной бумагѣ.

Что касается до состава нашей канцеляріи, то Гурьевъ передалъ совершенно въ мое вѣдѣніе и пользованіе Высочайше дарованное коммиссіи право брать нужныхъ ей чиновниковъ всюду, гдѣ она возжелаетъ. Понятно, что стремленіе принять участіе въ такомъ торжественномъ событіи, какъ погребеніе государя, само по себѣ, надвигало ко мнѣ толпы желающихъ примкнуть къ составу Печальной коммиссіи. Основанная на прежнихъ примѣрахъ надежда получить награды по исполненіи этого дѣла еще болѣе увеличивала эти толпы, такъ что значительная часть времени уходила у меня на объясненія съ эти желающими. Но я могу сказать, что не злоупотреблялъ этимъ полномочіемъ. Одно только, не совсѣмъ безпристрастное, распоряженіе я позволилъ себѣ сдѣлать въ этомъ отношеніи: изъ уваженія къ Прокоповичу я причислилъ къ коммиссіи сына его, бездарнѣйшаго и неспособнаго господина, отъ котораго впослѣдствіи самъ отецъ отступился. Не могъ я тоже отказать въ убѣдительныхъ настояніяхъ стараго моего пріятеля Отрѣшкова, но извѣстность его была столь обширна и столь двусмысленна, что я не рѣшился самъ собою распорядиться его причисленіемъ къ коммиссіи и предварительно доложилъ о его желаніи графу Гурьеву, и тотъ рѣшительно не согласился взять его. Во всѣхъ другихъ случаяхъ я руководствовался чисто потребностями дѣла. Такъ напри-

мѣръ для счетныхъ и финансовыхъ дѣлъ коммиссіи взялъ не франта какого-нибудь изъ департаментскихъ искателей, но скромнаго и дѣльнаго Юргенса, котораго, занимаясь театральными дѣлами, узналъ съ выгодной стороны въ театральной конторѣ, гдѣ онъ былъ въ должности контролера, и который впослѣдствіи сдѣлался, какъ я выше сказалъ, управляющимъ этою конторою. Впрочемъ, я не столько дорожилъ разными, такъ называемыми дѣлопроизводителями, такъ какъ головоломныхъ дѣлъ и не предстояло, сколько отличными писцами, и съ этой стороны канцелярія моя укомплектована была самымъ блестящимъ, можно сказать, образомъ.

Занятія нашей коммиссіи, особенно первое время, отличались безпримѣрною торопливостью, суетливостью и слѣдовательно безпорядочностью. Все дѣлалось на побѣгушкахъ и на скорую руку. Вообще работа отличалась скорѣе распорядительностію, чѣмъ письменностію. Оттого происходило, что большая толпа моихъ подчиненныхъ ходила, сидѣла, почти ничего не дѣлая, а я метался какъ угорѣлый. И надо правду сказать: въ моихъ рукахъ были сосредоточены громадныя средства. Въ моемъ распоряженіи состояла толпа придворныхъ ѣздовыхъ и почталіоновъ, которые, по малѣйшему мановенію моему, летали по всѣмъ частямъ города, и нѣсколько придворныхъ экипажей, въ которыхъ, по болѣе важнымъ дѣламъ, разъѣзжали мои чиновники. Канцелярія моя, включительно со мною, собиралась раннимъ утромъ и оставалась до глубокой полночи. Завтраки, обѣды, ужины, чаи и т. п., все было готово для насъ во дворцѣ, и мы разъѣзжались и расходились единственно только для того, чтобы заснуть нѣсколько часовъ дома. Нѣкоторые, жившіе далеко, оставались тамъ и ночевать.

Обращаясь къ существу нашихъ дѣйствій, я истинно затрудняюсь: съ чего начать? Начну съ главнаго предмета этихъ дѣйствій — усопшаго государя. Въ постоянной работѣ, постоянно озабоченный своими задачами, я слышалъ, однакоже, вмѣстѣ съ своими товарищами, что кончина государя, почти не ожиданная, возбуждаетъ народныя сомнѣнія и что сомнѣнія эти, постоянно возрастая, выразились однажды довольно явственно криками народной толпы, осаждавшей дворецъ, и требованіемъ Мандта, доктора государя. Положительныхъ и серьезныхъ волненій однако не было. Относи-

тельно кончины государя издана была, кажется, самимъ Мандтомъ, особая брошюра. Дѣло представлялось въ ней такимъ образомъ, что государь заболѣлъ гриппомъ и прежде, нежели совершенно освободился отъ него, поѣхалъ въ дурную погоду на какой-то парадъ или разводъ, вслѣдствіе чего болѣзнь приняла серьезное направленіе и поразила легкія. Народъ, въ своихъ толкахъ, подозрѣвалъ, что Мандтъ своею неумѣлостью испортилъ дѣло.

Покойный, какъ говорили, не желалъ, чтобы тѣло его бальзамировали и для этого рѣзали. Предполагали въ одно и то же время исполнить эту волю и произвести бальзамированіе. Для этого прибѣгли къ какому-то совершенно новому и въ то же время, кажется, далеко не испытанному способу бальзамированія, посредствомъ вспрыскиванія въ жилы или въ какую-то одну жилу, какой-то жидкости, предохраняющей трупъ отъ разложенія. Но вышло это неудачно. Такимъ образомъ опытъ новоизобрѣтеннаго бальзамированія оказался страшно неудачнымъ, что́ и произвело большое смущеніе и замѣшательство въ кругу тѣхъ, до кого это ближе относилось.

Трупъ государя сдѣлался жертвою разныхъ медицинскихъ ухищреній. Вся медицинская часть, т. е. часть бальзамированія, поручена была профессору Нароновичу, который постоянно и находился во дворцѣ съ толпою провизоровъ и аптекарей.

Между тѣмъ церемоніалъ перенесенія гроба изъ дворца въ Петропавловскій соборъ, т. е. самая существенная задача нашей коммиссіи, былъ приведенъ къ окончанію; экземпляры его, какъ я выше сказалъ, отнесены Гурьевымъ къ государю и императрицѣ и за тѣмъ разосланы во всѣ тѣ вѣдомства и части, которыя должны были принять въ исполненіи его какое-либо участіе. Церемоніалъ этотъ былъ почти повтореніемъ церемоніала, дѣйствовавшаго при погребеніи императора Александра; тѣмъ не менѣе, въ немъ тотчасъ былъ обнаруженъ одинъ, незначительный, впрочемъ, промахъ. Сколько помню, кажется, сенаторы въ погребальной процессіи поставлены были не на надлежащемъ мѣстѣ. Хотя все, что касалось до этого вопроса, цѣликомъ и безъ всякаго измѣненія перенесено было изъ прежняго церемоніала, тѣмъ не менѣе Гурьевъ, съ непостижимымъ въ этой личности смиреніемъ, призналъ промахъ этотъ принадлежа-

щимъ коммиссіи и даже самому себѣ. Отсюда образовалась замѣчательная сцена, при которой я присутствовалъ и которую живо помню.

Надобно замѣтить, что Гурьевъ, какъ всѣ пожилые люди, очень любилъ поболтать и о своемъ значеніи, и о своихъ подвигахъ, и о своихъ врагахъ. Часть его разсказовъ я буду еще имѣть случай привести ниже, въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь скажу только, что при обозрѣніи своей дѣятельности по Государственному Совѣту, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ департамента экономіи, онъ отзывался о Блудовѣ съ свойственною ему рѣзкостью и въ своихъ повѣствованіяхъ прямо выставлялъ его главнымъ своимъ врагомъ. Хотя повѣствованія эти были чрезвычайно подробны съ указаніемъ предмета дебатовъ между имъ и Блудовымъ и порядка, въ какомъ эти дебаты происходили, но они, конечно, не могли меня интересовать, и я былъ только невольнымъ слушателемъ, потому что не слушать было нельзя.

Однажды утромъ Блудовъ приходитъ къ намъ въ коммиссію, предъ дежурствомъ у гроба государя или послѣ дежурства, но только въ парадной формѣ. При самомъ входѣ, въ комнатѣ, которая раздѣляла канцелярію отъ кабинета Гурьева, и, считаясь пріемною, постоянно была биткомъ набита, Блудовъ встрѣтилъ Гурьева, который не любилъ сидѣть на мѣстѣ и постоянно почти ходилъ изъ своей комнаты въ канцелярію и изъ канцеляріи въ свою комнату. Послѣ обычныхъ первоначальныхъ фразъ, Блудовъ, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, коснулся ошибки въ церемоніалѣ. Гурьевъ вдругъ страшно вспылилъ, при чемъ, какъ всегда, глаза его налились кровью. «Да вы правы»,—сказалъ онъ раздраженнымъ тономъ,—«я сдѣлалъ ошибку. Но я посмотрѣлъ бы, сколько вы сдѣлали бы ошибокъ, если бы вамъ надо было сдѣлать въ такой срокъ такое дѣло. Впрочемъ, вы теперь въ полной формѣ; совѣтую вамъ, не теряя времени, отправиться теперь же къ государю и сдѣлать доносъ на меня. А меня извините: меня ожидаютъ дѣла». Съ этими словами онъ повернулся къ Блудову спиной и отправился въ свой кабинетъ. Эта странная и, можно сказать, неприличная сцена удивила всѣхъ присутствующихъ въ пріемной, гдѣ, конечно, было много лицъ, совершенно постороннихъ. Простые люди увидѣли, какъ люди

важные, графы и члены Государственнаго Совѣта, производятъ безцеремонно схватки между собою.

Наконецъ наступилъ торжественный день выноса. Надо сказать, что шествіе направлено было отъ дворца по Конно-Гвардейскому бульвару, къ Николаевскому мосту, оттуда по Васильевскому острову на Тучковъ мостъ, а оттуда по Петербургской сторонѣ къ Петропавловской крѣпости. День былъ ясный и морозный. Въ извѣстное время раздались извѣстные сигнальные выстрѣлы. Я оставался внутри дворца, который былъ буквально наполненъ духовенствомъ и знатнымъ народомъ, залитымъ въ золото. Въ назначенный моментъ все это тронулось, гробъ вынесенъ и поставленъ на великолѣпную колесницу; различныя части, расположенныя по пути, устроились на своихъ мѣстахъ, и погребальное шествіе открылось. Совершено оно съ большимъ порядкомъ, безъ всякихъ замѣшательствъ и даже довольно быстро, но блестящаго вида не имѣло.

При погребеніи императора Александра I всѣ участвующіе въ процессіи были въ траурныхъ мантіяхъ, которыя давали всему шествію стройный и истинно погребальный видъ. Одинъ обзоръ рисунковъ, въ которыхъ изображено погребеніе императора Александра, производитъ глубокое впечатлѣніе. При погребеніи императора Николая эта статья была отмѣнена, и потому шествіе должно было представлять мундирную пестроту. Этого мало. Такъ какъ день былъ довольно морозный—то разрѣшено было надѣть шинели, и тутъ уже всякая гармонія и изящество вида окончательно исчезли. Едва-ли нужно говорить, что весь путь процессіи залитъ былъ съ обѣихъ сторонъ народомъ. Хлопоты о добываніи хорошихъ мѣстъ по этому пути производились заблаговременно, и хозяева домовъ, лежащихъ на этой линіи, особенно на Петербургской сторонѣ, зашибли себѣ добрую копѣйку. На основаніи церемоніала, верховный маршалъ съ членами и чиновниками коммиссіи должны были слѣдовать въ концѣ процессіи, вслѣдъ за дворомъ и ближайшими къ покойному императору лицами; но гордый Гурьевъ не захотѣлъ идти, что̀ для него дѣйствительно было бы трудно, и онъ отправился въ соборъ въ каретѣ; большая часть членовъ: Борхъ, Хитрово, Кочубей, были въ тѣхъ мѣстахъ, какія назначены были имъ, по ихъ придворнымъ званіямъ, такъ что главными представителями Печаль-

ной коммиссіи въ этой процессіи были мы съ достойнымъ Гавріиломъ Степановичемъ; за нами слѣдовали К—е и другіе чиновники канцеляріи коммиссіи. Всѣ мы несли особые жезлы, изготовленные изобрѣтательностію К—е, съ золотыми орлами на верху. Всѣ мы намѣревались сохранить эти жезлы, какъ лучшее воспоминаніе о нашемъ участіи въ столь важномъ и торжественномъ событіи; но мои переѣзды на Кавказъ и обратно были причиною, что сначала золотой орелъ обратился въ куски, которые я все-таки старался сберечь, а потомъ и куски эти затерялись или исчезли невѣдомо куда.

Переносъ тѣла покойнаго государя изъ дворца въ Петропавловскій соборъ, какъ я выше сказалъ, составлялъ главную задачу Печальной коммиссіи. Какъ только перенесеніе это совершилось, верховный маршалъ окончательно засѣлъ дома. Всѣ дальнѣйшія распоряженія относительно погребенія исполнялись мною большею частію подъ личнымъ руководствомъ графа Адлерберга, который съ свойственною ему живостію болѣе самъ прибѣгалъ ко мнѣ въ коммиссію, чѣмъ требовалъ меня къ себѣ. Повторяю, что я не знаю никого другаго, съ кѣмъ бы было такъ пріятно и легко заниматься. Терпѣливый, деликатный, наконецъ, самъ лично трудолюбивый, онъ отчетливо передастъ все, что нужно, внимательно выслушаетъ все, что нужно, а наконецъ и самъ схватитъ перо и напишетъ, что нужно. Случалось, что, прибѣжавъ ко мнѣ въ коммиссію, онъ просиживалъ со мною болѣе часу за какимъ-нибудь вопросомъ или дѣломъ. Распредѣленіе часовъ, въ которые должны были допускаться разные классы публики ко гробу государя, именно было однимъ изъ такихъ вопросовъ, при чемъ держалъ перо, писалъ и перемарывалъ не я, а самъ графъ Адлербергъ.

Между тѣмъ все время какъ до погребенія, такъ и послѣ, до самаго закрытія коммиссіи, я постоянно являлся къ графу Гурьеву на домъ. Представленія мои происходили ежедневно часовъ въ 12, потому что Гурьевъ любилъ долго спать. Поѣздки мои къ нему составляли почти одну пустую форму, но нисколько не были вынуждены потребностями дѣла. Эти аудіенціи посвящались большею частію на разсказы Гурьева, относящіеся къ политической его исторіи. Изучивъ его характеръ, я и при этихъ,

уже полуоффиціальныхъ, свиданіяхъ, держался обычной своей манеры. Когда я входилъ, Гурьевъ обыкновенно или расхаживалъ по комнатѣ, или сидѣлъ у большаго стола, который большею частію былъ пустъ, но по нѣкоторымъ письменнымъ принадлежностямъ имѣлъ видъ рабочаго стола. При самомъ входѣ, я обыкновенно останавливался и спокойно ждалъ, когда мысли и вниманіе его остановятся на мнѣ. Часто расхаживая мимо меня и даже останавливаясь передо мной, онъ какъ будто не видѣлъ меня, и я оставался совершенно равнодушнымъ къ этой оригинальной манерѣ. Если же онъ сидѣлъ у стола, то большею частію углублялся въ любимое свое занятіе: точить старыя стальныя перья о какой-то оселокъ и потомъ пробовать ихъ. Когда теченіе его мыслей наконецъ ударяло на меня, онъ, какъ бы проснувшись, говорилъ: «а, любезный! садись».

Послѣ предварительныхъ дѣловыхъ фразъ разговоръ тотчасъ принималъ историческій характеръ, и Гурьевъ начиналъ разсказывать или о сшибкахъ своихъ съ Блудовымъ по Государственному Совѣту, или о какомъ-то блистательномъ военномъ дѣлѣ, которое онъ совершилъ, командуя ополченіемъ, кажется, въ Отечественную войну, или, наконецъ, про борьбу свою съ покойнымъ государемъ. Нѣкоторыя черты этой борьбы казались мнѣ замѣчательными, тѣмъ болѣе, что Гурьева нельзя было заподозрить въ желаніи хвастнуть и для этого исказить истину. Черты эти, кромѣ того, вполнѣ соотвѣтствовали моему понятію о столкновеніи такихъ желѣзныхъ характеровъ.

Дѣло было, сколько помню, въ томъ, что когда Гурьевъ былъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ нашелъ невозможнымъ исполнить какое-то важное распоряженіе, предписанное изъ Петербурга. Государь страшно разсердился, лишилъ его этого мѣста и назначилъ сенаторомъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, по словамъ Гурьева, гнѣвъ государя страшно подавлялъ его. Государь положительно не хотѣлъ видѣть его и слышать о немъ. Наконецъ, ужь не помню по какимъ обстоятельствамъ, государь допустилъ его къ себѣ, много говорилъ съ нимъ, помирился, обласкалъ самымъ милостивымъ образомъ; наконецъ, въ знакъ возстановленія мира, обнялъ его. Постараюсь дальнѣйшее описаніе этой сцены передать, по возмож-

ности, словами самого Гурьева: «счастливый и благодарный, я откланялся государю и пошелъ къ дверямъ; но прежде, нежели приблизился къ нимъ, услышалъ голосъ государя: «Гурьевъ, назадъ». Въ самомъ тонѣ этого голоса я замѣтилъ что-то гнѣвное и раздраженное, но когда я повернулся къ государю, я былъ пораженъ внезапною и страшною перемѣною его. Едва отпустивъ меня самымъ ласковымъ образомъ, онъ стоялъ уже теперь гнѣвный и грозный. Я не понималъ, что это значитъ и чѣмъ я могъ мгновенно прогнѣвить государя, который только-что снялъ съ меня многолѣтнюю опалу. Когда я приблизился къ нему, государь гнѣвно сказалъ: «ты все-таки думаешь, что ты правъ, а я неправъ?» — «Государь!» — отвѣчалъ я — «я никогда не сомнѣвался, чтобы Ваше Величество на одно мгновеніе отступили отъ справедливости; но я считаю величайшимъ для себя несчастіемъ, что въ этомъ случаѣ мои понятія и убѣжденія о справедливости не сходствуютъ со взглядомъ моего государя». — «Хорошо! ступай!» также гнѣвно сказалъ государь, и я снова подавленъ былъ прежней опалой».

При этомъ разсказѣ глаза Гурьева горѣли, и видно было, что онъ гордился этимъ моментомъ, который дѣйствительно исполненъ значенія и много говоритъ въ пользу истиннаго достоинства Гурьева. Немногіе, конечно, такъ, какъ онъ, рѣшились бы предпочесть стойкость своихъ убѣжденій милостямъ царя, да еще такого, какимъ былъ грозный Николай. Продолжая свои разсказы, Гурьевъ передалъ мнѣ, какъ наконецъ покойный государь все-таки оцѣнилъ его, сдѣлалъ членомъ Государственнаго Совѣта и осыпалъ почестями. Часто онъ переходилъ къ разсмотрѣнію моей личности и, осыпая ее всевозможными похвалами, укорялъ меня въ томъ, что мнѣ постыдно, съ моими талантами, «гнить», какъ онъ выражался, въ почтовомъ вѣдомствѣ и говорилъ, что мое мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, куда онъ меня и возьметъ при первой возможности. Эти похвалы и предвѣщанія были такъ сильны и убѣдительны, что, къ сожалѣнію, сбили меня немножко съ толку, такъ что я началъ уже свысока посматривать на почтовый міръ, который не замедлилъ за такое пренебреженіе пустить въ меня довольно чувствительную шпильку, какъ окажется впослѣдствіи. Почтовое вѣдомство графъ Гурьевъ бранилъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а къ доброму Прянишникову пи-

талъ какую-то ожесточенную злобу и награждалъ его такими именами, что мнѣ и повторять ихъ совѣстно. Случалось часто, что, приглашенный Гурьевымъ къ обѣду, я вынужденъ былъ выслушивать подобныя изъясненія въ значительномъ обществѣ знатныхъ людей и такимъ образомъ находился между двухъ крайностей: сознавать всю несправедливость обвиненій и нареканій, такъ грубо бросаемыхъ въ Прянишникова и вообще въ почтовое вѣдомство, и видѣть невозможность опровергнуть эти обвиненія въ кругу людей, въ глазахъ которыхъ слова мои, и по личной моей незначительности, и по принадлежности моей къ почтовому вѣдомству, не могли имѣть никакого значенія.

Здѣсь кстати упомянуть, что одна изъ дочерей Гурьева была замужемъ за Челищевымъ, который, во время Печальной коммиссіи, состоялъ чѣмъ-то при министерствѣ финансовъ. Я сказалъ уже, что право назначенія чиновниковъ въ составъ канцеляріи было Гурьевымъ отдано мнѣ; но было одно исключеніе, и именно въ пользу этого Челищева. Тестюшка, во имя фамусовскаго принципа «какъ не порадѣть родному человѣчку», возжелалъ лично присоединить своего зятя къ Печальной коммиссіи, что̀, конечно, и было исполнено. Челищевъ не принесъ существенной пользы. Но въ причисленіи его вовсе и не было рѣчи о пользѣ, какую принесетъ Челищевъ Печальной коммиссіи; напротивъ, вопросъ былъ въ томъ, чтобы Печальная коммиссія принесла пользу Челищеву, что̀ и было достигнуто, какъ окажется впослѣдствіи. Челищевъ, впрочемъ, былъ довольно пріятный человѣкъ. Жены его, однакоже, я никогда не видалъ, несмотря на то, что у Гурьева бывалъ ежедневно, а отъ него забѣгалъ довольно часто во второй этажъ, гдѣ жилъ Челищевъ. Но за то я слишкомъ много, такъ сказать, видѣлъ другую дщерь Гурьева, не замужнюю. Не знаю почему, но она почти постоянно присутствовала при моихъ докладахъ; но этого мало, что присутствовала, она даже вмѣшивалась въ сужденія, чѣмъ значительно сбивала папеньку. По всему замѣтно было, что она пользовалась большимъ его расположеніемъ и очень свободно позволяла себѣ входить, уходить, прерывать наши занятія и наконецъ впутываться въ нихъ.

Но пора обратиться къ моимъ разсказамъ о погребеніи госу-

даря. Со времени перенесенія его въ Петропавловскій соборъ происходили тамъ ежедневно, такъ же, какъ и во дворцѣ, торжественныя панихиды, по два раза въ день. Я почти постоянно присутствовалъ на нихъ. Панихиды эти дѣйствительно были торжественны. Присутствіе двора, съ одной стороны, массы золотыхъ мундировъ, съ другой — прелестная и изящная толпа придворныхъ дамъ въ глубокомъ траурѣ, великолѣпное пѣніе придворныхъ пѣвчихъ, — все это въ совокупности составляло явленіе, въ высшей степени замѣчательное. Вечернія панихиды, при свѣчахъ, особенно были поразительны. Наконецъ, герольды снова поѣхали по городу объявлять о днѣ погребенія. Когда наступилъ и этотъ день, я съ ранняго утра и до конца погребенія былъ въ соборѣ. Служба шла, конечно, торжественнымъ и величественнымъ образомъ. Во время отпѣванія я видѣлъ много слезъ на глазахъ присутствующихъ и самъ плакалъ. Странная вещь, какъ ни несправедливо распорядился относительно меня государь, я не потерялъ къ нему чувства любви и благоговѣнія, которое всегда имѣлъ. Онъ мнѣ всегда нравился и своимъ видомъ и своимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій. Можно сказать, что я — представитель русской натуры въ обширномъ смыслѣ слова, со всѣми достоинствами и недостатками этой натуры, а русскій человѣкъ не можетъ не симпатизировать молодецкой личности, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась. Покойный государь, конечно, былъ истинный молодецъ между государями. Но болѣе всѣхъ, безспорно, плакалъ молодой государь. Онъ буквально обливался слезами. Когда наступила минута переносить гробъ съ катафалка къ склепу, онъ первый взялся за скобу, а за нимъ братья и другіе члены императорской фамиліи. Перенесеніе это было затруднительно потому, что гробъ представлялъ величайшую тяжесть, чтó доказывалось красными и напряженными лицами толпы дворцовыхъ гренадеръ, скучившихся около гроба. Когда гробъ установленъ былъ на приготовленное въ склепѣ мѣсто, государь съ краснымъ и мокрымъ отъ слезъ лицомъ уѣхалъ, а за нимъ разъѣхались и всѣ, за исключеніемъ архитекторовъ и мастеровыхъ, столпившихся при склепѣ.

Казалось, все кончилось, но для меня далеко не все кончилось, напротивъ начиналась самая скучная, копотливая и продолжи-

тельная работа по сведенію счетовъ, чего стоило погребеніе покойнаго государя, и по составленію отчета для представленія новому государю. Отчету предназначено было дать такое изложеніе, чтобы онъ могъ служить на будущее время, при подобныхъ случаяхъ, яснымъ и положительнымъ руководствомъ для послѣдующихъ печальныхъ коммиссій, избавляя ихъ отъ всѣхъ недоумѣній и затрудненій, которыя мы испытали. Это, впрочемъ, не составляло для меня большой задачи, и стройный отчетъ былъ скоро готовъ. Другое дѣло было со счетами, которые раздѣлялись и распадались на тысячи частей, отъ меня независимыхъ.

Началось, конечно, съ истребованія этихъ счетовъ отъ разныхъ мѣстъ и лицъ, которое тотчасъ оказалось дѣломъ крайне затруднительнымъ. Части большаго двора, какъ напр. придворная и конюшенная конторы, представители которыхъ входили въ составъ нашей коммиссіи и слѣдовательно находились подъ вліяніемъ моихъ неотступныхъ требованій и напоминаній, были еще нѣсколько исправнѣе и довольно скоро доставили свои ужасающіе счеты, сопровождаемые безчисленнымъ множествомъ частныхъ счетовъ, представленныхъ разными поставщиками и подрядчиками.

Раздраженіе Гурьева, да и мое тоже, увеличивалось еще страшною медленностію, съ которою доставлялись эти счеты, медленностію, тѣмъ болѣе неумѣстною, что вслѣдъ за погребеніемъ самъ государь ожидалъ нашего отчета.

Когда, наконецъ, всѣ счеты были собраны мною, при помощи Юргенса, составленъ былъ систематическій отчетъ о всѣхъ издержкахъ, какихъ стоило погребеніе императора Николая. Помощь Юргенса была полезна мнѣ, какъ помощь простаго дѣльнаго рабочаго; въ художественномъ отношеніи, т. е. въ отношеніи изящнаго, такъ сказать, расположенія цифръ и выводовъ, онъ уже ничего не понималъ. Гурьевъ, по части внѣшней, остался совершенно доволенъ отчетомъ, хотя сущность его постоянно приводила его въ сильное раздраженіе. Я уже не помню цифры всѣхъ издержекъ, употребленныхъ на погребеніе государя, но помню, что она немногимъ уступала цифрѣ издержекъ по погребенію императора Александра. Гурьеву непремѣнно хотѣлось показать, что это явленіе происходитъ главнѣйше отъ размноженія маленькихъ дворовъ, и съ

этою цѣлью, независимо отъ подробнаго отчета, составленъ былъ кратчайшій, на одномъ листѣ, отчетъ, въ которомъ государь могъ видѣть сравнительную умѣренность частныхъ расходовъ и причину значительности общаго итога. Съ этимъ маленькимъ отчетомъ было очень много возни и потому особенно, что въ составленіе его вмѣшалась дочь Гурьева, которая сбивала съ толку отца, дѣлала свои предложенія и ставила меня въ самое затруднительное положеніе. Но все имѣетъ свой конецъ, такъ точно кончилось и составленіе нашего отчета. Когда онъ былъ совершенно готовъ, Гурьевъ предоставилъ мнѣ согласиться съ графомъ Адлербергомъ насчетъ порядка, какимъ онъ долженъ быть представленъ государю. Графъ сказалъ, что самое лучшее запечатать его въ пакетъ и отправить. Я такъ и сдѣлалъ.

Въ одно время съ составленіемъ отчета, шло составленіе наградныхъ списковъ членовъ и чиновниковъ коммиссіи и ближайшее соглашеніе по этой части графа Гурьева съ графомъ Адлербергомъ, для чего первый, числившійся больнымъ и никуда не выѣзжавшій, приглашалъ послѣдняго и не одинъ разъ къ себѣ въ домъ. Въ этихъ хлопотахъ для Гурьева были двѣ существенныя задачи: устройство Челищева, своего зятя, и хорошая награда мнѣ. Первое удалось лучше, чѣмъ второе. Нѣтъ сомнѣнія, что о Челищевѣ, по всей вѣроятности, самъ Гурьевъ хлопоталъ усерднѣе. Еще вѣроятнѣе, что исполненіемъ ходатайства Гурьева о Челищевѣ государь хотѣлъ наградить самого Гурьева, независимо отъ личной награды, которая ему была дарована. Однимъ словомъ, Челищевъ сдѣланъ былъ церемоніймейстеромъ двора, и, конечно, это была самая блестящая награда по нашей коммиссіи. Само собою разумѣется, что за такое, можно сказать, пристрастіе Гурьева порядкомъ доставалось ему отъ другихъ лицъ коммиссіи, показывавшихъ, конечно, кукишъ изъ кармана. Что касается до меня, то прежде всего надобно замѣтить, что во время моего участія въ дѣйствіяхъ Печальной коммиссіи я не имѣлъ рѣшительно никакихъ орденовъ. Гурьевъ громко заявлялъ и мнѣ и другимъ, что онъ будетъ требовать для меня прямо Владиміра на шею. Владиміра я и ждалъ спокойнымъ и увѣреннымъ образомъ, дѣйствительно сбитый съ толку блестящей обстановкой, меня окружавшей, и считавшій себя въ самомъ дѣлѣ достойнымъ

всевозможныхъ наградъ. Результатъ, однако, вышелъ совсѣмъ не тотъ. Совѣщанія Гурьева съ Адлербергомъ повели къ тому, что Владиміръ замѣненъ былъ Анной съ короной. Графъ Адлербергъ увѣрилъ графа Гурьева, что государь никакъ не рѣшится дать прямо Владиміра, и самое представленіе къ такой необыкновенной наградѣ сочтетъ неосновательнымъ. Такое соображеніе я именно и признаю той почтовой шпилькой, о которой упоминалъ выше. Обольщенный постояннымъ желаніемъ Гурьева взять меня въ Государственный Совѣтъ, я уже относился къ почтовому міру немножко высокомѣрно и по свойственной мнѣ искренности выражалъ, быть можетъ, увѣренность и въ перемѣщеніи, мнѣ предлагаемомъ, и въ блестящей наградѣ, меня ожидающей. Нѣтъ сомнѣнія, что добрый, но немножко хитрый Прокоповичъ при постоянныхъ свиданіяхъ съ графомъ упомянулъ о моихъ увлеченіяхъ и прибавилъ, что такая награда, на какую я разсчитываю, удивитъ все почтовое вѣдомство и возбудитъ ропотъ и неумѣренныя ожиданія въ другихъ. Это предположеніе подтверждалось многоразличными признаками, хотя очень неясными и малоуловимыми. Какъ бы то ни было, я былъ представленъ къ Аннѣ съ короной, а государь, внимательно разсматривающій всѣ представленія и убавляющій размѣръ наградъ, вездѣ, гдѣ только можно убавить, далъ мнѣ просто Анну. Я былъ страшно недоволенъ и даже не хотѣлъ носить этого ордена, тѣмъ болѣе, что въ то время онъ раздавался всѣмъ самымъ щедрымъ образомъ и потому потерялъ совершенно всякую цѣну. Большая часть столоначальниковъ ходили съ Анной на шеѣ, что особенно меня конфузило. Но съ одной стороны замѣчанія добрыхъ людей, что такой открытый протестъ не поведетъ къ добру, а съ другой всеохлаждающее время произвели то, что, сильно погорячившись сначала, я потомъ успокоился за невозможностію сдѣлать что-нибудь иное. Надо прибавить, что графъ Гурьевъ горячо выражалъ мнѣ сожалѣніе, что онъ не умѣлъ вознаградить меня, какъ бы слѣдовало, и увѣрялъ, что онъ все исправитъ въ будущемъ, а графъ Адлербергъ, при представленіи моемъ, сказалъ любезно: «я искренно желалъ другаго, но что дѣлать?»

Говорить о наградахъ, данныхъ другимъ лицамъ коммиссіи, считаю излишнимъ. Такъ кончились мои дѣйствія въ дѣлѣ погре-

бенія императора Николая. Графъ Гурьевъ благодарилъ за меня почтовое начальство, а оно передало мнѣ эту благодарность особою бумагою въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Верховный маршалъ Печальной коммиссіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Гурьевъ, отзываясь объ исполненіи Вами съ точностію и быстротою всѣхъ обязанностей, сопряженныхъ съ должностію правителя канцеляріи, присовокупляетъ, что дѣятельностію и распорядительностію Вы пріобрѣли особенное его вниманіе, и при этомъ выражаетъ душевную благодарность за назначеніе въ коммиссію столь опытнаго и достойнаго чиновника».

Впослѣдствіи, когда я уже отправился на Кавказъ, именно отъ 8 апрѣля 1857 года, графъ Гурьевъ прислалъ мнѣ туда нижеслѣдующую бумагу:

«Министръ императорскаго двора препроводилъ ко мнѣ, по высочайшему повелѣнію, описаніе погребенія блаженныя памяти императора Николая I, съ принадлежащими къ нему рисунками для членовъ Печальной коммиссіи и откомандированныхъ въ оную чиновниковъ. Во исполненіе сего имѣю честь препроводить къ Вамъ одинъ таковой экземпляръ и покорнѣйше прошу о полученіи онаго меня увѣдомить».

На этихъ рисункахъ, составляющихъ довольно толстую тетрадь, изображена вся погребальная процессія, подобно тому, какъ такіе же рисунки сдѣланы при предшествующихъ погребеніяхъ царей и царицъ.

Кстати о царицѣ. Въ теченіе почти всего времени, какъ устроивалось погребеніе императора Николая, императрица Александра Ѳеодоровна была больна, и болѣзнь ея часто достигала степени, весьма сильной и опасной. Кажется, публичныхъ бюллетеней о состояніи ея здоровья не выходило, но дворцовые бюллетени поселили почти убѣжденіе, что вслѣдъ за погребеніемъ государя произойдетъ другое погребеніе. Всегда болѣзненная, императрица, въ этотъ періодъ, была положительно на краю гроба, и всѣ полагали, что она поступитъ точно такъ же, какъ императрица Елизавета Алексѣевна, которая скончалась вслѣдъ за мужемъ. Наша Печальная коммиссія имѣла увѣренность, что прежде, нежели она кончитъ одно дѣло, на нее возложено будетъ другое. Однакоже всѣ эти опасенія, предположенія не оправдались.

Въ заключеніе этого періода надо сказать, что, увлеченный скоро

послѣ того княземъ Барятинскимъ на Кавказъ, я долженъ былъ оставить, по крайней мѣрѣ, на время всѣ петербургскіе интересы, а въ томъ числѣ и предсказанія графа Гурьева о перемѣщеніи моемъ въ Государственный Совѣтъ. Тѣмъ не менѣе, во время появленій моихъ въ Петербургѣ, я считалъ не лишнимъ посѣщать его и едва-ли не при первомъ посѣщеніи нашелъ уже его разбитымъ параличемъ, съ отнявшеюся рукою. Я, конечно, понялъ, что всѣ разсчеты мои съ нимъ покончены, и думалъ скоро услышать о его кончинѣ. Но сильный физическою натурою онъ тянулъ еще долго свое существованіе...

ГЛАВА XIV.

Пріѣздъ князя въ Петербургъ въ началѣ новаго царствованія. — Причины исчезновенія его съ Кавказа.—Муравьевъ.—Его знаменитое письмо къ Ермолову и вообще его бестактность.—Отношенія его къ князю. — Петербургскіе толки по случаю пріѣзда князя.—Знаменитая подруга князя.—Желаніе князя знать народное мнѣніе о новомъ царѣ.—Серьезныя занятія князя въ этотъ періодъ.—Мои труды по части развитія его идей.—Оригинальная затѣя князя по отношенію къ фамильнымъ дѣламъ.—Образцы его государственнаго ума.—Преобразованіе кавказской арміи. — Первое знакомство князя съ М.—нымъ. — Разсмотрѣніе княземъ всѣхъ кавказскихъ вопросовъ. — Совокупныя усилія князя и Буткова свалить Муравьева.—Мои поѣздки въ Царское Село къ князю.—Его постоянныя желанія увлечь меня на Кавказъ.

Едва я вышелъ изъ этого погребальнаго, такъ сказать, міра, какъ привлеченъ былъ къ кавказскому міру.

Скоро послѣ окончанія моихъ занятій въ Печальной коммиссіи, княгиня Марья Өедоровна Барятинская, зная мои отношенія къ князю Александру Ивановичу, увѣдомила меня, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Я выше уже говорилъ, какое впечатлѣніе произвело здѣсь это извѣстіе и особенно между царедворскими его пріятелями. Всѣ думали, что самъ государь его требуетъ, чтобъ имѣть въ немъ вѣрнаго друга и ближайшаго совѣтника. Но это было далеко не такъ. Во время пребыванія моего на Кавказѣ, изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ я узналъ, что Муравьевъ, назначенный послѣ Воронцова намѣстникомъ кавказскимъ, пріѣхалъ туда съ сильнымъ предубѣжденіемъ противу существующихъ тамъ распорядковъ и еще съ бо́льшимъ предубѣжденіемъ лично противъ князя Барятинскаго.

Быть можетъ, этотъ Муравьевъ и имѣлъ какія-либо дѣйствительныя достоинства, но всѣ дѣйствія его по отношенію къ Кавказу отличались непостижимою безтактностью. Началось съ извѣстнаго письма его къ Ермолову, написаннаго имъ съ дороги, прежде, нежели онъ вступилъ въ управленіе краемъ. Въ письмѣ этомъ, которое умышленно или неумышленно, сдѣлалось тотчасъ извѣстнымъ всему Кавказу, онъ обругалъ кавказскую армію, называлъ ее изнѣженною и вообще проводилъ ту мысль, что съ большими средствами не дѣлается того, что нѣкогда, при Ермоловѣ, совершалось средствами ничтожными. На это письмо Кавказъ отвѣчалъ Муравьеву своимъ письмомъ, которое также сдѣлалось общеизвѣстнымъ. Авторомъ этого письма считается любимецъ князя Барятинскаго, о которомъ я выше говорилъ, князь Святополкъ-Мирскій; но это не совсѣмъ такъ: мнѣ извѣстно, что оно составляетъ произведеніе нѣсколькихъ передовыхъ, такъ сказать, людей Кавказа и преимущественно самаго краснаго изъ нихъ, Ѳадеева, владѣющаго обширнымъ образованіемъ, истиннымъ литературнымъ дарованіемъ и вообще человѣка, очень замѣчательнаго, о которомъ я упоминалъ уже и о которомъ мнѣ, конечно, придется говорить много и много. Въ этомъ письмѣ, исполненномъ солидности и достоинства, Муравьевъ отдѣланъ былъ великолѣпнымъ образомъ. Мысль этого письма, сколько помню, заключалась въ томъ, что кавказская армія съ добрыми чувствами ожидала своего новаго начальника, имѣющаго столь высокое значеніе въ военномъ мірѣ, и надѣялась, что онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, оцѣнитъ ея достоинства, но что неблагопріятный его отзывъ поставилъ ее въ недоумѣніе: какимъ образомъ такой опытный военный человѣкъ рѣшился сдѣлать такой отзывъ прежде, нежели ознакомился съ нею, что, вообще, если онъ имѣетъ славную репутацію, то и кавказская армія имѣетъ таковую же и т. п.

Такимъ образомъ, непріязненныя дѣйствія между Муравьевымъ и Кавказомъ открылись прежде, нежели онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ. Ему повредило въ нѣкоторой степени и то, что онъ въѣхалъ туда съ извѣстіемъ о смерти императора Николая. На первоначальныхъ пріемахъ онъ говорилъ многимъ сразу ѣдкія и непріятныя вещи. Однимъ словомъ, самые первые шаги его были самые неудачные, а потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ пошло хуже. Къ различнымъ націо-

нальностямъ, изъ которыхъ состоитъ Кавказъ, онъ не имѣлъ никакого уваженія. Такъ, напримѣръ: на своихъ пріемахъ, распекая какого-нибудь полковника изъ великороссіянъ, онъ прибавлялъ: «это такъ гадко, что даже и армянинъ не сдѣлаетъ», тогда какъ зала полна была значительными лицами, гражданскими и военными, изъ армянъ. При докладахъ онъ проявлялъ солдатскую грубость, вообще стараясь походить на Суворова. Такъ, напримѣръ: онъ любилъ русскую баню и въ банѣ заставлялъ дѣлать себѣ доклады. Потомъ, мнительный и нерѣшительный, онъ запрудилъ всѣ дѣла, особенно гражданскія, и не утверждалъ ни одного доклада, требуя безконечныхъ справокъ и дополненій. Съ княземъ Барятинскимъ, который былъ начальникомъ главнаго штаба, обходился грубо и неприлично: заставлялъ по нѣскольку часовъ дожидаться въ пріемной, требовалъ его по ночамъ и потомъ, когда тотъ являлся, говорилъ, что теперь уже не нужно; при докладахъ не приглашалъ садиться и т. д. Отсюда возникла всеобщая ненависть къ Муравьеву, которая постоянно росла и распространялась между всѣми классами и сословіями. Лица позначительнѣе положительно стали ему дѣлать грубости, а наконецъ, по словамъ самого князя, дошло до того, что и солдаты на обычное привѣтствіе начальника перестали отвѣчать. Вообще, трудно представить болѣе непріятную память, нежели ту, какую оставилъ по себѣ Муравьевъ на Кавказѣ.

Къ сожалѣнію, вникая во всѣ разсказы, которые мнѣ довелось слышать о немъ, я не могъ не замѣтить, что эта ненависть имѣла источникомъ одну безтактность его, неумѣнье обходиться съ людьми и особенно управлять ими. Во всѣхъ этихъ разсказахъ нѣтъ ничего такого, чтò бы представляло его человѣкомъ нечестнымъ или недобрымъ. Никакого поступка нечистаго съ его стороны я не знаю, точно также я не знаю ни одного поступка, который проявлялъ бы его злобу. Повидимому, это былъ просто человѣкъ тяжелый и непріятный, особенно по сравненію съ Воронцовымъ, какъ всѣ утверждаютъ, этимъ типомъ деликатности, вѣжливости и самыхъ обольстительныхъ манеръ, хотя подъ этими манерами часто скрывались, какъ я сказалъ уже, когти.

Какъ бы то ни было, во все время сношеній съ Муравьевымъ, князь Барятинскій, по общимъ отзывамъ, держалъ себя восхити-

тельно, онъ терпѣливо выстаивалъ по нѣскольку часовъ въ пріемной Муравьева и вообще имѣлъ видъ самаго почтительнаго подчиненнаго. Умный, ловкій, значительно хитрый, я полагаю, что онъ даже немного кокетничалъ въ этомъ положеніи, столь не свойственномъ ни его имени, ни его значенію, наконецъ, ни тому баловству, можно сказать, въ которомъ онъ плавалъ предъ тѣмъ при Воронцовѣ. Понятно, что, по мѣрѣ развитія нерасположенія и ненависти къ Муравьеву, Барятинскій выросталъ въ глазахъ мѣстнаго общественнаго мнѣнія, и на немъ сосредоточивались надежды, какъ на будущемъ намѣстникѣ. Потому ли, что дальнѣйшія отношенія къ Муравьеву сдѣлались нестерпимы, или потому, что князь разсчитывалъ, что дѣла его въ Петербургѣ лучше могли обдѣлаться, онъ рѣшился оставить Кавказъ и явиться сюда. Его провожали увѣренностью, смѣло высказываемою, что онъ скоро вернется намѣстникомъ. Самъ Муравьевъ не чуждъ былъ этой увѣренности. Князь Александръ Ивановичъ разсказывалъ мнѣ, что при этомъ отъѣздѣ Муравьевъ желалъ купить у него фортепьяно или рояль, не помню ужь положительно, что именно. Когда зашла рѣчь о цѣнѣ, Муравьевъ сказалъ: «по той же цѣнѣ, какую вы назначите, я вамъ и отдамъ эту вещь, когда вы пріѣдете на мое мѣсто, чтó, конечно, не замедлится».—«Въ такомъ случаѣ»,—сказалъ князь,—«я желаю, чтобы она потеряла отъ времени какъ можно болѣе цѣнности и мнѣ бы пришлось платить дешевле».

Одного обстоятельства я не могу согласить. Хотя въ формулярѣ князя нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы поѣздка его состоялась съ высочайшаго разрѣшенія, тѣмъ не менѣе, я не полагаю, чтобы она могла послѣдовать безъ этого разрѣшенія. между тѣмъ, я хорошо помню слова князя, что появленіе его здѣсь было непріятно государю и особенно (какъ онъ прибавилъ) императрицѣ. Во всякомъ случаѣ изъ этихъ словъ видно, какъ дѣйствительные факты, относящіеся къ его пріѣзду сюда, мало согласовались съ общественными толками, тогда существовавшими.

Князь пріѣхалъ сюда въ концѣ мая или началѣ іюня 1855 года и 6 іюня назначенъ состоять при Его Императорскомъ Величествѣ съ отчисленіемъ отъ должности начальника штаба войскъ, на Кавказѣ находящихся. Я, кажется, говорилъ уже, а теперь вновь по-

вторю, что пріѣздъ его сюда произвелъ страшный шумъ и волненія въ высшихъ сферахъ Петербурга, и на князя Барятинскаго смотрѣли, какъ на будущаго могущественнаго временщика. Я самъ такъ смотрѣлъ и именно подъ вліяніемъ этого убѣжденія рѣшился не являться къ нему дотолѣ, пока старый камердинеръ его, Новиковъ, не пришелъ ко мнѣ и не передалъ, что князь ежедневно спрашиваетъ обо мнѣ. Остановился онъ тогда, на первое время, въ домѣ, ему же принадлежащемъ, на Большой Милліонной, но занимаемомъ братомъ Владиміромъ, который, въ моментъ пріѣзда князя, былъ съ семействомъ гдѣ-то на дачѣ или за границей. Впослѣдствіи, сколько для того, чтобъ освободить этотъ домъ для брата, а еще болѣе для того, чтобы свободно предаваться интимнымъ сношеніямъ съ своей подругой, знаменитой А—ой М., которой онъ предложилъ слѣдовать за нимъ изъ Тифлиса также въ Петербургъ, — онъ нанялъ себѣ, въ той же Милліонной, только на другой сторонѣ, другой домъ, не помню чей, въ которомъ и жилъ все время до отъѣзда изъ Петербурга.

Объ этой красавицѣ А. М—ой считаю нужнымъ сказать здѣсь же нѣсколько словъ. Оставшись послѣ мужа молодой и красивой вдовой, А. М—ая сошлась съ княземъ Барятинскимъ. Она пріѣхала вслѣдъ за Барятинскимъ и въ Петербургъ. Нѣтъ сомнѣнія, что князь, разсказывая о своемъ предположеніи жениться въ 60 лѣтъ и жениться на женщинѣ опытной, что̀ мнѣ казалось сначала шуткой, — имѣлъ въ виду А. М—ую и намѣревался вознаградить такимъ образомъ ея продолжительную привязанность. И нѣтъ сомнѣнія, что А. М—ая была бы княгинею Барятинскою, если бы не явились обстоятельства, которыя разрушили и эту связь, и эти предположенія, и увлекли князя по этой части на другой путь, столь же быть можетъ неожиданный для него самого, сколько поразительный для всѣхъ, кто слѣдилъ, какъ я, за всѣми перемѣнами и явленіями его политической и частной жизни. Но всѣ эти обстоятельства сами собою выдвинутся, когда я погружусь мысленно въ кавказскую жизнь, а теперь обращаюсь къ Петербургу.

При первыхъ моихъ свиданіяхъ съ княземъ Александромъ Ивановичемъ, онъ, прежде всего, подробно и внимательно разспрашивалъ меня, что̀ толкуютъ въ Петербургѣ о новомъ государѣ, т. е. о

его умѣ, характерѣ, чего отъ него ожидаютъ и т. п.; однимъ словомъ, какимъ образомъ относится общественное мнѣніе къ новому царствованію. Вопросы эти, дѣйствительно, исполнены были глубокаго значенія. Кто изъ моихъ современниковъ не знаетъ такъ же, какъ и я, что въ царствованіе покойнаго государя, наслѣдникъ его, нынѣшній государь, не выдавался рѣшительно ничѣмъ впередъ, и репутація его исполнена была самой безцвѣтной неопредѣленности. Знали и говорили, что онъ очень добръ и только. Со стороны тѣхъ качествъ, которыя давали возможность сколько-нибудь опредѣлить въ немъ будущаго царя —рѣшительно не было ничего. Конечно, въ желѣзное царствованіе Николая, вообще никакія проявленія личной самостоятельности не допускались, тѣмъ не менѣе, въ Петербургѣ ходило множество разсказовъ о блистательныхъ зачаткахъ ума и характера, проявляемыхъ съ ранняго дѣтства великимъ княземъ Константиномъ; въ разсказахъ этихъ приводились замѣчательные отвѣты при извѣстныхъ случаяхъ, отвѣты, которые пророчили въ немъ будущаго генія; въ этихъ же разсказахъ прибавлялось, что за излишнюю пылкость его ему не разъ порядкомъ доставалось отъ суроваго батюшки. Не буду повторять этихъ разсказовъ, болѣе или менѣе сомнительныхъ; но вотъ что́ разсказывалъ мнѣ князь Барятинскій. Однажды, когда дворъ былъ въ Гатчинѣ, гдѣ по установившимся обычаямъ всѣ придворныя церемоніи ослабляются и жизнь императорскаго семейства принимаетъ, въ кругу самыхъ приближенныхъ лицъ, болѣе простой характеръ,—князь былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая. Въ какой-то залѣ собралось нѣсколько придворныхъ и въ ожиданіи государя пустились въ различныя шалости. Великій князь Константинъ былъ тутъ же и предпринялъ уронить на полъ какого-то довольно почтеннаго господина, фамиліи уже не припомню. Стулъ ли онъ выдернулъ изъ-подъ него, или ногу ему подставилъ, тоже не помню, только господинъ этотъ повалился. Одни засмѣялись, другіе смутились. Но бѣда была въ томъ, что во время продѣлки этой штуки государь шелъ по корридору, ведущему въ эту залу, и все видѣлъ. Войдя въ залу, государь подошелъ прямо къ шалуну, ни слова не говоря, больно выдралъ его за волосы.

Какъ бы то ни было, о Константинѣ, такъ или иначе, много

говорили; о наслѣдникѣ или вовсе не говорили или говорили очень мало и въ томъ, что̀ говорили, не было ничего блестящаго. Вообще въ немъ предвидѣли государя добраго; Константина, напротивъ, считали человѣкомъ, рожденнымъ для большихъ государственныхъ дѣлъ. Такое именно положеніе сохранялось и первое время по вступленіи нынѣшняго государя на престолъ. Во время занятій моихъ дѣлами Печальной коммиссіи, я хотя и слышалъ, что государь сказалъ великолѣпную рѣчь дипломатическому корпусу, исполненную ума и энергіи, и что вообще первоначальные его шаги ознаменовывались кротостью и благоразуміемъ, однакоже, рельефнаго ничего не было, что̀ бы знаменовало уже преобразователя и благодѣтеля Россіи. Само собою разумѣется, что все, что̀ я зналъ по этой части, я передалъ князю съ свойственною мнѣ искренностью. Осыпая меня вопросами, князь прибавлялъ: «все это мнѣ нужно знать. Понимаете?» Я понималъ такъ, что онъ готовится, согласно общему предположенію, править государемъ и государствомъ.

Существенною чертою моихъ отвѣтовъ было общее опасеніе излишней слабости государя. Когда потомъ, въ дружеской бесѣдѣ, я передавалъ Хрущову мои разговоры съ Барятинскимъ, тотъ сильно осуждалъ меня за этотъ отличительный характеръ моихъ отвѣтовъ. «Смотрите, батюшка, надѣлаете вы дѣла. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ слабымъ людямъ ставить на видъ ихъ слабость. Тогда они переходятъ совершенно въ противуположную крайность». Я, конечно, не знаю, какое употребленіе дѣлалъ князь изъ моихъ свѣдѣній, но, благодареніе Богу, нынѣшній государь не только не утратилъ своей, истинно ангельской доброты, но явилъ такія качества и дарованія, которыхъ никто не ожидалъ и которыя создадутъ ему вѣчную славу въ исторической жизни русскаго народа.

Трудно сказать, имѣлъ ли, и какую именно, опредѣлительную цѣль князь Барятинскій, пріѣхавъ сюда и ставъ подлѣ царя. Въ то время, когда общее мнѣніе смотрѣло на него, какъ на человѣка, которому предназначено имѣть вліяніе на общія дѣла Россіи, едва-ли онъ не имѣлъ въ виду исключительно своего любимаго Кавказа, стремясь окончательно забрать его въ свои руки. Во всякомъ случаѣ, онъ видимо старался проявить себя именно со стороны государственной и работалъ чрезвычайно усердно и много, т. е. рабо-

талъ головой; все остальное дѣлалось моими руками, и я безъ преувеличенія могу сказать, что никогда мое положеніе, въ смыслѣ работъ, не было такъ затруднительно, какъ въ этотъ періодъ. Я, сказалъ уже, что въ почтовомъ департаментѣ на моихъ рукахъ было самое сложное и трудное отдѣленіе, занятія котораго неимовѣрно увеличились по случаю войны; но казенныя работы не шли ни въ какое сравненіе съ работами, которыя постоянно и безпрерывно заказывалъ мнѣ князь Барятинскій: тамъ у меня были сотрудники, здѣсь я долженъ былъ все дѣлать самъ. Еслибы я не имѣлъ столько истинной привязанности къ князю и еслибы, съ другой стороны, надѣленный непостижимымъ даромъ владѣть и играть людьми, онъ не очаровывалъ меня безчисленными знаками пріязни — я никогда бы и ни за что не согласился нести такого мучительнаго положенія.

Родъ этихъ занятій былъ очень разнообразенъ, хотя, въ общемъ видѣ, имѣлъ характеръ кавказскій, тѣмъ болѣе, что самъ государь велѣлъ всѣ кавказскіе вопросы передавать изъ военнаго министерства предварительно Барятинскому.

Приступая къ обозрѣнію государственной дѣятельности князя Александра Ивановича за этотъ періодъ, я невольно останавливаюсь предъ вопросомъ: могу ли я сдѣлать это обозрѣніе удовлетворительно въ той степени, чтобы показать умъ и пріемы этого замѣчательнаго человѣка? Дѣла и занятія наши были такъ разнообразны, времени съ тѣхъ поръ, какъ мы были углублены въ нихъ, прошло такъ много, наконецъ, въ то время я такъ далекъ былъ отъ мысли писать свои записки, что все это въ совокупности подрѣзываетъ мнѣ, такъ сказать, крылья и дѣлаетъ меня слабымъ именно по отношенію къ вопросу, наиболѣе важному, къ вопросу о Барятинскомъ, какъ дѣятелѣ государственномъ.

Я выше говорилъ уже, что личность эта, со стороны ума и талантовъ, на первый разъ всегда производила довольно бѣдное впечатлѣніе. Если поставить Барятинскаго, особенно въ какомъ-нибудь людномъ собраніи, лицомъ къ лицу съ ничтожнѣйшимъ изъ министровъ — онъ непремѣнно потерпитъ пораженіе. Мало знакомый съ существующимъ административнымъ порядкомъ, еще менѣе знакомый съ различными рутинными пріемами и воззрѣніями, неподражаемый разсказчикъ въ своемъ интимномъ кружкѣ, но самый пло-

хой ораторъ въ обществѣ—онъ неизбѣжно явится человѣкомъ ограниченнымъ. Отсюда происходитъ, что никогда репутація его не была въ уровень съ настоящими его достоинствами. Дѣла его на Кавказѣ относили къ счастью или къ талантамъ его сотрудниковъ: Евдокимова, Милютина, а когда онъ оставилъ Кавказъ, то стали вновь говорить, что онъ никогда не былъ и не могъ быть замѣчательнымъ и даровитымъ человѣкомъ. Между тѣмъ въ этомъ человѣкѣ, при многихъ, конечно, недостаткахъ, были такія дарованія, коихъ нѣтъ и въ соединеніи цѣлой и ничтожной толпы нашихъ такъ называемыхъ государственныхъ людей. Я видѣлъ много людей этого разряда и могу съ нѣкоторою опытностію и знаніемъ дѣла судить о ихъ безграничномъ ничтожествѣ предъ Барятинскимъ. Тамъ, гдѣ дѣло шло объ истинномъ творчествѣ, которое должно быть присуще истинному государственному человѣку, о свѣтлыхъ воззрѣніяхъ на сущность дѣла, о геніальной проницательности послѣдствій, къ которымъ та или другая мѣра поведетъ — Барятинскій былъ поразителенъ.

Но я вполнѣ сознаю, что однихъ словъ моихъ весьма недостаточно, чтобы составить Барятинскому блестящую славу въ потомствѣ, особенно, когда большинство общественнаго мнѣнія не на его сторонѣ. Знаю также, что мало будетъ и того, если я засвидѣтельствую, что словами моими руководитъ чистое убѣжденіе, полнѣйшая справедливость и независимое безпристрастіе, а отнюдь не чувство какой-либо личной привязанности или благодарности, тѣмъ болѣе, что собственно чувство это, съ теченіемъ времени и въ силу различныхъ обстоятельствъ, о которыхъ рѣчь впереди, значительно ослабѣло. Сознавая все это, я и сожалѣю, что не запасся въ свое время нужными матеріалами и данными, которые, лучше всякихъ словъ, могли бы подтвердить и оправдать мое воззрѣніе на Барятинскаго. Но частію по воспоминаніямъ, частію по нѣкоторымъ изъ ежедневныхъ записокъ, которыми осыпалъ меня въ то время Барятинскій, я постараюсь привести здѣсь слабый очеркъ хотя нѣкоторыхъ дѣлъ, которыми онъ тогда занимался, устраняя здѣсь всякую систему и хронологическій порядокъ.

Важнѣйшимъ изъ этихъ дѣлъ было, конечно, преобразованіе Кавказской арміи. Въ безконечныхъ бесѣдахъ со мною, князь Але-

ксандръ Ивановичъ часто касался неудобствъ существовавшаго прежде раздѣла Кавказа на военные отдѣлы. Понятно, что одно уваженіе къ князю заставляло меня держать себя такъ при этихъ обозрѣніяхъ, какъ-будто я въ самомъ дѣлѣ проникался этими неудобствами и сознаніемъ необходимости устранить ихъ. Въ дѣйствительности же, не зная Кавказа, не понимая военнаго дѣла, могъ ли я интересоваться подобными, совершенно чуждыми для меня во всѣхъ отношеніяхъ соображеніями? Помню, однакоже, что, по словамъ князя, различные мѣстные начальники, дѣйствуя большею частію отдѣльно, не имѣли никакой общности дѣйствій, а напротивъ, когда кто-нибудь предприметъ какое-нибудь дѣло и для его успѣха потребуетъ помощь сосѣда, то тотъ считаетъ долгомъ не только не помочь, но непремѣнно, по выраженію князя, напакостить. Помню также, что, по мнѣнію князя, необходимо было, чтобы Кавказъ раздѣленъ былъ на большіе военные отдѣлы, чтобы всѣ части, заключающіяся въ этихъ отдѣлахъ, сосредоточивались въ подчиненіи и распоряженіи главныхъ начальниковъ отдѣловъ, а эти начальники, въ свою очередь, дѣйствовали подъ руководствомъ главнокомандующаго.

Въ тотъ періодъ, о которомъ говорю, князь поднялъ этотъ вопросъ и сильно имъ заинтересовался. Однажды князь сказалъ мнѣ: «Мы катались съ государемъ верхомъ, и я разсказалъ ему все, что̀ вы знаете. Государь сказалъ: какъ это хорошо. Напиши все это мнѣ на бумагѣ. Теперь придется намъ съ вами много поработать. Впрочемъ, всѣ черновые матеріалы мнѣ будутъ доставлены военнымъ вѣдомствомъ». И дѣйствительно на насъ посыпались какія-то тетради по части артиллерійской, инженерной и т. п. Я не знаю, чѣмъ объяснить рѣшимость князя обдѣлывать со мной и этотъ спеціальный вопросъ: увѣренностью ли, преходящею за границы, въ моихъ способностяхъ или неимѣніемъ другихъ лучшихъ работниковъ. Какъ бы то ни было, я дѣлалъ въ этомъ темномъ для меня вопросѣ все, что̀ могъ; но наши сочиненія встрѣчали значительный отпоръ въ какомъ-то комитетѣ или совѣтѣ, гдѣ разсматривался этотъ вопросъ.

Часто, показывая мнѣ тетрадь возраженій, князь говорилъ мнѣ: «Тамъ есть М—ъ. Это онъ все меня катаетъ!» М—а я тогда лично

не зналъ, но слышалъ о немъ, какъ о самомъ сильнѣйшемъ знатокѣ военнаго дѣла, и потому при первомъ же изъ подобныхъ примѣчаній князя, сказалъ ему:

— Извѣстно ли вашему сіятельству, что это знаменитость военнаго міра?

— Да, —холодно отвѣчалъ князь,—кажется, умный и пріятный человѣкъ!

Очевидно было, что дотолѣ князь или вовсе не зналъ М—а, или зналъ очень мало, и что только этотъ споръ положилъ основаніе ближайшимъ ихъ сношеніямъ.

Какимъ путемъ шелъ далѣе этотъ вопросъ, я уже не знаю; знаю только, что съ назначеніемъ князя намѣстникомъ, кавказскія войска переименованы въ Кавказскую армію именно съ тѣми распредѣленіями и распорядками, какіе предназначены были княземъ. Въ бытность мою на Кавказѣ, я слышалъ отъ многихъ, что преобразованіе это совершено на самыхъ вѣрныхъ и практическихъ основаніяхъ, и что оно-то преимущественно и повело къ успѣхамъ покоренія страны. Тамъ же, осыпая меня часто самыми лестными похвалами, онъ говорилъ при другихъ: «Онъ мнѣ во всемъ помощникъ. Мы съ нимъ и армію преобразовали». Ручаясь за точность этихъ словъ, я не только не ручаюсь за такой обширный размѣръ моего участія въ этомъ дѣлѣ, но даже просто отвергаю его. Я просто былъ редакторомъ идей самого князя, редакторомъ, блуждавшимъ въ предѣлахъ невѣдомаго ему міра.

Другимъ, по мнѣнію князя Барятинскаго, важнымъ дѣломъ былъ проектъ его о порядкѣ наградъ военнымъ лицамъ. Барятинскій говорилъ, что въ военномъ быту положеніе полковаго командира чрезвычайно важно какъ по отношенію къ дисциплинѣ, такъ и по отношенію къ боевымъ дѣйствіямъ. Полковой командиръ ближайшій попечитель о нуждахъ своего полка, ближайшій цѣнитель достоинствъ и заслугъ каждаго. Полковой командиръ есть центръ и основаніе своего полка. Поэтому значеніе полковаго командира должно быть сохранено въ полнѣйшей неприкосновенности и для блага войска, и для блага государства, между тѣмъ какъ, при существующихъ обстоятельствахъ, значеніе это колеблется и умаляется болѣе и болѣе. Одна изъ главныхъ причинъ этого вреднаго явленія

заключается въ порядкѣ, въ какомъ даются награды военнымъ людямъ. Въ этомъ порядкѣ представленіе полковаго командира вмѣсто того, чтобъ служить главнымъ основаніемъ, напротивъ, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія потому, что, переходя по инстанціямъ, подвергается совершенному измѣненію и, наконецъ, вовсе исчезаетъ. Отъ этого происходитъ, что каждый офицеръ, не представленный полковымъ командиромъ, бросается въ дивизіонный или корпусный штабъ и обдѣлываетъ тамъ свое дѣло. Въ этихъ штабахъ однихъ вычеркиваютъ, а другихъ включаютъ, такъ что въ результатѣ выходитъ, что достойныя и представленныя полковымъ командиромъ лица остаются безъ наградъ, а лица, которыхъ онъ вовсе не признавалъ достойными и не представлялъ, получаютъ награды, достигая ихъ окольными путями и роняя достоинство и значеніе полковаго командира. По проекту князя постановлялось непремѣннымъ условіемъ, чтобы представленіе полковаго командира проходило во всей цѣлости чрезъ всѣ инстанціи, съ предоставленіемъ этимъ инстанціямъ дѣлать противъ назначеній его отмѣтки: признаютъ ли онѣ ихъ правильными, а если нѣтъ, то почему. Этимъ способомъ высшее начальство будетъ видѣть всѣ мнѣнія, относящіяся къ представляемому лицу, и на совокупности ихъ основывать свой докладъ государю. Сколько мнѣ извѣстно, такой именно порядокъ и введенъ въ дѣлѣ наградъ по военному вѣдомству.

Князь Барятинскій былъ чрезвычайно упоренъ въ своихъ идеяхъ, но, чтобы показать, что упорство это не истекало изъ одного упрямства большаго барина и уступало дѣльнымъ возраженіямъ, приведу слѣдующій случай. Прежде всего надо замѣтить, что въ началѣ 1856 года князь Александръ Ивановичъ назначенъ былъ командующимъ гвардейскимъ резервнымъ пѣхотнымъ корпусомъ. На назначеніе это князь смотрѣлъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Видно было, что оно вовсе его не занимало и что онъ шелъ къ другимъ цѣлямъ. Впрочемъ, изъ другихъ источниковъ можно было заключить, что самъ государь сдѣлалъ это назначеніе, какъ ступень, чрезъ которую Барятинскій долженъ былъ перешагнуть для высшаго предназначенія. Тѣмъ не менѣе, по званію командующаго корпусомъ, онъ былъ втянутъ въ различныя военно-административныя дѣла. Между прочимъ, онъ сдѣланъ былъ предсѣдателемъ какого-то ко-

митета, который долженъ былъ установить порядокъ хозяйства въ полкахъ. Въ этотъ комитетъ назначены были разные важные генералы, а вмѣстѣ съ ними и великіе князья Николай и Михаилъ.

Великій князь Константинъ Николаевичъ, представлявшій столь блестящіе задатки въ своемъ дѣтствѣ, поддерживалъ, и довольно долго, свое обаяніе въ началѣ настоящаго царствованія, и достигъ, какъ извѣстно, такой могущественной степени, что сдѣлался поставщикомъ министровъ. Во всякомъ случаѣ, въ тотъ періодъ, о которомъ говорю, онъ былъ въ большой силѣ, и князь Барятинскій, конечно, успѣлъ съ нимъ очень сблизиться. Я помню, что мы посылали наши произведенія на одобреніе великаго князя, который, въ свою очередь, присылалъ намъ высшія творенія своего ума. Однажды онъ прислалъ намъ экземпляръ составленной подъ его руководствомъ инструкціи или какой-то заповѣди главнымъ начальникамъ о томъ, какъ они должны управлять своими частями и людьми, принадлежащими къ этимъ частямъ. Повидимому, великій князь очень дорожилъ этимъ произведеніемъ, и не давая ему никакого оффиціальнаго значенія, обратился только къ нѣкоторымъ высшимъ государственнымъ лицамъ съ приглашеніемъ: сообщить ему свои замѣчанія. Князь Барятинскій былъ въ числѣ этихъ лицъ, и, понятно, какое обширное поприще представлялось здѣсь для обширнаго и свѣтлаго ума князя. Не стѣсняемый на этой почвѣ никакими существующими правилами и пріемами, онъ по своимъ блестящимъ умозрѣніямъ могъ дѣйствительно быть учителемъ: какъ надо управлять. И надо сказать, что онъ углубился въ этотъ вопросъ съ энергіею, памятною мнѣ по тѣмъ страшнымъ редакціоннымъ работамъ и передѣлкамъ, которыми онъ въ это время мучилъ меня. Я искренно сожалѣю, что не оставилъ у себя копіи съ тетради замѣчаній нашихъ, которую мы отправили великому князю, и убѣжденъ, что еслибы замѣчанія эти могли быть приведены здѣсь, они бросили бы вѣрный и яркій свѣтъ на Барятинскаго, какъ истиннаго дѣятеля государственнаго. Общій смыслъ идей князя, сколько помню, былъ тотъ, что каждый главный начальникъ долженъ возвышать и облагороживать довѣріемъ своихъ подчиненныхъ, ибо недовѣріе, оскорбляя личное достоинство каждаго, неизбѣжно понижаетъ нравственный уровень служащихъ. Затѣмъ князь порицалъ сильно въ

главныхъ начальникахъ ту нерѣдкую черту, что они увлекаются иногда изяществомъ внѣшности и свѣтской ловкости въ своихъ подчиненныхъ, устраняя людей, не владѣющихъ этими дарами, безобразныхъ, иногда грязноватыхъ, но дѣловыхъ и полезныхъ государству. Въ то же время князь признавалъ положительно вреднымъ допускать между главнымъ начальникомъ и подчиненнымъ во время доклада и всякой дѣловой работы присутствіе третьяго посторонняго лица, которое непремѣнно стѣсняетъ свободу и искренность взаимныхъ ихъ отношеній и вредно дѣйствуетъ на обоюдное ихъ самолюбіе. Начальникъ перестаетъ быть терпѣливымъ и внимательнымъ къ соображеніямъ докладчика и поддается желанію проявить и собственную важность, и собственную мудрость, а подчиненный или начинаетъ сдерживаться въ изложеніи своихъ доводовъ, или также волноваться и говорить другимъ, непривычнымъ тономъ. Все это неминуемо отражается не только на дѣлахъ, но и взаимныхъ отношеніяхъ.

Но я, конечно, не въ состояніи привести здѣсь и сотой доли соображеній князя, исполненныхъ великой мудрости и особенно знанія человѣческаго сердца. Между прочимъ, онъ говорилъ, что князь Воронцовъ имѣлъ привычку принимать доклады въ присутствіи княгини, жены своей, и родственницы графини Шуазель. Но когда князь Александръ Ивановичъ назначенъ былъ начальникомъ главнаго штаба, то при первомъ своемъ докладѣ сказалъ князю Воронцову, въ присутствіи этихъ дамъ, такую рѣчь, что дѣлать свои доклады при нихъ онъ не можетъ. «Я такъ не опытенъ, ваша свѣтлость, что по всей справедливости ожидаю получить отъ васъ много добрыхъ наставленій и замѣчаній; но въ то же время я такъ самолюбивъ, что, прежде всего, рѣшаюсь просить вашу свѣтлость о вашемъ соизволеніи принимать ихъ наединѣ». Князь Воронцовъ совершенно понялъ это и запретилъ своимъ дамамъ входить въ кабинетъ во время докладовъ князя. «Впослѣдствіи уже, когда отношенія мои, какъ докладчика», — прибавилъ князь, — «совершенно окрѣпли, князь Воронцовъ спрашивалъ при моемъ появленіи: „не дозволить ли присутствовать дамамъ?“»

Подъ вліяніемъ тѣхъ же убѣжденій, князь находилъ унизительными и неприличными такъ называемыя внезапныя свидѣтельства

подвѣдомственныхъ частей и всѣ подобныя мѣры, оскорбляющія достоинство подчиненныхъ. Это, впрочемъ, было любимымъ конемъ князя Барятинскаго. Еще прежде, независимо отъ этой работы, мы составили какое-то сочиненіе о вредѣ безконечнаго контроля, предоставленнаго однимъ мѣстамъ надъ другими, о нелѣпости перехода одного дѣла по многимъ инстанціямъ и о необходимости расширить значеніе, предѣлы власти и тѣмъ возвысить достоинство и самостоятельность второстепенныхъ мѣстъ и личностей. Были признаки, что въ этомъ отношеніи было много разговоровъ и едва-ли даже не споровъ съ самимъ государемъ. Приведу одинъ, взятый со словъ самого князя. Однажды онъ сказалъ мнѣ:

— Это просто непостижимо, сколько государь работаетъ! Сегодня онъ показываетъ мнѣ наши кавказскіе наградные списки и говоритъ:

— Вотъ награды по Кавказу, не успѣлъ еще разсмотрѣть.

— Неужели, Ваше Величество, будете ихъ разсматривать?— спросилъ князь.

— Непремѣнно,—отвѣчалъ государь.

— Я даже не разсматривалъ ихъ,— сказалъ князь.

— Напрасно,—отвѣчалъ государь. —Отецъ всегда подробно разсматривалъ всѣ представленія, и я считаю долгомъ дѣлать то же.

Упорный въ своихъ убѣжденіяхъ, князь скоро имѣлъ возможность примѣнить ихъ къ дѣлу на Кавказѣ. Главная его мысль, что первая и самая важная задача начальника избрать достойныхъ подчиненныхъ, а затѣмъ облечь ихъ полнымъ довѣріемъ и дать имъ свободу дѣйствій, была приложена тамъ самымъ широкимъ и, можно сказать, самымъ удачнымъ образомъ. Но объ этомъ послѣ.

Много было потрачено занятій, въ этотъ періодъ, на дѣло Мухранскаго. Дѣло это заключалось въ томъ, что генералъ князь Иванъ Мухранскій, во время Восточной войны, былъ начальникомъ, кажется, Гурійскаго отряда и долженъ былъ противустоять наступленію Омера-паши. Отступая предъ превосходствомъ силъ его, Мухранскій сжегъ заготовленные на пути слѣдованія Омера-паши огромные хлѣбные склады для нашихъ войскъ. Скоро послѣ того Омеръ-паша возвратился вспять, и Муравьевъ призналъ истребленіе складовъ безполезнымъ и ненужнымъ, за что̀ и сдѣлалъ Мухран-

скому выговоръ, а Мухранскій утверждалъ, что это-то истребленіе складовъ, лишая армію Омера-паши запасовъ продовольствія, которые онъ здѣсь надѣялся найти, и заставило его отступить, и пріѣхалъ въ Петербургъ жаловаться на Муравьева. Все это дѣло государь приказалъ отдать на разсмотрѣніе князя Барятинскаго, и мы сочинили и представили пространный и краснорѣчивый докладъ, съ приложеніемъ различныхъ чертежей, въ которомъ доказывалось, что еслибы Мухранскій не сжегъ извѣстныхъ складовъ, то Омеръ-паша, найдя здѣсь продовольствіе для своихъ войскъ, пошелъ бы далѣе и забралъ бы весь Кавказъ, и что, поэтому, Мухранскій заслуживаетъ не выговоровъ, но признательности, какъ спаситель страны. И дѣйствительно, послѣ представленія этого доклада, князь выразилъ положительное изумленіе, что государь не далъ Мухранскому никакой награды, какъ можно было ожидать вслѣдствіе нашихъ изъясненій. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что все это дѣло и этотъ докладъ едва-ли не были окончательными выстрѣлами, которыми князю надо было, во что бы то ни стало, повалить Муравьева. Когда я близко узналъ Кавказъ, тотчасъ обнаружилось, что князь Иванъ Мухранскій дѣйствительно не заслуживалъ награды.

Передавая сущность общаго мнѣнія на Кавказѣ по этому дѣлу, я, конечно, не могу опредѣлить и ручаться, кто тутъ правъ или неправъ? Прибавлю только, что опытные люди, которымъ доводилось мнѣ разсказывать о нашемъ защитительномъ докладѣ, сомнительно и съ неудовольствіемъ покачивали головами.

Въ томъ, что князь Александръ Ивановичъ старался, по мѣрѣ силъ и возможности, ускорить паденіе Муравьева, повидимому, не представлялось никакого сомнѣнія. Въ этихъ стараніяхъ ему отлично помогли самые отвратительные слухи и свѣдѣнія, доходившіе сюда съ Кавказа о продѣлкахъ Муравьева и о постоянно возрастающей къ нему общей ненависти. Но въ Петербургѣ князь нашелъ значительнаго по этой части сотрудника въ Бутковѣ, управлявшемъ дѣлами Кавказскаго комитета. Съ обычною ловкостію Бутковъ мгновенно угадалъ восходящее величіе и тотчасъ примкнулъ къ нему. Они чуть ли не ежедневно видѣлись, и, конечно, въ этихъ свиданіяхъ для князя заключалось много пользы, начиная съ знакомства съ гражданскимъ міромъ Кавказа, въ который Бут-

ковъ вводилъ князя. До какой степени Бутковъ придерживался уже взглядовъ князя и до какой степени совокупныя ихъ дѣйствія были оскорбительны и вредны для Муравьева, приведу одно обстоятельство.

Муравьевъ, вмѣстѣ съ гражданскими дѣлами, наслѣдовалъ отъ князя Воронцова и директора гражданской канцеляріи Щербинина, человѣка чрезвычайно близкаго къ Воронцову. Но вѣроятно по его же вліянію или ходатайству Муравьевъ скоро сдѣлалъ Щербинина сенаторомъ, а управленіе канцеляріею поручилъ правителю дѣлъ совѣта намѣстника, Кипіани, природному грузину, но человѣку, довольно развитому и хорошо знакомому съ организаціею русскаго административнаго міра. Вице-директоромъ въ той же канцеляріи былъ Крузенштернъ, очень образованный, милый и добрый человѣкъ, пріятель князя Барятинскаго, но, въ смыслѣ дѣловомъ, дѣятель слабый донельзя. Отношенія Кипіани съ Муравьевымъ установились такъ хорошо, что Муравьевъ скоро представилъ его къ утвержденію директоромъ. Казалось бы, какое можетъ быть затрудненіе къ этому утвержденію. Барятинскій и Бутковъ нашли это затрудненіе! Они нашли неудобнымъ утверждать Кипіани директоромъ канцеляріи, когда тамъ есть вице-директоръ Крузенштернъ, которому и должно принадлежать это мѣсто. Возникла пристрастная и, можно сказать, неприличная переписка. Напрасно Муравьевъ писалъ, что онъ хочетъ имѣть директоромъ не Крузенштерна, а Кипіани. Этого мало. Напрасно онъ писалъ, что самъ Крузенштернъ не желаетъ быть директоромъ канцеляріи, а желаетъ быть членомъ совѣта намѣстника, что̀ и будетъ сдѣлано — ничто не помогло. Кипіани, какъ потомъ я узналъ, нисколько не сомнѣвавшійся, что это мѣсто останется совсѣмъ за нимъ, не былъ утвержденъ и долженъ былъ со срамомъ оставить канцелярію. Я помню, что князь, желая, быть можетъ, для соблюденія приличій, сдѣлать назначеніе директора отсюда, особенно, когда Муравьевъ утверждалъ, что самъ Крузенштернъ уклоняется отъ этого мѣста, однажды спросилъ меня: «не хотите ли, я буду рекомендовать васъ государю?» Но я уклонился подъ тѣмъ предлогомъ, что если другіе бѣгутъ отъ Муравьева, то мнѣ не разсчетъ бѣжать къ нему.

Въ такихъ занятіяхъ прошла зима и часть весны 1856 года.

*

Съ наступленіемъ лѣта князь образовалъ себѣ, такъ сказать, два гнѣзда: одно на Каменномъ островѣ, въ извѣстномъ казенномъ домѣ, на берегу Невы, а другое въ Царскомъ Селѣ на дачѣ, подаренной имъ брату Владиміру. Само собою разумѣется, что онъ часто уѣзжалъ въ мѣста расположенія императорской фамиліи; но замѣтно было, что онъ, по своимъ разсчетамъ, не хотѣлъ примкнуть къ придворному міру и не жилъ, какъ бывало прежде, тамъ, гдѣ находился государь. Для меня эти разсчеты, конечно, не были постижимы; но я достаточно былъ опытенъ и смѣтливъ, чтобы видѣть положительное существованіе ихъ. Условія придворнаго міра, съ одной стороны, а съ другой опытность по этой части князя и въ особенности тонкая и прозорливая его натура не оставляли никакого сомнѣнія, что каждый шагъ князя, въ это время, основанъ былъ на глубокихъ соображеніяхъ. Самое помѣщеніе его на лѣто въ казенномъ Каменноостровскомъ домѣ. вовсе не соотвѣтствующемъ ни такому большому барину вообще, ни такому знаменитому царедворцу въ особенности,—говорило опытному глазу о существованіи этихъ тонкихъ соображеній...

Во-первыхъ, на Каменномъ же островѣ жилъ Бутковъ и былъ почти постояннымъ собесѣдникомъ князя. Если съ одной стороны Бутковъ видѣлъ въ князѣ восходящее свѣтило, лучи котораго могутъ быть и для него благодатны, то съ другой и князь не могъ не видѣть въ немъ, особенно въ эту пору, человѣка, драгоцѣннаго для него въ высшей степени. Богатый дарованіями, князь былъ очень бѣденъ опытностью въ гражданскомъ мірѣ, а кто лучше, яснѣе, быстрѣе могъ раскрыть предъ нимъ этотъ міръ, какъ не этотъ профессоръ гражданскаго міра? Зная во всей подробности гражданскія дѣла Кавказа и вмѣстѣ съ тѣмъ стоя твердыми ногами въ высшемъ административномъ мірѣ Петербурга, Бутковъ, конечно, былъ для князя незамѣнимымъ учителемъ въ этомъ отношеніи, а такого рода свѣдѣнія были совершенно необходимы для князя при разсчетахъ его занять мѣсто кавказскаго намѣстника и при неизбѣжныхъ объясненіяхъ съ различными министрами о дѣлахъ Кавказа.

Впослѣдствіи князь любилъ часто говорить о людяхъ, по его выраженію, «наливающихся» чужими свѣдѣніями и соображеніями. «Я сейчасъ увидѣлъ»,—нерѣдко говорилъ князь о комъ-нибудь,—

«что этотъ господинъ кѣмъ-то наливается и что какъ только запасъ выйдетъ—все пропало». Это остроумное замѣчаніе вполнѣ было примѣнимо къ нему самому, за этотъ періодъ, съ тою разницею, что все, влитое въ него, не пропадало, но, такъ сказать, переваривалось въ немъ и превращалось въ произведенія его блестящей головы. Слово «переваривалось» напоминаетъ мнѣ объясненіе, данное мнѣ самимъ княземъ, относительно процесса, совершающагося въ его головѣ, при какомъ-нибудь дѣлѣ, которое онъ призналъ достойнымъ собственнаго размышленія. Надо замѣтить вообще, что первые его шаги въ подобныхъ случаяхъ всегда бывали шатки и неопредѣленны. Часто, несмотря на всю мою привычку понимать его, за чтó особенно онъ и цѣнилъ меня такъ высоко, рѣшительно нельзя было понять, чего онъ хочетъ? Много разъ случалось, что я или смущался опасеніемъ за собственное тупоуміе, или прямо признавалъ почти нелѣпыми мысли, сообщенныя мнѣ княземъ. Ни того, ни другаго, однако, не было, и впослѣдствіи я пріобрѣлъ такую вѣру въ умственную силу князя, что какъ бы странны, темны и сбивчивы ни были первоначальныя мысли князя, я былъ убѣжденъ, что онъ же непремѣнно добьется свѣта и озаритъ имъ всѣ мои недоумѣнія. Справедливость требуетъ сказать, что это давалось не легко, и оттого-то работать съ нимъ лично тоже было не легко. Большею частію было такъ, что послѣдующія, безпрерывно развивающіяся мысли совершенно сбивали первоначальныя мысли, и потому одна редакція быстро смѣнялась другой. Я много разъ, въ разговорахъ моихъ съ княземъ, касался этого оригинальнаго способа его мышленія и нашихъ работъ, и постоянно слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «у меня такая кухня»—говорилъ князь, указывая на голову,—«покамѣстъ все не переварится, я не могу быть ни спокоенъ, ни доволенъ».

Если такимъ образомъ былъ нуженъ и полезенъ ему Бутковъ, то нѣтъ сомнѣнія, что князь находилъ нужнымъ и выгоднымъ сблизиться съ царскимъ духовникомъ Бажановымъ, который жилъ на той же дачѣ, рядомъ съ княземъ. Это совмѣстное жительство не могло быть признано случайнымъ уже и по тому обстоятельству, что я самъ лично заставалъ князя въ бесѣдахъ съ Бажановымъ. Трудно предположить, чтобы блестящій царедворецъ, не отличав-

шійся никогда особенною набожностью, находилъ личное удовольствіе въ этихъ духовныхъ бесѣдахъ. Эти бесѣды нужны были, безъ сомнѣнія, князю для того, чтобы внушить царскому духовнику, что князь не только истинный христіанинъ, но что при случаѣ онъ готовъ совершить великія дѣла на пользу нашего духовенства и, главное, чтобы это убѣжденіе перешло къ государю и особенно государынѣ, набожное настроеніе которой не могло находить во всемъ прошедшемъ князя ничего, сколько-нибудь отвѣчающаго этому настроенію.

Въ Царское Село князь удалялся болѣе для того, сколько мнѣ кажется, чтобы, послѣ дѣловыхъ и потому скучныхъ и тяжелыхъ бесѣдъ съ Бутковымъ и Бажановымъ, отдохнуть въ своемъ интимномъ кружку, непремѣнными членами котораго постоянно были нѣсколько прелестныхъ барынь, какъ, напримѣръ, жена князя Владиміра, жена князя Анатолія, жена Александра Адлерберга и другія. Чтобы обрисовать лучше мои отношенія къ князю, нелишнимъ считаю прибавить, что, по его настоятельному желанію, я долженъ былъ непремѣнно являться каждый день по первой машинѣ къ нему въ Царское Село и будить его отъ сна, и это требованіе основывалось не на какихъ-нибудь дѣловыхъ нуждахъ, а просто на какой-то весьма лестной для меня, но при моихъ служебныхъ обязанностяхъ очень стѣснительной потребности видѣть меня ежедневно. Сколько я ни доказывалъ ему, что при отсутствіи дѣловыхъ занятій я очень скучный собесѣдникъ и что для меня очень невыгодно надоѣсть ему моими ежедневными посѣщеніями, ничто не помогало, и онъ требовалъ настоятельно, чтобы каждое утро я пріѣзжалъ къ нему. Даже замѣтные припадки подагры, которые нерѣдко атаковывали его, не измѣняли этого требованія. Пріѣхавъ однажды въ Царское, я спрашиваю знаменитаго Исая: «проснулся ли князь?»—«Онъ всю ночь вовсе и не спалъ и все мучился. Очень боленъ. Только теперь, кажется, заснулъ», —отвѣчалъ Исай.—«Такъ я сейчасъ ѣду»—сказалъ я.— «Боже васъ упаси! Князь сто разъ спрашивалъ васъ и все сердился, что первые поѣзды такъ поздно отправляются изъ Петербурга. Онъ приказалъ тотчасъ доложить о васъ, какъ только пріѣдете», —отвѣчалъ Исай и съ этими словами отпра-

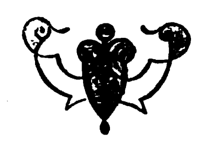
вился въ спальню. Вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ голосъ князя: «Василій Антоновичъ! идите сюда! Гдѣ вы пропадаете?»

Войдя въ спальню, я сказалъ князю, что, не желая безпокоить больнаго послѣ безсонной ночи, я полагалъ тотчасъ отправиться назадъ.—«Ни за что въ мірѣ! Садитесь тутъ, подлѣ меня»,—сказалъ князь. Я видѣлъ тутъ впервые невообразимыя мученія, которыми терзала его злая подагра. Онъ кричалъ, метался и сыпалъ ругательства то на подагру, то на Исая, то на Мяновскаго, доктора, за которымъ онъ послалъ. Часто, схвативъ въ зубы одѣяло, онъ повертывался къ стѣнѣ, стоналъ и говорилъ: «если бы не было стыдно умирать отъ такой гадости—съ радостью бы застрѣлился». Иногда, казалось, онъ стихалъ и засыпалъ, но новый припадокъ снова заставлялъ его стонать, перемѣнять положеніе и сыпать ругательства. «Что жъ эта скотина Мяновскій нейдетъ? дуракъ! Исай! подлецъ! пошли за этимъ болваномъ! Воображаетъ, что онъ очень нуженъ. Я лучше знаю, что мнѣ нужно; мнѣ нужно опіума, да мнѣ не дадутъ безъ этого дурака потому, что не умѣю писать глупые рецепты. Исай, каналья! гдѣ ты все пропадаешь, бестія?» —продолжалъ кричать князь полусердитымъ, полушутливымъ тономъ.—«Вы не знаете, что это за подлецъ—этотъ Исай? Я его зову къ себѣ, а онъ начинаетъ окна затворять. Я кричу ему—поди сюда, каналья! а онъ: «дайте окно затворить, а то стыдно: вѣдь на улицѣ слышно—какъ вы ругаетесь». Какая бестія! Подожди!» и т. п. Потомъ опять начинались припадки, и князь снова стоналъ. Чувствуя неловкость и затруднительность своего положенія, я не разъ хотѣлъ воспользоваться минутами затишья, чтобы улизнуть, но едва дѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, какъ князь кричалъ: «да куда же вы, сидите Бога ради!» Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока пришелъ Мяновскій, прописалъ, по приказанію князя, очень рѣзко выраженному, опіумъ, и князь при содѣйствіи его дѣйствительно заснулъ.

Такого рода отношенія князя ко мнѣ, конечно, не могутъ не показаться странными, тѣмъ болѣе, что на мнѣ никакихъ обязательствъ, какъ въ прежнее время, вовсе не лежало. Испытывалъ ли онъ мою преданность къ себѣ или уже дѣйствовалъ подъ вліяніемъ убѣжденія, что, въ виду назначенія его намѣстникомъ, я уже

долженъ принадлежать ему душой и тѣломъ—Богъ его знаетъ. Выше были приведены примѣры, какъ способенъ былъ князь, дѣло, еще только затѣянное въ его головѣ, считать уже дѣломъ совершившимся. Предположеніе о намѣреніи князя присвоить меня въ крѣпостную собственность—было тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ весьма часто говорилъ: «ну, ужь утащу я васъ изъ Петербурга». На подобныя выраженія я или старался вовсе не отвѣчать, или отвѣчалъ очень уклончиво. Помню, однажды, въ томъ же Царскомъ Селѣ, князь болѣе наступательно сказалъ: «какъ хотите, а я отниму васъ у Адлербербовъ». Я отвѣчалъ: «вы знаете, ваше сіятельство, какъ я вамъ преданъ и какъ священна для меня ваша воля; но лично я, при моемъ разстроенномъ здоровьѣ, послѣ громовъ, пронесшихся надо мной, ничего другаго не желаю, какъ сохранить настоящее мое положеніе, довольно покойное и обезпеченное».—«Странный вы человѣкъ»,—сказалъ князь голосомъ, въ которомъ нельзя было не замѣтить легкой тѣни неудовольствія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка.

III [1]).

Возстановленіе Сената.—Его составъ.—Опала Долгорукихъ.—Главная причина опалы.—Возвышеніе Бирона.—Надежды русской партіи на Елизавету.—Намѣреніе Бирона относительно герцогини Мекленбургской.—Вызовъ въ Россію принца Антона Беверискаго.— Новые заговоры.— Всеобщее неудовольствіе.—Казнь Долгорукихъ.—Волынскій.

По желанію русскаго дворянства, былъ возстановленъ образъ правленія, существовавшій при Петрѣ I. Верховный Совѣтъ упраздненъ, и возстановленъ Сенатъ, въ немъ засѣдаетъ 21 членъ (15 марта н. ст.). Но царица, или, лучше сказать, ея ближайшіе совѣтники, приняли мѣры къ тому, чтобы это учрежденіе не могло причинять верховной власти тѣхъ затрудненій, какія учинилъ ей Верховный Совѣтъ. Въ Сенатъ были назначены, разумѣется, канцлеръ Остерманъ, Ягужинскій, Черкаскій, Семенъ Салтыковъ, Трубецкой, Юсуповъ, словомъ, всѣ лица, принимавшія, главнымъ образомъ, участіе въ последнихъ событіяхъ. Такъ какъ, на первыхъ порахъ, считали необходимымъ соблюдать нѣкоторую осторожность и безпристрастіе, то въ списокъ сенаторовъ вошли также и нѣкоторыя лица, добивав-

[1]) См. «Русскую Старину» май 1895 года.

шіяся царской власти, а именно: фельдмаршалы Голицынъ и Долгорукій и князья Василій Долгорукій и Дмитрій Голицынъ. Въ числѣ сенаторовъ было также нѣсколько придворныхъ креатуръ, на преданность и угодливость которыхъ вполнѣ можно было положиться. Впрочемъ, права Сената были весьма ограничены, и онъ имѣлъ, во всякомъ случаѣ, весьма мало значенія.

Первое время, полнымъ довѣріемъ царицы пользовался, видимо, только одинъ Ягужинскій, но, не чувствуя за собою достаточно силы, онъ сошелся съ Остерманомъ, считая его поддержку для себя необходимой. Этотъ сановникъ, вѣрный своему правилу выжидать въ сторонѣ исхода событій, слегъ въ постель и не оставлялъ ее до тѣхъ поръ, пока не разрѣшился кризисъ, отъ котораго зависѣло возстановленіе самодержавія. Когда все кончилось согласно его желанію, онъ все-таки продолжалъ держать себя съ величайшею осторожностью и спокойно выжидалъ награды за оказанныя имъ услуги. Если вѣрить словамъ англійскаго резидента, то царица, по настоянію Ягужинскаго, посѣтила Остермана и пожелала воспользоваться его совѣтами. Съ этого дня онъ сдѣлался истиннымъ главою правительства, и все вошло въ обычную колею. Такой исходъ вполнѣ можно было предвидѣть; г. Маньянъ писалъ уже 9 марта (н. ст.):

«Остерманъ, помирившись, вслѣдствіе этого, съ г. Ягужинскимъ, человѣкомъ крайне мстительнымъ, безъ сомнѣнія, будетъ пользоваться снова величайшимъ вліяніемъ, и, вѣроятно, здѣсь произойдутъ вскорѣ удивительныя вещи».

Эти удивительныя вещи не заставили себя долго ждать. Шесть недѣль спустя, именно 24 апрѣля (н. ст.), г. Маньянъ писалъ:

«Вначалѣ казалось, будто царица не питаетъ никакой злобы противъ тѣхъ лицъ, кои во время междуцарствія настаивали на перемѣнѣ образа правленія, но въ настоящее время оказывается, что она хранила на этотъ счетъ молчаніе только съ цѣлью наилучшимъ образомъ принять свои мѣры, ибо, прошлый четвергъ, 20 числа сего мѣсяца, послѣ тайнаго совѣщанія въ своемъ кабинетѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней съ г. Остерманомъ, она повелѣла удалить отъ двора шесть персонъ изъ семейства Долгорукихъ и нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ особъ. Полагаютъ, что этихъ лицъ постигнетъ

вскорѣ еще болѣе печальная участь; по крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что они всѣ уже выѣхали изъ Москвы, гдѣ имъ дозволено было остаться не болѣе 24 часовъ, и что ихъ отправили въ противоположныя стороны, такъ что имъ будетъ почти невозможно имѣть между собою сношеніе...

«О причинахъ опалы, постигшей столькихъ лицъ, говорятъ гадательно; поэтому все, что̀ я буду имѣть честь сообщить вамъ сегодня, относится исключительно до князя Василія Долгорукова. Его опалу приписываютъ, главнымъ образомъ, двумъ причинамъ: во-первыхъ, царица разгнѣвалась на него за участіе въ составленіи проекта реформы образа правленія, а болѣе всего за то назойливое вниманіе, коимъ онъ окружалъ ее до возстановленія самодержавной власти, съ цѣлью никого къ ней не допускать.

«Что касается прочихъ сосланныхъ лицъ, то вся ихъ вина заключается въ томъ, что они принимали участіе въ разработкѣ этого проекта и, вообще, слишкомъ горячо имъ интересовались».

Въ этомъ только и заключалось преступленіе всѣхъ лицъ, ставшихъ жертвою мстительности царицы и злобы Ягужинскаго и Остермана, но такъ какъ высказать этого никто не рѣшился, то за ними были признаны другіе проступки. Алексѣй и Иванъ Долгорукіе были обвинены въ томъ, что они присвоили себѣ, въ царствованіе покойнаго царя, коронные брильянты и безотчетно пользовались государственною казною. Отецъ былъ сосланъ въ Якутскъ, а сынъ и все остальное семейство въ Березовъ. Нѣтъ надобности прибавлять, что все ихъ имущество было конфисковано. Князь Василій Долгорукій былъ заточенъ въ монастырь, въ Архангельскѣ; нѣсколько мѣсяцевъ спустя былъ арестованъ и отвезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и фельдмаршалъ князь Долгорукій.

Всѣ ожидали, что месть побѣдителей этимъ не ограничится и что вскорѣ будутъ сосланы и прочія лица, принимавшія участіе въ заговорѣ, для учрежденія такъ называемаго республиканскаго образа правленія, но впечатлѣніе, произведенное этими суровыми и ничѣмъ не оправданными мѣрами, было такъ сильно, что почли удобнымъ выждать болѣе благопріятнаго времени. Маньянъ кончаетъ свою депешу, отъ 24 апрѣля, слѣдующими разсужденіями:

«Первыя мѣры, принятыя царицею при вступленіи на престолъ,

свидѣтельствуютъ о ея твердости и вызываютъ здѣсь самые разнорѣчивые толки. Нѣкоторые одобряютъ ея поведеніе, какъ лучшее средство къ упроченію самодержавія, но многія лица, хорошо знающія духъ здѣшняго народа и помнящіе, какихъ неимовѣрныхъ трудовъ стоило Петру I подавить мятежныя наклонности его подданныхъ, что̀, между прочимъ, ему не вполнѣ удалось, несмотря на всю строгость его правленія, полагаютъ, что ропотъ столькихъ лицъ можетъ вызвать чрезвычайно прискорбныя явленія, тѣмъ болѣе, что ихъ ссылку приписываютъ не столько самой царицѣ, сколько навѣтамъ ея приближенныхъ и совѣтниковъ; послѣдніе, какъ иностранцы, тѣмъ самымъ еще болѣе возбуждаютъ къ себѣ ненависть и жажду мщенія со стороны угнетенныхъ...

«Остерманъ, опасаясь, вѣроятно, большихъ непріятностей, грозящихъ ему лично, убѣждаетъ царицу переѣхать на жительство въ Петербургъ, гдѣ она будетъ, по его увѣренію, въ большей безопасности отъ всякихъ злыхъ умысловъ, нежели въ Москвѣ. Ему не удалось этого добиться отъ покойнаго царя, такъ какъ переѣзду въ Петербургъ противились представители старинныхъ русскихъ фамилій, въ особенности Долгорукіе; нынѣ же, когда этого препятствія болѣе не существуетъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться, что ему удастся склонить императрицу на этотъ шагъ».

Говоря объ иностранцахъ, «приближенныхъ и совѣтникахъ царицы», французскій резидентъ имѣлъ въ виду не только Остермана, или даже Миниха и Левенвольде, онъ намекалъ, очевидно, на человѣка, пользовавшагося исключительнымъ довѣріемъ царицы, т. е. на извѣстнаго Бирона.

«Многіе полагаютъ, не безъ основанія, что царица имѣла противъ аристократической партіи Долгорукихъ и Голицыныхъ гораздо болѣе серьезную причину неудовольствія, нежели ихъ замыслы ограничить ея верховную власть; этою причиною было взятое съ нея тайное обязательство не привозить съ собою въ Россію фаворита, много лѣтъ состоявшаго при ея особѣ и осыпаннаго ею всевозможными знаками благоволенія. Получивъ неограниченную власть, она поспѣшила вызвать Бирона по двору и пожаловала его камергеромъ, а убѣдясь въ томъ, что ея придворные и русскіе сановники, вообще, были готовы сдѣлаться безпрекословно всепокор-

нѣйшими слугами временщика, она пожаловала его вскорѣ оберъ-камергеромъ. Курляндцы были не столь сговорчивы, и Бирону, несмотря на явную поддержку герцогини, не удалось добиться включенія его въ списокъ дворянъ герцогства. Бумаги, имъ предъявленныя въ подтвержденіе своихъ правъ, были признаны подложными, и онъ былъ опозоренъ. Этотъ Биронъ или Бюренъ, какъ его называютъ, былъ человѣкъ низкаго происхожденія: его дѣдъ и отецъ занимали незначительныя должности въ домѣ герцоговъ Курляндскихъ. Что касается его самого, то онъ былъ человѣкъ неглупый, сумѣвшій воспользоваться своею красивою наружностью. Совершенно юнымъ онъ поступилъ въ секретари къ герцогинѣ, понравился ей, и тогда же принялъ фамилію и гербъ французскихъ Бироновъ. Едва стало извѣстно, что онъ сохранилъ при русской царицѣ положеніе, какое онъ занималъ при герцогинѣ Курляндской, какъ отъ всѣхъ дворовъ Европы стали получаться самые лестные для него знаки вниманія. Англійскій резидентъ, г. Рондо, писалъ 22 іюня 1730 г.:

«Императоръ прислалъ г. Бирону, оберъ-камергеру и фавориту царицы, свой портретъ, осыпанный брильянтами, оцѣненными, по меньшей мѣрѣ въ 5 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (125.000 фр.); вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ прислалъ ему патентъ на званіе графа Священной Римской имперіи».

Высокомѣріе и дерзость Бирона, который пользовался своимъ вліяніемъ, какъ истый временщикъ, и всячески злоупотреблялъ имъ въ пользу свою и своихъ близкихъ, не могли примирить русскихъ съ мыслію о подчиненіи ихъ временщику-иностранцу. Уже 20-го апрѣля г. Рондо писалъ:

«Дворяне, видимо, крайне недовольны тѣмъ, что Ея Величество держитъ при себѣ столькихъ иностранцевъ; г. Биронъ, курляндецъ, пріѣхавшій съ нею, пожалованъ камергеромъ, и многіе другіе курляндскіе уроженцы осыпаны большими милостями. Представители старинныхъ русскихъ фамилій, ожидавшіе, что царица окажетъ имъ предпочтеніе, весьма этимъ недовольны».

Замыслы Долгорукихъ и Голицыныхъ не удались, какъ мы видѣли, потому, что они возстановили противъ себя дворянъ и шляхетство, которыхъ они хотѣли рѣшительно устранить отъ всякаго

участія въ дѣлахъ. Между тѣмъ большинство людей, относившихся, вслѣдствіе этого, къ верховникамъ враждебно и старавшихся упрочить неограниченную власть царицы, въ дѣйствительности раздѣляли ихъ взгляды, и когда ненависть и злоба, ими руководившія, улеглись, то они увидѣли, что, думая работать для себя, они работали, въ сущности, на пользу клики недостойныхъ иностранцевъ, и что государыня вовсе не была расположена вознаградить ихъ за оказанныя ими услуги.

Они ненавидѣли Бирона, Остермана, Миниха и Левенвольде главнымъ образомъ за ихъ иностранное происхожденіе, а царица за это именно любила и цѣнила ихъ, такъ какъ она сама сдѣлалась почти иностранкой по своимъ вкусамъ, манерамъ и привычкамъ, во время своего 18-лѣтняго пребыванія въ Курляндіи. Русскіе люди, пользовавшіеся въ первые дни ея царствованія нѣкоторымъ вліяніемъ, вскорѣ замѣтили, что ихъ вліяніе только призрачное, а что власть, на самомъ дѣлѣ, находится въ рукахъ нѣмецкой партіи, которая пожинала ея плоды. Надобно было обладать угодливостью и раболѣпіемъ канцлера и самоотверженіемъ князя Черкаскаго, чтобы мириться съ созданнымъ для нихъ положеніемъ. При дворѣ, всѣмъ завладѣлъ Биронъ, въ дѣлахъ внутренняго управленія — Остерманъ, а въ военномъ вѣдомствѣ—Минихъ; даже рядомъ съ этими лицами никому не оставалось мѣста. Люди, болѣе всего имѣвшіе право разсчитывать на признательность царицы, вскорѣ начали роптать и жаловаться, но жалобы ихъ были приняты такъ, что имъ пришлось смолкнуть. Одинъ только Ягужинскій не могъ сдерживать своего негодованія и, если вѣрить саксонскому посланнику, Лефорту, то онъ избѣжалъ участи Долгорукихъ и не былъ сосланъ вмѣстѣ съ ними въ Сибирь, единственно благодаря тому, что онъ поспѣшилъ уѣхать въ Берлинъ, куда его назначилъ посланникомъ Остерманъ, желавшій удалить его.

Результатомъ всего вышеописаннаго было то, что такъ называемая старо-русская партія, т. е. большинство дворянъ и шляхетства, горько сожалѣли о прошлыхъ временахъ и исчезнувшемъ порядкѣ. Они раскаявались въ сдѣланной ими ошибкѣ и дали себѣ слово исправить ее при первомъ удобномъ случаѣ. Такой случай могъ представиться при возведеніи на престолъ цесаревны Елиса-

веты Петровны. Поэтому всѣ надежды были возложены теперь на эту принцессу, которую, какъ намъ извѣстно изъ вышеприведенныхъ депешъ г. Маньяна, считали до тѣхъ поръ полнымъ ничтожествомъ, на которую никто не обращалъ вниманія, относясь къ ней безразлично, и которая жила, всѣми забытая, въ полной безвѣстности, что̀ вполнѣ соотвѣтствовало, впрочемъ, ея собственному вкусу и желаніямъ. Но она имѣла одно преимущество, за которое ей можно было простить все остальное: она была русская душою и сердцемъ, и всѣми своими привычками. Въ одной изъ депешъ англійскаго агента, относящихся къ этому времени, мы читаемъ слѣдующее:

«Дворяне, желавшіе ограничить самодержавную власть царицы, теперь притихли. Однако они не перестаютъ въ тайнѣ орудовать въ пользу принцессы Елисаветы, къ которой весьма сочувственно относятся многіе офицеры, благоговѣющіе передъ памятью царя Петра I. Главная цѣль этихъ происковъ—заставить царицу при жизни объявить своею наслѣдницею принцессу Елисавету, тогда какъ царица видимо оказываетъ предпочтеніе своей племянницѣ, дочери герцогини Мекленбургской».

Весьма возможно, что на первыхъ порахъ, когда власть царицы еще не утвердилась окончательно и когда только-что улеглось волненіе, охватившее умы, вызвавъ на очередь массу новыхъ вопросовъ, цесаревна Елисавета Петровна могла причинить царицѣ большія непріятности, являясь опасной претенденткой на престолъ, въ особенности ежели взять во вниманіе всеобщее недовольство, вызванное явною милостью царицы къ Бирону и тѣмъ, что власть была предоставлена исключительно иностранцамъ. Но Елисавета Петровна, въ ту минуту, менѣе всего думала о престолѣ, какъ писалъ г. Рондо 28 мая 1730 г.:

«Принцесса Елисавета съ нѣкоторыхъ поръ больна, или сказывается больною. Одни говорятъ, будто причиною этого — предпочтеніе, оказанное Аннѣ Іоанновнѣ; другіе полагаютъ, что болѣзнь только предлогъ, чтобы не быть на коронаціи; но ходятъ и другіе слухи. Не берусь рѣшить, въ этомъ ли кроется причина ея недомоганія или въ чемъ-нибудь иномъ; но несомнѣнно, что она ведетъ жизнь весьма свободную, а царица, видимо, довольна этимъ».

Такъ какъ легко могло случиться, что Елисавета вышла бы когда-нибудь изъ своей апатіи и сдѣлалась бы орудіемъ въ рукахъ недовольныхъ, ежели кто-нибудь изъ нихъ сумѣлъ бы воспользоваться ея расположеніемъ, то Биронъ, какъ человѣкъ ловкій, нашелъ средство успокоить съ этой стороны императрицу. Рондо писалъ 3 января 1731 г.:

«Здѣсь были пущены въ ходъ всевозможныя козни съ цѣлью сблизить Елисавету съ маіоромъ Бирономъ (братомъ фаворита), котораго принцесса недолюбливала. Однако, онъ находится, въ настоящее время, постоянно при ней. Этимъ чрезвычайно опечалена герцогиня Мекленбургская; она опасается, чтобы царица, подъ вліяніемъ фамиліи Биронъ, не стала оказывать впредь бо̀льшаго благоволенія принцессѣ Елисаветѣ, нежели ей самой и ея дочери. Герцогиня Мекленбургская постоянно хвораетъ, полагаютъ даже, что она врядъ-ли поправится, такъ какъ въ послѣдніе годы она ведетъ жизнь не вполнѣ воздержную».

Судя по вышеприведеннымъ подробностямъ, можно составить себѣ понятіе о томъ, какова была внутренняя жизнь этого двора. Столь невыгодная картина врядъ-ли могла примирить недовольныхъ съ неограниченною властью, коей они надѣлили свою монархиню. Въ той же депешѣ, отъ 3 января 1731 г., англійскій резидентъ пишетъ:

«Вы не можете себѣ представить, до чего доходитъ, въ нынѣшнее царствованіе, роскошь при дворѣ, хотя въ казначействѣ нѣтъ ни гроша, вслѣдствіе чего никто не получаетъ жалованье, и это чрезвычайно усиливаетъ всеобщее неудовольствіе. Несмотря на недостатокъ въ деньгахъ, придворные тратятъ огромныя суммы на роскошные костюмы для предстоящаго маскарада. Здѣсь со дня на день ожидаютъ прибытія труппы актеровъ, которыхъ король польскій посылаетъ изъ Варшавы для забавы Ея Величества; она только о нихъ и думаетъ, только и помышляетъ, какъ бы осыпать Бирона богатствомъ и почестями, а также всячески обогащаетъ его брата».

Въ этихъ строкахъ заключается краткая характеристика всего десятилѣтняго царствованія императрицы Анны Іоанновны. Излишне было бы распространяться о ея щедрости, расточительности

и о всевозможныхъ безпорядкахъ, ознаменовавшихъ ея внутреннее управленіе; все это вытекаетъ само собою изъ предыдущихъ строкъ. Гораздо интереснѣе остановиться на замыслахъ ея фаворита, такъ какъ Биронъ былъ человѣкъ незаурядный и обладалъ недюжиннымъ честолюбіемъ. Онъ хотѣлъ быть правителемъ того герцогства, гдѣ онъ родился въ скромной безвѣстной средѣ, и желалъ достигнуть этого званія по избранію того самаго гордаго и надменнаго дворянства, которое нѣкогда его отвергло и заклеймило позоромъ. Россія послала, по его настоянію, шестидесятитысячную армію для поддержанія притязаній на польскій престолъ курфирста Саксонскаго; въ благодарность за эту услугу, Биронъ, единогласно избранный герцогомъ Курляндскимъ, былъ утвержденъ въ этомъ званіи Польской республикой, коего Курляндія была вассальнымъ владѣніемъ (это произошло въ маѣ 1737 г.). Биронъ былъ не прочь отправиться въ Варшаву, чтобы лично получить инвеституру, но его удержали отъ этого намѣренія, какъ писалъ Рондо 16 декабря 1737 г., —слезы царицы; она никакъ не соглашалась даже на временное его отсутствіе, боясь потерять его изъ вида; и Бирону, къ его величайшему сожалѣнію, пришлось удовольствоваться, пославъ вмѣсто себя представителя, которому было поручено принять инвеституру и вступить во владѣніе герцогствомъ Курляндскимъ.

Этого было недостаточно Бирону. Ставъ герцогомъ Курляндскимъ, онъ возъимѣлъ дерзкую мысль женить своего сына на племянницѣ царицы, дочери скончавшейся въ 1733 г. герцогини Мекленбургской, которую Анна Іоанновна, по его совѣту и по внушенію Остермана и всей нѣмецкой партіи, предназначала себѣ преемницей. Г-нъ Рондо писалъ 23 сентября 1738 г.:

«Говорятъ, будто герцогъ Курляндскій намѣревается женить своего сына на племянницѣ императрицы, юной герцогинѣ Аннѣ Мекленбургской. Надобно сознаться, что это замыселъ весьма смѣлый, если взять во вниманіе то, чѣмъ Биронъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но такъ какъ онъ сталъ, въ настоящее время, владѣтельнымъ герцогомъ и пользуется, благодаря благоволенію Ея Величества, неограниченною властью, то трудно предвидѣть, до чего дойдетъ его безмѣрное честолюбіе, ежели онъ будетъ, по-прежнему, пользоваться расположеніемъ государыни. Однимъ изъ главныхъ

препятствій къ осущественію этого плана является возрастъ заинтересованныхъ лицъ, такъ какъ принцессѣ идетъ уже двадцатый годъ, а герцогу Курляндскому, Петру, едва минуло 15 лѣтъ, слѣдовательно, онъ еще слишкомъ молодъ для вступленія въ бракъ. Но это важное препятствіе можетъ быть устранено со временемъ. Принцесса, хотя не особенно красива, но недурна собою».

Къ осуществленію желаній Бирона, кромѣ возраста его сына, было еще одно важное препятствіе, заключавшееся въ твердомъ намѣреніи императрицы выдать свою племянницу за принца Ульриха-Антона Брауншвейгъ-Беверискаго, племянника императрицы австрійской и зятя королевскаго принца прусскаго; этотъ выборъ былъ сдѣланъ царицей отчасти подъ давленіемъ вѣнскаго двора. Объ этомъ англійскій резидентъ пишетъ въ своей депешѣ отъ 12 мая 1739 г.:

«Въ 1732 г. было рѣшено прислать сюда принца Антона-Ульриха Беверискаго, съ цѣлью, какъ говорили, женить его, когда позволятъ его лѣта, на принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, которую, съ самаго восшествія Анны Іоанновны на престолъ, всѣ считали ея вѣроятною наслѣдницею. Согласно съ этимъ, принцъ прибылъ въ Петербургъ 3 февраля 1733 г. Я присутствовалъ при его представленіи герцогу Курляндскому, который, въ то время, былъ еще только графомъ Бирономъ. Я сразу замѣтилъ, что онъ казался чрезвычайно удивленъ тѣмъ, что этотъ принцъ былъ такъ малъ ростомъ для своихъ лѣтъ, изъ чего я заключилъ, что вѣнскій дворъ представилъ его высочество въ гораздо болѣе выгодномъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе, ему былъ оказанъ царицею весьма вѣжливый пріемъ, и она чрезвычайно заботилась, чтобы ему было доставлено все необходимое, сообразно его сану; съ тѣхъ поръ онъ получаетъ отъ двора полное содержаніе. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ принцъ не пользовался особеннымъ почетомъ; поэтому всѣ полагали, что здѣшній дворъ былъ бы радъ отдѣлаться отъ него подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ. Впослѣдствіи, принцъ отличился въ войнѣ съ турками, и фельдмаршалъ Минихъ отзывался съ большою похвалою о его личной храбрости».

Принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ было извѣстно, что принцъ Беверискій предназначался ей въ супруги, но она питала къ нему

замѣтное нерасположеніе, которое она отнюдь не старалась скрывать. На этомъ обстоятельствѣ Биронъ воздвигъ всѣ свои надежды. Отлично зная характеръ царицы, онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что она слишкомъ любитъ свою племянницу, чтобы приневолить ее къ этому браку и что, уступивъ ея просьбамъ, она позволитъ ей выйти замужъ за того, за кого принцесса сама пожелаетъ. Основываясь на этомъ соображеніи и будучи увѣренъ въ расположеніи къ нему императрицы и въ своей надъ нею власти, Биронъ полагалъ, что Анна Іоанновна не будетъ противъ брака ея племянницы съ герцогомъ Курляндскимъ, если ему удастся заручиться согласіемъ на это самой принцессы. Крайне враждебное отношеніе, которое онъ всегда выказывалъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ, уступило мѣсто живѣйшей пріязни. Онъ началъ льстить и угождать ей; его сынъ не отходилъ отъ нея и всячески старался снискать ея расположеніе. Въ то же время Биронъ, намекая окружающимъ на свое намѣреніе, о которомъ вскорѣ всѣмъ стало извѣстно, дѣлалъ видъ, будто онъ не желаетъ навязывать своего сына принцессѣ; по его словамъ, онъ вовсе не дорожилъ этимъ бракомъ, который его приспѣшники всячески восхваляли. Г-нъ Рондо писалъ, напримѣръ, 13 января 1739 г.

«Недѣли двѣ тому назадъ, герцогъ Курляндскій, пришедши къ герцогинѣ Мекленбургской, высказалъ ей, что хотя нѣкоторыя лица утверждаютъ, будто онъ препятствуетъ царицѣ заключить бракъ ея съ его высочествомъ принцемъ Бевернскимъ, имѣя въ виду выдать ее замужъ за своего старшаго сына, но онъ и въ мысляхъ не имѣетъ женить сына вопреки его склонности, какія бы выгоды ни сулилъ этотъ бракъ всей семьѣ; и что императоръ недавно предлагалъ въ невѣсты его сыну одну германскую принцессу, имѣющую 200.000 экю годоваго дохода, но онъ не счелъ удобнымъ принять это предложеніе, рѣшивъ предоставить сыну полную свободу выбора. Затѣмъ его свѣтлость спросилъ принцессу, какого она мнѣнія о принцѣ Бевернскомъ, на что̀ Анна Леопольдовна отвѣчала, что она готова во всемъ подчиниться волѣ Ея Величества, которая можетъ вполнѣ располагать ею, но ежели хотятъ знать ея вкусъ, то она должна сознаться, что принцъ ей не нравится.

«Я не слыхалъ, чтобы этотъ шагъ былъ сдѣланъ герцогомъ по приказанію императрицы, изъ чего я заключаю, что онъ желалъ

*

узнать мнѣніе принцессы прежде, нежели составить свой планъ дѣйствій, заключающійся, если не ошибаюсь, въ намѣреніи женить своего сына, если удастся, на принцессѣ, а дочь свою выдать замужъ за принца Бевернскаго, который, по мнѣнію его свѣтлости, будетъ этимъ удовлетворенъ, если его произведутъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ фельдмаршалы».

Принцесса Анна Леопольдовна дѣлала видъ, будто она не понимаетъ намековъ герцога. Въ глубинѣ души она все еще питала сильное недоброжелательство къ Бирону, который, угождая ей изъ своекорыстныхъ видовъ, не могъ изгладить изъ ея памяти своего прежняго дурнаго съ нею обхожденія. Въ концѣ концовъ, она всетаки предпочитала принца Бевернскаго, равнаго ей по рожденію, герцогу Курляндскому, который былъ еще совершенный ребенокъ. Къ тому же и общественное мнѣніе отнеслось бы съ неодобреніемъ къ браку своей будущей царицы съ сыномъ Бирона. Послѣдній не рѣшился идти противъ стольких препятствій и повидимому покорился волѣ императрицы. Г-нъ Рондо писалъ 24 апрѣля 1739 г.:

«Герцогъ Курляндскій сообщилъ мнѣ, что Ея Величество рѣшила выдать свою племянницу, принцессу Анну, за принца Бевернскаго».

12 мая онъ писалъ по этому же поводу:

«Такъ какъ всѣ русскіе, желающіе блага своей родинѣ, находятъ, что пора выдать замужъ принцессу, которая начинаетъ сильно полнѣть, то, полагаютъ, что герцогъ Курляндскій не дерзнулъ идти противъ желанія всего народа, тѣмъ болѣе, что сама принцесса предпочитала выйти замужъ за принца Бевернскаго, нежели ожидать года три или четыре сына Бирона, такъ какъ иной приличной партіи ей не представлялось.

«Нѣкоторые полагаютъ, что Ея Величество приказала своей племянницѣ остановить свой выборъ на одномъ изъ этихъ принцевъ и что она избрала принца Бевернскаго, такъ какъ онъ по рожденію и по лѣтамъ, безспорно, наиболѣе подходящая для нея партія; надобно сказать, что его высочество чрезвычайно выросъ во время двухъ послѣднихъ походовъ, и можно сказать безъ лести, что онъ сталъ вполнѣ красивымъ молодымъ человѣкомъ. Мнѣ кажется, что

главное участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ принималъ герцогъ Курляндскій и что этимъ онъ навсегда обезпечилъ за своей фамиліей обладаніе герцогствомъ Курляндскимъ, ибо всѣ убѣждены, что онъ заручился обѣщаніемъ принца Беверискаго выдать одну изъ его сестеръ за герцога Курляндскаго».

Принцесса Анна Леопольдовна и принцъ Беверискій были обвѣнчаны 3-го іюля 1739 г.

Во время приготовленій къ этой свадьбѣ, радость царицы была омрачена открытіемъ заговора, показавшаго, на какомъ шаткомъ основаніи зиждился ея престолъ. Очевидно, несмотря на видимую покорность, съ какою принимались ея правительственныя распоряженія, число недовольныхъ, въ особенности среди знати, было весьма значительно, и оно увеличивалось съ каждымъ днемъ. Въ 1733 г. былъ уличенъ въ заговорѣ, составленномъ съ цѣлью возвести на престолъ герцога Голштинскаго, одинъ изъ князей Черкаскихъ, двоюродный братъ кабинетъ-министра, бывшій намѣстникомъ Смоленска; онъ приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ въ Камчатку. Три года спустя было конфисковано имущество престарѣлаго князя Дмитрія Голицына, котораго до тѣхъ поръ щадили, и онъ, несмотря на его преклонныя лѣта, былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Все это были признаки весьма знаменательные, смыслъ которыхъ былъ для всѣхъ ясенъ, поэтому совѣтники царицы безъ пощады пользовались своею властію, чтобы подавить и искоренить мятежный духъ въ самомъ его зародышѣ. Г-нъ Рондо писалъ 15-го января 1737 г.:

«Всѣ лица, заподозрѣнныя въ принадлежности къ такъ называемой республиканской партіи, сосланы въ Сибирь, или въ другія отдаленныя мѣста; тѣхъ же, которые избѣгли этой участи, на первыхъ порахъ, ссылаютъ, лишь только представляется къ тому малѣйшій поводъ».

Когда было объявлено о помолвкѣ принцессы Анны Леопольдовны съ принцемъ Беверискимъ и такимъ образомъ было несомнѣнно, что царица намѣрена оставить престолъ своей племянницѣ, то всѣ лица, которыя, вооружившись терпѣніемъ, скрывали свои истинныя чувства, въ надеждѣ видѣть на престолѣ цесаревну Елисавету Петровну, впали въ совершенное отчаяніе. Тлѣвшій подъ пеп-

ломъ огонь, который приближенные царицы надѣялись потушить, сославъ недовольныхъ, запылалъ съ новою силою. Составился новый заговоръ, на болѣе широкихъ и повидимому на болѣе прочныхъ основахъ сравнительно съ предъидущими неудавшимися попытками. Руководителями его были, по всей вѣроятности, все тѣ же князья Долгорукіе, изъ коихъ одни томились въ Сибири, а другіе въ казематахъ Шлиссельбурга. Но въ числѣ заговорщиковъ нашлись, какъ нерѣдко бываетъ, измѣнники, и эта попытка, подобно предъидущимъ, не увѣнчалась успѣхомъ. Объ этомъ заговорѣ до насъ дошло весьма мало достовѣрныхъ свѣдѣній; въ депешахъ англійскаго посланника объ немъ почти вовсе не упоминается; къ счастью, при депешѣ англійскаго резидента въ Швеціи отъ 1-го августа 1740 г. приложено письмо одного русскаго офицера, проливающее яркій, но, къ сожалѣнію, все же недостаточный свѣтъ на замыслы и намѣренія руководителей этого смѣлаго предпріятія. Вотъ это письмо:

«Что касается заговоровъ и казней, совершившихся въ послѣднее время въ Россіи, то мною получены объ нихъ, изъ вполнѣ надежнаго источника слѣдующія подробности, на достовѣрность которыхъ вы можете вполнѣ положиться. Не подлежитъ сомнѣнію, что весь народъ, въ особенности же высшій классъ, чрезвычайно недоволенъ настоящимъ правительствомъ. Послѣднія пять, шесть лѣтъ всѣ жалуются: во-первыхъ, на слѣпую привязанность императрицы къ герцогу Курляндскому, во-вторыхъ, на невыносимое, высокомѣрное поведеніе этого фаворита, который обращается, какъ говорятъ, съ высокопоставленными лицами, какъ съ людьми самыми презрѣнными; въ третьихъ, на любимца герцога, придворнаго банкира, еврея Липмана, разоряющаго торговлю; въ четвертыхъ, на непомѣрные налоги, идущіе частью на удовлетвореніе женскихъ прихотей, частью на уплату долговъ, коими обременены помѣстья герцога, и на постройку роскошныхъ для него дворцовъ; въ пятыхъ, на рекрутскіе наборы, когда изъ четверыхъ крѣпостныхъ троихъ забираютъ въ солдаты и ихъ убиваютъ на войнѣ, вслѣдствіе чего дворянскія помѣстья обезлюживаются и помѣщики оказываются не въ состояніи вносить повинности; въ шестыхъ, на совершенное уничтоженіе флота, созданнаго Петромъ I путемъ такихъ громадныхъ затратъ».

«Князья Долгорукіе, желая прекратить эти бѣдствія и отчасти преслѣдуя свои собственные интересы, стали во главѣ нѣкоторыхъ другихъ лицъ съ намѣреніемъ привести въ исполненіе слѣдующій планъ: къ осуществленію его ихъ поощрялъ неудачный исходъ кампаніи 1738 г., жалкое состояніе арміи, надежда на то, что графъ Минихъ погибнетъ въ Молдавіи, оказавшейся пагубной для Петра I, и болѣе всего, всеобщее недовольство народа. Они вошли въ соглашеніе съ Швеціей и Франціей, въ силу котораго было рѣшено что, лишь только русская армія будетъ разбита или уничтожена, Швеція объявитъ войну Россіи и двинетъ противъ нея 30.000 армію. Въ то же время недовольные должны были произвести возмущеніе, заточить императрицу въ монастырь, расправиться съ герцогомъ, а принцессу Анну съ супругомъ, посадивъ на корабль, отправить въ Германію. Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено изгнать всѣхъ нѣмцевъ, убивъ нѣкоторыхъ, и провозгласить императрицею дочь Петра I, Елисавету.

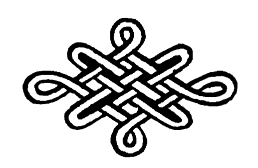
«Таковъ былъ планъ заговорщиковъ. Къ осуществленію его всѣ мѣры уже были приняты; ожидали только пораженія Миниха, чтобы подать сигналъ къ поголовному возстанію. Но такъ какъ предпріятія подобнаго рода никогда не остаются тайною, если ихъ исполненіе откладывается на неопредѣленное время, то дворъ былъ предупрежденъ о существованіи заговора. Всѣ заподозрѣнныя лица были арестованы; впрочемъ, ихъ планы безъ того потерпѣли бы фіаско, по причинѣ успѣшныхъ дѣйствій графа Миниха и вслѣдствіе того, что миръ съ турками былъ заключенъ на весьма выгодныхъ условіяхъ, совершенно не соотвѣтствовавшихъ видамъ Франціи. Но эта держава, убѣдившись въ твердой рѣшимости императрицы заключить миръ, сама приняла участіе въ переговорахъ, желая этимъ отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе и чтобы честь этого дѣла принадлежала исключительно ей. Тогда и Швеція отказалась отъ своихъ плановъ; плѣнные открыли весь замыслъ заговорщиковъ, которые были казнены».

«Въ оффиціальныхъ документахъ, обнародованныхъ дворомъ, не было упомянуто объ этомъ ни слова. Казненнымъ было вмѣнено въ вину составленіе завѣщанія, написаннаго будто бы Долгорукими еще въ царствованіе Петра II. Но это былъ лишь пустой предлогъ».

Этотъ разъ царица и ея совѣтники были безпощадны. Ссылка, даже въ Сибирь, казалась имъ недостаточнымъ наказаніемъ за дерзкій умыселъ. Князья Долгорукіе, признанные виновными или обвиненные по подозрѣнію, были возвращены изъ мѣстъ ссылки и освобождены изъ тюремнаго заточенія, чтобы искупить свою вину на плахѣ. Князья Василій, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи Долгорукіе были обезглавлены въ Новгородѣ. Иванъ Долгорукій, бывшій любимецъ Петра II, испустилъ духъ на колесѣ, еще не будучи обезглавленъ. Обоимъ фельдмаршаламъ Долгорукимъ была дарована жизнь, но они были приговорены къ пожизненному тюремному заключенію— такимъ образомъ участь ихъ осталась та же. Очевидно, противъ нихъ нельзя было найти и тѣни подозрѣнія. Все это совершилось въ ноябрѣ 1739 года.

Англійскія депеши умалчиваютъ также о другомъ, еще болѣе удивительномъ заговорѣ, во главѣ котораго сталъ Волынскій, только два года передъ тѣмъ назначенный Бирономъ кабинетъ - министромъ. Съ его процессомъ и съ обстоятельствами составленнаго имъ заговора знакомятъ насъ выдержки изъ писемъ Пецольда, обнародованныхъ Германомъ [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Geschichte des russisch. Staates B. IV, S. 607—625.

Записки А. М. Тургенева.

VIII [1]).

Питомцы кадетскаго корпуса.—Начало службы А. М. Тургенева.—Его образованіе.—Командировка въ Крымъ въ 1814 году.—Назначеніе директоромъ Медицинскаго департамента.—Дѣло о заказѣ хирургическихъ инструментовъ въ Тулѣ 1830—1831 г.г.—Мишковскій.—Марченко.

Какіе люди выходили изъ кадетскихъ корпусовъ! и какихъ нынѣ (1840-ые годы?) видимъ воспитанниковъ, получившихъ образованіе свое, увы! въ тѣхъ же кадетскихъ корпусахъ!

Отецъ мой былъ кадетомъ въ царствованіе Елисаветы, я много отъ него наслышался о кадетскомъ корпусѣ, но никогда не слыхалъ того, что слышалъ собственными ушами.

К-м-ъ, завербованный въ Курляндіи нѣмецъ въ пѣхотный Воронежскій полкъ, бывшій тогда подъ начальствомъ молодаго, прекраснаго собой щеголя, полковника Степана Степановича Апраксина, былъ большаго роста и стройно сложенъ. Апраксинъ, по существовавшему тогда праву полковника, преобразовалъ К-м-я изъ мушкетеръ въ гусары, то-есть приказалъ одѣть его въ венгерское, богато золотомъ обложенное, платье, поставивъ его сзади кареты своей, и гордился, по молодости лѣтъ своихъ, тѣмъ, что въ Петербургѣ не было ни у кого столь стройнаго за каретою гусара. К-м-ъ любилъ пить вино; россійскія строгости научили К-м-я быть трезвымъ.

По прошествіи нѣсколькихъ годовъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ, въ вознагражденіе тряской службы и уваженіе отсчитанныхъ ему строгостей произвелъ К-м-я въ унтеръ-офицеры, а впослѣдствіи доставилъ ему отъ службы увольненіе.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1895 года.

По уваженію той же великотѣлесности первоначально Петръ Ивановичъ Милисино, начальникъ артиллерійскаго кадетскаго корпуса, опредѣлилъ К-м-я при корпусѣ провіантскимъ коммиссаромъ. По прошествіи нѣкотораго времени, Милисино имѣлъ необходимую надобность дать званіе (знакомой) своей француженкѣ, соблазненной или купленной имъ отъ какой-то содержательницы пансіона. Сдѣлано было предложеніе К-м-ю на бракосочетаніе; нѣмецъ разсчелъ, что это будетъ для него выгодно, согласился и въ разсчетѣ своемъ не ошибся. Кому до того какое дѣло, что она жила въ домѣ у генерала Милисино. Всѣ родившіяся дѣти получили и остались съ его фамиліею.

При восшествіи императора Павла I на престолъ, онъ нашелъ К-м-я уже въ рангѣ капитана, а чрезъ нѣсколько дней его увидѣли уже полковникомъ и во дворцѣ, въ назначенной особенно комнатѣ, съ книгою въ рукахъ, напечатанною на полурусскомъ, полунѣмецкомъ съ примѣсью чухонскаго языкѣ, преподающаго лекціи военнаго искусства! и кому же? — фельдмаршаламъ: кн. Репнину, Мусину-Пушкину, гр. Ив. Петр. Салтыкову и прочимъ генераламъ, посѣдѣвшимъ на полѣ славы, увѣнчаннымъ лаврами. К-м-ль никогда сраженія издалека не видывалъ. Этому мудрецу и витязю были впослѣдствіи ввѣрены для образованія и приготовленія на службу отечества и царскую дѣти дворянъ русскихъ. Самъ слышалъ своими ушами, повторяю, какъ генералъ-отъ-инфантеріи К-м-ль, обучая кадетъ во фронтѣ экзерциціи и маршировкѣ, кричалъ имъ: «Ракаліи! математику подъ каблукъ! я изъ васъ эту дурь выколочу... Правой, лѣвой, разъ, два, разъ, два!»

На многія лѣта долго, долго незабвенной въ памяти NN всегда изволилъ говаривать, что чѣмъ офицеръ глупѣе, тѣмъ онъ въ службѣ полезнѣе и что лучше дурака никто въ караулъ не вступитъ.—Что премудро, то премудро. — Како отверзутся уста и наполнятся духа и слово отрину, вопреки сей премудрости. Но нынѣ (въ 1840 г.) не увидимъ уже кадетовъ, которые бы походили на кадета Тутолмина. Таковыхъ, которые писать не умѣютъ, видимъ сотни, видимъ тысячи.

Мнѣ очень досадно на самого себя, что не умѣю приводить мыслей моихъ систематически въ порядокъ, что не умѣю изложить, что знаю, что видѣлъ, что помню, что знаю по преданіямъ,—слогомъ пріятнымъ, чистымъ; разсказы мои были бы тогда, дозволю себѣ сказать, достойные вниманія, ихъ прочитали бы съ удовольствіемъ,—но извините меня благосклонно, я ничему не ученъ, образованія мнѣ никакого не было! Мнѣ было за 20 лѣтъ, когда я былъ уже ротмистромъ, по проведеніи лучшихъ лѣтъ жизни моей для образованія, ума и сердца среди ужаснѣйшаго разврата, то-есть въ военной службѣ, и гдѣ же началъ я служеніе мое? въ гвардіи!—Въ 20-ть лѣтъ въ первый разъ я почувствовалъ, подумалъ, разсудилъ, что остаться вовсе невѣждою тяжело,

что жить для того только, чтобы ѣсть, пьянствовать, развратничать— гнусно! Самъ не умѣю дать себѣ отчета, какимъ образомъ попалъ я на эту мысль! Можетъ быть, что лекторъ французскаго языка, почтеннѣйшій г. Матье, у котораго я бралъ уроки во французскомъ языкѣ,— умѣть лепетать по-французски значило въ мое время быть образовану, получить отличное воспитаніе, и нынѣ то же мнѣніе продолжается и существуетъ (1840 г.), и нынѣ слышу вездѣ со всѣхъ сторонъ отзывы: «Ахъ, какъ онъ образованъ. On voit bien qu'il a eu une éducation soignée, il parle le français, comme un parisien!» — Матье, преподавая мнѣ французскій языкъ, часто говаривалъ, чтобы я поѣхалъ во Францію, восхищалъ меня разсказами о Парижѣ, о всѣхъ удовольствіяхъ, которыя можно только въ Парижѣ имѣть и наслаждаться. Я только тѣмъ и бредилъ, чтобы ѣхать въ чужіе края и прямехонько въ Парижъ. Но также не умѣю объяснить, какимъ образомъ то случилось, что я, выѣхавъ изъ Москвы въ Дорогомиловскую по Смоленской дорогѣ заставу съ твердымъ и непреложнымъ намѣреніемъ ѣхать въ Парижъ, попалъ въ Гетингенъ!—Благодарю, непрестанно благодарю Провидѣніе, направившее стопы моя сюда, а не въ Парижъ! Жалѣю и, доколѣ буду жить, не перестану сожалѣть о томъ, что я прежде ранѣе, не бывъ еще знакомъ съ развратомъ, не пріѣхалъ въ Гетингенъ! Тогда могъ бы я быть полезенъ для себя и для общества, но, къ несчастію моему, было уже для меня поздно! я уже вкусилъ отраву, а единожды поврежденное здравіе, какъ бы хорошо ни было возстановлено, всегда чего-либо не будетъ доставать въ немъ къ совершенному, полному и чистому наслажденію! Однакоже я доволенъ собою, что пробылъ четыре года въ Гетингенѣ, чувствую, увѣренъ въ томъ, что я теперь похожъ нѣсколько на европейца, сокрушаюсь, что много въ жизни моей надѣлалъ глупостей. Что дѣлать, пролитое полнымъ не бываетъ! Но благодаренъ нѣмцамъ: повидавшись съ ними, послушавши ихъ розсказней, я остаюсь увѣреннымъ и совершенно увѣреннымъ, что для русскаго дворянина есть всегда, можетъ и должно быть лучшее назначеніе, а не одно только то, чтобы быть членомъ пудретнаго (?) общества, то-есть членомъ Московскаго англійскаго клуба.—Повторяю еще и прошу быть ко мнѣ, въ уваженіе невѣжества моего, снисходительными, читать разсказы мои, когда вамъ угодно, когда вы найдете въ нихъ что-либо достойное замѣчанія, забавное, странное, смѣшное; бросать ихъ въ уголъ, не сердясь, когда я порю дичь, ермолафію!

Въ 1814 году въ концѣ сентября отправили меня изъ Петербурга на службу въ Крымъ начальникомъ таможенной части.

Покойный графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, при коемъ я былъ адъютантомъ, далъ мнѣ въ провожатые заслуженнаго лейбъ-гре-

надера Володимірова, ибо я въ то время отъ полученной тяжелой раны въ незабвенномъ сраженіи при Бородинѣ не владѣлъ правою рукою.

Я и со мною посѣдѣлый въ бояхъ Володиміровъ доѣхали благополучно до Полтавы. Отсюда отправились ночью, которая тогда была очень темна; шелъ небольшой дождь, дорога была грязна, и, какъ говорится, зги Божіей не видно.

На 15-й или 17-й отъ Полтавы верстѣ, взъѣхавъ на небольшой мостъ, мы провалились такимъ образомъ, что заднія колеса коляски погрузились въ канаву, переднія стояли на послѣднихъ перекладинахъ помоста, лошади же были уже на дорогѣ. Я дремалъ въ коляскѣ, но толчекъ, происшедшій при провалѣ коляски сквозь мостъ, разбудилъ меня, я не успѣлъ еще понять съ просонья, что случилось, силился въ темнотѣ разсмотрѣть, что было причиною остановки и неправильнаго положенія коляски моей, какъ храбрый Володиміровъ басистымъ голосомъ спрашиваетъ меня:

— Ваше высокоблагородіе, не ушиблись ли вы? не повредили ли раненую руку? Мы провалились сквозь мостъ.

— Нѣтъ, братъ Володиміровъ, ничего,—отвѣчалъ я, — да что мы будемъ дѣлать?

Володиміровъ другимъ вопросомъ требуетъ моего согласія на исполненіе мѣры, имъ придуманной.

— Ваше высокоблагородіе, не прикажете ли поколотить ямщика-жида?

— А за что его колотить, Володиміровъ?

— Какъ за что, ваше высокоблагородіе? какъ онъ не видалъ и не узналъ?

— Володиміровъ, стыдно, братъ! Жида и тогда было бы не за что колотить, еслибы онъ и на мостъ не попалъ,—видишь, какъ темно, хоть глазъ выколи,—а еще того менѣе было бы справедливо колотить за то жида, что мостъ провалился; въ этомъ жидъ никакъ не виноватъ, а ближе винить за это мѣстное начальство, что на большой дорогѣ такіе худые мосты.

— А все не мѣшало бы, ваше высокоблагородіе, поколотить жида,—до мѣстнаго начальства не доберешься, да кто ихъ тамъ разберетъ, а жидъ подъ руками.

Въ 1829 году, когда я былъ директоромъ Медицинскаго департамента, при вступленіи въ должность, нашелъ я департаментъ въ большомъ безпорядкѣ: въ запасномъ аптечномъ магазинѣ ни фунта лѣкарствъ, въ инструментальномъ хирургическомъ заводѣ ни одного ланцета,—словомъ арміи Дибича въ Турціи, Паскевича на персидскихъ предѣлахъ оставались безъ лѣкарствъ и хирургическихъ инструментовъ.

Въ два съ половиною мѣсяца я успѣлъ снабдить обѣ арміи по госпитальному каталогу лѣкарствами и всѣми прочими потребностями на 975 тысячъ человѣкъ. За таковую дѣятельность всемилостивѣйшій государь всемилостивѣйше соизволилъ повелѣть произвесть меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пр. и пр.

Для обезпеченія армій въ хирургическихъ инструментахъ придумалъ я сдѣлать заказъ въ Тулѣ, мысль сія одобрена министромъ (Закревскимъ) и доведена была до высочайшаго свѣдѣнія; похвалили меня. Г-нъ министръ Закревскій самъ избралъ чиновника, коллежскаго совѣтника Грузинскаго, для отправленія въ Тулу условиться съ мастерами въ цѣнѣ за работу, заключить контрактъ, дать задатки. Съ моей стороны, то-есть отъ департамента, было сдѣлано распоряженіе и утверждено министромъ, чтобы контрактъ съ мастерами заключилъ Грузинскій при посредствѣ тульскаго гражданскаго губернатора и начальника Тульскаго оружейнаго завода. Инструменты отъ мастеровъ принимать и сличать съ данными образцами поручено было Тульской врачебной управѣ, и, въ случаѣ могущихъ возникнуть при пріемѣ споровъ и пререканій, велѣно было для скорѣйшаго разрѣшенія относиться непосредственно къ губернатору и начальнику оружейнаго завода. Кажется, все обдумано, кажется, казна обезпечена, кажется, и мастера ограждены отъ притязаній со стороны управы при пріемѣ инструментовъ.

Мастера начали представлять худо сдѣланные инструменты, возникла переписка и пререканія у губернатора и начальника завода, было произведено слѣдствіе, и, наконецъ, инструменты забракованы, не приняты. Прошу замѣтить — все это происходило въ Тулѣ, а я директорствовалъ денно и нощно въ департаментѣ въ Петербургѣ; думалъ: «а мнѣ какое дѣло! что съ моей строны было должно сдѣлать — сдѣлано, я правъ». Нѣтъ, не такъ-то у насъ водится.

Въ 1830 и 1831 году, во время высочайшаго пребыванія государя императора въ Москвѣ, тульскіе мастера всеподданнѣйше утруждали государя императора прошеніемъ повелѣть принять инструменты. Прошу замѣтить — въ это время я уже не былъ директоромъ, а состоялъ съ прочіею братіею при герольдіи. По просьбѣ тульскихъ мастеровъ назначена и послана изъ Москвы въ Тулу экстренная коммиссія, въ которой находился для осмотра и освидѣтельствованія годности инструментовъ операторъ Кюльдишевскій.

Экстренная коммиссія смотрѣла, разбирала купно и съ операторомъ Кюльдишевскимъ и нашла, что инструментовъ за негодностію принять нельзя. А мнѣ какое дѣло!

Вчера явился ко мнѣ прибывшій изъ Петербурга купецъ Москвинъ, которому поручено отъ оператора и управляющаго казеннымъ хирургическихъ инструментовъ заводомъ, Ильи Васильевича Буяльскаго, предва-

рить меня, что учреждена нынѣ вновь коммиссія для окончанія и рѣшенія упомянутаго дѣла о тульскихъ инструментахъ, въ которой засѣдаетъ или предсѣдательствуетъ наперстникъ бывшаго министра Закревскаго, зять бывшаго государственнаго секретаря Марченки, г. Александръ Яковлевичъ Мишковскій, который-де соблаговолилъ сдѣлать заключеніе, чтобы мастерамъ за обракованные инструменты заплатить по договоренной цѣнѣ деньги, а выданныя деньги, въ пополненіе казны, взыскать съ бывшаго директора медицинскаго департамента Тургенева.

Не правда ли, что это стоитъ того «не прикажете ли поколотить жида за то, что мостъ провалился»? Заплатить мнѣ нечѣмъ, слѣдовательно, долженъ буду отвѣчать личностію, то-есть въ тюрьму или отправятъ въ знакомое мѣсто въ Сибирь. Денегъ-то тысячъ 70, коли еще не болѣе!

Урожденная Энгельгардтъ, племянница князя Потемкина и фаворитка его, была выдана въ замужество за полусгнившаго графа Скавронскаго, съ которымъ якобы прижила двухъ дочерей. Старшая дочь была по повелѣнію императора Павла выдана въ замужество за князя Багратіона по возвращеніи его изъ италіанскаго похода съ Суворовымъ; вторая дочь вышла въ замужество за графа Палена, съ которымъ разошлась, но прижила дочь. Скавронская, то-есть племянница Потемкина, когда супругъ ея графъ Скавронскій вовсе догнилъ, по смерти его вступила во второй бракъ съ Юліемъ Помпеевичемъ графомъ Лита.

Дочь Паленъ, внучка графини Литы, вышла въ замужество за графа, якобы сына Самойлова.

У графа Литы былъ конторщикомъ нѣкто Мишковскій, смѣсь жида съ малороссіянкою. Мишковскій былъ графомъ Литою переданъ для письмоводства и управленія конторою графу и графинѣ Самойловымъ. Г-нъ Мишковскій умѣлъ войти въ довѣренность у молодаго графа Самойлова, сдѣлаться его сотоварищемъ въ кутежахъ и въ то же время пріобрѣсть особенно милостивое расположеніе молодой супруги графа Самойлова. Это расположеніе графини къ Мишковскому имѣло слѣдствіемъ разводъ съ мужемъ; она поѣхала въ чужіе края, а Мишковскій за труды получилъ отъ графини на 800 тысячъ или болѣе заемныхъ писемъ. Дѣдушка графъ Лита, любя по женѣ внучку и болѣе еще любя деньги, приступилъ было къ опроверженію заемныхъ писемъ и преслѣдованію Мишковскаго. Худо приходило искусно-мудрому конторщику Мишковскому,—тюрьма или еще сугубѣе что-либо ожидало молодца. Онъ обратился искать спасенія у государственнаго секретаря, въ то время Марченки, у котораго находилось много дочерей; словомъ, дѣло слажено: одна изъ дочерей,—попростѣе, подурнѣе, о которой опасались, что съ рукъ не пойдетъ и останется, какъ товаръ залежавшійся, отдана въ жены Мишковскому, и вмѣстѣ съ этимъ прекратились всѣ преслѣдова-

нія и розыскиванія графа Литы, и Александръ Яковлевичъ Мишковскій всѣ денежки по заемнымъ письмамъ изволилъ, не обинуясь, безъ всякой застѣнчивости, получить сполна!

Государственный секретарь въ 1813 году, когда еще не былъ государственнымъ секретаремъ, въ походѣ противу французовъ, находясь въ собственной канцеляріи императора Александра, свелъ короткое знакомство и дружбу съ Закревскимъ, который тогда былъ при государѣ, не упомню въ какомъ званіи. Марченко и Закревскій называютъ другъ друга братьями: братъ Василій, братъ Арсеній. Странно было видѣть дружескую связь между умнымъ и неумнымъ человѣкомъ, но связь эта существовала, вѣроятно, и существуетъ. Мишковскій Марченкою былъ переданъ Закревскому, когда онъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Всѣмъ и каждому извѣстно, кто только имѣлъ какое-либо дѣло по министерству внутреннихъ дѣлъ, что не Закревскій былъ министръ, а г. Мишковскій, но при всемъ стараніи Закревскаго, при всей высокой довѣренности государя Николая Павловича къ министру, Закревскій не могъ Мишковскаго выдвинуть впередъ по службѣ. Въ представленіяхъ общихъ и особенно о Мишковскомъ, отъ министра къ государю восходящихъ, Мишковскій всегда былъ зачеркнутъ, наконецъ Закревскій пріостановился даже и входить съ представленіями къ государю о Мишковскомъ. Въ 1824 году Закревскій ѣдетъ въ отпускъ въ свои деревни, взявъ и Мишковскаго съ собою. Министръ по спопутности дорогою въ проѣздъ осматривалъ губерніи и ревизовалъ присутственныя мѣста, Мишковскій былъ ему необходимъ, и ему при семъ случаѣ было весьма хлѣбно. Вмѣсто Закревскаго въ его отсутствіе управлялъ министерствомъ Ѳ. И. Энгель.

Тесть Мишковскаго, государственный секретарь Марченко, пишетъ ко мнѣ и именно сими словами: «Батюшка Александръ Михайловичъ, скажите мнѣ, когда я могу къ вамъ пріѣхать, чтобы не отвлечь васъ отъ занятій вашихъ».

Я побѣжалъ опрометью къ г. государственному секретарю, кланялся ему въ поясъ, докладывалъ ему со всевозможнымъ умиленіемъ, подчиненіемъ и пр. и пр., что я всегда готовъ принять его приказанія.

Государственный секретарь посадилъ меня въ кресла подлѣ себя; его высокопревосходительство, какъ теперь вижу, изволилъ кушать изъ большой кружки какое-то вино со льдомъ для прохлады, это было въ іюлѣ—день былъ жаркій.

— Батюшка Александръ Михайловичъ, — началъ государственный секретарь, утоливъ двумя или тремя глотками палящую его жажду,— у меня до васъ просьбица о моемъ Александрѣ. Нельзя ли представленьице о немъ къ Владиміру?

— Ваше высокопревосходительство, я съ моей стороны готовъ вы-

полнить желаніе ваше и въ доказательство моей готовности прикажите изготовить у васъ въ канцеляріи представленіе объ Александрѣ Яковлевичѣ,—я его при васъ же подпишу, но я не отвѣчаю вашему высокопревосходительству, будетъ ли благоугодно Ѳ. И. Энгелю уважить мое представленіе и внесть его въ комитетъ гг. министровъ для поднесенія государю императору доклада о награжденіи Александра Яковлевича. Не угодно ли будетъ вашему высокопревосходительству при свиданіи съ Ѳ. И. Энгелемъ въ Государственномъ Совѣтѣ предварительно о семъ переговорить?

Государственный секретарь наморщился и протяжно изволилъ промолвить слова: «Я не охотникъ до Е. М. нѣмцевъ! Попытайте вы съ вашей стороны говорить о семъ Энгелю».

— Выполню и о распоряженіи Ѳ. И. немедленно буду имѣть честь вамъ доложить.

Когда я началъ говорить Ѳ. И. Энгелю о представленіи г. Мишковскаго, Ѳедоръ Ивановичъ, остановившись подписывать предлагаемыя ему мною предписанія, поднявъ голову и, уставивъ на меня глаза, сказалъ:

— Mein Gott, A. M.! Ich erkenne ihnen nicht mehr wie so einen Schurke wie Мишковскій, zum Wolodimer Orden vorstellen!

Я опустилъ глаза внизъ и, будучи пораженъ такимъ отзывомъ, принужденъ былъ сказать Ѳ. И., что я осмѣлился говорить ему объ этомъ по настоятельнѣйшему убѣжденію В. Р. Марченки.

— А,—такъ скажите В. Р., что я—калифъ на часъ въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и что стоитъ подождать мѣсяцъ или два возвращенія Арсенія Андреевича, который, конечно, всѣ возможныя и невозможныя представленія о Мишковскомъ подпишетъ.

Есть ли во всемъ вышесказанномъ со стороны моей какая-либо интрига, умыселъ, обманъ?

Я не говорилъ Ѳ. И. о привѣтствіи государственнаго секретаря нѣмцамъ, ровно ничего не сказалъ государственному секретарю объ изреченіи нѣмецкомъ Ѳ. И. (Schurke), не поссорилъ ихъ, они остались между собою въ тѣхъ же дружескихъ отношеніяхъ, какъ и до сего были. За что же я сталъ предметомъ гоненія со стороны и государственнаго секретаря, и любимца Закревскаго, Мишковскаго, и даже Энгель—Богъ вѣдаетъ—что подумалъ обо мнѣ, когда я говорилъ ему о представленіи Мишковскаго-Schurke.

IX.

Кутайсовъ.—Захаровъ.—Николай Архаровъ.—Аракчеевъ.—Пуколова и Минкина.—Ростопчинъ.—М. М. Философовъ.

Кто таковъ Кутайсовъ? Полоненный турокъ, подаренный великому князю Павлу Петровичу, не упомню, Румянцевымъ или Орловымъ-Чесменскимъ. Повелѣли Кутайсова учить, но словесныя науки турченку не дались. Его послали въ Парижъ обучаться—брить и убирать волосы.

Годовъ пять или шесть прежде отправленія Кутайсова, былъ въ Парижъ посланъ фельдмаршаломъ графомъ Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ, побѣдителемъ во многихъ сраженіяхъ въ Семилѣтнюю войну Фридриха II, крѣпостной дворовый и крестникъ его, человѣкъ Никита Ивановичъ Захаровъ, для изученія ветеринарнаго искусства и выѣзжать подъ верхъ лошадей. Захаровъ оправдалъ выборъ фельдмаршала, скоро изучился ѣздить верхомъ, сдѣлался искуснымъ ѣздокомъ (берейторъ), былъ у Людовика XV ecuyer du roi и всегда сопровождалъ христіаннѣйшаго короля на охотѣ. Людовикъ любилъ Захарова, называлъ его «mon cher russe», оставлялъ во Франціи, но Никита Ивановичъ, по врожденной глупости, сотворилъ величайшую глупость—возвратился въ Россію и, едва черезъ 15 лѣтъ по возвращеніи, получилъ свободу. Правду сказать, что графъ Салтыковъ впослѣдствіи доставилъ ему чинъ маіора.

Захаровъ, бывши на охотѣ за королемъ, убился грудью, лошадь его упала на всемъ скаку. Медики совѣтовали Захарову отправиться въ Спа, употреблять воды для возстановленія здоровья.

Изъ Парижа къ съѣзду на воды, мастера посылаютъ учениковъ для выработки денегъ. Въ числѣ отправленныхъ учениковъ, шествовалъ по образу пѣшаго хожденія и Иванъ Павловичъ Кутайсовъ. Захаровъ, зная Кутайсова, что онъ присланъ изъ Россіи и хотя турокъ, но уже присоединенъ къ православію, не оставлялъ его и, ѣхавши по той же дорогѣ верхомъ въ Спа, платилъ за завтракъ и обѣдъ Кутайсова. Иванъ Павловичъ брилъ бороду Захарову, чистилъ платье и сапоги въ знакъ благодарности, и всю дорогу отъ Парижа до Спа шелъ подлѣ стремени у Никиты Ивановича,—а что былъ потомъ Кутайсовъ!

Вся гордая, напыщенная знать ползали предъ цирюльникомъ, считали счастіемъ, кого цирюльникъ приласкаетъ.

X.

Опала Архарова послѣдовала скоро по совершеніи коронованія императора Павла I-го.

Николай Архаровъ былъ, при восшествіи Екатерины II на царство, унтеръ-офицеромъ въ гвардейскомъ полку, сотоварищъ въ кутежахъ Орловымъ—Алексѣю и Өедору, служившимъ тогда также унтеръ-офицерами въ гвардіи. Былъ соучастникомъ въ возведеніи Екатерины на царство. Умъ хитрый, пылкій, невѣроятная догадка, лукавство и высшее искусство угождать проложили Архарову путь къ высокимъ степенямъ въ службѣ! Ученія и образованія Николай Петровичъ никакого не получилъ, едва умѣлъ кое-какъ читать и писать по-русски, но имѣлъ соврожденный даръ слова, говорилъ красно, пріятно, остро и всегда прилично и соотносительно обстоятельствамъ и лицамъ.

Павелъ при воцареніи своемъ нашелъ Архарова главноначальствующимъ въ С.-Петербургѣ. Искусство хитраго Архарова угождать принудило забыть соучастіе его въ событіяхъ 1762 г. и раболѣпство его предъ фаворитомъ Зубовымъ.

Архаровъ каждое утро, бывало, приходилъ къ кн. Платону Зубову доложить его свѣтлости о происшествіяхъ случившихся и о прочихъ дѣлахъ. Князь Зубовъ принималъ генералъ-аншефа, Архарова, сидя за стеклянными ширмами. Архаровъ, вошедши въ комнату, становился предъ ширмами и, поклонившись сидящей свѣтлости сзади ширмъ въ поясъ, докладывалъ о дѣлахъ, выпрашивалъ у фаворита милости, награжденіе чинами, орденами.

XI.

Сколько генераловъ видѣли мы, сотворенныхъ Пуколовою, и фурлейтовою женою, Настасьею Өедоровною! Обѣ имѣли счастіе быть фаворитками могущественнаго графа Алексѣя Андреевича Аракчеева! Послѣ шести недѣль совершившагося убіенія Настасьи Өедоровны, графъ Алексѣй Андреевичъ, по отправленіи святителемъ Фотіемъ поминовенія и молитвы во святой православной церкви о упокоеніи души умершей лютеранскаго исповѣданія рабы Настасьи, изволивъ приступить къ распечатыванію оставшагося скарба, обрѣлъ множество разныхъ вещей, надаренныхъ Настасьѣ Өедоровнѣ первыми государственными сановниками, знатными вельможами, генералами и пр., присланныхъ къ ней при письмахъ, съ изъявленіемъ въ однихъ чувствительнѣйшей благодарности за доставленіе ордена, мѣста, чина и пр., въ другихъ—съ испрошеніемъ высокаго и могущественнаго ея покровительства, защиты, ходатайства.

Графъ А. А. Аракчеевъ приказалъ составить регистръ, и всѣ, на-

даренныя Настасьѣ Ѳедоровнѣ, вещи послалъ по регистру къ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ онѣ были покойной присланы. Сорокъ большихъ возовъ съ разнымъ скарбомъ прибыли изъ села Грузина въ Петербургъ, и были развозимы фельдъ-егерями вещи въ дома тѣхъ особъ, отъ которыхъ были присланы въ Грузино. Два лица оказалось только изъ вельможъ въ Петрополѣ, въ дома которыхъ фельдъ-егеря не явились съ возами,—графини Софіи Владиміровны Строгановой и князя Александра Николаевича Голицына.

Многіе изъ знатныхъ отреклись, что они знать не знаютъ, и не хотѣли возвращаемыхъ вещей принять. Гр. Ал. Ан. Аракчеевъ приказалъ доложить ихъ сіятельствамъ, высокопревосходительствамъ и т. д., что онъ велитъ припечатать въ вѣдомостяхъ списки съ оригиналомъ писемъ ихъ. Тотчасъ всѣ приняли возвращенное и спѣшили въ Грузино изъявить благодарность и преданность его сіятельству.

Госпожа Пуколова жаловала (чрезъ Аракчеева) не менѣе Настасьи Ѳедоровны. Къ супругу ея, Ивану Антоновичу Пуколову, пріѣзжали, не обинуясь, торговаться съ нимъ за табуретку: табуретка значило орденъ со звѣздою; орденъ Владиміра 2 ст. со звѣздою стоилъ 10 тыс. рублей; Анны 1-го класса чрезъ плечо 12 тыс. рублей. Это такъ было извѣстно, какъ цѣна на калачъ.

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ обѣдалъ однажды у Александра I, графъ Аракчеевъ и много еще царедворцевъ, всѣ министры имѣли счастіе тотъ день обѣдать у государя. У Растопчина съ Аракчеевымъ не было явной вражды, но тайно каждый изъ нихъ искалъ погибели другому. Аракчеевъ за обѣдомъ началъ превозносить хвалою царствованіе мудраго и милосердаго государя Александра и въ заключеніе панегирика, сказалъ:

— Нынѣ, въ благоденственное царствованіе ваше, всемилостивѣйшій государь, не существуетъ переднихъ, какъ прежде, въ которыхъ, бывало, искатели трутъ стѣны и лощатъ полы: и за то, бывало, получали чины, кресты, мѣста.

— Благодаримъ августѣйшаго,—сказалъ Растопчинъ, — обожаемаго монарха нашего, мы всѣ всесовершенно увѣрены въ томъ, что у всемилостивѣйшаго государя нашего не нужно протекціи, лишь бы дошло до высочайшаго свѣдѣнія о похвальномъ, усердномъ служеніи, оно всегда и всенепремѣнно. щедро и милосердо, отъ государя бываетъ вознаграждено, что мы, графъ, видимъ ежедневно, ежечасно! Но вотъ, что случилось со мною: третьяго дня вечеромъ, довольно еще рано, часовъ въ 9 ѣхалъ я домой, по набережной Фонтанки отъ Невы къ Симеоновскому мосту. Вдругъ карета моя остановилась, я думалъ, что лошадь оскользнулась, форейторъ упалъ. Подождалъ, думая: встанетъ, исправится и меня повезутъ по-прежнему. Но слышу много голосовъ, споръ, крикъ, смотрю, и

лакей мой кричитъ, требуетъ, чтобы пропустили. Любопытство и нѣкоторое безпокойство заставили меня опустить стекло; вижу множество каретъ, кучу форейторовъ и кучеровъ, толкавшихъ другъ друга, чтобы согрѣться,—морозъ былъ градусовъ 15 и съ вѣтеркомъ. Довольно долго искалъ я въ памяти своей, кто бы въ этомъ огромномъ домѣ жилъ? нѣтъ, не могъ вспомнить. Мѣсто узналъ: тутъ прежде, въ царствованіе бабушки вашего величества, былъ угольный дворъ. Но въ царствованіе ваше, всемилостивѣйшій государь, въ Петербургѣ построились еще три Петербурга и воздвигнуты зданія, какихъ въ большихъ городахъ въ Европѣ не видимъ. Между тѣмъ слуга мой хлопочетъ съ кучерами, какъ бы очистить дорогу для проѣзда. Мнѣ пришло въ голову спросить у стоявшихъ на набережной кучеровъ: скажите, ребята, чей это домъ? у кого это такой съѣздъ? Отвѣчаютъ мнѣ нѣсколько голосовъ: ты, бояринъ, видно вновѣ здѣсь, видно изъ степи въ Питеръ прикатилъ? не знаешь, чей это домъ!—Не знаю, ребята, вы угадали, я степной олухъ; скажите, кто здѣсь живетъ?—Отвѣчаютъ: Пу., Пу., какъ бишь? да Пуколочиха!

Александръ быстро взглянулъ на Растопчина. Графъ остановился досказывать, кто такая Пуколочиха.

Благодарю Бога! Я былъ губернаторомъ, но не зналъ, какъ отворялись двери у графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, у Пуколочихи; блаженной памяти фурлейтову супругу, Настасью Ѳедоровну въ глаза не видывалъ. Да не прошло же мнѣ невѣжество мое! Меня безъ просьбы отставили отъ службы и сняли еще заслуженный мною чинъ статскаго совѣтника. И подѣломъ мнѣ дураку [1])!

XII.

Архаровъ, дальновиднѣе другихъ, служилъ Екатеринѣ, кланялся Зубову, другъ былъ Захарушкѣ-камердинеру и Перекусихиной, угождалъ камеръ-фрейлинѣ Аннѣ Степановнѣ Протасовой и тайкомъ давно былъ уже въ пріятельской связи съ Иваномъ Кутайсовымъ.

Татары говорятъ: кинь кусокъ мяса собакѣ, лучше будетъ, не укуситъ. Архаровъ держался пословицы праотцевъ моихъ и подбрасывалъ исподоволь, потихоньку, кусочки Ивану Кутайсову; все это пригодилось его высокопревосходительству.

При перемѣнѣ въ 1796 году, всѣ почти лица перемѣнились, многіе были высланы изъ города, сосланы, отставлены отъ службы, а Арха-

[1]) А. М. Тургеневъ получилъ потомъ и чины, и въ управленіе другую губернію.

ровъ милостивѣйше обласканъ, пожалованъ и облеченъ высокою довѣренностію. Вскорѣ по восшествіи на тронъ, Павелъ изъявилъ предъ всѣмъ дворомъ высокую довѣренность Николаю Архарову; подойдя къ нему, онъ потрепалъ Архарова, приговаривая:

— Николай Петровичъ, вы, сударь, у меня барабаньте правду мнѣ, какъ я теперь барабаню у васъ на пузѣ.

Всѣ царедворцы, услышавъ эти слова, преклонили напудренныя головы свои. А когда услышали, при другомъ случаѣ, приглашеніе Архарову проводить Павла I-го на коронацію въ Москву сими словами: «Николай Петровичъ, вамъ, сударь, думаю, будетъ пріятно повидаться съ Москвою, старая ваша знакомая. Вы, сударь, и меня съ нею ознакомите», — тогда многіе начали бояться болѣе Архарова, нежели боялись грознаго Павла Петровича.

По новому заведенному порядку всѣ просыпались въ 5 часовъ утра, и повсюду начиналась суматоха, стараясь все обдѣлать, приспособить къ 9-ти часамъ по полуночи, чтобы, въ случаѣ выѣзда государева, не было почти примѣтно движенія въ городѣ.

Въ одно прекрасное утро, былъ я посланъ, будучи на ординарцахъ у государя, сказать Архарову, что государь императоръ высочайше соизволилъ отмѣнить прогулку на Васильевскій островъ, и чтобы военный губернаторъ ожидалъ Его Величество на вахтъ-парадѣ.

Я пріѣхалъ къ Архарову въ 7 часовъ утра и, проходя къ нему въ кабинетъ, увидѣлъ въ толпѣ съ прочими, дожидавшимися выхода Архарова, князя свѣтлѣйшаго, Платона Зубова, десять дней предъ симъ назадъ принимавшаго Архарова за стеклянными ширмами и сидя на с—ѣ.

Архаровъ въ большой милости, въ большой довѣренности сопровождалъ Павла Петровича на коронацію въ Москву.

По случаю дня вѣнчанія на царство Павла I-го, Архаровъ одаренъ съ прочими алмазными знаками ордена Андрея Первозваннаго,—по совершеніи коронованія и всѣхъ церемоній, ходовъ въ Кремлѣ по всѣмъ церквамъ въ коронѣ, далматикѣ и императорской мантіи, подъ балдахиномъ.

По окончаніи пировъ, банкетовъ и баловъ, Павелъ Петровичъ соизволилъ вздумать обозрѣть губерніи: Смоленскую, Минскую, Гродненскую, Виленскую, Могилевскую, Витебскую и чрезъ Псковъ возвратиться въ С.-Петербургъ. Архарову поручилъ сопровождать и охранять высочайшую особу Ея Величества, императрицы Маріи Ѳеодоровны, на обратномъ пути отъ Москвы до Петербурга. Наслѣдникъ и великій князь Константинъ Павловичъ сопутствовали государю.

Архаровъ былъ помѣщенъ въ каретѣ Ея Величества. Въ продолженіе пути завелъ онъ разсказъ о переворотѣ, случившемся при восше-

ствіи на тронъ Екатерины. Императрица Марія съ большимъ любопытствомъ слушала разсказъ современника, не зная о томъ, что Архаровъ былъ самъ въ заговорѣ 1762 года.

Насказалъ ли Архаровъ въ жару разсказа болѣе, нежели сколько было надобно сказать императрицѣ, но только онъ мгновенно перемѣнилъ разговоръ, началъ разсказывать о холмогорскихъ коровахъ, о коровахъ бывшихъ у его матушки, о знаменитомъ пѣгомъ быкѣ щепотьевскомъ, и думалъ, что первый разсказъ его о переворотѣ при восшествіи на тронъ Екатерины разсказомъ о коровахъ и знаменитомъ быкѣ изглаженъ и приведенъ въ забвеніе въ высочайшей памяти Ея Императорскаго Величества. Но, какъ говоритъ пословица: «у каждаго хитреца много простоты», первый разсказъ его глубоко врѣзался въ памяти Ея Величества.

По возвращеніи супруга Ея Величества изъ путешествія, императрица соизволила пересказать супругу и государю своему, отъ слова до слова, весь разсказъ Архарова о переворотѣ, при восшествіи Екатерины на тронъ, о холмогорскихъ коровахъ и о щепотьевскомъ быкѣ.

Въ 24 часа высочайше повелѣно было Архарову выѣхать изъ Петербурга и жить въ деревнѣ безвыѣздно.

Архаровъ пріѣхалъ въ Подмосковную, село Иславское племянницъ своихъ, дочерей брата его, Ивана Архарова, бывшаго тогда въ Москвѣ 2-мъ военнымъ губернаторомъ.

Чрезъ пять мѣсяцевъ оба брата, Николай и Иванъ Архаровы, посланы на житье безвыѣздно въ Тамбовскія ихъ отчины. Слава, знатность и служба Архаровыхъ навсегда кончились.

XIII.

Старинная пословица: «въ мартѣ воды, въ апрѣлѣ травы, а въ маѣ сухой борозды не бываетъ». Павелъ Петровичъ соизволилъ заблагоразсудить путешествовать въ Смоленскъ и далѣе, въ первыхъ числахъ мая. Въ это время дороги въ губерніяхъ: Смоленской, Минской, частію Гродненской, Могилевской и Витебской, по глинистой почвѣ, совершенно непроходимы; съ большимъ затрудненіемъ почта въ телѣгѣ кое-какъ пробирается.

Павелъ Петровичъ, по врожденной склонности къ торопливости, любилъ ѣзду безостановочную. По грязной топкой дорогѣ скакать во всю прыть невозможно. По уваженію этой невозможности военный губернаторъ, генералъ-аншефъ Михаилъ Михайловичъ Философовъ, мужъ великаго ума, рѣдкихъ достоинствъ и непоколебимой

твердости, приказалъ устроить для высочайшаго путешествія дорогу изъ бревенъ, гладко въ уровень притесанныхъ. Карету путешественника катили по бревенчатой дорогѣ, какъ шаръ катаютъ дѣти по лугу. Павелъ былъ въ восхищеніи, но на послѣдней станціи отъ Москвы къ Смоленску, гдѣ Его Величеству благоугодно было ночлеговать (по ночамъ Павелъ Петровичъ путешествовать не любилъ и, какъ только начинало смеркаться, соизволялъ останавливаться), крестьяне пали на колѣни и принесли ему жалобу, что они разорены въ конецъ построеніемъ дороги. Государь, внявъ плачу жаловавшихся крестьянъ, изволилъ догадаться, что дорога была вновь сдѣлана, и спросилъ у крестьянъ, кто находился при работѣ дороги?

— Предводитель, Ваше Величество.

Услышавъ отъ крестьянъ названіе «предводитель», Павелъ Петровичъ вскрикнулъ:

— Палача сюда! палача сюда!

Гдѣ взять палача? По штатамъ, особо утвержденнымъ, въ губерніи повелѣно было состоять палачу одному. Повелѣно предводителя заковать въ желѣза и везти въ Смоленскъ. Заковали несчастнаго, повезли.

Въ Смоленскѣ, въ 8 часовъ утра, епархіальный архіерей въ полномъ облаченіи, со всѣмъ духовенствомъ и клиромъ; военный губернаторъ, комендантъ со всѣми военными и гражданскими чинами,—всѣ одѣтые по точной силѣ словъ, о формѣ въ уставѣ воинской службы изложенныхъ, ожидали со страхомъ и трепетомъ прибытія высокаго гостя. Одинъ военный губернаторъ былъ совершенно спокоенъ, твердъ, непоколебленъ, какъ бы ничего не случилось. Павелъ имѣлъ особенное уваженіе къ старику Философову, который дозволялъ себѣ говорить то, чего не только императоръ Павелъ, да никто и вѣроятно никогда не слыхивалъ.

Несется вихремъ дормезъ, 12-ю конями запряженный, сыплютъ искры изъ-подъ подковъ, дрожитъ на улицѣ земля, и люди на помостѣ задрожали; звонятъ, поютъ, кадятъ. Царь гнѣвный вышелъ изъ кареты. Архипастырь животворящій крестъ царю предподалъ, водою освященной оросилъ и, поклонясь, хотѣлъ привѣтствіе царю изречь.

— Не надо!—сказалъ государь и хотѣлъ вступить въ храмъ.

Философовъ останавливаетъ царя и говоритъ:

— Государь, во храмъ Бога живаго должно входить съ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, а ты, государь, во гнѣвѣ.

— Я на тебя не сержусь.

— Да и ни на кого сердиться не за что. Узнай напередъ, а отрубить голову всегда еще успѣешь.

Павелъ обнялъ Философова, и пошли рядомъ въ соборъ.

Въ продолженіе пѣнія молебствія, Философовъ успѣлъ объяснить

царю, что предводитель не виноватъ, дорогу устроить деревянную предписалъ онъ, а «безъ этого ты, государь,—говорилъ Философовъ царю,— и въ мѣсяцъ не доѣхалъ бы до Смоленска».

Предводитель дворянства освобожденъ, св. Анны орденъ 2-го класса данъ ему еще за претерпѣніе, женѣ посланъ брильянтовый фермуаръ; къ несчастью, она будучи беременною, прежде времени разрѣшилась.

За обѣдомъ у Философова Павелъ былъ очень веселъ, любезничалъ, шутилъ, и должно отдать справедливость, когда онъ былъ въ хорошемъ нравѣ, когда хотѣлъ казаться любезнымъ, Его Величество былъ великій на это искусникъ.

Къ сожалѣнію всѣхъ вѣрноподданныхъ, это было рѣдко.

Философовъ за десертомъ говоритъ государю:

— Благодареніе Богу! всемилостивѣйшій государь, ты у насъ сегодня веселъ, милосердъ, мы внѣ себя отъ радости, а завтра, государь, мнѣ будетъ бѣда.

— Какая бѣда? что это значитъ, Михаилъ Михаиловичъ?

— Государь, у меня ничего не готово, войско по новой формѣ не одѣто, худо по новому уставу выучено, нѣкогда было, государь. Полки, поступившіе въ составъ Смоленскаго гарнизона, прошли по 3, по 2 тысячи верстъ, люди отъ переходовъ изнурились. Ты, государь, выйдешь завтра на вахтъ-парадъ, да и прогнѣваешься, мнѣ бѣда и всѣмъ бѣда.

Павелъ, протянувъ руку Философову, сказалъ ему:

— Нѣтъ, сударь, не бѣда; не бѣда, сударь. Не пойду завтра на вахтъ-парадъ, не буду смотрѣть, сударь, не буду.

Сдержавъ слово Философову Павелъ Петровичъ: на другой день ранехонько уѣхалъ.

За нѣсколько дней до отбытія изъ Москвы, Павелъ Петровичъ соизволилъ повелѣть сформировать въ Пинскѣ Чугуевскій, регулярный, вербованный казачій татарскій полкъ. Это было названіе полка, какъ гишпанскаго гранда; шефомъ полка назначилъ генералъ-маіора Алексѣя Тимоѳеевича Тутолмина. Новоназначенный шефъ прибылъ въ Пинскъ, гдѣ должно вербовать охотниковъ и формировать полкъ за три дня до прибытія государя. Тутолминъ явился къ государю въ Пинскъ.

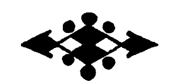
Первое слово было царя Тутолмину: покажи мнѣ полкъ твой.

Тутолминъ остолбенѣлъ отъ велѣнія царскаго и едва могъ отвѣчать:

— Всемилостивѣйшій государь, я только еще три дня, какъ пріѣхалъ въ Пинскъ.

За медленное сформированіе полка Тутолминъ выключенъ изъ службы.

А. М. Тургеневъ.

ВОСПОМИНАНІЯ, МЫСЛИ И ПРИЗНАНІЯ ЧЕЛОВѢКА,
ДОЖИВАЮЩАГО СВОЙ ВѢКЪ
СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ [1]).

Мое воспитаніе. — Кормилицы и няньки. — Отношенія моихъ родителей къ крѣпостнымъ. — Характеры отца и матери.—Ихъ взаимныя отношенія.– Семейный разладъ.—Смерть отца.

Закончивъ три первыя главы моихъ воспоминаній, въ которыхъ заключалось описаніе тѣхъ моихъ родственниковъ, которыхъ я зналъ лично, я долженъ теперь, соблюдая заранѣе опредѣленный порядокъ постепенности, начать описаніе моего дѣтства и всего того, что его окружало.

Не такъ-то это легко, какъ можетъ казаться съ перваго разу: не говоря уже о томъ, что многое надо припоминать, необходимо углубляться въ каждое особое воспоминаніе, обдумывая и переворачивая его съ разныхъ сторонъ, для того, чтобы изобразить прошлое именно такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности, а не такимъ, какимъ кажется теперь, потому что вѣдь давно уже сказано: «что прошло, то будетъ мило». Еще труднѣе изобразить свой собственный внутренній міръ и его отношеніе ко всему окружающему; постепенно разсказать о его возникновеніи и развитіи, сохраняя при этомъ строгую правдивость и не пополняя прошедшаго тѣми мыслями или ощущеніями, которыя возникали уже впослѣдствіи. А это-то именно и хотѣлось бы мнѣ сдѣлать. Начнемъ благословясь.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1895 года.

Съ чего же начать? Я упомянулъ о старинной поговоркѣ, или пословицѣ о томъ, что то, «что прошло—будетъ мило». Примѣняя ее къ себѣ, я вижу, что составляю исключеніе изъ общаго правила и что, оглядываясь назадъ, въ мое прошлое, я даже и теперь, чрезъ очень много лѣтъ, не могу этого сказать.

Родился я ребенкомъ слабымъ, болѣзненнымъ и хилымъ. Извѣстно это мнѣ какъ по разсказамъ тѣхъ, кто меня зналъ въ дѣтствѣ, такъ и потому, что и въ настоящемъ возрастѣ я не пользуюсь ни силою, ни здоровьемъ. Слышалъ я отъ матери моей, что, кромѣ этой прирожденной слабости, на мое здоровье имѣлъ большое вліяніе неудачный выборъ кормилицъ, которыхъ у меня было двѣ, одна вслѣдъ за другою и которыхъ въ то время имѣли обыкновеніе избирать изъ собственныхъ крѣпостныхъ крестьянокъ. Первая изъ нихъ была, какъ мнѣ говорили, очень недолго и съ посрамленіемъ изгнана за то, что оказалась пьяницею. Тѣмъ не менѣе, она имѣла достаточно времени для того, чтобы нѣсколько разъ уронить меня на полъ и одинъ разъ даже скатить внизъ съ довольно высокой лѣстницы, ведшей въ дѣтскую комнату. Я не видѣлъ этой моей кормилицы никогда, но ту, которая была взята вслѣдъ за нею, я помню очень хорошо и она умерла тогда, когда я самъ былъ уже почти старикомъ. Всѣмъ извѣстно, какое огромное вліяніе имѣетъ молоко кормилицы не только на здоровье, но даже и на характеръ ребенка, и поэтому я не буду объ этомъ распространяться, но нахожу нужнымъ сказать, что въ важности вліянія этого я имѣлъ случай глубоко убѣдиться, наблюдая впослѣдствіи надъ самимъ собою и надъ моими братьями и сестрами. Вторая моя кормилица хотя и не роняла меня, но тѣмъ не менѣе выборъ ея для кормленія болѣзненнаго ребенка, какимъ былъ я, былъ болѣе нежели неудаченъ: онъ былъ просто небреженъ. Я не умѣю сказать, чему именно слѣдуетъ это приписать; въ то время я былъ единственнымъ ребенкомъ моихъ родителей, потому что двѣ сестры, родившіяся ранѣе меня, обѣ умерли почти вслѣдъ за рожденіемъ, и, слѣдовательно, нѣтъ основанія предполагать, чтобы это происходило собственно отъ невниманія тѣхъ, кто меня произвелъ на божій свѣтъ. Вѣрнѣе всего это обстоятельство надо отнести къ тому, что въ то время вообще обращалось мало вниманія на кормленіе дѣтей; а еще того вѣрнѣе—къ той несчастной звѣздѣ, которая взошла надо мною въ минуту моего рожденія и, какъ кажется, не перестала горѣть до сихъ поръ, то-есть, къ тому, что въ то время, вѣроятно, не оказалось достаточнаго матеріала для хорошаго выбора. Кормилица моя была очень малокровна, а темпераментъ имѣла лимфатическій. Это обстоятельство замѣтно повліяло на мое здоровье и развитіе, и я продолжалъ такъ же, какъ и началъ, рости слабымъ и хилымъ и часто, даже въ очень раннемъ дѣтствѣ, мнѣ приходилось глубоко и мучительно завидо-

вать сверстникамъ моимъ, которые всѣ были одарены лучшимъ здоровьемъ и большею силою. Я приходилъ внутренно въ бѣшенство на ту несправедливость, которая лишила меня благъ, составляющихъ достояніе чуть не всѣхъ и каждаго. Помню я также очень ясно, что въ дѣтствѣ я былъ страшно капризенъ, а также и то, что во мнѣ, чуть не со мною же вмѣстѣ, родилась та способность къ мечтательности, которая преслѣдовала меня всю жизнь и что даже, лежа въ дѣтской колыбели, я воображалъ себѣ какія-то невиданныя мною страны, почти простыми глазами видѣлъ какихъ-то людей, непохожихъ на тѣхъ, которые меня окружали, и мысленно создавалъ себѣ различныя невозможныя обстановки и положенія. Съ котораго именно года моего существованія началась во мнѣ эта внутренняя жизнь— я, разумѣется, не помню, но могу утверждать, положа руку на сердце и безъ ошибки, что очень рано и уже съ очень давнихъ поръ мнѣ памятно то ощущеніе, съ которымъ я глядѣлъ на все происходившее вокругъ, какъ на что-то въ дѣйствительности не существующее, на что-то такое, что̀ непремѣнно должно пройти и исчезнуть, а вслѣдъ за этимъ сейчасъ же и начнется то, чего я хочу и о чемъ мечтаю. Эта несчастная способность, въ товариществѣ съ болѣзненностью моего организма, породила во мнѣ полнѣйшее и ничѣмъ не побѣдимое отвращеніе къ какимъ бы то ни было тѣлеснымъ упражненіямъ и какую-то, такъ сказать, физическую лѣнь, которая постоянно словно кандалами оковывала меня и отъ которой освободиться я могъ только тогда, когда какое-нибудь дѣло само увлекало меня. Много разъ, трудомъ и настойчивостью, пробовалъ я побѣдить эту лѣнь и подъ конецъ вполнѣ убѣдился, что эти попытки не приведутъ ни къ чему, потому что у меня не хватаетъ просто силъ, а не охоты или воли.

Домъ, въ которомъ я родился, былъ похожъ на большую часть домовъ помѣщиковъ средней руки. Въ то время, когда я начинаю его по мнить—онъ былъ еще новъ, и стѣны его, изъ свѣжаго еловаго лѣса были покрыты сучка́ми и трещинами. Домъ этотъ былъ построенъ отцомъ, и до его постройки родители мои жили въ небольшомъ флигелькѣ другаго нашего имѣнія, отстоявшаго верстъ на двадцать отъ этого, а зимою нанимали квартиру въ губернскомъ городѣ. Какъ и большинство тогдашнихъ помѣщиковъ и, по всей вѣроятности, именно вслѣдствіе желанія не отставать отъ другихъ, отецъ мой, устраивая усадьбу, завелъ и экипажи, и шестерикъ вороныхъ лошадей, которыхъ я очень хорошо помню и которыя, вслѣдствіе того, что ихъ довольно рѣдко запрягали вмѣстѣ, какъ будто считали своею обязанностью бить всякій разъ, когда бывали запряжены. Вся обстановка, устроенная себѣ моимъ отцомъ, отличалась, впрочемъ, отъ большинства обстановокъ нашихъ сосѣдей и вообще помѣщиковъ средняго состоянія именно тѣмъ, что она была устроена имъ самимъ и что при этомъ онъ руководился шабло-

номъ, уже начинавшимъ отживать свой вѣкъ; то, что у другихъ существовало съ давнихъ поръ и замѣнялось, по мѣрѣ требованій времени, новымъ, у него было лишено печати прошлаго и производило впечатлѣніе чего-то какъ будто неоконченнаго.

Отцу моему привелось устраивать свою усадьбу въ такомъ имѣніи, которое уже много лѣтъ почти не видало своихъ помѣщиковъ, и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было то, что все у него, какъ говорится, не спорилось: кучера только пьянствовали, лошади били, а огромные и тяжелые экипажи, рѣдко бывавшіе въ употребленіи, только загромождали сараи и, кромѣ того, очень скоро начали выходить изъ моды. Мужики, за очень рѣдкими исключеніями, были всѣ поголовно мошенники и лѣнтяи, а изъ довольно многочисленной дворни было очень трудно выбрать хорошихъ слугъ.

Помнить себя я начинаю постоянно окруженнымъ многочисленными няньками, къ которымъ въ качествѣ помощницъ было присоединено нѣсколько дѣвчонокъ, и обязанность этихъ послѣднихъ состояла въ томъ, чтобы исполнять мои прихоти и какъ можно болѣе заботиться о томъ, чтобы я меньше капризничалъ. Я не помню ни одной изъ моихъ нянекъ, на которой воспоминанія могли бы остановиться, и впослѣдствіи, у моихъ братьевъ и сестеръ, няньки были большею частью наемныя, а не изъ своихъ крѣпостныхъ, кромѣ, впрочемъ, одной, о которой я скажу впослѣдствіи. Крѣпостная прислуга наша состояла изъ какой-то разнокалиберщины: большею частью это были старики, мальчики, дѣвчонки, такъ какъ взрослыхъ молодыхъ людей отецъ старался, по возможности, отпускать на оброкъ. Классическіе сюртуки изъ домашняго сукна и затрапезныя платья хорошо памятны также и мнѣ, потому что и наша прислуга, исключая нѣкоторыхъ, постоянно носила именно эту обмундировку. Мнѣ сильно хочется сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ личностяхъ изъ нашей прислуги, и я никакъ не могу отказать себѣ въ этомъ, несмотря даже на то, что подобный разсказъ можетъ напоминать собою ту сцену изъ «Игроковъ» Гоголя, когда лакей Ихарева разговариваетъ съ трактирнымъ слугою. Болѣе другихъ памятны мнѣ два старика, родные братья: Флоръ, или, какъ его обыкновенно звали, Фролъ и Николай Ѳедотовы, почему-то носившіе фамилію Шварцовыхъ. Оба они были одинаково стары, грязны и ворчливы, но Николай кромѣ того отличался необузданностью нрава и постоянно грубилъ всѣмъ и каждому. Первый занималъ должность комнатнаго лакая, а второй—повара, но приготовленныя имъ кушанья можно было ѣсть только вооружась большимъ количествомъ геройства. У Флора было четыре сына, и старшій изъ нихъ такъ памятенъ мнѣ и до такой степени былъ не похожъ на всю остальную нашу прислугу, что я хочу поговорить о немъ болѣе подробно. Звали его Платономъ, и онъ былъ

отпущенъ на оброкъ въ Петербургъ, еще въ то время, когда я былъ очень малъ. Болѣе десяти лѣтъ оставался онъ въ Петербургѣ, хотя иногда и пріѣзжалъ на время въ деревню, и въ продолженіе всего этого времени служилъ только въ двухъ домахъ, что можетъ служить доказательствомъ того, что имъ дорожили. Сначала онъ былъ у флигель-адъютанта Константина Ѳедоровича Опочинина, домъ котораго бывалъ даже удостоиваемъ посѣщеній императора Николая Павловича, а потомъ — у извѣстнаго барона, впослѣдствіи графа, Модеста Андреевича Корфа. У этого послѣдняго Платонъ служилъ большую часть всего проведеннаго имъ въ Петербургѣ времени. Когда, въ 1849 году, отецъ нашъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ вынужденъ былъ взять насъ изъ пансіона, въ то время существовавшаго при гимназіи, и помѣстить на квартирѣ въ качествѣ вольноприходящихъ, то онъ вызвалъ Платона изъ Петербурга, и въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ онъ былъ при насъ въ качествѣ дядьки. Онъ поилъ, кормилъ и одѣвалъ насъ и, кромѣ того, сопровождалъ повсюду, такъ какъ намъ не дозволялось однимъ выходить изъ дома. Когда вся наша семья переѣхала изъ деревни въ городъ на постоянное жительство, то Платонъ опять отправился въ Петербургъ и поступилъ опять къ тому же барону Корфу, у котораго и оставался до 1863 или 64 года.

Въ 1855 и въ началѣ 1856 года мы съ младшимъ моимъ братомъ Иваномъ служили юнкерами въ запасной Гренадерской дивизіи, состояли при Образцовомъ пѣхотномъ полку и жили въ Царскомъ Селѣ, въ такъ называемыхъ кирасирскихъ казармахъ. Въ это время Платонъ навѣщалъ насъ и, когда брату моему неожиданно пришлось отправляться въ свой полкъ, стоявшій въ Новгородской губерніи, а отправить мнѣ его было не съ чѣмъ, то изъ этого тяжелаго положенія выручилъ меня онъ же: я отправилъ брата въ походъ на деньги, занятыя у Платона. Въ 1863 или 64 году Платонъ возвратился на родину, окончательно оставя службу въ Петербургѣ. Онъ купилъ у меня небольшой клочекъ земли, построилъ на немъ хатку и поселился въ ней со всею своею семьею, но скоро послѣ того умеръ. Жена его, Евпраксія Семеновна, была та самая няня моихъ сестеръ, о которой я упоминалъ выше, и точно такъ же, какъ и мужъ ея, рѣзко отличалась отъ другихъ нашихъ крѣпостныхъ. Впослѣдствіи она, выдавъ замужъ всѣхъ своихъ дочерей, долгое время жила у насъ уже не въ качествѣ прислуги, а просто, какъ говорится, доживая свой вѣкъ, но тѣмъ не менѣе была очень полезна во многихъ случаяхъ и въ 1877 году ухаживала за мною во время тяжкой болѣзни.

Тѣ дѣвченки, приставленныя ко мнѣ въ качествѣ нянекъ, о которыхъ я говорилъ нѣсколько выше, за неисполненіе возложенной на нихъ обязанности иногда, тутъ же въ моемъ присутствіи, подвергались колотуш-

камъ. Это случалось, какъ вѣроятно вездѣ въ то время; но сказать, чтобы я видѣлъ со стороны моихъ родителей много жестокости въ отношеніи къ крѣпостнымъ людямъ,—я не могу. Я никогда не видѣлъ, кромѣ одного раза, чтобы матушка моя собственноручно била кого-либо изъ людей, и въ томъ случаѣ, о которомъ я упомянулъ, она была доведена до этого самою возмутительною грубостью подлой и ехидной бабы; но и въ настоящее время не могу сказать опредѣлительно: поступала ли она такъ вслѣдствіе убѣжденія въ томъ, что это нехорошо, или только скрывала свои дѣйствія отъ дѣтей. Я болѣе склоненъ предполагать, что она дѣйствительно имѣла въ душѣ нѣкоторое отвращеніе къ подобнымъ поступкамъ и не была неспособна сострадать положенію крѣпостныхъ, хотя, быть можетъ. эти ощущенія и были въ ней не вполнѣ сознательны, недостаточно тверды и ни въ какомъ случаѣ не могли перейдти въ убѣжденіе. Я очень хорошо помню то время, когда, кажется, что въ 1841 или въ 1842 году, въ нашей мѣстности былъ страшный голодъ. Отца въ то время не было дома, и отсутствіе его продолжалось немалое время, въ теченіе котораго матушка раздавала хлѣбъ чуть не ежеминутно приходившимъ просить его крестьянамъ, и вмѣстѣ съ нею мы дѣлились нашимъ общимъ горемъ о томъ, что мы не въ силахъ прекратить ихъ бѣды. Я не знаю, было ли отсутствіе отца случайно, или онъ намѣренно надолго уѣхалъ изъ дому, чтобы не быть свидѣтелемъ этого бѣдствія, но утвердительно могу сказать то, что если бы онъ былъ дома—я не имѣлъ бы возможности имѣть какое-либо понятіе ни о положеніи крестьянъ, ни о той посильной помощи, которую матушка имъ подавала, потому что при немъ отъ дѣтей старательно скрывалось все то, что было за предѣлами дома. Помню я также и то, что при этой раздачѣ хлѣба матушку сильно стѣсняло опасеніе неудовольствія со стороны отца за излишнюю щедрость, и это безпокойство свое она откровенно высказала мнѣ. А между тѣмъ, странное и до сихъ поръ непонятное мнѣ дѣло! несмотря на то, что матушка была гораздо болѣе доступна, нежели отецъ, и что наши крестьяне и дворовые сами называли себя княжескими, то-есть принадлежащими собственно ей, а не отцу, она была нелюбима ими, и мнѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно въ женщинахъ, случалось замѣчать какую-то, какъ будто накипѣвшую, но сдавленную злобу противъ нея, что́ меня очень удивляло и вмѣстѣ огорчало. Происходило ли это отъ того, что для народа грубаго и неразвитаго, власть женщины казалась тяжелѣе власти мужчины, или отъ того, что матушка не умѣла обращаться съ ними—этого объяснить я не могу, но ни въ отношеніи къ моему отцу, ни въ отношеніи къ другимъ помѣщикамъ, даже извѣстнымъ своею жестокостью, я не замѣчалъ никогда ничего подобнаго, и въ отношеніяхъ крѣпостныхъ людей къ нимъ, даже несмотря на страхъ, всегда чувствовалось какъ будто болѣе

искренности и свободы. Отецъ, какъ мужчина, конечно, гораздо менѣе церемонился съ людьми, и мнѣ не рѣдко приходилось бывать невольнымъ свидѣтелемъ его собственноручной расправы и даже случалось видѣть, какъ производилась она, иногда, съ нѣкоторымъ увлеченіемъ, дававшимъ поводъ думать, что она вынуждена не одною необходимостью. Нерѣдко также бывало, что по дому нашему вдругъ проносилась какая-то необычная тишина, какъ будто передъ бурею, и это означало, что гдѣ-нибудь въ конюшнѣ или въ каретномъ сараѣ совершается экзекуція надъ провинившимся холопомъ или мужикомъ. Хотя все это дѣлалось съ нѣкоторою осторожностью, именно въ видахъ того, чтобы дѣти не могли ни видѣть, ни слышать, но и до нашихъ ушей иногда долетали стоны или крики о помилованіи. Я до сихъ поръ живо помню то чувство безсильнаго негодованія, отъ котораго сильно стучало мое сердце въ этихъ случаяхъ, въ особенности же тогда, когда расправа совершалась собственноручно. Не буду входить въ обсужденіе того, былъ ли мой отецъ менѣе или не менѣе жестокъ, нежели другіе его современники, но считаю долгомъ сказать, что, по крайней мѣрѣ, мнѣ никогда не случалось слышать, чтобы обо всѣхъ этихъ операціяхъ онъ разсказывалъ съ тѣмъ хвастовствомъ и наслажденіемъ, которыя я замѣчалъ у многихъ другихъ. Я, конечно, не могу сказать объ отцѣ моемъ, чтобы онъ вполнѣ сознательно относился къ ненормальности тогдашнихъ человѣческихъ отношеній, но теоретически онъ понималъ, что должно бы быть и можетъ быть иначе, и иногда, даже во время моего дѣтства, мнѣ казалось, что и онъ, въ глубинѣ души, если не теперь, то когда-нибудь прежде, возмущался тѣмъ, что въ то время встрѣчалось на каждомъ шагу. Казалось мнѣ это потому, что онъ, насколько былъ въ состояніи, все-таки старался дѣйствовать на людей словомъ и убѣжденіемъ, и мнѣ случилось слышать, какъ онъ негодовалъ на то, что съ подобнымъ народомъ слово безсильно и что сами же крѣпостные съ гораздо большею любовью относятся къ такимъ помѣщикамъ, которые, какъ напримѣръ А. Л. Каленовъ, описанный мною во второй главѣ этихъ воспоминаній, искусно умѣютъ выжимать изъ нихъ весь сокъ, какой у нихъ имѣется, нежели къ тѣмъ, которые заботятся о ихъ нуждахъ и нравственномъ достоинствѣ. Само собою разумѣется, что мысли подобныя той, о которой я сейчасъ сказалъ, доходили до меня какъ бы случайно, потому что въ то время отъ дѣтей тщательно старались скрывать все то, что касалось этихъ вопросовъ, да и вообще говорилось о нихъ болѣе намеками, нежели опредѣленными выраженіями, и нашему брату паничку, какъ назывались у насъ господскія дѣти, до многаго приходилось добиваться собственнымъ умишкомъ.

Я считаю себя въ правѣ положительно говорить о вышеизложенныхъ, въ сущности только предполагаемыхъ, мысляхъ и ощущеніяхъ

моего отца, потому что мнѣ извѣстно, что, несмотря на то, что не имѣлъ возможности получить въ дѣтствѣ какое бы то ни было образованіе, онъ сознавалъ этотъ недостатокъ въ себѣ и по возможности старался пополнить его. Онъ выписывалъ книги и журналы и читалъ не беллетристическія сочиненія, до которыхъ былъ даже вовсе не охотникъ, а всегда что-нибудь болѣе серьезное и, кажется, даже интересовался, напримѣръ, критическими статьями тогдашнихъ «Отечественныхъ Записокъ». Доказательствомъ его заботливости о крестьянахъ можетъ служить то, что во всѣхъ имѣніяхъ у него магазины запаснаго хлѣба содержались въ образцовомъ порядкѣ, и онъ самъ никогда не позволялъ себѣ пользоваться ими для своихъ нуждъ, безъ согласія крестьянъ; для пополненія магазиновъ были заведены общественныя запашки, а въ одномъ изъ имѣній была устроена школа для мальчиковъ Кромѣ того я хорошо помню, что когда мнѣ случалось бывать вмѣстѣ съ отцомъ въ его бѣльскомъ имѣніи, то меня просто поражала разница въ обращеніи его съ людьми этого имѣнія съ тѣмъ, которое я видѣлъ дома, и это обстоятельство невольно наводитъ меня на мысль, что причины нѣкоторыхъ его поступковъ заключались менѣе въ немъ самомъ, нежели въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, которыми онъ былъ окруженъ. А условія эти были тѣ, что и народъ тамошній былъ безспорно лучше, честнѣе и трудолюбивѣе, и онъ самъ находился тамъ всегда въ болѣе спокойномъ настроеніи.

Не входя въ обсужденіе того, насколько успѣвалъ мой отецъ въ дѣлѣ самообразованія и даже не покушаясь высказывать по этому поводу какія-либо собственныя мои мнѣнія, такъ какъ они во всякомъ случаѣ не могли бы быть строго безпристрастными, я постараюсь припомнить нѣсколько случаевъ, могущихъ дать объ этомъ нѣкоторое понятіе, и не пощажу ничего во имя правды. Онъ дѣйствительно читалъ довольно много, и иногда бывало замѣтно, что чтеніе не совершенно безъ всякаго слѣда проходило по его душѣ и мыслямъ. Было понятно, что оно возбуждало въ немъ кое-какія ощущенія, породило мысли и вкусы, лично имъ въ себѣ выработанные, и основало нѣсколько довольно твердыхъ убѣжденій.

Общественныя отношенія моего отца были не особенно хороши, и было очень мало, или даже почти вовсе не было людей, съ которыми бы онъ былъ близокъ. Происходило это, во-первыхъ, отъ того, что онъ вообще не любилъ стѣснять себя какимъ бы то ни было этикетомъ, не любилъ ни дѣлать визитовъ, ни принимать у себя; а во-вторыхъ, вѣроятно, и отъ того, что всѣхъ окружающихъ его людей, за немногими исключеніями, онъ считалъ ниже себя и безъ малѣйшей церемоніи старался показать это всѣмъ и каждому. Сначала эта манера дѣлала ему нѣкоторый престижъ, и его, что называется, побаивались, тѣмъ болѣе, что онъ ни-

когда не стѣснялся говорить правду прямо въ глаза; но впослѣдствіи, когда онъ уже нѣсколько пооблѣнился отъ постоянно-деревенской жизни, его, конечно, перестали бояться. Къ чести отца, я долженъ упомянуть, что, по отзывамъ многихъ знавшихъ его лицъ, въ болѣе молодыхъ лѣтахъ онъ обладалъ значительною долею такъ называемаго гражданскаго мужества: никогда не соглашался ни на какіе компромиссы, несогласные съ его убѣжденіями, и смѣло, всегда и вездѣ, высказывалъ свое мнѣніе, не задумываясь и не ожидая другихъ. Очень понятно, что даже одно это не всегда могло нравиться очень многимъ и, уже послѣ смерти отца, одинъ изъ старожиловъ нашего уѣзда разсказывалъ мнѣ, что на первыхъ же дворянскихъ выборахъ, въ которыхъ отецъ принималъ участіе, онъ былъ забаллотированъ въ должность засѣдателя уѣзднаго суда. Должность эта никогда не считалась особенно почетною и, предлагая себя на нее, отецъ думалъ принести посильную пользу обществу. Послѣ этого случая онъ, тутъ же въ дворянскомъ собраніи, далъ слово никогда ни баллотироваться ни въ какія должности по уѣзду, но впослѣдствіи все-таки бывалъ избираемъ нѣсколько разъ въ должность депутата, а въ 1855 году ему было поручено, по избраніи губерніи, отвести въ Петербургъ подвижной паркъ, пожертвованный правительству смоленскимъ дворянствомъ.

Отецъ мой былъ человѣкъ какъ-то особенно, необъяснимо-тяжелый въ обращеніи, и говорить свободно при немъ, о чемъ бы то ни было, —было просто невозможно. Это ощущеніе одинаково испытывалось всѣми, начиная отъ людей къ нему близкихъ до совершенно постороннихъ, и то тяжелое впечатлѣніе, которое онъ производилъ, отецъ какъ будто еще старался усилить нѣкоторыми странностями.

Думается мнѣ, что нѣкоторая безчувственность, или, лучше сказать, деревянность души моего отца, которая рѣзко была замѣтна, происходила собственно отъ какого-либо природнаго недостатка его организма, а быть можетъ была исключительно послѣдствіемъ ненормальности той житейской обстановки, которую ему создала судьба; и что въ обоихъ случаяхъ, онъ, самъ сознавая свои недостатки, не имѣлъ силъ и не умѣлъ освободиться отъ нихъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ быть названо нормальнымъ существованіе того человѣка, который неразрывно связалъ съ своею судьбою судьбу женщины, ясно сознавая, что онъ не только не можетъ любить, но не въ силахъ даже сойтись съ нею въ какихъ-либо мысляхъ или вкусахъ, или придти къ какому-нибудь соглашенію, необходимому даже для просто совмѣстной жизни? И отъ этого-то союза ежегодно рождаются дѣти, судьба которыхъ также связана, въ дальнѣйшемъ ихъ существованіи, съ судьбою родителей; и никому изъ родителей ни разу не пришелъ въ голову вопросъ: что же, наконецъ, будетъ съ этими дѣтьми? Какія свойства по-

лучать они отъ природы и какой примѣръ будутъ видѣть въ дѣтствѣ? Вотъ въ этомъ-то именно я и виню исключительно одного отца, и тѣмъ болѣе его, что въ матери моей я хотя изрѣдка замѣчалъ кое-какіе проблески хотя не любви, но нѣкотораго чувства къ мужу, а въ немъ — никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ. Еще до сей поры памятны мнѣ тѣ безсонныя ночи, которыя я, будучи четырехъ или пяти-лѣтнимъ ребенкомъ, проводилъ въ моей дѣтской кроваткѣ, слушая брань и взаимные упреки моихъ родителей. Въ то время и я чувствовалъ къ отцу нѣчто въ родѣ ненависти, глубоко сожалѣя мать, и старался глотать душившія меня рыданія, боясь, чтобы кто-либо изъ нихъ не замѣтилъ, что я не сплю. Теперь же, судя болѣе безпристрастно, я скажу, что не одинъ отецъ былъ виною существованія этого домашняго ада, хотя онъ былъ виноватъ въ томъ, что не избѣжалъ его. И дѣйствительно характеръ моей матери былъ, къ сожалѣнію, нисколько не лучше характера отца; но это стало для меня ясно только впослѣдствіи.

Была еще одна черта въ характерѣ отца, о которой я не могу умолчать и которую даже и въ настоящее время не вполнѣ понимаю. Человѣкъ онъ былъ несомнѣнно честный: старался никогда не дѣлать долговъ, а если ему иногда и приходилось, по обстоятельствамъ, дѣлать ихъ, то онъ всегда твердо ихъ помнилъ. Точно также аккуратно велъ онъ свои счеты и разсчеты, не старался, а напротивъ боялся сознательно дѣйствовать во вредъ кому-либо имѣвшему съ нимъ дѣла и въ этомъ отношеніи стоялъ неизмѣримо выше моей матери, относившейся ко всему этому почти цинически. Точно также постоянно заботился онъ объ экономіи и старался какъ можно менѣе тратить и какъ можно болѣе сберегать. А между тѣмъ, оба эти его достоинства были такого свойства, что не производили впечатлѣнія очень пріятнаго. Скупымъ назвать его было нельзя, но его экономія отзывалась такою мелочностью, что почти граничила съ тѣмъ, что называютъ скаредностью. Заказывая, напримѣръ, намъ платье, онъ непремѣнно покупалъ самые дешевые, а слѣдовательно и самые скверные матеріалы и при этомъ заботился, чтобы ихъ пошло какъ можно меньше; а для шитья нанималъ всегда самаго дешеваго и слѣдовательно самаго плохаго портнаго. Послѣдствіями такой системы было, во-первыхъ, то, что мы пріучались не заботиться о сбереженіи нашего платья, а во-вторыхъ, то, что намъ приходилось довольно часто испытывать нѣкоторое нравственное униженіе, тогда когда наши, даже гораздо біднѣйшіе насъ, товарищи по гимназіи, горделиво хвастаясь передъ нами достоинствомъ сукна на своихъ вице-мундирахъ, вмѣстѣ съ этимъ издѣвались надъ тѣмъ, что помѣщики, имѣющіе триста душъ крестьянъ, носятъ такое скверное сукно. Хотя я пріучалъ себя, не безъ труда и борьбы, относиться къ этому обстоятельству стоически, но никогда не могъ вполнѣ заглушить въ себѣ это

непріятное чувство; а чувство это усиливалось еще и оттого, что вслѣдъ за этимъ обыкновенно слѣдовалъ вопросъ о томъ, что, вѣроятно, нашъ отецъ очень скупъ, и я никогда не зналъ, что отвѣчать на него. Когда я приготовлялся къ поступленію въ университетъ, то отецъ, пригласивъ одного изъ тѣхъ «мужскаго платья художниковъ», которые обыкновенно насъ обмундировывали, вздумалъ заказать ему для меня зимнюю шинель, на ватѣ, но безъ мѣховаго воротника, которую я и взялъ съ собою въ Москву. Когда наступила зима, то видя, что всѣ другіе студенты, даже тѣ, которые находились на казенномъ содержаніи и получали платье отъ казны, имѣли на шинеляхъ собственные мѣховые воротники, и не желая отличаться отъ всѣхъ, я попробовалъ написать объ этомъ отцу и хотя заранѣе почти увѣренъ былъ въ безуспѣшности, но тѣмъ не менѣе рѣшился попросить, чтобы онъ прислалъ мнѣ на воротникъ денегъ. Впослѣдствіи я и самъ не радъ былъ тому, что сдѣлалъ это: въ отвѣтъ я получилъ только нѣсколько страницъ какихъ-то разсужденій и кромѣ того, въ видѣ подарка, сочиненіе Silvio Pellico—«Dei doveri degli huomini»; а сшитая экономическая шинель, въ очень скоромъ времени, сдѣлалась дотого узка, что я долженъ былъ сбыть ее за безцѣнокъ. Эта разсчетливость моего отца часто доходила даже до смѣшнаго, а заботы его объ дешевизнѣ имѣли тѣ послѣдствія, что его часто обманывали самымъ наглымъ образомъ, и, напримѣръ, жиды постоянно сбывали ему вмѣсто холста—коленкоръ, а онъ не умѣлъ этого понять.

Когда я сообщилъ ему о томъ, что мнѣ предлагаютъ службу по выборамъ, то отецъ сказалъ, что для этого необходимо имѣть дворянскій мундиръ, и, вѣроятно, желая доставить мнѣ пріятный сюрпризъ, заказалъ его на этотъ разъ уже настоящему портному. Уже почти передъ самымъ началомъ выборовъ нѣмецъ Кэтовъ, совершенно неожиданно для меня, принесъ мундиръ, сшитый довольно недурно, но къ этому мундиру былъ придѣланъ такой уродливый воротникъ, что уничтожалъ всѣ его достоинства. Спереди—онъ подпиралъ мнѣ носъ, а сзади доходилъ до половины головы. Въ отвѣтъ на сдѣланный мною по-нѣмецки вопросъ,—Кэтовъ только стыдливо взглянулъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ отецъ, и я мгновенно уразумѣлъ, что воротникъ этотъ пріобрѣтенъ самимъ отцомъ, въ видахъ все той же самой экономіи. По уходѣ портнаго, я почувствовалъ, чуть не въ первый разъ въ жизни, рѣшимость высказать протестъ, и прямо и окончательно объявилъ, что не намѣренъ быть общимъ посмѣшищемъ и потому на выборы не пойду и баллотироваться не стану. Вѣроятно, протестъ мой былъ выраженъ съ подобающею энергіею, потому что возымѣлъ надлежащее дѣйствіе, и на другой же день послѣ того отецъ измѣнилъ своимъ экономическимъ

*

правиламъ, и портной принесъ мнѣ другой воротникъ, уже совершенно приличный.

Впрочемъ, мнѣ памятенъ еще и другой мой протестъ, прямо высказанный отцу и бывшій ранѣе разсказаннаго, но этотъ—уже былъ почти насильно выжатъ изъ меня обстоятельствомъ, гораздо болѣе важнымъ, и возбужденъ чувствомъ, очень близкимъ къ чувству негодованія. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Въ 1857-мъ году, мы съ братомъ Иваномъ, будучи еще юнкерами, квартировали съ полкомъ нашимъ въ древнемъ городѣ Муромѣ, Владимірской губерніи. Часто въ это время приходилось намъ находиться въ очень бѣдственномъ положеніи, о чемъ я разскажу подробно тогда, когда буду говорить объ этомъ времени моей жизни; а присылаемыя намъ отцомъ деньги, и безъ того скудныя, мы получали по большей части не аккуратно, что̀ происходило отъ того, что онѣ должны были проходить чрезъ значительное количество разныхъ штабовъ и канцелярій. Писать о нашихъ нуждахъ отцу мы не смѣли, да, сказать правду, и не хотѣли, такъ какъ уже знали по опыту, какая судьба постигнетъ наши просьбы, и все время я не переставалъ надѣяться и ожидалъ, молча, что когда же нибудь самъ онъ, также долго служившій въ военной службѣ, догадается спросить насъ о томъ, не нуждаемся ли мы въ чемъ-нибудь и достаетъ ли присылаемыхъ имъ денегъ. Но ожиданіе это такъ и оставалось ожиданіемъ, а письма отца бывали наполнены только одними разглагольствованіями о необходимости бережливости (хорошо беречь то, чего вовсе нѣтъ!) и какими-то совершенно отвлеченными наставленіями. Какъ-то разъ довелось намъ прожить мѣсяца три или болѣе, въ одной глухой деревнѣ, верстахъ въ тридцати отъ города Мурома, въ которомъ квартировалъ нашъ полковой штабъ. Уже въ теченіе довольно долгаго времени мы не получали изъ дому денегъ и продовольствовались, только пользуясь кредитомъ, но, наконецъ, я получилъ извѣстіе о томъ, что въ полковой канцеляріи имѣется почтовое объявленіе на мое имя, и, нанявъ крестьянскую подводу, отправился въ Муромъ, а брата оставилъ въ залогъ кредиторамъ. По пріѣздѣ, я остановился у одного изъ товарищей-юнкеровъ и отправился получать наши деньги, думая въ тотъ же день и на той же подводѣ возвратиться въ нашу деревню. Но по дорогѣ на почту, я встрѣтилъ своего батальоннаго командира, подполковника Матизена, который меня остановилъ. Онъ это сдѣлалъ для того, чтобы своимъ нѣмецкимъ акцентомъ сообщить мнѣ извѣстіе, которое, судя по выраженію его лица, считалъ чрезвычайно для меня пріятнымъ: о томъ, что пріѣхалъ мой отецъ и что онъ съ нимъ вчера игралъ въ карты у полковника; но вѣроятно, первая мысль моя, мелькнувшая при этомъ извѣстіи, очень ясно выразилась на моемъ лицѣ, потому что вслѣдъ за сообщеніемъ онъ пытливо посмотрѣлъ на меня и поѣхалъ дальше. А мысль моя была вотъ

какая: а зачѣмъ же онъ пріѣхалъ? не лучше ли было деньги, которыя истрачены на эту никому ненужную поѣздку, прислать намъ и этимъ облегчить наши бѣдствія? Но тѣмъ не менѣе, я отправился розыскивать моего отца, а получку денегъ пришлось отложить до другаго времени. Послѣ неизбѣжныхъ объятій, о искренности которыхъ я не скажу ни слова, отецъ объявилъ мнѣ, что онъ никакъ не могъ утерпѣть, чтобы не повидаться съ нами, и узнавъ, что братъ въ деревнѣ, приказалъ мнѣ сейчасъ же послать за нимъ, потому что долго оставаться онъ не можетъ Приходилось отправить ту подводу, на которой я пріѣхалъ, опять назадъ, но для того, чтобы добыть брата изъ деревни, было необходимо послать ему столько денегъ, сколько было нужно для расплаты съ долгами и кромѣ того для найма новой подводы. На почту идти уже было поздно, а попросить денегъ у отца—я былъ не въ силахъ и готовъ былъ скорѣе удрать опять въ деревню, не повидавшись съ нимъ, нежели рѣшиться на это; но, къ счастію, у пріютившаго меня въ городѣ товарища деньги оказались, что́ не всегда бывало, и я, разсчитывая расплатиться лежащими на почтѣ деньгами, занялъ у него, сколько мнѣ было нужно Я сильно боялся, чтобы братъ, питавшій къ отцу непріязненныя чувства, не вздумалъ отказаться пріѣхать, но, къ счастію, этого не случилось и мы провели нѣсколько дней съ отцомъ, въ той гостиницѣ, въ которой онъ останавливался. Въ теченіе этого времени, отецъ даже и не думалъ ни разспрашивать насъ о томъ, каково намъ жилось, ни освѣдомляться о нашихъ нуждахъ; а я, разсчитывая получить деньги мои по его отъѣздѣ, всѣ эти дни не ходилъ на почту. Но какъ-то, уже незадолго до отъѣзда отца, случайно проходя мимо почтовой конторы, я встрѣтилъ его выходящимъ изъ нея и замѣтилъ, что онъ сдѣлалъ видъ, будто не видитъ меня. Такъ какъ я говорилъ отцу о томъ, что еще не получалъ денегъ хотя и умолчалъ о сдѣланномъ подъ нхъ обезпеченіе долгѣ, то, при этой встрѣчѣ, въ моей головѣ мелькнула мысль весьма непріятнаго свойства и, сдѣлавъ и съ своей стороны видъ, что я его не замѣчаю, я прошелъ нѣсколько улицъ и немного погодя вернулся въ почтовую контору. Тамъ имѣлъ я удовольствіе узнать, что присланныя намъ уже давно деньги, тѣ деньги, которыя въ настоящую минуту составляли мою единственную надежду, получены отцомъ о б р а т н о. Хорошо еще, что случай помогъ мнѣ узнать объ этомъ до отъѣзда отца, а иначе мнѣ пришлось бы остаться подлецомъ передъ выручившимъ меня товарищемъ, потому что отецъ, собираясь уѣзжать, вовсе и не упоминалъ о нихъ. Долго не былъ я въ силахъ подавить душившее меня чувство, долго не могъ рѣшиться спросить о нихъ, и вѣроятно, такъ и не рѣшился бы на это, но положеніе было безъисходно и, взглянувъ на брата, который сидѣлъ блѣдный, какъ полотно, отъ душившей его злобы, я собралъ всѣ силы, какія только у меня оказались, и сообщилъ отцу о сдѣланномъ долгѣ. Съ горечью въ

душѣ я увидѣлъ, какъ нехотя отецъ отдавалъ деньги, и еще съ большею горечью слушалъ его наставленія, которыя начались сейчасъ же послѣ отдачи и вѣроятно не скоро бы кончились, еслибы не пришли почтовыя лошади, на которыхъ онъ долженъ былъ ѣхать.

Эти наставленія или, лучше сказать, нравоученія, о которыхъ я сейчасъ упоминалъ, приходилось намъ выслушивать отъ отца при всякомъ удобномъ, а иногда и неудобномъ случаѣ, и съ самаго ранняго дѣтства я пріобрѣлъ какое-то ничѣмъ неодолимое къ нимъ нерасположеніе, чтобы не выразиться сильнѣе. Всѣ они были очень однообразны и монотонны и почти всегда сводились къ тому, что «государь первый дворянинъ въ государствѣ, а ты только второй, и поэтому слѣдуетъ учиться или служить, а деньги надо непремѣнно беречь».

Много уже горькой правды высказалъ я объ отцѣ и, чтобы иной разъ не свалить вины съ больной головы на здоровую,—я обязанъ точно также высказать всю правду и о моей матери. Я уже говорилъ о томъ, что характеръ ея вовсе не былъ лучше характера отца, и теперь прибавлю, что быть можетъ онъ былъ даже и хуже, потому что матушка была крайне раздражительна и нерѣдко говорила и дѣйствовала совершенно необдуманно. Ни къ какому личному, не говоря уже труду, но даже къ заботѣ о себѣ самой, или о своихъ обязанностяхъ, она не была никогда способна и отличалась въ этомъ отношеніи отъ отца только тѣмъ, что даже и не пыталась никогда сдѣлать надъ собою какое-либо усиліе; но оба они почти въ одинаковой степени носили на себѣ отпечатокъ деревенской помѣщичьей жизни и оба, одинаково, имѣли обыкновеніе сваливать другъ на друга вину той или другой неудачи, того или другаго безпорядка. Но отецъ, все-таки, хотя сначала къ чему-либо стремился и былъ чѣмъ-нибудь занятъ, а матушка, какъ и большинство ея сверстницъ, уже однимъ ея воспитаніемъ была какъ будто отстранена отъ жизни, и доказательствомъ ея крайней непрактичности можетъ служить слѣдующій разсказъ, слышанный мною отъ лица, близко знавшаго её въ ея молодости. Какъ я уже говорилъ въ первой главѣ этихъ воспоминаній—отецъ мой скоро послѣ своей женитьбы уѣхалъ опять на службу, за полученіемъ отставки, а матушка оставалась дома и нѣкоторое время проживала въ деревнѣ своихъ близкихъ родственниковъ—Пот—хъ. Въ числѣ вещей, доставшихся ей въ приданое, находился ломбардный билетъ въ нѣсколько тысячъ рублей, который отецъ оставилъ у нея, но по пріѣздѣ на мѣсто своего служенія просилъ выслать ему въ Вильно. Когда было получено письмо, заключавшее въ себѣ эту просьбу, то вдругъ оказалось, что билетъ исчезъ неизвѣстно куда. Разумѣется, произошелъ большой переполохъ, но тетки матушкины, почтеннѣйшія дѣвицы Пот—вы, о

которыхъ я говорилъ въ третьей главѣ, зная ея безпечность, вздумали поискать билета ни больше, ни меньше какъ въ кучѣ грязнаго бѣлья, гдѣ онъ и былъ найденъ при всеобщемъ смѣхѣ. Все это, то-есть и странность воспитанія, и природная непрактичность, не могло не быть извѣстно отцу, и слѣдовательно его послѣдующіе упреки, не прекращавшіеся никогда, въ одинаковой степени справедливо могли быть отнесены и къ нему самому; но въ нѣкоторое оправданіе его можно сказать, что быть можетъ онъ предполагалъ, что эти недостатки современемъ исчезнутъ сами собою и любовь къ мужу заставитъ жену охотно приняться за дѣло жизни и пополнить своимъ трудомъ то, чего не дало воспитаніе. Но вотъ этой-то любви и не было никогда, да и быть не могло и, если отецъ дѣйствительно разсчитывалъ на то, что сказано выше, то, кромѣ этого, онъ вѣроятно не зналъ, что требовать любви имѣетъ правъ только тотъ, кто любитъ самъ. Сверхъ всего этого у матушки была еще одна довольно странная черта такого свойства, что уже одно существованіе ея должно было устранять всякую возможность какого-либо соглашенія между моими родителями. Она въ глубинѣ души считала отца всѣмъ ей обязаннымъ, признавала себя единственною госпожею дома, а на него смотрѣла какъ на что-то въ родѣ управляющаго и иногда, въ порывѣ раздраженія, не задумывалась это высказывать. Многіе изъ родственниковъ нашихъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить о моей матушкѣ, осуждали ее за это и постоянно отдавали отцу предпочтеніе, а иногда случалось мнѣ замѣчать, что даже крѣпостнымъ нашимъ людямъ эта черта въ ней не нравилась. Вотъ это-то все, вмѣстѣ взятое, и было причиною того, что супружеская жизнь моихъ родителей, подъ конецъ, хотя къ сожалѣнію немного поздно, завершилась полнѣйшимъ разрывомъ, не обошедшимся безъ нѣкотораго скандала. Несмотря, однако, на эти тяжелыя и несимпатичныя черты характера моей матери, въ настоящее время, когда обоихъ моихъ родителей уже давно нѣтъ на свѣтѣ, я все-таки хотя сколько-нибудь отдыхаю душою на воспоминаніи о ней, тогда какъ помянуть добромъ отца—мнѣ положительно не за что. Сколько разъ, бывало, приходили къ ней мои младшіе братья, въ слезахъ и съ горькою обидою въ душѣ — за утѣшеніемъ, по окончаніи музыкальныхъ уроковъ. Надо сказать, что они имѣли несчастіе имѣть недурные голоса, и вслѣдствіе этого родитель нашъ возъимѣлъ намѣреніе обучить ихъ пѣнію—самолично. Этому искусству онъ попробовалъ было сначала обучать и меня, но къ величайшему моему удовольствію я очень скоро оказался вполнѣ для этого непригоднымъ. За то, хотя не физически, а морально, и я страдалъ глубоко, глядя на муки, которыя были претерпѣваемы бѣдными ребятами. Хотя отецъ и считалъ себя музыкантомъ потому, что любилъ играть на гитарѣ и фальцетомъ пѣлъ нѣкоторые модные романсы,

но о преподаваніи онъ, разумѣется, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и, не умѣя толкомъ ничего объяснить, по цѣлымъ часамъ занимался вытягиваніемъ изъ нихъ нотъ за волосы и вколачиваньемъ разныхъ бемолей и діезовъ—кулаками.

Сколько разъ, бывало, и я самъ приносилъ матушкѣ мою, еще для самого меня тогда непонятную, тоску и выплакивалъ ее на ея колѣняхъ.

Былъ еще одинъ эпизодъ въ жизни моихъ родителей, который можетъ служить къ оправданію матери моей во многомъ. Мнѣ не хотѣлось бы разсказывать о немъ, но изъ пѣсни слова не выкинешь, а случай довольно характеристиченъ. Когда мы, братья, уже поступили въ гимназію, а сестры начали подростать, то необходимо было подумать о томъ, чтобы начать ихъ чему-либо учить. Бывшая наставница наша, уважаемая Н. Я. Д—я, почему-то оставила домъ нашъ сейчасъ же по поступленіи нашемъ въ гимназію, и матушка довольно скоро послѣ этого стала заботиться о пріисканіи новой наставницы, но такъ какъ она очень рѣдко выѣзжала изъ деревни и сама не имѣла возможности сдѣлать это, то довольно часто, какъ я узналъ впослѣдствіи изъ оставшейся переписки, писала объ этомъ отцу, который въ то время большею частію жилъ въ городѣ вмѣстѣ съ нами. Долгое время переписка эта не имѣла никакого результата, чтò было послѣдствіемъ или безпечности или той же экономіи отца. Въ это же время въ городѣ, у одной близкой родственницы моей матери, жила ея племянница, сирота, молодая и довольно красивая дѣвушка, приходившаяся также матушкѣ, кажется, троюродною сестрою. Я не могу сказать навѣрное, вовсе ли ничего не дѣлалъ отецъ для пріисканія наставницы дочерямъ своимъ, или что-либо и дѣлалъ, но безъ успѣха не по его винѣ, но изъ вышеупомянутой переписки видно, что именно онъ посовѣтовалъ матери, и довольно настоятельно, взять къ себѣ эту дѣвицу, п о к а, какъ онъ писалъ, не найдется другая. Изъ этого п о к а легко можно усмотрѣть, что онъ и самъ не считалъ ее собственно годною для роли наставницы. Такъ какъ ничего лучшаго въ виду не было, то матушка согласилась, хотя, какъ она сама говорила мнѣ впослѣдствіи, ей почему-то очень не хотѣлось этого, и дѣвица О—а поселилась въ нашемъ домѣ. Послѣ этого событія отецъ сталъ замѣтно рѣже бывать въ городѣ, но такъ какъ его пріѣзды никогда не доставляли намъ большаго удовольствія, то мы, разумѣется, вовсе не были за это въ претензіи. Проводя постоянно въ деревнѣ рождественскія, пасхальныя и лѣтнія каникулы, мы, конечно, видали г у в е р н а н т к у нашихъ сестеръ, но въ то время никому еще и въ голову ничего не приходило, а тѣмъ болѣе намъ, которые тогда были еще, что называется, подростками. Такимъ-то манеромъ прошло уже года два, я сталъ изъ подростка юношею лѣтъ пятнадцати, и мое сердце уже начало биться съ нѣкоторымъ трепе-

томъ при мысли о дѣвицѣ О—ой, а при свиданіяхъ съ нею я даже покушался изъяснять ей мои чувства, когда вдругъ къ намъ въ городъ начали доходить слухи, сначала нѣсколько смутные, подъ сурдинкою сообщавшіеся пріѣзжавшими иногда крѣпостными хамами, о томъ, что гувернантку прогоняютъ; а потомъ уже и очень опредѣленные о томъ, что причина изгнанія та, что матушка одинъ разъ застала съ нею отца—en flagrant délit.

Послѣ описаннаго происшествія матушка переѣхала на постоянное житье въ городъ, а дѣвица О—а, кажется, поступила въ монастырь, по крайней мѣрѣ уже никто изъ насъ никогда болѣе не видалъ ее, и я ничего не слыхалъ о ней съ той самой поры. Цѣлыхъ десять лѣтъ подрядъ матушка не была послѣ этого въ деревнѣ и возвратилась туда только послѣ окончательнаго разрыва съ мужемъ. Этотъ разрывъ совершился тогда, когда оба брата мои уже умерли, а я находился въ отставкѣ послѣ военной службы. Необходимо сказать, что хотя въ дѣйствительности всѣ имѣнія наши, кромѣ родоваго отцовскаго, и принадлежали матушкѣ, но еще до моего рожденія на нихъ были совершены фиктивныя купчія крѣпости на имя отца. По какой причинѣ, или для какой цѣли было сдѣлано такъ—мнѣ неизвѣстно, но отъ нѣкоторыхъ родственниковъ мнѣ случалось слышать одобреніе этому поступку моего отца. Послѣ переѣзда въ городъ матушка начала довольно часто требовать отъ отца, чтобы онъ возвратилъ ей имѣніе, но онъ постоянно относился къ этому требованію такъ, какъ относятся къ неразумнымъ просьбамъ капризныхъ дѣтей, и это status quo тянулось до самаго пріѣзда моего, что̀ совпало съ наступившимъ скоро вслѣдъ за тѣмъ освобожденіемъ крестьянъ. Уже и въ послѣдніе годы передъ освобожденіемъ отецъ началъ мало заботиться объ управленіи имѣніями и большею частью оставался въ городѣ на глазахъ матушки, постоянно какъ бы на зло сообщая ей о разныхъ непріятныхъ извѣстіяхъ, получаемыхъ изъ деревень, что̀ еще болѣе раздражало ее; а послѣ освобожденія онъ уже вовсе пересталъ заботиться о чемъ бы то ни было, а между тѣмъ все-таки не соглашался исполнить желаніе матушки. При этихъ-то обстоятельствахъ матушка, даже предварительно не посовѣтовавшись со мною, вздумала обратиться съ жалобою къ губернскому предводителю дворянства и просила его понудить отца возвратить ей ея имѣнія, а самому уѣхать въ его родовое имѣніе и не касаться вовсе семьи. Когда дѣйствія предводителя по этой жалобѣ показались матушкѣ медленными и нерѣшительными, то, по пріѣздѣ въ городъ только-что вновь назначеннаго губернатора А—ва, съ тою же просьбою она обратилась къ нему. Хотя и самому мнѣ было тяжело дышать въ окружавшей всѣхъ насъ атмосферѣ, и мнѣ также сильно хотѣлось хотя какой-нибудь свободы, но тѣмъ не менѣе я былъ глубоко оскорбленъ поступкомъ моей

матери и, когда я узналъ о немъ, то мнѣ почти совѣстно было показываться на улицѣ. Мнѣ хорошо было извѣстно, какъ быстро въ нашемъ городѣ сплетни разносятъ всякую, даже самую ничтожную новость, и мнѣ казалось тогда, будто всѣ встрѣчные люди глядятъ на меня какъ что-то на нихъ не похожее, на что-то скандальное. Я еще мирился съ жалобою, обращенною къ губернскому предводителю, хотя въ то время эту должность занималъ человѣкъ, бывшій вовсе не «нашего поля ягодою»—онъ былъ отставной кавалергардскій офицеръ и имѣлъ очень большое состояніе, тогда еще не растраченное; но никакимъ образомъ не могъ я простить матушкѣ то, что она не остановилась на этомъ и жаловалась губернатору. Этотъ губернаторъ былъ съ головы до ногъ какимъ-то петербургскимъ чиновникомъ, хотя и имѣлъ нѣкоторый aplomb лицеиста, совершеннаго либерала, и обратиться къ нему съ подобною интимною жалобою—я считалъ просто позоромъ. Пришлось мнѣ также видѣть своими глазами то впечатлѣніе, которое произвело на отца полученное имъ отъ новаго губернатора приглашеніе немедленно пожаловать къ нему по очень важному дѣлу. Вѣроятно, отецъ сейчасъ же догадался, по какому именно дѣлу его приглашаютъ; мнѣ показалось, что въ глазахъ его мелькнуло выраженіе обиды и негодованія, и мнѣ стало глубоко жаль его. Разумѣется, онъ не сказалъ мнѣ, куда и зачѣмъ онъ идетъ, и можно было думать, что онъ увѣренъ въ томъ, что я ничего не знаю и не подозрѣваю. Какъ мнѣ кажется, при этомъ свиданіи отца съ губернаторомъ присутствовалъ также и губернскій предводитель, но мнѣ неизвѣстно, что именно говорили они отцу моему и что онъ отвѣчалъ ему. Нѣсколько дней спустя, мнѣ случилось быть вмѣстѣ съ отцомъ въ соборѣ у какой-то парадной обѣдни, и я видѣлъ, какъ, проходя мимо отца, губернаторъ первый ему поклонился. Съ тогдашнимъ губернскимъ предводителемъ, милѣйшимъ М. Е. К—мъ, впослѣдствіи я хотя и былъ въ очень близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ, но очень понятно, что ни онъ никогда не заговаривалъ со мною, ни я не спрашивалъ у него о подробностяхъ этого дѣла, и такимъ образомъ я до сихъ поръ не знаю, что именно побудило отца исполнить вышеупомянутое требованіе матушки. Что онъ исполнялъ его неохотно—это видно теперь изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ, найденныхъ мною впослѣдствіи въ его бумагахъ, а въ то время было замѣтно по тому тону, съ которымъ онъ говорилъ объ этомъ со мною скоро послѣ свиданія съ губернаторомъ. Онъ позвалъ меня и даже, безъ своего обычнаго торжественнаго вида, довольно просто спросилъ о томъ, какое мнѣніе я имѣю о желаніи матушки, но было замѣтно, что отвѣтъ неблагопріятный для этого желанія былъ бы гораздо пріятнѣе для отца. Я уже говорилъ, что съ самаго ранняго возраста никогда не могъ быть откровененъ съ отцомъ, или даже въ

его присутствіи, но въ этомъ случаѣ я собрался съ силами и откровенно сказалъ ему, что и я не нахожу это безполезнымъ, а думаю, что подобный исходъ послужитъ всеобщему спокойствію.

Послѣ этого разговора отецъ немедленно началъ хлопотать о подготовленіи необходимыхъ для передачи актовъ, но при этомъ явились новыя затрудненія, съ которыми пришлось возиться довольно долго. Оказалось, что по закону нельзя передать имѣніе женѣ инымъ способомъ, какъ только посредствомъ совершенія новой купчей крѣпости, что̀ было сопряжено съ довольно значительными и совершенно непроизводительными расходами, во избѣжаніе которыхъ отцу посовѣтовали совершить раздѣльный актъ на имя дѣтей. Когда матушкѣ было объ этомъ сообщено, то началась новая исторія: она не соглашалась, несмотря ни на какіе резоны, и ей казалось, что немедленно же по совершеніи раздѣла она изъ-подъ власти мужа непремѣнно перейдетъ подъ власть дѣтей. Кромѣ того, не понимая, разумѣется, ничего въ дѣлѣ гражданскихъ актовъ, она говорила, что могутъ дѣлать все, что̀ угодно, но только чтобы въ той б у м а г ѣ, которую ей дадутъ подписать, было непремѣнно написано, что имѣніе принадлежитъ е й. Наконецъ, порѣшили на томъ, что при раздѣлѣ я буду долженъ дать ей п о д п и с к у въ томъ, что никогда не буду вмѣшиваться въ ея распоряженія. Раздѣльный актъ былъ совершенъ въ гражданской палатѣ уже тогда, когда я самъ занималъ въ ней должность засѣдателя отъ дворянства, что̀ впрочемъ произошло почти одновременно. Вслѣдъ за этимъ матушка съ сестрами поселилась въ томъ имѣніи, которое досталось на мою долю, а отецъ уѣхалъ въ свое, находившееся верстъ за полтораста отъ губернскаго города, въ Бѣльскомъ уѣздѣ.

Вышеописанныя отношенія родителей моихъ другъ къ другу, свидѣтелемъ которыхъ мнѣ доводилось быть съ ранняго дѣтства, поселили во мнѣ неодолимое отвращеніе отъ семейной жизни и, чувствуя также и въ себѣ самомъ тѣ недостатки, которые были причиною ихъ раздора, я постоянно старался избѣгать всего того, что могло быть поводомъ къ искушенію—изъ боязни, чтобы и надо мною не повторилась ихъ судьба.

Послѣ отъѣзда отца я видѣлъ его всего одинъ разъ, во время его пріѣзда ко мнѣ, о которомъ уже упоминалъ, а потомъ уже не видѣлся съ нимъ болѣе шести лѣтъ сряду. Въ теченіе этого времени онъ, впрочемъ, довольно часто писалъ ко мнѣ и, разумѣется—и я къ нему, но переписка наша была почти безсодержательна, а когда одинъ разъ, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, я вздумалъ обратиться къ нему за совѣтомъ и помощью, то изъ отвѣта ясно увидѣлъ, что дѣлать это не стоило труда. Отецъ мой умеръ 10 января 1868 года, и жившая вмѣстѣ съ нимъ его сестра, а моя тетка Марья Николаевна, сейчасъ же прислала ко мнѣ нарочнаго.

Тѣло отца я засталъ уже стоящимъ въ церкви. Отецъ умеръ отъ паралича, и тѣло уже стояло около пяти сутокъ, такъ что приходскій нашъ священникъ непремѣнно требовалъ, чтобы похороны были совершены не далѣе какъ на другой день. Такъ какъ уже все, что было необходимо для похоронъ, было готово, то на другой же день по моемъ пріѣздѣ всѣ добрые сосѣди наши безъ приглашенія собрались въ церковь. Вдругъ, во время заупокойной обѣдни мнѣ припомнился одинъ мой разговоръ съ покойнымъ отцомъ, происходившій много лѣтъ тому назадъ. Мы говорили съ нимъ о томъ, какъ ужасно должно быть положеніе человѣка, пробудившагося въ могилѣ, я разсказывалъ ему о томъ, какъ испыталъ нѣчто подобное этому, и отецъ, выслушавъ мой разсказъ, сказалъ: «вотъ тебѣ мой строгій завѣтъ: когда я умру - не хорони меня, пока я совсѣмъ провоняю».

И такъ, припомнивъ все это уже почти передъ концомъ обѣдни, я наклонился, во время прощанія, къ тѣлу отца и съ ужасомъ почувствовалъ, что оно не издаетъ никакого запаха и что, слѣдовательно, я не исполняю завѣта, сдѣланнаго мнѣ моимъ отцомъ. Мнѣ не пришло даже въ голову то, что иначе и не могло быть съ трупомъ, стоявшимъ нѣсколько дней въ церкви, которая никогда не топилась, при тѣхъ морозахъ, которые были тогда; а между тѣмъ гробъ уже подняли и понесли къ могилѣ, вырытой у самой церкви, и я какъ автоматъ присоединился къ выносившимъ его. Что дѣлать, если отецъ не умеръ, а только находится въ летаргическомъ снѣ, что́ нерѣдко бываетъ? Есть ли хоть какая-либо возможность теперь остановить погребеніе?—думалъ я все время, пока несли гробъ, но когда его уже опустили въ могилу, то меня вдругъ осѣнила блистательная мысль. Я приказалъ не засыпать могилы, а только заложить ее досками сверху, нанялъ сторожа для наблюденія за могилою и цѣлыхъ два мѣсяца она оставалась незарытою. Въ половинѣ марта я опять пріѣхалъ съ одною изъ моихъ сестеръ; вмѣстѣ съ нею, взявъ съ собою двухъ работниковъ съ заступами, мы отправились на могилу. Когда мы собирались раскрыть гробъ, то я заранѣе чувствовалъ уже дрожь при мысли о томъ, что будетъ со мною, когда я вдругъ увижу, что трупъ измѣнилъ свое положеніе; но, разумѣется, ничего подобнаго не было, и съ облегченнымъ сердцемъ я велѣлъ засыпать могилу.

Матушка моя послѣ разрыва съ отцомъ, какъ я уже сказалъ, поселилась въ деревнѣ и вознамѣрилась сама заниматься хозяйствомъ. Но хозяйство ея, само собою разумѣется, никакъ не могло идти хотя сколько-нибудь порядочно, во-первыхъ, потому, что она не имѣла о немъ ни малѣйшаго понятія, а во-вторыхъ, потому, что за время городской жизни у нея уже успѣли образоваться совершенно иные вкусы и стремленія. Она почувствовала неодолимое влеченіе ко всему духовному, то-есть не къ молитвѣ и благочестивымъ мыслямъ, а къ вечернямъ, все-

монамъ, стихарямъ, ризамъ, епитрахилямъ и тому подобнымъ принадлежностямъ благочестія; а **кумиромъ** ея сдѣлался мѣстный епархіальный архіерей, котораго, впрочемъ, скоро перевели въ другую губернію. Подъ конецъ жизни она бросила хозяйство и опять поселилась въ городѣ, гдѣ наняла себѣ небольшую квартирку въ женскомъ монастырѣ. Тамъ и умерла она въ мартѣ 1875 года, переживъ мужа семью годами, на шестьдесятъ пятомъ году отъ рожденія.

Миръ праху вашему, родители мои! Говоря правду о васъ, я вовсе не хочу тревожить его, но если когда-либо и кто-либо прочтетъ то, что мною здѣсь написано, то онъ еще разъ увидитъ доказательство того, что семья только тогда имѣетъ благотворное значеніе въ жизни человѣка, когда она установлена на основахъ любви, взаимнаго пониманія и многихъ другихъ вещей, которыхъ не существовало въ той семьѣ, частицу коей составлялъ и я. И если высказанная мною правда хотя для одного человѣка послужитъ примѣромъ и предостереженіемъ, то она уже исполнитъ то назначеніе, которое составляетъ принадлежность всякой правды.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Наши учителя и наставницы. — Мое знакомство съ литературой. — Мои сомнѣнія.—Дворовый Ѳедька.—Теорія моей матери о первородномъ грѣхѣ и о хамахъ.

У моихъ родителей было девять человѣкъ дѣтей: три сына и шесть дочерей. У насъ, дѣтей, постоянно были общіе учителя, которые набирались изъ окончившихъ курсъ семинаристовъ или **студентовъ**, какъ они сами себя называли. Между ними былъ И. Г. Воробьевъ, жившій очень недолго; онъ памятенъ мнѣ болѣе всего тѣмъ, что носилъ длинный до пятъ сюртукъ гороховаго цвѣта, и къ дамамъ, для привѣтствія, подходилъ, сложивъ обѣ ладони на-крестъ, такъ, какъ подходятъ къ архіерею подъ благословеніе; а кромѣ этого, еще и тѣмъ, что поступилъ къ намъ прямо изъ дома помѣщика сосѣдняго уѣзда, Пржевальскаго, отца, въ то время еще будущаго, знаменитаго путешественника. Былъ у насъ даже такой учитель, который пробылъ всего одинъ день и, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, былъ немедленно же возвращенъ вспять.

Но никто изъ нашихъ учителей не памятенъ мнѣ такъ, какъ два послѣдніе, которыхъ имена были: Василій Алексѣевичъ Крапухинъ и Александръ Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Первый былъ также семинаристъ и умеръ священникомъ въ городѣ Дорогобужѣ, а второй, кажется, имѣлъ

званіе мѣщанина и учился въ гимназіи, но не окончилъ курса и всю остальную жизнь посвятилъ обязанностямъ домашняго учителя. Оба эти учителя пробыли у насъ долѣе, нежели всѣ предъидущіе, и первый оставилъ нашъ домъ только потому, что долженъ былъ сдѣлаться священникомъ, а второй—потому, что мы уже поступили въ гимназію. Василій Алексѣевичъ памятенъ мнѣ болѣе всего тѣмъ, что къ дѣлу обученія нашего онъ относился какъ-то необыкновенно сердечно, онъ какъ-будто влагалъ душу во все то, что говорилъ, и я очень сожалѣю, что мнѣ ни разу не случилось видѣть его въ то время, когда онъ былъ священникомъ: я увѣренъ, что служеніе его должно было производить впечатлѣніе, не совсѣмъ обыденное.

По поводу только-что сказанныхъ мною словъ я позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Хотя и не особенно много, но все-таки доводилось мнѣ на своемъ вѣку видѣть торжественныя богослуженія, совершаемыя архіереями и митрополитами; но, къ стыду моему, я долженъ признаться, что ни одно изъ нихъ не произвело на меня особаго впечатлѣнія. Болѣе всѣхъ памятны мнѣ: обѣдня, которую служилъ, кажется, даже не въ праздничный день, въ домовой архіерейской церкви на Тверскомъ подворьѣ, епископъ Филоѳей, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, бывшій въ то время викаріемъ московскимъ, и освященіе церкви сосѣдняго съ нашимъ имѣніемъ села Щелканова, которое совершалось почтеннѣйшимъ протоіереемъ Благовѣщенской церкви города Смоленска, отцомъ Андреемъ Добротворскимъ. Въ первомъ случаѣ довольно сильное впечатлѣніе производила необычная при архіерейскомъ служеніи простота, такъ какъ обѣдня совершалась въ сослуженіи только одного священника и одного дьякона; а во второмъ — величавая наружность старца, съ бѣлою, какъ серебро, длиннѣйшею бородою и характернымъ, умнымъ и выразительнымъ лицомъ, въ соединеніи съ тѣмъ непритворнымъ благоговѣніемъ, съ которымъ онъ совершалъ этотъ торжественный обрядъ, и которое какъ-то повелительно дѣйствовало на слушателей. Но ни одно изъ всѣхъ, когда-либо мною видѣнныхъ богослуженій, торжественныхъ и неторжественныхъ, не осталось въ памяти моей до такой степени цѣльно, не произвело на меня такого сильнаго и вмѣстѣ глубокаго впечатлѣнія, какъ однажды слышанная мною, совершенно случайно, въ городѣ Муромѣ обѣдня, которую служилъ священникъ нашего лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго полка, отецъ Евдокимъ Крещенскій. Я, право, не умѣю объяснить, что̀ именно особеннаго заключалось въ томъ, какъ произносилъ каждый возгласъ, каждое слово обѣдни этотъ, небольшаго роста, некрасивый и рябой человѣкъ, самой обыденной наружности; но, произнося святыя слова съ выраженіемъ глубокаго благоговѣнія, онъ вмѣстѣ съ этимъ какъ-будто истолковывалъ значеніе ихъ, какъ бы какою-то невидимою силою приковывалъ къ нимъ

вниманіе слушателя и какъ-будто вкладывалъ смыслъ ихъ прямо ему въ душу.

Пора, однако, возвратиться à l'ordre du jour. Послѣднимъ учителемъ нашимъ предъ поступленіемъ въ гимназію былъ Александръ Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Въ то время онъ былъ человѣкъ еще молодой, но уже лѣтъ за тридцать; наружность его вообще была довольно изящна, а лицо выразительно, и этому лицу, кромѣ того, придавали нѣкоторую своеобразность постоянно носимыя имъ золотыя очки. Ранѣе насъ онъ уже жилъ довольно продолжительное время во многихъ домахъ смоленскихъ помѣщиковъ, и у меня остались въ памяти разсказы его о нѣкоторыхъ изъ его учениковъ и вообще о тѣхъ домахъ, въ которыхъ доводилось ему жить. Помню я, напримѣръ, что онъ много разсказывалъ о первомъ по времени ученикѣ его, сынѣ предсѣдателя казенной палаты, Рунича, брата извѣстнаго попечителя Петербургскаго университета, мальчикѣ очень даровитомъ, но бѣшенаго и необузданнаго характера; о любимомъ ученикѣ его, Александрѣ Николаевичѣ Энгельгардтѣ, въ настоящее время извѣстномъ ученомъ, которому Александръ Ѳедоровичъ еще въ то время пророчилъ необыкновенную будущность, и еще—о Иванѣ Андреевичѣ Глинкѣ, томъ самомъ, у котораго воспитывался Михаилъ Ивановичъ Глинка, и о которомъ этотъ послѣдній говоритъ въ своихъ запискахъ. Судя по разсказамъ Александра Ѳедоровича, этотъ Глинка былъ человѣкъ очень умный, но довольно оригинальный и въ особенности былъ большой охотникъ до птицъ, которыхъ разводилъ въ огромномъ количествѣ и заботливо воспитывалъ. Лѣтними вечерами ему разстилали посреди двора коверъ, на который онъ усаживался, и питомцы его, сбѣгаясь и слетаясь со всѣхъ сторонъ, окружали его. Александръ Ѳедоровичъ видалъ также и Михаила Ивановича, и когда мы были съ нимъ въ Петербургѣ, то показалъ мнѣ его одинъ разъ на Невскомъ проспектѣ. Вообще, разсказы его были занимательны, и я очень сожалѣю, что въ настоящее время уже не могу припомнить ихъ подробностей. Александръ Ѳедоровичъ самъ также очень любилъ животныхъ и птицъ. Была у него маленькая англійская собачка, по прозванію Шери, которую онъ самъ обучалъ разнымъ штукамъ, и, бывало, мы приходили въ восторгъ, соединенный съ почтительнымъ удивленіемъ къ его искусству, когда, напримѣръ, по сказанному вполголоса и какъ бы въ сторону слову: «Chéri, tu es mort», она вдругъ падала на полъ, закрывала глаза и неподвижно лежала до тѣхъ поръ, пока ей не позволяли встать. Эту собачку впослѣдствіи постигла трагическая смерть. Несмотря на всѣ предосторожности, которыя постоянно были въ отношеніи къ ней принимаемы, она какъ-то, во время нашихъ уроковъ, выскочила на дворъ и, вѣроятно, за свой аристократическій видъ была мгновенно разорвана дворными собаками. Прибѣ-

жавшій по этому случаю сейчасъ же въ классную комнату общій нашъ съ учителемъ камердинеръ Ванька, малый лѣтъ пятнадцати, просто ревѣлъ въ голосъ, сообщая это извѣстіе, а Александръ Ѳедоровичъ поблѣднѣлъ, жилы на лбу его напряглись, и онъ отвернулся; но я успѣлъ замѣтить слезы на глазахъ его, и мнѣ стало глубоко жаль человѣка, потерявшаго, быть можетъ, единственнаго друга жизни. Это было раннею весною, и послѣ обѣда мы всѣ торжественною процессіею понесли Шери въ рощу за озеромъ и тамъ закопали ее, а когда сошелъ снѣгъ, то на этомъ мѣстѣ насыпали небольшой курганъ. По зимамъ Александръ Ѳедоровичъ любилъ заниматься ловлею птицъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ и упомянутымъ Ванькою, также любимымъ, почти каждый день отправлялись въ лѣсъ, гдѣ и разставляли западни. Попадались туда обыкновенно синицы, щеглы и снѣгири, но большею частью мы находили въ нихъ какихъ-то глупыхъ, черныхъ и длинноносыхъ птицъ, изъ породы дятловъ, которыхъ немедленно же выпускали. Помню я то общее торжество, когда намъ удалось поймать довольно рѣдкую голубую синицу, почему-то носящую въ нашихъ краяхъ названіе «московки». Эта московка довольно долгое время жила въ комнатѣ Александра Ѳедоровича, а вмѣстѣ же съ нею тамъ постоянно летали нѣсколько другихъ птичекъ, и сидѣлъ одинъ экземпляръ той глупой птицы, о которой говорено выше, прозванный нами Фениксомъ. Птицы эти всѣ были на свободѣ, а весною мы обыкновенно выпускали ихъ на волю. Довольно долгое время мы воспитывали также двухъ лисенятъ, но эти коварныя животныя, какъ только стали большими лисицами, то немедленно же позабыли нашу хлѣбъ-соль и утекли «до лясу». Я даже собственными глазами видѣлъ, какъ онѣ убѣгали, безпрестанно оглядываясь назадъ.

Много, вообще, пріятныхъ воспоминаній осталось у меня о томъ времени, которое Александръ Ѳедоровичъ прожилъ у насъ и, кромѣ того, что̀ уже разсказано, я помню еще, что мы съ нимъ (только на этотъ разъ уже я одинъ, а не всѣ братья) много разсуждали о томъ, что̀ бывало нами прочитано, спорили или читали вмѣстѣ, а такъ какъ я вообще читалъ очень много и до него мнѣ положительно не съ кѣмъ было дѣлиться мыслями, то и теперь съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминаю я объ этихъ разговорахъ.

Всѣ эти учителя наши обучали насъ, разумѣется, только тому, что̀ было нужно для того, чтобы выдержать вступительный экзаменъ въ гимназію, причемъ меня приготовляли для поступленія прямо въ третій, средняго брата—во второй, а младшаго—въ первый классъ. Учились мы и латыни, и географіи, и исторіи, которая всегда была моимъ любимымъ предметомъ, а для французскаго и нѣмецкаго языковъ мы въ то же время имѣли особыхъ наставницъ, то-есть такъ называемыхъ гувернантокъ. Въ продолженіе всего моего дѣтства, не считая тетушки

Александры Николаевны, которая пробыла у насъ недолго, мы имѣли только двухъ наставницъ, и обѣ онѣ сохраняютъ въ памяти моей слѣды глубокаго къ нимъ уваженія, хотя каждая имѣла нѣкоторыя странности. Не въ осужденіе имъ, а просто для того, чтобы придать картинѣ болѣе яркости, я хочу разсказать все то, что̀ о нихъ помню, и даже позволю себѣ не умолчать объ этихъ странностяхъ. Первая изъ нихъ, почтеннѣйшая Л—ь В—а Т—а была дѣвица уже пожилая и малокровная, а вслѣдствіе этого имѣла весьма блѣдный цвѣтъ лица. Воспитывалась она, кажется, въ Смольномъ или Патріотическомъ институтѣ, навѣрно я не помню, но только въ одномъ изъ тѣхъ, которые въ то время пользовались особымъ покровительствомъ высочайшей фамиліи. Она часто видала почти всѣхъ членовъ императорской семьи и много разсказывала мнѣ о нихъ, описывая подробно каждаго отдѣльно, равно какъ и многихъ тогдашнихъ сановниковъ, которыхъ случалось ей видѣть, и, по разсказамъ ея, я уже заранѣе живо воображалъ себѣ все то, что̀ видѣть удалось мнѣ только много лѣтъ спустя, а всего живѣе и отчетливѣе рисовался въ воображеніи моемъ величественный образъ Николая Павловича. Единственною странностью почтеннѣйшей Л—и В—ы была та, что она еще не теряла надежды плѣнять мужчинъ, и съ этою цѣлью постоянно, передъ обѣдомъ, она нащипывала себѣ щеки для того, чтобы придать имъ румянецъ. Для совершенія этой операціи она, сейчасъ же послѣ урока, на нѣсколько мгновеній уединялась въ своей комнатѣ, но отъ дѣтей трудно утаить что-либо, и мы, замѣтивъ регулярность этихъ исчезновеній, подсмотрѣли въ замочную скважину. Была и еще одна странная привычка у нашей почтенной наставницы: въ зимнія сумерки она постоянно какими-то поспѣшными шагами ходила изъ одного угла залы въ другой, и все что-то такое шептала про себя. Я не могу припомнить, по какому случаю она оставила нашъ домъ, но очень хорошо помню ея прощанье съ нами: «Ne m'oubliez pas, enfants,—сказала она,— le bon Dieu vous oubliera, si vous m'oubliyez».

Другая наставница наша, многоуважаемая Н—я Я—а Д—я, на своемъ вѣку воспитала много поколѣній, и ранѣе нашего, и гораздо позже. Въ то время, когда она жила въ нашемъ домѣ, Н—я Я—а была еще молода, и я помню, что во время уроковъ я всегда любовался ея огромными, черными глазами. Настроеніе ея было, вообще, мечтательное и немного сантиментальное, и не одинъ разъ случалось мнѣ подмѣчать, украдкою, какъ она задумчиво чертила перомъ слѣдующую фразу: «je suis née pour autre chose». Какъ-то разъ она такимъ же манеромъ начертила: «на чужой сторонѣ горекъ бѣлый хлѣбъ», и это весьма трогательное изреченіе послужило поводомъ къ очень комическому происшествію. Бѣлый хлѣбъ у насъ, дѣйствительно, былъ всегда горекъ, и мой средній братъ Сергѣй, отличительною чертою котораго

была полнѣйшая необдуманность дѣйствій, подсмотрѣвъ написанное и не говоря никому ни слова, немедленно же отправился къ матушкѣ заявлять, что Н—я Я—а недовольна этимъ обстоятельствомъ. Но... «въ комъ не сыщешь пятенъ?» А все-таки объ этой наставницѣ нашей я всегда вспоминалъ съ чувствомъ глубокаго уваженія и вмѣстѣ съ нею не могу не отдать дань должнаго почтенія достойнѣйшему брату ея, Д—у Я—чу, который служилъ ротнымъ командиромъ въ Брестъ-Литовскомъ кадетскомъ корпусѣ, впослѣдствіи переведенномъ въ Москву. Въ 1854 году отецъ нашъ повезъ брата Сергѣя въ Варшаву, для опредѣленія его юнкеромъ въ гренадерскій корпусъ и, проѣзжая Брестъ-Литовскій, сдѣлалъ визитъ Д—у Я—чу, съ которымъ до тѣхъ поръ былъ знакомъ только по слухамъ. Еще недавно, перебирая старыя бумаги, я нашелъ въ нихъ письмо отца къ матушкѣ, въ которомъ онъ съ большимъ чувствомъ описываетъ любезный пріемъ и болѣе нежели радушное гостепріимство, оказанное ему этимъ достойнѣйшимъ человѣкомъ: Д—ъ Я—чъ просто потребовалъ, чтобы отецъ переѣхалъ въ его квартиру, и нѣсколько дней не выпускалъ ихъ отъ себя.

Я очень доволенъ, что хотя эти воспоминанія, которыя я задумалъ писать, доставляютъ мнѣ случай высказать чувства признательности и уваженія къ тѣмъ почтеннымъ людямъ, о которыхъ я говорю; въ жизни не всегда дѣлаешь то, что хочешь, и часто много остается или невысказаннымъ, или понятымъ совершенно иначе.

Кромѣ обычныхъ классныхъ занятій, которыя бывали мнѣ, какъ и большинству дѣтей, не всегда по сердцу, у меня было еще одно, уже постоянно любимое занятіе, отъ котораго я почти не могъ оторваться— и это занятіе было чтеніе. Много прочитано было мною въ дѣтствѣ. У отца, хотя безъ особаго выбора, но было довольно много книгъ и, кромѣ того, онъ всегда что-нибудь выписывалъ: «Отечественныя Записки»—постоянно, а иногда еще и «Библіотеку для чтенія», «Сынъ Отечества» или «Современникъ». Кто изъ моихъ сверстниковъ не помнитъ «Отечественныхъ Записокъ» того времени? Въ настоящее время уже каждый школьникъ знаетъ, чьи произведенія печатались тамъ и какое значеніе имѣли они. Читалъ я все: и повѣсти, и переводные романы, и критику, и библіографію, и исторію Консульства и Имперіи и даже—Космосъ. Многое, конечно, въ то время, было не вполнѣ мнѣ понятно, но все-таки много мыслей и ощущеній возбуждало во мнѣ чтеніе, и много мучили и волновали меня разные вопросы. Да кто же всѣ эти люди, которые написали, напримѣръ «Письма объ изученіи природы» или «Запутанное дѣло»?—думалось мнѣ. Зачѣмъ говорятъ они только намеками и не высказываютъ прямо то, что, повидимому, у нихъ спрятано въ мысли, зачѣмъ скрываютъ свои имена и не показываютъ всѣмъ, какимъ путемъ достигли они тѣхъ глубокихъ

идей, которыя, какъ сквозь туманъ, проглядываютъ и остаются полускрытыми въ ихъ твореніяхъ? Иногда мнѣ даже приходило на мысль, что они сами не вполнѣ сознаютъ, что̀ именно хотятъ сказать, а только чувствуютъ въ себѣ какіе-то высокіе, могучіе и необъятные порывы; но зато раздѣлять съ ними эти порывы я привыкъ еще въ то время, и эти порывы мучительно бродили во мнѣ, не находя исхода нигдѣ и объясненія ни въ чемъ. Это состояніе бывало тѣмъ болѣе мучительно, что подѣлиться имъ мнѣ было не съ кѣмъ, да и къ тому же, по всей вѣроятности, и высказать его я бы не сумѣлъ. Тѣмъ не менѣе, эти мысли постоянно возбуждали во мнѣ ощущеніе, конечно, очень смутное, какой-то ненормальности тогдашнихъ человѣческихъ отношеній, и раздѣленіе людей на господъ и слугъ рано стало мнѣ казаться несправедливымъ, хотя я признаюсь откровенно, что вполнѣ сознавалъ всѣ удобства, доставляемыя правомъ принадлежать къ первому разряду, и вовсе не имѣлъ расположенія раздѣлять труды или тягости и униженія втораго. Само собою разумѣется, что я только ощущалъ, а не сознавалъ эту ненормальность, тѣмъ болѣе, что и во мнѣ точно также преобладали инстинкты и побужденія тогдашнихъ барчуковъ, но ощущенія эти, тѣмъ не менѣе, имѣли результатомъ то, что во мнѣ родилось рано какъ-будто какое-то угрызеніе совѣсти: я чувствовалъ словно неловкость въ отношеніи къ людямъ вообще, и эта неловкость лишала меня охоты къ жизни и къ какой бы то ни было энергіи. Мнѣ было совѣстно пользоваться трудами другихъ людей, а обходиться безъ нихъ я не могъ, и все это вмѣстѣ дѣлало то, что во мнѣ, насчетъ всѣхъ другихъ способностей, болѣзненно росло воображеніе, это единственное убѣжище противъ сумбура ощущеній. Часто, взявъ съ собою Кетчеровъ переводъ историческихъ драмъ Шекспира, забирался я въ какой-нибудь оврагъ поуединеннѣе, и передо мною какъ живые проходили Генрихи, Эдуарды и Ричарды, Макбеты, Болинброки и Фальстафы, и я жадно жилъ среди нихъ и съ ними. Помню я также одинъ случай изъ моего дѣтства, который также немало содѣйствовалъ пробужденію во мнѣ тѣхъ мыслей и ощущеній, о которыхъ я говорилъ выше. Необходимо сказать, что въ то время уже существовалъ нѣкоторый протестъ противъ рабства, правда, какой-то неясный, и выражался онъ замѣтнѣе преимущественно между людьми, называвшимися «дворнею» (я, впрочемъ, говорю исключительно о нашихъ дворовыхъ людяхъ). Протестъ этотъ выражался, по большей части, дерзостями, намѣренно-лѣнивымъ и небрежнымъ исполненіемъ господскихъ приказаній, и не совсѣмъ легко было понять—относятся ли эти выходки къ личности господина или имѣютъ характеръ общій; но иногда прорывались наружу намеки уже вовсе не двусмысленные. Въ числѣ довольно многочисленной дворни нашей былъ одинъ малецъ, почти одних лѣтъ

*

со мною, по имени Ѳедька, сынъ того самаго повара Николая, о которомъ я говорилъ выше. Вся семья этого повара была какимъ-то олицетвореннымъ выраженіемъ протеста, отличалась особенною грубостью, и даже младшіе члены ея, о которыхъ мнѣ еще придется говорить впослѣдствіи, только послѣ освобожденія сдѣлались сколько-нибудь похожими на людей. Ѳедька былъ, кажется, старшимъ изъ его сыновей, занималъ въ то время должность комнатнаго казачка и по этому случаю ходилъ въ чекменѣ, съ красными патронами, а иногда, конечно только въ отсутствіе отца, принималъ непрошенное участіе въ нашихъ играхъ. Мы всѣ не особенно его любили за его грубость, и однажды, когда мнѣ было уже не менѣе десяти лѣтъ, я за что-то съ нимъ поспорилъ. Споръ нашъ, вѣроятно, уже очень обострился, потому что я вдругъ почувствовалъ въ себѣ голосъ дворянской гордости и высокомѣрно сталъ говорить ему, что онъ не смѣетъ такъ обращаться со мною, потому что я баринъ, а онъ — хамъ. Аргументъ этотъ, однако, произвелъ на Ѳедьку вовсе не то дѣйствіе, котораго я ожидалъ, и онъ, очень нагло расхохотавшись, объявилъ, что это ровно ничего не значитъ. Увлекшись этою идеею, онъ прибавилъ, что не только-что можетъ говорить все, что́ ему угодно, но даже, такъ какъ онъ сильнѣе меня, то и ударить, и вслѣдъ за этимъ онъ, дѣйствительно, ударилъ меня. Ясно сознавая полную невозможность побѣдить Ѳедьку, я убѣжалъ отъ него съ чувствомъ безсильной злобы и глубоко уязвленной гордости, и первымъ побужденіемъ моимъ было пожаловаться на него матушкѣ. Матушка сказала, что прикажетъ выпороть Ѳедьку, но я помню, что это обѣщаніе и не успокоило меня, и даже не удовлетворило моему самолюбію, а въ душѣ поднялась какая-то мучительная борьба. Мнѣ думалось, что наказаніе тутъ не при чемъ, и что надо, чтобы не было именно того, что дало возможность Ѳедькѣ оскорбить меня; а что такое было это то — я постигнуть не могъ. Кромѣ того, меня еще мучила мысль, что Ѳедька будетъ высѣченъ изъ-за меня; но на другой день я узналъ, что никто и не думалъ его сѣчь. Впослѣдствіи, когда то поколѣніе, къ которому принадлежалъ Ѳедька, подросло, то протестъ, о которомъ говорено выше, сдѣлался уже почти невыносимъ, и нѣкоторыхъ изъ протестующихъ отецъ былъ вынужденъ отдать въ солдаты, а большинство, и въ томъ числѣ Ѳедьку, отправилъ въ Петербургъ, для обученія разнымъ ремесламъ. Большинство этихъ ремесленниковъ очень скоро было приведено по этапу обратно въ деревню, но Ѳедька удержался на своемъ мѣстѣ и, кажется, еще и до сихъ поръ живетъ въ Петербургѣ.

Разсказанный случай игралъ довольно важную роль въ томъ броженіи мыслей моихъ, о которомъ я говорилъ. За разъясненіемъ моихъ недоумѣній мнѣ случалось обращаться къ матушкѣ, такъ какъ никому

другому я ни за что не рѣшился бы говорить о нихъ, но единственнымъ отвѣтомъ ея всегда было то, что такъ угодно Богу и царю, и, слѣдовательно, мы не имѣемъ права объ этомъ разсуждать. При этомъ, разумѣется, выступалъ также на сцену первородный грѣхъ Хама, сына Ноева, родоначальника всѣхъ крѣпостныхъ, въ параллель первородному грѣху перваго человѣка, за который уже всѣ мы, безъ различія сословій, должны нести наказаніе. Сумбуръ мыслей моихъ продолжался до тѣхъ поръ, пока я не услышалъ звона «Колокола» и не увидѣлъ свѣта «Полярной Звѣзды», которые разъяснили мнѣ, что́ именно составляло conditio sine qua non общаго обновленія. Хорошо памятенъ мнѣ этотъ моментъ, когда жадно глотались такъ свободно звучавшія слова, когда сначала таинственно и шопотомъ, а потомъ уже безъ всякой боязни и явно, почти вырывали изъ рукъ другъ у друга заграничныя изданія. Не говоря уже о томъ, что юноши просиживали ночи напролетъ, переписывая ихъ, но даже почтенные старцы какъ будто мгновенно озарялись свѣтомъ истины, и мнѣ случалось видѣть и слышать, какъ нѣкоторые изъ нихъ, съ непритворнымъ отчаяніемъ, удивлялись тому, какъ могло, до сихъ поръ, происходить, что ничто подобное не приходило имъ въ голову.

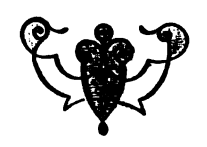
Возвращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ. Жизнь наша въ деревнѣ текла обычнымъ порядкомъ, а между тѣмъ наступилъ 1848-й годъ, который былъ уже отчасти эпохою въ моей жизни и памятенъ мнѣ по многому. Прежде всего, почти въ самомъ его началѣ стали носиться тревожные слухи о томъ, что вся Европа бунтуетъ, что королей прогоняютъ одного за другимъ, что гдѣ-то, недалеко отъ насъ, мужики рѣжутъ помѣщиковъ и что нѣтъ ничего невозможнаго, чего добраго, и у насъ скоро начнется то же самое. Слухи эти, конечно, передавались со всевозможною осторожностью, для того, чтобы они не могли быть услышаны крѣпостными людьми, но доходили и до насъ, дѣтей, и мы, вмѣстѣ со старшими, находились въ томъ же уныломъ настроеніи, въ которомъ были тогда всѣ. Съ наступленіемъ весны быстро разнеслись еще болѣе тревожные слухи о томъ, что по направленію отъ Москвы въ нашу сторону, медленно подвигаясь, шагъ за шагомъ приближается—холера и что люди умираютъ, какъ мухи. Мрачно и тяжело было время ожиданія ея и, наконецъ, грянула роковая вѣсть, что въ Смоленскъ ужасная гостья уже пришла. Все какъ-то вдругъ засуетилось. Жившіе недалеко отъ губернскаго города родственники наши В—е, думая, что холера не заглянетъ въ нашу сторону, всею семьею переѣхали къ намъ, но и у насъ она не заставила себя долго ждать, и заболѣвавшіе ею крестьяне начали быстро одинъ за другимъ умирать. Мы съ отцомъ и Александромъ Ѳедоровичемъ почти ежедневно ѣздили по окрестнымъ деревнямъ и оттирали больныхъ крапивою, что́ въ то время считалось единствен-

нымъ средствомъ противъ холеры. Вездѣ были зажжены костры, на которыхъ жгли еловыя вѣтви, но холера не прекращалась. Между тѣмъ чаще и чаще начали приходить извѣстія о томъ, что въ окрестностяхъ губернскаго города холера сдѣлалась замѣтно тише, и тогда уже В—е пригласили насъ переѣхать къ себѣ. Но, чрезъ нѣсколько дней послѣ этого переѣзда, вдругъ матушка заболѣла холерою, и намъ пришлось злоупотреблять гостепріимствомъ нашихъ родственниковъ—цѣлые два мѣсяца. Былъ такой моментъ въ болѣзни матушки, когда она была на волосъ отъ смерти, и въ эту минуту мы, всѣ ея дѣти, которыхъ было восемь человѣкъ, а самому старшему, то-есть, мнѣ—двѣнадцать лѣтъ, сбившись въ кучку, безмолвно стояли на колѣняхъ передъ образомъ и, заливаясь слезами, слушали горячія слова непонятной намъ молитвы, которыя произносила почтеннѣйшая тетушка Р—а Ф—а (она была полька и католичка). Но, благодаря какому-то энергическому, почти отчаянному средству (кажется, льду), употребленному почтеннѣйшимъ докторомъ Дьяконовымъ, Господь сохранилъ намъ мать, и послѣ выздоровленія ея, тянувшагося довольно долго, мы возвратились домой. Помню я живо и этотъ первый день нашего возвращенія: все вокругъ было мрачно и уныло, многихъ изъ людей нашихъ уже не было на свѣтѣ; они умерли во время нашего отсутствія, а почтеннѣйшій нашъ учитель, Александръ Ѳедоровичъ, переѣхалъ къ сосѣднему помѣщику, такъ какъ въ этомъ году предполагалось опредѣлить насъ въ гимназію.

Между тѣмъ холера прекратилась совершенно, и отецъ повезъ насъ въ губернскій городъ для того, чтобы сдѣлать предварительное испытаніе нашихъ познаній, до наступленія вступительнаго экзамена, который, по случаю холеры, долженъ былъ происходить позже обыкновеннаго времени. Въ губернскомъ городѣ у насъ былъ собственный домъ, который отдавался въ наемъ и по какому-то случаю постоянно бывалъ занятъ учителями гимназіи. Когда еще я былъ очень малъ и губернскій городъ былъ для меня terra incognita, то отецъ, возвращаясь оттуда, много разсказывалъ объ одномъ изъ квартировавшихъ въ то время у насъ учителей—Ѳедорѣ Васильевичѣ Чижовѣ. Я не видалъ Чижова, но помню, что отецъ былъ отъ него въ восторгѣ и постоянно пророчилъ ему какую-то великую будущность. Нѣсколько позже, въ нашемъ домѣ жилъ Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ, тогда учитель греческаго языка, а впослѣдствіи—сначала инспекторъ, а потомъ и директоръ нашей гимназіи, инспекторъ студентовъ Московскаго университета, помощникъ попечителя и подъ конецъ—попечитель Казанскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ и кавалеръ св. Александра Невскаго (См. «Русскую Старину» 1888 года, октябрь, ноябрь и декабрь). Карлъ Карловичъ Бейзертъ скоро послѣ этого былъ переведенъ во Владиміръ, и о радушномъ гостепріимствѣ, которое мнѣ было оказано тамъ его почтеннѣйшимъ

семействомъ, я разскажу въ свое время, а въ то время, когда мы пріѣхали въ городъ для испытанія, единственнымъ нашимъ квартирантомъ былъ учитель русской словесности, Николай Михайловичъ Поповъ, тогда уже, кажется, переведенный на должность инспектора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. Вотъ этотъ-то Николай Михайловичъ, по просьбѣ отца, и дѣлалъ намъ испытанія. Познанія наши оказались удовлетворительными, мы возвратились домой и съ гордостью сообщили о нашихъ успѣхахъ уважаемой наставницѣ нашей Н—ѣ Я—ѣ, которая въ то время еще не оставляла нашего дома, въ ожиданіи результата ея трудовъ надъ нашимъ воспитаніемъ. Не могу припомнить, чрезъ сколько именно времени послѣ этого, мы, въ сопровожденіи отца, явились въ актовую залу гимназіи и съ трепещущими сердцами глядѣли на круглый, огромный столъ, вокругъ котораго сидѣло множество фигуръ въ синихъ фракахъ. Видъ этихъ фигуръ вообще имѣлъ въ себѣ мало утѣшительнаго, а на предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ господинъ, въ такомъ же синемъ фракѣ, одна физіономія котораго уже внушала ужасъ. Зала была наполнена черненькими, бѣленькими и рыженькими головами въ разнообразныхъ костюмахъ, такъ же, какъ и мы, ожидавшими своей очереди для пріобрѣтенія права начать просвѣщаться. Экзамены сошли благополучно, были приняты такъ, какъ и предполагалось: я въ третій, средній — во второй, а младшій братъ — въ первый классъ, и съ этого момента для насъ началась новая жизнь. Но прежде, нежели начну описывать эту жизнь, я хочу сказать нѣсколько словъ о нашихъ деревенскихъ сосѣдяхъ-помѣщикахъ, изъ числа коихъ нѣкоторые были такъ своеобразны, что для того, чтобы изобразить ихъ вполнѣ, надо говорить довольно много, и потому описанію ихъ будетъ посвящена вся слѣдующая глава.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо Г. Е. Благосвѣтлова своему учителю Саратовской семинаріи Гордію Семеновичу Саблукову [1]).

25-го октября 1846 г.

Милостивый Государь
Любезный мой наставникъ
Гордей Семеновичъ.

Давно уже, давно хотѣлъ писать къ вамъ, но безпрестанныя хлопоты не давали собраться съ духомъ и напомнить вамъ о себѣ. Вотъ уже годъ съ лишнимъ, какъ я въ Петербургѣ—давно уже студентомъ Медико-Хирургической Академіи, которую я смѣнялъ на университетъ изъ прямой любви къ естественнымъ наукамъ, которыя читаетъ у насъ Академикъ Горяниновъ и знаменитый Эйхвальдъ—членъ 33-хъ ученыхъ обществъ. Много я въ Петербургѣ уже передумалъ и перечувствовалъ новаго, всѣ мои провинціальные элементы долженъ былъ переработать и слить съ столичными, и, наконецъ, приближаюсь къ моей цѣли. Въ продолженіе года я изучилъ, сколько это было возможно, языки французскій и нѣмецкій—на первомъ говорю, на второмъ свободно читаю книги, кромѣ этого съ жадностію прохожу курсы естественныхъ наукъ и изучаю языкъ аглицкій; видѣвши примѣръ на васъ—любезномъ моемъ наставникѣ, дорожу каждою минутою времени. Кромѣ моихъ собственныхъ занятій я недавно принялъ обязанность перевести съ французскаго языка энциклопедію наукъ и быть сотрудникомъ новаго литерат. Добронравова въ составленіи словесныхъ наукъ для юнкерской школы. При разнообразныхъ этихъ занятіяхъ быстро текетъ мое время и я считаю себя счастливымъ, что я въ Петербургѣ. Въ удовольствіяхъ столичныхъ совершенно себѣ не отказываю и считаю нелишнимъ быть знакомымъ поближе съ свѣтскою жизнію. Имѣю хоро-

---

[1]) Г. С. Саблуковъ, преподаватель Саратовской семинаріи, извѣстный археологъ, оріенталистъ и нумизматъ. О немъ см. „Русскую Старину“, 1890 г., сентябрь, стр. 550—552.

шихъ знакомыхъ—старыхъ Куткиныхъ [1]) и новыхъ: Генерала Бахметева, Генерала Вранкена и семейство князей Еникѣевыхъ [2]), у которыхъ я даю ботаническіе уроки, много другихъ—втораго разряда, по моему списку. Надѣюсь, что счастіе вашего бывшаго и всегда покорнаго вамъ ученика не совершенно будетъ чуждо вамъ и вы порадуетесь.

Любезный Гордей Семеновичъ,—если вы имѣете какія-нибудь небольшія надобности въ Петербургѣ—пишите, пожалуйста, ко мнѣ, я радъ всегда самъ и чрезъ моихъ знакомыхъ выполнить ихъ для васъ. Еслибъ даже вы имѣли нужду въ изданіи какого-нибудь сочиненія полнаго или періодическихъ изданій, то я могу составить вамъ заочное знакомство съ лучшимъ издателемъ журнала, вполнѣ увѣренный, что ваша зрѣлая опытность въ наукахъ давно уже даетъ вамъ право на столичный авторитетъ. Если вамъ нужны какія-нибудь книги, то я могу покупать вамъ за самую сходную цѣну и буду считать себя счастливымъ, если услужу моему доброму наставнику. Я имѣю намѣреніе вызвать моего брата Серапіона Благосвѣтлова [3]) также въ Петербургъ и если сколько-нибудь это будетъ зависѣть отъ васъ, прошу васъ покорно, помогите ему вашими совѣтами: я помню ваши обязательства относительно меня и не сомнѣваюсь, что вы не откажетесь посовѣтовать всего добраго брату того, который васъ любитъ и уважаетъ невыразимо.

Погода у насъ въ Петербургѣ прекрасная—цѣлую осень нѣтъ дождей—и мы вполнѣ щеголяемъ своею погодою. Весну мы пировали то на гуляньяхъ, то на блистательныхъ фейверкахъ, то на концертахъ, которые давались въ честь царской свадьбы. Царь живетъ съ нами и скоро отправляется за границу. Недавно Академія наша встрѣтила славнаго Мажанди, французскаго хирурга, который всѣхъ удивлялъ своими операціями и опытами—воскрешалъ кроликовъ, совершалъ самыя трудныя операціи въ продолженіе 3-хъ минутъ и читалъ публичную лекцію: «Теорія образованія земли, составъ ея поверхности, внутренняя ея температура, образованіе четырехъ новыхъ планетъ, открытіе 12-й планеты» и проч. и проч., всѣхъ удивлялъ смѣлостію ипотезъ, ихъ удачнымъ приложеніемъ къ опыту и тонкимъ знаніемъ географическихъ мѣстностей.

---

[1]) Куткины жили въ Саратовѣ, имѣя домъ на Сергіевской улицѣ (теперь домъ купца Кокуева). Въ этомъ семействѣ Г. Е., учась въ Саратовской семинаріи, давалъ дѣтямъ уроки.

[2]) Семейства Бахметевыхъ и Еникѣевыхъ тоже саратовскія; у нихъ есть имѣніе въ Саратовской губерніи.

[3]) О немъ «Русская Старина» 1891 г., августъ, стр. 416.

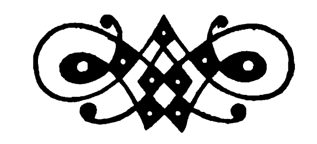
Недавно къ намъ въ Петербургъ пріѣхала прелестная итальянка Борждіо [1]), которая своимъ пѣніемъ съ малютки и до старика невольно каждаго увлекаетъ.

Считаю долгомъ засвидѣтельствовать мое почтеніе и признательную память Палагеѣ Сидоровнѣ—вашей супругѣ; маленькимъ дочкамъ вашимъ мой студенческій комплиментъ.

Прощайте, Гордей Семеновичъ!

С. Пет. Импер. Медико-Хирургической Академіи Студентъ Гр. Благосвѣтловъ.

Сообщ. **Ф. Духовниковъ.**

[1]) Бозіо, извѣстная пѣвица, воспѣтая Некрасовымъ въ стихотвореніи: «Крещенскіе морозы». (Стихотворенія Некрасова. Т. II, стр. 351).

Русское посольство въ Японію въ началѣ XIX вѣка.

(Посольство Резанова въ Японію въ 1803—1805 гг.)

I.

Нѣсколько словъ объ исторіи россійско-американской компаніи.—Ея основатель Шелеховъ.—Резановъ.—Компанія снаряжаетъ первую въ Россіи кругосвѣтную экспедицію.—Покупка кораблей въ Англіи.—Лисянскій и Крузенштернъ.—Командованіе экспедиціей поручается Крузенштерну.—Всеподданнѣйшая записка графа Румянцева.—Назначеніе Резанова чрезвычайнымъ посланникомъ въ Японію и начальникомъ экспедиціи.—Недовольство Крузенштерна.—Дипломатическая инструкція Резанову.—Положеніе Японіи въ началѣ XIX-го столѣтія.—Высочайшая грамота японскому императору и подарки для японскаго двора.—Прибытіе «Надежды» и «Невы» на Кронштадтскій рейдъ.—Личный составъ экспедиціи.

Далекій крайній востокъ Азіи, съ которымъ мы стали соприкасаться послѣ завоеванія Камчатки, неоднократно привлекалъ вниманіе Великаго Петра. Съ проницательностью, свойственною его орлиному взору, онъ сразу понялъ будущее значеніе для Россіи этой окраины и въ 1725 году отправилъ первую морскую экспедицію для описанія сопредѣльныхъ береговъ Азіи и Америки. Экспедиціей командовалъ знаменитый Берингъ, въ честь котораго и получили названіе проливъ, отдѣляющій материки Стараго и Новаго Свѣта, и обширное море, омывающее эти берега.

Въ 1743 году, въ царствованіе Анны Іоанновны, подъ начальствомъ того же Беринга, снаряжена вторая экспедиція, которая подробно изслѣдовала эти воды и описала сѣверо-западную часть Америки. Затѣмъ постепенно открыты были острова Алеутскіе, Лисьи, Андреяновскіе и вся Курильская гряда. Участники этихъ экспедицій, по возвращеніи на родину, стали приносить извѣстія о необыкновенномъ богатствѣ звѣриныхъ промысловъ и разсказами своими побудили многихъ сибирскихъ

промышленниковъ искать счастья по ту сторону Берингова моря. Изъ Охотска и Петропавловска, на небольшихъ судахъ самой первобытной конструкціи смѣльчаки стали отправляться на ловлю морскихъ и пушныхъ звѣрей и съ успѣхомъ начали сбывать свои товары въ Сибирь, Китай и Европейскую Россію. Образовались небольшія товарищества, которыя общими усиліями снаряжали суда. Въ 1782 году насчитывалось уже болѣе 25 судовъ, занимавшихся этимъ промысломъ.

Въ скоромъ времени однако промыселъ сталъ приходить въ упадокъ. Отсутствіе хорошихъ судостроителей, недостатокъ въ опытныхъ морякахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ крайне нераціональный ловъ звѣрей, обратившійся почти въ хищническое истребленіе—вскорѣ привели всѣ эти товарищества къ совершенному разоренію, такъ какъ неумѣренный вывозъ пушнаго матеріала, наводнившаго вдругъ русскіе, китайскіе и сибирскіе рынки, понизилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣны на самый товаръ. Промыселъ постепенно падалъ и вѣроятно совершенно бы уничтожился, еслибы въ предпріятіе не вмѣшалась личность, своею энергіей и умомъ повернувшая весь ходъ дѣла

Человѣкъ этотъ былъ рыльскій торговецъ Шелеховъ, основатель будущей Россійско-Американской компаніи.

Прибывъ по торговымъ дѣламъ въ Сибирь, онъ живо заинтересовался торговлей въ этихъ отдаленныхъ водахъ и, найдя денежную поддержку въ курскомъ купцѣ Голиковѣ, онъ въ 1783 году выстроилъ въ Охотскѣ два судна и отправился въ море. Обойдя Курильскую гряду, онъ прибылъ въ сѣверо-западную Америку, на островъ Кадьякъ, гдѣ занялся изслѣдованіемъ промысла. Дѣло повелъ онъ настолько успѣшно, что черезъ три года вернулся въ Россію съ огромными барышами.

Съ этого времени въ умѣ этого предпріимчиваго человѣка созрѣлъ обширный планъ торговли, который ему удалось представить императрицѣ Екатеринѣ II-ой. Проектъ Шелехова заключался въ созданіи одной обширной торговой компаніи, при содѣйствіи правительства, которая должна была заняться устройствомъ и культурой всего края въ самомъ широкомъ смыслѣ, завести торговый флотъ, устроить школы, отправить миссіонеровъ и всѣми этими мѣрами упрочить за Россіей обладаніе ея новыми американскими владѣніями.

Проектъ Шелехова удостоился вниманія императрицы и тотчасъ же, согласно высочайшей волѣ, приступлено было къ выполненію этого плана. Назначена духовная миссія съ архимандритомъ во главѣ, для просвѣщенія американцевъ христіанскою вѣрою; для образованія русской колоніи отправлено 30 семействъ поселенцевъ; наконецъ, съ цѣлью заведенія морскаго дѣла и упорядоченія судостроенія командированы изъ Петербурга штурманскіе офицеры; а чтобы всѣ эти намѣренія прави-

тельства были приведены въ исполненіе безотлагательно—рѣшено немедленно командировать въ Иркутскъ особаго чиновника изъ Петербурга.

Выборъ палъ на оберъ-прокурора І-го деп. Сената, Николая Петровича Резанова, человѣка энергичнаго и просвѣщеннаго, обратившаго на себя вниманіе въ бытность правителемъ канцеляріи докладчика адмиралт.-коллегіи Державина, въ каковой должности онъ зачастую получалъ порученія отъ самой императрицы Екатерины. Отправившись вмѣстѣ съ духовною миссіею, назначенной въ Америку, Резановъ прибылъ въ Иркутскъ, гдѣ Шелеховъ посвятилъ его во всѣ свои планы. Съ послѣднимъ Резановъ сблизился еще болѣе, женившись на его дочери, такъ что послѣ смерти тестя, желая продолжать и окончательно утвердить начатое Шелеховымъ дѣло, онъ подалъ вступившему тогда на престолъ императору Павлу (1796) записку о соединеніи всѣхъ торговцевъ этого промысла въ одно цѣлое общество, вслѣдствіе чего въ іюнѣ 1798 г. и послѣдовалъ высочайшій указъ объ учрежденіи Россійско-Американской компаніи, которая была принята подъ высочайшее покровительство, и ей дарованы особыя привилегіи. Главное правленіе компаніи учреждено въ Иркутскѣ, а уполномоченнымъ ея въ Петербургѣ назначенъ Резановъ. Вскорѣ однако онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе на переводъ главнаго правленія въ Петербургъ, о чемъ объявлено особымъ высочайшимъ указомъ отъ 19 октября 1800.

Съ переходомъ главнаго правленія компаніи въ Петербургъ, Резановъ вскорѣ ознакомилъ столичное общество съ этимъ предпріятіемъ и сдѣлалъ его настолько популярнымъ, что императоръ Александръ Павловичъ и многіе члены августѣйшаго дома сдѣлались акціонерами новой компаніи; все высшее петербургское общество и знатнѣйшее купечество стали покупать акціи, такъ что къ концу 1802 года число акціонеровъ отъ скромной цифры 17 возросло до 400. Вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжая дѣятельно заботиться объ интересахъ компаніи, Резановъ черезъ посредство министра коммерціи, графа Румянцева, подалъ государю записку, въ которой, указывая на неудобство доставленія въ новыя владѣнія провизіи и строительныхъ матеріаловъ сухимъ путемъ, предлагалъ доставлять ихъ моремъ, кругосвѣтнымъ путемъ прямо изъ Европы въ Америку.

Результатомъ этого ходатайства было высочайшее разрѣшеніе приступить къ снаряженію первой въ Россіи кругосвѣтной экспедиціи, для каковой цѣли правленіе компаніи тотчасъ рѣшило пріобрѣсти за границей два судна, вооружить ихъ, нагрузитъ товарами и запасами и при первой возможности отправить въ путь. Командованіе судами, съ разрѣшенія морскаго министра, поручалось двумъ опытнымъ морскимъ офицерамъ, капитанъ-лейтенантамъ Крузен-

штерну [1]) и Лисянскому, людямъ знающимъ и служившимъ въ англійскомъ флотѣ въ Индіи.

Лисянскій отправленъ былъ въ Гамбургъ, Копенгагенъ и Лондонъ, чтобы выбрать въ этихъ городахъ подходящія для кругосвѣтнаго плаванія суда. Въ Лондонѣ онъ купилъ за 25.000 фунтовъ стерлинговъ два корабля «Леандра» и «Темзу», которые переименованы въ «Надежду» и «Неву». Оба корабля, согласно рапортамъ Лисянскаго, были новѣйшей конструкціи и построены въ 1800 году на Темзѣ, съ мѣднымъ укрѣпленіемъ и обшивкою и имѣли 11 узловъ ходу.

Въ апрѣлѣ 1803 года, находясь уже въ Лондонѣ, Лисянскій сообщилъ графу Воронцову, послу нашему при Сентъ-Джемскомъ кабинетѣ, что правленіе Россійско-Американской компаніи извѣстило его о желаніи государя взять одинъ изъ купленныхъ имъ кораблей въ казну и что ему приказано, не теряя времени, отправляться съ обоими судами въ Кронштадтъ. Несмотря однако на это, вслѣдствіе различныхъ остановокъ, ему удалось тронуться изъ Лондона только въ концѣ мая.

Тѣмъ временемъ въ Петербургѣ министръ коммерціи развивалъ уже другой обширный планъ, долженствовавшій еще болѣе укрѣпить нашу торговлю на крайнемъ Востокѣ и обезпечить благосостояніе новыхъ нашихъ владѣній въ Америкѣ.

Въ двухъ запискахъ, поданныхъ императору Александру [2]), графъ Румянцевъ излагалъ свои соображенія относительно выгодности заведенія торговыхъ сношеній съ Южнымъ Китаемъ и Японіей. Говоря о торговлѣ съ Китаемъ, министръ поддерживалъ всеподданнѣйшее ходатайство Россійско-Американской компаніи о необходимости имѣть прямыя торговыя сношенія съ богатымъ Кантонскимъ портомъ, въ которомъ уже такъ успѣшно дѣйствовали англичане и американцы. По мнѣнію графа Румянцева, намъ, какъ ближайшимъ сосѣдямъ Небесной имперіи, это являлось тѣмъ болѣе удобнымъ, что само китайское правительство, черезъ своихъ пограничныхъ амбаней, уже не разъ изъявляло желаніе имѣть переговоры по торговымъ дѣламъ съ иркутскимъ губернаторомъ. Что же касается Японіи, то ласковый пріемъ, оказанный въ 1791 году экспедиціи Лаксмана, выказывалъ, по словамъ записки, «наклонность японскаго двора къ торговому съ нами обращенію».

Въ виду всего этого, министръ коммерціи предлагалъ снарядить посольство къ японскому двору и отправить его на судахъ Россійско-Американской компаніи, предназначенныхъ въ Америку. Для этой цѣли

---

[1]) Знаменитый впослѣдствіи адмиралъ и директоръ Морскаго кадетскаго корпуса.

[2]) Всеподдан. рапортъ министра коммерціи отъ 20 февраля 1803 г.

долженъ быть избранъ особый чиновникъ, облеченный званіемъ чрезвычайнаго посланника, и на котораго такимъ образомъ будетъ возложено: 1) заведеніе сношеній съ Японіею, 2) открытіе торговли съ Южнымъ Китаемъ и 3) обозрѣніе нашихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ.

Резановъ, какъ человѣкъ, лично обратившій вниманіе графа Румянцева, хорошо знакомый съ вопросомъ и притомъ прекрасно владѣвшій многими иностранными языками, былъ избранъ на этотъ постъ. По окончаніи его дипломатической миссіи въ Японіи, ему поручалось заняться подробнымъ обозрѣніемъ и устройствомъ нашихъ владѣній въ Америкѣ, а затѣмъ, нагрузивъ оба судна товарами, идти въ Кантонъ для торговыхъ переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ и оттуда возвращаться въ Россію черезъ мысъ Доброй Надежды. Такимъ образомъ, на основаніи проекта графа Румянцева, Резановъ являлся начальникомъ всей экспедиціи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова [1]), тогда какъ, въ силу дополненія къ § XVI инструкціи, данной компаніей Крузенштерну [2]), послѣднему поручалось лишь командованіе надъ обоими судами въ морскомъ и дисциплинарномъ отношеніи; Резанова же компанія уполномочивала «полнымъ хозяйскимъ лицомъ не только во время вояжа, но и въ Америкѣ [3])».

Такой оборотъ дѣла, устранявшій Крузенштерна отъ главнаго завѣдыванія экспедиціей и дѣлами компаніи въ Америкѣ, являлся въ то же время крайне невыгоднымъ для обоихъ офицеровъ и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ, въ силу первоначальнаго договора между ними и компаніей, Лисянскій и Крузенштернъ, кромѣ условленнаго жалованья по 5.800 р. въ годъ, должны были по окончаніи экспедиціи получить единовременно по 10.000 рублей каждый. Это обстоятельство, повидимому, было главною причиною недовольства обоихъ офицеровъ и положило начало тѣмъ непріязненнымъ отношеніямъ между Резановымъ и командирами судовъ, которыя, какъ мы увидимъ ниже, привели къ прискорбнымъ недоразумѣніямъ, разразившимся во время плаванія почти открытымъ бунтомъ противъ посланника.

Десятаго іюня 1803 года, Резановъ, пожалованный въ званіе дѣй-

---

[1]) § 1 Общей инструкціи Резанову гласитъ: „сіи оба судна съ офицерами и служителями, въ службѣ компаніи находящимися, поручаются начальству вашему.“ Арх. М. И. Д.

[2]) ...„а потому содержаніе сей инструкціи уже по нѣкоторымъ частямъ относится теперь до особы его превосходительства, предоставляя полному распоряженію вашему управленіе во время вояжа судами и экипажемъ и сбереженіемъ онаго, какъ частью, единственному искусству, знанію и опытности вашей принадлежащей...“ Инструкц. Крузенштерну, дополненіе къ § XVI.

[3]) Ibid.

ствительнаго камергера и кавалеромъ ордена Анны 1 степени, получилъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

«Господинъ дѣйствительный камеръ-геръ Резановъ!

«Избравъ васъ на подвигъ, пользу отечеству обѣщающій, какъ со стороны японской торговли, такъ и въ разсужденіи образованія Американскаго края, въ которомъ вамъ ввѣряется участь тамошнихъ жителей, поручилъ я канцлеру вручить вамъ грамоту, отъ меня къ японскому императору назначенную, а министру коммерціи по обоимъ предметамъ снабдить васъ надлежащими инструкціями, которыя уже утверждены мною. Я предварительно увѣряюсь, по той способности и усердію, какія мнѣ въ васъ извѣстны, что пріемлемый вами отличный трудъ увѣнчается отмѣннымъ успѣхомъ и что тѣмъ же трудомъ открытая польза государству откроетъ вамъ новый путь къ достоинствамъ, а симъ вмѣстѣ несомнѣнно болѣе еще къ вамъ же обратитъ и мою довѣренность». Александръ.

Какъ видно изъ рескрипта, инструкція, касавшаяся спеціально дипломатической стороны экспедиціи, была также составлена министромъ коммерціи, а не министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, роль котораго, повидимому, ограничилась контрасигнированіемъ высочайшей грамоты къ японскому императору канцлеромъ Воронцовымъ.

Просматривая статьи этой блестящей инструкціи, нельзя не подивиться тщательности ея просвѣщеннаго редактора. Въ ней предвидится всякое слово, всякій шагъ нашего посланника съ самаго вступленія его на почву Японіи, и даются совѣты, указывающіе на серьезное знакомство съ исторіей, порядками, пріемами и обычаями этой полузагадочной страны—фактъ, для того времени знаменательный, если принять въ соображеніе почти совершенное отсутствіе свѣдѣній, имѣвшихся о Японіи не только въ Россіи, но и во всей почти тогдашней Европѣ. Современаня Японія, примкнувшая уже къ сонму цивилизованныхъ народовъ, каковою она представляется за послѣднія 25 лѣтъ ея просвѣтительной эры Мейдзи [1]), не имѣетъ ничего общаго съ Японіей начала нынѣшняго столѣтія. Въ то время это была страна почти неизвѣстная, жившая своею обособленною, замкнутою жизнью,—страна, не имѣвшая никакихъ сношеній съ иностранцами въ силу своихъ государ-

---

[1]) Слово Мейдзи, по-японски—просвѣщеніе, прогрессъ. Каждый императоръ, вступая на престолъ, ознаменовываетъ начало своего царствованія новою эрою, по которой и ведется лѣточисленіе. Нынѣшній Микадо, вступивъ на престолъ въ 1868 году, далъ названіе своему царствованію Мейдзи, т. е. эпоха просвѣщенія, прогресса. Такимъ образомъ, считая 1868 годъ первымъ годомъ Мейдзи, нынѣшній 1895 годъ христіанской эры соотвѣтствуетъ, слѣдовательно, 28-му году Мейдзи японскаго лѣтосчисленія. Прим. автора.

ственныхъ законовъ, изолировавшихъ ее болѣе чѣмъ на 200 лѣтъ отъ всякаго внѣшняго вліянія. Для уясненія этого факта позволяемъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе и представить краткій очеркъ сношеній Японіи съ европейскими народами.

Первые европейцы, посѣтившіе Японію, были португальцы, появившіеся на крайнемъ Востокѣ въ половинѣ XVI вѣка. Это была эпоха морскаго могущества Португаліи, имѣвшей въ то время громадный флотъ и обширныя колоніи, охватывавшія весь югъ азіятскаго материка. Города Гоа и Макао были главными торговыми центрами, откуда корабли ихъ отправлялись въ плаваніе по Индѣйскому и Тихому океанамъ. Одинъ изъ такихъ кораблей, нагруженный товарами, выйдя изъ Макао, былъ захваченъ китайскими пиратами. Три португальца, захваченные въ плѣнъ, продолжали плаваніе на китайской джонкѣ и послѣ долгихъ скитаній были заброшены бурей на одинъ изъ южныхъ острововъ Японскаго архипелага [1]). Будучи радушно приняты туземцами и мѣстнымъ княземъ, они съ огромными барышами продали сво товары и благополучно вернулись назадъ, принеся извѣстіе о необычайныхъ богатствахъ открытой ими страны. Такимъ образомъ португальскія и испанскія суда скоро появились въ Японіи и стали вести оживленную торговлю. Въ концѣ XVI вѣка стали появляться голландцы и англичане. Съ португальцами и испанцами прибыли въ Японію и неизмѣнные спутники ихъ—католическіе миссіонеры. Въ это время (1540) въ Испаніи только-что возникъ орденъ іезуитовъ, главною задачею котораго, по первоначальной мысли его основателя, была миссіонерская дѣятельность. Ближайшій другъ и сподвижникъ Лойолы, Францискъ Ксавье, былъ однимъ изъ первыхъ миссіонеровъ, вступившихъ на

---

[1]) Годъ открытія Японіи до сихъ поръ точно не опредѣленъ, такъ какъ разные писатели даютъ по этому поводу различныя показанія. Согласно японскимъ лѣтописямъ, первое иностранное судно появилось въ 1530 году на островѣ Сикоку. Другое преданіе говоритъ, что первые иностранцы были замѣчены у береговъ острова Танегасима въ октябрѣ 1543 г., и что на кораблѣ „южныхъ варваровъ" (по-японски „Nan-ban-zin",- названіе, подъ которымъ до сихъ поръ извѣстны португальцы) было два начальника по имени „Мура-Сіукіа" и „Курисуто Мота". Іезуитъ Маффеи въ своей „Исторіи Индіи" (Petri Maffei Bergomatis, Societatis Iesu, Historiarum Indicarum Libri XVI, Antverpiae 1605) упоминаетъ о трехъ португальцахъ: Антоніо Мота, Францискѣ Зеймото и Антоніо Пейксота, впервые посѣтившихъ Японію въ 1542 году. Извѣстный авантюристъ XVI вѣка, Фернандо Мендезъ Пинто, приписывающій себѣ честь открытія Японіи, относитъ его приблизительно къ 1545 году. Наконецъ, въ лѣтописи японскихъ императоровъ (Nippon o dai itsi ran), между прочимъ, подъ 1551 годомъ, упоминается: „въ этомъ году корабли южныхъ варваровъ стали появляться въ Японіи и распространять секту Іесу (христіанство). О-домо-зо-ринъ послѣдовалъ ученію этой секты". (См. Claproth: „Annales des Empereurs du Japon"). Прим. автора.

почву новооткрытой земли. Человѣкъ пламенныхъ убѣжденій и неутомимой энергіи, онъ стяжалъ себѣ громкое и вполнѣ заслуженное имя въ исторіи католическихъ миссій крайняго Востока [1]). Отправившись сначала въ Индію, онъ посѣтилъ Китай и наконецъ въ 1549 году прибылъ въ Японію, гдѣ съ истинно-апостольскимъ вдохновеніемъ началъ дѣло проповѣди. Въ 1582 году іезуитамъ, довольно прочно здѣсь утвердившимся, удалось снарядить цѣлое посольство къ папѣ Григорію XIII отъ имени трехъ христіанскихъ феодальныхъ князей южной Японіи. Послѣ путешествія, длившагося почти четыре года, послы высадились въ Испаніи, посѣтили въ Мадридѣ Филиппа II и прибыли наконецъ въ Римъ, гдѣ въ торжественной аудіенціи приняты были папою [2]). Обстоятельство это, надѣлавшее въ то время много шуму во всей католической Европѣ, настолько подняло значеніе іезуитовъ какъ миссіонеровъ, что папы поспѣшили надѣлить орденъ многочисленными привилегіями и даровали ему право исключительнаго миссіонерства въ Японіи. Успѣхи іезуитовъ были однако непродолжительны. Преслѣдуя, какъ и всюду, не только религіозныя, но и политическія цѣли, они своимъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла страны вызвали наконецъ злополучный императорскій эдиктъ 1639 года [3]), въ силу котораго всѣ христіане изгонялись навсегда изъ предѣловъ Японіи, и всякому японцу подъ страхомъ смертной казни воспрещалось имѣть сношеніе «съ позорнымъ племенемъ христіанскимъ».

---

[1]) Римская церковь сопричислила его даже къ лику святыхъ и канонизировала подъ именемъ: „Saint François Xavier, Apôtre des Indes et du Japon“.

[2]) См. Charlevoix, „Histoire et description générale du Japon“, I, p. 445.

[3]) Вотъ статьи этого указа, даннаго на имя губернаторовъ Нагасаки:

1) Никто изъ японцевъ не смѣетъ удаляться изъ предѣловъ своего отечества. Виновный въ нарушеніи этого закона да будетъ казненъ.

2) Всякій японецъ, возвратившійся изъ чужихъ земель на родину, будетъ казненъ.

3) Всякому, кто откроетъ мѣстопребываніе христіанскаго священника, будетъ выдана денежная награда.

4) Распространители христіанской вѣры или носящіе это позорное имя будутъ заключены въ омбру или городскую правительственную тюрьму.

5) Все португальское племя, съ матерями, кормилицами и вообще всѣми, кто къ нему принадлежитъ, будетъ изгнано изъ Японіи и отправлено въ Макао.

6) Всякій, кто доставитъ письмо изъ чужихъ земель или возвратится послѣ изгнанія, будетъ казненъ со всѣмъ семействомъ; равно будетъ казненъ и тотъ, кто осмѣлится просить за подобное лицо.

7) Всякому дворянину и воину запрещается покупать что-либо у иностранца.

Дано въ 5-й мѣсяцъ 16-го года эры Кванъ-іей.

Прим. автора.

Изгоняя иноземцевъ, японское правительство сдѣлало однако исключеніе для Китая и Кореи, жителямъ которыхъ предоставлялось право посѣщать японскіе порты по торговымъ дѣламъ и для одного изъ народовъ Европы. Это были голландцы, которымъ удалось спастись отъ общаго погрома христіанъ и получить разрѣшеніе производить торговлю. Католическіе писатели [1]), враждебно относившіеся къ протестантамъ-голландцамъ, утверждаютъ, что при изгнаніи европейцевъ имъ грозила та же участь, но ради торговыхъ выгодъ голландцы рѣшились отречься отъ христіанства, увѣряя, что они вовсе не христіане, а протестанты. Не допуская подобной наивности и легковѣрности японцевъ, обстоятельство это скорѣе всего можно объяснить тѣмъ, что голландцы, дѣйствительно заботясь о своихъ торговыхъ выгодахъ, не задавались однако, подобно испанцамъ и португальцамъ, цѣлями всемірнаго владычества; притомъ же не вмѣшиваясь вовсе въ политическія дѣла страны, чѣмъ особенно грѣшили отцы іезуиты, они всѣмъ этимъ пріобрѣли довѣріе японскаго правительства. Какъ бы то ни было, голландцамъ удалось остаться въ странѣ къ счастью человѣчества и науки, такъ какъ всѣ свѣдѣнія о Японіи, въ теченіе болѣе 200-лѣтняго періода ея замкнутости (1640—1853 гг.) [2]), Европа получала только благодаря голландцамъ. Выхлопотавъ себѣ право присылать ежегодно два корабля въ Нагасаки [3]), голландцы жили здѣсь на положеніи, напоминавшемъ скорѣе военноплѣнныхъ, чѣмъ представителей дружественной націи. Каждые два года директоръ голландской факторіи, получавшій на это время званіе посланника, въ сопровожденіи секретаря и врача факторіи и многочисленной японской свиты, совершалъ путешествіе въ Кіото и Едо для поклона и принесенія подарковъ императору и Тайкуну [4]). Секретари и особенно врачи факторіи, въ большинствѣ случаевъ уче-

---

[1]) Какъ напримѣръ іезуитъ Шарлевуа въ своей „Исторіи Японіи", „Histoire et description du Japon par le P. Charlevoix de la Compagnie de Iésus".

[2]) Послѣ эдикта 1639 года, закрывшаго Японію для иностранцевъ, оффиціальныя сношенія съ западными народами возобновились лишь въ 1853 году, когда президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Фильморъ, отправилъ въ Японію броненосную эскадру подъ начальствомъ командира Перри, который и заключилъ съ японцами первый трактатъ. Почти одновременно заключенъ былъ трактатъ между Россіей и Японіей адмираломъ графомъ Путятинымъ.

[3]) Голландская факторія помѣщалась на искусственномъ островкѣ „Децима", спеціально сооруженномъ японцами въ 1640 году, съ цѣлью болѣе строгаго наблюденія за голландцами.

[4]) Journal de l'Ambassade de la Compagnie Hollandoise à l'Empereur Civil du Japon à Iedo du 4 Mars au 25 Iuin 1776.

Прим. автора.

*

ные люди, вели журналъ путешествію и описывали всѣ достопримѣчательности, видѣнныя ими въ пути. Таковы были: Кемферъ, Тицингъ, Тунбергъ, Дёффъ-Забольдъ и друг., труды которыхъ по исторіи и этнографіи Японіи до сихъ поръ считаются классическими [1]).

Сдѣлавъ это необходимое отступленіе, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самой инструкціи. Изложивъ подробно посланнику первые шаги его по прибытіи въ Нагасаки, инструкція указываетъ затѣмъ на самый способъ переговоровъ съ японскими государственными людьми и чиновниками:

...«въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы ихъ принимать будете, прикажите разостлать коверъ, и на немъ ихъ посадить. Посланные сіи будутъ вамъ дѣлать разные вопросы и велятъ записывать отъ слова до слова всѣ ваши отвѣты и разговоры. Они спрашивать будутъ, по какимъ вы дѣламъ пріѣхали? Откуда? Какой вы земли уроженецъ? Изъ котораго государства? Съ какимъ намѣреніемъ вы пріѣхали и что вы привезли (§ 3). Посланные сіи потомъ спрашивать васъ будутъ весьма подробно и о разныхъ другихъ вещахъ, даже и о тѣхъ, которыя имъ извѣстны, и отвѣты ваши велятъ записывать. Между прочимъ, будутъ любопытствовать, какая земля Россія? Какъ она обширна? Какія суть ея границы? Что ростетъ въ Россіи? Самодержавенъ ли государь въ оной? Какія онъ содержитъ войска? Противъ кого воюетъ? Какіе суть его союзники? Какая у него полиція? Какой законъ? Какіе обычаи—и множество вопросовъ вамъ сдѣлаютъ подобныхъ. Спросятъ и васъ, что вы за человѣкъ? Будучи его посланникомъ, въ какомъ вы качествѣ и достоинствѣ? Какая ваша должность? Въ какихъ вы чинахъ? Какого рода грамота императорская? Какъ она написана? Какъ запечатана? Какъ уложена? Какимъ образомъ вы ее оберегаете?» (§ 5).

«Такимъ образомъ вопрошать васъ будутъ и министры нагасакскіе, и придворные, и другія знатныя особы. Надобно поэтому, чтобы вы въ отвѣтахъ вашихъ весьма были осторожны и чтобъ не только имѣли ихъ всегда въ вашей памяти, но чтобъ и записывали ихъ для того, чтобъ послѣ въ словахъ своихъ не расшибиться; поелику японцы во всемъ любятъ точность и весьма строго примѣчаютъ иностранцевъ, и потому надобно вамъ дѣйствовать съ большою осмотрительностью, дабы не подпасть той же участи, какой подверженъ былъ въ 1628 году, какъ вамъ извѣстно, одинъ голландскій посланникъ, и дабы почтеніе, какое принад-

---

[1]) Kaempfer: Histoire naturelle, civile et ecclésiastique de l'Empire du Japon. La Haye 1732.

Thunberg: Voyages au Japon etc. Paris, an IV (1796).

Siebold: Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japan etc. Leyden 1853, in f°.

Прим. автора.

лежитъ государю императору вашему, было сохранено въ полной мѣрѣ и требованія его удовлетворены» (§ 6).

Отвѣтъ посланника долженъ быть исполненъ достоинства, какъ представителя могущественной державы, но вмѣстѣ съ тѣмъ доброй и миролюбивой сосѣдки:

«Вы будете отвѣтствовать на всѣ сіи вопросы просто и безъ притворства. Вы скажете, что Россія есть первѣйшее пространствомъ своимъ государство въ Европѣ и объясните границы онаго; что климаты въ семъ государствѣ различны, потому что оно занимаетъ полсвѣта; что Россія могуществомъ своимъ содержитъ въ почтеніи и равновѣсіи всю Европу, Китай, Турецкую имперію и Персію; что войска она имѣетъ и пѣхоты и конницы до 700.000; что управляема земля сія самодержавнымъ государемъ, а какъ японцы къ единому самодержавію имѣютъ почтеніе, то опишите самодержавную россійскую власть во всемъ ея достоинствѣ; вы можете сказать, между прочимъ, что многіе азіатскіе цари и владыки, каковые суть сибирскіе, грузинскіе и калмыцкіе, покорясь его могуществу, нынѣ просто въ числѣ знатныхъ его подданныхъ находятся; что императоръ россійскій, принявъ прародительскій престолъ и увидя обширность границъ своихъ, славными побѣдами предковъ его ознаменованныхъ, положилъ царствовать въ тишинѣ и мирѣ со всѣмъ свѣтомъ; что государство его есть прибѣжище наукъ, художествъ и законовъ...» (§ 7).

Изгоняя въ XVII вѣкѣ христіанъ, какъ было помянуто выше, японское правительство подъ этимъ именемъ подразумѣвало португальцевъ и испанцевъ, такъ какъ первыми представителями христіанской Европы явились въ Японіи именно эти два народа; христіанство въ глазахъ тогдашнихъ японцевъ было синонимомъ католичества съ его верховнымъ государемъ-папою, могущественнымъ монархомъ, посягавшимъ, повидимому, на всемірное владычество, ибо, по словамъ тѣхъ же миссіонеровъ, всѣ цари и владѣтели Европы покорились его власти, признавая его намѣстникомъ Бога на землѣ. Съ тѣхъ поръ, при всякомъ появленіи европейскихъ судовъ въ Нагасаки, японцы прежде всего узнавали, не принадлежитъ ли корабль португальцамъ или испанцамъ и, убѣдившись даже въ этомъ, допрашивали иностранцевъ, стараясь выпытать, нѣтъ ли среди нихъ лицъ «португальской вѣры» и не признаютъ ли они главою папу [1]).

Инструкція предвидитъ и этотъ вопросъ, продолжая наставленіе свое слѣдующимъ образомъ:

[1]) Любопытной характеристикой подобныхъ допросовъ могутъ служить переговоры между губернаторомъ Нагасаки и капитаномъ англійскаго корабля „the Return“, посѣтившаго Японію въ 1673 году. (См. Fraissinet. „Histoire et description du Japon“, t. I, p. 375).

«...касательно духовнаго закона скажете вы, что россійскій законъ совершенно противенъ гишпанскому и голландскому, раздѣленъ отъ оныхъ и догматами, и обрядами. Спросятъ васъ, не зависитъ ли государь россійскій отъ папы по примѣру нѣкоторыхъ извѣстныхъ имъ монарховъ? Вы дадите отвѣтъ, что онъ отъ папы нимало не зависитъ и даже не признаетъ его за духовную особу, а сносится съ нимъ, какъ съ свѣтскимъ малоземельнымъ владѣтелемъ; что надъ россійскимъ закономъ папа начальства не имѣетъ; что россійскій государь не признаетъ никого себя свыше и есть самъ непосредственный начальникъ духовенства своей земли; что онъ соединяетъ кротость съ мужествомъ и имѣетъ власть неограниченную, а со всѣмъ симъ любитъ миръ и тишину; что кромѣ тѣхъ познаній, какими преисполненъ онъ о всей Европѣ, онъ жаждетъ узнать составъ правительства и другихъ частей свѣта. Что, при такихъ Богомъ вдохновенныхъ дарованіяхъ, поставляя въ величайшую цѣну жизнь и спокойствіе людей и радѣя не токмо-что о своихъ подданныхъ, онъ возвращаетъ въ даръ отечеству и японскому императору тѣхъ японцевъ, кои злосчастною судьбою прикинуты были на берега его владѣній...» (§ 8).

Описавъ затѣмъ первый пріемъ японцевъ, церемоніалъ перенесенія императорской грамоты, порядокъ распредѣленія подарковъ между японскими сановниками (§§ 9—12), инструкція переходитъ къ аудіенціи, о которой, между прочимъ, говоритъ: «Когда вы будете приближаться къ особѣ императорской, много вы привлечете почтенія, если снимите шпагу и отдадите оную кому-либо изъ тѣхъ, кои при васъ находиться будутъ прежде, нежели вамъ о томъ скажутъ. Вы будете передъ нимъ стоять безъ шляпы» (§ 13).

При этомъ инструкція обращаетъ особое вниманіе посланника на необходимость приспособленія къ японскимъ обычаямъ: «...Я не могу довольно повторить вамъ, сколько для васъ необходимо будетъ сообразжаться несходству ихъ обычаевъ съ нашими и не ставить того въ униженіе. Таковыя правила предписывалъ самъ Людовикъ XIV, извѣстный между монархами государь тѣмъ, что съ крайнею бережливостью охранялъ монаршее достоинство, когда снаряжалъ посольство въ Японію [1]). Въ 1624 году послы короля гишпанскаго, два кавалера Златаго

[1]) Въ царствованіе Людовика XIV знаменитый Кольберъ, основатель Французской остъ-индской компаніи, желая завязать торговлю съ Японіей, убѣдилъ короля отправить туда посольство. Посланникомъ былъ назначенъ нѣкій Франсуа Каронъ, бывшій долгое время директоромъ голландской факторіи въ Нагасаки и затѣмъ, по возвращеніи въ Европу, вступившій на французскую службу. Получивъ королевскую грамоту и инструкцію Кольбера, Каронъ тронулся въ путь въ 1665 году, но по дорогѣ внезапно захворалъ въ Лиссабонѣ, гдѣ и умеръ. Посольство не состоялось, но драгоцѣнная инструк-

Руна, не были приняты и возвратились для того токмо, что сообразоваться съ японскими обычаями не хотѣли» (§ 15).

Переходя затѣмъ къ главной и существенной цѣли посольства — вопросу о торговлѣ, министръ коммерціи сводитъ его къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) Домогаться расширенія правъ, данныхъ экспедиціи Лаксмана, т. е. просить дозволенія для русскихъ судовъ посѣщать не только Нагасакскій портъ, но и другіе, и притомъ не одному только, а многимъ судамъ (§ 18).

2) Въ случаѣ, если японское правительство почему-либо не дозволитъ присылать болѣе одного судна въ Нагасаки, домогаться учрежденія мѣновой торговли на Матсмаѣ (о-въ Эзо).

3) Если и на это не согласятся, то самимъ, при посредствѣ «мохнатыхъ курильцевъ», живущихъ на островѣ Урупѣ [1]), промѣнивать наши товары на японскіе.

4) Доставить подробныя свѣдѣнія объ островѣ Сахалинѣ: какіе его жители, кому принадлежитъ островъ: Китаю или Японіи, и какъ его достигнуть до открытія торга (§ 19).

5) Разузнать, какія имѣются у японцевъ свѣдѣнія объ устьѣ рѣки Амура (§ 20).

6) Выяснить, въ какихъ отношеніяхъ находится Японія къ Китаю и Кореѣ, а также узнать, принадлежитъ ли часть островов Ликейскихъ японцамъ и «буде оные отъ собственныхъ царей зависятъ, то не возможно ли будетъ вамъ до нихъ достигнуть и тамо нашъ торгъ распространить» (§ 21).

Въ заключеніе инструкція разъясняетъ посланнику политическое значеніе Микадо и Тайкуна въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Извѣстно всѣмъ, что въ Японіи владычествовалъ духовный импе-

---

ція, составленная самимъ Карономъ, прекраснымъ знатокомъ Японіи, сохранилась во французскихъ архивахъ. Несомнѣнно, что графъ Румянцевъ зналъ о ея существованіи и пользовался ею, какъ важнымъ историческимъ матеріаломъ при отправленіи нашего посольства. Такъ, въ § 8 инструкціи Резанову, гдѣ говорится о папѣ, почти дословно воспроизведенъ текстъ кольберовой инструкціи: „On fera l'objection savoir si le Roy de France dépend du Pape, comme le Roy d'Espagne et d'autres. Vous répondrez qu'Il n'en dépend point: le Roy de France ne connaissant personne au dessus de Lui etc.“. Нашъ текстъ: „Спросятъ васъ, не зависитъ ли государь россійскій отъ папы по примѣру нѣкоторыхъ извѣстныхъ имъ монарховъ? Вы дадите отвѣтъ, что онъ отъ папы нимало не зависитъ“, и т. д.

[1]) Одинъ изъ Курильскихъ островов, заселенный Компаніею и названный „Александромъ“.

раторъ; что одинъ изъ его военачальниковъ, возставъ противъ его власти, довелъ успѣхъ своего предпріятія дотого, что преемникъ сей военной власти въ 1583 году возвелъ себя въ достоинство императора, подъ названіемъ Кубо, а духовный императоръ продолжалъ существованіе подъ названіемъ Даири и ведетъ жизнь въ пышности, почтеніи, но совершенномъ ничтожествѣ, такъ что, имѣя собственную столицу, забытъ онъ въ народѣ и слѣдовательно вамъ о доступѣ къ нему отнюдь не домогаться» (§ 22).

Вмѣстѣ съ инструкціей Резанову вручена высочайшая грамота на имя японскаго императора. Грамота эта писана вся золотомъ на большой веленевой бумагѣ съ титулами обоихъ императоровъ, выписанными крупными буквами. Поля грамоты со всѣхъ сторонъ разрисованы золотыми узорами съ изображеніемъ цвѣтовъ и древесныхъ плодовъ; въ верхней части, посрединѣ, изображена императорская корона надъ вензелевымъ именемъ государя императора въ кругу, съ сіяющими лучами. Кругъ этотъ поддерживается съ двухъ сторонъ рогами изобилія, изъ которыхъ сыплются плоды и монеты; съ правой стороны вензеля, между цвѣтами и листьями русское и японское оружіе; внизу рисунка знамена, литавры и ядра. Самая грамота собственноручно подписана государемъ императоромъ и контрасигнована государственнымъ канцлеромъ съ приложеніемъ большой государственной печати на кустодіи. Двѣ другія грамоты, представляющія точные переводы съ подлинника на манчжурскій и японскій языкъ, писаны на такой же бумагѣ золотомъ съ подобными же украшеніями, только безъ печатей. Всѣ три грамоты вложены несогнутыми въ чехолъ изъ золотой парчи съ золотымъ позументомъ по краямъ и четырьмя золотыми кистями на концахъ. Чехолъ помѣщенъ въ ящикъ изъ краснаго дерева, изящной работы, который въ свою очередь вложенъ въ другой дубовый ящикъ, выложенный изнутри зеленымъ сукномъ.

Кромѣ этихъ трехъ грамотъ посланнику выданы еще копіи съ нихъ, напечатанныя на голландской бумагѣ меньшаго формата для предъявленія, на случай надобности, японскимъ властямъ въ Нагасаки.

Вотъ подлинный текстъ высочайшей грамоты:

Божіею поспѣшествующею Милостію Его Тензинкубоскому Величеству Самодержавнѣйшему Государю обширной Имперіи Японской, Превосходнѣйшему Императору и Повелителю! Государь Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій желаетъ совершеннаго здравія, многолѣтней жизни и въ царствованіи всякаго благополучія! Принявъ въ управленіе Имперію, предѣлы коей Прародители Мои Петръ I и Екатерина II славными побѣдами распространили, и нашедъ Голландію, Францію, Ан-

глію, Италію, Гишпанію и Нѣмецкую Землю страдающими отъ общей войны, поставилъ Я Себѣ за долгъ склонить ихъ дружескимъ настояніемъ ко всеобщему миру. Полагая блаженство Царства Моего въ тишинѣ и спокойствіи, обращаю Я все попеченіе Мое на пріобрѣтеніе дружественнаго расположенія всѣхъ вообще земныхъ Державъ, а паче Моихъ сосѣдей. Вѣдая достоинство Японской Имперіи, покойная Императрица Екатерина Великая въ знакъ благопріязненный, въ 1791 году, возвращала въ отечество тѣхъ японцевъ, кои несчастнымъ случаемъ претерпѣвъ кораблекрушеніе, судьбою брошены были на берега Моего Царства и тогда посланные Россійскіе подданные, будучи дружелюбно приняты, получили отъ Японскаго Правительства листъ, коимъ позволено было одному судну приходить въ Нангасакскую гавань невозбранно.

«Чувствуя и понынѣ таковое благопріятное расположеніе Вашего Тензинкубоскаго Величества и притомъ, какія выгоды могли бы истекать отъ взаимнаго обращенія, сверхъ сего желая вѣдать составъ Правительства и другихъ частей Свѣта, положилъ Я сдѣлать въ Японію отправленіе для возвращенія Вашему Величеству нѣсколькихъ японцевъ, которые донынѣ, не по волѣ своей, но несчастнымъ рокомъ, избѣгая смерти отъ кораблекрушенія, спасли въ Моихъ предѣлахъ жизнь свою, а на сей конецъ, избравъ въ родѣ достойнаго вѣрноподданнаго, Дѣйствительнаго Камеръ-Гера Двора Моего, Николая Резанова, дабы съ должнымъ почтеніемъ могъ онъ приблизиться къ Самодержавной Особѣ Вашей, желаю, чтобы онъ подалъ Вашему Тензинкубоскому Величеству сію грамоту по надлежащему обряду съ истиннымъ уваженіемъ, поступалъ бы во всемъ такимъ образомъ, чтобы и Вамъ пріятно было и объявилъ бы Вашему Тензинкубоскому Величеству, сколько Я стараюсь продолжать и утвердить на непоколебимыхъ правилахъ связь дружественнаго Моего къ Вамъ расположенія и все то исполнить, что токмо съ Вашей стороны требовано будетъ въ знакъ признательности за принятіе Моихъ предложеній, которыя состоятъ въ томъ, чтобы Ваше Тензинкубоское Величество дозволили купечествующему народу Моему, а паче жителямъ Кадьякскихъ, Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ, яко Вамъ сосѣдственнымъ, приставать нетокмо въ Нангасакскую гавань и не токмо одному кораблю, но и многимъ и въ другія гавани съ тѣми избытками, какіе Вамъ благопріятны будутъ. Я же съ Моей стороны отверзаю всѣ предѣлы Царства Моего къ дружелюбному принятію вѣрноподданныхъ Вашихъ. На какихъ основаніяхъ утвердить взаимную между подданными Нашими торговлю; и гдѣ приставать въ портахъ Вашихъ торгующимъ Моимъ подданнымъ — поручилъ Я Посланнику Моему, помянутому Д. К. Г. Резанову, войтить съ Министерствомъ Вашего Тензинкубоскаго Величества въ должные переговоры, какъ равно и о

томъ, какимъ образомъ впредь доставлять Мнѣ къ Вамъ подданныхъ Вашихъ, естли несчастнымъ жребіемъ потерпятъ они кораблекрушеніе и на берегахъ Моего Царства спасутъ жизнь свою. Посылаю при семъ Вашему Тензинкубоскому Величеству въ даръ часы, вдѣланные въ фигурѣ механическаго слона, зеркала, мѣхъ лисій, вазы костяной работы, ружья, пистолеты и стальныя и стеклянныя издѣлія. Всѣ сіи вещи выдѣланы въ Моихъ мануфактурахъ. Хотя оныя небольшой стоятъ цѣны, Я желаю, чтобы они только пріятны для Васъ были и чтобъ въ предѣлахъ Моего Государства нашлось что-нибудь Вамъ угодное. Въ Санкт-Петербургѣ, іюня 30-го дня 1803 года, Царствованія Моего третьяго года». (подписано) Александръ

Контрасигнировалъ къ сему графъ Александръ Воронцовъ.

Подарки, отправляемые съ посольствомъ для императора и важнѣйшихъ японскихъ сановниковъ, согласно высочайшей волѣ, отпущены изъ средствъ кабинета Его Величества и состояли изъ слѣдующихъ предметовъ:

Изъ императорскаго фарфороваго завода:

1) Четыре пары вазъ. 2) Шесть сервизовъ (déjeuner).

Изъ императорскаго стеклянваго завода:

3) 71 зеркало разныхъ величинъ. 4) 25 зеркалъ. 5) 15 столовыхъ досокъ стеклянныхъ разныхъ цвѣтовъ.

Изъ императорской шпалерной мануфактуры:

6) Портретъ государя императора Александра I-го, тканый. 7) Картина ковровая, представляющая голубую вазу съ цвѣтами. 8) Три ковра разной величины.

Мягкой рухляди:

9) Одинъ мѣхъ черныхъ лисицъ. 10) Одинъ мѣхъ горностая съ хвостами.

Матеріи:

11) Парчи 300 аршинъ. 12) Бархату 356 аршинъ. 13) Атласу 64 аршина. 14) 11 кусковъ англинскаго сукна. 15) Два куска шпанскаго сукна. 16) 20 кусковъ чернаго сукна.

Разныхъ вещей:

17) Часы бронзовые механическіе, изображающіе слона, взятые изъ императорскаго эрмитажа. 18) 50 костяныхъ коробокъ. 19) 100 цесар-

скихъ стакановъ. 20) Ружья и пистолеты. 21) Кортикъ и сабля стальная. 22) Стальной столикъ. 23) Подсвѣчники. 24) Восемь граненыхъ судковъ въ серебряной оправѣ съ позолотою. 25) 12 стеклянныхъ кувшиновъ. 26) Два «Кулибинскіе» фонаря [1]). 27) 25 золотыхъ коронаціонныхъ медалей. 28) 300 серебряныхъ. 29) 39 аршинъ голубыхъ орденскихъ лентъ. 30) 142 аршина владимірскихъ лентъ. 31) 2 гарнитура стальныхъ пуговицъ. 32) 2 экземпляра «Описаніе народовъ, въ Россіи обитающихъ». 33) 4 генеральныхъ карты Россійской имперіи.

Правленіе Россійско-Американской компаніи, во всестороннихъ заботахъ объ американскихъ владѣніяхъ нашихъ, отправило на судахъ экспедиціи цѣлое собраніе книгъ, предназначенныхъ для кадьякской библіотеки. Въ составъ этой библіотеки кромѣ сочиненій по химіи, физикѣ, минералогіи, математикѣ, механикѣ, архитектурѣ, географіи, медицинѣ, логикѣ, метафизикѣ (Баумейстера), ботаникѣ и коммерціи, входили еще путешествія: Палласа, Лепехина, Гмелина, Рычкова, Зуева, Валльяна (въ Африку), Лессепса (въ Западную Индію); 27 томовъ «Всемірнаго путешествователя»; «Описаніе Камчатки» — Крашенинникова; «Сибирская Исторія»—Миллера и Фишера; 22 тома «Странствованій господина Прево»; книги экономическія, какъ-то: «Добрый помѣщикъ», «Добрая помѣщица»; «Егерь, стрѣлокъ и псовой охотникъ»; «Кондитеръ Новый»; «Полный скотскій лѣчебникъ»; сочиненія по литературѣ и беллетристикѣ были большею частью жертвованныя. Такъ Херасковъ прислалъ въ даръ библіотекѣ свою «Россіаду» и двѣ книги «Кадмъ и Гармонія», Дмитріевъ—свои басни и сказки.

Слухъ о кругосвѣтной экспедиціи и объ отправленіи чрезвычайнаго посольства въ Японію между тѣмъ распространился по Петербургу. Къ Резанову стало поступать множество просьбъ отъ разныхъ лицъ, желавшихъ принять участіе въ экспедиціи. Ученые, языковѣды, медики, офицеры и чиновники наперерывъ предлагали свои услуги, являясь лично къ посланнику, или подавая ему докладныя записки и просьбы. Послѣднія подчасъ бывали весьма типичны, особенно у мелкихъ чиновниковъ, просившихся на службу въ экспедицію «по письменной части». Большинство этихъ прошеній писаны, какъ въ то время говорилось, «въ высокомъ штилѣ». Напримѣръ: «ревность къ службѣ и любовь къ отечеству суть причины, побудившія меня утруждать ваше превосходительство о удостоеніи меня имѣть честь быть въ числѣ избранныхъ къ совершенію столь славнаго подвига, труды и опасности коего не въ силахъ умалить моего усердія» и т. д. Бывали и прошенія болѣе откровеннаго и практическаго характера: такъ нѣкій чиновникъ Херувимовъ,

[1]) Фонари съ вогнутыми зеркалами для освѣщенія улицъ и маяковъ—изобрѣтеніе извѣстнаго русскаго механика-самоучки И. П. Кулибина († 1818).

между прочимъ, писалъ посланнику: «и что меня главное побуждаетъ на такой трудный вояжъ — это чтобы сдѣлать впередъ небольшое состояніе».

Въ іюнѣ 1803 года давно ожидаемыя суда прибыли наконецъ въ Кронштадтъ подъ эскортомъ англійскаго военнаго брига, командированнаго для этой цѣли англійскимъ адмиралтействомъ, вслѣдствіе ходатайства графа Воронцова. Двумъ англійскимъ офицерамъ, находившимся на бригѣ, Высочайше пожаловано по золотой табакеркѣ, а матросамъ— по 10 червонцевъ на человѣка.

Немедленно по прибытіи «Надежды» и «Невы» на Кронштадтскій рейдъ приступлено было къ окончательному подготовленію обоихъ кораблей къ предстоящему плаванію. Работа закипѣла и пошла настолько быстро, что черезъ мѣсяцъ, 18 іюля 1803 года, директора компаніи писалали графу Румянцеву и Резанову, что экспедиція совершенно готова: «вѣтеръ уже началъ благопріятствовать пути, наступаетъ августъ новаго штиля, и всѣ увѣряютъ, что въ случаѣ промедленія экспедиціи можно иногда потерять напрасно годъ, чѣмъ во времени и капиталѣ превеликіе убытки произойти могутъ».

20 числа того же мѣсяца графъ Румянцевъ, морской министръ Чичаговъ и посланникъ, прибывъ въ Кронштадтъ, посѣтили «Надежду» и «Неву», чтобы лично удостовѣриться, есть ли возможность помѣститься на судахъ всѣмъ лицамъ, предназначеннымъ въ экспедицію. Послѣ осмотра министръ коммерціи лично докладывалъ государю о совершенной готовности судовъ къ плаванію и тогда же, согласно высочайшей волѣ, былъ утвержденъ слѣдующій составъ экспедиціи:

Начальникъ экспедиціи и главный уполномоченный Россійско-Американской компаніи, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, дѣйствительный камергеръ Николай Петровичъ Резановъ.

Кавалеры посольства:

1) Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части маіоръ Ермолай Фридерицій (для снятія картъ и фортификаціонныхъ занятій). 2) Надворный совѣтникъ Ѳедоръ Фоссъ (какъ бывшій въ Сибири и знающій мѣстныя обстоятельства). 3) Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручикъ графъ Толстой.

Ученые, художники и другія лица:

4) Докторъ астрономіи Горнеръ. 5) Профессоръ натуральной исторіи Тилезіусъ. 6) Профессоръ натуральной исторіи фонъ-Лангсдорфъ. 7) Докторъ медицины Морицъ Либандъ. 8) Докторъ медицины и ботаники Бринкинъ. 9) Художникъ Курляндцевъ. 10) Іеромонахъ Гедеонъ,

отправленный для «обозрѣнія новокрещенныхъ христіанъ въ американскихъ нашихъ владѣніяхъ». Въ спискѣ онъ указанъ происходящимъ «изъ соборныхъ іеромонаховъ Свято-Троицкой Александро-Невской лавры; обучался въ Сѣвской и Бѣлгородской семинаріяхъ: французскому языку, логикѣ, риторикѣ, географіи, исторіи, физикѣ, геометріи, философіи и богословію. Постриженъ 23 декабря 1799 года». 11) Главный коммиссіонеръ компаніи Ѳедоръ Шемелинъ. 12) Прикащикъ компаніи: Коробицынъ.

Офицеры и судовая команда на кораблѣ «Надежда».

1) Командиръ, капитанъ-лейтенантъ И. Ф. Крузенштернъ. 2) Старшій лейтенантъ Макаръ Ратмановъ. 3—5) Лейтенанты: Ѳедоръ Ромбергъ, Петръ Головачевъ и Ермолай Левенштернъ. 6) Мичманъ баронъ Ѳаддей Биллингсгаузенъ. 7) Штурманъ Филиппъ Каменщиковъ. 8) Подштурманъ Василій Сполоховъ. 9) Докторъ Карлъ Эспенбергъ. 10) Его помощникъ Иванъ Сидгамъ. 11) Артиллеріи сержантъ Раевскій. 12) Кадеты сухопутнаго кадетскаго корпуса, братья: Отто Коцебу и Морицъ Коцебу.

Команды 80 человѣкъ.

На кораблѣ «Нева»:

Командиръ, капитанъ-лейтенантъ Юрій Лисянскій. Лейтенанты: Павелъ Арбузовъ, Петръ Повалишинъ и Ѳедоръ Коведяевъ. Мичманъ Василій Бергъ. Штурманъ Даніилъ Калининъ.

Команды 45 человѣкъ.

Посланникъ со свитою помѣстился на «Надеждѣ».

К. Военскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рапорты прапорщика Кавказскаго линейнаго № 7 баталіона Роштейна владикавказскому коменданту полковнику Черепанову.

1848 г.

1.

Прочитавъ въ газетахъ, что, вслѣдствіе революціи въ Парижѣ, король Людовикъ-Филиппъ вынужденъ былъ отречься отъ престола и оставить Францію, успѣвъ захватить съ собою только 5 франковъ, и соболѣзнуя о бѣдственномъ его положеніи и, по мѣрѣ средствъ, желая помочь ему, представляю къ вашему высокоблагородію 5 руб., которые имѣю честь покорнѣйше просить препроводить къ бывшему королю Людовику-Филиппу.

1849 г.

2.

Вскормленъ я и воспитанъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ—откуда, въ 1845 году, съ крыльями должнаго для русскаго офицера образованія, выпущенъ въ Бородинскій Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полкъ [1]). Въ 1847 году, по капризамъ своенравной судьбы и по произволу служебной подчиненности, переведенъ, на жертву, въ линейное войско Кавказскаго корпуса и зачисленъ, по спискамъ, въ Ачхоевскій № 7 линейный баталіонъ [2]). Личныя мои отношенія къ командиру означеннаго баталіона и любовь, питаемая мною къ его прекрасной племянницѣ Татьянѣ,—по правиламъ химическаго соединенія разнородныхъ веществъ, требовали необходимо присутствіе постороннихъ элементовъ—каковые, въ непродолжительномъ времени, и не замедлили выразиться въ формулахъ: слѣдственнаго, а потомъ и суднаго надо мною дѣла. Олицетворяя, въ настоящее время, собой лейденскую банку и сознавая всю силу электро-вопросныхъ пунктовъ военно-судной коммиссіи, я предоставилъ ей полное право разряжать меня непрерывнымъ указаніемъ всѣхъ параграфовъ и дополненій къ 6-му своду военныхъ постановленій и равнодушно ожидаю послѣдняго удара судной машины.

Но такъ какъ процессъ вышесказаннаго надо мною судопроизводства не сулитъ мнѣ скораго окончанія моего дѣла, – а силы мои, какъ мо-

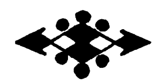
---

[1]) Нынѣ лейбъ-Бородинскій полкъ.

[2]) 7-й линейный баталіонъ стоялъ въ крѣпости Ачхой, расположенной въ Малой Чечнѣ.

ральныя, такъ равно и физическія: первыя при постоянномъ бодрствованіи, а вторыя при половинномъ жалованьи, а слѣдовательно строгомъ діэтическомъ существованіи, совершенно истощились и расположили меня къ жизни мирной, духовной, чуждой свѣтскихъ удовольствій, то я и беру на себя смѣлость просить ходатайства вашего высокоблагородія о переводѣ меня, до конфирмаціи моего дѣла, въ одинъ изъ монастырей Саровской пустыни, съ правомъ полученія половиннаго жалованья и съ ежемѣсячною выдачею книги для забора продуктовъ у контрактованнаго монастырскаго маркитанта, хотя на десять рублей въ мѣсяцъ.

Сознавая вполнѣ всю важность принимаемаго на себя будущаго сана, я, заблаговременно, до просимаго мною у вашего высокоблагородія по вышесказанному предмету ходатайства, поступаю во владикавказскій военный госпиталь—гдѣ, при содержаніи себя на первой порціи и чтеніи книгъ: псалтиря, чети-минеи и другихъ, еще болѣе успѣю приготовить себя къ иной жизни, къ которой, съ нѣкотораго времени, чувствую особенное призваніе.

Стихи для польскаго на прибытіе въ Томскъ его высокопревосходительства сибирскаго генералъ-губернатора и кавалера Михаила Михайловича Сперанскаго. Іюля 6-го дня 1819 года.

Начальника срѣтая нынѣ,
Усердьемъ пламеннымъ горя,
О щастливой своей судьбинѣ
Прославимъ милости Царя:
Онъ кроткій взоръ на насъ склонилъ,
Восторгомъ души оживилъ!

Вельможѣ славному дѣлами
Надъ нами власть поручена,
Чья жизнь Отечеству - трудами,
Царю—заслугами полна:
Гордися жребіемъ своимъ,
Сибирь! ты будешь въ славѣ съ Нимъ.

Какъ солнце, съ высоты полдневной,
Льетъ ясность, свѣтъ и теплоту:
Сей мужъ намъ благостью душевной

Дасть миръ, покровъ и правоту!
Онъ будетъ солнце сей страны,
И властью радостнѣй весны!

Гремите, Хоры: онъ ужь съ нами! —
О гость желанный и драгой!
Мы жертвуемъ тебѣ сердцами,
Ты кругъ нашъ озари собой,
Продли присутствіе свое,
Укрась намъ торжество сіе.

Средь радостей и ликованья
Ты чувствъ и мыслей всѣхъ предметъ,
Въ тебѣ всѣ видимъ ожиданья
И щастіе грядущихъ лѣтъ,
И о тебѣ здѣсь всѣ сердца
Взываютъ къ благости Творца:

«Да будетъ дней его теченье
«Спокойно, славно и красно,
«И кроткое его правленье
«Продлится вѣчности равно:
«Онъ будетъ нами вѣкъ любимъ!
«Мы будемъ вѣкъ щастливы имъ!»

Хоръ на тотъ же случай.

Тебѣ, о гость нашъ вожделѣнной!
Тебѣ, Царемъ избранный мужъ!
Въ сей день восторгомъ незабвенной
Несемъ желанья нашихъ душъ.

Да будутъ дни твои такъ ясны,
Какъ ясенъ намъ сей день утѣхъ!
Мы щастью твоему причастны:
Въ тебѣ одномъ надежды всѣхъ.

Живи, начальникъ нашъ почтенной!
Живи число несчетныхъ дней!
Для благъ страны тебѣ врученной,
Для щастья ввѣренныхъ людей.

Живи, и милостью отраду
Сердцамъ подвластныхъ подавай!
Живи, и сладкую награду
Зрѣть щастливыхъ тобой—вкушай!

ЗА МНОГО ЛѢТЪ.

Воспоминанія Неизвѣстнаго.

(1862 — 1874).

(Окончаніе)[1].

Упраздненіе крѣпостнаго права, о которомъ я говорилъ въ предъидущей главѣ, послѣдовало въ Новороссійскомъ краѣ одновременно съ другими мѣстностями Россіи. Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ былъ въ то время генералъ-адъютантъ графъ Строгановъ. Хотя въ этой должности графъ пробылъ не долго (съ 1856 по 1862), всего шесть лѣтъ, однако въ краѣ сохранилась о немъ добрая память, какъ объ администраторѣ гуманномъ, доступномъ и заботливомъ объ интересахъ ввѣреннаго его управленію края. Въ бытность его генералъ-губернаторомъ возникъ и благополучно рѣшенъ вопросъ о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ Одессѣ—въ университетъ. Когда вопросъ объ открытіи этого университета былъ еще въ первыхъ стадіяхъ своего развитія, явился проектъ учредить это высшее учебное заведеніе въ Николаевѣ. Одно время, въ вопросѣ, гдѣ быть Новороссійскому университету, шансы склонились въ пользу Николаева. Однако авторитетное мнѣніе графа Строганова неуклонно признавало Одессу наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для университета, и его ходатайства въ томъ дѣлѣ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, такъ что въ іюнѣ 1862 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ Новороссійскій университетъ. Открытіе этого университета послѣдовало 1-го мая 1865 г., и, наконецъ, Новороссійскій

[1]) См. «Русскую Старину» май 1895 года.

край получилъ, хотя отчасти, возможность удовлетворить насущную потребность въ высшемъ образованіи. Говорю отчасти, такъ какъ университетъ Одесскій открытъ былъ безъ медицинскаго факультета, котораго въ немъ нѣтъ и понынѣ. Кстати замѣчу здѣсь, что по сохранившимся у меня замѣткамъ, относящимся къ тому времени, видно, что по оффиціальнымъ даннымъ въ шести университетахъ: Петербургскомъ, Московскомъ, Кіевскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Дерптскомъ числилось къ 20 ноября 1863 года всего 4.051 студентовъ (Варшавскій университетъ или такъ называемая главная школа была тогда закрыта). Теперь въ одномъ только Московскомъ университетѣ насчитывается болѣе студентовъ, чѣмъ тогда ихъ было во всѣхъ шести.

11 іюня 1862 года Одесса праздновала пятидесятилѣтній юбилей службы графа Строганова, а 29 іюня того же года онъ уволился отъ должности генералъ-губернатора и навсегда поселился въ Одессѣ. Въ первые годы существованія городскихъ и земскихъ учрежденій бывшій генералъ-губернаторъ Новороссіи, графъ Строгановъ, вступилъ въ ряды городскихъ и земскихъ дѣятелей и былъ гласнымъ одесской городской думы и гласнымъ херсонскаго губернскаго земскаго собранія перваго трехлѣтія.

Въ первомъ губернскомъ земскомъ собраніи, бывшемъ въ Херсонѣ въ маѣ 1865 года, я видалъ графа Строганова, аккуратно являвшагося на всѣ засѣданія и работавшаго въ разныхъ земскихъ коммисіяхъ. Хорошо помню, что въ одномъ засѣданіи кто-то изъ земскихъ гласныхъ замѣтилъ, что гласные обязаны согласовать свои мнѣнія и убѣжденія съ убѣжденіями ихъ избирателей. Графъ протестовалъ противъ такого мнѣнія, сказавъ:

— Избиратели обязаны хорошо знать того, кого они избираютъ, но избираемый ими не обязанъ поступаться своими убѣжденіями въ угоду избирателей, которые не могутъ и требовать этого, ибо такое требованіе являлось бы нравственнымъ насиліемъ.

Давно уже минуло то время, когда въ земствѣ принимали близкое и живое участіе первостепенные государственные дѣятели, къ числу которыхъ безспорно принадлежалъ графъ Строгановъ.

На мѣсто вышедшаго въ отставку графа Строганова былъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантъ Павелъ Евстафьевичъ Коцебу. Въ краѣ его уже знали П. Е. Коцебу въ концѣ пятидесятыхъ годовъ былъ командиромъ 5-го армейскаго корпуса и жилъ тогда въ Одессѣ, откуда былъ переведенъ въ Варшаву на должность начальника штаба при намѣстникѣ царства Польскаго, князѣ Горчаковѣ. Коцебу не охотно принялъ это новое назначеніе. На одномъ прощальномъ обѣдѣ, данномъ въ честь его при отъѣздѣ въ Варшаву, Павелъ Евстафьевичъ въ частной бесѣдѣ съ окру-

жающими его, въ числѣ коихъ былъ и я, говорилъ, что уступаетъ настоятельной просьбѣ князя Горчакова, приглашающаго его въ самыхъ теплыхъ и дружескихъ выраженіяхъ.

— Отказать князю я не могъ, - говорилъ Коцебу,—но должность начальника штаба всегда тяготила меня, а теперь болѣе чѣмъ когда-либо. Я счелъ бы себя вполнѣ счастливымъ, еслибы въ уваженіе моей продолжительной и усердной службы меня назначили бы генералъ-губернаторомъ на родину, въ Остзейскій край.

Коцебу не долго оставался въ должности начальника штаба въ Варшавѣ и, какъ только начались тамъ смуты, подалъ въ отпускъ и выѣхалъ за границу. По поводу этого отпуска мой корпусный товарищъ Я., въ то время подполковникъ генеральнаго штаба, разсказывалъ мнѣ слѣдующее.

Былъ я въ кратковременномъ отпуску въ Варшавѣ, но по случаю начавшихся тамъ безпорядковъ поспѣшилъ обратно въ Вильно, гдѣ находилась штабъ-квартира корпуса. Здѣсь я явился къ своему корпусному командиру, генералу Лабинцеву, и онъ засыпалъ меня вопросами о всемъ происходившемъ тогда въ Варшавѣ. Когда разговоръ коснулся главноначальствующихъ лицъ, Лабинцевъ спросилъ:

— Ну а что подѣлываетъ нашъ Павелъ Евстафьевичъ?..

— Павелъ Евстафьевичъ носитъ уже отпускъ въ карманѣ и вскорѣ собирается за границу,—отвѣтилъ мой товарищъ.

— Такъ! такъ!—замѣтилъ Лабинцевъ.—Узнаю, узнаю почтеннаго Павла Евстафьевича. Въ сомнительное время мы нырнемъ, - нырнемъ, но не безпокойтесь, всплывемъ, непремѣнно всплывемъ!..

Лабинцевъ былъ извѣстный кавказскій генералъ, сослуживецъ Коцебу, и повидимому хорошо зналъ его. По крайней мѣрѣ его предсказаніе исполнилось въ точности. Коцебу нырнулъ въ Варшавѣ и всплылъ въ Одессѣ.

Какъ генералъ губернаторъ, П. Е. Коцебу оставилъ по себѣ память въ Новороссійскомъ краѣ, какъ толковый и спокойный администраторъ Во время его управленія наиболѣе важными и выдающимися событіями въ жизни Новороссійскаго края было введеніе земскихъ учрежденій и постройка первой на югѣ Россіи желѣзной дороги.

21 марта 1863 года было утверждено правительствомъ общество Одесско-Кіевской желѣзной дороги съ вѣтвію до колоніи Парканъ на Днѣстрѣ. Учредителями этого общества были: графъ Строгановъ, Адлербергъ, Толстой, Браницкій, Ржевускій, князь Долгорукій, Собанскій и инженеръ Кербедзъ. Впослѣдствіи главнымъ директоромъ распорядителемъ былъ назначенъ баронъ Унгеръ-Штернбергъ.

Сооруженіе въ нѣсколько лѣтъ около семисотъ верстъ желѣзной дороги въ предѣлахъ одной лишь Херсонской губерніи потребовало нема-

ло милліоновъ и привлекло сотни предпріимчивыхъ людей, искавшихъ случая примѣнить къ дѣлу свои спекулятивныя способности, и многимъ изъ нихъ удалось составить себѣ изрядное состояніе. Какъ-то при встрѣчѣ съ однимъ изъ такихъ субъектовъ, одержимыхъ желѣзнодорожной лихорадкой, я въ бесѣдѣ съ нимъ высказалъ пожеланія, чтобы постройка желѣзной дороги окончилась въ возможно скоромъ времени.

— Да, да,—замѣтилъ онъ съ грустью, — къ сожалѣнію, постройка должна скоро окончиться, а какъ хорошо было бы, если бы это продолжилось хотя бы еще лѣтъ десять!..

Приведу еще одну встрѣчу съ знакомымъ желѣзнодорожнымъ дѣльцомъ. Едва я успѣлъ поздороваться съ нимъ, какъ онъ поспѣшилъ сообщить мнѣ послѣднія новости, привезенныя имъ изъ Одессы, и въ заключеніе сказалъ:

— Вы хорошо знаете доктора К. Я часто встрѣчалъ васъ у него. Отличный докторъ и человѣкъ рѣдкій, умный, а глупость сдѣлалъ непростительную...

— Напримѣръ?

— Курьезъ, да и только, хоть сейчасъ въ «Искру». Ѣхалъ нашъ добрѣйшій докторъ съ однимъ изъ нашихъ строителей. Сидятъ это они вдвоемъ въ директорскомъ вагонѣ и бесѣдуютъ о разныхъ предметахъ, а строитель и говоритъ, между прочимъ, доктору:

— Много хлопотъ и затрудненій причиняютъ мнѣ подрядчики, очень важенъ для успѣха дѣла удачный ихъ выборъ. Желающихъ много, а порядочныхъ людей среди ихъ очень мало, а тутъ предстоятъ весьма серьезные подряды. Вы, докторъ, давно здѣсь живете, не можете ли указать мнѣ на кого-нибудь изъ хорошо знакомыхъ вамъ лицъ? Что бы вы думали, какой отвѣтъ далъ нашъ докторъ? а вотъ слушайте:

— Въ такомъ, молъ, трудномъ и щекотливомъ дѣлѣ, какъ желѣзнодорожные подряды, я ручаться за другихъ не берусь, а вы, какъ опытный человѣкъ, авось управитесь и найдете подходящихъ людей...

— Вотъ удивилъ-то, ужъ могу сказать, удивилъ!—воскликнулъ мой собесѣдникъ.

На мое замѣчаніе, что я не вижу тутъ ничего особенно удивительнаго и что докторъ, по моему мнѣнію, другаго отвѣта и не могъ дать, —желѣзнодорожныхъ дѣлъ мастеръ укоризненно посмотрѣлъ на меня, покачалъ головою и продолжалъ:

— Справедливо сказано: простота хуже воровства. Зналъ я прежде, что докторъ нашъ изъ «блаженныхъ», но чтобы онъ былъ ужъ до такой степени простъ, не думалъ, не допускалъ и мысли. Подумайте, счастіе само идетъ человѣку навстрѣчу, а онъ отказывается.—Вмѣсто того, чтобы поблагодарить строителя-инженера за вниманіе и довѣріе и предложить если не себя, то кого-либо изъ близкихъ,—онъ отвѣчаетъ

сами, молъ, найдете! Еще бы! разумѣется, найдетъ, да и искать не будетъ. Строитель хотѣлъ предоставить доктору случай зашибить тысченки три-четыре, а онъ, можно сказать, наплевалъ.

— Да скажите пожалуйста, откуда вы всю эту исторію вывели?—спросилъ я.

— Самъ отъ доктора слышалъ: былъ онъ у насъ съ визитомъ, больнаго сынишку нашего лѣчитъ. Уходя, докторъ говоритъ мнѣ:

— Чуть было не забылъ! Вы вѣдь желѣзнодорожными подрядами занимаетесь, такъ не упустите изъ виду, что вскорѣ предстоятъ большіе подряды.

При этомъ онъ мнѣ все и разсказалъ, какъ было. Я только руками развелъ и сталъ доказывать и объяснять, въ чемъ дѣло, что доктору слѣдовало самому или его родственнику взять подрядъ и передать лицу, на которое бы указалъ самъ строитель. Но и получилъ бы отступнаго тысячи четыре, если не болѣе... Объясняю я все это подробно доктору, а онъ смѣется и говоритъ: «Вы просто увлекаетесь, строитель едва-ли имѣлъ это въ виду, а если бы и дѣйствительно было такъ, какъ вы говорите, то для меня это дѣло не подходящее, всякъ, молъ, свою линію долженъ держать, а мы жили и проживемъ безъ подрядовъ. Я имѣю постоянную практику въ семьѣ строителя—онъ платитъ мнѣ хорошо, даже щедро и доволенъ мною, а я имъ. Значитъ, все обстоитъ благополучно и безъ подрядовъ. Это уже ваша область, а мнѣ туда не ходить.

— Ну что подѣлаешь съ такимъ человѣкомъ—блаженный, да и только!—рѣшилъ въ заключеніе мой собесѣдникъ и, видя, что я не раздѣляю его негодованія на блаженнаго доктора, не продолжалъ разговора на эту тему.

Вообще во время строительнаго желѣзнодорожнаго раздолья фигурировали не рѣдко «подставные подрядчики»; имъ доставались объѣдки, а самая суть пирога шла на долю орудующихъ постройкою желѣзной дороги.

Еще въ началѣ 1863 года въ обществѣ и печати ходили слухи о возможности въ близкомъ будущемъ дать губерніямъ съ русскимъ населеніемъ извѣстныя права по самоуправленію. Извѣстно, что въ 1862 году такое самоуправленіе было предоставлено населенію царства Польскаго, и тамъ были введены учрежденія, схожія съ тѣми, какія впослѣдствіи даны 33 русскимъ губерніямъ подъ названіемъ земскихъ учрежденій. Органы мѣстнаго самоуправленія просуществовали въ царствѣ Польскомъ самое короткое время и были закрыты, вслѣдствіе возникшихъ и усилившихся въ томъ краѣ смутъ. Русская періодическая пресса того времени высказывалась въ пользу осуществленія подобнаго рода учрежденій въ русскихъ губерніяхъ.

Въ октябрѣ 1863 года въ тогдашней оффиціальной газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверной Почтѣ» были изложены основанія положенія о земскихъ учрежденіяхъ, а въ январѣ 1864 года послѣдовалъ указъ о введеніи въ дѣйствіе новаго закона объ этихъ учрежденіяхъ.

Новороссійскій край былъ въ числѣ мѣстностей, въ которыхъ по росписанію надлежало быть введено земское самоуправленіе. Въ 1864 году я жилъ въ Херсонѣ, гдѣ въ то же время былъ губернаторомъ К—нъ. Среди старожиловъ Херсонской губерніи сохранилось немало разсказовъ объ этомъ администраторѣ, усердно занимавшемся «подтягиваніемъ» ввѣренной ему губерніи,—излюбленный пріемъ большинства вновь назначаемыхъ губернаторовъ (К—нъ былъ переведенъ въ Херсонъ изъ Витебска), о которыхъ въ провинціи говорятъ, какъ о «новой метлѣ», а потому хорошо метущей... К—нъ являлся однако недюжиннымъ администраторомъ, хотя не былъ чуждъ нѣкоторыхъ недостатковъ, о которыхъ такъ много говоритъ нашъ сатирикъ въ своихъ «Помпадурахъ»; онъ былъ властолюбивъ и, по складу своего характера, не могъ сочувствовать такому новшеству, какимъ являлось тогда земское самоуправленіе въ провинціи.

Вообще представители бюрократіи не только новороссійской, но и всероссійской встрѣтили несочувственно законъ о земскомъ самоуправленіи. До сего времени чиновникъ безраздѣльно властвовалъ и орудовалъ въ провинціи, а теперь въ противовѣсъ ему ставилось земство, въ вѣдѣніе котораго поступала вся хозяйственная часть; земство должно было вѣдать и заботиться о нуждахъ и пользахъ населенія. Такимъ образомъ умалялась значительно компетенція мѣстнаго чиновничества, а потому понятно, что большинство представителей администраціи относилось къ земской реформѣ отрицательно и недружелюбно и смотрѣло на земство, какъ на лишнюю спицу въ государственной колесницѣ. Не требовалось особой дальновидности, чтобы съ достовѣрностью ожидать въ будущемъ борьбы между двумя началами—административнымъ и выборнымъ—борьбы, которая съ разными перипетіями длилась болѣе 25 лѣтъ и окончилась побѣдою всесильной бюрократіи.

Чтобы ознакомить читателей съ тѣмъ, какъ смотрѣли представители разныхъ слоевъ тогдашняго общества и администраціи на земскую реформу и какъ относились они къ ней—я привожу здѣсь нѣкоторыя изъ частныхъ бесѣдъ моихъ съ разными лицами о нарождающемся земствѣ, его задачахъ, значеніи и будущемъ.

Въ Одессѣ я встрѣтилъ землевладѣльца Харьковской губерніи З—го. Это былъ человѣкъ развитый, образованный, онъ очень сочувствовалъ реформамъ крестьянской и земской, однако находилъ ихъ неполными. Когда разговоръ нашъ коснулся земства, З—скій сказалъ:

— Я внимательно изучилъ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ и

нашелъ въ немъ немало недомолвокъ и недостатковъ, которые, по моему мнѣнію, создадутъ впослѣдствіи массу затрудненій для земства. Положеніе возлагаетъ на него множество обязанностей, но власти никакой не даетъ, что̀ ставитъ земство въ большую зависимость отъ администраціи, къ которой придется обращаться за содѣйствіемъ чуть ли не во всѣхъ земскихъ начинаніяхъ. Да и самыя эти начинанія должны пройти предварительно цѣлый рядъ мытарствъ. Въ Писаніи сказано: кому много дается, съ того много взыщется, но земству законъ далъ мало, а населеніе и отчасти администрація будутъ требовать отъ земствъ многаго... Уже теперь, когда земство не успѣло еще ничѣмъ проявить свою дѣятельность—разные Маниловы при одномъ словѣ земства жмурятся отъ умиленія и возлагаютъ на него большія упованія, да не одни только Маниловы, но и многіе увлекающіеся люди ждутъ отъ земства великихъ дѣлъ, какъ отъ того сказочнаго богатыря, который, силой добраго волшебника воспрянувъ отъ долгаго заколдованнаго сна, сталъ удивлять міръ великими дѣлами... Эти мечтатели забываютъ, что у богатыря ноги связаны... Всѣ эти великія надежды способны только вредить земству что̀ для его недоброжелателей очень на-руку.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ я,—земскія учрежденія несомнѣнно окажутся весьма полезнымъ нововведеніемъ, пріучая населеніе къ самоуправленію и самопомощи. Работая дружно, земство окажетъ серьезныя услуги странѣ и явится силою, съ которою нужно будетъ считаться.

— Если вы говорите о будущемъ земства, то я совершенно согласенъ съ вами,—возразилъ З—скій,—не теперь, а очень не скоро земство явится силою, съ которой нужно будетъ считаться,—мы съ вами этого не дождемся. Въ настоящее же время само земство должно считаться со всѣми, начиная съ исправника.

— Тѣмъ болѣе чести будетъ земству, если и при такой обстановкѣ оно сумѣетъ по возможности быть полезнымъ странѣ,—замѣтилъ я.

— Въ томъ-то и дѣло, что эта «возможность»,—я подчеркиваю это слово, продолжалъ З—скій,—сводится къ немногому, сравнительно съ тѣми ожиданіями, о которыхъ такъ много кричатъ въ обществѣ иные рьяные поклонники земства. Эти своего рода «трубадуры» земства только вредятъ ему. Для широкихъ задачъ земству недостаетъ ни правъ, ни силъ, какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ... А что будетъ въ далекомъ будущемъ—это уже другой вопросъ.

Я спросилъ З—скаго, приметъ ли онъ активное участіе въ дѣятельности земства, вступитъ ли въ ряды земскихъ дѣятелей?

На это З—скій далъ слѣдующій отвѣтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ.—Я предпочитаю роль доброжелательнаго наблюдателя. Первымъ земскимъ людямъ предстоитъ расчищать дорогу, трудная и тяжелая это работа, на которую я не способенъ. Тутъ

требуется извѣстная организаторская способность, ея-то у меня и нѣтъ, къ тому же здоровье мое плохое и доктора посылаютъ меня въ теплыя страны, а, вы знаете, я всегда имѣлъ страсть къ путешествію.

Многіе способные и честные люди подъ разными предлогами уклонялись отъ дѣятельности въ земствѣ, особенно если средства дозволяли имъ вести жизнь спокойную и беззаботную. Встрѣчались также люди, чуждавшіеся земства не изъ любви къ спокойной частной жизни, а ради всесословности и равноправности земства, гдѣ бывшіе бары и ихъ смерды засѣдаютъ рядомъ и пользуются одинаковымъ правомъ голоса. Съ этимъ равенствомъ никакъ не могли помириться люди, въ душѣ скорбѣвшіе объ исчезновеніи крѣпостнаго права.

Помню и теперь, какъ одинъ изъ такихъ «крѣпостниковъ», окруженный небольшою группою слушателей, возсѣдавшихъ вокругъ чайнаго стола въ каютъ-кампаніи парохода, возставалъ противъ земскихъ учрежденій, называя ихъ плодомъ недомыслія. По его мнѣнію, слѣдовало расширить права дворянства, уже достаточно подготовленнаго для общественной дѣятельности, но не создавать всесословное земство.—Разумѣется, я не буду участвовать въ такомъ земствѣ,—говорилъ ораторъ,—въ земской службѣ не нуждаюсь, а вотъ бывшій мой конторщикъ, Ѳедька изъ дворовыхъ,—тотъ, говорятъ, попалъ уже въ земскіе гласные. Дѣтина онъ бойкій, и пожалуй наши либералы выберутъ его въ члены земской управы, и бывшій мой дворовый Ѳедька станетъ представителемъ исполнительнаго органа земскаго самоуправленія, ха, ха, ха!..

Долго еще говорилъ помѣщикъ на эту тему, пока не замѣтилъ, что остался при одномъ слушателѣ. Тогда онъ умолкъ внезапно и вышелъ на верхъ, на палубу парохода. Въ каютъ-кампаніи остался терпѣливый слушатель—человѣкъ пожилой, да я продолжалъ лежать на диванѣ и размышлялъ о слышанномъ. Въ то время земство уже «входило въ моду», и рѣдко случалось, чтобы кто изъ его противниковъ позволялъ себѣ публично высказывать свои антиземскія убѣжденія, а потому я пожелалъ узнать кое-что о личности помѣщика, громившаго земство, и обратился съ своимъ вопросомъ къ оставшемуся къ каютѣ слушателю.

— Въ точности не знаю,—отвѣчалъ онъ,—говорятъ, что это крупный помѣщикъ изъ центральныхъ губерній,—бывшій губернскій предводитель дворянства, а теперь не у дѣлъ,—отправляется за границу. Видно, человѣкъ онъ умный, но ужь больно желчный. Позвольте кстати спросить васъ, правда ли, что земству даны большія права? Правда, что оно можетъ даже налоги взыскать въ свою пользу?

— Большихъ правъ земству не дано, но предоставлено взимать извѣстные налоги,—отвѣтилъ я.

— А куда слѣдуетъ подавать жалобы на земство, если мое имуще-

ство будетъ обложено неправильно? Правда ли, что такія жалобы надлежитъ подавать въ земское собраніе?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, старикъ воскликнулъ: Чудеса, чудеса, да и только! Земству извольте жаловаться на земство! Какая тутъ можетъ быть правда?..

Вообще въ умахъ многихъ обывателей не могло умѣститься точное понятіе о правѣ самоуправленія и самообложенія.

Въ 1864 году въ Херсонской губерніи администрація, на основаніи особыхъ правилъ о приведеніи въ дѣйствіе Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, приступила къ предварительной работѣ, необходимой для осуществленія земской реформы (образованіе коммиссіи, комитетовъ, составленіе избирательныхъ списковъ и т. п.). Въ мартѣ 1865 года состоялись первые выборы гласныхъ, а въ концѣ того же мѣсяца и въ началѣ апрѣля были созваны уѣздныя земскія собранія, для выборовъ предсѣдателей земскихъ управъ, членовъ и другихъ должностныхъ лицъ, а также губернскихъ гласныхъ, а въ маѣ 1865 года состоялось первое херсонское губернское земское собраніе. Я былъ въ то время въ Херсонѣ и, разумѣется, не упустилъ случая посмотрѣть и послушать, что̀ будетъ происходить въ первомъ губернскомъ земскомъ собраніи, засѣданія котораго должны были происходить въ дворянскомъ домѣ, или, какъ иначе его называли, въ дворянскомъ клубѣ.

Уже за часъ до открытія собранія хоры, предназначенныя для публики, были переполнены. Тутъ собрался весь губернскій бомондъ у много дамъ, привлеченныхъ сюда понятнымъ любопытствомъ, вызываемымъ новостью зрѣлища. Въ ожиданіи открытія собранія, на хорахъ велись оживленные разговоры, и бесѣдующіе сообщали другъ други краткія біографіи тѣхъ изъ губернскихъ гласныхъ, на которыхъ возлагали надежды. Говорили о предстоящемъ въ этомъ собраніи выборѣ предсѣдателя и членовъ губернской земской управы на первое трехлѣтіе и почти безошибочно указывали впередъ на тѣхъ лицъ, которыя удостоятся этого выбора.

На первое собраніе съѣхались почти всѣ губернскіе гласные, и въ назначенный часъ собраніе было открыто губернаторомъ К—нымъ. Послѣ исполненія обычныхъ формальностей приступили къ занятіямъ, главный интересъ которыхъ заключался въ выборѣ представителей губернской земской управы. Какъ и ожидали, въ предсѣдатели управы былъ избранъ Касиновъ—онъ же предсѣдатель губернскаго земскаго собранія и губернскій предводитель дворянства. Касиновъ былъ человѣкъ умный, способный и энергичный, съ большимъ честолюбіемъ, а лица близко его знавшія говорили, что, по своимъ убѣжденіямъ, онъ не былъ земскимъ человѣкомъ и на службу свою въ земствѣ смотрѣлъ какъ на лѣстницу, по которой удобнѣе будетъ подняться выше. Дѣй-

ствительно, Касиновъ не долго пробылъ въ должности предсѣдателя губернской управы и былъ назначенъ на должность губернатора въ Минскую губернію. Вѣроятно, на этомъ не кончилась бы его карьера служебная, еслибы не внезапно постигшая его смерть (Касиновъ умеръ въ Минскѣ отъ карбункула). Предсѣдательствуя въ земскомъ собраніи, онъ руководилъ преніями съ большимъ тактомъ и умѣніемъ. Касиновъ, обладая хорошимъ даромъ слова и недюжинными способностями, умѣлъ изъ продолжительныхъ преній дѣлать краткое, но весьма обстоятельное заключительное резюме. Благодаря умѣнію предсѣдателя вести дѣло,—несомнѣннымъ ораторскимъ способностямъ нѣкоторыхъ гласныхъ—засѣданія земскаго собранія являлись для присутствующей публики весьма пріятною и интересною новинкою, а болѣе внимательному наблюдателю давали возможность обстоятельно знакомиться съ земскимъ дѣломъ.

Кстати говоря о Касиновѣ, я долженъ прибавить, что одною изъ главныхъ заслугъ его не только для Херсонской губерніи, но и для всего Новороссійскаго края, является учрежденіе въ Одессѣ херсонскаго земскаго банка, оказавшаго впослѣдствіи большія услуги землевладѣльцамъ этого края и чуждаго спекулятивнаго характера, присущаго акціонернымъ кредитнымъ учрежденіямъ. Со стороны Касинова было проявлено много энергіи и затрачено много труда на осуществленіе этого полезнаго для края учрежденія.

Въ числѣ членовъ губернской земской управы, избранныхъ на первое трехлѣтіе, выдающимися были Фатуровскій и Эрдели. Они заявили себя преданными земскому дѣлу піонерами и организаторами. Имъ обязано херсонское губернское земство многими полезными начинаніями, въ числѣ которыхъ было основаніе въ Херсонѣ земскаго сельско-хозяйственнаго училища. Слѣдовательно, они много лѣтъ тому назадъ не только сознавали настоятельную потребность въ подобнаго рода школахъ, но умѣли и осуществить ихъ на дѣлѣ, заручившись сочувствіемъ губернскаго земства. А достигнуть этого было не легко, ибо тогда сельско-хозяйственныя учебныя заведенія далеко не были въ такой модѣ, какъ теперь (1894 г.). А. С. Эрдели, послѣ выбытія Касинова, былъ избранъ въ предсѣдатели губернской управы и оставался во главѣ земскаго управленія нѣсколько лѣтъ до 1875 г., когда былъ назначенъ на постъ херсонскаго губернатора. Въ этой должности онъ пробылъ болѣе 16 лѣтъ, но всегда оставался земцемъ и принималъ близко къ сердцу интересы земства.

Въ іюнѣ 1865 года губернская и уѣздныя земскія управы Херсонской губерніи начали свою дѣятельность.

Фактическія занятія Елисаветградской земской управы начались съ

1-го іюня 1865 года, такъ какъ въ этотъ день происходило первое засѣданіе управы, въ домѣ предсѣдателя Б. А. Тихонова.

Б. А. Тихоновъ являлся поборникомъ просвѣщенія сельскаго населенія и, когда впослѣдствіи онъ былъ избранъ членомъ училищнаго совѣта, то представилъ земскому собранію записку, въ которой весьма рельефно изобразилъ крайне жалкое положеніе, въ какомъ находились тогда существовавшія въ уѣздѣ немногія сельскія школы, и указалъ земству на настоятельную необходимость обратить особое вниманіе на дѣло народнаго образованія. Б. А. Тихоновъ былъ того мнѣнія, что земство прежде всего должно позаботиться о народныхъ школахъ, а среднія и высшія учебныя заведенія всецѣло предоставить попеченію правительства. Когда въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Елисаветградское земское собраніе предположило открыть въ Елисаветградѣ среднеучебное заведеніе, то Б. А. Тихоновъ энергично возсталъ противъ этого проекта и, несмотря на то, что огромное большинство земскаго собранія стояло за проектируемое среднеучебное заведеніе, — онъ все же успѣлъ добиться хотя того, чтобы одновременно были сдѣланы извѣстныя ассигнованія на народныя земскія школы и чтобы въ предполагаемомъ къ открытію среднемъ учебномъ заведеніи училось бы на средства земства извѣстное число крестьянскихъ мальчиковъ, въ качествѣ стипендіатовъ земства. Не одинъ разъ приходилось Б. А. Тихонову ратовать въ собраніи одному чуть-ли не противъ всѣхъ, но эти всѣ чувствовали и сознавали внутренно, что правъ Тихоновъ, а не они, и уступали.

Въ сентябрѣ 1865 года состоялось первое очередное елисаветградское земское собраніе. Такъ какъ нѣкоторые изъ представленныхъ управою проектовъ расходовъ, преимущественно на ремонтъ дорожныхъ сооруженій, были отклонены собраніемъ, то составители этихъ проектовъ—Тихоновъ и Бородкинъ вышли въ отставку. Предсѣдателемъ управы былъ избранъ З—ный.

Въ моихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ земству, я не имѣю въ виду знакомить читателя съ постепеннымъ ходомъ и развитіемъ земскаго дѣла въ данной мѣстности. Я приведу только такія выдающіяся событія изъ жизни елисаветградскаго земства, которыя имѣютъ общеземское значеніе. Начну съ выборовъ П. А. З—го на должность предсѣдателя земской управы, такъ какъ эти выборы вызвали большія недоразумѣнія между губернаторомъ и земствомъ... Законъ предоставлялъ губернатору право утверждать избранныхъ на должность предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ. Губернаторъ Кл—инъ отказался утвердить З—го, не объясняя причины такого отказа. Такъ какъ всѣ формальности и обрядности, требуемыя закономъ при выборахъ, были

въ точности соблюдены, то причиной отказа могъ быть только вопросъ о такъ называемой благонадежности. Всѣмъ знавшимъ болѣе или менѣе близко З—го было хорошо извѣстно, что онъ человѣкъ вполнѣ легальный и ни въ какія политическія авантюры не пускавшійся. И вдругъ такой сюрпризъ для земства,—выборъ его не одобренъ. Сперва это всѣхъ озадачило, хотя и было извѣстно, что губернаторъ Кл—инъ не благоволилъ къ З—му за его критическія отношенія къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ губернской администраціи и появлявшіяся въ этомъ смыслѣ газетныя статьи и замѣтки, авторомъ которыхъ считали тоже З—го. Кл—нъ, какъ и многіе администраторы того времени, не признавалъ за обывателями права на критику его дѣйствій. Хвалить и славословить до самозабвенія дозволялось, но хулить — отнюдь! Пускавшихся въ критику, а тѣмъ паче въ печати, относили къ разряду неблагонадежныхъ, которыхъ надлежало смирить, какъ людей «безпокойныхъ». Какъ водится въ провинціи, приспѣшники губернатора, чтобы прислужиться, не упускали случая довести до свѣдѣнія своего начальника о малѣйшемъ проявленіи «безпокойства» со стороны впавшаго въ немилость фрондирующаго обывателя. Та же старая исторія повторилась и въ отношеніи З—го и, когда онъ въ первомъ земскомъ собраніи, назначенномъ въ мартѣ 1865 г. для выборовъ, сказалъ рѣчь, въ которой коснулся настоящихъ и будущихъ задачъ земства и его значенія въ будущемъ, то губернаторскіе приспѣшники поспѣшили передать своему начальнику общее содержаніе рѣчи, не поскупившись при этомъ на искаженія и комментаріи. Почти одновременно съ этимъ инцидентомъ появилось въ рукописи и ходило по рукамъ въ многочисленныхъ копіяхъ въ Херсонѣ и другихъ городахъ небольшое стихотвореніе подъ заглавіемъ «Фонтанъ земскихъ слезъ». Стихи были сатирическаго содержанія, а темою для нихъ послужилъ недавно устроенный въ Херсонѣ фонтанъ. Губернаторъ, какъ и многіе губернаторы того времени, любилъ украшать губернскій городъ, а такъ какъ для этого требовались деньги, а доходы Херсона были ограничены и ихъ едва хватало на самое необходимое, то, для пріисканія средствъ, придумали такую комбинацію. Это было до введенія земскихъ учрежденій, когда постройка разныхъ дорожныхъ сооруженій и зданій, относимыхъ на средства земскаго сбора, лежала на обязанности губернской администраціи и обыкновенно сдавалась съ подряда разнымъ предпринимателямъ, не рѣдко на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ, но за это подрядчики въ знакъ признательности должны были украшать губернскій городъ, конечно въ предѣлахъ возможнаго, и согласно указаніямъ губернатора. Кл—инъ задумалъ устроить въ Херсонѣ небольшой водопроводъ, преимущественно для противопожарныхъ цѣлей, а кстати

къ водопроводу пріурочить и фонтанъ, соединивъ такимъ образомъ пріятное съ полезнымъ. Средства для осуществленія этой затѣи пожертвовалъ какой-то подрядчикъ, которому было недавно сдано въ аренду на довольно продолжительный срокъ и на выгодныхъ для него условіяхъ содержаніе переправы черезъ рѣку Бугъ близъ города Вознесенска. Такимъ образомъ пожарный водопроводъ и фонтанъ въ Херсонѣ были устроены за счетъ земскаго сбора. Это обстоятельство и подало автору упомянутыхъ выше стиховъ удачно назвать Херсонскій фонтанъ губернатора Кл—ина—фонтаномъ земскихъ слезъ. Досужая молва приписала эту эпиграмму перу З—го, что̀ еще болѣе вооружило противъ него губернатора. Наконецъ, къ довершенію всего, въ сентябрьской сессіи собранія 1865 года, въ той самой сессіи, во время которой З—ый былъ избранъ предсѣдателемъ уѣздной управы,—онъ представилъ собранію докладъ о Вознесенской переправѣ черезъ Бугъ и весьма обстоятельно доказалъ, что условія, на которыхъ сдана переправа, крайне не выгодны для земства, и находилъ необходимымъ подробно разслѣдовать это дѣло. Особая коммиссія занялась этимъ вопросомъ и, изучивъ его во всѣхъ деталяхъ, признала, что контрактъ на отдачу Вознесенской переправы наноситъ значительный ущербъ интересамъ земства, и рѣшила представить это дѣло на окончательное разсмотрѣніе губернскаго земства, такъ какъ дорожныя сооруженія и переправы находились въ его вѣдѣніи, а контрактъ былъ заключенъ губернскою администраціею еще до введенія земскихъ учрежденій и заключенъ на продолжительный срокъ. Такое постановленіе собранія вызвало большую сенсацію, а инціатива приписана З—му. Понятно, что губернаторъ Кл—инъ не оставался въ долгу и пріуготовилъ для З—го цѣлый рядъ сюрпризовъ. Рѣшено было З—го, какъ человѣка «безпокойнаго», «изъять» на время изъ Елисаветградскаго уѣзда и, отдавъ подъ надзоръ полиціи, сослать на житье въ городокъ Очаковъ (Херсонской губ.). Но генералъ-губернаторъ Коцебу, а также окружной жандармскій генералъ Черкессъ нѣсколько иначе взглянули на это дѣло, и З—ый остался не только въ своемъ уѣздѣ, но и въ земской управѣ. Однако губернаторъ Кл—инъ не согласился утвердить его въ должности предсѣдателя земской управы и предложилъ произвесть новые выборы, для чего созвать экстренное земское собраніе. Между тѣмъ З—ый фактически исполнялъ должность предсѣдателя нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ управа нашла возможнымъ созвать собраніе въ апрѣлѣ 1866 года во время Георгіевской ярмарки въ Елисаветградѣ. Въ собраніе явились почти всѣ гласные, залъ былъ переполненъ публикой, въ числѣ которой было много земскихъ людей изъ другихъ уѣздовъ. Открывъ собраніе, предсѣдатель К. В. Соколовъ-Бородкинъ предложилъ приступить къ выбору предсѣ-

дателя управы. Многіе изъ гласныхъ потребовали слова и въ своихъ рѣчахъ высказывали сожалѣніе и недоразумѣніе по поводу отказа губернатора признать выборъ З—го, котораго собраніе признаетъ вполнѣ достойнымъ и легальнымъ земскимъ дѣятелемъ. Когда пренія окончились, собраніе огромнымъ большинствомъ голосовъ противъ двухъ отказалось производить новые выборы, подтвердило свой прежній выборъ, и затѣмъ собраніе было закрыто.

Несмотря на то, что собраніе вновь подтвердило первый свой выборъ, губернаторъ Кл—инъ и въ этотъ разъ не утвердилъ З—го и представилъ это дѣло министру внутреннихъ дѣлъ. Скрипѣли перья, и шла продолжительная переписка. Инцидентъ по поводу выборовъ З—го разсматривался въ комитетѣ министровъ, гдѣ въ концѣ концовъ вопросъ рѣшенъ былъ въ такомъ смыслѣ, чтобы сѣно было цѣло и овцы сыты; дабы поддержать авторитетъ губернаторской власти, выборъ З—го такъ и остался неутвержденнымъ, но З—ый продолжалъ фактически оставаться предсѣдателемъ земской управы и писался исправляющимъ должность. Къ концу перваго трехлѣтія губернаторъ Кл—инъ выбылъ въ Сенатъ (впослѣдствіи завѣдывалъ гражданской частію на Кавказѣ и былъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ этомъ званіи умеръ въ Петербургѣ), а такъ какъ З—ный былъ избранъ на ту же должность на второе трехлѣтіе, то новый губернаторъ Старенкевичъ утвердилъ выборъ безъ всякихъ затрудненій. Приведенный эпизодъ изъ жизни елизаветградскаго земства является едва-ли не единственнымъ въ этомъ родѣ. Случалось и въ другихъ земствахъ, что губернаторы не утверждали избранныхъ лицъ, но не было примѣра, чтобы земское собраніе такъ единодушно защищало свой выборъ.

Другой весьма характерный инцидентъ произошелъ въ мартѣ 1865 г. въ первомъ елисаветградскомъ земскомъ собраніи, созванномъ при открытіи земскихъ учрежденій въ губерніи, созванномъ исключительно для избранія губернскихъ гласныхъ и членовъ уѣздной управы. Главный интересъ выборовъ сосредоточился на вопросѣ, кого избрать представителями исполнительнаго органа земства, то-есть управы. Происходили частныя совѣщанія, и были намѣчены кандидаты, при этомъ и гласные отъ крестьянъ заявили о своемъ желаніи, чтобы въ числѣ членовъ былъ представитель отъ крестьянъ. На это имъ отвѣчали, что въ числѣ гласныхъ, отъ крестьянъ избранныхъ на первое трехлѣтіе, земское собраніе не находитъ людей, сколько-нибудь способныхъ для такой трудной, многосложной, а главное совершенно новой работы, какая предстоитъ земской управѣ; что для такой работы нужны люди развитые, а между тѣмъ большинство изъ крестьянскихъ гласныхъ вовсе не грамотны, а немногіе изъ нихъ, умѣющіе кое-какъ читать и писать, не могутъ

отвѣчать требованіямъ, предъявляемымъ къ представителямъ уѣздной управы.

Окончивъ предварительныя совѣщанія и формальности, собраніе приступило къ выборамъ въ управу, какъ требовалось закономъ, закрытой баллотировкой шарами. Баллотирующіеся гласные стали «проваливаться» одинъ за другимъ, такъ какъ крестьянскіе гласные, видя, что ихъ желаніе имѣть своего представителя въ управѣ не удовлетворено, клали всѣмъ претендентамъ черные шары, а гласныхъ отъ крестьянъ явилось въ собраніе болѣе тридцати и вотировали всѣ за-одно. Тогда гласные отъ землевладѣльцевъ и горожанъ рѣшили проводить въ управу крестьянскихъ кандидатовъ. Приступили къ выбору предсѣдателя управы, причемъ оказался избраннымъ крестьянинъ Албулъ. И затѣмъ выборы членовъ управы прошли съ еще большимъ успѣхомъ для гласныхъ отъ крестьянъ, и результаты баллотировки показали, что въ члены управы попали исключительно только крестьяне. Такимъ образомъ первая земская управа оказалась всецѣло крестьянскою, во главѣ съ предсѣдателемъ крестьяниномъ Албуломъ. Многіе изъ гласныхъ не ожидали такого результата, а что касается гласныхъ отъ крестьянъ, то ихъ постигъ, такъ сказать, «неожиданный реприманде», и они были смущены и озадачены успѣхомъ, далеко превзошедшимъ самыя смѣлыя ихъ ожиданія. Но еще болѣе были смущены и забочены крестьяне, удостоившіеся выбора въ управу. Они обращались за совѣтами къ другимъ гласнымъ, сознавая, что сами не въ силахъ будутъ выполнить предстоящую имъ задачу. Имъ отвѣчали, что ихъ выбрали, уступая настоятельнымъ требованіямъ гласныхъ отъ крестьянъ, производившихъ давленіе на выборы и забаллотировывавшихъ всѣхъ кандидатовъ не изъ своихъ. Чего вы хотѣли, то и получили, а теперь, молъ, дѣйствуйте сами, какъ знаете.

Понятно, что такіе выборы надѣлали много шуму и произвели сенсацію. Всѣ спрашивали, что будетъ дѣлать, какъ справится съ предстоящими дѣлами земская управа изъ неграмотныхъ крестьянъ? Озабоченный этимъ инцидентомъ предсѣдатель земскаго собранія немедленно телеграфировалъ губернатору о случившемся казусѣ и просилъ его инструкцій. Губернаторъ Кл—инъ находилъ, что такой составъ управы невозможенъ, и предлагалъ предсѣдателю собранія произвесть новые выборы. Но земское собраніе высказалось въ томъ смыслѣ, что выборы произведены были вполнѣ правильно и легально, и только въ такомъ же порядкѣ могутъ быть отмѣнены. Собраніе было закрыто. Губернаторъ былъ вынужденъ довести дѣло до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, по распоряженію котораго было назначено экстренное земское собраніе для выборовъ предсѣдателя и членовъ управы, такъ какъ прежде избранные отказались отъ должности. На

этотъ разъ выборы окончились безъ всякихъ недоразумѣній, ни одинъ изъ гласныхъ отъ крестьянъ не заявлялъ о своей кандидатурѣ, и въ управу были избраны лица, о которыхъ я упоминалъ выше, то-есть Б. А. Тихоновъ и прочіе.

Разсказавъ этотъ эпизодъ изъ жизни елисаветградскаго земства, я долженъ прибавить, что это земское собраніе вовсе не относилось съ предубѣжденіемъ къ крестьянству и ихъ представителямъ и въ послѣдующемъ трехлѣтіи охотно избрало гласнаго отъ крестьянъ въ члены управы, какъ скоро удостовѣрилось, что онъ отвѣчаетъ своему назначенію, и дѣйствительно избранный въ члены управы крестьянинъ Павелъ Лукьяновичъ Костюченко оказался весьма полезнымъ дѣятелемъ и былъ постоянно избираемъ въ теченіе пяти трехлѣтій къ ряду.

Елисаветградское земское собраніе, по численному составу своихъ членовъ, было первымъ въ Россіи уѣзднымъ собраніемъ, такъ какъ оно состояло изъ 96 гласныхъ (40 отъ землевладѣльцевъ, 22 отъ горожанъ и 34 отъ крестьянскихъ обществъ). Въ этомъ многолюдномъ собраніи уже въ первыхъ его засѣданіяхъ установился весьма точно опредѣленный порядокъ и режимъ, которые неизмѣнно сохранялись и поддерживались въ продолженіе двадцати шести лѣтъ. Засѣданія обыкновенно происходили въ залахъ одного изъ городскихъ клубовъ, занятія и пренія велись толково и послѣдовательно, какъ въ хорошо организованныхъ представительныхъ собраніяхъ. Рѣдко, очень рѣдко, случались короткія сценки, нарушавшія на минуту обычный порядокъ занятій собранія и установившуюся въ немъ дисциплину, къ которой не всегда умѣли приладиться иные гласные, обладавшіе широкою обывательскою натурою.

Елисаветградское земство по своей дѣятельности стояло въ числѣ выдающихся, а главную роль въ этой дѣятельности занимали дворяне. Въ этомъ не было ничего ненормальнаго, если принять въ соображеніе, что земскія учрежденія были призваны къ жизни вскорѣ послѣ осуществленія крѣпостной реформы и, дворяне, войдя въ составъ земства, явились наиболѣе образованными и развитыми его представителями. Къ тому же въ елисаветградскомъ земствѣ дворяне составляли сорокъ процентовъ всего числа гласныхъ, а потому не удивительно, что руководство земскими дѣлами находилось въ ихъ рукахъ, и что они составляли главный контингентъ земскихъ дѣятелей. Прошло болѣе двадцати лѣтъ существованія земства, и только тогда начали изрѣдка выступать на арену земской дѣятельности люди изъ другихъ сословій.

Повременная печать привѣтствовала появленіе земства на свѣтъ Божій и обрадовалась новорожденному. Земство явилось, хотя въ скромныхъ размѣрахъ, всесословнымъ представительнымъ учрежденіемъ. Отношеніе повременной печати къ земству вскорѣ сказалось довольно опредѣленно; эти отношенія можно выразить въ двухъ словахъ: любя бью.

Вынужденная взвѣшивать каждое слово, обдумывать и урѣзывать каждую фразу при обсужденіи дѣйствій другихъ учрежденій, повременная печать съ первыхъ же дней существованія земства получила право самой широкой и безбоязненной критики всего, что̀ касалось дѣйствій земскихъ учрежденій, и пользовалась этимъ правомъ весьма усердно, но далеко не всегда умѣло и съ тактомъ Забывали, что коль скоро свободная критика примѣнима только къ одному земству, а не ко всему, что̀ ее окружаетъ, то при этомъ условіи исчезаетъ возможность дѣлать сравненія и сопоставленія, и что въ результатѣ такой односторонней критики получается неправильное и ложное представленіе о критикуемомъ предметѣ. Лишенная возможности говорить о бревнѣ въ глазу другихъ учрежденій, повременная печать ставила въ укоръ земству малѣйшій сучекъ въ его глазу—и всякое лыко шло въ строку. Если къ этому присовокупить обиліе сатирическихъ и юмористическихъ замѣтокъ и всякихъ каррикатуръ, объектомъ которыхъ было земство, то неудивительно, что въ общемъ выводѣ въ умѣ поверхностнаго читателя,—а такихъ всегда бываетъ огромное большинство,—вырабатывалось ложное понятіе о земствѣ и его дѣятельности. Таковы были результаты не всегда разборчивой и нетактичной критики, предметомъ которой могли быть лишь одни земскія учрежденія. А между тѣмъ большинство печати вполнѣ сочувствовало земству и отнюдь не имѣло въ виду его дискредитировать; печать усердствовала ради пользы земства, но усердіе не въ мѣру—своего рода медвѣжья услуга. Поверхностная и односторонняя критика дѣятельности земства не находила себѣ мѣста въ болѣе серьезныхъ органахъ повременной прессы, но такихъ органовъ было очень немного, а кругъ читателей несравненно интеллигентнѣе, но все же малочисленный въ сравненіи съ массою читающей публики. О печати враждебной земству я говорить не буду; замѣчу только, что ея задача много облегчалась неполитичностью сочувствовавшей земству прессы. Говорю это не какъ посторонній наблюдатель, недолюбливающій всякую печать, а какъ ея соучастникъ и сотрудникъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ.

Земскія учрежденія по законамъ императора Александра II просуществовали не болѣе двадцати шести лѣтъ. Это много для отдѣльной человѣческой жизни, но не для государства и общества, которыя исчисляютъ свою исторію вѣками. За этотъ періодъ времени населеніе 33-хъ губерній еще не успѣло вполнѣ примѣниться къ правамъ, предоставленнымъ ему Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Мелкіе земельные собственники, въ числѣ коихъ имѣлось немало образованныхъ людей, были разрознены и не могли принимать непосредственнаго участія въ земскихъ дѣлахъ, а крестьянскія общества не имѣли права выбирать своими представителями въ земскія собранія мелкихъ землевладѣльцевъ, хотя среди этихъ земельныхъ собственниковъ насчитывалось немало

крестьянъ, отдѣлившихся отъ сельскихъ обществъ, но тѣмъ не менѣе сохранившихъ нравственную связь съ крестьянскимъ міромъ, людей самостоятельныхъ и развитыхъ, могущихъ съ успѣхомъ представлять интересы крестьянства. Масса сельскаго населенія еще не уяснила себѣ вполнѣ опредѣленно свои отношенія къ земскимъ учрежденіямъ, а болѣе интеллигентная часть населенія, обыкновенно называемая, въ отличіе народной массы, «публикой», въ отношеніяхъ своихъ къ земскимъ учрежденіямъ плохо усвоивала себѣ нравственную дисциплину, столь необходимую въ учрежденіи, основанномъ на выборномъ началѣ. Обыватели нерѣдко позволяли себѣ игнорировать и не исполнять вполнѣ законныхъ требованій земскихъ представителей, такъ какъ это были «свои люди», и къ тому же за ними не ходили ликторы съ пучками прутьевъ. Повиновались всѣмъ могущимъ «тащить и не допущать», до урядника включительно, но своихъ выборныхъ земскихъ людей не считали властями. Мало-по-малу—время, опытъ, а главное – примѣры лучшихъ людей, дѣлали свое дѣло, и обыватели начали сознавать пользу и необходимость нравственной дисциплины, но для того, чтобы эта гражданская добродѣтель вошла въ плоть и кровь населенія, нужно не 26-ть лѣтъ, а гораздо болѣе продолжительное время. Условія и вся обстановка, при которой приходилось дѣйствовать земскимъ учрежденіямъ, не были благопріятны, особенно первое десятилѣтіе, когда нужно было прокладывать первый путь, организовать и насаждать земское дѣло, а готовыхъ данныхъ для этого никакихъ не имѣлось.

Елисаветградская земская управа, какъ я говорилъ выше, приступила къ занятіямъ съ 1 іюня 1865 года. Надо было принять наслѣдство, доставшееся земству отъ прежняго режима. Это было очень убогое наслѣдство и состояло изъ полутора десятка дорожныхъ различныхъ сооруженій, большинство которыхъ оказалось плохо выстроеннымъ и требующимъ капитальнаго ремонта, больницы на пять кроватей, помѣщавшейся въ небольшомъ домѣ съ самой жалкой обстановкой, начиная съ бѣлья и кончая хирургическими инструментами – все было ветхо, старо и никуда не годно. Предстояло дѣлать всю обстановку новую. Эта больница находилась въ Бобринцѣ и была единственною на весь уѣздъ, въ которомъ считалось въ 1865 году около четырехсотъ тысячъ жителей. Таково было наслѣдство, доставшееся земству послѣ вѣковаго хозяйничанія администраціи. Немало затрудняло управу отсутствіе какихъ бы то ни было статистическихъ свѣдѣній о состояніи уѣзда въ экономическомъ отношеніи. Не имѣлось точныхъ данныхъ о количествѣ земли въ уѣздѣ, а между тѣмъ земля была главнымъ источникомъ земскихъ доходовъ. Послѣ продолжительной переписки доставлены были въ управу подробности о землевладѣніи, по свѣдѣніямъ казенной палаты, казначейства и особой коммиссіи по введенію крестьянской реформы. Но всѣ

эти свѣдѣнія не были тождественны и въ общемъ итогѣ разнились на десятки тысячъ десятинъ земли (всей земли въ уѣздѣ около 1½ милліона десятинъ). Относительно отбыванія жителями уѣзда натуральныхъ повинностей не имѣлось никакихъ данныхъ ни въ губернскихъ, ни въ уѣздныхъ административныхъ учрежденіяхъ и т. д. Не буду перечислять всѣхъ затрудненій, встрѣченныхъ управою въ первое время при собираніи необходимыхъ ей свѣдѣній; замѣчу только, что почти все первое трехлѣтіе одною изъ главныхъ задачъ управы было собираніе свѣдѣній по разнымъ отраслямъ земскаго хозяйства и разработки ихъ.

Одною изъ первыхъ заботъ елисаветградскаго земства было уравненіе отбыванія натуральныхъ повинностей. Къ концу втораго трехлѣтія повинность по безплатной поставкѣ подводъ для разъѣздовъ служащихъ лицъ отнесена на средства уѣзднаго земскаго сбора, за счетъ котораго земство и организовало въ уѣздѣ цѣлую сѣть почтовыхъ станцій, а натуральная дорожная повинность отнесена на средства губернскаго земства. Не прошло и десяти лѣтъ со времени появленія земскихъ учрежденій, а въ уѣздѣ уже существовала не одна, а нѣсколько земскихъ больницъ, десятки земскихъ школъ, земская почта для пересылки сельской корреспонденціи; выработана программа для постепеннаго развитія сельскихъ народныхъ школъ, и открыто въ Елисаветградѣ земское реальное училище. Исторія возникновенія этого учебнаго заведенія и возникшій вслѣдъ за тѣмъ вопросъ о правахъ его воспитанниковъ имѣетъ обще-земское значеніе, а потому я разскажу нѣсколько подробнѣе объ этомъ эпизодѣ изъ жизни елисаветградскаго земства. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ всѣ средне-учебныя заведенія, существовавшія тогда въ Херсонской губерніи, находились въ городахъ, расположенныхъ на окраинѣ губерніи—у взморья, въ Одессѣ, Николаевѣ и Херсонѣ. Многія мѣстности губерніи отдалены отъ этихъ городовъ на 200, 250 и даже 300 верстъ, а потому сосредоточеніе среднихъ учебныхъ заведеній на окраинахъ представляло много неудобствъ. Неудобство это чувствовалось весьма осязательно въ Елисаветградѣ, имѣвшемъ уже тогда до 60 тысячъ жителей и расположенномъ въ центрѣ двухъ наиболѣе населенныхъ уѣздовъ губерніи. Уступая многочисленнымъ заявленіямъ, елисаветградское земское собраніе ходатайствовало предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ открытіи въ Елисаветградѣ классической гимназіи съ двумя древними языками и при этомъ обязывалось давать ежегодно на гимназію нѣсколько тысячъ рублей. Въ отвѣтъ на это ходатайство бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, увѣдомилъ управу, что не замедлилъ бы исполнить желаніе земства, но не располагаетъ для этого средствами, въ которыхъ ощущается недостатокъ даже для существующихъ уже гимназій. Тогда земское собраніе рѣшило открыть въ Елисаветградѣ реальное училище, такъ какъ въ

пользу такого учебнаго заведенія высказалось большинство гласныхъ и общественное мнѣніе. Училище предположено было открыть всецѣло на средства земства, которое и ассигновало для этого ежегодно 18 тысячъ рублей, а городъ Елисаветградъ обязался давать ежегодно по 4 тысячи рублей. Была назначена особая коммиссія для выработки устава училища, которое имѣло состоять подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ земства и имѣть особое правленіе изъ выбранныхъ земствомъ лицъ, а именно изъ предсѣдателя правленія (онъ же и попечитель) и трехъ членовъ. Директора училища и учителей должно приглашать правленіе изъ числа лицъ, имѣющихъ право занимать названныя должности.

Извѣстно, что графъ Д. А. Толстой относился несочувственно къ реальному образованію, а потому елисаветградское земство должно было много и долго хлопотать о дозволеніи открыть училище на основаніяхъ, выше упомянутыхъ мною. При содѣйствіи генералъ-губернатора Коцебу, разрѣшеніе наконецъ было получено, но въ правахъ училищу было отказано, и оно поставлено въ разрядъ частныхъ учебныхъ заведеній, то-есть аттестатъ объ окончаніи курса училища не давалъ правъ, какія обыкновенно присвоены всѣмъ имѣющимъ аттестаты казенныхъ учебныхъ заведеній. Несмотря на такое тяжелое условіе, земство рѣшило открыть училище, въ надеждѣ, что впослѣдствіи удастся выхлопотать права. На должность директора былъ приглашенъ Ѳедоръ Степановичъ Стулли, человѣкъ образованный, энергичный и съ большими организаторскими способностями. Благодаря этимъ качествамъ, онъ сумѣлъ въ короткое время создать и приспособить всю обстановку, необходимую для вновь открываемаго средне-учебнаго заведенія, и училище было открыто въ августѣ 1870 года и съ перваго же раза оказалось устроеннымъ весьма удобно и умѣло, чему способствовало также и то обстоятельство, что земство не скупилось на средства...

Первый директоръ училища, Ѳедоръ Степановичъ Стулли, къ сожалѣнію, пробывшій недолго въ этой должности, неоднократно доказывалъ представителямъ земства, что успѣшное развитіе училища не мыслимо до тѣхъ поръ, пока оно будетъ безъ правъ, что при этомъ условіи училище не можетъ отвѣчать требованіямъ, предъявленнымъ къ нему родителями и опекунами учащихся, для которыхъ знаніе, не дающее правъ, не имѣетъ почти никакого значенія. Это мнѣніе раздѣляли многіе, но земство ожидало болѣе благополучнаго времени для новаго ходатайства и компромиссовъ, и училище оставалось на прежнемъ основаніи. Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ, и уже образовался въ училищѣ 7-ой выпускной классъ. Сдавъ заблаговременно экзамены въ своемъ училищѣ, ученики этого класса должны были ѣхать въ другія казенныя средне-учебныя заведенія и тамъ держать вторичный экзаменъ для полученія аттестата, дающаго права. И ѣздили ученики, окончившіе земское реаль-

ное училище, сдавать вторичный экзаменъ въ Полтаву, Одессу, Бѣлую Церковь, Новозыбковъ, даже въ Саратовъ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, пока земство не выхлопотало, наконецъ, правъ для училища, сдѣлавъ нѣкоторыя уступки, требуемыя министерствомъ, но это случилось уже тогда, когда графа Толстаго давно не было въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Къ чести училища и его преподавателей, ученики его, вынужденные держать вторичные экзамены въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, за весьма рѣдкими исключеніями, сдавали ихъ успѣшно.

Одновременно съ основаніемъ въ Елисаветградѣ земскаго реальнаго училища въ земскомъ собраніи возникъ вопросъ объ уравненіи правъ воспитанниковъ реальныхъ училищъ съ правами окончившихъ классическія гимназіи, для которыхъ аттестатъ зрѣлости открывалъ двери всѣхъ факультетовъ университета. Елисаветградское земское собраніе постановило ходатайствовать, чтобы воспитанникамъ, окончившимъ реальное училище, дозволено было поступать въ университетъ на факультеты: математическій, естественный и медицинскій. Уѣздная управа вошла въ предварительное сношеніе по этому вопросу съ многими земскими управами другихъ губерній, и почти всѣ онѣ высказались въ томъ же смыслѣ, какъ и елисаветградская, и внесли вопросъ на обсужденіе своихъ земскихъ собраній. И вотъ съ разныхъ мѣстъ Россіи стали поступать въ министерство внутреннихъ дѣлъ одно за другимъ ходатайства отъ разныхъ земствъ, губернскихъ и уѣздныхъ, и набралось такихъ ходатайствъ до сорока. Поэтому министерство дало имъ дальнѣйшій ходъ, и вопросъ о предоставленіи воспитанникамъ реальныхъ училищъ поступать на нѣкоторые факультеты университетовъ былъ представленъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, который значительнымъ большинствомъ голосовъ высказался въ пользу ходатайства земствъ. Но императоръ Александръ Николаевичъ, по представленію графа Толстаго, утвердилъ мнѣніе меньшинства, отрицавшаго права реалистовъ. По поводу возникновенія этого вопроса въ земскихъ собраніяхъ — правая рука графа Толстаго, М. Н. Катковъ, поднялъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» цѣлую бурю на елисаветградское земство, а графъ Толстой за все время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія относился недоброжелательно къ елисаветградскому реальному училищу, которое, не имѣя правъ, продолжало однако существовать и развиваться. Училище долгое время оставалось единственнымъ средне-учебнымъ заведеніемъ для всей обширной территоріи двухъ уѣздовъ, Александровскаго и Елисаветградскаго, и только въ концѣ семидесятыхъ годовъ была основана въ Елисаветградѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія классическая гимназія и то благодаря крупнымъ пожертвованіямъ со стороны города.

Неизвѣстный.

Черты русскихъ нравовъ въ началѣ XIX вѣка.

Рапортъ Каргопольскаго уѣзднаго стряпчаго Олонецкой губерніи господину губернскому прокурору Семену Егоровичу Тимирязеву.

9 мая 1805 года № 32.

4-го числа сего мѣсяца услышаны мною были во многомъ числѣ сильные внутри города пушечные выстрѣлы. Сіе сочтя я за чрезвычайное, прибылъ тотчасъ извѣстить о томъ къ каргопольскому господину городничему Борисову, который мнѣ по сдѣланному ему отъ частнаго пристава Кибитковскаго донесенію объявилъ, что тѣ выстрѣлы, несмотря на воспрещенія, отъ Кибитковскаго бывшія, чинятся противъ дома каргопольскаго уѣзднаго казначейства бухгалтера Лукинскаго, господиномъ нижняго земскаго суда дворянскимъ засѣдателемъ Рожновымъ, и что господинъ городничій, самъ бывъ тамъ предварительно, для прекращенія не могъ воздержать Рожнова отъ того предпріятія, но какъ выстрѣлы тѣ продолжались при бывшемъ на городѣ вѣтрѣ съ 5-го часа по полудни чрезъ цѣлый вечеръ и большую часть ночи, то о семъ толико предпріимчивомъ господина Рожнова поступкѣ за долгъ мой почелъ донесть благоразсмотрѣнію вашего высокоблагородія.

Уѣздный стряпчій Левъ Посниковъ.

Сообщилъ **Г. К. Рѣпинскій.**

АВТОБІОГРАФІЯ
Юрьевскаго архимандрита Фотія.
Книга вторая.

ПОВѢСТВОВАНІЕ
Священно-архимандрита отца Фотія [1]).

ЛѢТО 1823-е.
Начало съ Богомъ обновленія обители.

Крайнее разореніе Юрьева монастыря послѣ многихъ въ послѣдній пожаръ и въ то же время вѣсть о великомъ пожертвованіи въ обитель, въ часъ пожара самаго, такъ сказать, свыше, а не отъ человѣкъ.—Искушаетъ діаволъ во время пожара о. Фотія.—Присылка пожертвованій и состраданіе многихъ о Господѣ.—Видъ разоренія Юрьева монастыря.—Прибытіе во градъ Москву о. Фотія.—Бесѣда во дни и въ нощи о. Фотія со дщерію и всѣми въ домѣ ея.—Любовь дѣвицы дщери Анны въ домѣ къ отцу Фотію.—Повѣсть о потаенной убогой дѣвѣ въ образѣ мужскомъ, бывшей въ Москвѣ и по стогнамъ ползающей.—Посѣщеніе св. обителей и церквей въ Москвѣ.—Успенскій соборъ въ Москвѣ.—О патріаршей ризницѣ извѣстіе. — Чудовъ монастырь. — Кремль Московскій —О Донскомъ монастырѣ.—О Новоспасскомъ монастырѣ — О Симоновѣ монастырѣ.—О скудости подвижниковъ.—О ревнителѣ противу зловѣрія въ Москвѣ пресвитерѣ Михаилѣ и чиновникѣ Стефанѣ Смирновѣ.—Общая молва и увѣреніе о Филаретѣ непріятная.—О ересеначальникахъ въ Москвѣ.—Общій вопль въ Москвѣ, что Библейское общество и переводъ Евангелія есть ковнь и умыслъ нечестивыхъ во вредъ церкви и государству.—Исправивъ надобности свои, о. Фотій отправился изъ Москвы въ монастырь свой, собравъ нужное свѣдѣніе о успѣхахъ зловѣрія.

Въ началѣ настоятельства своего, какъ Фотій помышлялъ особенно при началѣ года 1823 сколько возможно поскорѣе и лучше ветхости монастырскія исправить, Господь нечаянно ему послалъ велію скорбь для сердца. При всѣхъ осторожностяхъ, неизвѣстно какимъ образомъ, 1823 года января 21 дня, въ день воскресный, въ часъ Божественныя службы сдѣлался великій пожаръ въ монастырѣ. Онъ служилъ литургію самъ съ братіею, народу было много въ церкви; никто ничего не вѣдалъ, не видѣлъ, какъ всѣ въ церкви сверха и съ концовъ, во входахъ, съ сѣвера и полудня объяты великимъ пла-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1895 г.

менемъ. Начался пожаръ съ сѣвернаго угла настоятельскаго корпуса, гдѣ издавна не было ни оконницъ, ни дверей, ни печей, ниже какого-либо жилища; сѣни, кельи, паперть, теплая церковь и настоятельскія кельи сверха всѣ горѣли; когда отъ дыма и огня мракъ началъ въ церкви закрывать свѣтъ, тогда узнали и увидѣли во время чтенія святаго Евангелія, что все горитъ зданіе, гдѣ всѣ у обѣдни стоятъ, и всѣ въ пламени на службѣ предъ Богомъ горятъ. Онъ покушался и крѣпился службу довершить въ сей церкви, но пламень изгналъ его изъ нея. Какъ былъ во всемъ облаченіи за престоломъ стоя, въ митрѣ, взявъ святые Дары, жезлъ архимандричій, помолился Господу Богу, прослезився, сказалъ къ Нему: «Ты гонишь меня, Господи, изъ храма Твоего святаго и не даешь жертву Тебѣ принести днесь, не хощу изыти, не совершивъ службы. Но что дѣлать? Ты гонишь меня огнемъ Твоимъ; и се я иду изъ храма Твоего. Вѣмъ, яко въ семъ есть тайное Твое смотрѣніе очистить огнемъ Твоимъ меня и всю обитель, промышляя сотворить здѣсь новодѣйство. Не остави меня, Господи, Боже мой! (псал. XXXVII, 22 ст.). Услыши, Боже, моленіе мое, вонми молитвѣ моей; уны во мнѣ духъ мой, во мнѣ смятеся сердце мое (псал. 142, ст. 1, 4.). Тако прискорбенъ изшелъ иными дверми изъ церкви чрезъ кельи настоятельскія, и когда вышелъ во всемъ облаченіи неся святые Дары и прочее священное въ соборъ Свято-Георгіевскій, обратился отъ собора на западъ лицемъ на все зданіе съ церковію горящее воззрѣть, и узрѣвъ велій пламень, былъ яко на 40 саженъ, удивился, но что дѣлать? Простеръ онъ десницу свою и благословилъ пожаръ перекрестивъ, глаголя: како Господу изволися тако и бысть (Іова 1, 21 ст.). Аще благая отъ руки Господни пріялъ, злыхъ ли не стерплю (Іова II, 10 ст.)? Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка. Гори же все, когда Господь благословилъ тебѣ горѣть; Господь силенъ есть не токмо погасить огнь сей весь, но новое все зданіе веліе и благолѣпнѣе возсоздать на мѣстѣ семъ. Посемъ пошелъ онъ въ соборъ, внесъ дары, поставилъ на святый престолъ, начатую въ теплой церкви хотѣлъ продолжать Божественную службу въ соборѣ семъ. Но какъ я буду совершать, - сказалъ онъ самъ въ себѣ. - Никого нѣтъ изъ братіи, кромѣ старца священника и іеродіакона; всѣ занялись въ пожарѣ; никого обрѣсти неможно. Всѣ въ служеніи и дѣйствіи своемъ: нѣтъ человѣка, дабы кто могъ въ сей часъ кадило, свѣчи возжещи. А посему сказалъ иноку единому старцу: иди, возьми огнь съ пожара, и всѣ мѣстныя свѣщи возжги и ѳуміамъ пріуготовь въ кадилѣ. Той же, шедъ, взялъ сверха зданія падшую доску длинную, горящую, неся оную принесъ въ церковь огнь, и Фотій повелѣлъ оною горящею доскою возжигать свѣщи и кадило, вмѣсто же служенія за неимѣніемъ пѣвца, сталъ самъ на правый клиросъ въ архимандричье мѣсто, а старцу служить велѣлъ, одинъ пѣлъ Божественную Литургію, одинъ на достойно исходилъ;

пѣлъ, утѣшая въ скорби себя, медленно и плачевно. Когда же дошло до причастна, то не зная, что пѣть, онъ воспѣлъ пѣснь ангельскую сію: «Слава въ Вышнихъ Богу, и на земли миръ, днесь воспріемлетъ Виѳлеемъ Сѣдящаго присно со Отцемъ: днесь ангели Младенца родшаго славословятъ: Слава въ Вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе». Посемъ, обратився къ Царицѣ и Владычицѣ, Пресвятой Матери Дѣвѣ Богородицѣ, и плача, воспѣлъ: «подъ твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво; молитвъ нашихъ не презри въ скорбѣхъ и отъ бѣдъ избави насъ, едина чистая и благословенная». И тогда видя Ея образъ, видѣлъ, что и Она Царица казалась такъ ему соскорбящи, ему радостно ко Всевышнему Богу и Сыну Своему Господу Іисусу Христу молилася объ обители. Насытився отъ слезъ и плача сердечнаго, воспѣлъ Фотій наконецъ предъ отверзстіемъ Царскихъ вратъ ко Владычицѣ тако: «милосердія двери отверзи намъ, Благословенная Богородице», и проч. Все совершивъ, довершилъ Божественную службу, и изъ собора исходя увидѣлъ, что все уже отъ пожара обвалилось и обгорѣло: мразъ же лютъ былъ. Узналъ онъ изшедъ, что всѣ вещи его соблюдены отъ огня: все движимое цѣло казенное и настоятельское имѣніе. Многіе думали, что Фотій хладнокровенъ сталъ отъ того, что не въ настоящемъ умѣ находится и потерялъ разсудокъ Однѣ дѣвицы и жены простыя, окруживъ его, о немъ соболѣзновали, утѣшали его въ скорби, брали благословеніе и цѣловали руки его. Врачи же ученые хотѣли примѣчать въ немъ помѣшательство: иные изъ братій, увидѣвъ его, влекли въ кельи намѣстника отъ хлада. Въ сей часъ приходитъ посланный Фотія съ почты изъ града и вручаетъ ему посланіе: онъ распечаталъ оное, и что жъ увидѣлъ? О, диво! о, чудо Божіе! Повѣстка вложена письменная, что желѣза на покрытіе кровель обители послано, все на пути близъ и вскорѣ имѣетъ быть 3.000 пудовъ и красокъ зеленыхъ, мѣдянокъ и бѣлилъ, и масла для крашенія; и всего было на 40.000 рублей, вдругъ везется въ Юрьевъ монастырь. Сіе такъ поразило Фотія, нечаянное дарованіе нужное обрадовало въ часъ горести, что онъ вельми зарыдалъ, глаголя: «Господи! что огнемъ сожигается обитель и церковь,—я достоинъ сего наказанія; а что сугубо изливается благости источникъ Твоея на меня въ часъ сей, сего недостоинъ есмь всеокаянный. Узнавъ сіе, вельможи, бывшіе лютеранскаго исповѣданія, удивились сему и дѣйству Бога единаго приписывали, и радовались о немъ.

Не смѣлъ Фотій согрѣшить предъ Господомъ въ часъ пожара: терпѣлъ и крѣпился быть благодушенъ во всемъ; яко рука Господня смиряла его. Но въ сіе время епископъ Сильвестръ, завидовавъ преуспѣянію его о Господѣ, изшелъ изъ дома своего и, стоя на мостѣ Волховскомъ, смотрѣлъ на горящую обитель Юрьевскую. Вмѣсто того, чтобы какъ пастырю, послать утѣшеніе ему, онъ смѣялся и говорилъ: Фотій

чудотворецъ, пусть же теперь сдѣлаетъ чудо и угаситъ пожаръ! И веселился онъ, что сіе можетъ послужить вскорѣ ему въ повсюдное порицаніе и злую молву. Владыка московскій Филаретъ, узнавъ о семъ происшествіи, говорилъ о немъ тако: что Фотій съ намѣренія самъ сдѣлалъ пожаръ, дабы имѣть чрезъ то случай весь монастырь снова обновить; и въ семъ мнѣніи пребывалъ [1]). Сильвестръ того года въ осеннее время умеръ, оставивъ ему всѣ свои дѣла послѣ устроить и долги уплатить. Филарету же велѣно ѣхать въ свою паству. Мысль вражія, что будто Фотій самъ зажегъ монастырь и сумасшедшимъ сдѣлался, возмутила повсюду всѣхъ, а особенно за ревность по вѣрѣ ему недоброхотствующихъ. Онъ же въ умѣ и разумѣ былъ, и сіе вскорѣ дѣломъ всѣ узнали, а что монастырь отъ него сожженъ, сіе зловѣріе въ зловѣрныхъ духовныхъ даже осталось лицахъ, дабы имѣть случай злорѣчить имя Фотія, который о всемъ радовался и благодарилъ Бога.

О Господѣ его любящіе и подвизающіеся сострадали, присылали изъ Санкт-Петербурга о немъ все узнать и его утѣшить своею любовію. Особенно архипастырь Серафимъ митрополитъ утѣшалъ его упованіемъ на Господа всячески и поддерживать старался, какъ видно изъ его всѣхъ писемъ, писанныхъ къ нему по случаю пожара. Государь императоръ Александръ также сожалѣлъ. Князь Голицынъ Александръ также соболѣзновалъ, и многіе вельможи. Дѣти же духовные брали великое участіе во всемъ о немъ. Дщерь его, дѣвица Анна, хотя скрывала отъ всѣхъ милости свои, но присылка желѣза и прочаго во время пожара была отъ нея. Она всячески утѣшала его, попеченіе имѣла пособіе всякое сдѣлать для него и обители. Онъ былъ приглашаемъ въ Москву лично получить пожертвованіе ея и посмотрѣть обители другія главныя, дабы по образцу оныхъ, что прилично и возможно въ Юрьевѣ будетъ завести, сдѣлать и воздвигнуть по времени. Въ сіи послѣдніе дни генваря отъ 21-го до 31-го всѣ посылки были доставлены: толь были люты морозы, что Волховъ рѣка замерзала, прямо монастыря изъ Сиверкова канала, всѣ возы на коняхъ съ тяжестію переходили въ обитель благополучно.

Въ 1810 году, гдѣ нынѣ Кресто-Воздвиженскій соборъ, начиная съ церкви, весь сѣверный корпусъ съ оградою былъ отъ пожара разоренъ и почти вовсе неустроенъ. Главное зданіе лучшее двоэтажное съ церковію все, кромѣ стѣнъ, потреблено огнемъ; кровли на всѣхъ оставшихся мѣстахъ — совершенно обветшавшія. Такъ было трудно состояніе

---

[1]) Г-нъ Миропольскій („Вѣстникъ Европы“ 1878 г., декабрь, 601) считаетъ правдоподобнымъ предположеніе о томъ, что Фотій съ намѣреніемъ самъ сдѣлалъ пожаръ. Предположеніе слишкомъ уже произвольное и ни на чемъ не основанное: какъ-будто Фотій не могъ, не прибѣгая къ пожару, обновить своего монастыря.

Фотія при всей бѣдности собственно монастырской, что не было мѣста, гдѣ ему жить и братіи: въ трехъ кельяхъ онъ помѣщался съ намѣстникомъ и съ келейными,—самъ 6-й человѣкъ. Жалость одна была воззрѣть на Юрьевъ монастырь. Февраль и весь великій постъ служба совершалась, кромѣ обѣденъ, въ тѣхъ же кельяхъ, гдѣ онъ и самъ жилъ; а обѣдню въ холодномъ соборѣ самъ служилъ, несмотря на слабое здравіе свое; не имѣлъ онъ отъ того болѣзни себѣ. Тако Богъ его соблюдалъ Своею благодатію и покрывалъ. Колико по обширности въ стѣнахъ своихъ Юрьевъ монастырь былъ великъ, толико велико было разореніе постепенное и безобразіе многое. Богъ все сіе строилъ ко славѣ Своей: въ часъ пожара вошелъ въ тайнѣ сердца, прося Бога, дабы ему на семъ, а не индѣ гдѣ быть, для спасенія души своея и для обновленія всея обители, на что многіе годы потребны, и для дѣйствія въ дѣлахъ благочестія, церкви и вѣры.

Благословеніе и разрѣшеніе пріявъ отъ архіерея Серафима митрополита, 1-го февраля отправился онъ въ путь къ Москвѣ, не исходилъ въ пути изъ саней, не ѣлъ, не пилъ, а непрестанно ѣхалъ на коняхъ спѣша, ибо начиналась ранняя весна, путь былъ уже зимній ближе къ исчезанію; почти въ 48 часовъ пріѣхалъ въ Москву, и долго по Москвѣ разспрашивалъ, гдѣ Донскій монастырь, сторона и улица, дабы узнать, гдѣ домъ дщери своея дѣвицы Анны. Мразъ былъ лютый; извощики не знали ни мѣста, ни дома, гдѣ она живетъ. Уже вопрошая у людей и у стражей ночныхъ, кое-какъ приблизился къ мѣсту, гдѣ живетъ графиня Анна Орлова Ч.; былъ же то день праздничный и благовѣстъ по всему граду былъ ко всенощному бдѣнію по утру, или ко утрени; приблизился къ дому дщери. При сіяніи звѣздъ въ нощи увидѣлъ, яко замокъ царскій, домъ дщери дѣвицы огражденъ желѣзною рѣшеткою съ украшеніями многими; домъ же стоялъ особо на чистомъ мѣстѣ, яко царскій дворецъ; послалъ увѣдать, въ домѣ ли дщерь дѣвица, можно ли ему къ ней пріидти въ таковое время въ домъ, или не дастъ ли гдѣ подъ кровомъ своимъ пристанище ему во дворѣ среди людей, указавъ уголъ малъ для покоя съ пути. Кровь же у него изъ носа непрестанно текла и не преставала отъ напряженія въ скорой ѣздѣ и слабости своего здравія.

Лишь было доложено дщери дѣвицѣ уже воставшей и хотящей идти ко утрени въ монастырь, просила она чрезъ человѣка прямо его въ домъ къ себѣ. Когда же Фотій пришелъ въ домъ, вшелъ въ тѣ покои, гдѣ имѣла пребываніе свое дщерь его о Господѣ, вскорѣ, прилично себя убравъ, прибѣжала съ великою радостію къ нему и, принявъ благословеніе, не знала, что отъ радости любви дочерней ему сотворить, желая всячески его съ пути успокоить и утѣшать о Господѣ. Какъ же она желала быть у утрени въ обители, то не повелѣлъ ей сего дѣла

оставлять, а идти, прося, дабы его къ той же утрени довезли. Несмотря на крайнюю усталость, желалъ примѣръ дать ей послѣ усталости не почивать, а первѣе Богу благодареніе принести за благополучный пріѣздъ. Бывъ у утрени и возвратився паки съ дѣвицею на особыхъ коняхъ въ домъ, не могъ вкусить покоя, а во утѣшеніе души дщери своея продолжалъ слово на пользу; назидалъ же во всемъ, како его пріѣздъ кажется дщери, и каковъ ея первый пріемъ ему; видѣлъ, что дѣвица, дщерь его о Господѣ, колико славна, богата есть; толико боголюбезна, страннолюбива, яко Ангелъ Божій во плоти она вся ему явилася; со сладостію всякое слово говорила, прелюбезно на него взирала, всякое слово требованія со вниманіемъ принимала; зракъ лица толь свѣтелъ былъ, что на ономъ явио изображалась ангелоподобная ея душа; паче она его приняла, нежели отца роднаго, почтила его, какъ святаго, творя волю его. Здѣсь дѣву свою Господь, дщерь свою, рабу свою и невѣсту нескверную ему далъ въ услуженіе въ дѣлѣ вѣры, благочестія и въ нуждахъ всѣхъ.

Жаждущая всякія правды дѣвица Анна насытиться бесѣды душеполезныя, она непрестанно болѣе и болѣе желала слышать, внимать, дабы научиться творить вся повелѣнія Божія. Онъ, Фотій, читалъ ей извѣстныя, приличныя къ дѣвственному ея состоянію повѣсти, святыхъ слова, поученія примѣры изъ житій святыхъ, Прологовъ, Скитскаго Патерика, изъ Соборника святаго Ефрема Сирина, Лѣствичниковъ и иныхъ святыхъ отцевъ, все самъ излагалъ и изъяснялъ, како Господь на то давалъ благодать учить во спасеніе. Многіе приходили послушать его бесѣды: князья, бояре, графы, жены ихъ и дѣти ихъ, духовные и мірскіе, благоговѣйніи люди, купцы и богатые. Онъ же всегда по обычаю не входя ни въ какія рѣчи и не давая никому прежде начинать, начиналъ слово наставленія, или бесѣду, или повѣсть, или нравоученіе, дабы никто безъ пользы не отходилъ душевной. Воистину, яко церковь Божія бысть домъ дѣвицы дщери. По вечеру, въ нощи, по утру, во дни, на трапезѣ, сидя и ходя, Фотій старался слово назиданія простирать. Посему здѣсь многіе прилѣпились сердцемъ къ нему, возлюбили его, и самые слабые люди вельможи давали слово святые посты наблюдать, и среду и пятокъ, оставить свои пороки и исправить житіе свое.

Изъ всѣхъ желаній, словъ и дѣйствій можно было видѣть, что дѣвица дщерь его о Господѣ прилѣпилась къ нему Бога ради всѣмъ сердцемъ, и сердце и душа ея были едино съ нимъ, и вся ея благая быша яко общее съ нимъ. Когда нужно было принять кого изъ посѣтителей, вельможъ къ себѣ на бесѣду приходящихъ, или благословеніе хотящихъ принять, то всегда вопрошала о томъ, како Фотій хощетъ и благословитъ. Когда кто милостыню просилъ, то приносила ему сребро, злато и прочія деньги, какія обыкновенно были, повергая предъ очи, просила,

дабы онъ далъ самъ кому сколько хощетъ, или сколько кому, не видя лица человѣка, благословлялъ давать. И полагала ему предъ очи на столъ, и давала брать, сколько ему угодно. Онъ же, не имѣя отъ юности страсти къ злату, сребру, и нужды ни для чего, любя единаго Бога, при всѣхъ мольбахъ рукъ своихъ не простиралъ, а инымъ назначалъ, что дать.

Во единъ день приходитъ вѣстникъ и возвѣщаетъ дщери дѣвицѣ при Фотіи, что убогій человѣкъ безъ ногъ отъ рожденія приползъ въ корзинѣ во дворъ и проситъ милостыни: что прикажешь ему сказать? Дашь ли ты ему,— говорилъ человѣкъ ея—вѣстникъ, или отказать велишь? Дѣвица Анна вопрошаетъ Фотія, что онъ благословитъ дать бѣдному и убогому, безъ ногъ сущему, крестьянину, имѣющему 30 лѣтъ. И подала ему мѣшецъ сребра полонъ, дабы онъ изъялъ, что хощетъ дать, не видя лица человѣческаго. Но возведъ очи свои горѣ и умъ и сердце, сказалъ втайнѣ сердца къ Богу: Господи! се милостыни проситъ нищій, и мы ему даемъ во имя Твое Святое; убо когда мы нищіи Твои рабы простремъ руки наши, даждь и намъ милость Твою и не отврати лица Твоего отъ насъ. Посемъ, взирая на дѣвицу дщерь, сказалъ: чадо! вотъ беру, а сколько, не знаю; ибо не считаю и считать не хощу: тебѣ даю, ты же отдаждь нищему безногому за твое дѣвство. И паки, взявъ сребра рукою, сказалъ къ дщери также: а сіе дяаніе сребра отдаждь за меня, да помолится о мнѣ. Дивилася дщерь дѣвица словамъ симъ. Фотій же сказалъ: чадо! Богъ единъ вѣстъ, кто есть сей нищій, просяй милостыню у насъ. Потаенные рабы Христовы, когда были въ житіи на землѣ, то яко многіе отъ нищихъ были, и никто же не вѣдалъ ихъ до смерти. Внимая сему, дѣвица Анна сказала ему: отче! не хощешь ли видѣть сего нищаго, то тебѣ можно въ окно его видѣть изъ дома. Фотій сказалъ: чадо! аще принесутъ его сюда къ намъ въ сію тайную клѣть свѣтлую, идѣже мы наединѣ съ тобою сидимъ, желаю видѣть на пользу души моея. Тотчасъ, по слову дщери, принесли человѣка въ лукошкѣ. У него волоса кругомъ обрѣзаны, какъ обыкновенно крестьяне имѣютъ обычай подрѣзать; лице мужественное, некрасивое; кушакомъ препоясанъ, какъ мужчины имѣютъ себя порядокъ препоясывать; рукавицы мужескія большія, ибо сей хотя имѣетъ двѣ руки, но тоже не безъ порока природнаго; на оныхъ дѣйствуя онъ ползалъ довольно проворно. Рѣчь его ясная, умиленная. Зря внимательно, Фотій примѣтилъ, что не мужъ есть человѣкъ, а во образѣ мужскомъ женскаго пола человѣкъ. Богъ, открывая своихъ рабовъ, внушилъ ему по нашему прошенію все говорить о себѣ, о своемъ родѣ и о своемъ житіи; и открылось, что сей человѣкъ есть дѣвица. Она тридцать лѣтъ уже отъ роду имѣетъ; мужескъ образъ носитъ, дабы, когда гдѣ стоитъ и милостыню проситъ, или кто въ пути ее везетъ, не похитилъ дѣвства ея, яко у неимѣющей себя

средствъ защищать. Открыла во свидѣтельство сосцы свои, показала, что вовсе ногъ не было у ней, ниже мѣста, гдѣ быть онымъ: вся же тѣломъ была здрава, читать умѣетъ, весьма житіе доброе и слово все знаетъ. Когда она между прочимъ сказала: я безкровная, убогая, вся терпѣть рада и терплю вся Бога ради, и никто же меня знаетъ, что я дѣвица, а потому я ползаю далече отъ страны моея. Едино имѣю я желаніе и стараніе, да Христа пріобрящу, спасу душу мою и избѣгну страшнаго суда и муки вѣчныя. Когда сія глаголала, вся заливалася то слезами, то яко пламенемъ любви Христовы возжигаема краснѣла, отъ дѣвическія своея стыдливости, и просила не повѣдать объ ней никому, что она дѣвица есть. Тогда паки далъ ей милостыню довольну и, пріявъ слово на пользу отъ потаенныя рабы дѣвицы, съ миромъ отпустилъ ее.

Столица древняя царская Москва, такъ сказать, сердце всея есть Россіи. Она есть градъ достойный того, чтобы цари въ ней вѣнчались на царство свое отъ Бога. Нѣтъ во всей вселенной царскаго христіанскаго града такого, въ коемъ бы было столько святыхъ обителей, соборовъ церковныхъ, церквей Божіихъ и часовенъ. Видъ Москвы есть таковъ, что кажется издали сей градъ есть градъ однихъ монастырей и церквей. Многое множество главъ златыхъ и разныхъ, и крестовъ и прочихъ зданій церковныхъ и украшеній дѣлаютъ Москву превожделѣннымъ градомъ. Звонъ большихъ и всякихъ колоколовъ въ одно время и въ великомъ множествѣ дѣлаетъ священный трепетъ самыя земли во градѣ. Градъ сей христіанскій есть какъ бы нѣчто выше земнаго, подобіе небеснаго селенія. Посему наслаждаясь изъ дома зрѣніемъ на Москву градъ, монастыри и церкви, вопрошалъ Фотій у дщери, гдѣ какая есть обитель; ибо изъ дома дщери все видно было. Посемъ восхотѣлъ посѣтить градъ и поклониться въ соборахъ и монастыряхъ.

Былъ Фотій въ Успенскомъ соборѣ, поклонялся святымъ мощамъ, видѣлъ рѣдкости и священныя вещи, и гвоздь Спасовъ, и икону Божіей Матери у царскихъ вратъ, богато украшенную; видѣлъ весь соборъ внутри и внѣ, и радовался, что во всемъ древность соблюдена нѣкоторая церковная, кромѣ росписанія настѣннаго, которое было алфреско, но испорчено по скупости и неопытности приставниковъ, имѣвшихъ надзоръ за исправленіемъ собора Успенскаго послѣ французскаго разоренія, бывшаго въ 1812 году.

Въ Синодальной и Патріаршей ризницѣ много облаченій и вещей видѣлъ драгоцѣнныхъ, болѣе всего жемчугами вынизанныхъ; но всѣ жемчуги не отличной доброты; а болѣе таковы, которые въ мірѣ по красотѣ и добротѣ негодны, то здѣсь находятся. Настоящаго наблюденія не нашелъ онъ за опрятностію ризницы оной. Видѣлъ сосуды сребряны для мѵрованія употребляемые, и сосудъ, въ коемъ жена блудница имѣла мѵро, Христу ноги помазуя.

Въ Чудовѣ монастырѣ въ церкви прикладывался у мощей святителя Алексія митрополита. Здѣсь онъ не нашелъ ни надлежащаго украшенія, ни устройства, каковыя болѣе должны быть приличны, какъ мѣсту архіерейскому.

Кремль Московскій по совмѣщенію въ себѣ соборовъ, монастырей съ дворцемъ и съ башнями, вратами святыми, и стѣною высокою, есть единственное зданіе по красотѣ и мѣсту во всемъ Россійскомъ царствѣ и въ цѣломъ свѣтѣ. Смотря со всѣхъ сторонъ, а особенно отъ рѣки Москвы, не можно налюбоваться онымъ, такое благоговѣніе виды главъ соборныхъ и святыни имѣютъ силу придавать душѣ.

Какъ помолиться, такъ и воспользоваться чѣмъ-нибудь особеннымъ по зданію, устройству церковному, чину и пѣнію восхотѣлъ Фотій вторично быть въ Донскомъ монастырѣ. Но что же? Кромѣ благоустроенныхъ вратъ святыхъ и наружности монастырской, издали пріятной, внутрь не нашелъ для себя особенно нужнаго и пріятнаго: пѣніе въ немъ простое обыкновенное мірское, вовсе какъ неприличное святой обители высокой и славной, такъ и церкви несочетанное. Братіи по выходѣ изъ церкви ни одного человѣка не могъ видѣть въ обители и въ кельяхъ, дабы видѣть ихъ жилища; жалость его пронзила, что колико изобилуетъ довольствомъ и богатствомъ монастырь сей, толико скудость въ немъ великая въ подвигахъ.

Новоспасскій есть, кромѣ лавръ, первый монастырь во всей Россіи. Его издали огромностію первая изъ всѣхъ въ Москвѣ колокольня удивляетъ взоры. Но взошедъ въ церковь, не нашелъ особеннаго благолѣпія, порядка, устройства въ монастырѣ, и братіи не могъ видѣть. Одинъ толпившійся послѣ службы народъ въ теплой церкви видѣлся. Не видѣлъ ни настоятеля, ни инаго кого, кто бы былъ имѣя власть ему что-либо указать и его принять какъ страннаго, а посему вскорѣ старался изыти изъ церкви и монастыря, оставивъ желаніе видѣть и разсмотрѣть обитель въ другое время, кою вторично послѣ видѣлъ, живши въ ней съ 25-го іюля по 1-е сентября [1]).

Довольно порядоченъ снаружи монастырь Симоновъ; издали даже великолѣпенъ по своимъ башнямъ; такъ какъ Донскій и Новоспасскій, особенно великолѣпіе, красоту имѣютъ отъ многихъ по оградѣ башенъ высокихъ. Онъ стоитъ почти внѣ города на концѣ края Москвы на высокомъ мѣстѣ; болѣе прочихъ въ Москвѣ уединенное мѣсто для обители. Стѣны его высокія. Хотя зданія братскихъ келій не совсѣмъ

---

[1]) Отсюда видно, что Фотій жилъ въ Москвѣ, именно въ Новоспасскомъ монастырѣ, во время коронаціи императора Николая I въ 1826 году, на которой онъ присутствовалъ и былъ даже въ числѣ участвующихъ въ священнослуженіи въ Успенскомъ соборѣ въ самый день коронованія.

прочныя, порядочныя, но въ немъ въ церкви онъ слушалъ раннюю литургію, на коей пѣлъ самъ намѣстникъ Иларій, пѣніе хотя также, какъ и, въ прочихъ не столповое, но весьма пріятное было и нѣкое изъ старинныхъ, умиленное, протяжное. Въ немъ общежитіе, но не исправляется какъ слѣдуетъ; довольно же порядочно все содержится, какъ внутрь по содержанію, такъ и по братству обитель сія паче всѣхъ въ Москвѣ благоустроенна. Фотію очень многое нравилось въ немъ; жители же московскіе и посѣтители всѣ вообще Симоновъ весьма хвалили. Довольно посмотрѣвъ обитель внѣ и внутрь, отправился въ домъ ко дщери.

Къ великому сожалѣнію, когда Фотій желалъ провѣдати, нѣтъ ли гдѣ въ какой обители настоятеля подвижника, или инока, дабы онъ могъ пришедъ принять благословеніе и слово на пользу, то отнюдь не можно было слышать, чтобы кто-либо былъ гдѣ подвижникъ въ такомъ числѣ обителей. Иные монастыри имѣли менѣе монашествующихъ, нежели бѣльцовъ и священниковъ. Въ иныхъ такая скудость въ братствѣ, что и службы совершать было некому. Старался онъ узнать, что нѣтъ ли какого-либо изъ ревнителей хотя по вѣрѣ и благочестіи противу сектъ, еретиковъ и вольнодумцевъ; ему какъ изъ настоятелей архимандритовъ, игуменовъ, монашествующихъ, такъ и изъ протоіереевъ и пресвитеровъ никого не могли самые вельможи указать; токмо повѣдали, что такіе-то успѣхи дѣлали прежде и такіе-то ересеначальники извѣстны и славны во градѣ Москвѣ.

Близъ же Донскаго монастыря есть церковь: Положеніе Ризы Спаса Христа; при ней священникъ Михаилъ былъ великій ревнитель противу еретиковъ, масоновъ и всѣхъ сектъ: писалъ, училъ и обличалъ всѣхъ безъ всякаго страха: а потому всѣ его ревность благословляли и прославляли. Посему Фотій просилъ его видѣть, и много разъ видѣвъ, весьма съ пріятностію слушалъ бесѣду его отъ устъ о православіи и ревности противу усиливавшихся обществъ зловѣрія. Еще чиновникъ Стефанъ Смирновъ [1]) многія книги писалъ противу зловѣрія,

---

[1]) Стефанъ Смирновъ, губернскій секретарь, переводчикъ московской медицинской академіи, извѣстенъ какъ солидный переводчикъ сочиненія: „Іудейскія письма къ Вольтеру“. Въ 1816 году Смирновъ подалъ императору Александру I письмо, въ которомъ онъ вооружился противъ появленія въ Россіи мистическихъ книгъ („Чтен. въ обществѣ ист. и древн.“ 1858 г., кн. IV, 139—142) и предсказывалъ большую опасность отъ нихъ даже для государства; кромѣ того онъ писалъ разборъ многихъ вредныхъ статей „Сіонскаго Вѣстника“ („Русск. Старина“ 1876 г., февр., 274). Перу Смирнова принадлежитъ обширное полемическое сочиненіе противъ мистиковъ подъ заглавіемъ: «Вопль жены, облеченной въ солнце» (извѣстно только въ рукописи), по отзыву нѣкоторыхъ изслѣдователей, не отличающееся богатствомъ богословской аргу-

дѣлалъ апологіи и разсылалъ; на многія вышедшія книги еретическія написалъ опровержения и обличенія заблудшимъ, посланія его многія читалъ, и кромѣ его толкованій нѣкоторыхъ, иныя разительны его обличенія и разумны: имѣютъ силу и убѣдительность. Сей ревнитель, поборникъ церкви, терпѣлъ гоненія многія. Слышно было, что не имѣетъ даже мѣста нигдѣ ему приличнаго для службы: онъ съ семействомъ питается милостынею православныхъ вельможъ и прочихъ христолюбцевъ, имѣетъ великую дружбу и любовь съ пресвитеромъ Михаиломъ; можно сказать, что они какъ два свѣтильника среди тьмы невѣдѣнія и заблужденія въ Москвѣ свѣтили въ то время: какъ два столпа, на которые многіе опираясь, не совратились въ заблужденіе. Сіи два человѣка имѣли немолчныя уста, оба житія строгаго и благочестиваго. Стефанъ же Смирновъ такъ неутолимъ былъ въ написаніи книгъ и опроверженій противу сектъ и книгъ безбожныхъ и еретическихъ, что у него великія и многія книги написаны собственноручно; одна дѣва дщерь ему токмо помогала въ написаніи оныхъ. Ему дѣлала пособіе въ содержаніи и также нѣкое дѣвица болярыня. Слышно было, что ревностно обличалъ зловѣріе старецъ архимандритъ Герасимъ Симоновскій, сей былъ также въ любви съ Стефаномъ Смирновымъ. Въ сіе время былъ архіепископъ въ Москвѣ Филаретъ, а викаріемъ Аѳанасій. На покоѣ же были въ Москвѣ Пафнутій и Досиѳей грузинскіе архіереи. Досиѳей былъ знаемъ и ревнитель по вѣрѣ и житія благочестнаго. Всѣхъ сихъ Фотій посѣщалъ и принялъ ихъ благословеніе.

Общій слухъ оглушалъ въ Москвѣ, что пастырь стада въ ней, сдѣлавшись пастыремъ въ такомъ градѣ древнемъ, благочестномъ, не любитъ болѣе тѣхъ монашествующихъ и пресвитеровъ, которые были православны и ревностны; старался выдавать духъ новаго своего ученія и образованія. Будучи многоученъ, сказывалъ слова въ поученіе весьма рѣдко, неудачно, или вовсе не говорилъ. Не имѣли къ нему любви и вѣры

ментаціи и наполненное болѣе наборомъ фразъ, чѣмъ дѣйствительнымъ научнымъ разборомъ („Иннокентій, еп. пензенскій", Спб. 1885. 89—94). Перу Смирнова приписывается также разборъ мистической книги: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», который, по отзыву современниковъ, написанъ умно, прекрасно и въ самомъ благочестивомъ духѣ. Этотъ трудъ Смирнова остался также въ рукописи. Графиня Орлова поручала Смирнову написать разборъ проповѣдей Фотія, но составленный имъ разборъ не понравился графинѣ («Прав. Обозрѣніе» 1872 г., іюль—августъ, 15, 18). Смирновъ сначала служилъ подъ начальствомъ кн. Голицына, затѣмъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Пыпинъ. Росс. библейск. общества—въ «Вѣстникѣ Европы» 1868 г., ноябрь, 243. Сушковъ. Записки о м. Филаретѣ, прилож., стр. 51. Филаретъ черниговскій — «Обзоръ духовн. литературы», кн. II, 238.

духовные и мірскіе: во всѣхъ было мнѣніе, что онъ не имѣетъ православія, не приверженъ ко святой церкви, не печется о спасеніи душъ монашествующихъ; все его правленіе есть токмо въ наружныхъ дѣлахъ бумажныхъ; благоволитъ же къ нѣкоторымъ изъ нововоспитанныхъ, ихъ и старается въ любви своей содержать.

Извѣстные въ сіе время были ересеначальники и безбожники въ Москвѣ: Николай Дьяковъ, докторъ Мудровъ [1]), нѣкто мистикою зараженный попъ, къ коему, какъ къ наставнику, ходили по приверженности многіе вельможи, богоотступники и нечестивые.

Къ общему прискорбію правовѣрныхъ всѣхъ и ревнителей, Библейское общество въ своихъ успѣвало нововведеніяхъ по Москвѣ и внѣ Москвы подъ руководствомъ Филарета. Переводы священнаго писанія оскорбляли слухъ толками: Филарету не было за сіе инаго титла, какъ единодушно называли его еретикомъ; переводъ Новаго Завѣта и всю испорченность съ умысла приписывали всѣ Филарету. При всѣхъ соблазнахъ, порокахъ общихъ и людскихъ слабостяхъ народъ въ Москвѣ имѣлъ приверженность къ древности, любовь къ церкви, ревность по вѣрѣ, желаніе благочестія, отвращеніе къ новизнамъ, вреднымъ для всей церкви и государства. Все зловѣріе и нечестіе въ нововведеніяхъ и книгахъ поддерживаемо было отъ вельможъ первостатейныхъ, живущихъ въ Санкт-Петербургѣ, и отъ самаго министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына. Многіе громко вопіяли противу Библейскаго общества, противу перевода Евангелія, нововведеній Филарета и князя Голицына, но надобно думать, что до ушей царя не доходилъ вопль народа, а потому зловѣріе успѣхи свои продолжало. Царь, благожелатель истиннаго добра государству и церкви, не дѣлалъ своихъ запрещеній, но еще указы издавалъ, имѣющіе вліяніе ко вреду церкви и вѣры.

Обозрѣвъ не только наружное состояніе Москвы и испытавъ добрѣ, въ какой степени зловѣріе находится, но и исправивъ между тѣмъ мо-

[1]) Матѳей Яковлевичъ Мудровъ, профессоръ медицины въ Московскомъ университетѣ, родился въ Вологдѣ въ 1772 году; отецъ его былъ священникомъ въ Вологдѣ. М. Я. Мудровъ пользовался, какъ докторъ, большою популярностью не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ при дворѣ. Когда весною 1831 года холера начала распространяться въ Петербургѣ, Мудровъ вызванъ былъ сюда по особому высочайшему повелѣнію, и здѣсь доказалъ онъ блестящіе успѣхи въ борьбѣ съ холерною эпидеміею, но къ сожалѣнію самъ сдѣлался ея жертвою и 7 іюля 1831 года скончался 59 лѣтъ отъ роду; погребенъ на Выборгской сторонѣ на новомъ холерномъ кладбищѣ, что за церковью св. Сампсова. Живя въ Москвѣ, М. Я. Мудровъ вращался въ кругу тамошнихъ мистиковъ, каковы Н. И. Новиковъ, И. В. Лопухинъ, почтъ-директоръ Ѳ. П. Ключаревъ. „Хранилище моей памяти“, гр. В. Толстаго „Душеполезное чтеніе“ 1893 г. Іюль, 480—487. О Мудровѣ нѣкоторыя свѣдѣнія можно почерпнуть изъ «Разсказовъ бабушки», Воспоминанія Благово.

настырскія нужды, велѣлъ дщери устроить добрѣ двѣ святыя иконы, Спаса Нерукотвореннаго и Знаменія Божіей Матери, что̀ нынѣ мѣстные въ соборѣ Спасовомъ въ Юрьевѣ, просилъ сдѣлать ковчегъ на престолъ, и пѣсни вырѣзать, которыя Фотій пѣлъ во время пожара, служа службу Божественную въ церкви, съ означеніемъ 1823 года 21 генваря, и прочія потребныя вещи для церкви и монастыря, получилъ же тридцать тысячъ денегъ отъ рукъ дщери на возобновленіе сверхъ вещей и съ Богомъ въ послѣднихъ числахъ февраля болѣзненный отправился въ Новгородъ въ свой монастырь, такъ какъ уже путь зимній вовсе исчезалъ. Съ великимъ трудомъ доѣхалъ онъ зимнимъ путемъ до обители Юрьевскія. Проѣзжая Тверь и прочіе города, нигдѣ не былъ ни въ церквахъ, ни въ монастыряхъ. Время было кратко и притомъ былъ весьма немощенъ. По нечаянному случаю едва не былъ удушенъ въ пути, и близъ самой смерти былъ; но ангелъ Господень его воздвигнулъ и спасъ отъ послѣдняго часа смерти, пришедъ въ чувство, обрѣлъ себя въ крайности. Сіе сдѣлало на него великое вліяніе, и онъ началъ быть осторожнымъ оттоль въ странствованіяхъ нощію.

Въ обитель февраля 28 дня возвратився, былъ сретаемъ съ великою радостію отъ намѣстника Петра, ученика своего и постриженца, и юныхъ своихъ чадъ, въ коихъ надѣялся имѣть подвижниковъ въ свое время.

О памятникахъ и видахъ языческихъ мерзостей во градѣ Москвѣ.

О театрахъ въ Москвѣ и зрѣлищахъ и главномъ театрѣ близъ Успенскаго собора.—О рѣдкостяхъ, жемчужинахъ и о прочихъ бывшихъ на вещахъ соблазнительныхъ въ домѣ дѣвицы Анны и послѣ употребленныхъ на украшеніе ризъ на св. иконы.—Императора Александра I-го благоволеніе къ устроенію Юрьевской обители отцу Фотію.—Устроеніе церквей въ Юрьевѣ: собора Спасова и Kресто-Воздвиженскаго и прочихъ зданій.—Прибытіе дѣвицы Анны въ монастырь, дабы принять благословеніе отъ отца Фотія и видѣть успѣхи обновленія обители и даръ св. богатыхъ иконъ Спаса и Богородицы.—Освященіе въ новомъ Спасскомъ соборѣ придѣла во имя Успенія св. Анны.—Долговременное служеніе отца Фотія.

Во время оно въ бытность свою Фотій слышалъ въ Москвѣ, что приходитъ вѣстникъ ко дщери его дѣвицѣ Аннѣ и докладываетъ, что вельможа знатный пріѣхалъ и желаетъ ее видѣть. Дщерь вопрошаетъ его, глаголя: Отче! благословишь ли принять въ домъ гостя, въ колесницѣ пріѣхавшаго и на дворѣ у крыльца стоящаго? Онъ же страшный охотникъ до театровъ, и самъ у себя въ домѣ содержитъ. Фотій же сказалъ дщери: пріими его; можетъ быть онъ пріѣхалъ не тебя посѣтить, а подъ видомъ посѣщенія просто какъ человѣкъ мірскій, любящій одно

новое видѣть и слышать, хощетъ видѣть меня и послушать бесѣды моея. Когда принятъ былъ, вшелъ въ домъ чинно, скромно приходитъ взять благословеніе. Взирая ему въ лицо, Фотій усмотрѣть могъ на ономъ зракъ человѣческій, зракъ образа и подобія Божія, долженствующій свѣтиться, измѣненъ въ скотскій и испорченный: отпечатокъ похотливой, блудной, роскошной и развратной жизни на лицѣ его былъ изображенъ; исходилъ духъ смрада отъ тѣла его: но ничего ему не сказалъ, началъ читать повѣсти разныя изъ святыхъ, наконецъ рѣчь привелъ до зрѣлищъ; отъ правилъ церковныхъ и ученій святыхъ и слова Божія продолжалъ бесѣду свою, говорилъ, что театры, какого бы рода ни были, какъ бы невинны и нужны ни казались представляемые отъ похотливцевъ христіанъ, всѣ суть бѣсовскія служенія, работа мамонѣ, мудрованіе плоти, языческихъ мерзскихъ службъ идольскихъ останки, капища сатаны, заведенія злобы многопрелестныя, виды прелести діавольскія, училище нечестія, служба вражія, сѣть князя тьмы—земный адъ насмѣшливый; кратко сказать, многообразная мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Сими вратами широкими и многопрелестными въ смерть снидутъ во адъ и богатіи, и славніи, и князи, и всѣ служащіе тамъ и содержащіе театры, и назидающіе оную бездну златомъ и сребромъ. Тотъ нѣсть христіанинъ, кто мнитъ пользу видѣть отъ театровъ и зрѣлищъ всякихъ, а есть язычникъ и идолопоклонникъ. И пѣнія, и пѣсни, и комедіи, и трагедіи, и всякаго рода представленія и явленія суть виды единой мерзости, что все не есть отъ Бога, а отъ діавола есть. Все въ театрахъ и зрѣлищахъ есть не отъ Бога, а отъ міра развратныхъ и страстныхъ людей вымышлено; все, конечно, есть отъ діавола. Сія мерзость вражія—храмъ сатанѣ, послѣ 1812 года, воздвигнутъ былъ близъ Кремля, святыхъ соборовъ и обителей, гдѣ даже слышно бываетъ бѣснованіе театральное въ вечеръ и нощію среди Кремля въ самыхъ святыхъ церквахъ, когда въ нихъ совершается молитвословіе всенощное Богу, Избавителю Москвы и всея Россіи отъ пагубы. Не инъ кто, а учители театровъ и всѣхъ бѣсовскихъ модъ, французы и прочіе иновѣрцы, пришедъ въ 1812 году, разореніе святой церкви причинили. Всю бесѣду на долгое время вельможа со сладостію слушалъ. Примѣтилъ же Фотій, что онъ былъ обличаемъ совѣстію; а послѣ слышалъ, что онъ умеръ добрѣ, заранѣе о смерти ему было предвѣщаніе, и онъ пріуготовился къ оной. Сей вельможа былъ на бесѣдѣ у Фотія съ княземъ старикомъ Трубецкимъ. Оттолѣ, какъ принялъ санъ монашескій и законоучителя въ Санктъ-Петербургѣ, пріялъ отъ Бога власть учить слову истины всѣхъ, всюду небоязненно проповѣдывалъ слово на пользу души, обличалъ всѣхъ любящихъ театры, зрѣлища и всѣ увеселенія плоти; никогда же Фотій не былъ въ бѣсовскомъ капищѣ театральномъ. Вѣдалъ, что тамо самъ сатана и діаволъ есть; не хотѣлъ очи свои

осквернить видѣніемъ вражіихъ представленій, явленій; уши осквернить слушаніемъ гласовъ любострастныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ.

Еще какъ былъ въ Москвѣ Фотій, то усмотрѣвъ въ разныхъ мѣстахъ мраморные идолы въ саду, близъ дома во дворѣ у дщери, сказалъ: «Чадо, какія это вещи у тебя?» Она сказала: «Статуи и болваны», Фотій же паки сказалъ: «Како именуются?» Она ему назвала именемъ языческихъ идоловъ. Иныя были нагія мужескія и женскія изображенія, такъ что стыдъ былъ и смотрѣть на мерзости языческія въ мѣстахъ христіанскихъ; хотя были въ саду и внѣ дома, но жизнь бываетъ человѣка не въ одномъ домѣ, а и внѣ дома; соблазнъ, развратъ можно отъ зрѣнія воспоминанія имѣть въ саду и вездѣ. Посему Фотій сказалъ: «чадо! аще во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа праву вѣру хощешь содержать, не должна держать противнаго ничего вѣрѣ. Это есть не грѣхъ, а нечестіе, худшее грѣха всякаго, и есть останки идолопоклонства. Дщерь богомудрая дѣвица услышала слова его на пользу души, не медля приказала, чтобы не было ни въ домѣ, ни внѣ дома у ней статуй, болвановъ и никакихъ соблазновъ. Всѣ оные идолы были извержены изъ дому, двора и сада навсегда. Толь была добрая земля сердца дѣвицы Анны дщери его, что сѣмя слова Божія, сѣемое на ней, абіе произрастало все и плодъ творило многъ сторичный.

Также отъ прежнихъ владѣтелей домовладыкъ въ наслѣдство дѣвицѣ оставались разныя рѣдкости, вещи, которыя были на столахъ всегда для прелести и похоти очесъ. Нѣкогда, стоя у стола, видѣлъ Фотій то тѣ, то другія вещи въ изображеніяхъ, фигурахъ и штукахъ неподобныхъ и скверныхъ; всѣ болѣе или менѣе означаютъ собою безмолвно соблазнъ. Изъ числа таковыхъ вещей въ одной была жемчужина болѣе вершка, яко яицо куриное. Дщерь, схвативъ и желая уничтожить [1], говоритъ: «Куда же мнѣ употребить?» Фотій же сказалъ: «Чадо! вещь есть созданіе Божіе, а употребленіе вещи на злое бываетъ зло, а на благое благо; то лучше всего Создателю въ честь употребить: куда угодно можно въ церковь Божію отдать, и прилично жемчужину на образъ для

---

[1]) Любопытно сравнить это мѣсто автобіографіи Фотія съ однимъ разсказомъ о Фотіи, помѣщеннымъ въ запискахъ Сушкова и рисующимъ совершенно въ иномъ свѣтѣ отношенія его къ древностямъ и памятникамъ язычества. „Фотій узналъ,—разсказываетъ г-нъ Сушковъ, —что у графини Орловой сохранился антикъ - рѣдкое драгоцѣнное каме. „Анна!—кликнулъ архимандритъ,— ты идолопоклонница: у тебя хранится языческій камень, съ гнуснымъ изображеніемъ нечистой силы. Поди сейчасъ домой, отыщи проклятый камень, разбей, растолки и брось его въ огонь". Графиня разбиваетъ сокровище въ дребезги, бросаетъ осколки въ каминъ и, перемѣшавъ ихъ съ грудой угля, золы и сажи, возвращается къ Фотію". „Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», кн. IV, выдержки изъ записокъ, 79—80.

украшенія употребить, также и прочее». Послѣ оказалось, что жемчужина она большая какъ рѣдкость въ корону Божіей Матери употреблена, Ея же икона называемая Знаменіемъ въ Юрьевѣ въ Спасскомъ соборѣ находится, и въ коей иконѣ есть часть ризы Богородицы и часть голубаго лентія благодатнаго. А камень топазъ драгоцѣннѣйшій, великій носимый въ запястіи, дѣвица Анна въ корону Спаса образа употребила, что́ нынѣ въ Юрьевѣ въ тепломъ соборѣ. Другія же жемчужины на ризу святаго великомученика Георгія съ болванчиковъ положила, что̀ въ большомъ соборѣ въ Юрьевѣ.

Императоръ Александръ, вскорѣ послѣ случившагося пожара въ мартѣ мѣсяцѣ, чрезъ князя Голицына прислалъ архимандриту Фотію въ монастырь крестъ [1]) около двухъ аршинъ съ половиною и образъ круглый деревянные, перламутромъ обдѣланные, со изображеніемъ на перламутрѣ образовъ. Ему же съ востока были въ благословеніе привезены отъ Святой горы и Іерусалима града. За симъ, Богъ подвигъ сердце царево, и онъ по представленію Серафима митрополита, по докладу же князя Александра Голицына, на вѣчныя времена благоволилъ, вмѣсто выгодъ мельничныхъ, коихъ Юрьевъ вовсе не имѣетъ, пожаловать въ Новѣградѣ изъ казны получать по 4.000 р. въ годъ, на поддержаніе зданій Юрьева монастыря.

Съ Божіею помощію сперва соборъ, во имя Спаса Нерукотвореннаго Его образа, а потомъ во имя Всемірнаго Воздвиженія, были состроены въ едино лѣто, а каждый соборъ о пяти главахъ, Спасовъ же о трехъ престолахъ. Настоятельское жилище устроено, покрыто и пріуготовлено для жилища въ концѣ лѣта, и сверхъ того, начатки положены были къ обновленію и покрытію иныхъ зданій и заведеній вновь нужныхъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ къ 7-му дню на день рожденія отца Фотія дѣвица Анна изъ Москвы нечаянно прибыла въ Юрьевскую обитель, когда все было въ великомъ разстройствѣ, иное начато, иное же не кончено, иное не покрыто. Она привезла съ собою въ даръ отцу Фотію богато украшенные святые образа: первый Спаса Іисуса Христа, что нынѣ въ соборѣ зимнемъ, Нерукотворенный образъ съ кіотомъ всѣмъ, и въ немъ часть Хитона Спасова есть вложена въ крестѣ златомъ и образъ Знаменія Божія Матери въ кіотѣ же, въ каковомъ видѣ нынѣ находятся. Украшены же разными каменьями образы, и брилліантами: у Спаса въ

[1]) Этотъ крестъ, составленный изъ шести перламутровыхъ круглыхъ иконъ, на подобіе раковинъ, оправленныхъ позолоченнымъ серебромъ, виситъ въ настоящее время на стѣнѣ, предъ жертвенникомъ въ придѣльномъ храмѣ св. праведной Анны. На задней сторонѣ креста находится надпись: „Его Императорскому Величеству Александру Павловичу, Самодержцу Всероссійскому". Макарій, „Историческое описаніе Юрьева монастыря", изд. 2, 27.

коронѣ драгій камень лучшей доброты и стоющій великой цѣны, яко тысячъ двѣнадцать; а у Божіей Матери въ коронѣ двѣ жемчужины, въ числѣ коихъ и жемчужина самая большая, яко въ вершокъ длины. Какъ жертву богоугодну отъ всего сердца съ любовію сама дѣвица привезла и вручила отцу своему. Отецъ же Фотій отдалъ Господу Богу, яко Божія Богови, и пріуготовлялъ соборъ нарещи и освятить во имя Спаса Нерукотвореннаго образа тѣмъ паче, что было ему нѣкогда въ лѣто 1818-ое видѣніе сего образа во снѣ и откровеніе славы его святыни и спасеніе, имѣющее быть отъ того ему, Фотію. Послѣ чего обѣщался отецъ Фотій храмъ создать Богу, нарещи и освятить въ память и честь Нерукотвореннаго Спасова образа, когда Господь дастъ одолѣніе на враговъ церкви и государства, и особенно на масоновъ и подобныхъ нечестивыхъ обществъ, на лже-христіанскія скопища, секты и расколы новы, подъ названіемъ Библейскія общества, Министерство духовное и прочія богопротивныя введенія и соблазны. А посему немедленно по принятіи въ даръ святыхъ иконъ Спаса и Богородицы, подряженъ былъ отдѣлать иконостасъ—образа святые писать, ризы сребряныя строить и прочее все нужное заготовлять для церкви.

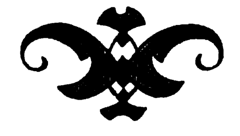
Многое къ концу лѣта Господь сподобилъ устроить въ обители святой, но не все, а самое нужное. Денегъ же яко тысячъ около двухъ сотъ истощено. Богъ единъ знаетъ все, чья рука оныя подавала Богу на славу; я же никому не повѣдаю, да не увѣсть шуйца, что творитъ десница. Зловѣріе въ околицахъ, а особенно въ Санктъ-Петербургѣ поднимало роги своя, тайна нечестія дѣялась и силилась на позоръ крѣпкою ногою выступить. Ересіархи поднимаютъ свои гордыя выи; но отцу Фотію было несвободно по обители. Архіерей Серафимъ приглашалъ его, но самъ отецъ Фотій не дерзалъ изыти на подвигъ, не пріявъ извѣщенія отъ Бога, вѣдая, что всуе трудится человѣкъ, аще не Богъ созиждетъ домъ (псал. 126, ст. 1). Наступилъ декабрь, девятаго дня во время лютаго страданія своего отъ болѣзни положилъ Фотій сдѣлать освященіе придѣла святыя Анны въ день зачатія святыя Анны, егда зачатъ Пресвятую Богородицу. Въ нощи привезены были нужныя вещи для церкви, въ даръ прислана богатая митра отцу Фотію, собственно вся жемчужная, бриллiантами и гранатами украшенная и съ надписью на золотой дщицѣ, что за ревность и одоленіе въ 1822 лѣто масонскихъ скопищъ нечестивыхъ. Болѣе ста тысячъ сія митра стоющая.

Лишь началось бдѣніе поутру ко освященію, лютая болѣзнь — при гласѣ: Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя! — когда онъ рыдалъ отъ болѣзни его и радости, что сподобился дождаться перваго въ жизни своей освященія, вдругъ престала болѣзнь мучить его. Освященіе и все было совершено при множествѣ народа. О, какая радость была обители всей, изрещи не можно. Это было начало обновленія и освященія всего

Юрьева! Это было начало всея красоты, коя нынѣ украшаетъ святое мѣсто.

Освятивъ престолъ Божій въ придѣлѣ святой Анны, началъ отецъ Фотій каждодневно самъ божественную литургію служить, на каждой службѣ начали пѣть столповое пѣніе и служилъ онъ отъ 9-го декабря 1823 года по 1-е февраля. Тако готовился онъ на подвигъ за вѣру и святую церковь Божію изыти, моляся Богу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Матеріалы и замѣтки.

I.

О происхожденіи слова «протопопъ».

Митрополиту московскому Платону отъ Петра протопресвитера Архангельскаго [1])

покорнѣйшее прошеніе

Насылаемыми изъ Московской духовной консисторіи въ разные годы, мѣсяцы и числа въ Московскій Архангельскій соборъ указами приписано мнѣ прозваніе протопопъ, которое сложное реченіе по предшествующей частицѣ «прото» съ греческаго языка значитъ первый, а вторая часть попъ мнѣ не вразумительна, ибо при произведеніи меня въ Московскій Архангельскій соборъ настоятелемъ священнодѣйствующій архіерей именовалъ меня протопресвитеромъ, да и всѣ чины церковные, начавъ отъ епископа до діакона, тѣми именами называются въ православной церкви, какими они произведены. Напримѣръ: никто не осмѣливался архіерея называть архипопъ, понеже попъ есть реченіе варварское, въ грубыя времена сюда вошедшее, ничего приличнаго христіанскому пресвитеру не заключающее и въ священномъ писаніи не употребительное.

Того ради ваше преосвященство покорнѣйше прошу, дабы благоволено было сіе гнусное прозваніе протопопъ — вовсе уничтожить и законно произведенныхъ протопресвитеровъ приказать писать и называть свойственными ихъ званію именами. Къ сему прошенію Архангельскаго

---

[1]) О. Петръ Алексѣевъ † 1801 г., авторъ капитальнаго и до сихъ поръ не утратившаго своего значенія „Церковнаго Словаря" (1773 — 1776), извѣстенъ, между прочимъ, своимъ описаніемъ Московскаго бунта во время чумы 1771 г. Довольно обстоятельная біографія о. Алексѣева напечатана въ „Словарѣ" Венгерова т. 1, стр. 393.

собора протопресвитеръ Петръ Алексѣевъ руку приложилъ. Генваря « » дня 1779 года.

Резолюція митрополита Платона.

Прошеніе протопопское: 1) есть неосновательно. Названіе протопопа почитаетъ онъ невразумительнымъ и варварскимъ, что само себѣ противорѣчитъ, ибо когда оно для него невразумительно, то не надлежало ему то реченіе называть варварскимъ и гнуснымъ, но удержаться, доколѣ бы въ томъ вразумленъ былъ. Ибо реченіе протопопъ есть греческое, составленное изъ прото — первый, и попасъ — отецъ, батюшка, коимъ малыя дѣти, по нѣжности выраженія, родителей своихъ именуютъ. Сіе тѣмъ доказательнѣе, что и нынѣ въ греческой церкви священникъ называется попасъ, а протопопъ—протопопасъ; отчего произошло и наше россійское названіе попъ и протопопъ. А потому оно и не варварское и не гнусное.

2) Прошеніе протопопское есть дерзновенно. Ибо въ Высочайше конфирмованныхъ штатахъ Архангельскій, такъ какъ и прочихъ соборовъ протопопы, наименованы протопопами, а въ указѣ Св. Синода о произведеніи его, протопопа, въ Архангельскій соборъ предписано произвесть его въ протопопа, да и при пожалованіи ему, протопопу, креста къ намъ отъ графа Александра Андреевича Безбородко писано именемъ Ея Императорскаго Величества, и онъ, протопопъ, названъ протопопомъ, почему за всѣмъ симъ ему, протопопу, реченіе протопопское называть варварскимъ и гнуснымъ есть не только дерзновенно, но и не извинительно.

3) Прошеніе протопопское, чтобъ сіе гнусное прозваніе протопоповъ вовсе уничтожить — есть и безразсудное. Ибо хотя бы оно и подлинно было таково, но мнѣ его вовсе уничтожить и запретить общее въ Россіи употребленіе никакъ невозможно. Что же протопопъ именуется при произведеніи протопресвитеромъ и сіе правильно, такъ какъ и именованіе протопопа по принятому издревле обыкновенію и по силѣ его есть не предосудительно и похвально. И потому все одно, протопопомъ ли кто себя именуетъ или протопресвитеромъ или протоіереемъ, такъ какъ и онъ протопопъ обыкновенно не протопресвитеромъ, но протоіереемъ подписывается, которое именованіе съ одного принято обыкновенія. Консисторіи сіе разсмотрѣть, и чему онъ за таковый дерзновенный вызовъ подлежателенъ и что аки бы онъ въ нашъ каѳедральный соборъ произведенъ въ настоятеля, выписавъ изъ законовъ и учиня опредѣленіе представить. Платонъ, митрополитъ московскій.

Сообщилъ **А. Титовъ**.

II.

По поводу закрытія масонскихъ ложъ.

Подписка генералъ-маіора Трухачева [1]).

Я нижеподписавшейся обьявляю вопервыхъ, что я обязанъ присягою при крещенье, вовторыхъ на верность подданства и въ службѣ на каждой чинъ. Храню сіи священные присяги ведущіе путь къ благоустроиству. Каковые присяги запрещали новые какіе-либо обязанности изърыгнутые самимъ адомъ принимать на себя, и для того я какъ истиный христіанинъ и вѣрноподданный совершенно скорблю втомъ, что начальство, даже сомнѣвалось вомнѣ, дабы я непринадлежалъ к какимъ либо ложамъ масонскимъ или инымъ таинымъ обществамъ, составляющимъ заговоръ противу Бога, государей, священныхъ союзовъ, законовъ и вѣрноподданныхъ Богу и государямъ, въ нутри имперіи или внѣ ея существовать могущихъ.—Но всѣгдашнее мое было обращено вниманіе отъдалить молодыхъ неопытныхъ людѣй даже и непринадлежащихъ къ моей командѣ, отъ сего презрительнаго сонмища, модныхъ филозофовъ, во всѣхъ отношеніяхъ безъзаконниковъ вооружившихся безъсовѣстно противу всякаго благоустроиства основаннаго Богомъ, государями и законами.

Ети изверги недовольны еще, напитавшись кровію во время французскаго бунта (революціи) постозвонной республиканской войной [2]) недававшей покоя нѣсколько десятковъ лѣтъ. Убили добраго государя на эшафотѣ, да и прочихъ одно только Божіе милосердіе спасло отъ злой пасти масоновъ, ибо день 14-го іюля былъ назначенъ не для одного Людовика XVI-го взять подъ арестъ, но для всѣхъ коронованыхъ главъ Европы. — Етотъ комплотъ кровопійцовъ вздумалъ еще изъръыть ямы, пропасти и провалы—въ благословенномъ государствѣ Россіи и единственно для того, чтобы наполнить оные кровію невинныхъ жертвъ, и возмутить священный покой, коимъ наслаждается ныне блаженная Россія; 1822-го года августа 1-го спасительный указъ невинныхъ могущихъ быть ввергнутыми змеинымъ обольщеніемъ въ адскіе пропасти, избавилъ многихъ отъ присоединенія въновь къ ордамъ симъ мнимопросвещенному адскому скопищу.—Зная нынѣ всѣхъ тайныхъ обществъ цѣль, къ которой стремятся и такъ быстро стараются достичь оной, какъ видно изъ высочайшаго благоволительнаго указа къ верноподданнымъ. Я благодарю Бога за спасеніе, что непринадлежалъ, а втомъ, что принадлежать небуду ложамъ, отвѣчаю всѣмъ

[1]) Печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

[2]) Которой планъ уже известенъ, и масонскіе подвиги открыты: Аустерлицъ Фринландъ вы еще покрыты в россіи тайною.

тѣмъ что для меня есть драгоцѣннейшаго въ светѣ и что буду старатся обьявлять каждому о предънамереніи тайныхъ злодѣйствахъ масонскаго Комплота, заговоровъ самыхъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ, бывшихъ разбоевъ и те были противу масонскихъ заговоровъ, благодѣяніемъ. Онѣ разбивали проѣзжающихъ, которые однако брали свои мѣры, но нѣимели въ предмѣте здѣлать общій бунтъ, что называютъ французы революція; а масоны стремятся къ общему бунту, которымъ хотятъ очистить землю отъ профановъ по уничтоженіи святой веры, государей и всякаго неравенства, устроеннаго для общей пользы и покоя. — Сами же напротивъ имѣютъ старшихъ вложахъ, да и ложи еще есть старшіе, въ коихъ служитъ молотокъ вѣмѣсто барабана, и прочіе маленькіе инструменты и степени означающіе неравенства, слѣдовательно явно слабоумныхъ вербуя въ свою шайку и неопытныхъ обманываютъ мнимымъ равенствомъ и вольностію, и подъчиняютъ подъ свои хитрые повеленіи, то есть: развращеніи. И во время французскаго бунта (революціи), эти человѣколюбивые бунтовщики своимъ благодѣяніемъ миліоны головъ отърезали и потопили; вотъ какъ я знаю о масонахъ! Послѣ сего уже никакъ нельзя принадлежать къ нечестивому изъчадію масонскаго разврата, а вяще кто отецъ семейства, и прослужилъ во фронтѣ почти цѣлой вѣкъ въ военной службѣ подстрогой субординаціей и самъ любить хранить оное свято. итакъ решительно обьявлю, что я никогда непринадлежалъ къ тайнымъ ложамъ и принадлежать къ симъ заражающимъ даже воздухъ шайкамъ небуду, что готовъ утвердить присягою, недовольно подпиской. Подлинную подписалъ Генералъ маіоръ Трухачовъ I.

Сообщилъ **Д. П. Зуевъ**

Маія 16 дня
1823-го года.
Г. Кіевъ.

III.

Письмо Сергѣя Тучкова къ М. М. Сперанскому о бунтѣ 3-ей бригады Кіевской милиціи и исправленіи нашей границы съ Турціей [1]).

Проститѣ меня, Милостивой мой благодѣтель, что я болѣе мѣсяца къ вамъ не писалъ, причиною тому необыкновенное произшествіе, удалившее меня на нѣкоторое время отъ мѣста моего пребыванія. Въ началѣ прошедшаго мѣсяца неожидаемо получилъ я отъ фелдмаршала князя Прозоровскаго курьера съ предписаніемъ на мое имя, которымъ

---

[1]) Печатается съ сохраненіемъ ороографіи и пунктуаціи подлинника.
Ред.

онъ. извѣщая меня о мятежностяхъ и неповиновеніи, возникшихъ въ 3-ей бригадѣ Кіевской милиціи, уполномочиваетъ меня въ его видѣ и повелеваетъ взявъ полкъ донскихъ казаковъ отправится въ расположеніе той бригады, усмирить возмутившихся, открыть причины и начинщиковъ, а самому по окончаніи всего прибыть къ нему въ Ясы. Въ предписаніи его значилось, что около 150 человѣкъ ратниковъ, съ однимъ унтеръ-офицеромъ, ослушась своихъ начальниковъ, самовольно двинулись въ походъ вънутрь границъ Россійскихъ, что многіе начали къ нимъ приставать, и что наконецъ ни повеленіи, ни угрозы, ни самые просбы начальниковъ немогли ихъ остановить.

Я получа сіе 6-го числа декабря выѣхалъ изъ Могилева, что на Днестрѣ и отъѣхавъ около 130 верстъ узналъ въ селеніи Рашково, что цѣлой баталіонъ Милиціи возмутился и присталъ къ мятежу. Тогда предписалъ я донскимъ полкамъ тамо квартирующимъ, занять всѣ броды и переправы на рѣкѣ Бугѣ, и по всѣмъ дорогамъ высланы были казачьи отряды съ присоединеніемъ волонтеровъ Полтавской милиціи. Распорядя такимъ образомъ поѣхалъ въ городъ Балту, гдѣ нашелъ остановленъ и Арестованъ весь тотъ Баталіонъ и узналъ отъ бывшаго тамо Начальника Кіевской Милиціи Дѣйствительнаго Тайнаго совѣтника графа Самойлова, что другой Баталіонъ той же бригады здѣлалъ равномѣрное покушеніе и выступилъ изъ квартиръ, а въ слѣдъ засимъ извѣстился что посланные по дорогамъ Партіи напавъ на оной, Остановили и обезъоружили. Все сіе произошло безъ всякаго почти кровопролитія—тяжело раненъ одинъ ратникъ, да легко пиками человѣка три козаковъ и наконецъ увѣдомили меня что сей Баталіонъ содержится уже подъ Арестомъ въ селеніи Консарканъ. Оставалось приступить къ изслѣдованію причинъ возмущенія и узнать начинщиковъ, что я и началъ; какъ вдругъ получилъ двухъ курьеровъ отъ Графа Самойлова, что еще Баталіонъ и уже по щету Третей, той же бригады квартировавшей въ Окрестностяхъ Дубасаръ возмутился и изъ квартиръ своихъ самовольно выступилъ. почему я тотчасъ Командировалъ сильные розъѣзды и во вторую бригаду Милиціи неприставшую еще къ возмущенію, отрядилъ сильную Партію въ Дубасары и самъ отправился туда же. Преступники были остановлены и обезъоружены безъ кровопролитія и большаго сопротивленія.

Принятыми со всѣхъ сторонъ мѣрами не могло пламя сіе далѣе распространится и кончилось на трехъ Баталіонахъ содержащихся уже подъ Арестомъ. По многому и затруднительному изъслѣдованію открылъ я наконецъ что причины возмущенія были слѣдующіе: Помѣщики Кіевской Губерніи отдавая людѣй своихъ въ Милицію, можетъ быть для того только чтобъ избавится отъ обыкновенныхъ затрудненій при отдачѣ въ рекруты встречающихся, увѣряли ихъ что предстоя-

щая имъ служба есть временная, Что Государь, по окончаніи войны ихъ нетолько распуститъ; но еще и наградитъ, а сіи возмечтали себѣ что награда ихъ будетъ въ томъ что онѣ навсегда избавятся отъ зависимости своихъ господъ, а послѣ войны пойдутъ по домамъ, и какъ мнѣ сами говорили: готовы будутъ по первому позыву паки служить Государю.—я проникнулъ въ семъ желаніе и цель ихъ, быть такъ какъ предки ихъ Козаками. Некоторые же помѣщики увѣряли что тѣ за ихъ службу никогда не отдадутъ ихъ въ рекруты; но Послѣдней Манифестъ О Милиціи, въ которомъ между прочимъ предоставлено помѣщикамъ буде пожелаютъ обратить ратниковъ въ рекруты, произвелъ въ нихъ противное мнѣніе. Народные слухи что ихъ всѣхъ отдадутъ въ солдаты, толки Зло намѣренныхъ начинщиковъ; а паче всегдашнѣе желаніе быть Козаками и формулярные Списки требуемые военною коллегіею, произвели въ нихъ неудовольстіе и составился Заговоръ отъ некоторыхъ унтеръ-офицеровъ, которые успѣли увѣрить несмысленныхъ что все сіе есть ложъ, что Государь о томъ невѣдаетъ, и что помѣщики согласясь съ ихъ Командирами выдаютъ въ пользу свою такіе повеленіи; къ сему присоединилось буйство и дерзость выбрали себѣ начальниковъ, Атамановъ и Путеводителѣй и могли бы составить опасную для Государства шайку ослушниковъ, для содержанія же своего необходимо должно бы было Приступить къ разбоямъ; но онѣ имѣя провіантъ въ началѣ на сіе не дерзнули, шли военнымъ порядкомъ которымъ и сопротивлялись, собираясь и выступая по барабану.

Усмиря мятежность и открывъ причины, должно было узнать начинщиковъ, ихъ кашлось 72 человѣка, ибо въ каждой ротѣ было понесколько. Сверхъ того много явилось такихъ которые бывъ совращены перьвыми по неразумію больше другихъ имъ содѣйствовали и сихъ было болѣе 200 человѣкъ я наказалъ сихъ послѣднихъ при собраніи Баталіоновъ Милиціи, простыми доводами объяснилъ всѣмъ, что всякой подданной кто токмо осмѣлится помыслить противится волѣ Государя Императора подлежитъ строгому наказанію; въ чемъ онѣ согласились; наконецъ доказалъ имъ что воля Государя не можетъ имъ быть иначе предподаваема какъ посредствомъ начальства, и что противится оному есть противится волѣ Государя; наконецъ привелъ ихъ въ томъ всѣхъ къ добровольной присягѣ, что онѣ волѣ Государя и начальниковъ впредь никогда противится не будутъ, и естли Государь повелитъ имъ еще продолжать службу, чтобъ онѣ Ему вѣрно и усердно служили; буде же возвратитъ ихъ въ свои домы чтобъ онѣ тамъ никакихъ мятежностѣй въ предь не затевали, и какъ помѣщикамъ, такъ и поставленнымъ властямъ навсегда были послушны.— съ чувствомъ живейшаго раскаянія, признательности и повиновенія

учинили онѣ всѣ таковую присягу, и нетокмо больные изъ Лазаретовъ, но и содержавшіеся подъ Арестомъ за простые побѣги до возмущенія ими здѣланные, просились быть допущены къ оной, которые прислали мнѣ сказать что начальники могутъ за ихъ вину наказать и послѣ присяги; а теперь просятъ онѣ присягнуть съ прочими.

Оконча сіе велелъ я всѣхъ освободить изъ подъ Ареста; но войску Донскому чрезъ частые разъѣзды навѣдыватся о состояніи сей бригады и имѣть надъзоръ.—Первейшихъ же начинщиковъ 72 человѣка о которыхъ я предъ симъ упомянулъ отослалъ за строгимъ карауломъ въ Крѣпость Тираспольскую, представя объ нихъ Списокъ къ фелдмаршалу, въ которомъ противъ каждаго имяни написано было его преступленіе, а въ другой графѣ мнѣніе мое чему подлежитъ; некоторыхъ изъ нихъ осудилъ я по тягости ихъ вины и по немолодымъ уже лѣтамъ, наказавъ плетьми сослать на посѣленіе, а прочихъ наказать тѣмъ чемъ онѣ устрашали другихъ; тоесть: отдать въ рекруты, за буйство же ими содѣланное прогнать Шпицъ рутенъ.

распорядя все такимъ образомъ отправился я въ Ясы и подалъ донесеніе мое фелдмаршалу которой благодарилъ меня за скорое исполненіе возложенной на меня порученности и вовсемъ съ мнѣніемъ моимъ былъ согласенъ, кромѣ что начинщиковъ опредѣлилъ наказать несколько строжѣе и въ мѣсто плетми, кнутомъ.

вотъ уже шесть днѣй какъ я живу здѣсь, фелдмаршалу угодно показать мнѣ рапортъ которой напишетъ онъ о семъ произшествіи къ Государю и для того велелъ мнѣ обождать.

въ короткое время пребыванія моего въ здѣшнемъ Городѣ, успѣлъ я познакомится зъ знатнѣйшими обывателями молдавіи, и получилъ некоторое свѣденіе о состояніи сей Земли. Смѣло и утвердительно сказать можно, что пріобретеніе сего края можетъ принести великую ползу Государству Россійскому.

1-е чрезъ присоединеніе Молдавіи и Безорабіи граница Россіи буть большѣ утверждена какъ нынѣ небольшой рѣкою Днестромъ и не столь уже удобна къ переходу за оную, отъ чего прекратятся большіе побѣги жителѣй полуденныхъ россіискихъ Губерніи и безъ того худо населенныхъ. 2-е Торговля по дунаю и по смѣжности многихъ богатыхъ земель прилежащихъ къ Молдавіи можетъ принести большую прибыль. 3-е. Отолико извѣстномъ плодородіи сей земли лишнее было бы и упоминать; но въ пріобрѣтеніяхъ составляетъ первѣйшею статью. 4-е во многихъ мѣстахъ открываются вѣрные признаки золотыхъ и серебряныхъ рудъ. 5-е достаточное количество лѣсу, въ которомъ находится и годной для корабельнаго строенія приспособить къ доставленію, есть также предметъ важной. и наконецъ 6-е. Хотя Молдавія не весьма населена, однакожъ можетъ дать до 5000 и болѣе войска, къ

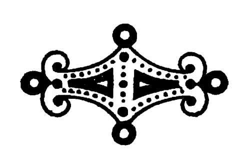
тому же придоброй Администраціи, пустые мѣста сей земли весьма удобно могутъ быть засѣлены единовѣрными намъ народами.

вы не можетѣ себѣ представить Милостивой Государь съ какимъ удовольствіемъ и усердіемъ жители здѣшніе принимаютъ Россіянъ; но съ другой стороны неизвѣстность ихъ жребія, въ самомъ нечувствительномъ человѣкѣ должна произвести сострaданіе. Многіе изъ здѣшнихъ жителѣй имѣютъ уже довольное воспитаніе; путешествовали въ Европѣ и знаютъ языки, въ образѣ же своей жизни совсемъ Европѣйцы; онѣ то говорили мнѣ, что можетъ быть за удовольствіе принимать насъ въ своихъ домахъ заплатятъ онѣ головами или покрайнѣй мѣре лишеніемъ всего имущества.

вотъ Милостивой мой благодѣтель все что я имѣлъ на сей разъ къ вашему увѣдомленію, завтрѣ или послѣ завтрѣ, намѣренъ я отправится къ своей бригадѣ въ Могилевъ на днестръ. Поруча себя Милостивому вашему расположенію съ душевною преданностью и усерднѣйшимъ почитаніемъ до конца днѣй моихъ остаюсь

Милостивой Государь
вашего высокопревосходительства
покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга
Сергѣй Тучковъ.

Генваря 4-го
1808 года.
Ясы въ Молдавіи.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVI-й. АВГУСТЪ. 1895 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

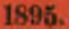
Портретъ Н. М. Языкова. Грав. К. Адтъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1895.

Библіографическій листокъ.

„Вліяніе морской силы на исторію". 1660—1783. Изслѣдованіе капитана А. Т. Мэхэна (Captain A. T. Mahan, United States Navy). Изданіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича великаго князя Георгія Александровича. Переводъ съ англійскаго Н. П. Азбелева. Спб. 1895 г. IV+634.

А. Т. Мэхэнъ, капитанъ флота Соединенныхъ Штатовъ, задался въ своемъ трудѣ цѣлію показать, на основаніи историческихъ данныхъ, касающихся Европы и Америки, — къ чему приводитъ морская сила при надлежащемъ пользованіи ею.

Въ предисловіи къ своему труду г. Мэхэнъ, между прочимъ, высказываетъ вполнѣ справедливое сужденіе, что «историки, вообще говоря, незнакомы съ условіями моря, не имѣя ни спеціальнаго къ нимъ интереса, ни спеціальныхъ о нихъ знаній, почему ими и пренебрегалось основательное опредѣленіе вліянія морской силы на великія событія». «Съ другой стороны, морскіе историки мало безпокоились о связи между исторіей и ихъ спеціальнымъ предметомъ, ограничиваясь обязанностью простыхъ хроникеровъ морскихъ событій». Исходя изъ этихъ соображеній, авторъ поставилъ себѣ задачею разсмотрѣть и, дѣйствительно, разсматриваетъ, морскіе интересы на первомъ планѣ, не отдѣляя ихъ, однако, отъ вліявшихъ на нихъ причинъ, а также и отъ вліяній въ общей исторіи, но стараясь показать, какъ они видоизмѣнили послѣднія и видоизмѣнялись ими.

Въ настоящей книгѣ авторомъ разсмотрѣнъ періодъ съ 1660 года, когда, собственно началась эра парусного мореходства съ ея отличительными чертами, до 1783 года — конца американской революціи.

Трудъ А. Т. Мэхэна состоитъ изъ предисловія, введенія и четырнадцати главъ, снабженъ четырьмя географическими картами и двадцать однимъ планомъ морскихъ сраженій. Въ концѣ книги имѣется подробно составленный указатель, при помощи котораго значительно облегчаются справки. Для того, чтобы сдѣлать свое изслѣдованіе доступнымъ не однимъ только профессіональнымъ читателямъ, авторъ по возможности избѣгаетъ техническихъ выраженій, и трудъ его съ интересомъ прочтется всякимъ образованнымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что переводъ Н. П. Азбелева сдѣланъ прекраснымъ и вполнѣ литературнымъ языкомъ.

Что касается внѣшности изданія, то оно не оставляетъ желать ничего лучшаго: книга отпечатана на веленевой бумагѣ, крупнымъ, четкимъ шрифтомъ; карты и планы воспроизведены отчетливо.

Н. Кашкадамовъ.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова.

XII.

Е. Ф. Канкринъ, его жизнь и государственная дѣятельность. Біографическій очеркъ Р. И. Сементковскаго. Съ портретомъ Канкрина, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

9-го сентября этого года исполнится пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Канкрина. Тѣмъ не менѣе не настало еще время для полной оцѣнки его дѣятельности. Но кое-что окончательно выяснилось. Въ предисловіи къ своему очерку Р. И. Сементковскій говоритъ, между прочимъ: «Представить полную его характеристику въ тѣсныхъ рамкахъ общедоступной біографіи - задача нелегкая. Канкринъ ждетъ еще своего біографа: ему въ этомъ отношеніи посчастливилось меньше, чѣмъ Сперанскому и Мордвинову, нашедшимъ себѣ болѣе или менѣе компетентныхъ біографовъ. Жизнеописанія Канкрина, весьма немногочисленныя, отличаются краткостью, односторонностью, скудостью данныхъ».

Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ признается самымъ замѣчательнымъ изъ русскихъ министровъ финансовъ. Достаточно указать на двѣ его заслуги, чтобы понять, какое громадное значеніе онъ имѣлъ для русской государственной и народной жизни: во-первыхъ, благодаря его финансовымъ и административнымъ способностямъ, Отечественная война — эта грандіозная катастрофа въ жизни русскаго народа, — обошлась въ денежномъ отношеніи неимовѣрно дешево, и, во-вторыхъ, онъ совершилъ то, чего не удалось совершить ни до, ни послѣ него ни одному изъ русскихъ министровъ финансовъ: онъ возстановилъ денежную нашу систему, разстроенную до послѣдней крайности и вызывавшую безчисленныя жертвы въ народномъ хозяйствѣ, — возстановилъ цѣнность нашего рубля послѣ безпримѣрнаго его паденія.

Очеркъ г. Сементковскаго состоитъ изъ предисловія и восьми главъ. Въ предисловіи, кромѣ вышесказаннаго, авторъ перечисляетъ сочиненія Е. Ф. Канкрина и дѣлаетъ краткій обзоръ литературы о Канкринѣ и его дѣятельности.

Изъ первой главы мы узнаемъ, что Егоръ Францовичъ Канкринъ родился 16 ноября 1774 г. въ Ганау, — городкѣ тогдашняго курфюршества Гессенскаго. О происхожденіи его существуютъ двѣ версіи: одни, какъ Вигель, Рибопьеръ и Дизраэли, приписываютъ ему еврейское происхожденіе; другіе — нѣмецкое. На самомъ дѣлѣ Канкринъ былъ не еврей, а нѣмецъ. Отецъ его, Францъ-Лю-

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1895 г.

АВГУСТЪ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1895.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XV [1]).

Назначеніе князя Барятинскаго кавказскимъ намѣстникомъ.—Первое извѣстіе.—Замѣчательный день 22 іюля 1856 года.—Самодовольство князя.—Заботы его о перемѣнѣ прежнихъ личныхъ отношеній.—Переѣздъ мой въ Москву по случаю коронаціи.—Коронація.—Торжественный въѣздъ въ Москву.—Трудное время для государя.—День коронаціи.—Народный праздникъ.—Фейерверкъ.—Рядъ баловъ.—Обстановка князя.—Романовскій, впослѣдствіи герой Ташкента.—Мои отношенія къ князю. — Кавказскія личности. — Переговоры съ Д. А. М—нымъ. — Счастливый исходъ ихъ.—Новыя атаки на меня. — Обширныя права, полученныя княземъ по званію намѣстника.—Торжественный отъѣздъ князя на Кавказъ.—Несчастіе его любимца - камердинера.

Однажды, въ 20-хъ числахъ іюля 1856 года, когда я сидѣлъ въ департаментѣ, погруженный въ свои обычныя занятія, входитъ ко мнѣ камердинеръ князя Барятинскаго—Исай. Привыкнувъ видѣть его часто посланнымъ отъ князя съ какимъ-нибудь дѣловымъ порученіемъ, я ожидалъ, что онъ передастъ мнѣ бумаги, которыя держалъ въ рукахъ. Но, взглянувъ пристальнѣе на его сіяющее лицо, я тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло. Исай сказалъ: «Князь назначенъ намѣстникомъ! Онъ приказалъ мнѣ тотчасъ увѣдомить васъ и отправить эти двѣ телеграммы роднымъ». Извѣстіе это, однако, не произвело на меня особеннаго впечатлѣнія, сколько по-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1895 года, іюль.

тому, что этого событія должно было ожидать, столько и потому, что оно увлекало князя съ петербургскаго поприща, на которомъ, согласно первоначальнымъ общимъ толкамъ и предположеніямъ, я ожидалъ видѣть его могущественнымъ дѣятелемъ. Тѣмъ не менѣе событіе это, само по себѣ, имѣло большое значеніе, и Петербургъ, по обычаю, взволновался различными толками и сужденіями.

Приказъ о назначеніи князя долженъ былъ появиться на другой день, 22 іюля, и мнѣ, конечно, предлежало, одному изъ первыхъ, принести князю поздравленіе. Въ Ораніенбаумѣ въ то время жили у меня знакомые, и 21 іюля я отправился къ нимъ съ цѣлію на другой день утромъ передвинуться въ Петергофъ, гдѣ уже тогда находился князь, помѣщаясь въ одномъ изъ готическихъ домиковъ. Когда на слѣдующее утро я пріѣхалъ къ князю, онъ спалъ еще. Исай отправился будить его, и по обычаю я скоро услышалъ голосъ князя: «Василій Антоновичъ, идите сюда».

Никогда видъ князя не представлялъ такого довольства и счастія. Ясно было, что онъ достигъ исполненія самыхъ задушевныхъ своихъ желаній. Когда я поздравилъ его, онъ сказалъ: «Да, батюшка! Слава Богу! Славный кусокъ получилъ. Теперь васъ рѣшительно утащу». На эту заключительную фразу, по обычаю, я ничего не отвѣчалъ; но, продолжая мой разговоръ съ княземъ, я замѣтилъ ему, что назначеніе это, по общимъ толкамъ, есть послѣдствіе интригъ извѣстной партіи, которая рада видѣть его хотя королемъ, но только внѣ Петербурга. Князь весело отвѣчалъ: «Что жъ? и прекрасно! Я очень благодаренъ ей, еслибъ это и была правда!»

Я оставался у князя все утро до тѣхъ поръ, пока въ извѣстный часъ онъ не отправился съ поздравленіемъ къ императрицѣ, и былъ свидѣтелемъ проявленія силы и могущества, которыя князь тотчасъ почувствовалъ въ себѣ. Въ комнатахъ его мундирныя толпы безпрерывно смѣнялись другими толпами. Сколько я могъ замѣтить, всѣ старались имѣть такой видъ, что ѣдутъ, дескать, во дворецъ и что только по пути заѣхали къ князю поздравить его. Но князь, конечно, понималъ дѣло и держалъ себя хотя вѣжливо и деликатно, но уже значительно величаво. Я знаю положительно, что ему было непріятно, какъ въ этотъ моментъ, такъ и впослѣдствіи, когда кто-нибудь изъ старыхъ пріятелей, плохо знающихъ

характеръ князя, сворачивалъ на прежнее: «ты». Исай говорилъ мнѣ, что князь очень заботился о томъ, чтобы отучить этихъ пріятелей отъ прежняго фамильярничанья съ нимъ, и давалъ ему, Исаю, многія инструкціи въ этомъ отношеніи. Этого мало. Самъ князь выразилъ мнѣ впослѣдствіи безпокоившія его недоумѣнія по этой части. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ мнѣ, что хотя мѣсто его выше всѣхъ министерскихъ мѣстъ, однако нѣкоторые старые министры: графъ Киселевъ, князь Меншиковъ позволяютъ себѣ говорить ему по-прежнему: «ты» и не только позволяютъ, но какъ будто тщеславятся этимъ, фамильярничая такимъ образомъ съ нимъ при другихъ и даже при государѣ, и что онъ рѣшительно затрудняется, какъ отвѣчать имъ: по-прежнему ли — «вы», какъ онъ говорилъ съ ними съ молодыхъ лѣтъ, или «ты», сообразно своему положенію въ государствѣ. Какъ онъ разрѣшилъ наконецъ этотъ вопросъ, быть можетъ, пустой вообще, но чрезвычайно важный въ примѣненіи къ необъяснимому самолюбію князя, я не знаю; но съ своей стороны я старался выразить ему мысль, что это «ты», обращаемое къ нему нѣкоторыми изъ старыхъ министровъ, основывается, конечно, единственно на ихъ сѣдинахъ, но нисколько не на сознаніи превосходства ихъ государственнаго значенія и что если князь будетъ, и въ высокомъ своемъ положеніи, отвѣчать имъ: «вы», то этимъ онъ нисколько не уронитъ своего достоинства, но напротивъ много выиграетъ въ общественномъ мнѣніи.

Обращаясь къ первому, столь радостному для князя, дню его намѣстничества, я вспоминаю, что въ толпѣ придворныхъ и высшаго петербургскаго міра была значительная примѣсь личностей, служившихъ или служащихъ на Кавказѣ, которыя, не долго думая, тотчасъ атаковали его различными просьбами, на которыя князь отвѣчалъ хотя благосклонно, но уже съ величавымъ достоинствомъ. Помню также, что значительная часть этого утра посвящена была оживленному разговору князя съ барономъ Ливеномъ, бывшимъ тогда, кажется, генералъ-квартирмейстеромъ, а потомъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Дѣло было въ томъ, что какой-то иностранецъ, знаменитый на поприщѣ шпіонства, предложилъ свои шпіонскія дарованія Русскому государству. Государь приказалъ спросить князя: не нуженъ ли этотъ безцѣнный человѣкъ для

Кавказа? Споръ завязался на томъ, что, по мнѣнію барона Ливена, котораго я лично зналъ и прежде за человѣка добраго, услуги такого господина могутъ быть важны и полезны, а князь утверждалъ, что такимъ ремесломъ можетъ заниматься только человѣкъ ненадежный, и пользоваться услугами такого человѣка онъ рѣшительно не желаетъ.

Само собою разумѣется, что съ этого момента князь окончательно погрузился въ кавказскій міръ и его интересы. Я хотя продолжалъ по-прежнему мои свиданія съ нимъ, но на всѣ эти интересы смотрѣлъ совершенно безучастно, сколько потому, что не имѣлъ никакого понятія о Кавказѣ, за исключеніемъ только того, что онъ гдѣ-то далеко, столько и потому, что я, послѣ тисковъ, въ которыхъ сжималъ меня покойный государь, былъ совершенно доволенъ своимъ петербургскимъ положеніемъ и дѣйствительно не только не желалъ никакихъ перемѣнъ, но даже боялся ихъ.

Между тѣмъ приближалось время коронаціи нынѣшняго государя. Всѣ министерства и отдѣльныя управленія формировали свои особыя отдѣленія, для отправленія на это время въ Москву. Такъ точно и почтовое вѣдомство сформировало свою временную или походную канцелярію, для которой и нанято было въ Москвѣ довольно комфортабельное помѣщеніе. Предводителемъ или начальникомъ этой канцеляріи былъ назначенъ я. Снабженный различными подъемными, суточными и другими пособіями, передвинувъ туда мои экипажи и часть прислуги—я долженъ былъ, наконецъ, и самъ отправиться въ Москву съ моими товарищами.

Наканунѣ моего отъѣзда, я поѣхалъ въ Петергофъ, чтобы предупредить объ этомъ князя, который, вмѣстѣ съ дворомъ, долженъ былъ оставаться здѣсь еще нѣсколько дней. Пріѣхалъ я къ князю, сколько помню, часовъ въ 6 или 7 вечера. Его не было въ комнатахъ. Мнѣ сказали, что онъ пошелъ обѣдать къ кому-то и скоро вернется. Дѣйствительно, ожиданіе мое длилось не долго: Минутъ чрезъ десять онъ шумно вошелъ въ свои комнаты вмѣстѣ съ графомъ Эдуардомъ Барановымъ, который, въ то время по крайней мѣрѣ, считался также человѣкомъ могущественнымъ и въ придворномъ, и въ военномъ мірѣ. Пожавъ мнѣ руку, князь развалился на диванѣ. Графъ Барановъ и я сѣли на креслахъ. Я объяснилъ

князю, что ѣду въ Москву, и нашелъ нужнымъ довести объ этомъ до его свѣдѣнія. «Отпускъ просите!»—сказалъ князь,—«ну хорошо, поѣзжайте съ Богомъ. Скоро увидимся! Только ужь, какъ хотите, а я утащу васъ на Кавказъ!»—весело прибавилъ князь, такимъ тономъ, въ которомъ было столько же веселости, сколько и рѣшительности. Я видѣлъ, что дѣло готово принять серьезный оборотъ, и потому уклончиво отвѣчалъ: «На этотъ счетъ вашему сіятельству извѣстны уже мои убѣжденія». Самолюбивый князь, конечно, не ожидалъ съ моей стороны такого отвѣта. Онъ нетерпѣливо повернулся на диванѣ, покраснѣлъ весь и, обращаясь къ Баранову, сказалъ: «Вотъ человѣкъ! посмотрите на него. Я намѣстникъ, главнокомандующій, прошу его служить со мной на Кавказѣ, не хочетъ! Это замѣчательно!» Графъ Барановъ принялъ на себя роль примирителя. Онъ сказалъ: «Василій Антоновичъ семейный человѣкъ! весьма понятно, что для него не легко оставить Петербургъ». Князь нетерпѣливо прервалъ его: «Толкуй! много ты знаешь...» Не оставалось никакого сомнѣнія, что князь, привыкшій слышать безчисленныя просьбы о мѣстахъ на Кавказѣ, былъ непріятно пораженъ моимъ упорствомъ, тѣмъ болѣе для него чувствительнымъ, что оно проявилось при графѣ Барановѣ. Потомъ, оставшись нѣсколько минутъ въ задумчивости, князь вдругъ всталъ съ дивана, обнялъ меня и сказалъ: «Ну, прощайте! ступайте съ Богомъ! въ Москвѣ увидимся».

На пути къ пароходной пристани, сообразивъ слова князя, тонъ, которымъ они были произнесены, перемѣны, которыя я читалъ на лицѣ его, однимъ словомъ,—всѣ тѣ малѣйшія черты и оттѣнки, которые для опытнаго глаза говорятъ лучше словъ, я убѣдился, что стою на границѣ окончательнаго разрыва съ княземъ. Выводъ этотъ, однако, не представлялъ для меня ничего пріятнаго. Если, съ одной стороны, я не имѣлъ никакого желанія отправиться на Кавказъ на томъ основаніи, что «отъ добра добра не ищутъ», то еще менѣе желалъ я разорвать съ княземъ окончательно мои отношенія и потерять его расположеніе ко мнѣ, которое поистинѣ можно было назвать безпримѣрнымъ. Такимъ образомъ я долженъ былъ сосредоточить на этомъ важномъ вопросѣ все свое вниманіе

и съ пріѣздомъ въ Москву дѣйствовать такъ, чтобы разрѣшеніе его было, по возможности, благопріятно.

Безъ восторга нельзя вспомнить объ этомъ времени моего пребыванія въ Москвѣ. Надобно сказать, что Москву я не люблю за ея отсталость и, главное, за ея направленіе. Я много и много разъ бывалъ въ Москвѣ, и ничто не могло поколебать моего отвращенія къ ней. Единственно коронаціонное время моего пребыванія тамъ оставило во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Начать съ того, что въ моемъ распоряженіи былъ цѣлый домъ, очень хорошо меблированный; въ моей командѣ была цѣлая толпа чиновниковъ, писарей и почтальоновъ, которая спѣшила исполнить малѣйшее мое желаніе. Если прибавить къ тому обиліе денежныхъ средствъ, которыми мы были снабжены, и отсутствіе всякихъ трудовъ, то станетъ яснымъ, что все это время было какъ для меня, такъ и для моихъ товарищей безпрерывнымъ праздникомъ. Ближайшимъ моимъ начальникомъ былъ вѣжливый, деликатный Прокоповичъ, который всегда сохранялъ видъ самаго пріятнаго знакомаго, но отнюдь не начальника. Главнымъ нашимъ начальникомъ былъ добрѣйшій графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, царь всѣхъ роскошныхъ затѣй, которыми сопровождалась коронація. Онъ позаботился, чтобы мы непремѣнно участвовали во всѣхъ этихъ празднествахъ, и по его приказанію намъ открывались всѣ входы, присылались постоянно всевозможные билеты, считавшіеся для другихъ недоступнымъ благомъ.

Припоминая рядъ торжествъ, сопровождавшихъ коронацію, я долженъ сказать, что хотя совокупность ихъ представляла міру неслыханное великолѣпіе, но въ частности нѣкоторыя изъ нихъ удались блистательно, а другія вовсе не удались.

Къ первому разряду относится прежде всего торжественный въѣздъ въ Москву. Задолго до коронаціи было извѣстно, что для этого въѣзда всѣ старинныя кареты двора передѣлываются и возобновляются и что придворное экипажное заведеніе никакъ не могло одно управиться съ этимъ дѣломъ, а потому многіе экипажи розданы были для отдѣлки извѣстнымъ частнымъ каретникамъ Петербурга и Москвы. Когда всѣ эти роскошныя, горящія золотомъ

кареты передвигались на станцію желѣзной дороги, для отправленія въ Москву, огромныя толпы собирались любоваться на нихъ. И было что посмотрѣть! Трудно описать роскошь и убранство этихъ фантастическихъ экипажей, да это едва-ли нужно, потому что они образовали особую выставку въ придворномъ конюшенномъ зданіи, доступную, если не ошибаюсь, для каждаго. Но какъ бы ни были великолѣпны экипажи и другія принадлежности торжественнаго въѣзда, для того, чтобы онъ былъ дѣйствительно торжественный, необходимо было, чтобы погода не сочинила какой-нибудь непредвидѣнной интриги и чтобы свѣтлое солнце не отказалось озарить своими лучами картину, по истинѣ поразительную. Къ счастію, и погода и солнце сдѣлали съ своей стороны все, что только можно было отъ нихъ ожидать.

День въѣзда былъ истинно великолѣпный. Солнечные лучи роскошно обливали улицы, убранныя щитами и флагами всевозможныхъ видовъ; массы народа, засыпавшія весь путь отъ Петровскаго дворца, изъ котораго долженъ былъ открыться въѣздъ, до самаго Кремля, и наконецъ стройные ряды войскъ, разставленныхъ по пути. Я помѣщался на эстрадѣ, сооруженной у самаго Кремля, и имѣлъ возможность разглядѣть всѣ отдѣлы и частности этой процессіи. Скоро страшный звонъ колоколовъ, въ которые ударили всѣ сорокъ-сороковъ московскихъ церквей, возвѣстилъ, что поѣздъ тронулся съ мѣста. Все встрепенулось и обратилось въ ожиданіе; но ожиданіе это было довольно продолжительно по значительному пространству, которое долженъ былъ прослѣдовать торжественный поѣздъ. Наконецъ, онъ появился предъ нашими глазами, и я живо помню восторгъ и удивленіе, которые выражались окружавшими меня толпами. И дѣйствительно нельзя было не восторгаться, не удивляться! Поѣздъ представлялъ что-то какъ будто не бывалое, не виданное, волшебное! Безконечный рядъ золотыхъ каретъ, запряженныхъ великолѣпными конями, управляемыхъ разодѣтыми и напудренными кучерами, производилъ поразительный эффектъ. Нескончаемая цѣпь этихъ каретъ по временамъ прерывалась группами всадниковъ, залитыхъ въ золото, на коняхъ, роскошно убранныхъ. Въ ряду этихъ группъ депутаты Кавказа, грузинскіе, мингрельскіе, имеретинскіе князья, большею частію молодые и краси-

вые люди, въ ихъ фантастическихъ костюмахъ, представляли сколько рѣдкое, столько же и дивное явленіе!

Послѣ въѣзда государь поселился въ Останкинѣ, гдѣ и сталъ говѣть. Между тѣмъ городъ, въ который переселилась по крайней мѣрѣ половина самаго знатнаго Петербурга: дипломатическій корпусъ, нарочитые послы, присланные иностранными державами и обставленные баснословною роскошью, весь придворный міръ, министры, большая часть высшаго административнаго міра,—принялъ необыкновенно оживленный видъ. По улицамъ летѣли великолѣпные экипажи, во всевозможныхъ канцеляріяхъ кипѣла работа, направленная преимущественно къ той цѣли, чтобы добыть при этомъ рѣдкомъ случаѣ побольше наградъ; зданія украшались приготовленіями для роскошной иллюминаціи, дороговизна на все возрастала до ужасающихъ размѣровъ. По этой части достаточно упомянуть, что пара лошадей въ мѣсяцъ стоила 600 р. сер. Все имѣло праздничный, веселый видъ.

Одинъ только государь, по словамъ князя, заслуживалъ въ это время полнѣйшаго состраданія. Князь говорилъ, что государь положительно ночей не спалъ, отбиваясь отъ всевозможныхъ представленій о наградахъ, которыми заваливали его со всѣхъ сторонъ. Самъ князь, кавказскій намѣстникъ и главнокомандующій, едва успѣлъ, въ полночь, предъ самымъ днемъ коронаціи, доложить о наградахъ по Кавказу: до такой степени государь былъ занятъ и обремененъ. Я могъ судить объ этомъ не только по словамъ князя, но и по фактамъ изъ круга, въ которомъ я дѣйствовалъ. Я ужь не знаю—правильно ли или нѣтъ—только весь бюрократическій міръ считалъ коронацію несомнѣннымъ правомъ на награды. Такъ точно и почтовый міръ, при моемъ содѣйствіи, изготовилъ необъятный списокъ о наградахъ по своему вѣдомству. Для государя было бы не трудно, основываясь на представленіи министра, однимъ махомъ пера утвердить этотъ списокъ; но дѣло въ томъ, что государь, какъ я выше уже имѣлъ случай замѣтить, держался другой, безпримѣрно добросовѣстной, но въ то же время безпримѣрно мучительной для него лично системы. Онъ, самымъ тщательнымъ и отчетливымъ образомъ, разсматривалъ эти списки и дѣлалъ множество перемѣнъ. Нашъ почтовый списокъ, заключавшій въ себѣ, сколько

помню, до 200 лицъ, наполненъ былъ собственноручными карандашевыми отмѣтками государя. Тотъ, кто знаетъ, что такое наградный списокъ, пойметъ, что подобныя перемѣны требуютъ усиленнаго вниманія и соображенія: кто представляется, какую получилъ послѣднюю награду и давно ли, и къ чему представляется? Если эти условія примѣнить къ 200 лицамъ почтоваго вѣдомства, выйдетъ трудъ значительный; если примѣнить ихъ къ безчисленнымъ лицамъ безчисленныхъ вѣдомствъ — выйдетъ трудъ необъятный.

Здѣсь кстати замѣтить, что князь Барятинскій часто говорилъ, что нѣтъ въ Россіи человѣка, болѣе трудящагося, болѣе обремененнаго, какъ государь. Князь же говорилъ, что ни для кого не можетъ быть такъ пріятно умереть, какъ для государя, ибо только этимъ путемъ онъ можетъ освободиться отъ страшныхъ трудовъ и заботъ, которые онъ обреченъ нести. Я не знаю, примѣняется ли эта мысль ко всѣмъ государямъ вообще или только къ нашему исключительно и хотя вообще нахожу, что, противупоставленная историческимъ и современнымъ даннымъ о рѣзняхъ, происходящихъ изъ стремленія поцарствовать, она быть можетъ и покажется преувеличенною; за всѣмъ тѣмъ я привожу ее здѣсь, какъ мнѣніе знающаго человѣка о размѣрѣ трудовъ государя.

Еще прежде наступленія дня коронаціи я и товарищи мои часто ходили въ Кремль, чтобы полюбоваться приготовительными къ этому дню работами. Я ужь не могу сказать, какъ, но только всѣ соборы вмѣстѣ съ дворцомъ образовали роскошный амфитеатръ, великолѣпно драпированный. Объяснить архитектурную мысль, которая связала всѣ эти части въ одно цѣлое, въ высшей степени стройное и изящное, я не умѣю; но полагаю достаточнымъ сказать, что когда существовалъ этотъ амфитеатръ, нельзя было понять, какъ всѣ эти части существуютъ отдѣльно, точно такъ же, какъ нельзя было понять, какъ изъ нихъ могъ быть устроенъ тотъ амфитеатръ, который былъ устроенъ. Доступъ въ этотъ амфитеатръ, разумѣется, былъ удѣломъ однихъ счастливцевъ, въ число которыхъ на этотъ разъ судьба и меня ввела.

Когда наступилъ день коронаціи, безчисленныя массы народа затопили буквально Кремль. Погода стояла, какъ и въ день въѣзда,

удивительная. Несмотря на всѣ усилія полиціи, проходъ черезъ эти народныя массы въ амфитеатръ былъ крайне затруднителенъ, что́ можно заключить изъ того, что, тискаясь чрезъ нихъ, я потерялъ непостижимымъ образомъ ножны отъ моей шпаги, которая такимъ образомъ и вынуждена была совершенно не кстати и не ко времени оставаться наголо. Помѣщенъ я былъ въ этомъ амфитеатрѣ самымъ комфортабельнымъ образомъ, такъ что могъ видѣть, отъ начала до конца, всѣ части и подробности этого торжества. Самыми замѣчательными моментами были: шествіе изъ дворца въ Успенскій соборъ для коронованія, потомъ шествіе изъ Успенскаго собора по другимъ со́борамъ, а потомъ обратно во дворецъ. Передавать эти моменты трудно, и потому я считаю излишнею всякую попытку на это съ моей стороны.

Надобно замѣтить, что амфитеатръ заключалъ въ себѣ, такъ сказать, цвѣтъ общества, блиставшій золотыми мундирами и роскошными дамскими нарядами. Что касается до царскаго шествія, то оно представляло видъ сплошнаго золота на духовенствѣ, на придворныхъ, на военныхъ. Все это озарялось свѣтлыми лучами солнца. Государь шелъ, величавый и спокойный. На прекрасномъ лицѣ его сіяла ангельская доброта его, и въ то же время видно было замѣтное утомленіе. Слѣдовавшій за императорскою фамиліею кортежъ распредѣленъ былъ попарно; но князю Александру Ивановичу привелось идти одному, и съ его стройностью и красотою онъ производилъ на публику прекрасное впечатлѣніе. Замѣчательнымъ можно считать еще и то, что государь, желая показаться народу, вышелъ со всѣмъ хвостомъ изъ предѣловъ амфитеатра и прошелъ по площади, залитой народными массами. Радостные клики, раздавшіеся тамъ при его появленіи, спорили съ гуломъ колоколовъ. Моментъ былъ истинно прекрасный и торжественный. Мнѣ казалось только, что порфира, корона, въ которыя облеченъ былъ государь, скипертъ, который онъ держалъ въ рукахъ, несовсѣмъ гармонировали съ обыкновеннымъ военнымъ мундиромъ, на который была накинута порфира. Быть можетъ, трудно и даже невозможно устранить и замѣнить мундиръ, но я сохраняю убѣжденіе, что онъ тутъ былъ какъ-то не кстати и не только не содѣйствовалъ внѣшнему величію, но даже ослаблялъ его. Вечеромъ городъ буквально былъ

залить милліонами огней, разсыпанныхъ въ самыхъ изящныхъ и роскошныхъ узорахъ. По улицамъ трудно было и пройти и проѣхать: необъятныя народныя массы наполняли ихъ.

Къ числу праздниковъ, рѣшительно не удавшихся, принадлежитъ такъ называемый народный праздникъ. Предпринятъ и устроенъ онъ былъ по самому обширному и роскошному плану. Тутъ были безчисленные столы со всевозможными яствами; тутъ были фонтаны разнородныхъ винъ; тутъ были народные театры, карусели и т. п. Тутъ былъ также амфитеатръ для высшей публики. Бѣда началась съ того, что съ самаго утра пошелъ частый и упорный дождь, который не переставалъ ни на минуту; за всѣмъ тѣмъ народныя массы повалили туда; къ назначенному и извѣстному мнѣ часу и я отправился съ своими компаніонами. Но прежде нежели мы сдѣлали полпути къ мѣсту праздника, насъ поразилъ видъ возвращающихся массъ. Первая мысль наша была: праздникъ отложенъ, но она тотчасъ должна была уступить мѣсто новымъ недоумѣніямъ, потому что въ рукахъ возвращающагося народа мы видѣли вещественныя доказательства того, что праздникъ состоялся, какъ напримѣръ: ковши, окорока и т. п. Недоумѣнія эти не оставляли насъ до самаго прибытія на мѣсто, гдѣ мы увидѣли, подъ дождемъ и въ грязи, жалкій остатокъ праздника и немногія толпы, тѣснившіяся около винныхъ фонтановъ. Мы тотчасъ узнали, что государь еще не пріѣзжалъ, а почему праздникъ открылся и кончился до его прибытія, мы узнать положительно не могли ни тогда, ни впослѣдствіи.

На этотъ счетъ, впрочемъ, ходило много толковъ и слуховъ, и вотъ одинъ, который былъ наиболѣе распространенъ. Огромныя массы народа собрались на мѣсто съ ранняго утра и, сдерживаемыя множествомъ полицейскихъ и солдатъ, нарочно для того назначенныхъ, узнали, что для начала праздника выкинутъ будетъ особый флагъ. Понятно, что всѣ взоры приковались къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ появиться флагъ. Между тѣмъ господинъ, приставленный къ флагу, солдатъ или офицеръ, ужь я не знаю, подъ вліяніемъ ли опасеній, произведенныхъ въ немъ скверною погодою и проливнымъ дождемъ, который долженъ былъ замочить флагъ, или вслѣдствіе другихъ, какихъ-либо заботливыхъ соображеній относительно лучшаго исполненія въ данный моментъ предлежащаго ему

дѣла, т. е. выкинутія флага, вздумалъ будто бы предварительно опробовать эту операцію и собственно для опыта поднялъ флагъ, забывая, что флагъ этотъ сдѣлался точкою всеобщаго вниманія. Въ тотъ самый моментъ, какъ только двинулся флагъ къ верху, народныя толпы мгновенно прорвали всевозможныя цѣпи и ринулись къ столамъ, обремененнымъ яствами. Чрезъ нѣсколько мгновеній ничего не стало, такъ что когда мы пріѣхали, предъ нашими глазами предстали только голые столы, уцѣлѣвшіе потому только, что были врыты въ землю.

Скоро потомъ пріѣхалъ государь, сѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи свиты объѣхалъ все мѣсто праздника. Конечно, видъ этого мѣста, которое украшалось нѣсколько недѣль, въ которомъ посѣяно безъ сомнѣнія нѣсколько сотъ тысячъ, не представилъ августѣйшему взору ничего пріятнаго. Только немногія пьяныя толпы продолжали осаждать фонтаны съ виномъ, да артисты какого-то дряннаго цирка продолжали гарцовать на отведенномъ для нихъ кругу въ промокшихъ трико и съ повисшими отъ дождя перьями на ихъ головныхъ уборахъ.

Такъ кончился народный праздникъ, стоившій такъ дорого и возбуждавшій такъ много ожиданій. Собственно на народъ, который хотѣли угостить, праздникъ этотъ произвелъ особенно дурное впечатлѣніе потому, что всѣ яства, бывшія на столахъ, оказались, какъ всѣ утверждали, совершенно негодными къ употребленію, такъ что на возвратномъ пути продукты эти разбрасывались народомъ по улицамъ и дворамъ. Народъ понималъ, что на его счетъ угостятся другіе, хотя съ другой стороны общее мнѣніе было таково, что, независимо отъ злоупотребленій, неизбѣжныхъ въ столь сложномъ дѣлѣ, яства эти не могли быть пригодны уже потому собственно, что они заготовлялись за недѣлю и за двѣ въ теченіе которыхъ никакой баранъ, какими бы золотыми рогами онъ ни былъ украшенъ, не могъ не податься по части свѣжести.

Другое торжество, принадлежащее коронаціи: фейерверкъ — встрѣтило неудачу совершенно другаго рода, хотя, можно сказать, равносильную той, которую претерпѣлъ народный праздникъ. Объ этомъ фейерверкѣ говорили такъ же много, какъ и о праздникѣ, и потому ожиданія были самыя напряженныя. Говорили, что импера-

трица пуститъ птичку, которая и зажжетъ фейерверкъ; говорили, что различные щиты будутъ изображать замѣчательные эпизоды изъ нашей исторіи; говорили, что Львовъ, бывшій директоръ придворной капеллы, ухитрился въ народномъ гимнѣ замѣнить барабанъ пушечными выстрѣлами, посредствомъ электрическихъ нитей, проведенныхъ къ нему отъ пушекъ; говорили много и много.

Само собою разумѣется, что въ назначенный день вся Москва, и знатная и простая, бросилась туда. Я и товарищи мои, разумѣется, имѣли лучшія мѣста и испытывали самыя нетерпѣливыя ожиданія. Наконецъ, наступилъ назначенный моментъ, и кажется, все было такъ, какъ говорили; но увы! зрители должны были ограничиться однимъ лишь предположеніемъ, потому что никто ничего не видалъ, какъ ни можетъ это показаться страннымъ. И здѣсь тоже погода съинтриговала самымъ жестокимъ образомъ, но только съ другой стороны. День праздника былъ дождливый и грязный; вечеръ фейерверка былъ сухой и тихій до такой степени, что именно эта тишина и была, на этотъ разъ, величайшимъ зломъ, уничтожившимъ великолѣпный фейерверкъ съ такою же силою, съ какою дождь уничтожилъ великолѣпный народный праздникъ. Въ воздухѣ положительно не было никакого движенія. Различныя картины зажигались и тотчасъ застилались густымъ дымомъ, сквозь который нельзя было ничего видѣть. Народъ слышалъ то трескъ, то взрывъ, но рѣшительно не видѣлъ, къ чему это относится и что отъ этого происходитъ. Достаточно сказать, что такъ называемый букетъ, составленный изъ нѣсколькихъ тысячъ ракетъ, производилъ одинъ трескъ, огней вовсе не было видно: все поглощалось дымомъ, который стоялъ недвижно и застилалъ все самымъ нещаднымъ образомъ.

О безчисленныхъ балахъ, которые давались по случаю коронаціи, о парадныхъ спектакляхъ, я считаю лишнимъ говорить на томъ основаніи, что эти вещи болѣе обыкновенны и ихъ чаще можно видѣть, чѣмъ торжественные коронаціонные въѣзды, народные праздники и фейерверки неслыханныхъ размѣровъ. Независимо отъ безпримѣрнаго великолѣпія, въ которомъ одинъ балъ соперничалъ предъ другимъ, въ нихъ можно считать замѣчательною чертою то, что въ этотъ періодъ маленькая дѣвочка изъ блестящей по

красотѣ породы Трубецкихъ полонила сердце представителя французскаго императора, герцога Морни, который, несмотря на свои солидныя, сравнительно съ нею, лѣта и самую необъятную лысину, не могъ устоять противъ прелестей, которыми такъ щедро одарена эта дивная порода. Князь Александръ Ивановичъ, царедворецъ и аристократъ съ ногъ до головы, любилъ разсказывать, какъ эта дѣвочка, едва оставившая институтскую скамью и не имѣвшая прочнаго пріюта, сдѣлавшись женою Морни, вдругъ стала во главѣ общества и какъ знатныя барыни наши,—нѣсколько дней назадъ свысока и покровительственно смотрѣвшія на эту юную особу и вслѣдствіе ея юности, и особенно вслѣдствіе ея бѣдности,—должны были дѣлать ей оффиціальныя представленія, какъ представительницѣ французской императрицы.

Обращаюсь къ князю Александру Ивановичу. Гордый и самолюбивый вообще, онъ умѣлъ, какъ никто, поддержать свое оффиціальное достоинство и, быть можетъ, переводилъ эту поддержку за предѣлы умѣренности. Такъ, напримѣръ, мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ на время коронаціи требовалъ себѣ помѣщенія въ Московскомъ дворцѣ, на томъ основаніи, что всѣ намѣстники всегда помѣщались во дворцахъ. Завязавшаяся по этому случаю съ графомъ Адлербергомъ, бывшимъ министромъ двора, борьба была однако имъ проиграна, и ему дали какую-то огромную сумму для найма частнаго помѣщенія. Поэтому для него нанятъ былъ роскошный домъ на Тверскомъ бульварѣ, кажется Вырубова, въ которомъ онъ и провелъ все время коронаціи. Съ переѣздомъ его въ Москву, при немъ образовалась уже свита, хотя незначительная. Главнымъ въ ея составѣ былъ Романовскій, бывшій впослѣдствіи редакторомъ «Русскаго Инвалида», а потомъ прославившійся своими ташкентскими дѣлами. Личность эта замѣчательна тѣмъ, что, еще въ бытность его въ юнкерской школѣ или въ военной академіи, онъ имѣлъ какую-то исторію или дуэль, за которую былъ разжалованъ въ солдаты и сосланъ на Кавказъ и тамъ поступилъ въ Кабардинскій полкъ. Командиромъ этого полка въ то время былъ князь Барятинскій, который обратилъ на него вниманіе и скоро произвелъ его, за какое-то отличіе, въ офицеры. Предъ самою коронаціею Романовскій, въ то время кажется уже капитанъ, пріѣхалъ по своимъ дѣ-

ламъ въ Петербургъ и, разумѣется, явился къ князю. Между тѣмъ у князя, съ назначеніемъ его кавказскимъ намѣстникомъ и главнокомандующимъ, сталъ образовываться значительный приливъ просьбъ и дѣлъ кавказскихъ, и хотя все это двигалось при пособіи нѣкоторыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, которыхъ къ нему назначали, но, независимо отъ общей антипатіи, которую князь всегда чувствовалъ къ этимъ господамъ, дѣлопроизводство его все-таки не имѣло прочности и солидности. Съ появленіемъ Романовскаго, онъ тотчасъ оставилъ его при себѣ и поставилъ его въ положеніе директора походной канцеляріи. Такимъ образомъ, въ Москвѣ Романовскій являлся уже самымъ близкимъ довѣреннымъ князя по кавказскимъ дѣламъ и могущественнымъ двигателемъ этихъ дѣлъ. Нѣсколько адъютантовъ князя, частію вновь назначенныхъ, частію случайно явившихся въ Москву, состояли въ распоряженіи Романовскаго, и даже самъ милѣйшій Владиміръ Пётровичъ Бутковъ, продолжавшій и въ Москвѣ ежедневно посѣщать князя, заигрывалъ съ Романовскимъ, какъ съ человѣкомъ, самымъ близкимъ къ князю, тѣмъ болѣе, что князь, частію по гордости, а частію по неопытности въ гражданскихъ отношеніяхъ, сталъ сильно осаживать, такъ сказать, фамильярные пріемы этого милаго человѣка. Случалось, что князь заставлялъ его, безъ всякой существенной надобности, ожидать пріема продолжительное время; случалось, что князь, разговаривая со мною о дѣлахъ, не имѣющихъ никакой важности, при внезапномъ появленіи Буткова, безъ доклада, краснѣлъ и говорилъ ему: «потрудитесь, любезный Владиміръ Петровичъ, подождать: я вотъ только кончу съ Василіемъ Антоновичемъ». Бутковъ отправлялся въ пріемную ожидать вмѣстѣ съ толпою другихъ, а князь, подумавъ нѣсколько минутъ, продолжалъ свои разсказы. Обижался ли внутренно или нѣтъ добрый Владиміръ Петровичъ подобными пріемами — я не знаю; но я, вполнѣ постигая разсчетъ князя уничтожить между имъ и Бутковымъ всякую фамильярность и отучить его входить къ нему безъ доклада, глубоко смущался этимъ оскорбительнымъ разсчетомъ и при первой возможности напоминалъ князю, что Бутковъ ожидаетъ. Однимъ словомъ, Романовскій былъ въ этотъ моментъ въ большой силѣ, и я помню, какъ въ одинъ прекрасный день князь привезъ и самъ надѣлъ на него подполковничьи эпо-

леты. Говорю все это для того, что недолго послѣ того я увидѣлъ Романовскаго въ другихъ уже отношеніяхъ къ князю и еще болѣе убѣдился въ чисто женскомъ свойствѣ князя мѣнять своихъ любимцевъ.

Съ пріѣздомъ князя въ Москву, я призналъ за лучшее продолжать мои посѣщенія, какъ ни въ чемъ не бывало, хотя я и зналъ, что онъ очень недоволенъ упорствомъ, съ которымъ я отказывался отъ перехода на Кавказъ. Самое любезное вниманіе, которымъ я такъ много былъ избалованъ со стороны князя, не только не уменьшалось, какъ я имѣлъ основаніе предполагать и разсчитывать, но положительно увеличилось.

Вообще безъ преувеличенія можно сказать, что я, почти съ самаго знакомства съ нимъ, былъ единственнымъ, интимнымъ, повѣреннымъ его мечтаній о будущемъ и тѣхъ идей, которыя онъ лелѣялъ всю жизнь, въ ожиданіи возможности приложить ихъ къ дѣлу. Съ людьми большими по государственному положенію онъ не могъ пускаться въ разсужденія о высшихъ вопросахъ уже потому единственно, что считалъ себя лишеннымъ дара слова. Кромѣ того, различіе положенія и возраста, а главное опасеніе, что мысли и взгляды его будутъ не подходящи къ настоящему государственному устройству и положенію, опасеніе, весьма естественное въ человѣкѣ, одаренномъ богатымъ мышленіемъ, но крайне незнакомымъ съ практикою вещей, ставили для него естественную преграду къ какому-либо заявленію въ высшемъ административномъ мірѣ. Чтобы показать степень его неопытности, скажу только, что онъ много разъ разсуждалъ относительно организаціи высшихъ нашихъ учрежденій вполнѣ согласно съ существующими законами, но совершенно о томъ не зная, и очень удивлялся, когда на другой день я приносилъ ему первый томъ, гдѣ именно все такъ было постановлено, какъ онъ предполагалъ.

Въ семейномъ кругу онъ вообще мало находилъ сочувствія. Отношенія его къ братьямъ изображены уже выше; они были холодны и сухи. Извѣстный кружокъ восхитительныхъ барынь, о которомъ я выше говорилъ, нисколько не признавалъ за нимъ никакого государственнаго значенія, да отъ барынь этого и ожидать нельзя было. Я помню однажды, когда, послѣ назначенія князя

намѣстникомъ, я былъ какъ-то у любимой сестры его, Ольги Ивановны Давыдовой, и энергически доказывалъ, что онъ наконецъ проявитъ свои дарованія, она съ улыбкой сказала: «Дай Богъ, но вы, кажется, одни вѣрите ему; даже наши барыни смѣются надъ нимъ и не считаютъ его способнымъ къ большимъ дѣламъ, что̀, конечно, очень ему не нравится». Въ кругу придворной молодежи, само собою разумѣется, было не до серьезныхъ государственныхъ вопросовъ. Наконецъ нѣкоторые изъ дѣловыхъ аристократовъ, какъ напримѣръ князь Левъ Кочубей, смотрѣли на него свысока, какъ на большаго и расточительнаго барича, не понимающаго ни своихъ и никакихъ другихъ дѣлъ. Такимъ образомъ въ то время, когда всѣ имѣли достаточныя основанія считать его человѣкомъ ограниченнымъ и неспособнымъ, я первый открылъ и понялъ его дарованія и даже доказывалъ ихъ ему самому; въ то время когда онъ самъ боялся развивать предъ другими какое бы то ни было серьезное мнѣніе, я былъ единственнымъ, сочувствующимъ ему, слушателемъ, которому онъ по цѣлымъ днямъ, а иногда и ночамъ, повѣрялъ свои мысли.

Я полагаю, что въ этомъ главнѣйше и заключалась тайна безпримѣрной и продолжительной симпатіи его ко мнѣ. Я былъ свидѣтелемъ его упадка и царской опалы, надъ нимъ обрушившейся; понятно, что ему пріятно было видѣть во мнѣ свидѣтеля его величія, которое я же ему упорно пророчилъ. Въ бытность же его въ Москвѣ онъ былъ окруженъ страшнымъ величіемъ. Пріемныя его постоянно были наполнены толпами, значительно испещренными кавказскими физіономіями, прибывшими въ качествѣ депутатовъ на коронацію. Принимая эти толпы, князь, какъ для меня очевидно было, испытывалъ великое наслажденіе въ первомъ, и потому, самомъ дорогомъ, проявленіи своего могущества. Видно было, какъ внутреннее прекрасное настроеніе отражалось на величественномъ его лицѣ и дѣлало его прекраснымъ до невыразимой степени. Я никогда не видалъ его такимъ красивымъ и можно сказать поэтическимъ, какъ въ этотъ періодъ. Во время торжественныхъ аудіенцій, которыя давалъ князь многочисленнымъ личностямъ, я стоялъ гдѣ-нибудь въ углу, въ сторонѣ. Мнѣ было отрадно любоваться княземъ, когда онъ съ истинно царскимъ достоинствомъ и вели-

*

чіемъ отвѣчалъ на многоразличныя просьбы. Мнѣ казалось, что часть его величія какъ-то принадлежала мнѣ. Я никогда не забуду тѣхъ величественныхъ моментовъ, когда князь, переходя отъ одной личности къ другой, бросалъ на меня многозначительные взгляды, подобные тѣмъ, какіе великій сценическій артистъ, въ минуты возбужденнаго имъ восторга, бросаетъ на брата, отца, сына, незамѣтно скрытыхъ въ публикѣ. Въ этихъ взглядахъ можно было читать и проявленіе симпатіи, ни для кого не видимой, и вызовъ на одобреніе, и сознаніе какого-то обоюднаго торжества. Въ нашихъ отношеніяхъ лучше этихъ моментовъ не было; да я думаю, что и въ жизни князя они были едва-ли не лучшіе.

Нѣтъ ничего такого прекраснаго, къ чему бы мы скоро не привыкли и которое, по этому самому, не потеряло бы, ранѣе или позднѣе, значительно своей первоначальной цѣны. Въ этомъ отношеніи князь былъ избалованъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь. Если счастіе всего человѣчества зависитъ большею частію отъ разнообразія, то для князя однообразіе, какъ бы пышно и торжественно оно ни было, было просто невыносимо. Князь Сергѣй Кочубей, человѣкъ умный, сказалъ однажды съ поразительною вѣрностью: «Князь Александръ Ивановичъ неспособенъ думать о настоящемъ, онъ всегда мечтаетъ о будущемъ». Впослѣдствіи способъ, какимъ князь разстался съ своимъ блестящимъ положеніемъ на Кавказѣ, вполнѣ подтвердилъ мудрость этого изреченія. Но объ этомъ послѣ.

Всегда своенравный и оригинальный, князь, послѣ торжественныхъ своихъ аудіенцій, постоянно оставлялъ меня у себя. Я ужь не знаю, истинно или по своимъ тонкимъ разсчетамъ, князь и въ этотъ разъ жаловался на состояніе своего здоровья. Какъ бы то ни было, отпустивъ всѣхъ, жаждавшихъ его видѣть, и сбросивъ съ себя мундиръ со всѣми его принадлежностями, князь надѣвалъ туфли, помѣщался на широкомъ диванѣ и, закутавъ ноги теплымъ покрываломъ, начиналъ мечтать, а я обращался въ слушателя. Бесѣды эти иногда были оригинальны, и если бы кто подсмотрѣлъ ихъ въ извѣстный моментъ — не мало бы удивился. Случалось часто, что князь, среди разговора, задумывался и предавался продолжительнымъ размышленіямъ. Во время этихъ размышленій прекрасные голубые глаза его, безъ преувеличенія можно сказать, отражались

какимъ-то божественнымъ свѣтомъ. Взоръ его не рѣдко останавливался на мнѣ. Я смотрѣлъ на князя и молчалъ. Когда размышленіе оканчивалось, князь опять начиналъ говорить о чемъ-нибудь. Въ подобныя минуты мнѣ часто приходило на умъ весьма вѣроятное со стороны ожидающихъ въ пріемной лицъ недоумѣніе: «Чѣмъ это Инсарскій можетъ занимать князя и о какихъ это дѣлахъ они такъ упорно совѣщаются?», тогда какъ я ничего другаго не дѣлалъ, какъ только слушалъ князя, когда онъ говорилъ, или смотрѣлъ на него, когда онъ молчалъ. Подобное недоумѣніе могло быть тѣмъ вѣроятнѣе, что когда входилъ дежурный адъютантъ и докладывалъ о комъ-нибудь, — князь отвѣчалъ, что онъ занятъ и принять не можетъ. Даже милаго Буткова, когда онъ внезапно врывался безъ доклада, князь просилъ, какъ я выше сказалъ, подождать въ пріемной, пока онъ со мной кончитъ. Такъ большею частію продолжались всѣ дни пребыванія князя въ Москвѣ. Однажды, во время одной изъ подобныхъ бесѣдъ, входитъ къ князю Романовскій, только-что возвратившійся изъ поѣздки, которую онъ сдѣлалъ по порученію князя, и весь забрызганный грязью. Но здѣсь я долженъ сказать нѣсколько предварительныхъ словъ.

Я выше уже имѣлъ случай замѣтить, что въ то время, когда князь представилъ свой планъ новаго военнаго устройства Кавказа, главнымъ оппонентомъ его въ военномъ министерствѣ явился Д. А. М—ъ, котораго до тѣхъ поръ князь, повидимому, вовсе не зналъ. Борьба по этому дѣлу сблизила ихъ. Потомъ князь не разъ говорилъ, что Д. А. М—ъ умный человѣкъ и тотчасъ понялъ необходимость всего того, что князь считалъ необходимымъ. Кромѣ того, онъ пользовался громкою репутаціею, какъ отличный спеціалистъ военнаго дѣла, и репутація эта, безъ сомнѣнія, еще болѣе усилила вниманіе, которое князь остановилъ на этой личности. Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что князь прочитъ М—на на мѣсто начальника главнаго штаба кавказскихъ войскъ и сдѣлалъ ему уже въ этомъ смыслѣ предложеніе; но тотъ не рѣшался принять это предложеніе. Это значило подлить масла въ огонь. Князь положительно не могъ перенести никакого противодѣйствія тому, что онъ разъ задумалъ. Малѣйшее препятствіе вызывало всю силу его энергіи. Такъ точно и здѣсь онъ началъ неотступно атаковывать М—на.

Упорство послѣдняго, повидимому, было сильно и продолжительно. На время коронаціи, т. е. въ то время, какъ князь переѣхалъ въ Москву, М—нъ отправился въ какую-то псковскую деревню своей сестры. Туда-то князь и направилъ свои дѣйствія, заключеніемъ которыхъ было отправленіе къ М—ну Романовскаго съ письмомъ князя и различными инструкціями относительно личныхъ объясненій.

Поѣздка Романовскаго увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Весь въ грязи, онъ едва вошелъ, доложилъ князю, что М—нъ согласился. Князь не выразилъ, однако, какъ можно было ожидать, большаго восхищенія. Аристократическая ли сдержанность въ проявленіи всякаго чувства или привычка видѣть постоянное исполненіе своей воли—были тому причиною, я не знаю; но только послѣ нѣсколькихъ вопросовъ, равнодушно сдѣланныхъ, князь тутъ же, при Романовскомъ, сказалъ: «Ну вотъ, еслибы теперь намъ Василія Антоновича залучить на Кавказъ—я былъ бы счастливъ».

Я понималъ, что въ этихъ словахъ оставалась послѣдняя нить нашихъ отношеній съ княземъ. Отвѣчать новымъ отказомъ значило окончательно оборвать ее, чего мнѣ вовсе не хотѣлось. Я отвѣчалъ:

— Если ваше сіятельство признаете полезнымъ мой переходъ на Кавказъ, то я готовъ исполнить волю вашу и перейти туда.

— Ну, вотъ прекрасно! покорно васъ благодарю!—сказалъ князь, съ замѣтнымъ чувствомъ удовольствія.

Потомъ, отпустивъ Романовскаго, князь обратился къ изложенію сравнительныхъ выгодъ моего петербургскаго и кавказскаго положенія.

— Я знаю,—сказалъ князь,—что вы и въ Петербургѣ извѣстны за умнаго и способнаго человѣка; но согласитесь, тамъ много такихъ, и превзойти всѣхъ очень трудно, тогда какъ на Кавказѣ вы сразу становитесь въ самомъ высшемъ кругу, и вашимъ способностямъ будетъ открыто несравненно обширное поприще. Вы, конечно, не сомнѣваетесь, что мнѣ не нужно будетъ напоминать о звѣздахъ и другихъ наградахъ; во всякомъ случаѣ заключить карьеру сенаторствомъ не дурно. Очень можетъ быть, что вы и здѣсь добьетесь всего этого, да когда?

Князь очень много говорилъ на эту тему; но я только передаю сущность его словъ. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Вы знаете, что мнѣ хотя извѣстно тамошнее гражданское устройство, но не такъ подробно. Тамъ много хорошихъ мѣстъ, но я не знаю, какія изъ нихъ свободны и можно ли сдѣлать нѣкоторыя передвиженія. Поэтому назначеніе мѣста, какое я могу вамъ предложить, отложимъ до моего пріѣзда туда; какъ только пріѣду и осмотрюсь, я вамъ напишу.

Зная неопытность князя въ гражданскомъ мірѣ и опасаясь, чтобы отъ этого собственно не вышло какихъ-либо невыгодныхъ и стѣснительныхъ для меня недоумѣній въ нашихъ непосредственныхъ сношеніяхъ, я сказалъ князю:

— Для того, чтобы мой отвѣтъ на предложеніе, какое ваше сіятельство изволите мнѣ сдѣлать, былъ совершенно свободенъ, не признаете ли за лучшее эти переговоры устроить чрезъ Владиміра Петровича Буткова, который знаетъ и мое здѣшнее положеніе, и соотвѣтственность этому положенію кавказскихъ мѣстъ.

— Прекрасно!—прервалъ меня князь.—Владиміръ Петровичъ будетъ нашимъ посредникомъ. Очень радъ!

На этомъ мы и порѣшили и, возвратясь домой, я поразилъ мою семью извѣстіемъ о предстоящемъ переходѣ моемъ на Кавказъ, поразилъ потому, что жена моя съ ужасомъ предвидѣла это событіе, противу котораго, какъ послѣдствія покажутъ, и боролась энергически все время моей кавказской службы и жизни.

Во время пребыванія въ Москвѣ, князь рѣшился двинуть дѣло о маіоратѣ въ дальнѣйшій путь. Выше сказано, что хотя имѣніе фактически передано было уже князю Владиміру Ивановичу, но передача эта держалась единственно на довѣренности, данной ему княземъ Александромъ Ивановичемъ, и на завѣщеніи, положенномъ въ опекунскій совѣтъ. Собственно маіората князь не спѣшилъ учреждать потому, частію, что съ этимъ учрежденіемъ изъ него, какъ онъ выражался, «весь ароматъ выйдетъ», а частію потому, что онъ все ожидалъ лучшихъ законовъ въ этомъ отношеніи. Хотя законы о заповѣдныхъ имѣніяхъ существовали уже, но князь считалъ въ нихъ величайшей ошибкой то, что лицамъ женскаго пола предоставлено право наслѣдованія маіоратомъ, при существованіи лицъ мужескаго

пола изъ того же рода. Хотя лицо женскаго пола, съ принятіемъ маіората, облекалось титуломъ и именемъ, съ нимъ связанными, а при выходѣ въ супружество, облекало ими и своего мужа, однакоже все это князя нисколько не удовлетворяло. Онъ утверждалъ, что кровь передается только лицами мужскаго пола, и развивалъ на этотъ счетъ различные ученые взгляды. Потомъ онъ предполагалъ, и весьма справедливо, что какая-нибудь княжна Барятинская можетъ влюбиться въ какого-нибудь французскаго танцмейстера и выйти за него замужъ. Такимъ образомъ, по соображеніямъ князя, дѣти французскаго танцмейстера будутъ владѣть великолѣпнымъ маіоратомъ и называться князьями Барятинскими, тогда какъ кровные князья Барятинскіе будутъ ходить по-міру.

Съ пріобрѣтеніемъ званія намѣстника и главнокомандующаго, князь не имѣлъ надобности въ какомъ-либо другомъ маіоратѣ и въ то же время разсчитывалъ, что въ этотъ лучшій моментъ его силы государь даруетъ ему отступленіе отъ закона, которое дастъ ему возможность осуществить завѣтныя его мысли о происхожденіи и перехожденіи родовъ. Поэтому онъ рѣшился представить государю, въ Москвѣ же, всеподданнѣйшее прошеніе съ проектомъ акта учрежденія заповѣднаго имѣнія. Бумаги эти давно уже были заготовлены у меня.

Я живо помню новое проявленіе высокой и щедрой натуры князя въ моментъ, когда онъ сталъ говорить о желаніи двинуть это дѣло. Смущенный и покраснѣвъ, какъ красная дѣвушка, онъ въ несвязныхъ словахъ намекалъ о томъ, что у него теперь ничего нѣтъ, что это дѣло обогащаетъ князя Владиміра Ивановича и что ему легче сдѣлать все, что слѣдуетъ и т. п. Сначала я просто не понималъ, къ чему все это относится; но потомъ, съ трудомъ сообразивъ, въ чемъ дѣло, сказалъ князю:

— Ваше сіятельство, вѣроятно, хотите сказать о моемъ вознагражденіи за это дѣло?

— Конечно,—отвѣчалъ князь,—это дѣло такое важное для нашего дома, и вы только одни сумѣли сдѣлать его.

Въ свою очередь и я сильно покраснѣлъ. Я отвѣчалъ князю:

— Ваше сіятельство такъ много для меня сдѣлали и поставили

меня въ такое положеніе, что я никогда, ни отъ кого и ни за что вознагражденія не возьму.

Слова эти были произнесены съ такимъ волненіемъ и такимъ тономъ, что деликатный князь поспѣшилъ обнять меня и тѣмъ прекратить это щекотливое объясненіе.

Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ переговоровъ къ княземъ Владиміромъ Ивановичемъ, которые князь Александръ Ивановичъ возложилъ на меня и цѣлію которыхъ было — убѣдить его, что маіоратъ по закону нельзя сдѣлать прямо на его имя и что онъ будетъ переданъ ему потомъ, особымъ актомъ, всѣ бумаги были подписаны и представлены государю, отъ котораго по принадлежности перешли въ министерство юстиціи и потомъ, въ установленномъ порядкѣ, получили высочайшее утвержденіе.

Едва-ли нужно говорить, что во все время пребыванія князя въ Москвѣ онъ имѣлъ постоянныя свиданія и совѣщанія съ государемъ. Конечно, не только трудно, но даже невозможно ни для кого знать, что происходило на этихъ совѣщаніяхъ и какимъ именно предметамъ они были посвящены. Объ этомъ можно судить только по видимымъ результатамъ. Результаты эти показывали, что какъ ни велики были права, съ которыми князь Воронцовъ вступилъ въ управленіе Кавказомъ, князь Александръ Ивановичъ умѣлъ и успѣлъ расширить ихъ. Тутъ, конечно, положено было окончательное основаніе преобразованію кавказскаго военнаго управленія и обращенію войскъ, расположенныхъ на Кавказѣ, въ кавказскую армію. Тутъ дарована была намѣстнику полнѣйшая независимость отъ всѣхъ министерствъ, такъ что онъ долженъ былъ знать только одного государя и сноситься съ нимъ единственно чрезъ кавказскій комитетъ. Тутъ наконецъ пріобрѣтено княземъ громадное право сломать все главное управленіе намѣстника, дотолѣ существовавшее, и создать новое, по своему усмотрѣнію. Всѣ эти и другія права производили страшный шумъ въ оффиціальныхъ сферахъ и возбуждали много недоброжелательныхъ и завистливыхъ толковъ. Всѣ старики замѣтно негодовали, видя, что этотъ юный намѣстникъ знать ихъ не хочетъ и созидаетъ себѣ истинно царское положеніе на Кавказѣ. Впрочемъ, все это меня, въ то время еще чуждаго кавказскихъ интересовъ, мало занимало. Я видѣлъ только, что во всѣхъ перемѣнахъ

и пріобрѣтеніяхъ князь Александръ Ивановичъ имѣлъ въ лицѣ Владиміра Петровича самаго усерднаго и дѣятельнаго сотрудника, провидящаго въ этихъ перемѣнахъ собственныя выгоды, вслѣдствіе необходимаго, истекающаго изъ нихъ, сближенія съ восходящимъ солнцемъ.

Между тѣмъ приблизилось время отъѣзда князя изъ Москвы. Приготовленія къ этому отъѣзду, сколько помню, были хлопотливы и сложны, знаменуя, что князь желаетъ сдѣлать свое путешествіе на Кавказъ грандіознымъ и величественнымъ. Заранѣе извѣстно было, что онъ забиралъ съ собою многихъ лицъ, между прочимъ графа Соллогуба, успѣвшаго примкнуть къ нему, значительное число адъютантовъ и даже французскаго живописца Планшара. Я помню прекрасный сентябрьскій день, въ который наконецъ отъѣздъ князя совершился. Потомъ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ продолженіе пути къ князю примыкали новыя лица, такъ что въѣздъ его въ предѣлы Кавказа былъ очень пышенъ и торжественъ. Въ большой свитѣ его были даже прелестныя женщины, такъ наприм. очаровательная жена князя Эмилія Витгенштейна, сдѣлавшаго впослѣдствіи себѣ незавидную извѣстность сочиненіемъ своимъ о пользѣ тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, которое появилось именно въ то время, когда общественное мнѣніе повсюду, такъ сказать, ревомъ ревѣло о безобразіи этой варварской мѣры.

Впрочемъ, подробности этого путешествія мнѣ не могли быть извѣстны, потому что я остался въ Москвѣ. Изъ числа этихъ подробностей замѣчательна, впрочемъ, одна, касавшаяся любимца князя, камердинера Исая. По разсказамъ этого Исая, онъ имѣлъ несчастіе не нравиться княгинѣ. Исай приводилъ множество сценъ, свидѣтельствующихъ, что и великіе люди, въ родѣ намѣстниковъ, въ домашнемъ быту простые люди. Вообще можно было заключить, что эта домашняя борьба очень не нравилась князю и безпокоила его. Онъ употреблялъ различныя средства прекратить ее, но безуспѣшно, и, вѣроятно, въ настоятельной необходимости пожертвовать кѣмъ-нибудь изъ борцовъ, онъ рѣшился разстаться съ Исаемъ, тѣмъ болѣе, что Исай, вѣроятно увѣренный въ своемъ крѣпкомъ положеніи у князя, неоднократно упоминалъ, что онъ не можетъ оставаться у него. Другія свѣдѣнія говорили, что Исай, еще въ бытность на

Кавказѣ, страшно зазнался и держалъ себя фамильярно даже съ значительными офицерами, что князь самъ нерѣдко видѣлъ, какъ эти достойные господа пожимали руку Исаю; что князю все это не нравилось и что онъ рѣшился разстаться съ Исаемъ. Какъ бы то ни было—въ Москвѣ князь объявилъ Исаю, что онъ его увольняетъ, причемъ, по обычаю, далъ ему щедрое награжденіе. Исай просилъ князя о дозволеніи проводить его до Нижняго, на что̀ князь и согласился. Въ Нижнемъ князь со всею свитою сѣлъ на пароходъ и отправился далѣе. Ужь неизвѣстно, съ какими разсчетами отправился и Исай, смѣшавшись съ толпою различнаго люда. Когда пароходъ прошелъ уже значительное пространство, князь замѣтилъ присутствіе Исая и тотчасъ приказалъ высадить его на берегъ, совершенно пустынный. Послѣ такого оригинальнаго разрыва съ княземъ, у котораго такъ долго служилъ и который такъ его любилъ, Исай пустился въ торговлю, проторговался и по обычаю русскихъ талантливыхъ людей спился и обѣднялъ до такой степени, что впослѣдствіи я долженъ былъ, въ воспоминаніе его прежняго величія, дѣлать ему посильныя пособія.

ГЛАВА XVI.

Мои переговоры съ княземъ о переходѣ на Кавказъ.—Мое положеніе и мои отношенія въ Петербургѣ.—Рѣшительное письмо князя съ Кавказа.—Гу—ичъ сначала не совсѣмъ благонадежный чиновникъ, а потомъ статсъ-секретарь.—Неблестящее предложеніе князя.—Мои недоумѣнія.—Моя рѣшимость ѣхать на Кавказъ.—Споръ за меня между Бутковымъ и графомъ Адлербергомъ.—Мое письмо графу.—Баснословное пособіе, мнѣ данное.

По окончаніи коронаціи и по отъѣздѣ князя, я отправился въ подмосковную моей жены, гдѣ ожидало меня мое семейство, и, забравъ его, прибылъ въ Петербургъ. Надобно сказать, что мое милое почтовое начальство, со времени послѣдняго пріѣзда князя съ Кавказа, сильно тревожилось моими близкими къ нему отношеніями. Я сказалъ уже, что моя служебная обстановка въ этомъ вѣдомствѣ исполнена была, если можно такъ выразиться, величайшей прелести, и я съ глубокою благодарностью готовъ повто-

рять и утверждать это до конца моей жизни. Вѣроятно, во всемъ Петербургѣ не было другаго начальника отдѣленія, который бы, въ этомъ незначительномъ положеніи, былъ устроенъ такъ комфортабельно и почетно. Ближайшій мой начальникъ, Прокоповичъ-Антонскій, и верховный начальникъ, графъ Адлербергъ, спорили, казалось, въ добротѣ и вниманіи ко мнѣ.

Что касается до бывшаго въ то время вице-директоромъ департамента Л—е, имѣвшаго на составъ и положеніе департамента самое непосредственное вліяніе, то я истинно горжусь, что и до сего дня пользуюсь его дружбой, горжусь потому особенно, что имѣлъ полную возможность убѣдиться какъ въ необыкновенныхъ его дарованіяхъ, такъ и высокихъ нравственныхъ его достоинствахъ. Я видѣлъ много даровитыхъ и способныхъ людей и меня самого причисляли къ ихъ разряду; но только Карнѣевъ, о которомъ я говорилъ выше, и Л—е поражали меня тѣмъ спокойствіемъ и тою легкостію, съ которыми они преодолѣвали самые трудные и сложные вопросы. Разница между ними состояла въ томъ, что Карнѣевъ дальше Киселева, этого постояннаго и неумолимаго пугала для его мелкой натуры, ничего не видѣлъ и видѣть не хотѣлъ, не имѣя никакой личной самостоятельности и никакихъ крѣпкихъ убѣжденій. Л—е, напротивъ, былъ не только человѣкъ даровитый, но въ то же время человѣкъ благовоспитанный и благородный.

Къ величайшему, однако, сожалѣнію, и на его благородство падали тѣни, созданныя отношеніями его къ извѣстному А—скому. Этотъ А—скій, одинъ изъ безчисленныхъ А—скихъ, Николай Николаевичъ, былъ нѣкогда предсѣдателемъ петербургской казенной палаты, допустилъ тамъ какіе-то безпорядки и слетѣлъ съ этого мѣста довольно скандалезнымъ образомъ. Очутившись въ стѣсненномъ положеніи и наклонный къ спекулятивной дѣятельности, А—скій остановилъ свои предпріимчивые взоры на почтахъ. Л—е былъ товарищъ А—скаго по лицею, что, конечно, имѣло нѣкоторое значеніе въ промышленныхъ его разсчетахъ. Конецъ былъ тотъ, что А—скій вошелъ въ почтовыя операціи. Первою и кажется главнѣйшею изъ нихъ было принятіе имъ на себя содержанія всей Петербургской губерніи, гдѣ онъ тотчасъ и успѣлъ по-

казать себя исправнымъ и распорядительнымъ почтосодержателемъ. Чрезвычайно ловкій и умный, А—скій умѣлъ тотчасъ проложить прямую дорогу къ доброму графу Адлербергу и рѣшительно очаровать его. Понятно, что при расположеніи графа, при дружескомъ содѣйствіи Л—е, А—скій пользовался правами, привилегіями и пособіями, недоступными для другихъ почтосодержателей. Зависть и недоброжелательство успѣли придать всѣмъ этимъ выгодамъ нечистый источникъ и указать на Л—бе, какъ участника этихъ выгодъ.

Но взяточничество во всѣхъ его видахъ—такая вещь, которую приписывать кому бы то ни было и отвергать въ комъ бы то ни было равно трудно. Самый процессъ этого взяточничества устраняетъ всякую положительность подобныхъ утвержденій. Здѣсь только дѣйствуютъ два лица: тотъ, кто беретъ, и тотъ, кто даетъ. Понятно, что самая исключительность и недоброкачественность этой операціи заграждаетъ, большею частію, уста обоимъ, и за тѣмъ остаются одни догадки, соображенія и внѣшніе признаки. По этимъ догадкамъ, соображеніямъ и внѣшнимъ признакамъ я могу сказать, что А—скій, какъ всякій человѣкъ, пустившійся въ промышленныя предпріятія и поставленный въ отношенія съ многообразными личностями, способенъ былъ предложить взятку. Онъ даже мнѣ предложилъ ее и вотъ какимъ образомъ.

Отъѣзжая какъ-то въ Москву, онъ шутя сказалъ мнѣ, что привезетъ мнѣ московскій калачъ. Конечно, я не обратилъ на это вниманія. Скоро послѣ того, однажды утромъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ братъ его, Андрей А—скій, весьма умный и образованный человѣкъ, бывшій когда-то офицеромъ генеральнаго штаба, а впослѣдствіи преподавателемъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ то время онъ занимался дѣлами брата, которыя получали большее и большее распространеніе. Независимо отъ Петербургской губерніи, А—скій, по настояніямъ графа и Прокоповича, принялъ на себя и содержаніе московско-харьковскаго тракта вольныхъ почтъ, когда содержавшіе его, послѣ основателя этихъ почтъ, Студзинскаго, братья Никитины разорились, запутались и не могли дальше вести дѣла. Войдя ко мнѣ, А—скій сказалъ мнѣ, что братъ возвратился изъ Москвы и прислалъ мнѣ московскій калачъ. Съ этими словами

онъ дѣйствительно представляетъ мнѣ калачъ, необъятной величины. Меня очень удивилъ такой оригинальный презентъ, и мнѣ тотчасъ представилось что-то недоброе. «Благодарствуйте» — сказалъ я — «давайте его сюда» и съ этими словами, взявъ калачъ въ свои руки, я началъ его осматривать. Андрей А—скій страшно покраснѣлъ и, взявъ у меня калачъ—просилъ осмотръ его сдѣлать послѣ. Штука, разумѣется, тотчасъ обнаружилась, и между нами начались сильнѣйшія словопренія, въ заключеніе которыхъ я сказалъ, что если онъ и братъ его желаютъ сохранить добрыя со мною отношенія, то не оскорбляли бы меня подобными операціями. Переконфуженный преподноситель долженъ былъ везти назадъ свой огромный калачъ.

Повторяю, что были ли подобныя операціи со стороны А—скаго въ отношеніи къ Л—е, или нѣтъ—положительно утверждать невозможно, но, руководствуясь, какъ я сказалъ, догадками, соображеніями и внѣшними признаками, я никакъ не могу допустить, чтобъ милый и благородный Л—е, имѣвшій полное основаніе ожидать блестящей будущности, рѣшился на подобныя благопріобрѣтенія.

Но оставимъ эту закулисную сторону и обратимся къ моимъ оффиціальнымъ отношеніямъ къ моему прежнему начальству. Я сказалъ уже, что мое отдѣленіе было важнѣйшимъ изъ отдѣленій департамента; но оно нисколько меня не обременяло, сколько потому, что у меня были великолѣпные сотрудники, столько и потому, что въ дѣловыхъ сношеніяхъ моихъ съ такимъ умнымъ человѣкомъ, какъ Л—е, все трудное дѣлалось легкимъ, такъ что всѣ наши дѣловыя объясненія всегда сохраняли видъ дружескаго и шуточнаго разговора. Однимъ словомъ, мнѣ было очень хорошо; у меня была прекрасная квартира, достаточное содержаніе, значительное вліяніе и наконецъ полнѣйшее спокойствіе, такъ что, когда мнѣ выражали опасеніе, что князь Барятинскій можетъ отнять меня у почтоваго вѣдомства, я искренно отвѣчалъ, что этого вѣдомства я не оставлю. Потомъ, съ назначеніемъ князя кавказскимъ намѣстникомъ, добрѣйшій Прокоповичъ сталъ живѣе выражать свои опасенія, но я съ прежнею энергіею и искренностью отвергалъ ихъ, утверждая самымъ добросовѣстнымъ образомъ, что я не хочу и не ищу никакой перемѣны въ моемъ положеніи.

Понятно, что, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, когда состоялась, разсказанная выше, сдѣлка съ княземъ Барятинскимъ, я испытывалъ самыя непріятныя чувства. Мнѣ было чрезвычайно совѣстно, что послѣ моихъ неоднократныхъ завѣреній я долженъ оставить мое милое начальство и, кромѣ того, представиться нѣкоторымъ образомъ обманщиковъ, что̀ болѣе всего было невыносимо для моего правдиваго и открытаго, даже въ излишней степени, характера. Я рѣшился молчаливо ждать, что будетъ, и даже утѣшалъ себя смутною надеждою, что быть можетъ переходъ мой на Кавказъ, по какимъ-нибудь причинамъ и обстоятельствамъ, и не состоится.

Въ началѣ 1857 г. однажды утромъ пріѣзжаетъ ко мнѣ помощникъ Буткова по кавказскому комитету Гу—ичъ. Объ этой личности необходимо сказать здѣсь же нѣсколько словъ, хотя впослѣдствіи мнѣ придется часто говорить о ней. По общему мнѣнію, Гу—ичъ былъ происхожденія, кажется, еврейскаго. На Кавказѣ мнѣ разсказывали о немъ слѣдующее: когда князь Воронцовъ былъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ служилъ у него въ канцеляріи при той части, гдѣ сосредоточивались дѣла о наградахъ. При составленіи или перепискѣ какого-то большаго представленія Гу—ичъ ухитрился какъ-то включить самого себя въ это представленіе. Продѣлка эта открылась, и онъ, по приказанію князя Воронцова, былъ исключенъ изъ канцеляріи. Впослѣдствіи, предъ назначеніемъ князя Воронцова кавказскимъ намѣстникомъ, онъ пробрался въ Тифлисъ и успѣлъ втереться въ канцелярію. Просматривая какъ-то списки чиновниковъ канцеляріи, князь Воронцовъ остановился на имени Гу—ичъ, узналъ, что это тотъ самый, который въ Одессѣ отличился своею смѣлою продѣлкою, и приказалъ вновь исключить его изъ своей канцеляріи. Тогда онъ бросился въ Петербургъ. Умный и ловкій, онъ подбился къ Буткову, сталъ заниматься въ кавказскомъ комитетѣ и скоро сдѣлался не только полезнымъ, но и необходимымъ Буткову. Бутковъ сдѣлалъ его своимъ помощникомъ и началъ осыпать его наградами, такъ что этотъ удаленный дважды княземъ Воронцовымъ чиновникъ не только обогналъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и сослуживцевъ, но даже сдѣлался распорядителемъ кавказскихъ судебъ, такъ какъ Бутковъ,

обремененный многими другими дѣлами и должностями, былъ очень радъ, что могъ ввѣрить кавказскія дѣла такому способному и опытному помощнику, сохраняя надъ ними, такъ сказать, только высшее вліяніе и наблюденіе. Впослѣдствіи, когда предсѣдательство въ кавказскомъ комитетѣ перешло къ князю Гагарину, а Бутковъ, сдѣланный членомъ Государственнаго Совѣта, сложилъ съ себя званіе управляющаго дѣлами этого комитета, князь Гагаринъ не только предоставилъ это званіе Гу—ичу, но и сдѣлалъ его статсъ-секретаремъ, чѣмъ весьма непріятно удивилъ весь гражданскій міръ, гдѣ въ отношеніи къ Гу—ичу существовало самое неблагопріятное мнѣніе. Въ какой степени онъ былъ могущественъ по отношенію къ кавказскимъ дѣламъ, мы увидимъ впослѣдствіи, а теперь я обращаюсь къ моему съ нимъ свиданію въ началѣ 1857 г.

Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ словъ Гу—ичъ, по порученію Буткова, предъявилъ мнѣ, полученное имъ, Бутковымъ, письмо князя Барятинскаго слѣдующаго содержанія.

«Одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ есть назначеніе вице-директора моей канцеляріи. Тутъ необходимъ человѣкъ умный, работящій, однимъ словомъ, способный, въ случаѣ нужды, замѣнить достойно самого директора. По моему мнѣнію, г Инсарскій вполнѣ могъ бы соотвѣтствовать этому назначенію. Крузенштернъ занималъ это мѣсто дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Содержанія 3.590 р. въ годъ; а квартиру дамъ ему казенную. Вы были такъ добры, что взяли на себя посредничество между мною и имъ, дабы дать ему возможность, не стѣсняясь личными отношеніями ко мнѣ, высказать откровенно свои желанія, и я буду ожидать вашего отвѣта по этому предмету».

Не скрою, что такое предложеніе показалось мнѣ крайне неудовлетворительнымъ по сравненію съ моимъ петербургскимъ положеніемъ. Мѣсто почтоваго вице-директора было, такъ сказать, у меня въ карманѣ потому, что никто болѣе меня не имѣлъ на него права. Слѣдовательно, не сегодня, такъ завтра, не трогаясь съ мѣста, въ кругу, гдѣ всѣ меня знаютъ и цѣнятъ, я пріобрѣталъ то, что князь предлагалъ мнѣ гдѣ-то, у чорта на куличкахъ, и что требовало страшной ломки и въ оффиціальныхъ отношеніяхъ моихъ, и въ домашнемъ быту.

Мгновенно сообразивъ все это, я рѣшительно не зналъ, что отвѣчать Гу—ичу, и только краснѣлъ отъ прилива различныхъ непріят-

ныхъ ощущеній. Я понималъ только одно, что попалъ въ самое затруднительное положеніе. Во время моей задумчивости, Гу—ичъ Мефистофелемъ смотрѣлъ на меня и по измѣненіямъ на моемъ лицѣ имѣлъ полную возможность читать, что происходило у меня въ душѣ. Это тягостное состояніе я прервалъ вопросомъ, быстро обращеннымъ къ Гу—ичу.

— Позвольте спросить, какъ вы думаете объ этомъ предложеніи и что бъ вы отвѣчали на моемъ мѣстѣ?

— Я отвѣчалъ бы просто,—сказалъ Гу—ичъ, что предложеніе невыгодно, и потому на Кавказъ не поѣду. Кромѣ того я ненавижу всѣ эти «вице», пригодныя для бездарности, но негодныя для всякаго, кто хочетъ и долженъ сдѣлать себѣ карьеру.

— Я совершенно съ вами согласенъ,—отвѣчалъ я,—но я нахожусь въ исключительномъ положеніи, и отказъ мой испортитъ мои давнія отношенія къ князю, которыми я не могу не дорожить. Позвольте мнѣ обдумать этотъ въ высшей степени важный для меня вопросъ. Завтра я пріѣду къ Владиміру Петровичу и выскажусь окончательно.

— Гу—ичъ уѣхалъ, а я предался самымъ мучительнымъ соображеніямъ, мучительнымъ, тѣмъ болѣе, что я, по натурѣ своей, не могъ вдаваться ни въ какія продолжительныя размышленія, отъ которыхъ впрочемъ я и не видалъ никакого проку, и если дѣло не устраивалось и не разрѣшалось съ перваго взгляда, я впадалъ въ самое тяжелое состояніе. Тутъ представлялись мнѣ два факта, которые я не могъ согласить и помирить между собою: невыгодность предложенія и невозможность отказаться отъ него. Въ то же время, съ одной стороны, для меня были живы тѣ треволненія, которыя я только-что перенесъ вслѣдствіе недоумѣній и упорства покойнаго государя, и я такъ былъ напуганъ ими, что отрадно наслаждался пріобрѣтеннымъ спокойствіемъ и боялся мѣнять его на неизвѣстное будущее, въ краю, отдаленномъ и незнакомомъ, а съ другой—я понималъ, что обстоятельства перемѣнились, и Барятинскій, не имѣвшій въ то время никакой возможности помочь мнѣ, теперь сдѣлался самъ могущественнымъ человѣкомъ и можетъ не только отвратить будущія напасти, но и вознаградить минувшія, хотя сущность ихъ и была ему мало извѣстна. Понималъ ли онъ, что эти напасти обрушились на меня немножко по его милости, какъ отзывался нынѣшній госу-

дарь, будучи наслѣдникомъ, покойному герцогу Лейхтенбергскому, или вообще ему непріятно было, что первый періодъ моихъ отношеній съ такимъ знатнымъ бариномъ заключился для меня такъ неудачно, я не знаю; но не только онъ самъ никогда не касался этого страннаго происшествія, но даже и тогда, когда я старался сообщить ему всѣ подробности—онъ постоянно и упорно уклонялся, прерывая мои приступы односложнымъ «знаю, знаю». Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ казалось лестнымъ, что князь переводитъ меня съ поприща частныхъ моихъ занятій его дѣлами, по которымъ мы сошлись и познакомились, съ поприща, на которомъ какъ-то принято обворовывать малоопытныхъ довѣрителей, на поприще государственной службы и тѣмъ какъ будто даетъ свидѣтельство всему міру, что я не только способенъ, но и честенъ. Наконецъ, мнѣ сильно и явственно звучали собственныя его слова, ясно и положительно сказанныя въ Москвѣ: «Мнѣ не нужно напоминать ни о звѣздахъ, ни объ орденахъ, во всякомъ случаѣ заключить карьеру сенаторствомъ недурно...» Все это сильно клонило меня на сторону Кавказа, и я заключилъ этотъ замѣчательный день окончательнымъ рѣшеніемъ изъявить согласіе на переходъ туда. Съ этимъ рѣшеніемъ на другой день я явился къ милому Владиміру Петровичу Буткову, который съ свойственною ему энергіею еще болѣе развилъ выгоды предстоящаго перехода.

Оставалась другая сторона: переговоры съ моимъ почтовымъ начальствомъ. Послѣ всего, что я говорилъ объ отношеніяхъ моихъ къ этому начальству, понятно, что я не находилъ въ себѣ рѣшимости лично открыть и вести эти переговоры и предоставилъ ихъ вполнѣ находчивости и усмотрѣнію Буткова. Едва-ли не въ тотъ же самый день онъ встрѣтилъ графа Владиміра Ѳедоровича въ Государственномъ Совѣтѣ и съ обычной быстротой объявилъ ему: «Ваше сіятельство! Мы беремъ у васъ Инсарскаго на Кавказъ!» Какъ я и ожидалъ, это объявленіе произвело на графа самое непріятное впечатлѣніе. Всегда деликатный и вѣжливый, онъ просто вышелъ изъ себя; сталъ утверждать, что я ему необходимъ, что онъ имѣетъ на меня свои виды, что онъ готовитъ меня въ директоры своей канцеляріи (министра двора). Въ заключеніе онъ объявилъ, что отпустить меня никакъ не можетъ и что немедленно доложитъ

о томъ государю, замѣтивъ, что если князь Барятинскій силенъ, то и онъ значитъ что-нибудь.

Само собою разумѣется, что въ тотъ же день все это было передано мнѣ и, какъ ни лестно было для меня упорство графа, я видѣлъ, однакожъ, что можетъ произойти страшная каша. Разсчитывая на безконечную доброту Прокоповича, я бросился къ нему съ смутною надеждою пріобрѣсти въ немъ союзника. Прокоповичу все было уже извѣстно, и при моемъ появленіи къ нему мнѣ суждено было испытать тяжелое впечатлѣніе. Я тотчасъ увидѣлъ по лицу его, какъ этотъ человѣкъ, такъ любившій меня, такъ вѣрившій мнѣ, перемѣнился, и привычная деликатность и привѣтливость повѣяла замѣтнымъ холодомъ. Мое положеніе сдѣлалось въ высшей степени тяжело и стѣснительно. Я началъ разсказывать ему всю исторію дѣла самымъ искреннимъ и добросовѣстнымъ образомъ, но во время самаго разсказа ясно было, что онъ слушаетъ недовѣрчиво. Это и понятно. Чѣмъ болѣе живетъ человѣкъ, тѣмъ болѣе видитъ обмановъ и разнокалиберной подлости. Оттого-то всѣ пожилые люди такъ сухи и эгоистичны. Прокоповичъ былъ много старше меня; кромѣ того, хотя онъ не былъ замѣчательнымъ по уму человѣкомъ, однакоже былъ хитеръ, какъ истинный малороссъ. Когда въ заключеніе я просилъ его передать графу истинныя побужденія моего перехода, Прокоповичъ холодно отвѣчалъ, что графъ такъ недоволенъ, что едва-ли онъ, Прокоповичъ, можетъ быть полезенъ своимъ участіемъ, но тѣмъ не менѣе обѣщалъ переговорить съ нимъ и успокоить его.

На другой, кажется, день Прокоповичъ объявилъ мнѣ, что графъ слышать ничего не хочетъ и ни подъ какимъ видомъ не рѣшается отпустить меня на Кавказъ. Я очень хорошо понималъ, что удержать меня силой въ почтовомъ вѣдомствѣ невозможно; но я такъ былъ благодаренъ этому вѣдомству, что я никакъ не желалъ разстаться съ нимъ рѣзко и грубо, какъ совѣтовали мнѣ въ кавказскомъ комитетѣ. Разсчитывая, что всякое впечатлѣніе какъ бы пріятно или непріятно оно ни было на первыхъ порахъ, современемъ ослабѣваетъ, я спустя нѣсколько дней вновь просилъ Прокоповича испросить у графа мирнаго согласія на мой переходъ. Прокоповичъ принесъ мнѣ такой же неудовлетворительный отвѣтъ графа. Нѣтъ

*

сомнѣнія, что самъ Прокоповичъ смотрѣлъ болѣе неблагосклонно, чѣмъ графъ, на этотъ переходъ, и я видѣлъ, что отъ его посредничества никакого проку ожидать нельзя. Поэтому, я рѣшился вступить въ прямыя сношенія съ графомъ. Конечно, мнѣ ничего не стоило выпросить особую аудіенцію. Но я хорошо зналъ, что если, съ одной стороны, живое слово часто бываетъ могущественно, то съ другой, оно же можетъ и проиграть дѣло, особенно такое, въ которомъ, подобно моему, обозначилось уже разногласіе. Личныя объясненія опасны тѣмъ, что, при всей правотѣ и основательности дѣла, часто не удается хорошо высказать его или потому, что тотъ, кому предстоитъ изложить его, не въ ударѣ, или потому, что тотъ, кому предлежитъ выслушать его, не въ добромъ расположеніи; однимъ словомъ, тутъ можетъ быть множество постороннихъ, внѣшнихъ случайностей, которыхъ ни въ какой предварительный разсчетъ принять невозможно и которыя, между тѣмъ, могутъ совершенно испортить дѣло. Я достаточно уже былъ опытенъ въ произнесеніи различныхъ спичей и даже пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность по этой части. Но говорить съ начальникомъ совсѣмъ не то, что говорить какую-нибудь рѣчь. Публика терпѣливо слушаетъ и потомъ уже произноситъ свой приговоръ; начальникъ на первыхъ словахъ можетъ прервать такъ, что весь строй послѣдующаго изложенія, какъ бы хорошо онъ ни былъ обдуманъ и приготовленъ, перепутается въ головѣ, и произойдетъ сумбуръ, пагубный для дѣла. Однимъ словомъ, я рѣшился уклониться отъ личнаго объясненія съ графомъ и послать ему письмо, которое, какъ я былъ убѣжденъ, не подвергаясь тѣмъ случайностямъ, о которыхъ я говорилъ, непремѣнно дойдетъ до него и непремѣнно будетъ прочитано графомъ отъ начала до конца.

Въ письмѣ этомъ я доказывалъ, что, счастливый своимъ настоящимъ положеніемъ, я не только не искалъ никакой перемѣны, но даже постоянно отказывался отъ приглашеній князя и приводилъ въ свидѣтельство графа Баранова и графа Александра Адлерберга; что эти уклоненія доведены были до той черты, дальше которой они не могли уже идти, потому что князь Барятинскій, не какъ намѣстникъ, но какъ человѣкъ, надѣлавшій мнѣ много добра, имѣетъ право требовать отъ меня всевозможныхъ пожертвованій; что свой-

ство этихъ отношеній вполнѣ извѣстно другу князя—графу Александру Владиміровичу, и что этимъ переходомъ я не ищу какихъ-либо собственныхъ выгодъ, но желаю единственно заплатить долгъ благодарности человѣку, который меня облагодѣтельствовалъ и который, будучи еще далекимъ отъ положенія намѣстника, взялъ съ меня слово служить съ нимъ, когда надобность того потребуетъ.

Само собою разумѣется, что письмо это исполнено было достодолжной силы и чувства. Между энергическихъ строкъ надобно было читать, что если нельзя разстаться миромъ—уйду просто. Нѣсколько дней письмо это оставалось безъ отвѣта; наконецъ графъ согласился отпустить меня, выразивъ, самымъ любезнымъ образомъ, глубокое сожалѣніе, что разстается со мной.

Надобно замѣтить, что въ то самое время, когда я велъ переговоры съ графомъ объ измѣненіи своего положенія, самъ графъ измѣнялъ свое положеніе. Онъ рѣшился разстаться съ почтовымъ вѣдомствомъ, которое онъ такъ любилъ и которому посвятилъ такъ много самыхъ добросовѣстныхъ и энергическихъ трудовъ. Огромныя ли занятія по министерству двора, или постоянно возраставшія нападки на почтовое вѣдомство со стороны общественнаго мнѣнія въ отношеніи различныхъ недостатковъ и со стороны Государственнаго Совѣта въ отношеніи громадныхъ расходовъ на это вѣдомство, были тому причиною, положительно неизвѣстно; но только это обстоятельство много содѣйствовало тому, что я благополучно разстался съ этимъ вѣдомствомъ, гдѣ и до сего дня у меня сохраняются дружескія связи. Оставляя самъ почтовое вѣдомство, графъ не имѣлъ уже особеннаго побужденія заботиться о личномъ его составѣ.

Что касается до Прокоповича, то, какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что главноначальствующимъ будетъ назначенъ Прянишниковъ, съ которымъ, какъ выше замѣчено, онъ никогда не былъ въ отличныхъ отношеніяхъ, то и онъ также рѣшился оставить это вѣдомство и просилъ графа взять его къ себѣ въ министерство двора. Графъ, всегда расположенный къ нему, внялъ этой просьбѣ и сочинилъ собственно для него отличное положеніе. Онъ создалъ какую-то строительную коммиссію министерства двора и назначилъ Прокоповича предсѣдателемъ этой коммиссіи, съ содержаніемъ въ 15 т. р. Такимъ образомъ и со стороны Прокоповича, я хочу

сказать, не было уже никакихъ причинъ усиливаться задержать меня въ почтовомъ вѣдомствѣ.

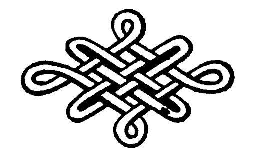
Я живо помню, что когда, съ наступленіемъ времени прощальныхъ моихъ визитовъ, я явился къ графу Адлербергу, первыя его слова, которыми онъ мило и шутливо меня встрѣтилъ, были: «Счастье ваше, что я самъ оставилъ почтовое вѣдомство, иначе я ни за что не отдалъ бы васъ князю»...

6-го февраля 1857 г. послѣдовалъ высочайшій приказъ о назначеніи меня вице-директоромъ канцеляріи намѣстника кавказскаго. При этомъ назначеніи я не могу пропустить въ дѣйствіяхъ милѣйшаго Владиміра Петровича черту, свидѣтельствующую, въ какой степени онъ былъ добръ и великодушенъ.

По закону, при отправленіи на Кавказъ, выдается чиновнику въ пособіе годовой окладъ жалованья, но такимъ образомъ, что одна половина дается при самомъ отправленіи, а другая по прибытіи въ край. Окладъ жалованья вице-директора составлялъ 2.300 р. сер. Въ виду огромныхъ издержекъ, которыя я долженъ былъ сдѣлать при отъѣздѣ моемъ, со всѣмъ семействомъ, на Кавказъ, я, совершенно мимоходомъ, замѣтилъ Г—ичу, что мнѣ пріятнѣе было бы получить, по бывшимъ примѣрамъ, весь этотъ окладъ здѣсь, въ Петербургѣ—мимоходомъ потому, что я имѣлъ свои средства, и это обстоятельство не представляло для меня особенной важности. Затѣмъ рѣшительно никакихъ просьбъ ни о чемъ ни самому Буткову, ни Г—ичу я не представлялъ и не излагалъ. Между тѣмъ, произошло вотъ что. Послѣ утвержденія доклада о моемъ назначеніи, я зашелъ въ кавказскій комитетъ — чтобъ спросить у опытнаго Г—ича нѣкоторыхъ совѣтовъ, относительно первоначальныхъ моихъ пріемовъ въ новомъ положеніи. Удовлетворивъ всѣмъ моимъ вопросамъ, Г—ичъ совершенно равнодушно замѣтилъ: «Однако, теперь вамъ придется много денегъ получить».—«Да, благодаря вамъ, 2.300 р. и прогоны»—отвѣчалъ я. «Какъ можно»,—возразилъ Г—ичъ,—«гораздо больше». Съ этими словами онъ взялъ подлинный докладъ о моемъ назначеніи, который я даже и не интересовался до того времени видѣть, и прочиталъ мнѣ нѣсколько строкъ, на основаніи которыхъ мнѣ назначался, кромѣ пособій, слѣдующихъ по закону, также въ пособіе годовой

окладъ всего содержанія. Такимъ образомъ мнѣ предстояло получить: а) 2.300 р. законныхъ, б) 3.600 р. незаконныхъ и в) двойные прогоны, всего до 7.000 р. сер. Я былъ изумленъ въ высшей степени и затѣмъ началъ приводить въ изумленіе этою роскошью всѣхъ, принимавшихъ во мнѣ участіе. Чиновный же міръ былъ просто взволнованъ такимъ безпримѣрнымъ пособіемъ. Справедливость требуетъ, однакоже, замѣтить, что съ моей стороны было бы нелѣпо приписывать такое распоряженіе желанію Буткова сдѣлать лично мнѣ удовольствіе. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ много князь былъ расположенъ ко мнѣ и этою щедростью, онъ, безъ сомнѣнія, желалъ сдѣлать пріятное князю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. П. Каратыгинъ и Ѳ. В. Булгаринъ.

Письмо П. Каратыгина Ѳ. Булгарину.

28 февраля 1845 г.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ!

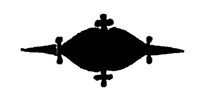
Насталъ для всѣхъ великій постъ,
А масляница для актеровъ!..
Приди со мною выпить тостъ
Среди веселыхъ разговоровъ;
Вздохни со мною отъ труда,
Клико шипитъ, телецъ изжаренъ...
Друзьями будемъ навсегда
И Каратыгинъ и Булгаринъ!

Къ исторіи Библейскаго общества.

Командующему 3-ю егерскою бригадою господину полковнику и кавалеру Полешкѣ.

Изъ числа присланныхъ при отношеніи на имя дивизіоннаго командира отъ дежурнаго генерала 1-й арміи господина генералъ-майора Ольдекопа по волѣ господина главнокомандующаго арміею печатныхъ экземпляровъ пастырскаго возъзванія полеваго оберъ-священника по предмету учреждаемаго въ городе Могилевѣ белорускомъ комитета библейскаго общества, И о цѣли сего общества и средствахъ къ достиженію оной, прилагая присемъ экземпляры и книги за подписаніемъ моимъ на вписаніе имянъ сколько кто пожертвуетъ денегъ, предписываю вашему высокоблагородію предписать полкамъ, доставлять въ дивизіонное дежурство полумесячныя вѣдомости, сколько и кто имянно пожертвовалъ на сіе общество денегъ, которыя хранить въ полковомъ казенномъ ящикѣ впредь до востребованія.

Полковникъ Скобелевъ.
№ 1350, октября 5 дня 1816 года.
Г. Витебскъ.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.

1877—1878 гг.

ГЛАВА V [1]).

Включеніе въ составъ гражданскаго управленія чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ. — Сущность проекта установленія въ Задунайскомъ краѣ первоначальныхъ русскихъ властей.—Участіе болгаръ въ русскомъ кадрѣ чиновъ гражданскаго управленія.—Мѣстные политиканы.

Въ то время, когда дѣлались сношенія только еще о командированіи въ распоряженіе князя Черкаскаго военно-служащихъ офицеровъ, гражданское управленіе получило значительное приращеніе своего состава въ лицѣ чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Выше было объяснено, что подчиненіе гражданскому управленію консульскаго корпуса произошло противъ желанія канцлера. Нельзя также сказать, чтобы и князь Черкаскій находилъ это подчиненіе необходимымъ для пользы службы и потребностей администраціи въ Болгаріи. Дѣятельность нашего консульскаго корпуса вообще онъ считалъ и въ теоріи, т. е. на основаніи консульскаго устава, и на практикѣ весьма слабою и далеко не достигающею тѣхъ блестящихъ результатовъ, которые получаются иностранными

---

[1]) См. «Русскую Старину», май 1895 года.

государствами отъ службы ихъ консуловъ. Выдѣлить изъ состава нашего консульскаго корпуса консуловъ, находящихся въ Турціи, и быть о нихъ болѣе высокаго мнѣнія онъ не могъ, и скорѣе вслѣдствіе своихъ связей съ славянофилами, могъ считать ихъ еще болѣе несоотвѣтствующими своему назначенію. И дѣйствительно, служившіе въ Турціи консулы не занимали его преимущественно. Онъ стремился не къ подчиненію ихъ себѣ, а къ сосредоточенію въ своихъ рукахъ всѣхъ гражданскихъ дѣлъ при арміи, не исключая и дипломатическихъ сношеній. Въ этихъ видахъ, ратуя за принципъ «единства дѣйствій», онъ былъ противъ образованія при арміи особой дипломатической канцеляріи, а желалъ подчиненія себѣ всѣхъ оставшихся на время войны свободными дипломатовъ, не отдѣляя отъ нихъ и чиновъ консульскаго корпуса. Въ этомъ смыслѣ и признаніе за ними особыхъ преимуществъ по знанію мѣстныхъ языковъ, нравовъ и обычаевъ, было выставляемо имъ исключительно для поддержанія основной его мысли въ полномъ ея объемѣ. Провести свою мысль онъ, однако, не успѣлъ; дипломатическая канцелярія при главнокомандующемъ была образована совершенно самостоятельная, а консуловъ ему подчинили. Понятно, что отказаться отъ включенія ихъ въ свое вѣдомство, — тотчасъ послѣ того, какъ онъ за это ратовалъ, — для князя Черкаскаго было немыслимо.

Вслѣдъ затѣмъ, компетентныя лица объяснили ему, что бывшіе наши консулы въ Турціи принесутъ ему мало пользы. Ожидать отъ нихъ вѣрнаго освѣщенія мѣстныхъ условій было нельзя потому, что они никогда не призывались непосредственнымъ своимъ начальствомъ къ подробному изученію края и представленію о немъ отчетовъ характера экономическаго или политическаго. Не слѣдовало также надѣяться получить, въ числѣ, ихъ людей способныхъ къ самостоятельной и энергической дѣятельности и къ неуклонному проведенію тѣхъ или другихъ руководящихъ идей. Они могли дать только дѣятелей второстепенныхъ.

Дѣйствительно, консульскій нашъ корпусъ въ Турціи всегда былъ, да вѣроятно и теперь находится въ особомъ положеніи. Предназначаясь главнымъ образомъ для непосредственныхъ сношеній съ турецкими провинціальными властями и преимущественно на мѣст-

номъ языкѣ, онъ пополнялся не тѣми кандидатами, которые готовятъ себя для дипломатической службы, а молодыми людьми изъ мѣстныхъ уроженцевъ (болгаръ и грековъ), знающихъ турецкій языкъ наравнѣ съ своимъ роднымъ, или лицами, спеціально изучавшими этотъ языкъ въ Лазаревскомъ институтѣ, или на курсахъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, или, наконецъ, въ нашихъ слабыхъ университетскихъ факультетахъ восточныхъ языковъ. Добровольно обрекая себя на такую ограниченную дѣятельность, подобныя лица, съ теченіемъ времени, заняли въ семьѣ дипломатовъ какое-то подчиненное положеніе; они стали ниже кровныхъ дипломатовъ (бѣленькіе и черненькіе), и отношенія ихъ къ старшимъ своимъ товарищамъ по службѣ были одинаковы съ тѣми, которыя еще недавно существовали во флотѣ между штурманами и флотскими офицерами. И штурмана, и консулы-драгоманы обладали серьезными познаніями, приносили дѣлу несомнѣнную пользу, но предназначались на дѣятельность лишь второстепенную, отодвигавшую ихъ на задній планъ и не дававшую имъ никакой, или почти никакой, возможности выдвинуться впередъ и сдѣлать карьеру. Отсюда служба въ Турціи такихъ спеціалистовъ обезцвѣчивала ихъ, лишала значительной доли энергіи и дѣлала мало способными къ занятію должностей самостоятельныхъ. Конечно, между ними попадались лица, изучавшія край по собственному побужденію и составлявшія о немъ вѣрное представленіе, но, къ сожалѣнію, они хранили свои свѣдѣнія про себя, ихъ не опубликовывали, а по большей части и не записывали. Знанія этихъ почтенныхъ людей пропали для дѣла и для общества.

Убѣдясь въ этомъ и узнавъ, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ, несмотря на нахожденіе въ его личномъ составѣ подобныхъ спеціалистовъ, не пользовалось ими для изученія Турціи и собиранія о ней полезныхъ для государства свѣдѣній, князь Черкаскій надѣялся, что въ числѣ чиновъ консульскаго корпуса все-таки получитъ группу лицъ образованныхъ, добросовѣстныхъ и знающихъ о краѣ несравненно болѣе остальныхъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ, которые впервые прибудутъ въ край.

Такая надежда пріобрѣла для него еще большее значеніе тотчасъ по прибытіи его въ Кишиневъ. Отклоненіе его просьбы о на-

значеніи въ гражданское управленіе военныхъ офицеровъ изъ частей дѣйствующей арміи ставило его въ безвыходное положеніе. Въ этомъ управленіи, считая его самого, было тогда всего семь человѣкъ. Командировка офицеровъ изъ внутреннихъ округовъ имперіи могла встрѣтить крайнія затрудненія въ Петербургѣ, а между тѣмъ время дѣйствій наступало, и оставаться далѣе безъ достаточнаго числа исполнительныхъ органовъ было невозможно. Сверхъ того, полученное наконецъ согласіе армейскихъ властей на немедленную организацію гражданскаго управленія послѣдовало только потому, что онъ съ особою настойчивостью указывалъ на безусловную необходимость точнаго исполненія данной ему инструкціи, въ которой было и командированіе въ гражданское управленіе бывшихъ нашихъ консуловъ въ Турціи. Отказаться отъ ихъ вызова значило отказаться не только отъ личнаго ихъ содѣйствія, но и отъ неуклоннаго и точнаго исполненія той самой инструкціи, которую князь Черкаскій такъ рѣшительно клалъ въ основаніе своихъ дѣйствій. Вотъ почему, 18-го апрѣля 1877 г., онъ испросилъ согласіе главнокомандующаго на сношеніе съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ о командированіи въ его распоряженіе оставшихся свободными бывшихъ чиновъ посольства, консуловъ и консульскихъ агентовъ въ Турціи. Согласіе на это послѣдовало, и послѣ переписки съ министерствомъ, 24-го мая 1877 г. (приказъ № 20), къ гражданскому управленію причислены были 19-ть лицъ, въ томъ числѣ 12-ть русскихъ и семь изъ мѣстныхъ уроженцевъ.

Бывшій посолъ въ Константинополѣ, Н. П. Игнатьевъ, прибывшій въ маѣ мѣсяцѣ въ Плоэшти, въ свитѣ государя, давая письменныя аттестаціи этимъ чинамъ, отозвался о нихъ весьма одобрительно, не выставляя никого особенно. Не скрылъ онъ и недостатковъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, о четырехъ лицахъ, занимавшихъ болѣе отвѣтственныя должности, Н. П. отозвался, какъ о людяхъ безъ инціативы, нерѣшительныхъ и даже боязливыхъ. Такимъ образомъ, общая характеристика чиновъ консульскаго корпуса, полученная княземъ Черкаскимъ въ Петербургѣ, оправдалась свидѣтельствомъ вполнѣ компетентнаго лица.

Поступавшій въ распоряженіе гражданскаго управленія консульскій корпусъ отличался безцвѣтностью. Въ немъ были все вто-

ростепенныя полезности, и никого выдающагося настолько, чтобы, взявъ его въ гражданскую канцелярію, можно было рѣшительно на него опереться при разработкѣ и введеніи въ краѣ новыхъ гражданскихъ учрежденій.

Русскіе чины военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, приглашенные для гражданской службы въ Болгаріи, должны были образовать только кадръ личнаго состава, дальнѣйшее же его восполненіе полагалось произвести при помощи выбора подходящихъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей.

Еще въ Кишиневѣ князь Черкаскій имѣлъ въ виду нѣсколькихъ болгарскихъ уроженцевъ, способныхъ занять высшія и среднія должности въ санджакахъ, и тогда же поручилъ бывшему нашему вице-консулу въ Варнѣ, болгарину Даскалову, отправиться въ Бухарестъ и тамъ, по сношеніи съ выдающимися лицами болгарской колоніи, собрать свѣдѣнія и составить списокъ болгарамъ, которыхъ полезно бы привлечь на службу по гражданской части. 30-го мая 1877 г. за №№ 227 и 228, князь Черкаскій просилъ А. И. Васильчикова и И. С. Аксакова сообщить ему о тѣхъ бывшихъ воспитанникахъ славянскихъ комитетовъ, которые, окончивъ курсъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, возвратились на родину и нынѣ могли бы быть полезны намъ за Дунаемъ.

Такъ какъ всѣ дѣйствія гражданскаго управленія въ Болгаріи должны были заключаться, кромѣ возстановленія и поддержанія порядка въ тылу арміи, еще и въ пересозданіи всего административнаго строя страны и въ подготовленіи ея къ самостоятельной дѣятельности въ качествѣ свободнаго государства, то очевидно, что русскій кадръ гражданскихъ чиновъ имѣлъ только назначеніе дѣйствовать временно, въ періодъ реформы, съ тѣмъ, чтобы потомъ всѣ отрасли управленія перешли въ руки болгаръ.

Привлеченіе нѣкоторыхъ болгаръ на службу по гражданскому управленію, учреждаемому подъ покровительствомъ русскихъ войскъ, во время самой войны, было дѣломъ крайне серьезнымъ и труднымъ.

Болгарскій народъ, изнемогая подъ владычествомъ турокъ, давно уже волновался, нерѣдко возставалъ, ознакомился съ политическими

треволненіями, имѣлъ свою эмиграцію, и интеллигенція его, какъ ни была незначительна, дѣлилась уже на партіи, враждебно другъ противъ друга настроенныя. Наиболѣе недовольная положеніемъ своей родины молодежь образовала такъ называвшуюся «болгарскую омладину», присвоивая себѣ право руководить общественнымъ движеніемъ и самостоятельно работать надъ будущимъ устройствомъ судебъ болгарскаго народа. Вожаки «омладины», жившіе и кое-чему учившіеся преимущественно за границей, были враждебно настроены противъ Россіи. Съ другой стороны, не принадлежавшіе къ омладинѣ, видные болгарскіе дѣятели и патріоты, Драганъ Цанковъ и Маркъ Балабановъ, жившіе въ краѣ и много поработавшіе на его пользу въ тяжелое время мусульманскаго гнета, объѣзжали, передъ самою войной, европейскія столицы и старались заинтересовать Европу несчастіями своего отечества.

Со всѣми этими фактами слѣдовало считаться, твердо стоя на томъ, что во время военныхъ дѣйствій въ краѣ и при управленіи имъ русскими временными властями, нельзя было допускать никакой политической пропаганды, никакихъ постороннихъ факторовъ между населеніемъ и русскими властями, поставленными царемъ Освободителемъ, двинувшимъ свою армію для возстановленія Болгаріи.

Оставить безъ вниманія выдающихся болгарскихъ патріотовъ и не охранить членовъ «болгарской омладины» отъ неумѣстныхъ и несвоевременныхъ увлеченій было нельзя. Невозможно было также согласиться на привлеченіе въ гражданское управленіе тѣхъ болгаръ, которые хотя и въ небольшомъ числѣ, но входили въ составъ турецкой администраціи. Между ними могли быть люди вполнѣ добросовѣстные, но самое ихъ служеніе туркамъ дѣлало ихъ подозрительными въ глазахъ болгаръ, и ихъ приходилось удалить отъ всякой дѣятельности, чтобы показать населенію, что въ рядахъ вновь вводимой русской администраціи нѣтъ мѣста людямъ, служившимъ прежнимъ угнетателямъ.

Скоро обстоятельства доказали, что болгарскіе политиканы не могутъ усидѣть спокойно, и что съ ними придется встрѣтиться. Приведу три примѣра.

Въ концѣ апрѣля 1877 г въ Бухарестѣ появился манифестъ

къ болгарскому народу отъ какого-то временнаго правительства, избраннаго патріотами и состоявшаго изъ членовъ омладины. Вотъ текстъ этого документа въ переводѣ на русскій языкъ:

„Братья! Народъ, умѣющій бороться и проливать кровь за свою свободу и независимость, увѣренъ, что онъ, наконецъ, одержитъ верхъ надъ своимъ врагомъ. Свобода пріобрѣтается лишь большими жертвами. Мы часто во время нашего рабства возставали противъ нашего неутолимаго врага, протестуя огнемъ и кровью противу угнетеній и страданій, которыя онъ намъ причинялъ. Но до нынѣ турецкая орда всегда успѣвала заглушить нашъ голосъ. Мы подверглись, наконецъ, страданіямъ, возбудившимъ всеобщее къ намъ участіе. Недавно еще наши села были выжжены; наши матери, жены и дѣти обезчещены; нашихъ священниковъ распинали, наши церкви были ограблены. Тысячи болгарскихъ труповъ были брошены собакамъ, тысячи другихъ сгнили безъ погребенія. Вездѣ взору нашему представляются равнины и долины, обагренныя болгарскою кровью. Мы терпѣливо сносили превышающія всякую мѣру страданія, ибо надѣялись, что къ намъ въ скоромъ времени поспѣшатъ съ защитой. Наша надежда осуществилась. Россія намѣрена насъ защитить. Она двинулась съ рѣшимостью наказать нашихъ мучителей за пролитую ими кровь. Въ непродолжительномъ времени побѣдоносныя русскія знамена, подъ сѣнію коихъ будетъ приготовлено лучшее для насъ будущее, будутъ развѣваться въ Болгаріи. Русскіе идутъ на помощь къ намъ, какъ братья, желая лишь защитить насъ и не имѣя ничего для себя. Русскіе, обезпечивъ свободное существованіе румынамъ, сербамъ и грекамъ, желаютъ сдѣлать то же и для насъ.

„Братья! Пробилъ великій и святой часъ, въ который мы всѣ должны, какъ одинъ человѣкъ, стать на-ряду съ русскими войсками для борьбы съ врагомъ. Вооружитесь скорѣе и какъ можете, и постараемся показать себя достойными приготовляемой намъ участи. Наши интересы, наше будущее, наше освобожденіе налагаютъ на насъ обязанность принять участіе въ войнѣ въ ряду нашихъ освободителей. Твердо стоя противъ врага, мы всѣмъ покажемъ, что заслуживаемъ свободу.

„Народъ болгарскій! Ты самъ устроишъ себѣ правительство. Но до того времени подчиняйся временному болгарскому правительству, избранному патріотами. Это правительство въ скоромъ времени появится среди тебя и будетъ дѣйствовать по твоей волѣ. Теперь оно обращается къ тебѣ изъ Румыніи съ возгласомъ: „Впередъ, Болгарія, съ нами Богъ, съ нами и русскіе наши братья!"

„Дано въ Румыніи, 7-го мая (н. с.) 1877 года. К. Цанковъ. О. Пановъ. П. Енчевъ. П. Висковскій. С. Стамбуловъ. И. Вазовъ. Д. П. Ивановъ. И. Кавальджіевъ".

Документъ этотъ тотчасъ же сдѣлался извѣстнымъ въ главной квартирѣ, гдѣ получены были также свѣдѣнія, что болгарскіе патріоты и преимущественно члены омладины намѣреваются прибыть въ Плоэшти, дабы представиться князьямъ Горчакову и Черкаскому, и черезъ нихъ хлопотать о пріемѣ ихъ государемъ.

Въ началѣ іюня депутація эта, въ которой былъ К. Цанковъ

и, кажется, нѣкоторые другіе изъ подписавшихъ воззваніе, прибыла въ Плоэшти. Были они у канцлера, явились и къ князю Черкаскому.

По совѣщаніи съ княземъ Горчаковымъ и Н. П. Игнатьевымъ, князь Черкаскій, какъ завѣдывающій всѣми гражданскими дѣлами, долженъ былъ разъяснить депутаціи сущность дѣла и указать болгарскому обществу тотъ путь, по которому оно должно было слѣдовать въ тогдашнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Разъясненіе это было предположено основать на точномъ содержаніи уже утвержденнаго тогда воззванія, съ которымъ государь потомъ обратился къ болгарамъ передъ самымъ переходомъ Дуная.

«Слушайтесь русской власти, исполняйте въ точности ея указанія»,—говорило воззваніе царя Освободителя».—«Покоряйтесь временному правительству, избранному патріотами»,—заявляли члены омладины.

Понятно, что полемизировать съ такъ называемымъ временнымъ правительствомъ не приходилось; нечего было и упоминать объ изданномъ ими манифестѣ. Поэтому князь Черкаскій, принимая у себя на квартирѣ болгарскую депутацію, былъ кратокъ въ своемъ къ ней обращеніи и сказалъ приблизительно слѣдующее:

«Принявъ близко къ сердцу несчастія христіанъ и объявивъ войну Турціи, великій государь не только отправилъ на Дунай 250.000 своего войска, но и самъ прибылъ сюда. Дѣло ваше находится въ его мощныхъ рукахъ и въ лучшихъ быть не можетъ. Отъ него зависитъ и война, и направленіе политики. Вамъ же предстоитъ спокойно ожидать развязки дѣла». Указавъ затѣмъ, что болгары должны отложить въ сторону всякую политику, онъ объяснилъ, что это не значитъ, чтобы имъ слѣдовало оставаться въ праздности. Многихъ изъ нихъ немедленно призовутъ къ дѣятельному участію въ управленіи краемъ подъ высшимъ руководствомъ установленной для сего власти, а болгарскія дружины назначаются стать ядромъ мѣстной болгарской силы для охраненія общественнаго порядка и безопасности. Словами «слушайтесь русской власти и исполняйте въ точности ея указанія» — окончилъ свою рѣчь князь Черкаскій. Никакихъ заявленій депутаты не сдѣлали, да ихъ и не вызывали на объясненіе, такъ какъ вся дальнѣйшая дѣятельность Россіи за-

висѣла отъ военныхъ дѣйствій, тогда еще не начинавшихся. Конечно, и депутаты были ничѣмъ другимъ, какъ самозванными добровольцами.

Еще прежде этого, въ Плоэшти появился претендентъ на званіе будущаго болгарскаго князя. Это былъ князь Эммануилъ Богориди или Вогоридесъ, женатый на княжнѣ Стурдза, имѣвшей большія связи. Онъ явился въ главную квартиру и началъ заводить знакомства, окруживъ себя болгарами, жившими въ Плоэшти и бывшими въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нашими властями. Говоря о немъ, намекали, что это претендентъ. Посѣтилъ онъ и лагерь болгарскаго ополченія, гдѣ пожертвовалъ нѣкоторую сумму денегъ въ пользу оставлявшихъ дружины ратниковъ. О посѣщеніи этомъ и щедрости Богориди появилась статейка въ выходившемъ въ Плоэшти плохенькомъ журнальчикѣ «Секидневный Новинарь». Оказалось, что въ лагерѣ князь Богориди былъ вмѣстѣ съ кишиневскимъ исправникомъ, болгариномъ Ивановымъ, который и тиснулъ статейку.

Инцидентъ съ Богориди кончился въ кабинетѣ князя Черкаскаго. Желая пристроиться къ болгарской депутаціи, Богориди явился къ Черкаскому и заговорилъ по-французски. Князь его спросилъ:

— Вы говорите по-болгарски?

— Нѣтъ.

— Такъ вамъ, прежде всего, слѣдовало бы научиться этому языку, а не прибѣгать къ покровительству «Секидневнаго Новинаря» и кишиневскаго исправника.

Послѣ, изъ словъ Н. Г. Герова, державшаго сторону Богориди, было видно, что онъ являлся къ князю Черкаскому именно съ цѣлью добиться позволенія пристроиться къ болгарской депутаціи.

Нечуждыми политической лихорадки оказались и вполнѣ почтенные люди, принадлежавшіе къ одесскому болгарскому настоятельству, учрежденію благотворительному, принесшему гражданскому управленію немалую пользу указаніями справочнаго характера. Узнавъ о составленномъ «омладиной» воззваніи, одесское настоятельство задумало издать воззваніе отъ себя, чтобы «предостеречь болгаръ отъ смуты, вселяемой фракціей фантазеровъ

при самомъ началѣ освобожденія народа» [1]). Воззваніе это, одобренное мѣстнымъ архіереемъ, предсѣдателемъ попечительства, было предъявлено князю Черкаскому. Его, разумѣется, не опубликовали потому, что частному благотворительному обществу не приличествовало выступать съ политическимъ манифестомъ, тѣмъ болѣе, что имѣлось уже въ виду изданіе особаго воззванія отъ лица главнокомандующаго.

По обсужденіи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, князь Черкаскій признавалъ необходимымъ:

Во 1-хъ, обратиться къ жителямъ Задунайскаго края съ особымъ воззваніемъ отъ имени главнокомандующаго дѣйствующей арміей, въ коемъ указать образъ дѣйствій будущихъ русскихъ властей въ краѣ и призвать жителей къ такому поведенію, которымъ они могли бы способствовать скорѣйшему и полнѣйшему освобожденію своей родины отъ турецкаго владычества.

Во 2-хъ, вызвать, немедленно послѣ перехода за Дунай, въ главную квартиру болгарскихъ патріотовъ Драгана Цанкова и Марка Балабанова. Приглашеніемъ ихъ полагалось слить ихъ дѣятельность съ дѣятельностью зарождавшагося гражданскаго управленія и пользоваться ихъ знаніемъ мѣстныхъ условій и большими связями въ различныхъ слояхъ болгарскаго общества, и

Въ 3-хъ, по мѣрѣ выясненія обстоятельствъ прикомандировать къ гражданскому управленію,—сверхъ лицъ, уже имѣвшихся въ виду на высшія и среднія должности,—и другихъ благонадежныхъ болгаръ для занятія низшихъ должностей.

Всѣ эти предположенія были утверждены главнокомандующимъ.

---

[1]) «Русская Старина» за декабрь 1888 г., стр. 763. См. также «Русскую Старину» за апрѣль 1889 г., стр. 152.

ГЛАВА VI.

Пріѣздъ князя Черкаскаго въ Плоэшти. — Рѣшеніе полеваго штаба ограничиться за Дунаемъ чисто военнымъ занятіемъ края. — Князь Черкаскій беретъ на себя всѣ подготовительныя работы по устройству военно-административныхъ порядковъ за Дунаемъ.—Прибытіе государя въ Плоэшти.—28-го и 29-го мая совѣщанія въ императорской главной квартирѣ по дѣламъ гражданскаго управленія и вопросамъ политическимъ.—Прокламація государя къ болгарамъ и жителямъ Болгарскаго края. — Командированіе консульскихъ чиновъ къ корпуснымъ командирамъ. — Недоразумѣнія между консулами и кн. Черкаскимъ.—Манифестація противъ Краснаго Креста.—Показной баракъ въ Зимницѣ.

Промежутокъ времени между отъѣздомъ великаго князя изъ Кишинева и прибытіемъ князя Черкаскаго въ Плоэшти (съ 1-го по 18-ое мая) не пропалъ даромъ. По гражданскому управленію сдѣлано было немало подготовительныхъ работъ, о чемъ завѣдывавшій гражданскою частью и доложилъ главнокомандующему, но результатъ доклада былъ прежній. Военныя власти, готовясь къ переходу за Дунай, не имѣли времени заниматься вопросами будущей болгарской администраціи и положительно заявили, что, съ переходомъ за Дунай, въ занятыхъ нами частяхъ Болгаріи будетъ введено временное, военно-полицейское управленіе, распоряженіемъ самихъ войскъ безъ всякаго участія гражданскаго элемента, и что затѣмъ, когда, по мѣрѣ хода военныхъ операцій, представится возможность перейти въ той или другой части края къ установленію гражданскихъ властей, объ этомъ будетъ сообщено князю Черкаскому, и тогда онъ получитъ право примѣнять свои проекты. До того же времени, гражданскому управленію предоставлялась полная свобода въ выработкѣ надлежащихъ проектовъ въ томъ или другомъ пунктѣ по собственному усмотрѣнію. Не было однако прямаго отказа князю Черкаскому и въ пребываніи его при главной квартирѣ—«когда тронутся изъ Плоэшти мои обозы, можете и вы съ канцеляріею слѣдовать за ними». При этомъ однако разумѣлось, что при главной квартирѣ можетъ находиться собственно канцелярія завѣдывавшаго гражданскими дѣлами, а всѣ чины, предназначавшіеся въ составъ мѣстной администраціи—будутъ собраны гдѣ-либо въ тылу, напр. въ Бухарестѣ.

Это рѣшеніе полеваго штаба было ультиматумомъ, съ которымъ слѣдовало точно соображаться и противъ котораго спорить было невозможно, тѣмъ болѣе, что, вслѣдствіе допущенныхъ прежде проволочекъ, гражданское управленіе не имѣло въ своемъ распоряженіи и агентовъ для устройства въ Задунайскомъ краѣ своего управленія.

Князь Черкаскій, находя правильность дѣйствій военныхъ властей въ первый періодъ занятія края залогомъ успѣха будущей дѣятельности русскаго гражданскаго управленія и не считая себя побѣжденнымъ категорическими отказами штаба, рѣшилъ всѣ подготовительныя работы по установленію военнаго порядка въ краѣ взять на себя и провести ихъ при посредствѣ императорской главной квартиры, на сочувствіе которой къ своимъ взглядамъ возлагалъ большія надежды.

Государь прибылъ въ Плоэшти вечеромъ 26-го мая; на другой день ѣздилъ въ Бухарестъ для посѣщенія румынскаго князя Карла и княгини Елизаветы, а затѣмъ тотчасъ же начались серьезныя работы. Надежды князя на измѣненіе дѣлъ къ лучшему, съ прибытіемъ императорской квартиры въ Плоэшти, вполнѣ оправдались [1].

28-го мая государь чрезвычайно милостиво принялъ князя Черкаскаго, внимательно выслушалъ подробный его докладъ и назначилъ на завтра первое у себя совѣщаніе, для обсужденія проекта прокламаціи къ болгарамъ. Этотъ именно день, 29-го мая, князь Черкаскій считалъ за лучшій въ теченіе всей своей дѣятельности при арміи; съ этого дня, всѣ надежды его воспряли съ прежней силой, и онъ сталъ вѣрить въ возможность плодотворной работы по возложенной на него трудной миссіи.

---

[1]) Дѣлаю выписку изъ записки генераловъ Золотарева и Нагловскаго. „Пріѣхалъ государь въ армію и не принялъ командованія, говоря, что будетъ простымъ зрителемъ. Но безъ него ничего не дѣлалось. Въ Горномъ Студнѣ собирали чуть не каждый день военные совѣты. Къ военному министру ходилъ и Черкаскій, и всѣ пріѣзжавшіе изъ Петербурга, и кто только хотѣлъ. Дверь была открыта, и тамъ добивались того, на что главнокомандующій не соглашался. Одинъ Черкаскій чего стоилъ! Спросите у Артура Адамовича, каково было съ нимъ справиться. Онъ былъ подчиненъ главнокомандующему, а благодаря присутствію государя, распоряжался самостоятельно Болгаріей помимо главнокомандующаго и даже не слушая его приказаній. Чуть не по немъ, бѣжитъ къ Д. А. и обдѣлываетъ, какъ хочетъ“.

По всегда соблюдаемому обычаю, главнокомандующій, начиная войну и вступая въ непріятельскую землю, обращается къ мѣстному населенію съ прокламаціей. Такая прокламація была объявлена и въ Кишиневѣ въ апрѣлѣ 1877 г., когда войска наши, переходя границу, вступали въ Румынію, бывшую въ вассальномъ подчиненіи Турціи [1]). Прокламація ни слова не говорила о намѣреніяхъ нашего правительства относительно болгарскаго вопроса, и потому князь Черкаскій, находя ее недостаточной, предложилъ, еще въ Кишиневѣ, опубликовать къ болгарамъ другую прокламацію немедленно по переходѣ черезъ Дунай. Онъ считалъ необходимымъ изложить въ ней сущность взглядовъ и намѣреній Россіи и перечислить тѣ способы, посредствомъ коихъ правительство наше намѣревалось провести въ жизнь свои предположенія о возстановленіи Болгаріи. Торжественнымъ заявленіемъ самого главнокомандующаго, онъ хотѣлъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что учреждаемое въ краѣ гражданское управленіе будетъ идти по пути, указываемому ему августѣйшимъ вождемъ арміи, а не по собственнымъ соображеніямъ и видамъ.

Въ этомъ смыслѣ князь Черкаскій и составилъ проектъ новой прокламаціи. Полевой штабъ предложилъ отправить ее на усмотрѣніе министерства иностранныхъ дѣлъ, и прокламація пошла въ Петербургъ, гдѣ, въ Азіатскомъ департаментѣ, ея текстъ передѣлали, сдѣлавъ въ немъ плохо объяснимыя редакціонныя измѣненія, значительно исказившія ясность и торжественность языка проекта. Министерство иностранныхъ дѣлъ было компетентно высказывать по поводу прокламаціи принципіальные взгляды, но оно этого не сдѣлало, а непонятно, почему приняло на себя чисто стилистическую работу, мало для него доступную, когда рѣчь шла о документѣ, писанномъ на русскомъ языкѣ, бывшемъ въ этомъ вѣдомствѣ въ большомъ загонѣ до прошлаго царствованія.

Измѣненный текстъ прокламаціи возвратился къ главнокомандующему въ Плоэшти, одновременно съ прибытіемъ туда государя или нѣсколькими днями ранѣе. Недовольный сдѣланными въ своей

[1]) Прокламація эта напечатана г. Вс. Крестовскимъ, въ его сочиненіи «Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи».

работѣ измѣненіями, князь Черкаскій задумалъ добиться возстановленія первоначальнаго текста, обративъ его изъ прокламаціи главнокомандующаго въ воззваніе отъ имени самого государя. Такое измѣненіе давало этому документу громадное значеніе и авторитетность могущую принести существенную пользу дѣлу гражданскаго управленія въ Болгаріи. Воззваніе отъ имени государя становилось обязательнымъ и для главнокомандующаго, тогда какъ данная самимъ имъ прокламація, имъ же могла быть измѣнена и передѣлана впослѣдствіи при введеніи ея въ дѣйствіе. На аудіенціи у государя, князь Черкаскій доложилъ о своихъ соображеніяхъ и получилъ разрѣшеніе представить, на предстоявшемъ совѣщаніи 29-го мая, оба текста: свой отъ имени государя и исправленный въ министерствѣ отъ лица главнокомандующаго.

Когда оба текста были прочитаны, государь призналъ полезнымъ возстановить первоначальный, обративъ лишь прокламацію въ воззваніе отъ своего имени. Я тотчасъ же собственноручно переписалъ текстъ воззванія, и государь начерталъ на немъ: «очень хорошо».

Вотъ это воззваніе, помѣченное впослѣдствіи 10-мъ іюня [1]):

«Болгаре!

«Мои войска перешли Дунай и вступаютъ нынѣ на землю вашу, гдѣ уже не разъ сражались за облегченіе бѣдственной участи христіанъ Балканскаго полуострова. Неуклонно слѣдуя древнему историческому преданію, всегда черпая новыя силы въ завѣтномъ единомысліи всего Православнаго Русскаго народа, Мои прародители успѣли, въ былые годы, своимъ вліяніемъ и оружіемъ, послѣдовательно обезпечить участь сербовъ и румынъ и вызвали эти народы къ новой политической жизни. Время и обстоятельства не измѣнили того сочувствія, которое Россія питала къ единовѣрцамъ своимъ на Востокѣ. И нынѣ она съ равнымъ благоволеніемъ и любовью относится ко всѣмъ многочисленнымъ членамъ обширной христіанской семьи на Балканскомъ полуостровѣ. На храброе войско Мое, предводимое Моимъ любезнымъ братомъ, великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, повелѣніемъ Моимъ возложено оградить и утвердить за вами тѣ священныя права, безъ которыхъ немыслимо мирное и правильное развитіе вашей гражданской жизни.

[1]) Оно напечатано въ 1-мъ выпускѣ «Сборника оффиціальныхъ распоряженій и документовъ по Болгарскому краю».

Права эти вы пріобрѣли не силою вооруженнаго отпора, а дорогою цѣною вѣковыхъ страданій и мученической крови, въ которой такъ долго тонули вы и ваши покорные предки.

«Жители Болгарскаго края! Задача Россіи—создавать, а не разрушать. Она Всевышнимъ Промысломъ призвана согласить и умиротворить всѣ народности и всѣ исповѣданія въ тѣхъ частяхъ Болгаріи, гдѣ совмѣстно живутъ люди разнаго происхожденія и разной вѣры. Отселѣ русское оружіе оградитъ отъ всякаго насилія каждаго христіанина: ни одинъ волосъ не спадетъ безнаказанно съ его головы; ни одна крупица его имущества не будетъ, безъ немедленнаго возмездія, похищена у него мусульманиномъ или кѣмъ другимъ. За каждое преступленіе послѣдуетъ безпощадное наказаніе. Одинаково будутъ обезпечены жизнь, свобода, честь, имущество каждаго христіанина, къ какой бы церкви онъ ни принадлежалъ. Но не месть будетъ руководить нами, а сознаніе строгой справедливости, стремленіе создать постепенно право и порядокъ тамъ, гдѣ доселѣ господствовалъ лишь дикій произволъ.

«Къ вамъ обращаюсь Я, мусульмане Болгаріи! со словами спасительнаго для васъ самихъ предостереженія. Съ горестью вспоминаю Я о недавнихъ жестокостяхъ и преступленіяхъ, совершенныхъ многими изъ васъ надъ беззащитнымъ христіанскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова. Міръ не можетъ забыть этихъ ужасовъ; но русская власть не станетъ вымещать на всѣхъ васъ совершенныя вашими единовѣрцами преступленія. Справедливому, правильному и безпристрастному суду подвергнутся лишь тѣ немногіе злодѣи, имена которыхъ извѣстны были и вашему правительству, оставившему ихъ безъ должнаго наказанія. А вы—признайте чистосердечно судъ Божій, надъ вами безповоротно совершающійся. Смиренно покоритесь Его святому предопредѣленію. Подчинитесь безусловно законнымъ требованіямъ тѣхъ властей, которыя, съ появленіемъ войска Моего, будутъ установлены. Исполняйте ихъ приказанія безпрекословно. Сдѣлайтесь мирными гражданами общества, готоваго даровать и вамъ всѣ блага правильно устроенной гражданской жизни. Ваша вѣра останется неприкосновенною; ваша жизнь и достояніе, жизнь и честь вашихъ семействъ, будутъ свято охраняемы.

«Христіане Болгаріи! Вы переживаете нынѣ дни для васъ приснопамятные. Пробилъ часъ освобожденія вашего отъ мусульманскаго безправнаго гнета. Явите же во-очію міра высокій примѣръ взаимной христіанской любви. Забудьте старыя домашнія распри; строго уважая законныя права каждой народности, какъ братья по вѣрѣ, соединитесь въ общемъ единодушномъ чувствѣ дружества и согласія, безъ котораго ничего прочнаго не создается. Сплотитесь твердо подъ сѣнью русскаго знамени, побѣды котораго уже столько разъ оглашали Дунай и Балканы.

Содѣйствуя успѣхамъ русскаго оружія, помогая ему усердно всѣми вашими силами, всѣми зависящими отъ васъ средствами, вы будете служить вашему собственному дѣлу—дѣлу прочнаго возрожденія Болгарскаго края.

«По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ подвигаться во внутрь страны, турецкія власти будутъ замѣняемы правильнымъ управленіемъ. Къ дѣятельному участію въ немъ будутъ немедленно призваны мѣстные жители, подъ высшимъ руководствомъ установленной для сего власти; а новыя болгарскія дружины послужатъ ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ охраненію всеобщаго порядка и безопасности. Готовностью честно служить своей родинѣ, безкорыстіемъ и безпристрастіемъ въ исполненіи этого высокаго служенія, докажите вселенной, что вы достойны участи, которую Россія столько лѣтъ съ такимъ трудомъ и пожертвованіями для васъ готовила. Слушайтесь русской власти, исполняйте въ точности ея указанія. Въ этомъ ваша сила и спасеніе.

«Смиренно молю Всевышняго,—да даруетъ намъ одолѣніе надъ врагами христіанства, и да ниспошлетъ свыше благословеніе Свое на правое дѣло. Александръ».

Когда переписанное мною воззваніе было принесено къ государю, его снова прочли въ присутствіи лицъ, собравшихся на совѣщаніе; тамъ были государь наслѣдникъ цесаревичъ, главнокомандующій, великій князь Владиміръ Александровичъ, канцлеръ, военный министръ, генералъ Непокойчицкій, князь Черкаскій и баронъ Жомини. Выслушавъ чтеніе, князь Горчаковъ, думая, что это прокламація въ исправленномъ ея министерствомъ видѣ, сказалъ: «Вотъ теперь прокламація вполнѣ хороша». Н. П. Игнатьевъ не оставилъ его въ этомъ заблужденіи: «Вы, ваше сіятельство, ошибаетесь,—сказалъ онъ,—въ прочитанной прокламаціи нѣтъ ни одного слова вашего; вы въ своей написали о конституціи и еще о чемъ-то, все это выброшено».

По прочтеніи прокламаціи поведена была рѣчь о задачахъ нашего управленія въ Болгаріи, и князь Черкаскій подробно изложилъ свой планъ дѣйствій, резюмируя его въ краткихъ словахъ: «я желаю только устроить сильную администрацію, водворить порядокъ и предоставить массѣ населенія возможность улаживать свои общественныя и частныя дѣла, при торжествѣ новыхъ христіанскихъ принциповъ управленія; все остальное полагалъ бы предо-

ставить самому болгарскому народу, который потомъ разберется въ финансовыхъ, судебныхъ и другихъ дѣлахъ; чѣмъ меньше мы предрѣшимъ въ этомъ смыслѣ, тѣмъ меньшая ляжетъ на насъ отвѣтственность за несовершенное устройство того или другаго. Во время войны, всѣ средства Болгаріи должны быть употреблены на обезпеченіе потребностей войскъ, а въ будущемъ связь ея съ Россіей—Освободительницей должна быть основана на соотвѣтственныхъ высшихъ соображеніяхъ, а не на мелочномъ и надоѣдливомъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла».

— Я именно этого и желаю,—замѣтилъ государь.

Съ своей стороны Д. А. Милютинъ высказалъ при этомъ случаѣ, что представлявшіяся ему дотолѣ недоразумѣнія пали сами собою. По поводу испрошенія разрѣшенія примѣнить ко вновь организуемымъ въ Болгаріи учрежденіямъ наши туркестанскіе штаты, онъ опасался, чтобы мы не увлеклись примѣромъ и не задумали вводить за Дунаемъ что-либо въ родѣ туркестанскаго положенія.

Такимъ образомъ, соображенія князя Черкаскаго по управленію краемъ удостоились торжественнаго государева одобренія, выразившагося не только на словахъ, въ присутствіи военныхъ властей арміи, но и въ многозначительномъ письменномъ актѣ—воззваніи къ болгарамъ.

На болгарскій языкъ воззваніе было переведено Н. Г. Геровымъ, нашимъ вице-консуломъ въ Филиппополѣ, а на турецкій—первымъ драгоманомъ посольства Мокѣевымъ. На слѣдующій день русскій и болгарскій тексты были напечатаны, а турецкій переписанъ студентомъ миссіи Вурцелемъ и отлитографированъ.

Воззваніе государя всюду произвело отличное впечатлѣніе. По поводу его И. С. Аксаковъ прислалъ князю Черкаскому телеграмму отъ 30-го іюня н. с. «Ждалъ оказіи, чтобы написать вамъ. Не дождавшись хочу, хотя телеграфомъ, привѣтствовать васъ душевно съ великой исторической работой, которую вы начинаете на благо Россіи и славянства. Прокламація болгарамъ подвигла меня всею свѣтлою радостью. Да благословится вашъ трудъ. Аксаковъ».

Для гражданскаго управленія воззваніе имѣло чрезвычайное значеніе. По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ подвигаться

во внутрь страны, турецкія власти будутъ замѣнены правильнымъ управленіемъ. Мѣстные жители призывались «къ дѣятельному въ немъ участію». Болгарскія дружины прямо названы «ядромъ мѣстной болгарской силы, предназначенной къ сохраненію всеобщаго порядка и безопасности». Всѣ эти выраженія давали существованію гражданскаго управленія новую высочайшую санкцію и краснорѣчиво свидѣтельствовали, что оно предназначается государемъ для обезпеченія Болгарскому краю «всѣхъ благъ правильно устроенной гражданской жизни». Не менѣе ясно указывала она мѣстному населенію—христіанамъ и мусульманамъ—на ихъ обязанности къ русскимъ войскамъ и властямъ и на степень охраны, которую они получатъ отъ вводимаго русскаго управленія. Это воззваніе точно опредѣляло обязанности обѣихъ сторонъ, и изъ него гражданское управленіе могло смѣло черпать непреложныя свидѣтельства въ подтвержденіе своихъ домогательствъ и представленій.

Прокламація была напечатана въ двадцати тысячахъ экземпляровъ, съ которыми произошелъ неожиданный курьезъ. Тюки съ тысячами печатныхъ листовъ были переданы изъ гражданской канцеляріи въ полевой штабъ, на обязанности котораго лежала разсылка ихъ въ войска, съ предписаніемъ корпуснымъ командирамъ немедленно публиковать прокламацію во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ появятся наши войска. Войска перешли черезъ Дунай, а разсылкой прокламацій не спѣшили; кучи ихъ небрежно валялись въ штабѣ въ Плоэшти, и объявлять ее никто не думалъ. Еще 21-го іюня штабы 8-го и 12-го корпусовъ, какъ мнѣ и князю Черкаскому передавали: командиръ 8-го корпуса, генералъ Радецкій, и начальникъ штаба 12-го корпуса, генералъ Косычъ,—не имѣли ни одного экземпляра воззваній. 23-го іюня, когда государю императору угодно было отпустить изъ Зимницы взятыхъ въ плѣнъ баши-бузуковъ, онъ приказалъ снабдить ихъ нѣсколькими экземплярами прокламаціи на турецкомъ языкѣ,—«пусть объявятъ ихъ въ своихъ селеніяхъ». Но прокламацій въ Зимницкомъ отдѣленіи штаба не оказалось. Выручилъ драгоманъ Мокѣевъ; у него оказалось нѣсколько экземпляровъ такой прокламаціи, и онъ снабдилъ ими отпускавшихся по домамъ турокъ. Хотя сообщаемые выше факты, занесенные въ мой дневникъ (подъ 25-мъ іюня), безусловно вѣрны, но тѣмъ не менѣе можно предста-

вить болѣе вѣское подтвержденіе, чѣмъ ссылка на мой дневникъ. Военный министръ, въ письмѣ отъ 15-го іюля 1877 г. къ князю Черкаскому изъ Бѣлы, гдѣ стояла тогда Императорская квартира,— пишетъ между прочимъ [1]): «До сихъ поръ окрестные жители не видали даже прокламаціи». Возникалъ было вопросъ объ изданіи новой прокламаціи.

Затѣмъ князь Черкаскій имѣлъ случай высказаться и на счетъ политической стороны дѣла на второмъ совѣщаніи, бывшемъ 30-го мая.

На этомъ совѣщаніи предположено было читать дипломатическую переписку, а именно депешу графа Шувалова съ предложеніями лондонскаго двора. На совѣщаніи присутствовали: государь императоръ, наслѣдникъ цесаревичъ, великій князь Владиміръ Александровичъ, главнокомандующій, военный министръ, канцлеръ, Н. П. Игнатьевъ, генералъ Непокойчицкій и князь Черкаскій. Государь открылъ засѣданіе напоминаніемъ, что на послѣднемъ совѣщаніи въ Петербургѣ положено было отвѣчать англичанамъ отказомъ на ихъ предложеніе о мирномъ улаженіи дѣла, и вотъ теперь Шуваловъ отвѣчаетъ о послѣдовавшихъ его переговорахъ съ маркизомъ Салисбюри. Князь Александръ Михайловичъ, добавилъ государь, прочтетъ намъ депешу Шувалова.

Чтеніе началось. Различныя выраженія депеши Шувалова вызвали нѣсколько замѣчаній Д. А. Милютина и Н. П. Игнатьева, удивлявшихся тому, что дѣло было направлено въ Лондонѣ не совсѣмъ согласно съ тѣмъ, что говорилось въ Петербургѣ. Канцлеръ охотно прерывалъ чтеніе и допускалъ возраженія, какъ будто бы надѣясь, что все ими и кончится, и чтеніе депеши графа Шувалова не будетъ окончено. Но этого не случилось, ее дочитали. Въ ней графъ Шуваловъ извѣщалъ, что Англія предлагаетъ намъ согласиться на предложенія о мирѣ, если таковыя послѣдуютъ со стороны Турціи, и покончить недоразумѣнія: 1) образованіемъ вассальнаго Болгарскаго княжества къ сѣверу отъ Балканъ, и 2) устройствомъ за Балканами автономной провинціи на основаніяхъ, выработанныхъ константинопольскою конференціей.

---

[1]) Письмо это цѣликомъ напечатано ниже въ гл. IX.

По прочтеніи депеши, наслѣдникъ цесаревичъ заявилъ, что для разъясненія встрѣчаемыхъ недоразумѣній, высказанныхъ Д. А. Милютинымъ и Н. П. Игнатьевымъ, было бы желательно ознакомиться съ тою нотою канцлера, на которую отвѣчалъ графъ Шуваловъ, и которая должна была передать нашему послу сущность послѣдняго петербургскаго совѣщанія. Ноту прочитали, и содержаніе ея дало возможность наслѣднику цесаревичу констатировать, что сообщеніе канцлера недостаточно ясно излагало то, что было рѣшено въ засѣданіи у государя въ Петербургѣ, и нѣкоторымъ образомъ давало поводы предположенію, что Россія согласится на устройство Болгаріи только до Балканъ.

Затѣмъ началось обсужденіе англійскаго предложенія, которое почиталось канцлеромъ за вполнѣ удовлетворительное и подлежащее принятію. Государь, зная мнѣнія прочихъ членовъ совѣщанія, обсуждавшихъ уже прежде это дѣло въ его присутствіи, предложилъ князю Черкаскому высказать и его соображенія.

Князь Черкаскій началъ съ того, что въ настоящее время вопросы о проливахъ и Константинополѣ отпадаютъ, такъ какъ о проливахъ дѣло впереди, а что касается до Константинополя, то если великій князь главнокомандующій и введетъ туда русскія войска, то безъ сомнѣнія не оставитъ города за собою, потому что для Россіи выгоднѣе, чтобы Царьградъ былъ въ рукахъ слабаго султана, находящагося у насъ даже въ нѣкотораго рода вассальной зависимости.

За симъ все подлежащее теперь обсужденію сводится только къ опредѣленію границъ Болгаріи. Неистовства, вызвавшія войну, были совершены въ южной Болгаріи, а свободу предлагаютъ дать — сѣверной. Сѣверная Болгарія страна бѣдная, забитая; южная — богатая и болѣе интеллигентная: изъ нея и изъ Габрово пошло все движеніе. И она-то ничего не получитъ! Обѣ части Болгаріи не будутъ неудовлетворены такимъ рѣшеніемъ: сѣверная своею малостью, южная оставленіемъ подъ гарантіями Европы, приведшими къ войнѣ. Обѣ будутъ подбивать другъ друга, оставаясь подъ вліяніемъ одного экзархата. Англія не преминетъ сказать южнымъ болгарамъ: «идите къ намъ, вы видите, что русскіе ничего для васъ не сдѣлали». Болгары, — закончилъ свою рѣчь князь Черкаскій, — желаютъ

сами хотя меньше правъ, но для Болгаріи объединенной, а не распластанной.

Въ этомъ же смыслѣ высказались цесаревичъ, главнокомандующій, Д. А. Милютинъ и Н. П. Игнатьевъ. Поэтому было рѣшено отвѣчать отказомъ на новое англійское предложеніе.

Въ разговорѣ послѣ сего совѣщанія князь Черкаскій имѣлъ случай сказать государю: «всѣ говорятъ о мирѣ; слушайте все, государь, и идите впередъ, вотъ мое мнѣніе»[1]).

На слѣдующій день, 31-го мая, князь Черкаскій былъ приглашенъ къ столу государя. Эти совѣщанія, а потомъ доклады по финансовымъ дѣламъ, одобренные государемъ, подняли духъ князя и исполнили его рѣшимостью дѣлать свое дѣло, не обращая вниманія на возрастающее къ нему нерасположеніе военныхъ властей.

Говоря о политическихъ совѣщаніяхъ въ главной квартирѣ, нельзя не занести на страницы нашего разсказа анекдота, слышаннаго мною отъ Н. П. Игнатьева (дневникъ 2-го іюня) и показывающаго всю недостаточность свѣдѣній нѣкоторыхъ изъ нашихъ дипломатовъ. Князь Горчаковъ не хотѣлъ войны, громко говорилъ объ этомъ и всѣми мѣрами старался избѣжать ея, довольствуясь самыми ничтожными уступками со стороны Турціи. Вотъ почему онъ не былъ доволенъ результатами совѣщанія 30-го мая, и неудовольствіе его выразилось и въ рѣчахъ его присныхъ. Жомини, разговаривая съ Н. П. Игнатьевымъ, упрекалъ его въ ничѣмъ не оправдываемомъ стремлеленіи занять всю Болгарію, когда сами болгары думаютъ объ одной только сѣверной ея части.

— Кто вамъ говорилъ это?—спросилъ Н. П. Игнатьевъ.

---

[1]) Подробности о всемъ происходившемъ на совѣщаніи 30-го мая взяты мною изъ моего дневника, гдѣ, подъ днемъ 4-го іюня, записаны были со словъ князя. Впослѣдствіи, на поляхъ той же страницы дневника, мною было приписано: „28-го іюля въ Тырновѣ, князь Черкаскій вновь разсказывалъ мнѣ это дѣло и совершенно такъ, какъ прежде. Наканунѣ князь Черкаскій былъ у князя Горчакова, который, хвастаясь по своему обычаю, между прочимъ, сказалъ: „я говорилъ государю, что у него много cuisiniers и оттого дѣло не спорится, пусть возьметъ меня въ мармитоны и рѣшаетъ это дѣло самъ, не слушая болѣе никого. Хорошо я вывелъ дѣло въ 1863 г. по Царству Польскому, также все обдѣлаю и теперь. И такъ уже не будетъ болѣе совѣщаній“. А какъ разъ на другой день таковое состоялось“.

— Геровъ.

— Что-то не такъ, вѣдь Геровъ самъ изъ Филиппополя, который хочетъ сдѣлать столицею Болгаріи, возможно ли, чтобы онъ отдавалъ его туркамъ?

— Да развѣ Филиппополь на южной сторонѣ? я думалъ, что онъ на сѣверной,—отвѣтилъ Жомини [1]).

По поводу дипломатовъ слѣдуетъ сдѣлать еще одно небольшое отступленіе. Всѣ чины министерства иностранныхъ дѣлъ, поступавшіе въ распоряженіе гражданскаго управленія, приглашены были, къ концу мая, собраться въ Бухарестѣ, куда постепенно и съѣзжались тѣ, которые съ мѣстъ своей службы отправились за границу. Другіе же, выѣхавшіе въ Румынію или бывшіе въ Петербургѣ, по дорогѣ къ сборному пункту являлись въ главную квартиру въ Плоэшти и даже въ Кишиневъ, гдѣ представлялись князю Черкаскому и приглашались по пріѣздѣ въ Бухарестъ помочь коммиссіи полковника Л. Н. Соболева въ составленіи «Матеріаловъ для изученія Болгаріи», что̀ нѣкоторые и сдѣлали.

Личное знакомство съ прибывавшими въ Кишиневъ и Плоэшти дипломатами и свѣдѣнія, полученныя о ихъ службѣ и личномъ характерѣ оффиціальнымъ путемъ, привели князя Черкаскаго къ нѣкоторому разочарованію. Онъ убѣдился, что въ личномъ составѣ консульскаго корпуса онъ хотя и получитъ цѣлую группу благонадежныхъ и добросовѣстныхъ чиновниковъ, но не найдетъ между ними ни одного выходящаго изъ ряду дѣятеля, способнаго быть руководителемъ. Они какъ бы заранѣе обрекались на роль подчиненную. Этимъ объясняется, между прочимъ, легкость, съ которою, не видавъ еще всѣхъ своихъ новыхъ сослуживцевъ, онъ большую часть ихъ передалъ въ распоряженіе корпусныхъ командировъ.

Чины консульскаго корпуса, въ свою очередь, только по пріѣздѣ въ Бухарестъ, узнавали, сперва объ особой организаціи граж-

---

[1]) Анекдотъ этотъ заслуживаетъ полнаго вѣроятія. Во время Берлинскаго конгресса я самъ слышалъ отъ очень высокопоставленныхъ лицъ еще болѣе невѣроятныя географическія ошибки высказанныя ими не между своими, а оффиціально передъ посторонними.

данскаго управленія, а потомъ и о той второстепенной дѣятельности, которая выпадала на ихъ долю. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ они подпадали подъ вліяніе различныхъ неблагопріятныхъ слуховъ, вѣрнѣе сплетень, доходившихъ изъ главной квартиры. Только этимъ можно объяснить, что они, не зная еще ничего о дѣйствіяхъ гражданскаго управленія и не видя никакихъ его представителей, кромѣ членовъ коммиссіи полковника Соболева, энергически, но скромно работавшей въ Бухарестѣ — рѣшительно возстали противъ этого, едва возникавшаго учрежденія. Не познакомясь еще съ новымъ своимъ начальникомъ и не зная ничего о взглядѣ Н. П. Игнатьева на ихъ раскомандированіе по корпусамъ, собравшіеся въ Бухарестѣ чины консульскаго корпуса были въ значительной степени предубѣждены противъ князя Черкаскаго и отнеслись къ нему враждебно.

Первое свиданіе князя Черкаскаго съ дипломатами состоялось въ Бухарестѣ 8-го іюня.

Оставаясь въ Плоэшти для подготовленія распоряженій по командировкѣ этихъ чиновъ въ корпуса, я не былъ очевидцемъ свиданія 8-го іюня, но въ тотъ же день вечеромъ, по пріѣздѣ моемъ въ Бухарестъ, узналъ о подробностяхъ пріема съ разныхъ сторонъ: отъ самого князя Черкаскаго и отъ другихъ лицъ. Все тогда мною слышанное записано въ моемъ «Дневникѣ» подъ 10-мъ числомъ іюня.

Представляясь, каждый по одиночкѣ, чины консульскаго корпуса, на задаваемые имъ вопросы, отвѣчали, что собираніемъ о краѣ историческихъ, статистическихъ и другихъ свѣдѣній они не занимались; никакихъ записокъ ни по собственной иниціативѣ, ни по порученію министерства, не составляли и нынѣ затрудняются представленіемъ какихъ-либо очерковъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ проживали по службѣ, иногда очень продолжительное время.

Объяснивъ имъ, что они, по волѣ главнокомандующаго и по ближайшему соглашенію съ Н. П. Игнатьевымъ, распредѣляются по корпусамъ и что характеръ ихъ дѣятельности опредѣленъ особою инструкціей, князь Черкаскій высказалъ полную надежду, что они окажутъ начальникамъ войскъ существенную помощь своими

знаніями обычаевъ населенія и знакомствомъ съ мѣстнымъ административнымъ устройствомъ края. Для лучшаго успѣха и единства дѣйствій, особенно по вопросу объ обращеніи въ русскую казну денежныхъ средствъ, собиравшихся турками съ населенія, онъ предложилъ имъ образовать изъ себя коммиссію и выработать сообща записку о податяхъ въ такомъ видѣ, чтобы изъ нея каждый военный начальникъ въ санджакѣ и казѣ могъ ясно видѣть, когда, къ кому и съ какимъ именно требованіемъ по этому дѣлу слѣдуетъ обратиться. Кромѣ того, онъ считалъ необходимымъ, чтобы они, пользуясь до разъѣзда по корпусамъ пребываніемъ въ Бухарестѣ, вошли въ сношенія съ полковникомъ Соболевымъ и возможно скорѣе составили и отпечатали для самыхъ первыхъ справокъ — списокъ населеннымъ пунктамъ Дунайскаго вилайэта. Предсѣдательство въ коммиссіи поручалось старшему въ чинѣ дѣйствительному статскому совѣтнику Петковичу, которому было замѣчено, что его болгарское происхожденіе заранѣе обезпечиваетъ горячую съ его стороны поддержку этому дѣлу. Рекомендовалось дѣйствовать быстро, потому что распоряженія о переходѣ черезъ Дунай могли послѣдовать въ самомъ непродолжительномъ времени.

Предложеніе это встрѣтило неожиданныя возраженія г. Петковича. Онъ не считалъ удобнымъ предсѣдательствовать въ коммиссіи, составленной изъ его товарищей, и не видѣлъ возможности настаивать на участіи ихъ въ такой работѣ, которая была для нихъ затруднительна и отъ которой они уже отказались по одиночкѣ, сославшись на свое незнакомство съ подобнаго рода занятіями.

«Желаете вы, господа, работать или нѣтъ, — отвѣчалъ князь Черкаскій, до этого мнѣ нѣтъ дѣла; я передалъ вамъ повелѣніе главнокомандующаго, а также мои указанія и полагаю, что вы должны ихъ исполнить и исполните. Завтра вы получите всѣ бумаги о вашей командировкѣ и копіи съ инструкціи, а теперь позвольте проститься, — у меня масса другихъ занятій, не терпящихъ отлагательства. Честь имѣю кланяться».

Вслѣдъ затѣмъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Петковичъ пришелъ къ князю Черкаскому съ письмомъ, въ которомъ, ссылаясь на болѣзнь глазъ и невозможность оттого работать, просилъ осво-

бодить его отъ предсѣдательствованія въ коммиссіи и даже отъ всякихъ въ ней занятій.

Князь Черкаскій немедленно принялъ его и, прочитавъ письмо, отвѣчалъ, что если онъ не желаетъ работать, отговариваясь болѣзнью, то онъ его не удерживаетъ, тѣмъ болѣе, что до сего времени имъ ничего не сдѣлано; что въ немъ лично рѣшительно нѣтъ никакой нужды и безъ него совершенно возможно обойтись. Но онъ потребуетъ, чтобы г. Петковичъ возвратилъ полученныя имъ подъемныя деньги и путевыя пособія, и о всемъ происшедшемъ доложитъ великому князю главнокомандующему и государю, доведя до ихъ свѣдѣнія о такомъ совершенно неожиданномъ и необъяснимомъ для него дѣйствіи г. Петковича. Отвѣтъ этотъ былъ высказанъ съ горячностью и не безъ раздраженія.

Г-нъ Петковичъ, выслушавъ отповѣдь и увидя, что всѣ послѣдствія инцидента обращаются лично противъ него, быстро передумалъ и просилъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами возвратить письмо, обѣщая, что онъ станетъ заниматься въ коммиссіи. Письмо возвращено не было, а г. Петковичъ получилъ приказаніе работать въ качествѣ члена коммиссіи, предсѣдательство же въ ней передано старшему по немъ статскому совѣтнику Лаговскому, бывшему консулу въ Кандіи. Впослѣдствіи (приказъ по гражданскому управленію 11-го іюля 1877 г., № 29) г. Петковичъ былъ отчисленъ отъ гражданскаго управленія — «при этомъ его высочеству благоугодно было повелѣть, чтобы полученныя г. Петковичемъ подъемныя деньги и единовременное пособіе было удержано изъ слѣдующей ему курьерской дачи». Случай такого удержанія пособій былъ единственнымъ и ни съ кѣмъ болѣе не повторялся.

9-го іюня всѣ консульскіе чины были у меня, въ томъ числѣ и г. Петковичъ. Они казались смущенными происшедшимъ наканунѣ и выражали полную готовность работать. Однако записки о податяхъ они не составили, такъ какъ, въ виду совершившагося 15-го іюня перехода черезъ Дунай, они должны были поспѣшить къ мѣстамъ своего назначенія. Попеченіемъ и распорядительностью почти одного А. Е. Лаговскаго изданъ былъ 5-й выпускъ «Матеріаловъ для изученія Болгаріи», состоявшій впрочемъ изъ готовыхъ уже таблицъ. Въ предисловіи къ этому выпуску, въ числѣ лицъ, соста-

влявшихъ коммиссію, показанъ и г. Петковичъ, вторымъ послѣ Лаговскаго.

Разсказанное столкновеніе завѣдывающаго гражданскою частью съ консульскими чинами, съ разными прибавленіями и преувеличеніями, быстро стало извѣстнымъ въ главной квартирѣ и послужило первымъ поводомъ къ обвиненію князя Черкаскаго въ нелюбезномъ обращеніи съ подчиненными. Обвиненіе это, какъ снѣжный комъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше росло и впослѣдствіи приняло чудовищные размѣры, причиняя князю Черкаскому много непріятностей и много вреда.

Занося въ свое изслѣдованіе разсказъ объ этомъ случаѣ и находя его весьма прискорбнымъ, я не могу не замѣтить, что назначеніемъ консульскихъ чиновъ къ корпуснымъ командирамъ, даннымъ по соглашенію съ Н. П. Игнатьевымъ, князь Черкаскій имѣлъ въ виду одну лишь пользу дѣла и, само собою, не желалъ причинить имъ какое-либо огорченіе, тѣмъ болѣе, что въ то время въ его распоряженіи не было никакихъ другихъ чиновъ, которые могли бы быть посланы къ корпуснымъ командирамъ для установленія связи между гражданскимъ управленіемъ и войсками. Да еслибы и были свободные чины, то по неознакомленію ихъ съ краемъ едва-ли они могли быть столь же полезными, какъ дипломаты. Принявъ это порученіе и справедливыя указанія завѣдывающаго гражданскими дѣлами къ посильному исполненію—что въ сущности и было ими сдѣлано впослѣдствіи, — консульскіе чины начали бы свою дѣятельность по гражданскому управленію при совершенно нормальныхъ условіяхъ. Но они свой первый шагъ захотѣли отмѣтить какимъ-то, неудобопонятнымъ протестомъ и конечно сами повели къ прискорбному столкновенію, не вызванному никакими дѣйствіями противной стороны. Вполнѣ справедливо случай этотъ отнести къ послѣдствіямъ ихъ преднамѣренныхъ дѣйствій [1]).

Чтобы закончить эту главу, привожу разсказъ о странной манифестаціи противъ Краснаго Креста, произведенной какъ разъ во время блистательно удавшейся переправы черезъ Дунай. Князь Черкаскій, какъ главноуполномоченный отъ Общества Краснаго

[1]) См. гл. VIII о назначеніи губернаторами двухъ дипломатовъ: гг. Герова и Бѣлоцерковца.

Креста и распорядитель весьма значительными средствами, обильно стекавшимися на театръ войны со всѣхъ концовъ земли Русской, весьма дѣятельно приготовлялся къ несенію помощи раненымъ и былъ вполнѣ увѣренъ, что къ нему не преминутъ обратиться при первомъ же боѣ. Между тѣмъ его, со всѣми докторами, сестрами милосердія и запасами, къ переправѣ черезъ Дунай—не пригласили. Помощь раненымъ на мѣстѣ переправы несли лишь войсковые медицинскіе чины и хотя при этомъ случаѣ, равно какъ и во все остальное время войны, они дѣйствовали самоотверженно и дѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, но, разумѣется, уборка, осмотръ и перевязка раненыхъ шли бы несравненно удачнѣе, еслибы на помощь имъ былъ приглашенъ Красный Крестъ съ его богатыми средствами.

Въ началѣ ничто не предвѣщало такого оборота дѣлъ. Еще 8-го іюня, находясь въ Бухарестѣ, князь Черкаскій, оканчивая въ загородномъ дворцѣ Катричени свой докладъ главнокомандующему по гражданскимъ дѣламъ, получилъ отъ него предупрежденіе, что военныя дѣйствія скоро начнутся, и Красный Крестъ будетъ имѣть возможность, при переправѣ же черезъ Дунай, начать свое высокое служеніе арміи. Дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ, даны были ближайшія оффиціальныя указанія, и вечеромъ 10-го іюня князь Черкаскій съ первымъ летучимъ отрядомъ Краснаго Креста, составленнымъ изъ отборныхъ сестеръ милосердія Георгіевской Общины Е. П. Карцовой, братцевъ, докторовъ и уполномоченныхъ—вышелъ изъ Бухареста въ Александрію, чтобы быть оттуда направленнымъ къ пункту переправы. Ихъ дѣйствительно туда и направили, но уже послѣ переправы, когда дѣло было сдѣлано и нашихъ раненыхъ перевезли въ военный госпиталь, учрежденный въ Пятрѣ.

По какимъ соображеніямъ сдѣлано это—отвѣчать трудно. Говорили, что Красный Крестъ былъ какъ бы заарестованъ въ Александріи для того, чтобы предоставить военно-медицинскимъ учрежденіямъ главную работу, а ихъ докторамъ—первый случай отличиться. Но развѣ раненые частей, участвовавшихъ въ бою, могли миновать рукъ своихъ докторовъ? Да и кто могъ взять на себя дерзкую смѣлость заговорить о наградахъ и отличіяхъ отъ имени такой почтенной корпораціи, которая всю кампанію была примѣромъ высокаго самоотверженія и безкорыстное свое служеніе отечеству за-

печатлѣла десятками, если не сотнями смертей своихъ сочленовъ послѣдовавшихъ исключительно отъ непосильныхъ трудовъ, всяческихъ лишеній и наконецъ заразы на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ? Во всякомъ случаѣ, распоряженіе средствами Краснаго Креста принадлежало высшимъ властямъ арміи, и, стало быть, прежде всего на нихъ должна быть возложена отвѣтственность за то, что поданіе первой медицинской помощи раненымъ при переправѣ черезъ Дунай было произведено несравненно меньшимъ числомъ врачей, чѣмъ бы это было возможно и безъ всякаго притомъ участія сестеръ и братьевъ милосердія.

Слѣдуя въ то время отъ Бухареста къ Зимницѣ, походнымъ порядкомъ съ полевыми управленіями главной квартиры главнокомандующаго, я не былъ при переправѣ, а потому и не могу описать впечатлѣнія, которое произвела эта манифестація на членовъ Краснаго Креста и на всѣхъ вообще благоразумныхъ людей. По отзывамъ очевидцевъ, оно было сильное, возбудило въ личномъ составѣ Краснаго Креста безмѣрное негодованіе и неудержимое желаніе реванша. Въ Зимницѣ, какъ разъ напротивъ бивака обѣихъ главныхъ квартиръ, всего черезъ ширину только улицы, то-есть въ разстояніи какихъ-нибудь двадцати шаговъ, немедленно открытъ былъ лазаретъ Краснаго Креста во дворѣ какого-то румына. Домикъ хозяина пошелъ подъ аптеку, докторовъ и сестеръ милосердія, для раненыхъ раскинутъ прекрасный шатеръ, а сбоку его устроена паровая кухня. Порядокъ образцовый, средствъ — непочатый край, уходъ со стороны жаждавшихъ работы докторовъ и сестеръ милосердія, разумѣется, идеальный... Недоставало только раненыхъ, но и они нашлись. На поиски за ними отправлены были всюду «братцы», и, при ихъ содѣйствіи, удалось къ 20 іюня собрать восемь человѣкъ солдатъ, въ томъ числѣ одного матроса; послѣ стали подвозить и раненыхъ турками братушекъ. Матросъ гвардейскаго экипажа, Лопатинъ, былъ разысканъ братцами гдѣ-то, вблизи мѣста переправы, въ кустахъ и камышахъ, 20-го іюня, т. е. на шестой день послѣ боя, въ самомъ жалкомъ положеніи. Водвореніе его въ баракѣ Краснаго Креста было торжествомъ для одной и большимъ конфузомъ для другой стороны. 21-го іюня докторъ Поповъ сдѣлалъ ему перевязку, послѣ очистки ранъ.

Баракъ Краснаго Креста обратилъ на себя общее вниманіе. Государь и главнокомандующій, со свитою и иностранными военными агентами, ежедневно посѣщали его, иногда и по два раза въ день и ознакомились вполнѣ съ богатствами Краснаго Креста. Впослѣдствіи военныя власти устроили такой же показной госпиталь при главной квартирѣ въ Горномъ Студнѣ. Что касается до Краснаго Креста, то... его снова не пригласили подъ Никополь, но затѣмъ онъ работалъ всюду, гдѣ было можно, и уже не для показу... Заслуги его госпиталей, врачей, сестеръ милосердія и уполномоченныхъ извѣстны всей Россіи, да и въ цѣломъ мірѣ.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

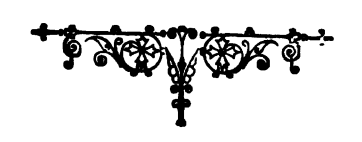
Желѣзная трость А. С. Пушкина.

Въ газетѣ «Новости» (декабрь, 1887 г. № 342. Русская печать), сообщено: «Въ Одесскій листокъ исторіи и древностей передана на дняхъ М. Г. Тройницкимъ желѣзная трость, принадлежавшая Александру Сергѣевичу Пушкину. Извѣстно, что знаменитый поэтъ постоянно ходилъ съ этой тростью во время своего пребыванія въ Одессѣ. По отъѣздѣ его отсюда, слѣды трости затерялись, и до настоящаго времени неизвѣстно было, гдѣ и у кого она находится. Въ прошломъ году, совсѣмъ неожиданно, Н. Г. Тройницкому посчастливилось получить ее отъ Ивана Мартыновича Донцова, который болѣе тридцати лѣтъ сохранялъ у себя эту завѣтную трость. И. М. Донцову она оставлена была покойнымъ Ягницкимъ. Къ Ягницкому трость перешла отъ состоявшаго нѣсколько лѣтъ на службѣ въ Одессѣ поэта А. И. Подолинскаго; а къ послѣднему отъ бывшаго профессора Московскаго университета поэта А. Мерзлякова, проживавшаго нѣкоторое время здѣсь же въ Одессѣ въ 1825 или 1826 году».

Въ этой передачѣ трости А. С. Пушкина изъ рукъ въ руки есть показаніе положительно невѣрное, а именно: будто трость Пушкина передана профессоромъ Мерзляковымъ А. И. Подолинскому въ 1825 или 1826 году. А. И. Подолинскій не былъ въ Одессѣ ни въ 1825, ни въ 1826 году; онъ пріѣхалъ въ Одессу только въ 1831 году, когда профессора Мерзлякова уже не было въ живыхъ. О пріѣздѣ Подолинскаго въ Одессу только въ 1831 году свидѣтельствуетъ самъ Подолинскій въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 г. стр. 861, въ статьѣ, касающейся невѣрныхъ о немъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

P.S. Профессоръ А. Ф. Мерзляковъ умеръ 26 іюля 1830 года въ Сокольницкой слободѣ. Сомнительно даже, былъ ли А. И. Подолинскій знакомъ съ профессоромъ Мерзляковымъ. Подолинскій не проживалъ въ Москвѣ, не имѣлъ никакихъ сношеній ни съ московскими литераторами, ни съ профессорами Московскаго университета и не участвовалъ ни въ журналахъ, ни въ литературныхъ сборникахъ, издававшихся въ Москвѣ.

Сообщ. **Андрей Цимбалистовъ**.

Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка.

IV [1]).

Болѣзнь Анны Іоанновны.—Ея предсмертныя распоряженія.—Роль Бестужева въ дѣлѣ назначенія Бирона регентомъ. — Смерть Анны Іоанновны. — Неудовольствіе Анны Леопольдовны и герцога Брауншвейгскаго.—Допросъ герцога Бирономъ.—Заблужденіе Бирона на счетъ положенія дѣлъ.—Арестъ его Минихомъ.—Отставка Миниха.—Причины ея.—Вѣроломство Бестужева.—Ссылка Бирона въ Пелымь.—Вступленіе на престолъ Елисаветы.

Между тѣмъ царица была серьезно больна; жизнь ея, видимо, близилась къ концу, но все еще не было рѣшено, къ кому перейдетъ послѣ нея престолъ, и всѣ съ тревогою задавали себѣ вопросъ, кто будетъ царствовать послѣ Анны Іоанновны.

По закону, изданному Петромъ I и все еще остававшемуся въ силѣ, царица имѣла право назначить себѣ преемника по своему усмотрѣнію. Если бы было принято во вниманіе желаніе народа, писалъ въ это время вновь назначенный англійскій посланникъ Финчъ (Finch), то выборъ царицы долженъ былъ пасть на принцессу Елисавету, которая пользовалась большою популярностью, и сама по себѣ, и какъ дочь Петра I, коего память русскій народъ чтилъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Однако общее мнѣніе было, что она назначитъ своею преемницею племянницу свою,

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1895 года.

принцессу Анну Мекленбургскую. Впрочемъ, все это были лишь однѣ догадки, какъ видно изъ депеши Финча отъ 1-го октября:

«Болѣзнь, которую врачи приняли за нарывъ въ чреслахъ царицы, оказывается»,—пишетъ онъ,—«не что иное, какъ свойственный ея полу критическій періодъ, но онъ сопровождается столь сильными припадками истеріи, что ея жизнь считаютъ въ величайшей опасности.

«Гр. Остерманъ, нѣсколько лѣтъ не переступавшій порога своего дома, по причинѣ своего болѣзненнаго состоянія, истиннаго или притворнаго, приказалъ перенести себя, вчера, во дворецъ, гдѣ онъ пробылъ до ночи и куда вновь отправился сегодня рано утромъ. Въ теченіе вчерашняго дня, онъ совѣщался съ кабинетъ-министрами и съ герцогомъ Курляндскимъ. Подъ вечеръ, императрица, все еще чувствуя себя плохо, послала за принцессой Анной и объявила ея высочеству намѣреніе назначить своимъ преемникомъ малолѣтняго принца Іоанна Антоновича, чтб чрезвычайно удивило эту принцессу, разстроивъ всѣ ея надежды. Высочайшее повелѣніе по этому поводу обнародовано сегодня утромъ: всѣ полки, въ томъ числѣ гвардія и гражданскіе чины разныхъ вѣдомствъ, немедленно присягнули, обязавшись поддерживать этотъ порядокъ престолонаслѣдія; духовенство, съ этою же цѣлью, собралось въ соборъ. Иностранцы будутъ присягать завтра».

Такимъ образомъ наслѣдникомъ престола былъ назначенъ младенецъ, бывшій еще въ колыбели. Но кто же назначался его опекуномъ, кому предоставлялось управлять государствомъ до его, столь отдаленнаго совершеннолѣтія? Объ этомъ императрица не обмолвилась ни словомъ и видимо даже не имѣла желанія высказывать въ этомъ случаѣ своей воли. На слѣдующій день, 2-го октября, герцогъ Курляндскій созвалъ, такъ говоритъ Финчъ, во дворецъ Бестужева, князя Черкаскаго, Миниха, Головкина, кн. Куракина, Ушакова, кн. Трубецкаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, словомъ, всѣхъ высшихъ сановниковъ и вельможъ, и сообщилъ имъ желаніе императрицы назначить своимъ преемникомъ Іоанна Антоновича. Собравшіеся просили герцога передать царицѣ ихъ просьбу высказать свое желаніе болѣе опредѣленно. Тогда они были призваны къ постели государыни, которая повторила имъ

заявленное ею наканунѣ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, не прибавивъ и не убавивъ ни слова.

Весьма вѣроятно, что герцогу Курляндскому было извѣстно, по поводу опеки и регентства, гораздо болѣе того, нежели онъ высказывалъ, такъ какъ онъ постоянно увѣрялъ, что ему объ этомъ ничего не извѣстно. Быть можетъ онъ и въ самомъ дѣлѣ не зналъ рѣшенія государыни, хотя это весьма невѣроятно. Онъ хотѣлъ быть опекуномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ регентомъ; царица, съ своей стороны, вѣроятно была не прочь предоставить ему эти званія, но герцогъ должно быть желалъ, чтобы назначеніе состоялось по волѣ народа; а можетъ быть царицу, нерѣшительную, какъ всѣ умирающіе, пришлось долго просить и уговаривать, — какъ бы то ни было, герцогъ устроилъ цѣлую комедію, поручивъ ея исполненіе своему довѣренному лицу, кабинетъ-министру Бестужеву.

Бестужевъ, какъ увидимъ, игравшій въ этомъ дѣлѣ весьма видную роль, былъ русскій по происхожденію; онъ родился въ Москвѣ въ 1693 г., но въ 1712 г. поступилъ на службу къ курфирсту Ганноверскому, который, по восшествіи на англійскій престолъ, тотчасъ назначилъ его своимъ представителемъ въ Петербургѣ. Въ 1718 г. Бестужевъ перешелъ на русскую службу и былъ назначенъ Петромъ I сопровождать герцогиню Курляндскую въ Митаву, въ званіи ея оберъ-камергера. Полагаютъ, что Биронъ обязанъ ему своей блестящей карьерой, и никто иной, какъ Бестужевъ, опредѣлилъ его секретаремъ къ герцогинѣ. Онъ не долго оставался при этомъ маленькомъ дворѣ. Въ 1720 г. онъ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ въ Копенгагенъ, гдѣ пробылъ до того момента, когда Биронъ вызвалъ его въ Россію, назначивъ кабинетъ-министромъ на мѣсто Волынскаго. Бестужевъ былъ человѣкъ ловкій, и герцогъ Курляндскій, питавшій къ нему величайшее довѣріе, не могъ найти лучшаго радѣтеля своихъ интересовъ.

«5-го октября,—говоритъ Финчъ въ своей депешѣ, написанной три недѣли спустя и вслѣдствіе этого вѣроятно еще болѣе обстоятельной, — когда кабинетъ-министры и высшіе сановники собрались во дворецъ, Бестужевъ открылся своему сотоварищу, князю Черкаскому, который пользовался большою властью въ совѣтѣ, и откровенно высказалъ ему свое мнѣніе о положеніи дѣлъ». Предоставимъ

слово англійскому резиденту, которому мы обязаны этими драгоцѣнными свѣдѣніями:

«Относительно опеки Бестужевъ высказалъ слѣдующее: чрезвычайно трудно, сказалъ онъ, избрать опекуновъ изъ семейства Іоанна Антоновича, или возложить управленіе государствомъ на нѣсколькихъ лицъ. Если хотятъ избрать опекуншей мать Іоанна Антоновича, то лучше немедленно провозгласить ее императрицею, ибо въ первомъ случаѣ она была бы облечена верховною властью и могла бы нарушить порядокъ престолонаслѣдія. Кромѣ того, можетъ случиться, что эта принцесса окажется характера мстительнаго и что она наслѣдовала своенравіе отца, который по всей вѣроятности не замедлитъ вернуться въ Россію и своимъ вліяніемъ на дочь можетъ вовлечь страну въ свои личныя распри и нарушить ея дружественныя отношенія къ Вѣнскому двору и къ большинству германскихъ князей, съ коими Россіи, при ея теперешнемъ положеніи, слѣдуетъ поддерживать дружелюбныя отношенія. Съ другой стороны, существуетъ опасность, чтобы дворы Вѣнскій и Берлинскій не пріобрѣли слишкомъ большаго вліянія на русское правительство, вслѣдствіе связей ея мужа, герцога Брауншвейгскаго, который приходится племянникомъ императору и зятемъ королю прусскому; большая разница подчиняться вліянію этихъ дворовъ или быть съ ними въ разладѣ; притомъ, принцесса Анна Леопольдовна совершенно незнакома съ дѣлами иностранныхъ державъ и Россіи. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Бестужевъ считалъ ее совершенно неспособною принять на себя и успѣшно справиться со столь тяжелою обязанностью. То же самое можно было сказать, по его мнѣнію, и о герцогѣ Брауншвейгскомъ, такъ что объ этомъ принцѣ также не могло быть и рѣчи. Что касается до учрежденія особаго совѣта, коему было бы предоставлено регентство, то всѣмъ извѣстно, что подобнаго рода учрежденіе противно, въ принципѣ, существующему въ Россіи образу правленія и самому духу русскаго народа, какъ это выяснилось на дѣлѣ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ, при восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны; по его мнѣнію, это было столь очевидно, что объ этомъ не было надобности распространяться. Высказавъ все это, Бестужевъ сталъ доказывать, что самое умѣстное было бы предоставить опеку надъ Іоанномъ

герцогу Курляндскому, который знакомъ съ дѣлами, вполнѣ преданъ насущнымъ интересамъ Россіи, занимаетъ высокое положеніе, дѣйствуетъ осмотрительно и въ то же время смѣло. Что касается его, Бестужева, то онъ вполнѣ убѣжденъ, что опекуномъ долженъ быть мужчина и никто иной, какъ герцогъ Курляндскій. Ежели его товарищъ, кабинетъ-министръ Черкаскій, раздѣляетъ его мнѣніе, сказалъ онъ, то имъ слѣдуетъ совмѣстно съ нѣкоторыми другими сановниками, попытаться уговорить императрицу, чтобы опекуномъ Іоанна былъ назначенъ герцогъ Курляндскій. Кн. Черкаскій изъявилъ свое согласіе, и они тотчасъ представили этотъ вопросъ на обсужденіе прочихъ членовъ совѣта, которые точно также согласились.

«Тогда Бестужевъ отправился къ герцогу Курляндскому, чтобы сообщить ему рѣшеніе совѣта и спросить его, приметъ ли онъ названіе регента, если Ея Величество, снизойдя къ ихъ покорнѣйшей просьбѣ, согласится возложить на него эту обязанность. Сначала герцогъ какъ будто колебался принять на себя столь отвѣтственную должность, которая, по его словамъ, была выше его силъ. Бестужевъ послалъ за кн. Черкаскимъ, который долженъ былъ присоединить свои просьбы, чтобы уговорить герцога. Бестужевъ нарочно говорилъ съ герцогомъ очень рѣзко, далъ ему понять, что онъ всѣмъ обязанъ Россіи и хотя изъ признательности не имѣетъ права оставить ее въ минуту бѣдствія, когда отъ него зависитъ оказать странѣ такую важную услугу, о чемъ его просятъ наиболѣе знатныя лица государства, тѣмъ болѣе, что съ благоденствіемъ и безопасностью Россіи тѣсно связано процвѣтаніе его собственныхъ владѣній; оказавъ услугу Россіи или предоставивъ ее собственнымъ силамъ, въ эту критическую минуту, онъ тѣмъ самымъ спасетъ или погубитъ самого себя. Наконецъ герцогъ Курляндскій согласился, чтобы совѣтъ поступалъ такъ, какъ будетъ признано наиболѣе соотвѣтственнымъ съ интересами страны; — это были его собственныя слова.

«На этомъ дѣло было покончено 5-го числа. На слѣдующій день Ея Величеству стало хуже, рано утромъ во дворецъ былъ вызванъ гр. Остерманъ, которому члены совѣта сообщили рѣшеніе, принятое ими наканунѣ относительно регентства, и просили его безъ

стѣсненія высказать свое мнѣніе по этому поводу, такъ какъ ими еще не было принято никакихъ окончательныхъ мѣръ. Его превосходительство хотѣлъ было, какъ я слышалъ, уклониться отъ необходимости высказать свое мнѣніе, говоря, что онъ, какъ иностранецъ, не можетъ рѣшить столь важнаго вопроса, который долженъ обсуждаться исключительно одними только русскими. Бестужевъ, находящійся съ нимъ не въ особенно хорошихъ отношеніяхъ, тотчасъ возразилъ на это, что его удивляютъ подобныя слова со стороны гр. Остермана, а равно и то обстоятельство, что онъ считаетъ себя иностранцемъ, тогда какъ онъ занималъ продолжительное время одну изъ первыхъ должностей въ имперіи и почти одинъ руководилъ всѣми государственными дѣлами, присовокупивъ, что по его мнѣнію графъ въ силу этого не только можетъ считаться русскимъ человѣкомъ, но стоитъ 20.000 русскихъ, что ему отнюдь не желаютъ навязывать мнѣніе совѣта, но хотятъ знать его собственный взглядъ на дѣло; а ежели онъ не намѣренъ высказать его, то какой толкъ совѣту отъ его присутствія на совѣщаніяхъ.

«Увидѣвъ изъ этихъ словъ, какой оборотъ приняло дѣло, гр. Остерманъ тотчасъ перемѣнилъ тонъ. Стараясь какъ-нибудь объяснить свой отвѣтъ, онъ заявилъ, что его не такъ поняли, что по его мнѣнію никто не можетъ быть регентомъ иначе, какъ герцогъ Курляндскій и что въ интересахъ Россіи нельзя было принять болѣе мудраго рѣшенія. Тогда его попросили составить два акта, изъ коихъ однимъ Іоаннъ Антоновичъ назначался бы наслѣдникомъ престола, а другимъ—регентство было бы предоставлено герцогу Курляндскому. Когда это было исполнено, то его попросили отнести оба документа Ея Величеству и представить ей второй актъ отъ имени всего совѣта, какъ выраженіе ихъ общихъ желаній.

«Графъ Остерманъ въ тотъ же день исполнилъ это порученіе. Ея Величество немедленно подписала въ его присутствіи актъ о престолонаслѣдіи, приложивъ къ оному государственную печать, что же касается втораго документа, то она пожелала оставить его у себя.

«Между тѣмъ положеніе царицы ухудшалось со дня на день. 11-го числа у нея былъ обморокъ, вызвавшій опасеніе въ ея близкой кончинѣ. Члены совѣта просили Остермана отправиться вто-

рично къ царицѣ и постараться узнать, подписанъ ли ею актъ о регентствѣ. Она отвѣчала ему, что всѣ распоряженія, касающіяся исполненія ея послѣдней воли и ея посмертныхъ желаній, будутъ найдены послѣ ея кончины. Тогда членами Верховнаго совѣта было предложено, чтобы всѣ сановники и всѣ лица до полковничьяго чина, раздѣлявшія ихъ взглядъ о регентствѣ, подписали актъ, коимъ они заявили бы свою готовность признать герцога Курляндскаго регентомъ во время малолѣтства Іоанна Антоновича, въ томъ случаѣ, если царица не сдѣлаетъ инаго распоряженія или не оставитъ никакого завѣщанія.

«Мнѣ кажется, что это предложеніе было сдѣлано не столько въ видахъ осторожности, сколько съ хитростью, ибо герцогъ конечно зналъ намѣренія Ея Величества, но онъ желалъ вѣроятно показать этимъ, что онъ назначенъ регентомъ не только по волѣ императрицы, но и по желанію знати.

«Въ тотъ же день, 11-го октября, три кабинетъ-министра, съ фельдмаршаломъ Минихомъ во главѣ, отправились, отъ имени Верховнаго совѣта къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ и предложили ей вопросъ, кому, по ея мнѣнію, болѣе всего надлежитъ быть регентомъ. Она предпочла бы не высказывать своего мнѣнія, но такъ какъ ей было подлинно извѣстно рѣшеніе совѣта, то она заявила наконецъ, что считаетъ таковымъ герцога Курляндскаго. По крайней мѣрѣ ея отвѣтъ былъ истолкованъ въ этомъ смыслѣ».

Финчъ сообщалъ все это 1-го ноября, безъ сомнѣнія на основаніи самыхъ точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній. Между тѣмъ какъ 18 октября онъ писалъ слѣдующее:

«Императрица скончалась вчера, 17 числа, въ ночь. Ея кончина сопровождалась столь ужасными страданіями, что даже люди, наиболѣе заинтересованные въ продленіи ея жизни, молили Бога избавить ее отъ этихъ мученій. Принцессы Елисавета и Анна простились съ нею за два часа до ея кончины; герцогъ Курляндскій былъ при ней до послѣдняго ея издыханія».

Въ депешѣ отъ 1-го ноября, изъ коей приведена такая пространная выдержка, Финчъ передаетъ въ подробности все происшедшее въ первыя минуты послѣ кончины государыни:

«На утро послѣ кончины Ея Величества Остерманъ и всѣ са-

новники собрались во дворецъ, куда прибыла и принцесса Анна съ герцогомъ Брауншвейгскимъ. Было предложено наложить печати на покои Ея Величества. Когда дошли до кабинета, въ которомъ хранились драгоцѣнности, то одна изъ горничныхъ государыни, состоявшая при ней много лѣтъ и пользовавшаяся ея довѣріемъ и расположеніемъ, объявила, что Ея Величество подписала, въ ея присутствіи, бумагу, поданную ей въ самомъ началѣ ея болѣзни Остерманомъ, и приказала ей спрятать эту бумагу въ кабинетѣ, подавъ ей отъ онаго ключи, которые и находились, съ того момента, постоянно у нея подъ изголовьемъ. Ея Величество при этомъ сказала ей, что бумага эта чрезвычайной важности, что она не должна никому говорить объ ней до кончины государыни и только тогда можетъ объявить, что эта бумага находится въ кабинетѣ; содержаніе бумаги ей неизвѣстно. Этотъ документъ дѣйствительно былъ найденъ въ кабинетѣ, онъ былъ вскрытъ, прочтенъ и обнародованъ по удостовѣреніи его подлинности со всѣми требуемыми формальностями».

Финчъ кончаетъ свою депешу отъ 18 октября слѣдующими словами:

«По утру того же дня, Остерманъ обнародовалъ завѣщаніе покойной царицы, коимъ герцогъ Курляндскій назначался регентомъ до достиженія Іоанномъ Антоновичемъ 17 лѣтняго возраста. Благодаря этому распоряженію, здѣсь все спокойно, ибо всѣ знаютъ, что Россіи не угрожаетъ ни малѣйшей опасности при управленіи человѣка, неоднократно доказавшаго свою мудрость и отвагу. Регенту принесена присяга, и регентство установилось такъ прочно, какъ только можетъ быть прочно только-что утвердившееся правительство».

Финчъ, недавно передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Россію, очевидно судилъ слишкомъ поспѣшно, и на основаніи однихъ внѣшнихъ фактовъ, да и вообще представлялъ себѣ тогдашнее положеніе Россіи въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что воля покойной царицы не встрѣтила ни въ комъ сопротивленія. Не было слышно даже ни малѣйшаго неодобренія. Принцесса Анна Леопольдовна была страшно обманута въ своихъ ожиданіяхъ; быть можетъ она даже раскаивалась, но слишкомъ

поздно, что не вышла замужъ за герцога Курляндскаго. Въ началѣ, она разсчитывала, что престолъ перейдетъ къ ней, а затѣмъ утѣшалась мыслію, что, въ качествѣ опекунши сына, она будетъ управлять государствомъ во время его дѣтства. Какъ ни была велика ея злоба противъ Бирона, котораго она всегда ненавидѣла, каково ни было ея озлобленіе за причиненную ей обиду, она благоразумно рѣшила скрыть свои истинныя чувства, тѣмъ болѣе, что Биронъ старательно избѣгалъ давать ей малѣйшій поводъ къ жалобѣ. Финчъ писалъ 1-го ноября:

«Герцогъ Курляндскій, со времени объявленія его регентомъ, относится къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ съ величайшею предупредительностью: онъ назначилъ ей годовую пенсію въ 200.000 р. Принцесса, со своей стороны, съ нимъ весьма любезна, несмотря на то, что и она и супругъ ея всегда смотрѣли на герцога какъ на своего врага и что эти непріязненныя чувства въ настоящее время должны были обостриться».

Супругъ Анны Леопольдовны поступалъ менѣе осмотрительно и не старался скрыть своего неудовольствія. При ихъ маленькомъ дворѣ всѣ открыто высказывали свое, весьма понятное, сожалѣніе по поводу случившагося. Регенту нечего было опасаться съ этой стороны ни принцессы, отъ природы лѣнивой и неспособной ни къ какому смѣлому шагу, ни герцога Брауншвейгскаго, человѣка весьма недалекаго и не пользовавшагося уваженіемъ, тогда какъ на сторонѣ Бирона были всѣ вліятельные люди Россіи; по крайней мѣрѣ онъ такъ полагалъ и не видѣлъ доказательствъ противнаго. Тѣмъ не менѣе Биронъ, упоенный счастьемъ, движимый своимъ страстнымъ темпераментомъ, не привыкшій къ противорѣчію и къ малѣйшему прекословію, былъ внѣ себя отъ злобы, замѣтивъ нѣкоторую попытку къ противодѣйствію ему со стороны герцога Брауншвейгскаго и его приближенныхъ. Предоставимъ слово англійскому резиденту, который писалъ въ своей депешѣ отъ 1-го ноября:

«Регентъ, узнавъ, что адъютантъ герцога Брауншвейгскаго и нѣкоторые офицеры втораго гвардейскаго полка, въ коемъ принцъ числился подполковникомъ, держали въ присутствіи его высочества чрезвычайно вольныя рѣчи, говоря, что ему слѣдовало быть реген-

томъ и намекая на то, что распоряженія, сдѣланныя Ея Величествомъ по этому поводу были, вынуждены у нея обманомъ, а можетъ быть сочинены заднимъ числомъ, и что, взявшись за дѣло рѣшительно, было бы не трудно уничтожить ихъ; услыхавъ также, что принцъ не приказалъ этимъ офицерамъ замолчать и не выразилъ порицанія ихъ дерзкимъ и мятежнымъ рѣчамъ, регентъ отправился 22-го числа къ герцогу Брауншвейгскому съ цѣлью сообщить ему эти слухи и потребовать у него объясненія. Биронъ, между прочимъ, сказалъ принцу, что хотя онъ и отецъ императора, но вмѣстѣ съ тѣмъ такой же подданный его, какъ и всѣ прочіе, и точно также обязанъ быть ему преданнымъ, и что ему будетъ весьма прискорбно, если онъ, въ качествѣ регента, коему ввѣрена охрана государства, будетъ вынужденъ подтвердить его высочеству, что онъ долженъ оказывать императору, своему сыну, такую же преданность и повиновеніе, какъ всякій подданный имперіи. Принцъ былъ пораженъ этой рѣчью, произнесенной твердымъ, суровымъ тономъ. Онъ старался оправдаться въ томъ, что слушалъ праздные толки молодыхъ офицеровъ, на которые, по его словамъ, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, хотя осторожность можетъ быть и требовала, чтобы онъ заставилъ ихъ замолчать; униженно извиняясь, онъ увѣрилъ герцога, что впредь будетъ вести себя болѣе осмотрительно и не подастъ повода къ жалобамъ и упрекамъ.

«Разставшись съ принцемъ, герцогъ прямо отправился къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ и сообщилъ ей случившееся. Ея высочество отвѣчала, что все это ей совершено неизвѣстно и что она не принимала никакого участія въ этой продѣлкѣ, которую она чрезвычайно не одобряетъ; затѣмъ она немедленно отправилась вмѣстѣ съ регентомъ во дворецъ, гдѣ провела съ нимъ около двухъ часовъ, вѣроятно съ цѣлью смягчить этимъ происшедшее и уладить дѣло, насколько возможно.

«Однако на слѣдующій день, 23-го числа утромъ, принцъ былъ вызванъ во дворецъ, гдѣ собрались кабинетъ-министры, сенатъ и весь генералитетъ; тутъ ему пришлось подвергнуться нѣкотораго рода допросу: il fut mis sur la sellette [1]), какъ говорятъ фран-

---

[1]) У него постарались вывѣдать тайну.

цузы. Изложивъ все дѣло съ самаго начала, регентъ спросилъ герцога, что онъ имѣлъ въ виду, поступая такимъ образомъ, какая у него была при этомъ цѣль? Мнѣ передавали, будто принцъ имѣлъ слабость отвѣчать со слезами, что онъ разсчитывалъ произвести переворотъ (я употребляю болѣе мягкія выраженія) съ цѣлью захватить правленіе въ свои руки. Начальникъ тайной канцеляріи, генералъ Ушаковъ, замѣтилъ на это: Герцогъ Брауншвейгскій! Всѣ будутъ относиться къ вамъ, какъ къ отцу нашего императора, если ваше поведеніе не явится этому помѣхою, но съ вами будетъ поступлено, какъ съ подданнымъ нашего императора, въ томъ случаѣ, ежели вы насъ вынудите къ этому вашимъ поведеніемъ. По своей молодости и неопытности (герцогу шелъ двадцать шестой годъ) вы могли поддаться постороннему вліянію и сбиться съ истиннаго пути, но если бы вы были въ болѣе зрѣломъ возрастѣ и по своему уму и способностямъ могли бы задумать и привести въ исполненіе такой планъ, который могъ бы нарушить миръ и спокойствіе страны и подвергнуть серьезной опасности благополучіе и преуспѣяніе нашей обширной имперіи, то я долженъ объявить вамъ, къ крайнему моему сожалѣнію, что я возбудилъ бы противъ васъ преслѣдованіе, какъ противъ виновнаго въ государственной измѣнѣ, по отношенію вашего сына и монарха, и судилъ бы васъ съ такою же строгостью, какъ всякаго подданнаго Его Величества».

«Вслѣдъ затѣмъ, регентъ изложилъ, какимъ образомъ и по какимъ соображеніямъ былъ назначенъ на занимаемый имъ постъ, такъ что въ подлинности завѣщанія покойной царицы не могло быть долѣе никакого сомнѣнія. Ея Величество этимъ актомъ назначила меня регентомъ,—продолжалъ онъ,—и я обязанъ этимъ высокимъ положеніемъ какъ ея милости, такъ и довѣрію и доброму обо мнѣ мнѣнію здѣсь собравшихся, наиболѣе вліятельныхъ лицъ страны. Но, такъ какъ Ея Величество предоставила мнѣ права отказаться отъ этой важной должности, то я объявляю, что готовъ немедленно сложить съ себя это званіе, ежели собраніе признаетъ, что оно болѣе подходитъ вашему высочеству, нежели мнѣ, или что ваше высочество лучше меня можете выполнить сопряженныя съ нимъ обязанности. Если же собраніе пожелаетъ, напротивъ, чтобы

я остался регентомъ, то мой долгъ по отношенію къ покойной императрицѣ и къ Россіи повелѣваетъ мнѣ принять ввѣренную мнѣ власть, и я надѣюсь, что, руководствуясь при управленіи совѣтами здѣсь присутствующихъ лицъ, я воспользуюсь ею, ко благу великой имперіи, какъ того требуетъ отъ меня долгъ признательности. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ заявили на это, что они еще до кончины Ея Величества желали, чтобы регентомъ былъ назначенъ герцогъ, и теперь настаиваютъ на томъ, чтобы онъ, ради блага и пользы страны, не отказывался отъ этого званія. Затѣмъ Биронъ просилъ Остермана удостовѣрить въ присутствіи принца, тотъ ли самый актъ, о которомъ шла рѣчь, въ подлинности котораго было возбуждено сомнѣніе, былъ предъявленъ императрицѣ? Графъ подтвердилъ желаемое. Тогда всѣмъ присутствовавшимъ, въ числѣ которыхъ были на лицо всѣ генералъ-маіоры, было предложено скрѣпить этотъ актъ подписями и приложеніемъ печатей, признавъ подлинность его и обязавшись подчиняться ему безпрекословно. Это было немедленно исполнено; герцогъ Брауншвейгскій вмѣстѣ съ прочими подписалъ актъ».

Герцогъ Курляндскій, введенный въ заблужденіе льстивыми увѣреніями своихъ приближенныхъ и чрезмѣрнымъ самомнѣніемъ, полагалъ, что его всѣ боготворили; принимая покорность его волѣ за неизмѣнную къ нему преданность, онъ думалъ, что у него нѣтъ враговъ, и былъ увѣренъ, что въ Россіи никому и въ умъ не придетъ оспаривать у него неограниченную власть, коей онъ былъ облеченъ. Финчу положеніе регента также представлялось въ самыхъ радужныхъ краскахъ, ибо въ депешѣ отъ 1-го ноября онъ писалъ:

«Никто не въ состояніи противиться. Вообще, герцогъ пользуется всеобщею любовью, такъ какъ онъ многимъ оказывалъ услуги и рѣдко оскорблялъ кого-либо, но и это случалось только вслѣдствіе нѣкоторой грубости его характера, —того, что французы называютъ рѣзкостью (brusquerie). Эти вспышки гнѣва бываютъ непродолжительны, и онъ всегда готовъ помириться. Такимъ образомъ, ежели извѣстіе о его назначеніи регентомъ было принято въ Москвѣ съ такою же радостію, какъ здѣсь, то я не предвижу пока, чтобы какое-нибудь обстоятельство могло нарушить спокойствіе его

управленія, а ежели оно будетъ продолжаться въ томъ же духѣ, коимъ ознаменовалось его начало, то оно принесетъ странѣ массу добра и упрочитъ славу самого герцога. Къ счастью для него, замыслы Волынскаго были обнаружены, такъ какъ еслибы этотъ кабинетъ-министръ дожилъ до кончины Ея Величества и его заговоръ не былъ бы открытъ, то онъ воспользовался бы, вѣроятно, этимъ случаемъ, чтобы вызвать мятежъ во всѣхъ концахъ Россіи, и подалъ бы сигналъ къ поголовному избіенію иностранцевъ. Тѣмъ не менѣе будущее полно неизвѣстности. Императоръ можетъ скончаться; у принцессы Анны Леопольдовны могутъ быть еще дѣти. Она заявила, между прочимъ, что годится и на что-нибудь иное, кромѣ продолженія своего рода. Французскій посланникъ—сторонникъ принцессы Елисаветы, а посланники прусскій и австрійскій на сторонѣ принцессы Анны Леопольдовны».

Герцогъ Курляндскій какъ нельзя лучше понималъ, что ему могла угрожать опасность только со стороны цесаревны Елисаветы. Но эта принцесса своимъ поведеніемъ не возбуждала въ немъ ни малѣйшаго подозрѣнія; поэтому Биронъ, стараясь снискать ея благоволеніе и заручиться ея содѣйствіемъ, разсчитывалъ пріобрѣсти этимъ только бóльшую популярность. Англійскій резидентъ пишетъ между прочимъ, въ той же депешѣ, отъ 1-го ноября:

«Въ царствованіе покойной императрицы Биронъ оказывалъ всегда принцессѣ Елисаветѣ всевозможныя услуги, когда она была какъ бы въ немилости, точно такъ же и теперь онъ видимо желаетъ привлечь ее на свою сторону, зная, что она пользуется большою любовью какъ за свои личныя качества, такъ и въ память отца. Онъ далъ ей денегъ на уплату ея долговъ и единовременно отпустилъ ей 50.000 руб. Этотъ поступокъ одобряется всѣми».

Относительно герцога Брауншвейгскаго Биронъ не питалъ никакихъ опасеній и не тревожился его злобою. При томъ, онъ считалъ себя въ наилучшихъ отношеніяхъ съ его супругою Анною Леопольдовною, о самомъ же герцогѣ отзывался не иначе, какъ съ презрѣніемъ и пренебрежительно, какъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки въ одной изъ депешъ англійскаго резидента:

«Регентъ усердно занимается дѣлами. Онъ намѣренъ подробно ознакомиться съ ними въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ принялъ,

чтобы показать, въ какомъ положеніи онъ ихъ оставитъ. Принцесса Анна Леопольдовна повидимому находится съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ; они часто видятся, но супругъ ея, послѣ своего допроса, нигдѣ не показывается. Онъ не выходитъ изъ покоевъ принцессы; герцогъ Курляндскій высказалъ вчера одному изъ моихъ пріятелей, что заявленіе этого принца о его намѣреніи произвести переворотъ достойно скорѣе сожалѣнія, нежели гнѣва, такъ какъ у него было всего 8 сообщниковъ, изъ коихъ трое освобождены; одинъ оказался шутомъ придворнаго кучера, другой—подмастерьемъ, а третій—кабацкимъ слугою».

Финчъ писалъ это 8-го ноября, а вотъ что онъ сообщалъ 11-го числа того же мѣсяца:

«9-го ноября, фельдмаршалъ Минихъ, во главѣ отряда изъ сорока дворцовыхъ гренадеръ, отправился, въ четвертомъ часу утра, въ Лѣтній дворецъ и, во исполненіе словеснаго приказанія принцессы Анны Леопольдовны, арестовалъ регента, котораго онъ засталъ въ постели и который отведенъ, подъ стражею, на гауптвахту Зимняго дворца. Все семейство герцога Курляндскаго арестовано. Вслѣдъ затѣмъ генералъ Биронъ и новый кабинетъ-министръ Бестужевъ также были арестованы и привезены въ Зимній дворецъ, куда немедленно были созваны всѣ высшіе сановники. Принцесса Анна Леопольдовна именемъ ея сына была провозглашена великой княгинею, съ титуломъ императорскаго высочества, и объявлена правительницей до совершеннолѣтія ея сына. Арестованные отправлены въ разныя крѣпости; отслужено молебствіе; розданы награды; удовлетворены просьбы нѣкоторыхъ лицъ; уплачены долги дворянъ; герцогъ Брауншвейгскій объявленъ генералиссимусомъ. Минихъ отказался отъ этого званія, желая, какъ онъ сказалъ, чтобы войско имѣло честь состоять подъ командою отца своего монарха. Онъ назначенъ первымъ министромъ; Остерманъ—генералъ-адмираломъ и завѣдующимъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ; Черкаскій—государственнымъ канцеромъ.

«У герцога Курляндскаго отобраны всѣ деньги и имущество, даже его золотые часы и одежда».

Въ письмѣ французскаго посланника, маркиза де-ла-Шетарди къ своему коллегѣ въ Берлинѣ, де-Валори, помѣченномъ 21-го

ноября н. ст. и писанномъ, слѣдовательно, на другой день послѣ этой оригинальной революціи, мы находимъ болѣе полное и болѣе яркое описаніе этого событія.

«Герцогъ Курляндскій арестованъ вчера, въ два часа утра, и отвезенъ на офицерскую гауптвахту Зимняго дворца, гдѣ дежурятъ офицеры, занимающіе караулы во дворцѣ. Одновременно съ нимъ арестована герцогиня Курляндская, ея дочь и двое сыновей. Вмѣстѣ съ тѣмъ на дворцовую гауптвахту привезенъ генералъ Густавъ Биронъ и кабинетъ-министръ Бестужевъ. Результатомъ совѣщанія, происходившаго у герцогини Анны Леопольдовны, во время котораго войска гвардіи были выстроены на плацу передъ дворцомъ, было — что вышеупомянутыя лица, за исключеніемъ Бестужева, были посажены, около трехъ часовъ по полудни, въ придворные возки; одному Бестужеву пришлось ѣхать на простыхъ крестьянскихъ дровняхъ. Семейство герцога Курляндскаго было отвезено въ Александро-Невскую лавру, гдѣ они провели ночь, и оттуда отправлены сегодня въ Шлиссельбургскую крѣпость, у Ладожскаго озера. Куда отправлены генералъ Биронъ и Бестужевъ—не извѣстно. Наслѣдный принцъ Курляндскій, по болѣзни, оставленъ здѣсь, въ томъ домѣ, гдѣ помѣщались придворные чины его отца При домѣ поставленъ часовой, такъ что онъ находится подъ стражею. Въ Москву отправленъ курьеръ съ приказаніемъ арестовать генерала Карла Бирона, командующаго тамъ войсками. Это старшій братъ герцога Курляндскаго.

«Гвардейскія войска снова были выстроены сегодня передъ Зимнимъ дворцомъ и возвратились въ казармы только въ 4 часа по полудни. Ихъ радость была не менѣе велика, какъ ихъ печаль при объявленіи регентомъ герцога Курляндскаго. По принесеніи присяги принцессой Елисаветой, высшими сановниками и знатью, каждый полкъ, ставъ въ кругъ, также присягалъ подъ знаменами; исполненіемъ этой формальности принцесса Анна Леопольдовна была признана русской великой княгиней и правительницей до совершеннолѣтія ея сына.

«Здѣсь еще не было примѣра, чтобы съѣздъ ко двору былъ такъ великъ и чтобы придворные выказывали такую радость, какая была запечатлѣна сегодня утромъ на всѣхъ лицахъ. Милости, дарованныя

правительницею, еще болѣе усилили эту радость. Герцогъ Брауншвейгскій назначенъ генералиссимусомъ; фельдмаршалъ Минихъ— первымъ министромъ и подполковникомъ конной гвардіи, на мѣсто наслѣднаго герцога Курляндскаго; жена фельдмаршала Миниха первой статсъ-дамою послѣ принцессы; графъ Остерманъ генералъ-адмираломъ, съ оставленіемъ завѣдующимъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ; а кабинетъ-министръ князь Черкаскій государственнымъ канлеромъ; канцлеръ получаетъ съ соловарень ежегодно 16.000 экю. Пожаловано и нѣсколько менѣе значительныхъ наградъ. Наконецъ Анна Леопольдовна пожаловала Андреевскую ленту оберъ-шталмейстеру, князю Куракину, вице-адмиралу, графу Головкину, Нарышкину и генералу Ушакову, а орденъ св. Александра Невскаго племяннику фельдмаршала Миниха, предсѣдателю коммерцъ-коллегіи, барону Менгдену, и сенатору Стрешневу, зятю графа Остермана».

Эта неожиданная, никѣмъ не предвидѣнная революція совершилась быстрѣе нежели можно разсказать. Англійскій резидентъ, повергнутый ею въ глубокое изумленіе, вначалѣ едва вѣрилъ своимъ глазамъ. По всей вѣроятности онъ пожалѣлъ о низложеніи герцога Курляндскаго, о которомъ онъ былъ, очевидно, самаго высокаго мнѣнія; впрочемъ, онъ весьма скоро примѣнился къ тѣмъ лицамъ, кои заступили мѣсто герцога. Опомнившись отъ изумленія, въ какое онъ былъ повергнутъ случившимся, Финчъ полюбопытствовалъ узнать, какимъ образомъ была подготовлена эта катастрофа и какъ совершился самый переворотъ. Все это изложено имъ въ депешѣ отъ 28 ноября; читая ее, невольно приходишь къ убѣжденію, что всѣ подробности событія переданы имъ вполнѣ точно; очевидно, Финчъ получилъ эти свѣдѣнія изъ надежнаго источника.

«Герцогъ Курляндскій, принимая безпрекословное повиновеніе его волѣ за глубокую преданность, по роковой случайности и по ослѣпленію, которое поддерживалось льстивыми увѣреніями окружающихъ, былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что онъ пользуется величайшей популярностью и любимъ всѣми, безъ различія званія и положенія.

«Герцогъ Брауншвейгскій отказался отъ всѣхъ своихъ должностей и обязанностей, чтобы не быть подчиненнымъ Бирону, но онъ не могъ укрыться отъ его надзора. Регентъ часто видѣлся съ

принцессой Анной Леопольдовной; изъ этого заключили, что они были въ хорошихъ отношеніяхъ, тогда какъ они безпрестанно ссорились. Такъ, напримѣръ, 7 ноября онъ сказалъ ей: я могу отправить васъ и вашего супруга въ Германію; есть на свѣтѣ герцогъ Голштинскій, котораго я могу вызвать въ Россію, и я это сдѣлаю, ежели меня къ тому вынудятъ. Послѣ подобныхъ рѣчей разрывъ былъ неизбѣженъ. На слѣдующій день, 8-го ноября, фельдмаршалъ Минихъ представлялъ принцессѣ кадетъ; по окончаніи представленія, оставшись наединѣ, они стали говорить о текущемъ положеніи дѣлъ. Анна Леопольдовна жаловалась на дурное обращеніе регента съ нею и съ ея супругомъ и присовокупила, что имъ ничего не остается, какъ уѣхать изъ Россіи. Въ виду этого она просила фельдмаршала употребить все свое вліяніе на герцога Курляндскаго, чтобы выхлопотать имъ позволеніе взять съ собою ребенка, дабы сохранить его отъ опасностей, угрожающихъ русскимъ монархамъ, которымъ онъ неминуемо долженъ подвергнуться, оставаясь на попеченіи человѣка, котораго можно считать смертельнымъ врагомъ его родителей и его самого. Минихъ спросилъ, говорила ли принцесса кому-нибудь объ этомъ? Она отвѣчала: нѣтъ, никому въ мірѣ, прибавивъ, что только послѣ долгихъ колебаній она рѣшилась довѣриться ему.

«Хотя Минихъ способствовалъ возвышенію регента, но въ ихъ отношеніяхъ проглядывала зависть и подозрительность, и герцогъ Курляндскій хотѣлъ при первой возможности отдѣлаться отъ фельдмаршала, который имѣлъ, слѣдовательно, полное основаніе ожидать себѣ погибели.

«Герцогъ Браунштейгскій, по условленному между Минихомъ и принцессою плану, выѣхалъ первый разъ изъ своего дворца съ цѣлью посѣтить регента, жившаго въ Лѣтнемъ дворцѣ. Они навѣстили вмѣстѣ съ нимъ юнаго императора, отъ него отправились къ Аннѣ Леопольдовнѣ, а затѣмъ оба проѣхали въ находившійся, по близости, манежъ герцога. Оттуда принцъ Брауншвейгскій возвратился въ Зимній дворецъ, а герцогъ заѣхалъ по пути къ своему брату, генералу Бирону, и возвратился въ Лѣтній дворецъ, куда должны были прибыть къ обѣду приглашенные имъ Минихъ и президентъ Менгденъ съ семействами.

«Говорятъ, будто герцогъ обратилъ вниманіе, въ то утро, что

на улицахъ было весьма мало народа и прохожіе имѣли унылый и даже мрачный видъ, какъ будто люди чѣмъ-либо недовольные; это произвело на него сильное впечатлѣніе, и онъ сообщилъ объ немъ своимъ гостямъ. Онъ имѣлъ слабость приписать это недовольство неодобренію, вызванному поведеніемъ герцога Брауншвейгскаго, нисколько не подозрѣвая, что виною было его собственное управленіе. Собравшіеся гости, само собою разумѣется, сказали, что въ физіономіи встрѣчавшихся ему лицъ по всей вѣроятности не было ничего особеннаго, или же грустное настроеніе ихъ было вызвано кончиною Ея Величества. Тѣмъ не менѣе герцогъ весь обѣдъ былъ крайне задумчивъ и молчаливъ.

«Вставъ изъ-за стола, фельдмаршалъ распрощался и, оставивъ семью у регента, онъ отправился къ себѣ, а въ теченіе вечера явился къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, спросивъ, не дастъ ли она ему какихъ-либо приказаній, такъ какъ у него планъ дѣйствій уже составленъ и онъ намѣренъ привести его въ исполненіе въ ту же ночь. Принцесса была поражена столь важной и неожиданной рѣшимостью и пожелала узнать, какимъ образомъ онъ намѣревался дѣйствовать. Фельдмаршалъ, извиняясь, объявилъ, что не можетъ сообщить ей своего плана, и предупредилъ ее, чтобы она не смущалась, ежели онъ разбудитъ ее и подыметъ съ постели около трехъ часовъ утра. Подумавъ, ея высочество сказала: поручаю себя, мужа и ребенка моего въ ваши руки и вполнѣ полагаюсь на васъ. Да поможетъ вамъ Господь и да сохранитъ Онъ всѣхъ насъ.

«Простившись съ принцессою, Минихъ возвратился къ ужину къ герцогу Курляндскому, вмѣстѣ съ графомъ Левенвольде; герцогъ все еще былъ взволнованъ, жаловался на удрученное состояніе духа, на необыкновенную тягость, подобной которой онъ не испывалъ во всю жизнь. Оба гостя замѣтили на это, что причиною этого можетъ быть легкое недомоганіе, которое навѣрно пройдетъ послѣ спокойно проведенной ночи. Однако, герцогъ, обыкновенно весьма разговорчивый, не промолвилъ ни слова ни за ужиномъ, ни во весь остальной вечеръ. Фельдмаршалъ, желая оживить общество, или хотя поддержать разговоръ, сталъ разсказывать о своихъ походахъ и о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ въ теченіе своей слишкомъ 40 лѣтней службы. Графъ Левенвольде спросилъ его между

прочимъ самымъ невиннымъ образомъ, приходилось ли ему когда-нибудь участвовать въ ночномъ предпріятіи? Странность этого неумѣстнаго, при подобныхъ обстоятельствахъ, вопроса поразила фельдмаршала; но, опомнившись и овладѣвъ собою, онъ отвѣчалъ, съ самымъ равнодушнымъ видомъ, что, участвуя въ столькихъ сраженіяхъ, ему приходилось, разумѣется, дѣйствовать во всякое время дня и ночи.

«Его превосходительство говорилъ мнѣ, будто онъ замѣтилъ, что герцогъ, лежавшій на кровати, приподнялся въ тотъ моментъ, когда онъ произнесъ эти слова, и, облокотившись на локоть, подперевъ голову рукою просидѣлъ въ этомъ положеніи въ глубокой задумчивости болѣе четверти часа.

«Часовъ около десяти они разошлись; Минихъ легъ въ постель, но, по его словамъ, не смыкалъ глазъ. Въ два часа утра онъ всталъ, послалъ за своимъ адъютантомъ, генераломъ Манштейномъ, и условился съ нимъ обо всемъ. Оба они отправились въ Зимній дворецъ; тутъ Минихъ обратился съ рѣчью къ офицерамъ и солдатамъ и, выбравъ нѣсколько человѣкъ, повелъ ихъ къ принцессѣ. Она изобразила имъ свое несчастное положеніе, приказала арестовать регента и во всемъ повиноваться фельдмаршалу. Никто ей не прекословилъ. Лица, занимавшія караулъ въ Зимнемъ дворцѣ, не оказали заговорщикамъ ни малѣйшаго сопротивленія. Манштейнъ прямо прошелъ въ спальню герцога, коего засталъ спящимъ, и такъ какъ онъ сопротивлялся, то генералъ приказалъ связать его, зажать ему ротъ и потащилъ его изъ комнаты вмѣстѣ съ его супругою, обоихъ въ одномъ ночномъ бѣльѣ. Съ постели сняли два одѣяла, которыя были наброшены имъ на плечи. Узнавъ того, кто явился арестовать ихъ, герцогиня съ ужасомъ воскликнула, что она скорѣе повѣрила бы, что на свѣтѣ нѣтъ Бога, нежели могла допустить мысль, что фельдмаршалъ поступитъ съ ними такимъ образомъ».

Переворотъ, доставившій власть принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, былъ задуманъ и выполненъ Минихомъ безъ всякаго посторонняго участія. У него не было сообщниковъ въ этомъ смѣломъ предпріятіи, за которое онъ могъ поплатиться головою: вся заслуга этого дѣла принадлежала ему, но лично онъ имѣлъ вскорѣ случай убѣдиться въ томъ, что онъ потрудился для людей неблагодарныхъ. Герцогъ

Брауншвейгскій, дѣйствуя подъ вліяніемъ Остермана, который завидовалъ могуществу Миниха и не могъ сродниться съ мыслію, что у него былъ начальникъ, превосходившій его способностями, громко жаловался на то, что онъ только носитъ пустое званіе генералиссимуса, что съ нимъ мало совѣтуются, что онъ не имѣетъ вліянія, и всѣми дѣлами завѣдуетъ, на самомъ дѣлѣ, Минихъ, который и есть въ дѣйствительности настоящій и единственный начальникъ войска.

Финчъ писалъ 10 февраля 1741 г.:

«Принцъ заявилъ, что хотя онъ многимъ обязанъ фельдмаршалу, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ему надлежало играть роль великаго визиря и что, повинуясь своему чрезмѣрному самолюбію и врожденной горячности, онъ легко можетъ погубить себя своимъ безразсуднымъ поведеніемъ».

Нѣсколько недѣль спустя, менѣе нежели черезъ три мѣсяца послѣ этого переворота, совершившагося единственно по инипіативѣ Миниха, этотъ человѣкъ, столько лѣтъ бывшій на верху могущества и власти, былъ лишенъ званія перваго министра, всѣхъ занимаемыхъ имъ военныхъ должностей и положительно утратилъ всякое значеніе. Финчъ писалъ 3 марта:

«Фельдмаршалъ Минихъ уволенъ въ отставку. Когда Левенвольде объявилъ ему объ этомъ, то онъ сказалъ, что считаетъ отставку самою большою милостью, какую могла ему оказать правительница, и принимаетъ ее съ величайшею признательностью и покорностью.

Его семья отнеслась къ этому событію не такъ спокойно; когда графиня Минихъ прощалась съ герцогомъ Брауншвейгскимъ со слезами на глазахъ, то ея супругъ замѣтилъ: «надѣюсь, ваше сіятельство, не огорчены по случаю оказанныхъ намъ ея высочествомъ милости и благоволенія, которыя должны радовать васъ не менѣе меня».

Говоря это съ особымъ значеніемъ, Минихъ былъ до извѣстной степени правъ, такъ какъ принцесса Анна Леопольдовна проявила въ семъ случаѣ небывалое въ Россіи мягкосердечіе. Если бы она обладала инымъ характеромъ, то Минихъ легко могъ поплатиться за оказанныя имъ услуги ссылкою въ Сибирь и конфискаціей иму-

щества. Между тѣмъ онъ не былъ ни сосланъ, ни заключенъ въ тюрьму. Не было даже рѣчи о преданіи его суду, тогда какъ розыскная канцелярія конечно безъ труда нашла бы въ поведеніи Миниха предлогъ осудить его на смерть, если бы того пожелала правительница.

Опала Миниха не коснулась прочихъ членовъ его семьи, которые сохранили свои должности въ разныхъ учрежденіяхъ и при дворѣ и пользовались благоволеніемъ правительницы. Что касается самого Миниха, то онъ спокойно жилъ въ Петербургѣ, волнуя своихъ враговъ своимъ присутствіемъ, своимъ высокомѣріемъ и насмѣшками; его не тревожили, хотя за нимъ былъ учиненъ строгій надзоръ.

Правительница, по ея словамъ, имѣла полное основаніе не высказывать Миниху никакой признательности. Въ кругу ея приближенныхъ говорили, будто изъ процесса герцога Курляндскаго вытекаютъ страшныя обвиненія противъ него, и будетъ доказано съ полной очевидностью, что Минихъ первый вздумалъ объявить регентомъ герцога Курляндскаго, что онъ собственно подалъ герцогу эту мысль, и не довольствуясь этимъ, всячески уговаривалъ его принять званіе регента и обѣщалъ ему свою поддержку въ этомъ случаѣ. Въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго; Финчъ, сообщившій эти подробности въ своей депешѣ отъ 10 марта 1741 г., повидимому былъ вполнѣ убѣжденъ въ справедливости этого факта. По всей вѣроятности онъ писалъ со словъ достовѣрнаго лица, сообщая 7-го марта, что

«Правительница говоритъ, будто Минихъ низложилъ герцога Курляндскаго скорѣе изъ видовъ честолюбія, нежели изъ преданности къ ея особѣ, и что хотя она воспользовалась плодами его измѣны, но не можетъ уважать измѣнника. По ея словамъ, немыслимо было долѣе терпѣть высокомѣріе фельдмаршала, который не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на ея настоятельныя и неоднократныя приказанія и имѣлъ дерзость безпрестанно противорѣчить ея супругу; онъ слишкомъ честолюбивъ и слишкомъ неспокойнаго нрава, чтобы можно было положиться на него; ему слѣдовало бы удалиться въ свои украинскія помѣстья и спокойно доживать тамъ свой вѣкъ, если это ему нравится».

Съ опалой Миниха, чрезмѣрная строгость, съ какою содержался Биронъ, была смягчена. Дѣло его продолжало разбираться въ тайной канцеляріи, впрочемъ довольно медленно; главнымъ свидѣтелемъ противъ обвиненнаго явился тотъ самый Бестужевъ, который былъ его ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ и вслѣдствіе этого былъ, одновременно съ нимъ, арестованъ; но онъ предпочелъ роль обвинителя положенію сообщника и сообвиняемаго, надѣясь заслужить не только прощеніе, но и благодарность правительницы и Миниха, если бы ему удалось добиться, чтобы его бывшаго друга осудили. Дѣйствительно, онъ всячески старался возводить на него самыя тяжкія преступленія. Послѣ опалы Миниха, который былъ, повидимому, самымъ ярымъ противникомъ Бирона, Бестужевъ увидѣлъ, что обстоятельства нѣсколько измѣнились въ его пользу и что правительница и герцогъ Браунштейгскій были готовы отнестись къ нему болѣе милостиво. Тогда Бестужевъ быстро перемѣнилъ тактику и нашелъ довольно оригинальный способъ перейти на сторону Бирона. Предоставимъ разсказать объ этомъ Финчу, который писалъ 14 марта:

«Бестужеву и герцогу Курляндскому была дана очная ставка, герцогъ отрицаетъ за собою всякую вину и говоритъ, что если дѣло дойдетъ до пытки, то онъ готовъ лучше сознаться во всемъ, что отъ него требуютъ, и признать справедливость всѣхъ взводимыхъ на него обвиненій, ежели Бестужевъ будетъ настаивать на своихъ показаніяхъ, за которыя ему придется отвѣчать передъ Богомъ, въ день страшнаго суда. Все это герцогъ произнесъ столь торжественнымъ тономъ и съ такою увѣренностью, что члены коммиссіи были поражены. Тогда съ Бестужевымъ сдѣлался припадокъ, онъ упалъ на колѣни и сказалъ, что не можетъ выдержать подобнаго испытанія, долженъ открыть истину, просить прощенія у герцога и покаяться передъ Богомъ. Онъ заявилъ, что всѣ его обвиненія были ложны, что онъ сдѣлалъ ихъ единственно по наущенію фельдмаршала Миниха, который его увѣрялъ, что только этимъ путемъ онъ можетъ спасти свою жизнь и честь, и свое семейство. Дѣло приняло такой оборотъ, что самъ герцогъ Браунштейгскій заявилъ, что Биронъ виновенъ не болѣе его и что всякій, на его мѣстѣ, поступилъ бы точно также».

Несмотря на это, судъ надъ герцогомъ Курляндскимъ продолжался, и онъ все-таки былъ приговоренъ къ смертной казни, но правительница великодушно даровала ему жизнь, замѣнивъ смертную казнь пожизненной ссылкой въ Пелымь, небольшой городокъ Сибири, въ 600 в. отъ Тобольска. Все семейство Бирона, его жена и дѣти раздѣлили его участь. Обширныя помѣстья, коими онъ владѣлъ въ Россіи были конфискованы, и на доходы съ его вассальныхъ владѣній въ Курляндіи было наложено запрещеніе.

Елисавета Петровна безъ всякаго колебанія признала мать Іоанна Антоновича правительницею и присягнула ей, хотя ей, разумѣется, было извѣстно, что солдаты, шедшіе арестовать герцога Курляндскаго, подъ предводительствомъ Миниха, были увѣрены, что это дѣлается съ цѣлью возвести на престолъ Елисавету; но она видимо по-прежнему была далека отъ честолюбивыхъ мыслей и казалась всѣмъ довольна, лишь бы у нея было достаточно денегъ и ей не препятствовали жить, какъ ей хотѣлось. Въ этомъ отношеніи она могла быть вполнѣ довольна. Финчъ писалъ 20 декабря 1740 г.:

«Третьяго дня былъ день рожденія принцессы Елисаветы. Великая княгиня Анна Леопольдовна подарила ей браслеты; малютка царь прислалъ ей золотую табакерку съ государственнымъ гербомъ на крышкѣ, а управленію соловарень было приказано выдать ей 40.000 р.»

Принцесса, только и желавшая жить спокойно, была этимъ вполнѣ удовлетворена, но иначе смотрѣли на дѣло тѣ лица, которыя могли чрезвычайно много выиграть съ ея восшествіемъ на престолъ, какъ напр. маркизъ де-ла-Шетарди, которому было приказано во что бы то ни стало вовлечь Россію въ войну короля прусскаго съ Маріей Терезіей. Правительница и не думала посылать войско для поддержанія притязаній Фридриха II, и де-ла-Шетарди полагалъ, что его ходатайство будетъ имѣть болѣе успѣха у Елисаветы, когда она будетъ царицею. Съ нимъ дѣйствовалъ за-одно шведскій посланникъ, между тѣмъ какъ Финчъ старался, напротивъ, всѣми силами склонить правительницу на сторону королевы венгерской. Заподозрѣвъ тайные происки де-ла-Шетарди, онъ поста-

рался разстроить ихъ. Мы читаемъ по этому поводу въ его депешѣ отъ 21 іюня 1741 г. слѣдующее:

«Я говорилъ неоднократно графу Остерману объ интригахъ посланниковъ французскаго и шведскаго. Онъ притворился ничего незнающимъ и по своему обыкновенію дѣйствовалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ весьма осторожно. Такъ напр. съ нимъ приключился припадокъ подагры и ломоты въ правой рукѣ, когда ему приходилось подписать, по смерти Петра II, актъ, ограничивавшій власть его преемницы. Это кормчій, ведущій государственную ладью только при благопріятной погодѣ, прячась въ трюмъ во время бури. Онъ всегда держится въ сторонѣ, когда положеніе правительства становится шаткимъ.

«Герцогъ Брауншвейгскій былъ откровеннѣе. Онъ сознался, что существуетъ сильное подозрѣніе въ томъ, что французскій и шведскій посланники что-то замышляютъ. Его высочество также признался мнѣ, что они обратили вниманіе на тѣсную дружбу де-ла-Шетарди съ ганноверскимъ уроженцемъ Лестокомъ, врачемъ цесаревны Елисаветы, который будто бы его пользуетъ, что этотъ посланникъ часто отправляется ночью, переодѣтый къ цесаревнѣ Елисаветѣ, и такъ какъ нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы между ними существовали интимныя отношенія, то тутъ, безъ сомнѣнія, идетъ дѣло о политикѣ. Принцъ прибавилъ, что ежели поведеніе этой принцессы станетъ явно подозрительнымъ, то она будетъ не первая изъ русскихъ женщинъ, заточенныхъ въ монастырь. Я полагаю, что это менѣе всего пришлось бы ей по вкусу; къ тому же эта мѣра могла бы быть весьма опасна, такъ какъ Елисавета не имѣетъ ни малѣйшей склонности къ иноческой жизни и пользуется всеобщею любовью и большою популярностью».

«Принцъ сказалъ также, что давно пора отрѣшить отъ должности несноснаго Миниха, который уже старается заручиться благоволеніемъ принцессы Елисаветы и замышляетъ новый переворотъ. Онъ говорилъ, что приказалъ строго слѣдить за фельдмаршаломъ въ теченіе нѣсколькихъ ночей послѣ увольненія его въ отставку и велѣлъ схватить его живымъ или мертвымъ, ежели бы онъ вышелъ изъ дома вечеромъ и пошелъ бы по направленію къ тому дому, гдѣ живетъ цесаревна Елисавета».

«Наконецъ объ этомъ рѣшился заговорить со мной и графъ Остерманъ и даже спросилъ меня, совѣтую ли я арестовать Лестока. Я отвѣчалъ, что онъ лучше меня знаетъ, что слѣдуетъ дѣлать, но что прежде всего надобно заручиться болѣе вѣскими доказательствами, ибо за неимѣніемъ ясныхъ уликъ эта мѣра была бы чувствительною обидою для цесаревны Елисаветы, къ которой Лестокъ весьма близокъ, какъ ея домашній врачъ, и что это можетъ преждевременно обнаружить причины его ареста. Остерманъ вполнѣ согласился со всѣмъ этимъ, а когда я прибавилъ, что я избѣгалъ близкихъ отношеній къ Лестоку, не желая внушать подозрѣній, но тѣмъ не менѣе былъ у него нѣсколько разъ, то графъ Остерманъ предложилъ мнѣ пригласить его на обѣдъ, сказавъ, что онъ любитель хорошихъ винъ и легко можетъ проговориться. Я ничего не отвѣчалъ на это, находя, что если на посланниковъ смотрятъ какъ на шпіоновъ ихъ монарховъ, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы они должны были исполнять эту роль для другихъ. Притомъ и здоровье не позволяетъ мнѣ torquere vino».

«Будущее полно неизвѣстности. Правительница повидимому умна, проницательна, отъ природы добра и человѣколюбива, но безъ сомнѣнія она слишкомъ скрытна и слишкомъ любитъ вести замкнутую жизнь. Она мучается въ обществѣ и проводитъ большую часть дня въ комнатахъ своей любимицы, дѣвицы Менгденъ, въ обществѣ родныхъ этой особы. Сестра г-жи Менгденъ вышла замужъ за Миниха. Что касается ея самой, то она не отличается ни особеннымъ умомъ, ни хитростью. Правительница дотого расположена къ ней, что страсть любовника къ новой избранницѣ своего сердца блѣднѣетъ передъ этой привязанностью. Все пошло бы лучше, ежели бы правительница чаще показывалась въ обществѣ и еслибы въ ней было немного болѣе той любезности, къ которой здѣшніе придворные пріучены монархами, въ послѣднее время, и которая была бы въ настоящее время какъ нельзя болѣе умѣстна. Съ другой стороны принцесса Елисавета весьма привѣтлива и любезна и пользуется, вслѣдствіе этого, за свои личныя качества всеобщею любовью. Кромѣ того у нея есть одно преимущество—она дочь Петра I. Еслибы, въ случаѣ кончины юнаго императора, завязалась борьба между принцессами Анной и Елисаветой, то дѣла

приняли бы критическій оборотъ; и такъ какъ можно предполагать, что у послѣдней никогда не будетъ дѣтей, то всѣ взоры обратились бы на ея племянника, Петра Ѳеодоровича. Во всякомъ случаѣ, осторожность повелѣваетъ относиться къ Елисаветѣ Петровнѣ съ должнымъ уваженіемъ, ничѣмъ не оскорблять ее и давать ей столько денегъ, сколько ей понадобится, такъ какъ, будучи предана удовольствіямъ, она истратитъ на удовлетвореніе своихъ прихотей всѣ деньги, которыя будутъ въ ея распоряженіи, а это можетъ повредить ея репутаціи и слѣдовательно уменьшить ея популярность.

«Дворяне, владѣющіе собственностью, по большей части привержены къ существующему порядку и не идутъ противъ теченія. Многіе изъ нихъ завзятые русскіе люди, которыхъ только силою и угрозами можно заставить измѣнить своимъ стариннымъ обычаямъ. Всѣ они были бы рады увидѣть Петербургъ на днѣ морскомъ и желали бы отъ души, чтобы всѣ завоеванныя провинціи улетѣли къ чорту, для того чтобы имѣть возможность возвратиться въ Москву, гдѣ, находясь по близости отъ своихъ помѣстій, они могли бы жить съ большою пышностью и меньшими затратами. Они не желаютъ имѣть ничего общаго съ Европою, ненавидятъ иностранцевъ, самое большее желали бы воспользоваться ихъ искусствомъ въ военномъ дѣлѣ, а затѣмъ отдѣлаться отъ нихъ. Они также ненавидятъ морскія путешествія и предпочитаютъ службѣ во флотѣ ссылку въ самыя ужасныя мѣстности Сибири. Духовенство пользуется здѣсь большимъ вліяніемъ и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, оно можетъ причинить немало безпокойствъ нынѣшнему правительству.

«Что касается герцога Брауншвейгскаго, то въ его манерахъ нѣтъ достаточно представительности, и онъ совершенно неопытенъ въ дѣлахъ. Однако, дѣйствуя подъ руководствомъ Остермана, онъ усовершенствуется».

По всѣмъ даннымъ, заключающимся въ этой депешѣ, легко можно понять, что положеніе дѣлъ было весьма критическое. Въ прочность существовавшаго правительства никто не вѣрилъ, не исключая самого Остермана, единственнаго способнаго человѣка изъ всѣхъ государственныхъ людей, стоявшихъ у власти при Аннѣ Леопольдовнѣ. Финчъ писалъ 16 сентября 1741 г.:

«Бесѣдуя съ Остерманомъ, я вновь навелъ разговоръ на интриги французскаго посланника, но онъ отвѣчалъ мнѣ, что любовь и преданность принцессы Елисаветы въ Россіи слишкомъ велика, чтобы онъ имѣлъ основаніе строить подобные планы».

Въ то же время при дворѣ существовало полное разногласіе, какъ бы для того, чтобы еще болѣе осложнить и безъ того чрезвычайно опасное положеніе. Англійскій посланникъ писалъ 13-го октября:

«Правительница ревниво оберегаетъ свою власть и не желаетъ предоставить ни малѣйшей доли въ ней своему супругу; вслѣдствіе чего между людьми, управляющими государственными дѣлами, существуетъ полнѣйшее разномыслие. Головкинъ идетъ противъ Остермана и иностранцевъ, Елисавета Петровна противъ Остермана, правительница также противъ Остермана» и т. д.

14-го ноября онъ писалъ еще:

«Здѣсь образуется русская партія, направленная противъ Остермана и герцога Брауншвейгскаго; ею руководитъ австрійскій посланникъ, маркизъ Богита и графъ Головкинъ. Правительница готова примкнуть къ этой партіи».

Гроза была готова разразиться, и никто не принималъ мѣръ къ тому, чтобы предотвратить ее. Цесаревну Елисавету осыпали подарками, но этого средства оказывалось уже недостаточно противъ пробуждавшагося въ ней честолюбія. Многіе признаки свидѣтельствовали о томъ, что настроеніе ея чрезвычайно измѣнилось. Такъ, напр., 13-го октября Финчъ писалъ:

«Принцесса Елисавета была крайне недовольна тѣмъ, что персидскій посланникъ не сдѣлалъ ей визита: она обвиняетъ въ этомъ Остермана, но въ то же время увѣряетъ всѣхъ въ своей преданности царю и правительницѣ. Всѣ были поражены тою живостью и горячностью, съ какими она говорила объ этомъ обстоятельствѣ; полагаютъ, что посѣщеніе принцессы два дня тому назадъ великою княгинею имѣло цѣлью успокоить ее».

Послѣ всего вышесказаннаго, слѣдующая депеша Финча отъ 26-го ноября 1741 г. нисколько не покажется удивительною:

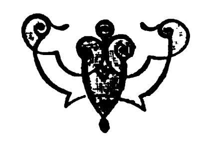
«Вчера, въ часъ ночи, принцесса Елисавета отправилась въ казармы л.-гв. Преображенскаго полка, только въ сопровожденіи

одного изъ своихъ камергеровъ Воронцова, Лестока и Шварца, который состоитъ при ней, если не ошибаюсь, секретаремъ. Ставъ во главѣ 300 гренадеръ, вооруженныхъ ружьями, съ воткнутыми въ нихъ штыками, и съ ручными бомбами въ карманахъ, она отправилась прямо во дворецъ; сдѣлавъ необходимыя распоряженія и приказавъ охранять всѣ выходы, арестовала юнаго царя и его маленькую сестру, спавшихъ въ своихъ кроваткахъ, великую княгиню и герцога Брауншвейгскаго, которые также были уже въ постели, и любимицу правительницы Юліану Менгденъ и отправила ихъ въ свой собственный дворецъ. Затѣмъ принцесса приказала немедленно арестовать Миниха, его сына, Остермана, Головкина и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

«Всѣ эти приказанія были исполнены съ величайшею поспѣшностью, послѣ чего принцесса возвратилась къ себѣ, куда за нею послѣдовалъ чуть не весь городъ. Впереди выстроился одинъ полкъ кавалергардовъ и три пѣхотныхъ полка. Елисавета единогласно была провозглашена императрицей всероссійской, и ей принесена присяга. Въ семь часовъ утра она переѣхала въ Зимній дворецъ; при этомъ была произведена пальба изъ пушекъ.

«Этотъ переворотъ сопровождался цѣлымъ рядомъ новыхъ назначеній, арестовъ, ссылокъ и конфискацій, тогда какъ нѣкоторыя лица были освобождены. Дерзость гвардейцевъ, въ особенности тѣхъ, которые принимали непосредственное участіе въ этомъ событіи, не поддается описанію. За ними ухаживаютъ, какъ-будто они здѣсь хозяева: повидимому, они таковыми считаютъ себя и, можетъ быть, имѣютъ на это основаніе».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ, МЫСЛИ И ПРИЗНАНІЯ ЧЕЛОВѢКА,
ДОЖИВАЮЩАГО СВОЙ ВѢКЪ
СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

ГЛАВА ШЕСТАЯ [1]).

Наши сосѣди. — Помѣщикъ-преображенецъ старыхъ временъ. — Помѣщикъ-стратегъ. — Его біографія. — Полицейскій надзиратель. — Предложеніе смоленскаго дворянства объ ополченіи въ 1863 году

Ближайшею къ имѣнію нашему помѣщичьею усадьбою было село Горчаково, къ приходу котораго мы и принадлежали. Горчаково было село очень красивое, съ огромнымъ каменнымъ барскимъ домомъ и каменною же церковью, въ то время еще новою. Отъ церкви къ дому шла аллея огромныхъ, великолѣпныхъ каштановъ, а самый домъ былъ окруженъ цвѣтниками, оранжереями и паркомъ, по склону холмовъ спускавшимся къ обширному пруду. Изъ одного изъ этихъ холмовъ не изсякая билъ ключемъ родникъ прекрасной, чистой, какъ хрусталь, и необычайно свѣжей и вкусной воды. Владѣлицею этого села была въ то время почтенная, важная и чопорная старушка, вдова полковника екатерининскихъ временъ, П—я И—а К—я, которая зимою жила постоянно въ губернскомъ городѣ, а на лѣто переѣзжала сюда съ цѣлою свитою гостей, приживалокъ и дворовыхъ людей. Въ это-то время мы и бывали у нея, такъ какъ она была крестною матерью моего брата Сергѣя. Домъ ея былъ очень великъ, и въ немъ почти не было ни одной комнаты, которая не имѣла бы права быть названа залою, такъ что даже спальня

---

[1]) См. «Русскую Старину» іюль 1895 года.

*

старушки была очень обширна, и въ самой срединѣ ея, какъ катафалкъ, возвышалось ея широкое ложе, завѣшенное кружевнымъ пологомъ. Убранъ былъ этотъ домъ во вкусѣ осьмнадцатаго столѣтія: стѣны были расписаны по штукатуркѣ, а въ нѣкоторыхъ комнатахъ сверху до низу увѣшены огромными картинами въ золоченыхъ рамахъ, изъ числа которыхъ было много очень замѣчательныхъ по достоинству живописи; мебель была рѣзная, массивная и обитая штофомъ,—особаго цвѣта въ каждой комнатѣ. Каждый праздникъ или воскресный день къ церкви, отстоявшей отъ дома не болѣе какъ саженей на пятьдесятъ, подкатывалась высочайшая двумѣстная карета на какихъ-то стоячихъ рессорахъ. Въ карету была впряжена, цугомъ съ форрейторомъ, четверня еле передвигавшихъ отъ древности ноги лошадей, а на запяткахъ ея, держась крѣпко за ремни и болтаясь во всѣ стороны, стояли непремѣнно два лакея, въ ливреяхъ и треугольныхъ шляпахъ, надѣтыхъ, какъ тогда говорилось, съ поля. Карета останавливалась, лакеи, цѣпляясь другъ за друга своими шляпами, сползали съ запятокъ, становились по обѣимъ сторонамъ дверцы, и начиналась длинная процедура откидыванья безчисленнаго количества подножекъ въ видѣ лѣстницы, по которой старушка спускалась внизъ, поддерживаемая лакеями съ обѣихъ сторонъ. Затѣмъ лакеи, толкая другъ друга, бѣжали впередъ и разстилали на обычномъ ея мѣстѣ коверъ, на которомъ ставилось складное кресло, а старушка важно, но скромно, шла за ними. Одѣта она была всегда въ очень узкое, желтое платье и высокій чепецъ. Послѣ обѣдни обыкновенно всѣ сосѣди, находившіеся въ церкви, бывали приглашаемы къ ней и уже заставали ее сидящею въ такъ называемой диванной комнатѣ, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, передъ ломбернымъ столомъ. Рядомъ съ диваномъ, на которомъ сидѣла она, обыкновенно стоялъ небольшой столикъ, а на столикѣ—золотая табакерка и колокольчикъ въ видѣ эмалевой дѣвицы, пляшущей русскую, въ сарафанѣ и кокошникѣ. За тѣмъ весь день проходилъ за игрою въ преферансъ, безъ которой старушка не могла существовать. У дверей каждой комнаты непремѣнно стоялъ лакей и каждый изъ этихъ лакеевъ кромѣ опредѣленнаго мѣста у дверей той или другой комнаты, имѣлъ еще и особое наименованіе. Всѣ они стояли въ почтительныхъ позахъ, и только одинъ толстый дворецкій Леонъ, обыкновенно помѣщавшійся у дверей той самой комнаты, въ которой сидѣла старушка, имѣлъ право прислоняться къ притолокѣ. Во время обѣдни, всѣ эти лакеи пѣли хоромъ на клиросѣ. Будучи ребенкомъ, я очень интересовался тѣмъ, какое именно наименованіе имѣетъ тотъ или другой изъ нихъ, и когда однажды одинъ изъ лакеевъ водилъ меня съ моею нянею по комнатамъ, показывая картины и объясняя ихъ содержаніе, безпрестанно употреблялъ слова въ родѣ «поелику, понеже и дондеже», то я съ любопытствомъ обратился къ не-

му съ вопросомъ о томъ, какъ онъ именуется? Оказалось, что это былъ стряпчій. Деревенскій образъ жизни почтеннѣйшей П—и И—ны очень вѣрно, хотя и мимоходомъ, описанъ ея роднымъ племянникомъ, нѣкогда весьма популярнымъ писателемъ Василіемъ Александровичемъ Вонлярлярскимъ, въ его романѣ «Силуэтъ». По зимамъ у нея собирались постоянно одни и тѣ же лица, ежедневно и всегда въ извѣстное время, и, такъ какъ квартира ея въ городѣ была рядомъ съ нашимъ домомъ, то мы всегда заранѣе знали, что вотъ сейчасъ мимо нашихъ оконъ пройдетъ старушка Анна Яковлевна Х—я, тогда-то пасторша Лянгенбекъ, а тогда-то отецъ Леонъ Каченовскій. П—я И—а умерла въ 1854 году, лѣтомъ, и наслѣдникъ ея немедленно же распродалъ, кому и за что попало, ея картины и мебель, а впослѣдствіи продалъ и самое имѣніе. Впрочемъ, съ этимъ домомъ знакомство наше ограничивалось только тѣми праздничными визитами, о которыхъ говорено выше, и гораздо болѣе близкія отношенія долгое время сохранялись у насъ съ другимъ сосѣднимъ домомъ, о которомъ я сейчасъ разскажу.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ находилось другое, тоже довольно большое, село Щелканово, которое принадлежало отставному полковнику Преображенскаго полка П—у П—у К—му, старинному русскому барину, какихъ теперь уже не увидишь нигдѣ. Онъ, впрочемъ, жилъ собственно не въ этомъ имѣніи, а въ другомъ, отдѣленномъ отъ этого и въ которомъ постоянно жило все его семейство, но любилъ часто пріѣзжать сюда, большею частію одинъ и во время его пріѣздовъ почти ежедневно или онъ бывалъ у насъ, или мы отправлялись къ нему, большею частью всѣмъ семействомъ. Онъ былъ въ отдаленномъ родствѣ съ нашею матерью, и мы называли его дѣдушкою. Въ то время когда я сталъ его знать, ему было уже лѣтъ за шестьдесятъ, онъ былъ довольно высокаго роста, но этотъ ростъ много скрадывался почти непомѣрною тучностью. Какъ теперь вижу его слонообразную, почтенную и благодушную фигуру, переваливающуюся съ ноги на ногу, постоянно моргающій лѣвый глазъ, коротенькія сѣдыя бакенбарды (усовъ не носилъ по формѣ временъ Александра I), высокій и широкій лобъ и огромнѣйшую Анну со стразами на шеѣ. П—ъ П—чъ былъ большой говорунъ, gourmand и хлѣбосолъ, а одиночества не любилъ больше всего на свѣтѣ. Недавно въ старыхъ бумагахъ я отыскалъ цѣлую кучу его записочекъ къ моей матушкѣ, въ которыхъ онъ приглашаетъ ее пріѣхать непремѣнно со всѣми дѣтьми, и пишетъ, что одинъ не знаетъ, куда дѣваться отъ скуки. Я помню, что какъ-то одинъ разъ пріѣхали мы съ отцомъ къ нему вечеромъ и застали его на балконѣ производящимъ батальонное ученье цѣлой толпы крестьянскихъ мальчиковъ, которыми онъ самъ командовалъ. Мальчики, не понимая ничего и сбив-

шись въ кучу, топтались по широкому лугу передъ балкономъ, а при какой-нибудь уже очень энергической командѣ, какъ угорѣлые, совались изъ одного конца въ другой. Когда мы пріѣхали, то ученье прекратилось, и началось бросанье въ толпу пряниковъ и орѣховъ. Послѣдняя операція, впрочемъ и безъ батальоннаго ученья, производилась почти каждое воскресенье, послѣ обѣдни. Въ это же время обыкновенно приглашались всѣ бывшіе въ церкви сосѣди, что̀ не всегда соблюдалось, только въ то время, когда вмѣстѣ съ П—мъ П—мъ пріѣзжала также и почтеннѣйшая супруга его Н—я И—на, женщина замѣчательнаго ума и образованія, но державшая своего шаловливаго супруга въ ежовыхъ рукавицахъ. Когда старикъ пріѣзжалъ одинъ, то бывалъ и веселѣе и любезнѣе, и было замѣтно, что онъ какъ будто отдыхаетъ, въ присутствіи же супруги дѣлался совсѣмъ другимъ и иногда жалко было видѣть, съ какою робостью смотрѣлъ онъ на нее, накладывая себѣ на тарелку лишній кусокъ, такъ какъ Н—я И—а постоянно и неутомимо слѣдила за нимъ, чтобы онъ не объѣдался. П—ъ П—чъ очень любилъ устраивать крестьянскія свадьбы, и каждая обвѣнчавшаяся пара прямо изъ церкви обязана была являться къ нему со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ. Иногда этихъ паръ набиралось довольно много, и всѣ онѣ приходили не разомъ, а по очереди, каждой изъ нихъ баринъ читалъ длинное поученіе и чѣмъ-нибудь дарилъ ее, а затѣмъ на широкомъ дворѣ передъ домомъ производилось общее угощеніе. Иногда онъ любилъ вспоминать свою военную службу, разсказывалъ нѣкоторые случаи изъ нея и одинъ разъ при этомъ приказалъ принести цѣлую кучу сохранявшихся бережно его прежнихъ мундировъ. Въ числѣ ихъ находился сюртукъ съ пробитою пулею полою, во время Бородинскаго сраженія. Мы съ любопытствомъ разсматривали эти остатки старины, а когда меня, тогда еще четырнадцатилѣтняго мальчика, заставили примѣрить его унтеръ-офицерскій мундиръ, еще Павловскаго покроя, то ко всеобщему удивленію, онъ на мнѣ не сходился. Помню я также, съ какою любовью и заботливостью былъ занятъ старикъ постройкою новой каменной церкви, почти на самомъ дворѣ его усадьбы; онъ почти цѣлые дни присутствовалъ на работахъ и даже, несмотря на свою тучность, иногда лазалъ вверхъ по доскѣ со ступеньками. Онъ самъ выбиралъ, какую сдѣлать надпись надъ входомъ, и остановился на трогательномъ изреченіи: «пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы». Когда церковь была окончена, то на освященіе ея онъ созвалъ множество гостей, цѣлый день былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи и нѣсколько разъ повторялъ: нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко. Но отпущенію этому было суждено произойти еще очень не скоро: П—ъ П—чъ умеръ только въ 1870 году, болѣе нежели восьмидесяти лѣтъ отъ роду, но лѣтъ за пятнад-

цать до смерти его разбилъ параличъ, и все это время онъ былъ уже полутрупомъ, безъ воли и желаній, хотя и продолжалъ двигаться, и глубоко жаль было смотрѣть тогда на этого еще такъ недавно полнаго жизни, любезнаго и говорливаго старика. Супруга его, кажется, пережила его годомъ или двумя.

Другимъ, тоже довольно близкимъ сосѣдомъ нашимъ, съ которымъ, впрочемъ, наше знакомство началось нѣсколько позже, былъ Я—ъ Ѳ—ъ А—въ. Для полнаго изображенія этой личности необходимо много подробностей, и я не упущу ни одной даже самой мелкой изъ нихъ—до такой степени была она своеобразна и необыденна. Я очень сожалѣю, что въ настоящее время не имѣю возможности иллюстрировать воспоминанія мои его портретомъ, хотя и сохраняются очень хорошіе портреты его, такъ какъ одна наружность его уже много говорила. Вообразите себѣ человѣка громаднаго роста, не очень тучнаго хотя, и не безъ расположенія къ тучности, но необыкновенно плотно и сильно сложеннаго; съ широкимъ, нѣсколько татарскаго типа, некрасивымъ, рябымъ, но очень симпатичнымъ лицомъ, съ маленькими добродушно свирѣпыми, сѣрыми глазами и... съ одною только ногою, такъ какъ другая была цѣликомъ оторвана ядромъ, при штурмѣ Варшавы въ 1831 году. Грузно и неторопливо, на двухъ костыляхъ громадной величины, передвигался онъ съ мѣста на мѣсто, не переставая оглашать свой довольно обширный домъ громкимъ, своеобразнымъ, немного крикливымъ голосомъ, имѣвшимъ какой-то одному ему только принадлежавшій характеръ. Во всей нашей губерніи не было ни одного человѣка, который, разсказывая что-либо о Я—ѣ Ѳ—ѣ, или даже только упоминая о немъ, не считалъ какъ будто какою-то обязанностью подражать этому голосу, такъ онъ казался всѣмъ какъ будто неразлучнымъ съ представленіемъ о владѣльцѣ его, и точно также не было ни одного человѣка, который бы немедленно не узналъ, по одному подражанію, о комъ говорятъ и чьему голосу подражаютъ. Объяснить словами всѣ особенности этого голоса—невозможно, но даже и теперь, чрезъ пятнадцать почти лѣтъ послѣ его смерти, найдется много людей, передъ которыми, при одномъ воспоминаніи звуковъ его, сейчасъ же цѣликомъ воскреснетъ вся оригинальная фигура покойнаго Я—а Ѳ—а.

Родился онъ въ мартѣ 1814 года, въ самый день взятія Парижа, и обстоятельству этому впослѣдствіи придавалъ знаменательное значеніе, а ногу потерялъ въ то время, когда имѣлъ не болѣе осьмнадцати лѣтъ отъ роду. Послѣ этого онъ вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ и женился. Состояніе его было довольно значительное и въ то время, съ котораго я началъ его знать, ему было уже за тридцать лѣтъ, и онъ имѣлъ двоихъ дѣтей, дочь и сына; впослѣдствіи у него родился еще сынъ, съ которымъ и въ настоящее время мы находимся въ очень близ-

кихъ и хорошихъ отношеніяхъ. Несмотря на отсутствіе ноги, Я—ъ Ѳ—ъ обладалъ необычайною силою, и я своими глазами видѣлъ, какъ онъ, почти безъ всякаго усилія, разрывалъ пополамъ колоду картъ и пальцами сгибалъ двугривенные, а разсказовъ и анекдотовъ объ этой силѣ ходило очень много. Разсказывали, напримѣръ, какъ однажды онъ, желая подшутить надъ кузнецомъ, принесшимъ ему заказанныя подковы, вдругъ началъ по одиночкѣ разрывать ихъ и бросать на полъ и, показывая на нихъ кузнецу, остолбенѣвшему отъ изумленія, говорилъ: «самъ видишь, братецъ, какая дрянь твои подковы». Самъ Я—ъ Ѳ—ъ разсказывалъ мнѣ, что какъ-то ѣхалъ въ телѣгѣ, съ однимъ изъ своихъ племянниковъ, и лошади начали бить и понесли; желая приподняться въ телѣгѣ, онъ оперся рукою на наклестку, но по неосторожности рука его попала, въ видѣ тормаза, въ колесо и... вдругъ лошади остановились. Мнѣ случилось видѣть, какъ однвъ разъ трое изъ его многочисленныхъ пріятелей, люди все довольно сильные, плотнаго сложенія и высокаго роста, начали, шутя, съ нимъ возиться. «Погоди, братецъ, дайте только усѣсться»—сказалъ Я—ъ Ѳ—ъ и, бросивъ костыли, бухнулся на полъ, а чрезъ нѣсколько секундъ всѣ трое, въ числѣ которыхъ былъ и мой собственный родитель, какимъ-то способомъ очутились подъ единственною его ногою и запросили пардону. Помню я также, какъ однажды Я—ъ Ѳ—ъ, глядя, какъ танцовали другіе, вдругъ отбросилъ свои костыли и, взявъ за даму меня, такъ какъ подходящей къ нему по росту дамы не было, проскакалъ на одной ногѣ подъ тактъ галопа отъ одного конца довольно длинной залы въ другой и обратно. «Вы только,—говорилъ онъ при этомъ,—не старайтесь держать меня, а лучше сами за меня держитесь». — «Братецъ» было его постоянною поговоркою, и съ этимъ словомъ обращался онъ къ крѣпостнымъ людямъ и къ близкимъ знакомымъ и даже иногда замѣтно удерживался, чтобы не сказать его кому-либо изъ тѣхъ, съ кѣмъ былъ знакомъ не особенно близко.

Супруга его была кроткая, симпатичная особа, которая всю свою жизнь безмолвно и терпѣливо несла, какъ кажется, не совсѣмъ легкую долю и умерла довольно рано, но вмѣстѣ же съ нимъ одно время жила его сестра, вдова, очень самостоятельнаго характера, державшая его въ повиновеніи. Впрочемъ, это повиновеніе ограничивалось, вѣроятно, не очень широкою сферою, потому что Я—ъ Ѳ—ъ вовсе не любилъ оставаться наединѣ со своими домашними, и домъ его почти круглый годъ былъ, какъ говорится, несъѣзжимъ. Гости его оставались иногда по недѣлямъ, и онъ, не принимая никакихъ резоновъ, просто не выпускалъ ихъ отъ себя, а иногда, когда тѣмъ уже очень нужно было уѣзжать домой, начиналъ такъ убѣдительно уговаривать ихъ, что они оставались сами.

Зимою у него довольно часто устраивались танцовальные вечера, которые въ дѣйствительности были вовсе не вечерами, а цѣлыми днями, такъ какъ гости начинали съѣзжаться съ самаго утра и оставались иногда по нѣскольку дней. На вечерахъ этихъ Я—ъ Ѳ—ъ обыкновенно сидѣлъ положа возлѣ себя костыли и глядѣлъ на танцующихъ, въ карты игралъ онъ очень рѣдко, и при этомъ вся его мощная фигура такъ и сіяла тѣмъ благодушіемъ, которое онъ ощущалъ при видѣ веселящихся; но иногда случалось, что въ эти минуты на него вдругъ нападала какая-то меланхолія: склонитъ онъ на бокъ голову и сидитъ не видя ничего, что дѣлается вокругъ, и не слыша, что ему говорятъ, а по выраженію лица ясно видно, что внутри его что-то такое съ трудомъ переваривается. Объ этихъ моментахъ его сестра, не та, которая жила вмѣстѣ съ нимъ, а другая, большая оригиналка, обыкновенно отзывалась такъ: «знаете ли, о чемъ братъ въ это время думалъ? о томъ, чтобы придумать для себя что-нибудь такое, что бы было какъ только можно хуже». Этимъ она намекала на самую невозможную непрактичность его хозяйственныхъ распоряженій и проектовъ. И дѣйствительно, хозяйственныя дѣла его постоянно велись, что называется, спустя рукава и пожалуй шли гораздо лучше тогда, когда самъ онъ менѣе въ нихъ вмѣшивался; но такъ какъ состояніе его, какъ я уже говорилъ, было значительно, то чтобы окончательно разстроить его, все-таки было нужно нѣкоторое и не особенно короткое время, а кромѣ того онъ отъ одного умершаго родственника получилъ въ наслѣдство довольно значительный капиталъ, который и ухитрился просадить цѣликомъ, не выѣзжая изъ деревни.

Всѣмъ хозяйствомъ его, еще при жизни его жены, послѣ смерти ея и до самой его смерти, заправляла одна вдова какого-то мелкаго чиновника, всему свѣту извѣстная подъ именемъ Агаѳьи Трофимовны, или даже просто Трофимовны, такъ какъ фамиліи ея никто не зналъ, и имя этой Трофимовны сдѣлалось положительно неразлучно съ именемъ Я—а Ѳ—а. Она была женщина пожилая, довольно толстая, но чрезвычайно дѣятельная и суетливая, въ теченіе цѣлаго дня она кубаремъ каталась по всему дому, побрякивая ключами, и имѣла какой-то особый специфическій запахъ, по которому еще издали ощущалось ея приближеніе. Агаѳья Трофимовна была бѣлорусска и говорила своеобразнымъ языкомъ, которому точно такъ же, какъ и голосу Я—а Ѳ—а, всѣ считали долгомъ подражать, говоря о ней. О ея неусыпной бдительности и преданности интересамъ ея патрона можно судить по слѣдующему, не вымышленному разсказу. Какъ-то разъ, безпечный и неразсчетливый Я—ъ Ѳ—ъ, нуждаясь въ деньгахъ, вздумалъ продать какому-то подоспѣвшему кстати кулаку нѣсколько штукъ коровъ и уже получилъ за нихъ деньги. Трофимовна какъ-то прозѣвала помѣшать

этому договору, но, услышавъ о томъ, что онъ уже заключенъ, покатилась немедленно на скотный дворъ, легла въ растяжку поперекъ воротъ его и такъ-таки и не позволила выводить оттуда коровъ, вслѣдствіе чего пришлось возвратить кулаку деньги. Этотъ разсказъ относится къ тому времени, когда Я — ъ Ѳ — ъ былъ вдовъ, сестра его переѣхала на жительство въ Москву, а Трофимовна уже стала полновластною распорядительницею всего хозяйства. Отношенія къ ней, за это время, самого Я—а Ѳ—а могли назваться тѣмъ, что хорошо выражается французскимъ словомъ «impayable» и глядѣть на нихъ со стороны— было истинное наслажденіе. Онъ, въ глубинѣ души, очень дорожилъ ею, и безъ нея пожалуй подъ часъ не зналъ бы, что и дѣлать, но показывать это не хотѣлъ, и цѣлыми днями у него происходило съ нею нѣчто въ родѣ баталіи. Трофимовна же, что называется, не чаявшая въ немъ души, просто вслѣдствіе природной ехидности своей, какъ будто нарочно старалась непремѣнно выкидывать какія-нибудь каверзы, конечно, довольно невиннаго свойства. Напримѣръ, подойдетъ она въ то время, когда у Я – а Ѳ—а идетъ какой - нибудь разговоръ съ гостями, посидѣтъ немного, понюхивая табачекъ, какъ будто она тутъ ни при чемъ, да потомъ вдругъ и ляпнетъ непремѣнно что-нибудь такое, что, какъ она сама хорошо знаетъ заранѣе, должно доставить ему неудовольствіе, а потомъ и поглядываетъ на всѣхъ своими хитрыми глазками, мотая головою. «Да вѣдь злость-та какая!»—обращался обыкновенно въ этихъ случаяхъ Я—ъ Ѳ—ъ къ гостямъ съ жалобою на Трофимовну, но уже всѣмъ было извѣстно, въ чемъ дѣло, и нѣкоторые пріятели даже нарочно старались поджигать его. Такимъ манеромъ Трофимовнѣ довольно часто доставалось на орѣхи, но разстаться съ нею Я—ъ Ѳ—ъ былъ не въ состояніи. Вдругъ какъ-то одно время, ко всеобщему удивленію, Трофимовна исчезла изъ его дома, а на мѣстѣ ея появился какой-то древній старикъ, воспитанникъ іезуитской школы, по фамиліи Тышко. Домъ Я—а Ѳ—а принялъ какой-то совершенно несвойственный характеръ, въ немъ ясно чего-то недоставало, и обычные гости его, тѣ же пріятели, которые прежде поджигали его противъ Трофимовны, уже начали усердно хлопотать о ея возвращеніи и въ этомъ смыслѣ часто поддразнивали Я—а Ѳ – а. «Понимаемъ! – говорилъ напримѣръ одинъ изъ нихъ,—понимаемъ, въ чемъ дѣло: вліяніе іезуитовъ!» и Я—ъ Ѳ—ъ, вообще легко поддававшійся всякимъ вліяніямъ, очень скоро послѣ вышеупомянутой перемѣны протурилъ Тышку, а Трофимовна снова водворилась въ его домѣ и уже на этотъ разъ не покидала его до самой смерти. Въ качествѣ вдовы чиновника, Трофимовна получала отъ казны какую-то незначительную пенсію и, года черезъ два, разъ ѣздила въ губернскій городъ за ея полученіемъ. Какъ-то, возвратясь изъ подобной поѣздки, она, со смѣхомъ и крутя головою, разсказывала, что въ казначействѣ отъ нея потребовали

удостовѣренія полиціи въ томъ, что она жива.—«Ахъ, проказники какіе!—говорила она,—да якъ бы жъ это я къ нимъ пришла, кабы жива не была?» Въ домѣ Я—а Ѳ—а ея вѣдѣнію подлежало все: она заказывала обѣдъ и сама выдавала припасы для него, и она же обыкновенно разливала чай утромъ и вечеромъ. Привычки и вкусы обычныхъ гостей были на память извѣстны ей, а съ самими гостями она всегда обращалась безцеремонно: любезно или ехидно, смотря потому, кто какъ ей нравился. «Что жъ вы-то, батюшка, рѣдко у насъ бываете?—говорила она одному,—а еще вчера было у насъ ваше любимое кушанье». Или, напримѣръ, искоса поглядывая на то, что другой очень ужь медленно пьетъ свой чай: «ахъ, ужь мнѣ этый панъ, во, гдѣ сидитъ! цодитъ [1]), цодитъ свой стаканъ, да и конца этому нѣтъ!» Всѣ, впрочемъ, обращались съ нею хотя отчасти шутливо, но довольно почтительно и когда какъ-то одинъ сосѣдъ и родственникъ Я—а Ѳ—а, молодой человѣкъ, очень часто бывавшій у него, въ запальчивости сказалъ ей какую-то дерзость, то она вломилась въ такую амбицію, что тотъ едва «унесъ ноги». «Да якъ же это ты смѣешь, мой батюшка, такъ говорить старой женщинѣ?»—кричала она, и замѣчательно то, что Я—ъ Ѳ—ъ, какъ я уже сказалъ, обыкновенно самъ всегда воевавшій съ нею, въ этомъ случаѣ принялъ ея сторону; но, не желая ссориться съ тѣмъ, кто сказалъ ей дерзость, только обращался ко всѣмъ присутствующимъ и какимъ-то, какъ будто нерѣшительнымъ, голосомъ говорилъ: «ну, какъ же можно такъ говорить?»

Я—ъ Ѳ—ъ былъ великій патріотъ и политикъ. Съ самаго начала Крымской войны его можно было видѣть не иначе, какъ сидящимъ передъ разложенною по всему столу огромнѣйшею географическою картою, въ которой онъ постоянно тыкалъ пальцемъ, назначая мѣста войскамъ и опредѣляя заранѣе то мѣсто на берегу Крыма, гдѣ, по его соображеніямъ, должны будутъ высадиться англо-французскія войска. Это послѣднее обстоятельство такъ озабочивало его, что онъ наконецъ не выдержалъ и, считая своимъ долгомъ предупредить правительство, написалъ нѣчто въ родѣ докладной записки, или, какъ онъ самъ называлъ, проекта, который и послалъ по почтѣ въ Петербургъ. Куда именно проектъ былъ адресованъ—я не знаю, но въ немъ, кромѣ вышесказанныхъ соображеній о высадкѣ, высказывалась еще и та мысль, что для успѣшности веденія войны съ французами и англичанами необходимо предварительно объявить войну Австріи и взять Вѣну, которую Я—ъ Ѳ—ъ отъ души ненавидѣлъ и называлъ не иначе, какъ коварною. Мнѣ неизвѣстно, какая судьба постигла проектъ, но англо-французскія войска, какъ нарочно, высадились именно въ томъ самомъ мѣстѣ,

---

[1]) Неправильное произношеніе глагола «цѣдить».

на которое онъ постоянно указывалъ, и вслѣдствіе этого Я—ъ Ѳ—ъ почувствовалъ такое глубокое уваженіе къ своимъ стратегическимъ способностямъ, что впослѣдствіи, продолжая внимательно слѣдить за ходомъ войны, уже не иначе относился къ дѣйствіямъ нашихъ военачальниковъ, какъ критически, и непремѣнно осуждалъ ихъ. «Вѣдь вотъ никогда не вѣрятъ тому, кто скажетъ правду,—негодовалъ онъ,—куда-де намъ знать все это! не туда, молъ, суешься съ своимъ носомъ; а вотъ теперь пусть расхлебываютъ». При этомъ онъ задумывался на минуту и потомъ продолжалъ: «не знаютъ, кого назначить главнокомандующимъ!» И когда кто-то при этомъ случаѣ спросилъ, кого именно слѣдовало бы по его мнѣнію назначить, то Я—ъ Ѳ—ъ вовсе не шутливымъ тономъ отвѣчалъ: «а хоть бы и меня!» Близкіе пріятели, видя его увлеченіе, уже безъ всякой осторожности подтрунивали надъ нимъ и говорили, что единственною помѣхою этому вѣроятно служитъ то, что у него живетъ Агаѳья Трофимовна, которую, какъ польку, подозрѣваютъ въ измѣнѣ, при чемъ нѣкоторые съ серьезнымъ видомъ прибавляли, что легко можетъ быть и то, что это именно она выдала англичанамъ его предположенія о мѣстѣ высадки. «Ну что, братецъ, шутишь?» —грустно отвѣчалъ на это Я — ъ Ѳ — ъ, «а только если бы я былъ главнокомандующимъ, то приказалъ бы не брать въ плѣнъ этихъ мошенниковъ».—«Ну а что же съ ними дѣлать?—спрашивали у него.—«Головы рубить!»

При крѣпостномъ правѣ, отношенія его къ его людямъ были хотя не особенно мягки, но, если можно такъ выразиться, имѣли характеръ какого-то своеобразнаго добродушія, и для охарактеризованія ихъ я разскажу то, что осталось у меня въ памяти.

Онъ очень любилъ, иногда отъ скуки, заниматься разборомъ дрязгъ и ссоръ между дворовыми людьми, и для водворенія между ними мира и спокойствія всѣмъ совѣтовалъ поступать именно такъ, какъ онъ. Сидитъ онъ, напримѣръ, на крыльцѣ своего дома, и къ нему съ визгомъ и воемъ подбѣгаетъ какая-нибудь Матрена и горько жалуется на то, что Акулина ее прибила. «Хорошо, — говоритъ Я—ъ Ѳ—ъ, позвать сюда ее!» Когда та является, онъ приказываетъ Матренѣ показать самой Акулинѣ, какъ та ее била, и Матрена, разумѣется, съ полною готовностью исполняетъ это. «Ну, а теперь ты опять ее... а теперь опять ты», и между бабами тутъ же, передъ крыльцомъ, начинается цѣлая баталія, а Я—ъ Ѳ—ъ кричитъ: «воды!» Приносятъ немедленно же ведро воды и при всеобщемъ смѣхѣ бабъ разливаютъ. Собственноручной расправы онъ по большей части остерегался, потому что самъ боялся своей страшной силы, но взглядъ на нее имѣлъ также очень своеобразный, и о немъ можно судить по тому разговору, который я имѣлъ съ нимъ уже гораздо послѣ освобожденія. Мы говорили о прежнихъ

и настоящихъ отношеніяхъ господъ къ слугамъ, и Я—ъ Θ—ъ, слушая меня, съ удивленіемъ спросилъ: «да что же по-вашему-то теперь лучше что ли?» И, начавъ защищать прежнее, продолжалъ: «прежде было такъ: если человѣкъ хорошъ—ну, и я съ нимъ тоже ничего, и, братецъ, скажу, ну и еще тамъ что-нибудь; нехорошъ—я его въ рожу. И совершенно справедливо! а теперь какъ? я, вонъ, недавно видѣлъ въ клубѣ: лакей подаетъ акцизному трубку, а тотъ и не глядитъ вовсе и отвернулся». Крестьяне, впрочемъ, и во время крѣпостнаго права, несмотря на то, что иногда онъ задавалъ имъ самыя капитальныя порки, и впослѣдствіи относились къ нему съ гораздо большею симпатіею, нежели ко многимъ другимъ помѣщикамъ и, точно такъ же стараясь подражать его голосу, разсказывали разные случаи изъ своихъ съ нимъ встрѣчъ, или столкновеній. Я—ъ Θ—ъ между прочимъ былъ старостою приходской церкви, и у меня остался въ памяти разсказъ одного плотника, который я и передамъ здѣсь. «Кончилъ я ограду въ церкви,—разсказывалъ онъ,—и пошелъ къ нему въ Скриплево за деньгами.—«Да что жъ, братецъ, деньги; надо прежде посмотрѣть». Я поклонился и спрашиваю, когда же будетъ ему угодно самому видѣть работу?—«Да вотъ буду у обѣдни, такъ и посмотрю». Однако, я прождалъ почти все лѣто, а онъ все не собрался, и я опять пошелъ къ нему, да и говорю: такъ и такъ, деньги, молъ, нужны очень. Слушалъ онъ, слушалъ меня, да и говоритъ: «ты кто?» Я говорю: крестьянинъ деревни Долгихъ Нивъ. «Да, ну а я кто?» Я ужъ знаю, что ему надо, и отвѣчаю: храма сего архитехторъ!—«Да! говоритъ, то-то! ну такъ вотъ, твое дѣло помолчать, да подождать, а я свое дѣло и безъ тебя знаю».

Я—ъ Θ—ъ считалъ себя также большимъ физіономистомъ и такъ какъ я уже говорилъ, что каждая, даже самая мельчайшая подробность кажется мнѣ нелишнею для изображенія его оригинальной фигуры, то и по этому поводу я разскажу нѣсколько случаевъ, относящихся къ разному времени. Во время общаго нашего пребыванія въ Петербургѣ, о которомъ будетъ разсказано въ свое время, мы вмѣстѣ съ нимъ осматривали Императорскій Эрмитажъ. Долго стоялъ Я—ъ Θ—ъ передъ статуею Вольтера и, качая головою нѣсколько разъ, повторялъ: «что-за сатанинская рожа!» а подъ конецъ отвернулся и плюнулъ. «Еретикъ!»—проворчалъ онъ. Когда уже мы окончили осмотръ и сходили внизъ, то, спускаясь съ нимъ вмѣстѣ по скользкой мраморной лѣстницѣ, я поддерживалъ его, и шествіе наше продолжалось не малое время, такъ какъ на каждой площадкѣ Я—ъ Θ—ъ останавливался и отдыхалъ. Навстрѣчу къ намъ всходило какое-то общество очень изящной наружности, состоявшее изъ пожилой дамы, молодой дѣвушки и молодаго человѣка въ форменномъ фракѣ министерства юстиціи, съ правовѣдскимъ значкомъ на часовой цѣпочкѣ. По сходству лицъ, бро-

савшемуся въ глаза, было ясно, что это мать, дочь и сынъ. Когда они поравнялись съ нами, Я—ъ Ѳ—ъ смѣрялъ ихъ глазами съ ногъ до головы, а когда они отошли на такое разстояніе, что не могли его слышать, обернулся ко мнѣ и, показывая имъ вслѣдъ пальцемъ, сказалъ.

— Всѣ католики!

— Да почему же вы знаете?—спросилъ я.

— Такъ! по рожѣ видно!

Въ другой разъ онъ какъ-то былъ въ губернскомъ городѣ и вздумалъ посмотрѣть вновь устроенное общественное гулянье, называемое Лопатинскимъ садомъ, куда и отправился съ однимъ своимъ молодымъ родственникомъ. Послѣднее время онъ бывалъ очень рѣдко въ губернскомъ городѣ и почти никого не зналъ изъ мѣстнаго общества, котораго составъ мѣнялся довольно часто, и потому, усѣвшись на скамейкѣ, онъ потребовалъ отъ своего спутника, чтобы онъ называлъ ему тѣхъ, о комъ онъ будетъ спрашивать.

— Коля! кто это, братецъ, вонъ тамъ около твоей сестры увивается?

— Это майоръ С—го полка А—чъ (польская фамилія). Не правда ли, какой молодецъ? И вѣдь еще очень молодой человѣкъ, а уже майоръ.

— Какая дрянь! ахъ, братецъ, какая дрянь!.. ну а вотъ этотъ, что стоитъ рядомъ?

— Это начальникъ штаба, полковникъ Ду—нъ.

— Какъ? полковникъ? такой молодой? ахъ, какое лицо! какое пріятное лицо!

Такимъ способомъ составленное о комъ-либо мнѣніе оставалось у Я—а Ѳ—а навсегда, и переубѣдить его не было ни малѣйшей возможности. Бывшій учитель нашъ Александръ Ѳедоровичъ, о которомъ говорено въ предъидущей главѣ, впослѣдствіи поступилъ въ домъ Я—а Ѳ—а съ цѣлью обученія его сыновей, но такъ полюбился ему самому, что онъ почти ни на минуту не отпускалъ его отъ себя и врядъ ли много времени оставалось тому для исполненія учительской обязанности.

Въ 1855-мъ году объявлено было государственное подвижное ополченіе, и Я—у Ѳ—у также пришла охота поступить въ него. Само собою разумѣется, что дворянствомъ онъ былъ избранъ туда торжественно и съ различными оваціями, но избранія эти должны были утверждаться, кажется, инспекторскимъ департаментомъ военнаго министерства, и въ утвержденіи Я—а Ѳ—а было отказано — по той причинѣ, что у него оторвана нога. Между тѣмъ онъ уже заранѣе облачился въ ополченскій мундиръ и, будучи сильно обиженъ отказомъ, самъ отправился въ Петербургъ хлопотать о своемъ утвержденіи, а для компаніи прихватилъ съ собою Александра Ѳедоровича. Въ это самое время мы съ отцомъ и младшимъ моимъ братомъ были также въ Петербургѣ, ожидая

опредѣленія нашего на военную службу, и случилось такъ, что Александръ Ѳедоровичъ остановился въ тѣхъ же chambres garnies, на Невскомъ проспектѣ противъ церкви Знаменія, въ которыхъ стояли и мы. Одновременно съ ними пріѣхалъ также и еще одинъ обыватель нашего уѣзда, неглупый, бойкій и веселый человѣкъ, по фамиліи О—кій, хлопотавшій о мѣстѣ по провіантскому вѣдомству, и такимъ образомъ chambres garnies эти сдѣлались цѣлою колоніею К—го уѣзда. Самъ же Я—ъ Ѳ—ъ остановился у одного своего родственника, очень важнаго господина, жившаго въ своемъ домѣ гдѣ-то на Фонтанкѣ или на Литейной, но ежедневно пріѣзжалъ къ намъ въ коляскѣ, которую нанималъ посуточно, и часа полтора всходилъ на шестой этажъ, отдыхая на каждой площадкѣ, куда ему обыкновенно сносили сверху стулъ. Довольно часто онъ оставался на цѣлый день и посылалъ просить своего родственника извинить его за то, что не можетъ у него обѣдать. «Тамъ, братецъ, все цирлихъ-манирлихъ, —говорилъ онъ,—нельзя ни разстегнуться, ни...». Надо было видѣть, какой фуроръ производило почти вездѣ появленіе безногаго инвалида въ ополченскомъ мундирѣ. Въ Эрмитажѣ—почтенные старики, дворцовые гренадеры, во всю ширину груди увѣшанные крестами и медалями, завидя его, кланялись чуть не до земли, а какъ-то разъ, когда Я—у Ѳ—у вздумалось пройти съ нами нѣсколько шаговъ по Невскому проспекту, то все время, пока онъ опять не усѣлся въ свою коляску—за нами слѣдовала почти цѣлая толпа. Сверхъ ополченскаго мундира Я—ъ Ѳ—ъ надѣвалъ обыкновенно какой-то имъ самимъ изобрѣтенный короткій плащъ, съ краснымъ воротникомъ, и такъ какъ подъ этимъ плащемъ не были видны его оберъ-офицерскія эполеты, то насъ безпрестанно останавливали вопросами о томъ: кто этотъ почтеннѣйшій генералъ? Все это происходило въ самый годъ кончины императора Николая Павловича, и 18-го числа каждаго мѣсяца вся царская фамилія имѣла обыкновеніе присутствовать на панихидѣ, совершавшейся надъ гробомъ его въ Петропавловской крѣпости. 18-го мая, мы вдвоемъ съ Александромъ Ѳедоровичемъ вздумали посмотрѣть эту панихиду и въ сквернѣйшую холодную погоду пѣшкомъ отправились въ Петропавловскую крѣпость. Вѣроятно, мы собрались позже, нежели слѣдовало, потому что царскій поѣздъ обогналъ насъ еще на Троицкомъ мосту, а когда мы пришли, то панихида уже кончалась и въ церковь насъ не впустили. Однако мы вовсе отъ этого не сконфузились, терпѣливо остались ожидать въ притворѣ и немного погодя имѣли возможность очень близко видѣть и хорошо разсмотрѣть государя, государыню, всѣхъ великихъ князей и княгинь, лица которыхъ и до сихъ поръ хорошо сохранились въ моей памяти, а также многихъ иностранныхъ принцевъ и нѣкоторыхъ важныхъ сановниковъ. Государь былъ въ преображенскомъ мундирѣ и, проходя мимо насъ, ми-

лостиво отвѣтилъ на нашъ почтительный поклонъ. Не успѣла царская фамилія отъѣхать отъ подъѣзда церкви, какъ къ нему въ коляскѣ подкатилъ Я—ъ Ѳ—ъ и такъ какъ въ это время въ церковь уже впускали, то мы и вошли съ нимъ вмѣстѣ. Я—ъ Ѳ—ъ прямо направился къ стоявшему, еще въ облаченіи, посреди церкви, протопресвитеру Бажанову и просилъ его снова отслужить панихиду надъ гробомъ императора. Протопресвитеръ отвѣчалъ, что не имѣетъ для этого времени, но что здѣсь есть мѣстный священникъ, который и можетъ удовлетворить его желанію. Уже успѣвшій привыкнуть къ оваціямъ и вѣроятно принявшій отца Бажанова за какого-нибудь простаго священника, Я—ъ Ѳ—ъ замѣтно нахмурился, но немедленно же былъ утѣшенъ тѣмъ, что какая-то тутъ же стоявшая очень почтенная пожилая дама, вѣроятно изъ числа придворныхъ, еще остававшихся въ церкви, собственными руками, унизанными драгоцѣнными перстнями, подала ему складной стулъ. Я—ъ Ѳ—ъ усѣлся и, обернувшись, подмигнулъ въ нашу сторону съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «вѣдь вотъ понимаетъ же она, въ чемъ дѣло!» Крѣпко хотѣлось Я—у Ѳ—у какъ-нибудь случайно попасть на глаза государю, но такъ какъ въ то время дворъ часто переѣзжалъ изъ Петербурга въ Царское Село и обратно, то довольно долгое время это ему никакъ не удавалось. Наконецъ пришло извѣстіе, что мы съ братомъ опредѣлены въ лейбъ-гренадерскій Екатеринославскій Его Величества полкъ, съ прикомандированіемъ къ Образцовому полку, и что мы должны немедленно отправляться въ Царское Село, гдѣ этотъ полкъ расположенъ. Вся колонія наша вздумала воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы посмотрѣть Царское и его знаменитый садъ, и съ первымъ же поѣздомъ всѣ мы туда поѣхали вмѣстѣ.

По пріѣздѣ, мы заняли единственный нумеръ мерзѣйшей гостиницы, носившей названіе «Софія», и немного погодя отправились въ садъ черезъ ворота воиновъ двѣнадцатаго года. Скоро послѣ этого, въ одной изъ аллей, помнится въ той самой, гдѣ находится фонтанъ или источникъ разбитаго кувшина, позади вдругъ послышался мягкій шумъ колесъ, и по направленію къ дворцу, мимо насъ, проѣхалъ императоръ Александръ Николаевичъ, въ открытой коляскѣ, рядомъ съ государынею императрицею. Коляска прокатилась такъ быстро, что вся наша компанія едва успѣла поснимать шляпы, а Я—ъ Ѳ—ъ, шедшій почти по серединѣ аллеи—такъ и остался на томъ же мѣстѣ. Вдругъ лицо его замѣтно опечалилось, и онъ довольно громко началъ говорить: «Да! это, разумѣется, не стоитъ никакого вниманія! ополченецъ безъ ноги—это такъ себѣ, совсѣмъ ничего, вздоръ какой-то!» Но едва только успѣлъ онъ окончить свое слово, какъ та же коляска зашумѣла обратно и, подъѣхавъ прямо къ нему—остановилась. Государь императоръ сидѣлъ

въ ней уже одинъ. Всѣ остальные почтительно отодвинулись къ краю дорожки, а Я—ъ Ѳ—ъ сначала засуетился, но, подобравъ костыли, просіялъ и вытянулся, приложивъ руку къ фуражкѣ. «Гдѣ вы потеряли ногу?» спросилъ государь, но вѣроятно отвѣтъ на этотъ первый вопросъ былъ очень неясенъ, потому что государь снова повторилъ его, а потомъ опять переспросилъ: «вы теперь потеряли ногу?» Нѣтъ, не теперь, Ваше Величество,—громогласно отвѣчалъ Я—ъ Ѳ—ъ, а тридцать лѣтъ тому назадъ, при штурмѣ Варшавы. «Такъ какъ же вы можете служить?»—сказалъ государь, и послѣ этого вопроса Я—ъ Ѳ—ъ повидимому собирался завести какую-нибудь длинную перорацію, по всей вѣроятности ту самую, которая уже давно была имъ заготовлена для подобнаго случая, о томъ, что для отечества нужнѣе голова, нежели нога; онъ довольно часто, еще въ то время, когда только еще мечталъ о встрѣчѣ съ государемъ, говорилъ, что непремѣнно скажетъ ему это. Но вѣроятно государь не имѣлъ времени для продолжительнаго разговора: онъ спросилъ, какъ его фамилія, и, сказавъ что-то въ родѣ: «я объ васъ вспомню», или «я васъ не забуду», уѣхалъ. Послѣ милостиваго вниманія, оказаннаго государемъ, Я—ъ Ѳ—ъ цѣлый день ходилъ сіяющій.

Въ эту же поѣздку, съ любезнѣйшимъ учителемъ моимъ Александромъ Ѳедоровичемъ случилось весьма комическое происшествіе. Онъ и О—кій гдѣ-то провѣдали, что государь въ тотъ же день будетъ принимать у дворцоваго крыльца прошенія, и, не довольствуясь тѣмъ, что уже разъ видѣли его, отправились туда посмотрѣть еще разъ. Возвратясь оттуда въ гостиницу, они торопливо и прерывая другъ друга, какъ два Петра Иваныча, разсказывали, что еще до выхода государя какой-то флигель-адъютантъ подошелъ къ нимъ и спросилъ, имѣютъ ли они прошенія, а когда они отвѣчали, что нѣтъ, то, посмотрѣвъ на нихъ внимательно, сказалъ: такъ извольте отойти подальше. О—кій впрочемъ разсказывалъ это, посмѣиваясь своими умными глазами, но Александръ Ѳедоровичъ ясно находился въ большой тревогѣ, не внималъ никакимъ возраженіямъ и все повторялъ, что теперь на это смотрятъ строго и слѣдовательно надлежитъ непремѣнно опасаться. «Должно быть, это отъ того онъ сказалъ, что я въ сѣромъ пальто и держалъ руки сложенными, вотъ такъ»—говорилъ Александръ Ѳедоровичъ, и я, недоумѣвая, спросилъ у него, какое же все это можетъ имѣть значеніе?—«Э, да вы не понимаете!—съ досадою отвѣчалъ онъ, сѣрый цвѣтъ — національный польскій, а въ сложенныхъ рукахъ онъ могъ подозрѣвать у меня кинжалъ». Александръ Ѳедоровичъ такъ и уѣхалъ въ Петербургъ, не успокоенный, на одномъ поѣздѣ съ Я—мъ Ѳ—мъ, а отецъ мой съ О-кимъ остались до слѣдующаго поѣзда и дорогою согласились подшутить надъ нимъ. Сейчасъ же по пріѣздѣ они, хорошо сохраняя серьезный тонъ,

сообщили ему, что едва онъ уѣхалъ, какъ къ нимъ въ гостиницу явился квартальный надзиратель и спросилъ, который изъ нихъ называется Ѳедоровымъ? Александръ Ѳедоровичъ безпокойно забѣгалъ по комнатѣ и нѣсколько разъ повторилъ: какъ? уже и фамилію успѣли узнать? а потомъ, вдругъ остановясь передъ ними, спросилъ: что же вы отвѣчали? «Да то, что Ѳедоровъ дѣйствительно былъ съ нами и только-что сейчасъ уѣхалъ въ Петербургъ».

— И больше онъ ничего не спрашивалъ?

— Нѣтъ, спросилъ адресъ петербургской квартиры и записалъ.

— Да зачѣмъ же вы сказали?

Я—ъ Ѳ—ъ, также бывшій при этомъ разговорѣ, но непосвященный въ мистификацію, пресерьезно началъ доказывать, что не сказать было нельзя, и въ эту самую минуту какъ на бѣду отворилась дверь и вошелъ какой-то чиновникъ въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и серебряными пуговицами. Чиновникъ этотъ, какъ потомъ оказалось, былъ изъ министерства (военнаго) и имѣлъ порученіе къ Я—у Ѳ—у, но Александръ Ѳедоровичъ принялъ его за полицейскаго и, поблѣднѣвъ, какъ мѣлъ, бросился въ свою комнату. Видя, что дѣло принимаетъ нешуточный оборотъ, отецъ и О—кій сейчасъ же пошли за нимъ и, войдя въ его нумеръ, увидѣли, что дрожащими руками онъ жжетъ на свѣчкѣ какую-то бумажку. Разумѣется, они расхохотались, но вполнѣ разувѣрить почтеннѣйшаго Александра Ѳедоровича стоило немало времени.

Между тѣмъ оказалось, что упомянутый чиновникъ явился въ нашу колонію по слѣдующему случаю. Необходимо знать, что Я—ъ Ѳ—ъ, не желая доставлять безпокойства тому важному родственнику, у котораго остановился, показалъ въ полиціи свой адресъ не у него, а въ тѣхъ же нумерахъ, гдѣ жили мы, и пріѣхавшій чиновникъ объявилъ, что онъ присланъ къ нему по приказанію его сіятельства господина военнаго министра. Военный министръ по высочайшему повелѣнію объявлялъ Я—у Ѳ—у, что не находитъ возможнымъ утвердить его строевымъ офицеромъ ополченія, но что, видя его любовь къ отечеству и желаніе служить ему и вполнѣ цѣня ихъ, государь императоръ повелѣлъ предложить ему мѣсто городничаго или смотрителя военнаго госпиталя тамъ, гдѣ откроется первая вакансія. Я—ъ Ѳ—ъ нахмурился и призадумался, но чрезъ нѣсколько секундъ вдругъ началъ шумѣть. «Потрудитесь пожалуйста сказать князю (Долгорукому), что я человѣкъ вовсе не бѣдный и не хочу отнимать хлѣбъ у другихъ! Я хочу за отечество проливать кровь, а не чернила. Скажите князю, что я не желаю городничаго и прошу утвердить меня въ ополченіи».

Чиновникъ отвѣчалъ, что не смѣетъ ровно ничего докладывать министру, и присланъ только для того, чтобы объявить его приказаніе, но Я—ъ Ѳ—ъ не унимался и продолжалъ: «да вы поймите, что я

вѣдь не хочу быть ни городничимъ, ни смотрителемъ госпиталя», но чиновникъ только попросилъ не задерживать его и скорѣе росписаться. Нечего дѣлать—расчеркнулся Я — ъ Ѳ — ъ на поданной ему бумагѣ, но по уходѣ чиновника долго сердился и брюзжалъ. «Городничимъ!—говорилъ онъ,—ну, хорошо, пускай себѣ такъ; такъ дайте мнѣ, скажу, мѣсто городничаго въ Бердичевѣ!» При этомъ онъ съ добродушною злобою хохоталъ. «Онъ спроситъ (то-есть, военный министръ, съ которымъ велся этотъ предполагаемый разговоръ), почему именно въ Бердичевѣ? а я ему и брякну, что вы, ваше сіятельство, и сами не можете дать мнѣ этого мѣста, не давъ прежде пятидесяти тысячъ—чтобы заплатить за него, гдѣ слѣдуетъ».

Мнѣ неизвѣстно, что происходило послѣ того, что разсказано, но какимъ-то способомъ Я — ъ Ѳ — ъ, добившись того, что въ ополченіи его утвердили, съ тою впрочемъ оговоркою, чтобы онъ былъ назначаемъ не иначе, какъ на однѣ только штабныя должности, торжествующій возвратился домой. Тѣмъ временемъ смоленское ополченіе уже двинулось въ походъ на югъ, и приходилось его догонять. Не медля занялъ онъ у евреевъ крупную сумму за огромные проценты, снарядилъ цѣлый обозъ экипажей и съ огромнѣйшею свитою, въ числѣ которой находились даже двѣ прачки, отправился догонять свою дружину. Гдѣ именно онъ догналъ ее, я не знаю и вообще мнѣ мало извѣстны подробности этого похода, но я слышалъ, что офицеры жили тогда дружно и весело и почти всю кампанію простояли въ Бессарабіи. Я помню, какъ Я—ъ Ѳ —ъ разсказывалъ, что тамошній богатый помѣщикъ, полковникъ Кѣшко, по всей вѣроятности отецъ эксъ-королевы сербской, часто приглашалъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и задавалъ имъ великолѣпные обѣды.

Я — ъ Ѳ — ъ не дотянулъ до конца и вышелъ въ отставку, ранѣе распущенія ополченія; за это ему сначала не было предоставлено право носить тотъ крестъ, который былъ данъ всѣмъ, тамъ служившимъ, но онъ возмутился этимъ, послалъ куда-то прошеніе о томъ, чтобы у него не отнимали заслуженнаго имъ права, и впослѣдствіи оно было ему дано.

По возвращеніи изъ похода, Я — ъ Ѳ — ъ снова поселился въ деревнѣ. Вскорѣ за тѣмъ единственная дочь его, воспитывавшаяся въ Патріотическомъ институтѣ, по выпускѣ оттуда, пріѣхала къ нему, и домъ его по-прежнему сталъ наполняться почти безвыѣздными гостями. Дочь, впрочемъ, скоро вышла замужъ, по случаю ея свадьбы онъ задалъ пиръ, какъ говорится, на весь міръ, а по ея отъѣздѣ нѣкоторое время жилъ одинъ съ неизбѣжною Трофимовною, такъ какъ изъ сыновей его одинъ въ то время былъ въ военной службѣ, а другой—въ корпусѣ; но въ концѣ 1861-го года его избрали уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

*

Этого ему хотѣлось давно, но до сихъ поръ на него почему-то не обращались взоры дворянства, теперь же на долю его выпало какъ разъ такое время, когда характеръ предводительской дѣятельности долженъ былъ существенно измѣниться. Только-что были учреждены мировые посредники и ихъ съѣзды, на которыхъ предводитель долженъ былъ предсѣдательствовать, повсюду отводились крестьянскіе надѣлы, и вводились уставныя грамоты, и предмѣстникъ Я — а Ѳ — а отказался отъ этой должности именно потому, что вовсе не имѣлъ охоты возиться со всѣми этими дрязгами.

Очень понятно, что и Я — ъ Ѳ — ъ вовсе не былъ подготовленъ къ этой новой обязанности, да и вообще къ какой-либо гражданской службѣ, но такъ какъ въ то время я не жилъ въ своемъ уѣздѣ, то не могу дать полной характеристики его предводительской дѣятельности. Однако все-таки, какъ мѣстному землевладѣльцу, мнѣ приходилось иногда сталкиваться съ нею, и я разскажу тѣ случаи изъ этихъ столкновеній, которые остались у меня въ памяти.

Тѣ дворянскіе выборы, на которыхъ Я—ъ Ѳ—ъ былъ избранъ въ уѣздные предводители—были первыми послѣ учрежденія должностей мировыхъ посредниковъ. Необходимо замѣтить, что въ посредники такъ называемаго перваго призыва были по большей части назначены люди такого направленія, которое въ то время именовалось либеральнымъ, или даже краснымъ. Большинство этихъ либераловъ были люди вполнѣ добросовѣстные, серьезные и твердые, и весь такъ называемый либерализмъ ихъ заключался только въ томъ, что они глядѣли на эти вопросы нѣсколько шире другихъ и были безконечно дальновиднѣе тѣхъ помѣщиковъ, которые уже закоснѣли въ привычкахъ крѣпостнаго права. Вслѣдствіе этого, они постоянно возбуждали неудовольствіе этихъ послѣднихъ, и первые же дворянскіе выборы послужили поводомъ къ тому, что противъ нихъ поднялась страшная буря. Большая часть этихъ неудовольствій была совершенно лишена разумнаго основанія, но справедливость требуетъ сказать, что между посредниками попадались и такіе люди, либерализмъ которыхъ былъ свойства не болѣе, какъ табуннаго: они подражали тому направленію, которое видѣли въ большинствѣ, да кромѣ того еще и поощрялось свыше, а личными побужденіями ихъ были—желаніе пріобрѣсти популярность между крестьянами, а подъ часъ и половить рыбки въ мутной водѣ. Къ числу такихъ именно посредниковъ слѣдуетъ отнести одного изъ нашего уѣзда, противъ котораго во время выборовъ поднялась буря. Обвиняли его во многомъ, и между прочимъ въ глаза говорили, что ничто другое не можетъ быть подкладкою его дѣйствій, кромѣ корысти. Посредника этого вызывали даже къ губернскому столу, что̀ было уже вовсе несогласно съ правилами суда надъ ними. Онъ выходилъ, давалъ

какія-то уклончивыя и неопредѣленныя объясненія и въ заключеніе спектакля, тутъ же на выборахъ, подалъ въ отставку, чѣмъ какъ бы самъ призналъ себя виноватымъ.

По закону мировые посредники были назначаемы губернаторомъ, по соглашенію съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, и сейчасъ же по окончаніи выборовъ новый предводитель нашъ, то-есть Я—ъ Ѳ—ъ, былъ приглашенъ къ губернатору для этого соглашенія и замѣны выбывшаго. Онъ указалъ губернатору на двухъ кандидатовъ, изъ числа которыхъ одному онъ сильно хотѣлъ порадѣть, какъ родному человѣчку, а другому даже и самъ не сочувствовалъ, но указывалъ на него, только уступая мнѣнію большинства землевладѣльцевъ. Губернаторъ, самъ бывшій либераломъ съ головы до ногъ, не пожелалъ, однако, ни того, ни другаго, а назначилъ третьяго, человѣка вполнѣ порядочнаго, но о желаніи котораго принять должность посредника справиться не позаботился. Оказалось, что этотъ третій, фамилія котораго была В—ь фонъ-Г—ъ, не имѣетъ ни малѣйшаго желанія вводить уставныя грамоты и разбирать жалобы помѣщиковъ и крестьянъ другъ на друга, и, какъ только узналъ о своемъ назначеніи, то немедленно же прискакалъ въ городъ для того, чтобы отказаться. Въ одно прекрасное утро, совершенно для меня неожиданно, получилъ я отъ Я—а Ѳ—а, еще остававшагося въ городѣ по окончаніи выборовъ, записку, въ которой онъ приглашалъ меня пріѣхать къ нему непремѣнно и сейчасъ же, по очень важному дѣлу. Я пріѣхалъ и засталъ у него В—я, или какъ его по большей части называли, Г—я. Г—ль, что называется, à bout portant, не будучи даже почти знакомъ со мною, обратился съ предложеніемъ принять на себя ту должность, отъ которой онъ самъ отказывается. Въ то время я только-что занялъ должность засѣдателя гражданской палаты, о чемъ уже было говорено выше, и предложеніе было для меня совершенно неожиданно, а кромѣ того отъ принятія его меня отклоняли многія другія причины. Во-первыхъ, мнѣ было очень хорошо извѣстно, что и предводитель и большинство дворянъ желаютъ вовсе не меня, а во-вторыхъ, въ продолженіе той бури противъ посредниковъ, о которой говорено выше, я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что большинство требованій, предъявляемыхъ помѣщиками къ посредникамъ, бывало не только неосновательно, но иногда — просто несправедливо и вслѣдствіе этого—не ощущалъ желанія испытать ихъ на себѣ. Предполагая, однако, что предложеніе сдѣлано не безъ вѣдома предводителя, почти оффиціально пригласившаго меня, я вопросительно взглянулъ на Я—а Ѳ—а, на лицѣ котораго его мысли всегда отражались, какъ въ зеркалѣ, и сейчасъ же замѣтилъ, что все это вовсе ему не по вкусу.

— Что же? сказалъ онъ,—я—ничего! только вотъ то, что вы служите!

Внутренно усмѣхаясь, я отвѣчалъ, что собственно служба моя не могла бы служить препятствіемъ, такъ какъ оставить ее очень легко, но что принять должность посредника могу не иначе, какъ подъ условіемъ быть избавленнымъ отъ многихъ изъ тѣхъ притязаній, которыя имѣлъ случай слышать во время выборовъ. Я указалъ эти притязанія, дѣлая видъ, что не замѣчаю знаковъ, которые дѣлалъ мнѣ Г—ль, и по лицу Я—а Ѳ—а ясно увидѣлъ, что онъ очень доволенъ тѣмъ оружіемъ, которое я давалъ ему противъ себя. Когда мы выходили вмѣстѣ—Г—ль спросилъ у меня: «для чего вы говорили все это? теперь онъ ни за что не представитъ васъ». Я отвѣчалъ, что знаю, для чего дѣлалъ это, и въ тотъ же вечеръ посредникомъ былъ назначенъ—тотъ, кого хотѣлъ Я—ъ Ѳ—ъ.

Былъ еще и другой случай, доставившій мнѣ возможность познакомиться съ предводительскою дѣятельностью Я—а Ѳ—а, и я разскажу его вовсе не въ осужденіе ему, а для того, что онъ кажется мнѣ очень характернымъ и хорошо дополняетъ рисуемый портретъ.

Послѣ совершенія нашего раздѣла, какъ я уже говорилъ, матушка поселилась въ доставшемся на мою долю имѣніи и сама управляла какъ имъ, такъ и тѣми, которыя достались на долю сестеръ. Нѣкоторыя изъ сестеръ въ то время были еще малолѣтнія, но никому изъ насъ и въ голову не приходило, что надъ ихъ имуществомъ должна быть учреждена опека, такъ какъ, все равно, опекуншею должна была быть назначена та же матушка наша. Между тѣмъ, во всѣхъ деревняхъ нашихъ уже были отведены надѣлы земли, и совершены съ крестьянами выкупные договоры, которые уже были, куда слѣдуетъ, представлены къ утвержденію. Какъ вдругъ, изъ главнаго выкупнаго учрежденія, договоры по двумъ деревнямъ, принадлежавшимъ сестрамъ—возвращены безъ утвержденія, на томъ основаніи, что при нихъ не имѣется разрѣшенія дворянской опеки. Надо было поскорѣе какъ-нибудь исправить ошибку, и, взявъ отпускъ, я отправился въ деревню. Такъ какъ, въ сущности, назначеніе опеки было необходимо не болѣе, какъ только для соблюденія требуемой формальности, то я и думалъ, что не будетъ предстоять никакихъ особыхъ хлопотъ для достиженія его, а потому и обратился прямо къ предводителю, какъ предсѣдателю опеки, жившему въ деревнѣ недалеко отъ насъ. Я разсказалъ ему всѣ обстоятельства дѣла, просилъ сдѣлать распоряженіе о назначеніи опекуншею матушки и, видя, что онъ затрудняется чѣмъ-то, даже показалъ всѣ тѣ статьи закона, на основаніи которыхъ надлежало дѣйствовать. Не всегда было легко добиться того, чтобы почтеннѣйшій Я—ъ Ѳ—ъ выслушалъ что-либо со вниманіемъ, но на этотъ разъ это мнѣ удалось: онъ сейчасъ же согласился

со мною и даже былъ такъ любезенъ, что уволилъ меня отъ поѣздки въ уѣздный городъ, а сказалъ, что сей же часъ пошлетъ предложеніе съ нарочнымъ. Онъ въ точности выполнилъ свое обѣщаніе, но дня черезъ два послѣ этого вдругъ получаю я отъ него, съ нарочнымъ, записку слѣдующаго содержанія: «М. Г., Н. А! Вы меня подвели, вотъ посмотрите, что ко мнѣ пишутъ. Я—въ А—въ».

Къ запискѣ было приложено письмо какого-то глупаго засѣдателя, въ которомъ было столько разной чепухи, что излагать его содержаніе не предстоитъ надобности, но смыслъ этого письма состоялъ въ томъ, что исполнить предложеніе предводителя онъ, засѣдатель, не находитъ ни малѣйшей возможности. Нечего дѣлать, пришлось опять ѣхать къ Я—у Ѳ—у и доказывать ему, во-первыхъ, то, что я и не думалъ его подводить, а во-вторыхъ — справедливость моего требованія. Онъ снова согласился со мною, но на этотъ разъ уже напрямикъ объявилъ, чтобы я самъ ѣхалъ въ городъ и самъ обо всемъ хлопоталъ. «А то, что я съ ними буду дѣлать?»—сказалъ онъ.

Въ этотъ послѣдній пріѣздъ мой, я попалъ на засѣданіе съѣзда мировыхъ посредниковъ, которые постоянно происходили въ имѣніи Я—а Ѳ—а, бывшемъ гораздо центральнѣе, нежели уѣздный городъ. На этихъ съѣздахъ, разрѣшеніе всякихъ вопросовъ Я—ъ Ѳ—ъ благодушно предоставлялъ самимъ посредникамъ, а въ особенности, члену отъ правительства С—ву, человѣку, впрочемъ, весьма благонамѣренному, и только иногда, когда бывалъ выведенъ изъ терпѣнія или нелѣпостью какого-либо требованія или чьимъ-либо упорствомъ,—вступалъ въ свои предсѣдательскія права и начиналъ шумѣть. Впрочемъ, самому мнѣ не приходилось почти бывать на этихъ съѣздахъ, но отъ людей, заслуживающихъ довѣрія, я слышалъ, что онъ былъ довольно безпристрастенъ и не тянулъ, какъ тогда говорилось, исключительно на помѣщичью сторону. Обыкновенно съѣздъ завершался обѣдомъ, на которомъ кормились и посредники, и подававшіе на нихъ жалобы помѣщики, и всѣ, кто только попадался подъ руку.

Хочется мнѣ разсказать, кстати, но въ качествѣ вводнаго предложенія, о той поѣздкѣ въ городъ К—й, которую мнѣ пришлось совершить для исполненія вышеупомянутой надобности. Въ этомъ безсчастномъ городѣ, чрезъ много, много лѣтъ послѣ этой первой поѣздки, мнѣ было назначено судьбою прожить почти безвыѣздно цѣлыхъ семь съ половиною лѣтъ и быть можетъ, и самъ я не избѣжалъ того особаго отпечатка, которымъ онъ отмѣчаетъ своихъ обывателей.

Мы, то-есть я, мой управляющій и лакей, бывшіе со мною, пріѣхали въ городъ довольно поздно и остановились въ единственномъ заѣзжемъ домѣ мѣщанина Усачева. Только-что я усѣлся за самоваръ, какъ въ комнату вошелъ какой-то господинъ въ форменномъ сюртукѣ и отрекомен-

довался полицейскимъ надзирателемъ. Я попросилъ его сѣсть и спросилъ, что ему угодно.—«Позвольте узнать вашу фамилію?» Хотя мнѣ очень хорошо было извѣстно, что онъ знаетъ мою фамилію и безъ этого вопроса, но я сказалъ ее ему.—«А позвольте узнать, кто такой съ вами вотъ этотъ господинъ?»—«Мой управляющій такой-то».—«А вотъ этотъ?»—«Мой лакей Андрей».—«А имѣете ли вы всѣ при себѣ ваши паспорты?»—«Нѣтъ, не имѣемъ».—«Такъ я вынужденъ обязать васъ подпискою о немедленномъ выѣздѣ изъ города». Что-за чертовщина? Все это, впрочемъ, происходило лѣтомъ 1863 года, то-есть въ то самое время, когда польское повстанье было во всемъ разгарѣ, и слухи о немъ становились все болѣе и болѣе тревожными собственно для нашей мѣстности, граничащей съ одною изъ западныхъ губерній, и я признаюсь откровенно, что строгій видъ блюстителя порядка сначала обезпокоилъ меня. Я не шутя началъ приводить ему мои резоны о томъ, что я мѣстный землевладѣлецъ и губернскій чиновникъ, но онъ не внималъ ничему и объявилъ, что не уйдетъ, пока я не уѣду. Тутъ, вдругъ осѣнила меня блистательная мысль: «Да вы не хотите ли водки?»—спросилъ я, и фигура стража общественной тишины и спокойствія мгновенно преобразилась. Кончилось тѣмъ, что онъ нарѣзался, какъ стелька, я едва выпроводилъ его отъ себя и потомъ, ночью, вдругъ меня разбудилъ громкій стукъ въ окно, и при лунномъ свѣтѣ моимъ глазамъ предстала слѣдующая картина: надзиратель стоялъ подъ окномъ впереди цѣлой команды полицейскихъ солдатъ, и всѣ они держали руки подъ козырекъ. Я попросилъ ревностнаго исполнителя долга ложиться спать, что сдѣлалъ и самъ.

На другой день я отправился въ дворянскую опеку, которая въ то время составляла одно учрежденіе вмѣстѣ съ уѣзднымъ судомъ. Войдя въ канцелярію, я спросилъ, могу ли видѣть уѣзднаго судью. «Нѣтъ,—отвѣчали мнѣ,—не можете, потому что онъ въ деревнѣ».—«А протоколиста опеки?»—«Онъ тоже въ деревнѣ».—«Но, наконецъ, есть же у васъ тутъ хотя кто-нибудь?»—«Есть, говорятъ, засѣдатель Д—скій». Я вошелъ въ комнату присутствія и увидѣлъ сидящаго за покрытымъ краснымъ сукномъ столомъ, усатаго господина, въ отставномъ пѣхотномъ мундирѣ, съ лицомъ, напоминавшимъ своимъ цвѣтомъ—не то буракъ, не то сырую говядину. При входѣ моемъ онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, и я уже самъ воспользовавшись правомъ члена высшаго присутственнаго мѣста, сѣлъ возлѣ него и началъ объяснять, что именно мнѣ нужно. Я не знаю, слушалъ ли онъ меня или нѣтъ, но вдругъ, на самомъ важномъ мѣстѣ моего изложенія, онъ прервалъ меня и во все горло закричалъ: «Эй!» Я, разумѣется, замолчалъ и началъ глядѣть, что будетъ дальше. На зовъ его появился старенькій инвалидъ-сторожъ, и усатый господинъ обратился къ нему съ такою рѣчью: «да сходи же ты, братецъ, къ этому подлецу сапожнику и спроси, скоро ли онъ принесетъ мнѣ сапоги?»—«Та я ходылъ,

ваше б—родіе: говорытъ стряпчему шьетъ».—«Да что мнѣ стряпчій?—кричалъ усачъ,—скажи, что я прежде отдалъ». Я невольно глянулъ подъ столъ и увидѣлъ, что почтенный засѣдатель засѣдаетъ въ однихъ резиновыхъ галошахъ. Но долго ли, коротко ли, дѣло мое все-таки было сдѣлано, и я разсказалъ этотъ случай для того, чтобы хотя сколько-нибудь очертить нравы и обычаи той трущобы, въ которой семнадцать лѣтъ спустя и мнѣ довелось прожить, хотя при нѣсколько иныхъ условіяхъ, очень долгое время. Объ этомъ, впрочемъ, будетъ разсказано въ свое время.

Третій случай, относящійся ко времени предводительства Я—а Ѳ—а, до такой степени анекдотиченъ и такъ цѣльно характеризуетъ его, что разсказать его надо со всѣми подробностями. Необходимо сказать, что въ 1863 году должность губернскаго предводителя дворянства занималъ человѣкъ, поступившій туда изъ уѣздныхъ предводителей, потому что настоящій предводитель, то-есть избранный въ эту должность, вышелъ въ отставку ранѣе окончанія своего срока. Я не буду входить теперь въ подробную характеристику этой личности, въ дѣйствительности весьма недюжинной, а посвящу этому особый отдѣлъ моихъ воспоминаній и скажу только то, что, вступя въ свою новую должность, этотъ господинъ, съ какими-то ему одному извѣстными цѣлями, началъ довольно часто ѣздить въ Петербургъ и заявлять о себѣ сильнымъ сего міра, чего прежде никогда не дѣлалъ. Вдругъ по всей губерніи неожиданно разнеслась вѣсть о томъ, что нашъ губернскій предводитель ни съ того ни съ сего, ни съ кѣмъ предварительно не посовѣтовавшись и даже никому не сообщивъ объ этомъ, отъ имени губерніи предложилъ министру внутреннихъ дѣлъ, ни болѣе ни менѣе, какъ ополченіе по поводу смутъ въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ. Въ то время министромъ былъ Петръ Александровичъ Валуевъ, который и доложилъ объ этомъ государю императору, а Его Величество повелѣть изволилъ предварительно узнать: раздѣляется ли это желаніе дворянствомъ, отъ лица котораго предложеніе сдѣлано. Объ этомъ высочайшемъ повелѣніи министръ сообщилъ губернскому предводителю телеграммою, которая была получена какъ разъ во время съѣзда въ губернскомъ городѣ всѣхъ уѣздныхъ предводителей, происходившаго не припомню по какому случаю. Само собою разумѣется, что извѣстіе это произвело между ними почти всеобщій взрывъ удивленія и негодованія по поводу того, что подобное важное дѣло, притомъ уже такъ далеко зашедшее, до сихъ поръ не было никому извѣстно, и изъ числа двѣнадцати предводителей только трое стали на сторону губернскаго; въ числѣ этихъ троихъ былъ и нашъ почтеннѣйшій Я—ъ Ѳ—ъ.

Какъ бы-то ни было, а высочайшее повелѣніе должно было быть немедленно исполнено, и дворянству было предложено собраться по уѣздамъ

и высказать свое мнѣніе по вышеизложенному вопросу. Вовсе не до ополченія было тогда дворянству, еще не успѣвшему покончить всѣ счеты съ крѣпостнымъ правомъ, и кромѣ того въ средѣ его находилось немало личностей, признававшихъ необходимость выраженія протеста по поводу той безцеремонности, съ которою губернскій предводитель обращался съ его интересами. Но для большинства дворянъ, постоянно жившихъ въ своихъ имѣніяхъ, подробности дѣла были вовсе не извѣстны, и даже самое дѣло не могло быть вполнѣ ясно, и вотъ, для уясненія его, почти всѣ жившіе въ губернскомъ городѣ дворяне немедля отправились по своимъ уѣздамъ, а въ числѣ ихъ—и я самъ, такъ какъ тоже не сочувствовалъ взгляду губернскаго предводителя. Я не намѣреваюсь излагать здѣсь весь ходъ этого дѣла и разскажу только то, что относится къ тому лицу, описанію котораго посвящена настоящая глава. По пріѣздѣ въ свой уѣздный городъ, я сейчасъ же отправился отыскивать предводителя, только-что пріѣхавшаго изъ деревни, и засталъ у него уже довольно многочисленное общество, среди котораго шелъ оживленный разговоръ о злобѣ дня. Вѣроятно, утомленный дорогою, Я—ъ Ѳ—ъ лежалъ на диванѣ и довольно безучастно слушалъ этотъ разговоръ, но какъ разъ по приходѣ моемъ нѣкоторыя лица начали высказывать мнѣніе, къ которому присоединился и я, состоявшее въ томъ, что губернскій предводитель ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права сдѣлать такой важный шагъ, не освѣдомившись предварительно о томъ, раздѣляетъ ли его мысли избравшее его сословіе, и что уже одно это обстоятельство вынуждаетъ дворянство высказать мнѣніе—противоположное.

— Такъ, что же по-вашему,—заговорилъ вдругъ Я—ъ Ѳ—ъ,—значитъ, предводитель уже не голова, а предводитель—хвостъ, и поддержать его, значитъ, не надо!

Ему возразили, что дворянству, само собою разумѣется, всегда слѣдуетъ поддерживать своего предводителя. но только никакъ не въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣйствуетъ противно интересамъ избравшаго его сословія или превышаетъ ту власть, которая ему предоставлена. По этому поводу начались безконечные споры о томъ, что именно правильно и что нѣтъ, и кто-то высказалъ ту мысль, что для случаевъ подобныхъ настоящему никакимъ образомъ не можетъ быть установлено какого-либо особаго кодекса.

— Что?—загремѣлъ Я—ъ Ѳ—ъ, кодексъ?—вотъ то-то вы молодые люди, все-то у васъ вотъ такъ. Кодексъ! а что же Наполеоновъ кодексъ—по-вашему хорошъ!

На другой день мы собрались въ назначенномъ для дворянскаго собранія зданіи и при входѣ были очень удивлены тѣмъ, что всѣ комнаты его были наполнены какими-то никому незнакомыми фигурами въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, въ числѣ которыхъ было много сѣ-

рыхъ армяковъ и отставныхъ солдатскихъ мундировъ. Въ простотѣ души я подумалъ, что предводитель, желая сдѣлать собраніе болѣе торжественнымъ, пригласилъ для участія въ немъ все общество городскихъ обывателей, и наивно обратился къ нему съ вопросомъ объ этомъ. «Какое городское общество?—сердито спросилъ Я—ъ Ѳ—ъ, это—дворяне!» Оказалось, что это были—такъ называемые однодворцы, довольно густо населяющіе нашъ уѣздъ, почему-то носящіе наименованіе пучковъ и до сихъ поръ никогда не принимавшіе участія въ дворянскихъ собраніяхъ. Вотъ этихъ-то пучковъ цѣлый легіонъ нагналъ въ собраніе почтеннѣйшій Я—ъ Ѳ—ъ, вѣроятно, потому, что непремѣнно желалъ оказать поддержку губернскому предводителю, съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, а для этого не разсчитывалъ на настоящихъ дворянъ. Кто-то попытался по этому поводу выразить протестъ, но Я—ъ Ѳ—ъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, усѣлся къ столу, стоявшему посреди комнаты, и зазвонилъ въ колокольчикъ, для настоящаго экстреннаго случая снятый съ чьей-то дуги [1]). Когда молчаніе водворилось, то, не объясняя ни повода, по которому созвано собраніе, ни дѣла, о которомъ слѣдовало высказать свое мнѣніе, онъ обратился прямо къ стоявшему у стола письмоводителю и громогласно приказалъ: «Читай!». И немедленно же началось чтеніе самимъ Я—мъ Ѳ—мъ сочиненнаго заявленія или адреса, который былъ написанъ отъ лица дворянъ всего уѣзда. Въ адресѣ этомъ выражалась полнѣйшая готовность не только немедленно ополчиться и идти, куда будетъ приказано, но, говоря собственными выраженіями его, высказывалось даже желаніе «по примѣру предковъ нашихъ—шагнуть въ Парижъ». Во все продолженіе чтенія Я—ъ Ѳ—ъ ясно благодушествовалъ и наслаждался своимъ созданіемъ, а по окончаніи его — прямо предложилъ подписывать адресъ, и толпа однодворцевъ, какъ стадо барановъ, сунулась къ столу. При такомъ оборотѣ дѣла уже, конечно, нечего было и помышлять объ обсужденіи того вопроса, имѣлъ ли губернскій предводитель право дѣлать то, что было сдѣлано, и интеллигентная часть публики отошла въ сторону и составила особое постановленіе. Между тѣмъ, однодворцы продолжали выводить каракулями свои имена на предложенномъ имъ адресѣ и, такъ какъ рукоприкладство это не могло окончиться скоро, то одинъ изъ членовъ собранія вздумалъ подѣйствовать на нихъ словомъ и убѣдить ихъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что безъ обсужденія нельзя соглашаться на то, что можетъ повлечь за собою ни для кого непосильныя и можетъ быть никому ненужныя жер-

---

[1]) Въ то время употребленіе колокольчика предсѣдателями собраній—для водворенія тишины только-что начинало у насъ вводиться, а въ нашемъ уѣздѣ этотъ случай былъ первымъ.

твы. Какъ только этотъ господинъ началъ говорить, Я—ъ Ѳ—ъ замѣтно огорчился и въ продолженіе его рѣчи нѣсколько разъ обращался къ нему, повторяя: «Ну, какъ же можно такъ говорить?». Но тѣмъ не менѣе рукоприкладство пріостановилось и, видя это, Я—ъ Ѳ—ъ сѣлъ недовольный и пробурчалъ: «я вѣдь никого не принуждаю подписываться». Между тѣмъ публика разбрелась, какъ это дѣлается обыкновенно, нѣкоторыя лица, не согласныя съ мнѣніемъ предводителя, начали убѣждать однодворцевъ по одиночкѣ, и вслѣдъ за тѣмъ потянулся длинный рядъ такихъ случаевъ, изъ которыхъ каждый могъ бы служить матерьяломъ для очень веселаго водевиля. Вдругъ, напримѣръ, отставной генералъ-маіоръ князь С. В. Д. С., старый, до мозга костей пропитанный желчью подъячій, несмотря на его военный чинъ, имѣющій привычку всегда и вездѣ, даже безъ малѣйшей въ томъ надобности, спорить и противорѣчить, тащитъ какого-то, только-что обращеннаго имъ на путь истины однодворца и объявляетъ, что тотъ желаетъ о чемъ-то заявить собранію. Однодворецъ имѣетъ видъ какого-то идіота и безпрестанно повторяетъ одно и то же: «А въ Парижъ не хотимъ!» Или еще: сидитъ Я—ъ Ѳ—ъ сумрачный, недовольный тѣмъ, что противъ него образовалась оппозиція, и видитъ, что мимо проходитъ одинъ его родственникъ, еще очень юный человѣкъ. «Коля!»—подзываетъ онъ его».—«Что прикажете, дядюшка?»—«Садись!»—Тотъ садится рядомъ съ нимъ и ожидаетъ, а Я—ъ Ѳ—ъ значительно смотритъ на него. «Подпиши!»—наконецъ, говоритъ онъ и показываетъ на сочиненный имъ адресъ.—«Не могу, дядюшка, потому что я уже подписалъ то другое постановленіе».—«То другое? да ты развѣ не понимаешь, что это все интрига?» А то: подходитъ вдругъ къ Я—у Ѳ—у какой-то другой однодворецъ кланяется низко и объявляетъ, что онъ положительно не знаетъ, гдѣ ему подписаться. «Научите, ваше высокоблагородіе, гдѣ надо?» Я—ъ Ѳ—ъ видитъ, что на него глядятъ изъ противоположнаго лагеря, дѣлаетъ отрицательный знакъ головою и равнодушно отвѣчаетъ: «Гдѣ вамъ угодно!»—«Нѣтъ, ужъ будьте милостивы, ваше высокоблагородіе, научите! гдѣ вы прикажете, тамъ я и подпишусь». Я—ъ Ѳ—ъ оживляется: «Вы спрашиваете моего совѣта? ну, когда такъ, то я вамъ скажу: у меня!» Немало также насмѣшилъ всѣхъ одинъ господинъ, принадлежавшій къ интеллигентной части публики, то-есть, по крайней мѣрѣ говорившій по-французски и въ описываемое время служившій уѣзднымъ судьею. Когда вышеупомянутый оппонентъ предводительскаго адреса началъ говорить передъ собраніемъ, то этотъ господинъ очень засуетился, лебезилъ вокругъ него, дѣлалъ знаки сочувствія и безпрестанно повторялъ: «Убѣждайте! убѣждайте! такъ! такъ! совершенно справедливо!» и тому подобное; а когда началось подписываніе адреса, то сейчасъ же пошелъ и подписалъ его—первый. Когда же у

него спросили, для чего онъ такъ сдѣлалъ, то онъ началъ такъ же поспѣшно оправдываться и все говорилъ: «Я не могу-съ, мнѣ нельзя-съ, потому, что я служу-съ». По окончаніи собранія, я подошелъ проститься съ Я—мъ Ѳ—мъ и, подавая мнѣ руку, онъ исподлобья взглянулъ на меня и сказалъ: «Очень жаль, что разминулись!» Всѣ эти собранія, адресы и постановленія заключились тѣмъ, что, спустя нѣсколько времени послѣ нихъ, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ губернскому предводителю, что въ созваніи ополченія не предвидится ни малѣйшей надобности.

По истеченіи трехлѣтія Я—ъ Ѳ—ъ снова баллотировался въ предводители, но получилъ какъ разъ на половину избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ и слѣдовательно не могъ считаться избраннымъ. Въ то время противъ него собралась партія, которою руководилъ тотъ самый подъячій-генералъ и князь, о которомъ упомянуто нѣсколько выше, самъ желавшій занять его мѣсто. Свергнувъ почтеннѣйшаго ветерана, все-таки бывшаго представителемъ извѣстной силы если и не идеи, подъячій, во-первыхъ, немедленно же получилъ за это достодолжное вознагражденіе, будучи самъ совершенно забаллотированъ, а во-вторыхъ, добился того, что на предводительское кресло нашего уѣзда на долгое время усѣлось лицо, вовсе не пользовавшееся сочувствіемъ дворянства. Хотя послѣ своего забаллотированія Я—ъ Ѳ—ъ и притворялся равнодушнымъ, но оно замѣтно его огорчило, и иногда, въ минуты откровенности, онъ сознавался въ этомъ, утѣшая себя тѣмъ, что по крайней мѣрѣ было ровное число желавшихъ и не желавшихъ его: «слава Богу, хотя пліе положили»,—говорилъ онъ. Послѣ этого онъ уже и самъ началъ уклоняться отъ всякой общественной дѣятельности, засѣлъ въ деревнѣ, почти никуда не выѣзжалъ и началъ, что называется, будировать. Газета «Вѣсть» была въ это время его любимымъ чтеніемъ, а самъ онъ былъ постоянно занятъ составленіемъ различныхъ проектовъ и записокъ, въ которыхъ старался указывать на несовершенство и даже неправильность новѣйшихъ учрежденій и протестовалъ противъ всего существующаго. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ этихъ проектовъ не уцѣлѣлъ, но къ этому же времени относится его крайне оригинальное письмо къ министру внутреннихъ дѣлъ, написанное тоже въ качествѣ протеста противъ тогдашнихъ порядковъ. Хотя письма этого, равно, какъ и всего того, что къ нему относится, у меня также нѣтъ подъ руками, но оно очень хорошо сохранилось въ моей памяти, и я ручаюсь за вѣрность изложенія общаго смысла ихъ. Я—ъ Ѳ—чъ долгое время никакъ не могъ добиться взысканія оброка съ его временнообязанныхъ крестьянъ Ярославской губерніи, а оброка этого наконецъ накопилась довольно большая сумма и, недолго думая, онъ обратился къ министру съ частнымъ письмомъ, въ которомъ онъ просилъ его дать ему взаймы три тысячи

рублей, «а за это я предоставлю,—писалъ онъ,—вашему высокопревосходительству получить мой ярославскій оброкъ, который, для меня собственно, никто взыскивать не желаетъ, а для васъ можетъ быть и взыщутъ». Помню я также, что въ письмѣ этомъ сердитый тонъ протеста былъ перемѣшанъ съ чѣмъ-то очень наивнымъ, и Я—ъ Ѳ—ъ не шутя заявлялъ министру, что деньги ему очень нужны и даже подробно излагалъ—на что именно. Достопамятный государственный дѣятель, Петръ Александровичъ Валуевъ былъ такъ любезенъ, что на письмо это отвѣчалъ собственноручнымъ письмомъ на имя губернскаго предводителя, въ которомъ просилъ его превосходительство сообщить почтеннѣйшему Я—у Ѳ—у А—у о томъ, что, несмотря на живѣйшее желаніе, онъ никакимъ образомъ не можетъ дать ему взаймы просимыя три тысячи.

Между тѣмъ денежныя дѣла Я—а Ѳ—а почти съ каждымъ днемъ становились все хуже и хуже. Въ сельскомъ хозяйствѣ вездѣ стали заводиться новые порядки, къ которымъ людямъ стараго закала уже трудно было приноровиться, и состояніе его, уже порядочно разстроенное прежнею широкою жизнью, быстро начало приближаться къ полнѣйшему упадку. Подумалъ старикъ, да скрѣпя сердце и забылъ прежнюю дворянскую гордость и поѣхалъ въ Петербургъ—хлопотать, чтобы ему дали какую-нибудь пенсію изъ комитета о раненыхъ. Объ этомъ пребываніи его въ Петербургѣ я имѣю немного свѣдѣній и могу сообщить за достовѣрное только то, что впослѣдствіи случалось слышать отъ него самого, хотя онъ разсказывалъ и не особенно охотно. Цѣлыхъ полтора года прожилъ тамъ Я—ъ Ѳ—ъ, долго приходилось ему ходить въ комитетъ безъ всякаго успѣха, много вынесъ въ то время уже шестидесятилѣтній старикъ униженія и даже грубости, которою, какъ онъ говорилъ, въ особенности отличался всемогущій въ комитетѣ г. З—е, и подъ конецъ ему чуть было не отказали въ его просьбѣ окончательно, на томъ основаніи, что при выходѣ его въ отставку ему была назначена пенсія, но онъ самъ отъ нея отказался. Напрасно протестовалъ Я—ъ Ѳ—ъ, говоря, что въ то время онъ былъ богатъ и не хотѣлъ обременять правительство лишнимъ расходомъ, безъ котораго онъ могъ легко обойтись—ему не внимали, но въ это самое время кто-то посовѣтовалъ ему обратиться прямо къ его императорскому высочеству, великому князю Константину Николаевичу, какъ предсѣдателю комитета о раненыхъ.

Нанялъ Я—ъ Ѳ—ъ извозчика и отправился въ Мраморный дворецъ. Войдя туда, онъ еще осматривался и собирался справляться, къ кому именно ему слѣдуетъ прежде всего обратиться, когда вдругъ увидѣлъ, что съ лѣстницы, своею легкою походкою, сбѣгаетъ самъ великій князь, куда-то уѣзжавшій. Замѣтя Я—а Ѳ—а, его высочество

быстро подошелъ къ нему и заговорилъ съ нимъ слѣдующими милостивыми словами:

— Чѣмъ могу служить вамъ, почтеннѣйшій ветеранъ?

Изложивъ свою просьбу, Я—ъ Ѳ—ъ прибавилъ, что не только не можетъ ничего добиться отъ комитета такое долгое время, но что подъ конецъ его начали ясно притѣснять и грубо съ нимъ обращаться.

— Люди безъ сердца! — сказалъ великій князь и, тутъ же вынувъ изъ кармана нѣсколько полуимперіаловъ, предложилъ ихъ ему покамѣстъ.

Впослѣдствіи Я—ъ Ѳ—ъ разсказывалъ, что предложеніе это было сдѣлано такъ милостиво, съ такимъ чувствомъ и такъ обворожительно-любезно, что у него не достало силъ отказаться отъ этого подарка. На другой же день его высочество, съ своимъ адъютантомъ прислалъ ему триста рублей, а чрезъ нѣсколько времени Я—у Ѳ—у изъ комитета о раненыхъ была назначена довольно значительная, по его небольшому чину пенсія, въ размѣрѣ, кажется, шести сотъ рублей.

Уже по возвращеніи домой, не помню чрезъ сколько именно времени, Я—ъ Ѳ—ъ, по случаю бракосочетанія великой княжны Вѣры Константиновны, послалъ ея августѣйшему родителю свой фамильный дорогой образъ и просилъ принять его, какъ благословеніе старика, вѣчно признательнаго за оказанныя ему милости, а въ отвѣтъ получилъ, чрезъ гофмейстера Квиста, милостивое изъявленіе благодарности его императорскаго высочества.

Послѣдніе годы своей жизни Я—ъ Ѳ—ъ жилъ въ деревнѣ вмѣстѣ съ обоими сыновьями своими, изъ которыхъ младшій былъ уже женатъ, и въ это время я бывалъ у нихъ довольно часто, а иногда оставался подолгу. Въ заключеніе описанія я постараюсь припомнить все то, что относится къ этому времени, а равно и то, что прежде могло быть мною забыто. Между прочимъ, я ничего не сказалъ о томъ, что Я—ъ Ѳ—ъ постоянно воображалъ себя чѣмъ-либо больнымъ. У него въ домѣ непремѣнно бывалъ какой-нибудь врачъ, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ познакомился съ врачемъ же Осипомъ Александровичемъ Паевскимъ, передавшимъ ему искусство лѣченія гомеопатіею, онъ уже самъ началъ лѣчить себя, а также и другихъ, въ особенности крестьянъ, обращавшихся къ нему. Приметъ онъ бывало шестидесятую часть капли, напримѣръ, лахезиса и сидитъ, стараясь какъ можно менѣе поворачиваться. Это означало, что онъ наблюдаетъ за дѣйствіемъ лѣкарства и о результатахъ наблюденій, а также о своихъ ощущеніяхъ онъ обыкновенно сообщалъ кому-нибудь изъ присутствующихъ. «Прежде было здѣсь,—говоритъ онъ, показывая на поясницу, — а теперь вотъ сюда перешло» и при этомъ указываетъ на затылокъ. Лѣченіе крестьянъ было еще оригинальнѣе: говорятъ ему, напримѣръ, что оттуда-то пришелъ мужикъ

и проситъ лѣкарства: «Миша!—кричитъ Я—ъ Ѳ—ъ,—поди, братецъ, спроси, что у него такое?» Старшій сынъ его отправляется въ переднюю и возвращаясь докладываетъ, что у мужика болитъ середина или голова, а по большей части, что боленъ усѣмъ[1]). Я—ъ Ѳ—ъ погружается въ соображеніе. «Акониту надо ему дать»,—говоритъ онъ, и если дѣло останавливается на этомъ, то подается рюмка воды, и Я—ъ Ѳ—ъ собственноручно вливаетъ въ нее потребное количество этого снадобья, пузырекъ съ которымъ постоянно находится въ его жилетномъ карманѣ. «Миша! отнеси ему, братецъ, да скажи, чтобы завтра опять приходилъ». Но когда по соображенію оказывалось, что мужику надо дать не акониту, а какой-нибудь хамомильи, за которою надлежало идти въ его кабинетъ, и изъ того же кармана вынимался ключикъ отъ аптечки и вручался тому же Мишѣ. «Влей, братецъ, сотую долю капли и отнеси ему». По большей части относилась просто вода, такъ какъ исполнителю вовсе не хотѣлось дѣлать длинный обходъ и возиться съ хамомильей, но довольно часто случалось, что, выпивъ этой цѣлебной воды, мужикъ являлся на другой же день съ благодарностью и говорилъ, что еще не дошелъ до рощи, какъ ему уже полегчало. Тою же гомеопатіей онъ лѣчилъ своихъ домашнихъ животныхъ и часто съ добродушнымъ смѣхомъ разсказывалъ, что отъ одного и того же лѣкарства, единовременно даннаго, утка околѣла, а Трофимовна выздоровѣла.

Я—ъ Ѳ—ъ учился въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ и былъ тамъ въ одно время со многими впослѣдствіи знаменитыми людьми, какъ, напримѣръ, съ братьями Милютиными, но по какой-то причинѣ не окончилъ курса и потомъ былъ опредѣленъ въ юнкерскую школу, въ то время существовавшую при штабѣ первой арміи, въ городѣ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Объ этомъ я узналъ изъ его собственнаго разсказа и вотъ по какому случаю. Какъ-то зашелъ разговоръ о томъ, по какой причинѣ Я—ъ Ѳ—ъ не внесенъ въ списокъ лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ мировые судьи, и я, зная, что онъ былъ въ университетскомъ пансіонѣ, спросилъ: неужели заведеніе это не считалось въ числѣ дающихъ на то право? Разсказъ его по поводу этого вопроса былъ до такой степени оригиналенъ, что я попытаюсь передать его—его же словами. «Видите ли, что у меня въ формулярѣ стоитъ: знаетъ русскую грамоту и больше ничего! А знаете ли вы, кто мнѣ это надѣлалъ? Николай Петровичъ! (его двоюродный братъ К—ъ). Въ пансіонѣ я былъ уже въ третьемъ классѣ. Только вдругъ матушка, покойница, пріѣзжаетъ въ Москву и говоритъ: поступай въ военную службу—поближе ко мнѣ. Насъ, вмѣстѣ съ нимъ,

[1]) Такъ выражаются крестьяне нашей губерніи.

и отправили въ Могилевъ, а ему, какъ старшему, приказали мною руководить. Въ штабѣ сейчасъ спросили, чему мы учились? онъ про меня и говоритъ: пишите, что знаетъ русскую грамоту, а себѣ (при этомъ Я—ъ Ѳ—ъ замахалъ рукою и добродушно засмѣялся) такихъ тамъ наукъ понаписалъ, что и въ глаза никогда не видѣлъ. И что же вы думаете? меня, по-настоящему, изъ третьяго класса слѣдовало прямо въ четвертый, а они меня опять назадъ, во второй перевели!»—«Но развѣ тамъ не дѣлали никакого экзамена?»—«Нѣтъ, дѣлали. Обыкновенно спрашивали: по-французски знаете? плевое дѣло, по-итальянски? плевое дѣло! Ну, а вотъ онъ все дѣло испортилъ: въ формулярѣ такъ и написали».

Впрочемъ, Я—ъ Ѳ—ъ любилъ читать и преимущественно сочиненія военно-историческія, но его чтеніе носило печать той же оригинальности, какъ и все прочее. Читая, напримѣръ, описаніе какой-нибудь войны, онъ всегда при этомъ провѣрялъ свои собственные стратегическіе планы и соображенія, и постоянно на поляхъ книги дѣлалъ замѣтки карандашомъ. Какъ-то разъ я привезъ и прочиталъ ему напечатанное въ «Русской Старинѣ» письмо фельдмаршала князя варшавскаго къ императору Николаю Павловичу, писанное въ началѣ Крымской кампаніи, въ которомъ высказывается та мысль, что единственная дорога въ Константинополь лежитъ черезъ Вѣну, и по поводу этого чтенія услышалъ отъ Я—а Ѳ—а слѣдующій разсказъ, который передамъ также его собственными выраженіями. «Скоро послѣ того, какъ я послалъ государю во время войны мой проектъ, вдругъ узнаю, что и Паскевичъ то же писалъ ему объ этомъ. Должно быть, про это самое письмо тогда и говорили. Ну, разумѣется, это мнѣ было очень пріятно, потому что, что тамъ ни говори, а вѣдь—полководецъ же! Ну, и ничего. Только, одинъ разъ сидимъ мы вотъ тутъ, въ гостиной, играемъ въ карты: Петръ Скюдери, Захаръ Танцовъ и не помню, кто еще четвертый. Посмотрѣлъ я въ ту сторону и глазамъ не вѣрю: въ дверяхъ прямо противъ меня стоитъ Николай Павловичъ!.. въ сюртукѣ, этакъ и такое благосклонное лицо. Такъ мнѣ что-то вдругъ сдѣлалось тяжело; я и говорю Петру: перейдемъ, братецъ, отсюда въ залу. Хорошо, говоритъ, перейдемъ. Перенесли столъ въ залу, я и сѣлъ возлѣ печки;—смотрю: Николай Павловичъ! Только вдругъ въ это самое время кто-то пріѣзжаетъ изъ города и говоритъ, что государь—умеръ».

Все это разсказывалось тономъ такого глубокаго убѣжденія, что выразить хотя бы тѣнь сомнѣнія, слушая разсказъ, было бы неумѣстно.

За это же время Я—ъ Ѳ—ъ былъ въ теченіе одного трехлѣтія почетнымъ мировымъ судьею — по единогласному избранію, и мнѣ случалось вмѣстѣ съ нимъ участвовать въ засѣданіяхъ съѣзда. Впрочемъ, тогда уже онъ былъ не въ силахъ часто бывать въ этихъ засѣданіяхъ и не могъ просидѣть болѣе одного или много двухъ дѣлъ; слу-

шалъ онъ ихъ также не особенно внимательно, но какъ только замѣчалъ, что который-нибудь изъ свидѣтелей начинаетъ нагло врать, чтó случается не особенно рѣдко, или говоритъ что-нибудь уже очень неподобное, то сейчасъ же прерывалъ его и обращался къ нему съ вопросомъ: «А крестъ на тебѣ есть?»

Послѣднее время онъ замѣтно, какъ говорится, осунулся и ослабѣлъ, и часто со слезами на глазахъ вспоминалъ о своей гигантской силѣ. Упоминая объ этой силѣ, не лишнимъ будетъ замѣтить, кстати, что изъ фамиліи А—хъ очень многія лица отличались этою способностью, иногда даже почти въ баснословныхъ размѣрахъ. Въ особенности много разсказовъ долгое время передавалось о двоюродномъ братѣ Я—а Ѳ—а, который, однако, по лѣтамъ могъ годиться ему въ отцы, Е—и Я—чѣ. Когда именно и въ какихъ лѣтахъ онъ умеръ — это мнѣ не извѣстно, но жилъ и дѣйствовалъ онъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ то время, когда между сосѣдними помѣщиками, имѣвшими другъ съ другомъ тяжбы, еще существовало обыкновеніе разрѣшать ихъ чѣмъ-то вродѣ войны. Происходили цѣлыя баталіи между крѣпостными людьми того и другаго, подъ предводительствомъ самихъ помѣщиковъ, и по предварительно заключенному между ними условію, исходомъ этой баталіи разрѣшалась иногда вся тяжба, а иногда только какой-либо отдѣльный спорный вопросъ. Вотъ въ подобной-то войнѣ, говорятъ, долгое время состоялъ Е—ій Я—чъ съ богатымъ польскимъ паномъ Г—мъ, такъ какъ имѣнія обоихъ, хотя и находившіяся въ разныхъ губерніяхъ, граничили другъ съ другомъ. Разсказывали, что послѣ одной изъ баталій между ними, Е—ій Я—чъ, вѣроятно, имѣвшій менѣе войска и вслѣдствіе этого разбитый на-голову, былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ верхнемъ этажѣ довольно высокаго дома своего соперника. Не долго думая, онъ въ дребезги сокрушилъ окно и полѣзъ въ него съ намѣреніемъ соскочить на землю, но не разсчиталъ высоты и остановился, а въ эту самую минуту въ комнату прибѣжали люди, замѣтившіе его покушеніе убѣжать. Е—ій Я—чъ повисъ руками на подоконникѣ и, держась въ висячемъ положеніи на значительной высотѣ, не сдавался долгое время, даже и тогда, когда его, съ намѣреніемъ принудить къ сдачѣ, начали бить палками по рукамъ. Чѣмъ все это кончилось—я не слыхалъ.

Я—ъ Ѳ—ъ умеръ въ ноябрѣ 1875 года, на шестьдесятъ второмъ году отъ роду. На похоронахъ его былъ почти весь уѣздъ, но уже никого изъ его сверстниковъ не оставалось въ живыхъ въ то время, и онъ былъ «послѣднимъ изъ могиканъ».

Какъ-будто неразлучно съ именемъ Я—а Ѳ—а припоминаются имена: живописца Наума Григорьевича Филипенко, или Пилипенко, какъ онъ самъ себя называлъ, и двухъ врачей: Николая Даниловича

Дьяконова и Осипа Александровича Паевскаго, о которыхъ я хочу сказать нѣсколько словъ.

Первый изъ нихъ былъ черниговскій хохолъ, и я не знаю, когда именно и по какому случаю попалъ онъ въ домъ Я—а Ѳ—а, но онъ жилъ тамъ довольно долго, и въ это время занимался писаніемъ портретовъ со всѣхъ лицъ, составлявшихъ его семейство, а также и со всѣхъ его сосѣдей и знакомыхъ. Эти произведенія его, изъ числа которыхъ многія сохраняются и теперь, правду сказать, обличаютъ въ немъ полнѣйшую бездарность, но любовь къ искусству и желаніе учиться были у него велики, и впослѣдствіи Я—ъ Ѳ—ъ далъ ему средства поступить въ академію художествъ, гдѣ и содержалъ его довольно долгое время. Въ бытность мою въ Петербургѣ, въ 1855 году, я навѣстилъ Филипенку; онъ тогда уже имѣлъ званіе художника, но жилъ очень убого, въ крошечной, сырой и мрачной квартиркѣ, гдѣ-то недалеко отъ академіи, и занимался писаніемъ образовъ по заказу. Онъ очень былъ обрадованъ моимъ посѣщеніемъ, вспоминалъ съ удовольствіемъ прошлое время и потомъ цѣлый вечеръ водилъ меня по академіи, гдѣ показывалъ все, что только было можно въ то время видѣть. Между прочимъ я видѣлъ тогда памятникъ Крылову, еще стоявшій въ мастерской барона Клодта, но скоро послѣ того перевезенный въ Лѣтній садъ, а потомъ просидѣлъ нѣсколько времени въ натурномъ классѣ, гдѣ меня поразили та тишина и благоговѣйное безмолвіе, среди которыхъ происходили работы нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, занятыхъ—кто рисованьемъ, а кто лѣпкою изъ глины. Быть можетъ, что многіе изъ числа видѣнныхъ мною тогда—впослѣдствіи стали знаменитостями. Мнѣ не извѣстно, что потомъ было съ Филипенко, но въ живописи онъ, кажется, все-таки хотя немного усовершенствовался, и впослѣдствіи, въ знакъ благодарности, прислалъ Я—у Ѳ—у двѣ очень недурныя копіи: съ «Моленія о чашѣ» Бруни и съ «Нимфы» Неффа.

Николая Даниловича Дьяконова я начинаю помнить еще съ очень ранняго дѣтства. Въ домѣ Я—а Ѳ—а онъ былъ, что называется, своимъ человѣкомъ, а немного позже сталъ тѣмъ же и у насъ. Онъ проводилъ въ нашихъ окрестностяхъ иногда цѣлые мѣсяцы, и всегда и вездѣ его встрѣчали съ радостью и провожали съ сожалѣніемъ. Я не могу сказать ничего о томъ, насколько искусенъ или знающъ онъ былъ, какъ врачъ, и въ этомъ отношеніи мнѣ извѣстно только то, что онъ спасъ отъ смерти мою мать въ то время, когда она заболѣла холерою, но не забуду никогда того, что куда бы Николай Даниловичъ ни появлялся, всюду приносилъ съ собою неизсякаемую веселость, шутки, остроты и анекдоты, которые какъ-будто сами собой слетали съ его языка и отличались полнѣйшимъ отсутствіемъ претензіи на остроуміе и самымъ милѣйшимъ добродушіемъ. Хотя нельзя сказать, чтобы шутки его не были

иногда довольно колки, но сердиться на нихъ ни въ какомъ случаѣ не было возможно, а мы, дѣти, во время пріѣздовъ его, почти не отходили отъ Николая Даниловича и жадно глотали каждое его слово. Мнѣ сейчасъ только пришла на память одна изъ его остротъ, и для примѣра я ее разскажу.

Какъ-то за обѣдомъ, одинъ изъ его пріятелей, очень хорошій человѣкъ, но имѣвшій слабость быть черезчуръ занятымъ своею наружностью и всегда говорившій какимъ-то необыкновенно-важнымъ тономъ, разсказывалъ, что, когда онъ служилъ въ саперахъ, то, будучи однажды приглашенъ на балъ къ тогдашнему кіевскому генералъ-губернатору. графу Левашову, былъ принимаемъ, по случаю сходства мундировъ, за гарнизоннаго офицера: ни одна дама долгое время не принимала его приглашеній, пока, наконецъ, самъ графъ не подвелъ его къ одной изъ нихъ и отрекомендовалъ, какъ офицера саперпаго.

— Да вы, можетъ быть, къ нимъ по-гарнизонному подходили? —спросилъ Николай Даниловичъ своимъ обычно-веселымъ и добродушнымъ голосомъ, и всѣ присутствовавшіе не могли удержаться отъ самаго задушевнаго смѣха.

Въ послѣдній разъ я встрѣтился съ нимъ вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Я уже былъ студентомъ Московскаго университета, когда, кажется, въ концѣ 1853 или въ началѣ 1854 года, Николай Даниловичъ посѣтилъ меня въ зданіи стараго университета, гдѣ я жилъ. Мы провели съ нимъ вечеръ въ такъ называемомъ «Желѣзномъ» трактирѣ Печкина, и онъ говорилъ мнѣ, что ѣдетъ въ Петербургъ для того, чтобы похлопотать о полученіи какого-либо мѣста. Не припомню, чрезъ сколько именно времени послѣ этого, но довольно скоро онъ опять зашелъ ко мнѣ, уже по возвращеніи изъ Петербурга, и на этотъ разъ увелъ меня къ себѣ въ номеръ того подворья, гдѣ-то на Ильинкѣ, въ которомъ остановился. Съ нимъ была также и его жена, выѣхавшая изъ Смоленска къ нему навстрѣчу; я просидѣлъ у нихъ до поздняго часа, Николай Даниловичъ былъ въ очень хорошемъ настроеніи и разсказывалъ, что получилъ мѣсто главнаго доктора во временно учрежденномъ по случаю войны госпиталѣ въ Бухарестѣ, а когда я уходилъ, то сказалъ, что если я хочу писать съ нимъ къ своимъ, то чтобы на другой день зашелъ пораньше, потому что онъ уѣзжаетъ завтра. Но это завтра застало его уже лежащимъ на столѣ, въ томъ же самомъ номерѣ подворья: онъ умеръ отъ разрыва сердца, и смерть эту самъ предсказывалъ себѣ съ давнихъ поръ.

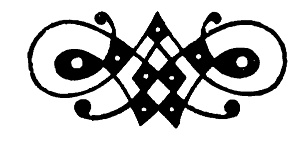
Осипъ Александровичъ Паевскій былъ у насъ долгое время уѣзднымъ врачемъ. Онъ точно также, какъ Н. Д. Дьяконовъ, былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ Я—а Ѳ—а, и такъ же, какъ и онъ, слылъ острякомъ, но, по моему мнѣнію, его остроты и шутки всегда отзывались

какъ-будто чѣмъ-то дѣланнымъ или заимствованнымъ, а главное — не были согрѣты тою добродушною веселостью, которою отличались шутки Николая Даниловича. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ весьма почтенный, добродушно вѣрилъ въ чудеса гомеопатіи, постоянно лѣчилъ ею всѣхъ отъ всякихъ болѣзней, и онъ-то и посвятилъ Я—а Ѳ—а въ ея тайны. Несмотря на лѣта уже очень преклонныя, онъ всегда былъ готовъ спѣшить на помощь каждаго и кромѣ того отличался самымъ самоотверженнымъ гостепріимствомъ.

Но старость видно всегда беретъ силу надъ человѣкомъ, и подъ конецъ службы надъ нимъ стряслось несчастіе, сильно подкосившее его. Будучи уже лѣтъ около семидесяти отъ роду, онъ какъ-то поздно вечеромъ возвращался изъ уѣзда въ городъ и по дорогѣ былъ кѣмъ-то остановленъ и приглашенъ къ больному. Былъ ли онъ уже очень утомленъ или зналъ навѣрно, что больной, къ которому его зовутъ, не серьезенъ — но только онъ отказался заѣхать, и за это, по доносу одного желчнаго господина, попалъ подъ судъ Московской судебной палаты, которая и приговорила его къ домашнему аресту. Этотъ судъ много разстроилъ его и морально, и матеріально, такъ какъ, почти никогда не имѣя запаса на черный день, онъ для поѣздки въ Москву долженъ былъ продать своихъ лошадей и экипажъ, и скоро послѣ этого онъ вышелъ въ отставку съ полною пенсіею, въ размѣрѣ, кажется, двухсотъ рублей въ годъ.

Онъ умеръ въ февралѣ или мартѣ 1885 года, будучи уже лѣтъ восьмидесяти, и послѣ смерти его осталось сорокъ копѣекъ наличными деньгами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Высочайшій рескриптъ Д. П. Трощинскому.

5 августа 1816 года.

«Дмитрій Прокофьевичъ! По настоящемъ выздоровленіи вашемъ отъ болѣзни, Я желаю, чтобъ вы, занявъ прежнее свое мѣсто, продолжали съ прежнею дѣятельностію отправлять должность вашу. Я въ полной къ вамъ довѣренности поручаю вамъ усугубить надзоръ, дабы дѣла какъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, такъ и во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ, имѣли успѣшнѣйшее теченіе, чтобъ законы и указы повсюду исполнялись неизмѣнно, чтобъ бѣдные и угнетаемые находили въ судахъ защиту и покровительство, чтобъ правосудіе не было помрачено ни пристрастіями къ лицамъ, ни мерзкимъ лихоимствомъ Богу противнымъ и Мнѣ ненавистнымъ, и чтобъ обличаемые въ семъ гнусномъ порокѣ нетерпимы были въ службѣ и преслѣдуемы всею строгостію законовъ: въ чемъ вы по долгу званія вашего неослабно наблюдать, и о послѣдствіяхъ Меня въ откровенности извѣщать не оставьте, донося равномѣрно и о тѣхъ отличныхъ чиновникахъ, которыхъ за усердную и безпорочную службу найдете достойными особеннаго Моего воздаянія. Пребываю впрочемъ вамъ всегда благосклонный».

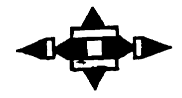

Поправка къ Запискамъ Инсарскаго.

Въ январьской книжкѣ «Русской Старины», въ запискахъ Инсарскаго, между прочимъ говорится, что въ Петербургѣ въ свое время носился слухъ, что, вмѣсто тѣла Карамзина, туда привезенъ былъ обезображенный трупъ какого-то солдата.

Теперь, вѣроятно, остались въ живыхъ лишь немногіе изъ участниковъ несчастнаго дѣла, въ которомъ погибъ А. Н. Карамзинъ. Принадлежа къ числу этихъ немногихъ, считаю своимъ долгомъ заявить, что ошибки, при распознаніи тѣла А. Н. Карамзина, быть не могло. Правда, что черты лица были неузнаваемы; но были признаки, по которымъ можно было безошибочно признать тождество привезеннаго тѣла съ тѣломъ А. Н. Карамзина. У покойнаго Андрея Николаевича были бакенбарды съ просѣдью, и онъ носилъ ихъ довольно оригинально, подбривая вровень съ углами рта. Такія же бакенбарды оказались и на щекахъ найденнаго трупа, когда съ нихъ смыли запекшуюся кровь. На ногѣ, раненой въ одну изъ предшествовавшихъ войнъ, А. Н. Карамзинъ носилъ повязку, которая и была на ногѣ найденнаго трупа.

2 іюня 1895 г. **Александръ Вязмитиновъ**.

ЗАПИСКИ АНДРЕЯ ТИМОѲЕЕВИЧА БОЛОТОВА.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Записки А. Т. Болотова печатались въ «Русской Старинѣ» съ 1870—1873 г., въ «Приложеніи», въ объемѣ 34 частей; затѣмъ, въ 1886 году, редакція получила еще 35, 36 и 37 части, заключающія въ себѣ разсказъ о времени съ 1799 года по 1802; промежутокъ же времени между 1795 и 1799 годами остается незаполненнымъ за утратою наслѣдниками подлинной рукописи. Продолжая нынѣ печатаніе записокъ Болотова, мы даемъ нашимъ читателямъ возможность познакомиться съ бытомъ средняго великорусскаго дворянства во всѣхъ подробностяхъ, касающихся воспитанія, службы по выборамъ и другихъ отношеній между дворянами того времени. Тутъ же вырисовываются отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, нравы, обычаи, обряды; словомъ, вся внутренняя жизнь тогдашняго дворянства.

Мы начинаемъ печатаніе съ окончанія 349-го письма, на которомъ остановилась прежняя редакція въ октябрѣ мѣсяцѣ 1892 года.

Письмо № 349.

(окончаніе).

Посреди самыхъ сихъ экономическихъ замысловъ и занятій, вдругъ возмущены были умы и сердца всего нашего семейства присланнымъ ко мнѣ, съ нарочнымъ солдатомъ, изъ Алексина, письмомъ отъ нашего тульскаго губернатора, въ которомъ предлагалось мнѣ мѣсто директорское надъ тульскимъ народнымъ училищемъ; а не мнѣ, такъ моему сыну, и прошено было, чтобы кто-нибудь изъ насъ принялъ на себя сію должность.

Всѣ мы изумились и смутились, узнавъ о таковомъ насъ призывѣ къ занятію такого мѣста, на которое многіе иные охотно соглашались. Мѣсто сіе было хорошее, сопряженное хотя нарочито съ довольнымъ жалованьемъ, но требующее трудовъ, знанія, прилежности и раченія, а притомъ лишающее драгоцѣнной вольности и независимости. Самое сіе послѣднее обстоятельство и заставило насъ, а особливо сына моего, думать и гадать, обязываться ли ему вновь казенною службою, необходимою такою должностью или нѣтъ?

Что касается собственно до меня, то я не долго о семъ думалъ. Послѣ такого по многимъ отношеніямъ весьма выгоднаго мѣста, какое я занималъ въ Богородицкѣ, было сіе совсѣмъ ничего незначащимъ, а по пословицѣ говоря, подобно было послѣ ужина горчицѣ. Я имѣлъ уже довольно времени вкусить всю сладость мирной и свободной деревенской жизни, которая, въ таковомъ положеніи, въ каковомъ я тогда былъ, могла почитаема быть наисчастливѣйшею изъ всѣхъ другихъ родовъ жизни и потому была бы совершенная уже глупость, еслибы восхотѣлъ я, безъ всякаго принужденія, а самопроизвольно и при такихъ преклонныхъ уже моихъ лѣтахъ, промѣнять ее на должностную городскую и безъ всякихъ данныхъ выгодъ сопряженную жизнь и навязать на шею себѣ множество трудовъ и хлопотъ, могущихъ только мѣшать моему счастью и нарушать оное,—а существенной пользы никакой принесть не могущую, а потому, не долго думая, сказалъ я, что я предложенія сего не принимаю. За честь, сдѣланную мнѣ, благодарю, но впрочемъ отъ должности сей откланиваюсь.

Но дѣло иное было въ разсужденіи моего сына.

Для него, какъ для человѣка молодаго и могущаго еще служить, и мѣсто, и должность сія была не безлестною. Онъ по способностямъ, знаніямъ, наукамъ и дарованіямъ своимъ въ состояніи былъ должность сію не только исправить несравненно съ лучшимъ успѣхомъ, нежели многіе иные, но и отличить себя доподлинно и надѣяться со временемъ получить дальнѣйшія почести и чины. Со всѣмъ тѣмъ и ему предложили многія такія вещи и обстоятельства, о которыхъ прежде даванія на то своего рѣшительнаго согласія (надо было) гораздо и гораздо подумать, дабы скоропоспѣшностно не промѣнять ястреба на кукушку. Обстоятельство, что въ семъ случаѣ надлежало ему, отрекшись отъ деревенской независимой и свободной жизни, жить всегда въ губернскомъ городѣ съ женою своею и основывать совсѣмъ новое хозяйство и по малости жалованья, далеко не достаточнаго къ тому, чтобъ ему съ женою своею и съ людьми можно было онымъ содержать—потребенъ былъ къ тому и свой и такой коштъ, который могъ бы по тогдашнимъ нашимъ обстоятельствамъ совсѣмъ насъ разстроить, а кромѣ убытковъ, трудовъ, хлопотъ и отягощеній не предвидѣлось никакихъ дальнихъ

пользъ и выгодъ, и особливо при тогдашнемъ строгомъ правленіи, то его сколько, съ одной стороны, сіе предложеніе ни лестно, столько съ другой устрашало и приводило въ тревожное недоумѣніе. Къ тому же къ самому тому времени пріѣхалъ къ намъ и г-нъ Лисенко, и какъ стали мы съ нимъ говорить о предлагаемомъ имъ сватовствѣ за дочь мою Екатерину и обо всемъ, касающемся до жениха, разспрашивать, то выходило и по сему дѣлу великое еще сомнительство, а сіе и увеличивало тогдашнее наше настроеніе мыслей.

Какъ сыну моему хотѣлось около сего времени съѣздить къ умному своему старичку Раевскому, то поѣхалъ онъ къ нему съ женою своею и болѣе для того, чтобъ и съ нимъ о семъ дѣлѣ посовѣтоваться. Старикъ, конечно, совѣтовалъ ему послѣдовать сему приглашенію. Я и самъ видѣлъ нѣкоторую наклонность сына моего къ тому, согласился-было совсѣмъ на то же, но какъ пораздумалъ, то находилъ великія въ томъ неудобства, и чѣмъ болѣе о томъ мыслилъ, тѣмъ множайшія находилъ неспособности; а посему и имѣлъ я 21-го числа сего мѣсяца съ сыномъ моимъ о семъ предметѣ особенный и важный разговоръ, произведшій собою то слѣдствіе, что сынъ мой, расположившійся-было совсѣмъ на-утріе ѣхать въ Тулу, съ которымъ я приготовлялъ уже письма въ Тулу, вдругъ рѣшился отъ сей ѣзды на время удержаться, а послать напередъ съ письмами, и чтобъ тамъ короче обо всемъ поразвѣдать, а особливо чрезъ знакомца и пріятеля нашего, Филата Гавриловича Покровскаго, находившагося учителемъ при томъ народномъ училищѣ, и которому все, относящееся до онаго и до директорскаго мѣста, было извѣстно. Вслѣдствіе чего и отправили мы, на другой день, посла, сего нарочнаго человѣка, въ Тулу, съ письмомъ отъ сына моего къ Филату, а отъ меня къ губернатору, которому я совершенно отъ предлагаемаго мнѣ мѣста отказался; о сынѣ же моемъ до времени умолчалъ.

Между тѣмъ, продолжалась у насъ въ домѣ служба, ибо жена и дѣти мои въ сію недѣлю говѣли и 24-го числа исповѣдывались и причащались, и какъ сей день былъ днемъ рожденія невѣстки моей, то обѣдали у насъ Ладыженскіе, а послѣ обѣда пріѣзжалъ г-нъ Кузьминъ, умный, отъ котораго узнали мы о причинѣ предлаганія намъ директорскаго мѣста; а во-вторыхъ, за симъ возвратился и посланный отъ насъ въ Тулу съ письмомъ отъ Филата Покровскаго, и по увѣдомленіямъ его обо всемъ выходили изъ всего сего дѣла совершенные пустяки, отчего и пошли у сына моего опять раздумья о томъ, идти ли къ должности или нѣтъ и каковыми думаньями занимался и весь наступившій за симъ праздникъ Благовѣщенія.

Наконецъ, послѣдующій за симъ день сдѣлался важнымъ и достопамятнымъ въ исторіи моей и сына моего жизни тѣмъ, что по важ-

номъ у насъ съ нимъ поутру въ сей день разговорѣ и прямо философскихъ обо всемъ сужденіяхъ, рѣшился, наконецъ, и онъ предпочесть покой безпокойству и свободу неволѣ и отказаться отъ предлагаемаго ему директорскаго мѣста. Почему написалъ онъ и отъ себя письмо къ губернатору и, поблагодаривъ его за оказываемую себѣ, чрезъ приглашеніе, честь, наиучтивѣйшимъ образомъ и подъ предлогомъ разныхъ обстоятельствъ отказался.

Симъ образомъ кончилось тогда сіе, нѣсколько дней сряду насъ смущавшее, дѣло, и послѣ мы увидѣли, что сдѣлали и не худо, и что для обоихъ насъ полезное было по всѣмъ отношеніямъ не принимать на себя сей обязанности.

А симъ дозвольте мнѣ и сіе письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и проч.

Писано сіе въ Дворениновѣ.
Іюня 1, 1821 г.

Письмо 350.

Мой другъ! Едва только мы, отъ помянутаго въ предслѣдовавшемъ письмѣ и перетревожившаго насъ всѣхъ предложенія успокоились мыслями и духомъ, какъ рушился весь зимній нашъ путь и наступило и самое уже половодье, которое въ сей годъ было у насъ превеликое и такое, какое я еще никогда во всю мою жизнь не видывалъ. Съ сего времени начались у насъ въ домѣ и въ садахъ первоначальныя вешнія работы, и сдѣлалось все живѣе, но я въ самое то время чуть было не занемогъ лихорадкою и съ нуждою кое-какъ отъ ней отпился, и достопамятно, что въ самое сіе время, заболѣлъ у меня мой лѣвый и самый тотъ глазъ, котораго я, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ того лишился, но тогда боль въ ономъ, съ нимъ вмѣстѣ, и въ другомъ чрезъ нѣсколько дней прошла и чему я былъ очень радъ.

Вскорѣ послѣ того наступила у насъ святая недѣля, праздникъ Пасхи случился въ сей годъ 8 апрѣля. Всенощная въ оный, для невѣстки, не хотѣвшей ѣхать ночью въ церковь, а того меньше тамъ съ безпокойствомъ ночевать, была у насъ противъ обыкновенія дома, и сынъ мой постарался весь образной уголъ убрать колико можно лучше, и освѣтить множайшими огнями, но мы слушали оную, далеко не съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ церкви, но къ обѣднѣ мы уже всѣ ѣздили къ церкви.

Какъ въ продолженіе сей недѣли уже сдѣлалось такъ тепло и сухо,

что можно было по садамъ ходить, гулять и все и все осматривать, то при случаѣ пріѣзжавшихъ къ намъ гостей, гуливали мы съ ними уже по онымъ, хотя были они и совсѣмъ еще голы, а я, при всякомъ выходѣ въ оные, замѣчалъ въ мысляхъ, что и что мнѣ въ нихъ дѣлать и предпринимать, и съ нетерпѣливостью ожидалъ, чтобъ прошли первые дни праздника, и какъ плодоносные кустарники уже починали развертываться и время къ пересадкѣ и посадкѣ оныхъ уже уходило, то не утерпѣлъ, чтобъ съ пятницы не начать уже сего дѣла. А не успѣли наши праздничные разъѣзды по гостямъ и угощеніе оныхъ у себя кончиться, какъ и принялся уже въ плотную за сады и разнообразныя въ нихъ вешнія работы и не выходилъ почти изъ садовъ своихъ, ибо надобно было великое множество кое-какого кустарника, а потомъ и самыя прививочныя яблони изъ питомника разсаживать и наполнять ими всѣ пустыя мѣста, а особливо въ своемъ большомъ полевомъ садѣ, надобно было оправлять прежніе и дѣлать новые цвѣтники, надобно чистить дорожки и все прочее въ садахъ и наконецъ приниматься за черенковыя прививки на большихъ и негодныхъ яблоняхъ, а между тѣмъ готовить и гряды и землю подъ посадку огородныхъ произрастеній и прочее тому подобное. Болѣе 20 большихъ яблоней обрѣзали мы и, посредствомъ привитыхъ къ сучьямъ ихъ черенковъ, старались превратить въ лучшія, что намъ въ разсужденіи нѣсколькихъ, но далеко не всѣхъ и удалось, а множайшія хотя сначала и польстили, но современемъ совсѣмъ погибли, на другихъ же, болѣе нежели на 50, прививали черенковъ только по нѣскольку, но и отъ сихъ было мало проку, что и побудило меня въ послѣдствіи времени сіе средство перестать совсѣмъ употреблять, а за лучшее находилъ стараться чрезъ обрѣзываніе большихъ сучьевъ производить поболѣе молодыхъ побѣговъ и сіи послѣ окулировать листочками, а сіе средство имѣло успѣхъ уже несравненно лучшій, однако и тотъ былъ не совсѣмъ совершенный, я и чрезъ сіе средство погубилъ множество большихъ дурныхъ яблонекъ, но за то уцѣлѣвшія вознаградили мнѣ съ лихвою сію неважную потерю.

Въ сихъ разнообразныхъ упражненіяхъ, провелъ я весь тогдашній апрѣль мѣсяцъ, при концѣ котораго и въ самое то время, когда деревья начинали развертываться, имѣли мы то неудовольствіе, что зима вздумала было къ намъ опять возвратиться и на нѣсколько дней укрыла всю поверхность земли и довольно толсто, снѣгомъ, что для всего было не очень хорошо, а сдѣлавшаяся послѣ того засуха была и того еще непріятнѣе, что все не весьма насъ веселило. Въ началѣ мая имѣлъ я у себя неожиданнаго гостя, прежняго моего командира Сергѣя Алексѣевича Дурова, заѣхавшаго ко мнѣ вмѣстѣ съ Ник. Сер. Григорьевымъ на перепутьѣ, ѣдучи въ Москву и у насъ ночевавшаго. Я старался гостя сего угостить колико можно лучше и водилъ обоихъ ихъ по всѣмъ своимъ

садамъ и показывалъ имъ всѣ свои заведенія, и г-нъ Дуровъ былъ такъ мною доволенъ, что вздумалъ было опять преклонять меня войти подъ его начальство и предлагалъ мнѣ управленіе Кіясовской волостью и съ тѣмъ, чтобы мнѣ жить въ своемъ домѣ, а наѣзжать только туда, и всю обузу правленія онаго взять на свои руки. Предложеніе сіе было для меня сколько неожиданное, столько же и соблазнительное, и подало поводъ ко многимъ о семъ предметѣ разговорамъ, однако я, подумавъ, погадавъ, не рѣшился никакъ драгоцѣнную свою свободу и независимость промѣнять на связанность, неволю и зависимость, и поблагодаря его за таковую къ себѣ благосклонность, совершенно отъ себя сіе отклонилъ и былъ послѣ очень тѣмъ доволенъ. Вскорѣ за симъ наступила опять досадная Никольщина, или нашъ вешній сельскій праздникъ, отнявшій у меня нѣсколько дней весьма нужныхъ для работъ садовыхъ. Мы праздновали его почти тихомолкою и гостей было не много, а пріятнѣйшими изъ всѣхъ были наши родные Симаковскіе, пріѣзжавшіе къ намъ къ сему дню и у насъ нѣсколько дней прогостившіе. Милой и любезной моей Ольгѣ Андреевнѣ не удалось уже болѣе никогда раздѣлять съ нами сіе праздничное время. Будучи въ сей день у обѣдни, ожидали было мы хотѣвшихъ пріѣхать туда же изъ Тарусы господъ Дурновыхъ, хотѣвшихъ тутъ видѣть дочь мою Екатерину и со мною познакомиться, однако, что-то не бывали, и мы праздновали и обѣдали съ одними только сосѣдями нашими Ладыженскими и Алымовыми, пріѣзжавшими къ намъ безъ зова и съ нами весь сей (день) проводившими. По отпразднованіи сего праздника, стали мы съ сыномъ моимъ помышлять о ѣздѣ нашей въ Тамбовскую или Кирсановскую нашу деревню и въ сей путь собираться. Мы хотѣли было еще 13 числа сего мѣсяца въ оный отправиться, но обстоятельство, что занемогла малютка, моя внука, которой надлежало вмѣстѣ съ матерью своею съ нами ѣхать, а при томъ неполученіе еще изъ Алексина для проѣзда своего билета, безъ котораго въ тогдашнее строгое время нельзя было никуда вдаль ѣхать, принудило насъ отъѣздъ нашъ отсрочить до 15 числа, подъ которое число въ ночь подарены были всѣ наши сады, во время самаго цвѣтенія оныхъ, столь сильнымъ морозомъ, что всѣ цвѣты на яблоняхъ отъ него вдругъ поблекли и пожелтѣли, и сіе лишило насъ надежды имѣть въ сей годъ много плодовъ, которая и безъ того была очень невелика, ибо цвѣта на яблоняхъ было очень мало. И такъ помянутаго 15 числа послѣ обѣда и отправились мы въ сей давно замышляемый дальный путь въ 4-хъ повозкахъ, а именно: въ первой ѣхалъ сынъ мой съ женою и ребенкомъ въ каретѣ, во-второй я, въ своей коляскѣ, въ третьей двѣ невѣсткины дѣвки, а четвертая была съ запасомъ и поваромъ. Выѣздъ нашъ въ сей разъ былъ какъ-то неудаченъ: не успѣли мы выѣхать, какъ захромала у насъ одна изъ лошадей нашихъ, тамъ встрянулись, что позабыли салопъ, ну-ка посылать за нимъ

назадъ человѣка, а не успѣли еще до завода доѣхать, какъ на одномъ колесѣ подъ кибиткою треснула шина, и ее надобно было сковывать, и перековывать лошадь, и за всѣмъ тѣмъ мѣшкать. Погода случилась хотя ясная, но очень холодная, и я досадовалъ невѣдомо какъ на себя, что послушался совѣта другихъ и кромѣ одного тулупа не взялъ съ собою ничего теплаго. Видъ погибающихъ повсюду, сперва отъ засухи, а потомъ отъ снѣга, стужи и мороза, ржей увеличивалъ меланхолію. Наконецъ въ сумерки доѣхали кое-какъ до Вашалы, но и тутъ во время ночеванья будила насъ, нѣсколько разъ крикомъ своимъ, моя внучка, болѣзнь ея увеличилась, и мы не знали, какъ съ нею и ладить.

Дождавшись свѣта и вставши очень рано при холодномъ и пасмурномъ небѣ, продолжали мы путь свой далѣе и, пріѣхавъ въ Тулу очень рано, остановились кормить лошадей въ каменномъ, высокомъ постоялномъ дворѣ, противъ Спаса Преображенія. Павелъ мой ходилъ съ женою въ ряды кое-что покупать, а я оставался на квартирѣ. Пообѣдавъ по-дорожному, продолжали мы свой путь далѣе, расположившись заѣхать въ Головлино къ роднымъ нашимъ Воронцовымъ и какъ не было еще моста къ плотинѣ, то принуждены были переправляться чрезъ рѣку, и не безъ опасности на плоту, и пріѣхали въ Головлино предъ самою уже ночью. Дождь раза три начиналъ кропить, но ничего не было, и засуха страшная продолжалась, вездѣ хлѣбы были худы и вездѣ представлялись печальные слѣды послѣдняго мороза, погубившаго вездѣ весь цвѣтъ на плодовитыхъ деревьяхъ. Въ Головлинѣ нашли мы хозяевъ, давно насъ уже дожидавшихся. Дочь моя Настасья лежала еще въ постели, послѣ несчастныхъ родовъ своихъ, она и въ сей разъ родила мертваго, но мы рады были уже тому, что сама осталась въ живыхъ и не была въ опасности. Мы пробыли у нихъ весь послѣдующій и столь холодный день, что мы за стужею не ѣздили даже къ обѣднѣ, хотя былъ въ тотъ день праздникъ Вознесенья, но послѣ обѣда ходили мы смотрѣть церковь, готовую уже совсѣмъ почти къ освященію. Она стоила господамъ Головлинымъ очень многаго, и положившая великое основаніе къ тому разорительному долгу, отъ котораго послѣ терпѣлъ очень много зять мой. Не утерпѣлъ я также, чтобъ не побывать въ саду зятниномъ, претерпѣвшемъ очень много, по примѣру нашихъ, какъ отъ обоихъ послѣднихъ жестокихъ зимъ, такъ и отъ послѣдняго губительнаго мороза. Отъ жестокости зимнихъ стужъ погибли тутъ, какъ и во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ, наилучшія плодовитыя деревья, особливо груши, и остались одни молодыя и негодныя. Сливы также наповалъ всѣ погублены были оными, а особливо всѣ старыя и приходившія съ плодомъ; досталось также и вишнямъ, и онѣ стояли всѣ голыя и весьма въ жалкомъ положеніи. Словомъ, давно уже и очень давно не претерпѣвали сады толь вели-

каго несчастья надъ собою, какъ въ сей годъ. Самый послѣднiй майскiй морозъ былъ такъ силенъ, что заморозилъ даже самые молодые побѣги на яблоняхъ. Препроводивъ въ Головлинѣ болѣе сутокъ, продолжали мы путь свой далѣе и, позавтракавъ поранѣе, поѣхали въ Богородицкъ. Тутъ остановились мы кормить лошадей у Щедилова, а отъ него ходили къ Дарьѣ Ѳоминичнѣ Дуровой, заходили также къ Настасьѣ Тимоѳеевнѣ Алабиной, которыя всѣ были намъ очень рады, а до вечера успѣли мы еще доѣхать до Крутова и тутъ у богатаго и знакомаго намъ мужика ночевали. Погода и въ сей день была такая же ясная, сухая и холодная, а ночью былъ опять и другой уже жестокiй морозъ, побившiй даже молодой дубъ и крапиву, а дождя все не было ни капли, и засуха продолжалась страшная. Въ послѣдующiй день, выкормивъ въ Крестахъ или Зиновьевѣ лошадей, доѣхали еще засвѣтло до Паникъ и обрадовали всѣхъ тамошнихъ родныхъ нашихъ своимъ прiѣздомъ. Садъ и тутъ нашли мы въ жалкомъ положенiи, и сватъ мой, будучи охотникомъ до нихъ не менѣе моего, горевалъ о вредѣ, претерпѣнномъ ими. Какъ мы у него пробыли весь послѣдующiй день, то водилъ онъ меня по садамъ своимъ и по прудамъ, и показывалъ все и все, а какъ на другой день была старшая его дочь Елена Ѳед. именинницею, то не отпустилъ онъ меня и въ этотъ день до обѣда, и мы уже отобѣдавши у него съ прiѣхавшими къ нему гостьми, уже въ пятомъ часу поѣхали отъ него съ моимъ сыномъ, оставивъ невѣстку мою съ малюткою ея у нихъ, до возвращенiя нашего, а мы сколь ни поздно выѣхали, но успѣли еще ночевать прiѣхать въ городъ Данковъ и на силу, на силу дождались по дорогѣ тучки съ добрымъ дождемъ и громомъ. Въ Данковѣ только что мы ночевали, а поѣхавши изъ него рано, успѣли доѣхать такъ еще рано до Раненбурга, что, запасшись кормомъ, продолжали путь все далѣе и ночевали уже въ Кленскомъ, а поѣхавши оттуда и своротивъ съ большой дороги вправо, пробрались чрезъ разныя села и деревни прямо въ село Торбѣево, и тутъ переѣхавъ по мосту чрезъ рѣку Воронежъ, поспѣли къ ночи въ нашу Козловскую деревню и къ удовольствiю нашему нашли тутъ добрыя ложи. Въ деревнѣ своей мы только что ночевали и, разспросивъ обо всемъ, что нужно было, поѣхали далѣе и напившись чаю въ Козловѣ, а въ Бѣльскомъ на полномъ Воронежѣ отобѣдавъ, поспѣли ночевать въ многолюдное село Лысыя Горы, а на утро доѣхали очень еще рано до Тамбова. Какъ къ ѣздѣ въ тамошнiй край, между прочимъ, побуждало насъ и полученное изъ Москвы извѣстiе, что отъ межевой канцелярiи сею весною отправится и землемѣръ для утвержденiя межъ и размежеванiя оныхъ, по ея послѣднему рѣшенiю, при чемъ необходимо и мнѣ тамъ быть надлежало,—то по прiѣздѣ нашемъ въ Тамбовъ, наше первое дѣло было что распровѣдать и узнать, не прiѣхалъ ли уже оный земле-

мѣръ, и буде пріѣхалъ, гдѣ находится, въ Тамбовѣ ли еще, или уже въ нашу степь отправился, почему въ ту же минуту и послали мы человѣка о томъ распровѣдывать, и я сталъ тотчасъ одѣваться и наряжаться, чтобъ идти и самому въ губернское правленіе для справокъ кое о какихъ дѣлахъ. Посланный нашъ землемѣра не нашелъ, а отыскалъ только служащаго тутъ при какой-то должности сосѣда нашего изъ села Трескина, г. Левашова, Якова Родіоновича, человѣка добраго и намъ дружественнаго, и очень знакомаго. Сей, какъ скоро услышалъ, что мы тутъ, какъ прибѣжалъ самъ къ намъ и извѣстилъ насъ обо всемъ, что намъ нужно было знать, и отъ него узнали мы, что межевщикъ отъ межевой канцеляріи уже присланъ и живетъ на хуторѣ у Пашкова, но что дѣла своего онъ еще не начиналъ и дожидается землемѣра, опредѣленнаго отъ губернскаго правленія, къ нему депутатомъ, но который къ нему еще не пріѣзжалъ и находится еще въ Тамбовѣ. Далѣе разсказывалъ онъ странное и удивительное о тамошнемъ деревенскомъ и ближнемъ сосѣдѣ нашемъ г. Бѣляевѣ, что оный какъ-то оговоренъ въ чемъ-то разбойниками и содержится подъ стражею. Узнавъ обо всемъ томъ, не имѣлъ я уже нужды идти самъ въ квартиру, а поручилъ все нужное исполнить моему сыну, который между тѣмъ какъ кормилъ лошадей и успѣлъ побывать и въ губернскомъ правленіи и въ почтѣ, а мнѣ и отдалъ тутъ написанныя отъ насъ письма къ роднымъ нашимъ въ Паники и въ Богородицкъ, и зашедши въ лавки искупить все нужное, такъ что мы, пообѣдавъ и выкормивъ лошадей, въ тотъ же еще день пустились въ дальнѣйшій путь, поспѣшая пріѣхать въ свою деревню, находившуюся верстъ за 80 за Тамбовъ, въ Кирсановскомъ уѣздѣ. Въ сей разъ рѣшились мы ѣхать туда прямѣйшею и ближайшею дорогою, чрезъ село Разсказово, находившееся за бывшимъ до сего огромнымъ сосновымъ боромъ, между Тамбовомъ и селомъ онымъ. Сей казенный и въ старину ценской (?) лѣсъ, составлявшій сущее государственное сокровище, былъ при бывшемъ межеваніи весь разворованъ и живущимъ вокругъ дворянствомъ такъ расхищенъ, что я, давно уже не ѣздивши сею дорогою, въѣхавъ въ него, удивился, нашедъ вмѣсто страшной прежней пустыни и вѣковыхъ огромныхъ сосенъ одни только холмы и бугры съ мелкимъ пескомъ сыпучимъ и глубокимъ; изъ бывшихъ же прежнихъ сосенъ не осталось не только ни одной, но и самые ихъ коренья и пни были повырыты, и все мѣста по сторонамъ заросшія, къ удивленію моему, мелкимъ и непроходимымъ частымъ березникомъ и осинникомъ. Не успѣли мы въ сіи сыпучіе и глубокіе пески въѣхать и начать ими не ѣхать, а тащиться, какъ увидѣли землемѣра, мѣряющаго оную и снимающаго ее на планъ, для поставленія верстовыхъ столбовъ. Разспросивъ у солдатъ и узнавъ, что былъ онъ самый, тотъ г. Кузьминъ, который, по рѣшенію конторскому, отмежевывалъ мнѣ

купленную изъ казны землю, и что самый сей землемѣръ отряженъ отъ губернскаго правленія депутатомъ къ землемѣру Чернышеву, присланному отъ межевой канцеляріи, обрадовался я тому, какъ бы какой большой находкѣ, и вышедъ изъ кареты пошелъ къ нему, какъ къ знакомому мною тогда задовѣренному, и весьма мнѣ благопріятствующему человѣку, а онъ, увидѣвъ меня, не хотѣлъ даже вѣрить глазамъ своимъ и былъ очень радъ со мною свидавшись. Я прошелъ съ нимъ версты съ двѣ пѣшкомъ и переговорилъ съ нимъ обо всемъ, что мнѣ было нужно, и будучи очень доволенъ дружескимъ обѣщаніемъ его во всемъ мнѣ при будущемъ утвержденіи межъ и межеваньи помогать, разстался съ нимъ съ удовольствіемъ и, оставя его продолжать свое дѣло, поѣхалъ далѣе. Цѣлый день тащились мы съ превеликою скукою по песчанымъ буграмъ и холмамъ и на силу, на силу дотащились до села Тальники, находившагося посреди сей пустыни, но тутъ подвержены мы были превеликой опасности. Не доѣзжая до села сего, надлежало переѣхать намъ большой, широкій и весьма углубленный буеракъ, посреди котораго протекала небольшая рѣчка, имѣющая чрезъ себя высоконькій мостикъ. Дорога къ сему мостику проложена была вкось по кокосикѣ крутаго берега, и какъ она была довольно гладка, широка и довольно отлога, то и не разсудили мы выходить изъ кареты, а понадѣясь на своихъ смирныхъ лошадей, остались въ ней лежащими, но что жъ воспослѣдовало! Лишь только мы начали съ горы въ глубь спускаться, какъ порвись нашильникъ у дышла нашей кареты, и какъ чрезъ то кореннымъ нашимъ лошадямъ не было уже возможности карету нашу держать и спускать подъ гору по-немногу, то по гладкой и крутой дорогѣ и покатилась она сама собою подъ гору къ рѣчкѣ и мосту.

Мы обмерли тогда, испугавшись и болѣе отъ того, что, съѣхавши съ горы, надлежало вдругъ и круто поворачивать вправо на мостъ, и какъ управить на оный не состояло въ силахъ и возможностяхъ нашего кучера, то не оставалось намъ инаго думать и ожидать, какъ того, что карета наша скатится съ горы прямо въ крутоберегую и углубленную рѣчку, и мы опрокинемся въ оную, и перебьемся, но по особливому нашему счастью, случилось прямо при съѣздѣ съ горы, и влѣво отъ моста, быть маленькой и ровной площадкѣ и на оную карета прокатившись мимо моста сама собою съ перепутавшимися лошадьми остановилась. И тогда только оба мы съ сыномъ опомнились, пришли самихъ въ себя и не знали, какъ возблагодарить Господа за столь явное спасеніе насъ отъ очевидной и смертельной опасности. Нѣсколько времени принуждены мы были употребить на сшиваніе, связываніе и поправленіе нашего нашильника, и на оттаскиваніе задомъ на себѣ и на мостъ карету, и на приведеніе всего въ порядокъ, чтобъ намъ можно было продолжать свое путешествіе, и какъ отъ сего

села пошла дорога уже гладкая и не песчаная, то хотя уже поздненько, но успѣли мы къ ночи доѣхать до села Разсказова. Сіе огромное, и по бывающимъ тутъ еженедѣльно большимъ торгамъ, походившее болѣе на мѣстечко, нежели простое село, незадолго до того, отъ тогдашняго императора Павла пожаловано было г. Архарову, бывшему до того московскимъ, а потомъ и петербургскимъ оберъ-полицiймейстеромъ, и при вступленіи на престолъ императору чѣмъ-то особенно услужившему, и даръ сей можно было почесть безцѣннымъ,—мы нашли оное недавно только сгорѣвшимъ и въ жалкомъ состояніи. Сгорѣло болѣе 60 дворовъ и въ томъ числѣ и недавно построенный господскій домъ, со всѣмъ пріѣхавшимъ изъ Москвы барскимъ обозомъ. Оба братья, г. Архаровы, знаменитые, но почему-то попавшіе опять въ несчастіе, вельможи, ѣхали въ сіе время равно какъ бы въ ссылку изъ Москвы и пріѣхали къ дымящемуся еще зареву сего огромнаго села, и, какъ слухъ носился, лишились при семъ случаѣ болѣе нежели на 20 тысячъ всякой всячины, ибо сгорѣлъ весь ихъ обозъ съ серебрянымъ сервизомъ и многими другими дорогими вещами, и всѣ твердили, что пожаръ сей произошелъ отъ разбѣжавшихся изъ тамбовской тюрьмы разбойниковъ, зажегшихъ сіе селеніе и разграбившихъ въ ономъ многое. Какъ послѣдующій за симъ былъ день торговый, то нашли мы тутъ нѣсколькихъ своихъ мужиковъ, пріѣхавшихъ туда изъ нашей деревни для продажи хлѣба, и узнали отъ нихъ, что новый управитель нашъ невѣдомо какъ настращался отъ пріѣзда въ тамошній край канцелярскаго межевщика, и за нѣсколько дней до того отправилъ нарочнаго ко мнѣ ѣздока съ просьбою, чтобъ я какъ можно скорѣе пріѣзжалъ, но который съ нами разъѣхавшись прочесалъ даже до ДвоPенинова. У нихъ пронесся слухъ, будто бы Пашковъ хочетъ и нашу всю землю замежевать за собою, чему я хотя худо вѣрилъ, и почиталъ сіе дѣло невозможнымъ, но какъ отъ плутней и бездѣльничествъ закупленныхъ землемѣровъ могло все статься, и самыя невозможныя дѣла дѣлаться возможными, то не только управителя нашего, но и самого меня сіе нѣсколько озаботило. Въ сихъ смутныхъ помышленіяхъ спѣшилъ я скорѣе добираться до своей деревни и какъ оставалось до нея не болѣе 40 верстъ, то вставши на другой день, пустились мы изъ Разсказова въ нашу славную степь, и какъ погода случилась очень хорошая, то успѣли мы доѣхать до деревни своей такъ еще рано, что успѣли обходить съ сыномъ моимъ всѣ ближнія мѣста въ своей усадьбѣ, осмотрѣть все тамошнее строеніе, побывать въ тамошнемъ маленькомъ своемъ садикѣ, на господскомъ гумнѣ въ небольшой, хотя не рѣдкой въ тамошнемъ краю дубовой высокой рощѣ, осмотрѣть также прудокъ и колодезь, снабжавшій селеніе наше своею доброю водою, и возвратясь въ свою хижину довольно еще отдохнуть,

а между тѣмъ помышляли о томъ, что намъ дѣлать и что предпринимать въ послѣдующіе дни.

Какъ пріѣздъ нашъ въ сію деревню случился подъ самый Троицынъ день, то на-утріе ѣздили мы оба съ Павломъ Андреевичемъ въ тамошную приходскую церковь въ село Трескино къ обѣднѣ, гдѣ попы замучили насъ своею долговременною, праздничною службою. Народа у церкви было превеликое множество, ибо приходъ былъ превеликій, и церковь о двухъ престолахъ и съ тремя попами. Ѣдучи отъ церкви домой, не могли мы довольно налюбоваться разноцвѣтностью и красивостію одеждъ тамошнихъ поселянокъ, расходящихся хороводами и группами отъ церкви въ разныя стороны по домамъ и деревнямъ своимъ. Покрои и красивость платья ихъ несравненно лучше, нежели въ странѣ нашей. У множайшихъ женщинъ праздничное ихъ платье состояло въ алыхъ сарафанахъ, сшитыхъ изъ кумача, и отмѣнно было красиво; въ церкви видѣли мы трехъ тамошнихъ дворянъ, а послѣ обѣда приходилъ ко мнѣ тамошній умный попъ Александръ съ дьякономъ, и мы многое кое-что съ нимъ поговорили, а потомъ приходили всѣ наши мужики на поклонъ къ намъ, и мы поили ихъ виномъ, а потомъ ѣздили мы на дрожкахъ, и верхами на дальную, купленную и отмежеванную намъ землю, на которой былъ уже построенъ у насъ маленькій хуторокъ. И какъ по рѣшенію и межевой канцеляріи, могли мы уже безъ всякаго сомнѣнія надѣяться, что сія земля останется на вѣкъ за нами, то замышляли перевезть на оную нѣсколько крестьянскихъ дворовъ и поселить маленькую деревеньку съ скотнымъ господскимъ дворомъ и для житья, въ случаѣ пріѣздовъ туда, хотя небольшія для себя хоромы, и все сіе для того, чтобъ не такъ далеко изъ прежняго стариннаго нашего селенія ѣздить туда пахать землю и убирать хлѣбъ, а завесть и тамъ господское хлѣбное гумно. И ѣдучи туда, любовались добротою тамошнихъ хлѣбовъ и помышляли много о томъ, гдѣ бы и какъ велѣть межевщику вырѣзать себѣ 100 десятинъ прежней купленной земли, посреди общей дачи; а на дальней, купленной землѣ располагали въ мысляхъ, гдѣ бъ и какъ лучше поселить и расположить намъ новую деревеньку, гдѣ построить господскій дворъ и гдѣ запрудить прудъ и прочее, и уставшіе отъ ходьбы и ѣзды возвратились въ свою темную и скучную хату уже не рано; напившись до сыта чаю съ трубочками и весь сей день провели съ удовольствіемъ. На-утріе располагались было мы съѣздить послѣ обѣда на Пашковъ хуторъ, къ находящемуся тамъ канцелярскому межевщику Чернышеву, и съ нимъ познакомиться, но принуждены были ѣзду сію отложить до другаго дня, по причинѣ, что лакей, камердинеръ и волосочесатель нашъ Тимоня изволилъ гдѣ-то напиться какъ свинья, и намъ волосы причесать и съ нами ѣхать было некому.

Итакъ подосадовавъ и пошумѣвъ на сего бездѣльника, осѣлись мы

дома и занялись разными уже домашними дѣлами, пересмотрѣли всѣхъ лошадей, велѣли пересчитать всѣ вѣковые дубы въ нашей рощѣ, а для произведенія въ хатѣ нашей множайшаго свѣта, прорубить на полдни новое окно, а одно задѣлать, и были по сему случаю въ разстройкѣ, въ пыли и въ стукотнѣ, а послѣ полдня ѣздили опять на свой хуторъ и назначили тамъ мѣста подъ поселеніе восьми крестьянскихъ дворовъ и подъ господскій дворъ, и положили сію будущую деревеньку назвать сельцомъ Андреевскимъ и тѣмъ окончили сей день. А въ послѣдующій за симъ, вставши поранѣ, ходилъ я въ свою дубовую рощу и разспрашивалъ у послѣдовавшихъ за мною о всѣхъ тамошнихъ обстоятельствахъ и о томъ, хорошо ли ведетъ себя и отправляетъ свои должности нашъ нанятый управитель, а потомъ прожектировалъ и чертилъ я планъ будущему господскому строенію въ сельцѣ Андреевскомъ и въ томъ провелъ все время до обѣда, но едва только заснули мы, легши послѣ обѣда отдохнуть, какъ разбудили насъ объявленіемъ о присылкѣ отъ землемѣра съ повѣсткою о явкѣ на межу и съ объявленіемъ, что въ слѣдующій за симъ день начнется межеванье. Сіе побудило насъ поспѣшить ѣздою своею къ нему. Мы тотчасъ одѣвшись и поскакали къ нему на Пашковъ хуторъ, посреди степи находящійся, и какъ ѣхать надлежало болѣе 10 верстъ, то размучились въ прахъ, ѣдучи степью по кочкамъ и неровностямъ. Мы нашли тамъ уже обоихъ межевщиковъ, поелику пріѣхалъ къ нему уже и знакомецъ нашъ Кузьминъ и спознакомилъ съ межевщикомъ канцелярскимъ, который показался намъ довольно добрымъ человѣкомъ, и узнали отъ него всѣ обстоятельства порученнаго ему дѣла, и какъ онъ насъ увѣрилъ, что мы, въ разсужденіи своей покупной и намъ уже отмежеванной земли, можемъ оставаться спокойными, и онъ только подтвердитъ положенныя уже межи, а и до того не скоро еще дойдетъ, а начнетъ дѣло свое съ дальняго конца степи и отъ насъ верстъ за двадцать, то и успокоились мы духомъ и ходили потомъ съ ними смотрѣть пашковскихъ хорошихъ жеребцовъ и величней, быковъ англійскихъ, содержимыхъ на цѣпяхъ въ стойлахъ... Я, не видывая никогда, удивился страшной ихъ величинѣ и любовался всѣми порядками, заведенными у Пашкова, въ тутошнемъ его скотскомъ и конскомъ дворѣ, а при отъѣздѣ выпросилъ у межевщика на нѣсколько дней праздной астролябіи съ цѣпью, которая нужна была намъ для измѣренія внутренности земель нашихъ. Въ наступившій засимъ день все утро занимался я черченіемъ всѣхъ плановъ, а Павелъ мой—писаніемъ писемъ къ роднымъ своимъ въ Паники, а послѣ обѣда поѣхали мы оба съ нимъ на работу. Я съ астролябіей, для снятія ситуаціи со всего того мѣста, гдѣ хотѣлось намъ вырѣзать себѣ сто десятинъ въ чрезполосномъ общемъ владѣніи, а онъ для освидѣтельствованія всѣхъ отда-

точныхъ въ наймы десятинъ въ нашей степи, или большомъ кускѣ нашей купленной земли.

Итакъ я бродилъ весь день съ цѣпью и инструментами по полямъ, буграмъ и буеракамъ, а Павелъ разъѣзжалъ по степи, и оба мы измучились въ прахъ и даже до изнеможенія отъ усталости. Въ послѣдующій засимъ и послѣдній уже день мѣсяца мая Павелъ мой ѣздилъ опять верхомъ въ степь, для осматриванія, счету и записыванія всѣхъ десятинъ и проѣздилъ даже за полдни, а я оставался дома и накладывалъ на планъ все то, что наканунѣ того дня измѣрялъ, и дѣлалъ нужныя исчисленія. Въ самое сіе время пріѣхалъ ко мнѣ гость курдюковскій Антипъ Купреяновъ, съ которымъ говоря и разсуждая о тогдашнемъ межеваніи, которое и до него нѣкоторымъ образомъ касалось, услышалъ я, что межевщикъ, дошедши до Пичура, остановился, будучи остановленъ казакомъ Грузиковымъ, которому принадлежали находящіеся тамъ и наглымъ образомъ построенные выселки, о которыхъ межевая канцелярія и не знала совсѣмъ. Сіе озаботило насъ вновь сомнѣніемъ, чтобы отъ сего не могло воспослѣдовать остановки и въ тогдашнемъ межеваніи, и чтобъ не вышли еще какія дрязги и перевороты. Послѣ обѣда занялся я счетами отдаточныхъ земель и денегъ, и наказывалъ отдатчика за оказавшіяся отъ него плутни. Засимъ пріѣзжали къ намъ изъ разныхъ селъ и деревень наемщики нашихъ земель, и навезли мнѣ на поклонъ всякой всячины и особливо прекрасныхъ тамошнихъ лещей и окуней, которымъ мы, по причинѣ наступающаго Петровскаго поста, были очень рады, разбирали также разныя жалобы и просьбы. Въ сихъ разнообразныхъ занятіяхъ кончился нашъ послѣдній тогдашній вешній мѣсяцъ май, и мы послѣдніе дни онаго провели въ своей тамбовской деревнѣ довольно весело.

А съ симъ дозвольте мнѣ и сіе мое письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ... и прочее.

Писано сіе въ Двореникновѣ
7-го іюня 1820 года.

Письмо 351.

Мой другъ!

Мѣсяцъ іюнь, или начало лѣта, застало насъ живущихъ въ хатѣ довольно уже свѣтлѣйшей, нежели какова была прежде въ нашемъ степномъ обиталищѣ, и занимающихся хотя разными упражненіями, хлопотами и заботами, но безъ чувствованія далекой скуки, а съ доволь-

ною пріятностію провождавшихъ свое время; бывшая тогда прекрасная погода много тому поспѣшествовала. Недоставало намъ однихъ только садовыхъ увеселеній, но и сему недостатку старались мы сколько-нибудь помочь, между тѣмъ какъ сынъ мой, въ первый день сего мѣсяца, съ самаго утра пустился опять въ свою степь для продолженія начатаго своего и очень нужнаго дѣла. Я, оставшись дома, занялся нашимъ степнымъ садикомъ и приведеніемъ его въ такое состояніе, чтобъ въ ономъ можно было по крайней мѣрѣ сколько-нибудь съ удовольствіемъ походить и имѣть въ немъ спокойное мѣсто для сидѣнія и отдохновенія. Былъ онъ хотя не слишкомъ малъ, но такъ безпорядоченъ и плохъ, и такъ зарослой, между большихъ нѣсколькихъ яблоковыхъ деревъ, крапивою, бурьяномъ и мелкимъ вишеннымъ кустарникомъ, что не было нигдѣ и проходу, но лучшаго и требовать было нельзя отъ такого простака, каковъ мой былъ старикъ Яковъ приказчикъ, заводившій его собственно только для себя. И такъ, набравъ нѣсколько людей съ топорами и лопатками, ну-ка я прочищать кой-гдѣ между кустарниками кривыя дорожки, расчищать площадки и лужайки, а выбравъ густѣйшую и болѣе всѣхъ къ произведенію тѣни и прохлады способнѣйшую яблонь, основывать и мастерить подъ нею земляные канапе, удобныя и для сидѣнья и для лежанья, и успѣлъ въ одно утро такъ много сдѣлать, что Павелъ мой удивился, по своемъ возвращеніи изъ степи, и мы въ тотъ же еще день съ нимъ въ ономъ съ удовольствіемъ нагулялись и пили даже свой чай въ ономъ, занимаясь между тѣмъ пріятными кое о чемъ разговорами.

Въ наступившій за симъ день, случившаяся ненастная погода принудила насъ во весь день сидѣть подъ кровлею въ своей хатѣ, но мы и въ оной нашли себѣ довольно дѣла. Павелъ занялся дѣланіемъ плана своей степи, я считалъ своего нанятаго управителя въ приходѣ и расходахъ денегъ и хлѣба, и былъ очень и очень недоволенъ онымъ и всѣми его дѣлами и поведеніемъ. Мы открыли, въ разсужденіи его, не только многія, но вообще во всѣхъ частяхъ домоводства упущенія, небреженія и нерадивость безпримѣрную и не только сіе, но даже и утонченныя плутовства и хитрости глупыя, и усматривали ясно, что онъ не поправитъ деревню, а все въ вящшую разстройку привесть и испортить можетъ, ибо не было ни единой части, гдѣбъ онъ что-нибудь сдѣлалъ хорошее, а упущенія примѣтны были во всемъ и во всемъ, и какъ надежды на него не могли мы предвидѣть никакой, то подумавъ и посовѣтовавъ съ сыномъ, положили мы его отрѣшить и за полезнѣйшее находили поручить всю деревню въ смотрѣніе и управленіе одному и надежнѣйшему изъ крестьянъ и записывать велѣть по-прежнему все тамошнему умному попу Александру, и какъ и ему въ самый сей день случилось быть у насъ, то говорили и съ нимъ мы о томъ, и не захо-

тѣли болѣе платить деньги глупцу не за стараніе обо всемъ, а за размытареніе всего на все и сколько могъ застать. Какъ въ новозаводимую нашу деревеньку нужны были хотя небольшія хоромцы, лѣсу же способнаго для построенія оныхъ своего мы не имѣли, то для скорѣйшаго построенія оныхъ искали мы гдѣ-нибудь купить готовыя и, какъ сказали намъ, что есть продажныя хоромцы у одного изъ сосѣдственныхъ дворянъ г. Вышеславцева, то сынъ мой и ѣздилъ на другой день къ оному, спознакомился съ онымъ, заѣзжалъ кое къ кому другимъ и возвратился ко мнѣ уже ночью, не имѣвъ въ ѣздѣ своей успѣха, ибо хоромцы были не по насъ и слишкомъ велики и дороги; а я день сей сидѣлъ дома и болѣе за болью, чувствуемою въ правой своей ногѣ ниже колѣна, и въ ключнѣ, такъ что мнѣ съ нуждою и не инако, какъ о палочкѣ, ходить было можно. Боль сія, состоящая отчасти въ ломѣ, отчасти въ судорогѣ, начала меня безпокоить уже за нѣсколько дней и сряду до сего времени, но все была довольно еще сносною, а около сего времени стала уже меня слишкомъ безпокоить, такъ что въ иныя минуты, а особливо по ночамъ, не зналъ, куда мнѣ съ ногою своею дѣваться и гдѣ найтить ей лучшее мѣсто, и болѣе принужденъ былъ уже лежать, нежели сидѣть, и единое мнѣ утѣшеніе доставляло чтеніе книгъ, взятыхъ съ собою. Въ таковомъ положеніи, и страдая еще болѣе отъ болѣзни своей, провелъ я и весь послѣдующій день, занимаясь наиболѣе уже чтеніемъ книгъ и пріѣзжавшими ко мнѣ изъ разныхъ деревень и со всѣхъ сторонъ наемщиками земли, которая всѣмъ имъ была крайне нужна, а намъ чрезъ то приносила доходъ хорошій, почему и нужно было отдачу оной привести въ порядокъ и пресѣчь большія притомъ злоупотребленія. Для самаго сего и ѣздилъ сынъ мой, почти всякій день, въ нашу купленную степь, и дѣлалъ положенія всѣхъ десятинъ примѣрный планъ, а тѣмъ же занимался онъ и сей весь день.

Болѣзнь моя не уменьшалась, а увеличивалась еще и въ послѣдующій день, и я, не зная, чѣмъ себѣ помогать, вздумалъ припаривать ее вареною въ водѣ Богородицкою травою, которой было у насъ тамъ, растущей на выгонѣ, превеликое изобиліе. Ее варили мы вмѣстѣ съ ромашкою и впротепель припаривали мою ногу. За болѣзнію сей и сей день я никуда не ходилъ и не ѣздилъ, а предоставилъ сіе моему Павлу Андреевичу, занимавшемуся и въ сей день своею степью. Самъ же я открылъ еще множайшія мытарства и даже плутни нашего наемнаго управителя и отобралъ у него всѣ бывшія у него на рукахъ деньги, а какъ открылись такія же почти шалости и за старикомъ приказчикомъ, то и ему почти совсѣмъ отказалъ отъ начальства. Оба они были такъ изобличены въ бездѣльничествахъ, что мы опасались, чтобъ наемникъ нашъ и не скрылся куда-нибудь, для избѣжанія дальнѣйшимъ дѣламъ его изслѣдованій. Въ наступившій за симъ день сынъ

мой ѣздилъ въ Коровайно, для торгованія продаваемой тамъ маленькой горенки, и заѣхавъ еще на свою степь, претрудное свое дѣло насилу кончилъ, а я между тѣмъ приказавъ перемѣрить и весь наличный хлѣбъ съ управителемъ своимъ и разстался. Въ вечеру сего дня напуганы мы были страшною громовою тучею и проливнымъ дождемъ, которая принудила обоихъ насъ и въ послѣдующій день сидѣть дома и заниматься разговорами съ пріѣзжавшими къ намъ разными небогатыми дворянчиками изъ сосѣдственныхъ селъ и деревень, всѣмъ имъ была въ насъ нужда, и всѣ они пользовались нашею землею. На-утріе продолжалъ я, за болѣзнію ноги моей, сидѣть дома, а сынъ мой ѣздилъ на Пашковъ хуторъ, къ межевщику, переставшему подлинно производить свое дѣло, за споромъ казака Грузикова, и принудившему учинить о томъ представленіе межевой канцеляріи, и ожидавшему отъ нея разрѣшенія и предписанія, что ему дѣлать. И какъ по сему оказывалось, что дѣло сіе продлится на долго, и намъ конца его не дождаться, то захотѣлось уже мнѣ ѣхать и въ обратный путь домой, и тѣмъ паче, что мы въ разсужденіи своей земли не могли имѣть никакого опасенія. Побудившись тѣмъ къ поспѣшенію исправлять всѣ оставшіяся еще нужды и дѣла, и почувствовавъ отъ помянутой выше сего припарки ногѣ моей нѣкоторое облегченіе, и проведя все утро въ разныхъ распоряженіяхъ, ѣздили мы, послѣ обѣда съ сыномъ моимъ, въ каретѣ на свой хуторъ, и я, будучи уже въ состояніи ходить, расчерчивалъ самъ на землѣ всѣ мѣста, гдѣ быть господскому двору и разнымъ строеніямъ, и потомъ обновили сію вновь заводимую деревеньку питьемъ чая, взятаго съ собою въ поставленной хатѣ еще вчернѣ, одной крестьянской избѣ самаго того, котораго назначили мы быть въ сей деревнѣ начальникомъ, а сынъ мой назначалъ уже, гдѣ быть разнымъ полямъ, къ сей деревенькѣ принадлежащимъ. И какъ крестьяне всѣхъ тѣхъ дворовъ, кои назначены были къ переселенію на сіе мѣсто, находились тутъ же, и каждый изъ нихъ принималъ назначенное для двора своего мѣсто, то облагодѣтельствовали мы всѣхъ ихъ всѣмъ, чѣмъ намъ было можно, для сдѣланія имъ при переселкѣ вспоможенія. На-утріе обрадованы мы были присылкою отъ межевщика, противъ всякаго чаянія съ повѣсткою, что съ будущаго дня начнется опять межеваніе, и чтобъ мы по обыкновенію высылали своего повѣреннаго. Сіе побудило насъ расположиться еще нѣсколько дней прожить тутъ и обождать утвержденія Пашковской межи и отрѣзанія его земель особо отъ нашей.

Итакъ проводя сей день дома въ разныхъ занятіяхъ, послали мы на-утріе провѣдать о межеваньѣ, но съ удивленіемъ услышали, что онаго не было, и что межевщикъ зачѣмъ то уѣхалъ въ Тамбовъ, и такъ занявшись во всё утро кое-чѣмъ дома, ѣздили мы съ сыномъ еще разъ

на свой хуторъ, и тамъ еще кое-что назначали, но возобновившаяся опять боль въ ногѣ моей не дозволила мнѣ тамъ долго мѣшкать. Въ наступившее за симъ утро, услышали мы, что въ Керовайно пріѣхалъ богатый тамошній помѣщикъ и знакомый уже намъ человѣкъ Степанъ Петровичъ Ивановъ, служившій до того оберъ-секретаремъ въ Московскомъ Сенатѣ, и въ свое время довольно знаменитый. Онъ прислалъ намъ сказать о своемъ пріѣздѣ, а потому и положили мы на-утріе къ нему съѣздить, а послѣ обѣда ѣздили въ Бѣляевку, желая познакомиться съ живущимъ тамъ сыномъ стариннаго моего знакомца Аѳанасія Ѳедоровича Соймонова, Иваномъ Аѳанасьевичемъ, и были сей ѣздою очень довольны. Мы нашли въ немъ и молодой его женѣ людей очень добрыхъ, ласковыхъ, благопріятныхъ, а что всего лучше охотниковъ до литературы и такихъ, съ которыми время свое съ особеннымъ удовольствіемъ провождать было можно. Былъ тутъ и старикъ, отецъ его, и всѣ они пріѣзду нашему были очень рады и угощали насъ всѣмъ и всѣмъ какъ нельзя лучше, водили насъ въ свой садикъ, до котораго были они охотники, и мы провели сей день съ особеннымъ удовольствіемъ и рады были, что свели съ симъ домомъ доброе знакомство и дружбу. Какъ безъ насъ г. Ивановъ присылалъ къ намъ еще человѣка и уже съ приглашеніемъ къ нему пріѣхать и съ нимъ повидаться, то расположились было мы съѣздить къ нему въ послѣдующій день послѣ обѣда, но послѣ передумали и поѣхали по утру и хорошо сдѣлали!— Правда, мы не застали его дома, уѣхавшаго на свой хуторъ, но мы рѣшились его дождаться и послали сказать ему о своемъ пріѣздѣ. Время же, въ ожиданіи его, провели съ особеннымъ удовольствіемъ, нашедъ въ домѣ у него, какъ охотника до любопытныхъ прежнихъ вещей, невиданный мною никогда еще, электрическій электрофорный снарядъ для зажиганія огня, и смотря съ удовольствіемъ на опыты, производимые для насъ человѣкомъ его симъ инструментомъ, утѣшались мы также болтаньемъ и говореньемъ сидящаго въ клѣткѣ попугая, а того болѣе неслыханнымъ мною еще никогда музыкальнымъ пѣніемъ ученаго снѣгиря, напѣвающаго хотя тихо, но съ неизобразимою пріятностію цѣлый менуэтъ такъ исправно и хорошо, что я никакъ и не воображалъ себѣ, чтобъ такая маленькая пташечка могла научена быть такъ исправно и хорошо пѣть. Наконецъ пріѣзжаетъ и хозяинъ и, обласкавъ насъ какъ нельзя лучше, унимаетъ у себя обѣдать, но что жъ воспослѣдовало? Предъ самымъ обѣдомъ, и въ самое то время, когда разговаривали мы съ нимъ и разсуждали о тогдашнемъ межеваньѣ, до котораго и ему, какъ такому же покупщику, каковы были и мы, касалось сіе дѣло, и для котораго онъ тогда изъ Москвы сюда прискакалъ, возвращается и пріѣзжаетъ мой старикъ приказчикъ отъ межевщика и привозитъ всѣхъ насъ перетревожившее и даже поразившее

извѣстіе, что все межеванье совершенно остановлено, по присланному изъ Сената указу, и что всѣ повѣренные и понятые уже распущены отъ землемѣра. Сіе удивило, смутило и перетревожило хозяина и всѣхъ насъ, всѣ мы не понимали, что бы это значило, и рѣшились тотчасъ послѣ обѣда ѣхать домой съ тѣмъ, чтобъ Павлу Андреевичу съѣздить тотчасъ на Пашковъ хуторъ къ межевщику и распровѣдать лично объ обстоятельствахъ сей остановки и причинѣ распущенія всѣхъ съ межи. Онъ сіе и исполнилъ и привезъ ко мнѣ поразительное извѣстіе, что межеванье остановлено дѣйствительно по присланному въ Тамбовъ Сенатскому указу, и что велѣно все рѣшеніе Московской межевой канцеляріи и все дѣло прислать въ Петербургскій Сенатъ на разсмотрѣніе, и учинено сіе по принесеннымъ отъ генераловъ Вадковскаго и Арбенева жалобамъ на неправильное рѣшеніе и неудовлетвореніе обоихъ ихъ въ требованіяхъ оныхъ, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ недовольныхъ рѣшеніемъ канцелярскимъ. Надобно признаться, что извѣстіе сіе меня не только смутило, но и озаботило очень и очень.—Ахъ, батюшки мои!—думалъ я,—ужь не перековеркалъ бы Сенатъ всего нашего дѣла по-своему, и не досталось бы и намъ чего-нибудь на лапу. Дѣло, въ разсужденіи насъ, рѣшено хотя наисправедливѣйшимъ образомъ, и намъ повидимому опасаться нечего, но въ разсужденіи другихъ, изъ похлебства, Пашкову надѣлано канцеляріею много пакостей, и не мудрено, если Сенатъ, разсмотрѣвъ все дѣло, сдѣлаетъ многія въ рѣшеніи сего перемѣны; но какъ и въ Сенатѣ сидятъ не Ангелы, а также человѣки, какъ и въ канцеляріи, или можетъ быть еще худшіе, то страшно, чтобъ и тамъ не произошло какихъ бездѣльничествъ, и чтобъ вмѣстѣ съ прочими, невиннымъ образомъ, не претерпѣть и намъ чего-нибудь!! Сынъ мой былъ такихъ же мнѣній и столько жъ озаботился тѣмъ, сколько и я. Мы тотчасъ увѣдомили о томъ чрезъ письмо г. Иванова—и положили не мѣшкать уже болѣе ничего въ тамошнемъ краѣ, а поспѣшить отъѣздомъ своимъ въ обратный путь, поелику тутъ нечего было болѣе дожидаться. Въ семъ намѣреніи, по наступленіи послѣдующаго дня, и стали мы въ сей путь собираться и употребили все утро на послѣднія распоряженія и приказанія, въ разсужденіи поселенія новой нашей деревеньки, которую велѣли тотчасъ начинать селить и употреблять къ тому всѣ праздные и досужные дни, какіе только можно отрывать отъ работъ полевыхъ и обыкновенныхъ; для управленія же всѣмъ выбрали наилучшаго и умнѣйшаго мужика и назначили ему быть бурмистромъ. А послѣ обѣда въ сей послѣдній день пребыванія нашего тамъ пріѣзжали къ намъ оба г. Соймоновы, отецъ съ сыномъ, и мы провели весь остатокъ сего дня съ удовольствіемъ въ пріятныхъ разговорахъ съ оными. И такъ, проживъ цѣлыхъ 18 дней въ сей нашей степной деревнѣ, 15 іюня собравшись, и съ самаго утра отправились мы въ

свой обратный путь, расположившись ѣхать уже не на Разсказово, а на Коптево, которая дорога была хотя нѣсколько и длиннѣе, но за то спокойнѣе и лучше. При отъѣздѣ моемъ взиралъ я на всѣ тамошнія мѣста съ нѣкоторыми особенными чувствіями.

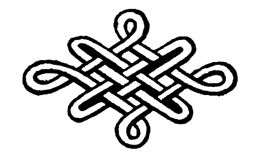
Всѣ они, отъ многократнаго пріѣзда и пребыванія въ нихъ по нѣскольку времени, содѣлались мнѣ милы и какъ-то въ особливости пріятны, и какъ шелъ уже тогда мнѣ седьмой десятокъ лѣтъ отъ рожденія, то не надѣялся прожить еще на свѣтѣ семъ многіе годы и находиться въ состояніи пріѣзжать опять въ такую даль къ намъ. Разставался я съ ними, какъ бы въ послѣдній разъ оныя видя и ими увеселяясь,—но Всемогущему угодно было расположить все инако, нежели я думалъ, и доставить мнѣ еще разъ случай ихъ видѣть, и ими навеселиться гораздо еще болѣе и долговременнѣе, нежели во всѣ прежніе разы, какъ то окажется впослѣдствіи. Ѣзда наша была благоуспѣшна, и мы пріѣхали кормить лошадей въ Коптево еще въ десятомъ часу и остановились у зажиточнаго крестьянина, принадлежащаго свату моему Ошанину, у котораго тутъ было нѣсколько дворовъ крестьянскихъ; мужичекъ сей старался подчивать насъ всѣмъ, чѣмъ могъ, и мы были угощеніемъ его довольны, и успѣли въ тотъ же день и довольно еще рано, пріѣхать ночевать въ Тамбовъ, гдѣ застали бывшую тогда въ семъ городѣ ярмарку, или паче одинъ только конецъ оной, но имѣли удовольствіе насмотрѣться всей тамошней публикѣ, съѣхавшейся смотрѣть какое-то зрѣлище. Переночевавъ въ Тамбовѣ, и продолжая далѣе свой путь, остановились мы въ селѣ Лысыхъ Горахъ для питья своего дорожняго чая, кормить же лошадей поспѣли въ выселки Чолковскіе, а ночевать въ городъ Козловъ.

Тутъ отыскали мы стариннаго нашего знакомца и друга Якова Кузьмина и просидѣли съ нимъ долго, разговаривая кое о чемъ, и онъ замучилъ насъ своимъ говореньемъ такъ, что мы уже и скучать тѣмъ начали и рады были, когда онъ ушелъ отъ насъ. Какъ во всю тогдашнюю ночь была громовая туча съ проливнымъ дождемъ, произведшимъ на дорогѣ великую грязь, то ѣхать намъ на другой день было гораздо хуже, нежели прежде, однако мы, пообѣдавъ въ Иловомъ, ночевать поспѣли еще рано въ Раненбургъ, гдѣ приходилъ къ намъ тамошній знакомый нашъ исправникъ г. Аксеновъ и просидѣлъ у насъ до самаго ужина. На утро вставши поранѣе, продолжали мы свой путь далѣе и, пользуясь длиннѣйшими во всемъ году днями, и покормивъ два раза лошадей, въ Остаповѣ и Данковѣ, доѣхали еще довольно рано до Паникъ къ свату моему, Өедору Васильевичу Ошанину, и нашли всѣхъ тутошнихъ родныхъ своихъ здоровыми и во всякомъ благостояніи; всѣ они были пріѣздомъ нашимъ очень обрадованы, а особливо моя невѣстка, и мы успѣли еще въ тотъ же вечеръ и погулять съ ними. Мнѣ

хотѣлось было съ утра въ послѣдующій день продолжать свой путь далѣе, но сватъ убѣдилъ меня остаться у него на весь тотъ день, и я тѣмъ охотнѣе на то согласился, что хотѣлось мнѣ провести еще одинъ съ спутникомъ и другомъ моимъ Павломъ Андреевичемъ, ибо онъ располагался остаться тутъ и на другой день, по отъѣздѣ моемъ, отправиться съ женою своею въ Кромскую ихъ деревню къ теткѣ ихъ. А какъ въ сей день подъѣхалъ къ намъ ѣздившій въ гости и сынъ свата моего, Дмитрій Ѳедоровичъ, то и провели мы оный очень весело, а на утро, то-есть 20 числа іюня, и разстался я съ милымъ и любезнымъ своимъ Павломъ Андреевичемъ и, отобѣдавъ у нихъ, и распрощавшись со всѣми, пустился въ дальнѣйшій свой путь, поспѣшая къ прочимъ роднымъ своимъ. Съ сего времени началась у насъ опять по-прежнему переписка съ моимъ сыномъ, и какъ послѣдовавшія за симъ съ обоими нами происшествія описаны наиболѣе въ нашихъ письмахъ, то предоставляя дальнѣйшее письму будущему, сіе симъ окончу, сказавъ, что я есмь вашъ... и прочее.

Писано сіе въ Дворениновѣ
іюня 8 дня 1821 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ давно прошедшаго.

(Похороны Николая Алексѣевича Полеваго).

Въ одинъ изъ сырыхъ дней марта 1846 года, изъ дома Крамера чрезъ Аларчинъ мостъ къ церкви Николы Морскаго тянулась траурная процессія. Гробъ покоился на печальныхъ (въ прямомъ и переносномъ смыслѣ) безъ верха дрогахъ, запряженныхъ парою исхудалыхъ одровъ, ребра которыхъ проглядывали сквозь дырявыя покрывала. Мальчикъ возница, въ шляпѣ съ громаднѣйшими полями, поминутно ихъ подстегивалъ. Но, несмотря на такую, повидимому не блистательную обстановку, народная толпа по пути слѣдованіи росла все болѣе и болѣе и когда гробъ внесли въ церковь, то даже ограда ею переполнилась; все стремилось отдать послѣдній долгъ усопшему русскому талантливому писателю и тяжелому труженику, испившему много горечи въ своей недолговременной жизни, Николаю Алексѣевичу Полевому.

Когда заупокойная литургія окончилась, то гробъ вынесенъ былъ изъ церкви лицами, присутствовавшими на похоронахъ, извѣстными тогда по своему общественному положенію: С. С. Уваровымъ, А. М. Княжевичемъ, Михайловскимъ-Данилевскимъ, Плетневымъ, Гречемъ и другими. Ѳ. В. Булгаринъ, котораго издали узнать можно было по небольшому росту, полнотѣ и толстымъ губамъ, все бѣгалъ и суетился; надо думать, что онъ во всемъ этомъ принималъ какое-то особое участіе.

Народъ не далъ поставить гробъ на дроги и несъ на рукахъ до Волкова кладбища...

Здѣсь кстати вспомнить остроту П. А. Каратыгина, присутствовавшаго на похоронахъ среди артистовъ Императорскихъ театровъ. На замѣчаніе кого-то изъ нихъ:

— Почему, въ числѣ прочихъ, Булгаринъ гробъ не выносилъ.

— А потому,—отвѣтилъ Каратыгинъ, — что онъ его при жизни много поносилъ.

Сообщилъ **І. В. Лохвицкій.**

УНИВЕРСИТЕТСКІЕ СТАРЦЫ.

(Изъ воспоминаній казанскаго студента).

Въ ожиданіи лекцій профессора физики І. А. Больцани.—Фабула о его знаніяхъ. — Явленіе „знаменитости“ и первая лекція. — Студенческія скорби послѣ этой лекціи и юмористическій финалъ.—„Божій соперникъ“.—Послѣ нѣсколькихъ лекцій Больцани.—Фіаско нашего запроса о пособіяхъ къ курсу физики. — Непосѣщеніе студентомъ Е—овымъ лекцій Больцани и что изъ этого вышло. — Значеніе этихъ лекцій. — Обыденная жизнь Больцани и его положеніе среди коллегъ.—Сторожъ Файзулла—вѣрный слуга Больцани; ихъ любопытныя взаимоотношенія.—Смерть Больцани.—Помощникъ проректора А. Х. Зоммеръ.—Отношеніе къ нему студентовъ-зубоскаловъ. — Разсказы о Зоммерѣ.—Его quasi дѣятельность.—Профессоръ астрономіи М. А. Ковальскій.—Его вѣсъ и значеніе въ факультетѣ.—Обидныя отношенія къ мелкой служилой сошкѣ.—Замыслы „приватика“ о домашней революціи, и чѣмъ она кончилась.—Юмористическіе экзамены.—Грозные экзамены Ковальскаго.—Отношенія Ковальскаго, какъ декана, къ студентамъ и ихъ нуждамъ.—Эпизодъ о студентѣ Н—евѣ.—Споры и раздоры Больцани и Ковальскаго.—Несогласія „старцевъ“ и ихъ мелочность. — Губернаторское положеніе приватиковъ и доцентовъ. — Профессоръ механики, П. И. Котельниковъ. — Особенность его лекцій.—Его шутки.—Жизнь его въ университетской корпораціи.—Странности этого старца.

....Этотъ день мы, новички-первокурсники, ждали съ напряженнымъ нетерпѣніемъ; въ этотъ день мы должны были впервые видѣть и слушать знаменитаго профессора физики, Іосифа Антоновича Больцани, о которомъ еще въ стѣнахъ гимназій многіе изъ насъ слышали сказанія, заставлявшія съ какою-то восхищенною почтительностью преклоняться передъ его ученостью. Знанія Больцани представлялись, по крайней мѣрѣ мнѣ, недосягаемы для обыкновеннаго ума человѣческаго; это убѣжденіе было окончательно закрѣплено слѣдующею фабулою. Однажды кто-то спросилъ Больцани: «Кто теперь изъ ученыхъ лучшій знатокъ физики?»—«Богъ знаетъ на пять, я—на четыре, а всѣ остальные—на двойку»,—будто-бы былъ отвѣтъ Больцани. Не знаю, насколько достовѣрно это сказаніе, пріуроченное къ имени Больцани и дышащее необычайнымъ высокомѣріемъ, но оно Богъ вѣсть съ какихъ поръ переходило отъ одного студенческаго поколѣнія къ другому, и мы прини-

мали его за чистую монету; фраза эта являлась въ нашихъ глазахъ незыблемымъ мѣриломъ его знаній и указателемъ его авторитетности въ ученомъ мірѣ.

Съ-позаранку мы забрались въ физическій кабинетъ на первую лекцію, мрачная аудиторія котораго, уставленная всевозможными приборами и машинами, представилась мнѣ какимъ-то таинственнымъ храмомъ, въ которомъ по мановенію его властелина разливается свѣтъ міровой науки. Настроенный на такой фантастически-выспренній ладъ, я помѣстился на партѣ и съ замираніемъ сердца ждалъ появленія знаменитости, съ которою въ познаніяхъ никто, кромѣ Бога, не могъ соперничать.

Наконецъ, въ сосѣдней комнатѣ раздался дребезжащій кашель, и слѣдомъ изъ дверей вынырнула маленькая, горбатенькая, лысенькая, съ орлинымъ носомъ фигурка, на которой мѣшкомъ болтался лоснящійся, длиннополый сюртукъ; фигурка остановилась у стола и, энергично дважды плюнувъ, тоненькимъ голоскомъ изрекла: «Милостивые государи!» Это и былъ знаменитый Больцани. Мертвая тишина водворилась въ аудиторіи, и я, едва переводя дыханіе, старался уловить каждое слово профессора и записать въ тетрадку. Больцани читалъ бойко, тѣмъ не менѣе я успѣвалъ записывать, почти пунктуально, благодаря тому обстоятельству, что онъ свое чтеніе прерывалъ безпрестанными плевками, разбрасываемыми куда ни попало и на полъ, и на доску, и даже на столъ, — плевался Больцани по привычкѣ съ юности и до скончанія дней своихъ.

По окончаніи лекціи сталъ я перечитывать записанное, и что же? Моему изумленію не было границъ: вся моя запись представляла собою простой наборъ словъ и являлась сплошною феноменальною галиматьею! Я старался воскресить въ памяти содержаніе лекціи, но увы! долженъ былъ сознаться, что она для меня непостижима... Прыгали какія-то молекюли въ перегонку съ атомами, катились куда-то волны, что-то толковалось о неслыханныхъ амплитудахъ; все это толпилось въ хаотическихъ сочетаніяхъ и было для меня столь же ясно, какъ китайская грамота. Тутъ только съ горечью въ сердцѣ вспоминалъ я о своемъ гимназическомъ аттестатѣ, въ которомъ значилось, что я отмѣнно «созрѣлъ» и что знаю физику на пять; я прозрѣлъ и понялъ, что я великолѣпнѣйшій невѣжда!.. Но горечь нѣсколько схлынула, когда мы стали дѣлиться своими впечатлѣніями «о божьемъ соперникѣ»; оказалось, что не я одинъ былъ столь грандіознымъ профаномъ, а всѣ поголовно были, какъ говорится, «подъ масть»...

— Что это за белиберду онъ намъ читалъ? - выпалилъ студентъ Е—овъ, изумленно разводя руками.

— Н-да, исторія мудреная!..

— Вотъ ты раскуси ее!..

— Да запишемъ просто: плевался, молъ, и шабашъ!..

Такъ голосили мы нестройнымъ хоромъ, выйдя гурьбой изъ кабинета; затѣмъ, перебирая въ памяти разные кусочки изъ чтенія Больцани, окаррикатурили всю лекцію и разошлись въ самомъ игривомъ и беззаботномъ настроеніи.

Прослушавъ нѣсколько лекцій Больцани, на которыхъ мы самымъ добросовѣстнымъ образомъ «пучили очи» и столь старательно напрягали мозги, что, по замѣчанію одного товарища, у него во лбу даже что-то трещало и звякало, тѣмъ не менѣе должны были коллегіально признать, что къ воспріятію этихъ чтеній «ума нашего предѣлы узки»... Чтобы упорядочить прослушанное, гомозившееся въ нашихъ головахъ въ видѣ ужаснаго сумбура, мы рѣшили просить Больцани указать намъ пособія къ его курсу.

Передъ началомъ одной лекціи мы собрались среди аудиторіи и, какъ только Больцани вошелъ, студентъ Н—евъ, въ роли нашего делегата, обратился къ нему:

— Господинъ профессоръ, будьте добры указатѣ намъ пособіе къ вашимъ лекціямъ.

— Пособіе? Это для чего? и Больцани устремилъ на Н—ева неподвижный, испытующій взоръ.

— Видите, господинъ профессоръ, мы не совсѣмъ-то... мы... для насъ трудно... Н—евъ запутался, переконфузился и замолкъ.

— Трудно?.. что трудно? у кого голова на плечахъ, тому не трудно... Моихъ лекцій вы нигдѣ не найдете!..—отрѣзалъ Больцани и направился на свое обычное мѣсто къ столу, а мы обмѣнявшись краснорѣчивыми гримасами, поплелись размѣщаться по партамъ.

— Ну его тутъ и съ его лекціями-то... Только по-пусту время теряешь. Больше и ходить къ нему не стану, а возьму «Петрушевскаго», да и отжарю по нему весь курсъ... Такъ отрапортовалъ намъ Е—овъ послѣ нашего безуспѣшнаго домогательства. Дѣйствительно, слово свое онъ сдержалъ: на лекціяхъ Больцани не видали его все первое полугодіе. Но эта манкировка не прошла для Е—ова безслѣдно, а повлекла за собою забавный и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный инцидентъ. Передъ Рождествомъ начали мы сдавать репетиціи по физикѣ, что называется, валили черезъ пень колоду, но Больцани оказался великодушенъ и многомилостивъ: о «двойкахъ» и «палкахъ» не было и рѣчи, хотя и задавалъ онъ намъ преизрядную гонку. Дошла очередь до Е—ова; онъ подошелъ къ столу.

— Кого имѣю честь видѣть? — съ оттѣнкомъ ироніи спросилъ Больцани.

— Е--овъ, студентъ 1-го курса.

— Имѣю честь представиться — профессоръ Больцани. Онъ приподнялся со стула и, улыбаясь, началъ учащенно раскланиваться.

— О-очень пріятно!.. булькнулъ Е—овъ, физіономія котораго моментально приняла цвѣтъ печенаго рака.

— Вы не изволили удостоить своимъ посѣщеніемъ моихъ лекцій. Мнѣ прискорбно, что я не имѣлъ удовольствія съ вами познакомиться... Соблаговолите теперь познакомиться. Пожалуйте! Больцани указалъ на доску.

И вотъ началось «знакомство», длившееся почти цѣлый часъ и уснащенное вышучиваніемъ, уколами за непосѣщеніе лекцій. Е—овъ не вынесъ этой инквизиторской гонки и, положивъ мѣлъ, упавшимъ голосомъ проговорилъ: больше отвѣчать не могу, г. профессоръ,—я заболѣлъ... мнѣ дурно...

— Если угодно, приходите въ другой разъ, а пока я вамъ отмѣчу «два».

Е—овъ ушелъ, отмѣченный за всѣ свои страданія двойкой, и, конечно, вторично къ Больцани не являлся, но за то сдѣлался аккуратнымъ слушателемъ его лекцій во второе полугодіе.

Мы не успѣли, за смертію Больцани, прослушать полнаго курса физики, а то, что прослушали, очень скудно пополнило наши гимназическія познанія. Я, конечно, не хочу этимъ умалить значенія Больцани, какъ крупной величины въ ученомъ мірѣ, да это и не въ моихъ средствахъ, но имѣю всѣ данныя къ тому, чтобы сказать объ отсутствіи въ немъ лекторскихъ и педагогическихъ способностей.

Что касается обыденной жизни Больцани, то онъ жилъ замкнуто, почти нигдѣ не показывался, общественные интересы мало его тревожили, и про него одинъ университетскій зоилъ сказалъ, что едва-ли Больцани доподлинно знаетъ, кто теперь царствуетъ. Въ профессорской коллегіи онъ держался особнякомъ, ни съ кѣмъ не дружилъ; что думалъ, то и ляпалъ по-просту, напрямки, ни чуть не стѣсняясь тѣмъ, что если это попадало кому-нибудь не въ бровь, а прямо въ глазъ. Разумѣется, такая «поведенція» старца создала ему тайныхъ и явныхъ недоброжелателей, по адресу которыхъ онъ и самъ не стѣснялся, даже въ аудиторіи, бросать свое раздраженіе. «Не наукой ему заниматься, а въ лабазѣ мукой торговать...» Такъ однажды выразился онъ относительно профессора Я—го, совмѣстившаго съ профессорскою дѣятельностью отвѣтственную службу въ городскомъ управленіи, что̀ въ Казани тогда трактовалось, какъ небывалое и несимпатичное явленіе.

Умеръ Больцани въ 1876 году, неся на плечахъ около 70 лѣтъ.

Не могу обойти молчаніемъ того факта, что никто такъ не скорбѣлъ о кончинѣ Больцани, какъ сторожъ физическаго кабинета, татаринъ Файзулла, вѣрный слуга въ продолженіе всей его профессорской

дѣятельности. Файзулла представлялъ собою тотъ яркій типъ сторожа-ветерана при научныхъ кабинетахъ и музеяхъ, которые иногда о себѣ говорятъ, что «эту самую науку я-де досконально, насквозь знаю...» Дѣйствительно, во всемъ огромномъ физическомъ кабинетѣ, кажется, не было ни одного прибора, котораго онъ бы не зналъ; съ главнѣйшими же онъ умѣлъ настолько обращаться, что, по указанію, или вѣрнѣе — подъ надзоромъ хранителя кабинета г. Кебеля, отмѣнно устанавливалъ приборы даже для такихъ сложныхъ опытовъ, какъ опыты по спектральному анализу.

Файзулла совершенно сжился съ Больцани, примѣнился къ его характеру, безропотно выносилъ его вспышки, во время которыхъ профессоръ нерѣдко говорилъ ему «дурака»; въ такіе жаркіе моменты Файзулла обыкновенно показывалъ тылъ и хотя въ догонку ему и раздавался зовъ «Файзулка», но онъ, считая этотъ зовъ унизительнымъ, ни за что не возвращался предъ очи кипятившагося патрона до тѣхъ поръ, пока Больцани самъ не являлся въ его каморку. «Ну, ишь, надулся, болванъ!..» Файзулла самодовольно улыбался въ отвѣтъ на эту своеобразную ласку, и миръ закрѣплялся впредь до новаго клича «Файзулка».

Презабавно было смотрѣть и слушать, когда бывало Больцани начнетъ осматривать систему приборовъ, приготовленную для извѣстнаго опыта. Файзулла стоитъ тутъ же. Больцани по своей суетливости часто что-нибудь повернетъ, сдернетъ и такимъ образомъ нарушитъ систему. Файзулла махнетъ рукой и, покачивая головой, тихо удаляется изъ аудиторіи. «Дуракъ!»—лаконически бросаетъ ему въ слѣдъ Больцани и начнетъ учащенно плеваться. Разумѣется, аудиторія иной разъ не сдержится и «прыснетъ», что̀ всегда сопровождалось замѣчаніемъ Больцани: «прошу, господа, быть приличнѣе ..»

Около 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но имя Больцани не изгладилось изъ скрижали студенческихъ традицій, хотя имена многихъ его университетскихъ современниковъ исчезли безслѣдно...

Древняя, еле передвигавшая ноги, съ безжизненнымъ взоромъ фигурка встрѣтила насъ, когда мы «всѣмъ кагаломъ» впервые ввалились въ университетскій коридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго шли аудиторіи. Фигурка эта принадлежала помощнику проректора, Александру Христофоровичу Зоммеру. Выспросивъ насъ съ нѣмецкою чопорностью, какого мы факультета, какъ наши фамиліи, онъ, какъ тѣнь, медленно побрелъ по коридору, чертя правою ногою что-то въ родѣ запятыхъ. Съ какою цѣлью онъ интересовался нашими фамиліями, извѣстно одному Аллаху, ибо и черезъ четыре года онъ все равно ихъ, да и насъ самихъ не зналъ, хотя неукоснительно, чуть-ли не каждую не-

дѣлю, осаждалъ насъ однимъ и тѣмъ же стереотипнымъ вопросомъ: «а позвольте узнать, какъ ваша фамилія?»

Вмѣстѣ съ утратою памяти Зоммеръ потерялъ и многіе другіе дары Создателя, что̀ давало поводъ зубоскаламъ безсовѣстно глумиться надъ нимъ. Такъ одинъ изъ нихъ разсказывалъ Зоммеру, что онъ возвратился бы съ рождественскихъ каникулъ какъ разъ на Крещенье, да пароходъ около Цивильска наскочилъ на мель, поломался, и пассажирамъ пришлось 8 дней просидѣть на мели безъ пищи, такъ какъ запасы всѣ были истощены.

— А-а!.. причина уважительная,—пресерьезно замѣтилъ Зоммеръ, выслушавъ это несуразнѣйшее вранье.

Разсказовъ такого игриваго жанра о Зоммерѣ ходило великое множество, и всѣ они обрисовывали его съ невыгодной стороны, что̀ хотя и печально, но съ фактами ничего не подѣлаешь.

Совершая однажды обычные рейсы по коридору, онъ зашелъ въ профессорскій залъ и началъ въ стотысячный разъ разсматривать развѣшенные по стѣнамъ портреты «великихъ мужей». Когда его угасающіе взоры остановились на портретѣ Лобачевскаго, передъ которымъ онъ во время оно благоговѣлъ, вдругъ всѣ фибры лица его дрогнули, и онъ гнѣвно крикнулъ сторожа.

— Это что?—спросилъ раздраженно Зоммеръ, указывая на портретъ.

— Патретъ!—болтнулъ сторожъ и посмотрѣлъ на Зоммера такъ подозрительно, словно хотѣлъ сказать: «эге, старче, дѣло-то дрянь: знать умъ за разумъ закатился...»

— «Патретъ!..»—передразнилъ Зоммеръ сторожа.—Да на патретѣ-то что? пыль! Великій человѣкъ не чище трубочиста, а они, лежебоки, и ухомъ не ведутъ!.. ты хоть бы швабру взялъ, да шваброй-то и вытеръ...

Напрасно я сталъ бы утомлять свою память, чтобы отыскать и отмѣтить что-либо серьезное, осмысленное изъ жизни и дѣятельности Зоммера—этой «археологической рѣдкости», передъ которою продефилировали многія поколѣнія студентовъ; десятки лѣтъ онъ лишь бродилъ по коридору университета, и, кажется, никто изъ властей не интересовался ни имъ самимъ, ни его дѣятельностью, да въ сущности на него, за древностію лѣтъ, уже не было возложено никакихъ обязанностей, а держали его, видимо, въ качествѣ чего-то отвлеченнаго просто изъ чувства гуманности. Созидалъ ли Зоммеръ своими духовными силами что-нибудь въ расцвѣтѣ лѣтъ своихъ—неизвѣстно; умеръ онъ въ семидесятыхъ годахъ, имѣя отъ роду болѣе 80 лѣтъ. Онъ былъ старшій ветеранъ университетской семьи.

Есть вульгарная поговорка: «къ нему и на козѣ не подъѣдешь», употребляемая въ тѣхъ случахъ, когда хотятъ охарактеризовать недоступность и гордыню какого-либо субъекта. Эту козу не разъ вспоминали

старые студенты, когда разсказывали мнѣ о профессорѣ астрономіи, Маріанѣ Альбертовичѣ Ковальскомъ, блиставшемъ тогда на горизонтѣ небесной науки звѣздою крупной величины. Бѣлый, какъ лунь, съ гордою осанкою, безстрашнымъ взоромъ и рѣзкою, быстрою рѣчью, этотъ ученый старецъ, дѣйствительно, производилъ впечатлѣніе неприступнаго гордеца. Не даромъ звали его «зевсоподобнымъ», и этотъ эпитетъ какъ нельзя больше приличествовалъ его персонѣ. Взирая на все съ олимпійскимъ величіемъ и понимая свой вѣсъ и значеніе въ университетѣ, онъ повергалъ въ какое-то оцѣпенѣніе не только насъ, студентовъ, но даже и служилую университетскую мелкую сошку, въ родѣ секретарей, приватъ-доцентовъ и проч. Будучи деканомъ физико-математическаго факультета, онъ самовластно устанавливалъ факультетскіе распорядки, которые иногда являлись прямо-таки аномальными. Такъ, не блестяще цѣня чтенія приватъ-доцентовъ, Ковальскій былъ косвенною причиною того факта, что студенты игнорировали этихъ лекторовъ, не посѣщали ихъ лекцій, а на экзаменахъ требовали удовлетворительный баллъ, хотя ни на секунду не раскрывали рта.

Одинъ «приватикъ», бывшій тогда въ особенномъ загонѣ, задумалъ произвести революцію и совершить переворотъ такого обиднаго положенія вещей. Явились на экзаменъ, онъ, къ великому нашему удивленію, отказался ставить намъ за «безотвѣтность» удовлетворительно, и первому вышедшему къ нему студенту влѣпилъ «колъ». Всѣ разомъ покинули аудиторію; студентъ отправился съ «жалобой» къ Ковальскому, а мы остались толкаться въ коридорѣ, въ ожиданіи резолюціи на эту жалобу, считая ее вполнѣ основательной и справедливой. Скоро нашъ коллега возвратился сіяющій.—«Подите, скажите, «этому» «какъ его» что я велю ему поставить вамъ четыре»,—подчеркнувъ послѣднее слово, гордо изрекъ Ковальскій свою безаппелляціонную резолюцію.

Мы снова хлынули въ аудиторію, гдѣ приватикъ-революціонеръ совершалъ рейсы съ Зоммеромъ.

Эффектъ получился чрезвычайный, когда студентъ отрапортовалъ приказъ Ковальскаго; приватъ какъ-то сократился, съежился и, пробормотавъ что-то такое себѣ подъ носъ, покорно преобразилъ «колъ» въ четверку. Идея о переворотѣ у него вылетѣла изъ головы, и онъ, не требуя отвѣтовъ, съ плеча написалъ всѣмъ «удовлетворительно».

Ковальскій очень хорошо зналъ, что у приватиковъ и даже у нѣкоторыхъ доцентовъ экзамены производятся именно такимъ порядкомъ, но, во имя оффиціи, прикидываясь «незнайкой» о томъ, онъ иногда, къ великому ужасу этихъ злосчастныхъ лекторовъ, заявлялъ о своемъ желаніи присутствовать на экзаменѣ. Вообразите, что это былъ-за экзаменъ, когда предметъ являлся совершенно невѣдомою «матеріею»; это было чистѣйшее комедійное зрѣлище! Совершенно отчетливо помнится

мнѣ такой экзаменъ по неорганической химіи, которую тогда читалъ доцентъ Глинскій (нынѣ умершій), попавшій въ профессорскую корпорацію, какъ говорили, по недоразумѣнію... Ковальскій явился, сѣлъ за столъ и сосредоточенно началъ разсматривать програму. Глинскій стоялъ и ждалъ его распоряженій. Студенты переглядывались, недоумѣвающе перешептывались—«что же это-де будетъ?»

— Не угодно ли!—послѣдовалъ приказъ Ковальскаго.

Глинскій вызвалъ кого-то по списку.

— Ну-съ, что вы знаете?—спросилъ Глинскій такимъ тихимъ голосомъ, словно ему сдавило горло.

— Ничего не знаю... ужь вы мнѣ такъ поставьте...

— Ну, да что-нибудь?

— Ей-Богу, ничего не знаю...

— Неужели не знаете сѣрной кислоты?

— Это купоросное масло, что ли? Слыхалъ, но, право, больше ничего не знаю.

Слушая эти діалоги, Ковальскій началъ постепенно оживляться: обычная суровость сходила съ лица, уступая мѣсто едва уловимой улыбкѣ.

— Довольно съ него, вызовите другаго,—приказалъ Ковальскій.

Съ этимъ другимъ повторилась та же исторія съ кое-какими варіаціями; то же съ третьимъ, четвертымъ. Но вдругъ нашлись два такіе знатока, которые съ апломбомъ заявили, что они отмѣнно знаютъ первый билетъ. Глинскій едва не подпрыгнулъ отъ восхищенія. Высказавъ общими силами свои знанія, они ушли, унося, въ видѣ трофея, четверки, поставленныя собственноручно улыбавшимся Ковальскимъ.

Умѣстно сказать, что рѣшительно не припоминаю случая, когда бы я видѣлъ на лицѣ Ковальскаго улыбку,—вѣчно оно было застывшее, суровое. Только на «юмористическихъ» экзаменахъ съ нимъ и совершалась эта необычайная метаморфоза, словно онъ и являлся на нихъ за тѣмъ, чтобы на минуту встряхнуться, развлечься и послѣ снова на долго застыть.

Не таковъ былъ Ковальскій на своихъ экзаменахъ; тутъ его требовательность восходила до тѣхъ высокихъ градусовъ, коими обозначались гроза и гонка, завершаемыя иногда бросаніемъ мѣла въ доску съ провозглашеніемъ «чертей и дьяволовъ». Хотя въ этихъ случаяхъ изъ влѣпленныхъ единицъ и можно было составить изрядный частоколъ, но онъ торчалъ лишь временно: слѣдуетъ отдать полную справедливость Ковальскому,—онъ давалъ неоднократныя переэкзаменовки, и въ итогѣ отъ частокола не оставалось слѣда; «изъ-за Ковальскаго» очень рѣдко кто «зимовалъ» на одномъ и томъ же курсѣ.

Лекціи читалъ Ковальскій обстоятельно, и намъ не было нужды

искать къ нимъ пособій, какъ это мы пытались у Больцани, а потому и личныхъ разговоровъ съ нимъ у насъ почти совсѣмъ не было; если же случалось обращаться къ нему, какъ декану, съ какою-нибудь докукою, напр., о пособіи, о стипендіи и т. п., то онъ и тутъ не любилъ никакихъ «словесностей»; только, бывало, затянешь свою «слезницу», какъ онъ моментально перебивалъ: «Подайте прошеніе», и быстро уходилъ. Замѣчательно то обстоятельство, что, по скольку онъ былъ лаконичeнъ въ такихъ общеніяхъ со студентами, по стольку же былъ размашистъ и настойчивъ въ поддержаніи ихъ интересовъ на университетскихъ совѣтахъ. Благодаря Ковальскому, матеріальная помощь отъ университета студентамъ-математикамъ раздавалась щедрою, неоскудѣвающею десницею.

Зная, что Ковальскій не очень-то долюбливалъ съ нашимъ братомъ разводить разговоры, мы были прямо-таки изумлены, когда узнали, что нашъ коллега Н--евъ удостоивается бывать по вечерамъ въ кабинетѣ «зевсоподобнаго». «Что сей сонъ обозначаетъ?» Оказалось, что Н—евъ, къ слову сказать, не столько талантливый, сколько пронырливый, сумѣлъ найти особенную «козу», на которой и подъѣхалъ мастерски къ неприступному и грозному старцу. На этой козѣ Н - евъ, прежде всего, началъ посѣщать обсерваторію, занятія въ которой Ковальскій особенно поощрялъ; намъ же эти посѣщенія рѣшительно и въ голову не приходили, такъ какъ въ это время курса практической астрономіи мы еще не слушали.

— Что же ты тамъ дѣлаешь?—спрашивали мы съ недоумѣніемъ Н—ева.

— На небо въ трубу гляжу,—ухмыляясь, отвѣчалъ онъ.

— Да какую же фигу ты тамъ видишь?

— А звѣзды-то...

— Ну, звѣзды, а дальше-то что? Вѣдь не рожна же ты не знаешь.

— Дальше? Гляжу и «чихвири» пишу... «Самъ» показываетъ, какъ и что...

— Тьфу, чтобъ тебѣ пусто было!

Въ результатѣ этихъ занятій, которыя были слабой стрункой Ковальскаго, вышло то, что Н—евъ, по окончаніи курса, былъ оставленъ при университетѣ на профессорской стипендіи. Черезъ два года Ковальскій постигъ своего протеже и выдалъ ему, за безталанность, «вольную» на всѣ четыре стороны.

Хотя Ковальскій и былъ всесиленъ въ факультетѣ, но иногда насѣдалъ на него Больцани, твердо стоявшій за свою независимость. Мы не разъ были свидѣтелями шумныхъ и горячихъ стычекъ этихъ старцевъ, когда они сходились на экзаменахъ. Сначала возникалъ между ними споръ на почвѣ науки, а потомъ, глядь, ужь науку по боку, и идетъ

жестокая пикировка съ подсмѣиваніями, уколами. Эти стычки всегда кончались тѣмъ, что Больцани вскакивалъ и, отплевываясь во всѣ стороны, уходилъ съ экзамена. Видно было, что они жили не въ ладахъ, но изъ-за чего этотъ сыръ-боръ горѣлъ—ни одно сказаніе о томъ не коснулось моего слуха.

Впрочемъ, первая половина семидесятыхъ годовъ была такою порой, когда среди профессоровъ-математиковъ не замѣчалось тѣсной связи, а всѣ они шли разными дорогами, словно боясь другъ съ другомъ встрѣтиться. Въ этомъ отношеніи выдѣлялись старцы, а молодежь—доценты и приватики—сверхъ всякаго ожиданія, попадали въ немилость къ тому, либо другому старцу, разъ они оказывали кому-нибудь исключительное вниманіе. Положеніе ихъ было, какъ говорится, хуже губернаторскаго: они не знали, какъ держаться, чтобы не создавать такого двойственнаго положенія среди препиравшихся старцевъ.

До какой мелочности доходили эти препирательства, отчасти будетъ понятно изъ слѣдующаго факта. Однажды Ковальскій задержалъ насъ на своей лекціи лишнихъ 15 минутъ; пока мы одѣвались, да шли—вышло, что опоздали на лекцію физики минутъ 20—25. Больцани, узнавъ причину нашего опозданія, устроилъ въ отместку такъ, что, выбравъ лекцію, приходившуюся какъ разъ передъ лекціей Ковальскаго, задержалъ насъ лишнихъ полчаса. Ковальскій разсвирѣпѣлъ и отомстилъ рѣшительно: вскорѣ онъ прочиталъ вмѣсто часовой двухчасовую лекцію за счетъ слѣдующей лекціи Больцани. Дальше некуда было идти. Старцы жарко объяснились на факультетскомъ совѣтѣ, и подобныя препирательства уже не повторялись.

Можетъ быть, скептики скажутъ, что я, какъ стоящій на почтительномъ разстояніи отъ профессорской корпораціи, въ своихъ воззрѣніяхъ на эту корпорацію могъ ошибиться. Трудно было бы ошибиться, когда взаимоотношенія нашихъ просвѣтителей были подобны шилу въ мѣшкѣ, которое, какъ извѣстно, утаить нельзя; кромѣ того, мы отчасти посвящались въ эти отношенія самими же профессорами и, наконецъ, слышали въ городскомъ обществѣ, достояніемъ котораго сплошь и рядомъ дѣлались самыя серьезныя университетскія сокровенныя.

Трудно встрѣтить болѣе симпатичнаго старичка, какимъ былъ профессоръ механики Петръ Ивановичъ Котельниковъ. Говорятъ, въ молодости онъ былъ «забубенною головушкой», но на исходѣ дней своихъ онъ воплощалъ въ себѣ мягкость, добродушіе, кротость, которыя и приковали насъ, молодежь, къ ихъ обладателю. Какъ сейчасъ вижу я этого семидесятилѣтняго старичка, входящаго въ аудиторію. Сгорбившійся подъ бременемъ лѣтъ, съ растрепанною куафюрою, словно никогда не видавшею гребешка, съ очками на носу, въ форменномъ, необычайной длины, сюртукѣ, онъ торопливо подходилъ къ доскѣ, но прежде, чѣмъ

начать лекцію, заряжалъ крупною понюшкою носъ, а потомъ ужь тихо, тихо произносилъ: «Мы въ прошлый разъ видѣли, что»... Такою фразою онъ начиналъ каждую лекцію, повторяя всегда половину предшествовавшей, вслѣдствіе чего выходило, что курсъ механики прослушивался дважды; а если прибавить къ этому, что онъ читалъ толково и систематично, то и не удивительно, что на экзаменахъ механики студенты отвѣчали, «какъ по-писанному».

Петръ Ивановичъ на лекціяхъ и пошутить былъ не прочь. Бывало, напишетъ формулу и начнетъ ее комментировать примѣрно такъ: «Если мы увеличимъ вѣсъ, то съ цѣпною линіею произойдетъ катастрофа: она, несчастная, лопнетъ! А если на пути ея лопнутія попадется чей-нибудь лобъ, то, будь онъ хоть семи пядей, отъ него останется только мокрое мѣсто».

И самъ онъ ухмыляется, и мы хохочемъ на разные тоны.

Любилъ еще онъ пошутить съ Зоммеромъ, этимъ единственнымъ своимъ сослуживцемъ, оставшимся въ живыхъ отъ приснопамятныхъ временъ Лобачевскаго. Какъ только встрѣтитъ его въ коридорѣ, сейчасъ къ нему съ улыбкою:

— Молодому человѣку почтеніе! Ну, что, невѣсту нашелъ?

— Все жду васъ, Петръ Иванычъ. Скоро ли вы себѣ найдете? Ужь вмѣстѣ съ вами хочется отпировать.

Посмѣются и расходятся.

Котельниковъ, кажется, былъ единственный во всемъ университетѣ, не имѣвшій недруговъ. Со всѣми онъ ладилъ, всѣ уважали его. Жилъ онъ тише воды, ниже травы, пунктуально исполнялъ свои обязанности, безмолвнымъ смиренникомъ сидѣлъ на совѣтахъ и обливался пòтомъ, когда при баллотировкахъ его голосъ являлся рѣшающимъ; въ такіе критическіе моменты онъ иногда пробовалъ потихоньку дать тягу, но его обыкновенно излавливали и чуть не силою выжимали отвѣтъ.

Была у него одна странность: частенько дѣлая одно, онъ думалъ совсѣмъ о другомъ, вслѣдствіе чего получались забавныя qui pro quo: то онъ уйдетъ на улицу безъ шапки, то начнетъ вытирать доску носовымъ платкомъ, а губкою хватитъ себя по носу, то накладетъ во всѣ карманы мѣлу и т. п.

. . . .

Слѣдовало бы сказать еще объ одномъ университетскомъ старцѣ-математикѣ, «соскочившемъ съ ученыхъ рельсовъ» помимо своего желанія; но такъ какъ, въ противоположность мертвымъ, «живые срамъ имутъ», то и налагаю на уста свои печать молчанія.

С. И. С—овъ.

Къ біографіи И. И. Дмитріева.

Письмо министра внутреннихъ дѣлъ И. И. Дмитріеву.

---

13 ноября 1808 г. № 147.

М. Г. Иванъ Ивановичъ!

Отправляя нынѣ къ вашему превосходительству высочайшій рескриптъ о изслѣдованіи злоупотребленій по Костромской губерніи, съ симъ вмѣстѣ я долженъ исполнить возложенное на меня высочайшее повелѣніе сообщить вамъ, милостивый государь мой, что Его Императорское Величество изволитъ надѣяться, что таковое порученіе вашему превосходительству примете знакомъ особаго къ вамъ благоволенія Е. И. В. и совершеннымъ уже опроверженіемъ сдѣланнаго вами заключенія о неудовольствіи Его Величества на счетъ исполненной Вами ревизіи по губерніи Рязанской.

Собственноручное письмо И. И. Дмитріева кн. А. Б. Куракину.

15 декабря 1808 г. Кострома.

Почтеннѣйшее вашего сіятельства отношеніе отъ 6-го сего мѣсяца, коимъ изволите увѣдомлять меня о высочайшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи, чтобъ ассигновать мнѣ слѣдуемое число денегъ для прогоновъ и расходовъ по примѣру сдѣланнаго мнѣ отпуска суммы при отправленіи меня въ Рязанскую губернію, я имѣлъ честь на вчерашней почтѣ получить и спѣшу на оное всепокорнѣйше вашему сіятельству донести, что при отправленіи моемъ въ Рязань, я никакой суммы на расходы не получилъ и содержалъ канцелярію 3 мѣсяца на своемъ иждивеніи; прогоновъ же выдано мнѣ было за 197 верстъ до Рязани для меня и свиты моей 95 рублей, а о прогонахъ для обратнаго пути я принужденъ былъ относиться къ государственному казначею. Къ сему долгомъ поставляю къ свѣдѣнію вашего сіятельства присовокупить, что по окончаніи ревизіи здѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ нахожу я нужнымъ отправиться въ Галицкій и Чухломскій уѣзды. О дальнѣйшемъ же не премину всепокорнѣйше къ вашему сіятельству отнестись въ свое время.

АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

Книга третья.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

Священно-архимандрита отца Фотія [1]).

О дѣйствіяхъ, успѣхахъ за православіе, за церковь, вѣру Христу, посланіяхъ и писаніяхъ противу ересей, тайныхъ обществъ всякихъ злыхъ антихристіанскихъ, противу нововведеній вредныхъ, духовнаго министерства, Библейскаго общества и о прочихъ обстоятельствахъ, служившихъ къ побѣдѣ по православію чрезъ 1824-ое лѣто, при царствованіи императора Александра, архіерействѣ же въ Санктъ-Петербургѣ и Новѣградѣ Серафима митрополита.

ЛѢТО 1824-е.

О дѣйствіяхъ и успѣхахъ православія противъ нечестія и невѣрія еретиковъ и отступниковъ антихристіанъ.

Видѣніе и откровеніе во снѣ о имѣющемъ быть подвигѣ за вѣру и святую церковь въ С.-Петербургѣ и предъ царемъ. — Званіе отца Фотія въ С.-Петербургъ на подвигъ за вѣру; предварительное увѣщаніе князя Голицына не идти противу церкви и вооружаться противу еретиковъ и прежде всего противу Госнера разстриги католицкаго.—Отецъ Фотій явно наединѣ открываетъ вредъ и соблазны разныхъ книгъ, сочиненныхъ, переведенныхъ и изданныхъ печатію противу православныя церкви, вѣры, Слова Божія и государственныхъ законовъ и всякой власти. — Выписка изъ книгъ безбожныхъ еретическихъ. — Ученіе въ словахъ выписанное есть неслыханное и совершенно отъ діавола. — Императоръ Александръ обманомъ вовлеченъ былъ въ заблужденіе отъ любимцевъ своихъ. — Любимецъ царскій былъ всею виною распространяемаго ученія отъ діавола. — Отъ ученія новаго противнаго вѣрѣ святой погибель готовимая особенно знатнымъ людямъ. — Духовные пастыри не радѣли объ томъ, что должно было противиться зловѣрію распространяемому. — Діаволъ духовныхъ и мірскихъ искусилъ чрезъ ученіе свое и явилъ слабость вѣры и хладность любви въ нихъ къ Богу. — О вызовѣ въ Россію безбожниковъ и разстригъ католицкаго монашества, Феслера, Госнера; успѣхи въ 1824 году въ С.-Петербургѣ Госнера противу ученія церкви къ образованію новой религіи антихристіанской. — О сочиненіи Госнера для превратнаго толкованія Святаго Евангелія, противу церкви и вѣры къ содѣйствію на возмущеніе.—Госнерово сочиненіе, въ видѣ поясненія на Евангеліе отъ Матѳея, есть одна публикація нечестія, невѣрія, возмущенія и знакъ, что Госнеръ есть не простъ человѣкъ, а во плоти діаволъ, человѣкомъ представляющійся. — Преніе митрополита Серафима въ Синодѣ съ княземъ Голицынымъ и сила духа изгоняетъ его, князя, изъ Синода.— Серафимъ тайно поспѣшно дѣйствуетъ противу князя Голицына. — Послѣднее усиленное попеченіе Фотія обратить князя Голицына на путь правый; безуспѣшность; дѣйствія втайнѣ противъ князя написаніемъ Апологіи на книгу Воззваніе и двухъ посланій, на имя императора Александра врученныхъ. — Тайное извѣщеніе о дѣйствіи Апологіи и посланій съ выпискою на сердце Александра императора.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1895 г.

Въ продолженіе непрестаннаго служенія своего, причащенія, трезвенія, поста и молитвъ, отецъ Фотій, втайнѣ на сердцѣ своемъ все слагая, въ половинѣ мѣсяца генваря, откровеніе имѣлъ таково: видѣлъ онъ себя въ царскихъ палатахъ, стоящаго предъ царемъ и зряща тайная царева, нездрава же царя; царь же, казалось, предстоя, яко боленъ будучи, просилъ его, дабы онъ благословилъ его и исцѣлилъ болѣзнь его; тогда Фотій, объявъ его за выю, во ухо тихо повѣдалъ ему, како, гдѣ, отъ кого и колико вѣра Христова и церковь православная обидима есть; царь же пріялъ все реченное, далъ маніемъ Фотію вѣдать, что сколько возможно и успѣетъ, всячески постарается исправить все нужное для церкви, свой стыдъ тѣмъ прикрыть, и болѣзнь исцѣлить, въ тайнѣ содѣянную безъ умысла злаго, по невѣдѣнію и соблазну другихъ. Сіе видѣніе не токмо давало дерзновеніе Фотію на подвигъ, но когда въ самомъ подвигѣ былъ онъ и не получалъ видимыхъ успѣховъ, надежду имѣлъ, великое утѣшеніе отъ того получалъ и вѣровалъ, что силой Божіей сокрушитъ силу вражію, что Господь самъ предъ лицемъ его изсѣчетъ силы вражіи и будетъ столпъ крѣпости отъ лица вражія, и щитъ спасенія. Все сіе помянулъ онъ своимъ, когда сбылось въ свое время все.

Неисповѣдимыми судьбами Господь Своими строяй все во благо и вся повелѣваяй работать Себѣ, тако сотворилъ, что князь А. Голицынъ паче всѣхъ имѣлъ силу и желаніе Фотія привлечь въ градъ Святаго Петра, для своей пользы душевной, у Фотія же было на сердцѣ едину волю Божію творить и все втайнѣ, а не человѣкамъ угождать. Единъ вѣдый Богъ тайная сердца видѣлъ, никто же не прозиралъ въ него. Серафимъ митрополитъ вытребовалъ Фотія и далъ ему для житія доброе жилище, покойное, но его селеніе вседневное было подъ кровомъ дѣвицы дщери Анны. Онъ имѣлъ съ нею совѣтъ о всѣхъ дѣлахъ вѣры и церкви; нужное испытуя у князя Голицына, вмалѣ ему открывалъ истину возвѣщая; когда же позналъ отецъ Фотій и искусилъ, что при всей своей любви къ нему кн. Голицынъ отъ Кошелева не отстаетъ и внимаетъ ему, врагу вѣры, дѣла на вредъ благочестію и вѣрѣ дѣлать продолжаетъ, разстригу богоотступника Госнера покровительствуетъ, явно вышедшаго посредѣ Санктъ-Петербурга на каѳедру проповѣдывать о новой всеобщей религіи[1]), уничтожающаго же всѣ прежнія,

[1]) Приписывая Госнеру проповѣдь о всеобщей религіи, Фотій правъ въ томъ смыслѣ, что Госнеръ, какъ и большая часть мистиковъ, въ своихъ проповѣдяхъ не касался догматическихъ вопросовъ, а развивалъ только

особенно хулящаго православную церковь, господствующую въ Россіи, словомъ, дѣломъ и писаніемъ; когда увидѣлъ Фотій, что нѣсколько десятковъ тысячъ привержены къ Госнеру, царь Александръ 18.000 р. жалуетъ ему на содержаніе дома, въ коемъ ученіе нечестивое неслыханное Госнеръ имѣетъ для всѣхъ; царица Марія его поддерживаетъ, всѣ лютеране въ Санктъ-Петербургѣ держатся за него, Голицынская канцелярія все къ тому устрояетъ, всему князь Голицынъ есть первая вина, его директоръ Поповъ и прочая сволочь зловредная; то онъ, отецъ Фотій, началъ обличать его съ любовію, дабы вразумился, далъ пособіе въ семъ случаѣ святой церкви и митрополиту Серафиму и доложилъ о вредѣ отъ Госнера императору Александру, доколѣ онъ мимо его не узнаетъ; ибо мнилъ, что тогда царь прогнѣвается за его молчаніе на него и явную къ нему невѣрность. Князь Голицынъ не послушалъ, но хотѣлъ востать и пратися противу Бога, Фотія раба Его избранныхъ, имѣлъ во умѣ своемъ распудить малое стадо ревнителей вѣры, поразить Серафима пастыря, да разыдутся всѣ овцы Его; и тако не ризу, но самую церковь раздрать, якоже Арій новый злый и древніе враги вѣры и истины, антихристіане, дѣлали.

Сперва Фотій съ кротостію и любовію помышлялъ сердце князя Голицына обратить ко Господу и извлечь его изъ тьмы зловѣрія и богоотступства, между бесѣдами духовными внушалъ ему о зловѣріи, сходбищахъ Татариновой, о новомъ и неслыханномъ распространеніи всемірной религіи еретикомъ, богоотступникомъ Госнеромъ посредѣ Санктъ-Петербурга, о размноженіи, изданіи великаго множества книгъ, противныхъ Слову Божію, святой церкви, власти гражданской, къ однимъ соблазнамъ, возмущеніямъ всеобщимъ, представлялъ убѣдительно связь его съ Кошелевымъ опасною, невѣрность и зловѣріе окружающихъ его главныхъ чиновниковъ: Василія Попова, Александра Тургенева, Ивана Ястребцова, Сѣрова [1]), аглицкихъ методистовъ [2]), квакеровъ, гернгутеровъ, налетѣвшихъ въ Россію, для совращенія съ праваго пути вѣрующихъ. Но примѣтилъ сей отецъ Фотій, что устами князь Голицынъ чтетъ Христа, служителей Его и вѣру, а сердце его далече отстоитъ, и что явно есть онъ Голицынъ самъ всему виновникъ.

нравственное ученіе и обнаруживалъ стремленіе къ практическому христіанству, которымъ онъ хотѣлъ уподобиться христіанамъ первобытной церкви.

[1]) Н. И. Сѣровъ въ 1817 году былъ однимъ изъ помощниковъ секретарей библейскаго общества.

[2]) Въ собраніи бумагъ Фотія (кн. 1, № 24) находится обширная и любопытная «записка о методизмѣ и методистахъ», въ которой излагается исторія возникновенія его въ Англіи и раздѣленіе его на методизмъ англійскій и американскій. Записка о методистахъ представлена была Фотіемъ чрезъ графа Аракчеева государю Александру Павловичу 28-го декабря 1824 года.

Извѣстно ему безбожіе и зловѣріе Госнера и изданіе книгъ еретическихъ, но онъ не хощетъ и не помышляетъ исправиться вовсе, тогда началъ, исполнився силы и духа отъ Господа, обличительно дѣйствовать; сдѣлалъ онъ изъ нѣкоторыхъ книгъ выписку заблужденій и возмутительныхъ страшныхъ внушеній явныхъ, въ удобное время съ жалостію читалъ и изъяснялъ князю Голицыну, что къ какому многому злу явныя заблужденія и возмущенія могутъ вскорѣ привести церковь и государство. И вотъ въ чемъ оная выписка состояла: Выписка зловредныхъ и душепагубныхъ ученій, обрѣтающихся въ разныхъ нечестивыхъ книгахъ, изданныхъ и издаваемыхъ на россійскомъ языкѣ отъ 1800 по 1824-й годъ, при семъ прилагается и тако начинается, каковая была подана императору Александру I-му.

Зловредныя и душепагубныя ученія различными мудрованіями частію превращаютъ православныя разумѣнія вѣры нашей, частію поругаютъ и уничтожаютъ оную различными кощунствами, частію стремятся совершенно испровергнуть и упразднить оную разными развратами темныхъ злыхъ внушеній, простирающимися даже до внушенія магіи и волшебства. Сверхъ того въ сихъ же ученіяхъ содержатся и крамольныя умствованія противу правительствъ; таковые соблазны суть слѣдующіе:

1) Вредности и крамолы изъ книги: Мученики, часть 2, стр. 250, изданной въ 1816 году: въ ней напечатано такъ: „Земля первымъ своимъ плодородіемъ произвела человѣковъ. Человѣки случаемъ, или необходимостію соединились для общихъ нуждъ. Началась собственность, послѣдовали насилія; человѣкъ не могъ укротить ихъ: онъ выдумалъ Боговъ. Изобрѣтена вѣра: тиранны оною воспользовались.

„Человѣкъ, забывши происхожденіе Боговъ, вскорѣ повѣрилъ ихъ существованію: признали за единодушное согласіе то, что было токмо единодушнымъ согласіемъ страстей.

„Священнослужитель сперва обманщикъ, потомъ обманутый, прилѣпился къ своему кумиру.

„Нѣкій обманщикъ, по имени Моусей, множествомъ злодѣяній и грубыхъ обаяній, избавилъ народъ сей отъ рабства. Удаленные въ свой вертепъ, разбойники оные ничѣмъ себя не озна-

Краткія замѣчанія къ опроверженію нечестія и богохульства, о. архимандритомъ Фотіемъ сдѣланныя:

Отъ сочинителя и издателей внушается симъ, что человѣкъ не есть созданіе Божіе, а самобытность случайная. Какое злое дерзкое мечтаніе бѣсовское отъ познавшихъ Христа и сдѣлавшихся отступниками отъ вѣры!

Отъ Бога поставленныя власти вообще здѣсь названы тираннами.

Хотя сочинитель и говоритъ о Богахъ, но между тѣмъ заражается симъ мысль читателя пагубнымъ прилогомъ, что понятіе о Богѣ и религіи есть вымыслъ человѣческій.

Отъ первосвященника до послѣдняго церковника здѣсь называется всякъ обманщикомъ и идолопоклонникомъ, какъ въ іудейской, такъ и въ христіанской церкви.

Какое соединеніе ругательствъ и язвительностей противу того, кого мы обыкли называть св. пророкомъ, лучившимъ законъ отъ Бога. Исходъ изъ Египта, прешествіе Чермнаго моря

меновали, кромѣ ненависти къ роду человѣческому: они жили прелюбодѣйствомъ, убійствомъ и безчеловѣчіемъ".

„Что могло произойти отъ подобнаго корени? (Чудо сіе здѣсь) гораздо гнуснѣйшее сіе племя, христіане: они превзошли буйствомъ и преступленіемъ іудеевъ, отцевъ своихъ. Евреи, обманываемые суевѣрными жрецами, ожидали, немощны и презрѣнны, Царя, долженствующаго покорить имъ вселенную".

„Нѣкогда разносится молва, что жена одного низкаго ремесленника произвела на свѣтъ сего столь долго жданнаго Владыку: часть іудеевъ чуду сему повѣрила".

„Тотъ, кого называютъ они Христомъ, жилъ тридцать лѣтъ, укрываяся въ бѣдности. По истеченіи тридцати лѣтъ началъ онъ проповѣдывать ученіе, принявъ въ сообщество нѣсколько рыболововъ, коихъ назвалъ своими Апостолами. Онъ пробѣгаетъ грады, скрывается въ пустынѣ, возмущаетъ слабыхъ женъ и легковѣрную чернь. Нравственность его, говорятъ, чиста, но превосходитъ ли Сократову?"

„Вскорѣ былъ онъ взятъ подъ стражу за мятежныя внушенія и осужденъ умереть на крестѣ. Вертоградарь похищаетъ тѣло его; Апостолы восклицаютъ, что Іисусъ ихъ воскресъ, и проповѣдаютъ то удивленной толпѣ. Суевѣріе распространяется и ересь христіанская становится многочисленною".

„Законъ, рожденный въ послѣднемъ званіи народа, распространенный рабами, укрытый сперва въ мѣстахъ пустынныхъ, обременился мало-помалу мерзостями, кои тайность, подлые и жестокіе нравы естественно произвесть долженствовали: свирѣпство и позоръ такъ же составляютъ главную часть его таинствъ".

по суху, входъ въ обѣтованную землю, брань противу Амалика, отвращеніе отъ язычества, все поругается, и Моусея и Іисуса Навина за атамановъ разбойничьихъ считаетъ издатель, а израильтянъ разбойниками.

Сей есть дерзкій вопль діавола человѣка,—„гнуснѣйшее племя христіане": гдѣ еще христіане владычествуютъ, тамъ не должно быть терпимо сіе поношеніе. А книга, таковаго крамольства исполненная, названа Мучениками или торжествомъ вѣры и издана и напечатана въ Россіи.

Молитва отца Фотія къ Богородицѣ: Матерь Божія, Честнѣйшая Херувимъ, присно Дѣво Маріе! порази нечестіе, дерзающее только хулить Тебя и Сына Твоего и Бога нашего Іисуса Христа.

Ужасныя строки, оглашающія второе распинаніе Господа Іисуса (Апок. XI, 8). Воскресни Господи, Боже суди земли!

Лукавѣйшее соединеніе всего того, что вольнодумство въ разныя времена пріумыслило къ приведенію въ подозрѣніе главнѣйшихъ основаній вѣры нашей.

Се изблеваніе клеветъ на Божественныя основанія вѣры нашей, хула на Св. Духа, ученіе отъ ада, вода мутная и ядовитая отъ бездны. Се гласъ звѣря, змія, иже есть сатана и діаволъ, да прельститъ всякаго лестію, отступитъ отъ Бога, и лжецу вѣру имѣть.

„Въ ночи христіане собираются среди гробовъ умершихъ. Воскресеніе тѣлъ есть самое нелѣпое и сладостнѣйшее ихъ разглагольствіе Вовсидя за мерзостнымъ пиршествомъ, поклявшись ненавистію къ Богамъ и человѣкамъ, и отрекшися отъ всѣхъ законныхъ удовольствій, они піютъ кровь закланнаго на жертву человѣка, и пожираютъ трепещущую плоть младенца; это называютъ они своимъ хлѣбомъ и священнымъ виномъ".

Вовсидя за мерзостнымъ пиршествомъ и проч. Воистину небо ужасеся и земля вострепета по премногу (Іер. II, 12). О! преступленіе на стогнахъ нашихъ! Таинство Евхаристіи изображается въ поругательной картинѣ. Таинство таинствъ, жертва спасенія, благодать страшная Святѣйшая хулится.

„Трапеза кончается; пріученные къ злодѣйствамъ своихъ хозяевъ псы входятъ въ собраніе и опрокидываютъ свѣтильники. Тогда христіане ищутъ въ темнотѣ другъ друга и соединяются случайно ужасными объятіями, отцы съ дочерями, сыны съ матерями, братья съ сестрами, число и разнообразность кровосмѣшенія составляетъ достоинство и добродѣтель".

Діаволъ, злобствующій на чистоту нравовъ истинныхъ христіанъ, насыщаетъ злобу свою вотъ какими скаредными о нихъ понятіями!

„Развѣ не довольно сей вины, чтобъ приводить людей къ закону обманщика, праведно подлою казнію наказаннаго?"

Вопль отца Фотія: Боже Отецъ нашихъ! Се пакп хотятъ уязвлять Тя въ дому возлюбленнаго Твоего Израиля (Захар. XIII, 6). Господи, посли громъ Твой и блесни молнію, и разжени враги!

Хотя всѣ сіи ужасы вложены въ уста язычника, но это токмо лукавство чтобъ подъ симъ предлогомъ имѣть случай изрыгнуть ядъ, который при всемъ томъ не менѣе гибеленъ. Ни въ какомъ видѣ толикія богомерзкія слова не должны оглашать слухъ христіанъ: при томъ же на сіи вредности отвѣтовъ не присоединено.

---

2) Изъ книги: Совѣты души, 1816 года.

„Духи поднебесные суть точно духи посредствующіе" стр. 35; потомъ на той же страницѣ въ примѣчаніи: „Сіи средніе духи суть такъ называемые нами: лѣшіе, домовые, русалки и кикиморы. Они съ міромъ и всѣмъ поднебеснымъ получаютъ обновленіе".

Какое безчестіе временамъ нашимъ, что безумнѣйшія толкованія о лѣшихъ изданы во всеобщую науку.

„Сіи поднебесные духи товариществомъ сильно связаны съ человѣками, и, если смѣть открыть тайну сію, они чрезъ человѣковъ, можетъ быть, ожидаютъ избавленія. Вникни душа моя въ сію глубокую

Откуда взяты такія понятія, что якобы злые духи имѣютъ спастися чрезъ человѣковъ? Нѣтъ, діаволъ обманетъ. Горе тому, кто возмнитъ спасать діавола! Такъ, скорѣе самъ отъ лукаваго погибнетъ. Вотъ подъ

тайну, до внутренности чувствъ сердце умиленіемъ проникающею, и, подвигаясь сама къ усовершенствованію, помысли, какіе свѣтлые товарищи ожидаютъ отъ тебя помощи, дабы возвратиться съ тобою къ Господу Твоему!" (стр. 45).

„Духи сіи удѣляютъ человѣкамъ многое отъ вышней натуры ими заимствованное: превосходныя дарованія, мірскіе таланты, то, что люди называютъ геній, ловкость и любезность свѣтская, и многіе дары высшіе, и проч. (стр. та же).

какими благовидными предлогами заманиваютъ въ знакомство съ бѣсами богоотступники, бѣсолюбцы. Какіе свѣтлые товарищи, которыхъ мы именуемъ демонами, и отъ которыхъ велѣно освобождаться крестнымъ знаменіемъ?

Какая хитрая приманка, чтобъ развращенные вѣтренники возжелали рекомендуемаго имъ знакомства съ бѣсами!

Однимъ словомъ, сіи статьи суть прелесть, заманивающая въ сообщеніе съ діаволами, или, просто сказать, въ волшебство. Се дыханіе мерзости запустѣнія на мѣстѣ святѣ, идѣже не подобаетъ.

---

3) Изъ книги: Божественная Философія, 1818 года.

Дю-Туа, авторъ сей книги, нѣкогда отчаявшись въ своемъ спасеніи, схватилъ бритву, чтобъ лишить себя жизни. Въ ту самую минуту онъ услышалъ гласъ: суди, суди себя!

Отъ кого же, какъ не отъ діавола, былъ гласъ тому, который хотѣлъ зарѣзаться? Самоубійца, достойный сосудъ діавольскій, представленъ намъ въ учителя. Какой онъ надежный учитель!

Съ сего времени свѣтъ озарилъ его, и свѣтъ сей былъ столь силенъ, что онъ не могъ сносить сего безмѣрнаго бремени, и для развлеченія нерѣдко долженъ былъ мѣшать карты (Предъувѣдомленіе, стр. 7, 8).

Ежели Дю-Туа рекомендуется нами преисполненнымъ благодати, то какое посмѣяніе надъ самою благодатію, что якобы отъ избытка оной можно смѣшиваться въ умѣ такъ, что противу сего полезны даже карты. Истинно діавольское хуленіе!

Онъ сказалъ предъ смертію: „вѣра мнѣ уже не въ заслугу" (Предъувѣдомленіе, стр. 11).

Проповѣдуется возможность спасенія кромѣ вѣры. Уничиженіе заслугъ Іисуса Христа!

Одна знаменитая женщина умерла. Дю-Туа захотѣлъ увидѣть ее въ гробѣ и увидѣвъ возстеналъ о душѣ преставльшейся. Въ восторгѣ любви благоутробной, онъ представилъ себя за душу усопшей жертвою, возжелалъ возвергнуть на себя грѣхи ея и удовлетворить за нее Божію правосудію. И рука Вышняго на немъ отяготѣла. Милосердіе отступило отъ него: онъ вверженъ былъ въ сѣнь смертную, въ болѣзни адовы; неизобразимое страданіе его продолжалось три дня. Наконецъ онъ воззвалъ къ Богу милосердія и изведенъ былъ изъ пещи

Дю-Туа поставляется въ равное достоинство съ Спасителемъ Іисусомъ Христомъ, который единъ есть ходатай Бога и человѣковъ (1 къ Тим. II 6).

Симъ хитро внушается, что муки грѣшниковъ невѣчны.

горящей съ утѣшительнымъ удостовѣреніемъ, что страдавшая душа вкусила отъ сладости райскія" (Предъувѣдомленіе, стр. 12, 13).

„Нравственныя существа должны наконецъ втекать въ Бога и въ Немъ теряться" (Предъувѣдомленіе, стр 17).

Проповѣдуется ничтожество вмѣсто будущей жизни.

„Отъ лучшаго христіанина до самаго нечестивца каждый найдетъ въ сей книгѣ свою страницу и свой языкъ; всякъ, кто прочтетъ ее, будетъ убѣжденъ" (Предъувѣдомл., стр. 20).

Это правда, что „Божественная Философія" есть сплетеніе различныхъ развратительныхъ системъ, противныхъ разумѣніямъ христіанскимъ.

„Аполлоній, человѣкъ дѣйствительно чрезвычайный, рожденный въ первомъ вѣкѣ, былъ, такъ сказать, воздвигнутъ нарочно для того, чтобы представить видимо противоположность съ Божественнымъ нашимъ Спасителемъ". (Часть 1, стр. 113 въ прим.).

Аполлоній былъ воздвигнутъ, какъ бы нѣкій посланникъ Небесъ! Одно выраженіе: „воздвигнутъ, показываетъ, что сочинитель хочетъ употребить волхва Аполлонія въ уничиженіе Спасителя.

„Аполлоній, будучи несравненно ниже Божественнаго нашего Спасителя, имѣлъ все то, чего могъ имѣть добраго и смѣшеннаго въ обширной области язычества. Вотъ какъ должно по истинѣ судить о сихъ великихъ мужахъ язычества". (Часть 1, стр. 116 въ примѣч.).

О, ужасное поруганіе Бога Слова! Іисусъ Христосъ представляется точію выше Аполлонія волхва. Къ какимъ заключеніямъ сопровождаютъ глубины сатаны! Какъ смѣть полагать какое-либо сравненіе между волхвомъ Аполлоніемъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.

Аполлоній былъ магикъ, но магія его наименѣе была злая. Подобно Пиѳагору, онъ велъ жизнь весьма строгую; строгость же жизни, не доставляющая чувствамъ никакой пищи, или дающая имъ малую пищу, приспособляетъ существа весьма удобно къ звѣздному духу, заставляя чувства и дѣйствовать и видѣть посредствомъ звѣзднаго духа. Они были нѣкоторымъ образомъ Святые звѣздные или Святые по духу и характеру язычества". (Часть 1, стр. 115, 116 въ примѣч.).

Святые по вѣрѣ въ звѣзднаго духа, о которомъ сама „Божественная Философія" сознается. (Часть 1, стр. 23 въ примѣч.), что это есть тотъ духъ, коего мы называемъ духомъ злобы, поднебеснымъ (Ефес. X, VII, 19). Слѣдовательно, „Божественная Философія" ясно проповѣдуетъ волшебство и вѣру въ діавола, кощунствуя, что можно быть святымъ, бывъ и діавольскимъ! Горе, горе, горе!

„Цари! васъ смерть на судъ зоветъ, тамъ правда васъ къ отчету ждетъ. Вашъ вѣкъ свидѣтелемъ предстанетъ; судить же васъ потомство станетъ. Оно васъ свяжетъ, разрѣшитъ; накажетъ, въ прахъ преобратитъ". (Часть 1, стр. 130 въ примѣч.).

Какъ такою колкою эпиграммою на царей потрясать заповѣданное Богомъ благоговѣніе къ нимъ и при жизни ихъ и по смерти; къ чему такія внушенія, вязать ихъ и наказывать. Кто толико дерзокъ противу царей умершихъ, тотъ посягнетъ и на живыхъ.

Всѣхъ вредностей и гнусностей „Божественной Философіи" не можно здѣсь по краткости изложить. Все сіе сочиненіе есть наилукавѣйшая ткань лжей

и сѣть пагубнѣйшей прелести; но вредности разсѣяны между благовидныхъ окрестностей.

Изъ книги: Путь ко Христу. 1815 года.

„Каждой твари нужно оставаться въ томъ состояніи, въ коемъ ее Богъ сотворилъ, иначе она поступитъ противъ воли Божіей и введетъ себя въ мученіе. Тварь, сотворенная для тмы, не терпитъ вреда отъ тмы; но ежели въ нее введется что-либо доброе, то сіе доброе дѣлается мукою и смертію (стр. 173, строка 20 и проч.).

Симъ умствованіемъ отрицаются всѣ правила и всѣ законы божественные и гражданскіе. Злодѣи побуждаются къ вящшему злу. Богъ представляется Творцемъ необходимаго якобы зла.

„Богъ есть все: тма и свѣтъ" (стр. 174, строка 26).

Богъ свѣтъ есть, и тмы въ Немъ нѣтъ ни единыя. (1 Соб. посл. Іоан. I, 5).

„Богъ не могъ діавола терпѣть въ себѣ и изблевалъ его" (стр. 174).

Содомскіе и Египетскіе ужасы. (Апок. XI, 8).

„Тма есть вѣчно противна свѣту: однакожъ то и другое суть существо, отличающееся только состояніемъ и волею; они не суть раздѣльное существо, но различаются только тѣмъ, что въ одномъ неявлено то, что въ другомъ открыто".

Свѣтъ есть Богъ, тма—діаволъ. Проповѣдуется единосущіе діавола Богу. О! ужасъ! Се бѣсовскія ученія, о коихъ предсказалъ Апостолъ Тим. IV, 1.

Сіи положенія суть ученія волшебства и вѣры въ діавола. (Стр. 175, строка 13).

---

5) Изъ книги: Письма къ другу объ орденѣ свободныхъ каменщиковъ. 1816 года.

„Что въ магическихъ дѣйствіяхъ и видимаго неба теченіе наблюдается, то это дѣлается для того, чтобы умъ нашъ имѣлъ, на что ему опереться вѣрою. Къ сему и другія средства употребляются, какъ-то: воздержаніе отъ нѣкоторыхъ яствъ и напитокъ, особенныя одежды и тому подобное. Но имѣющіе твердую не колеблющуюся вѣру могутъ обойтиться и безъ того, имъ нѣтъ нужды во внѣшнихъ обрядахъ, ежели только умъ ихъ чрезъ вѣру къ тому приготовленъ. Таковые великіе мужи были у евреевъ Моvсей и Илія, а у язычниковъ Зороастръ" (стр. 199 и 200).

Здѣсь сила вѣры не разумѣется силою отъ Бога единаго происходящею, но силою зависимою отъ различныхъ средствъ, которая возможна равно и христіанину и язычнику. Смѣшиваются чудеса Божіи съ чародѣйствами. Моvсей и Илія называются такими же магами, какъ и Зороастръ. Преподаются основанія волшебства, отметающаго единственную силу Божію. Кто захочетъ самобожничать, для того конечно будетъ исполнять діаволъ; а талисманы суть ничто и одинъ обманъ. Богъ отступника предастъ сему дѣйствію лести.

Вѣра преклоняетъ Бога, движетъ натуру и связываетъ діавола; чему находятся примѣры въ Ветхомъ и Но-

Тма и ложь язычества съ истиною и свѣтомъ христіанства поставляются въ равномъ достоинствѣ.

вомъ Завѣтѣ. Даже язычники производили то свѣтомъ натуры“ (стр. 205).

„Вѣра въ діавола — естественная магія“ (стр. 205).

Облегчаетъ сношеніе съ діаволомъ.

„Чрезъ магію Моѵсей, Илія, Энохъ, Іисусъ Христосъ, апостолы творили чудеса“ (стр. 213). „У язычниковъ Зороастръ творилъ дивныя дѣла“ (стр. (214).

Ужасныя поруганія, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ называется такимъ же магомъ, какъ Зороастръ.

Вся статья въ сей книгѣ о Магіи вѣры есть прелесть чернокнижія, содружающая съ діаволомъ подъ видомъ силы средствъ естественныхъ.

---

6) Изъ книги: Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской 1821 года.

„Или развѣ лучше уму человѣческому быть всегда во тмѣ и невѣдѣніи? Отвѣтъ: конечно сіе послѣднее лучше, т. е. оставаться человѣку въ совершенной тмѣ и невѣдѣніи.

„Что же есть тма? что она значитъ? Имя ея есть не иное что, какъ возможная пріемлемость“ (стр. 101 и 102).

Хотятъ пріобучить къ уваженію слова тма и удаленію отъ свѣта подъ предлогомъ исканія высшаго просвѣщенія. Но при созерцаніяхъ вѣры и безстрастное дѣйствіе ума естественнаго не исключаетъ ея.

„Пребывая во тмѣ такимъ образомъ, человѣкъ находится совсѣмъ въ нагомъ ничтожествѣ: то не лучше ли бы было для него тогда молиться или читать св. Писаніе, или творить какія святыя и Богомъ заповѣданныя дѣла, дабы тѣмъ прогнать отъ себя всю тму и уединеніе? Отвѣтъ: отнюдь нѣтъ; но для человѣка, поставленнаго на высочайшую степень совершенства, по истинѣ всего полезнѣе и лучше быть совсѣмъ тиху и покойну въ ничтожествѣ своемъ“ (стр. 107).

Вотъ ясное бѣсовское ученіе! Не молись, не читай св. Писанія, не твори святыхъ и Божіихъ дѣлъ; но сиди и жди во тмѣ своей! Конечно, тогда явится самъ сатана съ своими лживыми совѣтами.

Сіи ученія суть новый оборотъ уроковъ волшебства. Какія старанія о погубленіи душъ!

---

7) Изъ книги: Наставленіе ищущимъ премудрости. 1806 года

„Кромѣ тріединыя Божественныя глубины не было прежде сотворенія конечныхъ существъ ничего. Она одна исполняла все во всемъ, такъ какъ и паки чрезъ нѣсколько вѣковъ во всемъ сотворенномъ будетъ все во всемъ“ (стр. 67).

Проповѣдуется ничтожество вмѣсто будущей жизни и сліяніе вещества съ Божествомъ и пантеизмъ.

„Основаніе творенія рождено изъ существа Божія“ (стр. 63).

Какое демонское ученіе!

„Все сіе Богомъ раждаемое есть Богъ“ (стр. 65).
„Сотвореніе есть существенное распространеніе Бога“ (стр. 85, строка 23)

Въ сихъ словахъ называется міръ Сыномъ Божіимъ единосущнымъ Богу и Богомъ.

„Натура Божественна потому, что имѣетъ совершенное сходство съ рожденіемъ Слова“ (стр. 329).

Обоготвореніе природы. Пантеизмъ!

„Хаосъ былъ печальное произведеніе украденнаго Люциферомъ Божества“ (стр. 111)

Приписаніе діаволу божества и творчества.

„Безъ Іисуса не было и Бога. Отецъ безъ Него не былъ бы Отцомъ, но только нечувствительно, нѣмою, мертвою, безплодною, вѣчною единицею, которая самой себѣ не была бы открыта“ (стр. 232).

Подъ предлогомъ условія, которое нелѣпо и невозможно, нечестіе поругается Богу Отцу-Творцу неба и земли.

„О! Іисусе! подай пустое мечтаніе Твое, Твое безуміе, подай фанатизмъ Твой, подай глупость Твою. Подай болѣе и болѣе буйства Твоего“ (стр. 234).

Нечестіе въ видѣ молитвы, которая дерзка и соблазнительна, поругается Богу Сыну: какое дерзкое бездѣльничество!

Сія книга исполнена хуленій на вѣрованіе, какъ въ Тріединаго, такъ и въ Единаго Бога, дышетъ безбожіемъ и матеріализмомъ.

---

8) Изъ книги: Сіонскій Вѣстникъ. 1817 года.

„Языческіе боги, или Богъ въ различныхъ качествахъ и видахъ, вочеловѣчивались, были, такъ сказать, размноженный Богочеловѣкъ“ (кн. 1, стр. 7, строка 22).

Се смѣшеніе скверны язычества со Святынею истиннаго боговѣдѣнія и поруганіе воплощенія Божія.

„Всякій мистикъ есть христіанинъ, хотя бы онъ не принадлежалъ къ вѣроисповѣданію христіанскому“ (книжка 7, строка 68).

Смѣшеніе вѣръ! Оскверненіе христіанства.

„Безпредѣльна убо церковь Іисуса Христа, ибо всѣ смертные имѣютъ въ сердцѣ своемъ Христа обитающа и чрезъ Него въ какой бы грубости и невѣдѣніи христіанскаго закона ни обрѣтались, могутъ быть въ сей и въ будущей жизни премудрыми и блаженными, жиды ли, магометане ли или язычники, если только препровождаютъ добродѣтельную и воздержную жизнь“ (книжка 9, стр. 415).

Осквернятъ святыню могущества (Дан. II, 31), тогда аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, или индѣ, не имите вѣры. Се въ пустынѣ жидовства, магометанства, язычества, не изыдите. (Матѳ. 24, 23). Проклятые богоотступники, антихристіане, франкъ-масоны проповѣдуютъ, что невѣрные во Христа спасутся.

*

„Самая убѣдительнѣйшая религія есть природа. Любостяжаніе устрояетъ земли и царства. Въ одной вздорной сказкѣ Сіонскій Вѣстникъ представляетъ подданнаго говорящимъ своему царю слѣдующій гражданскій соблазнъ: Великій царь! ты могъ бы меня женить и на сукѣ“ (книжка 5, стр. 269).

Вотъ безбожіе!

„Тотъ, кого нетерпѣливость влечетъ какъ Петра ударить ножемъ, да молится: Господи, даруй сердцу моему Твое терпѣніе. Будемъ, братія, ждать, пока Господь насъ на то воззоветъ, какъ воззвалъ Илію на побіеніе Вааловыхъ жрецовъ“. (Книжка 7, стр. 44 и 45, строка 19 и 20).

Уничиженіе учрежденія обществъ. Поруганіе царской власти, якобы способной къ такимъ насиліямъ.

Сіонскій Вѣстникъ преисполненъ множайшихъ нечестій, хотя дальнѣйшее его изданіе прекращено, но въ книжныхъ лавкахъ продается и доселѣ, такъ и книги онаго 1806 года.

---

9) Изъ книги: Побѣдная повѣсть. 1815 года.

„Спаситель на землѣ не вѣдалъ прямо судебъ вѣры христіанской и ея послѣдователей, но возсѣдши одесную Отца.

Отрицаніе Божественной полноты во Іисусѣ Христѣ.

„Привычка къ языческимъ и жреческимъ обрядамъ подвигла новообращенныхъ частію для удовлетворенія собственнымъ склонностямъ, частію для привлеченія въ новую вѣру новообращенныхъ, послѣдовать политикѣ Валаама, Валака и николаитовъ. Языческіе храмы превращены были въ христіанскіе, идолы во образа, вмѣсто множества боговъ, стали обожать святыхъ, и чудотворнымъ образамъ и мощамъ не было конца. За сіе укоряетъ сію церковь Христосъ, и угрожаетъ ей войною. Нашествіе Магомета исполнило сіе угроженіе, и греческая церковь ставъ слишкомъ Николаитскою, пала и свѣтильникъ сей точно сдвинутъ съ мѣста своего“ (стр. 32).

Сооруженіе храмовъ, чествованіе иконъ и св. мощей называется обычаемъ, заимствованнымъ отъ язычниковъ и политикою Валаама. Сверхъ сего греческая церковь представляется отверженною. Но пала греческая монархія, а не церковь. Она со всею славою своею отлетѣла въ Россію на крылахъ орла великаго. (Апок. XII, 14).

„Со временъ Константина Великаго вкралось въ христіанство идолопоклонство“ (стр. 30, строка 9).

Дерзкія хуленія и клеветничества на времена славы и торжества христіанскаго.

„Соборы и учители церковные сдѣлали христіанство суевѣрнымъ

язычествомъ" (стр. 411, строка 28).

„Мысль, что злые духи никогда не обратятся, благодати и премудрости Божіей противна" (стр. 284, строка 4).

Непротивна сія мысль благодати: ибо злые духи будутъ вѣчно оставаться въ вольной злобѣ и непріязни противу Создателя.

Сія книга преисполнена множайшими развратами и противностями разумѣніямъ нашей церкви. Между прочими дерзостями на страницѣ 177 со строки 18 до страницы 180 дается даже чувствовать, что греческая церковь есть змій, а павліанцы бунтовщики и Манихеи, казненные греческою императрицею Ѳеодорою, суть Михаилъ, дравшійся со змѣемъ, по изображенію Апокалипсиса.

„Духовенство есть второй звѣрь Апокалипсическій, говорящій по-змѣиному; слѣпые вожди слѣпыхъ людей. Сей звѣрь во всемъ несчастномъ своемъ нарядѣ и убранствѣ появился со временъ императора Константина" (стр. 208, строка 18 и проч. Стр. 209, строки: 1, 2, 3).

„Синоды и вселенскіе соборы суть третій звѣрь Апокалипсическій" (стр. 209, строка 27).

Зіянія адской злобы, отвратительныя слуху.

---

10) Изъ книги: Вліяніе свободнаго каменщичества. 1816 года.

„Когда Творецъ неба и земли вознамѣрился произвести сей міръ, тогда было одно великое безпредѣльное ничто. Оное ничто называется хаосомъ, и сей хаосъ былъ огромная, формы не имѣющая глыба" (стр. 2, строка 2 и проч.).

Ученіе, будто бы хаосъ сосуществовалъ Богу.

Основаніе матеріализма.

„Творецъ на сіе великое ничто ниспослалъ Духа (стр. 36, строка 4). Въ землѣ оставлены отверстія, посредствомъ коихъ сей духъ могъ бы отправлять свои дѣла (стран. 38, строка 1 и проч.).

„Іоаннъ Фридрихъ Геннелъ почитаетъ сей духъ надъ бездною за всеобщую душу міра, но лучше разумѣть подъ тѣмъ Св. Духа" (стр. 38, примѣч. строка 1 до 7 и строка 25).

„У грековъ Купидонъ означаетъ того же самаго; когда онъ чрезъ ниспущеніе свое ссаживается уже въ магнезію" (стр. 40, строки: 11, 12, 13).

Какое дерзкое изрыганіе мерзости на мѣстѣ святѣ!—и архіереи, архимандриты и всѣ учители россійскія церкви, какъ бы безумные, читаютъ хулы и молчатъ, изъявляя тѣмъ или согласіе свое, или страхъ и стыдъ Христа исповѣдывать предъ человѣками.

Вся сія книга есть сплетеніе вредностей, уничтожающихъ и православіе и правительства. Сверхъ того она устрашаетъ и соблазняетъ мнимымъ могуществомъ тайныхъ обществъ.

---

11) Изъ книги: Православная любовь. 1818 года.

„Но нисходя отъ духа къ плоти, ища чистоты тѣлесной, и правды дѣлъ законныхъ и осуждая тѣхъ, кои не имѣютъ наружнаго вида благочестія и святости, однакожъ могутъ имѣть самое благочестіе и самую святость" (стр. 265).

Запрещается чистота тѣлесная и прочія исполненія закона. А намъ сказано: прославите Бога въ душахъ и тѣлесахъ вашихъ (1 Кор. VI, 20).

„Богъ любитъ и уважаетъ насъ въ Себѣ всѣхъ равно" (стр. 285).

Изощреніе гордыни діавольской и дикое положеніе.

„Іисусъ, усовершенствовавъ Свою невѣсту и удостоивъ ее быть Своею супругою не можетъ ей отказать ни въ чемъ" (стр. 235).

Церковь супругою мы не называемъ. Это недостойно!

Книга сія исполнена многими вредными нелѣпостями.

---

12) Изъ книги: Объ истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей. 1816 года.

„Каббала происходитъ отъ Адама, Ноя и Моѵсея" (стр. 3).

Св. праотецъ и пророковъ представляетъ намъ волшебниками; ибо каббала—волшебство, хула.

„Изъ Св. Троицы изліялся духъ Руахъ-Элогимъ (стр. 14), который даетъ огнь вину и веселитъ человѣческое свойство" (стр. 15, строки: 17, 18).

Винной спиртъ происходитъ якобы изъ существа св. Троицы! Странная хула на Св. Духа!

И можно ли Господу въ отпадшемъ ангелѣ, въ падшемъ человѣкѣ и въ поврежденной твари непроходящее свое существо, совершенно отличное отъ прильнувшей къ нему нечистоты, грѣха и проклятія, яко непреходящее свое дыханіе, ненавидѣть и такимъ образомъ оставить на вѣчное посрамленіе и злоупотребленіе" (стр. 146). „Кто все сіе разсмотритъ, тотъ увидитъ, что когда достигнется до того, что конецъ войдетъ въ начало и Богъ будетъ всяческая во всемъ, тогда стихіи всѣ и смѣшенія, всѣ грѣхи и наказанія грѣховъ, слѣдовательно, все наказующее правосудіе Божіе должно будетъ прекратиться" (стр. 153).

Діаволъ и вся тварь называются единосущными Богу.

Отрицаніе вѣчности мученій.

„Наступитъ чудесный великій 50-й годъ всеобщаго искупленія и примиренія всѣхъ тварей, въ долгу находившихся. Тогда восхвалитъ Господа всякое дыханіе. Сія же хвала озна-

Во-первыхъ, отрицается вѣчность мученій, во-вторыхъ, оправдывается хула на Бога, что она якобы справедлива и неминуема по чувствію тяготы проклятія. Мысль діавола! Онъ

чаетъ блаженство всѣхъ тварей, такъ какъ проклятіе ихъ ведетъ за собою хулу" (стр. 161). такъ разсуждаетъ въ своемъ ожесточеніи.

Сверхъ того книга сія исполнена лжами на Священное Писаніе.

---

13) Вообще книги Штиллинга, Эккартгаузена, Гіонъ и прочихъ наполнены вредностями, соблазнами, хулами, нечестіемъ всякаго рода.

Книга: Христіанскія изысканія въ Азіи [1]) находитъ между индѣйскимъ идолопоклонствомъ слѣды понятій о Св. Троицѣ. Рекомендуетъ за образецъ правовѣрія сирскихъ христіанъ, кои суть еретики Несторіанцы, по историческимъ извѣстіямъ.

Книга же: Воззваніе къ человѣкамъ есть совершенно уставъ мерзости запустѣнія, имѣющей быть при антихристѣ. Книга: Размышленія о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя [2]) имѣетъ свои выраженія, кои требуютъ правильности, и духа нечистаго есть твореніе. На стран. 26 сравнивается употребленіе тѣла животныхъ съ причастіемъ тѣла Христова и крови Христовой, что не благоговѣйно. На стран. 31 говорится отъ имени Св. Писанія, что Богъ посылаетъ свѣтъ и тму, разумѣя нравственно; сего въ Писаніи нѣтъ и быть не можетъ. На стран. 86 апостолъ Петръ сравнивается съ главою тѣлесною; что поддерживаетъ западныя мечтанія о ихъ преимуществахъ. На страницѣ 159 положена молитва: о, Боже мой! для чего Тебѣ являть предъ червемъ земнымъ Свою силу и могущество, къ чему раздражаться противу меня. Эта молитва клонитъ къ ропоту на Бога и къ забвенію Его непреложнаго правосудія. На стран. 189: „Лишась духовной отрады, не надобно прогонять сіе уныніе. А уныніе смертный грѣхъ! На стр. 199 признается въ Пилатѣ то дѣйствіемъ Св. Духа, что объявлена не другая причина осужденія Іисуса, какъ точію: Іисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій; но это было лукавство, чтобы политическою причиною заставить молчать рѣшительно учениковъ и послѣдователей Христовыхъ. Подобными обвиненіями главнѣйше вооружили и гоненія на христіанъ. На страницѣ 245: „умерло безначальное Слово! Безначальное Слово не могло умереть" и не умерло, но плотію уснувъ яко мертвъ Царь и Господь нашъ. Кажется, заразы нынѣшнихъ временъ такъ смутили чувства, что оныя какъ насильственно выряютъ во пшеницу благихъ мыслей.

Вотъ ученіе новое, ученіе подъ видомъ благочестія вѣры, ученіе мірскихъ людей, ученіе въ книгахъ напечатанное подъ названіями прелестными! Зри всякъ во вcѣ времена, что сіе ученіе есть не отъ Бога, а отъ діавола, ученіе яко тма отъ адовыхъ темницъ и духовъ

---

[1]) Книга: „Христіанскія изысканія въ Азіи", сочиненіе Клавдія Буканана, переводъ съ англійскаго, изд. въ С.-Петербургѣ въ 1815 году.

[2]) Книга: „Благоговѣйныя размышленія о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя" есть переводъ на русскій языкъ одного изъ сочиненій Таулера, напечатанный, по высочайшему повелѣнію въ 1823 году и посвященный высочайшему имени. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1875 г., ноябрь, 91.

злобы поднебесныхъ, ученіе яко потокъ отъ бездны, ученіе, новое, едва слыханное когда въ россійской церкви и въ предѣлахъ государства нашего. Оно было во время идолобѣсія, еретиковъ, гонителей и мучителей христіанства у разныхъ нечестивыхъ ересіарховъ, но еще доселѣ у насъ не было слышно и такъ дерзко опубликовано. Здѣсь токмо нѣкіе вкратцѣ мѣста выписаны для скорости изъ означенныхъ книгъ. Сего ученія былъ исполненъ Лабзинъ, издатель сихъ и другихъ сквернѣйшихъ книгъ; а онъ былъ изъ мірскихъ первое лицо въ переводѣ Святаго Писанія на простое нарѣчіе, который и напечатанъ отъ Библейскаго общества.

Цари всѣхъ временъ грядущихъ да увѣдятъ, что до сего заблужденія и въ сіи сѣти пагубныя ввели царя Александра Императора, кроткаго, мудраго, благонамѣреннаго, любимцы его и друзья по двору и особенно князь Голицынъ, совершеннѣйшій еретикъ, такъ сказать, богоотступникъ; о томъ его лжеученіе свидѣтельствуетъ. По его докладамъ и внушеніямъ всѣ распространители ученія сего бѣсовскаго, сочинители, переводчики, издатели были награждены или денежными наградами, или чинами и достоинствами, или отличіемъ и честію, или довѣренностью въ обществѣ, или за то еще большіе пенсіоны, аренды получали. Бывый сперва самый приближеннѣйшій къ сердцу цареву М. М. родомъ изъ духовныхъ Сперанскій• государственный человѣкъ также виною нововведенія ученыхъ обществъ и книгъ нечестивыхъ многихъ.

Правители и министры, да знаютъ, что развратъ во всѣхъ состояніяхъ чрезъ распространеніе книгъ нечестивыхъ и безбожныхъ дѣлалъ всего ревностнѣе и успѣшнѣе министръ самъ, который притворялся быть кроткимъ, благочестивымъ, ходилъ читать книги новаго ученія самому царю, отвлекъ отъ Двора право говорить проповѣди въ наученіе царямъ и приближеннымъ его всѣмъ [1]). Довѣренная и приближенная особа министръ обольщенъ былъ какимъ-то ложнымъ чаяніемъ, готовъ былъ съ восхищеніемъ всѣхъ своихъ товарищей и друзей вольможъ принести въ жертву злѣйшей революціи и вѣчной погибели. Такъ былъ слѣпъ, что за добро вмѣнялъ и яко службу Богу имѣлъ приносить всю

[1]) По объясненію нѣкоторыхъ изслѣдователей запрещеніе говорить проповѣди въ придворной церкви предупреждало собою появленіе такихъ духовныхъ іерарховъ, которые своими талантами и дарованіями могли бы обратить на себя вниманіе императора и другихъ особъ высочайшаго двора и затѣмъ войти къ нимъ въ довѣріе, а чрезъ него въ концѣ концовъ могли бы парализовать деспотическое управленіе министра духовныхъ дѣлъ; помимо этого придворный проповѣдникъ могъ въ своей проповѣди коснуться ненормальностей современнаго ему строя церковной жизни и открыть на нее глаза императору. «Иннокентій, епископъ пензенскій и саратовскій», біографическій очеркъ В. Жмакина, стр. 17.

мерзость покровительствуя среди столицы, въ очахъ всѣхъ великихъ и славныхъ, здѣсь вышесказанныя книги и прочія всѣ съ богомерзкимъ и возмутительнымъ ученіемъ.

Вельможи, князья и всѣ знатные люди да знаютъ, что всѣ они были въ опасности: все тайно дѣлалось зло: всѣмъ вдругъ готовилось всегубительство: торжественно о томъ было публиковано воззваніе, дабы мечи взять и всѣхъ заколоть нечаянно. Ежели кому не удастся книги прочесть и все выразумѣть, то хотя выписанныя здѣсь черты осужденій и казней назначенныхъ да прочтетъ имѣяй умъ! Да остерегается всякъ въ свое время враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Тайна беззаконія всегда дѣется тайно. Сатана тихо всегда любитъ подкапывать основаніе зданій благихъ вѣры и благочестія, царства и державы земныя.

Синодъ, архіереи, пастыри и учители! Вы же будьте свидѣтели, читая выписки, сдѣланныя о бѣсовскомъ, публично распространяемомъ ученіи по всему государству русскому, вспомните при семъ, особенно когда іерархія церковная была разрушена, министерство духовныхъ дѣлъ всю въ руки свои власть церкви забрало! Узрите, что Синодъ былъ, и въ немъ ученые сидѣли мужи, но каковы были члены Синода и присутствующіе архіереи, тогда оберъ-священники и духовники и особенно славный образованіемъ Филаретъ. Синодъ никогда гласа своего не возвышалъ противу вопля нечестивыхъ. Митрополиты новгородскіе и санктъ-петербургскіе, Амвросій почти вовсе не хотѣлъ какъ-бы вмѣшиваться, Михаилъ мало нѣчто думалъ противиться, но тайно; Серафимъ Глаголевскій слабѣе всѣхъ здравіемъ, менѣе славенъ въ ученіи, не самъ по себѣ, а болѣе внимая общему воплю правовѣрныхъ мірскихъ людей противу зловѣрія подвигся ревностію за благо церкви, духовный мечъ слова поднялъ на дерзкихъ еретиковъ. Онъ, въ ошибкахъ своихъ самъ себя осуждая, явно писалъ, что ошибался съ начала и недоразумѣвалъ многое [1]); а какъ скоро узналъ все зло, онъ не терпѣлъ злобы

---

[1]) Здѣсь, конечно, рѣчь идетъ о діаметрально противуположныхъ отношеніяхъ митрополита Серафима къ одному и тому же библейскому обществу. Будучи московскимъ митрополитомъ, Серафимъ, по крайней мѣрѣ наружно, дѣйствовалъ въ пользу этого общества, былъ однимъ изъ его вице-президентовъ, говорилъ рѣчи въ собраніяхъ московскаго отдѣла библейскаго общества («Сборникъ по случаю юбилея митрополита Филарета», томъ II, стр. 241). Совершенно иначе началъ дѣйствовать по отношенію къ библейскому обществу Серафимъ, когда занялъ онъ каѳедру петербургскаго митрополита. По разсказамъ современниковъ, на первомъ библейскомъ засѣданіи въ Петербургѣ, по пріѣздѣ новаго митрополита въ столицу, мрачный и угрюмый сидѣлъ митрополитъ и судорожно перебиралъ своими четками, когда секретарь общества въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ изливался о дѣйствіяхъ библейскихъ обществъ; потомъ вдругъ быстро всталъ и, сказавши

вражіей. Стыдъ же всѣмъ прочимъ архіереямъ, кромѣ казанскаго архіепископа Филарета, бывшаго сперва калужскимъ и рязанскимъ. Архіереи синодальные, каковъ былъ Филаретъ и Іона, архіепископъ тверскій, все знали, читали и, какъ бы во всемъ согласны будучи, совершенно молчали, никогда не токмо противно не говорили, но даже дружбу имѣли съ ересіархами и домогались болѣе быть въ любви князя Голицына, нежели думали о Царствіи Божіемъ. Дѣйствовали на переводъ Библіи съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы скорѣе дать видъ новый Слову Божію, споспѣшествовать тѣмъ нововѣрію, нововведеніямъ и всѣмъ церковнымъ соблазнамъ. Не хотѣли они думать на помощь пріити Серафиму. Услышавъ нѣкогда ревность Серафима, Филаретъ даже писалъ епископу Григорію—ученику своему, дабы онъ оставилъ Серафима митрополита одного дѣйствовать: Іона и Димитрій подвизались за имя и благо князя Голицына, честь Кошелева въ пользу нечестивыхъ. Пастыри церковные, протопресвитеры и пресвитеры и прочіе всѣ своему чреву внимающіе помышляли чадъ своихъ болѣе учить модамъ, по обычаю міра воспитывать, деньги собирать и въ сохранную казну полагать, дабы себѣ и наслѣдникамъ чѣмъ было весело жить и за извѣстныхъ людей хотя мало въ свѣтѣ слыть; а о славѣ и дѣлѣ Божіемъ вовсе небрегли, якобы то не ихъ было званія потреба.

Ректоры академій, семинарій, инспекторы, профессоры, архимандриты и прочіе были только школьные любомудры, во всей силѣ были именемъ таковы, а не дѣломъ; сами заблуждали, страха ради молчали и другихъ тому учили, дабы обратить милость на себя еретиковъ, безбожниковъ, враговъ вѣры и церкви, за счастіе считали, когда на нихъ кто-либо изъ извѣстныхъ таковыхъ посмотритъ и поласкаетъ. Изъ таковыхъ цѣлей читали книги новопечатныя, скверныя, выписывали въ свои книгохранилища, старались отъ нихъ чему-нибудь научиться. Нѣкоторые даже внушали другимъ иныхъ держаться подъ видомъ витійства и другихъ причинъ, а отъ того заражались душевно и многіе сами себя погубили, или зарѣзали, или отравили, или удавили, или иными несчастными смертями животъ свой кончали.

Православные пусть видятъ во всѣ времена, что во время образованія академій всѣхъ духовныхъ, семинарій, училищъ и прочихъ мнимыхъ средствъ для пользы отечества и церкви все дѣлалось: всему виною діаволъ-искуситель, который архіереевъ, приходскихъ пастырей, ученыхъ наставниковъ, монашествующихъ и бѣльцовъ искусилъ и тѣмъ

громко, что такъ могутъ разсуждать только люди, не понимающіе православія, быстро вышелъ изъ залы собранія. Поступокъ митрополита ошеломилъ всѣхъ присутствующихъ. «Русскій Архивъ» 1868 года, 1390-я стран. въ примѣчаніи.

показалъ Богу, небу и землѣ, до какой слабости знаній вѣры духовенство само себя довело. Стыдъ и поношеніе на земли, предъ Богомъ и человѣками духовнымъ за свое собственное дѣло не стоять; Богъ Судія разсудитъ всѣхъ въ свое время.

При такомъ ослабленіи въ вѣрѣ Христовой, при всеобщемъ невниманіи къ дѣлу и Слову Божію, при колебаніи явномъ со всѣхъ сторонъ правилъ и ученій святыя церкви, ересіархи и богоотступники изъ другихъ державъ, за возмущеніе изгоняемые, разстриги изъ католицкаго вѣроисповѣданія были какъ великіе мужи выписаны. Былъ уже давно по ходатайству Сперанскаго выписанъ Фесслеръ, и ученіе свое въ предѣлахъ, какъ новый Манесъ, Лютеръ и Кальвинъ, но злѣе и потребнѣе всѣхъ тѣхъ въ своихъ правилахъ распространялъ силою власти и покровительствомъ вольможъ; безбожный Фесслеръ въ новѣйшія времена есть Ангелъ тмы во плоти, какъ объ немъ будетъ въ своемъ мѣстѣ сказано. Въ оно время Линдель подвизался въ южныхъ предѣлахъ Россіи, разсѣевая своего зловѣрія плевелы, уча и проповѣдуя. Въ Санктъ-Петербургѣ же взошелъ на каѳедру бывшій монахъ католицкій — разстрига; онъ, сдѣлавшій бунтъ въ западномъ нѣмецкомъ нѣкоемъ краѣ (въ Баваріи), былъ изгнанъ изъ предѣловъ; но по власти и вліянію князя Голицына, въ угоду Попову, Брискорну въ пріятность, и всей образованной Библейской религіи, и ея исчадіямъ, пріѣзжаетъ Госнеръ въ Санктъ-Петербургъ. Его тотчасъ дѣлаютъ директоромъ Библейскаго общества; даютъ ему нѣкую бывшую католицкую церковь отдѣльно учить и служить (близъ театра) [1]. Госнеръ успѣваетъ въ своемъ злочестіи тайно и явно дѣломъ доказываетъ, что онъ способнѣе всѣхъ, нежели кто изъ духовенства Россіи къ возмущенію, дѣлаетъ, учитъ всему, что ближе къ готовляемой въ тайнѣ революціи церковной и правительства. Князь Голицынъ, клятвенные враги вѣры, благочестія, церкви и государства возносятъ Госнера къ небесамъ. Ему церковь кажется опасна для проповѣди, будучи назираема настоящимъ духовенствомъ. По вліянію на все Госнеру служитъ министръ духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ, и вся канцелярія всѣхъ трехъ министерствъ—духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія и почтъ; испрашиваютъ, какъ великому человѣку, Госнеру у императора Александра 18.000 рублей въ годъ на покупку дома огромнаго для квартиры, гдѣ можно было дѣлать собраніе и ученіе новое успѣшнѣе [2]. Госнеръ входитъ въ довѣріе у царя:

---

[1]) Церковь св. Екатерины.

[2]) Современникъ описываемыхъ событій Н. И. Гречъ сообщаетъ, что большая часть слушателей ходили на проповѣди Госнера изъ угодливости къ покровителю его Голицыну. Магницкій, Руничъ, Кавелинъ, Поповъ, Ливенъ, Сѣровъ и другіе окружали, по словамъ Греча, каѳедру Госнера, выворачи-

Марія императрица его покровительствуетъ; придворные всѣ иностранцы, послѣдователи Госнера, окружающіе дворъ, служатъ во всемъ оградою для Госнера [1]). У Госнера секта возрастаетъ среди Санктъ-Петербурга (по слухамъ) до 40.000 разнаго пола людей; ибо всѣми средствами, а особенно на бѣдныхъ и на черный народъ старался дѣйствовать Госнеръ — Богоотступникъ и бунтовщикъ, тайныхъ обществъ членъ.

Нетерпѣніе Госнера безбожника влечетъ прежде изданное ученіе на нѣмецкомъ языкѣ и напечатанное дополнить, приноровить къ православной восточной церкви и русскому царству напечатать и распространить по всей Россіи. Госнеръ даетъ книгу для вида, что переводъ съ ней дѣлается. Генералъ лютеранинъ Брискорнъ трудится въ переводѣ успѣшно: Поповъ Василій М., директоръ по министерству просвѣщенія, совершенный богоотступникъ отъ церкви православныя, ученикъ и содѣйственникъ новѣйшимъ ересіархамъ, подъ видомъ перевода, исправляя, цѣлыя отъ себя статьи вписываетъ, сочиняетъ и тако съ воли князя Голицына въ министерствѣ составляется новая книга: «Духъ жизни и ученія Іисуса Христова въ Новомъ Завѣтѣ. Часть I, Отдѣленіе 1, содержащее Евангеліе отъ Матѳея, переводъ съ нѣмецкаго языка. Сочиненіе Іоанна Госнера въ Санктъ-Петербургѣ напечатано у Греча 1824 года». Книга сія Фотію доставлена [2]) не вся по причинѣ той ли, что не успѣли враги всей издать, или ему конца не досталось для переплета имѣть: книга до 25 главы Матѳея 45 стиха, а далѣе нѣтъ. Фотію по волѣ императора дана оная книга, послѣ, когда назначено было всѣ сожещи оныя. Книга сія содержитъ 856 страницъ:

вали глаза, вздыхали, плакали, становились на колѣни. «Русскій Архивъ» 1888 г., 1404. «Вѣстникъ Европы» 1867 г., т. IV, 83.

[1]) По словамъ г-на Пыпина («Вѣстникъ Европы» 1868 г. ноябрь, 280), при дворѣ многіе защищали Госнера. А если принять во вниманіе то обстоятельство, что самый тонъ двору давала императрица Марія Ѳеодоровна, то слова Фотія вполнѣ заслуживаютъ довѣрія. Самъ императоръ Александръ I относился къ Госнеру двойственно: утверждая опредѣленіе суда о высылкѣ Госнера за границу, государь въ то же время прислалъ ему на дорогу 500 червонцевъ. «Русскій Архивъ» 1892 г., кн. 12, 391.

[2]) Фотій, къ сожалѣнію, не говоритъ, отъ кого получена была имъ книга Госнера. По свидѣтельству Греча, книга была выкрадена изъ типографіи до выхода ея въ свѣтъ. Одинъ чиновникъ, нѣкто Степановъ, самымъ коварнымъ образомъ выманилъ корректурные листы книги Госнера изъ типографіи и представилъ ихъ оберъ-полиціймейстеру, а этотъ передалъ ихъ Магницкому, а Магницкій передалъ ихъ въ свою очередь Аракчееву. «Русскій Архивъ» 1868 г., 1403—1412. По предположенію Пыпина, кромѣ корректурныхъ листовъ выкраденъ былъ и полный отпечатанный экземпляръ. («Вѣстникъ Европы» 1868 г., ноябрь, 266).

на каждой страницѣ, гдѣ Евангельскія слова помѣщаются, раздѣленіе на двѣ части, на одной первый текстъ Евангельскій, а на другой русскій новопереведенный, подъ тѣмъ же толкованіе Госнера и Попова. Также было готово въ таковомъ родѣ сочиненіе на Евангеліе отъ Марка. Фотій видѣлъ даже собственноручно отъ Попова исправленія и цѣлые листы прибавленные и написанные, и читалъ оные, но ему книги не досталось. Нѣмецкую же книгу имѣлъ отъ самого Госнера тайно, черезъ нѣкоего графа Орлова взялъ изъ рукъ подъ тѣмъ предлогомъ, что акибы нужно было воспользоваться тому вельможѣ.

Все сочиненіе Госнера оное есть повѣстка на явное возмущеніе всѣхъ уже приготовленныхъ чрезъ другія книги во всѣхъ концахъ земли. Тайно печаталось и тайно въ дальнія губерніи намѣреніе было разослать оное богомерзкое ученіе новое. Оно все заключаетъ въ себѣ внушеніе и дѣйство явно и тайно противу истины евангельской, изложеніе мыслей противу правительства, противу всего духовенства, противу престола царскаго, лично противу царя Александра, противу ученія церкви, всякаго гражданскаго порядка, и особенно сей предшественникъ антихристовъ, діаволъ и сатана-человѣкъ Госнеръ, смѣлый бунтовщикъ, какъ человѣкъ, въ главѣ 1-ой подъ 19 стихомъ поясненіе и внушеніе дѣлаетъ противу дѣвства Пресвятыя Дѣвы Богородицы, явно ругается Ей, Царицѣ и Владычицѣ; а въ 25 стихѣ той же главы приписываетъ рожденіе дѣтей иныхъ. Въ такомъ хульномъ и безбожномъ духѣ вся книга составлена.

Во время оно былъ нѣкій день присутственный въ Сvнодѣ; былъ князь Голицынъ и всѣ члены Сvнода. Началась рѣчь о важнѣйшемъ дѣлѣ; митрополитъ Серафимъ, уже имѣя на сердцѣ скорбь на всѣхъ зловѣрныхъ и на князя, содѣйственника всякой злобѣ во вредъ единыя церкви православныя, не соглашался съ нимъ, и яко пастырь и архіерей, отверзъ уста своя, претилъ противному дѣлу; врагъ діаволъ такъ поколебалъ сердце и душу министра, что онъ восталъ съ мѣста. Тогда митрополитъ, воставъ, на средину вышелъ; всѣ члены Сvнода, съ своихъ мѣстъ сошедше, дивилися дерзновенію по Бозѣ Серафима. Князь не могъ не токмо противиться устамъ и премудрости сего архіерея, но не могъ даже слушать; тяжко было духу его, и онъ, схвативъ шляпу свою во гнѣвѣ и ярости, какъ дикій звѣрь бѣжалъ изъ Святѣйшаго Сvнода. Тогда всѣ очи устремили на Серафима и помышляли, что отъ того будетъ? Нѣкоторые же прорекали, что это есть знаменіе, что не будетъ князь сидѣть въ Сvнодѣ: гласъ Божій его изгонитъ, что ему время пришло паденія и униженія. Серафимъ же радовался, что онъ такое явное себѣ поношеніе сотворилъ.

Врагъ не терпя истины и гоня вѣрующихъ въ лицѣ избранныхъ, всѣхъ архіереевъ и архимандритовъ ревнителей изгналъ и во гробъ низ-

велъ чрезъ князя Голицына и Филарета; по сіе время числомъ всѣхъ двѣнадцать человѣкъ [1]). Сей же внушалъ князю и явно подвизалъ его сотворить подобное Серафиму что-либо, но не обрѣталъ ничего. Отецъ Фотій все примѣчалъ, и искушая сердце князя, отъ него узнавалъ самого гнѣвъ его на Серафима и намѣреніе на мѣсто его инаго возвести во всемъ могущаго, на вредъ церкви содѣйствовать, а не защищать. Единъ Серафимъ въ Сѵнодѣ оставался по сіе время могій что-либо претить князю, а прочіе Іона, Димитрій архіепископы, духовникъ [2]) и оберъ-священникъ, совершенно въ угожденіе князю и міру на всякую ложь, неправду, отступленіе дерзали соглашаться, подъ разными видами, дабы получать земныя выгоды. Митрополитъ же Варлаамъ былъ безгласный ко всему. Не выжидая времени, Серафимъ, дабы испровергнуть вражіе сѣдалище въ Сѵнодѣ министерское, исторгнуть святую церковь изъ рукъ мірскаго человѣка, при томъ врага ея человѣка, избавить отъ неправильнаго насилія духовенства, отдѣлить пшеницу отъ плевеловъ, уничтожить власть министра, прекратить дѣйствіе зловѣрія, заградить уста еретиковъ, открыть же о томъ всѣмъ и особенно зло тайное княземъ и его партіею содѣлываемое во вредъ всей церкви и цѣлому государству, показать царю Александру, что опасность неизбѣжна, рѣшился самъ случай о Госнерѣ вывести изъ тьмы невѣдѣнія явно въ наружу и обличить замыселъ партіи и успѣхи вражіи, до какой степени простираются подъ властію министра духовныхъ дѣлъ князя Голицына въ его канцеляріяхъ, въ его вѣдомствѣ, съ воли князя, что все-то князь покровительствуетъ предъ самымъ царемъ, а царь, не вѣдая тайны беззаконія дѣемой, самъ себѣ по невѣдѣнію изрываетъ ровъ погибели. Итакъ старецъ архіерей, видя измѣну въ словѣ и дѣлѣ своего викарнаго Григорія Постникова, начавшаго дѣло о книгѣ Госнера и оставившаго по вліянію Филарета и всей партіи ученой его, рѣшился самъ написать апологію на сочиненіе Госнера, обличилъ пастырски, испровергъ и пріуготовилъ послать въ собственныя руки императора Александра, приложивъ притомъ и 32 листа книги Госнеровой на Евангеліе отъ Матѳея. Время было тогда св. и великій постъ, недѣля страстная и день св. и великаго пятка утро. При очахъ отца Фотія подписалъ пастырскую апологію и посланіе свое къ императору прочелъ ему нужное; онъ одобрилъ, что сіе Богу содѣйствующу возъимѣетъ дѣйство и обратитъ сердце царево на путь истины; заключено же было тако: «да воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его, церкви и отечества, и яко исчезаетъ дымъ да исчезнутъ». И Серафимъ падъ на землю, сотворилъ три поклона Го-

---

[1]) Это указаніе Фотія весьма любопытно, но нѣтъ никакой возможности его провѣрить.

[2]) Криницкій.

споду, вручилъ всего успѣхъ Ему, запечаталъ и послалъ въ собственныя руки императору тайно.

Увлекаясь наружною любовію князя, Фотій старался всемѣрно его обратить на путь правый, заставить все донести царю, дабы не подпасть гнѣву Его Величества. Но все усиліе его было тщетно: давалъ знать князю, что противу него втайнѣ есть дѣйствіе руки Божіей, и ежели не покается, то вскорѣ падетъ и востать будетъ ему не возможно. Князь о томъ имѣлъ все свое попеченіе, какъ бы со славою раздавить Серафима, мня, что онъ единъ есть ничтоженъ, а не зналъ, что онъ первый съ нимъ, Серафимомъ, готовъ изгнаніе и смерть всякую терпѣть и что уже Богъ далъ ему въ руки своихъ избранныхъ изъ первыхъ вельможъ и любимцевъ царевыхъ на помощь; ибо во всемъ содѣйствовалъ оберъ-полиційместеръ санкт-петербургскій генералъ-лейтенантъ Иванъ Васильевичъ Гладкой. А все дѣйствовалъ тайно предъ царемъ генералъ начальникъ всей гвардіи Өедоръ Петровичъ Уваровъ, который жилъ во дворцѣ, гдѣ самъ царь жилъ, и ходилъ царь какъ больнаго навѣдывать его, и все услышалъ отъ устъ его, и императоръ Александръ токмо ждалъ на бумагахъ дѣйствія, дабы всѣ взять мѣры отвратить опасность о церкви и государствѣ, въ чемъ явно уже подозрѣваемъ былъ виновникомъ его —царя 30 лѣтъ бывши князь Голицынъ. Хотя иные были къ тому же наклонны содѣйствовать, но дабы никакъ не проникъ врагъ прежде времени о дѣлѣ, отъ всѣхъ было сокрыто. Въ семъ дѣлѣ Господь чудно помогъ. Какъ составилъ выписку изъ книги Серафимъ, о коей выше было сказано и коя уже помѣщена здѣсь, между прочимъ составилъ Фотій апологію противу книги: Воззваніе о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова, которую книгу на французскомъ языкѣ, движимъ по духу лукавому, Родіонъ Кошелевъ изъ собственныхъ рукъ вручилъ при князѣ Голицынѣ правителю коммиссіи духовныхъ училищъ Ивану Ястребцову перевести на русскій языкъ. Ястребцовъ перевелъ оную, Кошелевъ, исправляя, приноровилъ такъ, чтобы она и по своему введенію вновь приданному была явное воззваніе на революцію противу церкви Христовой и государства, и сіе уже воззваніе до 1824 года нѣсколькими изданіями было напечатано и разослано во всѣ мѣста, гдѣ удобнѣе можно отравить умы и сердца. А Ястребцову какъ за книгу полезную князь Голицынъ исходатайствовалъ по смерть пенсіонъ болѣе 3.000 руб. Вновь тайно напечатанная книга на Евангеліе, подъ названіемъ сочиненіе Госнера пастора, была еще не опубликована, а воззваніе книги многимъ извѣстно, и противу сего адскаго вопля никто не дерзалъ вопіять, а всѣ архіереи и духовныя лица молчали и выписывали ее, иные же хвалили въ угодность князю; страшилися того иные, вѣдущіе вредъ книги, что самъ царь нашелъ ее якобы полезною, и далъ награду вели-

кую переводчику. Но Богъ, укрѣпляя Фотія въ немощахъ, далъ силу составить на новую сію книгу апологію—по скорости на нѣкія важныя мѣста, и откровеніемъ Богъ во снѣ подвигъ его, вскорѣ учинилъ дѣйствовать симъ путемъ на князя Голицына, какъ уже давно злая дѣющаго противу церкви, государства и споспѣшествующаго революціи втайнѣ, явно при семъ написалъ онъ посланіе императору Александру по силѣ откровенія, бывшаго ему, дабы немедленно открыть о тайнѣ беззаконія дѣемой, и что революція готовится вскорѣ; къ тому жъ написалъ Фотій и другое посланіе противу новой вѣры всеобщей распространяемой отъ князя Голицына, къ чему содѣйствуетъ и книга Воззваніе. Исчисливъ нѣкоторыхъ ересіарховъ, богоотступниковъ и все это добрѣ пріуготовивъ, апологію на Воззваніе книгу и всѣ замыслы злодѣйскіе революціонные назвалъ: Пароль тайныхъ обществъ или тайные замыслы въ книгѣ: Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова. При апологіи приложилъ съ замѣчаніемъ и книгу сію самую, какъ документъ печатный, да видитъ самъ царь, апологію же, какъ нѣкую указку сдѣлалъ познанію золъ, гдѣ кроются въ словахъ и строкахъ книги. Подписалъ Фотій своеручно: 1) апологію свою на Воззваніе книгу: въ кою всего двадцать два мѣста выписаны изъ книги для опроверженія и проклятія; 2) посланіе, по откровенію писанное, на имя императора Александра о революціи, чрезъ Госнера проповѣдываемой среди столицы всѣмъ въ слухъ явно уже; 3) посланіе вообще противу новой вѣры антихристова зловѣрія; 4) приложилъ выписку изъ книгъ при семъ: апологію и оба посланія отправилъ 1824 года отъ 12-го апрѣля. Вручилъ же все сіе чрезъ любимца царева Уварова въ собственныя руки царю тайно въ субботу на св. Пасхѣ. Дабы послѣ вѣки знали, каково было трудно повалить громаду зловѣрія, яко столпъ Вавилонскій, то пусть всякая вѣрная душа, не дѣйствію апологіи Серафима, апологіи архимандрита Фотія, его посланію и обличенію явному чрезъ выписку изъ книгъ, приписываетъ успѣхъ единому Господу и Богу и Спасителю Іисусу Христу, Его силѣ и премудрости и благодати всесвятаго Духа, Фотія же съ пастыремъ своимъ избравшей въ орудіе едино свое, при всемъ его недостоинствѣ, а для того и помѣщаются здѣсь, кромѣ Серафимовой апологіи, посланія, одна Фотія апологія и два посланія на имя императора Александра въ точности, а выписка уже выше помѣщена, каковая была изъ разныхъ книгъ.

Когда было сіе вручено императору Александру, нѣкто премудръ мужъ назвалъ апологію и оба посланія: Побѣдная Ваія Христова. Во истину благодать Христова великую силу сотворила чрезъ то противу всего вражіяго антихристіанскаго сонмища, обратила сердце

царево къ Богу, а уклонила отъ князя Голицына. Еще въ сіе время все было тайно въ сердцѣ царевомъ, но о тайномъ дѣйствіи всего надъ царемъ уста Уварова, якоже уста царева повѣдали тайно во утѣшеніе нѣчто Фотію, и Фотій ясно уже веселіе имѣлъ съ Серафимомъ веселяся о Господѣ.

АПОЛОГІЯ
священно-архимандрита Фотія подъ названіемъ:

ПАРОЛЬ

тайныхъ обществъ или тайные замыслы въ книгѣ: Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова

ПАРОЛЬ.

Книга «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова» издана для Франціи въ Парижѣ 1790 года за два года революціи; а въ Россіи переведена въ 1820 году и подъ тѣмъ же годомъ второе изданіе ея. Она есть по сущности своей ужасно злая, неслыханная новизна. Она есть пароль тайныхъ обществъ противу всѣхъ царствъ и особенно христіанскихъ! Пароль,—въ разныхъ видахъ скрытно, или явно, прямо или косвенно, буквально и таинственно, токмо книга сія всякимъ образомъ есть пароль всегубительства, и цѣль ея—раскопать олтари и разрушить престолы. Вотъ ключъ уразумѣть пароль книги: Воззваніе къ человѣкамъ.

Пароль на все наложенъ!

1. «Все доброе въ человѣкѣ происходитъ отъ божественнаго инстинкта». Смыслъ такой въ сихъ словахъ: что все доброе акибы не отъ Бога и Господа Іисуса Христа и Святаго Духа, но отъ Божественнаго инстинкта, почитаемаго авторомъ за Бога; инстинктъ же есть, по общему мнѣнію всѣхъ народовъ, скотское влеченіе. Слово же божественное къ инстинкту придано для обольщенія читателей, и дабы до времени подъ тѣмъ скрывать тайну беззаконія дѣемую.

2. «Религія основана на откровеніи Божіемъ», но авторъ говоритъ, что на инстинктѣ основана религія.

3. «Господь сказалъ во Евангеліи о Словѣ Божіемъ и слышаніи его что едино есть на потребу (Лук. X, 42)», но авторъ говоритъ, что религія, основанная на инстинктѣ, едино есть на потребу: и что сѣмя и основаніе религіи въ человѣкѣ есть божественный инстинктъ.

Чѣмъ внушается: Слово Божіе, сѣмя религіи и вѣра—даръ Божій, не нужны. А посему далѣе говоритъ книга Воззваніе такъ: «чтобы соотвѣтствовать оному намѣренію Промысла (основанному на инстинктѣ) прежде всего надобно отложить всякую недовѣрчивость относительно внутренняго слова (т. е. инстинкта), чтобы прейти безбоязненно отъ

религіи (т. е. Христовой яко не нужной), которой религіи учатъ люди, и которая (т. е. Христова) должна упраздниться,—прейти къ религіи, сущей отъ Бога (т. е. основанной на инстинктѣ), имущей явиться въ сіи послѣднія времена, когда божественное (т. е. на инстинктѣ основанное должно быть явленнымъ».

Посему говоритъ книга Воззваніе: «оскорбительно подумать, будто бы человѣку свыше суждено быть въ затрудненіи понять, чего отъ него требуетъ Богъ, и въ необходимости искать себѣ учителей, могущихъ вразумить его». Симъ внушается, что акибы свыше отъ Бога никогда не было повелѣно учиться чему-либо, и во св. пророкахъ, апостолахъ и св. отцахъ искать себѣ учителей. Почему уже и говоритъ книга «воззваніе съ дерзостію».

4. «Что нѣтъ неизбѣжной нужды въ знаніи науки о вещахъ выспреннихъ, небесныхъ». Симъ внушается, что нѣтъ въ знаніи (яко науки) священнаго Писанія, ученія церкви святыхъ Таинствъ, преданій, богословія, что все есть ученіе о вещахъ невидимыхъ, духовныхъ, божественныхъ, небесныхъ.

5. «Что божество непосредственно сообщается чрезъ инстинктъ». Симъ внушается, что божество не чрезъ св. Писаніе и вѣру, а прямо, акибы чрезъ одинъ инстинктъ, сообщается человѣкамъ.

6. «Что инстинктъ есть внутреннее слово: инстинктъ есть внутри, въ сердцѣ, въ совѣсти».

«Инстинктъ есть Христосъ яко путь; инстинктъ есть Христосъ, яко истина, духъ и жизнь, начало божественной жизни, и самъ божественная жизнь».

«Инстинктъ есть Богъ Слово, которое свѣтитъ во тьмѣ, его же міръ не позна,—Слово не пріемлемое даже отъ своихъ: Елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти».

Вотъ какъ инстинкту всѣ Христовы свойства приписываетъ книга Воззваніе, а слѣдовательно вездѣ подъ словомъ Христа и Святаго Божіяго Духа и Слова въ ней надобно тоже разумѣть инстинктъ.

«Инстинктъ есть самъ Богъ».

Вся душа моя ужасается, слыша столь нечестивую проповѣдь въ книгѣ Воззваніе. Отъ начала вѣка неслыханное безбожіе вѣщается. Но настоятельно вѣщая книга Воззваніе о божественности одного только инстинкта, и отметая прочее всякое божество, или чтилище,—и выставляя по всему за единаго Бога инстинктъ въ человѣкѣ, говоритъ, что «внутреннія чувства» (т. е. происходящія отъ инстинкта) «суть чувства, никогда не обманывающія». Симъ внушается, что какія бы то въ сердцѣ ни были чувства, желанія, движенія, намѣренія, замыслы,—всѣ акибы божественны. Ихъ-то слушать и исполнять нужно,

а прочимъ чувствамъ ни въ чемъ, нигдѣ, никогда не нужно внимать, даже и въ священномъ Писаніи.

«Вотъ религія»,

представленная для послѣднихъ временъ книгою Воззваніе.

Новая религія!

«Не много знанія»

то-есть, всѣ знанія оставить.

«Въ семъ-то заключается возстановленіе человѣка». Вотъ отступленіе отъ вѣры, прореченное Святымъ Апостоломъ: Духъ явственно глаголетъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣціи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ (Тимоѳ. IV, 1). Это событіе нынѣ!

ПАРОЛЬ.

На основаніи христіанской религіи истребить христіанскую религію, раскопать олтари и обрушить престолы!

Боже! Боже! Боже!

Вскую оставилъ Ты еси проповѣдываться посреди насъ такому отступленію отъ вѣры, нечестію и безвѣрію? Это мерзость запустѣнія на мѣстѣ, реченная Даніиломъ пророкомъ.

Сія тайна беззаконія дѣется!

Она есть новая религія.

7. Гдѣ же она? «У сихъ токмо людей»,—говоритъ книга Воззваніе, т. е. «у послѣдующихъ мало или много внутреннему влеченію (т. е. инстинкту) обрѣтается религія и кромѣ ея нѣтъ другой». Смыслъ такой въ сихъ словахъ: что религія христіанская не есть религія, а временный вымыслъ.

8. «Если же мы привыкли къ религіи (т. е. христіанской), къ тому, что примѣнено къ разуму и вкусу человѣческому, сего требовали времена язычества, продолжавшіяся столько вѣковъ». Въ сихъ словахъ смыслъ такой: человѣки, если мы привыкли о религіи христіанской думать, что она очень древна, и что въ ней есть красота, великолѣпіе и чинность, и много набожности, то сего время, случай и нравы людей требовали, чтобы все учреждать, такъ какъ и языческая въ свое время учреждала свое и стояла много вѣковъ.

9. «Такой религіи» (т. е. христіанской, такъ какъ и языческой) «положены были свои времена (быть почитаемой на землѣ)», и сіи времена, долженствовавшія продолжаться до втораго пришествія Іисуса Христа, исполнились». Смыслъ и цѣль въ сихъ словахъ сіи: что сколько времени религія христіанская ни стояла, подобно языческой, то ей стать было время опредѣлено,—она нужна была, и свои времена стояла;

т. е. нынѣ же опредѣленныя времена исполнились оной. Языческой была перемѣна; слѣдовательно, и христіанской должна быть перемѣна.

10. «Особенно въ настоящія времена нужно укрѣпиться въ сей спасительной истинѣ, единой могущей разрѣшить всякое сомнѣніе при видѣ необыкновенныхъ путей Божіихъ. Божественное (т. е. влеченіе и умышленіе къ перемѣнѣ религіи и достиженію революціи) «сопровождается преткновеніями (т. е. неудачами революціи)», случаями къ отверженію ея на тотъ конецъ, чтобы дать мѣсто свободѣ человѣческой (т. е. сбросить иго религіи христіанской и бремя подначалія).

Теперь согласивъ книга Воззваніе акибы къ перемѣнѣ религіи чрезъ революцію, начинаетъ изрыгать съ дерзостію такія хулы на религію христіанскую.

11. «Позвольте мнѣ сказать о вашемъ богослуженіи. Въ этомъ богослуженіи извѣстныя времена (т. е. опредѣленныя на то въ теченіе года праздники Господни и проч.), «поклоны, пѣніе, чтеніе и проч. и сію жертву или дань вы приносите въ храминахъ» (здѣсь въ насмѣшку храминами называются Святыя Церкви), «нарочно для сего устроенныхъ, тамъ мѣсто вашей религіи. Почти можно сказать, что и вы, какъ нѣкогда язычники въ воспоминаніе Бога игры празднуете и чествуете Его, какъ божество мертвое». Это прехитрая и злѣйшая хула надъ святою вѣрою Христовою и святымъ богослуженіемъ.

12. «И такъ я ограничусь простымъ замѣчаніемъ», — говоритъ книга Воззваніе, «что божество, утомясь видѣть однѣ наружности, (т. е. въ религіи христіанской) поклоны, церемоніи, чѣмъ бы вы сами не были довольны, если бы ничего отъ другихъ не получали,—требуетъ себѣ лучшей жертвы (т. е. новой религіи),—все то оставить».

«Богъ и не поставитъ на вашъ счетъ того, о чемъ не глаголалъ, и чего совѣсть не возбраняла».

13. «Прешли тѣ времена, въ которыя Богъ скрывался отъ людей, (т. е. какъ во тьмѣ и মракѣ въ наружностяхъ религіи христіанской и богослуженія) се тотъ, (т. е. Антихристъ), для кого сотворено время, грядетъ собрать плодъ; и сами человѣки назначаютъ кончину послѣднихъ временъ тѣми понятіями, какія они составили о Божествѣ скрывающемся, понятіями въ своемъ родѣ совершенными, и вовлекаются въ революцію, ими самими уготовляемую».

Ахъ! какъ же мы такъ въ сей ровъ революціи вовлекаемся понятіями о Божествѣ?

Злѣйшій пароль!

А именно: мы имѣемъ понятіе, что будетъ второе пришествіе Господа и Бога Іисуса Христа на землю, и книга Воззваніе говоритъ также о второмъ пришествіи Христа: но вотъ какое различіе! Мы вѣ-

руемъ во Христа, паки грядущаго со славою судить живыхъ и мертвыхъ, Его же царствію не будетъ конца; а книга Воззваніе говоритъ, что второе пришествіе пришло уже совершающееся въ Дусѣ.

Да кто бы изъ истинныхъ христіанъ не пожелалъ видѣть повсемѣстное возрожденіе во Христѣ? Но въ книгѣ Воззваніе оно только значитъ отступленіе отъ религіи христіанской, и принятіе какой-то новой Антихристовой вѣры. Также превратный смыслъ заключается и въ понятіи, что религія вступаетъ въ новый періодъ, — въ періодъ Израиля, и обновленіе наступаетъ по всѣмъ понятіямъ. Въ сихъ частяхъ разумѣть надобно революцію; а годъ, мѣсяцъ и число въ такихъ понятіяхъ о пришествіи Христа въ Дусѣ и славѣ есть терминъ отступленія, всегубительства, революціи и потребленіе всего Святаго.

Горе! горе! горе!
Тайна беззаконія дѣется!

А распространяется чрезъ почты, миссіонеровъ и книги. Блаженъ, кто возьметъ мѣры осторожности.

14. «Но если человѣки (т. е. вѣрующіе во Христа) станутъ чуждаться новаго свѣта, или вздумаютъ сами умствовать, либо совѣтываться съ тѣми, которые за нихъ умствуютъ и коихъ рѣшеніе напередъ имъ извѣстно; то Провидѣніе положитъ конецъ ихъ царствію — и они погибнутъ. Грозными судами отмщена будетъ благость Божія (т. е. за несогласіе принять новую религію и участвовать въ революціи). Погибнетъ всякъ, кто не явитъ себя человѣкомъ хотя по наклонности къ принятію свѣта» и проч. «Наипаче гнѣвъ Господень падетъ на такъ называемыхъ вождей (т. е. царей и властей) и учителей» (т. е. духовныхъ особъ).

15. «Нынѣ уже не то: времена измѣняются и дѣлаются благопріятнѣйшими (т. е. къ революціи). Религія вступаетъ въ новый періодъ, — періодъ Израиля духовнаго». Смыслъ такой: начало періода революціи во Франціи было 1792 года, потому и говоритъ авторъ за два года еще до революціи провидя революцію: «религія вступаетъ въ новый періодъ (т. е. новая вся оставить). И какъ подобное сдѣлалось движеніе безпокойства примѣчаемое въ Европѣ въ 1820 году, то карбонаріи и поспѣшили издать сіе новое изданіе въ Россіи и для Россіи, дабы пріуготовить къ такимъ безпокойствамъ и революціи, но не удалось!

Подъ именемъ Израиля надобно разумѣть бунтующій народъ карбонаріевъ.

16. «Волчцы и терніе (т. е. люди неугодные новой религіи) не уменьшаютъ достоинства земли въ очахъ желающаго обработать ее; равно

не прибавятъ ей цѣны добрыя травы, случайно на ней выросшія» (т. е. великодушные цари, власти) «плугъ извращаетъ все безъ различія» (т. е. революція).

17. «Книжники выдумали науку и назвали ее Богословіею»,—говоритъ авторъ, но еще нечестивѣе какъ объ нихъ (яко древнихъ) духовныхъ, такъ и о всѣхъ христіанахъ увѣряетъ въ томъ, такъ говоря: «тѣ изъ язычниковъ, которые исполнили долгъ своего званія, получатъ мзду рабовъ вѣрныхъ, даже предпочтительно предъ христіанами и снидутъ въ жизнь вѣчную». Такъ-то ненависть всячески является къ религіи христіанской и ко всѣмъ христіанамъ въ книгѣ Воззваніе. Далѣе говоритъ книга Воззваніе рекомендуя язычество лучше христіанства содержать. Различіе состояній столько же мало препятствуетъ къ полученію даровъ божественной премудрости, какъ и различіе вѣроисповѣданій.

Симъ внушается и то, что христіанство, язычество, магометанство, и всякая секта акибы равно могутъ приводить къ полученію даровъ Божіихъ. Почему и говоритъ книга Воззваніе, умалчивая о всѣхъ Святыхъ Пророкахъ, Апостолахъ и Святыхъ Отцахъ, похваляя язычниковъ: «Сократъ, Епиктетъ, Маркъ Аврелій симъ путемъ (т. е. по инстинкту) достигли истинной мудрости. Путь сей вѣренъ, и блаженъ, кто шествуетъ по немъ». Но какъ пространна, крѣпка и велика есть Церковь Христіанская, то говоритъ книга Воззваніе такъ, грозя оной:

18. «Крѣпкіе вѣтры (т. е. революціи свирѣпость) отъ Духа Божія (акибы мечтаетъ авторъ) приведутъ все въ движеніе». Вотъ испытаніе для великой храмины религіи (то-есть Христіанской), «тогда обнаружится: былъ ли положенъ въ основаніе камень (т. е. былъ ли Христосъ Богъ основатель ея), отъ котораго (если Богъ былъ онъ) зависитъ вся прочность». Здѣсь мысль кроется, что Христосъ не Богъ. «Устоятъ ли противъ удара (т. е. революціи), имъ уготовляемаго, или паденіемъ своимъ, громадою развалинъ покажутъ, что онѣ построены на зыблющемся пескѣ слова человѣческаго и такого богопочтенія, гдѣ только слушаютъ и не исполняютъ». Здѣсь ясно обнаруживаетъ сочинитель книги Воззваніе и издатель ея мысль свою, что вѣра Христіанская не отъ Бога имѣетъ происхожденіе свое, а отъ человѣковъ. Ибо угрожаетъ ей страшнымъ паденіемъ между тѣмъ, какъ Господь, увѣряя насъ ничего не бояться, сказалъ: что и врата адова не одолѣютъ ю» (Мѳ. xvi,18).

19. «Божество попустило ложнымъ пророкамъ (апостоламъ, учителямъ (т. е. учителямъ Святой Церкви) похитить власть (царскую и править священническую) для обольщенія». Ужасная хула на вѣру Христіанскую.

20. «Но время сего явленія, время долженствующее измѣнить все въ мірѣ, приспѣло, и обольщеніямъ положится конецъ» (т. е. власти

царской, священнической) «и ученіямъ о всемъ въ вѣрѣ Христовой».

«Учители и вожди (т. е. цари, но изъ страха вождями, а не царями именуются, дабы для нихъ сѣть злобы сокрыть) безразсудные мнятъ быть въ безопасности, поколику и характеръ и общее дѣло соединяетъ ихъ съ тѣми, отъ коихъ ожидаютъ они своей участи; вскорѣ испытаютъ участь страшную, и со всѣмъ ихъ искусствомъ, со всѣми предосторожностями не избавятся ее. Ихъ постигнетъ участь, какой не ожидаютъ».

Карбонаріи мечтаютъ въ сихъ словахъ, что они сдѣлали столь хитрый планъ, что акибы никто понять его и предупредить уготовляемую ими революцію не можетъ. Почему и восклицаетъ книга Воззваніе съ насмѣшкою такъ: «что это настоящіе слѣпцы, предъ глазами невидящіе рва, имъ уготовляемаго, и падающіе въ оный».

21. «Богъ требуетъ правоты въ послѣдованіи чувствамъ сердечнымъ (т. е. инстинкту)» — правоты, простирающейся на «добро и зло». Какъ? развѣ правота и добродѣтель могутъ стремиться ко злу? Но книга Воззваніе настоятельно говоритъ, что «надобно быть доброму и худому употребленію вещей натуральныхъ».

«Въ наступающее обновленіе (т. е. въ реформацію) «оставятъ они (т. е. христіане, коихъ даже зміями именуютъ), оставятъ свое древнее ученіе, свои обветшавшія знанія: будутъ сообразжаться съ временами, требующими новаго».

«Доселѣ была акибы религія разслабленная» (т. е Христіанская), — такъ мечтаетъ авторъ.

22. «Познаемъ Мессію не токмо по добру, какое онъ дѣлаетъ вѣрующимъ Его, но и по соблазну, происходящему въ людяхъ. Самыя чудеса Его признаемъ божественными по тому соблазну, который сопровождаетъ души неосвященныя. Въ сихъ словахъ внушаетъ книга Воззваніе христіанамъ, дабы они не боялись соблазновъ революціи.

Кратко сказать: книга Воззваніе есть вѣсть къ отступленію отъ вѣры Христовой и къ перемѣнѣ гражданскаго порядка по всѣмъ частямъ.

Но все, что въ ней заключается, то скрытно и обоюдно, то загадочно и превратно, почему она и говоритъ къ своимъ, взывая такъ:

«Се тайна послѣднихъ временъ, тайна великая!» Сіе значитъ: скрывайте все до времени, молчите; знайте про себя, и дѣлайте дѣла свои; а посему заставляя понимать умыселъ сей вѣщаетъ: «кто позналъ сію истину, позналъ существенность ея, единое на потребу» (т. е. религію, основанную на инстинктѣ) и о прочемъ не заботится.

Вотъ Пароль

въ книгѣ Воззваніе о послѣдованіи внутреннему влеченію Духа Христова: раскопать олтари и разрушить престолы. На Тя, Господи, мы, христіане, уповаемъ! Аще Ты, Боже нашъ, за насъ, кто противу насъ? [1])

Съ нами Богъ!

Господь Силъ съ нами!

О! Господи! спаси же! о! Господи! поспѣши же! Не намъ, не намъ Господи, славу даждь, а имени Твоему Святому во вѣки.

Рабъ Бога и Господа Іисуса Христа о Духѣ Святѣ, ревнитель православія, вѣрно-вѣрноподданный царю,

Служитель церкви
послѣднѣйшій, но правовѣрный
Архимандритъ Фотій.

1824 года. Апрѣля 12 дня.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Неизвѣстный авторъ записки о крамолахъ враговъ Россіи также дѣлаетъ подробный разборъ сочиненія: «Воззваніе о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Но между этимъ разборомъ и разборомъ, дѣлаемымъ здѣсь Фотіемъ, мало замѣчается сходства. «Русскій Архивъ» 1868 г. 1358—1367. Авторъ записки о крамолахъ враговъ Россіи книгу «Воззваніе» прямо называетъ революціоннымъ Катихизисомъ.

Къ портрету Н. М. Языкова.

Современныя изображенія знаменитыхъ людей всегда представляли цѣнное достояніе для потомства. Недалеко сравнительно время, когда портретная живопись была единственнымъ способомъ воспроизведенія и по своей недоступности служила удѣломъ рѣдкихъ исключеній. Предки наши, если и любили дѣлать свои портреты, то повидимому повторяли это обыкновенно не часто и довольствовались изображеніемъ себя въ лучшую пору своей жизни. Обычай этотъ съ очевидностію наблюдается по фамильнымъ портретамъ начала нынѣшняго и конца прошлаго столѣтія. Повторныя изображенія поэтому еще болѣе рѣдки и имѣютъ особенное значеніе. Представляемый здѣсь въ первый разъ акварельный портретъ Н. М. Языкова относится именно къ этой категоріи и знакомитъ насъ съ чертами поэта-юноши, когда онъ, окончивъ курсъ Горнаго института (1820 г.), 19 л. прибылъ въ Дерптъ, чтобы посѣщать университетскія лекціи. Такимъ образомъ, въ настоящемъ портретѣ мы имѣемъ изображеніе поэта, относящееся къ началу его поэтической дѣятельности. Предположеніе это имѣетъ за себя два основанія — первое время написанія портрета «1822 г.» и второе—нѣмецкое происхожденіе художника—«Oesterreich fecit». Вѣроятно, портретъ былъ сдѣланъ Языковымъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Дерптъ, куда онъ прибылъ въ исходѣ 1822 г., и отправленъ имъ на родину въ Симбирскую губернію къ своей сестрѣ, Прасковьѣ Михайловнѣ Языковой, бывшей тогда замужемъ за П. А. Бестужевымъ, отъ сына коего С. П. Бестужева, живущаго въ своемъ родовомъ имѣніи Сызранскаго уѣзда с. Репьевкѣ, я его и получилъ. Изъ оригинальныхъ портретовъ Н. М. Языкова существуетъ, какъ извѣстно еще одинъ, писанный съ него въ 1829 году 14 апрѣля художникомъ Хрипковымъ въ Москвѣ. Портретъ этотъ по чертамъ весьма напоминаетъ юношескій обликъ поэта; но очевидно, семилѣтнее пребываніе въ кругу дерптскихъ друзей, гдѣ—«Раздолье Вакха и свободы» не прошло безслѣдно. Всего пять лѣтъ разницы, а мы видимъ поэта гораздо старше своихъ лѣтъ. Къ тому же странная фантазія была дѣлать свой портретъ въ халатѣ. Надо полагать впрочемъ, что въ это время пребыванія въ Москвѣ это былъ его обычный костюмъ, вполнѣ гармонировавшій съ

характеромъ жизни, которую онъ велъ, по его словамъ къ Вульфу, чрезвычайно уединенно; безвыходно, даже безвыѣздно сидѣлъ дома и въ полной власти собственнаго своего произвола. Вскорѣ затѣмъ начались приступы его болѣзни, и послѣднія 17 лѣтъ своей жизни онъ попеременно провелъ въ Россіи и за границей въ исканіи себѣ облегченія у разныхъ медицинскихъ знаменитостей. Описанный московскій портретъ поэта весьма распространенъ и украшаетъ послѣднее изданіе его сочиненій 1858 г. съ предисловіемъ г. Перевлѣсскаго. Съ него же сдѣлана копія-гравюра для изданія А. Мюстера съ надписью: «рисовалъ съ снятаго съ натуры художникомъ Хрипковымъ». Интересно было бы знать. гдѣ находится оригиналъ, дѣланный этимъ художникомъ, такъ какъ въ Симбирскѣ ни у кого изъ родныхъ его нѣтъ. Въ числѣ портретовъ именитыхъ симбирскихъ дворянъ, украшающихъ малиновую гостиную дворянскаго дома, находится и портретъ Н. М. Языкова. Портретъ его вмѣстѣ съ портретами Н. М. Карамзина и И. И. Дмитріева повѣшенъ тутъ по постановленію дворянства въ 13 день декабря 1867 года. Не дурная эта довольно копія сдѣлана съ неизвѣстнаго оригинала, художникомъ Л. Пичеромъ (L. Pietzscher fc.) въ 1869 г., изображаетъ поэта въ сюртукѣ, съ чернымъ галстухомъ, въ курчавой шевелюрѣ и по чертамъ лица можетъ быть отнесенъ къ 22—23 годамъ его жизни. На недоконченномъ портретѣ въ мѣстной «Казанской Библіотекѣ» поэтъ Языковъ представленъ въ русскомъ платьѣ, красной рубашкѣ и поддевкѣ лѣтъ 33—35. Написанъ портретъ вѣроятно былъ съ него въ послѣдніе годы жизни его въ Москвѣ, въ духѣ славянофильскаго круга, съ которымъ Языковъ былъ близко связанъ родствомъ и дружбою [1]). Не вызоветъ ли настоящая замѣтка, по поводу вновь открытаго современнаго портрета поэта Языкова, какихъ-либо разъясненій или дополненій къ его біографіи, которыя всѣ несомнѣнно будутъ весьма цѣнны.

В. Поливановъ.

12 іюня 1893 г.
с. Актуатъ.

---

[1]) Сестра Н. М. Языкова, Екатерина Михайловна, была замужемъ за А. С. Хомяковымъ.

Къ исторіи крестьянъ въ Эстляндской губерніи.

Указъ императрицы Екатерины II-й. 14 апрѣля 1789 г.[1]).

Господинъ Лифляндскій и Эстляндскій генералъ-губернаторъ графъ Броунъ! Здѣсь разнесся слухъ, будто бы изъ Эстляндской губерніи въ теченіе нынѣшней зимы по льду ушли болѣе ста человѣкъ въ земли шведскія. О подлинности сего предписали Мы генералу-майору Врангелю Насъ увѣдомить[2]); а какъ подобнымъ побѣгамъ всего болѣе поводъ подаетъ отягощеніе крестьянъ, то вы и не оставьте дворянству въ образѣ дружескаго совѣта, не дѣлая ни малѣйшей огласки, внушать, какой вредъ для ихъ собственно произойти можетъ отъ таковаго крестьянъ ихъ отягощенія, и колико нужно есть сохранять ихъ и не доводить до того, чтобъ они бѣжали въ области непріятеля, противу котораго всѣ мы вообще должны принять сильныя мѣры на обузданіе его и къ доставленію на будущее время тишины и безопасности границамъ Нашимъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Сообщилъ **Ив. Тихоміровъ**.

[1]) Указъ этотъ извлеченъ изъ книги «Ордера и предположенія рижскаго и ревельскаго генералъ-губернатора графа Броуна за 1789 годъ», хранящейся въ архивѣ Эстляндскаго губернскаго правленія.

[2]) Генералъ-майоръ Врангель—былъ тогда ревельскимъ губернаторомъ.

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ съ половины марта до половины мая настоящаго года.

Кулишъ, П. А. Украинскіе казаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмѣльницкаго. Гл. IV.—«Русское Обозрѣніе», 1895, апрѣль.

Колюпановъ, Н. П. Изъ прошлаго (Посмертныя записки). Гл. II. Университетъ. (1843 — 1849 г.) «Русское Обозрѣніе», 1895 г., апрѣль.

Живатовъ, Е. В. Георгій Конисскій архіепископъ Бѣлорусскій (1795 - 1895)—Продолженіе. — «Русское Обозрѣніе» 1895 г., апрѣль.

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. 1) Письма къ С. П. и К. П. Побѣдоносцевымъ. И. И. **Лажечникова**. Съ предисловіемъ К. П. Побѣдоносцева. 2) Письма къ матери изъ Болгаріи (во время войны 1877).—Окончаніе. Вс. М. **Гаршина**.—«Русское Обозрѣніе», 1895, апрѣль.

Письма А. Н. **Сѣрова** къ его сестрѣ С. Н. Дютуръ (№№ 30—32). — «Русская Музык. Газета», 1895, апр.

Корзухинъ, И. Листъ и княгиня Витгенштейнъ.—«Русская Музык. Газ.», 1895, апрѣль.

Исаевъ, А. Проф. Памяти Н. М. Ядринцева, друга переселенцевъ. — «Сѣв. Вѣстн.» 1895, апрѣль.

Стасовъ, В. Мои воспоминанія объ

Александрѣ Викторовнѣ Потаниной.— «Сѣв. Вѣстн.» 1895, № 4

Крыжановскій, О. Значеніе духовенства въ исторіи народнаго образованія въ Россіи (Историческій очеркъ).— «Образованіе», 1895, № 3.

Четыркинъ, Ѳ. Георгій Конисскій, архіепископъ Бѣлорусскій.—«Русск. Бесѣда», 1895, № 3.

Старый профессоръ. Замѣчательная эпоха въ исторіи русскихъ финансовъ (продолженіе). «Журн. Юрид. Общ.», 1895, апрѣль.

Милюковъ, П. Н. Проф. Очерки по исторіи русской культуры (продолженіе).—«Міръ Божій», 1895, апр.

Ивановъ, Ив. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. (Жизнь личность, творчество). (Продолженіе).—«Міръ Божій», 1895, № 4.

Васильевъ, В. А. Пререканія между цензурами духовною и свѣтскою. — Историческій матеріалъ. — «Новое Слово», 1895, № 3 и 4.

Аѳанасьевъ, А. Колдовство на Руси въ старину. (Изъ сочиненій А. Н. **Аѳанасьева**). «Новое Слово», 1895, № 3 и 4.

Б., В Памяти Николая Саввича Тихонравова. — «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894 г.

Ларошъ, Г. А. Памяти Антона Рубинштейна.—«Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894 г.

П—въ, К., Л. X. Акимова.—Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., Е. К. Альбрехтъ.—Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., П. Н. Блехъ.—Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., I. В. Большаковъ (Владиміровъ). Некрологъ.—«Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ 1893—1894.

П—въ. К., О. Ѳ. Бостремъ. — Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., А. И. Бреше.—Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., А. П. Виноградовъ. — Некрологъ «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., В. Т. Воеводинъ. — Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., В. В. Гоппе. - Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., I. Гофманъ.—Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., В. В. Киселевъ. — Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., Баронъ К. К. Кистеръ.— Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ. 1893—1894.

П—въ, К., Е. А. Каширина (Кускова).—Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., Э. А. Лилѣева (Шефдекеръ). «Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., А. М. Михайлова I-я. (Мозгова - Кротикова). — Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., Е. Д. Нѣмчинова. — Некрологъ «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., К. Петерсенъ.—Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., С. И. Пучковъ.—Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., И. И. Рудаковъ. — Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., П. Е. Сергѣевъ (Ефимовъ).—Некрологъ «Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., П. Г. Степановъ.—Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., I. Я. Свѣтовъ. — Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., А. П. Фроловъ. – Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., И. Е. Хамарбергъ.—Некрологъ.—«Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К, Г. Г. Цвинкау. — Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театровъ». Сезонъ 1893 - 1894.

П—въ, К., В. Л. Цисвицкій. — Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., М. Э. Энглундъ. — Некрологъ. «Ежегодникъ Имп. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

П—въ, К., А. И. Ѳедотова (Шпейеръ). —Некрологъ. «Ежегодникъ Импер. Театр.». Сезонъ 1893—1894.

Износковъ, И. А. О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII вѣка.—«Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этногр.». Томъ XII, вып. 5.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и

XIX стол. Продолженіе. — «Русская Мысль», 1895, апрѣль.

Филиппов, А. Н. Проф. Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета (продолженіе) — «Уч. Зап. Юрьев. Университета», 1895, № 1.

— Тоже (окончаніе). — «Уч. Зап. Юрьев. Унив.», 1895, № 2.

Нравственный **обликъ** преосвященнаго Өеофана-затворника, его келлія и «послѣднее завѣщаніе». «Душеполез. Чтеніе», 1895, апрѣль.

Древняя **Русь** въ великіе дни. VII. Великій день. (Съ приложеніемъ двухъ рисунковъ). — «Душеполезное Чтеніе», 1895, апрѣль.

Е., К. Письма преосвященнаго Өеофана-затворника къ N. N. — Сообщилъ **К. Е.** — «Душеполезное. Чтеніе», 1895, апрѣль.

Григорій Арх. Письма и резолюціи Филарета, митрополита московскаго. Сообщ. Архимандритъ **Григорій**. «Душеполезное Чтеніе», 1895, апрѣль.

Толстой, М. В. Графъ. Хранилище моей памяти. Невскій Александръ Алексѣевичъ. Соколовъ Іоаннъ Прохоровичъ, священникъ. — «Душеполез. Чтеніе», 1895, апрѣль.

Преображенскій. Ник., свящ. Списокъ селъ, содержащій извлеченныя изъ Бѣлевскихъ писцовыхъ книгъ 1630—1632 гг., свѣдѣнія о церквахъ и церковныхъ земляхъ и причтахъ, часть которыхъ вошла въ составъ Мценскаго и Болховскаго у. Орловской губ. - «Труды Орл. Уч. Арх. Комм.», 1894 г. В. 2-й.

Пясецкій Г. М. Списокъ съ выписи писцовыхъ Карачевскихъ книгъ 1626г. — «Труды Орловской Учен. Архив. Комм.», 1894 г. Вып. 2-й.

Ливанскій. Сообщеніе члена Коммиссіи, священника Иліи **Ливанскаго**. «Труды Орлов. Учен. Архивной Комм.», 1894. Вып. 3-й.

Никольскій, В. Дѣло по доношенію Успенскаго попа Евтихія на Егорьевскаго попа Иродіона 1725 г. - «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1894. Вып. 3-й.

Никольскій, В. Выпись Орловскимъ посадскимъ людямъ по ихъ посадскую чернослободскую землю. — «Труды Орл. Учен. Арх. Комм.», Вып. 3-й.

Пупаревъ, А. Дѣло объ увольненіи въ свободные хлѣбопашцы крестьянъ Гр. Н. И. Салтыкова. — «Труды Орл. Учен. Арх. Комм.», 1894, Вып. 3-й.

Пупаревъ, А. Заготовка провизіи для проѣзжающаго въ С.-Петербургъ посла Оттоманской порты 1793 г. — «Труды Орлов. Учен. Арх. Комм.», 1894, Вып. 3-й.

Памяти А. Ф. Смирдина. а) Списокъ изданій, выставленныхъ въ помѣщеніи кружка.

б) Рѣчь председателя А. Д. **Торопова**.

в) А. Ф. Смирдинъ. Воспоминанія о немъ Д. Д. **Языкова**.

г) Біографія и краткій очеркъ дѣятельности. В. **Ф. Фреймана**. Книговѣдѣніе, 1895, № III.

Смирновъ, И. Н. Курганскій могильникъ. — «Извѣстія Общ. Арх., Исторіи и Этногр.». — Томъ XII, вып. 4. Казань.

Смирновъ, И. Н. Мордва. Историко-этнографич. очеркъ (окончаніе). — «Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этнографіи», Томъ XII, вып. 4. Казань.

Засѣдателевъ, Н. И. Древній обрядъ коронованія у тюркскихъ народовъ. «Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этн.». Томъ XII, вып. 4 Казань.

Добромысловъ, П. Расколоучитель инокъ Авраамій и его значеніе въ исторіи раскола. — «Миссіонерскій Сборникъ», 1895, № 1. Рязань.

— Тоже. (Продолженіе). — «Миссіон. Сборн.» 1895, № 2

Леонтовичъ, Ө. И. Проф. Національный вопросъ въ древней Россіи (окончаніе). «Варшавскія Университетскія Извѣстія», 1895,—I.

Черепнинъ, А. Мѣстная старина. (Продолженіе). Борковской могильникъ. — «Труды Рязанской Учен. Архив. Комм.», 1894. Томъ X, вып. 2-й.

Блазневъ, В. Матеріалы для историко-статистическаго очерка бывшихъ «Государевыхъ Дворцовыхъ рыбныхъ ловцовъ селъ: Бѣлоомута, Ловецъ, Любичи и Дѣдинова». — «Труды Рязанской Учен. Архив. Комм.». 1894. Т. X, вып. 2-й.

Мансуровъ, А. Балакиревъ въ Касимовѣ. — «Труды Рязанской Учен. Архив. Комм.», 1894. Т. X, вып. 2-й.

Костомарова, А. Послѣдніе дни жизни Николая Ивановича Костомарова. — «Кіевская Старина», 1895, апрѣль.

Подорожный, Н. Изъ памятной книжки (Воспоминаніе о Н. И. Костомаровѣ). — «Кіев. Стар.», 1895, апрѣль.

Вашкевичъ, Г. Изъ воспоминаній о Николаѣ Ивановичѣ Костомаровѣ. — «Кіев. Стар.», 1895, апрѣль.

Щербина, Ф. Къ біографіи Н. И. Костомарова. «Кіев. Стар.», 1895, апр.

Ефименко, А. Очерки исторіи правобережной Украйны. По I. Ролле. — «Кіев. Стар.», 1895, апрѣль.

Падалка, Левъ. Слѣды водопроводныхъ сооруженій въ г. Кобелякахъ Полтавской губ. и надъ рѣкою Высью

на границѣ Кіевской и Херсонской губ.—«Кіев. Стар.», 1895, апрѣль.

Кистяковскій. Воспоминанія священника о. Θеодора **Кистяковскаго** (продолженіе).—«Кіев. Стар.», 1895, апр.

Комаровъ, Н. П. Труды и заслуги покойнаго митрополита московскаго Иннокентія для православнаго русскаго миссіонерства (окончаніе).—«Православ. Благов.», 1895, февраль. Кн. 2-я, Москва.

Мелетій, епископъ. Очерки изъ исторіи распространенія евангельской проповѣди и борьбы съ ламаизмомъ на границѣ Китайской Монголіи.—«Православное Благов.», 1895, мартъ, кн. I-я и II-я. Москва.

Завитневичъ, В. З. Значеніе царствованія Александра III въ общемъ ходѣ нашей исторической жизни.—«Труды Кіев. Дух. Акад.», 1895, январь.

Шаровъ, П. Большой Московскій соборъ 1666—1667 г. — «Труды Кіев. Дух. Академіи», 1895, январь.

Титовъ, Θ. И. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ (продолженіе). «Труды Кіев. Духов. Акад.», 1895, январь.

Покойный отецъ протоіерей Василій Андреевичъ **Ложкинъ**. Ко дню 25-лѣтія памяти его 1 янв. 1895 г. (продолженіе).—«Извѣстія по Казанск. епархіи», 1895, № 4.

— Тоже (окончаніе).—«Извѣстія по Казанской епархіи», 1895, № 5.

Семеновъ, П. Императоръ Александръ III, какъ покровитель отчизновѣдѣнія. — «Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ.» Т. XXX, 1894, вып. V.

Рождествинъ, А. Надъ гробомъ Императора Александра III.—«Чтенія въ Общ. любителей духов. просвѣщ.», 1894, ноябрь—декабрь. Москва.

Корсунскій, И. Проф. Преосвященный епископъ Θеофанъ, бывшій владимірскій и суздальскій. Біографич. очеркъ.—«Чтенія въ Общ. любит. дух. просвѣщенія», 1894, ноябрь—декабрь. Москва.

Суворовъ, Н. С. Проф. Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право (продолженіе). — «Временникъ Демидов. Юридич. Лицея». Кн. 64-я. —Ярославль.

Барсовъ, Н. Проф. Представители практически-ораторскаго типа проповѣди въ IV в. въ церкви Восточной. (Продолженіе). — «Вѣра и Разумъ», 1895, № 2. 3. 5. 7. Харьковъ.

Кеппенъ, Θ. П. Ученые труды П. С. Палласа.—«Журн. М. Н. Пр.», 1895, май.

Рожновъ, Н. А. Поводы къ началу процесса по Русской Правдѣ. — «Журн. М. Н. Пр.», 1895, май.

Рудаковъ, В. Василій Васильевичъ Крестининъ.—«Журн. М. Нар. Пр.», 1895, май.

Рождественскій, С. В. Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI в.—«Журн. М. Н. Пр.», 1895, май.

Бодуэнъ де Куртенэ, Ромуальдъ. Записки Львовскаго аптекаря о событіяхъ 1606 въ Москвѣ. — «Журн. М. Н. Пр.», 1895, май.

Дьяконовъ, М. А. Половники поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII в. — «Журн. М. Н. Просв.», 1895, май.

Владиміровъ, П. В. Введеніе въ исторію русской словесности (продолженіе). — «Журн. М Н. Пр.», 1895, май.

Алмазовъ, А. И. Проф. Тайная исповѣдь въ Правосл. Восточной Церкви.—Опытъ внѣшней исторіи.—«Записки Имп. Новоросс. Унив.», Томъ 64-й, Одесса.

Износковъ, И. А. О сѣнокосныхъ и друг. земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ Казани въ концѣ XVIII в.—«Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этногр.», Томъ XII, вып. 5, Казань.

Копыловъ, А. Θ. Минковецкое государство. (Окончаніе).—«Русскій Вѣстникъ», 1895, май.

Вороновъ, А. Г. О преобразованіяхъ въ началѣ царствованія Императора Николая I. V—VII.—«Русскій Вѣстн.», 1895, май.

Титовъ, Θ. И. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ (продолженіе). «Труды Кіев. Дух. Акад.» 1895, февраль.

Шаровъ, П. Большой Московскій соборъ 1666 — 1667 г. (продолженіе). — «Труды Кіев. Дух. Акад.», 1895, февр.

— Тоже (продолженіе). «Труды Кіев. Дух. Акад.», 1895, апрѣль.

Титовъ, Θ. И. Воспоминанія о преосвященномъ Иннокентіи, какъ ректорѣ Кіев. Дух. Академіи (съ предисловіемъ). «Труды Кіев. Дух. Акад.», 1895, апр.

Козловскій, И. Сильвестръ Медвѣдевъ.—«Унив. Извѣстія», 1895, № 2.

— Тоже (окончаніе). — «Унив. Изв.», 1898. № 3. Кіевъ.

Голубовскій, П. В. Проф. Исторія Смоленской земли до начала XV в. (продолженіе). — «Унив. Извѣстія», 1895, № 1. Кіевъ.

— Тоже (продолженіе) — «Унив. Извѣстія», 1895, № 2. Кіевъ.

Священно-инокъ Александръ. (Некрологъ).—«Братское Слово», 1895, №5.

Голубцовъ, А. П. Церковно-археологическій музей при Моск. Духовной Академіи. — «Богослов. Вѣстникъ», 1895, апрѣль.

Голубинскій, Е Е. Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ.— «Богословскій Вѣстн.», 1895, февр.

Лебедевъ, А. П. Нравственный обликъ, церковно-общественная дѣятельность, нестроенія и злополучія Константинопольской патріархіи (во второй половинѣ XV и XVI вѣковъ), (продолженіе). — «Богослов. Вѣстн.», 1895, мартъ.

Стукаличъ, В. К. Бѣлоруссія и Литва. —Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи.—Витебскъ, 1894, 1.

Русаковъ, Викторъ. Усыпальница русскихъ государей. Петропавловскій соборъ и его царскія гробницы. Изданіе Товарищества М.О.Вольфъ.— Спб. 1885.

Срезневскій. Путевыя письма Измаила Ивановича **Срезневскаго** изъ славянскихъ земель. 1839—1842. — Съ приложеніемъ карты. - Спб., 1895, 1

Даниловскій, А. Памяти Н. Н. Скалона.—«Педагогич. Сборникъ», 1895, апрѣль.

Рѣчи у могилы Андрея Карловича Феррейнъ. Москва, 1895, 1.

Дорогобужиновъ. Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, какъ онъ положилъ жизнь за царя. —Изданіе седьмое Общ. распр. полез. книгъ. — Москва, 1895, 1.

Сизова, А. Великій печальникъ русской земли святой Филиппъ, митрополитъ московскій. Изданіе Общ. распр. полез. книгъ. Москва, 1895, 1.

Желябужскій, Е. Отечественная война 1812 года и Кутузовъ. Изд. второе. Москва, 1895, 1.

Третьяковъ, А. Памяти А. Н. Муравьева. (Изъ № 1 «Русск. Обозр.», 1895).—Москва, 1895, 1.

Токмаковъ, И. Историко-статистическое и археологическое описаніе Церкви во имя преп. Сергія, Радонежскаго чудотворца въ селѣ Сергіевскомъ («Старая и Новая Москва», 6-й годъ, вып. I).—Москва, 1895.1.

Гредингеръ, Михаилъ. Основы питейной монополіи въ Россіи. Историко-юридическіе очерки. — Рига 1895, 1.

Жадовскій, П. На бастіонахъ Севастополя. Воспоминанія севастопольца изъ времени осады и штурма. Изд. Товарищества М. О. Вольфъ — Спб. 1895, 1.

Витевскій, В. Н., И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историч. монографія. Вып. 4-й. — Казань 1895, № 1.

Тихомировъ, Левъ. Конституціоналисты въ эпоху 1881 года. — Москва 1895, 1.

Монастырь. Домницкій Рождество-Богородицкій монастырь.—Черниговъ, 1895, 1.

Токмаковъ, И. Историко-статистическое и археологическое описаніе села Промзино-Городище, Алатырскаго у., Симбирской губ.—Москва 1895, 1.

Коротоякское дворянство. Случайныя замѣтки любителя генеалога.— Москва 1895, 1.

Савеловъ, Л. М. Донскіе дворяне Егоровы. (Родословіе) — Москва, 1895, 1.

Глинскій, Б. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ. Москва, 1895, 1.

Исаевъ, А. А. Переселенческое дѣло съ начала 80-хъ годовъ. (Изъ рѣчи на общемъ собраніи Общ. для вспомощ. нужд. переселенцамъ). - Спб. 1895, 1.

Рождественскій С. О Петрѣ Великомъ.—Два чтенія.—Изданіе **седьмое** Постоянной Коммиссіи по устройству народныхъ чтеній.—Спб., 1895, 1.

Ломанъ, Д. Н. Поруч. Царь-Миротворецъ Александъ III Императоръ Всероссійскій. Чтеніе для народа. Изданіе 5-е, исправленное и дополн.— Спб., 1895, 1.

Кавосъ-Дехтерева, Софія., А. Г. Рубинштейнъ. Біографическій очеркъ 1829—1894 г. и музыкальныя лекціи.— Съ двумя портретами. Спб., 1895, 1.

Тягуновъ, Я. Святая Русь. — Извлеченіе изъ Карамзина и друг. истор. сочиненій для назидательнаго чтенія православному русскому народу. Изд. второе, исправл.—Спб., 1895, 1.

Старый **профессоръ**. Замѣчательная эпоха въ исторіи русскихъ финансовъ.—Изъ Журнала «Юрид. Общ».— Спб., 1895, 1

Михневичъ, Н. Проф. П. Исторія военнаго искусства съ древнѣйшихъ временъ до начала девятнадцатаго столѣтія. -Спб., 1895, 1.

Орловъ, Н. А. Полк. Суворовъ на Треббіи въ 1799 году. **Второе** изданіе (съ портретами, виньетками и планами).—Спб., 1895, 1.

Сказаніе о предкахъ Царя. — Приложеніе къ альбому Домъ Романовыхъ. Изданіе Заведенія Графич. Искусс. Э. И. Маркусъ.—Спб., 1895, 32° 1.

Бахтіаровъ, А. Иванъ Өедоровъ, первый русскій книгопечатникъ. — Историч. очеркъ. Спб., 1895, 1.

Школа. Первая русская **школа** печат-

наго дѣла Имп. Русск. Техническ. Общ. Десятилѣтіе I. 1884 — 1894. Спб., 1895, 1.

Любимовъ, Неофитъ. Свящ. О заслугахъ св. в. братьевъ Кирилла и Меѳодія славянскому міру и нашему отечеству. — Симбирскъ, 1895, 1

Миропольскій, С. Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ перваго ея возникновенія на Руси до настоящаго времени. Вып. 2-й. — Спб. 1895, 1.

Геронтій іеромонахъ. Историческое описаніе Елецкаго Знаменскаго дѣвичьяго монастыря, что на Каменной горѣ. Елецъ, 1895, 1.

Памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра III Александровича - Миротворца и о посѣщеніяхъ имъ г. Костромы и Костромскаго поволжья. — Костромской календарь на 1895 г. Кострома, 1895, 1.

Московская Трифоновская церковь. (Историч. очеркъ).—Москва, 1895, 1.

Корсунскій, Иванъ. Зосимина пустынь Александровскаго уѣзда Владимірской епархіи. Историч. очеркъ и описаніе пустыни. — Сергіевъ Посадъ, 1895. 1.

Барсовъ, Н. Тридцатилѣтіе дѣятельности Одесскаго Болгарскаго настоятельства (съ 1854—1884) и матеріалы для исторіи освобожденія Болгаріи. Одесса, 1895, I.

Грушевскій, М Барское староство. Историч. очерки (XV—XVIII в.).— Кіевъ, 1894, 1.

Прощенко, В. Н. Историческая записка къ пятидесятилѣтію Александровскаго дѣтскаго пріюта въ Кіевѣ.— Кіевъ, 1895, 1.

Стороженко. А. В. Малоизвѣстныя сочиненія кіевскаго епископа (1589—1598) Іосифа Верещинскаго. — Переводъ съ 2-мя предисловіями и примѣчаніями А. В. **Стороженка**.—Кіевъ, 1895, 1.

Кващенко, В. Историческій очеркъ Умани и Царицына сада (Софіевки) Съ фотогравюрами.—Кіевъ, 1895, 1

вигъ Канкринъ, человѣкъ строптиваго нрава, былъ очень виднымъ дѣятелемъ и завѣдывалъ горнымъ, солянымъ и строительнымъ дѣломъ. Получивъ блестящее предложеніе со стороны русскаго правительства, онъ въ 1783 г. перешелъ на службу въ Россію оставивъ малолѣтняго сына на родинѣ. О томъ, какъ жилъ, развивался и учился Е. Канкринъ въ школьномъ возрастѣ, извѣстно весьма мало. Когда ему было 13 лѣтъ, отецъ вернулся на родину и прожилъ тамъ восемь лѣтъ — время, когда его сынъ кончалъ гимназическій (классическій) и университетскій курсъ. Въ университетѣ Канкринъ изучалъ преимущественно юридическія и камеральныя науки и окончилъ курсъ блестящимъ образомъ въ 1794 г. Еще въ студенческіе годы онъ написалъ романъ «Дагоберъ»,—и въ этомъ первомъ литературномъ произведеніи Канкрина встрѣчаются уже тѣ мысли, которыя онъ впослѣдствіи развилъ въ другихъ, болѣе зрѣлыхъ своихъ литературныхъ трудахъ и въ значительной степени осуществилъ въ своей замѣчательной государственной дѣятельности. Въ Россію Е. Канкринъ пріѣхалъ въ 1797 г., въ царствованіе Павла Петровича, и на первыхъ порахъ бѣдствовалъ, терпѣлъ нужду и голодъ, въ продолженіе почти шести лѣтъ. Въ это время онъ пробовалъ учительствовать, былъ коммиссіонеромъ, бухгалтеромъ,—словомъ, занимался чѣмъ попало. Въ 1800 году онъ былъ назначенъ помощникомъ къ своему отцу, продолжавшему состоять директоромъ старо-русскихъ солеваренъ; затѣмъ былъ переведенъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ экспедицію государственныхъ имуществъ по соленому отдѣлу. На первыхъ порахъ къ нему обращаются по дѣламъ его спеціальности, т. е. по лѣсному и соляному дѣлу. Возложенныя на него порученія Канкринъ исполнялъ такъ хорошо, что на него посыпались награды. Въ 1809 году Егоръ Францовичъ былъ назначенъ инспекторомъ всѣхъ петербургскихъ иностранныхъ колоній. Въ это время онъ написалъ одинъ чрезвычайно интересный трудъ, имѣвшій несомнѣнный успѣхъ и сильно повліявшій на дальнѣйшую его карьеру — «Отрывки, касающіеся военнаго искусства съ точки зрѣнія военной философіи». Вышедшій — какъ и нѣкоторыя другія его работы,— анонимно и выдержавшій два изданія, трудъ этотъ обратилъ на Канкрина вниманіе всего тогдашняго военнаго міра. Самъ императоръ заинтересовался личностью Канкрина и потребовалъ точной справки о немъ. Въ 1811 году Канкринъ назначается сперва помощникомъ генералъ-провіантмейстера, а затѣмъ въ самомъ началѣ войны — генералъ-интендантомъ первой западной арміи и вскорѣ всѣхъ дѣйствующихъ войскъ.

Мы не будемъ передавать содержанія остальныхъ главъ труда г. Сементковскаго, а отсылаемъ читателя къ этому интересному очерку, который написанъ живымъ, литературнымъ языкомъ и доставитъ полезное и пріятное чтеніе людямъ, интересующимся личностью этого, дѣйствительно замѣчательнаго русскаго дѣятеля первой половины истекающаго столѣтія.

Въ заключеніе своего очерка, авторъ, между прочимъ, говоритъ: «онъ создалъ мало п р о ч н а г о, но, тѣмъ не менѣе, несмотря на свои ошибки и заблужденія, принесъ громадную пользу»... «Отдаленнѣйшее потомство не забудетъ Канкрина, этого нѣмца, не научившагося правильно говорить и писать по-русски, но горячо преданнаго русскому народу»... «Онъ смѣло возвышалъ голосъ за освобожденіе крестьянъ съ землею; будучи министромъ финансовъ, проводилъ дни и ночи надъ разсчетами, какъ бы ослабить податное бремя; временно возстановилъ металлическое обращеніе и этимъ пресѣкъ источникъ безконечныхъ потерь для громаднаго большинства русскаго народа, преимущественно сельскаго люда».

Н. К-ш-ъ.

XIII.

А. С. Грибоѣдовъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографич. очеркъ А. М. Скабичевскаго. Съ портр. Грибоѣдова, гравир. въ Лейпцигѣ Геданомъ.

Имя А. М. Скабичевскаго, извѣстнаго знатока русской литературы, само по себѣ говоритъ за достоинство его очерка. Мы не станемъ передавать содержаніе этого очерка, а остановимся нѣсколько на заключительной главѣ труда г-на Скабичевскаго.

Въ этой главѣ авторъ говоритъ: «Существуютъ писатели, литературная дѣятельность которыхъ проявляется въ цѣломъ рядѣ болѣе или менѣе геніальныхъ произведеній по самымъ различнымъ отраслямъ поэзіи... Но есть иного рода геніи, вся творческая дѣятельность и, можно сказать, вся жизнь которыхъ исчерпывается созданіемъ одного великаго произведенія, которое возноситъ ихъ на недосягаемую высоту и въ продолженіе многихъ вѣковъ возвышается величественнымъ памятникомъ человѣческаго генія, своего рода маякомъ, ярко освѣщающимъ дѣла и мысли сотенъ поколѣній... Такимъ является и Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ со своей безсмертной комедіей «Горе отъ ума». Далѣе авторъ приводитъ взгляды на эту комедію Бѣлинскаго, Гончарова и Сенковскаго, и говоритъ объ общественномъ, историческомъ и общечеловѣческомъ значеніи комедіи Грибоѣдова.

Заканчиваетъ свой очеркъ г. Скабичевскій слѣдующими словами: «Комедія Грибоѣдова оставила такой глубокій слѣдъ въ нашей литературѣ, что еще до сихъ поръ едва только какой-либо писатель вздумаетъ написать комедію изъ интеллигентнаго слоя общества стихами, онъ никакъ не можетъ освободиться отъ грибоѣдовскаго стиля: неизбѣжно будетъ подражать и грибоѣдовскому разговорному языку, и грибоѣдовской манерѣ остроумія посредствомъ провербовъ, эпиграммъ и каламбуровъ». Н. К-ш-ъ.

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVI-й. **СЕНТЯБРЬ.** 1895 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1895 г.

☛ Редакціей отпечатаны и выпущены въ свѣтъ **«Записки С. Н. Глинки»**. Цѣна **3** руб., а для подписчиковъ «Русской Старины» на 1895 годъ **1** руб. **50** коп. ☚

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 страп. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подьяческая, 39.

Библіографическій листокъ.

Полезная библіотека. «Въ странѣ черныхъ христіанъ». (Очерки Абиссиніи). Ф. Волгина. Изданіе П. П. Сойкина. Ц. 50 к.

Книга г. Волгина представляетъ собою историко-географическій очеркъ страны черныхъ христіанъ,—Абиссинія. Въ немъ авторъ даетъ небезъинтересныя свѣдѣнія о природѣ этой страны, о характерѣ ея обитателей, знакомитъ насъ съ грустной исторіей этой «Страны Абая» и описываетъ путешествія, совершенныя въ эту страну русскими, начиная съ самыхъ первыхъ.

Очеркъ г. Волгина состоитъ изъ десяти главъ, написанъ недурнымъ языкомъ и снабженъ нѣсколькими иллюстраціями. По внѣшности книга издана вполнѣ удовлетворительно.

Н. Кашкадамовъ.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова.

XIII.

О. И. Сенковскій, его жизнь и литературная дѣятельность въ связи съ исторіей современной ему журналистики. Біографическій очеркъ Е. Соловьева. Съ портретомъ Сенковскаго, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

Авторъ этого интереснаго очерка, задавшись цѣлію — дать характеристику Сенковскаго, какъ русскаго журналиста, высказываетъ въ своей книгѣ, между прочимъ, слѣдующее:

Журналистика, хотя нѣсколько напоминающая современную намъ, выступила на сцену еще при жизни императора Александра I-го, въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія. Русская мысль того времени склонялась къ оптимизму, къ жизнерадостному настроенію и полному примиренію съ окружающимъ. Литература съ замѣчательнымъ талантомъ проводила эту точку зрѣнія на жизнь, во имя которой работалъ и Пушкинъ. Литературные нравы того времени такъ рѣзко отличались отъ нашихъ, что нужно особенное усиліе, чтобы составить о немъ хотя приблизительное понятіе; большинство публики смотрѣло на литературу какъ на роскошь, сами писатели даже и не мечтали ставить ей какія-нибудь практическія цѣли. Поэты творили прежде всего для самихъ себя, литература и жизнь ничего общаго между собою не имѣли. Литература служила обществу, гуманизировала его, воспитывала его мысль и чувство — это несомнѣнно. Цѣнителями и судьями былъ строго ограниченный кружокъ писателей-олимпійцевъ, мнѣніе массы игнорировалось. Въ дѣлѣ сближенія литературы и жизни журналистика имѣла выдающуюся, хотя и не исключительную роль. Конечно, только ей обязана Россія тѣмъ, что въ ней въ настоящее время такая масса читателей. Эту массу читателей журналистика создавала двумя путями: съ одной стороны давая ей интересное, разнообразное и доступное чтеніе, съ другой — популяризуя знанія и подводя читателей понемногу къ тѣмъ высотамъ, до которыхъ добралась художественная литература и наука. На этомъ поприщѣ дѣйствовалъ въ тридцатыхъ годахъ О. И. Сенковскій.

Профессоръ университета и блестящій лекторъ, знатокъ восточной литературы и Востока вообще, ученый, прекрасно владѣвшій языками—персидскимъ, арабскимъ, турецкимъ, коптскимъ, французскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ, русскимъ, польскимъ, итальянскимъ и испанскимъ, свободно писавшій на пяти языкахъ, и вмѣстѣ съ этимъ талантливый публицистъ, критикъ, авторъ безчисленныхъ повѣстей, единственный редакторъ и почти единственный сотрудникъ самаго распространеннаго въ то время журнала—«Библіотека для чтенія»—таковъ былъ Осипъ Ивановичъ Сенковскій съ внѣшней стороны своей дѣятельности. Громадная память, блестящій умъ и не менѣе блестящая фантазія, невѣроятное трудолюбіе, разносторонній талантъ и энциклопедическое образованіе — дѣлали его самымъ замѣтнымъ и вліятельнымъ человѣкомъ среди русскихъ журналистовъ.

Въ тридцатыхъ годахъ «Библіотека для чтенія» была единственнымъ журналомъ, который читали, Сенковскій — единственнымъ критикомъ, котораго слушали. Вычеркните его дѣятельность,—и у насъ нѣтъ журналистики тридцатыхъ годовъ. Это была маленькая и скромная журналистика —согласны, но другой въ то время и быть не могло. Она будила мысль дремавшей россійской публики, первая проникла въ провинцію, первая встряхнула ее и пріучила наше общество къ журналу, сдѣлала его необходимымъ для интеллигентной семьи, создала, наконецъ, новый типъ журнала.

Іосифъ-Юліанъ Сенковскій родился недалеко отъ Вильны, въ помѣстьѣ своей матери Антоколь, 18-го марта 1800 года. Быстрыя способности, при необыкновенной памяти, облегчили первоначальное домашнее воспитаніе мальчика. Происходило оно подъ надзоромъ образованной матери, которая до конца своей жизни съ восторгомъ слѣдила за блистательными учеными и литературными успѣхами своего сына. Сенковскій рано познакомился съ классическими языками и четырнадцати лѣтъ по-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1895 г.

СЕНТЯБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39
1895.

ЗАПИСКИ ВАСИЛІЯ АНТОНОВИЧА ИНСАРСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XVII.

Моя сборы къ отъѣзду.—Блестящій праздникъ по случаю перехода моего на Кавказъ.—Разореніе петербургскаго моего гнѣзда. — Распродажа вещей.— Возня съ экипажами.—Неожиданныя препятствія къ отъѣзду. — Корь сына, потомъ другихъ дѣтей, потомъ жены. — Рѣшимость ѣхать безъ семейства.— Тягость разлуки.—Мой отъѣздъ изъ Петербурга.

Едва-ли нужно говорить, что предстоящій мой отъѣздъ на Кавказъ производилъ большой шумъ въ муравейникѣ, къ которому я принадлежалъ. Почтовый міръ я могъ назвать своею семьею. Природа меня одарила, такъ называемою, широкою русскою натурою, въ которой довольно рѣдкимъ образомъ соединялись способности дѣловыя и способности къ кутежамъ всякихъ родовъ и видовъ. Я пилъ великолѣпно и не уступалъ никакимъ мастерамъ въ этомъ отношеніи; пѣлъ отлично пѣсни, и тамъ, гдѣ былъ я, непремѣнно образовывался хоръ, какъ бы ни были бѣдны матеріалы; говорилъ спичи, возбуждавшіе шумныя рукоплесканія; съ барынями, какъ говорится, разсыпался мелкимъ бѣсомъ. Всѣ эти свойства, во времена моей молодости, давали мнѣ большой ходъ и значительные успѣхи въ обществѣ. По-

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1895 года августъ.

*

нятно, что они же привлекали мнѣ общую любовь, которою я былъ окруженъ и въ почтовомъ мірѣ. Послѣдствіемъ этихъ же свойствъ было и слѣдующее, замѣчательное въ моей жизни, событіе.

Въ одинъ прекрасный день, какъ говорится, я былъ приглашенъ А—кимъ, о которомъ я говорилъ выше, на завтракъ, въ 2 часа. Рѣшительно ничего не подозрѣвая, въ назначенное время я отправился къ нему. Жилъ онъ тогда въ своемъ домѣ, у Кокушкина моста, убранномъ и меблированномъ на довольно роскошную ногу. Подъѣзжая къ этому дому, я былъ пріятно пораженъ огромнымъ числомъ ямщичьихъ троекъ, окружающихъ домъ, съ прекрасно одѣтыми кучерами, съ многоразличными бубенцами и лентами въ гривахъ лошадей. Я сейчасъ понялъ, что приготовляется загородная прогулка, одно изъ любимѣйшихъ удовольствій нашего кружка. Весьма часто Лаубе, я и нѣсколько нашихъ друзей, экспромптомъ собравшись, посылали за курьерскими тройками и вихремъ мчались или на Среднюю Рогатку, блаженной памяти, или въ Стрѣльну, ужинали тамъ и быстро возвращались. Мнѣ представилось, что теперь предназначено совершить одну изъ этихъ поѣздокъ, но только en grande. Когда я вошелъ въ домъ, тамъ было уже огромное общество мужчинъ и дамъ, по обычаю встрѣтившихъ меня радушно. Скоро всѣ расположились за роскошнымъ завтракомъ. Послѣ завтрака стали разносить и предлагать какіе-то лотерейные билеты, которые указывали, на какой и подъ какимъ номеромъ тройкѣ взявшій билетъ долженъ ѣхать. Троекъ, какъ я сказалъ, было безчисленное множество, чтó не было нисколько удивительно потому, что А—кій содержалъ всю Петербургскую губернію и располагалъ тысячами почтовыхъ лошадей. Когда стали раздавать эти билеты, у меня явилось понятное опасеніе: съ кѣмъ мнѣ придется ѣхать? Кто знаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ сосѣдство такъ важно, что можетъ или возвысить, или совершенно уничтожить прелесть поѣздки. Но я сталъ замѣчать, что раздаватели билетовъ видимо меня обходили, и, когда я самъ тянулся за билетомъ, мнѣ давали различныя объясненія, что получу билетъ послѣ, или что нѣкоторые отправятся безъ билетовъ. Все это меня смущало, и я никакъ не могъ постигнуть, почему у меня нѣтъ билета, тогда какъ всѣ другіе ожидали отъѣзда съ билетомъ въ рукахъ. Я начиналъ

конфузиться и разбирать вопросъ: почему же меня пригласили, когда для меня нѣтъ мѣста въ поѣздѣ.

Но прежде, нежели я могъ составить какія-либо соображенія, подходитъ ко мнѣ милѣйшая хозяйка, жена А—каго, урожденная Вилламова, дочь извѣстнаго Вилламова, бывшаго статсъ-секретаремъ императрицы, и сестра не менѣе извѣстнаго генералъ-адъютанта Вилламова, бывшаго, кажется, начальникомъ гвардейской артиллеріи. Она не была хороша собой, но имѣла въ себѣ много милаго и симпатичнаго, много той женственной граціи, которая привлекаетъ сильнѣе красоты. Предложивъ мнѣ руку, она объявила мнѣ, что мы: т. е. я, она и ея мужъ отправимся на неномерной тройкѣ. Пораженный такимъ исключительнымъ вниманіемъ, я не могъ не замѣтить, что въ эту минуту взоры всѣхъ были устремлены на меня, и въ головѣ моей впервые пронеслась мысль: не мнѣ ли предназначено быть героемъ праздника? Съ этою, еще неясною и неопредѣленною, мыслью, я повелъ свою даму къ подъѣзду, гдѣ ожидали насъ роскошно убранныя коврами сани, заложенныя знаменитою, призовою тройкою сѣрыхъ лошадей, въ то время извѣстныхъ всему Петербургу по тѣмъ побѣдамъ, которыя она постоянно одерживала на зимнихъ бѣгахъ. Огромныя толпы народа засыпали буквально обѣ стороны Екатерининскаго канала и ждали, когда тронется этотъ небывалый поѣздъ. Когда мы усѣлись въ сани и тронулись, за нами потянулась нескончаемая вереница номерныхъ саней, въ которыхъ размѣстилось все общество. Безчисленные бубенцы и колокольца производили оригинальный шумъ; пристяжныя вились кольцами; на всѣхъ улицахъ, гдѣ показывался этотъ поѣздъ, народъ останавливался и съ недоумѣніемъ разсматривалъ его.

Когда выбрались за заставу, наша знаменитая тройка вихремъ понеслась; за нею понеслись всѣ другія. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, я предложилъ своимъ спутникамъ остановиться и пропустить мимо насъ весь поѣздъ, чтобъ лучше полюбоваться поэтическимъ видомъ его. Когда мы остановились и съѣхали немного въ сторону, троекъ сорокъ или пятьдесятъ промчались мимо насъ, полускрываемыя тучами снѣга, который взрывался копытами лошадей. Видъ былъ, дѣйствительно, великолѣпный. Для нашей призовой тройки ничего

не стоило потомъ обогнать всѣхъ и снова стать во главѣ поѣзда. Надобно замѣтить, что хотя я и началъ понимать, что эта великолѣпная поѣздка сочинена для меня, но я рѣшительно не зналъ, что дальше будетъ и чѣмъ она будетъ заключена? Поэтому я чрезвычайно удивился, когда, поравнявшись съ Сергіевскимъ монастыремъ, наша тройка повернула въ ворота монастыря, а за нею направились туда же всѣ другія тройки. Хотя было уже часа четыре, т. е. время обѣденное, но я никакъ не могъ признать основательнымъ предположеніе, что обѣдъ приготовленъ въ монастырѣ. Еще болѣе удивился я, когда сани наши остановились предъ папертью церкви, на которой я увидѣлъ значительное число монаховъ, очевидно ожидавшихъ нашего прибытія.

Все общество вошло въ церковь, зажглись свѣчи, и началось торжественное молебствіе. Часто повторяемое слово: «болярина Василія» разрѣшило всѣ мои сомнѣнія, особенно, когда голосистый діаконъ громогласно провозгласилъ мое многолѣтіе. Благолѣпное служеніе, изящное пѣніе, которымъ такъ славился Сергіевскій монастырь, по крайней мѣрѣ въ то время, группы нашего общества, разсѣянныя въ полуосвѣщенной церкви—все это составляло что-то таинственное и великолѣпное. Меня, однако, тотчасъ начала тревожить мысль, что я долженъ стать, какъ герой праздника, въ исключительное, натянутое положеніе и не забывать, что на меня обращено будетъ общее вниманіе. Мысль эта тѣмъ мучительнѣе была для меня, что я рѣшительно не ожидалъ роли, которую долженъ былъ исполнять въ этотъ день, роли почетной, но въ то же время очень стѣснительной. Но дѣлать было нечего, и я долженъ былъ положиться на мои таланты, которые никогда мнѣ не измѣняли. Я тотчасъ сообразилъ, что дѣло будетъ вертѣться преимущественно на спичахъ, которые мнѣ будутъ говорить и которые я буду говорить, а на этой почвѣ я былъ уже довольно силенъ и опытенъ.

По окончаніи молебна, снабженный огромной просфорой, я благодарилъ всѣхъ, какъ умѣлъ, за такое вниманіе ко мнѣ и въ особенности Николая А—каго, который очевидно былъ авторомъ и царемъ этого праздника. Потомъ, прежнимъ порядкомъ, мы разсѣлись въ сани и помчались далѣе. Между тѣмъ наступила мо-

розная ночь, и на безоблачномъ небѣ великолѣпно взошла луна. Эта другая часть путешествія продолжалась не долго, ибо на снѣжныхъ и уединенныхъ пространствахъ скоро предсталъ предъ нами, какъ сказочный дворецъ, Стрѣльнинскій почтовый домъ, буквально залитый огнями.

Когда мы вошли въ ярко освѣщенныя комнаты, я замѣтилъ, что онѣ заимствовали на этотъ случай значительную часть того комфорта, которымъ отличался петербургскій домъ А — каго. Тутъ было все: прекрасная мебель, лампы, люстры, бронза, зеркала. При самомъ входѣ нашемъ дамы и мужчины раздѣлились по своимъ уборнымъ, нарочно приготовленнымъ, въ которыхъ и приводилось въ порядокъ все, что требовало возстановленія порядка. На дамской половинѣ, безъ сомнѣнія, хранились свѣжіе наряды, заранѣе присланные.

Въ назначенный часъ данъ былъ знакъ идти къ обѣду, хотя никакихъ признаковъ обѣда въ открытыхъ комнатахъ, въ которыхъ мы находились, не было. Опять милая m-me А — кая взяла меня подъ руку и повела чрезъ эти комнаты. Мгновенно раскрылась предъ нами дверь столовой, залитой потоками яркаго свѣта. Въ тотъ же моментъ грянулъ оркестръ музыки, искусно закрытый оранжерейными деревьями; вся зала заставлена была столами, великолѣпно убранными всѣми принадлежностями. Главный изъ этихъ столовъ въ особенности обремененъ былъ роскошнымъ убранствомъ. Цвѣты, канделябры, лампы и какія-то декоративныя украшенія изъ зелени перемѣшаны были въ самомъ изящномъ безпорядкѣ, Предъ однимъ изъ этихъ украшеній помѣстились мы съ m-me А — кой; напротивъ сѣлъ самъ А — кій, имѣя по сторонамъ почетнѣйшихъ изъ гостей, изъ которыхъ никогда не забуду милѣйшаго и добрѣйшаго Всеволода Никандровича Жадовскаго, извѣстнаго всему Петербургу по своей бѣлой бородѣ и особенно по своему неизсякаемому добродушію и милой общественности.

Обѣдъ начался и продолжался шумно и весело. Наконецъ наступилъ моментъ спичей. Первый всталъ и началъ говорить А—кій. Долго онъ восхвалялъ мои достоинства, выражалъ горесть разлуки со мной, выражалъ, что Кавказъ счастливъ, пріобрѣтая меня, и т. п. Въ заключеніе онъ сказалъ, что ко мнѣ вполнѣ при-

лагается изреченіе поэта: «блаженъ, кто умъ и дружбу дѣлами правды освятилъ». Съ этими словами онъ сорвалъ стоявшее предо мною какое-то украшеніе изъ зелени и прибавилъ: «это изреченіе друзья ваши начертали на этомъ кубкѣ, который да напоминаетъ вамъ нашу горячую любовь и дружбу». Когда украшеніе было сорвано, предъ глазами присутствующихъ явилась великолѣпная по изяществу и по размѣрамъ серебряная, вызолоченная ваза, помѣщенная на особомъ пьедесталѣ. Въ слѣдъ затѣмъ она была снята съ пьедестала, и въ нее разомъ были влиты съ обѣихъ сторонъ двѣ, нарочно приготовленныя, бутылки шампанскаго. А—кій приподнялъ ее, провозгласилъ мое здоровье, приложилъ ее къ губамъ и потомъ передалъ сосѣду, отъ котораго она пошла далѣе. Такимъ образомъ ваза продолжала ходить кругомъ стола; крики и шумъ не умолкали. Потомъ говорилъ рѣчь Жадовскій, за нимъ братъ А—каго, Андрей, и многіе другіе. Я выслушивалъ спичъ и мгновенно отвѣчалъ съ безпримѣрнымъ успѣхомъ. Я былъ счастливъ и, какъ говорится, въ ударѣ. Прекрасныя слова, проникнутыя чувствомъ, лились рѣкой, такъ что и тѣ, которые хорошо знали меня, были изумлены моимъ краснорѣчіемъ. Но я не удовольствовался отраженіемъ только спичей, ко мнѣ обращенныхъ, но говорилъ тосты за многихъ другихъ и между прочимъ сказалъ спичъ дамамъ, который привелъ ихъ въ неописанный восторгъ.

Въ концѣ обѣда одушевленіе, веселье, самое дружеское настроеніе достигли невыразимой степени, чему, конечно, значительно содѣйствовала моя ваза, такъ сказать, окончательно потерявшая свою почву и неустанно переходившая изъ рукъ въ руки. Послѣ обѣда тотчасъ начались танцы. Оживленіе постоянно возрастало. Танцы прерывались пѣніемъ. Между гостями былъ какой-то гвардейскій офицеръ, обладавшій великолѣпнымъ теноромъ; между дамами обозначилось удовлетворительное сопрано; я занялъ позицію баритона, и мы втроемъ весьма удачно исполнили нѣсколько наиболѣе любимыхъ вещей изъ различныхъ оперъ и преимущественно изъ «Жизни за царя». Вечеръ промчался быстро и заключился ужиномъ, послѣ котораго на тѣхъ же тройкахъ и тѣмъ же порядкомъ помчались въ Петербургъ.

На своемъ вѣку я много видѣлъ различныхъ праздниковъ, но

такого роскошнаго и главное такого одушевленнаго въ безконечномъ ряду ихъ не было. Кромѣ щедрости и роскоши, которыя виднѣлись во всемъ, тутъ было много ума, вкуса, изящества. Наконецъ соединеніе пятидесяти великолѣпныхъ троекъ—такая вещь, повтореніе которой положительно трудно. Что касается до великолѣпной вазы, прекраснаго произведенія талантливаго Сазикова, то она сопровождала меня на Кавказъ и доселѣ составляетъ драгоцѣннѣйшую изъ моихъ вещей не столько по цѣнности ея, сколько по моральному ея значенію.

Обращаясь къ моему отъѣзду на Кавказъ, я считаю лишнимъ говорить о сложныхъ приготовленіяхъ къ этому событію, особенно въ семейномъ быту. Они понятны сами собою. Разумѣется, прежде всего, предстояло распродать безчисленное количество вещей, составлявшихъ мое хозяйственное устройство въ Петербургѣ. Но операція эта меня не затруднила и совершилась просто и быстро. Я самъ назначилъ умѣренныя цѣны всѣмъ вещамъ и объявилъ распродажу ихъ въ кругу своихъ сослуживцевъ и знакомыхъ. Всѣ знали, что вещи хороши, и скоро расхватали ихъ.

Экипажная часть сильно озабочивала меня. Надобно замѣтить, что, воспитанный, такъ сказать, по этой части въ высокой школѣ князя Барятинскаго, я имѣлъ у себя, какъ говорится, «хорошее заведеніе». Лошадей, дрожки, сани, сбрую и всю конюшенную рухлядь я скоро продалъ; но карету и коляску, прекрасные экипажи, лучшихъ мастеровъ, я рѣшился переслать на Кавказъ. Пересылка эта оказывалась однако страшно дорогою; въ то же время я долженъ былъ пріобрѣсти собственно для моего переѣзда съ семействомъ дорожные экипажи, что̀ также требовало значительныхъ издержекъ. Въ этихъ непріятныхъ соображеніяхъ, я однажды услышалъ наивный вопросъ жены моей: «почему намъ самимъ не ѣхать въ каретѣ и коляскѣ, вмѣсто того, чтобъ пересылать ихъ за дорогую цѣну?» Мои экипажи были чисто городскіе, и потому вопросъ этотъ показался первоначально просто нелѣпымъ, но въ то же время весьма извинительнымъ со стороны женщины, совершенно не практической. Однакоже, при постоянныхъ моихъ совѣщаніяхъ съ каретниками, я на всякій случай, хотя очень боязливо, повторилъ предъ ними этотъ вопросъ, и къ несказанному моему удивле-

нію онъ нисколько не показался имъ нелѣпымъ. Каретникъ Тацки, взявшій съ меня за коляску 1.200 р., сказалъ, что съ нѣкоторыми приспособленіями, какъ напр. прибавкою рессорныхъ листовъ, придѣлкою важей и т. п. она можетъ отлично сдѣлать это путешествіе и замѣнить четырех-мѣстную карету. Авторъ двухмѣстной моей кареты, Штофенгагенъ, сказалъ относительно ея то же самое. Я чрезвычайно обрадовался такому открытію, которое избавляло меня отъ издержекъ на пересылку этихъ экипажей и покупку особыхъ дорожныхъ экипажей. Рѣшено было, что я съ женой поѣду въ каретѣ, а дѣти съ гувернантками и няньками поѣдутъ въ четвероместной колясвѣ, посредствомъ фордека обращенной тоже въ карету. Для болѣе теплаго устройства этого экипажа, я пожертвовалъ даже старую мою енотовую шубу, которою и были обшиты внутреннія стѣны коляски. Я почти ежедневно самъ наблюдалъ за превращеніемъ моихъ городскихъ экипажей въ дорожные и видѣлъ, что превращеніе это обѣщаетъ спокойный переѣздъ.

Какъ ни желаю я избѣгать изложенія моихъ семейныхъ обстоятельствъ, являются, однакоже, случаи, гдѣ избѣгнуть этого невозможно безъ ущерба для полноты моей правдивой исторіи. Въ одно время съ приготовленіемъ моихъ экипажей разрабатывался одинъ важный въ моемъ семейномъ быту вопросъ, состоявшій въ тѣсной связи съ предстоящимъ отъѣздомъ. Надобно сказать, что въ это время у меня было трое дѣтей: сынъ Анатолій, лѣтъ десяти, дочь Серафима, лѣтъ шести, и другой сынъ Леодоръ, лѣтъ четырехъ. Предполагая отдать старшаго сына Анатолія для воспитанія и образованія въ Александровскій лицей, я помѣстилъ его предварительно въ извѣстный существовавшій тогда пансіонъ Лялина, занимавшійся спеціально приготовленіемъ мальчиковъ къ лицею, гдѣ, т. е. въ пансіонѣ, Анатолій и находился уже болѣе года.

Понятно, что при переходѣ моемъ на Кавказъ, предо мной сталъ весьма серьезный вопросъ: что дѣлать съ Анатоліемъ, т. е., взять ли его съ собою или оставить здѣсь? Вопросъ этотъ требовалъ сложныхъ соображеній, совѣщаній, изслѣдованій, такъ-что въ немъ приняли участіе всѣ мои сослуживцы и знакомые. Мнѣнія, какъ

и всегда, раздѣлились. Одни говорили, что надо всему предпочесть интересы воспитанія и образованія Анатолія; что ни то, ни другое, конечно, не можетъ быть совершено такъ удовлетворительно и успѣшно въ Тифлисѣ, какъ здѣсь и преимущественно въ лицеѣ, куда уже, такъ сказать, направленъ путь; однимъ словомъ, эта партія совѣтниковъ утверждала, что Анатолія надо оставить здѣсь, установивъ, разумѣется, доброе за нимъ наблюденіе и попеченіе посредствомъ моихъ знакомыхъ, которые, по возможности, замѣняли бы въ отношеніи къ нему насъ самихъ. Другіе, напротивъ, полагали, что отрывать этого мальчика, съ такихъ раннихъ лѣтъ, отъ семейства было бы чрезвычайно вредно во всѣхъ отношеніяхъ; что въ его возрастѣ рано еще думать о серьезномъ образованіи, а приготовительное можетъ быть сдѣлано и тифлисскими пансіонами; что разлука съ нимъ, при отъѣздѣ въ такой отдаленный край, была бы, особенно для материнскаго сердца, слишкомъ тяжелой и не совсѣмъ нужной жертвой, и что, наконецъ, Анатолія, для котораго, конечно, никто и ничто не можетъ замѣнить семейства, непремѣнно нужно взять съ собой.

Это послѣднее мнѣніе сильно тянуло меня на свою сторону, потому особенно, что жена моя съ какимъ-то сильнымъ предубѣжденіемъ смотрѣла вообще на мой переходъ и не только нисколько не сочувствовала ему, но какъ-то инстинктивно боялась его. Ясно было, что если при такомъ настроеніи разлучить ее еще съ Анатоліемъ на огромное разстояніе и на неопредѣленное время, въ моемъ семейномъ быту могутъ явиться черты, вовсе неутѣшительныя, и впереди всего женскія слезы. Словомъ, я рѣшился взять Анатолія на Кавказъ и за день до отъѣзда собственноручно получилъ его изъ пансіона.

Надо замѣтить, что въ то время въ пансіонѣ Лялина существовала корь; но Анатолій былъ совершенно здоровъ, и съ этой стороны, казалось, не могло быть никакихъ опасеній; между тѣмъ, восхищенный предстоящимъ отъѣздомъ, онъ въ тотъ же вечеръ, какъ былъ взятъ изъ пансіона, сталъ чувствовать всѣ симптомы этой болѣзни. На другой день корь обнаружилась во всей своей несомнѣнности. Легко понять, до какой степени это обстоятельство непріятно поразило насъ, разстраивая наши планы и, главное, замедляя нашъ

отъѣздъ, что́ было особенно неудобно по многимъ причинамъ. Мнѣніе докторовъ опредѣлило, что болѣзнь опасности не представляетъ, но что ранѣе двухъ недѣль мальчика везти въ дорогу рѣшительно невозможно. Дѣлать было нечего; я рѣшился ждать истеченія двухъ недѣль, хотя князь Александръ Ивановичъ требовалъ настоятельно скорѣйшаго моего пріѣзда, а съ другой стороны мнѣ грозило исчезновеніе саннаго пути, особенно при моемъ направленіи на югъ. Условленныя двѣ недѣли стали истекать, но въ то время, когда я съ особенною живостью снова принялся за хлопоты, связанныя съ отъѣздомъ, корь перешла къ другимъ дѣтямъ и прежде, нежели я могъ сообразить, какъ управиться съ новымъ затрудненіемъ, сама жена заболѣла корью.

Тутъ ужь я рѣшительно, какъ говорится, потерялъ голову. Тутъ уже, независимо отъ простаго замедленія нашего отъѣзда, являлось другое, непреоборимое затрудненіе. Жена моя находилась, какъ говорится, въ интересномъ положеніи и даже во второй половинѣ этого положенія. Доктора сказали, что по истеченіи времени, необходимаго для борьбы съ корью, жена моя не можетъ предпринять столь отдаленной поѣздки, безъ явной опасности. Мое положеніе просто дѣлалось безвыходнымъ: предстояло или оставить жену въ Петербургѣ и обречь ее, во-первыхъ, одиночеству въ такой моментъ, который не только приближаетъ женщину къ гробу, но часто и валитъ туда, и, во-вторыхъ, отдѣльному потомъ, съ маленькими дѣтьми, путешествію въ край, отстоящій на тысячи верстъ, или везти съ собою беременную женщину съ опасностью засѣсть гдѣ-нибудь, въ случаѣ ея болѣзни и даже извѣстнаго въ семейномъ быту грознаго момента, на грязной станціи и безъ всякой помощи.

Между тѣмъ князь продолжалъ требовать ускоренія моего прибытія. Выше уже приведены многія черты, показывающія его полнѣйшее равнодушіе къ его собственному семейству; слѣдовательно, трудно было ожидать, чтобы онъ оказался внимательнымъ къ нѣжностямъ другаго семейства, еслибы я и вздумалъ передать ихъ ему. Конецъ концовъ былъ тотъ, что я рѣшился ѣхать одинъ и взять съ собою только Анатолія, уже совершенно выздоровѣвшаго, а жену съ остальными дѣтьми оставить на волю Божію и попеченіе добрыхъ людей. Этихъ добрыхъ людей я особенно видѣлъ много въ почто-

вомъ вѣдомствѣ, которое поэтому и считалъ какимъ-то родственнымъ міромъ. Изъ ряда многихъ доказательствъ, что я не ошибался, достаточно сказать, что, несмотря на то, что обширная квартира, мною занимаемая, получила уже другое назначеніе и что тѣ, кому она была отдана, съ нетерпѣніемъ ожидали полнаго ею обладанія, квартира эта, со всѣми ея привилегіями, оставалась въ полномъ распоряженіи моей жены въ теченіе восьми мѣсяцевъ и именно съ февраля, когда я уѣхалъ, по сентябрь, когда она отправилась. Я былъ убѣжденъ, что подъ покровительствомъ высшихъ лицъ этого вѣдомства семья моя будетъ ограждена отъ всякихъ бѣдъ и напастей. Прянишниковъ, сдѣлавшійся главноначальствующимъ, былъ знакомъ съ нами семейнымъ образомъ и нерѣдко бывалъ у насъ съ своей женой, женщиной простой, но чрезвычайно доброй, точно такъ же, какъ и мы бывали у нихъ. Съ Лаубе, сдѣлавшимся директоромъ почтоваго департамента и слѣдовательно главнымъ двигателемъ и распорядителемъ въ этомъ вѣдомствѣ, я лично связанъ былъ самыми дружественными отношеніями. Кромѣ того всѣ Барятинскіе, Давыдовы, Кочубеи были, такъ сказать, отвѣтственными охранителями моей семьи. Князь Леонъ Кочубей требовалъ даже, чтобы жена моя, какъ только оправится отъ кори, отправилась въ его знаменитую Диканьку, провела тамъ все время до отъѣзда на Кавказъ и даже совершила тамъ процессъ разрѣшенія, на томъ основаніи, что въ Диканькѣ, по его удостовѣренію, были отличные доктора и повивальныя бабки. Отъ этой чести, разумѣется, я уклонился. Въ заключеніе, какъ сказано уже выше, я поручалъ жену мою покровительству командира Кавказскаго комитета, милѣйшаго Вл. Петр. Буткова.

Такимъ образомъ съ внѣшней, такъ сказать, стороны семья моя была обставлена довольно удовлетворительнымъ и прочнымъ образомъ; за всѣмъ тѣмъ во внутреннемъ моемъ семейномъ бытѣ не обошлось безъ тоски, горя и слезъ, тѣмъ болѣе, что до того времени всѣ мы были въ кучѣ и не думали когда-нибудь испытать разлуку, которой кавказскій характеръ придавалъ видъ и свойства какого-то бѣдствія. Въ особенности въ кругу женскаго міра все это событіе признавалось за положительное бѣдствіе, и многія утверждали, что онѣ ни за какія горы золота не рѣшились бы ѣхать въ такой страшный

край, гдѣ на всякомъ шагу рѣжутъ, забираютъ въ плѣнъ и т. п. Пропасти, окружающія Военно-Грузинскую дорогу, украшенныя женскимъ живымъ воображеніемъ, наводили не меньшій ужасъ. Толковъ и разсказовъ о томъ, какъ валятся туда сплошь и рядомъ путешественники, особенно тѣ, которые не привязываются веревками къ экипажу, не было конца. Понятно, какое милое впечатлѣніе производили всѣ эти вещи на жену, надѣленную самымъ живымъ и воспріимчивымъ воображеніемъ. Я долженъ сказать, что тоже испытывалъ самыя тяжелыя чувства, вовсе не отъ предстоящаго плѣна, проваловъ, пропастей и т. п., а отъ предстоящей продолжительной разлуки.

Здѣсь неизлишне замѣтить, что жена моя была существо, очень оригинальное. Какъ ни странно это со стороны мужа, но, во имя правды, я долженъ сказать, что не встрѣчалъ въ жизни человѣка, который бы надѣленъ былъ болѣе богатымъ мышленіемъ. Когда рѣчь заходила о какомъ-либо отвлеченномъ предметѣ: вѣрѣ, любви и т. п., она поражала меня и другихъ непреоборимою логикою. Въ продолженіе моихъ записокъ мнѣ придется привести нѣкоторыя изъ ея писемъ, которыя, надѣюсь, и оправдаютъ мой взглядъ. Но тутъ оригинальнаго еще ничего нѣтъ. Мало ли на свѣтѣ умныхъ женщинъ? Оригинально то, что при блестящемъ мышленіи, при столь же блестящемъ дарѣ слова, въ практической жизни она была ниже десятилѣтняго ребенка. Эта двойственность была причиною значительныхъ между нами недоумѣній, тѣмъ болѣе, что въ жизни нашей, какъ и всюду, требовалось не столько выспреннихъ разсужденій, сколько практическаго умѣнья управляться съ обстоятельствами, образующими внутренній бытъ буржуа средней руки. Въ моемъ присутствіи эта часть, конечно, упадала на мою долю; съ моимъ отъѣздомъ моя неопытная, непрактическая жена становилась лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью и должна была, во-первыхъ, въ теченіе семи или восьми мѣсяцевъ, жить одна въ Петербургѣ, да еще въ самомъ тяжеломъ и опасномъ для каждой женщины положеніи, а во-вторыхъ, совершить съ маленькими дѣтьми трудное и далекое путешествіе. Понятно, что для сколько-нибудь порядочнаго семьянина, какимъ я имѣлъ право всегда считать себя, всѣ эти соображенія представляли мало утѣшительнаго,

и потому-то, какъ я сказалъ, душа моя была полна самыхъ тревожныхъ ощущеній.

Само собою разумѣется, что въ этихъ соображеніяхъ я рѣшилъ сколь можно облегчить во всѣхъ отношеніяхъ переѣздъ жены на Кавказъ и съ этою цѣлію забрать съ собою всѣ вещи, предназначенныя къ передвиженію туда. Какъ ни старались мы ограничить число этихъ вещей, однакоже, когда онѣ были уложены и упакованы—то образовали ящики ужасающихъ размѣровъ. Въ нихъ заключались: серебро, бронза, хрусталь, фарфоръ,—однимъ словомъ, все то, что представляло особенную цѣнность, какъ говорится: les objets de luxe и что обрекать распродажѣ было бы и жаль и не удобно; жаль потому, что настоящей цѣны, разумѣется, нечего было и ожидать; не удобно потому, что пріобрѣтать подобныя же вещи, необходимыя въ каждомъ порядочномъ домѣ, въ Тифлисѣ было бы разорительно, а быть можетъ и вовсе невозможно.

Уложенные такимъ образомъ эти монстры-ящики наполняли мои комнаты и, изумляя своею громадностью моихъ знакомыхъ, ставили ихъ въ недоумѣніе: что я стану съ ними дѣлать? Когда я отвѣчалъ, что повезу съ собой, изумленіе ихъ достигало высшей степени и разражалось мнѣніями и убѣжденіями о совершенной невозможности такого предпріятія. Нѣтъ сомнѣнія, что я самъ бы счелъ его безумнымъ, еслибы не принадлежалъ доселѣ къ почтовому вѣдомству, не оставался съ нимъ въ отличныхъ отношеніяхъ и не былъ убѣжденъ, что всѣ средства этого вѣдомства будутъ употреблены въ мою пользу. На подорожную, данную мнѣ изъ Кавказскаго комитета, въ которой было сказано, что я ѣду по Высочайшему повелѣнію, что меня надо везти на курьерскихъ, я мало разсчитывалъ; сила моя заключалась въ особо сочиненномъ предложеніи на мое имя, которымъ почтовое вѣдомство, пользуясь моимъ переѣздомъ на Кавказъ, не только уполномочивало, но убѣдительно просило обозрѣть состояніе почтовыхъ станцій на этомъ трактѣ и увѣдомить о послѣдующемъ. Такимъ образомъ, я являлся уже не проѣзжимъ только, хотя бы и по Высочайшему повелѣнію, какихъ станціонные смотрители видали много на своемъ вѣку, а ревизоромъ почтовыхъ станцій, отъ котораго зависѣло, по своему благоусмотрѣнію, свернуть голову любому изъ этихъ господъ. Объ этомъ воз-

ложенномъ на меня порученіи дано заблаговременно знать почтовымъ станціямъ по тракту, такъ называемымъ открытымъ предписаніемъ, и я зналъ, что тамъ будутъ ожидать меня ежедневно со страхомъ и трепетомъ.

Дня за два до моего персональнаго отъѣзда, я отправилъ свою карету и всѣ свои ящики въ Москву съ человѣкомъ, который долженъ былъ меня сопровождать на Кавказъ и которому поручено было къ моменту моего пріѣзда приготовить рѣшительно все и, въ особенности, уложить громадные мои ящики въ громаднѣйшія сани, въ которыхъ возятъ почту съ желѣзной дороги въ почтамтъ. Наконецъ, сдѣлавъ окончательные изъ моихъ прощальныхъ визитовъ, я самъ выѣхалъ съ сыномъ Анатоліемъ въ Москву, гдѣ, разумѣется, и встрѣченъ былъ докладомъ моего человѣка, что «все готово».

ГЛАВА XVIII.

Мое путешествіе на Кавказъ. — Мой отъѣздъ изъ Москвы. — Неожиданный спутникъ, найденный на дорогѣ.—Торжественное мое движеніе.—Вопросъ о моихъ громадныхъ ящикахъ.—Русская телѣга и чудеса, ею совершенныя.— Ставрополь.—Запахъ Кавказа.—Первое знакомство съ линейными казаками.— Ставропольскія личности: В—ой, Брянчаниновъ, Властовъ. — Что нужно, чтобъ быть любимымъ и популярнымъ? — Ставропольскій архіерей, нѣкогда знаменитый красотою настоятель Сергіевскаго монастыря, Бранчаниновъ.— Выѣздъ изъ Ставрополя.—Владикавказъ.—Кавказскія горы.—Военно-Грузинская дорога.—Свирѣпый Терекъ.—Переваль чрезъ горы.—Долина Арагвы.— Неблестящій видъ Тифлиса.

Яснымъ, морознымъ и луннымъ вечеромъ того же дня, я выѣхалъ изъ Москвы. Двѣ великолѣпныя шестерки, одна въ каретѣ, другая въ огромнѣйшихъ саняхъ, помчали меня по направленію къ Тулѣ. Московско-Харьковскій трактъ, какъ я выше сказалъ, находился тогда въ распоряженіи А — каго, со стороны котораго, разумѣется, независимо отъ распоряженій почтоваго вѣдомства, относительно моего проѣзда, сдѣлано было свое хозяйственное распоряженіе, чтобы мнѣ давали лучшихъ лошадей и, вообще, мчали меня по его тракту свирѣпѣйшимъ образомъ.

На другой же день я встрѣтилъ на одной станціи какого-то гвардейскаго офицера, который тоже ѣхалъ на Кавказъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что видѣлъ на всѣхъ станціяхъ такое благоговѣйное ожиданіе моего проѣзда, что по его соображеніямъ я могъ забирать всѣхъ лошадей, тогда какъ онъ находится въ самомъ печальномъ положеніи, совершая такой отдаленный путь на парѣ, на перекладной. Въ заключеніе онъ убѣдительно просилъ присоединить его къ моему торжественному поѣзду и тѣмъ сдѣлать ему величайшее одолженіе. Симпатичная личность этого офицера, оригинальная манера, съ которой онъ изложилъ свои бѣдствія и свою просьбу, такъ мнѣ понравились, что я охотно согласился на нее и тутъ же приказалъ дать ему сколь можно покойный станціонный экипажъ съ тѣмъ, чтобы онъ уже не мѣнялся на каждой станціи и смѣнился на той, дальше которой засылать его уже нельзя.

Господинъ этотъ оказался уроженцемъ Кавказа, въ малолѣтствѣ высланный въ какой-то кадетскій корпусъ и съ тѣхъ поръ не видавшій роднаго края. По окончаніи образованія, онъ, какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ, выпущенъ въ гвардію и поступилъ въ Московскій полкъ. Теперь, воспользовавшись первою возможностью, онъ рѣшился посѣтить свою страну, гдѣ у него много родныхъ, изъ которыхъ братъ его занимаетъ видное мѣсто въ составѣ кавказской артиллеріи. Фамилія его Долухановъ. Это былъ милѣйшій человѣкъ, и я съ удовольствіемъ вспоминаю его сопутничество. Умный, образованный, онъ сильно надѣленъ былъ даромъ привлекать къ себѣ расположеніе другихъ. Изъ занимательныхъ его разсказовъ видно было, что этимъ даромъ онъ создалъ себѣ въ Петербургѣ другое семейство. Какіе-то бездѣтные, но состоятельные мужъ и жена явились какъ-то въ тотъ корпусъ, гдѣ онъ воспитывался, съ просьбою отпускать къ нимъ по праздникамъ какого-нибудь благонравнаго воспитанника, у котораго нѣтъ родныхъ въ Петербургѣ. У Долуханова не было здѣсь не только родныхъ, но даже и знакомыхъ; въ то же время онъ отличался своимъ благонравіемъ; его и назначили посѣщать эту чету, которая такъ въ него влюбилась, что положительно осыпала его сыновнею любовью.

Во время нашей дороги, онъ и для меня успѣлъ сдѣлаться

пріятнымъ и почти необходимымъ; предупредительность его была безконечна; разсказы его были интересны въ высшей степени. Такъ какъ одному ему ѣхать было скучно, то онъ переманилъ къ себѣ моего камердинера, который перевалилъ въ его экипажъ значительную часть ковровъ, подушекъ и умѣлъ придать этому экипажу такой комфортъ, какого бѣдный Долухановъ, ѣхавшій дотолѣ въ простой телѣгѣ, и представить себѣ не могъ. Во время пути, поѣздъ располагался такимъ образомъ: впереди шла моя карета, запряженная лучшими лошадьми, затѣмъ слѣдовалъ экипажъ съ моими громадными ящиками, а въ заключеніе ѣхала тройка съ Долухановымъ и моимъ Игнатіемъ. Со всѣхъ пунктовъ, гдѣ я останавливался ночевать или обѣдать, мчались нарочные для предупрежденія слѣдующихъ станцій. Изъ губернскихъ городовъ, гдѣ я дѣлалъ свои отдыхи, отправлялись частныя открытыя предписанія въ раіонѣ каждой губернской почтовой конторы. Понятно, что слѣдствіемъ всего этого было напряженно - ожидательное состояніе каждой станціи.

Когда во время самаго пути открывалась впереди взорамъ нашимъ почтовая станція, моя карета, а за нею моя кладь пріостанавливали свой бѣгъ, а задняя тройка вырывалась впередъ и сломя голову скакала къ станціи. Мой слуга кричалъ: «ѣдетъ, ѣдетъ! скорѣй, скорѣй!» Станціонный смотритель вытягивался въ форменное платье, прицѣплялъ шпагу и съ приложенной къ шапкѣ рукой ожидалъ меня и встрѣчалъ обычнымъ рапортомъ, что на ввѣренной ему станціи все состоитъ благополучно! Въ то же время всѣ станціонныя лошади въ вымазанныхъ дегтемъ или масломъ хомутахъ, были выводимы изъ конюшенъ, уставляемы въ рядъ и представляемы на мое усмотрѣніе. Смѣясь въ душѣ, но съ строгимъ выраженіемъ на лицѣ, я обходилъ эти ряды, говорилъ: «хорошо! скорѣе закладывать!» и затѣмъ входилъ въ станціонныя комнаты. Мгновенно вся картина, представлявшая томительное ожиданіе, перемѣняла свой видъ. Ямщики и лошади обступали мои экипажи, и чрезъ двѣ - три минуты мнѣ докладывали: «готово!». Съ тѣмъ же серьезнымъ выраженіемъ, я проходилъ мимо толпы ямщиковъ, стоящихъ безъ шапокъ, и вытянутаго въ струну смотрителя, садился въ карету и говорилъ: «благодарю». Съ

этимъ словомъ ямщики въ экипажахъ, одѣтые въ форменные армяки, съ бляхами на рукахъ и шляпахъ, обращались къ конямъ съ обычнымъ: «эхъ, голубчики!» Пристяжныя завивались въ кольцо, и торжественный поѣздъ снова мчался впередъ и впередъ.

Все это путешествіе можно назвать спокойнымъ и пріятнымъ, особенно въ предѣлахъ Россіи. Одно только обстоятельство тревожило меня. По мѣрѣ движенія впередъ, я видѣлъ, что санный путь становится постоянно слабѣе и ненадежнѣе, и я тревожно думалъ, какъ и на чемъ я повезу свою огромную кладь, когда этотъ путь совсѣмъ исчезнетъ и дальше на саняхъ ѣхать будетъ невозможно. Съ этимъ страшнымъ вопросомъ мнѣ суждено было стать лицомъ къ лицу въ городѣ Павловскѣ, Воронежской губерніи, куда съ трудомъ уже дотащили меня, по ничтожнымъ остаткамъ снѣга, крѣпкія и сильныя лошади. Пути сдѣлано было только 600 верстъ, оставалось болѣе чѣмъ вдвое. Карета немедленно была снята съ полозьевъ и поставлена на колеса, въ чемъ не предстояло, конечно, никакихъ затрудненій. Затрудненія великихъ размѣровъ представлялись относительно дальнѣйшаго слѣдованія моихъ громаднѣйшихъ ящиковъ. Въ длинныхъ и глубокихъ саняхъ они помѣщались и двигались удобно, хотя требовали шестерки лошадей. Казалось, никакой колесный экипажъ, исключая, разумѣется, вагоновъ желѣзныхъ дорогъ, не въ состояніи былъ воспріять эту кладь, а главное выдержать ее, при слѣдованіи на курьерскихъ. О томъ, чтобы перекладывать мои ящики на каждой станціи въ почтовыя телѣги, и думать было нечего: такимъ способомъ я никогда не доѣхалъ бы до Тифлиса, потому что одна эта перекладка требовала бы, каждый разъ, часа два, не говоря уже о томъ, что при совершеніи этой операціи въ ночное время, вся эта кладь могла бы значительно облегчиться, совершенно противъ моего желанія. Съ моимъ нетерпѣливымъ характеромъ, предпочитающимъ всякое, хоть и рискованное, движеніе впередъ самому основательному застою на мѣстѣ, я прервалъ многоразличные совѣты и мнѣнія, приказаніемъ искать по городу большой телѣги, куда бы могли помѣститься всѣ ящики, несмотря на сильныя и общія возраженія, что никакая телѣга не выдержитъ. Отыскался какой-то купецъ, или мѣщанинъ, согласив-

шійся уступить одну изъ своихъ громадныхъ телѣгъ, въ которыхъ онъ разсылалъ свой товаръ по различнымъ сосѣднимъ городамъ.

Кто не знаетъ русской телѣги? Это какое-то сомнительное и жалкое соединеніе какихъ-то палокъ, веревокъ и самой незначительной части желѣза, удовлетворяющее единственной, и то съ грѣхомъ пополамъ, цѣли перевозить сѣно, солому и разную крестьянскую рухлядь. Сопоставленіе этого всероссійскаго инструмента съ шестидесяти пудовой кладью, да еще обреченной слѣдованію на почтовыхъ лошадяхъ, возбуждало рядъ самыхъ мрачныхъ соображеній о будущемъ. Дѣлать было, однакоже, нечего. Пріобрѣтенная мною телѣга, давая хоть малѣйшую возможность двинуться впередъ, была все-таки лучше на этотъ разъ всевозможныхъ размышленій, которыя никакъ не могли замѣнить матеріальную силу, исключительно намъ необходимую. Кладь была уложена, лошади запряжены, и я съ самымъ отвратительнымъ чувствомъ двинулся впередъ, ожидая ежеминутно катастрофы. Къ радостному нашему изумленію первую станцію телѣга прошла благополучно, катастрофы никакой не было, даже деревянныя оси подъ такою тяжестью, по выраженію ямщиковъ, «не горѣли». Такимъ же образомъ телѣга прошла вторую станцію, потомъ третью, четвертую и далѣе, и далѣе. Удивительное дѣло! Сей достославный экипажъ исполнилъ самымъ блестящимъ образомъ высокое назначеніе, какое я ему далъ, и какого, конечно, онъ, при своемъ появленіи въ свѣтъ, никакъ не ожидалъ. Онъ прошелъ безупречно болѣе тысячи верстъ, прибылъ въ Грузію и, проданный моимъ Игнатіемъ, въ свою пользу, туземнымъ промышленникамъ, продолжаетъ, вѣроятно, и до сего дня парадировать между грузинскими и татарскими арбами, встрѣтивъ таки на своемъ вѣку такихъ сотоварищей, которыхъ безспорно могъ уничтожить своимъ превосходствомъ.

Сознаю вполнѣ, что всѣ эти подробности, безъ ущерба моимъ разсказамъ, могли бы и даже должны быть выпущены; но мнѣ кажется, въ этой телѣгѣ отразилась вся Русь: неуклюжая на видъ, кое-какъ собранная, она, казалось, вотъ сейчасъ распадется, а между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, проявляетъ крѣпость и силу, едва возможную для заморскихъ экипажей. Не таковъ ли и русскій человѣкъ? Не таково ли русское царство? Я живо помню, что когда мы уже

подъѣзжали къ Тифлису, на всемъ скаку, у этой телѣги свалилось лѣвое переднее колесо, и деревянная ось одною стороною ударилась, подъ страшною тяжестью, о каменное полотно дороги. Ось эта выдержала и, когда надѣто было колесо—пошла далѣе, какъ ни въ чемъ не бывало! Не такъ ли и русскій народъ умѣетъ, прежде всего, все выдерживать? и не должны ли мы, во имя этой крѣпости и силы, быть поснисходительнѣе къ недостаткамъ его, по части внѣшняго лоска и различныхъ утонченностей, предъ которыми мы становимся на колѣни въ чужестранныхъ земляхъ!

Наговоривъ такъ много о моей знаменитой телѣгѣ, я, какъ бы для возстановленія равновѣсія, ничего не скажу относительно всего моего пути до самаго Ставрополя на томъ основаніи, что онъ совершенъ такимъ же точно образомъ, какъ дѣлаютъ его тысячи другихъ путешественниковъ, и не представлялъ ничего достопримѣчательнаго.

Близъ самаго Ставрополя, я испыталъ совершенно новое для меня впечатлѣніе, въ которомъ я чувствовалъ уже, такъ сказать, запахъ Кавказа. У предпослѣдней къ Ставрополю станціи я впервые увидѣлъ казачій пикетъ. На вышкѣ, какія существуютъ при всѣхъ пикетахъ, ходилъ вооруженный казакъ. У воротъ была группа казаковъ, отъ которой при нашемъ приближеніи отдѣлился одинъ казакъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ куда-то прямо черезъ степь. Я не могъ оторвать глазъ отъ этого удаляющагося въ степи казака. День былъ холодный и суровый. Поэтому казакъ этотъ былъ въ буркѣ, башлыкѣ, надѣтомъ на папаху, съ винтовкой за спиной и съ шашкой чрезъ плечо. Для моего непривычнаго глаза фигура его представляла что-то величественное и прекрасное. И, дѣйствительно, я нахожу, что никакой кавалеристъ, несмотря ни на какія латы, золотые шлемы и всевозможныя украшенія, не можетъ сравниться по красотѣ и изяществу съ линейнымъ казакомъ на лошади. Едва подъѣхали мы къ станціи, я тотчасъ бросился къ пикету, расположенному въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи и, какъ всегда, на возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго можно далеко обозрѣвать кругомъ лежащее пространство. Видъ пѣшихъ казаковъ также произвелъ на меня великолѣпное впечатлѣніе: въ красивой чухѣ, перехваченной ремнемъ, съ кинжаломъ напереди и съ заткнутыми сзади за поя-

сомъ пистолетами, съ шашкою чрезъ плечо, въ огромной папахѣ, молодецки заломленной назадъ, каждый казакъ представлялся красавцемъ и красавцемъ воинственнымъ. Вся фигура его говорила, что онъ ничего не боится, и что всякій врагъ долженъ его бояться.

Меня встрѣтилъ урядникъ, начальникъ пикета. Удивленіе, которое я испытывалъ при внѣшнемъ видѣ казаковъ, несказанно усилилось, когда я вступилъ въ разговоръ съ урядникомъ. Это былъ ловкій, умный, вѣжливый и довольно развитый господинъ. На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ деликатнымъ, пріятнымъ и умнымъ образомъ. Когда я спросилъ, какое различіе въ ихъ одеждѣ съ одеждою горцевъ, онъ отвѣчалъ: «Почти все одно, только они гораздо бѣднѣе одѣты». На вопросъ мой, какимъ же образомъ можно, напримѣръ, въ степи отличить своего отъ врага, урядникъ отвѣчалъ: «Больше по образинѣ». Видъ этихъ молодцовъ, бесѣда съ лихимъ урядникомъ настроили и меня на какой-то воинственный ладъ; мнѣ казалось, что я самъ лично, съ этой же минуты, началъ принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ Кавказа. Въ этихъ ощущеніяхъ было что-то пріятное, особенно при сравненіи ставропольскихъ степей, въ которыя я вступилъ, и линейныхъ казаковъ, съ которыми знакомился, съ Невскимъ проспектомъ, который бросилъ, и изящно причесанными петербургскими пріятелями, съ которыми разстался. Съ этими ощущеніями я въѣхалъ въ Ставрополь.

Ставропольскимъ губернаторомъ въ то время былъ генералъ В—ой, впослѣдствіи сенаторъ. По принятой мною системѣ я тутъ же скажу нѣсколько словъ объ этой пустой личности, хотя впослѣдствіи придется мнѣ еще много говорить о немъ. В—ой извѣстенъ былъ на Кавказѣ слѣдующими отличительными качествами: глупостью, скупостью и величайшимъ искательствомъ у сильныхъ сего міра, столь свойственнымъ бездарнымъ натурамъ.

Слѣдя за многоразличными явленіями жизни, я пріобрѣлъ убѣжденіе, что люди умные, самостоятельные, съ убѣжденіемъ, характерные рѣдко достигаютъ значительныхъ успѣховъ и почти никогда — общей любви и сочувствія. Большинство какъ-то боится ихъ, избѣгаетъ и становится къ нимъ въ враждебныя отношенія. Умственное превосходство предъ нами такая вещь, съ которою мы менѣе всего умѣемъ мириться, естественно признавая въ немъ какое-

то обидное для насъ свойство. Въ силу этого начала, самыя сношенія съ такими людьми представляютъ что-то тяжелое и стѣснительное. Оттого-то ни у кого нѣтъ столько враговъ, какъ у людей замѣчательныхъ; никого такъ не ругаютъ, какъ людей способныхъ, даровитыхъ; никто не находится въ такомъ отчужденіи, какъ люди характерные и самостоятельные. То ли дѣло — пустой человѣкъ! Прелесть! Предъ всѣми улыбается, всѣхъ боится, у всѣхъ заискиваетъ и потому всѣмъ пріятенъ. Какъ круглый и пустой шаръ, онъ никого не задѣваетъ или отъ всего послушно отскакиваетъ. Всѣ подшучиваютъ надъ нимъ, но въ то же время всѣ дружески жмутъ ему руку, а при случаѣ дружески помогутъ. Однимъ словомъ, пустые люди — самые популярные люди, и кругъ ихъ отношеній и сношеній необъятенъ.

В — ой былъ самымъ безукоризненнымъ представителемъ людей этого послѣдняго разряда. Человѣкъ, въ существѣ совершенно пустой, онъ былъ чрезвычайно мягкаго и пріятнаго обращенія, и въ то же время такой попрошайка, какихъ мало. Онъ постоянно чего-нибудь просилъ, то звѣзды, то земли и т. п. Когда онъ бывалъ въ Тифлисѣ, то непремѣнно обѣгаетъ всѣхъ, и нисколько не затруднится розыскать какого-нибудь нужнаго ему столоначальника и сдѣлать ему визитъ.

Съ пріѣздомъ князя Барятинскаго, который, безъ сомнѣнія, зналъ уже и прежде высокія доблести В — аго, онъ былъ обреченъ удаленію; но, съ одной стороны, по особенной деликатности, съ которой ему намекали, чтобъ онъ очистилъ мѣсто, а съ другой — по нѣкоторой нахальности и неотвязчивости, отличающихъ этихъ господъ, В — ой успѣлъ это гибельное и оскорбительное для всякаго другаго предложеніе обратить въ свою пользу. Я видѣлъ всю переписку, которую Крузенштернъ велъ съ В — имъ по этому щекотливому вопросу. По порученію князя, Крузенштернъ писалъ ему, что, по предначертаніямъ князя, Ставропольская губернія должна подвергнуться значительнымъ преобразованіямъ, при которыхъ, быть можетъ, самое мѣсто губернатора будетъ упразднено, и потому князь желаетъ, чтобы В — ой озаботился своимъ будущимъ устройствомъ и пріискалъ себѣ другое мѣсто. В — ой, при всей своей ограниченности, понимая характеръ князя, отвѣчалъ,

что онъ съ благоговѣніемъ принимаетъ волю его сіятельства и, для исполненія ея, отправляется въ Петербургъ. Дѣйствительно, онъ съѣздилъ на нѣсколько дней въ Петербургъ, скоро возвратился и опять усѣлся на своемъ мѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Ему сдѣлано должное внушеніе и напоминаніе. Онъ отвѣчалъ опять, что благоговѣетъ предъ волей князя, но что безъ могущественнаго его покровительства онъ не только не можетъ устроить самъ себя, но долженъ неизбѣжно погибнуть, а потому ввѣряетъ свою судьбу милосердому вниманію и т. п. Князь, повидимому, имѣлъ основнымъ правиломъ вообще не дѣлать никому зла, а такое смиреніе льстило его величію. Кончилось тѣмъ, что, въ бытность князя въ Петербургѣ, въ 1859 году, послѣ покоренія восточнаго Кавказа и плѣненія Шамиля, когда онъ былъ героемъ момента и, слѣдовательно, на верху могущества, этотъ прискакавшій сюда же пролазъ, В — ой, сдѣланъ сенаторомъ, т. е. добился за свою негодность того, чего не достается многимъ губернаторамъ за отличную службу.

Во время перваго моего проѣзда чрезъ Ставрополь, В — аго не было тамъ. Онъ постоянно куда-то и зачѣмъ-то ѣздилъ. Губерніею управлялъ вице-губернаторъ Брянчаниновъ, родной братъ того знаменитаго красавца Брянчанинова, который былъ нѣкогда настоятелемъ Сергіевскаго монастыря, расположеннаго близъ Петербурга, и плѣнялъ сердца петербургскихъ пожилыхъ барынь. Брянчаниновъ былъ въ открытой враждѣ съ В — имъ, какъ говорится, на ножахъ. Брянчаниновъ, человѣкъ дѣловитый, не уважалъ бездарнаго В — аго. В — ой терпѣть не могъ Брянчанинова, понимая, что, рано или поздно, онъ столкнетъ его съ мѣста. Вражда эта значительно безпокоила самого князя. Брянчаниновъ хотѣлъ нѣсколько разъ уходить съ Кавказа и имѣлъ дѣйствительныя предложенія другихъ губернаторскихъ мѣстъ; но князь цѣнилъ его, не хотѣлъ его выпустить и, разсчитывая сбыть съ рукъ В — аго, открыто заявлялъ, что ставропольскимъ губернаторомъ сдѣлаетъ Брянчанинова.

Я живо помню слѣдующій случай, относящійся именно къ враждѣ Брянчанинова съ В — имъ. Однажды Брянчаниновъ, несмотря на то, что ему извѣстны уже были лестныя для него предначертанія князя, прислалъ ему письмо, въ которомъ говорилъ, что

не въ силахъ болѣе служить съ В — имъ, и настоятельно просилъ увольненія. Князя сильно заботило такое положеніе дѣла, и онъ рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать. Въ это время генералу Филипсону поручено было весьма сложное дѣло: объ образованіи двухъ областей, Терской и Кубанской, съ которыми онъ не могъ справиться по незнакомству съ законодательными работами. Во время сѣтованій князя на нелады Брянчанинова съ В — имъ, мнѣ пришла мысль, что если назначить Брянчанинова въ помощь Филипсону, то можно, какъ говорится, «разомъ убить двухъ зайцевъ», т. е. и дѣло объ областяхъ двинуть впередъ, и развести разъярившихся противниковъ. Мысль эту я тотчасъ заявилъ князю. Трудно передать изумленіе и восхищеніе его. Выраженіемъ того и другаго можетъ служить не совсѣмъ складный его вопросъ:

— Кто это вамъ сказалъ?

— Это мое мнѣніе,—отвѣчалъ я.

— Прекрасно! Благодарю!—прибавилъ князь и, съ этимъ словомъ, схвативъ перо, написалъ на письмѣ Брянчанинова: «Назначить къ Филипсону».

Когда, наконецъ, В — ой сдѣланъ былъ сенаторомъ, Брянчаниновъ сдѣлался ставропольскимъ губернаторомъ. Скоро оказалось, что Брянчаниновъ, будучи, безспорно, дѣловымъ человѣкомъ, не принадлежалъ, однако, къ числу тѣхъ людей, изъ которыхъ выходятъ хорошіе губернаторы. Онъ, напротивъ, принадлежалъ къ тому разряду людей, которые умѣютъ хорошо бумаги писать, трудолюбивы, наконецъ честны, но въ то же время, будучи лишены всякаго политическаго такта,—грубы, тяжелы, рѣзки и, при этихъ милыхъ свойствахъ, конечно, вооружаютъ противъ себя все и всѣхъ. Такой человѣкъ, при образѣ мыслей князя и при системѣ его управленія, проникнутой вообще гуманностью, не могъ ему угодить. Князь безспорно искалъ популярности, а такой господинъ, своими рѣзкими дѣйствіями, своими ссорами со всѣми, конечно, не могъ содѣйствовать популярности князя.

Чтобъ лучше обрисовать личность этого господина, приведу собственныя его слова. Разсказывая о представленіи личнаго состава губернскаго правленія назначенному вновь вице-губернатору, милѣйшему и просвѣщенному человѣку Властову, портретъ котораго

будетъ нарисованъ ниже, Брянчаниновъ съ какимъ-то злораднымъ удовольствіемъ говорилъ мнѣ: «Насъ встрѣтилъ экзекуторъ такой-то, и я его перваго представилъ вице-губернатору. Позвольте представить вамъ,—сказалъ я,—перваго каналью и отъявленнаго мошенника, котораго давно бы слѣдовало выгнать»... и т. п.

Понятно, что князь скоро разочаровался въ немъ, тѣмъ болѣе, что Брянчаниновъ, при самомъ вступленіи въ свою должность, желалъ, да не умѣлъ установить свое вліяніе и перессорился со всѣми. Такъ, напримѣръ, посѣтивъ гимназію, онъ разбранилъ всѣхъ, начиная съ директора Невѣрова, за то, что встрѣтили его не въ мундирахъ, тогда какъ учебная часть, имѣя въ то время во главѣ своего попечителя, барона Николаи, впослѣдствіи товарища министра народнаго просвѣщенія, а потомъ начальника гражданскаго управленія на Кавказѣ, гордилась своею отдѣльностью и независимостью. Изъ этого образовалась непріятная исторія, которая, конечно, дошла до князя и огорчила его. Однимъ словомъ, немного спустя послѣ назначенія Брянчанинова губернаторомъ, князь какъ-то говорилъ мнѣ о губернаторахъ, ему подначальныхъ. Зная прежнее выгодное мнѣніе его о Брянчаниновѣ, я замѣтилъ съ своей стороны, что онъ принадлежитъ къ числу отличныхъ губернаторовъ. Князь живо прервалъ меня словами: «Напротивъ, чиновникъ!»

Конецъ концовъ былъ тотъ, что, по всей вѣроятности, и самъ Брянчаниновъ сталъ замѣчать перемѣну мнѣнія князя. Къ этому присоединились, во-первыхъ, семейныя его неудачи, а, во-вторыхъ, какое-то родовое влеченіе къ мистицизму. У него былъ единственный сынъ, на которомъ, конечно, онъ сосредоточивалъ лучшія свои надежды, и который, вмѣсто того, чтобъ оправдать ихъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, изъ университета своротилъ въ монахи. Это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на моральномъ строѣ нашего губернатора, особенно при томъ родовомъ влеченіи, о которомъ я упомянулъ. Кто близко зналъ Брянчанинова, какъ я, и не былъ лишенъ проницательности, могъ смѣло держать пари, что, рано или поздно, онъ сдѣлается монахомъ, подобно брату. Если саперный полковникъ предпочелъ военнымъ успѣхамъ монастырское уединеніе, то не было никакихъ причинъ утверждать, что и губернаторъ не пойдетъ по слѣдамъ его.

При этомъ я пользуюсь случаемъ разрушить существовавшее въ то время убѣжденіе, что сергіевскій Брянчаниновъ избралъ этотъ путь къ небесному спасенію по разсчетамъ земной нашей жизни. Красота его, тщательность одѣянія, изысканность и манерность богослуженія, доходившія до смѣшнаго, сильно содѣйствовали къ распространенію и укорененію этого убѣжденія. Толпы глупыхъ или съ грѣшными мыслями барынь, стремившихся къ Сергію и даже селившихся подлѣ монастыря, дѣлали всякія скоромныя предположенія достовѣрными.

Въ это блестящее для него время я мало зналъ его. Изрѣдка я заходилъ къ нему вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ Киселевымъ, завѣдывавшимъ тамъ постройкою церкви, которую князь Михаилъ Кочубей сооружалъ въ память жены своей, красавицы княжны Маріи Барятинской. Я подходилъ вмѣстѣ съ другими подъ его благословеніе и иногда отвѣчалъ на вопросы его, ко мнѣ обращенные. Однимъ словомъ, никакого рѣшительно сближенія у меня съ нимъ не было, и я всегда полагалъ, что онъ даже не знаетъ, что я за человѣкъ.

Между тѣмъ, когда онъ впослѣдствіи назначенъ былъ ставропольскимъ архіереемъ, онъ началъ осыпать меня самыми дружескими письмами, какъ стараго и близкаго знакомаго. Въ этомъ маневрѣ, быть можетъ, заключалась часть корыстолюбивыхъ разсчетовъ, потому что, по своему положенію въ томъ краѣ, я могъ быть и дѣйствительно былъ ему полезенъ во многихъ его дѣлахъ и предпріятіяхъ, какъ относительно лично его самого, такъ и относительно ввѣренной ему епархіи. Какъ бы то ни было, и я долженъ былъ, конечно, воспріять роль стараго его знакомаго.

Во время частыхъ моихъ переѣздовъ чрезъ Ставрополь я только и дѣлалъ тамъ, что переходилъ изъ объятій брата-губернатора въ объятія брата-архіерея. Сблизившись, такимъ образомъ, съ ними, я имѣлъ полную возможность ознакомиться съ ихъ свойствами и, въ силу этого знакомства, позволяю себѣ положительно утверждать, что въ наклонности къ духовному міру ни у архіерея Игнатія, ни у брата его губернатора, ни у сына этого губернатора, молодаго студента, никакихъ разсчетовъ не было, а было опять-таки странное и въ то же время несомнѣнное родовое влеченіе.

Странно было видѣть отношенія этихъ братьевъ. Губернаторъ

питалъ какое-то глубочайшее благоговѣніе къ архіерею и называлъ его не иначе, какъ «владыко». Казалось, что уже никакой земной, родственной, связи между ними они не признавали. Въ самой жизни губернатора было уже что-то монашеское, такъ что весь кавказскій міръ ставропольское управленіе иначе не называлъ, какъ «монашескимъ», а губернатора «монахомъ». Очевидно, что если и могъ имѣть какіе-нибудь разсчеты сергіевскій Брянчаниновъ, то какіе разсчеты могъ имѣть ставропольскій Брянчаниновъ, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ и признаковъ той красоты, какою былъ надѣленъ братъ, и вообще былъ человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ? Какіе разсчеты могъ имѣть юноша Брянчаниновъ, сынъ губернатора, въ молодости оставляя всѣ наслажденія жизни и посвящая себя монастырскому затворничеству? Повторяю, что ни у кого изъ нихъ не было никакихъ разсчетовъ, а всѣ они слѣдовали родовому влеченію, которое объяснить и опредѣлить трудно.

Конецъ-концовъ былъ тотъ, что когда ставропольскій архіерей возжелалъ удалиться на покой и для этого получилъ какой-то приволжскій монастырь, ставропольскій губернаторъ скоро послѣдовалъ за нимъ туда же. Спустя года два или три онъ былъ у меня въ Петербургѣ, и его узнать нельзя было. Онъ не носилъ монашескаго платья и не былъ еще окончательно постриженъ въ монахи, но видъ и манеры его были чисто монашескіе. Исхудалъ онъ страшно. По собственнымъ его словамъ, вся жизнь его проходила въ постѣ и молитвѣ. Съ тѣхъ поръ я совершенно потерялъ его изъ виду.

Я упомянулъ о Властовѣ, который, съ назначеніемъ Брянчанинова губернаторомъ, назначенъ былъ, по особенному настоянію и ходатайству Брянчанинова, ставропольскимъ вице-губернаторомъ. Кстати опишу и эту личность, тѣмъ болѣе, что она была не изъ числа рядовыхъ, такъ сказать, личностей.

Властовъ происходилъ изъ грековъ. Когда князь командовалъ знаменитымъ Кабардинскимъ полкомъ, Властовъ былъ у него однимъ изъ баталіонныхъ командировъ. Когда князь назначенъ былъ намѣстникомъ кавказскимъ, Властовъ просилъ князя взять его въ гражданскую службу. Желаніе это было удовлетворено, и Властовъ былъ назначенъ однимъ изъ чиновниковъ порученій при намѣстникѣ.

Властовъ владѣлъ несомнѣнно обширнымъ образованіемъ и въ то же время самою плѣнительною вкрадчивостью. Въ Тифлисѣ его всѣ полюбили, а въ томъ числѣ и я. Когда, скоро послѣ моего пріѣзда туда, мнѣ довелось управлять канцеляріею намѣстника, изъ которой я же создалъ потомъ нѣсколько департаментовъ, я желалъ выдвинуть Властова впередъ, и ему дѣлаемы были значительныя порученія. Донесенія Властова, въ которыхъ онъ давалъ отчетъ по этимъ порученіямъ, представляли цѣлые трактаты, исполненные разныхъ научныхъ соображеній, ссылокъ на различныя сочиненія, историческихъ выводовъ и т. п. Пораженный такими рѣдкими въ административномъ мірѣ бумагами, я представлялъ ихъ подлинникомъ князю, какъ неопровержимое свидѣтельство, что въ лицѣ Властова мы пріобрѣли небывалаго чиновника. Къ величайшему удивленію моему, князь не раздѣлялъ однако моихъ восторговъ и равнодушно отвѣчалъ: — «Да, да, я его давно знаю, онъ хорошій человѣкъ». — Скоро и я убѣдился, что если учености у Властова много, за то истинной дѣловитости, какъ у большей части ученыхъ, мало.

Затѣмъ, при образованіи, по капризу князя, особаго управленія сельскаго хозяйства, Властовъ былъ назначенъ помощникомъ начальника этого управленія, которымъ сдѣланъ былъ храбрый и почтенный генералъ Ротъ, на томъ только основаніи, что онъ развелъ хорошій садъ у себя въ Тифлисѣ. Скоро, разумѣется, оказалось, что садить и возращать деревья на маленькомъ клочкѣ городской земли и управлять сельскимъ хозяйствомъ цѣлаго края—двѣ вещи, несовсѣмъ одинаковыя и что если храбрый защитникъ Ахты былъ мастеръ въ первомъ случаѣ, то во второмъ—онъ вовсе никуда не годился. Властовъ, какъ ни былъ самъ неопытенъ въ дѣлѣ, къ которому былъ призванъ, однако видѣлъ, что Ротъ куралесить въ своихъ распоряженіяхъ ужь изъ рукъ вонъ. Послѣдствіемъ ихъ различныхъ взглядовъ были сначала пререканія, а потомъ открытая вражда, такъ что князь, ставъ на сторону ветерана, долженъ былъ взять изъ этого неудачно образованнаго управленія Властова.

Во время знаменитаго похода 1859 года, имѣвшаго результатомъ покореніе восточнаго Кавказа и плѣненіе Шамиля, князь Александръ Ивановичъ имѣлъ при себѣ громаднѣйшую свиту, въ составъ которой Властовъ, однакоже, не былъ включенъ, что̀ для

него должно было быть тѣмъ чувствительнѣе, что онъ былъ старый военный, и что дѣйствія должны были происходить именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ служилъ вмѣстѣ съ княземъ. Нѣтъ сомнѣнія, что обстоятельство это, въ связи съ неудовлетворительнымъ исходомъ гражданской борьбы его съ Ротомъ, произвело на него громадное моральное впечатлѣніе. Впечатлѣніе это должно было усилиться столь же неудачнымъ исходомъ романтическаго его предпріятія.

Надобно сказать, что начальникомъ, такъ называемой Лезгинской линіи, существовавшей въ прежнемъ военномъ управленіи Кавказа, былъ генералъ Вревскій, человѣкъ, какъ говорили, благородный, но вспыльчивый до сумасшествія. Я успѣлъ еще съ нимъ познакомиться на представленіяхъ и балахъ у князя, но никакого личнаго впечатлѣнія не вынесъ изъ этого знакомства, по самой его поверхностности, такъ сказать, и, главное, непродолжительности. Когда онъ былъ убитъ въ какомъ-то сумасшедшемъ дѣлѣ, жена его, урожденная Варпаховская, переѣхала, вмѣстѣ съ сестрой, замѣчательной красавицей, на житье въ Тифлисъ. Властовъ имѣлъ неосторожность влюбиться въ дѣвицу Варпаховскую. Но когда, послѣ предварительныхъ подступовъ, Властовъ сдѣлалъ рѣшительное предложеніе своей руки и сердца—то получилъ со стороны красавицы, холодной, какъ всѣ красавицы, сильнѣйшій отпоръ, облеченный, разумѣется, въ благовидныя формы. Это было также предъ нашимъ походомъ, когда и баронесса Вревская съ сестрой собиралась переѣзжать на житье въ Петербургъ.

Властовъ, очевидно, былъ сбитъ съ толку. Однимъ словомъ, во время похода, когда мы стояли на какихъ-то высотахъ, я получилъ отъ него письмо, исполненное какой-то таинственности и страшнаго отчаянія. Онъ говорилъ, что погибаетъ морально и матеріально, что спасти его отъ неминуемой погибели можетъ только одинъ князь, что средство спасенія заключается единственно въ дозволеніи ему снова поступить въ военную службу и примкнуть къ отряду, и что рѣшенія своей участи онъ будетъ ожидать въ крѣпости Грозной, куда онъ рѣшился пріѣхать, томимый мрачными чувствами. Вообще, содержаніе письма было таково, что я колебался даже докладывать его князю. Но взвѣсивъ, съ одной стороны, опасность получить несовсѣмъ любезный отзывъ князя, а съ другой,—

дѣйствительныя, быть можетъ, страданія, которыя испытываетъ бѣдный Властовъ, я рѣшился представить странное письмо его подлинникомъ князю, будь тамъ, что будетъ. Князь, прочитавъ это письмо, задумался на нѣсколько минутъ, что̀ онъ часто дѣлалъ въ подобныхъ случаяхъ, потомъ быстро спросилъ меня:

— Что это значитъ?

Я отвѣчалъ: не знаю, ваше сіятельство. — Быть можетъ, его подавляетъ тяжелое чувство, что онъ не сопровождаетъ васъ, а быть можетъ отвергнутая любовь!

— Знаете,—сказалъ князь,—я боюсь, чтобъ онъ не сошелъ съ ума; вѣдь у него братъ сумасшедшій. Кажется, это у нихъ въ роду.

— Разрѣшите ему пріѣхать и переговорите съ Евдокимовымъ, чтобъ назначилъ его, куда знаетъ.

Разумѣется, разрѣшеніе было послано съ надлежащею быстротою, равносильною той, съ которой Властовъ, худой и блѣдный, самолично явился въ нашъ лагерь.

Я не знаю, что онъ говорилъ съ княземъ, но тотчасъ, какъ и предназначено было, поступилъ въ распоряженіе Евдокимова и отправленъ былъ имъ обратно въ Грозную, для преобразованія въ военное платье. Но не это преобразованіе его исцѣлило; его вылѣчило невольное купанье въ Андійскомъ Койсу. Когда наступило время переправляться чрезъ эту коварнѣйшую изъ горныхъ рѣчекъ, сочиненъ былъ какой-то каучуковый плотикъ, для переправы. Нѣсколько человѣкъ изъ свиты, адъютанты, князь Суворовъ и одинъ изъ графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ и примкнувшій къ нимъ несчастный Властовъ рѣшились первые переправиться на этомъ сомнительномъ инструментѣ. Отъ берега они тронулись и пошли удовлетворительно; но на самой серединѣ рѣки плотъ, необычайною силою теченія, перевернуло, и пассажиры упали въ воду. Суворовъ и Орловъ-Давыдовъ, отличные пловцы, спаслись собственными средствами; погибающаго Властова понесло теченіемъ, и гибель его была бы неизбѣжна, еслибы одинъ изъ горцевъ, состоявшихъ въ свитѣ князя, знаменитый джигитъ, владѣвшій столь же знаменитымъ конемъ, не бросился, вмѣстѣ съ лошадью, въ рѣку и не вынесъ полумертваго Властова на противуположный берегъ. Когда

Властовъ пришелъ въ чувство, надобно было подумать о передвиженіи его опять на этотъ берегъ, такъ какъ общая переправа на этомъ мѣстѣ признана неудобною и оставлена. Явилось мнѣніе, что плотъ перевернулся оттого, что слишкомъ былъ отягощенъ и что одного человѣка онъ отлично перенесетъ. Къ тому же никакихъ другихъ средствъ и не было. Поэтому, бѣдный Властовъ вновь помѣстился на этотъ плотъ и вновь поплылъ. На серединѣ онъ вновь былъ опрокинутъ, и его опять понесло теченіемъ. Все это происходило въ виду князя и всего штаба. Князь былъ сильно встревоженъ такъ фатально повторившимся несчастіемъ и считалъ уже Властова окончательно погибшимъ; но тотъ же горскій князь снова бросился съ конемъ въ рѣку и снова спасъ Властова. Дважды бывшій въ когтяхъ смерти, Властовъ, конечно, совершенно растерялся, и едва вытащенный изъ воды, бросился къ князю, умоляя его возвратить его опять въ статскую службу. Князь, конечно, не противился.

Когда, послѣ похода, я отпросился у князя въ Пятигорскъ, я нашелъ тамъ вновь испеченнаго губернатора Брянчанинова и тотчасъ привлеченъ былъ имъ къ обсужденію и разрѣшенію вопроса: кого ему избрать въ вице-губернаторы? Вниманіе его было уже остановлено на Властовѣ, и я не имѣлъ противъ этого предназначенія никакихъ возраженій, за исключеніемъ одного, что Властовъ не очень опытенъ въ гражданскихъ дѣлахъ. Но оба мы рѣшили, что въ этой личности надо цѣнить ея образованіе, благонамѣренность, а что опытность въ дѣлахъ онъ скоро пріобрѣтетъ. На основаніи этихъ глубокихъ соображеній, Властовъ и сдѣлался ставропольскимъ вице-губернаторомъ. Скоро послѣ этого назначенія, я былъ въ Ставрополѣ и былъ пораженъ невообразимою деликатностью и нѣжностью и въ то же время совершенною неестественностью взаимныхъ отношеній этихъ господъ. Властовъ просто уничтожался предъ Брянчаниновымъ; въ свою очередь, Брянчаниновъ былъ несказанно вѣжливъ и предупредителенъ въ отношеніи къ Властову. Надо сказать, что оба они крѣпко держались за меня, быть можетъ преувеличивая мою силу у Барятинскаго. Во всякомъ случаѣ, я желалъ искренно быть имъ полезнымъ моими совѣтами. Такъ, когда Брянчаниновъ, послѣ назначенія его губернаторомъ,

стремился тотчасъ перевернуть все вверхъ дномъ и началъ со всѣми ссориться, я откровенно совѣтовалъ ему укротить нѣсколько свои неукротимые порывы, зная, что они не найдутъ одобренія въ глазахъ князя. Такъ точно и теперь, видя неестественность отношеній между Брянчаниновымъ и Властовымъ, я говорилъ имъ обоимъ, что на такихъ отношеніяхъ держаться долго нельзя, что имъ надо сойтись на другихъ, болѣе искреннихъ, основаніяхъ; что вице-губернаторъ, по значенію своему, не есть безусловно подчиненный губернатора, но первый его сотрудникъ, помощникъ и совѣтникъ; что такія отношенія, какія они установили, оборвутся при первомъ различіи ихъ взглядовъ на какое-нибудь дѣло и замѣнятся прямо отношеніями враждебными. Совѣты эти, повидимому, не пошли въ прокъ: при слѣдующемъ моемъ проѣздѣ я съ сожалѣніемъ видѣлъ, что Брянчаниновъ и Властовъ грызутся напропалую, раздѣливъ весь городъ на два враждебные стана. Вражда эта продолжалась, не утрачивая своей силы, до самаго удаленія Брянчанинова съ губернаторскаго поприща.

Возвращаюсь къ моему путешествію. Въѣзжая въ Ставрополь, я приказалъ везти меня въ лучшую гостиницу, вслѣдствіе того и былъ доставленъ въ ту, которая помѣщается вмѣстѣ съ клубомъ. Но едва тамъ узнали мою фамилію, какъ мнѣ объявили, что меня ожидаютъ комнаты, приготовленныя въ губернаторскомъ домѣ. Я однакоже уклонился отъ этой чести, зная, что она будетъ сопряжена съ значительными церемоніальными стѣсненіями, которыхъ я совершенно избѣгну въ частной гостиницѣ.

Едва я вошелъ въ отведенныя мнѣ комнаты, какъ вслѣдъ за мной влетѣлъ Брянчаниновъ, какъ я сказалъ, исправлявшій, въ это время, должность губернатора. Началось, разумѣется, съ укоровъ, почему я не остановился въ губернаторскомъ домѣ, и настойчивыми предложеніями переселиться туда, но я держался крѣпко и удержался. Нѣтъ словъ выразить предупредительность и внимательность, которыми окружалъ меня Брянчаниновъ. Онъ поминутно спрашивалъ меня: не нужно ли мнѣ того, не надо ли этого, и постоянно давалъ относительно моего спокойствія какія-то приказанія полицейскому офицеру, смиренно ожидавшему въ передней.

Видно было, что пріѣздъ мой для Ставрополя, по крайней мѣрѣ для гражданской части его, составляетъ нѣкое событіе. Я начиналъ понимать свое кавказское значеніе и чувствовать сильно запахъ провинціальнаго быта и провинціальныхъ отношеній. Я не могъ еще разобрать только, къ чему должно отнести то почитаніе, которое я повсюду видѣлъ: къ мѣсту ли моему, которое я самъ считалъ не весьма значительнымъ, особенно для губернаторовъ, или къ исключительнымъ отношеніямъ моимъ къ Барятинскому, о которыхъ кавказскій міръ, конечно, давно уже провѣдалъ. Предоставляя вопросъ этотъ разрѣшить будущему, я за вѣжливость платилъ вѣжливостью и, засыпанный многочисленными представленіями и визитами, которые начались въ тотъ же вечеръ, какъ я пріѣхалъ, заплатилъ самъ всѣмъ визиты, для чего и долженъ былъ остаться слѣдующій день.

Вечеромъ этого дня, или лучше сказать ночью, я выѣхалъ изъ Ставрополя, несмотря на всевозможныя убѣжденія провести тамъ нѣсколько дней, отдохнуть, какъ мнѣ говорили. Я живо помню этотъ выѣздъ. Ночь была темная и морозная. Въ числѣ любезностей Брянчанинова, онъ снабдилъ меня какимъ-то открытымъ предписаніемъ о взиманіи конвоя, о чемъ, конечно, я не имѣлъ и не могъ имѣть никакого понятія. Въ силу этой бумаги, за нѣсколько минутъ до моего выѣзда, въѣхали на дворъ нѣсколько всадниковъ, закутанныхъ съ ногъ и до головы, въ буркахъ и башлыкахъ, съ винтовками на плечахъ, братьевъ, такъ сказать, того всадника, который впервые поразилъ меня своимъ видомъ въ Ставропольской степи. Когда мнѣ сказали, что это казаки, назначенные для конвоированія меня, я испыталъ какое-то странное, но пріятное чувство Этотъ великолѣпный конвой говорилъ нѣкоторымъ образомъ о моемъ значеніи и въ то же время намекалъ, тоже нѣкоторымъ образомъ, объ опасности. Когда я выѣхалъ и карета моя понеслась въ темномъ пространствѣ, двое изъ этихъ казаковъ какъ будто прилипли къ моимъ каретнымъ окнамъ. Двѣ фигуры въ буркахъ и ихъ винтовки постоянно виднѣлись съ обѣихъ сторонъ. Я рѣшительно не понималъ, какимъ образомъ они могли нестись наравнѣ съ каретою и подлѣ кареты ночью, когда рѣшительно ничего не видно. Въ то же время я соображалъ, что если не считается опаснымъ ска-

кать ночью во весь духъ, да еще не по дорогѣ, занятой моими экипажами, а цѣлиной, кочками и ямами, то что же должно быть то, что признается на Кавказѣ дѣйствительной опасностью?

Въ то же время мнѣ было какъ-то совѣстно, что эти люди ежеминутно могутъ сломать шею, единственно изъ обязанности оберегать мою незначительную особу, спокойно сидящую въ каретѣ. Само собою разумѣется, что я старался вознаградить ихъ, сколько силъ и средствъ моихъ хватило; въ то же время я слѣдилъ съ величайшимъ любопытствомъ за ихъ оригинальными, молодецкими физіономіями, постоянно мѣняющимися на каждомъ пикетѣ, и вступалъ съ ними въ многоразличныя объясненія о ихъ кавказскомъ бытѣ, съ которымъ мнѣ предстояло войти въ ближайшее знакомство.

Такимъ порядкомъ я добрался до Владикавказа, въ которомъ бытъ этотъ обозначался гораздо явственнѣе. Тутъ уже на каждомъ шагу мелькали туземныя смуглыя физіономіи въ громадныхъ папахахъ, съ кинжалами и винтовками. Верблюды огромными компаніями проходили по улицамъ, неся на себѣ громадные вьюки, или лежали покойно на площадяхъ. Военныя личности являлись, такъ сказать, повсюду. Затѣмъ видъ собственно Владикавказа, съ внѣшней стороны, не представлялъ ничего, особенно замѣчательнаго. Въ то время онъ считался еще крѣпостью и только впослѣдствіи, по моему же проекту, обращенъ въ городъ, такъ какъ всякое значеніе его, какъ крѣпости, давно уже утратилось. Замѣчательнаго было то, что, осматривая Владикавказъ, я равнодушно взглядывалъ иногда на свѣтлыя облака, сгруппировавшіяся надъ нимъ со стороны Грузіи, и былъ истинно пораженъ, когда мнѣ сказали, что это — вершины горъ, на которыхъ лежалъ еще бѣлѣйшій снѣгъ и которыя дѣйствительно сливались съ облаками. Трудно передать впечатлѣніе, какое я испытывалъ при видѣ этихъ гигантовъ, о которыхъ много слышалъ, но которыхъ, конечно, не могло обнять мое воображеніе.

Но скоро мнѣ пришлось близко съ ними познакомиться, такъ какъ я долженъ былъ прорѣзать ихъ, чтобы попасть въ Грузію. Отъ Владикавказа, на протяженіи двухъ станцій, дорога не представляетъ еще ничего особенно ужасающаго, хотя степной характеръ ея, сохраняемый до Владикавказа, совершенно уже утратился, и велико-

россійскій путникъ съ недоумѣніемъ начинаетъ приглядываться къ крутымъ обрывамъ, которые являются у него по временамъ то съ той, то съ другой стороны. Но съ третьей станціи горы принимаютъ его, такъ сказать, въ тиски своихъ объятій. Дорога вьется по трещинѣ, пробитой въ горахъ бурнымъ Терекомъ. Въ верху, съ обѣихъ сторонъ, недосягаемыя скалы, внизу, подъ колесами кареты, клокочущія волны свирѣпѣйшей изъ горныхъ рѣкъ. У великороссійскаго путника начинаетъ духъ захватывать, и онъ предаетъ себя Божьему милосердію въ полнѣйшемъ сознаніи своего ничтожества и рѣшительной невозможности улучшить свое новое и дикое положеніе какими-нибудь распоряженіями.

Но я нисколько не претендую описывать этой оригинальной и многимъ знакомой дороги; я считаю только, и быть можетъ ошибочно, своею обязанностью передать впечатлѣнія, на меня произведенныя впервые Кавказскими горами и вьющеюся въ нихъ такъ называемою Военно-Грузинскою дорогою. Впослѣдствіи, летая постоянно чрезъ эти горы, я такъ къ нимъ привыкъ, что не останавливалъ своего пути надъ пропастями въ самыя темныя ночи, несмотря на самое настоятельное противодѣйствіе со стороны станціонныхъ смотрителей, ямщиковъ и даже моего камердинера. Случалось такъ, что ямщикъ совершенно пускалъ возжи за невозможностью видѣть не только дорогу, но даже и лошадей, и жизнь наша ввѣрялась единственно инстинкту коренной лошади. Но это уже была привычка, съ которою старый солдатъ спокойно идетъ въ сраженіе, и кавказская удаль, чуждая страха. По натурѣ своей я не былъ трусомъ; тѣмъ не менѣе первое знакомство съ Военно-Грузинскою дорогою сопряжено было съ какими-то странными и, можно сказать, тревожными ощущеніями.

Съ этими ощущеніями мы прибыли на станцію Коби, откуда собственно предстоялъ перевалъ чрезъ вершину горъ, столь страшный въ разсказахъ и столь знаменитый въ особенности Гуть-горою и Крестовою горою. Въ моментъ нашего прибытія была мятель и стужа; толпы осетинъ наполняли станцію, ожидая проѣзжающихъ. Перевалъ чрезъ горы принадлежалъ имъ и доставлялъ имъ значительный заработокъ. Они умѣли не только искусно перевозить экипажи, но умѣли предугадывать состояніе погоды и возможность

заваловъ, столь страшныхъ для всѣхъ, кто, какъ я, долженъ дѣлать этотъ перевалъ въ мартѣ. Я былъ бы разоренъ ужасающими ихъ запросами за передвиженіе моихъ экипажей, если бы участковый засѣдатель, въ родѣ нашего становаго, ожидавшій моего проѣзда, не явился посредникомъ и не опредѣлилъ цѣны, хотя дорогой, но не разорительной. Когда соглашеніе состоялось, опредѣлено было перевалъ сдѣлать на другой день рано утромъ, когда снѣгъ, лежащій на горахъ, сдерживается тамъ морозомъ и когда, слѣдовательно, предстоитъ менѣе опасности отъ обвала. Между тѣмъ, въ ожиданіи этого момента, осетины разобрали мою карету и другой экипажъ на множество отдѣльныхъ частей и уложили эти части на нѣсколько салазокъ самаго первобытнаго издѣлія. Все это ушло такъ рано, что я еще спалъ. Самъ я съ Долухановымъ и сыномъ долженъ былъ отправиться въ особыхъ саняхъ, запряженныхъ двумя лошадьми гусемъ. Ямщикомъ былъ у насъ корявый, глухой, русскій мужикъ, вооруженный длиннѣйшимъ бичемъ.

Здѣсь къ слову сказать, что на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ Военно-Грузинской дороги были или татары, или русскіе, бѣглые изъ Россіи и всѣ безпаспортные. Туземцы, почему-то, несклонны или неспособны къ этому дѣлу. Изрѣдка только можно встрѣтить, въ числѣ ямщиковъ, какого-нибудь оборваннаго грузина и то въ полномъ подчиненіи другаго ямщика, русскаго или татарина, командующаго имъ. Такой порядокъ, конечно, не представлялъ ничего утѣшительнаго для путешественниковъ и, когда я былъ впослѣдствіи директоромъ департамента общихъ дѣлъ, которому подчинялась почтовая часть, я поднялъ вопросъ о замѣнѣ этихъ бродягъ людьми благонадежными, имѣющими надлежащіе виды. Это, однакоже, оказалось невозможнымъ, и генералъ Кохановъ, завѣдывающій почтовою частію, положительно утверждалъ, что если требовать этого настоятельно, то всѣ станціи останутся безъ ямщиковъ и что вообще замѣнъ людей безпаспортныхъ людьми паспортными надобно предоставить времени. Нынѣ, съ отмѣною крѣпостнаго права, порядокъ этотъ, конечно, измѣнился хотя частію. Замѣчательно, однакоже, что и при прежнемъ порядкѣ, когда безпаспортный ямщикъ могъ сдѣлать всякую пакость и скрыться безслѣдно — никакихъ пакостей со стороны ихъ не было; по крайней мѣрѣ во все

время моего семилѣтняго соприкосновенія съ Кавказомъ ничего подобнаго слышно не было.

Слѣдованіе наше гуськомъ по снѣжной тропѣ, вьющейся надъ пропастями, исполнено было живыхъ впечатлѣній; мы скоро обогнали толпы осетинъ и маленькихъ горныхъ быковъ, которые тащили мое имущество и изъ которыхъ раздавались какіе-то непонятные крики, означавшіе, повидимому, понуканіе и ободреніе. Наши легкія сани неслись довольно быстро, хотя одну половину станціи мы постоянно поднимались въ гору, а другую спускались съ горы. На слѣдующей Квишетской станціи, поблагодаривъ Бога за благополучный перевалъ, мы должны были долго ожидать прибытія нашихъ экипажей и потомъ приведенія ихъ въ должный порядокъ, такъ что дальнѣйшій нашъ путь могъ быть открытъ только къ вечеру.

Когда мы спустились съ Квишетской горы, предъ нами предсталъ новый міръ—міръ Грузіи, и на первомъ планѣ очаровательная долина Арагвы. Дальнѣйшій путь, казалось, шелъ уже по прекрасному парку; до такой степени очаровательны были картины, представлявшіяся нашимъ взорамъ, по обоимъ сторонамъ Арагвы. Меня особенно восхищали разбросанныя по обоимъ склонамъ сосѣднихъ горъ хижины, по-туземному сакли, осѣненныя роскошными деревьями. Никакое поэтическое воображеніе не можетъ представить ничего, болѣе прелестнаго. Припоминая различные разсказы о томъ, какой это чудный край Грузія, о томъ, что, разъ побывавши въ ней, нельзя не влюбиться въ нее, я начиналъ думать, что вся она состоитъ изъ этихъ прелестныхъ хижинъ и что самъ Тифлисъ представляетъ нѣчто подобное. Но я скоро разочаровался: Душетъ, который мой почтенный кавказскій другъ Іоселіани называетъ въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ дверями Грузіи, тотчасъ ознакомилъ меня съ грузинскими городами. Бѣдныя сакли, грязные духаны съ отвратительными армянами—вотъ отличительныя черты ихъ. Однѣ только бѣлыя чадры, въ которыхъ, какъ тѣни, ходятъ закутанныя женщины, представляли нѣчто таинственное, особенно для великорусса, начитавшагося отличныхъ быть можетъ въ литературномъ отношеніи, но ужь вовсе невѣрныхъ романовъ о красавицахъ Грузіи. Всѣ эти «дѣвы горъ»—сущая нелѣпость. Эти дѣвы горъ, какъ я

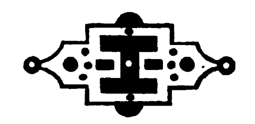
самъ видѣлъ, нѣчто въ родѣ домашнихъ животныхъ; но объ этомъ послѣ.

Само собою разумѣется, на путевыхъ, преходящихъ, впечатлѣніяхъ я не могъ основывать никакихъ положительныхъ выводовъ и всего ждалъ отъ Тифлиса, который, какъ столицу Грузіи, мое воображеніе украшало всевозможными прелестями. Я нарочно остановился ночевать въ Душетѣ, чтобы прибыть въ Тифлисъ въ срединѣ дня и, приближаясь къ нему, изучить внимательно всѣ внѣшнія его красоты. Надобно замѣтить, что грязь, царствовавшая въ это время на почтовой дорогѣ, въ Тифлисѣ, какъ говорили, достигла такой степени, что будто бы извощики отказались ѣздить. Съ большимъ волненіемъ я ожидалъ момента, когда Тифлисъ будетъ виденъ, и приказалъ, съ наступленіемъ этого момента, тотчасъ остановиться. Когда карета остановилась, я тотчасъ выскочилъ изъ нея и жадно сталъ искать на горизонтѣ башенъ, церквей, минаретовъ и т. п., которые я считалъ неизбѣжно дающими знать издалека о величіи столицы Грузіи. Къ удивленію, не видя ничего подобнаго, я нетерпѣливо спросилъ ямщиковъ: «Гдѣ же Тифлисъ?» — «А вонъ, вонъ!» — отвѣчали ямщики, указывая бичами въ одну сторону, впереди насъ. При значительномъ напряженіи зрѣнія, я увидѣлъ обычныя сѣрыя скалы и на нихъ прилѣпленныя и едва замѣтныя тѣ же сакли, которыя я видѣлъ по дорогѣ. Наши русскіе города, какъ бы они ни были плохи внутри, представляютъ почти всегда великолѣпный видъ для путника, къ нимъ приближающагося. Обиліе зелени, въ которой они большею частію утопаютъ, и высокія колокольни съ позолоченными главами,—всегда на первомъ планѣ. Съ приближеніемъ къ Тифлису, я ожидалъ того же съ примѣсью минаретовъ, которые такъ хороши въ описаніяхъ. Зелени я ожидалъ еще болѣе на томъ основаніи, что не разъ слышалъ, какъ Грузію называютъ садомъ Востока. Ничего этого не было, сколько я ни раскрывалъ глаза. Предъ нами лежалъ какой-то сѣрый, скучный, безжизненный фонъ, на которомъ видно было что-то лѣпящееся, скучное, безжизненное. Подавляемый недоумѣніемъ, я подумалъ, что вижу только подгородную слободу, какія существуютъ при губернскихъ городахъ и составляютъ самую бѣдную и непредставительную часть ихъ.

Подъ вліяніемъ этого соображенія, я спросилъ ямщиковъ: «Гдѣ же самый Тифлисъ лежитъ? Дальше что ль, за тѣмъ, что мы видимъ?»—«Извѣстно, дальше»,—отвѣчали они,—«Тифлисъ большой!» Это окончательно убѣдило меня въ моемъ предположеніи, и я спокойно усѣлся въ карету, въ надеждѣ насладиться видомъ Тифлиса, когда ближе къ нему подъѣду. Но эта надежда не оправдалась, потому что, приближаясь къ Тифлису, мы должны были подниматься на нѣсколько горъ, которыя совершенно закрываютъ городъ. На одной изъ этихъ горъ поставленъ большой чугунный крестъ въ ознаменованіе, что здѣсь упалъ императоръ Николай, выѣзжая изъ Тифлиса, въ которомъ онъ имѣлъ однѣ непріятности и который поэтому страшно возненавидѣлъ. Одолѣвъ послѣднюю гору, мы очутились лицомъ къ лицу къ городу; но новый внимательный взглядъ на него не представлялъ ничего великолѣпнаго. И дѣйствительно видъ на Тифлисъ со стороны такъ называемой Московской дороги—самый несчастный видъ. Изрытая мѣстность, залѣпленная домами и сакл ями съ плоскими крышами—и только. Зелени рѣшительно никакой; напротивъ, все казалось сухимъ, сѣрымъ, опаленнымъ. Я страшно разочаровался. Этимъ невыгоднымъ впечатлѣніямъ, безъ сомнѣнія, много содѣйствовала мерзѣйшая, сырая погода и невылазная грязь.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка.

V [1]).

Награды и возвышеніе Лестока.—Судъ надъ Остерманомъ, Минихомъ и Головкинымъ.—Осужденіе, помилованіе и ссылка.—Интриги Бестужева противъ Лестока.—Высылка Шетарди изъ Россіи и ссылка Лестока.—Разумовскій.—Иванъ Шуваловъ.—Депеша Стюарта.

Истиннымъ виновникомъ переворота былъ Лестокъ. Михаилъ Воронцовъ былъ еще совершенно юный, а Шварцъ — по происхожденію нѣмецъ, былъ музыкантъ, едва добившійся, послѣ многихъ мытарствъ, незначительной должности. Лестокъ воспользовался имъ для подкупа гренадеръ; необходимыя для этого деньги доставилъ де-ла-Шетарди. Всѣ были вознаграждены по заслугамъ. Шварцъ получилъ большія помѣстья, конфискованныя у нѣкоторыхъ сосланныхъ лицъ, и чинъ полковника. Воронцовъ, награжденный графскимъ титуломъ, который былъ ему пожалованъ курфирстомъ саксонскимъ, поступилъ на службу въ иностранную коллегію. Де-ла-Шетарди пользовался первое время величайшимъ вліяніемъ. Англійскій посланникъ, до нѣкоторой степени завидуя значенію своего коллеги, писалъ 15-го декабря:

«Первенствующую роль все еще играетъ здѣсь французскій по-

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1895 г.

сланникъ. За нимъ всѣ ухаживаютъ. Лейбъ-кампанцы съ нимъ лобызаются на придворныхъ собраніяхъ».

Что касается Лестока, то онъ, положительно, былъ осыпанъ милостями новой царицы. Финчъ писалъ 19-го декабря:

«Императрица пожаловала Лестоку ежегодную пенсію въ 7.000 р. и званіе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, что̀ равняетъ его въ правахъ съ главнокомандующимъ. Онъ остается лейбъ-медикомъ Ея Величества, и ему ввѣряется управленіе медицинскимъ департаментомъ. Ея Величество также пожаловала ему свой портретъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, цѣнностью въ 20.000 р., который онъ носитъ на шеѣ, на голубой лентѣ. Въ день рожденія императрицы, супруга Лестока присутствовала на утреннемъ пріемѣ при дворѣ, а вечеромъ на балѣ, и всякій считалъ за счастье удостоиться чести танцовать съ нею».

Триста гренадеръ, участвовавшихъ въ переворотѣ, также были вознаграждены: Елисавета образовала изъ нихъ лейбъ-кампанію, въ которой простые солдаты имѣли чинъ поручика; капралы и сержанты стали капитанами и маіорами, а шестеро солдатъ, принимавшихъ въ этомъ дѣлѣ главное участіе, были произведены въ подполковники и т. д. Сама императрица приняла званіе капитана лейбъ-кампаніи и носила присвоенный ей мундиръ, такъ какъ, по словамъ Финча, она любила носить мужское платье.

Этотъ переворотъ былъ отмѣченъ одною особенностью, которой онъ отличается отъ предыдущихъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ: онъ былъ сигналомъ къ подъему долго сдержаннаго національнаго духа, потому, смѣло можно сказать, что съ нимъ началась въ Россіи новая эра. Въ дѣлахъ внутренняго управленія новое вѣяніе сказалось изгнаніемъ той массы иностранцевъ, всѣхъ сословій и званій, которые были вызваны изъ разныхъ странъ Европы, съ цѣлью просвѣтить и цивилизовать Россію, научить ее ремесламъ и военному искусству. Въ числѣ этихъ иностранцевъ, на-ряду со многими авантюристами, были люди несомнѣнно достойные. Большинство изъ нихъ избѣжало смерти, угрожавшей имъ отъ разсвирѣпѣвшей черни, только поспѣшивъ выѣхать изъ Россіи. Величайшимъ преступленіемъ герцога брауншвейгскаго, его супруги, Миниха, Остермана и многихъ другихъ лицъ, оказавшихъ

своему пріемному отечеству выдающіяся услуги, было ихъ иноземное происхожденіе. Нельзя сказать, чтобы Елисавета Петровна по природѣ была жестока или питала къ нимъ, лично, особую ненависть, но ей было чуждо значеніе словъ: милосердіе и человѣчность, которыя она безпрестанно произносила; она не была сострадательна и, толкуя о Промыслѣ Божіемъ и его неисповѣдимыхъ путяхъ, она совершала,—говоритъ Финчъ,—вполнѣ хладнокровно самыя вопіющія дѣла. Желая задобрить дворянство, она считала нужнымъ потакать его страстямъ и хотѣла дать поживу военнымъ, которымъ она была обязана престоломъ. Сначала она хотѣла выслать герцога брауншвейгскаго, его супругу и малолѣтняго Іоанна Антоновича за границу, но они были препровождены только въ Ригу. Къ Миниху, Остерману и другимъ, такъ называемымъ государственнымъ преступникамъ, Елисавета отнеслась строже. Для разслѣдованія ихъ вины была назначена особая коммиссія, изъ оберъ-прокурора Сената князя Трубецкаго, начальника тайной розыскной канцеляріи генерала Ушакова, генерала Левашева, оберъ-шталмейстера князя Куракина, тайнаго совѣтника Нарышкина, бывшаго кабинетъ-министра Михаила Голицына, только-что возвращеннаго изъ ссылки, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, на угодливость которыхъ можно было разсчитывать.

Финчъ писалъ 19-го декабря 1741 года:

«Засѣданія коммиссіи, назначенной для суда надъ государственными преступниками происходятъ въ императорскомъ дворцѣ. Ея В. находится все время въ особой ложѣ, откуда она можетъ все видѣть и слышать, не будучи никѣмъ замѣчена; это дѣлается для того, какъ она говоритъ, чтобы обвиняемымъ не было оказано потворства или несправедливости. Въ виду подобнаго заявленія, конфискація ихъ имущества, ранѣе допроса, можетъ быть объяснена только обычаемъ, который соблюдается въ подобныхъ случаяхъ при здѣшнемъ дворѣ. Говорятъ, между прочимъ, будто заключенные были наказаны кнутомъ».

Въ той же депешѣ Финчъ присовокупляетъ:

«Фельдмаршалъ Минихъ долженъ былъ предстать передъ розыской канцеляріей, ибо въ этой странѣ нѣтъ учрежденія, заслуживающаго названія судебной палаты».

2-го января 1742 г. онъ писалъ о томъ же предметѣ:

«Судъ надъ обвиненными продолжается. Трудно себѣ представить безчеловѣчное обращеніе, коимъ подвергаются несчастные заключенные: оно усугубляется съ каждымъ днемъ, какъ говорятъ, по собственному повелѣнію тѣхъ, кто присутствуетъ на судѣ съ цѣлью не допустить несправедливости.

«Одинъ изъ тѣхъ солдатъ, которые были произведены въ поручики, заявилъ, будто фельдмаршалъ Минихъ говорилъ ему, во время ночнаго нападенія на герцога курляндскаго, что это дѣлается съ цѣлью возвести на престолъ цесаревну Елисавету. Минихъ отрицаетъ, чтобы имъ было говорено что-либо подобное, когда же имъ дали очную ставку, то поручикъ предложилъ наказать его кнутомъ, съ условіемъ, что если онъ и послѣ этого жестокаго наказанія, будетъ утверждать то же самое, тому же наказанію подвергли бы и старика-фельдмаршала. Чтобы избѣгнуть этого позорнаго наказанія, Минихъ призналъ себя виновнымъ во всемъ, что отъ него требовали; но изъ его показаній выяснилось, что великая княгиня сама желала, чтобы офицеры и солдаты, слѣдовавшіе за Минихомъ, повиновались ему».

Честный англичанинъ возмущался подобной несправедливостью и восклицаетъ съ негодованіемъ въ своей депешѣ отъ 5-го января:

«Я не знаю здѣсь ни одного человѣка, который могъ бы, во всякой иной странѣ, пользоваться репутаціей мало мальски честной личности».

Нѣсколько строкъ далѣе, онъ говоритъ:

«Новые совѣтники императрицы никакъ не могутъ дѣйствовать согласно; она весьма плохаго мнѣнія объ ихъ умѣ, а тѣмъ болѣе о ихъ нравственныхъ качествахъ».

Слѣдующій фактъ, передаваемый Финчемъ въ той же депешѣ, даетъ понятіе о томъ, что происходило въ это время въ Россіи:

«Одинъ оберъ-офицеръ былъ посланъ въ догоню за сверженнымъ императоромъ и его родителями, съ приказаніемъ наказать тѣлесно одну изъ горничныхъ герцогини, безъ объясненія причины; исполнивъ приказанное, онъ тотчасъ возвратился обратно».

Наконецъ, процессъ былъ оконченъ, сообразно съ желаніемъ

императрицы; предоставимъ еще разъ слово англійскому посланнику, писавшему 19-го февраля (н. ст.):

«Вчера, гр. Остерманъ, Минихъ, Головкинъ, Менгденъ, Левенвольде и секретарь Якоблицъ были возведены на эшафотъ. Около 10 часовъ утра появился Остерманъ, котораго особенно ненавидитъ императрица. Его принесли на стулѣ, такъ какъ онъ не можетъ ходить. Ему былъ прочтенъ обвинительный актъ, изложенный на пяти листахъ. Онъ выслушалъ его стоя, съ непокрытой головою; его осанка выражала твердость и полное вниманіе. Затѣмъ, ему объявленъ приговоръ: онъ былъ осужденъ къ колесованію, но эта казнь, по милосердію императрицы, была замѣнена отсѣченіемъ головы на эшафотѣ. Плаха и топоры были приготовлены. Солдаты потащили его къ одной изъ этихъ плахъ; онъ положилъ на нее голову, палачъ приблизился, разстегнулъ ему воротъ рубашки и халата, который былъ на немъ, и обнашилъ ему шею. Эта церемонія продолжалась съ минуту. Тогда ему было объявлено, что Ея В. даруетъ ему жизнь, замѣнивъ казнь пожизненной ссылкою, Остерманъ кивнулъ головою и тотчасъ сказалъ (это были единственныя слова, имъ произнесенныя): «Прошу васъ возвратить мнѣ мой парикъ и колпакъ»; онъ надѣлъ то и другое, застегнулъ воротъ рубахи и халата, при чемъ его лицо не выражало ни малѣйшаго волненія. Вслѣдъ затѣмъ, былъ прочитанъ приговоръ прочимъ пяти осужденнымъ, стоявшимъ у эшафота. Минихъ былъ приговоренъ къ четвертованію, прочіе къ обезглавленію; всѣмъ имъ, подобно Остерману, казнь была замѣнена пожизненной ссылкою. Всѣ они отпустили себѣ бороду, одинъ только Минихъ былъ выбритъ, хорошо одѣтъ, держался спокойно и беззаботно, не выказывая никакого страха, какъ будто онъ шелъ во главѣ войска на сраженіе или на парадъ. Онъ не обнаруживалъ ни малѣйшей боязни или волненія, съ самаго начала процесса до послѣдняго дня. По пути изъ крѣпости къ эшафоту онъ шутилъ съ конвойными, говоря, что они считали его храбрымъ, когда онъ имѣлъ честь вести ихъ въ битву, такимъ же они увидятъ его до конца».

Минихъ былъ сосланъ въ Сибирь, въ г. Пелымь, и помѣщенъ въ томъ самомъ домѣ, который былъ выстроенъ, какъ говорятъ, по его плану, для Бирона. Остерманъ сосланъ въ Березовъ, гдѣ умеръ

Меншиковъ и гдѣ онъ самъ скончался семь лѣтъ спустя въ 1747 г. Мѣсто ссылки Головкина неизвѣстно. Менгденъ содержался въ Ярославлѣ.

Многіе изъ лицъ, сосланныхъ въ предыдущее царствованіе, были возвращены въ Россію. Многимъ изъ нихъ императрица оказала особыя милости. Изъ всего семейства Долгорукихъ былъ живъ только одинъ фельдмаршалъ, но онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы играть какую-нибудь роль. Князь Михаилъ Голицынъ имѣлъ, какъ мы видѣли, удовольствіе засѣдать въ коммиссіи, по приговору которой его бывшіе противники получили столь ужасное возмездіе. Елисавета Петровна вспомнила также объ одномъ сосланномъ, пострадавшемъ собственно изъ-за нея и котораго она не позабыла, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ: мы говоримъ о Шубинѣ, томъ гренадерѣ, который пользовался ея расположеніемъ и былъ у нея отнятъ Бирономъ. Его тщетно розыскивали долгое время и нашли совершенно случайно два года спустя. Елисавета не возвратила ему своего благоволенія, ограничившись зачисленіемъ его въ лейбъ-кампанію, съ чиномъ генералъ-маіора. Въ порывѣ великодушія, Елисавета, сохранившая доброе воспоминаніе о Биронѣ, хотѣла вернуть его ко двору и возвратить ему герцогство Курляндское. По всей вѣроятности, ее отговорилъ отъ этого Бестужевъ, изъ боязни встрѣтиться со своимъ прежнимъ другомъ, которому онъ такъ гнусно измѣнилъ. Однако, участь Бирона все же была смягчена. Онъ былъ освобожденъ изъ строгаго заточенія въ суровомъ Пелымѣ; ему было повелѣно жить въ Ярославлѣ, гдѣ онъ пользовался, сравнительно, свободою; ему было дозволено также пользоваться извѣстною частью доходовъ съ его курляндскихъ помѣстій. Его братья, Карлъ и Густавъ Бироны, были вполнѣ помилованы.

Въ началѣ царствованія Елисаветы, наибольшимъ вліяніемъ у императрицы пользовался Лестокъ, который, вмѣстѣ съ де-ла-Шетарди, имѣлъ рѣшающій голосъ во всѣхъ дѣлахъ; совѣты его, безъ всякаго сомнѣнія, были весьма полезны, ибо онъ отличался здравымъ смысломъ и умомъ, если не считать нѣкоторыхъ смѣшныхъ выходокъ, свойственныхъ обыкновенно выскочкамъ. Но онъ не могъ играть никакой роли въ политикѣ, въ силу своего иностраннаго происхожденія, а кромѣ того, былъ совершенно несвѣдущъ въ госу-

дарственныхъ дѣлахъ и вполнѣ неспособенъ засѣдать въ Верховномъ Совѣтѣ. Одинъ изъ членовъ старорусской партіи, князь Черкаскій, оставшійся государственнымъ канцлеромъ, былъ старъ и лѣнивъ; другой, князь Трубецкой, былъ пригоденъ лишь на то, чтобы, въ качествѣ оберъ-прокурора Сената, изыскивать мнимую вину тѣхъ невинныхъ, отъ которыхъ императрица желала отдѣлаться. Воронцовъ былъ слишкомъ молодъ и положительно не имѣлъ никакихъ достоинствъ. Елисавета была неспособна сама управлять государствомъ и, возсѣвъ на престолъ, продолжала вести свой обычный образъ жизни. Лестокъ указалъ ей на Бестужева, который могъ замѣнить Остермана и руководить сношеніями Россіи съ иностранными державами. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда вся Европа готова была взяться за оружіе, этими дѣлами обязательно долженъ былъ завѣдывать человѣкъ опытный, свѣдущій въ дѣлахъ. Бестужевъ несомнѣнно обладалъ этими качествами, въ особенности онъ былъ знакомъ лучше всѣхъ русскихъ съ иностранными дворами и кабинетами. Къ сожалѣнію, признательность не была въ числѣ добродѣтелей Бестужева; это пришлось вскорѣ испытать на себѣ Лестоку, который могъ, впрочемъ, это предвидѣть. Бестужевъ опасался вліянія, коимъ пользовался Лестокъ, въ качествѣ лейбъ-медика императрицы, имѣвшій къ ней доступъ во всякое время, и онъ старался всевозможными происками погубить его. Первый ударъ былъ нанесенъ Лестоку отъѣздомъ де-ла-Шетарди, который увезъ съ собою, какъ говорятъ, подарковъ на милліонъ франковъ. Нѣсколько недѣль спустя скончался канцлеръ (въ ноябрѣ 1742 г.). Бестужевъ занялъ его мѣсто, и вице-канцлеромъ былъ назначенъ, по его желанію, Воронцовъ, въ которомъ онъ разсчитывалъ найти сговорчиваго помощника. Тогда между Лестокомъ и Бестужевымъ началась открытая борьба, которая могла окончиться не иначе, какъ полнымъ пораженіемъ одного изъ соперниковъ. Лестокъ, дѣйствуя сообща съ оберъ-прокуроромъ, княземъ Трубецкимъ, обвинялъ Бестужева въ участіи въ заговорѣ, составленномъ будто бы посланникомъ королевы венгерской, маркизомъ Богитою-Адорно. За это Бестужевъ отплатилъ ему, гораздо успѣшнѣе, на слѣдующій годъ (въ 1744 г.). Де-ла-Шетарди возвратился въ Россію съ порученіемъ, во что бы то ни стало, вовлечь царицу въ обще европейскую

войну. Помѣхою этому являлся Бестужевъ, у котораго были иные виды; поэтому де-ла-Шетарди, желая дѣйствовать въ интересахъ своего монарха, въ то же время быть полезнымъ Лестоку и упрочить свое собственное вліяніе у императрицы, вознамѣрился, вскорѣ послѣ своего пріѣзда, добиться отставки государственнаго канцлера. Ему готова была помогать въ этомъ мать будущей великой княгини, Екатерины Алексѣевны, принцесса Цербтская, которая была предана Пруссіи, дѣйствовавшей въ то время за-одно съ Франціей. Бестужевъ узналъ объ этихъ проискахъ, со свойственной ему рѣшимостью принялъ мѣры, не теряя времени. Переписка де-ла-Шетарди была перехвачена, дешифрирована и предъявлена императрицѣ, которая нашла въ ней много для себя непріятнаго. Результатомъ всѣхъ этихъ интригъ, въ которыхъ довольно трудно разобраться, было то, что де-ла-Шетарди, не успѣвъ предъявить своихъ ввѣрительныхъ грамотъ, былъ высланъ за границу, предварительно испытавъ немало непріятностей, а Лестокъ былъ погубленъ во мнѣніи императрицы. Версальскій кабинетъ, вмѣсто того чтобы выразить, по поводу случившагося, свое неудовольствіе, подавилъ свое справедливое негодованіе точно такъ же, какъ и въ предыдущемъ году Вѣнскій дворъ, и, желая пріобрѣсти благосклонность Елисаветы, титуловалъ ее императрицею,—отличіе, котораго она добивалась и которымъ не пользовались ея предшественницы. Что касается Лестока, то онъ былъ нѣсколько лѣтъ въ немилости у императрицы; пока Бестужевъ не нашелъ, въ 1749 г., наконецъ, предлога окончательно погубить его. Обвиненный въ государственной измѣнѣ, онъ былъ допрошенъ въ розыскной канцеляріи, коей начальникъ, генералъ Шуваловъ, былъ креатурою Бестужева; его неоднократно пытали; оставшись въ живыхъ, онъ былъ сосланъ въ Угличъ, небольшой городокъ Ярославской губерніи на берегу Волги, а въ 1753 г. переведенъ въ Устюгъ-Великій, неподалеку отъ Архангельска. Нѣтъ надобности прибавлять, что обширныя помѣстья, полученныя имъ отъ щедротъ Елисаветы, были розданы тѣмъ лицамъ, которыя искали его погибели.

Елисавета Петровна, повидимому, прочно утвердилась на престолѣ, ибо въ Россіи не было болѣе ни одного члена царской фамиліи, который могъ бы оспаривать у нея власть. Несчастный

Іоаннъ Антоновичъ томился въ заточеніи. Его сторонники, ежели таковые существовали, всячески скрывались; ихъ не удалось обнаружить, несмотря на самый тщательный розыскъ. Было запрещено, подъ угрозою жестокаго наказанія, произносить его имя и даже сохранять монеты, выбитыя въ его царствованіе. Однако, Елисавета не была покойна. Она видѣла нѣсколько переворотовъ. Можетъ быть, ея страхъ былъ основателенъ, ибо англійскій посланникъ, лордъ Гиндфордъ, писалъ 7 іюня 1745 г.:

«За одной изъ занавѣсей былъ найденъ человѣкъ, замышлявшій покушеніе на императрицу. Самыя жестокія пытки не вырвали у него ни слова. Елисаветой овладѣлъ такой ужасъ, что она рѣдко проводитъ два дня въ одномъ и томъ же мѣстѣ; весьма немногимъ извѣстно, гдѣ она ночуетъ».

Впрочемъ, эта вѣчная боязнь, поддерживаемая слухами о заговорахъ, то и дѣло будто бы обнаруживаемыхъ, не мѣшала Елисаветѣ предаваться однимъ удовольствіямъ. Въ первые годы по вступленіи на престолъ у нея былъ фаворитъ, игравшій въ ея царствованіе видную роль. Алексѣй Разумовскій былъ сынъ украинскаго крестьянина. Благодаря своему прекрасному голосу, онъ былъ взятъ, совершенно юнымъ, въ церковный хоръ въ одномъ маленькомъ провинціальномъ городкѣ. Впослѣдствіи онъ поступилъ въ придворную капеллу, гдѣ его увидѣла Елисавета, послѣ ссылки Шубина. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ большое вліяніе на Елисавету, но слѣдуетъ отдать справедливость Разумовскому, что онъ всегда пользовался своимъ вліяніемъ весьма умѣренно и сумѣлъ заслужить уваженіе и почтеніе всѣхъ приближенныхъ принцессы Елисаветы. Послѣ кончины Анны Іоанновны онъ былъ назначенъ однимъ изъ камергеровъ Елисаветы Петровны; по вступленіи на престолъ, она назначила его, въ день коронаціи, оберъ-егермейстеромъ, пожаловала ему графскій титулъ и орденъ св. Андрея Первозваннаго; впослѣдствіи, Разумовскій, никогда не бывъ военнымъ, получилъ званіе фельдмаршала. Ему были пожалованы Елисаветой несмѣтныя богатства, и онъ сохранилъ, до кончины императрицы, если не исключительную ея привязанность, то, по крайней мѣрѣ, ея довѣріе. Единственная привязанность, которая могла тревожить его, было благоволеніе ея къ Ивану Шувалову, но и это не безпокоило Ра-

зумовскаго. Онъ находился въ наилучшихъ съ нимъ отношеніяхъ. Дѣйствительно, между ними никогда не бывало ссоръ, они жили вполнѣ дружно, дѣйствовали всегда за-одно, преслѣдуя одинакія цѣли, имѣя однѣ симпатіи и никогда не противорѣча другъ другу. Императрица оказывала имъ одинаково полное довѣріе и предпочитала ихъ общество всякому иному. Рѣдко приходилось видѣть при дворѣ что-либо подобное. Правда, Разумовскій былъ нетребователенъ; къ тому же онъ вовсе не желалъ вмѣшиваться въ дѣла государственныя. Но всего замѣчательнѣе, что его братъ, Кириллъ Разумовскій, благодаря его протекціи пожалованный, на двадцатомъ (?) году жизни, гетманомъ казацкаго войска и имѣвшій на него огромное вліяніе, также нисколько не завидовалъ значенію Шувалова и его партіи.

Иванъ Шуваловъ, въ противоположность Разумовскому, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго, но обѣднѣвшаго рода. Онъ былъ принятъ въ пажи къ императрицѣ по протекціи своего родственника, генерала Петра Шувалова, имѣвшаго при дворѣ большое вліяніе, и жена котораго была одною изъ любимицъ государыни; онъ вскорѣ былъ замѣченъ, благодаря своей красивой наружности. Шуваловъ былъ также не требователенъ, какъ и Разумовскій, и желая одного — спокойно пользоваться расположеніемъ государыни,—онъ не отличался особеннымъ умомъ, былъ характера слабаго и робкаго и поэтому не могъ принимать участія въ дѣлахъ управленія. Шуваловъ былъ до извѣстной степени безкорыстенъ, и хотя вмѣшивался болѣе Разумовскаго въ политическія интриги, но дѣйствовалъ такъ, по всей вѣроятности, по наущенію окружающихъ, которые ловко умѣли задѣть его тщеславіе. Иванъ Шуваловъ, кажется, первый изъ русскихъ вельможъ понялъ, какое огромное значеніе могутъ имѣть пріязнь и похвалы остроумныхъ французовъ. Онъ старался заручиться расположеніемъ Вольтера, и ему пришла счастливая мысль убѣдить этого геніальнаго человѣка написать исторію или, лучше сказать, панегирикъ Петру I. Онъ же ввелъ при петербургскомъ дворѣ подражаніе парижскимъ модамъ, французскій языкъ и нравы, которые пріобрѣли съ тѣхъ поръ при немъ исключительное право гражданства. Между прочими новшествами имъ былъ заведенъ въ Петербургѣ французскій театръ.

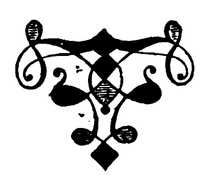
Эти подробности рисуютъ намъ внутренній бытъ Россіи въ ту эпоху. Не подлежитъ сомнѣнію, что развратъ царилъ открыто среди лицъ, у власти стоявшихъ, и во всѣхъ слояхъ общества, преимущественно въ высшемъ классѣ.

По словамъ Уича (Wich), ни одна принцесса въ Европѣ, подобно Елисаветѣ, вступая на престолъ, не подавала болѣе блестящихъ надеждъ: Провидѣніе одарило ее всѣми качествами и талантами, которые могли пріобрѣсти ей любовь и уваженіе подданныхъ и другихъ націй. Но излишняя страсть къ удовольствіямъ губитъ въ ней многое и можетъ вызвать въ концѣ концовъ непоправимыя бѣдствія».

Четырнадцать лѣтъ спустя, это пророчество отчасти сбылось; всѣ бѣдствія, которыхъ можно было ожидать, видя подобное начало царствованія, обнаружились во всей своей полнотѣ, и посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, Стюартъ, могъ, безъ всякаго преувеличенія, писать:

«Русское общество представляетъ, въ настоящее время, страшную картину распущенности, неустройства и полнаго пренебреженія къ основамъ всякаго благоустроеннаго гражданскаго общества. Императрица слушаетъ только Шуваловыхъ и смотритъ только ихъ глазами: она ни о чемъ не заботится, продолжаетъ вести свой обычный образъ жизни и предоставила имперію буквально на произволъ. Никогда еще дѣла не были въ Россіи такъ запущены и не находились въ такомъ опасномъ и жалкомъ состояніи. Ни въ комъ не осталось и тѣни добросовѣстности, чести, довѣрія, скромности и справедливости».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такая масса единогласныхъ и вполнѣ сходныхъ между собою отзывовъ заслуживаютъ довѣрія, но когда при этомъ видишь, что русская держава не только не пришла въ упадокъ, но что могущество ея постоянно возрастаетъ, то поневолѣ приходишь къ заключенію, что положеніе, которое было бы немыслимо во всякомъ иномъ государствѣ, является вполнѣ нормальнымъ въ этой странѣ.

*

Оригинальный вопросъ начальству.

Гдовскій городничій, подполковникъ Филиппъ Никол. Кр—скій, 1-го декабря 1850 г. № 77, послалъ своему начальнику, петербургскому гражданскому губернатору Никол. Вас. Жуковскому, слѣдующій секретный рапортъ:

«Если кто-либо изъ чиновниковъ, въ какой бы то ни было компаніи, въ присутствіи моемъ, при свидѣтеляхъ, дозволитъ себѣ бранить моихъ начальниковъ неприличными словами,—то имѣю ли я право таковыхъ чиновниковъ тотчасъ же арестовать съ посаженіемъ на военную гауптвахту? На что имѣю честь испрашивать разрѣшенія вашего превосходительства, докладывая при томъ, что этакихъ важныхъ обстоятельствъ въ городѣ Гдовѣ по настоящее время въ присутствіи моемъ еще не случалось».

Городничій получилъ на это такой отвѣтъ губернатора отъ 16 декабря № 620:

«Къ сожалѣнію, я уже получаю отъ васъ второй подобный рапортъ, недостойный даже отвѣта: ибо каждый чиновникъ долженъ руководствоваться законами, а не спрашивать начальника губерніи, особенно о такихъ обстоятельствахъ, которыя въ существѣ своемъ ничтожны, но доказываютъ желаніе городничаго пріобрѣсть лишь власть болѣе опредѣленной закономъ».

Русскій алфавитъ въ дѣяніяхъ императора Александра I.

На случай возвратнаго шествія государя императора въ Россію въ 1814 году.

Александръ **Б**лагословенный, **В**ысотою **Г**енія **Д**ержавы **Е**вропейскія **Ж**естокихъ **З**олъ **И**збавившій, **К**ороны **Л**ишившій **М**учителя **Н**аполеона, **О**градившій **П**редѣлы **Р**оссіи **С**оюзами **Т**вердыми, **У**вѣнчавшій **Ф**ранціи **Х**ристіаннѣйшихъ **Ц**арей, **Ч**естію **Ш**ествуетъ, **Щ**астіе **Ю**гу **Я**вивъ.

Н. Тухмачовъ.

Сообщилъ С. Богослюбскій.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.

1877—1878 гг.

ГЛАВА VII [1]).

Попытка князя Черкаскаго заручиться болгарскимъ ополченіемъ, какъ мѣстною военною силою.—Назначеніе ополченія для военныхъ дѣйствій.—Содѣйствіе князя Черкаскаго устройству развѣдочной части.—Изданіе «Летучаго военнаго листка».—Порядокъ обезпеченія арміи продовольствіемъ въ Румыніи и за Дунаемъ.—Контрактъ съ товариществомъ Грегера, Горвица, Когана и К°.—Неисправныя дѣйствія товарищества въ Румыніи.—Представленія полеваго контроля.—Основанія продовольствія войскъ за Дунаемъ.

О сформированіи при дѣйствующей арміи болгарскаго ополченія въ составѣ, на первое время, шести дружинъ и шести сотенъ, объявлено было въ приказѣ главнокомандующаго отъ 17-го апрѣля 1877 г. № 40. Начальникомъ ополченія назначенъ генералъ-маіоръ Столѣтовъ, а начальникомъ его штаба—генеральнаго штаба полковникъ Рынкевичъ [2]).

Со времени переѣзда главнокомандующаго въ Плоэшти (2 мая 1877 г.), болгарскія дружины содержали караулъ—у входа и вну-

---

[1]) См. «Русскую Старину» августъ 1895 года.

[2]) Раненый на Шипкѣ въ августѣ 1877 г, полковникъ Рынкевичъ былъ замѣненъ флигель-адъютантомъ графомъ Келлеромъ.

треннiй — въ домѣ, избранномъ для помѣщенія великаго князя. Въ этотъ же день, для встрѣчи румынскаго князя Карла, на станціи желѣзной дороги въ Плоэшти, почетный караулъ былъ выставленъ отъ болгарскаго ополченія, и ополченцы произвели на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе молодцеватымъ видомъ, отличною выправкою и превосходнымъ обмундированіемъ. Такимъ карауломъ могла похвалиться всякая старая часть войска, а не только-что едва сформированныя дружины. Такимъ же карауломъ встрѣтило ополченіе и покойнаго государя Александра II.

Находясь постоянно подъ глазами начальства арміи, день ото дня все болѣе и болѣе совершенствуясь и втягиваясь въ военную практику, болгарскія дружины весьма быстро приняли видъ благоустроенныхъ частей и съ полнымъ успѣхомъ отбыли смотръ главнокомандующаго. Ополченіе явилось на смотру столь хорошо сплоченною и отлично обученною частью, что похваламъ не было конца, и въ высшихъ сферахъ арміи сложилось убѣжденіе въ полной возможности считать ополченіе частью военною, готовою къ участію въ бою, наравнѣ съ нашими войсками.

Съ самаго возникновенія мысли о болгарскомъ ополченіи, князь Черкаскій былъ постоянно приглашаемъ на всѣ по сему дѣлу совѣщанія, зналъ о всѣхъ подробностяхъ его развитія, готовилъ добровольцамъ обмундированіе и вообще считалъ ополченіе весьма для себя близкимъ по той роли, которая предназначалась ему «по охранѣ спокойствія и порядка въ Задунайскомъ краѣ». Опираясь на это оффиціально выраженное назначеніе ополченія, князь разсчитывалъ имѣть въ немъ надежную силу, знакомую съ мѣстными условіями и весьма пригодную для поддержанія гражданскихъ властей, которыя займутся организаціею края. Личныя сношенія его съ генераломъ Столѣтовымъ, повидимому, не оставляли желать ничего лучшаго, а командиромъ 1-й бригады ополченія назначенъ былъ начальникъ отдѣленія гражданской канцеляріи, полковникъ Корсаковъ. Такимъ образомъ казалось, что отношенія болгарскаго ополченія къ гражданскому управленію устанавливали достодолжныя, т. е. одинаково выгодныя, для обѣихъ сторонъ.

Между тѣмъ, на дѣлѣ, вышло другое.

Генералъ Столѣтовъ оказался вовсе не сочувствующимъ той

цѣли, которую рѣшено было придать ополченію по смыслу записки, составленной въ главномъ штабѣ. Охранять порядокъ и спокойствіе въ краѣ, помогать устраивающейся въ немъ русской гражданской администраціи и быть начальникомъ мѣстныхъ войскъ не казалось ему заманчивымъ. Онъ склонялся болѣе къ предположеніямъ генерала Фадѣева и находилъ наиболѣе соотвѣтственнымъ предоставить болгарскому ополченію дѣятельное участіе въ освобожденіи отечества въ бою, съ оружіемъ въ рукахъ, наравнѣ съ русскими войсками. Всѣ кадровые русскіе офицеры, выбранные изъ разныхъ частей арміи и высланные въ главную квартиру, нисколько не сомнѣвались, что имъ предстоятъ военные подвиги, и съ рвеніемъ принялись обучать братушекъ, въ полной надеждѣ, что, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, они не останутся гдѣ-нибудь въ тылу, въ то время, когда товарищи ихъ станутъ пожинать лавры и будутъ отличаться.

Это вызвало протестъ со стороны князя Черкаскаго, какъ представителя гражданскаго вѣдомства. Указывая на первую статью правилъ объ ополченіи, онъ стоялъ на томъ, что болгарскія дружины должны представлять внутреннюю силу, черпающую средства для своего пополненія въ тѣхъ именно мѣстностяхъ Болгаріи, гдѣ будутъ расположены дружины.

Несогласія относительно способа употребленія дружинъ болгарскаго ополченія окончились полною побѣдою генерала Столѣтова. Рѣшено было считать дружины вполнѣ пригоднымъ военнымъ матеріаломъ и предназначить ихъ для дѣйствія въ полѣ. Отношенія между гражданскими и военными властями, по этому предмету, замѣтно обострились; связь ополченія съ гражданскимъ управленіемъ порвалась совершенно, и дружины 29-го мая 1877 года ушли изъ Плоэшти къ Дунаю, до такой степени неожиданно и скрытно, что генералъ Столѣтовъ не успѣлъ даже свидѣться къ кѣмъ-либо изъ гражданскаго вѣдомства, а между тѣмъ поводовъ для совѣщанія было много; вся матеріальная, дорого стоющая часть ополченія — бросалась въ Плоэшти; обмундированіе на новыя шесть дружинъ ожидалось изъ Москвы, и о его пріемѣ и распредѣленіи не было сдѣлано никакихъ распоряженій; комплектованіе ополченія за Дунаемъ ничѣмъ обезпечено не было. Словомъ, ополченіе окончательно

разрывало связи съ гражданскими властями при арміи и начинало свои военныя приключенія. Плачевные результаты не заставили себя ждать, послѣдовали быстро и въ гораздо болѣе грозномъ видѣ, чѣмъ это предвидѣлось княземъ Черкаскимъ.

Гордый и самолюбивый князь Черкаскій никогда не прибѣгалъ къ услугамъ газетъ, а тѣмъ болѣе не держалъ около себя корреспондентовъ, готовыхъ восхищаться и громко трубить о подвигахъ своихъ патроновъ. Надъ любителями прикармливанія корреспондентовъ онъ втихомолку посмѣивался, говаривая, однако, что ихъ можно обвинить въ похвальбѣ, но отнюдь не въ глупости. Во время всей кампаніи 1877—1878 гг. о дѣйствіяхъ князя Черкаскаго почти ничего не печаталось ни въ нашихъ, ни въ заграничныхъ газетахъ. Между тѣмъ, по пословицѣ: «добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ»—масса его недоброжелателей не стѣснялась словесно и въ частныхъ письмахъ распространять о немъ множество нелѣпостей изъ-за дровъ, даже изъ-за щепокъ, не видя лѣса. Вотъ почему дѣятельность князя Черкаскаго за это время совершенно неизвѣстна вообще, а въ частности вполнѣ незамѣтно прошло то горячее участіе, которое онъ, съ явно вредными для себя послѣдствіями, принялъ въ устройствѣ развѣдочной части арміи.

Видя и испытывая на себѣ лично подчасъ просто комичныя усилія полеваго штаба сохранить тайну военныхъ операцій, князь Черкаскій, въ разговорахъ съ генераломъ Непокойчицкимъ, не безъ ехидства замѣчалъ, что похвальныя старанія скрыть свои дѣйствія, вѣроятно, соотвѣтствуютъ усиліямъ раскрыть силы непріятеля и проникнуть въ его тайны. На этомъ обыкновенно разговоры прекращались, такъ какъ начальникъ штаба безстрастно отмалчивался.

8-го іюня 1877 г. князь Черкаскій ѣздилъ изъ Бухареста въ Катрочены (загородный дворецъ румынскаго князя), гдѣ находился тогда главнокомандующій. Великій князь, только-что возвратившійся отъ принца Карла и князя Милана, казался очень озабоченнымъ. «Ну,—сказалъ онъ, обращаясь къ Непокойчицкому, Черкаскому и Левицкому—всѣ и вся знаютъ во всѣхъ подробностяхъ о нашихъ намѣреніяхъ! Какъ это дѣлается?»

Не имѣвшій никакихъ поводовъ скрывать свои мысли, князь

Черкаскій объяснилъ, что мы, кажется, преимущественно заняты скрываніемъ своихъ намѣреній другъ отъ друга до самыхъ ничтожныхъ мелочей, за то о всемъ важномъ и серьезномъ передаемъ жидовскимъ агентамъ товарищества по продовольствію, а они не стѣсняясь ничѣмъ, разсказываютъ всѣмъ и каждому все, что узнаютъ сами. Отсюда и разгадка того, что всѣ и вся знаютъ объ насъ подноготную. Но не въ этомъ дѣло; весьма понятно, что противники наши стараются узнать о нашихъ распоряженіяхъ, надо и намъ самимъ думать о томъ же и всемѣрно стараться раскрыть силы и средства непріятеля, его помыслы и намѣренія и проч., а между тѣмъ мы, кажется, вовсе не думаемъ объ этомъ, и наша развѣдочная часть устроена плохо.

Главнокомандующій, вначалѣ, видимо былъ недоволенъ такимъ прямымъ осужденіемъ военныхъ распоряженій, но въ концѣ концовъ согласился, что развѣдочная часть дѣйствительно совершенно неустроена. Тогда князь Черкаскій предложилъ помочь дѣлу и указалъ на полную возможность устроить собираніе свѣдѣній о непріятелѣ чрезъ преданныхъ намъ болгаръ, которые, не подлежитъ никакому сомнѣнію, отзовутся на призывъ и сами укажутъ, какъ повести это дѣло. При этомъ князь Черкаскій добавилъ, что бывшему нашему вице-консулу въ Варнѣ, г. Даскалову, давно уже поручено имъ, еще изъ Кишинева, собрать свѣдѣнія о благонадежныхъ лицахъ въ различныхъ частяхъ края и что у него имѣются списки многимъ болгарамъ, вполнѣ готовымъ служить интересамъ арміи, а слѣдовательно интересамъ и своей родины. Предложеніе было практично и заявлено именно въ то время, когда недостаточность развѣдочной части была указана самимъ главнокомандующимъ. Великій князь немедленно далъ согласіе на предложеніе князя Черкаскаго, и дѣло уладилось. Въ «Дневникѣ» моемъ, подъ 10-мъ іюня все вышеприведенное закончено фразой: «четыре человѣка отправились изъ Плоэшти за Дунай».

Болгары дѣйствительно оправдали надежды князя Черкаскаго и вѣрою и правдою служили нашему «капитану надъ вожатыми» генеральнаго штаба, полковнику Артамонову, доставляя ему массу драгоцѣнныхъ по вѣрности и точности свѣдѣній. Во многихъ мѣстахъ историческихъ трудовъ генерала Куропаткина упоминается,

что теперь, когда стали извѣстны оффиціальныя данныя, опубликованныя турками, выяснилось, что справочныя свѣдѣнія полковника Артамонова, основанныя на сообщеніяхъ мѣстныхъ болгаръ, часто расходясь со свѣдѣніями, добытыми полевымъ штабомъ инымъ путемъ, были гораздо ближе къ дѣйствительности.

Особою ревностью и полнымъ безкорыстіемъ въ этомъ дѣлѣ отличался извѣстный впослѣдствіи болгарскій дѣятель—Начевичъ. Не жалѣя силъ и расходовъ изъ его собственныхъ средствъ, онъ разъѣзжалъ по краю и черезъ своихъ довѣренныхъ знакомцевъ добывалъ прекрасныя свѣдѣнія. По окончаніи войны, главнокомандующій, въ знакъ уваженія къ полной безкорыстія самоотверженности Начевича, наградилъ его орденомъ св. Владиміра четвертой степени, но и этой мзды Начевичъ не желалъ за свои заслуги. Чтобы дать г. Начевичу возможность служить въ нашемъ гражданскомъ управленіи, князь Черкаскій опредѣлилъ его помощникомъ завѣдывающаго учрежденными въ Филиппополѣ практическими курсами русскаго языка.

Изданіе «Летучаго военнаго листка» было задумано и проведено В. Крестовскимъ, состоявшимъ при главной квартирѣ въ качествѣ корреспондента «Правительственнаго Вѣстника». Имѣя много свободнаго времени и желая наполнить свои досуги какимъ-либо литературнымъ дѣломъ, онъ затѣялъ издавать военную газету, въ которой думалъ печатать не только оффиціальныя реляціи, но и корреспонденціи изъ разныхъ частей войскъ съ цѣлью ознакомить офицеровъ арміи и всю русскую публику со внутреннею боевою обстановкою войскъ. Талантливому В. Крестовскому оказывалось въ штабѣ особое вниманіе, и на изданіе газеты, несмотря на весьма значительные расходы по устройству особой для нея типографіи, согласились довольно легко. Однако, давая предварительное разрѣшеніе, генералъ Непокойчицкій желалъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ приняло участіе и гражданское управленіе, т. е. въ сущности самъ князь Черкаскій, какъ лицо, имѣющее связь съ литературой и литераторами. Князь положительно отклонилъ участіе гражданскаго управленія въ расходахъ по изданію «Листка», но чтобы не входить въ противорѣчіе со штабомъ по дѣлу, не имѣющему никакой

важности, согласился на назначеніе отъ гражданскаго вѣдомства соредактора г. Крестовскому. Этимъ соредакторомъ, по просьбѣ самаго В. Крестовскаго, былъ назначенъ М. Ѳ. Мецъ, служившій въ гражданскомъ управленіи помощникомъ начальника отдѣленія (нынѣ—1894 г.—редакторъ журнала «Русское Судоходство»). Его освободили отъ занятій по гражданской канцеляріи, сохранивъ штатное содержаніе. Летучій листокъ въ самомъ скоромъ времени сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ промаховъ, подвергся запрещенію помѣщать что-либо кромѣ оффиціальныхъ донесеній и влачилъ незавидное существованіе, печатая реляціи давно уже извѣстныя изъ столичныхъ газетъ. Ничего дурнаго о немъ однако сказать нельзя.

Въ высочайше утвержденной 16-го ноября 1876 года «инструкціи завѣдывающему гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующею арміей» ни слова не сказано объ обязанностяхъ гражданскаго управленія по вопросу о продовольствіи войскъ. Начальство арміи во время составленія инструкціи заявило, что продовольствіе войскъ во время предстоявшей войны обезпечено будетъ особыми распоряженіями по военному вѣдомству, и привлеченіе къ этому дѣлу гражданскаго при арміи управленія считается излишнимъ. Въ силу этого, никакихъ согласованій между дѣйствіями интендантства, долженствовавшаго такъ или иначе пользоваться средствами края, и гражданской части, предназначенной для управленія страною—сдѣлано не было. Каждому было предоставлено дѣйствовать независимо другъ отъ друга, причемъ гражданскому вѣдомству прямо было указано, что его содѣйствія дѣлу продовольствія войскъ не требуется.

Между тѣмъ обстоятельства, на театрѣ войны, сложились такимъ образомъ, что съ одной стороны гражданское управленіе сочло долгомъ настаивать на привлеченіи мѣстной администраціи къ дѣлу обезпеченія арміи продовольствіемъ и на упорядоченіи пользованія мѣстными средствами, а съ другой возникли противъ него разныя неудовольствія и нареканія частныхъ воинскихъ начальниковъ, находившихъ, что гражданскія власти дѣйствіями своими вредятъ успѣшному продовольствію войскъ.

Такое разномысліе по столь важному, капитальнѣйшему, можно

сказать, вопросу выразилось на практикѣ массою недоразумѣній, чрезвычайно вредно отразившихся на ходѣ дѣлъ вообще и участи гражданскаго управленія въ особенности. Для выясненія сути дѣла и чтобы сдѣлать понятными послѣдующія событія, здѣсь приведены, въ общихъ чертахъ, распоряженія, сдѣланныя военнымъ начальствомъ по предмету обезпеченія арміи продовольствіемъ за границей и на театрѣ войны. Намѣренія изслѣдовать этотъ вопросъ самостоятельно у меня не было, и я не имѣлъ для того достаточныхъ матеріаловъ. Все приводимое мною въ настоящей статьѣ о продовольственной части арміи основано на данныхъ, непосредственно касавшихся гражданскаго управленія, хорошо мнѣ извѣстныхъ; причемъ за достовѣрность ихъ изложенія я принимаю на себя полную отвѣтственность. Подобная оговорка не исключаетъ однако возможности приведенія нѣкоторыхъ быть можетъ и не безъосновательныхъ возраженій противъ моихъ показаній. Истинные мотивы, которыми руководилось интендантство, не были мнѣ извѣстны во время войны, не разъяснились они и послѣ. Поэтому нельзя сказать положительно, что въ послѣдовавшихъ недоразумѣніяхъ гражданское управленіе всегда было право, а интендантство дѣйствовало неосновательно. Выяснится это съ полною ясностью и убѣдительностью только тогда, когда со стороны интендантства появится такое же документальное изложеніе фактовъ о его распоряженіяхъ, какое приводится ниже о дѣйствіяхъ гражданскаго вѣдомства. Появленіе возраженій въ этомъ именно смыслѣ весьма желательно и поучительно.

Готовясь вести войну въ Европейской Турціи, наше интендантство не получило, повидимому, достаточныхъ свѣдѣній о продовольственныхъ средствахъ тѣхъ странъ, въ которыхъ ожидались — или большое скопленіе войскъ (Румынія) или военныя дѣйствія (Задунайскій край). Само интендантство, чрезъ своихъ собственныхъ агентовъ, общихъ, систематическихъ данныхъ не собирало ни прежде, ни даже въ то время, когда, въ полномъ своемъ составѣ, находилось въ Кишиневѣ и имѣло много свободнаго времени [1]). Практики

[1]) Здѣсь не принимаются въ разсчетъ тѣ командировки интендантскихъ чиновъ изъ Кишинева въ Румынію, которыя имѣли цѣлью не изученіе средствъ края, а собраніе, на скорую руку, данныхъ о средствахъ нѣкото-

прежнихъ войнъ, какъ напримѣръ графъ Коцебу, дѣлавшій турецкія кампаніи 1828 и 1853—1856 годовъ—послѣднюю въ должности начальника штаба дѣйствующей арміи—говорили весьма неутѣшительно на этотъ счетъ. По словамъ графа Коцебу, болгары вслѣдъ за нашимъ переходомъ за Дунай, разбѣгутся, бросятъ свои селенія и поля, и намъ придется воевать въ краѣ, лишенномъ и населенія съ его средствами къ передвиженію, и всякихъ продовольственныхъ запасовъ. Могли ли примѣняться эти отзывы ко времени, предшествовавшему послѣдней войнѣ, могло рѣшить только одно Константинопольское посольство. Очевидно, оно приняло болгаръ подъ свою защиту и разъяснило, гдѣ слѣдуетъ, что не только поголовнаго, но и частичнаго ихъ бѣгства опасаться нечего. Но сдѣлало ли посольство и что именно въ разъясненіе богатства Болгаріи продовольственными запасами—не извѣстно.

Такимъ образомъ полевому штабу дѣйствующей арміи о средствахъ содержанія войскъ въ Румыніи и Болгаріи, если и были сообщены какія-либо свѣдѣнія, то они были весьма бѣдны, отрывочны и вообще недостаточны.

Найти средства и установить окончательный порядокъ довольствія арміи за границей какъ въ союзной намъ Румыніи, такъ и за Дунаемъ, пришлось самому начальству арміи, отъ котораго, впрочемъ, по закону и зависятъ всѣ подобнаго рода распоряженія. Было ли у полеваго штаба достаточно времени для пополненія этихъ данныхъ заблаговременно, до начала дѣйствій? Если припомнить, что переходъ черезъ Дунай состоялся 15-го іюня, то слѣдовало бы сказать, что времени было довольно и свѣдѣнія могли быть собраны. Но необходимо припомнить и смягчающія обстоятельства. При отправленіи полеваго штаба въ Кишиневъ имѣлось въ виду начать войну зимней кампаніей, а именно объявленіе войны сперва предполагалось въ началѣ 1877 года по новому стилю, то-есть, еще въ декабрѣ 1876 года. Въ виду этого полевому интендантству опасно было терять время на изученіе средствъ края, а пришлось дѣйствовать быстро и рѣшительно,

---

рыхъ лишь пунктовъ. Командировки эти, выясняя, что можно купить на рынкѣ того или другаго города, нисколько не рѣшали общаго вопроса о продовольственныхъ средствахъ края.

чтобы въ случаѣ приказанія дѣйствительно можно было начать войну. Надо было быстро рѣшиться на ту или другую систему довольствія арміи.

Изъ числа высшихъ чиновъ арміи только одинъ начальникъ полеваго штаба, генералъ-адъютантъ Непокойчицкій, зналъ, по опыту, военные порядки и законы по продовольственной части. Полевой интендантъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аренсъ [1]), никогда не готовился къ занятію такой отвѣтственной должности и, къ сожалѣнію, не стоялъ на высотѣ выпавшихъ на его долю обязанностей. Онъ былъ человѣкомъ совершенно неопытнымъ въ производствѣ большихъ продовольственныхъ операцій и по скромности своего характера, безъ сомнѣнія, не искалъ столь высокаго назначенія. Когда военныя обстоятельства застали его на постѣ окружнаго интенданта Одесскаго военнаго округа и ему предложили мѣсто полеваго интенданта, онъ его принялъ съ легкимъ сердцемъ, быть можетъ не сознавая всей важности послѣдствій отъ такого необдуманнаго согласія. Носились слухи, что и самый выборъ остановился на г. Аренсѣ потому, что другія лица (??), болѣе его прозорливыя и осторожныя, рѣшительно отклонили отъ себя это щекотливое назначеніе. Кто же не зналъ и не помнилъ, что послѣ войны 1848 года австрійцы предали своего главнаго интенданта суду, и онъ прибѣгъ къ самоубійству; что послѣ войны 1853—1856 годовъ, у насъ также былъ преданъ суду высокоталантливый интендантъ, генералъ Затлеръ, вмѣстѣ съ массою его подчиненныхъ, которыхъ судили и разослали по разнымъ болѣе или менѣе отдаленнымъ мѣстамъ. Въ свою очередь, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аренсъ, по окончаніи кампаніи, былъ подъ слѣдствіемъ, а преемникъ его, тайный совѣтникъ Росицкій — не избѣгъ суда и осужденія. Таковъ былъ скользкій путь, на который всту-

[1]) Записка генераловъ Золотарева и Нагловскаго заключаетъ въ себѣ слѣдующій отзывъ о бывшихъ интендантахъ дѣйствующей арміи. «Аренсъ былъ плохой интендантъ, потому что всего боялся, но онъ честный человѣкъ. Росицкій также, но распорядительный. Онъ не соблюдалъ формальностей; за то нельзя взыскивать; интендантство находилось въ Систовѣ, армія растянулась отъ Дуная до Константинополя, а Росицкій при главнокомандующемъ за Балканами и въ какую пору года!». Записка написана 23-го октября 1878 года

пилъ г-нъ Аренсъ, нисколько не отвѣчавшій серьезнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ лицу, замимающему должность полеваго интенданта арміи въ военное время. Если онъ и спасся отъ окончательной гибели, то только благодаря врожденнымъ добрымъ качествамъ, а отчасти и тому, что несоотвѣтственность его требованіямъ службы выяснилась относительно благовременно.

Не получивъ достаточныхъ данныхъ отъ главнаго интендантства и не имѣя возможности почерпать что-либо основательное изъ представленій полеваго интенданта, генералъ Непокойчицкій видѣлъ, что главнымъ образомъ вся отвѣтственность за веденіе этого дѣла падетъ на него, а между тѣмъ онъ не могъ предпринять что-либо рѣшительное, такъ какъ конвенціи съ Румыніей заключено не было и край этотъ оставался недоступнымъ для производства оффиціальныхъ въ немъ операцій нашихъ агентовъ, а съ другой стороны, несмотря на категорическія требованія объ отпускѣ звонкой монеты въ распоряженіе главнокомандующаго, изъ Петербурга получались отказы. Положеніе полеваго штаба было весьма затруднительное и, можно сказать, критическое. Въ это-то время, съ различныхъ сторонъ, отъ лицъ, принадлежавшихъ къ различнымъ классамъ общества изъ Петербурга, Одессы, Кіева, Москвы и другихъ городовъ, стали поступать въ полевой штабъ предложенія о принятіи ими на себя продовольствія арміи за границей на коммиссіонномъ правѣ, съ вознагражденіемъ за свой трудъ назначеніемъ извѣстнаго процента со всѣхъ произведенныхъ ими денежныхъ уплатъ по цѣнамъ мѣстнымъ, справочнымъ или инымъ образомъ заранѣе утвержденнымъ. Трудно сказать, шли ли эти предложенія дѣйствительно отъ разныхъ лицъ, другъ друга не знавшихъ и дѣйствовавшихъ самостоятельно, или предложенія эти исходили изъ одного общаго источника и только были направлены изъ разныхъ мѣстъ. Кажется, весьма правдоподобно предположить, что источникъ былъ одинъ — еврейскій, скрашенный именами русскихъ чиновниковъ высокихъ ранговъ (были тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники), купцовъ, помѣщиковъ и наконецъ извѣстныхъ еврейскихъ дѣльцовъ. Объ общемъ источникѣ намекаетъ и то обстоятельство, что всѣ конкуренты требованія свои ограничивали десятипроцент-

ною коммиссіей и предлагали залоги не свыше полумилліона бумажныхъ рублей, выпрашивая себѣ огромныя авансовыя выдачи звонкою монетою. Эти послѣднія обстоятельства показывали, что лица, предлагавшія свои услуги, значительными собственными средствами не обладали, а разсчитывали орудовать на казенныя деньги. Вслѣдствіе этихъ предложеній, поставленъ былъ на серьезное обсужденіе вопросъ о сдачѣ продовольствія арміи частной компаніи на коммиссіонномъ правѣ. Доказывали, что компанія, побуждаемая своими личными интересами, будетъ стараться дѣйствовать возможно лучше и тѣмъ самымъ избавитъ начальство арміи отъ убыточныхъ подрядовъ и поставокъ чрезъ интендантскихъ чиновниковъ, причемъ придется только выплачивать контрагентамъ дѣйствительную стоимость поставленныхъ продуктовъ съ прибавкою легко учитываемыхъ процентовъ. Уплата лишь дѣйствительныхъ цѣнъ съ надбавкою коммиссіонныхъ процентовъ, уменьшая будущіе расходы по содержанію арміи до возможнаго minimum'а, дѣйствительно была крайне соблазнительна, и можно себѣ вообразить, въ какомъ радужномъ и заманчивомъ видѣ представляли свою систему ея измыслители, опытные и краснорѣчивые гешефтмахеры! Ожидавшіяся отъ подобнаго обезпеченія продовольствія арміи выгоды и личныя удобства взяли перевѣсъ надъ всѣми другими соображеніями, и на этомъ несчастномъ способѣ остановились окончательно.

Между, лицами явившимися съ предложеніями, было нѣсколько человѣкъ, пользовавшихся достаточною извѣстностью въ торговомъ мірѣ. Многіе изъ конкурентовъ лично были знакомы съ чинами полеваго штаба и на одного изъ нихъ — помѣщика Грегера [1]) палъ выборъ. Въ товариществѣ съ Горвицемъ и

---

[1]) Помѣщикъ — такъ назвалъ себя въ предложеніи — Грегеръ, былъ сперва мелкимъ служащимъ въ одной изъ одесскихъ хлѣбныхъ конторъ. Потомъ онъ держалъ въ арендѣ небольшое имѣніе генерала Непокойчицкаго въ Юго-Западномъ краѣ, сдѣлался посредникомъ между помѣщиками и одесскими конторами, завелъ свою торговлю и составилъ себѣ капиталъ. Къ началу войны онъ былъ дѣйствительно помѣщикомъ и обладателемъ весьма хорошаго состоянія. (Слышалъ отъ г.-л. А. О. Шмита.)

Коганомъ онъ получилъ продовольствіе арміи на коммиссіонномъ правѣ на все время пребыванія ея за границей. Съ этими тремя лицами, 16-го апрѣля 1877 года и заключенъ, въ Кишиневѣ, полевымъ интендантомъ арміи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Аренсомъ, формальный контрактъ[1]).

Инструментъ этотъ, посредствомъ котораго столько милліоновъ совершенно непроизводительно переведено въ широкіе жидовскіе карманы, заслуживаетъ особаго вниманія, и для уясненія всего послѣдующаго необходимо остановиться на главнѣйшихъ его условіяхъ [2]).

Товарищество принимало на себя поставку войскамъ муки, крупы, овса, ячменя, соломы, мяса, порціоннаго скота, вина, чаю, сахару и топлива во все время расположенія арміи на лѣ-

[1]) Въ этотъ день съ товариществомъ Грегера, Горвица и Когана заключено было собственно два контракта, одинъ — на поставку продовольствія для дѣйствующей арміи за границей, а другой - на поставку предметовъ довольствія для больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ за границей.

[2]) Въ статьѣ г-на Поливанова «Устройство продовольствованія русской арміи на придунайскомъ театрѣ въ кампанію 1877 г.», начавшей появляться въ «Военномъ Сборникѣ» съ іюльской книжки 1894 г., приводятся слѣдующія подробности о порядкѣ заключенія контракта съ товариществомъ. Генералъ Непокойчицкій, 6-го марта 1877 г. № 2045, сообщилъ интенданту арміи, что для организаціи продовольствія арміи за границей, главнокомандующій избралъ товарищество изъ гг. Грегера съ Горвицемъ, Когана и Пашова, съ которыми слѣдуетъ вступить въ переговоры для установленія основаній, на коихъ могъ бы быть заключенъ съ ними контрактъ, при истребованіи отъ нихъ залога не менѣе 500.000 рублей. 9-го марта лица эти были вызваны въ Кишиневъ для переговоровъ. 28-го марта имъ переданъ на разсмотрѣніе утвержденный проектъ условій. 29-го марта предписано было, не ожидая составленія договора, въ тотъ же день дать товариществу нарядъ на заготовленіе всѣхъ предметовъ довольствія для войскъ на время слѣдованія ихъ черезъ Румынію и на первыя двѣ недѣли по окончаніи сосредоточенія. Въ ночь на 2-ое апрѣля 1877 г. агенты товарищества, въ качествѣ частныхъ людей, отправились въ Румынію для закупокъ, причемъ товарищество потребовало и получило согласіе военныхъ властей на *устраненіе чиновниковъ полеваго интендантства отъ всякаго контроля надъ тѣми цѣнами, по которымъ будетъ совершаться покупка агентами товарищества продуктовъ для войскъ*. (Курсивъ г-на Поливанова). Наконецъ, 4-го апрѣля, признано было необходимымъ предоставить товариществу поставку продовольствія на коммиссіонномъ началѣ не только во время слѣдованія войскъ по Румыніи и въ первыя двѣ недѣли по прибытіи ихъ къ пунктамъ сосредоточенія, *но и во все остальное время пребыванія за границей*. («Военный Сборникъ», 1894 г. № 8-й, стр. 260 - 263).

вомъ берегу Дуная, а также съ переходомъ за Дунай и вообще во всѣхъ мѣстностяхъ театра войны, во все время кампаніи. Закупку предметовъ довольствія для арміи—товарищество могло производить въ Россіи съ перевозкою за границу не иначе, какъ по особому разрѣшенію интенданта арміи, когда онъ по обстоятельствамъ признаетъ это полезнымъ или необходимымъ (пунктъ 6-й контракта). Безъ сомнѣнія, условіе это главнымъ образомъ имѣло въ виду обезпеченіе интендантству свободы пользованія желѣзными дорогами, необходимыми для подвоза арміи всякихъ потребныхъ ей грузовъ, но во всякомъ случаѣ указывало, что интендантъ считалъ мѣстныя средства края достаточными для полученія изъ нихъ необходимаго войскамъ продовольствія. Иначе дѣйствія товарищества не были бы ограничены въ доставкѣ нужныхъ запасовъ изъ Россіи.

Поставка продовольственныхъ припасовъ должна была производиться товариществомъ или въ магазины и склады—по требованію интендантства, которое указывало количество припасовъ и срокъ ихъ доставки, или прямо въ войска, въ мѣста ихъ расположенія, по непосредственнымъ требованіямъ командировъ частей войскъ, въ пропорціи не болѣе десятидневной.

При поставкѣ продуктовъ въ магазины или склады, а также прямо въ войска во время ихъ движенія и стоянки, товарищество должно было получать отъ интендантства свѣдѣнія: когда, кому и сколько чего поставить — заблаговременно и не позже какъ за недѣлю до начала движенія и начала поставки. Разъ начатую поставку въ войска слѣдовало продолжать имъ, по ихъ собственнымъ требованіямъ, заявляемымъ не позже какъ за три дня до времени дѣйствительной потребности въ продуктахъ.

Всѣ заподряженные продукты товарищество обязывалось сдавать въ натурѣ и потому (§ 9) не разсчитываться отнюдь ни съ кѣмъ, ни за какую часть продуктовъ деньгами[1]).

---

[1]) Къ этому условію, съ разрядкою напечатанному въ самомъ контрактѣ (ст. 3), прибавлено: «за противное же этому, мы подвергаемся взысканію по всей строгости законовъ». Какихъ законовъ—не сказано и не могло быть сказано, и потому условіе это съ момента его написанія обречено было на самое смѣлое нарушеніе съ обѣихъ сторонъ, въ явный ущербъ солдату и въ пользу товарищества.

Поставка всѣхъ предметовъ продовольствія арміи уступалась товариществу на коммиссіонномъ началѣ: по дѣйствительно существующимъ на мѣстахъ слѣдованія и стоянія войскъ цѣнамъ, за продукты, обработку, оболочку и доставку ихъ и прочіе расходы (доставка въ магазины, склады и войска, перевозка, покупка и починка мѣшковъ, таможенныя пошлины, премія смотрителямъ и вычеты въ страховой капиталъ)—удостовѣреннымъ контрактами съ торговыми домами, банками и частными лицами или счетами всѣхъ ихъ, или другими документами, какъ-то: торговыми и биржевыми бюллетенями, свидѣтельствами маклеровъ и т. п. Устройство складовъ и пріобрѣтеніе для нихъ вѣсовъ и мѣръ, при путевомъ довольствіи и, вообще, при прямой поставкѣ въ войска—лежало на обязанности самаго товарищества [1]).

Къ показаннымъ цѣнамъ присоединялась коммиссіонная плата, въ размѣрѣ десяти процентовъ стоимости продуктовъ, въ вознагражденіе за труды и на расходы по содержанію администраціи, состоявшей изъ достаточнаго числа агентовъ.

При полученіи нарядовъ, товарищество имѣло право требовать задатка, съ обезпеченіемъ рубль за рубль, до третьей части подрядной суммы по цѣнамъ, на первый разъ, до выясненія дѣйствительной стоимости заготовляемыхъ продуктовъ, равнымъ тремъ четвертямъ смѣтныхъ цѣнъ, а по выясненіи — дѣйствительнымъ покупнымъ (§ 8). При изготовленіи же продуктовъ на мѣстахъ ихъ покупокъ, во время путеваго довольствія войскъ, товарищество могло просить даже о выдачѣ 75% ихъ стоимости (§ 11).

Дѣйствовавшему на сихъ основаніяхъ товариществу интендантство обязывалось оказывать (§ 9) «необходимое содѣйствіе чрезъ мѣстныя военныя, гражданскія и полицейскія власти, какъ внутри имперіи, такъ и за границею, по мѣстнымъ почтовымъ, шоссейнымъ и проселочнымъ дорогамъ» и назначать караулы для охраненія ком-

[1]) Когда, въ августѣ 1877 года, возникъ вопросъ о точномъ опредѣленіи соотношенія между русскими и болгарскими мѣрами емкости и дѣло это было поручено особой коммиссіи изъ чиновъ интендантства, контроля и гражданскаго управленія (командированъ былъ помощникъ завѣдующаго гражданскими дѣлами), то въ Систовѣ, гдѣ находилось интендантство, не оказалось никакихъ русскихъ клейменыхъ мѣръ ни у интендантства, ни у агентовъ товарищества.

*

панейскихъ складовъ и конвой — для прикрытія транспортовъ, во время ихъ слѣдованія.

Съ своей стороны, товарищество за свои неисправности отвѣчало неустойкою, которая исчислялась «какъ съ невыставленнаго вовсе, такъ и съ просроченнаго и забракованнаго количества, если взамѣнъ послѣдняго, ко времени дѣйствительной надобности въ продуктахъ, не будетъ поставлено новыхъ» (§ 12). Неустойка удерживалась въ 20% по разсчету изъ дѣйствительно покупныхъ цѣнъ, по которымъ, непоставленные продукты будутъ пріобрѣтены казной (§ 13). Неисправность въ поставкѣ продуктовъ къ какому-либо пункту и на какой-либо срокъ не составляла по контракту общей неисправности и не влекла за собою отказа товариществу, вообще, отъ поставки, а напротивъ того, говорилось въ контрактѣ (§ 12): «мы обязываемся продолжать таковую по всѣмъ пунктамъ совсею исправностью, согласно контракта, съ тѣмъ, что за непоставку, просрочку, или доставку недоброкачественныхъ продуктовъ — съ насъ будетъ взыскиваема неустойка, въ размѣрѣ, показанномъ ниже. При общей же неисправности нашей, намъ можетъ быть вовсе отказано отъ поставки, со взысканіемъ упомянутой неустойки».

Залогъ по контракту былъ представленъ въ 500.000 рублей, частью залоговыми свидѣтельствами на дома въ гг. Одессѣ и Николаевѣ, а частью кредитными бумагами.

Разумѣется, не было основаній полагать, чтобы и товарищество, заполучивъ въ свои руки продовольствіе арміи, упустило изъ виду собственные свои интересы и задалось исключительно желаніемъ, по возможности, лучше продовольствовать войска. Ясно было, что, прежде всего и преимущественно, оно будетъ думать о собственной пользѣ, но никто, конечно, не предвидѣлъ, что только-что приведенный контрактъ давалъ еврейскому товариществу полнѣйшее право совершенно не думать о благѣ войскъ и заботиться только объ эксплоатаціи казны, и притомъ, самымъ нахальнымъ образомъ. А между тѣмъ, дѣйствительно, контрактъ 16-го апрѣля 1877 года всѣ преимущества предоставлялъ въ исключительную пользу евреевъ контрагентовъ.

Члены товарищества далеко не были милліонерами и начали дѣло со средствами весьма незначительными и вполнѣ не соотвѣт-

ственными тѣмъ огромнымъ полученіямъ, которыя должны были послѣдовать за продовольствіе арміи изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ людей и лошадей. Внеся залогъ всего лишь въ полмилліона рублей, они немедленно стали получать наряды на поставку разныхъ продуктовъ и пріобрѣли законное право требовать отъ казны денежныхъ задатковъ въ размѣрѣ третьей части стоимости данныхъ нарядовъ. На эти въ сущности деньги товарищество и начало изворачиваться, нисколько не боясь отвѣтственности и не заботясь о своевременной и болѣе выгодной для казны закупкѣ припасовъ.

Хотя по контракту (§§ 12 и 13), при неисправности товарищества, взыскивалась съ него неустойка, но это право казны было скорѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ. Какъ выше было сказано, неустойка могла взыскиваться только съ непоставленныхъ вовсе продуктовъ или съ непоставленныхъ къ опредѣленному сроку и, наконецъ, съ непринятыхъ по недоброкачественности предметовъ; но за непоставленные продукты неустойку можно было взыскивать только тогда, когда казна приступала къ ихъ изготовленію. Понятно, что такіе случаи едва-ли могли быть въ дѣйствительности, такъ какъ войска, для которыхъ поставки не было сдѣлано, удовлетворяли своимъ неотложнымъ потребностямъ или возимыми при нихъ запасами, или покупкою на отпущенные имъ авансы. За недоброкачественность продуктовъ неустойка опредѣлялась лишь въ томъ случаѣ, когда взамѣнъ ихъ не были поставлены ко времени дѣйствительной надобности новые продукты хорошаго качества. Но самая незамѣна заготовленныхъ продуктовъ вела на практикѣ, въ разгарѣ передвиженія войскъ, только къ тому, что предметы довольствія, забракованные войсками сегодня, принимались завтра ими же или другими, проходившими черезъ тотъ же пунктъ, по крайней нуждѣ въ припасахъ, чтобы не оставить людей совсѣмъ безъ пищи, а лошадей—безъ корма. Такимъ образомъ, отвѣтственность товарищества, на практикѣ, устранялась совершенно. Еслибы даже контрагенты повели свои дѣла такъ, что казна должна была приступить къ заготовленію продуктовъ, для значительной части войскъ, то и въ такомъ случаѣ, взысканіемъ неустойки въ 20% съ заплаченной казною суммы, ограничивалась вся отвѣтственность товарищества. Что значила уплата подобныхъ неустоекъ въ сра-

вненіи съ выгодами отъ недобросовѣстнаго дѣйствія подрядчиковъ вообще!

Кромѣ того, отъ своевременной и дешевой заготовки припасовъ товарищество только проигрывало и, наоборотъ, значительно выигрывало, заготовляя кое-что и по дорогимъ цѣнамъ. Чтобы заготовить продукты своевременно въ большомъ количествѣ, а слѣдовательно и по болѣе сходнымъ цѣнамъ, необходимо было имѣть значительный капиталъ или обширный кредитъ, всегда дорого стоющій отъ потери процентовъ или платежа ихъ, т. е. отъ несенія такихъ расходовъ, которые по смыслу контракта нельзя было внести въ счетъ предъявляемаго казнѣ расхода. За симъ, высокая плата за продукты лишь возвышала стоимость операцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заработокъ товарищества, получавшаго 10% коммиссіоннаго вознагражденія съ показанной по счетамъ суммы. Вотъ почему несвоевременная поставка продуктовъ вообще, поставка недоброкачественныхъ припасовъ въ частности и закупка ихъ на скорую руку, возможныя съ ничтожными средствами и очевидно дорого стоющія—дѣлались постояннымъ явленіемъ въ дѣятельности товарищества. Обязательство товарищества предъявлять въ оправданіе показываемыхъ имъ покупныхъ цѣнъ — контракты, счеты банковъ и торговыхъ домовъ, биржевые бюллетени, свидѣтельства маклеровъ и т. п. документы еще нѣсколько сдерживало его въ увеличеніи производимыхъ имъ расходовъ въ Румыніи, но не то предстояло ему въ Болгаріи, гдѣ никакихъ документовъ достать было нельзя и гдѣ заготовительныя цѣны могли быть показываемы безъ всякаго стѣсненія.

Контрактъ съ товариществомъ былъ подписанъ 16-го апрѣля 1877 г., но еще прежде этого Грегеръ, Горвицъ и Коганъ фактически получили въ свои руки продовольствіе арміи, о чемъ было объявлено по арміи приказомъ 7-го апрѣля 1877 г. № 24 съ присовокупленіемъ, что обязанности товарищества начинаются немедленно съ переходомъ войскъ за границу.

Неисправности товарищества начались тотчасъ же по переходѣ границы и во время нахожденія войскъ въ Румыніи выказались въ полной степени, несмотря на то, что богатая Румынія, во всякомъ случаѣ, способна была съ избыткомъ удовлетворить всѣмъ продо-

вольственнымъ потребностямъ арміи, тѣмъ болѣе, что всѣ разсчеты могли производиться на наличныя деньги.

Доказательства подобной неисправности товарищества мы беремъ не изъ частныхъ свѣдѣній и заявленій войскъ, которыя могли бы быть или преувеличенными или отчасти голословными, но изъ дѣлъ полеваго контроля, въ которомъ собраны были протоколы оффиціальныхъ лицъ и коммиссій, производившихъ внезапныя ревизіи и обстоятельныя разслѣдованія. До настоящаго времени, въ литературѣ нашей, кромѣ общихъ осужденій товарищества, не появлялось ничего болѣе или менѣе фактическаго или обстоятельнаго о его дѣятельности, а потому считаемъ не лишнимъ имѣющіяся у насъ фактическія доказательства его неисправности изложить подробнѣе, несмотря на кажущуюся ихъ мелочность. Факты неисправности контрагентовъ приведемъ по обоимъ видамъ принятыхъ ими на себя обязательствъ по поставкѣ припасовъ: 1) непосредственно въ войска и 2) въ интендантскіе продовольственные магазины.

Поставка въ войска. При ревизіи довольствія войскъ въ Обилешти-Ноу 13-го мая, Турнъ-Магуреле—19-го и въ Ольтени-Слободзеѣ 22-го мая—т. е. мѣсяцъ спустя послѣ заключенія контракта — у товарищества еще не оказалось складовъ въ этихъ мѣстахъ, и войска или удовлетворялись несвоевременно, или вовсе были оставлены безъ довольствія, почему должны были заготовлять его, въ особенности фуражъ, собственнымъ попеченіемъ.

При ревизіи 17-го мая въ Слатинѣ оказалось, что требованіе 9-го гусарскаго Кіевскаго полка на 17 четвертей крупы не было выполнено въ теченіе 20 дней; во Фратешти 9-го іюня были еще не исполнены требованія 127-го пѣхотнаго Путивльскаго полка отъ 4 іюня на 120 п. сѣна и отъ 7-го іюня на 27 чет. ячменя и 541 п. сѣна.

Такія же самыя неисправности усмотрѣны чинами полеваго контроля: 16-го мая въ Рени и въ Адунаи-Капочени; 18-го мая въ Желявѣ, 20-го въ Попешти-Ромыни, 21-го мая въ Обилешти-Ноу, 11-го іюня въ Зимницѣ и 17-го іюня снова во Фратешти.

Констатирована была и недоброкачественность поставляемыхъ продуктовъ.

Хлѣбъ во многихъ мѣстахъ былъ дурно выпеченъ, напр.: въ

Гура-Яломинѣ 23-го мая, въ Плоэшти 31-го, въ Измаилѣ 10-го іюня; покрытымъ плѣсенью и вовсе испорченнымъ былъ найденъ въ Адунаи-Капочени 16-го мая, въ Слободзеѣ 11-го іюня.

Зерновой фуражъ несовсѣмъ чистымъ, съ примѣсью пыли и сѣмянъ сорныхъ травъ, найденъ: въ Адунаи-Капочени 16-го мая, въ Журжевѣ и Слатинѣ 17-го; въ Калугарени—18-го, въ Гура-Яломинѣ 23-го мая и 12-го іюня; въ Плоэшти 31-го мая. Съ сильнымъ запахомъ затхлости: въ Плоэшти 11-го мая; въ Обилешти-Ноу 13-го; въ Рени, Фратешти и Адунаи-Капочени 16-го и въ Слатинѣ 17-го мая. Проросшій и маловѣсный—въ Челопани 10-го мая, въ Слатинѣ 17-го, въ Плоэшти 11-го и 31-го мая, причемъ на каждую четверть недоставало зерна отъ 12 до 30 фунтовъ.

Сѣно болотное, большею частью гнилое, смѣшанное съ осокою или соломою, обнаружено: 16-го мая во Фратешти и Адунаи-Капочени; 17-го въ Журжевѣ и Слатинѣ; 18-го въ Калугарени; 20-го въ Попешти-Ромыни и Боніасахъ; 21-го въ Будзешти и 9-го іюня во Фратешти вторично.

Изъ 44 освидѣтельствованныхъ пунктовъ только въ 14 довольствіе войскъ оказалось удовлетворительнымъ, въ прочихъ же пунктахъ обнаруживалась въ большей или меньшей степени неисправность товарищества, а иногда случалось и такъ, что пунктъ, казавшійся исправнымъ при первой ревизіи, представлялся въ неудовлетворительномъ видѣ при послѣдующей, произведенной черезъ два, три или нѣсколько дней. Словомъ, все оказалось устроеннымъ непрочно, на скорую руку и вполнѣ безсистемно. Кромѣ того, многія части войскъ заявляли, что, въ виду крайней необходимости, они должны были принимать отъ товарищества продукты и недоброкачественные.

Поставка въ магазины. Открывъ въ предѣлахъ Румыніи продовольственные магазины въ Бухарестѣ, Галацѣ, Александріи и Слатинѣ, интендантство потребовало отъ товарищества доставленія въ нихъ извѣстнаго количества разныхъ продуктовъ въ два срока — къ 25 мая и 1 іюня.

Нижеприводимыя цифровыя данныя показываютъ, что найдено въ этихъ магазинахъ при ревизіяхъ, произведенныхъ послѣ крайнихъ сроковъ, назначенныхъ для выполненія поставокъ.

а) Бухарестскій магазинъ.

	Муки.	Крупы.	Зер. фуража.	Сѣна.	Вина.
Нарядъ	65.000 чет.	8.675 чет.	79.000 чет.	—	5.400 вед.
11-го іюня не доставало:	47.282 »	5.851 »	76.693 »	—	5.400 »
20-го » » »	53.827 [1]) »	6.951 [1]) »	76.656 »	—	5.400 »
То-есть	до 83%	свыше 80%	97%	—	100%

б) Галацкій магазинъ.

	Муки.	Крупы.	Зер. фуража.	Сѣна.	Вина.
Нарядъ	9.600 чет.	1.300 чет.	19.300 чет.	138.000 п.	1.000 вед.
9-го іюня не доставало:	6.035 »	669 »	7.930 »	137.400 »	1.000 »
То-есть	62%	51½%	41%	99%	100%

в) Александрійскій магазинъ.

	Муки.	Крупы.	Зер. фуража.	Сѣна.	Вина.
Нарядъ	5.000 чет.	680 чет.	16.600 чет.	— п.	540 вед.
6-го іюня	магазинъ найденъ пустымъ				
9-го » недоставало:	5.000 »	— »	15.692 »	— »	540 »

т. е. поставлена была только крупа и до 1.000 п. сѣна.

Въ Слатинскій магазинъ ко дню ревизіи, произведенной черезъ 22 дня по истеченіи окончательнаго срока, не было поставлено: муки—27%, крупы—85%, зерноваго фуража—75% и вина 100%.

Съ такимъ обезпеченіемъ армія готовилась къ началу военныхъ дѣйствій за Дунаемъ, гдѣ, само собою, товарищество могло только оказаться еще болѣе неисправнымъ и ненадежнымъ и притомъ нестѣсняемымъ въ отношеніи совершенно произвольнаго показанія цѣнъ пріобрѣтаемыхъ продуктовъ.

Несмотря на добытыя контролемъ данныя о неисправности товарищества и заявленія контрольныхъ чиновъ о томъ, что войска повсемѣстно и постоянно жаловались имъ на товарищество, оффиціальныхъ на него претензій почти совсѣмъ не было. Въ отчетѣ полеваго штаба дѣйствующей арміи, въ главѣ жалобы по продовольствію, приведено всего три случая и то собственно о недоставкѣ товариществомъ сухарей. Надо полагать, что причиною этого, на первый взглядъ страннаго явленія, были условія, поставленныя полевымъ интендантомъ арміи о порядкѣ обжалованій дѣйствій товарищества. Войскамъ объявлено было [2]), что они обязаны сообщать полевому интендантству:

---

[1]) Уменьшеніе припасовъ по второй ревизіи объясняется забракованіемъ части прежде поставленныхъ.

[2]) Приказаніе по войскамъ дѣйствующей арміи 2-го августа 1877 г., № 159.

1) о тѣхъ случаяхъ неисправности товарищества, вслѣдствіе которыхъ войска недополучили нѣкоторыхъ предметовъ довольствія съ объясненіемъ: какихъ именно предметовъ они недополучили, сколько, гдѣ и когда и по какому случаю неисправности;

и 2) о всѣхъ произведенныхъ ими по неисправности товарищества покупкахъ продовольствія собственнымъ попеченіемъ съ обозначеніемъ: гдѣ, когда, сколько, чего и по какимъ цѣнамъ куплено, а равно и оправдана ли покупка актами за подписью наличныхъ офицеровъ части.

Подобныя требованія, разумѣется, были не легко исполнимы не только во время движенія, но и при остановкахъ, особливо во время военныхъ операцій подъ Плевной, Рущукомъ, Шипкой и проч. Требованія полеваго интенданта способствовали только тому, что войска все болѣе и болѣе привыкали обходиться безъ товарищества, требуя отъ него, какъ увидимъ ниже, только выдачи денегъ взамѣнъ отпуска припасовъ натурой.

VIII.

Бѣгство турокъ изъ Систова.—Начало грабежей болгарами.—Занятіе Систова нашими войсками.—Первый пріѣздъ государя въ Систовъ.—Мародеры.—Причины этого явленія.—Непріятныя вѣсти.—Главнокомандующій приказываетъ „сѣчь виновныхъ нагайками на мѣстѣ преступленія".—Приказаніе по арміи о строгомъ наблюденіи за нижними чинами. — Моя бесѣда съ генераломъ Непокойчицкимъ о гражданскомъ управленіи.— Главнокомандующій призываетъ князя Черкаскаго въ Тырново. — Поводы къ этому. — Второй пріѣздъ государя.—Расправа въ Систовѣ съ двумя безобразниками.—Паника въ Систовѣ и тревога въ императорской квартирѣ въ Царевицахъ.—Введеніе гражданскаго управленія въ Систовѣ.—Генералъ Толстой и Гассанъ-паша.— Пророчество Толстаго о Плевнѣ.

Въ короткій промежутокъ времени съ 15 по 25 іюня, съ переправы черезъ Дунай до отбытія главнокомандующаго изъ Зимницы, произошли чрезвычайно важныя обстоятельства, совершенно измѣнившія установившіяся было предположенія о порядкѣ управленія занятымъ краемъ.

Блестящая переправа у Систова произвела магическое впечатлѣніе на городскихъ турокъ. Наскоро уложивъ повозки, захвативъ

свои семейства, мусульмане стремительно бросились изъ Систова вслѣдъ за уходившими оттуда ихъ войсками; нѣкоторые изъ бѣглецовъ успѣли угнать свой крупный скотъ, а болѣе ловкіе захватили даже и часть болгарскаго. Бѣгство турецкихъ войскъ и большинства турецкаго населенія, въ свою очередь, произвело ошеломляющее впечатлѣніе на систовскихъ болгаръ. Мгновенно, какъ бы по мановенію какого-то волшебнаго жезла, они увидѣли себя свободными и, почувствовавъ свою силу, въ стихійною злобою набросились на имущество бѣжавшихъ турокъ. Еще войска наши дрались на мѣстѣ переправы, а въ самомъ Систовѣ все турецкое было предано разграбленію. Турецкіе дома и мечети были первыми жертвами нападавшихъ; расходившіеся болгары разрушали все, что, не будучи каменнымъ, легко поддавалось сломкѣ. Христіанское населеніе сбросило съ себя ненавистныя фески, а кому нечѣмъ было замѣнить ихъ, тѣ ставили на фескѣ бѣлою или черною краскою православный крестъ, который появился тоже на всѣхъ домахъ, принадлежавшихъ христіанамъ. Изображеніе креста охраняло домъ отъ погрома; тамъ, гдѣ его не было, духъ разрушенія властвовалъ всесильно. Въ нѣсколько часовъ всѣ мечети и каменные турецкіе дома стояли съ выбитыми окнами и дверями. Всѣ предметы, въ нихъ находившіеся, и брошенный турками домашній скарбъ вытащены были на улицы, покрывшіяся грудами разнаго рода обломковъ, обрывковъ, пуху и проч. Немало болѣе легкихъ построекъ и заборовъ разрушено до основанія. Вообще, весь турецкій кварталъ носилъ слѣды страшнаго погрома. Такому же опустошенію подверглись турецкія казармы и даже турецкая батарея, господствовавшая надъ городомъ, и съ которой открывались превосходные виды: сзади—на Систовъ, а спереди на Дунай и значительную часть румынскаго побережья. Убійствъ, къ счастью, совершено не было, какъ не было еще и пожаровъ и организованнаго грабежа, потому что толпою, очень возбужденною, но непьяной, руководило только непреодолимое желаніе уничтожать все турецкое, а вовсе не духъ наживы. Погромъ былъ результатомъ народной ненависти, а не выраженіемъ преступныхъ намѣреній людей, ищущихъ обогащенія чужимъ добромъ. Такое настроеніе толпы еще продолжалось, когда войска наши заняли городъ.

Части 14-й пѣхотной дивизіи, занявшія Систовъ, встрѣчены

были съ величайшимъ энтузіазмомъ. Все населеніе высыпало на улицы и, временно забывъ о туркахъ, съ неописаннымъ восторгомъ привѣтствовало своихъ освободителей. Народъ братался съ солдатами; у каждаго дома, у каждаго двора, братушки предлагали нашимъ солдатамъ воду, вино, табакъ, разные съѣстные припасы, а многіе совали въ руки солдатикамъ деньги. Не менѣе одушевленія показывали и войска. Обоюднымъ изліяніямъ радости не было конца, и общій восторгъ достигъ высшей степени на другой день, когда въ Систовъ прибылъ государь императоръ съ главнокомандующимъ и многочисленною свитою. Государь былъ на молебствіи въ соборѣ; подарилъ церкви образа и колокола, а причту полное облаченіе [1]). 17-го іюня въ томъ же соборѣ, въ присутствіи князя Черкаскаго и генерала Радецкаго, было прочитано государево воззваніе къ болгарамъ. Народу было много, читалъ прокламацію какой-то молодой болгаринъ (имени его не знаю), стоявшій на возвышеніи посреди церкви. Все было очень торжественно и внушительно.

Командиръ 56-го пѣхотнаго Житомірскаго полка, полковникъ Тяжельниковъ, назначенный комендантомъ города, немедленно образовалъ городское управленіе, приказавъ организовать изъ жителей полицейскую стражу.

Къ сожалѣнію, общее торжество, положившее конецъ погрому и направившее выраженіе народнаго чувства къ неменѣе бурнымъ проявленіямъ другаго успокоивающаго рода, не предупредило развитія въ городѣ настоящаго грабежа, руководимаго уже не местью, а низменными побужденіями. Самый характеръ постройки Систова, гдѣ дома рѣдко стояли вдоль улицъ, а по большей части располагались внутри обширныхъ дворовъ, со всѣхъ сторонъ обнесенныхъ, преимущественно, каменными заборами—способствовалъ началу и незамѣтному развитію безпорядковъ. Грабители—инстинкты коихъ были вызваны наружу—начали хозяйничать внутри брошенныхъ

---

[1]) Въ этотъ пріѣздъ въ Систовъ, государь наградилъ орденами св. Георгія генерала Драгомирова и многихъ изъ его сподвижниковъ, а потомъ заѣхалъ на квартиру Драгомирова и пилъ у него чай. Чай подавалъ самъ хозяинъ, а сахаръ и хлѣбъ—Петрушевскій, бригадный генералъ, порядочный толстякъ (въ 1893 г. утонулъ, около Рыбинска, въ Волгѣ). Государь былъ очень милостивъ и, благодаря за чай, сказалъ: „спасибо хозяину и толстой хозяйкѣ“.

турками домовъ, гдѣ ихъ не легко было замѣтить. Вскорѣ къ такимъ грабителямъ-болгарамъ присоединились, хотя и въ небольшомъ числѣ, мародеры изъ войскъ.

Такое явленіе прискорбно и обидно для патріотическаго чувства, но скрывать его нечего; не было войны, въ которой не проявлялись бы случаи мародерства, въ рядахъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, какъ пострадавшей отъ пораженій, такъ и торжествующей послѣ одержанныхъ успѣховъ. Теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ послѣ болгарской войны, можно, не боясь никакихъ возраженій, заявить, что случаи мародерства въ нашихъ войскахъ были крайне рѣдки и, дѣйствительно, ограничивались единичными примѣрами.

Именно про болгарскую войну, по справедливости, слѣдуетъ сказать, что она прошла при сохраненіи войсками отличной дисциплины, отступленія отъ которой были немногочисленны и не особенно важны.

Слухи о безобразіяхъ, творившихся въ Систовѣ, стали немедленно ходить и по главной квартирѣ. Мнѣ ихъ передали 20-го іюня, немедленно по моемъ пріѣздѣ въ Зимницу. Первымъ авторитетнымъ и безпристрастнымъ свидѣтелемъ систовскихъ безпорядковъ былъ Н. П. Игнатьевъ. Онъ ѣздилъ въ Систово, чтобы на мѣстѣ собрать свѣдѣнія для разъясненія дошедшихъ и до него слуховъ. Къ сожалѣнію, разсказы и слухи оказались вѣрными. По дорогѣ ему попадались кучки солдатъ, спѣшившихъ съ бивуака въ городъ.

— Зачѣмъ идете въ Систово?—спросилъ онъ ихъ.

Солдаты безъ малѣйшаго запирательства отвѣчали:

— На поживу.

И этотъ отвѣтъ давался военному генералу! Повидимому, эти гуляки поживу турецкимъ добромъ считали за должную себѣ награду, слѣдуемую за совершенный подвигъ.

21-го іюня, ко мнѣ, въ палатку князя Черкаскаго, у котораго я остановился, собрались: М. А. Хитрово, генералъ Косычъ, правитель канцеляріи генерала Непокойчицкато, Ѳ. Ѳ. Шубертъ и полковникъ генеральнаго штаба Левицкій. Они единогласно и съ негодованіемъ разсказывали о безпорядкахъ въ Систовѣ, а генералъ Косычъ, бывшій тогда начальникомъ штаба 12-го корпуса, положительно заявилъ, что въ его штабѣ не получено еще ни прокламацій

государя, ни какихъ бы то ни было распоряженій объ обезпеченіи порядка въ занятомъ краѣ[1]). Потомъ онъ прислалъ ко мнѣ писаря, который получилъ въ гражданской канцеляріи всѣ изданныя распоряженія.

24-го іюня[2]) зашелъ ко мнѣ адъютантъ великаго князя, Дмитрій Антоновичъ Скалонъ, видимо возбужденный. Онъ передалъ мнѣ, что до свѣдѣнія главнокомандующаго дошли положительные слухи, что въ Систовѣ происходятъ безпорядки, что тамъ грабятъ и въ числѣ грабителей будто бы замѣтили солдатъ.

— Знаете ли вы объ этомъ, — спрашивалъ меня Скалонъ, — и есть ли въ Систовѣ наши чиновники?

Я отвѣчалъ, что о безпорядкахъ слышалъ, что нашихъ чиновниковъ въ Систовѣ нѣтъ, и что гражданское управленіе не въ силахъ что-либо сдѣлать, потому что вводить гражданскіе порядки намъ не разрѣшено, а самимъ войскамъ приказано установить въ краѣ первоначальныя военно-полицейскія власти. Для помощи войскамъ въ этомъ дѣлѣ хотя мы и назначили своихъ чиновниковъ къ каждому корпусному командиру, но такъ какъ полевой штабъ отказалъ намъ въ сообщеніи свѣдѣній о мѣстахъ расположенія корпусныхъ штабовъ, куда слѣдуетъ направить нашихъ чиновниковъ, то и сидятъ они въ Бухарестѣ безъ всякаго дѣла и внѣ возможности отправиться по назначенію. Впрочемъ, — добавилъ я, — военныхъ начальниковъ въ Систовѣ можно обвинить только въ допущеніи грабежа, если таковой есть, и особенно со стороны солдатъ, устройствомъ же какого-либо опредѣленнаго порядка они заняться не могутъ, потому что имъ не сообщено никакихъ по этому дѣлу инструкцій изъ полеваго штаба.

— Какъ не сообщено, да я самъ видѣлъ тысячи экземпляровъ прокламацій и разныхъ объявленій!

— Вѣрно, ихъ напечатала наша канцелярія и передала въ штабъ, и онъ не позаботился разослать ихъ въ войска. И я передалъ о слышанномъ мною отъ генераловъ Радецкаго и Косыча.

Скалонъ махнулъ рукою.

---

[1]) Дневникъ, 22-го іюня 1877 г.
[2]) Тамъ же, 25-го іюня 1877 г.

— Что же дѣлать?—сказалъ онъ.

Я замѣтилъ, что, по моему мнѣнію, ему самому слѣдовало бы поѣхать въ Систовъ, чтобы лично во всемъ убѣдиться и имѣть возможность не со словъ другихъ, а въ качествѣ очевидца, засвидѣтельствовать передъ главнокомандующимъ о всѣхъ творящихся тамъ безобразіяхъ. Для облегченія собранія свѣдѣній я предложилъ ему взять съ собою бывшаго тогда въ Зимницѣ Н. Г. Герова, болгарскаго уроженца и нашего вице-консула въ Филиппополѣ. Скалонъ согласился и вмѣстѣ съ Геровымъ поѣхалъ въ Систовъ.

Въ тотъ же день, за обѣдомъ, я видѣлъ Скалона, возвратившагося уже съ того берега. Онъ мнѣ сказалъ, что слухи подтвердились и ничего въ нихъ преувеличеннаго не было. Грабили сперва одни болгары и только турокъ, теперь грабятъ и болгары, и солдаты всякаго, кто подвернется подъ руку. Полковникъ Тяжельниковъ арестовалъ болѣе 140 солдатъ за разныя безобразія.

— Когда я передавалъ объ этомъ великому князю,—продолжалъ Скалонъ,—онъ страшно взволновался и спросилъ, отчего же ихъ не перепороли. Легко сказать—пороть, но, во-первыхъ, жители не являются обвинителями противъ солдатъ, а во-вторыхъ, за порку засудятъ. Нечего тутъ дѣлать,—отвѣчалъ главнокомандующій,—передайте всѣмъ, что я разрѣшаю сѣчь ихъ нагайками на мѣстѣ преступленія. Такъ и передано начальникамъ войскъ словесно, а оффиціально объявлено особое приказаніе по арміи.

По словамъ Скалона, въ полевомъ штабѣ задали, кому слѣдуетъ, гонку, и тамъ пошла суета—разсылаютъ въ войска прокламаціи и другія письменныя распоряженія и бумаги, «валявшіяся до того цѣлыми кучами». Сопутствовавшій Скалона въ Систовъ, Н. Г. Геровъ, передалъ мнѣ еще болѣе неутѣшительныя свѣдѣнія. По разсказамъ болгаръ, пріѣзжающихъ въ городъ изъ окрестностей, тамъ въ разныхъ мѣстахъ появились настоящіе разбойники изъ бѣглыхъ болгарскихъ ополченцевъ и разной мѣстной сволочи. Являясь въ селеніе, они требуютъ выдачи турецкаго имущества, силою берутъ отъ жителей продовольствіе для войскъ, будто бы по приказанію начальства, и при каждомъ случаѣ грабятъ, жестоко обирая жителей.

Приказаніе по войскамъ дѣйствующей арміи, на которое намекалъ мнѣ Д. А. Скалонъ, было отдано генераломъ Непокойчицкимъ

24-го іюня 1877 г., № 138, и вполнѣ подтверждало всѣ разсказы Скалона и Герова; оно заключало въ себѣ слѣдующее:

«Дошло до свѣдѣнія главнокомандующаго, что нижніе чины бродятъ по одиночкѣ по окрестностямъ лагерей, обижаютъ жителей, приносящихъ на нихъ жалобы, и ведутъ себя вообще неприлично, несмотря на неоднократныя напоминанія и указанія, что первымъ залогомъ успѣха служатъ нравственныя качества войска, т. е. порядокъ и самая строгая дисциплина, на чемъ основана и сила войска.

«Вслѣдствіе сего великій князь главнокомандующій поручилъ мнѣ объявить по арміи:

«1) Чтобы съ бивуаковъ нижніе чины были отпускаемы не иначе, какъ командами.

«2) Что за всякій безпорядокъ будетъ примѣрно взыскано съ ближайшихъ начальниковъ и, наконецъ,

«3) Что съ нижними чинами, причиняющими какіе-либо безпорядки, будетъ поступлено, какъ съ мародерами, по всей строгости военно-уголовныхъ законовъ.

«Приказаніе это его императорское высочество повелѣлъ прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ и командахъ».

Распоряженіе это имѣло самыя благопріятныя послѣдствія.

На слѣдующее утро, 25-го іюня, когда главная квартира собиралась уходить изъ Зимницы, я пошелъ на бивуакъ главнокомандующаго для полученія послѣднихъ распоряженій на счетъ нашей канцеляріи, такъ какъ князь Черкаскій былъ въ Бухарестѣ. Навстрѣчу мнѣ попадается генералъ Непокойчицкій. Подходимъ другъ къ другу. Здороваемся.

— Что же, будете вы намъ помогать устройствомъ управленія?—обратился ко мнѣ съ своею обычною флегмою начальникъ полеваго штаба.

Не знай я обстоятельно о всемъ томъ, что случилось за послѣдніе дни, я могъ бы не найтись и отвѣчать какъ-нибудь невпопадъ. Теперь же, ознакомленный со всѣми подробностями и изъ первыхъ, такъ сказать, рукъ, я сразу понялъ желаніе Непокойчицкаго свалить, что называется, съ больной головы на здоровую, и, выведенный изъ себя его вопросомъ, я отвѣчалъ ему очень категорично, и, дѣйствительно, радуясь

случаю, что могу высказать все, что наболѣло на душѣ за два мѣсяца пребыванія моего въ арміи.

— Вашему высокопревосходительству извѣстно, что намъ отказано въ назначеніи офицеровъ изъ войскъ дѣйствующей арміи. Пришлось обратиться за ними въ различныя мѣста Россіи, да и тутъ вы намъ поставили условіемъ вызвать ихъ сюда не ранѣе, какъ все будетъ готово къ переходу черезъ Дунай. Депеша объ ихъ отправленіи пошла 10-го іюня изъ Бухареста. По извѣщенію графа Гейдена, четырнадцать гвардейскихъ офицеровъ выѣхали изъ Петербурга 15-го іюня, а остальные выѣзжаютъ только завтра, 26-го числа. Когда они соберутся сюда и когда мы успѣемъ ознакомить ихъ съ дѣлами—извольте разсчитать сами. При арміи же на лицо насъ только трое — князь Черкаскій, я и генералъ Домантовичъ — сами мы ничего сдѣлать не можемъ, да въ сущности и не должны ничего дѣлать, потому что, послѣ перехода черезъ Дунай, ваше высокопревосходительство взяли на себя устройство въ краѣ временнаго военно-полицейскаго управленія распоряженіемъ самихъ войскъ, безъ всякаго нашего участія. Такимъ образомъ, не намъ, а вамъ надлежитъ устраивать управленіе.

— Это правда, — отвѣчалъ начальникъ штаба, — великому князю цесаревичу уже написано, чтобы онъ приказалъ вездѣ, вокругъ Рущука, ввести военно-полицейское управленіе.

— А я обѣщаю вамъ, что гражданское управленіе энергично и честно сдѣлаетъ свое дѣло, какъ только получитъ офицеровъ и разрѣшеніе главнокомандующаго взяться за работу, до которой насъ до сихъ поръ не допускаютъ. Въ Систовѣ губернаторомъ мы полагаемъ назначить Золотарева.

— Какого?

— Начальника штаба 6-го армейскаго корпуса; онъ состоялъ уже при главнокомандующемъ въ Кишиневѣ, а теперь находится въ Варшавѣ.

— Знаю, отличный офицеръ.

Видя, что разговоръ готовъ оборваться, я не могъ не воспользоваться выгодою моего положенія и, забывая излишнее великодушіе, сказалъ:

— Мнѣ кажется, Артуръ Адамовичъ, что разговоръ, который

мы имѣли, весьма знаменателенъ. Еще болѣе знаменательнымъ станетъ онъ, если вспомнить, что въ послѣднее время, съ отъѣзда нашего изъ Кишинева, а потомъ изъ Плоэшти, мы, чины гражданскаго вѣдомства, были предметомъ самаго ироническаго вниманія со стороны военныхъ властей. Кто только не обращался къ намъ съ вопросами: «Зачѣмъ вы ѣдете, господа? Неужели, какъ мы займемъ какой-нибудь вершокъ земли, вы станете вводить на немъ гражданское управленіе? Позвольте сперва занять хотя часть Болгаріи». А вотъ теперь на дѣлѣ удивляются, отчего именно на первомъ же вершкѣ занятой турецкой территоріи[1]) нѣтъ уже нашего управленія. Гдѣ оно? Отчего оно бездѣйствуетъ?

Разумѣется, мой собесѣдникъ понялъ, что я и князь Черкаскій не изъ такихъ, которые смиренно подставляютъ свою шею подъ удары. А это и требовалось доказать.

Такъ же безстрастно, какъ и при встрѣчѣ, пожалъ мнѣ руку Непокойчицкій, и мы разошлись, причемъ я пожелалъ дальнѣйшихъ быстрыхъ и блестящихъ успѣховъ нашему авангарду, къ которому собирался ѣхать и главнокомандующій.

26-го, поздно вечеромъ, возвратился изъ Бухареста князь Черкаскій и немедленно далъ мнѣ знать о своемъ пріѣздѣ. Я подробно разсказалъ ему о всемъ происшедшемъ безъ него, какъ въ Систовѣ, такъ и у насъ въ главной квартирѣ. Князь остался очень доволенъ моимъ разговоромъ съ Непокойчицкимъ и призналъ, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, понятно, слѣдуетъ согласиться съ желаніемъ военныхъ властей и немедленно приступить ко введенію въ Систовѣ гражданскаго управленія. Порѣшено было завтра же, вмѣстѣ съ канцеляріей, перейти въ Систово и взять тамошнія дѣла въ свои руки, не ранѣе, однако, какъ получено будетъ на это оффиціальное распоряженіе главнокомандующаго.

29-го іюня явился къ князю Черкаскому ординарецъ главнокомандующаго, офицеръ л.-гв. гусарскаго полка Бенкендорфъ. Ординарецъ ѣхалъ собственно въ Зимницу для представленія государю отбитаго въ Тырновѣ знамени, а потому не могъ ожидать и просилъ

[1]) Вся эта сцена дословно выписана изъ моего Дневника.

принять его немедленно. Князь Черкаскій снова прервалъ засѣданіе и принялъ ординарца. Г-нъ Бенкендорфъ рѣшительнымъ тономъ объявилъ князю Черкаскому, что великій князь главнокомандующій очень недоволенъ, не имѣя при себѣ никого изъ гражданской канцеляріи, и желаетъ, чтобы князь Черкаскій поспѣшилъ прибытіемъ въ Тырновъ. Генералъ Непокойчицкій прислалъ съ нимъ письмо, въ которомъ подтверждалъ слова Бенкендорфа, а именно, онъ писалъ, «что главнокомандующій желаетъ, чтобы вы, князь, были съ нимъ».

Изъ частныхъ разговоровъ съ прибывшимъ ординарцемъ выяснилось, что на всемъ пути главной квартиры масса жителей обращается съ различными требованіями, которыхъ нѣтъ возможности не только удовлетворить, но даже и выслушать.

— Помилуйте,—говорилъ молодой офицеръ,—привелъ болгаринъ связаннаго турка, убившаго у него, шесть лѣтъ тому назадъ, жену, а князя Черкаскаго нѣтъ. Чье же дѣло разбирать всѣ подобныя заявленія?

Итакъ, тамъ, впереди, гдѣ былъ только авангардъ арміи, шли уже тѣ же сѣтованія на гражданское управленіе, о которыхъ я недавно говорилъ съ начальникомъ полеваго штаба. Несомнѣнно, ихъ повторяли и самому главнокомандующему, и даже, можетъ быть, въ присутствіи генерала Непокойчицкаго, который, навѣрное, ни на минуту не покидалъ своего равнодушія и не разъяснялъ общаго недоразумѣнія.

Впослѣдствіи открылись многія обстоятельства, дающія возможность объяснить быструю перемѣну во взглядахъ полеваго штаба на задачи гражданскаго управленія. Сборы къ походу изъ Зимницы производились при твердо установившемся убѣжденіи въ ненужности гражданской администраціи за Дунаемъ. Тамъ не предвидѣлось ни въ чемъ ни малѣйшихъ затрудненій, хотя это и трудно объяснимо послѣ многочисленныхъ насилій, произведенныхъ болгарами надъ турками въ Систовѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. Странно было предполагать, что ненависть между двумя народностями, вспыхнувшая въ Систовѣ подъ глазами нашихъ войскъ, не проявится и далѣе въ мѣстахъ, гдѣ нашихъ войскъ не было и гдѣ болгары должны были считать себя болѣе свободными. Однако, соста-

вилось именно такое убѣжденіе, и отъѣздъ князя Черкаскаго въ Бухарестъ по дѣламъ Краснаго Креста встрѣтили въ полевомъ штабѣ съ полнымъ удовольствіемъ, пожеланіями всякихъ успѣховъ и предложеніями не стѣсняться продолжительностью отсутствія.

За Дунаемъ, встрѣтя на первомъ же переходѣ очевидныя доказательства матеріальнаго богатства страны, о гражданскомъ управленіи вспоминали съ усмѣшкой, подшучивая надъ будущими его дѣйствіями по уборкѣ полей и луговъ, совершенно забывая, что вслѣдствіе запрета, послѣдовавшаго со стороны самого же штаба, гражданскія власти не могли приступить ко взятію края въ свое управленіе. Первый ночлегъ въ пути и особенно второй и третій переходы сильно изумили лицъ, во власти стоявшихъ, и показали имъ, что въ краѣ неблагополучно, что безпорядки возникли повсюду, принимаютъ все бóльшіе размѣры, и что о прекращеніи ихъ только одними распоряженіями войскъ нельзя и думать. Явились опасенія, какъ бы необдуманное выдвиженіе главной квартиры арміи къ авангарду генерала Радецкаго и необезпеченность ея сообщеній съ Дунаемъ не отразились вредно на безопасности самой арміи. Опасенія относительно необезпеченія сообщеній усугублялись еще и тѣмъ, что по тѣмъ же самымъ мѣстамъ и при тѣхъ же обстоятельствахъ, вскорѣ должна была двинуться въ Тырново и императорская квартира. Укрыть отъ нея безпорядки, бросавшіеся въ глаза на каждомъ шагу, было нельзя, а стало быть, слѣдовало за нихъ и отвѣчать. Но на комъ лежала отвѣтственность? При обсужденіи этого щекотливаго вопроса—съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ—явилась мысль укрыться въ данномъ случаѣ за гражданское управленіе, немедленно призвать его въ главную квартиру, сдать ему управленіе краемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на хозяина положенія, возложить и отвѣтственность. Эта комбинація до такой степени проникла умы военныхъ властей, что отсутствіе гражданскаго управленія стало имъ казаться страннымъ, а отсутствіе князя Черкаскаго просто необъяснимымъ. Объ этомъ громко говорили въ свитѣ главнокомандующаго, и разсказъ гусарскаго офицера несомнѣнно служилъ правдивымъ отголоскомъ общаго настроенія мыслей всего состава главной квартиры, незнакомой съ сущностью предшествовавшихъ распоряженій. Вотъ почему съ третьяго перехода изъ с. Акчаиръ, 28-го

іюня, князь Черкаскій не былъ приглашенъ, а строго вызванъ въ главную квартиру какъ бы виновный, черезъ посредство ординарца. Отсутствіе князя Черкаскаго настолько ставилось ему въ прямую вину, что въ дневникѣ, который велся при главной квартирѣ отъ имени главнокомандующаго, подъ тѣмъ же числомъ 28-го іюня записано: «Черкаскій, вмѣсто того, чтобы быть при мнѣ, телеграфируетъ, что находится въ Зимницѣ, гдѣ и спрашиваетъ приказаній у государя. Вообще онъ не въ моемъ духѣ: много говоритъ, а мало дѣлаетъ[1]). Можетъ быть, весьма умный человѣкъ, но все думаетъ распоряжаться здѣсь, какъ въ Польшѣ; все давай ему готовое. Между тѣмъ его прямое дѣло: собрать оставшійся урожай, скосить сѣно, убрать хлѣба. Необходимо прибрать эти богатства, а то мы будемъ нуждаться при обратномъ движеніи». Къ этому сдѣлана приписка: «Подъ впечатлѣніемъ этого настроенія, великій князь послалъ изъ Акчаира къ Черкаскому своего адъютанта, ротмистра Бенкендорфа, съ передачей приказанія: спѣшить Черкаскому съ его управленіемъ въ Тырново». Замѣтка чрезвычайно важная, объясняющая многое.

Покончивъ съ этимъ, полевой штабъ приступилъ, въ строгой послѣдовательности, и къ другимъ мѣрамъ, которыя считалъ необходимыми принять для уменьшенія своей отвѣтственности. Съ бивуака у сел. Поликраешти, 29-го іюня, начальникъ полеваго штаба послалъ военному министру весьма замѣчательное письмо[2]).

«Мы прибыли благополучно на ночлегъ; турки нигдѣ не показываются. Болгарскія селенія принимаютъ съ особеннымъ восторгомъ, нельзя оставаться равнодушнымъ къ ихъ ликованію»... И еще: «Далѣе этого главнокомандующій не предполагалъ пока идти и предполагалъ остаться въ Тырновѣ нѣкоторое время, какъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ обстоятельствъ, которыя могутъ выясниться, такъ и прибытія въ Болгарію 11-го корпуса и приближенія 4-го... Нужны также и распоряженія князя Черкаскаго по водворенію гражданскаго управленія».

Ни о безпорядкахъ въ краѣ, ни о вытребованіи князя Черка-

---

[1]) Сравни со словами главнокомандующаго, сказанными въ Санъ-Стефано. Гл. XXI.

[2]) «В.-Уч. Ар.», дѣло № 123—VII.

скаго въ письмѣ не упоминалось, а заявлялось лишь о восторженныхъ встрѣчахъ со стороны болгаръ и ожидаемыхъ распоряженіяхъ по гражданскому управленію.

Въ томъ же письмѣ говорилось: «Не могу скрыть предъ вашимъ высокопревосходительствомъ, что пріѣздъ государя императора въ Тырново 7-го іюля, когда военныя событія еще не выяснились, сильно озабочиваетъ великаго князя. Еслибы турки вышли изъ Шумлы для атаки насъ и намъ, съ помощью Божіей, удалось бы разбить ихъ, тогда дѣло бы было упрощено; но въ настоящее время, при ежедневномъ ожиданіи появленія турецкой арміи, оно значительно усложняется. Генералъ Гурко, углубляясь въ горы, оставилъ весь тяжелый обозъ близъ Тырново; съ приходомъ нашимъ онъ увеличивается, а когда прибудетъ императорская главная квартира, то цифра громаднаго обоза тѣмъ болѣе возрастетъ. Всякое движеніе съ громаднымъ обозомъ затруднительно, и войска дѣлаются тѣмъ болѣе неподвижны. Легко поймете, что присутствіе императора при арміи, когда многіе военные вопросы далеко еще не разрѣшены, не можетъ не тревожить главнокомандующаго. Исполняя симъ желаніе великаго князя и передавая его опасенія для соображенія вашему высокопревосходительству, считаю долгомъ оговориться, что обо всемъ этомъ такъ много уже было сказано, что настоящее заявленіе останется, вѣроятно, тщетнымъ. Вы оказали бы, однакожъ, громадную услугу, еслибы могли уговорить государя императора отъ преждевременнаго только прибытія его къ арміи. Завтра переходимъ въ Тырново».

Въ тотъ же самый вечеръ (29-го іюня) князь Черкаскій выѣхалъ въ Тырновъ, а я остался въ Систовѣ, гдѣ долженъ былъ по полученіи извѣщенія объ утвержденіи Н. Г. Герова губернаторомъ— ввести гражданское управленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ направить въ разные санджаки начавшихъ уже съѣзжаться военныхъ офицеровъ, вызванныхъ къ намъ изъ Россіи. Самъ князь Вл. Ал. обѣщалъ мнѣ, по пріѣздѣ въ Тырновъ, немедленно сдѣлать докладъ главнокомандующему о Геровѣ и Цанковѣ и о результатѣ сообщить мнѣ.

Положеніе мое въ Систовѣ было весьма затруднительное. Я былъ представителемъ гражданскаго управленія, не получившаго еще права

приступить къ дѣлу. Въ моемъ распоряженіи не было буквально ни одного офицера или чиновника. Н. Г. Геровъ и Драганъ Цанковъ, предназначавшіеся на должности губернатора и вице-губернатора, хотя и находились въ Систовѣ, но не имѣли еще никакого оффиціальнаго значенія и только-что начинали завязывать личныя отношенія съ представителями мѣстнаго населенія, подготовляя будущіе выборы въ общественныя учрежденія. Комендантъ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ вышелъ изъ города, оставя въ немъ военнаго полиціймейстера, подполковника Подгурскаго, съ 23 казаками, только временно, исключительно для окончательнаго отправленія изъ города отсталыхъ и больныхъ нижнихъ чиновъ, разныхъ войсковыхъ повозокъ и хозяйственныхъ принадлежностей. Такимъ образомъ ни военныхъ, ни гражданскихъ властей не было, и, только благодаря тому, что подполковнику Подгурскому обѣщано было принятіе его въ гражданское вѣдомство съ сохраненіемъ за нимъ мѣста полиціймейстера, онъ согласился на собственный страхъ оставаться въ Систовѣ болѣе, чѣмъ то было нужно собственно для военныхъ цѣлей, и охотно помогалъ охраненію порядка.

А между тѣмъ наплывъ войскъ въ городъ продолжался, порождая массу недоразумѣній. Когда прибудутъ войска, пройдутъ ли они черезъ городъ или останутся въ немъ и на какое время; въ чемъ они нуждаются и что необходимо для нихъ приготовить — никто не зналъ. Впрочемъ, строевыя части, по первому о томъ заявленію у начальства наведеннаго черезъ Дунай моста, вели себя образцово. Онѣ или совсѣмъ миновали городъ, или когда надо было проходить черезъ него по дорогѣ въ Никополь, какъ напримѣръ пришлось это сдѣлать Тамбовскому и частью Воронежскому полкамъ, проходили черезъ городъ не останавливаясь. Отдохнувъ передъ городомъ, тамбовцы, имѣя всѣхъ офицеровъ на своихъ мѣстахъ и готовясь въ центрѣ города, около моей квартиры, пройти мимо своего бригаднаго командира, генералъ-маіора Брандта, шли истинными молодцами, оглашая воздухъ звуками музыки или лихой солдатской пѣсни. Населеніе встрѣчало ихъ чрезвычайно радушно, и хотя они шли далеко уже не первыми, но я самъ видѣлъ, какъ жители выходили имъ навстрѣчу съ водой, табакомъ, хлѣбомъ и проч. Понятно, что кромѣ взаимнаго удовольствія прохожденіе та-

кихъ частей войскъ ничего не производило. Не то было при слѣдованіи различныхъ парковъ и транспортовъ. Части эти были организованы слабо. Состояли они почти исключительно изъ призванныхъ по случаю войны, запасныхъ нижнихъ чиновъ, страдали крайнею малочисленностью офицеровъ, и почти всѣ довольствовали своихъ людей не изъ котла, а выдачею порціонныхъ денегъ на руки, причемъ деньги выдавались не всегда аккуратно и въ должномъ количествѣ [1]). Проходили ли подобные транспорты черезъ городъ

[1]) Во время войны 1877—1878 г. многіе изъ командировъ летучихъ артиллерійскихъ парковъ и интендантскихъ транспортовъ крайне небрежно относились къ продовольствію ввѣренныхъ имъ командъ, за что и привлекались къ слѣдствію и суду. Въ дѣлѣ канцеляріи завѣдывающаго военно-судною частью при главнокомандующемъ дѣйствующею арміей, помѣченномъ № 16 (арх. глав. воен. суд. упр.) имѣются подробныя свѣдѣнія о противозаконныхъ въ этомъ смыслѣ дѣйствіяхъ бывшихъ командировъ: 1-го стрѣлковаго отдѣленія летучаго парка капитана К—ва; 1-го отдѣленія 5-го артиллерійскаго подвижнаго парка капитана О—аго; 7-го кавалерійскаго отдѣленія летучаго парка капитана П—а; 14-го дивизіоннаго летучаго парка подполковника Ч—на; 2-го кавалерійскаго отдѣленія летучаго парка штабсъ-капитана П—ева; 2-го дивизіоннаго летучаго парка капитана С—но; 1-го дивизіоннаго артиллерійскаго летучаго парка капитановъ Я—н и К—каго. Главнѣйшимъ образомъ обвиненія противъ нихъ заключались въ томъ, что они съ переходомъ за Дунай прекращали довольствіе людей изъ общаго котла и команды, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, не имѣли ежедневной горячей пищи, взамѣнъ коей получали приварочныя деньги. Деньги эти выдавались не аккуратно, не впередъ, а за прошлое время и въ меньшемъ размѣрѣ (капитанъ О—скій вмѣсто слѣдуемыхъ 25 коп. отпускалъ по 7, 10 и 15 к. въ день), почему люди нерѣдко должны были довольствоваться однимъ хлѣбомъ. Самый хлѣбъ тоже выдавался неаккуратно; иногда сразу давали за 20 дней, и люди не знали, куда его дѣвать. Кромѣ того, командиры не заботились о правильной выдачѣ командамъ водки; вмѣсто дачи ея по нѣскольку разъ въ недѣлю, нѣкоторые парки (1-ое отдѣленіе 5-го подвижнаго артиллерійскаго парка) получили водку лишь нѣсколько разъ въ теченіе всего похода. Были и такіе командиры, которые даже въ Св. Пасху 1878 г., стоя уже на мѣстѣ и при полномъ всего изобиліи, кормили людей тухлымъ мясомъ (командиръ 1-го стрѣлковаго отдѣленія летучаго парка).

Командиръ одного изъ интендантскихъ транспортовъ (Леонтовичъ?), бросивъ свою часть на произволъ судьбы и проживая въ Бухарестѣ, въ теченіе $2^1/_2$ мѣсяцевъ ничего не отпускалъ своему транспорту, который скитался по селеніямъ Тырновскаго санджака, пася лошадей на свободныхъ поляхъ и лугахъ; люди питались у болгаръ, переходя изъ деревни въ деревню. Въ октябрѣ, когда наступившіе холода прекратили возможность содержать лошадей въ полѣ, люди явились къ тырновскому губернатору и объяснили свое положеніе. Оказалось, между прочимъ, что съ перехода за Дунай до октября 1877 г. паркъ этотъ ничего не перевозилъ и не приносилъ никакой пользы.

Къ нѣкоторому оправданію виновныхъ командировъ парковъ слѣдуетъ

или останавливались возлѣ него на ночлегъ и дневку, послѣдствія были одинаковы—городъ наполнялся нижними чинами, одиночными или являвшимися болѣе или менѣе многолюдными группами. Одни требовали помѣщенія, другіе искали продовольствія, третьи, найдя или забравъ съѣстные продукты, преспокойно располагались во дворахъ брошенныхъ домовъ и начинали тамъ варку пищи. Являлись и съ больными, которыхъ никто не принималъ, такъ какъ никакой пересыльной части и правильно устроеннаго комендантскаго управленія не было. Можно ли было предполагать, чтобы при такихъ условіяхъ, когда нижніе чины оставались совершенно безъ всякаго за ними надзора—не было разныхъ прискорбныхъ случаевъ самоуправства, насилія и непослушанія. Случаи эти бывали, но ограничивались по большей части захватомъ помѣщеній, жизненныхъ, припасовъ съ нанесеніемъ побоевъ тѣмъ изъ жителей, которые защищали свое добро. Непосредственно пострадавшіе вступали въ драки, но съ жалобами не являлись. Только свидѣтели разносили слухи, принимавшіе иногда чудовищные размѣры. Провѣрить все было невозможно, но, несмотря на скудость нашихъ средствъ, попытки къ этому дѣлались. Такъ будущій губернаторъ Геровъ, въ сопровожденіи казака, часто объѣзжалъ городъ и, замѣтя безпорядки, уговаривалъ безобразниковъ перестать и разойтись. Кое-гдѣ это помогало, но 1-го іюля одинъ расходившійся матросъ пустилъ въ него камнемъ. Самъ полицiймейстеръ сдѣлалъ поѣздку за городъ провѣрить жалобу одной болгарки, которая, привезя въ Систовъ мужа съ отрубленной рукой, говорила, что это его 30-го іюня рубнулъ какой-то солдатъ, хотѣвшій насильно завладѣть коровой. Въ

сказать (дѣло 16, стр. 324), что они, разновременно являясь на театръ войны, не получали почти никакихъ руководящихъ распоряженій, приказовъ и правилъ. Нѣкоторые изъ нихъ просили, по начальству, о доставленіи имъ такихъ свѣдѣній. Это доходило до полеваго штаба арміи, который, между прочимъ, сообщилъ управленію артиллеріи гвардейскаго корпуса: «что вторичное отпечатаніе приказовъ и приказаній по дѣйствующей арміи потребовало бы значительныхъ расходовъ для типографіи и отвлекло бы типографію отъ печатанія текущихъ распоряженій». Это сообщеніе послужило значительнымъ смягчающимъ обстоятельствомъ для виновныхъ, корыстность дѣйствій которыхъ доказать было трудно. Понятно, что это не измѣняло сущности дѣла, и люди парковъ и транспортовъ часто вынуждаемы были сами промышлять себѣ пропитаніе—и промышляли.

доказательство своихъ словъ она предъявила шашку, вырванную у солдата, котораго никто не подумалъ задержать. Полиціймейстеръ убѣдился въ справедливости словъ болгарки и розыскалъ даже въ деревнѣ ножны отъ представленной ему шашки. Виновнаго и слѣдъ простылъ. Стали приходить въ городъ слухи и о появленіи мѣстныхъ разбойниковъ, грабившихъ и убивавшихъ турокъ и начинавшихъ уже грозить селякамъ-болгарамъ.

Между тѣмъ разрѣшеніе вводить гражданское управленіе я не получалъ до 3-го іюля и, въ ожиданіи его, почти праздно оставался въ Систовѣ. Впрочемъ, за время моего пребыванія въ этомъ городѣ произошли въ немъ весьма интересныя событія, заслуживающія подробнаго ихъ описанія для иллюстраціи того положенія, въ какомъ находился тогда Систовъ съ его единственнымъ мостомъ, обезпечивавшимъ сообщеніе арміи съ Румыніей.

Командиръ 9-го армейскаго корпуса баронъ Криденеръ, посланный для взятія Никополя и образованія западнаго заслона, оставя въ Систовѣ командира 2-ой бригады 31-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Брандта съ 6-ю ротами Воронежскаго пѣхотнаго полка – не давалъ о себѣ никакого слуха. Летучей почты между нимъ и Систовомъ устроено не было; неизвѣстность была томительна и давала себя чувствовать не только въ городѣ, но и въ императорской квартирѣ. Утромъ 2-го іюля мнѣ дали знать, что черезъ мостъ направляется въ Систовъ царскій экипажъ и часть государевой свиты, а самъ государь прибудетъ на паровомъ катерѣ. Приказавъ оповѣстить по городу о пріѣздѣ царя, я послалъ сказать объ этомъ генералу Брандту и, взявъ съ собою Герова, отправился на пристань.

Первымъ вышелъ на берегъ военный министръ и, здороваясь со мною, спросилъ:

— Ну, что, утвержденіе губернатора получено?

— Нѣтъ.

— Что же это такое? Рѣшительно ничего не понимаю.

Въ это время на пристань вступилъ государь и, принявъ рапортъ отъ генерала Брандта, обратился ко мнѣ:

— Все спокойно?

— Спокойно, Ваше Величество. Позвольте представить бывшаго нашего консула въ Филиппополѣ, Герова.

— А, знаю, знаю, онъ назначается сюда губернаторомъ; что же, утвержденіе его получено?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ Геровъ.

— Нѣтъ еще? Такъ ты не вступилъ въ должность?—спросилъ государь Герова.

— Нѣтъ еще, Ваше Величество.

Подвели лошадь, и государь, окруженный довольно большою свитою, поѣхалъ черезъ городъ, приказавъ вывести его на никопольскую дорогу.

Проводивъ государя, я сѣлъ въ его коляску и взялъ болгарина на козлы, чтобы провести меня къ новому помѣщенію, приготовленному для Его Величества. Геровъ, какъ будущій губернаторъ, пожелалъ доставить своему домохозяину счастье принимать у себя монарха, и новое помѣщеніе для государя было приготовлено въ домѣ, отведенномъ для губернатора. На-скоро убрали его цвѣтами и коврами, а снаружи разукрасили флагами. Огромная, радостно настроенная толпа, запрудила улицу, а въ самомъ домѣ, за отсутствіемъ хозяевъ, бывшихъ тогда въ Габровѣ, встрѣтить дорогаго гостя должны были хозяева того дома, въ которомъ государь останавливался въ первый свой пріѣздъ. Дочь хозяина, рыженькая болгарочка, говорившая по-нѣмецки, очень суетилась и старалась все прикрасить по возможности.

Проѣхавъ за городъ по никопольской дорогѣ, въ надеждѣ встрѣтить гонца отъ Криденера, государь остановился на нѣкоторое время въ полѣ и въ половинѣ перваго часа пополудни возвратился въ городъ прямо къ дому, гдѣ была приготовлена закуска.

Я встрѣтилъ государя на подъѣздѣ и провелъ въ комнаты. Государь разспрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ въ Систовѣ, нашихъ предположеніяхъ, а потомъ перешелъ къ разспросамъ о домѣ, хозяинѣ и проч. Между тѣмъ, холодный завтракъ изъ яицъ, ветчины, сыра и вина, привезенный изъ Зимницы, былъ сервированъ, и путешественники принялись за него усердно. Въ комнаты, кромѣ собравшихся болгарокъ, дозволено было войти нѣсколькимъ почетнымъ болгарамъ и духовнымъ лицамъ во главѣ съ мѣстнымъ прото-

попомъ Христо. Государь милостиво принялъ протопопа и пожаловалъ ему орденъ св. Анны 3-й степени, а для церкви пожертвовалъ прекрасный образъ Богоматери, въ роскошной малахитовой рамѣ. Всѣ присутствовавшіе болгары изъявляли сердечную радость, мужчины подали примѣръ, которому послѣдовали всѣ дамы и дѣвицы—всѣ онѣ цѣловали руки государя, обнимали его ноги. Многіе плакали, говоря:

— Нашъ государь, нашъ государь.

Трогательная сцена смѣнилась забавными и комическими. Остроумный забавникъ главной квартиры, князь Эмиль В—нъ, любезничалъ съ болгарками, особенно съ рыженькой, говорившей по-нѣмецки, и, несмотря на то, что кривой его глазъ дѣлалъ его, по меньшей мѣрѣ, ужаснымъ, чѣмъ-то въ родѣ Квазимодо — такъ и сыпалъ остротами и шутками, возбуждая взрывы общаго смѣха и хохота. По окончаніи завтрака, государю подали на тарелочкѣ десятка два шоколадныхъ конфектъ. Онъ, взявъ тарелочку, обходилъ всѣхъ болгарокъ и каждой давалъ по конфектке на память. Ласковость государя, его милостивое обращеніе со свитой и съ присутствовавшими болгарами произвели на нихъ сильное впечатлѣніе.

— Еслибы это увидѣлъ Абдулъ-Гамидъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ болгаръ,—какъ бы удивился онъ, да турки и не поняли бы такой доброты и обходительности.

Во время завтрака, Д. А. Милютинъ подошелъ ко мнѣ и просилъ откровенно и прямо сказать ему, справедливы ли дошедшіе до него слухи о безпорядкахъ и участіи въ нихъ нижнихъ чиновъ, что всѣ объ этомъ говорятъ, со всѣхъ сторонъ передаютъ ему ужасающія извѣстія, но онъ все еще имъ не вѣритъ и требуетъ, чтобы я сказалъ ему всю правду. Какъ ни затруднительно было мое положеніе при такой постановкѣ вопроса, но я не имѣлъ никакихъ основаній уклониться отъ категорическаго отвѣта. Прежде всего, я передалъ, что безпорядки, при участіи въ нихъ нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, дѣйствительно были, что объ этомъ доведено до свѣдѣнія главнокомандующаго, и имъ немедленно, безъ всякихъ колебаній, приняты рѣшительныя мѣры съ опубликованіемъ по арміи приказанія отъ 24-го іюля, о которомъ военный министръ не имѣлъ еще свѣдѣній. Такимъ образомъ, зло, замѣченное во-время, можно

уже было считать на пути къ искорененію, что и доказывалось на дѣлѣ превосходнымъ порядкомъ, въ которомъ проходили черезъ Систовъ части 9-го корпуса по направленію къ Никополю. О безпорядочномъ проходѣ транспортовъ и полномъ отсутствіи комендантской части въ столь важномъ пунктѣ, какъ Систовъ, я передалъ все, что мнѣ было извѣстно, не скрывъ также и случаевъ съ губернаторомъ и съ отобранною у неизвѣстнаго буяна шашкой. Въ концѣ я добавилъ, что, когда устроится гражданское управленіе, то мѣстныя власти, правильно организованныя, будутъ заботиться о встрѣчахъ военныхъ частей и о предоставленіи имъ необходимыхъ удобствъ, чрезъ что происходящія теперь неурядицы если не прекратятся совсѣмъ, то значительно уменьшатся, такъ какъ, говоря по справедливости, во всемъ происходящемъ нельзя винить только однихъ нижнихъ чиновъ, а многое надо отнести къ оставленію занятой мѣстности безъ всякаго устройства, будь оно военное или гражданское.

Во время моего разсказа военный министръ сильно волновался и измѣнялся въ лицѣ. Я никогда не видалъ его въ столь возбужденномъ положеніи и даже не думалъ, что онъ, при спокойномъ его характерѣ, способенъ былъ на такое раздраженіе.

— Все это ужасно,—говорилъ онъ,—и не тѣмъ, что это случилось, а тѣмъ, что такъ можетъ продолжаться и впредь. Вѣдь у васъ нѣтъ войскъ? Нѣтъ пѣхоты?— спрашиваю я васъ.

— Нѣтъ ничего, кромѣ 23-хъ казаковъ, которыхъ дали-было мѣстному коменданту, да и тѣхъ требуютъ назадъ.

— Ну, вотъ, видите, съ какими же силами вы справитесь съ безпорядками? Развѣ можно обойтись безъ пѣхоты? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оставить весь край вполнѣ беззащитнымъ, полагая, что гражданское управленіе можетъ что-либо сдѣлать само. Такъ невозможно дѣйствовать, я буду писать къ главнокомандующему.

Тогда же военный министръ уполномочилъ меня не возвращать въ полкъ 23-хъ казаковъ, которые такъ и остались на всю кампанію при гражданской канцеляріи.

Завтракъ кончился. Государь подошелъ ко мнѣ и снова поинтересовался подробностями о готовящемся торжествѣ введенія гражданскаго управленія въ Систовѣ. Я вкратцѣ старался высказать возможно болѣе и яснѣе.

— А гдѣ Брандтъ?—вдругъ спросилъ государь.

Генерала не оказалось и за нимъ послали. Этотъ случай окончательно вывелъ изъ себя военнаго министра.

— Это невиданное дѣло,—горячился онъ,—государь здѣсь, а старшій военный начальникъ ушелъ домой! Передайте ему, что я сообщу великому князю [1]).

Отъѣздъ государя вызвалъ новыя оваціи населенія. Сопровождаемый огромной толпой жителей, государь ѣхалъ верхомъ съ букетомъ въ рукахъ, при громкихъ крикахъ «да живе». На пристани, садясь въ катеръ, государь подалъ букетъ знакомой намъ рыжей болгарочкѣ, успѣвшей прибѣжать сюда и пробраться къ самому трапу.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ отъѣзда государя произошла въ Систовѣ характерная и весьма печальная сцена. Я пошелъ обѣдать въ маленькій трактирчикъ француза Guichard. Вскорѣ туда же вошелъ, отыскивая меня, предсѣдатель военнаго суда, генералъ Величковскій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ военно-судебнаго вѣдомства. Генералъ былъ очень взволнованъ и разсказалъ мнѣ о только-что видѣнномъ имъ происшествіи. Съ нѣсколькими своими сослуживцами (два полковника и прокуроръ) онъ обѣдалъ въ одномъ изъ ближайшихъ трактирчиковъ, гдѣ, кромѣ кормленія публики, происходила продажа всевозможныхъ вещей, необходимыхъ въ походной жизни. Растворивъ съ улицы двери трактирчика, въ него вошелъ какой-то солдатъ провіантскаго транспорта. Нимало не стѣсняясь присутствіемъ генерала и нѣсколькихъ штабъ-офицеровъ, солдатикъ, не обращая на нихъ никакого вниманія, подошелъ къ выставленнымъ на прилавкахъ витринамъ и преспокойно началъ набивать себѣ карманы разными вещами. Нагрузивши ихъ порядочно, солдатикъ собрался уходить. Хозяинъ закричалъ благимъ матомъ и попытался-было задержать похитителя, но солдатъ далъ

---

[1]) Впослѣдствіи объяснилось, что генералъ Брандтъ ожидалъ государя у въѣзда въ городъ по той же дорогѣ, по которой онъ уѣхалъ, а между тѣмъ возвращеніе послѣдовало по другой, о чемъ Брандтъ узналъ только тогда, когда за нимъ прислали. По моему совѣту, генералъ ѣздилъ въ Зимницу и лично объяснилъ военному министру происшедшее недоразумѣніе.

ему пару затрещинъ и бросился къ выходу. Тутъ присутствовавшіе поняли, въ чемъ дѣло, приказали задержать солдата и, освободя его отъ награбленныхъ имъ вещей, отправили въ полицію.

— Я и мои товарищи, — говорилъ мнѣ генералъ Величковскій, — обращаемся къ вашему превосходительству съ просьбою, совмѣстно съ нами, разрѣшить подвергнуть виновнаго тѣлесному наказанію, дозволенному главнокомандующимъ. Транспортъ, въ которомъ служитъ задержанный солдатъ, прошелъ черезъ Систовъ, толпа свидѣтелей его мародерства частію пошла за нимъ въ полицію, а частію шла за нами. Казалось бы, немедленное наказаніе, вслѣдъ за проступкомъ, будетъ спасительно для него, внушительно для его товарищей и покажетъ мѣстному населенію, что грабителей не терпятъ, а наказываютъ.

Предложеніе исходило отъ чиновъ судебнаго вѣдомства, убѣдившагося на дѣлѣ, что иногда полезно и необходимо примѣненіе карательныхъ мѣръ безъ всякой процедуры разслѣдованія. Я не имѣлъ ничего противъ предложенія, и виновному дали въ полиціи, въ нашемъ присутствіи, отъ 50 до 60 нагаекъ. Онъ неистово кричалъ и обѣщалъ болѣе не грабить. Послѣ него такой же экзекуціи подвергся и матросъ, вчера бросившій камень въ губернатора [1]). Бывшимъ въ караулѣ при тюрьмѣ солдатамъ Воронежскаго полка, которые вели себя примѣрно, я объяснилъ вину наказанныхъ и говорилъ имъ, что они должны сами смотрѣть за подобными негодяями, изъ-за которыхъ на имя честнаго русскаго солдата падаетъ обвиненіе въ грабительствѣ.

Наконецъ, 3-го іюля, получивъ всѣ необходимыя распоряженія

[1]) Въ моемъ «Дневникѣ», подъ днемъ 12-го іюля, между прочимъ, записано: «Сегодня, по случаю разговора о грабежахъ солдатъ и частой ихъ поркѣ нагайками, князь Черкаскій сказалъ: «Я очень радъ, что всегда говорилъ противъ отмѣны тѣлеснаго наказанія, и признаюсь, житейская практика никогда не ставила меня въ противорѣчіе съ моими убѣжденіями. Розги необходимы въ странѣ, гдѣ территорія велика, населеніе рѣдко и нужно быстро возстановить порядокъ. Правильное судопроизводство и либеральные законы полезны для страны, гдѣ отъ густоты населенія думаютъ объ эмиграціи; тамъ можно сажать въ тюрьмы и заставлять вертѣть колесо, а у насъ необходимы работники».

изъ Тырнова, я назначилъ на другой день введеніе гражданскаго управленія въ Систовѣ съ 9 ч. утра. Отдавъ соотвѣтственныя приказанія и поздно разставшись съ гг. Геровымъ и Цанковымъ, я около полуночи легъ спать.

Во время самаго крѣпкаго перваго сна, я былъ разбуженъ шумомъ отворившейся въ мою комнату двери и шагами кого-то, направлявшагося къ моей кровати. Я окликнулъ. Отозвался мой человѣкъ, сказавъ, что пришелъ полиціймейстеръ. Приказавъ просить его, я зажегъ свѣчу и сѣлъ въ постели. Подполковникъ Подгурскій, войдя въ комнату, подалъ мнѣ телеграмму, полученную имъ отъ генерала Рихтера, строителя моста черезъ Дунай и командира саперной бригады, охранявшей мостъ. Телеграмма была на имя генерала Брандта и состояла изъ слѣдующаго:

«Генералу Брандту. Видны огни сраженія, приближающагося къ Систову съ запада на востокъ. Примите мѣры къ охраненію города. Отступать ни въ какомъ случаѣ невозможно. Генералъ Рихтеръ».

— Откуда вы получили эту телеграмму?—спросилъ я.

— Генералъ Брандтъ прислалъ ее мнѣ, а самъ, тихо поднявъ войска, пошелъ съ ними за городъ. Въ городѣ никто ничего не знаетъ и все совершенно спокойно. Губернатору я тоже далъ знать, а отъ начальника станціи военно-походнаго телеграфа узналъ, что телеграфная линія испорчена, о чемъ имъ сообщено съ нарочнымъ начальнику дворцоваго военно-походнаго телеграфа, генералу Щелкову въ Царевицы.

Поблагодаривъ Подгурскаго за сохраненіе въ городѣ спокойствія, я быстро началъ одѣваться.

Положеніе дѣлъ казалось весьма серьезнымъ. Въ Систовѣ, кромѣ саперъ, державшихъ мостъ, было всего шесть ротъ Воронежскаго полка и шесть же слабыхъ кадровыхъ дружинъ болгарскаго ополченія (900 чел.) полковника Корсакова. «Приближавшееся сраженіе» могло быть ничѣмъ другимъ, какъ отступленіемъ барона Криденера, не только отбитаго отъ Никополя, но и преслѣдуемаго, по пятамъ, непріятелемъ. Этимъ объяснялось отсутствіе о немъ всякихъ свѣдѣній. Страннымъ казалось лишь одно—какъ это случилось, что

видны уже огни приближающагося съ запада къ востоку сраженія, а изъ разбитаго отряда не прискакалъ никто съ извѣстіемъ о неудачѣ. У Криденера была кавалерія, да еслибы онъ не послалъ самъ никого, всегда нашлись бы, какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, добровольные курьеры, легкомысленно распространяющіе тревожные слухи.. Мысль объ этомъ только промелькнула между другими, которыя всѣ группировались около одной главной, ясно представлявшей грозящую переправѣ опасность.

Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что генералъ Брандтъ былъ совершенно спокоенъ и вполнѣ толково распорядился имѣвшимися у него силами. Рота оставлена имъ сзади у Дунайскаго моста, три роты и болгары стали у выхода изъ города къ Никополю, и еще двѣ роты выведены впередъ на позицію, лежавшую между Дунаемъ справа и горами, тянувшимися слѣва. Дорога шла между двумя холмами и переходила черезъ мостъ, у котораго мы и расположились. Передавъ другъ другу, что знали, мы терялись въ догадкахъ насчетъ телеграммы генерала Рихтера, и ничѣмъ не могли объяснить ее. Всюду была тишина полнѣйшая; къ западу мы выдвинулись довольно порядочно относительно мѣсторасположенія постояннаго моста и ничего не видали. Зарница играла по-прежнему, и намъ начинало сдаваться, что не ее ли принялъ Рихтеръ за «приближающееся сраженіе». Огоньки дѣйствительно блистали по горамъ, но надо было имѣть крайне разстроенное воображеніе, чтобы зарницу, хотя въ этотъ день особенно сильную [1]), принять за огни сраженія.

Высланные впередъ казаки вернулись ни съ чѣмъ; вездѣ было тихо и спокойно. Зарница тоже стала потухать. Свѣтало. Когда стало совсѣмъ свѣтло, мы убѣдились, что отрядъ нашъ стоялъ прекрасно и что вся пережитая нами тревога была напрасна. Въ 4 ч. утра я былъ уже дома. Здѣсь я еще разъ долженъ заявить, что, вслѣдствіе благоразумія скромнаго и невыдающагося генерала Брандта, въ Систовѣ ничего не знали о случившейся тревогѣ, и все было совершенно спокойно, всѣ слухи и печатные разсказы о томъ,

[1]) Полковникъ Золотаревъ, ѣхавшій въ эту ночь изъ Бухареста, тоже наблюдалъ необыкновенно сильную, къ нашей сторонѣ, зарницу и любовался ею.

что въ городѣ была паника [1]) и безпорядки, совершенно неосновательны. Произошло только то, что войска безшумно были подняты съ биваковъ и выдвинуты за городъ на позицію.

Однако, первая систовская тревога, столь тихо разрѣшившаяся въ самомъ городѣ, отозвалась въ императорской квартирѣ. Начальникъ систовской станціи военнаго телеграфа, подпоручикъ Трувеллеръ, принявъ и передавъ депешу Рихтера къ генералу Брандту, поддался впечатлѣнію страха и затѣмъ совсѣмъ растерялся, когда, черезъ нѣсколько минутъ, совершенно случайно, произошелъ перерывъ линіи и аппаратъ пересталъ дѣйствовать. Молодой человѣкъ пришелъ въ неописанное волненіе и вообразилъ, что вотъ, вотъ турки бросятся на Систовъ. Ничѣмъ другимъ, кромѣ такого внезапнаго и непобѣдимаго испуга, нельзя объяснить содержаніе записки, которую онъ послалъ съ казакомъ въ Царевицы къ генералу Щелкову. Щелковъ не былъ его прямымъ начальникомъ, но по служенію своему въ главной квартирѣ былъ лицомъ не только могущимъ, но и обязаннымъ довести до высочайшаго свѣдѣнія всѣ извѣстія, приходившія телеграфнымъ путемъ. Такимъ образомъ, посылая извѣщеніе генералу Щелкову, Трувеллеръ имѣлъ въ виду предупредить объ опасности государя.

Вотъ его записка; выписываемъ ее изъ «Дневника» графа Соллогуба (стр. 15). «Царевицы. Генералу Щелкову. Турки подъ Систовомъ; общій хаосъ, нѣтъ дѣйствія, сейчасъ сыму станцію. Въ Павло послалъ казака. Начальникъ станціи, подпоручикъ Трувеллеръ».

Что послѣ депеши генерала Рихтера могли ему померещиться турки подъ Систовомъ, это еще кое-какъ объяснимо, но гдѣ онъ взялъ общій хаосъ, просто непонятно, потому что во всю эту ночь въ городѣ была полнѣйшая тишина. Впослѣдствіи подпоручикъ Трувеллеръ (онъ умеръ во время кампаніи) былъ начальникомъ телеграфной станціи при главной квартирѣ въ Тырновѣ, и всѣ его любили, какъ милаго и симпатичнаго юношу. Что съ нимъ сдѣлалось

---

[1]) Графъ Соллогубъ. «Дневникъ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ въ 1877 году», стр. 4.

въ Систовѣ—необъяснимо. Но случай этотъ превосходно рисуетъ способъ распространенія паники, какъ ужасъ, охватившій одного, передается другому, и этотъ спѣшитъ передать его третьему не въ томъ уже видѣ, какъ самъ получилъ, а въ увеличенномъ и совсѣмъ искаженномъ.

Въ главной квартирѣ всѣ поднялись. Разбудили государя, и съ 2 ч. до 9 утра 4-го іюля всѣ были на коняхъ. Теперь нельзя не поставить вопроса—почему все это произошло и что подало поводъ къ тревогѣ, отозвавшейся въ Царевицахъ и Павло? Поводомъ была, разумѣется, вышеприведенная телеграмма генерала Рихтера къ генералу Брандту.

Вслѣдъ затѣмъ я получилъ увѣдомленіе отъ князя Черкаскаго объ утвержденіи Герова губернаторомъ, а Цанкова—вице-губернаторомъ, и на другой день торжественно открылъ губернаторское управленіе.

Кромѣ открытія дѣйствій губернаторскаго управленія, мною тогда же сдѣланы были распоряженія о распредѣленіи прибывавшихъ офицеровъ и принятыхъ на службу болгаръ, начато печатаніе «Сборника оффиціальныхъ распоряженій и документовъ по Болгарскому краю» и посланъ нарочный въ Бухарестъ за покупкой нѣсколькихъ литографій, которыми рѣшено было снабдить всѣхъ губернаторовъ и окружныхъ начальниковъ.

Дню 4-го іюля суждено было остаться въ лѣтописяхъ исторіи Систова особенно знаменательнымъ. Нѣсколько часовъ спустя послѣ торжества введенія гражданскаго управленія, по городу разнеслись слухи о взятіи Никополя. Едва успѣли мнѣ сказать объ этомъ, какъ послышался сильный шумъ и радостныя восклицанія на улицахъ. Выйдя на улицу, я увидѣлъ нѣсколькихъ всадниковъ, окруженныхъ густою толпою ликующаго народа. Оказалось, что это свиты Его Величества генералъ-маіоръ Толстой (Илларіонъ Николаевичъ) везетъ изъ Никополя Гассана-пашу, коменданта тамошней крѣпости, сдавшейся отряду генерала Криденера послѣ кроваваго штурма.

*

Представившаяся моимъ глазамъ картина была по истинѣ характерна. На небольшой арабской лошадкѣ сидѣлъ совершенно спокойный и даже безстрастный турокъ въ военномъ генеральскомъ костюмѣ — это былъ Гассанъ-паша. Рядомъ съ нимъ, тоже верхомъ на конѣ ѣхалъ, нѣтъ, не ѣхалъ, а какъ-то извивался Толстой. Загорѣлый, запыленный, съ воспаленными и безпокойно блуждавшими глазами, онъ производилъ странное впечатлѣніе. «Дайте мнѣ Красный Крестъ! — кричалъ онъ. — У насъ много раненыхъ, оставшихся неперевязанными. Гдѣ великій князь? Мы взяли Никополь, пять тысячъ плѣнныхъ, два монитора! Гассана-пашу везу!». Черезъ минуту опять раздавался его голосъ: «Да гдѣ же квартира великаго князя?» — «Подождите, васъ ведутъ прямо къ ней». — «Ахъ, не говорите со мной, я уже теряю голосъ». И вслѣдъ за тѣмъ снова начиналъ задавать вопросы по-прежнему. «Мы взяли весь гарнизонъ Никополя, 60 орудій» и проч.

Все вниманіе было обращено тогда на Гассана-пашу. Для населенія систовскаго зрѣлище было совершенно сверхъестественное. По улицамъ города, подъ конвоемъ казаковъ, везутъ турецкаго пашу, взятаго вмѣстѣ съ неприступною крѣпостью Никополемъ! Кто не видалъ этой твердыни или не зналъ самого Гассана-пашу, или не слыхалъ о немъ сотни разсказовъ! Толпа ликовала въ полномъ смыслѣ слова. Всюду веселыя лица, смѣхъ, громкій говоръ, радостныя восклицанія. Идя рядомъ съ Толстымъ, я дорогой успѣлъ уже ознакомиться довольно подробно съ біографіей плѣнника. Это Гассанъ-паша бородатый, прозванный такъ въ отличіе отъ Гассана-паши усатаго и Гассана-Хаджи-паши, командовавшаго войсками въ Зайчарѣ. И онъ извѣстенъ былъ своими притѣсненіями христіанъ, разоряя болгаръ около Филиппополя, но свирѣпостью не отличался. Напротивъ, за то, что не разрушилъ гдѣ-то деревни, не выдавшей оружія, турки прозвали его керъ или кель Гассанъ-паша, то-есть, паскудный. Если плѣнникъ понималъ по-болгарски, и это вполнѣ вѣроятно, то прогулка его верхомъ по улицамъ Систова обошлась ему не дешево. Несмотря на это, ни одинъ мускулъ на его лицѣ не дрогнулъ, ничто не выдавало его страданій.

Пока генералъ Толстой докладывалъ великому князю Александру Александровичу подробности о взятіи Никополя, я взялъ Гассана-пашу съ собою и ввелъ его въ зданіе таможни, гдѣ онъ могъ отдохнуть въ прекрасной, прохладной комнатѣ втораго этажа. Мигомъ комната наполнилась толпою, а оставшіеся на улицѣ полѣзли на балконы, притащили лѣстницы, и вотъ десятки головъ глядятъ снаружи въ комнату и продолжается тотъ же гулъ и гамъ, который болѣе часу нарушалъ спокойствіе города. Такая назойливость толпы видимо стѣсняла Гассана-пашу. Прежде чѣмъ представиться великому князю, а потомъ имѣть возможность продолжать путь въ главную квартиру къ государю, ему слѣдовало дать вздохнуть. Я приказалъ очистить таможню отъ незваныхъ гостей, затворить окна, закрыть ихъ извнутри за неимѣніемъ занавѣсокъ — бумагой. Бывшій при мнѣ полиціймейстеръ приказалъ убрать лѣстницы и не допускать черезъ-чуръ любопытныхъ смѣльчаковъ эскаладировать домъ. Мало-по-малу толпа успокоилась, но не расходилась и росла еще болѣе. Въ таможнѣ же остались только я, Гассанъ-паша и полиціймейстеръ съ переводчикомъ, да три казака конвоира.

Понявъ цѣль моихъ распоряженій, Гассанъ-паша подошелъ ко мнѣ и крѣпко жалъ мнѣ руки. На предложеніе умыться и подкрѣпить чѣмъ-нибудь свои силы, онъ отвѣчалъ радостнымъ согласіемъ, прося позволенія умыться и выпить стаканъ воды и кофе, а также выкурить сигару. Отъ ѣды онъ отказался.

У Гассана-паши была умная и пріятная, хотя вполнѣ азіатская физіономія. При разговорѣ, глаза его какъ-то странно вращались; видно было, что для того, чтобы говорить, ему надо было сдѣлать немало усилій. Нижняя челюсть тоже судорожно выдвигалась впередъ. На немъ были высокіе со шпорами сапоги, сѣрые штатскіе штаны, заложенные въ сапоги, и сѣрый верблюжьяго сукна однобортный мундиръ съ генеральскими золотыми погонами и вырѣзомъ около горла, на подобіе мундировъ нашихъ линейныхъ казаковъ. Подъ мундиромъ была толстая ватная куртка. Эта теплая и тяжелая одежда составляла совершенный контрастъ съ нашими кителями и солдатскими рубахами, но въ сущности была приспособлена къ тамошнему климату, отличающемуся быстрыми

переходами отъ дневнаго жара къ вечерней прохладѣ и ночной низкой температурѣ.

Приведя себя въ порядокъ, Гассанъ-паша началъ говорить. По его словамъ, онъ сдался, видя, что драться съ русскими невозможно: «на наши три полевыя орудія русскіе выставили двѣнадцать; на нашъ одинъ батальонъ — девять». Цифры, разумѣется, были преувеличены, но, понятно, хорошо, что такъ случилось, что мы были въ бо́льшихъ силахъ, чѣмъ турки.

Оставивъ Гассана-пашу отдохнуть, я пошелъ къ великому князю, занимавшему домъ рядомъ съ таможней. Тамъ я снова попалъ на продолженіе зрѣлища, разыграннаго передъ тѣмъ Толстымъ на улицѣ. Онъ ничего не хотѣлъ ѣсть и пить, и, снявъ сюртукъ, лежалъ на диванѣ, продолжая, по-прежнему, поддаваться галлюцинаціямъ. «Пошлите имъ хлѣба! Это ужасно, какъ женщины выходили изъ крѣпости и кричали — дайте хлѣба! Боже, какъ онѣ истомили меня!» Напрасно говорили ему, что на другомъ берегу Дуная, напротивъ Никополя,—румынскій городъ Турнъ, откуда, вѣроятно, прислано уже все необходимое. Онъ не унимался и все кричалъ о женщинахъ и своемъ утомленіи.

Вечеромъ, задолго до сумерекъ, Толстой повезъ Гассана-пашу въ главную квартиру государя. Великій князь далъ имъ свою коляску, сзади которой долговязый казакъ гарцовалъ на арабскомъ конѣ паши. Несчастный конь, какъ потомъ передавали, въ ту же ночь палъ. Не пережилъ онъ позора своего господина.

А Толстой не переставалъ волноваться. По словамъ графа Соллогуба («Дневникъ», стр. 26), онъ въ тотъ же вечеръ отличился выходкой, имѣвшей, къ сожалѣнію, значеніе пророчества. «Онъ не столько распространялся о ходѣ военныхъ дѣйствій подъ Никополемъ, сколько измучившими его предвидѣніями и предчувствіями. Онъ говорилъ, что верстахъ въ сорока отъ ущелья, на которое упирается Никополь, находится городокъ Плевна—узелъ разныхъ стратегическихъ дорогъ—и что если этотъ узелъ не будетъ занятъ немедленно русскими войсками, то слѣдуетъ ожидать неизбѣжныхъ и страшныхъ бѣдствій..... День обильный впечатлѣніями уже кончался. Путники разбрелись къ покою, а Толстой все еще

ходилъ по палаткамъ, гдѣ гасли огни, повторяя зловѣщія слова: «берегитесь Плевны! берегитесь Плевны!»

Испрашивая докладомъ отъ 1-го іюля 1877 года № 37 [1]) повелѣніе главнокомандующаго объ образованіи Систовскаго санджака, завѣдывающій гражданскими дѣлами испросилъ назначеніе генералъ-маіора Домантовича и надворнаго совѣтника Бѣлоцерковца (драгоманъ посольства) исправляющими должность губернаторовъ, перваго — Тырновскаго санджака, а втораго — Тульчинскаго. Оба эти санджака были въ то время заняты нашими войсками на значительной части ихъ пространства, и введеніе гражданскаго въ нихъ управленія не могло встрѣтить никакихъ затрудненій.

Вице-губернаторами были назначены въ Тырново — болгаринъ Маркъ Балабановъ, а въ Тульчу — тверской уѣздный воинскій начальникъ, полковникъ Юргенсонъ.

Черезъ недѣлю (докладъ по гражданскому управленію 9-го іюля, № 44) [2]), по приказанію главнокомандующаго, рѣшено было ввести гражданское управленіе въ районѣ Рущукскаго отряда, и генеральнаго штаба полковникъ Золотаревъ назначенъ исправляющимъ должность губернатора Рущукскаго санджака въ составѣ восточныхъ его округовъ. Вице-губернаторомъ назначенъ болгаринъ Даскаловъ, служившій до войны нашимъ вице-консуломъ въ Варнѣ. Ни одного города этой части санджака не было еще занято нами, и губернаторъ Золотаревъ получилъ приказаніе находиться при главной квартирѣ государя наслѣдника цесаревича.

Въ этомъ составѣ гражданское управленіе существовало до ноября мѣсяца. 16-го ноября образованъ былъ Раховскій санджакъ (Раховъ, Ломъ, Врацa), обращенный потомъ въ Видинскій. Наконецъ, послѣ взятія Плевны, 12-го декабря 1877 года образованъ былъ Орханійскій санджакъ, переименованный впослѣдствіи въ Софійскій. Губернаторами назначены: Раховскимъ — статскій совѣтникъ Тухолка (нынѣ сенаторъ) и Софійскимъ —

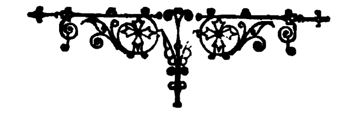
[1]) Напечатано въ Сборникѣ оф. рас., вып. VII.
[2]) Тамъ же.

дѣйствительный статскій совѣтникъ Алабинъ. Вице-губернаторами къ нимъ приданы болгарскіе уроженцы, надворный совѣтникъ Станишевъ (послѣ бывшій директоромъ Императорскаго лицея цесаревича Николая въ Москвѣ) и профессоръ Харьковскаго университета Дриновъ.

Всѣ эти санджаки окончательно образованы въ полномъ числѣ своихъ округовъ уже послѣ перемирія, а послѣ Санъ-Стефанскаго договора открытъ и санджакъ Варненскій, чѣмъ и завершилось введеніе гражданскаго управленія въ сѣверной Болгаріи.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки М. Я. Ольшевскаго[1].

Кавказъ съ 1854 по 1866 г.г.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

III.

Западный Кавказъ въ 1860 году.

Лѣтомъ 1860 года на меня было возложено главнокомандующимъ осмотрѣть штабъ-квартиры разныхъ частей войскъ и стрѣлковые батальоны арміи, только-что сосредоточенные въ Кубанской области. Это дало мнѣ возможность побывать на самыхъ передовыхъ пунктахъ Западнаго Кавказа, занятыхъ нашими войсками; а потому я имѣлъ случай еще ближе ознакомиться съ этимъ краемъ, на который въ то время было обращено все наше вниманіе.

Но прежде чѣмъ коснусь подробностей моей поѣздки, сдѣлаю общій очеркъ положенія обитателей Западнаго Кавказа и отношеній ихъ къ намъ.

Съ наступленіемъ 1860 года, отчасти измѣнился Западный Кавказъ, какъ по составу населенія, описаннаго въ предъидущей главѣ, такъ и по отношеніямъ этого враждебнаго населенія къ намъ.

Съ окончаніемъ Восточной войны былъ разрѣшенъ безпрепятственный выходъ закубанцевъ въ Турцію, сначала подъ предлогомъ путешествія въ Мекку для поклоненія гробу Магомета, а потомъ, и открытое переселеніе ихъ въ страну своихъ одновѣрцевъ.

---

[1] См. „Русск. Стар." 1895 г., іюнь.

Первые поспѣшившіе воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ были ногайцы, жившіе по лѣвую сторону Кубани. Имъ не нравилось, что, будучи окружены со всѣхъ сторонъ нашими казачьими поселеніями, они были лишены прежней свободы сноситься съ немирными, заниматься передержательствомъ ихъ въ своихъ аулахъ и получать нѣкоторыя выгоды отъ хищничествъ немирныхъ въ нашихъ предѣлахъ.

Одновременно съ ногайцами началось первое переселеніе въ Турцію и натухайцевъ, возбужденное отчасти неудовольствіями отъ построенія на ихъ землѣ нашихъ укрѣпленій и станицъ, а отчасти происками Сеферъ-бея, враждовавшаго какъ съ нами, такъ и съ Магометъ-Аминемъ, о первенствѣ котораго онъ не могъ равнодушно слышать.

Тогда какъ одна часть мирнаго магометанскаго населенія, обитавшаго на пространствѣ между Кубанью и Лабою, уходила отъ христіанства въ Турцію, другая, враждебная намъ, искала спасенія въ скалистыхъ ущельяхъ и лѣсныхъ трущобахъ. Такимъ образомъ съ заведеніемъ нашихъ казачьихъ поселеній въ верховьяхъ Зеленчуковъ, Урупа и на Тегеняхъ бѣжали за Лабу остатки башильбаевъ, бесленеевъ и бѣглыхъ кабардинцевъ.

Можно положительно сказать, что съ наступленіемъ 1860 года, по правую сторону Большой Лабы, не было ни души магометанской. Но зато треугольное пространство между Большой и Малой Лабой было переполнено башильбаями, казильбеками, тамовцами, шахъ-гиреями и бѣглыми кабардинцами. Въ пространствѣ же между Малой Лабой и Губсомъ гнѣздились, небольшими родовыми аулами, бесленеи, баракаи и баговцы.

Хотя все это населеніе, какъ равно махоши, темиргои и егерукаи, скрывавшіеся въ лѣсныхъ трущобахъ, растущихъ по Псефири и Фарсу, притихли и перестали буйствовать и заниматься по-прежнему хищничествомъ, но пока эти враждебныя намъ мелкія абазинскія и черкесскія общества оставались на этихъ мѣстахъ, не могло быть тишины и спокойствія; а потому нужно было или заставить ихъ отправиться въ Турцію, или принудить поселиться на мѣстахъ, имъ указанныхъ.

Съ абадзехами мы считались въ мирѣ, заключенномъ въ ноябрѣ 1859 года на урочищѣ Хамкеты. Но этотъ миръ нельзя было считать прочнымъ и выгоднымъ для насъ. Прочнымъ онъ не могъ назваться, потому что не былъ заключенъ съ общаго согласія абадзехскаго народа, а былъ махинаціей нѣсколькихъ десятковъ вліятельныхъ лицъ, въ особенности же жившихъ по обѣимъ сторонамъ Бѣлой, для отклоненія этимъ готовящихся имъ ударовъ нашего оружія.

Самымъ главнымъ дѣятелемъ въ заключеніи этого мира былъ Магометъ-Аминь, первый присягнувшій и болѣе всѣхъ выигравшій, какъ

осыпанный отъ нашего правительства почестями и наградами, хотя не заслуженными, но входящими въ его разсчетъ. Къ тому же этотъ миръ былъ не только стѣснителенъ для насъ, какъ не дозволявшій дѣйствовать самостоятельно и сообразно съ обстоятельствами, но былъ унизителенъ по нѣкоторымъ условіямъ, вошедшимъ въ письменный договоръ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда абадзехи уличались въ хищничествахъ въ нашихъ предѣлахъ и въ участіи вмѣстѣ съ шапсугами противъ нашихъ войскъ, обнаружилась полная непрочность и неосновательность такого мира.

Однако въ то время, когда на пространствѣ между Фарсомъ и Субсомъ, гдѣ жили абадзехи, царилъ миръ,—впрочемъ болѣе воображаемый, нежели дѣйствительный,—когда бжедухи и натухайцы болѣе положительно признали нашу власть, шапсуги продолжали буйствовать и непокорствовать. Противъ нихъ-то, какъ считавшихся открытыми нашими врагами на Западномъ Кавказѣ, и были направлены главныя силы и открыты рѣшительныя наступательныя дѣйствія, по плану, составленному командующимъ войсками въ Кубанской области, генералъ-лейтенантомъ Филипсономъ, назначеннымъ въ концѣ 1857 года изъ наказнаго атамана черноморскаго казачьяго войска, на мѣсто генерала Козловскаго, начальникомъ праваго крыла Кавказской линіи.

Григорій Ивановичъ Филипсонъ былъ тотъ самый, который былъ начальникомъ штаба въ Ставрополѣ и съ которымъ я отчасти уже познакомилъ читателя. Но здѣсь я остановлюсь на немъ нѣсколько продолжительнѣе. Обладая обширными научными свѣдѣніями, легко пріобрѣтаемыми чрезъ посредство громадной памяти, быстро обнимая самыя сложныя и запутанныя дѣла, легко и свободно излагая свои мысли на бумагѣ, Григорій Ивановичъ былъ вполнѣ хорошимъ администраторомъ и кабинетнымъ дѣятелемъ.

Въ военной администраціи и іерархіи Григорій Ивановичъ могъ быть достойнымъ начальникомъ штаба арміи, генералъ-губернаторомъ и даже министромъ, но не его дѣло было управлять самими войсками въ военное время. У него не было умѣнія, манеры и смѣлости обращаться съ солдатами; онъ избѣгалъ случаевъ встрѣчаться и здороваться съ ними. У него было болѣе нерасположеніе, нежели стремленіе къ лагерной боевой жизни, онъ даже не любилъ верховой ѣзды, а потому не удивительно, что самъ не начальствовалъ отрядами, а поручалъ другимъ. Сколько мнѣ кажется, у Григорія Ивановича не хватало настолько твердости характера и силы воли, чтобы, управляя самому войсками, вести ихъ неуклонно къ опредѣленной цѣли и не сворачивать въ стороны передъ препятствіями, столь большими и столь часто встрѣчавшимися въ кавказской войнѣ.

При такомъ характерѣ и отрицательныхъ качествахъ и достоин-

ствахъ главнаго начальника, нельзя было ожидать успѣха въ военныхъ дѣйствіяхъ, несмотря на громадность силъ и средствъ.

Къ маю мѣсяцу 1860 года, когда предполагалось приступить къ рѣшительнымъ военнымъ дѣйствіямъ, вотъ какое число войскъ состояло подъ начальствомъ генерала Филипсона:

19 пѣхотная дивизія, а именно:

Крымскій, Ставропольскій, Кубанскій и Севастопольскій полки каждый 5-ти батальоннаго состава	20	бат.
Кавказской резервной дивизіи	9	»
Стрѣлковые батальоны полковъ: гренадерской, 20-й и 21-й дивизій.	3	»
Гренадерской, 19-й, 20-й и 21-й стрѣлковые батальоны .	4	»
Сводно-линейныхъ стрѣлковыхъ батальоновъ	3¹/₂	»
Кавказскихъ линейныхъ батальоновъ	6	»
Пѣшихъ батальоновъ Кубанскаго казачьяго войска. . .	11	»
2 роты саперъ	¹/₂	»
	57	бат.
Сводно-драгунская дивизія, состоящая изъ полковъ Нижегородскаго, Тверскаго, Сѣверскаго и Переяславскаго по 6 эскадроновъ въ каждомъ.	24	эск.
12 полковъ бывшаго Черноморскаго войска	72	сот.
6 бригадъ Кавказскаго линейнаго войска, каждая бригада изъ 2-хъ полковъ 6 сотеннаго состава	72	»
5 Донскихъ казачьихъ полковъ	30	»
	24 э. и 174	сот.
5 батарей 19 артиллерійской бригады	40	ор
4 конно-артиллерійскихъ казач. батареи	32	»
Подвижной гарнизонной артиллеріи.	18	»
	90	ор.

Такое огромное число войскъ, достигавшее до 80 т. человѣкъ, согласно предварительно составленному плану, было распредѣлено [1]):

1) 37¹|₂ бат. 6 эск. драгунъ, 20 сот. казаковъ и 48 ор. входили въ

---

[1]) Здѣсь кстати замѣчу, что распредѣленіе войскъ было не вездѣ правильное и соотвѣтствующее ихъ спеціальности. Напримѣръ, нѣкоторые изъ стрѣлковыхъ батальоновъ находились въ составѣ гарнизоновъ или строили станицы, а драгуны отправляли кордонную службу.

составъ 3-хъ отрядовъ: главнаго Шапсугскаго, Адагумскаго и Хамкетинскаго.

2) 10 бат. съ 4-мя сот. и 10 орудіями, расположенные въ разныхъ пунктахъ по Зеленчуку, Урупу и на Тегеняхъ строили станицы: Безскорбную, Отрадную, Попутную, Передовую, Преградную, Сторожевую и Надежную.

и 3) всѣ же прочія затѣмъ войска составляли гарнизоны по разнымъ укрѣпленнымъ пунктамъ и содержали кордоны по Урупу, Лабѣ, Кубани и Адагумской линіи.

Обозрѣвъ какъ состояніе обитателей Западнаго Кавказа, расположеніе и занятія находившихся на немъ войскъ, я попрошу читателя послѣдовать за мною во всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ мнѣ необходимо должно было быть для выполненія возложеннаго на меня порученія.

Пробывъ въ Ставрополѣ трое сутокъ и не найдя въ немъ особенныхъ перемѣнъ, кромѣ развѣ нѣсколькихъ десятковъ новыхъ каменныхъ домовъ, воздвигнутыхъ на огромной Воробьевской площади, да улучшенія шоссе и тротуаровъ на главныхъ улицахъ, я отправился въ Екатеринодаръ.

До Кубани, на разстояніи почти ста верстъ, путь пролегалъ по внутреннимъ станицамъ и хуторамъ Ставропольской и Кубанской бригадъ, разбросанныхъ, подобно русскимъ селамъ, вдоль небольшихъ рѣчекъ. Здѣсь жили безъ военныхъ предосторожностей. По дорогамъ не было постовъ, станицы не были огорожены, не было даже вышекъ съ часовыми при въѣздѣ въ станицы. Но съ выѣздомъ на Кубань у станицы Темижбекской снова явились посты, пикеты, четыреугольныя станицы съ оградами и съ вышками на воротахъ, а если имѣлся открытый листъ, то являлись и конвойные казаки.

Широко, медленно, извилисто и преимущественно по ложу, поросшему рѣдкимъ лѣсомъ и частымъ кустарникомъ, протекаетъ Кубань, до впаденія въ нее Большой Лабы. На этомъ 150 верстномъ разстояніи вы проѣзжаете черезъ станицы Кавказскую, Казанскую, Тифлисскую, Ладожскую и Усть-Лабинскую, расположенныя на возвышенномъ правомъ берегу, съ котораго виднѣется все Закубанское пространство до Лабы. Оно безлѣсно и за исключеніемъ Топкаго Зеленчука или Терса безводно, но по богатству почвы одинаково способно какъ для земледѣлія, такъ и скотоводства. Еще на бо̀льшее разстояніе виднѣется вправо такая же безводная, безлѣсная, но хлѣбородная степь, кажущаяся равниной, несмотря на то, что зачастую перерѣзывается балками. По мѣрѣ же приближенія къ бывшей Черноморіи горизонтъ все расширяется и, наконецъ, въ предѣлахъ ея обращается въ безконечную степь, во время бездождія желтѣющую и безжизненную. Только

взоръ вашъ останавливается на курганахъ, служащихъ единственными предметами для оріентированія.

Совсѣмъ инымъ является Закубанское пространство. Кромѣ лѣса, растущаго по Лабѣ, Гіагѣ и самой Кубани, чернѣется густая его масса вдали. Это лѣса Махошевскіе, или находящіеся между станицей Лабинской и укрѣпленіемъ Майкопскимъ, а также растущіе по Бѣлой до впаденія въ Кубань, напротивъ станицы Старо-Корсунской.

Екатеринодаръ, получившій свое начало одновременно съ поселеніемъ Запорожскаго войска въ Черноморіи, мало съ того времени украсился, сравнительно съ другими станицами. Правда, въ Екатеринодарѣ есть каменные и даже красивой архитектуры дома, что̀ очень естественно, потому что, кромѣ войсковой центральной администраціи, въ немъ каждый черноморскій панъ старался выстроить себѣ домъ; но въ этомъ и заключается вся его привилегія и совершенство. Широкія и прямыя улицы, огромныя четыреугольныя площади Екатеринодара также непроходимы отъ грязи и топи, какъ и въ другихъ станицахъ. Это происходитъ отъ частыхъ дождей, быстро разлагающейся черноземной почвы и неимѣнія въ окрестностяхъ на нѣсколько десятковъ верстъ камня, изъ котораго можно было бы сдѣлать мостовую. Да и трудно обывателямъ устроить мостовую, или шоссе на весьма широкихъ улицахъ и при такомъ раскинутомъ усадебномъ расположеніи, а еще труднѣе забутить огромныя трясины и топи.

И дѣйствительно расположеніе Екатеринодара слишкомъ разбросано. Десятки саженъ проходишь и видить только деревянный заборъ или плетень, изъ-за которыхъ возвышаются громадные дубы, ясени, акаціи, изрѣдка перемѣшанные съ яблонями, грушами, сливами и вишнями; или видишь огромныя пространства, засаженныя кукурузою, подсолнечниками, арбузами, дынями, капустою, картофелемъ, бураками, огурцами и другими огородными овощами.

Но такому неблагоустройству Екатеринодара много мѣшаетъ свойственная черноморцамъ, какъ потомкамъ запорожцевъ,—лѣнь, безпечность, равнодушіе и привязанность къ старинѣ. Не разъ приходилось слышать изъ устъ черноморца: «ахиба мы не можемъ жити, якъ жили наши діды и батьки». Правда, къ этому нужно присоединить неимѣніе рабочихъ рукъ и страшную болѣзненность. Первое происходило оттого, что до покоренія Западнаго Кавказа все совершеннолѣтнее мужское населеніе должно было или охранять себя, или дѣйствовать противъ сосѣда врага. Болѣзни, въ особенности лихорадки, происходящія отъ міазмовъ, скрывающихся въ топяхъ и трясинахъ, находящихся въ самомъ городѣ и его окрестныхъ плавняхъ и камышахъ, прибавляли къ природной лѣни черноморца изнуреніе и упадокъ силъ.

Какъ по этимъ естественнымъ, климатическимъ и мѣстнымъ при-

чинамъ, такъ равно по характеру самихъ обитателей, вы мало замѣтите въ Екатеринодарѣ общественной дѣятельности и движенія. Широкія и прямыя улицы, а также огромныя площади лѣтомъ пусты, по причинѣ жары и удушливаго воздуха, отъ зловредныхъ испареній, поднимающихся изъ топей и болотъ; во все же прочее время года онѣ не только непроходимы, но и трудно проѣзжи отъ грязи и трясинъ. Да и общественныхъ удовольствій, за исключеніемъ войсковаго, довольно большаго и красиваго сада, нѣтъ никакихъ. Тамъ въ праздничные дни играла музыка, и затѣвались на открытомъ воздухѣ танцы, разумѣется, если не было дождя.

Въ Екатеринодарѣ нѣтъ и торговой дѣятельности, да и не можетъ быть ея, какъ по вышеизложеннымъ причинамъ, такъ и по малости потребителей. Черноморецъ не любитъ роскоши и привыкъ жить въ простотѣ и довольствоваться тѣмъ, что родится у него на его огородѣ и даетъ ему хозяйство. Да и лишнія деньги не у многихъ пановъ имѣются. Поэтому въ небольшомъ и грязномъ гостиномъ дворѣ вы не найдете ни богатыхъ лавокъ съ панскими товарами, ни хорошихъ бакалейныхъ лавокъ и винныхъ погребовъ. Но зато много питейныхъ домовъ, потому что и черноморецъ большой охотникъ до горѣлки, въ которой, подобно благородному россу, и онъ ищетъ запить свое горе.

Въ Екатеринодарѣ нѣтъ ни модистокъ, ни гостиницъ, ни кондитерскихъ, потому что живущіе въ немъ о модахъ вовсе не заботятся; конфетъ не знаютъ, а услаждаютъ себя пряниками, коврижками, орѣшками, сѣмечками и рожками, въ гостиницахъ не нуждаются, потому что имѣютъ свои дома, а питаются саломъ, борщомъ да галушками. Даже въ постоялыхъ дворахъ нельзя обчесться—такъ ихъ немного. А потому если у васъ не было знакомыхъ, то въ этомъ городѣ можно было многаго натерпѣться.

По крайней мѣрѣ такъ было непривѣтливо и негостепріимно въ Екатеринодарѣ, при первомъ моемъ посѣщеніи его въ 1860 году. Говорятъ, что съ 1865 года, по причинѣ пребыванія въ немъ тогдашняго начальника области, графа Сумарокова-Эльстона, и управленія командующаго войсками, онъ значительно украсился и оживился. Можетъ быть и такъ,—блаженъ, кто вѣруетъ. Но исчезли ли его топи и болота, а съ ними лихорадки? Сдѣлался ли черноморецъ подвижнѣе, общительнѣе и отрекся ли отъ прежнихъ своихъ привычекъ?

Изъ Екатеринодара я отправился за Кубань, къ дѣйствующимъ тамъ войскамъ, съ генераломъ Филипсономъ, прибывшимъ въ этотъ городъ за нѣсколько дней до моего пріѣзда.

Главный отрядъ, предназначенный для дѣйствій въ землѣ шапсуговъ, состоялъ: изъ двадцати батальоновъ на половину стрѣлковыхъ, шести эскадроновъ драгунъ, восьми сотенъ казаковъ и тридцати ору-

дій. Сосредоточенный у Великолагернаго поста, что въ 15 верстахъ ниже Екатеринодара, и по совершеніи здѣсь переправы черезъ Кубань, этотъ отрядъ долженъ былъ дѣйствовать наступательно по плоской Шапсугіи на разстояніи 30—40 верстъ отъ переправы. На его обязанности лежало: разгромить живущее на этомъ пространствѣ населеніе, проложить черезъ лѣсъ просѣки и дороги къ верховьямъ Иля и съ этой рѣчки на Шепсъ, гдѣ и приступить къ устройству укрѣпленій, какъ основанія для будущихъ дѣйствій въ горы.

Но, къ сожалѣнію, въ дѣйствіяхъ этого отряда не было благоразумной послѣдовательности. То онъ или безъ надобности оставался на одномъ мѣстѣ, или съ быстротою переходилъ на другое, не обезпечивъ и не устроивъ надлежащимъ образомъ сообщенія. А отъ этого происходило то, что нужно было назначать большое число войскъ для подвоза продовольствія, а съ увеличеніемъ числа войскъ для транспортировокъ уменьшалось число рабочихъ, отчего работы по возведенію укрѣпленій шли медленно и были крайне утомительны.

Такія распоряженія совершенно соотвѣтствовали характеру и свойствамъ начальника отряда, генералъ-маіора Рудановскаго. Не отнимая у него природныхъ способностей, ума и свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ имъ чтеніемъ и въ военной академіи, нужно по справедливости сказать, что онъ былъ непомѣрно честолюбивъ, до смѣшнаго самолюбивъ и до крайности раздражителенъ. Но такъ какъ къ раздражительности примѣшивалась нерѣшительность съ подозрительностію, то и происходило на самомъ дѣлѣ, что Леонидъ Платоновичъ, мой хорошій знакомый и соакадемикъ, или дѣлался неумѣстно рѣшительнымъ и предпріимчивымъ, или крайне осторожнымъ и предусмотрительнымъ.

Въ то время когда предпринята была поѣздка въ Шапсугскій отрядъ, войска, его составлявшія, были раздѣлены на двѣ части. Шесть батальоновъ подъ начальствомъ полковника Левашова [1]) строили укрѣпленіе на Илѣ. Шестнадцать батальоновъ съ пропорціональнымъ числомъ артиллеріи и кавалеріи, подъ личнымъ предводительствомъ генерала Рудановскаго, пройдя съ боемъ съ Иля на Шепшъ, готовились на послѣдней рѣчкѣ къ построенію Григорьевскаго укрѣпленія.

Хотя эти части Шапсугскаго отряда находились между собою въ такомъ же разстояніи, какъ и отъ Кубани, но сообщеніе съ линіей производилось небольшими колоннами, тогда какъ между Илемъ и Шепшемъ сообщеніе было прервано.

Это произошло отъ неровности характера генерала Рудановскаго

---

[1]) Левашовъ былъ командиромъ Ставропольскаго пѣхотнаго полка. Въ 60-хъ годахъ командовалъ дивизіей; въ настоящее же время числится по запаснымъ войскамъ.

и въ этомъ случаѣ отъ неумѣстнаго увлеченія и заносчивости. Еслибы Леонидъ Платоновичъ не увлекся побѣдами надъ шапсугами, а въ особенности взятіемъ многонаселеннаго аула Кабаницъ, то можетъ быть онъ и не перешагнулъ бы столь быстро тридцати-верстное пространство между Илемъ и Шепшемъ. Напротивъ, онъ двигался бы постепенно, вырубая лѣсистыя пространства и устраивая переправы черезъ глубокіе овраги и быстрые потоки. Но, считая себя покорителемъ шапсуговъ, онъ, не укрѣпившись надлежащимъ образомъ на Илѣ, съ быстротою побѣтеля переходитъ на Шепшъ. А отъ этого произошло то, что главная часть Шапсугскаго отряда, утративъ сообщенія съ Илемъ, не обезпечила сообщеній и съ линіей.

Переправившись на паромѣ черезъ Кубань у Великолагернаго поста, я съ Григоріемъ Ивановичемъ направился первоначально въ Ильскій отрядъ. Переѣздъ двадцати-пяти-верстнаго разстоянія пролегалъ исключительно по мѣстности открытой и ровной. Только за пять верстъ до расположенія отряда, а именно отъ разореннаго аула Кабаницъ начинался густой лѣсъ, черезъ который и была прорублена просѣка.

То мѣсто, на которомъ строилось Ильское укрѣпленіе, тоже было окружено лѣсомъ, и хотя топоръ произвелъ въ немъ большія опустошенія, но еще много нужно было употребить труда, чтобы очистить окрестности воздвигаемаго укрѣпленія отъ пней и срубленныхъ деревьевъ. Не знаю, какія причины заставили избрать это мѣсто, стоившее столь огромнаго труда для очистки его отъ вѣковаго лѣса и весьма нездоровое, но что это укрѣпленіе не составляло никакой важности въ стратегическомъ отношеніи,—оправдывается тѣмъ, что оно съ небольшимъ черезъ годъ было упразднено.

Послѣ двухъ-суточнаго пребыванія въ Ильскомъ отрядѣ, возвратившись въ Екатеринодаръ и снова совершивъ переправу черезъ Кубань у Хомутовскаго поста по плавучему понтонному мосту, я отправился съ Филипсономъ же въ отрядъ на Шепшъ. Дорога, по которой намъ пришлось ѣхать, пролегала по лѣсистой и болотистой мѣстности. Въ особенности были большіе лѣса и болота у бывшаго Ивано-Шепскаго укрѣпленія, отстоящаго отъ Кубани въ шестнадцати верстахъ и устроеннаго въ 1830 году генералъ-фельдмаршаломъ, графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ.

Такая пересѣченная и закрытая мѣстность весьма способствовала сопротивленію непріятеля. Между тѣмъ его нигдѣ не было видно, и не было произведено ни одного выстрѣла. Еслибы не шапсуги, а чеченцы обитали на такой мѣстности, безъ сомнѣнія, они не позволили бы такъ безпрепятственно двигаться между перелѣсками нашей кавалеріи. Впрочемъ, начальникъ колонны, полковникъ Крыжановскій, чер-

номорецъ по рожденію, въ защиту, а можетъ быть, чтобы возвысить въ глазахъ нашихъ и своего непріятеля, оправдывалъ шапсуговъ тѣмъ, что они находятся въ сборѣ противъ отряда.

И дѣйствительно впереди слышалась не только канонада, но и ружейная перестрѣлка. Когда же мы выѣхали на возвышенность, занятую отрядомъ, то войска, рубившія лѣсъ вправо отъ лагеря, имѣли дѣло съ сильнымъ непріятелемъ, по окончаніи котораго оказалось съ нашей стороны десятка два убитыхъ и раненыхъ.

Такія упорныя перестрѣлки происходили въ продолженіе двухъ недѣль по занятіи позиціи на Шепшѣ, пока не былъ вырубленъ окрестный лѣсъ на пушечный выстрѣлъ и пока не началъ возвышаться земляной валъ укрѣпленія Григорьевскаго. При этомъ происходили и рукопашныя схватки съ непріятелемъ, оканчивавшіяся всегда его пораженіемъ. Здѣсь кстати замѣчу, что съ нами дрались не одни шапсуги, но и находившіеся съ нами въ мирѣ абадзехи, въ оправданіе которыхъ я долженъ сказать, что съ нами дрались абадзехи, жившіе по Псекупсу и Пшишу, можетъ быть и не присягавшіе на миръ.

Пребываніе мое въ отрядѣ продолжалось трое сутокъ, которыя прошли для меня незамѣтно, потому что, кромѣ осмотра стрѣлковъ, я участвовалъ въ рекогносцировкахъ съ командующимъ войсками Филипсономъ, всегда производившихся съ боемъ.

Здѣсь я убѣдился не по разсказамъ, а на самомъ дѣлѣ, въ неспособности Григорія Ивановича обращаться съ солдатами и въ безтолковой суетливости, гнѣвной раздражительности и непомѣрной скупости моего товарища по мундиру, Леонида Платоновича. Онъ безпрестанно то шипѣлъ, какъ змѣя, то кипѣлъ, какъ самоваръ, отчего кто-то его назвалъ «самоваръ-пашею», то его взрывало, какъ порохъ или газъ. Скаредную же его скупость я испыталъ на самомъ себѣ во время пребыванія моего въ отрядѣ; и тогда, когда отъ постоянной дѣятельности у меня былъ волчій аппетитъ, я долженъ былъ голодать и питаться чаемъ и сухояденіемъ. То же, что подавалось за его обѣдомъ, было такъ грязно и безвкусно приготовлено, что безъ отвращенія нельзя было ни къ чему прикоснуться.

По возвращеніи моемъ въ Екатеринодаръ, разставшись съ Филипсономъ, отправившимся въ Ставрополь, я поѣхалъ внизъ по Кубани на Адагумскую линію.

По мѣрѣ удаленія отъ Екатеринодара природа все становилась безплоднѣе и желтѣе. Миновавъ же Елизаветинскую станицу, пошли болота, да песчаныя занесенныя иломъ поля. Только проѣхавъ Копыльскую почтовую станцію—царство комаровъ, да «ссыльный Копыльскій

постъ» [1]), началась древесная растительность, состоящая изъ лиственныхъ породъ, которая и тянулась на десятиверстномъ разстояніи до Псебедахской переправы. Переправившись здѣсь на паромѣ черезъ Кубань, я очутился на Адагумской кордонной линіи.

Эта линія, проведенная генераломъ Филипсономъ по небольшой рѣчкѣ Адагуму, отъ которой она и получила свое названіе, состояла, кромѣ нѣсколькихъ постовъ, изъ Нижне-и Верхне-Адагумскаго и строившагося Неберджайскаго укрѣпленія. У этого послѣдняго и былъ сосредоточенъ Адагумскій отрядъ, состоявшій изъ десяти батальоновъ, шести сотенъ и двѣнадцати орудій. Кромѣ постройки Неберджайскаго укрѣпленія и наблюденія за натухайцами, хотя считавшимися мирными, но глядѣвшими болѣе врагами, нежели друзьями, часть Адагумскаго отряда въ случаѣ надобности въ всякое время могла двинуться на Абинъ и даже за эту рѣчку и такой диверсіей оказать помощь главнымъ силамъ, дѣйствовавшимъ въ Шапсугіи.

Начальникомъ этого отряда былъ генералъ-маіоръ Бабичъ, черноморецъ по рожденію и вполнѣ обладавшій качествами, свойственными этимъ казакамъ. Онъ былъ всегда тихъ, спокоенъ и показывалъ видъ непонимающаго, въ тѣхъ случаяхъ, когда не хотѣлъ сдѣлать того, что не согласовалось съ его видами или пользой. Недолюбливалъ регулярныхъ войскъ и горой стоялъ за своихъ черноморцевъ, съ которыми и обдѣлывалъ разныя дѣлишки. Передъ старшими или вліятельными лицами былъ низкопоклоненъ и вкрадчивъ, но нельзя сказать, чтобы возносился или былъ гордъ и надмененъ съ младшими. Если во время командованія отрядомъ, а также начальствованія Натухайскимъ округомъ, Бабичъ не сдѣлалъ ничего особеннаго, то и не попался ни разу въ просакъ.

Послѣ трехдневнаго пребыванія моего въ Адагумскомъ отрядѣ, употребленнаго на осмотръ войскъ и на движеніе, съ незначительной перестрѣлкой къ верховьямъ Абина, я оставилъ Неберджай. Поднявшись по живописной мѣстности, поросшей строевымъ лѣсомъ и изрѣзанной глубокими оврагами, на перевалъ, образуемый оканчивающимся между Анапой и Кубанью Кавказскимъ хребтомъ, и вдоволь на любовавшись на море и его далекое прибрежье, я прибылъ въ укрѣпленіе Константиновское.

---

[1]) На Копыльскій постъ назначались казаки за наказаніе,—такъ велики были мученія отъ миріадъ большихъ и съ длинными жалами комаровъ. Отъ ихъ укушенія не избавляло и постоянно горѣвшее на постовомъ дворѣ курево, дымъ отъ котораго разъѣдалъ глаза. Поэтому не удивительно, что у черноморцевъ были одутловыя лица и красные больные глаза. Правда, къ опухлости физіономіи способствовали не одни комары, но и любимая черноморцами горѣлка.

*

Это укрѣпленіе возникло вскорѣ послѣ Парижскаго мира на развалинахъ бывшаго здѣсь города Новороссійска, разрушеннаго сначала бомбардированіемъ въ 1855 году англо-французовъ, а потомъ господствовавшими здѣсь горцами. Раскинутыя на далекое разстояніе отъ укрѣпленія по сѣверную сторону длинной бухты, разрушенныя разной величины строенія, порубленные и испорченные сады, аллеи и бульвары указывали если не на красоту, то на значительную величину Новороссійска.

Небольшое укрѣпленіе Константиновское, сравнительно съ развалинами Новороссійска, вмѣщало въ себѣ,—кромѣ барачныхъ казармъ для одного батальона, двухъ орудій и сотни казаковъ, составлявшихъ его гарнизонъ,—госпиталь и разныя постройки для складовъ и мастерскихъ моряковъ. Въ этихъ послѣднихъ ощущалась надобность по той причинѣ, что Константиновское было станціей для военныхъ паровыхъ судовъ. Новороссійская же бухта, какъ одна изъ лучшихъ на Черномъ морѣ, служила стоянкой и для коммерческихъ судовъ. Поэтому на пристани, довольно хорошо устроенной, кипѣла постоянная дѣятельность, и она была полна народу.

Проведя сутки у гостепріимнаго и радушнаго коменданта Константиновскаго, полковника Лыкова, я отправился на шхунѣ «Туапсе», командиромъ которой былъ капитанъ 2-го ранга Шмидтъ [1]) сначала въ Анапу, а потомъ въ Керчь. Въ Анапу, но только не крѣпость, взятую въ 1828 году, а жалкое укрѣпленіе, тутъ же устроенное, мнѣ нужно было заѣхать, чтобы осмотрѣть стрѣлковый батальонъ Лейбъ-Эриванскаго полка, оставленный здѣсь со времени своего прибытія моремъ изъ Закавказья, но по моему настоянію вскорѣ оттуда взятый.

Заѣзжать въ Керчь не было надобности. Если же я предпринялъ эту поѣзку, то сдѣлалъ это потому, что мнѣ удобнѣе было проѣхать въ Темрюкъ,—до Керчи Чернымъ, а отъ этого города Азовскимъ моремъ,—нежели сухимъ путемъ обратно по Адагумской линіи, или изъ Анапы черезъ Тамань. Побывать же въ Темрюкѣ — этомъ вновь созданномъ по желанію генерала Филипсона городѣ—мнѣ необходимо было по приказанію главнокомандующаго, для собранія нѣкоторыхъ свѣдѣній о пристани и для рѣшенія поземельнаго спора темрюкцевъ съ черкесами Гривинскаго аула [2]).

Для окончанія возложеннаго на меня порученія по осмотру войскъ, мнѣ необходимо было съ западной стороны праваго крыла перебраться на восточную. Поэтому изъ Темрюка, которому приличествовало по-прежнему скорѣй оставаться станицей, нежели быть возведеннымъ въ

---

[1]) Нынѣ свиты Его Величества контръ-адмиралъ.

[2]) Этотъ аулъ, существовавшій до моего прибытія въ Темрюкъ десятки лѣтъ, составился изъ разныхъ горскихъ выходцевъ.

городъ,—я отправился на почтовыхъ въ обратный путь по Кубани. Доѣхавъ до Усть-Лабы и осмотрѣвъ здѣсь штабъ-квартиру Ставропольскаго полка, послѣ переправы въ этой станицѣ черезъ Кубань, я направился въ верхъ по Лабѣ.

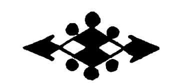
Цѣлью моего путешествія по этому направленію былъ Хамкетинскій отрядъ, строившій укрѣпленіе на урочищѣ Хамкеты. Чтобы доѣхать до этого мѣста, мнѣ нужно было сначала проѣхать по Лабѣ черезъ станицы Некрасовскую, Тенгинскую, Темиргоевскую, Михайловскую и Лабинскую. Переправившись въ станицѣ Лабинской по мосту черезъ Лабу, хотя мнѣ пришлось проѣзжать по землѣ абадзеховъ, съ которыми мы находились въ мирѣ, но по причинѣ лѣсистой и пересѣченной мѣстности не безопасной отъ хищничествъ, поэтому 35 верстное разстояніе между Лабой и Хамкетами я совершилъ подъ прикрытіемъ сотни казаковъ.

Хамкетинскій отрядъ, мирно строившій укрѣпленіе и вырубавшій окрестный лѣсъ, состоялъ изъ 7 батальоновъ, 4-хъ сотенъ и 8 орудій. Начальникомъ этого отряда былъ генералъ-маіоръ Преображенскій, человѣкъ ограниченныхъ способностей и почти безъ всякихъ теоретическихъ познаній, но во время своего восемнадцати-лѣтняго служенія на Кавказѣ пріобрѣвшій опытность въ горской войнѣ. Будучи же заботливъ и попечителенъ о войскахъ и не лишенъ необходимой предпріимчивости и смѣлости, онъ честно исполнялъ возложенное на него порученіе.

Возвратившись на четвертыя сутки въ Лабинскую станицу, я закончилъ мой осмотръ войскъ Севастопольскимъ пѣхотнымъ полкомъ, расположеннымъ въ Псебаѣ, что̀ на Малой Лабѣ у входа въ Шахъ-Гиреевское ущелье, названное такъ по обитавшимъ въ немъ шахъ-гирейцамъ. Командиромъ Севастопольскаго полка, а вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ Мало-Лабинской линіи, состоявшей изъ десятка постовъ, былъ полковникъ Лихутинъ, служившій до того въ генеральномъ штабѣ. Онъ какъ въ своей штабъ-квартирѣ, такъ и въ отрядѣ, велъ жизнь спартанца. Многіе приписывали это скупости, но я, зная хорошо Лихутина, отношу такую его жизнь не столько къ скряжничеству, сколько неумѣнію жить иначе. При этомъ положительно могу сказать, что онъ былъ настолько попечителенъ и заботливъ о ввѣряемыхъ ему войскахъ, что не дозволялъ себѣ никогда жить на ихъ счетъ.

Мое продолжительное путешествіе я закончилъ тѣмъ, что черезъ Прочный-Окопъ, Ставрополь, Пятигорскъ въ концѣ августа возвратился въ Тифлисъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О запрещеніи въ 1769 году охотиться въ окрестностяхъ Петербурга и Москвы.

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей Великой Государынѣ, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской.

Отъ оберъ-егермейстера, генералъ-аншефа, дѣйствительнаго камергера и разныхъ орденовъ кавалера Семена Нарышкина.

Всеподданнѣйшій докладъ.

Въ чужихъ государствахъ, какъ извѣстно, что около городовъ всѣ поля и лѣса наполнены разныхъ родовъ дичью, а здѣсь, напротивъ того, что ближе къ столицѣ, то дичи меньше, потому что обывателями такъ оная истреблена, что едва-ли можно ее пріискать и для стола Вашего Императорскаго Величества. Которые истребители чинятъ то похищеніе, не взирая на строгіе, запретительные именные и Правительствующаго Сената указы, публикованные въ прошедшихъ годѣхъ и для пресѣченія такого зла не соизволите ли, Ваше Императорское Величество всевысочайше повелѣть всѣхъ тѣхъ, кои будутъ изыманы въ произведеніи охоты съ борзыми собаками и фузеями и какими бы ни было орудіями въ запретительныхъ мѣстахъ, то-есть около Санктпетербурга, Петергофа, Сарскаго и Краснаго Селъ, такожде и Кипенской мызы въ тридцати верстахъ во всѣ стороны, а въ Москвѣ отъ оной въ пятнадцати верстахъ—неимущихъ отсылать въ военную коллегію въ солдаты, а съ зажиточныхъ съ каждаго брать рекрута въ наказаніе за ихъ такое самовольство, ибо въ нѣмецкихъ странахъ и вящше сего наказываются таковые преступники, яко то: каторгою и прочимъ. А для пріумноженія дичи указать всемилостивѣйше оберъ-егермейстерской канцеляріи за билеты брать деньги въ казну ежегодно съ само-желающихъ ѣздить на охоту въ тѣ запретительныя мѣста за каждую фузею съ одною лягавою собакою такожде и за каждую свору борзыхъ собакъ по сороку рублевъ съ тѣмъ, чтобы тотъ, кто возьметъ на свое имя билетъ, никому другому онаго отнюдь не давалъ. На которую сумму всѣ потребныя мѣста будутъ наполняемы зайцами и сѣрыми куропатками, да также на тѣ деньги и жилищи построятся въ пристойныхъ мѣстахъ для заставныхъ объѣзжателей по подобію чужестранныхъ гегрейторовъ и сохраненію той

дичи. И о семъ всевысочайше повелѣть имяннымъ Вашего Императорскаго Величества указомъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ полицеймейстерскимъ и губернскимъ канцеляріямъ, чтобъ оныя въ своихъ командахъ объявили съ подписками какъ городскимъ жителямъ, такъ прикащикамъ и старостамъ по всѣмъ деревнямъ и мызамъ, дабы никто не отваживался истреблять никакого роду дичи какими бы то орудіями или средствами производимо оное избіеніе ни было, подъ опасеніемъ выше описаннаго штрафа взятія въ солдаты.

Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше прошу на оное Вашего Императорскаго Величества всевысочайшаго указа.

На подлинномъ написано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

«Быть по сему».

Екатерина.

8-го мая 1769 года въ Царскомъ Селѣ.

Къ біографіи графа Н. М. Каменскаго.

Письмо фельдмаршала графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго къ академику Эйлеру, воспитателю его сына, графа Николая Михайловича Каменскаго.

(Переводъ съ французскаго).

8 іюня 1793 г. № 146, Москва.

М. г. Я весьма сочувствую непріятному положенію, въ которое вы поставлены необходимостью выѣхать изъ дома академіи. Желательно было бы, хотя литераторовъ, подобно вамъ, не подвергать такой передрягѣ. У всякаго есть свои привычки, отъ которыхъ непріятно быть оторвану, особенно съ семьею; но какъ рѣшеніе академіи уже не можетъ быть отмѣнено, то я долженъ просить васъ, м. г., съ перемѣною квартиры, не удалять отъ себя моего сына. Взявъ его однажды на свое попеченіе, будьте ему отцомъ и впредь. Я охотно назначаю двѣсти рублей въ годъ на квартиру сыну въ продолженіе всего времени, что онъ останется при васъ, т. е. еще три, или, по крайней мѣрѣ, два года. Между тѣмъ, позвольте мнѣ взять его къ себѣ въ Москву на одинъ или два мѣсяца, какъ скоро установится санная дорога. Я желалъ бы лично удостовѣриться въ его успѣхахъ и въ состояніи его здоровья. Уѣзжая сегодня въ свое имѣніе, гдѣ я пробуду до зимы, я поручилъ женѣ моей

выслать вамъ къ 1 сентября тысячу рублей. Мы будемъ поджидать пріѣзда нашего сына.

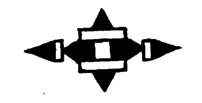
Если сынъ мой не хочетъ исправить своего почерка, то пусть онъ, когда пишетъ, медленно разрисовываетъ каждую букву, такимъ образомъ ему удастся исправить руку. Развѣ труднѣе копировать какое-нибудь А или Б, нежели копировать съ рисунка носъ, бровь и т. д.? Все зависитъ отъ старанія, и вотъ разгадка дѣла; только бы нашъ милый Николай понялъ это.

Извините эти подробности, м. г., какъ отцу, которому все дорого въ сынѣ его; къ тому же я уѣду, и не скоро придется получить объ немъ извѣстіе. Я увѣренъ, что вы потрудитесь съ своей стороны поддержать мои наставленія; поэтому я и не пишу ему. Если почеркъ сына не будетъ исправляться, то я желалъ бы, чтобы его еще не учили верховой ѣздѣ; можетъ быть, это лишеніе принудитъ его къ старанію.

Согласно съ содержаніемъ вашего письма, я надѣюсь, что сынъ мой привезетъ съ собою въ Москву нѣсколько плановъ фортификаціи, и въ разрѣзѣ, какъ я желалъ, и планъ какой-либо атаки, все его собственной работы. При семъ примите еще разъ увѣреніе въ моемъ истинномъ уваженіи, съ коимъ не перестану быть вашимъ, м. г., покорнѣйшимъ слугою. Михаилъ Каменскій.

P. S. Примите также мою искреннюю признательность за ласки, оказываемыя госпожею Эйлеръ моему сыну. Надѣюсь на продолженіе ихъ и впредь, и дай Боже сыну моему заслужить ихъ.

Помѣта рукою Эйлера: Получено 26 іюня 1793 г.

ВОСПОМИНАНІЯ, МЫСЛИ И ПРИЗНАНІЯ ЧЕЛОВѢКА,

ДОЖИВАЮЩАГО СВОЙ ВѢКЪ

СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ [1]).

Помѣщики малодушные и великодушные. — Деревенскіе оригиналы. — Самобытный художникъ. — Либералъ-аристократъ и помѣщикъ-дѣлецъ. — Дьяконъ-политикъ. — Сельскій священникъ. — Дворянскій пансіонъ. — Надзиратели и учителя. — Инспекторъ Ѳедотъ.

Разсказавъ, что мнѣ извѣстно о тѣхъ нашихъ сосѣдяхъ, съ которыми наше семейство было въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ, а преимущественно о такихъ, которые отличались какими-либо чертами на мой взглядъ оригинальными— хочу теперь припомнить все, что я зналъ или видѣлъ въ нашемъ околодкѣ во времена и дѣтства моего и дальнѣйшія. Мнѣ хотѣлось бы изобразить картину, по возможности полную.

Во время крѣпостнаго права, помѣщичье сословіе гораздо болѣе рѣзко раздѣлялось на опредѣленныя группы, нежели теперь. Группъ этихъ пожалуй можно насчитать много, но на первомъ планѣ стояло то—былъ ли помѣщикъ обладателемъ крупнаго или мелкаго количества крестьянскихъ душъ, и къ послѣдней группѣ принадлежали всѣ тѣ, у кого это число не доходило до ста. Они не имѣли права непосредственнаго участія въ дворянскихъ выборахъ и на особо назначавшихся для того съѣздахъ избирали изъ своей среды извѣстное число уполномочен-

---

[1]) См. «Русскую Старину» августъ 1895 г.

ныхъ, что̀, впрочемъ, дѣлается и до настоящаго времени. На различіе это въ помѣщичьемъ обществѣ обращалось большое вниманіе, и нерѣдко въ дѣтствѣ мнѣ доводилось слышать вопросы старшихъ о томъ или другомъ лицѣ: какой онъ? великодушный, или малодушный? Я и самъ, въ дѣтствѣ, имѣлъ привычку дѣлить человѣчество на эти двѣ группы, раздѣляя ее, впрочемъ, со всѣми моими товарищами по дворянскому пансіону, между которыми, точно такъ же, какъ между ихъ родителями, твердо держалось понятіе объ этой іерархіи. Эти двѣ вышепоименованныя группы опять раздѣлялись на разныя другія, и уже тутъ различія были гораздо болѣе разнообразны: имѣлось въ виду, конечно, преимущественно состояніе, но обращалось также вниманіе и на образъ жизни, и на мнѣнія, сужденія и понятія лица, и даже, пожалуй, на образованіе, хотя взгляды на это послѣднее обстоятельство и тогда были очень не общи. Между малодушными, тое-есть мелкопомѣстными, этихъ второстепенныхъ группъ было, пожалуй, не менѣе, нежели между великодушными. Были между ними такіе, которые жили и работали, какъ крестьяне, хотя многіе изъ нихъ были отставные поручики, или даже капитаны, съ мундирами и пенсіонами; но такихъ въ нашемъ околодкѣ не имѣлось, и въ дѣтствѣ моемъ мнѣ случалось ихъ видѣть только тогда, когда они издалека пріѣзжали въ нашу усадьбу просить помощи или занимать хлѣбъ для посѣва. Этихъ, обыкновенно, въ комнаты не приглашали и только тогда, когда кто-либо изъ насъ, дѣтей, спрашивалъ о томъ, кто пріѣзжалъ — говорили, что бѣдные дворяне. Затѣмъ, были и такіе, которые хотя считались мелкопомѣстными, но жили точно такъ же, какъ и великодушные: такъ же, а иногда даже и лучше, принимали у себя, бывали вездѣ и имѣли тотъ же самый кругъ знакомства; но это были уже исключенія и такихъ было немного. Большинство же мелкопомѣстныхъ, въ нашей сторонѣ, представляло одинъ, общій имъ всѣмъ типъ отставныхъ военныхъ, отъ поручика до полковника, мѣстныхъ аборигеновъ, или поселившихся въ нашей мѣстности по случаю женитьбы во время квартированія въ ней ихъ полковъ. Первое мѣсто между ними, въ моихъ воспоминаніяхъ, занимаетъ семейство нашихъ ближайшихъ по разстоянію сосѣдей — Грамотиныхъ. Они жили такъ близко отъ насъ, что сообщенія между нашими домами происходили по большей части пѣшкомъ, а все семейство состояло изъ брата Ѳедора Петровича, отставнаго поручика, служившаго въ одно время и даже въ одной бригадѣ съ моимъ отцомъ, и трехъ сестеръ, изъ которыхъ одна была замужемъ за священникомъ сосѣдняго села, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Четыркинымъ.

Такъ какъ мнѣ пришлось, на первыхъ же строкахъ, упомянуть имя этого священника, съ которымъ, впрочемъ, я былъ знакомъ очень

мало, то я не могу удержаться отъ сильнаго искушенія разсказать одинъ случай, относящійся ко времени гораздо позднѣйшему. Случай этотъ настолько страненъ, что объяснять его вовсе не слѣдуетъ, а приходится прямо отнести къ той области, которая носитъ названіе «чудеснаго». Я хочу разсказать его именно теперь, потому что къ этой области возвращаться мнѣ уже не придется въ дальнѣйшемъ повѣствованіи, и я ручаюсь только за одно: разсказъ мой правдивъ, какъ сама истина, и я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что̀ ни воображеніе мое, ни какая-либо ошибка никакой роли въ немъ не играютъ.

Въ дѣтствѣ моемъ, несмотря на близкое сосѣдство, мнѣ не приходилось никогда видѣть упомянутаго отца Алексѣя, но нерѣдко приходилось встрѣчать его дочерей и слышать, что онѣ всѣ очень на него похожи, такъ что въ воображеніи моемъ уже составилось ясное представленіе о его наружности и, гдѣ бы я его ни встрѣтилъ—не могъ бы не узнать, тѣмъ болѣе, что рѣзко-отличительной чертой всей его семьи были рыжіе волосы, почти огненнаго цвѣта. Впослѣдствіи, я долгое время не былъ въ родной моей сторонѣ, а потомъ, когда уже жилъ и служилъ въ нашемъ губернскомъ городѣ, то изъ всего года проводилъ тамъ только іюнь, то-есть, мой каникулярный мѣсяцъ. Какъ-то, въ первый же годъ службы, что очень хорошо помню, въ ясный и жаркій лѣтній вечеръ, я вздумалъ посѣтить, жившаго довольно близко, одного моего родственника, князя Друцкаго-Соколинскаго. Это былъ уже старикъ, совершенно слѣпой. Я не засталъ его дома, и мнѣ сказали, что онъ только-что сейчасъ уѣхалъ по сосѣдямъ, такъ что, даже не вылѣзая изъ экипажа, я поѣхалъ обратно. Подъѣзжая шагомъ, такъ какъ дорога была всегда очень дурна, къ концу плотины, я увидѣлъ, что къ ней подходитъ человѣкъ, въ которомъ я сразу узналъ отца Алексѣя и по настоящее время я живо помню всѣ подробности его фигуры и костюма. Одѣтъ былъ онъ, какъ теперь вижу, въ свѣтло-зеленый подрясникъ и на головѣ была сѣрая пуховая шляпа; а шелъ заложа за спину руки, въ которыхъ держалъ трость, — не такую, съ какими ходятъ священники въ городахъ, а простую, обыкновенную. Такъ какъ я уже сказалъ, что никогда не былъ знакомъ съ отцомъ Алексѣемъ, то и хотѣлъ просто проѣхать мимо, но онъ самъ, поравнявшись со мною, снялъ шляпу и поклонился. То же сдѣлалъ и я, а сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ повернулъ налѣво, назадъ уже не оглядывался и до сихъ поръ глубоко сожалѣю, что не спросилъ тогда у моего кучера, видѣлъ ли онъ то же, что и я. Не болѣе какъ чрезъ недѣлю послѣ этого, старикъ-князь пріѣхалъ ко мнѣ, а въ разговорѣ съ нимъ,—забылъ по какому именно поводу—я упомянулъ, что въ то время когда ѣхалъ къ нему, я встрѣтилъ отца Алексѣя и высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, онъ шелъ къ нему. — «Кого? кого вы встрѣтили?» — спросилъ меня князь такимъ

тономъ, что я даже и не понялъ его выраженія. — «Отца Алексѣя, — отвѣчалъ я,—но что же васъ такъ удивляетъ, дядюшка?» Князь вдругъ началъ крестить воздухъ передъ собою. — «Да Господь же съ вами, — сказалъ онъ, — что это вы говорите? онъ съ годъ тому назадъ какъ умеръ!» — «Какъ, умеръ!» — невольно крикнулъ я. — «Да такъ! — продолжалъ мой собесѣдникъ,—вѣдь вы были же на отпѣваньи моей покойницы въ городѣ; ну вотъ, онъ умеръ ровно черезъ недѣлю послѣ того, какъ ее привезли сюда, въ деревню».

Конечно, если бы я имѣлъ возможность предвидѣть подобный неожиданный пассажъ, то непремѣнно, еще разъ повторяю, заговорилъ бы объ упомянутой встрѣчѣ съ моимъ кучеромъ Егоромъ; но я не сдѣлалъ этого и въ настоящее время положительно отказываюсь браться за объясненіе разсказаннаго мною инцидента, или какое бы то ни было толкованіе его, а чтобы разъ навсегда покончить съ «чудесами», разскажу здѣсь же еще одинъ случай, который былъ со мною болѣе десяти лѣтъ послѣ разсказаннаго. Когда я жилъ въ моемъ бѣльскомъ имѣніи, о чемъ будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ, то тамъ же жила со мною моя родная тетка Марья Николаевна, дѣвица лѣтъ семидесяти, постница и усердная богомолка. Умерла она въ началѣ ноября 1872 года и чрезъ нѣсколько дней послѣ ея смерти со мною произошло слѣдующее. Но прежде нежели начать, необходимо сказать, что наши съ нею спальни выходили въ одинъ и тотъ же корридоръ, и ея спальня находилась въ самомъ его концѣ, а такъ какъ она обыкновенно вставала гораздо раньше меня, то еще лежа въ постели я всякій день въ извѣстный часъ слышалъ шарканье ея туфель по корридору въ то время, когда она проходила въ ту комнату, гдѣ пила свой утренній чай. Прислуга наша въ то время состояла изъ двухъ пожилыхъ женщинъ, такъ же вstававшихъ очень рано и всегда очень акуратно затапливавшихъ печи, которыя всѣ находились въ корридорѣ, такъ что, проснувшись и слыша трескъ горящихъ дровъ, я всегда безошибочно опредѣлялъ время и, соображаясь съ положеніемъ дѣлъ, или вставалъ, или позволялъ себѣ понѣжиться. Такъ какъ болѣе чѣмъ за мѣсяцъ до смерти тетка уже не вставала съ постели, то за это время отъ шарканья ея шаговъ я успѣлъ нѣсколько отвыкнуть. Въ тотъ день, о которомъ я хочу разсказать, проснувшись и слыша обычный трескъ дровъ въ печахъ, я хотѣлъ уже было вставать, какъ вдругъ, ясно и отчетливо услышалъ, что по корридору, по направленію къ моей двери, идетъ тетка Марья Николаевна и идетъ не одна, а ведомая обѣими нашими женщинами. Я очень опредѣленно различалъ давно и хорошо знакомые мнѣ звуки шаговъ всѣхъ троихъ и ждалъ напряженно, что будетъ далѣе. Я очень хорошо помню, что не чувствовалъ никакого страха, но не скажу, чтобы не ощущалъ нѣкотораго безпокойства, потому что сейчасъ

же припомнилъ, что тетка уже умерла, а потому лежалъ, не открывая глазъ, но помню ясно, что не спалъ. Дверь въ мою комнату, которую, при жизни тетки я обыкновенно затворялъ на ночь, теперь оставалась открытою, и я слышалъ, какъ тетка, наконецъ, остановилась у этой двери вошла въ мою комнату и, медленно влачась, начала подходить къ моей кровати. Затѣмъ, я услышалъ, или, вѣрнѣе выразиться, почувствовалъ, какъ она наклонилась почти къ самому моему лицу и проговорила: «я ничего не могу сдѣлать». Въ то время когда она наклонялась надо мною, я очень явственно ощущалъ какой-то не то чтобы холодъ, а скорѣе какую-то свѣжесть, а ея голосъ, очень хорошо и давно мнѣ знакомый, походилъ болѣе на шелестъ вѣтерка, нежели на какой-либо звукъ. Тогда я быстро открылъ глаза и вскочилъ съ постели, но не только ничего не увидѣлъ, но хорошо помню, что меня какъ-то вдругъ поразило то, что я уже не слышу треска топящихся печей. Удивленный тѣмъ, что печи истопились такъ быстро, я, какъ былъ босикомъ, выбѣжалъ въ корридоръ и былъ еще болѣе изумленъ, когда увидѣлъ, что топить еще и не начинали.

Въ то время я никому не разсказывалъ объ этомъ, во-первыхъ, потому, что разсказывать было некому, а во-вторыхъ, потому, что и самъ не вѣрилъ въ возможность чего-либо подобнаго, и считалъ случившееся со мною простою игрою воображенія. Теперь же, спустя почти двадцать лѣтъ (въ 1890 году), я говорю объ этомъ потому, во-первыхъ, что все то, что случилось, и до сихъ поръ такъ же живо представляется мнѣ, какъ и тогда; а во-вторыхъ, потому что въ теченіе этихъ послѣднихъ годовъ моей жизни не одинъ разъ припоминалъ и обдумывалъ этотъ случай и теперь утверждаю положительно, что разсказанное мною не было игрою воображенія. Повторю, что я воздерживаюсь отъ какого-либо толкованія обоихъ случаевъ и буду продолжать мой разсказъ.

Кромѣ названныхъ мною лицъ, семья Грамотиныхъ состояла еще изъ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ, также Ѳедоръ Петровичъ, служилъ въ гражданской службѣ, гдѣ-то въ Оренбургской губерніи, и я только слышалъ о его существованіи, но никогда не видѣлъ; а другой въ то время былъ уже артиллерійскимъ полковникомъ и съ самаго выхода изъ корпуса служилъ на Кавказѣ.

Другимъ ближайшимъ нашимъ сосѣдомъ, но уже по другую сторону имѣнія, былъ отставной поручикъ Иванъ Петровичъ Тебеньковъ, жившій въ своемъ имѣніи, носившемъ названіе «Самолюбово» и принадлежавшемъ двумъ владѣльцамъ.

Одна часть «Самолюбова» принадлежала помѣщику, уже не мелкопомѣстному, такъ какъ онъ былъ владѣльцемъ имѣнія еще и въ другомъ, отдаленномъ уѣздѣ, но по своимъ странностямъ превосходившему,

пожалуй, всѣхъ когда-либо мною видѣнныхъ мелкопомѣстныхъ. Фамилія его была Вор—ецъ, и хотя я зналъ его гораздо менѣе, нежели всѣхъ остальныхъ сосѣдей и только съ его сыномъ, и то впослѣдствіи, былъ знакомъ довольно близко, но и о немъ хочу припомнить все то, что случалось слышать, или видѣть самому. Всякій разъ когда мнѣ въ дѣтствѣ приходилось проѣзжать мимо «Самолюбова», вниманіе и любопытство мое бывали сильно возбуждаемы стоявшимъ по другую сторону озера небольшимъ домикомъ, довольно оригинальной архитектуры. Домикъ этотъ былъ квадратный, и на всѣ его четыре стороны выходило по одному, только, такъ называемому «итальянскому окну». Домъ казался какъ будто необитаемымъ, и о его владѣльцѣ ходили какіе-то странные слухи. По большей части говорили, что онъ сумасшедшій, но кромѣ этого отъ нашихъ дворовыхъ людей мнѣ случалось слышать, что Вор—цъ нѣчто въ родѣ колдуна, что по ночамъ онъ совершаетъ какіе-то обряды, одѣваясь при этомъ въ какую-то особую одежду въ родѣ священническаго облаченія, а днемъ почти никуда не выходитъ и что видѣть его вообще очень не легко. Впослѣдствіи, когда мы часто стали бывать въ домѣ Я. Ѳ. Азан—ва, то мы узнали жену этого Вор—ца, которая приходилась двоюродною сестрою Азан—ва и довольно часто бывала тамъ со своею дочерью, уже взрослою дѣвицею. Тамъ же мы узнали, что жена не живетъ съ мужемъ уже съ давнихъ поръ, но по какимъ причинамъ, это отъ насъ тщательно скрывалось, а о самомъ Вор—цѣ по-прежнему продолжали говорить, что онъ сумасшедшій. Не могу теперь припомнить, по какому именно случаю мнѣ, еще въ дѣтствѣ, довелось быть въ этомъ занимавшемъ мое воображеніе домѣ, но не въ гостяхъ у его владѣльца, а во время его отсутствія, изъ любознательности, и я помню, что вниманіе мое было поражено, во-первыхъ, какою-то бросавшеюся въ глаза его пустотою, а во-вторыхъ, деревяннымъ изваяніемъ Николая Чудотворца, очень грубой работы, въ ростъ человѣка. Наконецъ, до насъ дошли слухи, что нашъ отецъ назначенъ опекуномъ надъ имѣніемъ этого Вор—ца, и въ одно, какъ теперь помню, пасмурное и ненастное утро къ нашему дому подъѣхало нѣсколько экипажей, не особенно парадныхъ, а чрезъ нѣсколько времени мы услышали, что въ числѣ пріѣхавшихъ находится также и Вор—цъ. Понятно, что я, узнавъ это, что называется, горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе увидѣть его, но помню, что, вмѣстѣ съ этимъ, я также и боялся наступленія этой минуты, такъ какъ до тѣхъ поръ мнѣ, конечно, не случалось видѣть ни одного сумасшедшаго. Въ то время мнѣ было не болѣе шести или семи лѣтъ, и такъ какъ въ то время еще мы не были подвергаемы систематическому занятію уроками, то я и братья мои проводили время за играми или въ саду, или въ ненастную погоду, какъ въ описываемый день—въ залѣ. Въ залу эту выходила дверь изъ каби-

нета отца, которая въ настоящую минуту была заперта, но за нею слышались громкіе голоса, и все вниманіе мое было устремлено на нее, такъ какъ я зналъ, что она скрываетъ предметъ моего любопытства. Наконецъ, дверь эта отворилась, и изъ нея вышелъ старикъ съ совершенно голымъ, красиво очерченнымъ черепомъ, обрамленнымъ на вискахъ сѣдыми и довольно длинными волосами, съ очень умнымъ лицомъ и огромнымъ носомъ, худощавый и, какъ мнѣ тогда показалось, довольно высокаго роста. Одѣтъ онъ былъ довольно странно и, когда онъ только-что вошелъ, то съ перваго взгляда мнѣ показалось, что на немъ на-глухо застегнутый фракъ съ большими металлическими пуговицами, какія тогда носили; но какъ только онъ подошелъ ближе — я увидѣлъ, что это вовсе не фракъ, а жилетъ, а поверхъ этого жилета, вмѣсто сюртука, на немъ надѣта свѣтло-голубая, изъ бумажной матеріи, женская кофточка на ватѣ, такая, какія въ то время назывались «кацавейками». Онъ медленно подходилъ къ намъ, дѣтямъ, и какъ будто пронизывалъ всѣхъ взглядомъ, и наконецъ, остановясь почти въ упоръ и ткнувъ пальцемъ въ мою сторону, рѣзко спросилъ у нашей няни: «Что это у васъ; сынъ или дочка, что волосы такъ распустили?» Въ то время у меня были длинные волосы. Я сразу угадалъ, что именно это и долженъ быть Вор—цъ, и всѣ мы съ ужасомъ глядѣли на него, ожидая, что вотъ-вотъ, сейчасъ, онъ начнетъ дѣлать что-нибудь необыкновенное, такое, что дѣлаютъ обыкновенно всѣ сумасшедшіе. Между тѣмъ, сейчасъ же вслѣдъ за нимъ въ залу вошла наша матушка, и Вор—цъ очень любезно ей представился, а затѣмъ, все продолжая стоять, велъ съ нею довольно продолжительный разговоръ, и все это время я жадно прислушивался къ его словамъ, стараясь постигнуть, почему именно онъ сумасшедшій; но онъ говорилъ очень умно и просто, иногда ловко вставляя въ свою рѣчь французскія фразы, произносимыя очень красивымъ языкомъ. Внѣ себя отъ удивленія, я спрашивалъ себя: «да какой же онъ сумасшедшій?» и когда Вор—цъ ушелъ опять въ кабинетъ, то съ этимъ же вопросомъ долго приставалъ къ матушкѣ, но опять получилъ какой-то уклончивый отвѣтъ. Только впослѣдствіи, когда я былъ уже взрослымъ и личность Вор—ца совершенно уже утратила для меня всякій интересъ, я узналъ, что сумасшествіе это было изобрѣтеніемъ самого Вор—ца и служило средствомъ къ тому, чтобы избѣгнуть уголовной кары за покушеніе на одно преступленіе, вслѣдствіе, именно, котораго и жена его оставила. Впослѣдствіи, онъ постоянно жилъ въ губернскомъ городѣ, въ собственномъ небольшомъ домикѣ, гдѣ-то въ очень глухой части города. Во всякомъ случаѣ, Вор—цъ принадлежалъ къ той породѣ людей, которыхъ называютъ «оригиналами», что̀ и доказывается, во-первыхъ, вышеописаннымъ его костюмомъ, а потомъ и тѣмъ образомъ жизни, который онъ велъ, какъ го-

ворили, когда уже жилъ въ городѣ. Легко быть можетъ, что онъ, когда-нибудь гораздо ранѣе описываемаго мною времени, принадлежалъ къ какой-нибудь масонской ложѣ, а послѣ, когда ложи уже перестали существовать, все-таки продолжалъ, тайкомъ, совершать тѣ таинственные обряды, которые совершались масонами, чѣмъ и могутъ быть объяснены тѣ ходившіе о немъ слухи, о которыхъ я говорилъ выше. Кромѣ этого, всѣ его поступки были какъ-то не совсѣмъ обыкновенны; напримѣръ, ежедневно, рано по утру, онъ выходилъ на край глубокаго оврага, надъ которымъ стоялъ его домъ и въ продолженіе опредѣленнаго времени трубилъ въ огромный деревянный рогъ, такой, въ какой трубятъ пастухи, сзывая стадо,—и тому подобное. Оригинальность эту, хотя нѣсколько въ иномъ родѣ, наслѣдовалъ отъ него и его сынъ, съ которымъ я познакомился уже много лѣтъ спустя. Еще во времена моего дѣтства я слышалъ, что у Вор—ца, кромѣ дочери, которую я зналъ, есть еще и сынъ, также взрослый, который, гдѣ-то далеко, служитъ офицеромъ въ корпусѣ лѣсничихъ и что этотъ сынъ такъ же, какъ и его отецъ — сумасшедшій; но увидѣлъ я его въ первый разъ только лѣтъ пятнадцать спустя. Онъ былъ все въ томъ же мундирѣ лѣсничаго съ эполетами, хотя повидимому не состоялъ на дѣйствительной службѣ, потому что постоянно проживалъ въ своемъ имѣніи. Не могу сказать навѣрное, но кажется, что онъ довольно долгое время состоялъ подъ судомъ за какое-то упущеніе по службѣ; самъ онъ, хотя намекалъ на это, но подробно не любилъ объ этомъ говорить, и мнѣ неизвѣстно ни то, въ чемъ именно заключался его проступокъ, ни чѣмъ кончилось его дѣло, а знаю я только то, что хотя онъ впослѣдствіи и опять занималъ должность уѣзднаго лѣсничаго, но въ чины его не производили, и онъ такъ и умеръ подпоручикомъ. Въ первый разъ я съ нимъ встрѣтился на съѣздѣ дворянъ нашего уѣзда. Встрѣчалъ потомъ и я его на дворянскихъ выборахъ въ губернскомъ городѣ.

Характеръ тогдашнихъ выборовъ, въ сравненіи съ теперешними, былъ совершенно иной, о чемъ я подробно разскажу въ свое время, и занятія дворянъ въ продолженіе ихъ заключались преимущественно въ обсужденіи какихъ-нибудь личныхъ ссоръ или неудовольствій, иногда даже такихъ, которыя возникли тутъ же, въ залѣ собранія. Возбужденіе подобнаго разбора носило названіе «вызова за губернскій столъ». Такимъ же образомъ и Вор—цъ-сынъ вызвалъ однажды какого-то своего противника къ губернскому столу для обсужденія дворянами существовавшаго между ними несогласія, но какъ только этотъ противникъ началъ публично излагать свое объясненіе, Вор—цъ вдругъ прервалъ его словами: «какъ? да развѣ вы это говорили?»—«Именно это самое!» отвѣчалъ тотъ. — «Да вѣдь и я говорилъ то же самое!» Разумѣется, противникъ его разсмѣялся, а вслѣдъ за нимъ сдѣлало то же и все

собраніе, и при громѣ апплодисментовъ Вор—цъ долженъ былъ удалиться на свое мѣсто, при чемъ, впрочемъ, нисколько не сконфузился. Проживалъ онъ постоянно въ томъ своемъ имѣніи, которое находилось въ уѣздѣ, довольно отдаленномъ отъ нашего, но каждый годъ пріѣзжалъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ сосѣднее съ нами «Самолюбово», что по большей части происходило осенью. Семейство его состояло изъ жены, двухъ сыновей и трехъ дочерей. Жили они какъ-то ужь очень безпечно: не заботились ни о ѣдѣ, ни объ одеждѣ, и тотъ домъ, о которомъ я говорилъ выше и въ которомъ они продолжали жить во время этихъ пріѣздовъ, уже очень давно стоялъ не только безъ всякой мебели, но даже безъ оконныхъ рамъ; а между тѣмъ они проживали въ немъ иногда мѣсяца по два и преимущественно въ осени, въ ненастное время; спали всею семьею на полу, а обѣдали и пили чай на какомъ-то деревянномъ обрубкѣ. Когда я ближе сошелся съ главою семьи, то мнѣ не разъ, конечно, какъ бы мимоходомъ, случалось намекать ему на это и выражать весьма понятное любопытство по поводу того, неужели же онъ нисколько не ощущаетъ всѣхъ неудобствъ подобнаго образа жизни? И всякій разъ онъ, съ какимъ-то нѣсколько циническимъ хвастовствомъ, говорилъ, что это его «принципъ» и что онъ имѣетъ цѣлью пріучить своихъ дѣтей къ «спартанскому» образу жизни. Слушая, однако, разговоръ Н. З., вы на каждомъ шагу почти встрѣчались съ выраженіями такого свойства: «мой конскій заводъ», «моя охота», «мои собаки», и пожалуй, не зная, можно было подумать, судя по тону его, что все это и дѣйствительно существуетъ. Все это, какъ онъ говорилъ, имѣлось именно въ томъ его, другомъ, имѣніи, гдѣ мнѣ самому никогда не пришлось быть; но отъ очень многихъ лицъ, въ числѣ которыхъ были и самые близкіе его родственники, мнѣ случалось слышать, что охотникъ онъ былъ самаго немудренаго свойства и хотя у него и дѣйствительно было нѣсколько гончихъ собакъ, но эта «охота» обыкновенно помѣщалась въ той же комнатѣ, въ которой клали ночевать пріѣзжихъ издалека гостей. Весь его «конскій заводъ» состоялъ, кажется, только изъ одного, дѣйствительно очень недурнаго жеребца-аргамака, носившаго громкое имя «Рогдай», а ѣздилъ и онъ и его семейство постоянно на такихъ невозможныхъ клячахъ, что, глядя на нихъ, я нерѣдко, очень наивно, у него спрашивалъ: «да гдѣ же заводъ-то вашъ?» Экипажи его были также какъ-то особенно странны: лѣтній носилъ названіе «кресла», а зимній—«лодки», и говоря откровенно, они дѣйствительно походили скорѣе на эти предметы, нежели на экипажи. Въ одеждѣ своей Вор—нецъ также былъ оригиналъ не менѣе: и въ деревнѣ, и въ городѣ онъ постоянно носилъ нѣчто въ родѣ поддевки изъ домашняго сукна или холста, но когда бывалъ въ «Самолюбовѣ», то, посѣщая своихъ знакомыхъ, постоянно носилъ въ узелкѣ подъ мыш-

кою свой военный, лѣсническій сюртукъ и если приходилъ въ домъ не особенно близкихъ ему знакомыхъ, то въ передней всегда переодѣвался. Этотъ сюртукъ онъ очень старательно сберегалъ и если, идя по улицѣ съ узелкомъ подъ мышкою, онъ попадалъ даже подъ проливной дождь, то узелъ пряталъ подъ поддевку, а самъ преспокойно продолжалъ мокнуть. Въ 1869 году я былъ боленъ, почти все лѣто просидѣлъ въ моей городской квартирѣ, и въ это время Вор—цъ почти ежедневно меня посѣщалъ; всякій разъ онъ приносилъ сюртукъ въ узелкѣ, пока наконецъ я это не замѣтилъ и не убѣдилъ его, что можно обойтись и безъ этого. О воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей онъ заботился тоже какъ-то странно мало; дочерей, впрочемъ, впослѣдствіи опредѣляли въ разные пансіоны, но всегда не на долго, а его старшій сынъ, въ томъ самомъ году, который я только-что упомянулъ, будучи уже четырнадцати лѣтъ, даже и не заглядывалъ въ учебное заведеніе. Но..... должно быть на свѣтѣ происходятъ иногда вещи, которыя, «другъ Гораціо, даже и не снились нашимъ философамъ». А весьма нагляднымъ доказательствомъ этого можетъ служить нижеслѣдующій коротенькій разсказъ.

Этотъ самый старшій сынъ Вор—ца, какъ я сказалъ выше, до четырнадцати-лѣтняго возраста почти ничего не видѣлъ, кромѣ деревни; такъ же, какъ и отецъ, ходилъ въ поддевкѣ домашняго сукна, подпоясанной ремнемъ, и кажется, всѣ его занятія состояли только въ томъ, что онъ, на томъ самомъ аргамакѣ «Рогдаѣ», о которомъ я говорилъ выше, безъ сѣдла, скакалъ во всю прыть по полямъ и дорогамъ отцовскаго имѣнія. По крайней мѣрѣ не было замѣтно, чтобы онъ занимался чѣмъ-либо такимъ, что относится къ умственному развитію, и когда, именно въ томъ же 1869 году, его отецъ пожелалъ, чтобы онъ поступилъ непремѣнно въ четвертый классъ классической гимназіи, то экзамена онъ не выдержалъ. Помню, какъ, въ этомъ же самомъ году, онъ по какому-то порученію своего отца зашелъ ко мнѣ въ городъ въ то время, когда у меня сидѣло нѣсколько моихъ пріятелей. Юноша онъ былъ умный и симпатичный, но, какъ постоянный житель деревни, до крайности застѣнчивый и, вѣроятно, думая, что въ своемъ костюмѣ онъ можетъ быть принятъ за какого-нибудь кучеренка—ни за что не хотѣлъ идти далѣе передней, такъ что я былъ вынужденъ почти силою втащить его въ комнату. Помню, что мнѣ хотѣлось какъ-нибудь поощрить застѣнчиваго юношу, и я разсказалъ о томъ, какъ часто любовался его посадкою на конѣ и его стройною фигурою во время ѣзды верхомъ. По уходѣ его, пріятели мои заговорили о томъ, что, вотъ, молъ, настоящую дворянскую кровь не спрячешь ни подъ какимъ костюмомъ. Но эффектъ не въ этомъ, а въ томъ, что ровно черезъ десять лѣтъ, то-есть, въ 1879 г., я, живя уже постоянно въ деревнѣ, какъ-то въ одинъ изъ пріѣздовъ въ губерн-

скій городъ встрѣтилъ въ клубѣ одного изъ бывшихъ тогда у меня пріятелей, съ которымъ также уже давно не встрѣчался. Мы, конечно, разговорились съ нимъ о томъ, что было прежде, какъ это всегда бываетъ между людьми, уже достаточно пожившими на свѣтѣ, и между прочимъ я у него спросилъ: «ну, а помните ли вы того юношу въ кучерской поддевкѣ, котораго вы видѣли у меня въ 69-мъ году?»—«Помню, — отвѣтилъ тотъ, — еще вы съ такимъ восторгомъ описывали его ѣзду на аргамакѣ». — «Ну-съ, — продолжалъ я, — какъ же вы думаете, кѣмъ этотъ юноша теперь?» — «Право, не знаю», — отвѣчалъ мой пріятель, даже нѣсколько разсѣянно. — «Да ни больше, ни меньше какъ капитанъ генеральнаго штаба»..... Разсѣянность моего собесѣдника пропала разомъ, и онъ, что называется, вытаращилъ на меня глаза, что, впрочемъ, по всей вѣроятности произойдетъ и съ каждымъ, кто прочтетъ то, что написано выше. Чудо это, конечно, можно объяснить довольно просто, но, конечно же, слѣдуетъ приписать его исключительно необычайной энергіи и недюжиннымъ способностямъ самого героя этого разсказа, а между тѣмъ, я очень хорошо помню, какъ отецъ, хвастаясь передо мною своимъ сыномъ, приписывалъ все это своему умѣнью и своей же, имъ самимъ предполагаемой, настойчивости. Въ настоящее время Д. Н. Вор—цъ уже давно полковникъ, но съ тѣхъ поръ мнѣ не приходилось встрѣчать его. Самъ Н. З. умеръ, помнится, въ 1876 году, внезапно, послѣ бывшаго у него сильнаго пожара. Принадлежавшая Вор—цу часть «Самолюбова» продана его наслѣдниками кому-то.

Въ другой изъ упомянутыхъ мною усадьбъ жила семья, о странностяхъ которой было бы можно разсказать немало любопытнаго, но по весьма понятному чувству уваженія къ чувствамъ тѣхъ изъ ея членовъ, которые еще живы, я о многомъ умолчу. Она состояла изъ трехъ братьевъ и сестры. Старшій братъ былъ главою семьи и хозяинъ дома. Онъ былъ отставной поручикъ и большой франтъ весьма сомнительнаго тона: носилъ очень длинные усы, которыми ясно очень былъ занятъ, яркіе цвѣтные галстухи, брюки со штрипками и Станислава въ петлицѣ; волосы у него постоянно были завиты мелкими колечками, а на лицѣ такъ и было написано, что онъ о себѣ имѣетъ очень высокое мнѣніе. У насъ онъ если и бывалъ, то очень рѣдко, но видѣть его мнѣ приходилось довольно часто въ томъ самомъ селѣ Щелкановѣ, о которомъ я говорилъ въ предыдущихъ главахъ. Помню, какъ одинъ разъ мнѣ случилось сидѣть съ нимъ рядомъ во время какого-то большаго обѣда, и сосѣдъ мой завязалъ со мной слѣдующій разговоръ: «а вы, молодой человѣкъ, въ гимназіи?» — «Да», — отвѣчалъ я. — «А къ чему вы имѣете призваніе?» — «Право, не знаю!» — «Какъ не знаете? молодой человѣкъ непремѣнно долженъ имѣть призваніе.....» и такъ далѣе въ томъ же поучительномъ и самоувѣренномъ тонѣ. Онъ самъ,

чтó я, впрочемъ, узналъ гораздо позже, занимался малеваньемъ какихъ-то картинъ и, вѣроятно, именно это обстоятельство и было причиною его увѣренности въ томъ, что безъ «призванія» никакимъ образомъ обойтись нельзя. Одну изъ этихъ картинъ мнѣ случилось видѣть впослѣдствіи; на ней онъ изобразилъ себя ѣдущимъ въ голубой коляскѣ, запряженной шестернею лошадей, вмѣстѣ съ своею сестрою; лошади, сколько можно догадаться по тѣмъ позамъ, которыя придалъ имъ художникъ, изъявляютъ намѣреніе брыкаться; и кучеръ, и форрейторъ, и даже барышня сидятъ совершенно спокойно, а самъ художникъ, въ шляпѣ, альмавивѣ и въ неизбѣжномъ голубомъ галстукѣ, привставъ съ своего мѣста, побѣдоносно держитъ возжи въ правой рукѣ. На картинѣ имѣлась надпись: «подвигъ А. И. В. такого-то числа и года», а за тѣмъ слѣдовало подробное описаніе этого подвига.

Крестнымъ отцомъ моего средняго брата, Сергѣя, былъ также одинъ изъ нашихъ сосѣдей, но не по тому имѣнію, въ которомъ жили мы сами, и сосѣдей котораго я описывалъ выше, а по другому, находившемуся въ томъ же уѣздѣ. Собственно говоря, сосѣдомъ нашимъ былъ не владѣлецъ, а только его имѣніе, такъ какъ онъ самъ, въ то время, о которомъ повѣствую теперь, жилъ постоянно въ Петербургѣ. Это былъ сотоварищъ знаменитаго Дениса Васильевича Давыдова по партизанству въ 1812-мъ году, Іасонъ Семеновичъ Храповицкій. Выйдя въ отставку генералъ-маіоромъ, онъ впослѣдствіи былъ сначала уѣзднымъ предводителемъ нашего же уѣзда, потомъ — губернскимъ и съ этой должности, прямо, назначенъ былъ губернаторомъ нашей же губерніи. Все это, однако, было еще задолго до описываемаго времени, а въ это, именно, время онъ уже состоялъ въ чинѣ тайнаго совѣтника и служилъ сенаторомъ одного изъ петербургскихъ департаментовъ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ извѣстнаго Клейнмихеля, Елисаветѣ Андреевнѣ, которая за нимъ была уже въ третьемъ бракѣ. Крестнымъ отцомъ моего младшаго брата считался кн. Др—ой-Сок—ій, Антонъ Степановичъ, двоюродный братъ моей матери. Личность эта была также довольно своеобразна, но, къ сожалѣнію, никакихъ моихъ собственныхъ наблюденій надъ нею я передать не могу, такъ какъ князь умеръ въ то время, когда я былъ еще ребенкомъ, и только впослѣдствіи мнѣ случалось слышать о немъ нѣкоторые разсказы, и то отрывками. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что онъ былъ человѣкъ по-тогдашнему довольно хорошо образованный, немало читалъ и кромѣ этого — либералъ, хотя его либерализмъ заключался преимущественно въ томъ, что онъ носилъ жилеты, на которыхъ, вмѣсто полосокъ, были вытканы слова: liberté, égalité, fraternité, и старался дѣлать какъ можно болѣе разныхъ шиканъ мѣстнымъ властямъ и преимущественно губернаторамъ; а главное—онъ былъ страстный игрокъ. Игрокъ онъ былъ изъ той породы

этого вида людей, которые проигрываютъ почти постоянно и не отходятъ отъ карточнаго стола до тѣхъ поръ, пока не вынута изъ кармана послѣдняя копѣйка. Случалось нерѣдко, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ близкій къ нему человѣкъ, что, отправившись изъ своего имѣнія въ губернскій городъ, какъ надлежитъ каждому благородному дворянину, то-есть въ прекрасныхъ саняхъ, покрытыхъ дорогимъ ковромъ и на отличныхъ лошадяхъ, князь Антонъ, чрезъ нѣсколько времени, возвращался домой на нанятыхъ крестьянскихъ пошевняхъ, въ одну лошадку, на которыхъ преспокойно помѣщался втроемъ съ своими лакеемъ и кучеромъ. Князь Антонъ былъ женатъ на Е. Н. Энг—дтъ, которая, какъ говорили, была когда-то замѣчательною красавицею, чему я, съ своей стороны, не могу не вѣрить, потому что хотя и видѣлъ ее въ первый разъ въ то время, когда ей было уже подъ пятьдесятъ, а во второй и послѣдній—когда она была уже почти семидесятилѣтнею старухой, но и въ это время въ ней еще сохранялись слѣды красоты дѣйствительно замѣчательной. Дѣтей у нихъ не было. Красавица-жена, какъ разсказывалъ мнѣ тотъ же человѣкъ (ея родной братъ), относилась съ большимъ снисхожденіемъ къ страсти мужа и передъ разставаніемъ съ нимъ просила только объ одномъ, чтобы онъ не проигралъ когда-нибудь и её самоё. Очень сожалѣю, что къ сказанному, для характеристики моего дяди, не могу прибавить ничего, кромѣ развѣ двухъ анекдотовъ, которые я слышалъ отъ людей, хорошо его знавшихъ. Однажды, заигравшись по обыкновенію въ клубѣ губернскаго города до разсвѣта, князь вдругъ почувствовалъ дурноту и, такъ какъ это было лѣтомъ, то быстро открывъ окно, онъ наклонился надъ нимъ и въ это самое время кровь хлынула у него горломъ. «Dieu sait ce que c'est!? toute la journée je ne faisais que boire du champagne et je vomis du vin rouge!» Другой анекдотъ я слышалъ отъ дяди А. Л. Каленова, первая жена котораго такъ же, какъ и моя матушка, приходилась двоюродною сестрою князю Антону. Недалеко отъ такого же имѣнія, гдѣ жили мы, жила также и другая двоюродная сестра моей матери, урожденная Потр—ва, которая была также замужемъ за другимъ княземъ Др—мъ-Сок—мъ. Скоро послѣ своего замужества она умерла бездѣтною, и наслѣдниками ея оставались между прочимъ моя матушка и дѣти Каленова отъ первой жены. Дядя Каленовъ, который былъ великій мастеръ провѣдывать скоро обо всемъ томъ, что могло ему принести какую-нибудь выгоду, первый узналъ, хотя и жилъ очень далеко отъ этой мѣстности, что еще за матерью этой княгини Др—ой-С—ой было дано въ приданое нѣсколько семей дворовыхъ людей, которыя должны поступить теперь къ ея наслѣдникамъ. Каленовъ сейчасъ же собрался въ далекій путь, по дорогѣ заѣхалъ къ князю Антону и захватилъ его съ собою, а затѣмъ они оба пріѣхали къ моему отцу. Отецъ же даже и

не подозрѣвалъ о возможности этого наслѣдства, а съ мужемъ этой двоюродной сестры своей жены, княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ, даже, кажется, не былъ и знакомъ, но, не желая разстраивать компаніи, отправился, на другой же день, къ нему вмѣстѣ съ вышеназванными лицами. Каленовъ, взявшійся быть общимъ адвокатомъ, сейчасъ же по пріѣздѣ объявилъ хозяину о цѣли ихъ пріѣзда и, когда тотъ сказалъ, что готовъ хоть сейчасъ же удовлетворить всѣмъ ихъ требованіямъ, то, какъ это прежде всегда водилось, всѣ сейчасъ же, чтобы «не терять золотаго времени», усѣлись за зеленый столъ. Играли они весь день и всю ночь до слѣдующаго утра, и кончилось дѣло тѣмъ, что князь Антонъ по обыкновенію проигралъ, а Каленовъ обыгралъ всѣхъ, а у хозяина дома выигралъ не только всѣ наличныя деньги, экипажи и лошадей, но даже и фарфоровыхъ куколокъ съ этажерки. Когда они возвратились отъ этого князя, то. тотъ же Каленовъ взялся быть и распредѣлителемъ отобраннаго наслѣдства. Съ своею всегдашнею мефистофельскою манерою, онъ, какъ самъ мнѣ о томъ разсказывалъ впослѣдствіи, обратился къ князю Антону и сказалъ: «мы съ Аркадіемъ Николаевичемъ (моимъ отцомъ) ѣздили по крайней мѣрѣ за дѣломъ: Аркадій Николаевичъ хотя немного и проигралъ, да все-таки получитъ дворовыхъ; я и выигралъ, и дворовыхъ получу, ну, а вы-то, князь, скажите, зачѣмъ же пріѣзжали? скажите-ка по совѣсти? Если только за тѣмъ, чтобы проиграться, то вѣдь это вы могли сдѣлать и вездѣ».— «Какъ зачѣмъ»,—спросилъ тотъ,—«да вѣдь вы сами же меня звали; вѣдь и я такой же наслѣдникъ, какъ и вы?»—«Вовсе нѣтъ»,—прехладнокровно отвѣчалъ Каленовъ и по всей вѣроятности пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе и умѣнье пользоваться всякою казуистикою, образчики которыхъ я представилъ уже во 2-й главѣ, потому что князь Антонъ не получилъ ровно ничего, хотя, сколько я понимаю законы, былъ не только равнымъ сонаслѣдникомъ, но даже могъ получить цѣлую половину всего, и только другую половину могли дѣлить между собою другіе. Вѣроятно, онъ согласился по своему добродушію и вмѣстѣ по незнанію законовъ о наслѣдствѣ по закону.

Необходимо упомянуть еще о священникѣ и дьяконѣ.

Дьяконъ былъ большой любитель политики и заклятой врагъ французовъ, и въ особенности Наполеона, конечно, Перваго. Любимымъ его чтеніемъ была старинная, въ переплетѣ изъ синей сахарной бумаги книга, которую послѣ его смерти мой отецъ пріобрѣлъ, какъ курьезъ, въ которой о «кровожадномъ корсиканцѣ» разсказывались такія вещи, что даже трудно было понять, откуда ея неизвѣстный авторъ могъ добыть эти странныя свѣдѣнія. Точно также въ ней были, буквально, обруганы поголовно всѣ сподвижники великаго вождя французовъ; я никогда не могъ безъ смѣха читать этихъ «краткихъ, но сильныхъ»

характеристикъ. Тамъ говорилось, напримѣръ, о Фуше, что онъ «прежде былъ священникомъ, но потомъ совратился и сдѣлался якобинцемъ и мошенникомъ»; о Викторѣ—что онъ «по своей кровожадности чрезвычайно разорилъ Ганноверъ» и только объ одномъ вице-королѣ Италіи снисходительно было сказано: «человѣкъ нрава довольно сноснаго».

Отецъ Сергій, хотя былъ тоже почти мужикъ и даже говорилъ мужицкимъ языкомъ, потому что самъ былъ не на много выше мужиковъ, и инымъ говорить и не умѣлъ и не могъ; но даже и самый этотъ языкъ его былъ вовсе не того сорта, который такъ симпатиченъ въ цѣльныхъ и добродушныхъ крестьянскихъ личностяхъ, у которыхъ слово исходитъ прямо изъ мысли и изъ посильнаго, но искренняго пониманія ими того или другаго вопроса; нѣтъ! Этотъ языкъ былъ тотъ, который принадлежитъ тѣмъ субъектамъ, за которыми, уже съ давнихъ поръ, утвердилось прозвище «сѣрыхъ министровъ и дипломатовъ». Несмотря на то, что, собственно говоря, въ отцѣ Сергіи дурнаго не было ничего: человѣкъ онъ былъ и трезвый и трудолюбивый; но все-таки нельзя не сказать, что было бы гораздо лучше, еслибы такихъ священниковъ было поменьше, да пожалуй, чтобы и вовсе не было ихъ. Вотъ нѣсколько оставшихся у меня въ памяти случаевъ для его характеристики. Какъ-то разъ я ѣхалъ изъ губернскаго города въ наше имѣніе, гдѣ тогда еще жилъ отецъ, и, уже проѣхавъ село, подъѣзжалъ къ своему лѣсу, когда вдругъ замѣтилъ, что какой-то мужикъ, завидя меня, шмыгнулъ съ дороги въ сторону и притаился за кустами. Поравнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ прятался, я, изъ любопытства, остановился и къ величайшему моему удивленію узналъ отца Сергія, одѣтаго въ полный мужицкій костюмъ; на немъ были: сѣрый кафтанъ, называемый въ нашей мѣстности куртою, лапти и даже бѣлый колпакъ, въ то время составлявшій неизбѣжную принадлежность бѣлоруссовъ. Черезъ плечо у него была перевязь, на которой болталось огромное лукошко, а въ рукахъ—длинная клюка.—«Здравствуйте, отецъ Сергій»—сказалъ я—«что вы здѣсь дѣлаете и для чего такъ нарядились?»—«Ну чаво вамъ?»—заговорилъ онъ, съ какою-то злобою,—«ня видите, что я отъ васъ сховаюся?» Скоро послѣ этого я узналъ, что онъ не рѣдко производилъ подобныя рекогносцировки по деревнямъ своего прихода и собственноручно собиралъ съ крестьянъ яйца, куръ или что-либо подобное. Не долгое время спустя, послѣ учрежденія волостныхъ правленій для управленія освобожденными отъ крѣпостнаго права крестьянами, лошади отца Сергія какъ-то попались въ потравѣ поля сосѣдняго мужика и были взяты на мѣстѣ преступленія. Въ прежнее время, по какому-то съ давнихъ поръ укоренившемуся обычаю, потрава поповскими лошадьми, или тамъ скотомъ, у мужиковъ даже и не считалась потравою; они сами, даже очень

благодушно, приводили виновный скотъ къ священнику на дворъ и за это, развѣ, просили только помянуть о ихъ здравіи. Но тогда только что началось изученіе крестьянами тѣхъ правъ, которыя были имъ предоставлены Положеніемъ 19-го февраля, и осуществленіе ихъ возможно скорѣе на практикѣ; а изъ правъ этихъ самое существенное, а главное самое удобопонятное,—было право загона чьего бы то ни было скота съ своего хлѣба. Вслѣдствіе этого, мужикъ немедленно же конфисковалъ поповскихъ лошадей и, благо было воскресенье, то-есть день волостнаго суда—повлекъ ихъ въ волостное правленіе. Оттуда, точно также немедленно, было послано отцу Сергію предложеніе уплатить за потраву по таксѣ, что было не особенно мало, и онъ, только-что успѣвъ окончить обѣдню, сейчасъ же самъ прибѣжалъ въ правленіе. Долгое время онъ униженно просилъ, чтобы съ него не брали никакого штрафа и возвратили лошадей, но когда на это не согласились, то онъ вытащилъ изъ кармана тридцать копѣекъ мѣди, бросилъ ихъ на столъ и началъ громко кричать:—«Вотъ вамъ, подлецы! цѣлое утро, сегодня я для васъ же оралъ во всю глотку, да вотъ и наоралъ только тридцать копѣекъ! Отъ васъ, скаредовъ, больше и не дождешься! берите, а больше не дамъ, хоть тресните!»—Вѣроятно, мужики и удовлетворились этимъ взысканіемъ. Первое и даже постоянное впечатлѣніе, которое производилъ отецъ Сергѣй на видѣвшихъ его—было то, что онъ долженъ быть непремѣнно очень жаденъ ко всякому пріобрѣтенію, такъ что извѣстное выраженіе «поповскіе глаза» ни къ кому другому болѣе умѣстно примѣнено быть не могло; да кромѣ этого, въ этихъ его глазахъ постоянно такъ и свѣтилось какое-то гаденькое и вмѣстѣ сладенькое коварство, которое онъ ловко и быстро умѣлъ прятать передъ тѣмъ, кто ему зачѣмъ-либо былъ нуженъ, и передъ тѣмъ онъ всегда бывалъ самымъ отвратительнымъ образомъ льстивъ и низкопоклоненъ. Но это низкопоклонство также мгновенно превращалось въ самую низкую грубость, если онъ говорилъ съ кѣмъ-нибудь, кому не придавалъ особаго по его мнѣнію значенія. То, что сейчасъ мною сказано, вынесено преимущественно изъ послѣдняго моего съ нимъ свиданія, и какъ ни незначителенъ этотъ случай, но для полноты портрета я его все-таки разскажу. Было это вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Впослѣдствіи село Герчиково было продано, и его пріобрѣлъ откупщикъ Базилевскій для одной изъ своихъ дочерей, которая была замужемъ за статскимъ совѣтникомъ Кондыревымъ. Съ нимъ мнѣ довелось служить вмѣстѣ, о чемъ и будетъ говорено своевременно; онъ былъ предсѣдателемъ, а я засѣдателемъ гражданской палаты, по выбору дворянства; и какъ-то однажды во время моего каникулярнаго мѣсяца, который я постоянно проводилъ въ деревнѣ, пріѣхалъ и Кондыревъ въ свое Герчиково, по случаю храмоваго праздника. Въ этотъ день онъ

прислалъ просить меня къ себѣ обѣдать, а за обѣдомъ этимъ присутствовало также и мѣстное духовенство. Въ то время о. Сергій уже уступилъ свое мѣсто зятю, а самъ считался заштатнымъ, но явился также на обѣдъ въ своей, давно мнѣ извѣстной синей, бархатной расѣ и въ лиловой скуфейкѣ. Я, разумѣется, привѣтствовалъ его, какъ стараго знакомаго, но во время обѣда невольно замѣтилъ, что онъ какъ-то намѣренно старается не обращать на меня ни малѣйшаго вниманія, несмотря на то, что зналъ его съ самаго моего дѣтства, и вслѣдствіе этого сталъ, незамѣтно для него, наблюдать за нимъ. Онъ все время сидѣлъ, лицемѣрно опустивъ глаза, Кондырева величалъ не иначе, какъ «ваше благородіе», а такъ какъ разговоръ шелъ преимущественно между мною и хозяиномъ, то изрѣдка взглядывалъ на меня, какимъ-то до такой степени коварнымъ, злобнымъ и вмѣстѣ хитрымъ взглядомъ, что я и до настоящаго времени затрудняюсь опредѣлить его смыслъ. Взгляды эти онъ бросалъ, разумѣется, бѣгло и въ то время, когда думалъ, что я не вижу, но не одинъ разъ мнѣ случалось его изловить, и онъ мгновенно принималъ прежнюю лицемѣрно-смиренную позу. Помню я этотъ его взглядъ и до сихъ поръ, и мнѣ кажется, что и никто другой не могъ бы забыть подобнаго выраженія глазъ: оно какъ будто, въ одинъ и тотъ же моментъ, говорило: «а не залетѣла ли ты, ворона, да въ высокія хоромы?» «а зачѣмъ у васъ лѣску-то мнѣ перестали давать?» «а чаво жъ ты все болтаешь? я бы тутъ лѣску-то попросилъ». Дѣйствительно, матушка моя, только-что поселившаяся въ моемъ имѣніи и не долюбливавшая о. Сергія, прекратила выдачу лѣса, которую я было по моей наивности щедро разрѣшилъ ему; но коварный попъ и не подозрѣвалъ того, что, только-что онъ ушелъ, какъ хозяинъ дома обратился ко мнѣ съ такими словами:—«Если бы вы знали, какъ надоѣли мнѣ эти попы съ просьбами: все лѣсу, да лѣсу».—Я сказалъ, что мнѣ это извѣстно ранѣе его, и это былъ послѣдній разъ, когда я видѣлъ о. Сергія. Я не помню, когда онъ умеръ.

Были у насъ и еще очень близкіе сосѣди, изъ не мало, а великодушныхъ, и даже довольно крупныхъ, но съ ними уже почти никакихъ сношеній у насъ не было, и только встрѣчали мы ихъ, и то не часто, въ нашей приходской церкви: отецъ при этомъ, хотя и раскланивался съ главою семейства, но нельзя было не замѣтить, что онъ старается держаться отъ него, что называется, въ почтительномъ отдаленіи. Я упоминаю объ этихъ сосѣдяхъ только для того, чтобы сказать, что при ихъ видѣ у меня, еще въ раннемъ дѣтствѣ, зародилось и сохраняется до сихъ поръ какое-то непобѣдимое враждебное чувство къ тѣмъ полу-аристократамъ, которые въ то время составляли какъ бы особое сословіе въ обществѣ губернскихъ городовъ, и которые изо всѣхъ силъ пыжились и надувались для того,

чтобы сдѣлаться похожими на настоящихъ. Глава семейства былъ отставной губернаторъ; губернаторствовалъ онъ нѣкоторое время въ губерніи сосѣдней съ нашею и, какъ говорили, былъ уволенъ съ этой должности безъ изъявленія, съ своей стороны, даже малѣйшаго на то желанія. Въ увольненіи его, какъ было слышно, большую роль играли жиды, которыми эта губернія населена очень густо, но въ чемъ именно заключалось дѣло и на чьей сторонѣ была справедливость—это мнѣ неизвѣстно. Я знаю только то, что одинъ очень остроумный и весьма вліятельный въ нашей губерніи жидъ, о которомъ, вѣроятно, мнѣ придется сказать болѣе впослѣдствіи, когда у него спрашивали о томъ, какъ они сдѣлали, чтобы ссадить своего губернатора?—обыкновенно отвѣчалъ: «Ну и сто какъ? просто поѣхали у Петербургъ, такъ ёнъ, якъ воробейцыкъ съ вѣтоцки—фрррр». Глядя на эту надменную фигуру съ выставленною впередъ нижнею губою, которая впрочемъ какъ-то подбиралась, когда находилась передъ кѣмъ-либо повыше себя, я всегда думалъ, что весьма легко можетъ быть, что подъ этою важностью скрывается самое положительное ничтожество, выдвинутое впередъ только благопріятными обстоятельствами. Впрочемъ, можетъ быть, эти мои мысли были ошибочны — сказать не сумѣю. Уже много времени послѣ, когда я былъ взрослымъ человѣкомъ, отецъ мой разсказалъ мнѣ, что у него съ этимъ эксъ-губернаторомъ, на первыхъ же порахъ переселенія послѣдняго въ свое имѣніе, произошло слѣдующее. Отецъ тогда былъ еще молодъ, какъ я говорилъ, придерживался направленія нѣсколько либеральнаго и, между прочимъ, не скрывая, вездѣ, гдѣ только имѣлъ случай, порицалъ составлявшую въ то время почти исключительное занятіе помѣщиковъ псовую охоту. Вдругъ онъ узнаетъ отъ своихъ людей, что на озимяхъ его крестьянъ охотится генералъ, а слѣдовательно неизбѣжно топчетъ эту озимь. Отецъ сейчасъ же вскочилъ на своего донца и полетѣлъ туда... Впрочемъ, онъ не посвящалъ меня въ подробности этого столкновенія, или я позабылъ ихъ, но, зная манеру моего отца, думаю, что онъ былъ не изъ особенно нѣжныхъ, и даже долго потомъ нельзя было не обратить вниманія на то, что при встрѣчахъ съ моимъ отцомъ эксъ-губернаторъ, какъ-то, старался держаться подалѣе.

Между тѣмъ наступилъ 1848-й годъ, памятный мнѣ, во-первыхъ, холерою и болѣзнью нашей матушки, о чемъ я уже говорилъ въ предъидущихъ главахъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что въ этомъ году намъ было объявлено, что мы поступимъ въ гимназію, всѣ трое.

Въ концѣ августа 1848 года отецъ привезъ насъ къ крыльцу дома, на фронтонѣ котораго крупными золотыми буквами было изображено: «Дворянскій пансіонъ».

Пансіонъ этотъ, въ то время существовавшій при гимназіи, былъ учрежденъ для учащихся дворянскаго происхожденія исключительно, и

воспитанники его, хотя въ сущности были тѣми же гимназистами, но отъ вольноприходящихъ отличались не только костюмомъ, но и тѣмъ, что во время уроковъ занимали особыя мѣста на переднихъ скамейкахъ, а слѣдовательно составляли особую корпорацію, насившую названіе пансіонеровъ.

Въ сѣняхъ этого пансіона насъ встрѣтилъ пожилой господинъ въ синемъ фракѣ, съ гладко выбритымъ лицомъ, напоминавшимъ старушечье, къ которому какъ-то особенно не шла черная и кудрявая шевелюра. Онъ казался, повидимому, хорошо знакомымъ съ нашимъ отцомъ и немедленно же повелъ насъ по корридорамъ наверхъ, въ такъ называемый цейхгаузъ, гдѣ и переодѣлъ насъ съ ногъ до головы въ казенные костюмы. Зимою куртки и штаны надѣвались суконные и уже не сѣрые, а черные, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ старшіе, начиная съ пятаго, классы облекались въ мундиры съ фалдами и галунными петлицами на красномъ же воротникѣ. Мундиръ этотъ носили также и вольноприходящіе, но обыденный ихъ костюмъ состоялъ изъ двубортнаго сюртука съ краснымъ воротникомъ.

Чувствуя сильную неловкость въ непривычныхъ костюмахъ, робко вошли мы, подъ опекою того же господина во фракѣ, въ залу съ паркетнымъ поломъ, показавшуюся намъ огромною и уставленную вдоль стѣнъ длинными деревянными лавками. По этой залѣ расхаживало, по одиночкѣ и группами, не особенно большое число мальчиковъ, по большей части однихъ съ нами лѣтъ, но между ними были также и юноши, казавшіеся на видъ лѣтъ около двадцати. Въ то время классы еще не начинались, и съ каникулъ, по случаю холеры продолженныхъ, возвратились только еще очень немногіе. Вошли мы какъ въ темный лѣсъ, но въ числѣ находившихся въ залѣ оказались три брата Тулубьевы, съ которыми мы были знакомы давно. Тулубьевы были также родными племянниками тогдашняго директора гимназіи, и такъ какъ они поступили гораздо ранѣе насъ, а двое старшихъ были со мною въ одномъ классѣ, то средній, который былъ также и моимъ ровесникомъ, сейчасъ же взялъ меня подъ свое покровительство и началъ посвящать во всѣ порядки и тайны пансіонской жизни. Отъ него, а также и отъ другихъ старожиловъ пансіона, не замедлившихъ познакомиться съ нами, я сейчасъ же узналъ, что приводившій насъ господинъ во фракѣ именуется Иваномъ Степановичемъ Фивизіо и занимаетъ должность надзирателя, а вмѣстѣ съ этимъ завѣдуетъ всѣмъ пансіонскимъ хозяйствомъ; что, кромѣ этого, есть еще нѣсколько надзирателей, которые не живутъ въ самомъ зданіи пансіона, какъ Иванъ Степановичъ, а только приходятъ туда по очереди и каждый изъ нихъ дежуритъ въ теченіе сутокъ. Немедленно же были сообщены мнѣ имена всѣхъ этихъ надзирателей, а равно и то, кто изъ нихъ хорошъ, а кто нехорошъ, кого

любятъ, или не любятъ воспитанники, кого боятся, или нѣтъ; а равно и то, какія и кому изъ нихъ даны прозвища. Такимъ образомъ я узналъ, что Иванъ Степановичъ прозванъ «скабкою» (заноза) за то именно, что онъ большой тихоня; дѣлая видъ, какъ будто онъ никогда ничего не замѣчаетъ, между тѣмъ видитъ все и обо всемъ, что замѣчено имъ, даже случайно, немедленно же нашептываетъ инспектору Ѳедоту, который живетъ въ самомъ зданіи пансіона; что есть три приходящихъ надзирателя, и двое изъ нихъ, вмѣстѣ съ этимъ, также и учителя нѣмецкаго языка, называющіеся Яковъ Васильевичъ Гонфръ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кейзеръ, прозванный «картушкою», вѣроятно по той причинѣ, что былъ маленькій и толстенькій; что первый изъ нихъ очень хорошъ, а второй дрянь и что третій надзиратель, Давидъ Ивановичъ Бранденбургъ — нѣмчура и тоже порядочное дрянцо. Но какъ нѣчто уже положительно ужасное, нѣчто, при воспоминаніи о чемъ волосы встаютъ дыбомъ, всѣ описывали инспектора, имя котораго было Ѳедотъ Яковлевичъ Сок—овъ. Я сейчасъ же догадался, что это долженъ быть именно тотъ самый господинъ, который сидѣлъ на председательскомъ мѣстѣ, когда мы экзаменовались. Этого инспектора не любилъ положительно уже никто, всѣ боялись пуще огня и хотя никакого особаго прозвища онъ не имѣлъ, но, говоря о немъ, всѣ его называли не иначе, какъ просто «Ѳедотъ». Впослѣдствіи, когда я уже пообжился въ пансіонѣ, то конечно пріобрѣлъ и свое личное мнѣніе о вышеупоминаемыхъ лицахъ, а вмѣстѣ съ этимъ увидѣлъ, что приговоры мнѣнія общаго хотя иногда и имѣли нѣкоторыя основанія, но не всегда и не вполнѣ были справедливы. Такъ, напримѣръ, Иванъ Степановичъ былъ положительно хорошій и добрый человѣкъ; никому онъ не желалъ, да и не сдѣлалъ зла никогда, а если, по его милости, иному шалуну и доставалась иногда капитальная порка, то это происходило, во-первыхъ, отъ того, что онъ, разумѣется, считалъ своимъ долгомъ сообщать о всѣхъ замѣченныхъ безпорядкахъ своему грозному начальнику Ѳедоту, а во-вторыхъ, и отъ того, что самъ боялся его не менѣе воспитанниковъ. Онъ и самъ очень хорошо зналъ, что его недолюбливаютъ, зналъ также и данное ему прозвище и нерѣдко надъ нимъ подтрунивалъ. Такъ какъ онъ недолго послѣ моего поступленія оставался на службѣ, а въ дальнѣйшемъ разсказѣ врядъ-ли придется о немъ упоминать, то разскажу о немъ теперь все, что помню. Впослѣдствіи, когда насъ съ братьями уже не было въ пансіонѣ, мнѣ случалось бывать часто въ квартирѣ Ивана Степановича въ то время, когда у него жилъ, во время какой-то болѣзни своей, мой двоюродный братъ, и я помню, что меня главнымъ образомъ поразила та чистота и аккуратность, которыми отличалось его скромное жилище, а также и то радушіе, съ которымъ онъ встрѣчалъ каждаго къ нему приходившаго, чего, не будучи у него, нельзя было и ожидать, судя по тому, ·имъ онъ казался въ пансіонѣ. Онъ былъ отчасти художникъ, и

искусство, которому онъ посвящалъ свои досуги, состояло въ оклеиваніи рамъ для гравюръ, по случаю чего онъ познакомился и съ моимъ отцомъ, который также былъ любителемъ этого занятія. У меня до настоящаго времени еще сохраняется одна изъ работъ Ивана Степановича— рама довольно большой гравюры, изображающей смерть англійскаго генерала Уольфа во время войны за американскую независимость. Еще до окончанія мною курса, Иванъ Степановичъ оставилъ службу, и болѣе я его не видѣлъ, но мнѣ случилось слышать, будто онъ, скоро же послѣ отставки, получилъ мѣсто или гувернера, или чтеца у оберъ-камергера графа Рибопьера, имѣвшаго помѣстья въ нашей губерніи.

Изъ числа другихъ надзирателей, Яковъ Васильевичъ Гондръ вполнѣ заслуженно былъ любимъ положительно всѣми воспитанниками, и эту любовь внушала уже и, одна только, его добродушная фигура, съ добрыми, но очень глупыми глазами, огромнѣйшею плѣшью и не менѣе огромнымъ носомъ, загнутымъ книзу вродѣ птичьяго клюва. Онъ, кромѣ надзирательской, занималъ еще должность учителя нѣмецкаго языка въ старшихъ классахъ и съ никогда не изсякавшимъ увлеченіемъ изо всѣхъ силъ старался возбудить въ насъ тѣ же восторгъ и удивленіе, которые онъ самъ ощущалъ къ красотамъ его; а при этомъ нерѣдко дѣлалъ довольно продолжительныя отступленія и съ очень живымъ гуморомъ (какъ онъ произносилъ) разсказывалъ намъ многое, что вовсе не входило въ область его преподаванія. Онъ былъ поэтъ въ душѣ и вѣроятно по этому случаю не задумывался иногда прикрашивать свои разсказы разною небывальщиною, впрочемъ, по большей части довольно невиннаго свойства. Такъ напримѣръ, я помню, съ какимъ искреннѣйшимъ восторгомъ описывалъ онъ намъ игру знаменитаго Девріента въ роли короля Лира, которую будто бы видѣлъ въ Берлинѣ. Онъ подробно разсказывалъ цѣлыя сцены, самъ входилъ въ паѳосъ и декламировалъ, но когда, впослѣдствіи, мнѣ случалось видѣть «Короля Лира» на сценѣ Московскаго театра, то я вполнѣ убѣдился, что сцены, которыя такъ живописно изображалъ почтеннѣйшій Яковъ Васильевичъ, существовали только въ одномъ его воображеніи. Но, несмотря, однако, на это, онъ все-таки былъ полезнымъ преподавателемъ своего предмета и этими своими розсказнями ровно никому не приносилъ вреда, а скорѣе возбуждалъ въ слушателяхъ своихъ и любовь къ поэзіи, и стремленіе къ тому прекраснодушію, которымъ обладалъ самъ въ такомъ обильномъ количествѣ. Надзирая за воспитанниками пансіона, Яковъ Васильевичъ также почти по-товарищески обходился съ ними; онъ никогда ни на кого не жаловался, а вслѣдствіе этого никто его не боялся, но дежурства его всегда обходились безъ особыхъ непріятныхъ приключеній.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кейзеръ преподавалъ тоже нѣмецкій языкъ, но только въ первомъ и во второмъ классахъ, такъ что я, поступя прямо

въ третій, уже не учился у него, а имѣлъ съ нимъ отношенія только какъ съ надзирателемъ, и до настоящаго времени не могу понять, за что именно всѣ такъ не любили его. Человѣкъ онъ былъ серьезный, спокойный и умный, обращался со всѣми вѣжливо и съ нѣкоторыми изъ насъ, какъ, напримѣръ, со мною, говорилъ не иначе, какъ по-французски, что̀ онъ дѣлалъ, какъ то самъ говорилъ, по просьбѣ нашихъ родителей, для того чтобы мы не забыли этого языка. А между тѣмъ, во время его дежурствъ или уроковъ непремѣнно сотворяли ему какую-нибудь пакость, или старались хотя чѣмъ-нибудь ему надоѣсть. Иногда совершаемыя надъ нимъ проказы имѣли даже характеръ очень злобный.

Третій изъ названныхъ выше надзирателей, Давыдъ Ивановичъ Бранденбургъ былъ, дѣйствительно, ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, чѣмъ считался въ общемъ мнѣніи, и чуть-ли не единственное воспоминаніе о немъ—то, что изъ его устъ то и дѣло вылетали слова: «безъ бульки!» Говорили, что эти «бульки», безъ которыхъ онъ такъ любилъ оставлять за чаемъ по нѣскольку провинившихся разомъ—онъ потомъ, смѣнившись съ дежурства, уносилъ къ себѣ домой. Впослѣдствіи къ названнымъ тремъ присоединился еще четвертый—Иванъ Ивановичъ Пискаревъ, учитель законовѣдѣнія, молодой человѣкъ, очень умный, очень образованный и очень благовоспитанный; но онъ оставался, помнится, не болѣе полугода у насъ и былъ куда-то переведенъ. Лѣтъ пятнадцать послѣ этого, я встрѣтилъ его въ нашемъ губернскомъ городѣ, куда онъ пріѣзжалъ по какимъ-то своимъ дѣламъ, касавшимся до гражданской палаты, въ которой я тогда служилъ. Иванъ Ивановичъ узналъ меня сейчасъ же и самъ первый объявилъ, что помнитъ меня въ гимназіи, а затѣмъ мы провели съ нимъ вечеръ вмѣстѣ, гуляя по бульвару. Я позабылъ, кѣмъ именно онъ былъ во время этой нашей встрѣчи, но помню, что онъ говорилъ о томъ, что въ теченіе того времени, которое прошло съ его отъѣзда изъ нашего города, онъ перемѣнилъ нѣсколько мѣстъ и между прочимъ удостоивался быть преподавателемъ государственнаго права въ Бозѣ почившему наслѣднику Николаю Александровичу. Впослѣдствіи онъ былъ директоромъ Царско-Сельской гимназіи и въ 1887 году умеръ. Были потомъ, еще во время нашей жизни въ пансіонѣ, и еще два другіе надзирателя, но я позабылъ—замѣнили ли они собою кого-либо изъ оставившихъ эту должность, или комплектъ надзирателей былъ увеличенъ; назывались они: Давидъ Осиповичъ Станкевичъ и Филиппъ Филипповичъ Го (Gau). Первый былъ человѣкъ ничѣмъ не замѣчательный, а второй—старикъ-французъ, оставшійся въ Россіи, кажется, еще отъ двѣнадцатаго года и до того времени еще не выучившійся говорить по-русски; человѣкъ почтенный и добрый, но съ которымъ школьники позволяли себѣ дѣлать самыя непростительныя шутки.

Необходимо теперь сказать нѣсколько словъ о нашемъ высшемъ

начальствѣ, о которомъ до сихъ поръ я упоминалъ только вскользь. Директоромъ гимназіи въ то время былъ почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ Лыкошинъ. Въ пансіонѣ онъ бывалъ очень рѣдко, да и въ гимназіи также, хотя и помѣщался въ самомъ ея зданіи, и кажется, управленіе всѣми дѣлами онъ всецѣло предоставлялъ своему, вполнѣ надежному, помощнику Ѳедоту. Когда директоръ пріѣзжалъ къ намъ въ пансіонъ, то почти всегда его сопровождала его достойнѣйшая супруга, Елизавета Александровна, урожденная Зыкова, а иногда и еще кто-либо изъ его семейства или родственниковъ. По воскресеньямъ, или праздникамъ, нѣкоторые изъ пансіонеровъ, и въ томъ числѣ и мы, приглашались къ директору на цѣлый день и тогда уже всецѣло поступали подъ покровительство его жены, которая обращалась съ ними, какъ собственными дѣтьми. Семейство директора состояло изъ четырехъ дочерей и двухъ сыновей. Двѣ старшія дочери въ то время были уже замужемъ: одна за капитаномъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка Бородинымъ, а другая — за П. К. Щебальскимъ, впослѣдствіи сдѣлавшимся довольно извѣстнымъ писателемъ, сумѣвшимъ сочетать эту профессію съ должностью московскаго полиціймейстера.

Почтеннѣйшій нашъ директоръ вскорѣ умеръ.

Инспекторъ нашъ, о которомъ въ моемъ разсказѣ уже не разъ приходилось мнѣ говорить и о которомъ также упоминаетъ въ своей автобіографіи, напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Русской Старины» за 1888-й годъ, знаменитый путешественникъ Пржевальскій, бывшій въ гимназіи въ одно со мною время, былъ личностью очень своеобразною, и о немъ надо разсказать рѣшительно все, что мнѣ извѣстно. Прежде всего надлежитъ упомянуть, что онъ обладалъ такою внѣшностью, что она, думаю, могла бы поселить ужасъ въ сердцахъ не только его несчастныхъ питомцевъ, но даже и фанатическихъ еретиковъ средневѣковой Испаніи, если бы судьба, вмѣсто инспектора Смоленской гимназіи, сдѣлала его великимъ инквизиторомъ. Когда мнѣ случалось читать или какое-либо историческое сочиненіе, или просто романъ, относящіеся къ тому времени, то и Торквемаду и Арбуэса, обоихъ одинаково, я воображалъ себѣ именно такими, какимъ былъ Ѳедотъ, а когда въ нашемъ губернскомъ городѣ, однажды, въ благородномъ спектаклѣ, задумали поставить живыя картины, въ числѣ которыхъ была сцена (изъ Notre Dame de Paris, par V. Hugo) посѣщенія въ тюрьмѣ Эсмеральды архидьякономъ Клодомъ Фролло́, то для этой послѣдней роли всѣ, въ одинъ голосъ, назвали Ѳедота же. И фигура, и всѣ, безъ исключенія, позы Ѳедота, и его лицо съ огромными, карими глазами, маленькимъ носомъ и большими, толстыми губами,—все это было какъ будто нарочно сотворено для того, чтобы, кромѣ ужаса, наводить еще скуку и уныніе и, если случалось, что на лицѣ его, какъ-нибудь случайно, появлялась улыбка, то вамъ хотѣлось, чтобы она лучше уже поскорѣе исчезла—

такъ она не шла къ его наружности. Такъ какъ онъ жилъ въ томъ же зданіи, гдѣ помѣщался пансіонъ, то пансіонеры, разумѣется, и видали его чаще, нежели вольноприходящіе, но онъ также ежедневно появлялся и въ зданіи гимназіи, во время уроковъ. Въ то время инспекторы не имѣли своего особаго предмета для преподаванія, какъ это введено теперь, а поэтому Θедотъ, въ теченіе всего времени уроковъ, только и дѣлалъ, что медленнымъ шагомъ, заложа руки за жилетъ, расхаживалъ по корридору, да иногда, замѣтя какой-либо непорядокъ въ томъ или другомъ классѣ, чрезъ стеклянную дверь, которыми они всѣ были снабжены, останавливался и вперялъ взглядъ свой въ того, кто обращалъ на себя его вниманіе. Помню, какъ и у меня самого не разъ душа удирала прямо въ пятки, при видѣ этого взора, устремленнаго на меня. Иногда Θедотъ на нѣкоторое время куда-то исчезалъ изъ корридора и почти каждый разъ, чрезъ нѣсколько мгновеній послѣ, гдѣ-то въ отдаленіи раздавались вопли: «не буду! никогда больше не буду! Θедотъ Яковлевичъ! простите! ай! ай! ай! а-а-ай!» и такъ далѣе. Въ пансіонѣ, во время нашего обѣда, до самаго конца онъ расхаживалъ по залѣ точно также, во всю ея длину, а потомъ уходилъ обѣдать, а затѣмъ спать. Это обстоятельство было очень хорошо извѣстно всему пансіону потому, что именно въ это самое время мы, часа на два, пользовались полнѣйшею свободою и, зная навѣрное, что Θедотъ уже ни въ какомъ случаѣ не появится между нами—отдыхали душою. Точно также всѣмъ было извѣстно, что, выспавшись и напившись чаю, Θедотъ около девяти часовъ непремѣнно поѣдетъ на своей бѣлой клячѣ въ клубъ и тамъ будетъ дуться въ карты до самаго утра и развѣ только во время ужина нашего, и то не каждый день, на мгновеніе появится только для того, чтобы пройтись по залѣ, раза два или три, вѣроятно съ цѣлью задать побольше страху на время своего отсутствія. Но... случалось иногда, и нельзя сказать, чтобы особенно рѣдко, что Θедотъ пробуждался отъ своего послѣобѣденнаго сна нѣсколько ранѣе обыкновеннаго: именно въ то самое время, когда, по окончаніи рекреаціи, мы садились на наши мѣста для приготовленія уроковъ къ завтрашнему дню. Событіе это, въ большинствѣ случаевъ, дѣлалось извѣстнымъ потому, что, сначала, чрезъ тѣ комнаты, гдѣ мы сидѣли, пробѣгалъ на верхъ Иванъ Степановичъ, съ какимъ-то озабоченнымъ и вмѣстѣ таинственнымъ видомъ. Онъ сейчасъ же возвращался, а скоро вслѣдъ за этимъ, тою же дорогою, стуча сапогами и съ минами, изображавшими сознаніе всей важности минуты, проходила кучка сторожей, таща въ рукахъ— многознаменательную скамейку, а подъ мышками—пучки чего-то очень непріятнаго. Мгновенно воцарялось гробовое молчаніе... и томительное ожиданіе это иногда продолжалось немалое время. Наконецъ, въ залѣ раздавались неторопливые шаги, и на порогѣ появлялся Θедотъ, въ сопровожденіи того же Ивана Степановича. Остановясь по-

среди комнаты, онъ только произносилъ иногда одно, иногда же и нѣсколько именъ и вслѣдъ за тѣмъ, сейчасъ же, начинали раздаваться просьбы и моленія о пощадѣ. Но, какъ сами умолявшіе, такъ и всѣ мы очень хорошо знали, что Ѳедотъ непреклоненъ, какъ гранитный утесъ, и я не могу припомнить ни одного случая, чтобы наказаніе было отмѣнено; тѣмъ же медленнымъ шагомъ, не говоря ни слова, онъ велъ всю ватагу наверхъ, и чрезъ нѣсколько минутъ оттуда начинали слышаться давно знакомые клики.

Само собою разумѣется, что я, разсказывая все это, вовсе не хочу этимъ сказать, что при воспитаніи дѣтей слѣдуетъ обходиться только одними мягкими средствами, какъ то утверждаютъ многіе; нѣтъ! и строгость и даже наказаніе часто приносятъ гораздо болѣе пользы, но все-таки я думаю, что строгость эта должна быть внушаема ничѣмъ инымъ, какъ только любовью и желаніемъ добра, а наказаніе полезно только тогда, когда оно производится рукою отеческою, а не инквизиторскою. Въ описываемомъ же мною педагогѣ, кромѣ злобы да пожалуй еще пристрастія, то-есть лицепріятія, которое онъ довольно искусно умѣлъ скрывать—ровно ничего не было. Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ гимназіи, Ѳедотъ былъ переведенъ, инспекторомъ же, въ 3-ю Московскую, такъ называвшуюся реальную, гимназію, и въ это время мнѣ случалось слышать отъ одного изъ нашихъ учителей нѣкоторые отрывки изъ предъидущей его біографіи. Не выдаю этихъ свѣдѣній за вѣрныя, но передаю точно все слышанное. Кажется, онъ даже и не кончилъ курса въ университетѣ, а быть можетъ даже и вовсе тамъ не былъ и началъ свою педагогическую карьеру не болѣе какъ письмоводителемъ и вмѣстѣ кассиромъ правленія, не помню какой именно гимназіи. Въ это ли время, или уже послѣ онъ сочинилъ учебникъ географіи, который и былъ нашимъ единственнымъ руководствомъ по этому предмету, въ то время, когда былъ Ѳедотъ у насъ инспекторомъ. Та гимназія, въ которой онъ служилъ письмоводителемъ, сгорѣла до тла вмѣстѣ съ денежнымъ ящикомъ, но Ѳедотъ Яковлевичъ не сгорѣлъ, а былъ куда-то назначенъ, сначала учителемъ географіи, а потомъ и инспекторомъ къ намъ. Когда онъ жилъ въ нашемъ городѣ, то, какъ я слышалъ уже впослѣдствіи, велъ игру очень крупную. Не могу также сказать ничего о томъ, какіе именно фонды давали ему возможность вести такую игру, но легко быть можетъ, что онъ получалъ большой доходъ со своего учебника, такъ какъ онъ, кажется, былъ принятъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ Москвы онъ былъ переведенъ, уже директоромъ, въ Тульскую гимназію, и въ этомъ городѣ, какъ говорили, ему сначала очень повезло, и онъ выигралъ что-то очень много денегъ; но потомъ, будто бы, счастье начало измѣнять, и онъ за что-то былъ отданъ подъ судъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ этого,

нѣкогда такъ страшнаго для всѣхъ насъ, Ѳедота, въ 1859-мъ году, въ то время, когда я жилъ въ Москвѣ, послѣ отставки изъ военной службы. Я встрѣтилъ его на Тверской площади, онъ былъ уже почти совершенно сѣдъ и одѣтъ очень бѣдно. Я невольно остановился и поклонился ему. Онъ сейчасъ же узналъ во мнѣ что-то знакомое и спросилъ, какъ моя фамилія; сейчасъ же самъ припомнилъ, въ которой изъ бывшихъ подъ его начальствомъ гимназій я учился, и началъ меня разспрашивать, что я и кто я, то-есть служу или нѣтъ, гдѣ и такъ далѣе. Что было съ нимъ потомъ—не знаю.

Въ первые же дни моего поступленія въ пансіонъ, но уже въ то время, когда всѣ воспитанники были въ сборѣ, какъ-то разъ вечеромъ я замѣтилъ, что поднялась какая-то особенная суета. Иванъ Степановичъ забѣгалъ взадъ и впередъ, усаживалъ насъ по лавкамъ вдоль стѣнъ сборной залы, гдѣ мы всѣ тогда находились, и чрезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась и вошелъ высокій, бѣлокурый, молодой еще господинъ, самой обворожительно-изящной наружности и не менѣе изящно одѣтый; его сопровождалъ Ѳедотъ, имѣвшій на этотъ разъ какъ будто менѣе грозный видъ. Онъ началъ обходить стоявшихъ вдоль стѣнъ воспитанниковъ и каждому изъ нихъ, съ привѣтливою улыбкою, находилъ что-нибудь сказать, при чемъ всѣхъ называлъ по фамиліи, а нѣкоторыхъ даже уменьшительными именами «Кто это?»—спросилъ я у моего сосѣда.—«Попечитель!»—отвѣчалъ тотъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ въ голосѣ. Это былъ графъ Павелъ Петровичъ Буксгевденъ, почетный попечитель нашей гимназіи и вмѣстѣ предводитель дворянства того уѣзда, въ которомъ находился нашъ губернскій городъ. Каждый, кто его помнитъ, вѣроятно, и до настоящаго времени сохраняетъ благодарность къ этому дѣйствительно прелестному человѣку. Онъ съ какою-то особенною, неутомимою любовью заботился о дворянскомъ пансіонѣ, и почти не было дня, когда бы онъ туда не заѣзжалъ, хотя на минуту. Онъ отечески обращался со всѣми воспитанниками, а нѣкоторыхъ, по воскресеньямъ и праздникамъ, приглашалъ къ себѣ въ домъ. Когда Ѳедотъ, стараясь обратить на путь истины какого-нибудь отпѣтаго лѣнтяя или повѣсу, истощалъ безуспѣшно уже всѣ свои мѣры, то, какъ къ послѣднему средству, онъ прибѣгалъ къ тому, что публично жаловался на него попечителю; и графъ, своимъ мягкимъ, ласковымъ и западавшимъ прямо въ душу голосомъ начиналъ его стыдить и убѣждать, при всѣхъ товарищахъ. Я самъ былъ, однажды, пораженъ до глубины души тѣмъ, что, слушая его, одинъ повидимому совершенно безчувственный юноша проливалъ горячія и искреннія слезы. Графъ умеръ въ 1855-мъ году, отъ холеры, во время похода въ Крымъ смоленскаго ополченія, въ которое онъ поступилъ простымъ оберъ-офицеромъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОКРУГЪ ОЧАКОВА.

1788 годъ.

(Дневникъ очевидца[1]).

Мая 8-го дня. Сколько несчастныхъ, сколько бѣдныхъ и голодомъ страждущихъ. Въ здѣшнемъ госпиталѣ лежитъ больныхъ солдатъ болѣе двухъ тысячъ; но какой присмотръ: медикаментовъ нѣтъ, въ бѣльѣ недостатокъ. Погонщики, привезшіе сухари изъ Харьковскаго намѣстничества, едва пропитать себя могутъ подаяніемъ милостыни. Росписаніе генераламъ, гдѣ кому командовать. Михайло Петровичъ Румянцевъ, генералъ-поручикъ, насилу, по убѣжденію князя Долгорукова, поѣхалъ въ Крымъ. Онъ весьма доброй души господинъ, разсуждаетъ хорошо и меня весьма ласково всегда принималъ, наиболѣе же благосклонность оказывалъ, когда забавлялъ его игрою на фортепіано. Сей день подалъ записку рѣшительную Попову съ тѣмъ, чтобъ или въ Петербургъ отправить, или здѣсь оставить. Оставленъ на мѣсто бывшаго переводчикомъ въ Константинополѣ Алопеуса. Поповъ ска-

---

[1]) Романъ Максимовичъ Цебриковъ, (1763 — 1831) родомъ изъ Харькова юношей былъ посланъ въ Лейпцигъ для обученія «латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ» («Сборникъ рус. ист. об.», X, 107). По возвращеніи изъ-за-границы, онъ былъ опредѣленъ переводчикомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а въ 1788 году, будучи 25-ти лѣтъ, былъ назначенъ состоять при походной канцеляріи кн. Потемкина. Такимъ образомъ, онъ сталъ невольнымъ зрителемъ, если не участникомъ, второй турецкой войны, и весь 1788 годъ провелъ подъ Очаковомъ. Цебриковъ велъ свой дневникъ, записывая изо дня въ день все, что онъ видѣлъ, слышалъ, испыталъ и пережилъ, начиная съ 8-го мая—въ Елисаветградѣ и оканчивая 2-мъ февраля 1789 года—въ Кременчугѣ.

залъ, что писать будетъ о томъ къ графу Безбородко. Обѣдалъ у Юрья Долгорукова; онъ весьма печаленъ, что полгода живетъ безъ дѣла и не отправляется въ цесарскую армію.

9-го. Частыя посѣщенія Самойловой свѣтлѣйшаго. Просила за мужа. Смѣхъ тому другихъ. Ему повелѣно править аріер-гвардіею.

12-го. Позванъ былъ Поповымъ и порученъ въ вѣдомство коллежскому совѣтнику барону Биллеру. Сей день дано и дѣло дѣлать. Въ вечеру у князя свѣтлѣйшаго итальянцы играли квартеты въ его спальнѣ. Биллеръ по секретной экспедиціи иностранныхъ дѣлъ.

13-го. Заболѣла графиня Браницкая, племянница свѣтлѣйшаго, которую онъ часто посѣщалъ, и ради ея болѣзни весьма безпокоился. Изображеніе хитростей Сартіевыхъ, строющихъ имъ при князѣ въ разсужденіи музыкантовъ.

15-го. Приближенные къ свѣтлѣйшему: Рибасъ, Фал., Шир. (письмоводитель Поповъ). О томъ толки и собственныя замѣчанія. Баверъ — артиллеріи капитанъ.

21-го. Пріѣхалъ курьеръ съ тѣмъ, что кораблей турецкихъ множество прибыло подъ Очаковъ. На наше обсерваціонное судно напалъ турецкій фрегатъ, противъ котораго, обвиваясь долгое время и увидя приближающіеся еще два, зажгло себя и подняло себя и фрегатъ турецкій на воздухъ. На нашемъ суднѣ было 40, а на турецкомъ 150 человѣкъ.

22-го. Репнинъ князь ночью уѣхалъ въ армію.

24-го Слышно, что разбито 16 нашихъ судовъ. Князь свѣтлѣйшій уѣхалъ въ Кинбурнъ. Свѣтлѣйшій князь разослалъ по всѣмъ окрестностямъ повелѣніе по церквамъ просить Бога о ниспосланіи побѣды противъ непріятеля. Писалъ получаемыя въ шифрахъ изъ Константинополя вѣдомости.

27-го. Вышло росписаніе канцелярскимъ, кому ѣхать въ походъ. Одинъ говоритъ, у меня есть конфорка кофей варить; другой — нѣтъ, братъ, у меня лучше—на чай таганчикъ; третій—у меня сухари; четвертый—купилъ два пуда сахара, два фунта чая и проч. Одинъ жалуется, что взятое вчера жалованье проигралъ въ банкъ; другой—нѣтъ ничего въ походъ. Меня спрашиваютъ, что ты не стоишь въ росписаніи. Я молчу и повинуюсь предопредѣленію etc. etc. etc.

30-го мая. Предъ обѣдомъ выѣхалъ свѣтлѣйшій князь изъ Елисаветграда въ походъ. Въ лагерѣ остановится по Бугѣ рѣкѣ, подлѣ слободы Александровки. При прощаніи множество господъ, коихъ велѣно отъ свѣтлѣйшаго довольно подчивать. Когда князь Потемкинъ шелъ изъ надвору въ горницу и давно ожидавшій проситель резолюціи на свое дѣло напомянулъ ему о томъ низкимъ поклономъ и преисполненною благоговѣнія и подобострастія рѣчью, то получилъ въ отвѣтъ гроз-

ный видъ и сіи слова: «Ну, поѣзжай къ чорту. Вы не даете отдыху». А когда садиться уже въ карету, то, увидя подающаго письмо или прошеніе, сказалъ: «Вы очень повадились меня тревожить». Вспала тогда на мысль, сказанная одною просительницею у утрудившагося отъ многихъ дѣлъ и отказывавшаго ей государя рѣчь: «Такъ, государь, сложи съ себя діадему, ежели не хочешь просьбъ нашихъ довлетворить».

Графъ Браницкій съ нимъ вмѣстѣ въ каретѣ уѣхалъ, а графиня Браницкая, со многими знатными поляками, отправилась въ Бѣлую Церковь.

Весьма трогательное прощаніе графа Браницкаго съ земляками своими.

Говорятъ, будто свѣтлѣйшій князь, садясь въ карету, сказалъ графинѣ Браницкой съ жалостнымъ видомъ (иные прибавляютъ—и со глубокимъ еще вздохомъ): «Ну, что дѣлать, надобно идти противъ непріятеля»...

Сей день и князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ, отправя обозъ свой въ Архангельскъ, гдѣ велѣлъ ему себя дожидаться, поѣхалъ также и самъ къ свѣтлѣйшему князю въ лагерь, чтобы проститься. Онъ поѣдетъ въ цесарскую армію для обсерваціи военныхъ дѣйствій оной.

Я съ великимъ сожалѣніемъ разставался съ Карломъ Карловичемъ Бухольцовымъ, графомъ Витгенштейномъ и прочими, находящимися въ свитѣ Долгорукова князя; ибо они по командирѣ своемъ добродушіемъ, благосклонностью и ласковостью примѣрно образованы сими же благородными качествами, и рѣдко гдѣ найти можно такого командира и подчиненныхъ.

31-го мая. Понемногу началъ подыматься княжескій обозъ. Поповъ остался, однако, еще дня съ три въ Елисаветградѣ; г-жа Самойлова также намѣрена была уѣхать въ Кременчугъ. Музыканты отправлены въ Кременчугъ, выключая трехъ пѣвчихъ, кои будутъ по походамъ съ игуменомъ, духовникомъ его свѣтлости, странствовать.

1-го іюня. Экспедиторъ мой, баронъ Биллеръ, велѣлъ мнѣ сей же день быть готову въ походъ. Сія неожидаемость весьма меня опечалила: ибо у меня совсѣмъ ничего къ тому не было; но, подумавъ нѣсколько послѣ о трудностяхъ и голодѣ, который долженъ буду терпѣть, успокоилъ себя философическими мыслями, что Архитекторъ всего сего чудеснаго зданія и первый назидатель причинъ нравственныхъ, въ кои человѣческія дѣянія включены, по неисповѣдимымъ намъ своимъ намѣреніямъ, такъ отъ вѣчности въ неизглаголанномъ своемъ чистѣйшемъ разумѣ устроилъ, и нѣтъ ничего въ мірѣ семъ истинно злаго.

Въ 9-мъ часу по обѣдѣ простился съ Андреемъ Ивановичемъ Ставицкимъ, который оставался, по причинѣ болѣзни, въ Елисаветградѣ, и прочими, а наконецъ съ Дзюбинымъ, моимъ сотоварищемъ квартир-

нымъ, не безъ нѣкоего, съ симъ послѣднимъ, сожалѣнія. Пошелъ въ крѣпость, гдѣ велѣно было садиться и ѣхать. Однако, всю ночь проспалъ, а выѣхали на разсвѣтѣ.

2-го іюня. Изъ Елисаветграда поѣхали на Грудскую. Съ нами былъ барона Биллера обозъ. Θедоръ Θедоровичъ Корфъ, изъ Курляндіи родомъ, съ перваго вида являющійся дружелюбія преисполненнымъ человѣкомъ и отправляющій со мною по одной экспедиціи должность, прощался съ графомъ Цукато, маіоромъ Чугуевскаго полка, который назначенъ былъ въ передовомъ корпусѣ, весьма разительнымъ образомъ.

Сей день ѣхали мы безъ всякаго удовольствія, ибо было вѣтрено и дождь шелъ. Въ Грудской, 15 верстъ отъ Елисаветграда, немного остановясь, увидѣли множество больныхъ солдатъ, шедшихъ въ елисаветградскій госпиталь изъ арміи, и поѣхали прямо до Великой Виски, также 15 верстъ, гдѣ, спрашивая о квартирѣ, услышали, что всѣ заняты больными, и мы съ трудностью пристали у отставнаго лейбъ-гусара, у котораго въ горницѣ напоказъ виситъ дулама, бруслукъ, чакчиры и прочіе гусарскіе снаряды. Онъ хвалился, что князь, остановясь въ его домѣ (т. е. избушкѣ), приглашалъ его въ службу опять.

3-го іюня. На разсвѣтѣ выѣхали изъ Великой Виски; до Плетенаго Ташлика, куда мы взяли свой путь, было 15 верстъ разстоянія отъ перваго. Солнце показалось въ великолѣпномъ видѣ, предвѣщая быть дню свѣтлому; небо покрыто было прелестнѣйшимъ голубымъ цвѣтомъ; вездѣ царствовала тишина.

Въѣзжая въ Плетеный Ташликъ, повстрѣчался съ нами весьма длинный обозъ или, лучше сказать, наполненныя больными телѣги, шедшія въ елисаветградскій лазаретъ. Зрѣть на сихъ страждущихъ не можно было безъ испущенія вздоховъ и восчувствованія сердечнаго соболѣзнованія.

Отъ Плетенаго Ташлика до городка Павловска 20 верстъ, проѣхали въ спаньѣ. Ввечеру ходилъ я съ Корфомъ на всенощную, получили на оной просфоры. Послѣ—въ садъ генерала Звѣрова, довольно регулярный; но болѣе при заведеніи онаго взираемо было на пользу, нежели на увеселеніе. Для дому есть другой, порегулярнѣе, садъ; домъ и сей садъ окружены крѣпостцею. Въ Павловскѣ, переночевавъ, не знали, куда ѣхать: на Корабельную ли, или въ Станкевичеву слободу; до сей было 40 верстъ, но прямая дорога, а до первой 15 верстъ, но въ сторону; мы рѣшились ѣхать до Станкевичевой.

4-го іюня. На половинѣ дороги, гдѣ отдыхали, отъ Павловска до Станкевичевой настигли мы обозъ съ сухарями, состоящій изъ пяти сотъ фуръ; каждая фура запряжена была четырьмя волами. Главный надъ обозомъ надзиратель жаловался, что волы дохнутъ, сухари трутся

и имъ немалое затрудненіе будетъ въ отдачѣ оныхъ полкамъ, и примолвилъ: «Сохрани Боже, чтобы не поиести и убытку, ибо вѣрно, вѣсъ оныхъ уменьшится», и сказалъ, что также пять сотъ фуръ уже впередъ отправлены.

Мы отдыхали въ небольшой долинѣ, гдѣ добрые человѣки небольшой выкопали колодезь, изъ коего погонщики до насъ еще всю воду вычерпали.

Въ Станкевичевую слободу пріѣхали ночью. Здѣсь наша хозяйка хвалилась добродушіемъ своего господина, но оное основано на собственныхъ его прибыткахъ.

5-го іюня. Отъ Станкевичевой слободы до Скаржинки 15 верстъ. На дорогѣ повстрѣчались намъ отвезшія сухари въ армію пятьсотъ фуръ, но на каждой фурѣ лежало больныхъ солдатъ съ разныхъ полковъ по три и четыре человѣка; одного увидѣли мы мертваго, и когда сказали о томъ погонщикамъ, то они объявили намъ: «Да уже мы трехъ на дорогѣ, выѣхавши изъ лагеря, погребли» (лагерь отстоялъ только на 25 верстъ).

Въ Скаржинкѣ повстрѣчался шедшій съ крестомъ священникъ съ дьяками и четырьмя человѣками, составлявшими весь ходъ, для освященія вновь выкопаннаго колодезя (сей день былъ праздникъ Святыя Троицы). Онъ насъ покропилъ, чѣмъ мой товарищъ недоволенъ былъ, ибо онъ спалъ тогда, и притомъ лютеранинъ, не слишкомъ уважающій церковные обряды греческіе, отъ простолюдиновъ у насъ за великую святость признаваемые. Но я почелъ сіе за хорошее предвѣщаніе. Люди изъ сей слободы всѣ-было разошлись, но когда армія выступила на веснѣ въ лагерь, то и они опять въ свои воротились домы, отчего лишились скота, живности и проч., и нѣтъ ничего въ оной, даже и хлѣба. Отъ Скаржинки до лагеря по сей сторонѣ Буга было верстъ съ десять. Лагерь былъ отъ прекрасной слободы Александровки въ 4-хъ верстахъ; около ея весьма хорошій хлѣбъ родится, по низменности мѣстъ, влажностью изобильныхъ; но теперь вся пуста, и никого нѣтъ, кромѣ одного сержанта съ двумя или тремя казаками, оберегающаго домы, чтобы солдаты оныхъ на дрова не ломали. Мы лишь только пріѣхали, то и дѣло скоро нашлось. Въ девять часовъ послышали мы, что ѣхать далѣе. Свѣтлѣйшій часовъ въ девять прежде всѣхъ уѣхалъ, а за нимъ канцелярія.

6-го іюня. Двинулся весь обозъ прежде арміи; я проспалъ всю дорогу (15 верстъ) [1]) и проснулся уже на мѣстѣ, тучною травою изобилующемъ. Остановились мы при рѣчкѣ, называемой Мертвыя воды [2]).

---

[1]) По журналу канцелярскому: 12 верстъ.

[2]) По журналу канцелярскому: при урочищѣ Мертвыхъ водъ.

Скоро потомъ подоспѣли и полки, расположившіеся противъ насъ на покатѣ противолежащей горы, оставивъ посрединѣ между нами небольшую долину, орошаемую малою рѣчкою, что весьма являло прелестный видъ.

Другая половина арміи, или передовой корпусъ, переправилась уже 27-го апрѣля на понтонныхъ мостахъ чрезъ Бугъ, отъ селенія Александровки въ 5-ти верстахъ. Она также маршировала вдоль по Бугу къ Очакову, какъ и мы, но сей день съ нашею нельзя было видѣться ей, ибо положеніе мѣстъ заставило насъ уклониться нѣсколько отъ береговъ бугскихъ.

Въ лагерѣ во всемъ недостатокъ: обозъ свѣтлѣйшаго не пришелъ еще съ провизіей и канцелярія теперь голодъ терпитъ. У князя Репнина занимаетъ палатку. Самъ князь обѣдаетъ у графа Браницкаго. У маркитантовъ одинъ хлѣбъ да говядина и то рѣдко, да и сего негдѣ, не въ чемъ и не чѣмъ варить; дровъ нѣту, тростнику—также, посуды нѣту. При всемъ томъ музыка играетъ, по мѣстамъ раздаются голоса пѣсенниковъ.

Въ обозѣ княжескомъ были и палатки положены, почему пріѣхавшіе канцелярскіе попрежде должны спать то въ кибиткахъ, то подъ небесною палаткою.

7-го іюня. Выступили полки и обозы въ походъ въ 4-мъ часу поутру.

Множество экипажей, людей, лошадей не видавшему весьма покажется удивительнымъ. Ежели разсудить, колико стоитъ затрудненій въ составленіи и собраніи такого многолюдства и пособій, требующихъ въ полѣ, степи питательныхъ средствъ, то почти непонятно, какъ все устроено и въ порядокъ приведено.

Въ срединѣ шли обозы, по лѣвую сторону конница, а по правую—пѣхота, однако такъ, что по превосходному числу полковъ конницы по обѣимъ сторонамъ она яко преградою маршировала. Взоръ на таковой видъ не иначе, какъ величественностью поражается; со всѣхъ сторонъ раздается звукъ трубъ и духовыхъ инструментовъ; барабанный бой наводитъ нѣкій родъ ужаса; литавровъ шумъ воспаляетъ кровь и есть ужасно величественъ. Таковая огромная группа породила во мнѣ мысли о жизни и смерти, о могуществѣ царствъ и паденіи оныхъ, о великихъ издержкахъ и долговременныхъ трудахъ на доведеніе войны въ состояніе защищать отечество, и мрачную мысль о плодахъ: зрѣть на сраженіи несказанный уронъ и внезапное разрушеніе нашихъ намѣреній.

На что ты, о смертный, произведенъ на сей свѣтъ! Чтобы быть плѣнникомъ своихъ страстей. Сіи войска, сіи гордые кони, убранные различными украшеніями, сіи безчисленные обозы — не страстей ли твоихъ плоды? И самая война, причины которой покрыты вѣрою, справедливыми требованіями и защитою отечества и правъ онаго, не чаще

ли бываетъ источникомъ гордости, тщеславія, зависти одной особы, а по большей части еще и частной?

Князь Репнинъ со многими генералами, штабъ и оберъ-офицерами ѣхали между обозомъ верхами.

Часу въ 10-мъ стали лагеремъ подлѣ Буга не подалеку слободы Новогригорьевской [1]). Я, по пріѣздѣ, тотчасъ пошелъ купаться; но великое затрудненіе было дойти до берега за болотомъ, въ которомъ растетъ камышъ. Потомъ зашелъ въ Новогригорьевскъ, гдѣ почти всѣ жители вышли-было изъ своихъ домовъ, но, увидя приближающуюся къ селеніямъ своимъ армію, опять начали возвращаться.

8-го іюня. Былъ растагъ. Сей день пріѣхалъ полковникъ Корсаковъ съ извѣстіемъ, что вчера на морскомъ сраженіи три судна наши истребили (сожжено одно, а два разомъ сорвано) [2]).

Сему сраженію сей же день сдѣланъ былъ планъ, который я на французскій языкъ росписалъ и который посланъ былъ римскому императору. Прибылъ князя свѣтлѣйшаго обозъ.

9-го іюня. Выступили обозы нѣкоторые впередъ. Въ 10-мъ часу утра былъ молебенъ за одержаніе на морѣ побѣды. При выѣздѣ канцеляріи много заботились о недостаткѣ лошадей, коихъ неоткуда было взять. Въ первомъ часу прибыли къ слободѣ Новотроицкой. Напротивъ насъ, по той сторонѣ Буга, виденъ былъ и передовой корпусъ, лагеремъ стоявшій на покатѣ горы въ наипрелестнѣйшемъ видѣ. Картины восхитительныя.

10-го іюня. Велѣно наводить мосты чрезъ Бугъ, но неудобность въ томъ свѣтлѣйшаго весьма огорчила, и узнано, что лучше было переѣзжать черезъ Бугъ подлѣ Александровки.

Полковникъ Германъ, Московскаго полка, говорятъ, всему тому причиною. Однако, велѣно выискивать здѣсь удобное мѣсто къ переправѣ. Сей-де Германъ увѣрилъ его свѣтлость, что весьма удобно переправляться у слободы Новотроицкой [3]), хотя тому князь Репнинъ и другіе весьма противорѣчили. Когда свѣтлѣйшій спросилъ Германа: «На семъ

---

[1]) По журналу канцелярскому Новогригорьевскъ отъ Мертвыхъ водъ отстоитъ на 20 верстъ.

[2]) Въ канцелярскомъ журналѣ написано, что въ сраженіи взорвано и сожжено у непріятеля одно канонерское судно, одна бомбарда и одна шебека, да повреждено восемнадцать.

[3]) На полѣ замѣчено: «По канц. журн.: «Хотя у Новотроицка и назначена была переправа на противную сторону, но разлившаяся отъ сильнаго вѣтра со стороны лимана и отъ дождей рѣка Бугъ воспрепятствовала переходу войскъ». Ничего не бывало. Рѣка здѣсь сама по себѣ нарочито широка, а особливо по обѣимъ сторонамъ много топкости, къ чему у насъ ни фашинъ, ни понтонныхъ мостовъ никакъ не доставало.

ли мѣстѣ переправлялся генералъ-аншефъ Минихъ?» — «На семъ,— отвѣчалъ Германъ.— «Ну, благодари время, что я не Минихъ, а то бы, переправившись на ту сторону, тебя повѣсилъ».

Долгорукій Юрій еще по сіе время здѣсь, по походамъ странствуетъ и не отправляется въ цесарскую армію, неизвѣстно почему.

11-го іюня. Былъ въ первый разъ на канцелярскихъ столъ, съ самаго изъ Елисаветграда выѣзда. Свѣтлѣйшій началъ провѣдывать о безпорядкахъ домоводства и частью повелѣвать заводить порядокъ въ томъ.

Рѣдко бываетъ такъ сильно проливныхъ дождей и такъ долго продолжительныхъ, какъ 12-го числа былъ. Онъ начался послѣ обѣда въ 1-мъ часу и продолжался сряду безпрестанно два часа. Сильный трескъ и шумъ отъ стремительнаго паденія дождя съ порывостью вѣтра на палатку, казалось, производилъ во мнѣ при подобныхъ случаяхъ чинимую на театрѣ музыку , и такъ живо дѣйствовало сіе въ моемъ воображеніи, что я не прежде могъ себя увѣрить о мнительности сего, какъ когда одинъ пріятель сталъ со мною говорить.

Я, не имѣя тѣхъ выгодъ для сего похода, коими пользовались имущественнѣе меня, пріобрѣлъ ясное понятіе о нуждѣ, состоящей въ томъ, что негдѣ было лечь и отдохнуть сномъ, почему, пробывъ въ бдительномъ состояніи до утра, сѣлъ въ кибитку и поѣхалъ съ прочими обозами опять назадъ. 13-го числа пріѣхали къ мѣстечку Новогригорьевску, гдѣ назначено было переправѣ чрезъ Бугъ. Отъ сего контрамарша родилось немалое негодованіе между возвращающимся войскомъ и прочими служителями.

Съ нами ѣхалъ нѣкто курляндскій дворянинъ, поручикъ Медемъ, который съ перваго раза всѣ свои житейскія похожденія разсказалъ: какимъ образомъ укралъ жену свою изъ дому ея родителей, обвѣнчался и проч. Споръ между Корфомъ и Медемомъ, что есть дворянство, и болѣе о презрѣнной онаго гордости къ недворянству.

Примѣтить надобно, что здѣшнее мѣстоположеніе весьма изрядно. Церковь, сдѣланная на полѣ на подобіе лютеранскихъ церквей, изъ камня бѣлаго, коего здѣсь довольно въ землѣ находится, весьма прекрасна. Сверхъ того, бьющій изъ-подъ горы водяной ключъ каждаго привлекаетъ чистотою, холодностью и легкостью воды; въ гору нарочно сдѣланъ довольно далеко каменный шлюзъ, изъ коего вода вытекаетъ.

14-го іюня[1]). Подошли мосты ввечеру на десять верстъ[2]) далѣе за Новогригорьевскъ; легкоконные полки выступили въ походъ къ тому

---

[1]) Въ рукописи, по ошибкѣ: «14-го мая».
[2]) По журналу канцеляріи: на семь верстъ.

мѣсту. Главная квартира и два пѣхотные полка остались; но понтонные мосты сей же день наведены.

15-го іюня[1]). Выступили въ походъ поутру въ 6-мъ часу. На дорогѣ настигли мы на верблюдовъ, коихъ лошади очень пугались. Ѣхавшіе со мною курляндцы, на выдумку скорые, сказали: только бы туркамъ пригнать табунъ верблюдовъ противъ нашей страшной имъ артиллеріи и конницы, то все бы привели въ безпорядокъ, а особливо при переправѣ черезъ Бугъ, то бы все потонуло въ немъ. Конные полки (5) выступили еще вчера ввечеру къ назначенному для переправы мѣсту, подъ командою генералъ-поручика принца Ангальтъ-Бернбургскаго. Я отъ Новогригорьевска чрезъ слободу Ракову, гдѣ молокомъ утолилъ жажду, шелъ пѣшій до самыхъ наведенныхъ мостовъ, купался и осматривалъ мѣстоположеніе здѣшней стороны. Почва земли, какъ и вездѣ по надъ Бугомъ, черноземна и жирна. Хлѣбопашество бы здѣсь могло процвѣтать въ высочайшей степени, еслибы, вмѣсто употребляемыхъ рукъ и безчисленныхъ издержекъ на пріобрѣтеніе новыхъ земель и городовъ употребить оныя къ сему толь полезному дѣлу, которое внутреннюю немнимую силу государства составляетъ. Надобно ожидать, что, по истеченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и лѣсъ выростетъ надъ Бугомъ, ибо я много нашелъ, а часто и въ великомъ изобиліи, древяныхъ растеній. Ежели бы рачительность правленія, а особливо намѣстническіе экономы, коихъ долгъ есть стараться о пріумноженіи государственныхъ доходовъ, приложили трудъ разводить въ сихъ мѣстахъ лѣса, толико къ тому способныхъ, то бы въ двадцать лѣтъ могли здѣшніе жители пользоваться онымъ безъ всякаго опасенія претерпѣвать въ томъ опять недостатокъ. Напротивъ того, народъ здѣшнихъ селеній замѣняетъ недостатокъ высушеннымъ и въ четвероугольники порѣзаннымъ коровьимъ каломъ, который всякому варенью удѣляетъ, посредствомъ дыма, дурной и противный запахъ.

Нѣтъ у сихъ жителей никакихъ огородныхъ овощей и зеленей, и кому вникать въ сіе, какъ не тѣмъ, кои ими повелѣваютъ.

16-го іюня. Двинулись съ мѣста часу въ 9-мъ для переправы чрезъ мосты на ту сторону Буга. Наведены были два моста, одинъ понтонный, а другой обыкновенный, на плотахъ. Переправа оставшихся двухъ пѣхотныхъ полковъ, многочисленнаго обоза и главной фельдмаршальской квартиры продолжалась почти до вечера. Поелику лагеремъ стали по переправѣ на три версты отъ мостовъ, то мнѣ заблагоразсудилось пѣшу пойти. Прежде выкупался на нашей сторонѣ; идучи чрезъ мостъ, былъ немножко задержанъ часовымъ: «Не велѣно пускать». Потомъ, взошедши на превысокую гору по немало продол-

[1]) Въ рукописи, по ошибкѣ: «15-го майя».

жительной возвышенности, сказалъ: прости, любезное отечество мое. Теперь я въ другой разъ моей жизни тебя оставляю, но удовольствіе зрѣть тебя безпрестанно по ту сторону Буга рѣки.

Между тѣмъ, спускаясь по отлогостямъ сея горы, пришелъ въ лагерь Екатериненскаго Гренадерскаго пѣхотнаго полка и весьма удивился, усмотря чистоту, опрятность и ласковость маркитантовъ въ онойъ, а въ главной квартирѣ, напротивъ того, все противоположительное.

17-го іюня. Сей день весь и ночь работалъ, какъ волъ, на котораго я съ сокрушеннымъ сердцемъ взиралъ въ дорогѣ: оный съ тремя своими братьями тянули весьма грузную фуру и скоро потомъ пали.

Поелику жары сильны теперь, то и изъ пѣхотныхъ солдатъ многіе въ шеренгахъ падаютъ; ежедневно больныхъ число умножается.

18-го іюня. Зной былъ въ 12-мъ часу въ высочайшей степени; мы еще когда маршировали, трое солдатъ на дорогѣ умерло, а 40, говорятъ, не могши продолжать путь, пали. Марши наши не велики: верстъ по 10, 15, 20, а болѣе никогда не бываютъ. Сіе дѣлается болѣе для перемѣны травы, для скота и воздуха для людей.

Лишь только прибыли въ лагерь сей день къ рѣчкѣ Чичиклеи, то и увидѣли разостланный флагъ и флюгеръ, полученные въ добычу съ морскаго турецкаго флота. Взяты вчера были два корабля и ведены къ намъ; на одномъ былъ капитанъ-паша, извѣстный всему свѣту адмиралъ у турокъ, но онъ бѣжалъ на лодкѣ въ смятеніи, и оба сіи завоеванные корабля, спустя нѣсколько времени, взорвало на воздухъ. Сколько взято въ плѣнъ—увидимъ изъ рапорта принца Нассау-Зигена. Тотчасъ поставлена была церковь походная, фельдмаршальская.

Во всемъ турецкомъ флотѣ, по извѣстіямъ константинопольскимъ, были только три хорошо вооруженные корабля: «Капитанія», «Реала» и «Патрона». На «Капитаніи» былъ самъ капитанъ-паша, съ котораго корабля получили мы только въ добычу флагъ и флюгеръ, ибо онъ и другой, какъ упомянуто, взлетѣли на воздухъ. Вотъ какая ухватка непріятеля! Ни себѣ, ни непріятелю своему. Онъ, конечно, слѣдуетъ примѣру неустрашимости одного нашего, для вывѣдыванія командированнаго, капитана Сакена, который, будучи окруженъ множествомъ турецкихъ кораблей, но не желая быть добычею имъ, выстрѣлилъ изъ пистолета въ пороховую бочку, на его суднѣ находившуюся, и въ виду непріятеля (высадивъ прежде нѣсколько на шлюпкѣ матросовъ для убѣжанія во-свояси) на воздухъ съ судномъ поднялся. За таковое геройское дѣло свѣтлѣйшій князь пожаловалъ фамиліи его имѣть въ гербѣ своемъ взорванный корабль. Императрица, говорятъ, также много оказала милостей его родственникамъ.

19-го іюня. Получено извѣстіе въ седьмомъ часу, что вчера девять кораблей и фрегатовъ получено въ добычу, изъ коихъ семь чрезъ

два часа взорвало на воздухъ. Людей, однако, переведено болѣе 3.600 плѣнныхъ въ Кинбурнъ. Два сѣли на мель, коихъ стараются, по вынятіи всего, въ нихъ состоящаго, поднять и употребить въ дѣло къ пораженію турковъ.

Таковая радостная для россіянъ вѣсть удвоила усердіе къ принесенію вся-управляющему Вышнему Существу теплыхъ моленій, и въ 10 часовъ отпѣли благодарственный молебенъ при собраніи всего генералитетства, въ арміи находящагося, и прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ. При чтеніи благодарственной Богу молитвы съ колѣнопреклоненіемъ за недостойно намъ ниспосылаемыя несказанныя благодѣнія, оставя философскія мысли о человѣчествѣ страждущемъ, намъ во всемъ подобномъ, былъ я пронзенъ нѣкоимъ родомъ ужасно величественнаго благоговѣнія и, нисходя отъ него въ первой степени умильнаго неисповѣдимому Божеству благодаренія, чувствовалъ силящіеся изнутри моего сердца наружъ вздохи, сопровождаемые исторгнутіемъ изъ очей слезъ, кои разлили во всѣхъ тончайшихъ каналахъ моего бреннаго состава нѣкую пріятность.

Свѣтлѣйшій князь, послѣ веселаго стола, отправился, какъ говорено, въ Херсонъ, Кинбурнъ и Глубокую, а намъ велѣно марштровать. На дорогѣ обозъ разбился на части, и всякій ѣхалъ безъ конвоя, безъ проводника, куда глаза ему указывали. Конница поутру вся уже впередъ двинулась, а пѣхота и тяжелая артиллерія не могла за великимъ жаромъ идти. Князю Репнину показано было съ нею слѣдовать. Состоящая изъ семи повозокъ часть обоза, въ которой я находился, потеряла изъ виду и передній и оставила взади далеко слѣдовавшій за нами обозъ. Мы плутались нѣсколько времени по степи, на коей, какъ говорятъ, кочевали ногайскія орды, удалившіяся за рѣку Днѣстръ, и, наконецъ, переѣхавъ въ бродъ въ неглубокомъ мѣстѣ чрезъ рѣчку Солонихи, спѣшили вдоль по ней въ неизвѣстности найти лагерь авангвардіи, что и удалось уже въ ночи, но оная стояла на той сторонѣ рѣчки Солонихи, переѣхать же намъ чрезъ нее не удалось за великою осокою и топкостью земли. Почему, разспрашивая, не прибылъ ли сюда князя свѣтлѣйшаго обозъ, у стоявшихъ на пикетахъ казаковъ и узнавъ, что нѣтъ его тамъ, принуждены были на полѣ, неподалеку пикета, ночевать съ немалымъ страхомъ.

20-го іюня. На самомъ разсвѣтѣ поѣхали мы искать вдаль отъ сего лагеря обоза княжаго и уже-было зашли опять въ лабиринтъ неизвѣстности, какъ мнѣ вспало въ голову на удачу уговаривать ѣдущихъ со мною, чтобы ѣхать къ лагерю, издали меркающему палатками по сю сторону, однако, рѣчки Солонихи, и что тамъ, какъ меня недавно казакъ увѣрялъ, навстрѣчу намъ попавшійся (чего не бывало), находится уже часть изъ легкихъ княжихъ фуръ. На сіе мое предложеніе

мы поворотились назадъ и сія, съ моей стороны ко спасенію употребленная, ложь въ половину сбылась, ибо хотя княжій обозъ и не прибылъ туда, однако съ нимъ всегда ѣдущій вмѣстѣ обозъ графа Браницкаго и принца де-Линя тамъ уже находился. Часа три спустя начали показываться со всѣхъ сторонъ повозки, фуры, кареты, коляски и проч. Какъ бы непріятель за ними гнался — вотъ порядокъ въ обозѣ, иной уже и назадъ воротиться былъ принужденъ — въ чужой землѣ, безъ прикрытія, безъ оружія, разсѣянъ, блудящъ по степи: о, счастье для Россіи! Въ сей день въ высочайшей степени жаръ воздушный расширялъ кровеносные марширующихъ сосуды въ тѣлѣ непомѣрно.

Тронувшійся по той сторонѣ лагерь впередъ небрежно зажегъ траву; вскорѣ разсѣялся по воздуху густой черный дымъ: вѣтеръ вѣялъ на насъ, и зной и дымъ, соединясь, переносить заставляли себя къ намъ вѣтрами, кои были тлетворны и горячи. Они умножались постепенно до жестокой бури, валившей человѣка съ ногъ; таковое дѣйствіе бури, не давъ времени намъ убраться отъ приближавшагося къ намъ огня, пожрало семь палатокъ калмыцкихъ княжихъ посредствомъ онаго. Мы въ толь жестокой бурѣ старались, однако, не разлучаться. Облака быстро перелетали отъ юга на сѣверъ: вдругъ то чернотою наполнены, то грозною сѣротою перемѣшаны были.

Буря начала утихать, и мы прибыли въ лагерь, проѣхавъ верстъ 15, на то мѣсто, гдѣ въ нашей сторонѣ впадаетъ Ингулъ рѣчка въ Бугъ, слѣдовательно, и ночевали мы напротивъ устья Ингула. Здѣсь я купался, и Бугъ въ семъ мѣстѣ весьма широкъ и по обѣимъ сторонамъ довольно крутизною горъ величается, гдѣ много бѣлаго камня; травы также здѣсь довольно.

21-го іюня. Простояли весь почти день безъ всякаго упражненія. Свѣтлѣйшій прислалъ двухъ араповъ и одного бывшаго музыкантомъ на капитанпашинскомъ кораблѣ турка или бѣлаго мавританина. Князь-де не поѣхалъ, какъ говорено, въ вышеозначенныя мѣста, но на той сторонѣ остановился въ деревнѣ.

При переѣздѣ его на ту сторону, судно попало на камень, и онъ весьма отъ того испужался. Онъ велѣлъ намъ изъ нашего стана выйти, ибо тутъ между арміею весьма мало было мѣста; почему и подвинулись назадъ съ версту.

Видался съ соученикомъ моимъ, Петромъ Гаврильевичемъ, сыномъ несчастнаго отца Высочина. Бѣдный, будучи дворяниномъ, но безъ протекціи, семь лѣтъ дуетъ вахмистромъ. Братья его старшіе, дослужась до офицерскихъ чиновъ, приняли штатскую должность, и одинъ, во утѣшеніе отцу, нарочно опредѣлился въ оренбургское намѣстничество, куда онъ сосланъ былъ за 12 лѣтъ. Рѣдко видѣть можно толикую сы-

новнюю любовь, жертвующую выгодами и лучшимъ родомъ здѣшней жизни, но обрѣтающую въ награду за сію жертву душевное спокойствіе и удовольствіе.

Какъ сей день никто изъ канцелярскихъ ничего не дѣлалъ, то, собравшись по кучамъ, иные въ банкъ забавлялись, другіе занимались пустыми и рѣзвыми шутками и издѣвались другъ надъ другомъ, но иные производили споръ о слѣпомъ счастьи Россіи въ сей войнѣ, при столь безпорядочномъ арміи нашей марширваніи. Одинъ говорилъ, что еслибы турки безумные захотѣли отрѣзать передовой нашъ корпусъ, который по полкамъ имѣлъ только по 8-ми пушекъ и весьма мало пѣхоты, то бы имъ ничего въ свѣтѣ легче сего быть не могло; другой подхватилъ: да, ежели бы при переправѣ нашей чрезъ Бугъ, толь спокойной и безпечной, поставили турки хотя одну небольшую батарею, то бы всѣхъ насъ или въ Бугѣ потопили ядрами, или никоимъ бы образомъ переправиться не допустили; третій дополнялъ сіе такъ: да хотя бы и допустили они насъ переправиться чрезъ Бугъ, то бы они многократно могли разбить нашъ обозъ, скитавшійся по степи, безъ всякаго прикрытія войскомъ и раздѣлившійся на части, да и передовые наши корпусы, стоявшіе по той сторонѣ рѣчки Солонихи, не смѣли бы переправиться чрезъ нее, еслибы они батарейку поставили; а обозъ въ ихъ уже рукахъ находился, будучи по сей сторонѣ рѣчки. Притомъ пѣхота назади шла съ княземъ Репнинымъ, равно какъ и главная артиллерія. Нѣмцы подхватили: русскій Богъ весьма благостенъ, а нашъ Богъ не велитъ надѣяться на счастье и удачу; мы къ Нему пристанемъ и Лютера отчуждимся. Да и война начата съ россійской стороны такъ-де, что ничего не было, а особливо провіанта, чему всякъ былъ очевидцемъ; но какъ все то пошло на ладъ, Богу одному только извѣстно сіе, и теперь мы ѣдемъ на непріятельской землѣ къ Очакову, какъ будто бы домой въ такой безпечности и съ спокоемъ... Тутъ одинъ перехватилъ рѣчь: да, вѣдь, турки прежде объявили войну, такъ потому Богъ, ихъ карая, на стычкахъ и сраженіяхъ намъ даетъ побѣду надъ ними торжествовать. Потише заговорилъ другой: тайна кабинетовъ намъ не открыта и на доводимыя доказательствами причины, побудившія ко принятію оружія, полагаться не можно, равно какъ на харю или личину... Одинъ покусился-было открывать намъ кабинетовъ тайны; но я перебилъ ему рѣчь слѣдующимъ: нельзя статься, чтобы съ нашей стороны все производилось на удачу и чтобы не было о томъ чинимо разныхъ предупрежденій отъ нападенія, при нашемъ пусть безпорядочномъ маршированіи, на насъ турковъ. Развѣ партіи казаковъ не разъѣзжаютъ около Очакова, кои непрестанно намъ обо всемъ даютъ знать? Развѣ боязнь турковъ намъ неизвѣстна, и мало ли прошедшая война и теперешнія морскія наши пораженія поселили въ сердцахъ ихъ

унынія и робости? Когда уже капитанъ-пашинскій корабль достался-было намъ въ добычу, да и самъ капитанъ-паша едва ушелъ на ботикѣ отъ нашихъ рукъ, то чего должны теперь турки ожидать, какъ не спасаться отъ насъ бѣгомъ во внутреннія провинціи ихъ государства, оставляя насъ въ покоѣ идти туда, куда намъ заблагоразсудится. Всѣ сіи обезпечивающія насъ средства очевидны, но сколько есть еще сокрытыхъ и однимъ только начальникамъ армій извѣстныхъ... Но тутъ двое перервали мою рѣчь, твердо стоя въ томъ, что это все счастье и Богу такъ угодно. Богу угодно,—мыслилъ я самъ въ себѣ; конечно, и всѣ наши наипремудрѣйшія распоряженія безъ Его соизволенія преобращаются въ ничто—пусть и судьба располагаетъ нравственностью такъ, какъ силами неодушевленными въ природѣ тѣлесности — все равно; или пусть и счастье обратило теперь къ намъ умильное и благосклонное лице—тоже все самое значитъ безъ Бога ни до порога,— а посему и простолюдство по внутреннему нѣкоему убѣжденію изрекаетъ всегда то предопредѣленіе, которое политика старается разрушить. Безумные турки... батарейка... Было время и для нихъ побѣждать европейскія войска, истреблять государей, покорять все мечу своему, что ему ни попадется, или что ему за благо ни разсудится, осаждать и самыя Вѣны, столичные города римскихъ императоровъ. Но видно на все и всему есть извѣстное и опредѣленное время — паденіе и возвышеніе государствамъ, равно какъ рожденіе и смерть человѣку.

22-го іюня. Какъ свѣтъ, прибылъ курьеръ изъ Кинбурна отъ свѣтлѣйшаго князя, привезшій отъ него константинопольскія цифирныя вѣдомости, кои, поелику онѣ до нашей экспедиціи касаются, заставили цѣлый день потѣть, болѣе потому, что князь велѣлъ, расшифровавши ихъ, немедленно съ симъ же самымъ курьеромъ доставить къ нему. По онымъ нашъ флотъ петербургскій прибылъ въ Бѣлое море и проч. (не петербургскій, а тайно купленныя судна у итальянскихъ, благопріятствующихъ намъ державъ). Ввечеру купался, хотя съ превеликою трудностью должно было какъ спускаться, такъ и опять вскарабкиваться по крутизнѣ берега Бугскаго. На дорогѣ зашелъ въ пріѣхавшій сей день трактиръ съ билліардомъ изъ Кременчуга, а до 12-ти часовъ проводилъ время у маіора Штерича, подавшаго прошеніе князю свѣтлѣйшему о наборѣ волонтеровъ, и, ожидая на то резолюціи, марширующаго съ нами вмѣстѣ, притомъ весьма веселаго и забавнаго человѣка, но и хитроватаго.

23-го іюня[1]). Прибылъ изъ-подъ Очакова Чугуевскій полкъ, въ

---

[1]) На полѣ рукописи замѣчено: «По журн. канц. свѣтлѣйшій князь предпріялъ сего числа путь водою въ Херсонъ, на флотилію и въ Кинбурнъ».

авангардіи состоящій, въ коемъ находится мой сватъ, ротмистръ Иванъ Васильевичъ Туминъ: какъ я его не видалъ никогда, равно какъ и его дочери, а роднаго моего брата жены[1]), то съ нетерпѣливостью желалъ съ нимъ увидѣться, но за разными дѣлами не могъ сей день исполнить моего желанія, писалъ, однако, письмо въ Харьковъ и о семъ единомъ.

24-го іюня. До свѣта пошелъ къ нему, разбудилъ — пили чай, пуншъ, разсказывали другъ другу наши похожденія; нечувствительно время протекло до обѣда, а по сему и къ обѣду у него остался. Онъ столько, сколько и я, доволенъ былъ нашему нечаянному свиданію; добрый солдатъ и хорошихъ душевныхъ расположеній, весельчакъ и добрый компаньонъ. По многократнымъ его изъявленіямъ удовольствія, что имѣетъ зятемъ такого достойнаго человѣка, каковъ есть братъ, и родственника, какъ я, принужденъ я однако былъ съ нимъ разстаться, пріѣхавъ верхомъ въ свой станъ. Свѣтлѣйшій прибылъ изъ Кинбурна въ 6-мъ часу, привезъ разныя вѣсти оттуда и разсказывалъ въ присутствіи многихъ господъ о воинскихъ морскихъ дѣйствіяхъ[2]).

25-го іюня. Кирасирскаго полку эскадронъ пришелъ на смѣну, котораго мундиръ палеваго цвѣта — отмѣнно красивъ. Въ сіе самое время выставили 22 флага, взятые съ турецкихъ побѣжденныхъ кораблей, и одинъ красный флюгеръ съ контръ-адмиральскаго корабля. При разводѣ музыка преизрядная, одежда кирасировъ красивая, множество вельможъ и господъ (ибо былъ воскресный и ясный день) услаждало слухъ и плѣняло зрѣніе.

Говорено, что поелику турецкій флотъ зашелъ въ лиманъ во время прилива, и капитанъ-пашу увѣрили, что оный довольно глубокъ, то при случаѣ отлива лиманскаго, за пробытіемъ въ немъ кораблей, принуждены стать многіе на мель, за что капитанъ-паша многихъ на мачтахъ повѣшалъ.

Итакъ мы на мѣстѣ, подлѣ рѣчки Корнюхи (Кереники), гораздо болѣе прочихъ растаговъ поопочили.

26-го іюня. Выступили въ походъ въ 3 часа по утру и, проѣхавъ верстъ съ 12 вдоль по Бугу, стали лагеремъ, который въ первый разъ былъ расположенъ kареемъ[3]); въ срединѣ находился весь обозъ и глав-

---

[1]) Иванъ Максимовичъ Цебриковъ былъ женатъ на дочери Ивана Васильевича Тумина.

[2]) На полѣ рукописи написано слѣдующее: «По журн. канц. его свѣтлость изволилъ возвратиться къ арміи, привезя съ собою трофеи, пріобрѣтенные на лиманѣ, состоявшіе изъ восьми флаговъ, двухъ вымпеловъ и 36-ти знаменъ турецкихъ, взятыхъ съ побѣжденныхъ кораблей».

[3]) На полѣ рукописи замѣчено: «По канц. журналу — при урочищѣ Дираклеи».

ная квартира. Мѣста тутъ весьма мало было, а потому за повозками и палатками пройти не можно было. Весь день при великой слабости моего тѣла списывалъ однако на трехъ листахъ присланной принцемъ Нассав-сіегенскимъ на французскомъ языкѣ о удачномъ намъ на морѣ сраженіи: построенная на косѣ Кинбургской Суворовымъ батарея много способствовала къ одержанію побѣды надъ турками, зашедшими въ лиманъ безпрепятственно. Споръ принца Нассау съ контръ-адмираломъ и проч.

27-го іюня. Въ три же часа выступили въ походъ; поелику при стѣсненіи всей арміи въ каре совокупной барабанной бой инфантеріи и звукъ трубъ кавалеріи, для приготовленія себя къ маршу, производитъ нѣчто ужасно-величественное, то нельзя не перемѣниться человѣку, расположенному внутренно не къ военной службѣ: тутъ кровь приходитъ въ стремительное движеніе, нѣкоторый родъ неустрашимости рождающее и располагающее смертнаго забывать тихость городскихъ нравовъ и выгодность житейскую, а болѣе напрягающее его силы къ возчувствованію себя быть отважнымъ къ нападенію на непріятеля и храбрымъ ко учиненію отраженія оному.

Сей день привезены взятые въ плѣнъ на корабляхъ побѣжденныхъ турецкіе чиновники, человѣкъ 25. За ними караулъ и довольно строгій присмотръ. Сей день переходу было 12 верстъ: остановились при начатіи Волоской косы [1]), гдѣ и рѣка Бугъ версты на [2]) широты и берега чрезвычайно круты, такъ что не можно въ иныхъ мѣстахъ никакъ внизъ сойти. Мѣсто сіе названо «При сто могилахъ», какъ то въ подорожныхъ и билетахъ означалось. Сей день былъ праздникъ, воспоминаніе побѣды подъ Полтавою, но въ лагерѣ ничѣмъ не ознаменованное.

28-го іюня. Равномѣрно начали маршировать въ три часа съ полуночи и, прошедъ верстъ десять, стали лагеремъ по-прежнему въ каре [3]). Таковые ранніе марши весьма хороши для пѣхоты были; и нѣкто изъ офицеровъ увѣрялъ, что въ прежніе переходы, начинавшіеся поутру въ 9-мъ, а иногда и въ 10-мъ часу, въ ихъ полку падало на дорогѣ солдатъ по 25 и 30. Въ 12 часовъ былъ молебенъ (восшествія ради на престолъ), и лишь только свѣтлѣйшій князь успѣлъ изъ церкви войти въ свою палатку, какъ въ ту же минуту пресильной пошелъ дождь: какъ онъ былъ неожидаемой и палатки были приподняты для провѣтрія,

---

[1]) Въ рукописи на полѣ написано: «По журналу канцеляріи: при Волоской косѣ.

[2]) Въ рукописи число верстъ вырвано.

[3]) Въ рукописи на полѣ написано: «По журн. канц.: при опустошенной деревнѣ Аджиголѣ, ниже устья Буга, при Днѣпровскомъ лиманѣ, въ виду Очакова».

то и бумаги, и вещи совсѣмъ помочилъ. Производившаяся въ лагерѣ пушечная пальба послѣ молебна за собою повлекла и морскую: ибо мы прямою дорогою въ 10-ти верстахъ стояли отъ Очакова; съ сего мѣста видны: Кинбурнъ, Очаковъ и по морю, или болѣе по лиману, плавающіе корабли. Послѣ обѣда, въ 5-мъ и 6-мъ часу, также слышна была пушечная пальба, о которой заключали, что оная въ Очаковѣ происходила, ибо и у нихъ какой-то теперь праздникъ (рамазанъ), въ который они не смѣютъ прежде ѣсть, пока солнце не сядетъ и вечерней не принесутъ Богу молитвы. Сей день пріѣзжалъ адмиралъ принцъ Нассау-Сигенъ къ свѣтлѣйшему князю, и опять, спустя часа три, отбылъ на флотъ.

Въ вечеру слышно было, что завтрашній день, 29-го іюня, яко праздничной Петра и Павла и яко торжественной ради тезоименитства великаго князя Павла Петровича будетъ днемъ растага (да и не было приказу быть готову на утріе къ маршу), почему всякъ и ложился спать съ тѣмъ, чтобъ встать попозднѣе, но лишь только всякъ продралъ глаза, какъ уже увидѣлъ, что лошадей запрягаютъ и князю карета подведена, тутъ-то посмотрѣть безпокойствъ и замѣшательствъ, смятеній и разсѣянностей въ мысляхъ... Иной кричитъ: поскорѣе лошадей запрягай; другой: лошадей приведи поскорѣе изъ табуна; третій: лошади одной нѣтъ. У одного денщикъ пропалъ, у другаго сѣдла нѣтъ, у третьяго хомуты порвались, ось сломана, лагунъ расшибся, дегтя нѣтъ и проч., и проч., и проч. Но отъ чего все сіе? Одни говорятъ, что порядка не наблюдается въ повелѣніяхъ; другіе утверждаютъ, что повелѣнія зависятъ отъ обстоятельствъ, и потому главному начальнику перемѣнять ихъ ежечасно позволительно и справедливо. Мы, однако, выступили въ походъ часу въ девятомъ послѣ молебна и, проѣзжая опустошенную турецкую деревню Адживоли, подлѣ которой лагеремъ вчера стояли, нашли въ ней много колодезей, холодною водою изобилующихъ. Судя по развалинамъ избъ въ деревнѣ сей, можно заключить, что въ ней жители были достаточные: во всякомъ домѣ много находится перегородокъ, означающихъ покои. Но коль жалко смотрѣть на разрушеніе многовременнаго труда человѣческаго въ самое малѣйшее число часовъ. И турки всеконечно со удовольствіемъ истребляли дѣло рукъ своихъ, дабы непріятель ихъ не могъ чѣмъ-либо воспользоваться. Прежде еще слышно было, что они всѣ колодези наполнили ядовитыми вещами; почему иные, напившись съ жару холодной изъ помянутыхъ колодцевъ воды и почувствовавъ нѣкое бурчанье въ животѣ, болѣе отъ того, что воду смутили и съ пескомъ перемѣшали, начали поговаривать, что конечно ядовиты сіи колодези и мы уже чувствуемъ отъ того слѣдствія; однако, чрезъ часъ животъ перересталъ бурчать, и воображеніе ихъ утишилось отъ ложныхъ мнѣній. Промарши-

*

ровавъ верстъ около десяти, стали лагеремъ; но сіи десять верстъ стоили 50-ти по причинѣ зноя и пыли. Поелику аван-гвардія пошла прямо къ Очакову, то свѣтлѣйшій и прочіе его приближенные, укрѣпивъ себя нѣсколько пищею, удалились отъ насъ въ передовой же корпусъ [1]). Корабли по лиману находятся теперь противъ нашего лагеря. Линіею простираются къ Кинбурну противъ Очакова; на семъ-то мѣстѣ лимана одержана нами надъ турецкимъ флотомъ побѣда; и взятые въ плѣнъ съ побѣжденныхъ кораблей и съ нами слѣдуемые морскіе чиновники турецкіе, кои, взирая на сіе мѣсто, вспоминаютъ горькую свою участь. Во все послѣобѣденное время слышна была пальба, то изъ Запорожскихъ лодокъ, гораздо къ Очакову приближавшихся, то на сухомъ пути отъ придвинувшагося передоваго корпуса и казаковъ, разъѣзжающихъ для задору турковъ, что все съ пригорковъ видать можно было. Я же, удалясь отъ лагеря версты на три и далѣе, бродилъ по берегамъ лиманскимъ, взиралъ на катившіеся и о крутой берегъ ударявшіеся довольной величины сего залива валы, смотрѣлъ на Кинбурнъ, Очаковъ, корабли и прочія суда, слышалъ звукъ пушечной и видѣлъ подымающіяся облака отъ исходящаго изъ пушекъ пороховаго дыма. Зрѣлище ужасное, сопрягаетъ оно съ собою мысль о гибели человѣчества. Вздымающіеся валы возбудили во мнѣ мысль о страхѣ, который я съ прочими имѣлъ пассажирами, на Балтійскомъ морѣ отъ бури жестокой въ проѣздъ изъ Любека въ Петербургъ.

30-го іюня. Прошедши верстъ десять мимо урочища «Еселокъ», стали лагеремъ въ прямой линіи отъ Очакова на восемь верстъ, а въ кривой—на 12. Свѣтлѣйшій князь, Василій Степановичъ (Поповъ) и прочіе медленно поѣхали къ самому Очакову. Князь свѣтлѣйшій самъ обходилъ пѣшій всѣ мѣста около Очакова; потомъ былъ на флотѣ, и въ вечеру слухъ пронесся, что нашъ флотъ готовится атаковать ночью турецкій. При разъѣздахъ казаковъ около Очакова были стычки и привезено шесть плѣнныхъ турковъ; иные изъ нихъ раненые. Нашихъ также нѣсколько убито сей день казаковъ. Поелику слухъ по стану носился о будущемъ въ слѣдующую ночь на лиманѣ сраженіи, то всякъ ожидалъ съ нетерпѣливостью онаго. Въ ночь велѣно было идти коннидѣ изъ нашего стану къ Очакову. Князь самъ вездѣ распоряжалъ и почти подъ пушки очаковскія подходилъ. Многіе изъ праздныхъ при свѣтлѣйшемъ князѣ находящихся адъютантовъ поскакали въ сумеркахъ къ Очакову быть бездѣльными зрителями на сраженіи, гдѣ солдаты кровь проливать, а они за то чины и почести получать будутъ. Не стыдно ли носить зеленый съ красными обшлагами и лацканами мундиръ, что

---

[1]) На полѣ рукописи написано: «По канц. журн.: для рекогносцированія города Очакова».

значитъ поле и кровь, быть препоясану мечемъ и страшиться пулей или стоять во фронтѣ предъ непріятелемъ. Я легъ спать, но спустя немного времени пушечной звукъ заставилъ меня придти въ бдительное состояніе и услышалъ отъ людей, что уже съ часъ пальба продолжается, началась же оная часу во второмъ съ полуночи[1]).

1-го іюля. Но поелику нѣсколько темновато было, то только и можно было видѣть летавшія бомбы, да горѣвшія или на воздухъ взорванныя суда. По утру все еще продолжалась пальба и корабли или суда взрывало: между тѣмъ съ сухопутной стороны пришли 2.000 егеровъ со всею легкою конницею и зажгли форштадъ; подступившая наша артиллерія жарила изъ пушекъ, пѣхота стояла съ наткнутыми штыками, ожидая вылазки непріятеля. Свѣтлѣйшій князь самъ вездѣ по садамъ, около форштадта лежащимъ, пѣшій ходилъ; предъ нимъ на два шага упавшее ядро, изъ крѣпости Очаковской летѣвшее, убило, отскочивъ на сторону, егерскаго фуррейтора; нѣсколько убито также и егеровъ. Съ лимана не преставала пушечная пальба; отъ пущенныхъ бомбъ съ нашего флота загорѣлось и въ крѣпости. Около 11-го часа по утру стянулись мрачныя облака надъ Очаковомъ; полилъ дождь, сталъ громъ гремѣть и молнія блистать, и вскорѣ за симъ искусственные громы и молніи уступили мѣсто естественнымъ. Свѣтлѣйшій князь прибылъ въ станъ изъ-подъ Очакова и за нимъ и конница воротилась въ сей же станъ, оставивъ по-прежнему подъ онымъ передовой корпусъ. Сдѣлана была ложная атака и батарея, на ней стояли три большія пушки; тутъ присутствовали свѣтлѣйшій князь, князь Репнинъ, князь Юрій Долгоруковъ, Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, правящій передовымъ корпусомъ, принцъ Ангальтъ-Бернбургскій; бригадиръ Волхонскій съ великою расторопностью и успѣхомъ показалъ неустрашимость свою въ разставливаніи по мѣстамъ пушекъ; принцъ де-Линь, присланный отъ императора римскаго въ нашу армію для наблюденія воинскихъ дѣйствій, и коронный польскій гетманъ графъ Браницкій были въ семъ дѣйствіи славнымъ примѣромъ неустрашимости для другихъ.

Таковая реляція послана въ Петербургъ къ Ея Императорскому Величеству, а на французскомъ языкѣ—въ Варшаву, въ Вѣну и другія мѣста къ нашимъ посламъ, для свѣдѣнія онымъ.

Всѣ утверждали, что городъ бы сдался, еслибы продолжали бомбардировать еще часа два; но бѣда, что у насъ только всѣхъ три большихъ

---

[1]) На полѣ рукописи написано: «По канц. журн.: капитанъ-лейтенантъ Сарандинаки перехватилъ три лодки, шедшія изъ Очакова, изъ коихъ одна канонерская съ мѣдною 12-ти фунтовою пушкою, а двѣ нагруженныя 21-мъ боченкомъ пороху до 80 пудовъ и дровами. Турки, на нихъ бывшіе, до 30-ти человѣкъ, выбѣжали на берегъ, изъ нихъ убито картечью два человѣка».

было пушекъ, а осадная артиллерія еще не пришла. И самые попавшіеся въ плѣнъ на другой день турки то же самое подтверждали.

Къ обѣду, часу во второмъ по полудни, прибыли изъ флота принцъ Нассав-Сигенъ, бригадиръ Алексіано, весьма искусный на морѣ начальникъ, и другіе морскіе господа. Свѣтлѣйшій принялъ ихъ всѣхъ съ объятіями дружественнѣйшими. За столомъ, попивая, подшучивали и князь говорилъ съ обыкновеннымъ ему насмѣшнымъ видомъ: «Что христіанской Богъ всеконечно пособитъ надъ мусульманами одержать побѣду, ибо они въ ж...», что сказано предъ собраніемъ всего генералитетства. Одиннадцать турецкихъ ѳудовъ то взорвали, то потопили, то въ плѣнъ взяли. Крѣпостныя стѣны отчасти повреждены, и дымъ курился до самаго вечера въ городѣ [1]).

2-го іюля. Провождено въ спаньѣ и хожденіи по берегу всѣми вообще, и какъ запорожцы подъѣзжали на своихъ лодкахъ къ берегу, то всякъ и занимался разспрашиваніемъ у нихъ о вчерашнемъ сраженіи. Во всемъ лагерѣ царствовало веселье и жертвенники Бахуса курились отъ нихъ до небесъ: на всѣхъ лицахъ написано было удовольствіе.

За веселымъ днемъ слѣдовала тихая и спокойная ночь, и мы уже выступили въ походъ 3-го іюля, въ восьмомъ часу утра. Проѣхавъ верстъ семь или восемь, стали-было лагеремъ отъ воды версты на три, то-есть во всякой безопасности отъ пушечнаго выстрѣла изъ Очакова, но лишь только свѣтлѣйшій князь прибылъ и обозрѣлъ каре и тѣсноту онаго, сказалъ: «Развѣ хотятъ меня вокругъ обо. . . », почему мы и подвинулись къ самому берегу лимана [2]).

Поелику пришли симъ маршемъ мы къ передовому корпусу, занявшему лагерь при урочищѣ Метеляхъ, къ Березани, то и хотѣлось мнѣ повидаться со сватомъ моимъ Туминымъ, находившимся въ ономъ. Идучи по берегу, удивлялся крутизнѣ онаго, по мѣстамъ видны глубокіе по надъ берегомъ же рвы. Натура довольно изрыгала изъ нутри земной свои вулканы, образовавъ толикіе на поверхности непорядки.

---

[1]) На полѣ рукописи написано: «По канц. журн.: взято въ плѣнъ сто человѣкъ. Истреблены: два фрегата о 20 пушкахъ, одинъ бригантинъ о 16 пушкахъ, одна бомбарда съ мортирою, одинъ кирланчичъ о 12 пушкахъ, пять галеръ 50-ти весельныхъ, изъ которыхъ на каждой было по одной 36-ти фунтовой кушейной и четыре 12-ти фунтовыхъ пушекъ». За симъ далѣе на полѣ рукописи написано: «По канц. журн.: плывшая изъ Очакова 16-ти весельная лодка канонерская; на оной были двѣ мѣдныя пушки 24-хъ и 12-ти фунтовыя, 17 картечъ, 18 гранатъ, 33 книпеля, ядеръ двѣнадцати-фунтовыхъ 119, пороху три боченка, картузовъ съ порохомъ три боченка».

[2]) На полѣ рукописи написано: «По канц. журн.: сего 3-го числа Черноморскій флотъ имѣлъ сраженіе съ турецкимъ близъ острова Ѳеодонисіи, мужественно выдержалъ атаку превосходныхъ силъ непріятельскихъ, отразилъ оныя и принудилъ отступить».

Индѣ на самомъ берегу стоитъ невеликая колонна земли, совсѣмъ отдѣленная отъ крутизны и какъ бы человѣческими руками содѣланная, что удивительно по образу и по тому, что, не осыпаясь, держится.

Свѣтлѣйшій князь ѣздилъ на шлюпкѣ во флотъ; встрѣтили его пальбою изо всѣхъ галеръ, батарей, мелкихъ и большихъ судовъ и изъ линейныхъ двухъ кораблей; кричали: ура, ура, ура! Равномѣрно съ пальбою и радостнымъ крикомъ проводили и на берегъ.

4-го іюля. Почти всѣ запорожскія лодки причалили къ берегу; казаки чрезвычайно пьянству были преданы. Послѣ обѣда, часу въ 3-мъ, когда я шелъ вдоль по берегу къ Очакову, увидѣлъ, что много запорожцевъ въ одну кучу собирается. Любопытство заставило узнать тому причину. Вдругъ, выступя, одинъ кричалъ: «Пошире, пошире, батьки, становитесь», и кругъ былъ весьма широкъ. За симъ показался нѣсколько отдѣленнѣе съ одной стороны круга, новоизбранный и свѣтлѣйшимъ княземъ посредствомъ открытаго листа за собственноручнымъ его подписаніемъ и приложеніемъ герба его печати, утвержденный кошевой, ибо первый ихъ кошевой былъ на морскомъ сраженіи 17-го іюня смертельно раненъ и скоро потомъ умеръ. Сей ихъ новый кошевой велѣлъ прочитать свою грамоту на сіе достоинство (ибо онъ самъ безграмотной, да по завѣщанію покойника, коего запорожцы сильно любили и ему были преданы, и который также былъ безграмотный, должно имъ было избрать таковаго: покойникъ-де говорилъ, испуская духъ, что изъ письма и письменныхъ людей не ма добра, и вы, батьки, запорожцы, виско запорожское, пропадете отъ нихъ), и началъ говорить: «Очже бачете, батьки, що я буду вамъ казати, то треба слухати; да, треба слухати и на мори, коли вамъ що говорять (о словѣ повелѣвать они еще неизвѣстны и въ ихъ словарѣ его не имѣется), коли и офицеръ, бо вже винъ не самъ собою, бо вже і о его якіи яднoралъ пошлетъ, то бо вже принцъ Нассъ (нассавскій) жалуется на васъ, що коли вамъ говорятъ... то вы все-таки бьете турка и обдираете; васъ хвалятъ, що вы не боитесь на войнѣ (на морскомъ прошедшемъ сраженіи), но упиваетесь и не слухаете (на слово упиваетесь, примолвилъ бѣжавшій изъ Очакова и теперь у князя находящійся запорожецъ вопилъ: «да, сегодня бувъ одинъ казакъ у князя и показувавъ люлку що купивъ да й просивъ пятака на тютунъ, бо нема грошей, а курити хоче), такъ що се буде; чого то мы дослужимся: че не того, що вже було намъ. На що вы стриляете изъ пистолій и ружій теперь и тревогу робете, а то мы пишли заслужити що таки не будь». Вдругъ закричали противъ кошеваго; одинъ: не даютъ мини провъ-іонту; другой—жалованя; третій—казавъ Сувора, нашъ батько родный, що вамъ, батьки, будетъ порція а посли, вамъ, батьки, уже дана вже порція, якъ и морскимъ солдатамъ; да де жъ вона?

Одни жаловались: «батьку, кошовой, будь ласковъ якъ ти хоти, а мы нашего атамана не хочемъ, бо винъ песъ, собака, скурвій сынъ и насъ обижае». Когда имъ сказано, что по выправкѣ жалованье ихъ не пропадетъ; «такъ не пропаде, отвѣчало сіе виско, не пропаде, то вы теперь говорите якъ вси тута, а якъ одинъ придешь, такъ и баки забьете та й проженете». У нихъ долго еще продолжались таковыя жалобы. Примѣтя я одного, у котораго за поясомъ была заткнута небольшая позолоченая булава съ золотымъ темлякомъ, и который лучше всѣхъ одѣтъ былъ, спросилъ я у запорожцевъ, кто бы онъ таковъ былъ? «То се такъ чорзна що», отвѣчали они мнѣ,—«се такъ пристало къ намъ, его Потіомки пожаловавъ маіоромъ се жонатій и чорзна що, винъ не нашъ; винъ правда съ нами на лоткахъ, та все бига, якъ мы бьемся и ховается, ни на одной баталіи не бувъ, и чорзна куды назадъ забѣжитъ». Онъ, однако, весьма великій говорунъ. Наконецъ кошевой уѣхалъ къ сухопутному своему запорожскому войску.

Вотъ картина первобытнаго народнаго правленія, гдѣ всякъ голоса право имѣетъ въ предпріятіяхъ, подвергающихъ жизнь его опасностямъ. Вольность тутъ ненарушима каждаго особенно, тутъ всякъ говоритъ то, что думаетъ. Болѣе здѣсь истина существуетъ, нежели въ другихъ правленіяхъ. Здѣсь ежели что въ дѣйство производится, производится то по одному усердію, отъ собственной воли, подкрѣпляемой убѣжденіемъ и совершеннымъ увѣреніемъ о истинности и справедливости предпринимаемаго дѣла, а не по принужденію и неволѣ. Всякъ господинъ, всякъ пользуется вольностью, а не рабъ и не можетъ быть угнетаемъ, потому что существенность такого рода правленія не можетъ сего терпѣть. Тутъ равенство царствуетъ, и всякъ чувствуетъ, что онъ въ обществѣ есть членъ, имѣющій голосомъ своимъ, правами и вообще своимъ лицемъ вліяніе въ правленіи и благополучіи всѣхъ и каждаго. Онъ знаетъ, что одного притѣснять значитъ испровергать основаніе ихъ правленія, въ которомъ всякъ участіе имѣетъ; и такъ, отъ наблюденія вольности одной зависитъ ихъ благо всѣхъ вообще и каждаго особенно.

Ходя далѣе по берегу, разсуждалъ: не прежде ли было народное правленіе? Не оно ли произвело, по протеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, аристократическое или многопечальное правленіе?

Сей день получено извѣстіе о приближеніи вспомогательнаго войска турецкаго къ Очакову 16 тысячъ, почему и не велѣно ѣздить за травою изъ лагеря безъ билета. Изъ крѣпости Очаковской подъ вечеръ палили по запорожскимъ лодкамъ, приближавшимся къ затопленному кораблю, изъ котораго они брали обломки на дрова; но турка, будучи напужанъ, стрѣлялъ по нихъ вокругъ со всѣхъ батарей. Мнѣ положено въ сей день производить ежемѣсячно на содержаніе 25 рублей и имѣть

столъ канцелярскій, да и получилъ 100 рублей въ первый разъ изъ канцеляріи его свѣтлости, и мнѣ за два мѣсяца, въ кои я не служилъ при оной, лишку дано, ибо я вступилъ въ должность настоящую 1-го іюня.

5-го іюля. Провождено мною въ переведеніи на французскій языкъ циркулярныхъ извѣстій о побѣдѣ ко всѣмъ нашимъ министрамъ, находящимся при иностранныхъ дворахъ, нашему наиболѣе благопріятствующихъ. Съ реляціями отправленъ въ Петербургъ подполковникъ Глазовъ. Подоспѣла часть артиллеріи осадной изъ Херсона.

6-го іюля. Весь день занимался тѣми же писаніями и вышелъ на дворъ, когда мѣсяцъ освѣщалъ темноту ночи, на берегъ къ караулу подлѣ палатки свѣтлѣйшаго князя расположившагося.

7-го іюля. Во весь день пролежалъ въ бездѣйствіи и чувствовалъ не мало бунтующихся въ тѣлѣ моемъ твердыхъ и жидкихъ частицъ. Что-за чудный составъ человѣка, разсуждая со стороны физической. Помышляя объ этомъ, коснулся мыслью до сравненія нашего тѣла съ тѣломъ политическимъ Европы, въ которой часто государи, нарушивъ равновѣсіе своихъ договоровъ и контрактовъ, общій покой, содѣлали неустройство, бунтъ, войну. Бросимъ взоръ на картину политическихъ въ Европѣ преобращеній (révolutions). Россія ведетъ многочисленныя войска на сушѣ и морѣ. Оттоманская армія противостаетъ онымъ. Римскій императоръ ополчается равномѣрно противъ оной и дѣйствуетъ совокупно съ Россіею, яко противъ общаго непріятеля. Венеція помышляетъ отнять у турка завоеванныя имъ отъ нея земли. Скутарскій паша, посредствомъ бунта, силится упразднить зависимость отъ Порты и сдѣлаться самодержавнымъ. Швеція начинаетъ войну противъ Россіи и ожидаетъ помощи сильной отъ прусскаго короля. Польша велитъ подвигаться войскамъ своимъ къ прусскимъ границамъ. Пруссія, едва утушивъ внутреннія несогласія голландцевъ и утвердивъ права принца Оранскаго, родственника своего, устремляетъ взоръ свой на воинскія дѣйствія и готовится въ мутной водѣ рыбу ловить... должна будетъ шевелиться, можетъ быть, за Россію. Англичане безпокоятся и сильно заботятся о возстановленіи тишины въ индѣйскихъ своихъ владѣніяхъ, равномѣрно и съ марокскимъ императоромъ; а турка снабжаютъ порохомъ, пушками, ядрами, лафетами и прочею аммуниціею, также и суднами. Король французскій истребляетъ силу и могущество парламентовъ, содержавшихъ власть его по сіе время въ извѣстныхъ предѣлахъ—тутъ неудовольствія, противовозстанія, ссылки, заточенія — все въ замѣшательствѣ, но для соблюденія равновѣсія въ Европѣ вступаетъ въ союзъ съ Англіею и Пруссію. Гишпанія заключаетъ тайной съ турками договоръ противиться вшествію россійскому флоту въ Средиземное море и посылаетъ немалой для наблюденія флотъ въ проливъ Ги-

бралтарской. Генуа не дремлетъ и безпрестанно посылаетъ войска и аммуницію въ Спецію. Неаполитанское королевство начинаетъ сердиться на Венецію и отзываетъ своего министра, что самое и Венеція учинила.

8-го іюля. Привезшій изъ Петербурга принцу Нассау-Сигену Георгіевскую ленту съ большимъ крестомъ втораго класса и ему же копію съ указа о пожалованіи ему 3.020 душъ одного мужскаго пола въ Могилевской губерніи съ принадлежащими землями и угодьями въ вѣчное и потомственное владѣніе объявилъ, что война между нами и Швеціей дѣйствительно уже объявлена, и что шведы разорили нѣсколько нашихъ деревень.

Ходя при захожденіи солнца по лагерю, видѣлъ однихъ полковыхъ солдатъ, копавшихъ ямы для умершихъ своихъ собратій, другихъ уже хоронившихъ, а третьихъ совсѣмъ погребавшихъ. Въ арміи весьма многіе болѣютъ поносомъ и гнилыми лихорадками; когда и офицеры преселяются въ царство мертвыхъ, за коими во время ихъ болѣзни всеконечно лучше присматриваютъ, а за деньги ихъ пользуютъ врачи собственными своими лѣкарствами, то, какъ не умирать солдатамъ, оставленнымъ въ болѣзни на произволъ судьбы, и для коихъ лѣкарствъ или недовольно, или и совсѣмъ въ иныхъ полкахъ не имѣется. Болѣзни рождаются отъ того, что армія стоитъ въ каре, четвероугольникомъ, что испражняемый калъ, хотя немного вѣтръ подуетъ, распространяетъ по воздуху весьма дурной запахъ, что вода лиманская, будучи употребляема сырою, весьма нездорова, а уксусу не дѣлятъ солдатамъ, что по берегу вездѣ видимы трупы мертвые, потонувшіе въ лиманѣ въ трехъ бывшихъ на немъ сраженіяхъ. Меньше бы было сихъ заразительныхъ труповъ въ водѣ, ежели бы турки не съ упорностью противостояли тогда, когда видѣли уже себя въ рукахъ побѣдителя своего. Сверхъ того, лошади и рогатый скотъ отъ недовольнаго корма дохнетъ, а изъ убитаго на снѣденіе бросаютъ негодныя къ тому части или тутъ же въ лагерѣ, или по берегу, отъ чего смрадъ также бываетъ... а особливо когда солнце жаритъ и сильный дуетъ вѣтерокъ. Разговаривалъ съ кабинетъ-курьеромъ Ив., для чего великій князь не прибылъ въ армію? О счастьи и удачѣ нашихъ оружій; о могущей произойти въ Европѣ генеральной войнѣ; о видимомъ неустройствѣ въ нашей арміи; о безполезныхъ Репнина представленіяхъ главнокомандующему войскомъ, чтобы перемѣнить мѣсто, потому что за травою ѣздятъ отъ лагеря верстъ 15 и далѣе, и что черезъ пять дней должно будетъ фуражировать за 20 верстъ; чтобы подать помощь страждущимъ солдатамъ etc. etc. etc.

9-го іюля. Слышна была пальба по утру; казаки наши почти еже-

дневно ѣздятъ на стычки. Относилъ принцу Нассау-Сигену переводъ съ указа о пожалованіи ему деревень.

10-го и 11-го іюля. Весьма были несносные жары. Переводилъ на французскій вмѣстѣ съ Картвелинымъ (г. Биллеръ осердился-было на меня за то, что безъ его спросу помогалъ писать Картвелину. Онъ прямо мнѣ сказалъ: «Вы у меня въ командѣ, а не у Картвелина. Благодѣяніе я тебѣ сдѣлалъ, а не онъ»), и переписывалъ рапортъ контръ-адмирала графа Войновича о случившемся на морѣ сраженіи на большомъ другъ отъ друга разстояніи между нашимъ Черноморскимъ и турецкимъ флотами 4-го іюля. Въ ономъ дѣйствіи одно турецкое судно затоплено и прочіе корабли повреждены. Съ нашей стороны повреждены два фрегата, «Бореславъ» и «Стрѣла»; нѣсколько (5) убито и (2) раненыхъ, почти ничего не значащее число. Въ семъ рапортѣ, который почти есть журналъ отъ 18-го іюня по 8-е іюля, многія находятся мѣста, показывающія, что турецкій флотъ всѣми силами старается учинить высадку войска въ Крымъ и направляетъ очень часто путь свой туда; но флотъ нашъ, безпрестанно бдящій, не допускаетъ турка до того и всегда чинитъ ему препятствія въ намѣреніяхъ его. Турки, имѣвъ неудачу подъ Очаковомъ, то-есть потерявъ весь свой оберегательный очаковскій флотъ, такъ напужаны, что теперь, имѣя часто на морѣ выгодный вѣтеръ и удобныя положенія, удаляются въ даль моря, увидѣвъ приближающійся нашъ къ нимъ флотъ, etc. etc.

12-го іюля. Послѣ обѣда стѣноломовыя пушки, подоспѣвшія изъ Херсона же... проходили два батальона егерей Бугскаго корпуса, находящагося теперь въ Кинбурнѣ. Оные егеря равнымъ образомъ вмѣстѣ съ пушками перевезены въ одно время. Все сіе шло мимо главной квартиры. Одну таковую пушку везли 16-ть, 18-ть до 20-ти воловъ и по три человѣка гнали сіи волы. Вотъ орудія, вопіялъ во мнѣ внутренній гласъ, на разрушеніе дѣла рукъ человѣческихъ и на истребленіе самаго человѣка, разумнаго существа, изящнѣйшей и хитро-образованной твари, горняя постигающей, ангелу уподобляющейся, но лютостію зараженной, звѣрствомъ дышущей, злымъ духомъ одержимой и жаждущей пожирать другъ друга. Никогда львы не нападаютъ на львовъ, никогда тигры не разрываютъ тигровъ, никогда хищные волки не пожираютъ волковъ, но каждый родъ звѣрей нападаетъ, разрываетъ, пожираетъ другой родъ животныхъ; одинъ только человѣкъ, превознесенный разумомъ, украшенный способностями познавать и различать добро отъ зла, одаренный тончайшими и нѣжнѣйшими чувствованіями, изящность, красоту, прелесть ощущать въ твореніяхъ природы; одинъ онъ превосходнѣйшія и искуснѣйшія, себѣ подобныя твари истребляетъ... истребляетъ! какъ!.. лютѣйше-мучительнымъ образомъ — огнемъ-мечемъ!..

13-го, 14-го, 15-го іюля. Почти безпрестанно подвозили ядра, пули, бомбы, пушки и порохъ мимо главной квартиры подъ крѣпостцу Березань, неподалеку отъ Очакова отстоящую, противъ которой подвинулось нѣсколько и судовъ, дѣйствовавшихъ противъ истребленнаго Очаковскаго флота. Въ семъ отрядѣ морскомъ не дано начальствовать принцу Нассаву-Сигену, но бригадиру Рибасу. Березань, крѣпостца, построена на островку, на одну версту отъ берега и на четыре отъ Очакова; въ нее изъ Очакова перевезены всѣ сокровища и женщины. Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ Таврическій, россійской Екатеринославской арміи главнокомандующій, расположенъ отъ природы любить человѣчество; изъ двухъ неизбѣжимыхъ золъ избираетъ меньшее—не велитъ брать даже и сей крѣпостцы приступомъ, и яко разумный полководецъ, жалѣя войска, не жалѣетъ ядеръ, бомбъ, картечь и проч. Но какъ! онъ... человѣколюбивъ!.. всеконечно: ежели брать штурмомъ, то хотя и скорѣе удастся, но потеря съ обѣихъ сторонъ неизбѣжна; итакъ не лучше ли что хотя съ одной стороны человѣчество уцѣлѣетъ. Въ арміи никто изъ офицеровъ и штабъ-офицеровъ не дерзай наказывать солдата: сей имѣетъ прямой къ свѣтлѣйшему доступъ для чиненія жалобъ; однако, многіе порядочные офицеры таковымъ для солдатъ послабленіемъ службы недовольны, ибо и сихъ уже не слушаютъ и прекословя говорятъ, «что пойду къ его свѣтлости». А наиболѣе избалованъ Екатеринославскій кирасирскій полкъ, гдѣ свѣтлѣйшій шефомъ. Четвертаго дня эскадронъ сего полка былъ на караулѣ у князя во всей формѣ, кирасахъ, кои прекраснѣе и щеголеватѣе не могутъ быть изобрѣтены; люди всѣ отмѣнно великаго роста и мужественны; но сей эскадронъ нарочно выбранъ былъ людьми изо всего полка—и въ маршѣ, въ дѣйствіи ружьемъ, въ поворотахъ представляетъ наипрелестнѣйшую картину.

16-го іюля. Что-за буря сей вечеръ! Суворовъ идетъ съ отборными старыми гренадерами, ведутъ егерей, въ резервѣ имѣютъ довольное число конницы; самъ Потемкинъ спѣшитъ туда—но буря усиливается; флотъ, который болѣе всѣхъ долженъ дѣйствовать, не можетъ устоять противъ порывчивости бури и прибивается силою ея къ Кинбурну—и всѣ предпріятія остаются втунѣ.

17-го, 18-го, 19-го іюля. Всѣ сіи дни безпрестанно продолжалась жестокая буря. Мы стояли на вспаханныхъ и пшеницею засѣянныхъ, но частыми войскъ переходами въ пыль превращенныхъ поляхъ: а по сей причинѣ буря несказанно пыль повсюду разносила. Не можно было въ сіи дни ничего варить. Все пылью засорено: люди, платья, пища, вода, животныя—всякому достался пай пыли скушать. Прежде жаловались на продолжительную дождливую непогоду, но бурная и того до-

кучнѣе: безпрестанно отъ пыли ротъ вымывай и опять принуждаешься бурею ее же въ себя вбирать.

Отъ лиманской соленой воды многіе страждутъ поносомъ, а нерѣдко и кровавымъ. Въ каждомъ полку почти повседневно человѣка по три, четыре, а иногда и болѣе мрутъ. Въ вагенбургѣ, четыре версты позади насъ стоящемъ, чрезвычайно, говорятъ, кровавый поносъ и гнилыя лихорадки свирѣпствуютъ, пожирая много людей.

20-го іюля. Праздникъ пророка Ильи. На сихъ дняхъ бѣжалъ одинъ изъ взятыхъ въ плѣнъ турковъ въ Очаковъ и разсказалъ тамъ, будто бы наша армія состоитъ не болѣе, какъ изъ шести или семи тысячъ, о чемъ узнали мы отъ пойманнаго вчера нашими казаками турка; да и въ самомъ дѣлѣ мы стояли кареемъ, и всѣ полки весьма въ одно мѣсто стѣснены были: притомъ были и удолія, кои скрывали войско наше отъ очей очаковскихъ зрителей. Передовой корпусъ также стоялъ верстахъ въ четырехъ отъ Очакова, отъ котораго почва земли буграми и удольями измѣняется; а сего уже и довольно было, чтобы построить армію другимъ образомъ. Почему и велѣно было податься сей день впередъ на шесть верстъ какъ главной квартирѣ, такъ и прочимъ полкамъ. Главная квартира стала между Очаковомъ и островомъ Березанью такъ, что отъ обоихъ разстояніемъ на 2 или около 3-хъ верстъ. Войска всѣ отъ перваго лагеря до главной квартиры городъ облегли, содѣлывая на сушѣ полукружіе, и также на двѣ версты отъ города разстоянія. Иностранцы удивляются, что армія такъ близко къ городу подалась, не будучи при расположеніи своемъ непріятелемъ тревожима. Флотъ нашъ также мимо Очакова прошелъ безъ малѣйшаго безпокойствія, а потому онъ и съ моря атакованъ, и всѣ дороги очаковскимъ жителямъ пресѣчены. Передовой же корпусъ остался версты двѣ съ половиною позади насъ по дорогѣ къ Бендеры и служитъ обсерваціоннымъ корпусомъ въ разсужденіи ожидаемыхъ на помощь Очакову идущихъ войскъ.

21-го, 22-го, 23-го, 24-го іюля. Въ семъ положеніи мы спокойно спали, не будучи ночью тревожимы изъ Очакова, ни изъ острова Березани, не взирая на близкое отъ обоихъ разстояніе; да и всѣ удивляются, какъ турки могли взирать съ столь спокойнымъ видомъ на проѣзжавшіе, такъ близко (на версту) и почти безъ всякаго прикрытія мимо Очакова, обозы, а послѣ и на построеніе и занятіе мѣстъ всѣмъ войскомъ. Правда, подлѣ фельдмаршала съ лѣвой стороны находится батарея на высокомъ курганѣ, внизу котораго сдѣланъ вокругъ небольшой и неглубокій окопъ по отлогости, такъ что вмѣщены тутъ нѣсколько пушекъ, направленныхъ по насыпи къ Очакову и къ морю. Съ другой стороны къ Березани, которая ничѣмъ не защищается, посылаются каждую ночь отряды егеровъ въ довольномъ числѣ. Впрочемъ,

ночь провождаема бываетъ въ покоѣ и тихости, и рѣдко слышимъ выстрѣлъ пушечный. Всякъ ложится спать безъ штановъ—и тревога, слово, которое я по сіе время еще никогда не слыхалъ.

Сей день послѣ обѣда палили съ батарей изъ 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ бомбами, кои разрывались предъ садами; потомъ выступили конные егеря, а вскорѣ за ними и пѣхотные, и достигши до садовъ, палили изъ пушекъ, дабы выгнать изъ оныхъ скрывавшихся турковъ; они намъ также отвѣчали пушечными выстрѣлами съ крѣпости. Его свѣтлость князь велѣлъ подъѣхать по лиману къ батареѣ, называемой Гассанъ-паша, одному нашему судну, съ коего пущено въ городъ двѣ бомбы, но оно не могло устоять противъ пушекъ и, наконецъ, будучи принесено бурею весьма близко къ помянутой батареѣ, вытерпѣло оружейную стрѣльбу. На ономъ у насъ двухъ человѣкъ ранило, но скоро принуждено было спасаться бѣгомъ.

Князь свѣтлѣйшій и прочіе генералитеты сидѣли на батареѣ, построенной на высокомъ курганѣ, и смотрѣли въ зрительныя трубы на всѣ движенія, чинимыя около садовъ нашими егерями, часа съ четыре.

Ввечеру все утихло и во время вечерней зари играли азіатскія штучки на духовыхъ инструментахъ вмѣстѣ съ бубнами; князю сія музыка весьма понравилась, такъ что спустя часъ послѣ этого приказалъ опять надъ Черноморскимъ берегомъ чрезъ довольно продолжительное время играть тѣ же самыя штучки при мракѣ тихой ночи. Увидѣлся нечаянно съ Пантелеемъ Пантелеевичемъ Поповымъ, который съ флотиліи пріѣхалъ къ принцу Нассаву-Сигену. Онъ мнѣ разсказывалъ о трехъ морскихъ сраженіяхъ, о разбитіи турецкаго флота и о прочемъ, бывъ самъ на батареѣ во всѣхъ дѣйствіяхъ вторымъ на оной командиромъ.

25-го іюля. Послѣ обѣда вышедши на батарею, увидѣлъ свѣтлѣйшаго князя, ѣхавшаго верхомъ, а за нимъ множество генералитетства и прочихъ господъ. За симъ выступили вдругъ егеры и нѣсколько эскадроновъ конницы. Началась пальба съ нашей артиллеріи, а скоро потомъ и съ крѣпости, подступили къ садамъ, прогнали турковъ изъ траншеевъ съ нѣкоторымъ съ нашей стороны урономъ. Потомъ велѣно было дѣлать тамъ батареи и съ сей повезли туда пушки и все къ тому принадлежащее немедленно.

Къ вечеру буря усиливалась; изъ стоявшихъ запорожскихъ на берегу лодокъ затоплены пять катящимися валами-великанами. Люди вышли на берегъ. Шумъ прежестокой сдѣлался отъ воды, которая устремилася валами на берегъ. Здѣсь уже открытое море Черное, и во время бури, смотря на него, ужасомъ поражаешься.

Въ сумеркахъ пріѣхалъ свѣтлѣйшій; привезли одного раненаго изъ нашихъ егеровъ и офицеровъ, и что всѣхъ болѣе удивило, то, что это

былъ губернаторъ Екатеринославской губерніи, Синельниковъ, который ядромъ раненъ въ пахахъ, въ самомъ опасномъ мѣстѣ. Сію съ нимъ встрѣчу всякъ толковалъ по своему образомыслію. Иной говорилъ: это ему отъ Бога казнь; другой — это предопредѣленіе; третій — несчастіе. Въ самомъ дѣлѣ онъ основалъ свое счастіе на развалинахъ счастія тѣхъ, кои прежде были его благодѣтели и коихъ онъ послѣ гналъ. Но какъ бы то ни было, когда свѣтлѣйшій князь прислалъ къ нему объявить свое сожалѣніе, и что ему, губернатору, совсѣмъ бы не нужно было подвергать себя такой опасности, то онъ велѣлъ князю сказать: «что таковыхъ, какъ онъ, губернаторъ, двадцать сыщутся на его мѣсто; но проситъ князя не подвергать себя такой опасности, ибо Потемкина въ Россіи другаго нѣту».

Губернаторъ же стоялъ въ семъ дѣйствіи позади князя шага на два.

26-го іюля. Также послѣ обѣда ходилъ пѣшій свѣтлѣйшій князь къ батареямъ, велѣлъ пустить въ городъ нѣсколько бомбъ и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, и воротился обратно пѣшій же, имѣя на себѣ рейтузы бѣлые, что̀ придавало ему много величественности.

Получено извѣстіе, что шведскій флотъ пострадалъ отъ нашего и потерялъ три линейныхъ корабля, изъ коихъ одинъ въ плѣнъ взятъ, а два затоплены; да и весь шведскій флотъ въ такое приведенъ разорительное состояніе, что не смѣетъ показаться.

27-го іюля. Былъ молебенъ за одержанную надъ шведскимъ флотомъ побѣду и, какъ говорятъ, еще за прогнаніе непріятеля съ финляндскихъ границъ, равномѣрно и за полученіе отъ него въ добычу довольнаго числа пушекъ, пороха, ядеръ и проч.

Сей день екатеринославскій губернаторъ Синельниковъ просилъ, при восчувствованіи жесточайшихъ болей отъ полученной ядромъ въ пахахъ опасной раны, послѣдней у свѣтлѣйшаго князя милости: застрѣлить себя въ лобъ пистолетомъ, и чтобы взялъ жену и дѣтей его подъ свое покровительство.

Въ сей день торжествованія нашего измѣнился въ несказанную для насъ печаль. О, Боже! колико судьбы твои неисповѣдимы! Послѣ обѣда выступаетъ разженный крѣпкими напитками генералъ-аншефъ Суворовъ съ храбрымъ батальономъ старыхъ заслуженныхъ и въ прошедшую войну неустрашимостію отличившихся гренадеровъ изъ лагерей; самъ впередъ, ведетъ ихъ къ стѣнамъ очаковскимъ. Турки или отъ страху, или намъ въ посмѣяніе, стоя у воротъ градскихъ, выгоняютъ собакъ въ великомъ множествѣ изъ крѣпости и встравливаютъ ихъ противъ сихъ воиновъ. Сіи приближаются; турки выходятъ изъ крѣпости, устремляются съ неописанною яростію на нашихъ гренадеровъ, держа въ зубахъ кинжалъ, обоюду изощренный, въ рукѣ острый мечъ и въ другой оружіе, имѣя въ прибавокъ на боку пару пистолетовъ; они проходятъ ровъ,

становятся въ боевой порядокъ—палятъ, наши отвѣчаютъ своею стрѣльбою. Суворовъ кричитъ: «приступи!» Турки прогоняются въ ровъ; но Суворовъ получаетъ неопасную въ плечо рану отъ ружейнаго выстрѣла и велитъ преслѣдовать турковъ въ ровъ; солдаты повинуются, но турки поспѣша выскочить изъ онаго стрѣляютъ нашихъ гренадеровъ, убиваютъ, ранятъ и малое число оставшихся изъ нихъ обращаютъ въ бѣгство. Подоспѣваетъ съ нашей стороны другой батальонъ для подкрѣпленія, но по близости крѣпости турковъ число несказанно усугубляется. Наступаютъ сотни казаковъ, волонтеровъ и нѣсколько эскадроновъ легкихъ войскъ, но турковъ высыпается тысячъ пять изъ города. Сраженіе чинится ужасное, проливается кровь, и пули ружейныя, ядра, картечи, бомбы изъ пушекъ и мечи разнаго рода—все устремляется на пораженіе сихъ злосчастныхъ жертвъ—разумныхъ тварей—лютость турковъ не довольствуется тѣмъ, чтобы убивать... наимучительнѣйшимъ образомъ, но чтобъ и наругаться надъ человѣчествомъ, отрѣзывая головы и унося съ собою, натыкая на колья по стѣнамъ градскимъ, дабы звѣрское мщеніе свое простирать и на безчувственную часть, удивительнѣйшій членъ состава человѣка—голову. Не щадятся тутъ офицеры, коихъ отцы чрезъ толь долгое время съ рачительностію и великимъ иждивеніемъ воспитывали... все въ замѣшательствѣ, и немного требовалось уже времени для посѣченія турецкимъ желѣзомъ наихрабрѣйшихъ нашихъ воиновъ, числомъ противъ непріятеля весьма немногихъ, ежели бы Репнинъ не подоспѣлъ было съ третьимъ батальономъ и съ коннымъ кирасирскимъ полкомъ и не спасъ сей злосчастной жертвы отъ конечной гибели, которой пьяная голова оную подвергала.

Князь по человѣколюбивому и сострадательному сердцу не могъ не пролить потока слезъ, слыша таковыя печальныя вѣсти, и когда ему сказано было, что любимый его полкъ кирасирскій поведенъ противъ непріятеля, то онъ — «о, Боже мой! вы всѣхъ рады отдать на жертву симъ варварамъ».

Всѣ иностранные офицеры, бывшіе на семъ сраженіи зрителями, удивлялись неустрашимости нашихъ солдатъ, отъ коихъ они слышали, когда возвращались въ свой станъ окровавленные и ранами покрытые: «мы-де, солдаты, очень стояли крѣпко, да некому нами было командовать». Уже и сами солдаты начинаютъ чувствовать свое достоинство, но правда, есть и офицеры храбрые, а особливо одинъ капитанъ, низложившій двухъ турокъ, отнявъ у одного изъ нихъ кинжалъ, и возвратился въ станъ весь окровавленный, пѣшій, держа въ рукахъ утѣшающую его добычу, знакъ его храбрости.

28-го і ю л я. Губернатору отрѣзали ногу; во время операціи ни малѣйшаго не явилъ знаку, что чувствуетъ боль и притомъ, яко сущій стоикъ, просилъ табаку понюхать.

Вставши поутру рано... до вѣтру, по причинѣ усилившагося отъ воды здѣшней между народомъ поноса, всегда немалое число во всякое время найдешь себѣ товарищей, и между тѣмъ какъ я, смотря на занятое симъ упражненіемъ человѣчество, разсуждалъ, что тучныя сами по себѣ сіи очаковскія поля и еще болѣе удобрятся случаемъ симъ (въ главной квартирѣ никогда не рыли ямъ для испражненія), увидѣлъ разставленныхъ сорокъ въ два ряда палатокъ, коихъ до сего не бывало, и по сторонамъ по одной. Сіи поставлены по повелѣнію милосердаго и сердоболящаго о человѣчествѣ князя Потемкина для раненыхъ вчера солдатъ. Онъ захотѣлъ, чтобы несчастные сіи въ близости его лучше присмотрѣны были. Около обѣда привезены они были въ сіи палатки, и князь приходилъ самъ смотрѣть, когда ихъ вводили въ оныя.

Раненыхъ всѣхъ около трехсотъ; на полѣ побитыхъ, когда сегодня поутру собирали, найдено болѣе ста пятидесяти; однихъ туловищъ безъ головъ насчитали до 80-ти, такъ сколько должно быть съ головами убитыхъ, съ коихъ турки во время сраженія не успѣли головы отрѣзать и сколько испустили вздохъ послѣдній, дошедъ до стана—конечно, болѣе показаннаго числа. Такъ насильно утащено турками въ крѣпость до 50-ти гренадеровъ. Прапорщикъ, котораго также турки влекли въ плѣнъ за шиворотъ, выхватя скрытый у себя ножъ, поразилъ своего врага, но послѣ въ скорости сдѣлался предметомъ жесточайшаго мщенія окружавшихъ его турковъ и срубленъ въ куски: голова же его унесена и съ прочими взоткнута на колья на стѣнахъ очаковскихъ. Турки сей день съ ругательною дерзостію вызывали опять насъ на сраженіе. Уже никто меня теперь не увѣритъ, что съ нашей стороны убиваютъ по 10, а съ непріятелей по 100 человѣкъ. Равно и газеты врутъ, уменьшая число убитыхъ со стороны пріятельской, а увеличивая съ непріятельской. Соврала Варшава по берлинскимъ газетамъ, что великій россійскій корабль, будучи бурею занесенъ въ турецкій флотъ, самъ себя взорвалъ на воздухъ; не великій корабль, а маленькое судно (двойная шлюпка), посланное для рекогносцированія, на которое тринадцать турецкихъ судовъ наѣхало. Также и цесарцы по газетамъ врутъ, думать должно, когда полагаютъ, что во всѣхъ стычкахъ, бывшихъ по сіе время, потеряли только 1.893, а турокъ 7.859 убитыхъ, раненыхъ, бѣжавшихъ и проч.

Въ разсужденіи политическихъ обстоятельствъ, кабинетныхъ упражненій и предпріятій каждаго государства непрестанно газеты по сему врутъ; нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ читать въ разныхъ нѣмецкихъ, французскихъ и другихъ вѣдомостяхъ о дѣйствіяхъ нашей арміи и прочихъ движеніяхъ — все ложно, а нерѣдко безчестно, дерзко и безсовѣстно напечатано. Двадцать разъ уже писано, что Потемкинъ въ Петербургъ уѣхалъ, что всею екатеринославскою арміею управляетъ князь

Репнинъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ графа Румянцова. Не явная ли ложь!

29-го іюля. Губернаторъ Синельниковъ погребенъ въ Кинбурнѣ. Равнымъ образомъ умерло пять гренадеровъ, раненыхъ 27-го числа. Пріѣхавшій изъ вагенбурга офицеръ сказывалъ, что тамъ страдаютъ поносомъ великое множество солдатъ и прочихъ служителей. Покопали въ вагенбургѣ ямы, около коихъ сіи больные, будучи совсѣмъ истощены и обезсилены, лежатъ, отъ чего смрадъ и опасаются моровой язвы; мрутъ человѣкъ по 15-ти въ день.

Ѣсть нечего, и маркитанты плутовства чинятъ. Большая часть людей пріѣзжаютъ въ главную квартиру, за 14 верстъ отъ вагенбурга отстоящую, для покупки съѣстнаго,—видно, тамъ хорошій порядокъ.

Ввечеру появился многочисленный турецкій флотъ подлѣ Березани и выпалилъ нѣсколько разъ изъ пушекъ, повидимому, для знаку, но 30-го іюля поутру уже не былъ онъ болѣе на семъ мѣстѣ, а удалился въ море.

Свѣтлѣйшій князь послалъ вчера ночью курьера въ Крымъ и въ Севастополь на Черноморскій флотъ, чтобы сей сюда прибылъ, а на разсвѣтѣ сегодня и другой гонецъ отправленъ туда же.

Смерть и сегодня покорила своей власти пять гренадеровъ, сражавшихся 27-го сего мѣсяца.

31-го числа. Турецкій флотъ опять поутру появился. Онъ стоялъ верстъ на 15-ть, но одинъ на пикетѣ бывшій корабль гораздо къ намъ впередъ подался. Послѣ обѣда турецкій флотъ гораздо приблизился и не болѣе какъ верстъ на 5-ть отъ насъ расположился въ линію. Стоявшій на пикетѣ корабль очень близко подъѣзжалъ къ нашему, на выстрѣлъ отъ Очакова стоявшему флоту, но послѣ удалился. На немъ знамя было капитанъ-пашинское, и его самого чаютъ тамъ быть. Какая отвага съ его стороны! Прощаніе съ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ—вотъ какое его съ княземъ свѣтлѣйшимъ долгое прощаніе—два уже ровно мѣсяца.

Предъ захожденіемъ солнца еще ближе подошелъ къ берегу турецкій флотъ. Какое множество линейныхъ кораблей, фрегатовъ, бомбардовъ, кирланчичей въ сравненіи нашей лиманской флотиліи. Посмотря на турецкій флотъ, представляется зрѣнію нѣкая величественность, но на нашъ—мелкость—Голіаѳъ и Давидъ.

Опасаясь, чтобы турецкій флотъ не потчивалъ насъ ядрами 40-ка, 50-ти и 80-ти фунтовыми, какъ то извѣстно по рапорту контръ-адмирала графа Войновича, который между прочимъ въ ономъ писалъ, что пущенное изъ турецкаго флота, во время сраженія 3-го іюля, одно каменное ядро было вѣсомъ въ 100 фунтовъ, которое между другими на нашемъ суднѣ найдено,—велѣно было ввечеру подвинуться главной

квартирѣ съ полверсты назадъ. Большая часть обоза перевезена была человѣческою силою, потому что лошади находились въ табунѣ верстъ на 20 отъ нашего стана. Сколько замѣшательствъ... безпокойствъ, браней, неудовольствъ. Мы ночевали безъ палатокъ, не зная, на всегда ли тутъ останемся, но когда на другой день, 1-го августа, князь, проснувшись, услышалъ скверный запахъ, то и велѣлъ опять перебираться почти на старое мѣсто, а егерямъ, стоявшимъ вчера подлѣ насъ, въ лѣвую сторону податься, отчего почти и всѣ полки, стоявшіе съ егерями въ одной линіи, должны были перемѣнить свои мѣста. Я прежде объявилъ, что вся армія расположилась около Очакова полукружіемъ, а посему легко понять можно, что перемѣна мѣстъ егерей повлекла за собой перемѣну и всего на 8 верстъ простирающагося полукружія.

Пришедши на берегъ, застали мы князя, смотрѣвшаго въ подзорную трубу на капитанъ-пашинскій корабль. Капитанъ-паша, рекогносцировавшій, подъѣзжалъ къ Кинбурнской косѣ на пушечный выстрѣлъ: удалился было далѣе въ море, конечно, для высматриванія, не идетъ ли Черноморскій флотъ. Воротился назадъ къ косѣ и отъ оной направилъ путь свой къ отдѣленнымъ отъ 18 кораблей, меньшимъ судамъ, вытянувшимся линіею къ Березани. Мы ожидали отъ сихъ послѣднихъ нападенія на наши гребныя суда, почему поставлены были, кромѣ батарей, пушки и мортиры въ пяти мѣстахъ по берегу, то-есть на вершинѣ крутизны, окружающей Черное море, ибо и внизу на самомъ берегу также разставлены были пушки подлѣ каждой затопленной на берегу запорожской лодки. Сіи лодки за прибытіемъ турецкаго многочисленнаго флота не могли быть сняты въ скорости съ мели.

2-го августа. Прибыла подъ Кинбурнъ и остальная часть Лиманской флотиліи, которая множествомъ со стоявшею около Очакова Лиманскою гребною флотиліею равнялась турецкому флоту въ разсужденіи среднихъ и мелкихъ суденъ, но линейными кораблями турецкій флотъ несравненно нашъ превышалъ. Линейные корабли турецкіе послѣ обѣда, удалясь въ море, стали на якорь верстъ на пять отъ малыхъ своихъ судовъ, къ Березани линіею вытянувшихся.

Слухъ пронесся въ арміи, будто король прусскій далъ знать россійскому, что ежели оный не отступится отъ Крымскаго полуострова, то король прусскій объявитъ ему войну, а изъ сего выводятъ, что сей причины ради медлятъ и въ разсужденіи приступа ко взятію Очакова. Справедливость сему время покажетъ. Въ вѣдомостяхъ же напечатано, что короли французскій, англійскій и прусскій заключили между собою союзъ въ томъ намѣреніи, чтобы турковъ удержать навсегда отъ претензій на Крымъ, а россійскій дворъ принудить отдать Швеціи Эстляндію и Лифляндію. Посмотримъ справедливость сего.

*

...[1]) августа. По утру долго стрѣляли турки съ крѣпости ядрами и пущены бомбы на шедшее мимо Очакова подъ Кинбурнъ наше судно, которое однакожъ прошло безъ всякаго поврежденія. Шанцы теперь безпрестанно продолжаютъ рыть.

5-го августа. Получилъ дружескія съ Москвы письма отъ Федютина, Костенкова и купца Гультина.

6-го августа. Послѣ обѣда назначено было 1.300 человѣкъ для дѣланія траншей. Господа начальствующіе пришли въ 12-мъ часу ночи и, споря между собою о мѣстахъ, какія кому отведены для работы, такъ продлили въ томъ время, что посланный отъ свѣтлѣйшаго князя для посмотрѣнія ихъ работъ бригадиръ Рибасъ засталъ всѣхъ ихъ безъ всякаго дѣйствія и велѣлъ имъ разойтись, а посему и не учинено никакого начала дѣлу сему. Рибасъ о семъ доложилъ князю въ присутствіи господъ главныхъ инженеровъ, кои всѣ трепетали; но князь, ни мало не сердясь, сказалъ скоро потомъ: «стаканъ квасу»! Одинъ изъ нихъ, желая себя оправдать, сказалъ: «я, ваша свѣтлость, довольно рано приказы отдалъ, а что работою......» «я слышалъ уже», прервалъ его князь и тѣмъ все дѣло кончилось.

7-го августа. Пріѣхавшій изъ первой арміи отъ графа Румянцова курьеръ разсказывалъ между прочимъ, что Салтыковъ, который съ своею дивизіею облегъ Хотинъ вмѣстѣ съ принцомъ Кобургомъ, правящимъ также дивизіей цесарскихъ войскъ, обѣдалъ въ семъ городѣ у тамошняго паши, который прежде въ лагерѣ у него угощаемъ былъ; однако когда-де Салтыковъ выходилъ изъ города, то начали съ валу по немъ палить ядрами изъ пушекъ. Сей разсердясь велѣлъ тотчасъ городъ бомбардировать. Разсказывалъ о порядочномъ въ той арміи въ три колонны маршѣ; что графъ Румянцовъ всегда верхомъ ѣхалъ; о его ко всѣмъ ласковости, строгости, и наконецъ удивлялся, что у насъ вокругъ лагеря нигдѣ нѣтъ цѣпи.

8-го августа. Ночью слышна была пальба изъ пушекъ и ружей, съ нашей стороны по надъ берегомъ сдѣланы въ сію ночь редуты четвероугольникомъ, въ которыхъ баталіонъ помѣститься можетъ. Находящаяся подлѣ садовъ мечеть нашими зажжена на разсвѣтѣ. Турки поутру выставили вокругъ по валу красныя и бѣлыя знамена.

9-го августа. И въ сію ночь весьма часто изъ пушекъ стрѣляли съ нашей и турецкой стороны при дѣланіи редутъ. Сей день началъ переписывать журналъ военныхъ дѣйствій и движеній арміи Екатеринославской подъ предводительствомъ господина фельдмаршала и кавалера князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго на кам-

---

[1]) Въ рукописи уголъ вырванъ. Запись должна относиться къ 3-му или 4-му августа.

панію сего 1788 года. Оный журналъ велъ секретарь Андреянъ Моисеевичъ Грибовской, находящійся при кабинетномъ статѣ Вас. Степ. Попова.

Слышалъ отъ бѣжавшаго изъ Очакова мальчика поляка, принявшаго магометанскую вѣру, что оставшіеся въ Очаковѣ христіане вброшены въ ямы саженей на 10 глубины; въ нихъ они также и испражняются, и смрадъ отъ того, причиняя имъ болѣзни, низводитъ во гробъ. Причиною сей къ нимъ жестокости турковъ послужили побѣги нѣкоторыхъ христіанъ въ продолженіе нашей осады. Хлѣба-де въ Очаковѣ довольно, но мясо дорого, въ фуражѣ недостатокъ и въ прочемъ. Сей мальчикъ увелъ съ собою лошадь, за которую свѣтлѣйшій заплатилъ ему 200 рублей, которая по оцѣнкѣ другихъ не болѣе 80 рублей стоитъ.

10-го августа. Роздыхъ моей головѣ и сущее состава моего бездѣйствіе.

11-го августа. Сильно мучился поносомъ съ жестокими болями живота и головы.

12-го августа. Появилась свѣжесть въ мясѣ, чистота въ крови и легкость въ мысляхъ. Ежели вѣрить константинопольскому нашему корреспонденту, то турки немощны — казна ихъ вся уже истощена. Начинаются бунты и въ самомъ Стамбулѣ. Капитанъ-паша для усмиренія и ободренія народа, а наипаче воинства, велѣлъ всѣ силы и способы употребить поймать одно россійское судно и привесть его въ столицу. Правда, многочисленный у нихъ флотъ, но не надеженъ и худо состроенный, кромѣ трехъ линейныхъ кораблей, весьма исправно вооруженныхъ и всѣмъ снабженныхъ: «Реалы», «Капитаніи», «Патроны». Ферманы и два неферама никакого не произвели дѣйствія въ Сиріи и въ Алепѣ въ разсужденіи набора войскъ. Жители тѣхъ мѣстъ отвѣчаютъ, что раны послѣ войны послѣдней еще свѣжи..... и никто не идетъ подживлять оныхъ. Въ многолюдной арміи во всемъ недостатокъ; отъ неполученія жалованья въ арміи учинился было бунтъ, и визирь принужденъ былъ за 5 верстъ отъ оной удалиться. Сотнями изъ арміи возвращаются воины турецкіе во-свояси.

13-го августа. Ночью для ... бросили нѣсколько бомбъ въ отсутствіи его свѣтлости и всего генералитета, равно какъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Но на нашей флотиліи отъ неосторожно положеннаго подлѣ пороха зажженнаго фитиля одну бомбарду взорвало на воздухъ съ 80-ю рядовыми и унтеръ-офицерами и тремя офицерами. Для умягченія сей жестокой потери, какъ обыкновенно бываетъ, распущенъ въ лагерѣ слухъ, что 25 человѣкъ спаслось, но и тѣ-де всѣ опасно ранены и едва не всѣ помрутъ. Изъ сихъ-то спасшихся одинъ солдатъ, пришедъ на берегъ къ князю свѣтлѣйшему, который тогда смотрѣлъ на турецкій

флотъ, и будучи нѣсколько подъ хмѣлькомъ, сказалъ: «я имѣю вашей свѣтлости тайну открыть». — Какую?—спросилъ его князь свѣтлѣйшій. «Пожалуйста, ваша свѣтлость, не велите болѣе нами командовать французамъ, ибо они по-русски ни слова не разумѣютъ, и залепетавъ по-своему даютъ намъ только тумаки, а вить тумаки не говорятъ, что дѣлать должно; отъ того точно вчера и бомбарда пропала».

Всѣмъ извѣстно, какое множество и на флотѣ и на сушѣ офицеровъ разныхъ земель, не умѣющихъ ни слова говорить по-русски, а имѣющихъ однѣ должности, и притомъ въ военное время, а отъ того многіе русскіе офицеры и идутъ въ отставку, ибо иностранцы и чины и кресты скорѣе, нежели наши, получаютъ.

14-го августа. Вѣтеръ началъ сильно дуть съ сѣвера, и пыль показалась превеликая. Переводилъ письмо отъ графа Румянцова къ его свѣтлости, писанное о разныхъ воинскихъ извѣстіяхъ и той арміи дѣйствіяхъ.

15-го августа. По утру началась прежестокая и частая пальба съ нашихъ батарей и съ крѣпости Очаковской и продолжалась безъ перерыва часа съ два. Съ нашей стороны убитъ одинъ канониръ да два весьма опасно ранены.

Переводъ съ письма къ Попову о потопленіи шедшихъ изъ Бѣлоруссіи барокъ—и недоразумѣніе—Гатъ (Gött) Barquen—(Becker) etc.; неудовольствія—насмѣшки—которое переводилъ Картвелинъ.

16-го августа. По утру пришелъ изъ Очакова старшина; онъ ни съ кѣмъ ничего не хотѣлъ говорить, а домогался прямо его свѣтлости изъясниться. Почему всякъ и заключалъ различно о его прибытіи: одни говорили, что отъ города присланъ, а другіе, что онъ оттуда бѣжалъ. Прибывшіе изъ Очакова христіане разсказывали, что сей старшина есть изъ тамошнихъ богатыхъ купцовъ, который отправляетъ при томъ и должность судьи. Онъ весь день ходилъ вольно по нашему главному стану съ одними только главными переводчиками, какъ-то съ Лотк....и... Ввечеру началась сильная пальба подъ Очаковомъ, и въ то время, когда тамъ человѣчество ядрами, картечами, бомбами было умерщвляемо, здѣсь подлѣ ставки фельдмаршала играли во время вечерней зари самые веселые кондратанцы. Какой контрастъ! Пальба же, не умолкая, продолжалась около двухъ часовъ съ великимъ жаромъ. Наконецъ ночью тайна причины прибытія помянутаго къ намъ старшины открылась, или по крайней мѣрѣ нетерпящій находиться въ неизвѣстности разумъ человѣческій удовольствовалъ себя симъ: что-де городскіе жители намѣревались сдаться, но гарнизонъ тому всячески противился; что сей старшина по знатности и яко судья во первыхъ подалъ совѣтъ къ тому, но что гарнизонъ, осердясь за сіе на него, присудилъ его повѣсить, и что-де завтра непремѣнно начнутъ бомбардировать

городъ, съ тѣмъ, чтобъ его или принудить къ сдачѣ, или совсѣмъ превратить въ прахъ и пепелъ.

17-го августа. Вчера ввечеру дано повелѣніе, чтобы завтра... сей день вдругъ послѣ выстрѣла пушечнаго на зарѣ начато было бомбардированіе, которое и продолжалось безпрестанно часа три. Съ нашей стороны убитъ будто только одинъ человѣкъ да два ранены, такимъ образомъ: летѣвшее изъ крѣпости ядро, прикосновеніемъ своимъ отхвативъ у стоявшаго впереди солдата на правомъ плечѣ часть кафтана съ мякишемъ, и пролетѣвъ сквозь животъ бывшаго позади солдата, ранило въ ногу еще и третьяго, нѣсколько подалѣе сзади находившагося. Но должно думать, что черезъ столь долгое время продолжавшаяся пальба болѣе человѣкъ жизни лишила, нежели показанное число значится, а особливо при открытіи двухъ новыхъ батарей въ садахъ, на весьма близкомъ отъ города разстояніи.

18-го августа. Баталіонъ егерской Бугскаго корпуса переведенъ съ праваго крыла на лѣвый, поближе къ Очакову, ибо егерямъ, какъ всякую ночь на караулъ ходятъ къ подѣланнымъ подъ Очаковомъ батареямъ, гораздо удобнѣе здѣсь стоять вмѣстѣ съ пѣхотными полками, ради всякихъ, могущихъ со стороны непріятельской воспослѣдоватъ покушеній на нашъ лагерь.

Послѣ обѣда въ первомъ часу услышана была вдругъ пушечная пальба съ великимъ жаромъ; всякъ думалъ, что лежащій на якорѣ около Березани турецкій флотъ пробирается къ Очакову, и что палятъ съ нашихъ по-на-берегу оставленныхъ пушекъ и мортиръ, ибо по ясности погоды и чистотѣ воздуха пушечный звукъ казался весьма близкимъ и при томъ.... и весьма частыя. Почему пустился всякъ къ берегу бѣжать; но ошибку свою примѣтили, увидя, что производился огонь съ нашихъ батарей и съ крѣпости Очаковской. Я пошелъ къ первой нашей батареѣ, отстоящей отъ города на полторы версты. Сія батарея тогда молчала, я на нее взошелъ, такъ какъ и другіе, дабы посмотрѣть на шедшихъ нашихъ егеровъ противъ выбѣжавшихъ изъ города турковъ со многими красными и бѣлыми знаменами, и между тѣмъ, какъ разсказывалъ намъ канонеръ «что трепалка сія произошла отъ того, что турки, засѣвшіе въ буеракахъ, начали изъ ружей и пистолетовъ стрѣлять по нашимъ егерамъ, которые на берегу мыли и сушили свои рубашки, подлѣ набережной нашей батареи и проч.»; велѣно было сойти всѣмъ съ сей батареи и тотчасъ началась пальба, турки отвѣтствовали въ сіе мѣсто, также и пушечныя ядра катились до насъ, иныя же перелетали черезъ голову и падали въ самую батарею. Я хотѣлъ было уйти домой, но любопытство заставило меня долѣе простоять. Перестали съ нашей палить батареи, ибо егери сошлись уже на ружейный выстрѣлъ съ турками и начали между

собой производить пальбу. Турки же непрестанно посылали къ намъ ядра, а иногда и бомбы. Наконецъ и они утихли, давъ время дѣйствовать однимъ ружьямъ да пистолетамъ обѣихъ сторонъ. Съ нашихъ же поближе къ городу поставленныхъ батарей продолжался огонь, непреставая, до половины седьмаго вечера.

Любопытство заманило меня еще подойти ближе къ мѣсту сраженія, и тутъ увидѣлъ я, какъ турки, набѣжавъ на нашихъ, отрѣзали было человѣкъ съ 30 егеровъ и начали рубить, но пришедшіе имъ на помощь егери, спасши нѣсколько изъ оныхъ солдатъ, прогнали турковъ и чинили долгое время за ними погоню. Турки, получивъ также помощь, обратились на нашихъ и прогнали, но сами прятались во рвахъ, наши нагнали ихъ и тутъ; и пальба была только слышна. Вдругъ начали съ крѣпости палить въ то мѣсто, гдѣ стояла немалая куча зрителей, какъ пѣшихъ, такъ и на лошадяхъ, а въ десяти шагахъ и князь Репнинъ также былъ на лошади, смотря въ зрительную трубку на дѣйствія сражающихся. Поелику въ сіе мѣсто часто летали ядра, то Репнинъ и поѣхалъ тихимъ шагомъ нѣсколько назадъ; пѣшіе же бросились внизъ по крутизнѣ на берегъ; тутъ чаяли мы быть безопасны. Егери весьма близко подлѣ насъ спустились въ скорости за симъ, и прошедъ шаговъ двадцать начали палить по туркамъ, засѣвшимъ по развалинамъ; сіи, подаваясь впередъ, заманили егерей до глубокаго рва, гдѣ ихъ много было: тутѣ началась сильная пальба какъ съ ружей, такъ и съ батареи Гассанъ-пашинской, которая подлѣ крѣпости на берегу находится. Ядра и тутъ внизу достигали до зрителей, почему князь Репнинъ и велѣлъ всѣхъ съ берега назадъ прогнать.

Я, нашедъ удобное мѣсто взойти на верхъ, съ великимъ однако трудомъ вскарабкался туда, и въ чаяніи, что великая наша батарея будетъ уже оставаться впереди, и мнѣ нечего ядръ опасаться, сталъ на возвышенномъ мѣстѣ, никакъ не воображая, что я находился на пушечный отъ города выстрѣлъ; но вдругъ ядра посыпались подлѣ меня, и я, узнавши мою ошибку, хотя и побѣжалъ еще далѣе впередъ, однако сталъ въ безопасномъ мѣстѣ на самомъ берегу, гдѣ только страшно было смотрѣть внизъ, и чтобъ при шумѣ ужасномъ летѣвшихъ ядръ и бомбъ не отступиться отъ пужавшихся людей, кои всегда въ то время то наклонялись, то на землю падали. Пальба непрестанно производилась..... наши были прогнаны, но Репнинъ велѣлъ приблизиться свѣжимъ егерямъ къ мѣсту сраженія, то увидя, турки показали намъ тылъ, и тутъ съ моря начали по нихъ стрѣлять ракатетами съ нашихъ двухъ суденъ. Гассанъ-пашинская батарея отвѣтствовала и весьма мѣтила на сіи судна, однако ни разу не попала. Съ великой нашей батареи также дѣйствовали съ великимъ жаромъ; бомбы и ядра, безпрестанно перелетавшія чрезъ наши головы, ужасный свистъ производили, а отъ воды

отдавался престрашный стонъ. Отъ частаго съ ближнихъ нашихъ батарей бросанія бомбъ зажжено въ городѣ было въ четырехъ мѣстахъ; усилившійся тамъ огонь заставилъ молчать всѣ турецкія батареи; но съ нашихъ палить не преставали.

Въ семь часовъ все утихло: ранено съ нашей стороны около 100 егеровъ, да побито съ 30. Капитанъ одинъ совсѣмъ срубленъ, да два офицера ранены.

Пришедши домой, разсуждалъ я о своей глупой отвагѣ, которая подвергала меня опасности быть ядрами убиту. Я проклиналъ свое любопытство, да и твердое положилъ предписаніе никогда оному не слѣдовать.

Мнѣ представились живо всѣ дурныя слѣдствія, какія бы могли произойти отъ сего любопытства. Но ожила притомъ мысль въ моей душѣ и о горестномъ состояніи раненыхъ, изъ коихъ многіе, будучи не опасно то прострѣлены, то порубаны, возвращались въ лагерь свой въ крови, стеная и проклиная горестную свою участь. Многихъ подъ руки вели до батареи великой, а многихъ перевезли въ сумеркахъ уже въ ихъ станъ. Убитыхъ же на мѣстѣ сраженія погребли.

19-го августа. Въ сію ночь...... еще двѣ батареи; на каждой изъ нихъ поставлено по 28-ми орудій, а именно 12-ти полевыхъ и по 16-ти осадныхъ пушекъ, да по 4 мортиры. Рабочимъ солдатамъ производится за ночь 15 коп. и при отходѣ съ работы чарка водки.

20-го августа. Работа подъ Очаковомъ съ нашей стороны въ дѣланіи батарей, редутъ и траншей съ великою поспѣшностью по ночамъ производится: для сей работы назначается число людей, до полторы тысячи и болѣе простирающееся, да для прикрытія оныхъ бываютъ отряды также до 1.500 и болѣе солдатъ.

Въ 11-мъ часу до обѣда загорѣлся въ Кинбурнѣ пороховой, для лиманской флотиліи запасъ, находившійся въ погребу, и лежавшія тамъ же бомбы, коихъ число было немалое, производили продолжительную, частую и ужасную трескоту; дымилось въ Кинбурнѣ весьма долго; турки, увидя сіе, при радостныхъ, нашей бѣды ради, крикахъ выпалили съ пушекъ нѣсколько разъ на корабляхъ, лежащихъ на якорѣ подлѣ Березани. Они также и послѣ обѣда съ кораблей стрѣляли довольно долгое время.

Сказываютъ, что во время богослуженія работали въ томъ пороховомъ погребу надъ составомъ горючихъ матерій для бомбъ, брандъкугелей и проч. и когда взорвало сей пороховой погребъ, то по близости стоящей къ оному церкви, всѣ находившіеся въ ней люди, также вмѣстѣ съ церковью, то взорваны, то весьма опасно порохомъ обожжены; многіе совсѣмъ лишились рукъ, ногъ и другихъ частей тѣла. Изъ бывшихъ же подлѣ погреба никто не спасся. У одного стараго и храбраго

бригадира, Кинбурнскаго коменданта, сидѣвшаго въ сей злосчастный часъ въ своихъ покояхъ, кои въ разсужденіи близости пороховаго погреба также были подорваны, всѣ кости въ ногахъ разможжены разрушительною пороха силою. Обожженъ и Суворовъ; также много штабъ-и оберъ офицеровъ поранило сіе пороха и бомбъ дѣйствіе. Бомбъ—де однѣхъ разорвало около трехъ сотъ. Находившіеся въ то время при разводѣ солдаты и офицеры всѣ то ранены, то подняты на воздухъ, то бомбами были побиты.

21-го августа. Сегодня разнообразно толковали о вчерашнемъ Кинбурнскомъ фейерверкѣ. При сихъ толкахъ такъ я сильно былъ соболѣзнованіемъ тронутъ къ страждущему человѣчеству, толь многократными образы—представились мнѣ живо видѣнныя мною ужасности сраженія морскаго, страждущіе и стонящіе гренадеры послѣ несчастнаго съ турками бою, отрѣзаніе ноги губернатору, смерть его, послѣднее сраженіе, гдѣ множество побито егеровъ—что желалъ бы ему помочь—но, что я... червь... ничего не понимающій—и вотъ причина, заставившая меня переводить съ французскаго проектъ всеобщаго замиренія.

22-го августа. Имѣлъ чрезвычайную скуку и ввечеру переводилъ письмо нашего офицера въ плѣну. Турки съ нашими плѣнными не такъ поступаютъ, какъ то ихъ плѣнные у насъ содержатся. Европейскія государства, просвѣтясь разумомъ философіи, открыли начала побужденій сердца человѣческаго. Спознали причины, понуждающія государей ко принятію оружій противъ подобнаго себѣ человѣчества—причины тщеславія, зависти, гордости—увѣрены, что несчастныя жертвы, хотя и спасшіяся отъ огня и меча, не должны чувствовать по крайней мѣрѣ въ плѣну горестной своей участи, и для того не лишаютъ ихъ нужнаго къ пропитанію. Но грубый, въ невѣжествѣ пребывающій турокъ дополняетъ мѣру своего мщенія, попавшихъ въ руки храбрыхъ воиновъ изнуреніемъ и наруганіемъ.

23-го августа. Капитанъ-паша съ многочисленнымъ своимъ флотомъ все еще стоитъ подлѣ Березани. Онъ имѣетъ уже давно повелѣніе отъ султана учинить въ Кинбурнѣ дессантъ, но опасается потерять въ случаѣ неудачи славу свою, начинающую увядать. Притомъ визирь совершенный ему врагъ и всячески ищетъ его привести въ подозрѣніе у султана. («Константинопольскія Извѣстія» отъ 20-го іюня).

Ввечеру турки зажгли верстъ въ десяти отъ насъ траву. Къ ночи вѣтеръ усиливался, и когда мрачность окружила нашъ горизонтъ и вѣтеръ возвысился до степени бури, то огонь по степямъ весьма распространился: стремленіе бури было на насъ и дымъ къ намъ переносился скорою силою вѣтра, который, засыпая пылью глаза и опрокидывая палатки, валилъ съ ногъ людей. При сильномъ вѣтрѣ въ темную ночь видѣть пожаръ нѣтъ ничего ужаснѣе.

24-го августа. Въ сію ночь прелюбезныхъ качествъ, а паче тихаго, благосклоннаго и доброжелательнаго нрава бригадиръ Николай Ивановичъ Корсаковъ, будучи на работѣ у вновь дѣлаемыхъ батарей, редутъ и проч., пошелъ съ отрядомъ для обозрѣнія дѣла трудящихся воиновъ, и поелику ночь темна была, упалъ въ ровъ довольно глубокій и такъ повредилъ чрезъ то себя, что чрезъ пять часовъ послѣ того скончался. Комендантъ Кинбурнскій, который во время несчастнаго взорванія пороховаго погреба лишился ногъ, также духъ испустилъ.

25-го, 26-го, 27-го августа. Все работали надъ батареями, редутами и проч.

Получилъ отъ брата письмо, не весьма для меня пріятное. Петербургъ и на его обо мнѣ просьбы молчитъ, и нѣтъ ни одного пріятеля, который бы увѣдомилъ или его, или меня, о моемъ тамъ дѣлѣ. Вотъ каково на свѣтѣ дружество.

28-го, 29-го, 30-го августа. Переводилось отъ графа Румянцова письмо, въ коемъ между прочимъ даетъ свѣтлѣйшему князю примѣтить, что цесарскіе предводители не соотвѣтствуютъ доброму согласію пользъ обѣихъ имперій, что графъ Румянцовъ, не взирая на то, опять выгналъ турковъ изъ Яссъ, что фельдмаршалъ-лейтенантъ Сплина отозванъ въ Трансильванію, и что графъ Румянцовъ принужденъ былъ ради того подвинуть часть своихъ войскъ внизъ по Пруту.

Сей день есть торжественный или кавалерскій ордена Александра Невскаго. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ праздновалъ его съ пристойнымъ его сану и дню его рожденія великолѣпіемъ. Послѣ молебна по всей арміи раздавался звукъ пушечный, также и во время стола, когда пили за его здоровье.

Но вскорѣ по захожденіи солнца началась другая торжественная пальба—пальба со всѣхъ нашихъ около Очакова поставленныхъ батарей, коихъ числомъ... считается, на коихъ всякаго рода орудій простирается числомъ до 200. Равнымъ образомъ и съ Лиманской флотиліи. Нѣтъ ничего ужаснѣе... вдругъ поражаемому громкостраншнымъ звукомъ толикаго множества огнестрѣльныхъ орудій. Начало пальбы производилось съ неописаннымъ жаромъ съ нашихъ батарей и Лиманской флотиліи и Очаковской крѣпости. Множество молній вокругъ крѣпости и съ крѣпости безпрестанно сверкало. Воздушныя дуги летящихъ бомбъ устилались искрами; свистъ ядеръ заставлялъ стонать, лежащую на морѣ, нижнюю полосу воздуха, а верхняя часть онаго сопротивлялась прорѣзыванію вылетѣвшихъ изъ пушекъ шаровъ. Неукоснительно зажгли въ городѣ строенія, старались то поддерживать безпрестанными пусканіями въ него бомбъ и каленыхъ ядеръ.

Часу во второмъ ночи, 31-го августа, свѣтлѣйшій князь велѣлъ пресѣчь стрѣльбу съ батарей, но принцъ Нассавъ, за всѣми сигналами

къ успокоенію, продолжалъ оную до-послѣ-зари. Флотъ многочисленный турецкій не осмѣлился однако нашему предпріятію мѣшать и былъ только зрителемъ: онъ, стоя въ отдаленности отъ насъ, стрѣлялъ поутру сегодня довольно долго, почему неизвѣстно. Съ нашей стороны будто убито только четыре человѣка.

1-го сентября. Уже дней съ шесть, какъ палятъ округъ нашего лагеря траву, а особливо со стороны батареи, куда посыланъ былъ генералъ-маіоръ баронъ Паленъ для развѣдыванія, нѣтъ ли по дорогѣ турковъ. Каждый вечеръ виденъ огонь, но сей уже весьма близко до насъ и широко распространился.

2-го сентября. Получены вѣдомости изъ Константинополя.

3-го сентября. Удивительно, что свѣтлѣйшій князь между множествомъ государственныхъ и воинскихъ дѣлъ, стоя въ полѣ предъ Очаковомъ, ведетъ переписку съ духовными особами о ученыхъ дѣлахъ и поощряетъ ихъ отъискивать названія мѣстамъ въ Крыму и въ Екатеринославской губерніи, какими они значились въ древнія времена грековъ и римлянъ.

4-го сентября. Сей день разослалъ свѣтлѣйшій князь приказы по всѣмъ начальнымъ, предписывая имъ, какимъ образомъ должно городъ бомбардировать съ сухаго пути и съ воды.

Миллеру, главному надъ артиллеріей начальнику, учинить распоряженіе въ пушкахъ, чтобы стрѣлять не часто, но непрерывно, метать бомбы туда, гдѣ лучшія строенія находятся, зажигать брандскугелями и понапрасну не стрѣлять, но всего первѣе стараться разрушить турецкія батареи.

Нассаву принцу велѣно съ моря метать бомбы на батарею Гассанъ-паши и обнять стрѣлку оной огненосными орудіями. Контръ-адмиралу Павлъ-Жонесу съ лимана направлять свои выстрѣлы на крѣпость, жечь непріятельскія лодки и все разрушать. Притомъ положилъ... за взятое судно двѣсти рублей, а за сожженное пятьдесятъ; все же сіе для того только дѣлать приказано, чтобы отнять дорогу (какъ написано) съ Божіей помощію въ ретраншаменты.

5-го сентября. Ввечеру турки стрѣлять начали изъ крѣпости и своихъ батарей, стараясь препятствовать намъ производить работу, и продолжали всю ночь до восхожденія солнца, когда наши солдаты перестаютъ работать; въ сіе время много побили солдатъ и ранили генерала.

6-го, 7-го сентября. Чрезъ весь день производилась пальба, но прерывно съ крѣпости и съ нашихъ батарей. Полные возы привозятъ раненыхъ солдатъ изъ работы.

Писалъ у Биллера оба сіи дни на французскомъ языкѣ, вдругъ на

было по его диктованію—нѣтъ ничего труднѣе отгадывать, какъ когда нѣмецъ диктуетъ: же—те—aux yeux—aussieux—понимай какъ хоти.

Ввечеру началъ было къ намъ приближаться турецкій флотъ изъ-подъ Березани, но пущенныя ядра изъ разставленныхъ по надъ берегомъ пушекъ обратили его назадъ. Турки также своими ядрами до самаго берега досягали. Велѣно было выступить на берегъ одному пѣхотному полку.

8-го сентября. Сей день князь новый сдѣлалъ приказъ въ такой силѣ: поелику постъ на стрѣлкѣ труденъ и неспособенъ, то его снять и разрыть тамъ редутъ, дабы чрезъ то подать туркамъ свободу къ учиненію дессанта, но чтобы на его, не допуствивъ опять до лодокъ, напасть съ конницею.

9-го сентября. Вставши поутру съ товарищемъ моимъ, увидѣли полевой нашъ покой наполненный водою — вѣтръ былъ пресильный и дождь опять началъ лить, отъ сего сдѣлался холодъ. Въ сей же день подоспѣли шифры изъ Константинополя, яко самонужнѣйшія вѣдомости въ военныхъ теперешнихъ обстоятельствахъ—нужно было вдругъ расшифровать, переписать,—но въ какое время? когда вѣтръ опрокидывалъ палатки, дождь все мочилъ и отъ холоду руки коченѣли.

10-го сентября. Ночевалъ съ нами нѣкто фонъ-Сталь, человѣкъ премилыхъ качествъ. Онъ былъ въ Семилѣтнюю прусскую войну въ цесарской арміи. Разсказы его о тогдашнихъ обстоятельствахъ и тамошнихъ мѣстахъ напомнили мнѣ саксонскую мою жизнь, не безъ извлеченія глубочайшаго сердца моего вздоха, взирая на теперешнюю мою жизнь и чудное положеніе моего состоянія.

Получилъ отъ брата и Ивана Павловича Кирѣева письма—Петербургъ молчитъ за всѣми моими и братними просьбами. Кирѣевъ пишетъ, чтобъ на все плюнуть и искать отъ коллегіи отвязаться—но мнѣ чудны таковые развязы и гражданскія сплетни — пусть какъ хочетъ судьба рѣшитъ дѣло случившагося со мною несчастія.

Послѣ обѣда началась пальба и продолжалась около двухъ часовъ. У насъ ранили опасно ядромъ одного офицера въ лядвію и одного канонера въ руку: имъ обоимъ отрѣзали, т. е. одному совсѣмъ ногу, а другому совсѣмъ руку. Огонь нашей артиллеріи зажегъ на форштадтѣ; князь послалъ провѣдать морскаго своего адъютанта Ламсдорфа, гдѣ точно пожаръ происходилъ. Сей, доѣхавъ только до первой бывшей нашей батареи, теперь пустой, и взявъ у стоявшихъ на валу зрителей трубку зрительную, посмотрѣлъ и скоро опять сѣлъ на лошадь, чтобы поспѣшить объявить князю свѣтлѣйшему точность пожара; но находившійся тутъ же 12-ти лѣтъ штикъ-юнкеръ, питомецъ князевъ, сказалъ: «Господинъ адъютантъ, и мы можемъ такимъ образомъ репортовать; но зачѣмъ не подъѣдете до дальнихъ батарей, гдѣ зрительная трубка не

нужна, но гдѣ ядра только летаютъ». Всякъ понять можетъ, сколько было досадно адъютанту слышать отъ мальчика такія колкости; однако онъ ускакалъ.

Не удивительно и то, что... сказалъ своему генералу Баверу: «врюшъ, дуракъ», когда онъ возвратился и сказалъ, что запорожскія лодки потонули: ибо князь лучше то увидѣлъ чрезъ подзорную трубу изъ стоящей на берегу калмыцкой кибитки. Свѣтлѣйшій князь всеконечно великой души и слишкомъ милостивъ; не однажды князь Репнинъ говаривалъ, что князь Потемкинъ наилучшія дѣлаетъ распоряженія, и самыя такія, кои наиболѣе клонятся къ пользѣ отечества и къ благоденствію человѣчества; но жаль, что исполнители оныхъ не съ таковымъ раченіемъ и усердіемъ за оные принимаются. И въ самомъ дѣлѣ, ежели разсудить о его дѣлахъ, то не иначе сказать можно, что душа его великая движима человѣколюбіемъ и усердіемъ распространять около себя блаженство. Какія выгоды для солдатъ—какія имъ пособія сверхъ положеннаго деньгами, хлѣбомъ и проч. Сколько даритъ офицеровъ одеждою и прочими снарядами. Истребилъ варварское звѣрство мучить солдатъ, уничтожилъ глупыя стягиванія тѣла и жилъ—и даже позволилъ офицерамъ входить къ себѣ въ палатку въ холодноватое теперь время въ сюртукахъ, вѣдая совершенно, что не уменьшится чрезъ сіе его достоинство, и что сбереженіе здоровья не лишаетъ нужной противъ непріятеля храбрости.

Ввечеру позволено было бомбардировать городъ съ моря, чѣмъ принцъ Нассавъ весьма былъ доволенъ,—но послѣ опять отказано.

Лошкаревъ разъѣзжаетъ теперь въ Крыму, Херсонѣ и по приморскимъ мѣстамъ.

11-го сентября. Послѣ обѣда прибылъ отъ Салтыкова курьеръ съ извѣстіемъ, что онъ взялъ Хотинъ. Князь свѣтлѣйшій, ходя ввечеру по своей палаткѣ, ногти обгрызалъ.

12-го сентября. Князь свѣтлѣйшій, принцъ Нассавъ и графъ Дамажъ, графъ Браницкій получили отъ императрицы обложенныя брильянтами шпаги за отличную храбрость.

13-го сентября. Вотъ что вмѣсто военныхъ дѣйствій случилось сей день. Генераловъ жены Павла Сергѣевича Потемкина и Самойлова заблагоразсудили побывать инкогнито въ арміи, предъ Очаковомъ стоящей. Онѣ, уговоря одного унтеръ-офицера ихъ туда проводить, сѣли въ кибитку, и научивъ его, чтобъ вездѣ сказывалъ, гдѣ ни спросятъ, что везетъ въ армію товары; ибо и онъ былъ одѣтъ по-мужицки, а такимъ образомъ пріѣхавъ къ своимъ мужьямъ, немало ихъ удивили. Сіи же, дабы не узналъ сего свѣтлѣйшій князь, немедленно велѣли имъ назадъ отправиться въ Херсонъ, откуда онѣ въ такомъ видѣ предпріяли свое путешествіе. Но едва успѣли сіи героини отъѣхать отъ стана

своихъ мужей на одну версту, какъ вдругъ прискакалъ курьеръ отъ фельдмаршала къ нимъ съ тѣмъ, чтобы взять сихъ шпіоновъ и къ нему представить. Сіи шпіоны проживали 14-е, 15-е, 16-е число въ лагерѣ, гдѣ онѣ вездѣ разъѣзжали.

17-го сентября. Послано было нѣсколько козакъ къ находящемуся съ войскомъ генералу Уварову по Бендерской дорогѣ, поелику заподлинно извѣстились, что 12.000 турковъ переправились уже чрезъ Днѣстръ и идутъ къ Очакову. Капитанъ-паша все еще стоитъ съ своимъ многочисленнымъ флотомъ на высотѣ Березани безъ всякаго движенія. У насъ что-то все утихло, и кромѣ пушечнаго на заряхъ выстрѣлу ничего болѣе не слыхать; всякъ безъ штановъ спитъ.

18-го сентября. Во вся... между важными происшествіями и смѣшныя. Теперь, когда... имѣетъ противъ себя двухъ... на сѣверѣ и югѣ побѣждать, то прочіе европейскіе кабинеты упражняются прожектами почерпнуть какія-нибудь пользы для себя изъ сихъ войнъ. Когда всѣ политики умствуютъ и всѣхъ умы находятся въ дѣятельности, въ разсужденіи теперешнихъ происшествій, до благоденствія человѣчества касающихся, тогда нѣкто изъ поляковъ, панъ Рузикъ съ Козловца Козловскій порождаетъ въ умѣ своемъ чудо, которое обнаруживаетъ письмами, однимъ къ императрицѣ Россіи, а другимъ къ свѣтлѣйшему князю, коего онъ проситъ, чтобы первое доставлено было къ государынѣ въ скорости чрезъ курьера или при эстафетѣ, яко такую важность, которая до цѣлаго Россійскаго государства надлежитъ, и вотъ какова она: «Желаніе мое (которое прошу ваше императорское величество,—пишетъ сей панъ Козловскій,—содержать въ наиглубочайшей тайнѣ, поелику оно относится до всевысочайшаго вашего императорскаго двора, до высочайшаго наслѣдника и всей высокой фамиліи, такъ какъ и до всего государства Россійскаго) есть то, чтобы сочетаться бракомъ съ вашимъ императорскимъ величествомъ; для чего прошу ваше императорское величество прислать подъ Варшаву шесть тысячъ войска, и мнѣ ассигновать сумму денегъ сто тысячъ получить отъ г-на N... на тотъ конецъ, дабы воспрепятствовать начинающемуся въ Польшѣ сейму, и я увѣряю ваше императорское величество, что по бракосочетаніи и по восшествіи на престолъ не только всю Швецію завоюю, но и... покорю подъ власть... Изъ Латичева отъ .... бря 1788 года».

19-го, 20-го сентября. Сего числа палили турки съ кораблей своихъ и съ Березани поутру долго. Они получили, какъ слухъ пронесся, радостныя вѣсти о побѣдѣ цесарскихъ партій. Удивительно, что почти вездѣ цесарцы проигрываютъ въ стычкахъ.

22-го сентября. Сей день ради торжества восшествія ея императорскаго величества на престолъ ни одной пушки въ лагерѣ не выпалили, а почему—неизвѣстно.

23-го сентября. Кончилъ переводъ съ французскаго, т. е. проектъ всеобщаго замиренія.

25-го сентября. Ввечеру лишь только прибыли изъ Бѣлой Церкви графини Браницкая и Скавронская, то какъ будто для нихъ турки начали на наши батареи съ жаромъ палить, препятствуя намъ работать. Въ продолженіе сей пальбы турецкіе запорожцы подъѣхали на 13-ти лодкахъ къ устью рѣчки Березани и производили немалую пальбу на стоящихъ безсмѣнно тамъ егерей. Городская пальба чрезъ полтора часа кончилась, но запорожцы продолжали ее долѣе.

Прибыли также опять Потемкина и Самойлова. Толки сему...

26-го сентября. Son Altesse Monseigneur le Prince хотя и былъ весьма недоволенъ таковымъ не во время особъ посѣщеніемъ, но скука, да и единообразное житіе довольно послужили къ превращенію его мыслей ропотныхъ въ пріятныя. Обѣдъ былъ у него почтенъ сими Венерами. Послѣ того онѣ всѣ удалились; но подъ вечерокъ, и какъ говорится путь недалекъ, генеральсъ-адъютантъ его Боверъ, нѣжнѣйшимъ образомъ, подъ ручку, въ прелестномъ бѣломъ одѣяніи графиню Скавронскую проводилъ паки къ князю свѣтлѣйшему—конечно, чтобы проститься, ибо она ѣдетъ въ Италію, къ своему супругу.

27-го, 28-го сентября. Удалился турецкій флотъ совсѣмъ отъ островка Березани, не сдѣлавъ ничего чрезъ столь долгое свое подлѣ онаго стояніе, но куды? будущее покажетъ.

Къ вечеру онъ верстъ на 30 виденъ былъ, и то только одни большіе корабли.

29-го сентября. Писаны были на польскомъ языкѣ письма отъ нѣкоего Усинскаго къ Г. Б., что турки и запорожцы турецкіе около 1.000 человѣкъ напали на Балту, разграбили и выжгли, что онъ отъ знакомыхъ ему турковъ услышалъ, будто они единственно для того туда пришли, поелику ген. Уваровъ находится съ отдѣльною частью войска, что ихъ гораздо еще болѣе скрываются по буеракамъ и рвамъ, и что-де тридцать тысячъ турецкаго войска идетъ на помощь къ Очакову (помощь сія, видно, такимъ же образомъ идетъ, какъ и прежнія двѣ). Турецкій флотъ опять приблизился.

30-го сентября. Сей день свѣтлѣйшаго князя день рожденія Георгія. Мною прежде говорено, что сей же день на счастіе будетъ Очаковъ бомбардированъ, потому что князь есть рѣдкій въ свѣтѣ счастливецъ; однако уже 10-й часъ съ полудня и все тихо и спокойно, ни одного пушечнаго не слышно выстрѣлу; конечно для того, чтобы не спужать Венериныхъ пословъ, въ главный станъ Екатеринославской арміи прибывшихъ и не терпящихъ Марсовыхъ дѣяній.

Въ полученныхъ сей день изъ Константинополя секретныхъ вѣдомостяхъ между прочимъ написано, что множество женщинъ тамъ по-

давали султану просьбу на капитанъ-пашу за то, что онъ въ несчастныхъ для Турціи на корабляхъ при Очаковѣ сраженіяхъ потерялъ ихъ мужей. Удовольствіе было на оную то, что велѣлъ имъ запретить находиться по улицамъ, когда онъ ѣдетъ.

1-го октября. День, когда я изъ утробы матерней вышедъ, нынѣ узрѣлъ свѣтъ. Сей день свершилось мнѣ 25 лѣтъ.

2-го октября. Ночью уѣхали изъ арміи вышепомянутыя графини.

Уже два дня съ ряду, такъ какъ и сей 3-го октября, сильные нордъ-вестовые вѣтры дуютъ. Всякъ жалуется на холодъ и вѣтры; и какая жизнь, ежели въ самомъ дѣлѣ разобрать, для человѣка городскаго, въ степяхъ, гдѣ нѣтъ ни дровъ, ни травы, ниже какого-либо бурьяну для варенія, гдѣ безпрестанно раздаются стоны больныхъ, гдѣ множество погребаютъ мертвыхъ и во всѣхъ на лицахъ изображены уныніе и печаль.

Уже начинаютъ жаловаться на выписаннаго изъ Парижа доктора Массо за то, что весьма многимъ отрѣзываетъ ноги, руки и тогда, когда по мнѣнію другихъ докторовъ можно бы было безъ того обойтиться, ибо изъ всѣхъ тѣхъ рѣдко какой спасъ жизнь по претерпѣніи сей жестокой операціи.

4-го октября. Поутру началась... мало-по-малу пальба съ крѣпости, но скоро потомъ сильною сдѣлалась и продолжалась часа три. Наши батареи уже весьма близко къ крѣпости подведены, а старыя оставлены (описаніе вообще осады города Очакова) и неизвѣстно, чего еще ожидаютъ. Капитанъ-паша все стоитъ въ видѣ отъ насъ на морѣ. Онъ въ Константинополь боится идти съ флотомъ, ничего не сдѣлавъ, и извѣстно, что послѣ его потери на троекратныхъ подъ Очаковомъ сраженіяхъ, назначено въ Константинополѣ голову ему за то отрубить.

Нечаянно нашелъ я у лѣкаря Гагельтрема письма короля прусскаго и пріятеля его Сума, напечатанныя въ Лавзанѣ; они мнѣ много удовольствія приносятъ: вижу здѣсь двухъ философовъ, нѣжно другъ друга любящихъ, изъ коихъ одинъ, государь, старается, посредствомъ философіи, учинить себя равнодушнымъ и безпристрастнымъ ко всѣмъ внѣшнимъ предметамъ; а другой старается ему дружески вперять въ мысль, что государю нужно имѣть страсти, и что безъ нихъ не можно производить великихъ дѣлъ и великихъ добродѣтелей въ дѣйство, безъ нихъ не будутъ болѣе на свѣтѣ герои и проч.

Le profit le plus essentiel que nous puissions tirer de la philosophie, est de nous faire un calus pour toutes les choses extérieures et de chercher le vrai repos et la tranquillité en nous mêmes (Lettre XXIV).

Qu'on ôte à l'homme ses passions, adieu l'es grandes vertus! Adieu les belles actions! adieu les héros (Lettre XXV).

5-го октября. ....важныя изъ Константинополя.

7-го октября. Начинаютъ уже по нѣсколько изъ нашихъ войскъ перебѣгивать въ Очаковъ. Прежде искусный, но безпорядочный канонеръ бѣжалъ, послѣ четыре егеря, потомъ еще одинъ, а теперь также нѣсколько-было изъ егерей бѣжало, но ихъ догнали у самой крѣпости. Ежели причину спросить таковыхъ побѣговъ, то удивляться почти должно, что чего хотѣть солдату еще, когда фельдмаршалъ запретилъ ихъ бить, и за великую вину не болѣе 25-ти ударовъ давать, когда сверхъ всего, имъ по штату положеннаго, производить велѣлъ мясо, крупу, хлѣбъ, водку и по 15-ти копѣекъ тѣмъ, кои работаютъ въ ночь въ траншеяхъ или на батареяхъ. Всякъ говоритъ, что солдатъ теперь сбалованъ; и въ самомъ дѣлѣ, не яснымъ ли ихъ побѣги служатъ тому доказательствомъ. Правда, трудно ему работать, стоять въ холодѣ на часахъ, когда буря и сильные дожди бываютъ, но вить и генералы съ нимъ же одинакой участи по мѣрѣ ихъ состоянія подвержены.

Ввечеру часа два бомбы и гранаты пускали, разъ восемь причиняли пожаръ въ городѣ, но послѣ все утихло, а насталъ вѣтеръ сѣверный и вдругъ холодъ несносной.

8-го октября. Холодъ и буря были престрашныя. Надобно непремѣнно быть самому въ сихъ пустыхъ степяхъ, чтобъ увѣриться о истинности воздушныхъ сихъ свирѣпствованій. Любопытство заставило меня выйти на берегъ изъ палатки: какіе сильные валы ударялись о крутизну береговъ. Въ сей сторонѣ сѣверные и сѣверо-западные вѣтры весьма пронзительны. Въ сіе время наиболѣе должно терпѣть отъ пыли, которая въ глаза, ротъ и во все лице ввывѣвается; восточные же, обыкновенно нанеся тучи, причиняютъ проливные дожди, но притомъ нѣсколько уменьшаютъ стужу.

Свѣтлѣйшій князь самъ инкогнито, съ Бaверомъ и двумя офицерами, послѣ обѣда ходилъ на батареи.

9-го октября. Не взирая на стужу и вѣтры, производилась весьма долго пальба съ нашей стороны, съ земли и воды. Начали мы сперва палить съ воды, потому что три турецкія судна, весьма нагруженныя, по удобности вѣтра, пустясь на всѣхъ парусахъ, весьма скоро пролетѣли въ Очаковъ, и мы не могли имъ ни малѣйшаго вреда причинить ни съ нашихъ по берегу поставленныхъ пушекъ, ни съ флотиліи. Изъ сихъ трехъ непріятельскихъ суденъ сѣло одно у Очакова на мель, но люди и грузъ ими спасены. Наши же судна, палившія на Гассанъ-пашинскую батарею, много претерпѣли, и одно отъ пущенной оттуда бомбы совсѣмъ разорвано. Людей однако нѣсколько спаслось, но потеряно при семъ случаѣ около 60-ти человѣкъ; также весьма достойный офицеръ Киленинъ убитъ ядромъ при семъ самомъ случаѣ. На сухомъ пути пущенныя изъ крѣпости бомбы попали дважды въ ящики съ по-

рохомъ и разорвали. Въ городѣ съ нашей стороны зажжено и долго виденъ былъ черный дымъ. Находящіеся въ плѣну у насъ турки заключали, что, конечно, зажженъ былъ хлѣбный магазинъ. Турецкій флотъ во все продолженіе сего дѣйствія не тронулся съ мѣста.

10-го октября. Свирѣпыя бури не престаютъ. Мелкія наши судна не могутъ теперь находиться на водѣ. Отчего часто по нѣсколько затопаетъ.

Нѣтъ ничего сожалительнѣе, какъ смотрѣть на горюющихъ солдатъ, которые вездѣ по арміи бродятъ и собираютъ навозъ и даже засохшій или замерзшій, какъ человѣческій, для варенія себѣ каши, а ежели посмотрѣть на ихъ жилища полевыя, то нельзя не содрогнуться отъ ужаса, какъ они могутъ сносить холодъ и стужу, укрываясь однимъ плащемъ и часто еще разодраннымъ. Ежели бы, по крайней мѣрѣ, дрова были, то бы это почиталось здѣсь за такую выгоду, какую имѣть можно въ самыхъ лучшихъ палатахъ городскихъ.

Сегодня послѣ обѣда часа три то изъ пушекъ палили, то бомбы пускали. По сіе время почти только стрѣляли въ крѣпость на отвѣтъ туркамъ, но теперь велѣно въ самомъ дѣлѣ не зѣвать. Три недѣли сряду почти ни одного пушечнаго выстрѣла не слышно было, въ которое время турки все испорченное починили, и мы столько были снисходительны, что ни мало имъ въ томъ не мѣшали, но сіе стоитъ намъ теперь опять и лишнихъ зарядовъ, и трудовъ, и людей.

11-го октября. Поутру производилась пальба съ обѣихъ сторонъ поперерывно, но послѣ обѣда съ такимъ жаромъ чинима была, что свистъ ядеръ наводилъ на сидящихъ въ палаткахъ великой ужасъ. Турки съ ретраншамента своего три дня уже какъ перестали палить, но тѣмъ сильнѣе съ крѣпости, и ядра отъ нихъ летятъ на полторы и не мало на двѣ версты къ намъ. Почему теперь летящее на воздухѣ ядро слышится яко бы чрезъ головы тѣмъ, кои отъ пушекъ на три версты отдалены, должны физики рѣшить—не тонкость ли воздуха или сжатіе онаго отъ холоду.

12-го октября. Въ сію ночь посланный съ 36 гусарами отъ генерала Неранжича маіоръ для заготовленія на полкъ травы, взятъ былъ турками на ботахъ, подъѣхавшихъ къ берегу; изъ нихъ спасся одинъ только гусаръ. Случайность сія свѣтлѣйшему князю показалась непонятною. Подозрѣваютъ оную для того, что Неранжичъ-де весьма гналъ сего маіора, и что онъ-де по нуждѣ и съ досады отдался туркамъ, ибо спасшійся гусаръ говоритъ, что ниже одного выстрѣла не учинено, когда прочихъ его товарищей турки забрали.

13-го октября. Въ ночь флотилія наша лиманская прозѣвала, какъ восемнадесять мелкихъ суденъ турецкихъ изъ Очакова прошли къ Березани. Турки во всю почти ночь престрашный шумъ чинили въ

*

крѣпости. Это было приношеніе Богу молитвы яко въ день праздника пятницы; но они видно не такъ суевѣрны, какъ жиды, которые въ субботу ни за что не принимаются и ничего дѣлать не хотятъ, отправивъ судна вышепомянутыя изъ города къ Березани, гдѣ и флотъ ихъ стоитъ, въ пятницу, ихъ праздничный день.

Теперь почти каждую ночь жестокія съ ружей между турками и нами бываютъ перепалки, и каждое утро привозятъ раненыхъ въ гошпиталь; ихъ лѣчатъ, ноги и руки отрѣзываютъ—они умираютъ — вотъ, человѣчество, твоя на свѣтѣ семъ участь: страдать ты присуждено при твоемъ рожденіи и малое теченіе жизни до конца твоихъ дней устлано терніями, колющими тебя и самой смерти жесточѣе.

15-го октября. Принцъ Нассавъ-Сигенъ, командовавшій флотиліею лиманскою и одержавшій надъ турецкимъ флотомъ троекратно побѣды, уѣхалъ въ Варшаву, съ досады болѣе, нежели по болѣзни. У него начали власть командира уменьшать, отъ чего разныя появились оплошности на флотиліи, какъ выше сего означено. Также-де послужило причиною его отъѣзду и то, что когда императрица прислала къ князю свѣтлѣйшему нѣсколько разныхъ шпагъ для раздачи отличившимся храбростію воинамъ, князь свѣтлѣйшій велѣлъ принцу Нассау сказать, что и онъ получитъ, по волѣ монаршей, одну, которой однако принцъ Нассау не получилъ, и когда восемнадцать суденъ изъ Очакова проѣхали и принцъ Нассау появился у князя свѣтлѣйшаго, то сей изъявилъ ему удивленіе при самомъ входѣ, что онъ слѣпымъ учинился и ничего не видитъ. Отъѣздъ же принца Нассау приписали трусости, потому-де, что теперь лишь только приходитъ время показать храбрость и неустрашимость—и свѣтлѣйшій князь сказалъ на сей его отъѣздъ: «Славны бубны за горами».

Рибасъ (Осипъ Михайловичъ) давно уже страдаетъ политическою болѣзнью, поелику онъ теперь не можетъ исполнять должности дежурнаго бригадира, то избраны два генерала, попеременно дежурствующіе. Рибасъ съ досады заболѣлъ, потому что князь посылалъ его туда справляться, гдѣ выстрѣлено, какъ, кто и проч., куды-де должно посылать унтеръ-офицера и онъ-де отъ сей одной ѣзды натеръ себѣ въ задней мозоли.

Ежели посмотрѣть на обращеніе приближенныхъ къ фельдмаршалу, то можно сказать по пословицѣ: что чортъ строитъ шутки. Все коварства, хитрости, обманы; другъ дружку стараются оговорить, осрамить, себя возвысить, другаго унизить; выискивать достоинства, заслуги, коихъ никакъ не бывало, всклепать на другаго пороки, безчинства, коими самъ зараженъ, и проч. Не надобно противъ турковъ сражаться, много должно истребить прежде у себя въ арміи.

16-го октября. Турки все, что имѣли на островѣ Березани, за-

брали на свои судна, и слухъ пронесся, что прошедшіе изъ Очакова 18 суденъ нагружены были турецкими женщинами, дѣтьми, казною и наилучшимъ изъ имѣнія очаковскихъ жителей.

17-го октября. Князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ, по тщетномъ ожиданіи чрезъ всю кампанію, т. е. чрезъ пять мѣсяцевъ отправленія своего въ цесарскую армію, безъ всякаго притомъ здѣсь дѣла, будучи генералъ-аншефомъ и командовавшимъ прежде сего знатною дивизіею, уѣхалъ въ Москву, въ наивысочайшей степени досады.

18-го и 19-го октября. Въ сіи дни ожидали сильной канонады, которой предметъ долженъ былъ стремиться ко взятію турецкихъ траншеевъ, однако все что-то тишина царствуетъ. Турецкіе боты опять покушались пройти въ Очаковъ, но густо разставленный съ нашей стороны караулъ, выпаливъ по нихъ съ пушекъ, заставилъ ихъ удалиться во-свояси.

Вчера намѣрены мы были выманить турковъ изъ ихъ укрѣпленій болѣе для того, чтобы поймать сколько-нибудь и узнать о состояніи траншей ихъ; на сей конецъ послали одного егеря, яко бы къ нимъ уйти хотѣвшаго, а между тѣмъ спрятались нѣсколько солдатъ во рву. Посланный солдатъ, подбѣгая къ ихъ траншеямъ, упалъ на землю, будто изъ силъ выбился и просилъ турковъ, чтобы они вышли и взяли бы его подъ свою защиту. Съ нашей же стороны стрѣляли по немъ холостыми зарядами. Солдатъ непрестанно просилъ турковъ, чтобы они ему пособили, и дѣлалъ всякія тѣлодвиженія, но турки, примѣтя этотъ умыселъ, лишь только тому смѣялись и кричали: «приди самъ сюда». Солдатъ, видя, что турки не хотятъ ему пособить и попасться въ сѣти, ударился бѣжать назадъ, въ которое время одинъ изъ турковъ попалъ его пулею съ ружья въ дѣтородные уды, чѣмъ и дѣйствіе неудачной воинской хитрости кончилось.

Въ сію ночь прошло также турецкое судно изъ Очакова. Контръ-адмиралъ Павлъ-Жонесъ показалъ въ рапортѣ своемъ 20-го октября, ссылаясь на слова поручика Эдуарда, который отъ подполковника Рибаса слышалъ, яко бы судно было безъ пушки; но Рибасъ сказалъ свѣтлѣйшему князю, что точно судно было съ пушкою, и что онъ и поручику Эдуарду то же самое сказалъ. Свѣтлѣйшій князь послалъ Павлу-Жонесу строгой ордеръ, давая прежде всего въ ономъ ему разумѣть, что ссылки не принимаются тамъ, гдѣ дѣло идетъ о дѣйствительной службѣ, что онъ не примѣшиваетъ въ командѣ партикулярныхъ дѣлъ, что повелѣнія свои даетъ и перемѣняетъ по обстоятельствамъ, и что посему должно всѣ его повелѣнія принимать за законныя. Сей же день писалъ Павлъ-Жонесъ къ свѣтлѣйшему князю, что команду свою сдалъ съ рукъ контръ-адмиралу Мордвинову, на которое письмо свѣт-

лѣйшій князь отвѣчалъ ему со всякою учтивостію и увѣреніемъ о непремѣнной дружбѣ и доброжелательствѣ, такъ какъ и объ искреннемъ благорасположеніи и отмѣнномъ почитаніи.

21-го октября. Ночью прошло опять около десяти суденъ съ войскомъ изъ турецкаго флота въ Очаковъ, но нѣсколько изъ нихъ были отбиты и прогнаны назадъ. Удивляться такому ихъ мимо нашей флотиліи проходу нечего, такъ какъ нельзя обвинять и нашу флотилію въ нераченіи и оплошности, ежели разсудить, что ночи темны, вѣтеръ сильный и весьма способный для переходу турецкимъ судамъ въ Очаковъ, и что турки кромѣ парусовъ, при толь выгодномъ вѣтрѣ, не оставляютъ и грести веслами, а потому такъ какъ стрѣлы пролетаютъ мимо нашей флотиліи въ Очаковъ.

Сей день не на шутку снѣгъ шелъ съ вѣтромъ и дождемъ — и холодъ пронзителенъ—сырость.

22-го октября. Нечего ужь теперь удивляться и замѣчать ночи, въ которыя турецкія лодки въ Очаковъ мимо нашего флота проходить могутъ — вѣтры или дѣятельность природы смѣется дисциплинѣ, искусству и рачительности воинства.

23-го октября. Сегодня почти весь день безпрерывно продолжалась съ великимъ жаромъ пальба со всѣхъ нашихъ батарей и съ Лимана. Турки скоро утихли и послѣ на пятьдесятъ нашихъ выстрѣловъ едва отвѣчали однимъ. Гассанъ-пашинская батарея вся почти огнемъ нашей флотиліи повреждена.

Въ сей же день я съ моимъ товарищемъ барономъ Корфомъ вошли жить въ землянку. Великое затрудненіе было въ пріисканіи лѣса и за два небольшія бревна заплачено четыре рубля; они служили столбами, перекладины собраны изъ старѣхъ телѣгъ и проч.

Во время сильной пальбы, когда ядра свистомъ своимъ наполняли воздухъ и летали на подобіе града, когда человѣчество побиваемо было сими орудіями смертоносными, а и того ужаснѣе, когда иные несчастные, не будучи облагодѣтельствованы щедротами смерти, лишались руки, ноги, зрѣли сокрушающіяся отъ жестокаго удара быстро летящаго ядра свои кости, въ сіе то самое время, идучи я отъ берегу, услышалъ молебственное пѣніе, въ церкви походной Божеству приносимое; предметъ онаго: на враги побѣду и одолѣніе — на враги, подобное намъ человѣчество!

Послѣ обѣда пробили дыру въ каменной крѣпостной стѣнѣ и много причинили поврежденій въ прочихъ частяхъ крѣпости съ нашихъ на сушѣ построенныхъ батарей. Какъ къ намъ приходитъ нѣкто поручикъ баронъ фонъ-Сталь по вечерамъ, человѣкъ свѣдущій въ наукахъ и много читавшій книгъ, то мы и провожаемъ вечера при пушечныхъ выстрѣлахъ въ чтеніи выбранныхъ имъ изъ славныхъ сочинителей древнихъ

и новыхъ наилучшихъ, присовокупляя при томъ наши разсужденія. Таковое провожденіе времени напоминаетъ мнѣ мою студенскую въ Лейпцигѣ жизнь, когда я съ искренними и милыми друзьями, сидя въ теплой горницѣ, занимался и разными разсужденіями и музыкою, и которой напоминаніе вѣчно будетъ пріятно моему сердцу.

24-го октября. Фельдмаршалъ есть толь многозначущая особа въ арміи, что по волѣ своей и награждать и наказывать можетъ, сообразуясь въ томъ болѣе политическимъ правиламъ, нежели строгости и правосудія.

За одержаніе побѣды троекратно лиманскою флотиліею надъ турками всѣ находящіеся на оной чины получили повышенія чиновъ, кресты, золотыя шпаги и надѣются еще въ скорости и деньгами видѣть себя награжденными, и сіе все по волѣ фельдмаршала. Но сколько притомъ было роптаній, зависти, досадъ, протестовъ и отказаній отъ службы! есть дѣло всѣмъ явное: были и такіе, кои ничего не получили, а нѣкоторые изъ офицеровъ разжалованы въ рядовые. Нѣтъ ничего для духа философическаго и равнодушно взирающаго на раздаваніе чиновъ, награжденій и ободреній любопытнѣе и удивительнѣе, какъ зайтить къ г-ну маіору Ст., который дѣлаетъ по волѣ фельдмаршала генеральное по арміи производство. Тутъ найдешь полковниковъ, просящихъ дѣлателя производства, или только пружины онаго, чтобъ такого-то офицера повысить, онъ-де имѣетъ всѣ достоинства къ военной службѣ, хотя и выпущенъ изъ гвардіи—но кто онъ таковъ? князь и сынъ Н... Другаго офицера, чтобъ перевесть въ иной полкъ, онъ-де скученъ, грубъ, ослушенъ, хотя и службу знаетъ, но главный за нимъ порокъ изъ солдатскихъ дѣтей,—отъ нихъ не можно ожидать ничего хорошаго, они безъ всякаго воспитанія. Послѣ того полковникъ сей дѣлаетъ такія предъ секретаремъ снисхожденія, что можно назвать униженіями, или прямѣе сказать подлостями.

Входитъ другой, дѣлаетъ низкій секретарю поклонъ, изъявляетъ усердную свою дружбу объятіями и поцѣлуями, насказываетъ тысячу ласкательствъ, и послѣ вынувъ ассигнацію (во сколькихъ рубляхъ не знаю) вручаетъ ему, говоря: вотъ мой должокъ. Секретарь не промахъ, и закрываетъ явное дѣло ложью, примолвивъ: на что вамъ съ этакой бездѣльницы трудиться, мы бы и послѣ могли въ игрѣ же расчесться; но правда у меня нѣтъ шубы, такъ и пригодится. На сіе стоявшій офицеръ подхватилъ, ежели угодно, то я вамъ доставлю околышекъ крымскихъ на шапку—очень хорошо.

Вдругъ присѣло около дюжины офицеровъ; первый всѣхъ смѣлѣе спрашиваетъ: произведенъ ли я? Да, государь мой. Нижайше благодарствую. А секретарь столь подлъ, что и принялъ сіи жертвоприношенія благодарственныя—дѣльныя. Другой выскочка говорилъ: «Какъ же

я А. И. обиженъ, вить Л. моложе меня, да произведенъ, а я старше его въ семъ чинѣ служу». Вдругъ поднялся споръ, и доказательства съ обѣихъ сторонъ были: я старѣе; нѣтъ, онъ старѣе. Почему? — потому что старѣе. Третій выступилъ впередъ, и лишь только разинулъ ротъ, то ему вдругъ сказано: вы уже переведены съ пріудержаніемъ вашего чина въ другой полкъ. Только впередъ не проигрывайте въ карты провіантскихъ и фуражныхъ солдатскихъ денегъ, вы чрезъ то скоро попадете въ солдаты. Нѣтъ, отвѣчалъ сей съ восхищеніемъ, мой избавитель, я послѣдую уже вашимъ благимъ совѣтамъ. Полковникъ К. примолвилъ къ сему: «если бы не онъ (т. е. секретарь), то бы подлинно носили вы суму да ружье». Правда, отвѣчалъ сей офицеръ, безъ всякой при томъ робости и стыда, что я страстно зараженъ былъ игрою, но теперь отъ ней освобожденъ.

За симъ спрашивали другіе, подписаны ли ихъ аттестаты въ отставку; ихъ искусно укоряли шуткою, зачѣмъ они, будучи толь молоды, идутъ изъ службы прочь. Одинъ отвѣчаетъ: за болѣзнями, имѣя видъ столь красный и полный, что желательно бы и всякому здоровому таковой имѣть; другой: домашнія его обстоятельства понуждаютъ его къ тому; третій говоритъ, что отецъ его уже старъ и некому за хозяйствомъ присматривать. Но послѣдняго представленія объ отставкѣ были сіи: «я выхожу для того изъ службы прочь, что меня два раза обошли въ производствѣ, единственно за то, что старался съ усердіемъ служить, и никогда никому не похлѣбствовалъ.

...Приходилъ одинъ знатный турокъ къ нашимъ батареямъ и спрашивалъ, долго ли мы будемъ подъ городомъ стоять? Мы отвѣчали, что всю зиму, или пока его не возьмемъ, и что ежели городъ хочетъ менѣе видѣть убитыхъ, то пусть сдастся. Турокъ продолжалъ: правда, вы посланы отъ императрицы брать городъ, но и мы отъ султана имѣемъ повелѣніе защищать оный до послѣдней капли крови. И такъ, сказали мы, ежели не сдадитесь, то принуждены будемъ взять приступомъ. Турка, засмѣявшись, говоритъ на сіе: мы сего давно уже ожидаемъ, и наши сабли у всѣхъ довольно хорошо выострены; но, наконецъ, указывая на народъ, стоявшій на стѣнахъ крѣпостныхъ, и на обѣихъ пашей, просилъ на два дня, чтобы мы перестали палить, и что онъ принесетъ отъ пашей отвѣтъ. Но какъ прежде сего свѣтлѣйшій князь приказалъ палить, то и начали, по отходѣ вышесказаннаго турки, производить пальбу. Турка сей, спустя нѣсколько времени вышедши опять, упрекалъ насъ въ несдержаніи слова. Мы отвѣчали, что до его приходу имѣли повелѣніе отъ нашего паши производить пальбу, и что мы съ ними никогда не заключали договора и условія. Но когда сей ушелъ (просивъ прежде переговорить съ туркомъ, къ намъ бѣжавшимъ, который былъ присужденъ къ отсѣченію головы,

что ему и позволено), то горецъ старшій, бывшій при семъ переговорѣ, такъ какъ и прочіе турецкій языкъ знающіе, вдругъ осыпаны были съ крѣпости ядрами.

25-го октября. Сей ночи контръ-адмиралъ Мордвиновъ разбилъ семь суденъ турецкихъ, стоявшихъ у Очакова. Всѣ возопили: вотъ какой успѣхъ послѣ иностранныхъ начальниковъ; будто Россія столько бѣдна, что не найдетъ довольно храбрыхъ и неустрашимыхъ сыновъ отечества дома у себя, и будто надобно нанимать изъ другихъ государствъ воиновъ и повелителей и платить 5.000 душъ крестьянъ за то, что повелѣваетъ только нашими храбрыми солдатами.

27-го октября. Убѣждайся въ свой немощи, познавай слабость человѣчества и будь человѣкъ. Получилъ отъ брата письмо лаконическое. Споры о брандскугеляхъ—россіяне одни только несправедливы, употребляя ихъ противъ Очакова;—съ моей стороны, что все позволено употреблять противъ своего непріятеля. Да, отвѣтствовано мнѣ, это одни только россіяне способны къ тому. Но вить принцъ Нассавъ къ намъ принесъ изобрѣтеніе сіе. Да, сказалъ противникъ (надобно знать, что это былъ нѣмецъ, который хотѣлъ и всегда показывалъ, что онъ человѣкъ просвѣщенный), вездѣ въ Россіи варварство, напримѣръ въ Курскѣ и около. Отвѣтъ: и тѣ люди по мѣрѣ своего ощущенія имѣютъ блаженство. Такъ, сказано мнѣ, поди и лягъ спать подлѣ кухни. Бранится яко свинья—споръ, поди самъ, и нѣмецъ показалъ наконецъ, что онъ варваръ, нежели просвѣщенный человѣкъ, — ибо хотѣлъ подтверждать доказательство кулаками, а не разумомъ.

28-го октября.
29-го »
30-го »
Упражненіе въ проектѣ винокуренія — etc. (Зиэрманъ перегонщикъ Гутницкой ликерной фабрики).

31-го октября. Уже фельдмаршалъ и... построилъ землянки; отмѣнно хороши, пространны и со многими покоями—видно, что зимовать надобно. Флотъ же турецкой все еще стоитъ, какъ и прежде, на своемъ мѣстѣ. Каждый день производится пальба, а иногда со всѣхъ орудій, на батареяхъ разставленныхъ, залпомъ палятъ; таковое дѣйствіе необычайное заставило сперва всѣхъ думать, что конечно что-нибудь подорвано. Турки намъ отвѣчали однажды залпомъ бомбъ, пущенныхъ съ крѣпости вдругъ въ великомъ множествѣ, и ежели вѣрить перебѣгающимъ къ намъ туркамъ, то они-де не сдадутся, пока всѣ не будутъ истреблены. Сикурсу они часто получаютъ со флота, и дня четыре тому назадъ, прошло одно судно о трехъ мачтахъ; на немъ перевезено войска до 500 человѣкъ.

1-го ноября. Боже мой! какое рвеніе, зависть, поношеніе, наруганіе, оклеветаніе между офицерами, служащими при фельдмаршалѣ, или вообще въ главномъ станѣ, въ разсужденіи повышенія чинами:

ежели одинъ произведенъ въ короткое время, то другіе бѣшутся отъ того, выдумываютъ и приписываютъ ему всѣ возможные недостатки, смѣются неразборчивости въ людяхъ и дарованіяхъ тому, кто виновникомъ его счастья (буде то счастіемъ назвать можно). Сами дѣлаются себѣ несносными, что другіе сорвали (по ихъ выраженію) по два чина, въ сію кампанію, а они не имѣютъ къ тому еще и твердой надежды. Наконецъ отказавъ, или уничтоживъ всѣ достоинства въ поступающихъ чинами вышними офицерахъ, во утѣшеніе себѣ вопіютъ: вотъ счастіе, вотъ слѣпое счастіе Л—фу, Х—ну, З. З. бар. де Ст. и проч. и проч. и проч.

Бѣжавшій къ намъ сегодня изъ Очакова турокъ сказывалъ, что вице-паша убитъ бомбою, въ гасанъ-пашинской батареѣ.

Рибасъ бригадиръ совсѣмъ отъ дежурства при фельдмаршалѣ отставленъ; на мѣсто его поступилъ генералъ Рахмановъ, а онъ завтра ѣдетъ на флотилію.

Все зависть и интриги — говорятъ, что дежурный бригадиръ Львовъ всѣмъ теперь ворочаетъ, и отъѣздъ принца Нассау его-де есть дѣло.

2-го ноября. Сколько я ни думалъ найти людей, моему образомыслію соотвѣтствующихъ, всегда въ томъ ошибался и нерѣдко къ моему вреду.

3-го ноября. Какое счастіе и милость Божія для насъ, обитающихъ здѣсь на подобіе Тат..., что ясные дни продолжаются уже съ недѣлю.

4-го ноября. Всю почти ночь продолжалось пресильное бомбардированіе.—По утру турки долго палили на своемъ флотѣ и послѣ удалились. Надобно думать, что они пошли навстрѣчу нашему севастопольскому флоту, которому дано повелѣніе слѣдовать сюда къ Очакову съ тѣмъ, дабы турецкій флотъ отвлечь отсюда, а намъ бы осаду города производить безъ всякаго препятствія.

Ввечеру велѣно было нашимъ солдатамъ сильно кричать въ траншеяхъ находившимся: ура! ура! дабы турковъ выманить изъ подземельныхъ ихъ жилищъ, потому что всѣ строенія въ городѣ разорены отъ частыхъ бомбардированій, и лишь только турки взбѣжали на валъ, думая, что городъ приступомъ берутъ, то вдругъ со всѣхъ нашихъ батарей залпомъ изъ пушекъ по нихъ начали стрѣлять. Ура! велѣно было кричать и въ томъ намѣреніи, чтобы турки, будучи приведены въ мнѣніе, якобы городъ приступомъ берутъ, подорвали мины, но они что-то не поторопились въ томъ, но подняли послѣ сего сами великій крикъ.

Послѣ обѣда учинено выстрѣловъ 50 изъ каждаго орудія; полагаютъ всплошь пушечный выстрѣлъ по 5 рублей, а болѣе цѣнятъ въ 25 руб. Ежели положить, что мы пустили вчера 100 бомбъ, то... 2.500 рублей,

да пушечныхъ выстрѣловъ, каждый по 5 рублей—что будетъ стоить до 125.000 рублей; столько стоила пальба.

Посему если взять наобумъ каждый день, сколько зарядовъ и бомбъ, брандскугелей и гранатъ выстрѣлено, то съ самаго нашего начальнаго подъ Очаковомъ стоянія окажется превеликая сумма. Всякій разъ, когда приказано было палить, то никогда менѣе 25 выстрѣловъ не приказано было чинить изъ каждаго орудія. Ежели подумать о другихъ издержкахъ въ военное время необходимо нужныхъ, то нельзя не содрогнуться, какъ люди могутъ доходить до состоянія войны, толико человѣчество уничижающей и содѣлывающей его лютымъ звѣремъ! etc. etc.

6-го ноября. Въ ночь посланы были запорожцы на лодкахъ взять Березань, однако ничего не учинивъ тамъ, при возвращеніи назадъ, поймали турецкую, изъ Очакова мимо нашу флотилію уже пролетѣвшую, лодку съ 10-ю человѣками, которые показали, будто чернь хотѣла уже взбунтоваться за то, что паши не хотятъ сдаться, но они уговорили оную, чтобы еще три дня подождали, ибо россійская-де армія непремѣнно отъ города отступитъ. Съ сего времени начали кавалерійскіе полки мало по малу отправляться въ зимнія квартиры, оставляя по эскадрону здѣсь.

7-го ноября. Подъѣхавшія близко двѣ лодки запорожскія къ Березани востерпѣли довольно сильный огонь отъ турковъ, на ономъ островку для защиты оставшихся, какъ съ пушекъ, такъ и съ ружей; взяли въ скорости оный островъ. Турки, правда, мало защищались и отдались на произволъ фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго. При семъ случаѣ турковъ убито 30 человѣкъ и съ нашей стороны запорожцевъ 6 человѣкъ. Все сіе дѣйствіе происходило въ глазахъ великаго числа зрителей, стоявшихъ по надъ берегомъ. Часу въ 12-мъ утра же пріѣхали двѣ лодки съ тремя турками, кои вручили намъ свое знамя. Сіи турки говорили, что капитанъ-паша, отъѣзжая въ Константинополь, не велѣлъ имъ до послѣдняго человѣка защищаться, капитанъ же паша для того уѣхалъ въ Константинополь, чтобы возцарствовать надъ визиремъ, своимъ непріятелемъ, который хотѣлъ его у Порты очернить тѣмъ, что онъ въ Лиманѣ троекратно былъ россійскою флотиліею пораженъ, а теперь-де и самъ визирь претерпѣлъ великій уронъ въ разныхъ сраженіяхъ съ цесарцами.

Послѣ обѣда посланъ былъ туда генералъ Рахмановъ, съ тѣмъ чтобъ осмотрѣть и принять все казенное на ономъ островку находящееся, а турковъ, оставивъ имъ все ихъ собственное, перевесть теперь сюда яко военноплѣнныхъ, для чего и посланы за ними немедленно пять галеръ. Турковъ было тамъ числомъ около 400 человѣкъ, 21 пушка и много провіанта и амуниціи.

Въ 10-мъ часу вечера привезши находившагося въ Березани пашу на шлюбкѣ къ берегу, подвели ему княжую лошадь въ серебряномъ уборѣ, на которой онъ ѣхалъ верхомъ до назначеннаго ему прекраснаго домика. Въ ономъ всѣ выгоды для паши расположены были, дабы неволю его тѣмъ упріятствовать, и что только свойственно одному князю Потемкину Таврическому поступать столь нѣжно и человѣколюбиво съ плѣнными.

8-го ноября. Часу въ десятомъ былъ сей плѣнный паша съ другими старшинами на аудіенціи у князя фельдмаршала; сей подарилъ ему бриллiантовый перстень, и въ то самое время происходила пальба радостная съ завоеванной Березани, флотиліи и батарей. Для плѣнныхъ турковъ готовленъ былъ столъ. Плѣнные сіи старшины, выходя изъ домика княжескаго съ свойственною туркамъ величавостью въ длинныхъ одѣяніяхъ, ни мало на лицахъ ихъ не видно было унынія, кромѣ одной твердости духа и непоколебимости мыслей, каковыя только въ подобныхъ обстоятельствахъ быть могутъ на человѣкахъ, знающихъ непостоянство вещей и дѣяній въ моральной и физической природѣ.

9-го и 10-го ноября. Весьма много писемъ отправили въ разныя мѣста по нашей экспедиціи. Къ двумъ маршаламъ сейма графу Сапѣгѣ и графу Маляховскому съ просьбой, дабы они на сеймѣ исходатайствовали свѣтлѣйшему князю дворянство въ Польшѣ. Въ одномъ къ графу Стакельбергу пишетъ свѣтлѣйшій князь, что мы хорошо сдѣлали не возобновивъ союзнаго трактата съ Пруссіей, что не король прусскій причиною шведской противъ насъ войны, но дурная голова короля шведскаго; что, возобновивъ съ Пруссіей союзъ, навели бы на себя подозрѣнія у римскаго императора, который въ угодность намъ войну туркамъ объявилъ и многимъ жертвуетъ — фельдмаршала стратагема въ разсужденіи поздаго нашего выступа въ походъ въ іюнѣ мѣсяцѣ— etc. considérations.

11-го ноября. На разсвѣтѣ турки выслали изъ города въ великомъ числѣ на вылазку, напали на нашу вновь устроенную батарею на флангѣ лѣвомъ, отняли двѣ полевыхъ пушки и поставили было уже на завоеванной ими батареѣ знамя свое, перерѣзавъ малое число людей, въ сей батареѣ отъ холоду уснувшихъ; но находившійся тамъ на караулѣ генералъ Максимовичъ, разбудя солдатъ, пошелъ самъ впередъ и имѣлъ несчастіе по сильномъ врагу сопротивленіи быть сильно порубанъ и поверженъ на землю; въ которое время турки отрубили ему голову, унесли въ городъ. Солдаты же пошли на штыкахъ, прогнали турковъ, отняли знамя и отбили одну пушку, и гнавшись за ними нашли и другую во рву.

Въ семъ случаѣ много съ нашей стороны солдатъ перерѣзали османы, напавъ на сонныхъ, многимъ отрѣзали головы, унеся ихъ съ со-

бою, и взоткнувъ ихъ на штыкахъ, разставили по валу; между сими головами примѣчена и генерала Максимовича, и какъ о семъ донесено было князю свѣтлѣйшему, онъ съ сердцовъ велѣлъ лежавшимъ, побитымъ туркамъ около батареи отрѣзать головы и привезть въ станъ межъ солдатъ, что и учинено было. (Другіе говорятъ, что въ томъ было недоразумѣніе и что князь свѣтлѣйшій не приказалъ сего учинить). Боже мой, какой отвратительный взоръ! Взоръ, возбуждающій варварство человѣчества, къ человѣчеству содѣланное! Головы сіи отрубленныя возимы были вездѣ по лагерю, человѣки сбѣгались со всѣхъ сторонъ, посмотря на ихъ содрогались и ощущали ноющее омерзѣніе солдатъ, вопія: штурмъ! штурмъ!.. мужикъ: невѣрные... чиновный: гадкость, и всѣ содрогались и отвращались въ скорости отъ сей сцены.

12-го ноября. Шелъ снѣгъ или продолжалась мятель два дня безпрестанно. Сколько въ сіи дни померзло людей и пало скота. Гдѣ ни посмотришь, вездѣ завернуты въ рогожи человѣки, вездѣ палый скотъ... тамъ роютъ яму... въ другомъ мѣстѣ лежитъ нагой мертвецъ... въ иномъ, гдѣ побогатѣе умершій слышенъ гласъ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!» Тамъ дѣлаютъ гробъ, въ другомъ мѣстѣ просятъ на погребеніе и спорятъ о чемъ? что завтра и его такая же участь постигнетъ. Вздохи и стенанія вездѣ слышимы. О, смертный, рожденный съ соболѣзновательнымъ сердцемъ въ превосходномъ степени, но не имѣвшій случай умѣрять онаго жаръ—не ходи смотрѣть плачевнѣйшей сцены—полевой шалашной гошпиталь, гдѣ человѣчество не только страдаетъ отъ полученныхъ на сраженіяхъ ранъ, но холодъ, стужа и чрезвычайно свирѣпые сѣверные вѣтры усугубляютъ болѣе жестокость и боли ихъ ранъ; тамъ стонъ, тамъ вопль и единое моленіе къ Творцу сихъ страждущихъ есть прошеніе смерти, яко вящаго ихъ благополучія и послѣдняго имъ благодѣянія! Иттить мимо гошпитальныхъ палатокъ есть искушеніе для чувствительнаго сердца, мыслить для чего Творецъ попускаетъ человѣчество подвергать себя толикимъ бѣдствіямъ, наносящимъ мучительныя ему раны? разумъ — воля человѣкъ.

Отъ 13-го до 25-го ноября непрестанно продолжались морозы съ сѣверными вѣтрами; снѣгъ также великъ лежалъ, мы въ сіе время додѣлывали однако батарею, гдѣ генералъ Максимовичъ лишился головы. Корму для скота совсѣмъ ничего не было для того, что и Бугъ сталъ и перевозить не можно было на паромѣ. На все съѣстное жестоко цѣны умножались и фунтами продавали морковь, капусту, земляныя яблоки и проч. Напротивъ того вещи, а особливо лошади такъ дешевы были, что лошадь 50-ти рублевая отдана была за 5 рублей, 3 рубля или менѣе. Въ сіе время много говорено было о штурмѣ, о взятіи съ моря гассанъ-пашинской батареи, и ретраншамента турковъ, на что и

росписаніе было учинено; но можно ли естество преодолѣть человѣческими вымыслами: холодъ всѣхъ ихъ уничтожилъ.

25-го и 26-го ноября. Началъ таять снѣгъ, учинилась великая грязь, а посему опять штурмовать нельзя было. Между тѣмъ перебѣжало къ намъ изъ Очакова нѣсколько человѣкъ изъ христіанъ, кои увѣряли, что въ городѣ хлѣба дней на 15; ѣдятъ уже лошадей и во всемъ терпятъ крайній недостатокъ, что народъ хочетъ сдаться, но паша ихъ разными вымыслами утѣшаетъ, и наконецъ сказано, что уже и самъ паша склоненъ къ сдачѣ, но два байрак...(знаменосцы) сильно тому противятся, сказывая: нѣтъ быковъ и барановъ, ѣдите теперь лошадей, послѣ станемъ ѣсть собакъ и кошекъ, и тогда выдержимъ еще штурмъ.

Между сими коловратностями воинскими и бореніемъ со смертію человѣчества, амуръ вздумалъ играть свою роль. П. Серг. Потемкина супруга въ третій уже разъ посѣщаетъ нашъ лагерь въ сію кампанію. При фельдмаршальскомъ штатѣ находится нѣкто маіоръ Обрѣзковъ, петиметръ не послѣдній. Онъ влюбился, какъ сказываютъ, въ сію героиню, тогда когда она была еще свободна брачныхъ узъ, но сильная его къ ней страсть и по сіе время въ сердцѣ его дѣятельна, что обнаружилъ онъ письмомъ, препровожденнымъ къ обладательницѣ его сердца симъ способомъ: Госпожа сія, пріѣхавши къ фельдмаршалу съ визитомъ, встрѣтилась съ Обрѣзковымъ, прежнимъ ея любовникомъ; сей, провожая ее съ кареты, толкнулъ съ тѣмъ, что когда она оглянется, вручить ей свое письмецо, но она сказала ему: «послѣ-де можешь говорить, что желаешь»; между тѣмъ онъ пришпилилъ въ каретѣ пукетъ цвѣтовъ противъ того мѣста, гдѣ ей сидѣть должно, и провожая ее наконецъ къ каретѣ, вручилъ письмецо свое при глазахъ служителя ея, которому онъ для лучшаго успѣха въ своихъ предпріятіяхъ и наложенія на него молчаливости далъ червонецъ. Сей слуга по глупости, или по корыстолюбію, пріѣхавши домой и проводивши свою госпожу въ палатку къ ея супругу, началъ громко говорить: получилъ ли онъ отъ маіора письмо. Мужъ, сіе услыша, спросилъ о письмѣ, которое она ему и вручила; прочитавши оное, спросилъ слугу, какимъ образомъ сіе было. А сей и долженъ былъ во всемъ признаться, и въ томъ, что червонецъ получилъ. Мужъ, разсердясь, велѣлъ червонецъ отослать Обрѣзкову назадъ чрезъ своего дежуръ-маіора, который и вручилъ ему оный въ присутствіи много стоявшихъ офицеровъ и штабовъ. Письмо оное не полѣнился самъ доставить г-ну генералъ-фельдмаршалу. Сіе происшествіе много надѣлало смѣху въ цѣломъ лагерѣ, потому что оно со всѣхъ сторонъ странное въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Вѣтренность любовника, или болѣе его безразсудность, неосторожность слуги, а мо-

жетъ быть злость или вѣрность, и неблагоразуміе мужа были три предмета, занимавшіе мысли людскія.

27-го ноября. Съ сего числа велѣно продолжать пальбу дня три или четыре, и потомъ, буде турки не сдадутся, штурмовать городъ. Дѣйствіе же пальбы должно быть то, чтобы повредить бастіонъ и проломить стѣну для лучшаго входа въ крѣпость нашимъ солдатамъ.

Въ ночь перебѣжала къ намъ изъ Очакова женщина, она родомъ полька, но замужемъ была тамъ за туркомъ: сія между прочимъ объявила, что паша-де всѣхъ христіанокъ изъ города выслалъ въ траншеи къ туркамъ, на удовлетвореніе скотскихъ ихъ похотей, дабы таковымъ звѣрству подчиненныхъ своихъ угожденіемъ тѣмъ болѣе ихъ къ себѣ привязать. Она говорила и о прочихъ жестокостяхъ, каковыя турки производятъ надъ христіанами въ городѣ, какъ-то: о посаженіи ихъ въ глубокія ямы, мореніи голодомъ, холодомъ, и другихъ наругательствахъ.

29-го ноября. Также пришла ночью изъ Очакова христіанка, которая все то подтвердила, что прежняя ни сказывала.

30-го ноября. Читая книгу о заблужденіяхъ и истинѣ, удивлялся по истинѣ заблужденіямъ человѣковъ, кои мнительности превративъ по превратному ихъ мнѣнію въ дѣятельности, такъ за ними гоняются, что презираютъ покой, миръ, тишину, любовь супружественную, любовь къ ближнему—война—всѣ зла.

1-го декабря. Истекло наконецъ велѣніе отъ фельдмаршала опредѣлительное къ приготовленію къ штурму, въ самыхъ важно-патетическихъ выраженіяхъ, который, по истощеніи всѣхъ возможныхъ человѣколюбивыхъ средствъ въ принужденіи къ сдачѣ города, необходимо нуженъ для блага отечества. Удивительно, какъ всякъ изъ генераловъ заботился о участи его дѣйствія при штурмѣ.

Офицеры кавалерійскіе многіе бросились проситься также къ штурму, предполагая два предмета: смерть, или крестъ—о, сильная движимость страстей человѣческихъ!

2-го декабря. Вышло опредѣлительное росписаніе кому чѣмъ командовать въ приступѣ къ городу, и тутъ многіе нашлись обиженными изъ генераловъ, для того, что ихъ не въ самый огонь, не противъ ожидающей его турецкой вострой сабли посылаютъ, но велятъ или чинить нападеніе на слабое мѣсто города, или оставаться въ резервѣ. Удивительное удовольствіе иттить произвольно на смерть, или что и того мучительнѣе, быть изувѣчену безъ поправленія, и по конецъ дней оставаться уродомъ.

3-го декабря. Всѣ назначенные по долгу и самопроизвольно похотѣвшіе итти штурмовать городъ изображали на лицахъ своихъ печаль, уныніе, потому что слѣдующаго дня поутру въ 5 часовъ велѣно

самое дѣло начать.—Всякому жизнь мила, хотя въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ и чрезвычайно трудна. Иной пишетъ завѣщательную, другой письмо къ отцу, матери, другу и проч., и все сіе на случай; но какъ сей день съ самаго утра жестокій, сѣверный вѣтеръ дулъ и къ вечеру не много снѣгъ пошелъ, да что еще оказалось на лѣвомъ крылѣ неготовое, то и отложено до 5-го числа.

4-го декабря. Весь день продолжался вѣтеръ и метель сильная, и много снѣгу намело въ иныхъ мѣстахъ, а посему фельдмаршалъ и отложилъ штурмъ на 6-е число, какъ для жестокой погоды, такъ и для того, что сего числа празднество Николая Чудотворца. Въ сей день (Николая Чудотворца) графъ Румянцовъ взялъ городъ Колбергъ—и въ сей-то день, толь много значущій, долженъ и Очаковъ взять.

5-го декабря. По утру ...мовича засталъ и Лошкарева; здѣсь говорено было, что въ слѣдующую ночь пойдутъ съ фельдмаршаломъ они, яко переводчики и проч. Пришедши къ моему экспедитору иностранной секретной экспедиціи въ 11-ть часовъ утра, засталъ его въ постелѣ. Онъ спросилъ меня: что новаго? Что всѣ приготовляются на завтрашній день къ штурму, что многіе дѣлаютъ завѣщательныя, что удивительно, сколько охотниковъ изъ офицеровъ и простыхъ нашлось, которыхъ участь по долгу не постигла къ штурму, что солдаты съ великою охотою и крайнимъ удовольствіемъ идутъ на смерть.—Онъ мнѣ на сіе отвѣчалъ: мы конечно будемъ довольно писать послѣ штурма, и такъ приготовьте мнѣ перьевъ.—Что за флегматичество, вопіялъ во мнѣ гласъ, у такого впрочемъ доброй души человѣка? Послѣ обѣда простились со мною знакомые мнѣ офицеры, на штурмъ шедшіе, а особливо Ганъ курляндецъ, и Шталь германецъ; первый красавецъ и поведеніемъ своимъ всякаго къ себѣ привлечь можетъ; а другой ученый, женатъ и дѣтей имѣетъ; и оба по охотѣ одной, а не по долгу. Курляндецъ красивый кирасиръ, а германецъ пріятный драгунъ.

6-го декабря. На день Св. Николая Чудотворца взятъ штурмомъ Очаковъ по утру въ восемь часовъ, ретраншаменты турецкіе и крѣпость взяты въ одинъ часъ съ четвертью. Веденіе плѣнныхъ въ станъ—женщины испуганныя, дѣти замерзлыя—страшная сцена! Плачъ—вездѣ смерть торжествуетъ.

7-го декабря. Прежестокій морозъ и много изъ плѣнныхъ померло.

Вездѣ ужасъ и пронзительныя зрѣлища страданій человѣчества.

8-го декабря. Въ сіи дни дѣтей у матерей отнимали — вопль — иныхъ опять отсылали въ городъ жить—но человѣчество изувѣчено, изранено—при дверяхъ смерти. Въ Очаковѣ по освященіи мечети приносили въ ней благодарственное за взятіе города моленіе.

9-го декабря. Морозъ превеликій съ метелью прежестокою, такъ

что нельзя было пяти саженей пройти. Въ сей день не можно было достать воды. Такъ еще никогда природа до сихъ поръ здѣсь не свирѣпствовала. Изъ раненыхъ почти всѣ отправились въ сей день на тотъ свѣтъ.

10-го и 11-го декабря. Морозы съ вѣтромъ великимъ были.

12-го декабря. Былъ въ Очаковѣ, въ коемъ ничего болѣе не видалъ, какъ множество побитыхъ турковъ и нашихъ кучами, а особливо предъ воротами во рву; дома всѣ разорены и самый омерзительный видъ представляютъ.

Осмотрѣніе крѣпости—Гассанъ-пашинской батареи.—Турковъ заставили таскать турецкіе трупы въ Лиманъ.

13-го, 14-го и 15-го декабря. Продолжались сильные морозы. Начали переѣзжать нѣкоторые изъ главной квартиры въ Очаковъ жить.

Свѣтлѣйшій уѣхалъ 13-го въ Витовку на день для осмотрѣнія лазарета; но видно, что и не возвратится уже сюда.

16-го декабря. Сколько досадуютъ на неприбытіе князя тѣ, кои бывъ въ штурмѣ ожидаютъ награжденій. Съ утра поднялись сильные сѣверные вѣтры и метель, до сихъ поръ еще не бывалые.

17-го декабря. Все продолжалась метель, пронзительный вѣтеръ. Мы всѣ были снѣгомъ заметены, и никто не осмѣлился показать носа. Князь ввечеру прибылъ прямо въ Очаковъ и тутъ жилъ до выѣзда.

18-го декабря. Тихая погода. Пошедшіе егеря и другіе солдаты въ зимнія квартиры принуждены были воротиться въ свои землянки. Да и какъ можно маршировать въ морозы съ вѣтрами и метелью по степямъ, гдѣ на 50 верстъ не найдешь избушки, и притомъ за неимѣніемъ лошадей тянуть обозы и пушки.

19-го декабря. Съ утра опять поднялась превеликая метель съ вѣтромъ сѣвернымъ; потомъ превратилась въ гололедицу.

20-го декабря. Перевозъ въ Очаковъ—суматоха—просьба Гарденина—равнодушіе Б. и Л. Э. R. а [1])—а тутъ лихо и бѣда: онъ спрашиваетъ шоколаду. Ходилъ пѣшій изъ Очакова въ лагерь спать въ прежестокую метель ночью. До лагеря итти было 5 верстъ.

25-го декабря. Пошелъ также ночью, но долго блудилъ по причинѣ темноты, жестокаго вѣтра и скользкости. На другой день въ пресильную бурю опять въ Очаковъ.

26-го декабря. Уѣхалъ князь въ Херсонъ—а за нимъ и вся канцелярія остальная—я же оставался съ обозомъ барона Биллера въ Очаковѣ. Всѣ секретныя дѣла и даже шифранты отданы мнѣ.

29-го декабря. На силу утихла непогода, и солнце освѣтило бла-

---

[1]) То-есть Биллера.

гословенныя Очаковскія степи. Послѣ обѣда выѣхали и мы по великому снѣгу на колесахъ.

30-го декабря. На силу по выѣздѣ всей княжеской канцеляріи и намъ привели лошадей. Между тѣмъ какъ ихъ запрягали, я смотрѣлъ на крѣпость Очаковскую, и тогда всѣ чувствованія о учиненной человѣчествомъ противъ человѣчества жестокости возбудились въ моей душѣ весьма живо; пораженные мечемъ и огнемъ человѣки, а наипаче поверженные великими кучами въ крѣпостные рвы мертвые трупы ужасъ во мнѣ произвели; разоренные жителей бывшихъ сего города домы представлялись мнѣ омерзительнымъ позорищемъ, и мысль о зловредномъ изобрѣтеніи пушекъ, бомбъ, мортиръ, ядеръ... артиллеріи... толь славной науки, живо изобразила мнѣ всю гадкость ея дѣйствія. Наиболѣе всего меня тронулъ турка, таскавшій изъ города мертваго соотчича на Лиманъ—подобно здохлой скотинѣ.— Вотъ, человѣчество, разумомъ одаренное существо, коимъ ты столь много кичишься, твоя гнусная участь! вопіялъ гласъ во внутренности моей. Превѣчный Творецъ, на то ли Ты толь премудро устроенную тварь, человѣка, создалъ?

Городъ Очаковъ лежитъ на возвышенномъ мѣстѣ, и хотя чудному его укрѣпленію стѣна одна касается, по отлогости земли, самаго Лимана, однако съ верхней его части далеко видѣть можно по водѣ къ морю и Лиману. Въ лѣтнее время должно въ немъ быть очень весело, а особливо когда корабли приходятъ изъ азіатскихъ мѣстъ.

Мы, имѣя карету претяжелую и довольно поклажи, съ великимъ страхомъ пустились переѣхать чрезъ Лиманъ въ Кинбурнъ, потому что уже три дня вѣтеръ дулъ съ моря и притомъ съ весьма чувствительною оттепелью. Въ Кинбурнѣ немалое затрудненіе было въ хомутахъ, ибо тутъ находились верховыя только казачьи лошади, почему для искупленія оныхъ и принуждены ночевать на улицѣ до

1-го генваря 1789 года, а въ сей день, собравъ шесть хомутовъ съ великимъ трудомъ въ толь пустомъ мѣстѣ, каковъ есть Кинбурнъ, поѣхали въ 10-мъ часу до обѣда далѣе. Примѣтить надобно, что ...пріискивалъ хомутовъ... кинбурнскимъ закоулкамъ, попалъ нечаянно въ одну прескверную землянку, и спрашивая о своемъ дѣлѣ услышалъ голосъ женскій, что есть хомуты? Я съ ней началъ торговаться, но она спрашиваетъ меня: куда мы ѣдемъ, и на отвѣтъ: въ Херсонъ, просила взять ее съ собой—и такъ она, дитя и дѣвочка лѣтъ шести были еще наши сопутники.

2-го генваря. Трудность дороги была для насъ несказаемая; часто загрузнувъ въ снѣгу по три часа и болѣе бились, пока лошади изъ онаго вытащили. Подъ Херсономъ за двѣ станціи остановилась ѣхавшая съ нами женщина въ городкѣ Колпаковкѣ. Она ѣздила въ Кинбурнъ похоронять своего отца, полковаго священника, который пошедъ

въ Очаковъ воздать Богу общую хвалу за взятіе онаго, и возвращаясь оттуда въ Кинбурнъ во время жестокой вѣтряной съ метелью погоды, сбился съ пути, ночевалъ подъ снѣгомъ на льду, отъ чего простудясь на третій день духъ испустилъ.

Какая горестная ...ственная жизнь казаковъ донскихъ по станицамъ отъ Кинбурна до Херсона. Пространство сіе, обиженное природою всѣми необходимостями для человѣчества, толь скучно и страшно, что смотрѣть на жилища казачьихъ станицъ, гдѣ на каждой въ скверной землянкѣ толпится козаковъ 20, безъ дровъ, безъ хлѣба, безъ сѣна и овса для лошадей, при жестокихъ морозахъ, сѣверныхъ вѣтрахъ, сильныхъ метеляхъ, должно обливаться кровавыми слезами. Колпаковка одно только есть мѣстечко по всей сей дорогѣ. Ввечеру пріѣхавъ въ Херсонъ остановились у банкира Гонзети въ домѣ.

3-го генваря. Въ семъ городѣ какъ въ разсужденіи наступившаго новаго года, такъ и болѣе еще по причинѣ прибытія россійскаго побѣдителя, князя, производились балы, маскарады и другія потѣхи.

Прохаживаясь по Херсону, зашелъ въ крѣпость, увидѣлъ въ окно смотрѣвшаго Анадолскаго, препровождавшаго плѣннаго очаковскаго пашу. Вошедши въ покои, увидѣлъ прекрасный флигель; какая радость во мнѣ возбудилась, по претерпѣніи отъ толико трудной кампаніи очаковской и безпокойствъ, заиграть на семъ инструментѣ и воспомнить тѣ пріятные часы, кои провождалъ въ собраніи друзей, забавляя ихъ и себя музыкою. Паша, послышавъ меня игравшаго, вышелъ изъ своей горницы съ величавою поступью, и постоя нѣсколько хвалилъ проворство моихъ пальцевъ. Я думалъ, что конечно европейскія штучки музыкальныя мало его тронули, поелику о качествѣ оныхъ замолчалъ...

5-го генваря. Выѣхали изъ Херсона въ Елисаветградъ, а какъ и отсюда ѣхали мы въ каретѣ, то также премного претерпѣли безпокойствъ, а болѣе потому, что карета шла на колесахъ. Изъ Херсона до Елисаветграда вся дорога заселена уже слободами, всѣ нужныя для жизни вещи можно имѣть.

6-го генваря. Остановились квартирою у генерала Петерсона, коменданта елисаветградскаго. Познакомился съ маіоромъ Милихомъ, у коего часто забавлялся музыкою—и время весело проводилъ.

7-го генваря. Ночью выѣхалъ свѣтлѣйшій изъ Елисаветграда при пушечной пальбѣ, отобѣдавъ въ домѣ Красноглазова, гдѣ стояла квартирою графиня Браницкая, пріѣзжавшая поздравить князя со взятіемъ Очакова.

9-го генваря. Изъ Елисаветграда пріѣхалъ я съ командиромъ моимъ ночью въ Кременчугъ въ то самое время, когда пѣли «Тебе, Бога хвалимъ» и въ честь князю хоры при пушечной пальбѣ, нарочно сочиненные на случай взятія Очакова, славнымъ музикомъ Сартіемъ. Му-

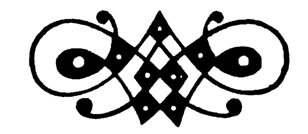
зыка была преогромная и производившихъ оную въ дѣйство считалось болѣе двухъ сотъ. Наиболѣе въ ней примѣчанія достойно было то, что при пѣвственномъ выраженіи словъ: Богъ, Господь міровъ, для усугубленія въ сихъ словахъ музыкою большей величественности разставлены были въ другихъ комнатахъ трубачи, барабанщики, литаврщики, и въ то же время по такту музыки палили изъ пушекъ, а таковое распоряженіе и сохранило всю душу внутренней гармоніи, и содѣлало ее слышимою выразительнымъ образомъ.

До 21-го числа безпрестанно продолжались балы. Между (тѣмъ) пріѣхалъ посыланный нашъ курьеръ изъ Вѣны, который привезъ оттуда новомодныя ленты, носимыя тамошними дамами въ честь фельдмаршалу Лавдону. Князь, давая въ послѣдній разъ свой балъ, купилъ розоваго атласу и разослалъ кременчугскимъ дамамъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ подѣлавъ изъ того перевязи чрезъ плечо, одѣлись бы въ бѣлыя шемизы безъ бочковъ; безъ чепчиковъ, а сколько возможно простѣе. Сей балъ начатъ былъ хоромъ: Тебе, Бога хвалимъ. Простое сіе одѣяніе женщинъ чрезвычайно было прелестно и несравненно превосходнѣе всѣхъ пышныхъ ихъ нарядовъ.

На другой день князь уѣхалъ въ Петербургъ. Мы прожили еще до 2-го февраля. Мнѣ весьма не хотѣлось ѣхать въ Петербургъ, а въ Харьковъ, яко мѣсто моего рожденія—и изъ котораго уже лѣтъ съ десять какъ отбылъ. Чрезъ то лишился удовольствія видѣть брата, сестру и перваго еще его жену, а послѣдней ея мужа, коихъ и не знаю, кто они таковы и каковы.

Вотъ конецъ моей Очаковской кампаніи или двулѣтняго моего изъ Петербурга отбытія.

Сообщилъ академикъ **А. Ѳ. Бычковъ**.

БЕРЛИНСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

для

исторіи новой русской литературы [1]).

Письмо Н. В. Гоголя В. А. Жуковскому.

(Неаполь, 4 марта 1847 ?).

Оба письма (одно отъ 4-го февраля и другое отъ 10-го) мною получены одно за другимъ, хотя они шли довольно долго. Еще не получая ихъ, я отправилъ также два письма, одно за другимъ. Въ одномъ была вложена выписка изъ письма Шевырева о кончинѣ Языкова; въ другомъ извѣщеніе о выпускѣ въ свѣтъ моей книги (въ изуродованномъ видѣ). То и другое было равно скорбно въ двухъ различныхъ отношеніяхъ. Но великъ Богъ, пріуготовляющій заблаговременно нашу душу къ перенесенію утратъ. О! да будетъ Онъ съ нами, да совершается все по Его святой волѣ, но да не оставляетъ Онъ насъ и да пребудетъ съ нами въ часы утратъ нашихъ. Мнѣ было также скорбно слышать о недугахъ и страданьяхъ нервическихъ Елисаветы Алексѣевны. Но я вѣрю милосердію Божіему, вѣрю, что это совершается для чего-то во благо души. И душа ея послѣ этихъ недуговъ, которые пройдутъ, возсіяетъ убранная новыми драгоцѣнными убранствами. Я получилъ на дняхъ письмо отъ Смирновой. Она теперь оправилась отъ своихъ нервическихъ страданій, которыя были ужасны, и, какъ сама она говоритъ, отняли у ней всѣ силы и самый умъ. Теперь она не знаетъ, какъ благодарить Бога за это время и за сокровища, которые оно принесло къ ней въ душу. Она говоритъ правду: въ словахъ самаго письма ея отражается какая-то полнота Разума и твердое несокрушимое упованіе. Скажу и о себѣ: мое здоровье также въ это время растроилось (ночи мои еще до сихъ поръ безъ сна). Сверхъ всего этого, сверхъ самаго

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1895 года, апрѣль, стр. 220.

удаленья отъ насъ въ лучшую страну Языкова, который такъ любилъ меня (два раза всякой мѣсяцъ писалъ онъ ко мнѣ и несмотря на всѣ свои недуги былъ исправнѣй всѣхъ моихъ кореспондентовъ), сверхъ всего этого мнѣ случилося получить много всякаго рода пораженій (sic) по самымъ чувствительнымъ струнамъ души моей отъ людей, разумѣется незнающихъ души моей. Но какъ все это было нужно! какъ все это было нужно! Я и подумать (еще) не могъ какъ много во мнѣ еще осталось гордости, самонадѣянности, самолюбія, саманадменности (sic) и высокомѣрія. Да будетъ благословенъ Богъ раскрывающій предъ нами нашу душу. Мнѣ кажется какъ будто послѣ всего этого я сталъ теперь проще и какъ будто ровнѣе: сужу потому что мнѣ теперь тяжело взглянуть на мою книгу, мнѣ кажется въ ней все такъ напыщено, неумѣренно, невоздержно, что отъ стыда закрываю впередъ обѣими руками лицо. О какъ мнѣ трудно управляться въ моемъ душевномъ хозяйствѣ. Имѣнье дано въ управленье большое а (самъ) управитель еще слишкомъ плохъ и слишкомъ ненаученъ, какъ привести имѣнье въ стройность. Какъ мнѣ трудно достигнуть той простоты, которая уже при самомъ рожденьи влагается другому въ душу, и до которой я долженъ достигать трудными путями всякаго рода пораженій! Отъ Плетнева я получилъ извѣщеніе, что назадъ тому два года былъ посланъ ко мнѣ точно вексель отъ Прокоповича во Франкфуртъ. Вексель этотъ вѣроятно получилъ вмѣсто меня какой-нибудь другой Гоголь, потому что одинъ изъ таковыхъ завелся во Франкфуртѣ во время нашего пребыванія вмѣстѣ и получалъ весьма часто вмѣсто меня мои письма. Надобно знать, что вексель этотъ былъ посланъ ко мнѣ противъ желанья моего, тогда какъ я уже сдѣлалъ совсѣмъ другое распоряженіе изъ моихъ денегъ. Но хозяина, которому принадлежали деньги не послушали, оттого можетъ быть и постигнула такая участь этотъ вексель. Во всякомъ случаѣ преслѣдованія по этому дѣлу и особенно всякого рода взысканія слѣдуетъ оставить: тотъ кто отважился взять эти деньги былъ человѣкъ вѣроятно беспорядочный и неимущій, а потому и до сихъ поръ остался такимъ же, то есть, беспорядочнымъ и неимущимъ, а потомъ придется можетъ быть содрать послѣднюю рубашку (если не самую кожу) или съ его жены или дѣтей или родственниковъ отъ чего Боже сохрани, а потому (мое) дѣло это оставить. Разузнать можно, но Христа ради никакихъ взысканій ни въ какомъ случаѣ! Что же касается до меня самого, то мнѣ теперь деньги (даже и слѣдуемые мнѣ) ненужны. Деньги теперь ползутъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, именно потому что я пересталъ о нихъ заботиться. Безденежье приходитъ только тогда, когда человѣкъ хлопочетъ о деньгахъ. Но обнимаю всѣхъ васъ мою до(рог)ую прекрасную семью (становящуюся?) съ каждымъ днемъ ближайшую моему сердцу. Богъ да хранитъ васъ всѣхъ. Всего... Гоголь.

Теперь я долженъ буду для укрѣпленія нервъ моихъ проѣздиться въ Швальбахъ и потомъ на морское купанье, а послѣ этого въ Неаполь вновь и оттуда на востокъ. Стало быть въ іюнѣ, если будетъ Богъ такъ милостивъ, мы встрѣтимся во Франкфуртѣ. Видно недаромъ было написано въ записной книжкѣ данной мнѣ въ Франкфуртѣ на дорогу: До свиданья и вслѣдъ за этимъ прибавлено Франкфуртъ.

Берл. кор. библ. Radowitz 8068. На перегнутой бумагѣ адресъ: Francfort sur Main. Son Excellence Monsieur Basile de Joukoffsky. Francfurt s. M. Saxenhausen. Salzwedelsgarten vor dem Schaumeinthor. Уцѣлѣлъ и штемпель: Francfurt 16 Mar. 1847.

Въ письмѣ Гоголя къ Жуковскому отъ 6 марта 1847 (Сочин. VI, 350—351) мы читаемъ: «назадъ тому два дня я отправилъ уже одно письмо къ тебѣ, занумерованное 4-мъ мартомъ, въ которомъ содержится мой маршрутъ». Изъ приписки нашего письма видно, что оно и есть то самое, о которомъ говоритъ Гоголь. Елизавета Алексѣевна ур. Рейтернъ—жена Жуковскаго. Нѣкоторыя подробности и о ея здоровьѣ, и о свиданіи во Франкфуртѣ въ іюнѣ повторяются и въ письмѣ изъ Неаполя отъ 12 марта 1847 г. (Сочин. VI, 354—356). Хотя письмо наше и уступаетъ по своему значенію письму отъ 6 (18) февраля 1847 г. и послѣдующимъ, напечатаннымъ И. А. Бычковымъ («Русскій Вѣстникъ» 1888 г., XI, стр. 60 и сл.), тѣмъ не менѣе оно ярко обрисовываетъ одинъ изъ моментовъ нравственнаго состоянія Гоголя послѣ полученія рѣзкихъ писемъ С. Т. Аксакова и другихъ по поводу «Переписки съ друзьями». Біографу Гоголя необходимо детально прослѣдить нравственное вліяніе Жуковскаго и семьи Рейтерновъ на религіозное направленіе Гоголя. Многое объясняется не однимъ вліяніемъ отца Матвѣя, а и тѣмъ духомъ піэтизма, подъ вліяніе котораго подпалъ и Жуковскій послѣ женитьбы на Рейтернъ. Не даромъ Аксаковъ негодуетъ на Жуковскаго: онъ даже писалъ письмо къ Плетневу, чтобъ остановить печатаніе «Переписки», но Плетневъ не согласился, ссылаясь, что «Жуковскій одобрилъ всѣ намѣренія Гоголя». Для Аксакова поразительны выраженія Гоголя въ «Перепискѣ»: «прекрасный Небесный Отецъ нашъ и рядомъ прекрасный другъ мой (говоря о Жуковскомъ)». Гоголь, по его мнѣнію, «льститъ Жуковскому». Въ письмѣ къ Гоголю отъ 27 января 1847 г. Аксаковъ прямо пишетъ: «Дадутъ Богу отвѣтъ эти друзья ваши, слѣпые фанатики и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогли вамъ запутаться въ сѣти собственнаго ума вашего, дьявольской гордости, которую вы принимаете за христіанское смиреніе». На это письмо Гоголь отвѣчалъ 6 марта, признавая свое сочиненіе недодѣланнымъ (сравненіе съ поваромъ, неумѣвшимъ приготовить обѣдъ для гостей и показывавшимъ только кастрюли и весь особенный кухонный снарядъ). Это настроеніе должно быть признано искреннимъ, такъ какъ оно совпадаетъ и съ данными нашего письма, но уже въ іюнѣ тонъ Гоголя былъ другой (Аксаковъ. «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ». М. 1890, стр. 155—169).

Апологію Гоголя и сводъ всего матеріала можно найти въ очеркѣ П. А. Матвѣева «Н. В. Гоголь и его переписка съ друзьями». Спб. 1894 г. (XXIII+152). Для нашего письма любопытны стр. 140—143.

Сообщ. **И. А. Шляпкинъ.**

Памяти Н. М. Карамзина [1]).

23 августа 1845 г. послѣдовало торжественное открытіе въ городѣ Симбирскѣ, какъ мѣстѣ родины, памятника Николаю Михайловичу Карамзину. Предъ молебствіемъ преосвященный Ѳеодотій, епископъ симбирскій и сызранскій, произнесъ слово, которое началъ такъ:

«Слава ихъ не потребится; тѣлеса ихъ въ мирѣ погребена быша, а имена ихъ живутъ въ роды, премудрость ихъ повѣдятъ людіе, и похвалу ихъ исповѣсть церковь (Сир. гл. 44).

«Чѣмъ приличнѣе привѣтствовать мудраго, если не словами мудраго?—И мы привѣтствуемъ тебя, мужъ мудрый и доблій, словами святой премудрости: слава твоя не потребится; ты почилъ въ мирѣ, но имя твое переживетъ роды, премудрость твою повѣдятъ людіе, а похвалу твою исповѣсть церковь.»

Затѣмъ въ актовомъ залѣ гимназіи, попечитель ея Ознобишинъ прочелъ слѣдующее стихотвореніе своего сочиненія:

Онъ здѣсь! Онъ вѣчно нашъ! Изображенье Кліи
Отнынѣ передастъ въ позднѣйши времена
И даръ Царя и дань признательной Россіи
Къ трудамъ Карамзина.
Какъ древле Геродотъ, средь шумныхъ игръ Эллады,
Разсказомъ сладостнымъ народы увлекалъ,
И юный Ѳукидидъ, вперивъ на старца взгляды,
Рыдалъ и трепеталъ;
Такъ русскій юноша, теперь идущій мимо,
Взглянувъ на этотъ ликъ, сіяющій въ мѣди,
Любовь къ отечеству,—сей огонь неугасимый
Восчувствуетъ въ груди.

---

[1]) 23 августа исполнилось 50 лѣтъ со дня постановки памятника Н. М. Карамзину. Редакція «Рус. Стар.» считаетъ не лишнимъ напомнить читателямъ объ этомъ событіи и о заслугахъ Н. М. Карамзина.

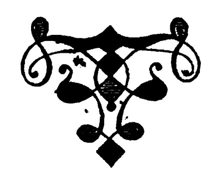
Въ ней вдругъ пробудится невѣдомая сила
Высокихъ подвиговъ, чѣмъ втайнѣ мысль кипитъ,
И, какъ птенецъ орла, свои расширивъ крыла,
Онъ къ солнцу возлетитъ!
А ты, на чьихъ брегахъ замолкнулъ звукъ булата,
Два царства падшія омывшая волной,
Ты, мирно льющая обиліе и злато,
Ликуй: онъ пѣстунъ твой!
Да, Волга, онъ твой сынъ! Когда иноплеменный
Насъ спроситъ: это кто? Мы гордо скажемъ: тотъ,
Кому привѣтливо внималъ Благословенный
Средь царственныхъ заботъ!
Кто время Грознаго, безстрастный и свободный,
Дѣянья тайныя потомству передалъ;
Впервые намъ раскрылъ языкъ простонародный;
Русь міру указалъ!
Кто щедро взысканный, мечталъ и дней въ закатѣ
О славѣ родины, когда языкъ нѣмѣлъ!
Надъ кѣмъ монархъ скорбѣлъ, и въ сдѣланной утратѣ
Съ Россіей сиротѣлъ.

Приводя эти строки изъ современныхъ газетъ, описывавшихъ открытіе памятника, мы считаемъ умѣстнымъ привести и слова М. Н. Каткова (См. № 254 «Московскихъ Вѣдомостей» 1866 г.), которыми онъ характеризовалъ значеніе Карамзина:—«Значеніе Карамзина не исчерпывается его заслугами литературными, какъ ни важны онѣ, не исчерпывается даже и великимъ трудомъ его жизни, «Исторіей государства Россійскаго.» Карамзинъ дорогъ для насъ не тѣмъ только, что онъ сдѣлалъ, но и чѣмъ онъ былъ. Въ исторіи нашего юнаго образованія онъ представляетъ собою одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ типовъ, въ которомъ гармонически сочеталось все, что только можетъ быть сочувственно и дорого для просвѣщеннаго и мыслящаго русскаго человѣка.... Онъ былъ русскій не только по рожденію, но и по чувству; всею жизнію своею и дѣятельностью, столь плодотворною, принадлежалъ онъ Россіи. Но въ своемъ качествѣ русскаго, онъ былъ человѣкъ и ничто человѣческое не считалъ себѣ чуждымъ; онъ былъ сынъ всемірной цивилизаціи. Качество русскаго и качество европейца не были въ немъ двумя чуждыми, друга друга не знавшими силами, или двумя противными тяготѣніями; они не только не ссорились въ немъ, не только не отнимали другъ у друга мѣста, но были, какъ и слѣдуетъ, одною и тою же силой, и онъ былъ весь русскій въ своемъ европейскомъ качествѣ, онъ былъ весь европеецъ въ своемъ русскомъ чувствѣ».

«Онъ былъ писатель, доводившій свое выраженіе до классической оконченности. Онъ былъ политическимъ дѣятелемъ, хотя и не находился на оффиціальныхъ поприщахъ государственной службы.

Несмотря на то, что его время представляетъ мало условій для политическаго образованія, онъ обладалъ удивительно зрѣлымъ политическимъ умомъ, который онъ воспиталъ и укрѣпилъ своими историческими изученіями. Онъ не былъ придворнымъ, но находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ членамъ царской семьи и самому государю, который съ нимъ переписывался. Его письма къ Александру Павловичу, императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и в. к. Екатеринѣ Павловнѣ исполнены удивительной искренности, простоты и человѣчности. И, конечно, изъ числа людей, самыхъ приближенныхъ къ императору, никто не былъ преданъ ему болѣе Карамзина, но никакого раболѣпства ни въ дѣйствіяхъ, ни въ словахъ его. Чувство подданнаго въ Карамзинѣ, этомъ свѣтломъ представителѣ нашей народности, не было чувствомъ раба. Благоговѣя передъ святынею верховной власти, глубоко чувствуя и ясно разумѣя силу семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ уставовъ, Карамзинъ представлялъ собою образецъ характера, въ высокой степени независимаго и благороднаго. Онъ разумѣлъ всю цѣну порядка, но точно также понималъ онъ и цѣну свободы, и одно понималъ въ другомъ. Никто болѣе его не былъ чуждъ того поверхностнаго и пошлаго либерализма, который служитъ вѣрнымъ признакомъ умственной незрѣлости людей и политической незрѣлости обществъ; зато никто болѣе его не обладаетъ тѣмъ святымъ инстинктомъ свободы, безъ котораго человѣкъ не можетъ имѣть никакихъ нравственныхъ достоинствъ. Независимость его характера восходила до гражданскаго мужества».

Сообщ. **И. Н. Божеряновъ.**

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

Матеріалы и замѣтки.

Объ устройствѣ на костяныя вещи работы императора Петра I футляровъ. О тріумфальномъ столбѣ въ память баталій Петра Великаго.

Въ Правительствующій Сенатъ.

Доношеніе.

Прошлаго 1723 году собственными трудами блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго сдѣланы и имѣются въ Петро-Павловскомъ соборѣ два костяныя паникадила и одинъ животворящій крестъ съ изображенными Апостольскими лики, такожъ и въ Троицкомъ соборѣ костяное жъ паникадило, а нынѣ я усмотрѣлъ, что такое великое и премудрое дѣло многотрудныхъ рукъ государя императора Петра Великаго отъ нападающей пыли чрезъ долгое время весьма повредилось, отчего стало уже оно не удивленія, но сожалѣнія достойно. И понеже древнихъ славныхъ государей, напримѣръ Александра Великаго и прочихъ токмо повелѣніемъ сдѣланныя курьозныя вещи хранятся въ кунстъ-камерахъ съ великимъ присмотромъ, то кольми паче вышеозначенныя вещи, произведенныя собственными премудрыми трудами несравненнаго въ семъ свѣтѣ императора Петра Великаго, мы долженствуемъ всѣми мѣрами хранить и содержать въ великомъ наблюденіи, дабы въ предтекущее время не могли такъ повредиться и потратиться;

а по мнѣнію моему на вышеупомянутые Его Величества труды надлежитъ сдѣлать изъ зеркальныхъ стеколъ въ мѣдныхъ рамахъ футляры и вызолотить въ пристойныхъ мѣстахъ фигуры, чѣмъ оное вышеупомянутое великое дѣло отъ нападающей всякой пыли предохранено быть имѣетъ. Токмо на всѣ къ тому матеріалы, припасы и на украшенія потребно денегъ 2.500 рублевъ и оную сумму Правительствующему Сенату повелѣть указомъ отпустить въ Академію наукъ, въ вѣдомство мое въ экспедицію лабораторіи механическихъ и инструментальныхъ наукъ и изъ оной экспедиціи будетъ расходъ имѣться на покупку разныхъ къ тому дѣлу потребныхъ припасовъ, а именно: на покупку мѣди зеленой, зеркальныхъ стеколъ и на золото червонное, для золоченія и на прочія потребы о томъ обстоятельный щетъ по сдѣланіи тѣхъ футляровъ представленъ будетъ, куды подлежитъ. А нынѣ онаго счету обстоятельно подробнаго показать невозможно, понеже оному дѣлу примѣру не имѣется. Да при той же работѣ чтобъ повелѣно было указомъ какія для нея касаться будутъ нужды имѣющимся цѣховымъ въ артиллеріи и въ вѣдомствѣ канцеляріи о строеніи мастеровымъ людямъ, по указанію моему, все исправлять неотмѣнно, которыхъ съ воли подрядомъ сыскать не токмо ненадежно, но еще и невозможно. Того ради ежели помянутая сумма для сдѣланія такихъ футляровъ отпущена будетъ и въ помянутыхъ же двухъ командахъ исправлять всѣ потребныя къ нимъ дѣла мастеровыми людьми повелѣно быть имѣетъ, то такіе футляры могутъ сдѣланы быть въ непродолжительномъ времени.

Того ради Правительствующему Сенату симъ представляю, чтобъ соблаговолено было на вышепомянутыя три паникадила и на животворящій крестъ зеркальныхъ футляровъ для предохраненія впредь текущее время въ славу достохвальную государя императора Петра Великаго и въ славу отечества возъимѣть свое неотмѣнное стараніе для онаго дѣла повелѣть Правительствующему Сенату указомъ отпустить 2.500 рублевъ, а ежели по сему моему доношенію для дѣла означенныхъ футляровъ помянутой суммы отпущено не будетъ и отъ того нехраненія впредь можетъ наиболѣе какъ повредится и вовсе потратится, чтобъ изъ того въ предъидущее (предбудущее?) время на меня какого бъ нареканія быть не могло. Андрей Нартовъ.

Апрѣля дня 1747 году.

«Слушано маія 25 дня 1747 году.

Правительствующій Сенатъ, слушавъ сего доношенія, приказали: по означенному представленію на дѣло показанныхъ, на помянутыя три паникадила и на животворящій крестъ, футляровъ отпустить на первый случай изъ штатсъ-конторы изъ неположенныхъ въ статъ доходовъ до

1.000 рублевъ, которые и отдать совѣтнику Нартову съ роспискою и для записки тѣхъ денегъ въ расходъ дать ему за шнуромъ и за печатью той конторы книгу и какъ деньги въ расходъ употреблены, тогда оную книгу для щету подать ему, Нартову, въ ревизіонъ-контору и о томъ въ штатсъ-контору и куда надлежитъ послать указы за подписаніемъ Правительствующаго Сената»[1].

Въ Правительствующій Сенатъ канцеляріи отъ Академіи наукъ

Доношеніе.

При Академіи обрѣтающійся совѣтникъ Нартовъ, поданнымъ своимъ въ канцеляріи въ февралѣ сего году доношеніемъ представляетъ, что еще при жизни Его Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго начатъ имъ, совѣтникомъ, дѣлать тріумфальной столбъ всѣмъ баталіямъ и другимъ славнымъ Его жъ Императорскаго Величества дѣламъ, къ чему многое число патроновъ и другихъ пріуготовленій сдѣлано, токмо сіе важное дѣло и понынѣ ко окончанію не пришло, понеже въ заготовленіи разныхъ къ сему столбу пробныхъ фигуръ и вещей происходятъ великія затрудненія на Литейномъ дворѣ и въ подчиненныхъ канцеляріи отъ строеній мѣстахъ; а болѣе всего остановилось сіе дѣло за неимѣніемъ денегъ на покупку разныхъ матеріаловъ, чего ради означенный совѣтникъ Нартовъ проситъ нынѣ на первый случай 2.000 р. въ щетъ исправленія тріумфальнаго столба, а притомъ требуетъ, дабы указомъ Правительствующаго Сената канцеляріи главной артиллеріи и канцеляріи отъ строеній повелѣно было въ вѣдомствѣ обѣихъ мѣстъ находящимся мастеровымъ людямъ исправлять потребныя къ тріумфальному столбу вещи дѣлать по указанію его, совѣтника Нартова, безъ замедленія, для того, что такихъ мастеровыхъ съ воли нанять нигдѣ получить невозможно, а слѣдственно и заготовлять такихъ вещей будетъ некѣмъ. Понеже Академія наукъ особливой на исправленіе сего тріумфальнаго столба суммы не имѣетъ, а за недостатками изъ собственной суммы нимало къ тому способствовать не въ состояніи, того ради у Правительствующаго Сената канцелярія Академіи наукъ симъ покорнѣйше проситъ, дабы на сіе важное и нужное для вѣчной славы и памяти героичныхъ дѣлъ го-

---

[1]) Іюля 15 статсъ-контора «репортомъ» донесла, что о выдачѣ денегъ 1.000 р., изъ С.-Петербургской рентереи послана въ тое рентерею асигнація, а для записки оныхъ денегъ въ расходъ дана ему, Нартову, за шнуромъ и за печатью той конторы книга.

сударя императора Петра Великаго исправленіе тріумфальнаго столба повелѣно было изъ штатсъ-конторы отпустить въ щетъ сего строенія 2.000 рублевъ и отдать на содержаніе ему, совѣтнику Нартову, которой оныя деньги на исправленіе сего столба держать и щеты въ надлежащее мѣсто подавать будетъ, а въ канцелярію бы главной артиллеріи и фортификаціи, также въ канцелярію отъ строеній послать изъ Правительствующаго Сената указы, чтобы находящіеся въ вѣдомствѣ обѣихъ канцелярій мастера и художники по требованію его жъ, совѣтника Нартова, все къ тріумфальному столбу потребное безъ задержанія и отговорокъ исправляли.

Г. Кирила Разумовскій.
Шумахеръ.
Григорій Тепловъ.
Секретарь Сергѣй Волчковъ.

Марта 26 дня 1747 г.

«Слушано мая 25 дня 1747 году».

Правительствующій Сенатъ приказали: по вышеписанному канцеляріи Академіи наукъ представленію на исправленіе тріумфальнаго столба 2.000 рублевъ выдать совѣтнику Нартову изъ штатсъ-конторы изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ немедленно и для записки тѣхъ денегъ въ расходъ дать ему за шнуромъ и за печатью той конторы книгу и какъ тѣ деньги въ расходъ употреблены будутъ, тогда оную книгу подать для щету въ ревизіонъ-контору, такожъ находящихся въ вѣдомствѣ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи и отъ строенія мастеровъ и художниковъ по требованію совѣтника Нартова для означеннаго дѣла отсылать безъ всякаго задержанія и о томъ послать указы подлинно за подписаніемъ Правительствующаго Сената [1]).

Сообщ. **А. Голомбіовскій.**

---

[1]) Іюня 30—ревизіонъ-контора, іюля 1—штатсъ-контора, іюня 27—канцелярія главной артиллеріи и фортификаціи подали въ Сенатъ рапорты о полученіи и дѣйствительномъ исполненіи указа (Московскій Архивъ министерства юстиціи, книга Правительствующаго Сената № 45—807, л.л. 769—792).

Примѣчаніе. Въ этой же книгѣ находится нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о Нартовѣ (л. 796). «Онъ, Нартовъ, наиболѣе въ артиллерійскихъ дѣлахъ упражнялся, за которыя въ 1741 году совѣтникомъ произведенъ, а мая 1-го числа 1746 г. отъ Ея Императорскаго Величества деревнями и знатной суммою денегъ пожалованъ».

Указомъ мая 2-го «за его прилежные труды и показанное при артиллеріи въ пушечномъ дѣлѣ, въ зачинкѣ раковинъ и въ сверленіи цилиндровъ и литьѣ новыхъ пушекъ и обтачиваніи чугунныхъ ядеръ искусство, чего въ Россіи еще не бывало... указали выдать ему въ награжденіе 5.000 р., да жалованья давать ему въ годъ по 1.300 р.» (л. 797).

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ съ половины мая до половины іюня настоящаго года.

Письма В. А. **Жуковскаго** къ А. И. Тургеневу (1814 — 1815). Продолженіе). «Русск. Архивъ». Приложеніе, 1895, № 5.

Пашковъ, П. П. Ѳ. Ѳ. Львовъ. – Некрологъ и рѣчь у его гроба.—«Русск. Архивъ», 1895, № 5

Письмо шведскаго короля **Оскара** къ Н. А. Мартынову (1862).—«Русск. Архивъ», 1895, № 5.

Рѣчь К. С. **Аксакова** на обѣдѣ графу Д. Е. Сакену (1856).—«Русск. Архивъ», 1895, № 5.

Изъ переписки С. Т. Аксакова съ П. А. Плетневымъ о Гоголѣ (1846), съ предисловіемъ Н. П. **Павлова**—«Русскій Архивъ», 1895, № 5.

Письмо М. П. **Погодина** къ О. М. Бодянскому съ приписками Шевырева и Гоголя (1839).—«Русск. Архивъ», 1895, № 5.

Двѣ записочки графа Ѳ. В. **Растопчина** князю Н. Б. Юсупову.—«Русск. Архивъ», 1895, № 5.

Письмо князя П. А. **Вяземскаго** къ Е. М. Хитровой (1831) по поводу стиховъ Пушкина: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина».—«Русскій Архивъ», 1895, № 5.

Мартыновъ, А. А. Надгробная лѣтопись Москвы. — «Русскій Архивъ», 1895, № 5.

Къ Московской геральдикѣ. Замѣтка **N.**—«Русск. Архивъ», 1895, № 5.

Письма московскаго митрополита **Филарета** къ Е. М. Хитровой и къ ея дочерямъ (1828—1847).—«Русск. Архивъ», 1895, № 5.

Семеновъ, М. О. А. Н. Муравьевъ въ послѣдніе годы своей жизни. Воспоминанія М. О. **Семенова** (1864 — 1871).—«Русск. Архивъ», 1895, № 5.

Гражданскіе замѣты князя В. Ѳ. **Одоевскаго**. Всеподданнѣйшая записка его для императора Александра Николаевича (1868), представленная В. П. **Титовымъ**, съ воспоминаніемъ М. Д. **Свербеева** о князѣ Одоевскомъ.—«Русск. Архивъ», 1895, № 5.

Апологія публичныхъ лекцій профессора К. Ф. Рулье, написанная М. Н. **Катковымъ** (1852), съ предисловіемъ Н. П. **Барсукова**. — «Русскій Архивъ», 1895, № 5.

Отмѣтки императора **Николая** Павловича на представляемыхъ ему бумагахъ (1827—1851). Сообщено К. П. Побѣдоносцевымъ.—«Русск. Архивъ», 1895, № 5.

Записки Александры Осиповны **Смирновой**. Воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ. (Съ портретомъ).—«Русск. Архивъ», 1895, № 5.

Титовъ, А. А. Св. Димитрій, митрополитъ ростовскій.—«Русск. Архивъ», 1895, № 5.

Сторожевъ, Василій. Подарки царя Алексѣя полковнику Лесли «для крещенья и за подначальство».—«Археол. Извѣст. и Замѣтки», 1895, № 5. Москва.

Медоксъ, К. Къ замѣткѣ «О загадочной надписи на монетѣ великаго князя тверскаго, Ивана Михайловича». —«Археол. Извѣст. и Замѣтки», 1895, № 5, Москва.

Кашкинъ, Н. Д. Проф. Воспоминанія о П. И. Чайковскомъ. (Продолженіе). —«Русск. Обозр.», 1895, май.

Муркосъ, Г. А. Проф. Отрывокъ изъ путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, въ половинѣ XVII столѣтія.—«Русск. Обозр.» 1895, май.

Павловъ, Н. М. Полемика Каткова съ Герценомъ. Эпизодъ изъ шестидесятыхъ годовъ—«Русск. Обозр». 1895, май.

Кулишъ, П. А. Украинскіе казаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмѣльницкаго. (Окончаніе). - «Русск. Обозр.», 1895, май.

Муравьевъ, А. Н. Мои воспоминанія. (Съ примѣчаніями А. А. Третьякова).—«Русск. Обозр.», 1895, май.

Колюпановъ, Н. П. Изъ прошлаго

(Посмертныя записки). (1850—1857) (Продолженіе). — «Русское Обозр.», 1895, май.

Рыбаковъ, С. Вопленница Ирина Андреевна Өедосова. (Съ портретомъ и нотами).—«Русск. Бесѣда», 1895, апр.

Письмо императора Александра I черногорскому владыкѣ и митрополиту Петру I Святому. — Сообщилъ проф. Ф. I. **Ковачевичъ**. «Русск. Бесѣда», 1895, апрѣль.

Липранди, А. П. (Волынецъ). Зачатки раскатоличенія западнаго славянства.—«Русская Бесѣда», 1895, апр.

Дашкевичъ, Л. И. О выселеніи крестьянъ въ черноземной полосѣ. - «Земля» 1895, № 2.

А. Сибирь и Трансазіатскій желѣзный путь.—«Земля», 1895. № 2.

Красновъ, Пл. Н. Поэтъ міровой жизни.—«Книжки Недѣли». 1895, май.

Фаресовъ, А. Живописецъ-моралистъ. (Изъ личныхъ воспоминаній о Н. Н. Ге).—«Книжки Недѣли», 1895, май.

Л. В. Свѣточи земли русской.—А. С. Грибоѣдовъ, В. В. Крестовскій, Н. С. Лѣсковъ. — «Семьянинъ», 1895, мартъ.

Красновъ, П. Н. Чуткій художникъ и стилистъ. Памяти Н. С. Лѣскова — «Трудъ», 1895, № 5.

Рудановъ, В. Василій Васильевичъ Крестининъ (По поводу 100-лѣтія со дня смерти).—«Журн. М. Н. Просв.», 1895, май.

Филевичъ, И. П. Очеркъ Карпатской территоріи и населенія. (Продолженіе).—«Журн. М. Н. Просв.», 1895, май.

Айналовъ, Д. В. Мозаики IV и V вѣковъ. (Продолженіе).—«Журн. М. Н.. Просв.», 1895, май.

Рождественскій, С. В. Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI вѣкѣ.—«Журн. М. Н. Просв.», 1895, май.

Ромуальдъ Бодуэнъ **де-Куртенэ**. Записки львовскаго аптекаря о событіяхъ 1606 года въ Москвѣ. «Журн. М. Н. Пр.», 1895, май.

Дьяконовъ, М. А. Половники поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII вѣкахъ.—«Журн. М. Н. Просв.», 1895, май.

С. В. В. Два юбилея. (В. Г. Васильевскаго и А. Н. Веселовскаго).—«Образованіе», 1895, апрѣль.

Лапицкій, Н. Г. Отголоски Тулонскихъ событій 1893 года. Безплатное приложеніе къ журн. «Чтеніе для солдатъ».—Спб., 1895, 1.

Пудавовъ, В. М. Историческая записка. (Сочиненіе полковника В. М. **Пудавова**).—Взглядъ на основныя начала Донскаго края. Новочеркасскъ, 1895, 1.

Орловъ, А. На память крестьянамъ. Царствованіе, кончина и погребеніе царя и благодѣтеля народа, въ Бозѣ почившаго императ. Александра III.—Вольскъ, 1895, 1.

Шренникъ, Е. Ѳ. Историческій очеркъ развитія письменности и типографскаго искусства въ Россіи.—Спб., 1895, 1.

Исаевъ, А. А. Памяти Н. М. Ядринцева, друга переселенцевъ. — Спб. 1895, 1.

Памяти Царя-Миротворца. Пермь, 1895, 1.

Кулжинскій, И. Г. Изъ исторіи церковно-приходскихъ школъ въ Россіи. Кіевъ, 1895, 1.

Гротъ, Наталія. Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ.—Спб., 1895, 1.

Князь А. Б. **Лобановъ-Ростовскій**. Русская родословная книга. Томъ I—II. Изданіе **второе**, А. С. Суворина.—Спб. 1895, 2.

Бѣловъ, Е. А. Русская исторія до реформы Петра Великаго. — Спб. 1895, 1.

Ковалевскій, Іоаннъ свящ. Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви.—Историческій очеркъ. Москва, 1895, 1.

Патріархъ **Никонъ**, возлюбленникъ и содружебникъ царя Алексѣя Михайловича. Изданіе И. А. Морозова.—Москва, 1895, 1.

Георгіевскій, В. Св. благовѣрный великій князь Андрей Боголюбскій.—Владиміръ, 1894, 1.

Памятное завѣщаніе. Автобіографія миссіонера Алтайской дух. миссіи свящ. М. В. **Чевякова**. (Изъ «Прав. Благов.»).—Москва, 1894, 1.

Ногачевскій Н. Ф. Жизнь отца Ѳеодосія, перваго архимандрита и основателя Григоріевскаго Бизюкова монастыря.—Одесса, 1895, 1.

В. Потто. Исторія 44-го драгунс[кого] Нижегородскаго Его Императорс[каго] Высочества Государя Наслѣдн[ика] Цесаревича полка. Томъ VII.—[...] 1895, 1.

ступилъ въ минскій коллегіумъ, откуда, чрезъ немного времени, перешелъ въ Варшавскій университетъ, по совѣту профессора Гроддека. Въ университетѣ, благодаря лекціямъ Лелевеля и наставленіямъ того же Гроддека, Сенковскій заинтересовался Востокомъ и принялся самоучкою за изученіе арабскаго, еврейскаго и другихъ восточныхъ языковъ. Въ Сенковскомъ рано проявились двѣ особенности его дарованія— стремленіе къ энциклопедичности и юморъ. Онъ увлекался Востокомъ, но это нисколько не мѣшало ему заниматься медициной, естественными науками, литературой и исторіей. Первымъ шагомъ на поприщѣ литературы, кромѣ участія въ «Товариществѣ шалубовъ», — былъ переводъ на польскій языкъ съ арабскаго басенъ Локмана. Окончивъ, 19-ти лѣтъ, университетскій курсъ, онъ женился на одной перезрѣлой виленской красавицѣ и отправился на Востокъ, гдѣ и пробылъ болѣе двухъ лѣтъ. Въ 1822 году, послѣ оффиціальнаго испытанія при академіи наукъ, его назначили профессоромъ С.-Петербургскаго университета по каеедрѣ арабскаго языка, а чрезъ шесть лѣтъ онъ былъ назначенъ цензоромъ въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ.

Относительно дѣятельности Осипа Ивановича по «Библіотекѣ для чтенія», г. Е. Соловьевъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Онъ не жалѣлъ себя, здоровья, силъ, былъ единственнымъ редакторомъ и единственнымъ сотрудникомъ». Полная тревогъ и волненій, кровотливой и спѣшной работы, жизнь журналиста увлекала его. «Наканунѣ выхода книжки проводилъ онъ день и ночь часто въ типографіи, чтобъ быть увѣреннымъ въ непремѣнномъ появленіи книжки перваго числа, и затѣмъ только успокоивался и позволялъ себѣ отдохнуть одинъ или два дня».

Говоря о редакторской дѣятельности Осипа Ивановича, авторъ такъ высказывается о редакторскомъ трудѣ вообще: «Трудъ редактора совсѣмъ не механическій трудъ. Съ громаднымъ запасомъ свѣдѣній, съ чутьемъ къ интересному и разнообразному, можно издавать хорошій альманахъ, прекрасный энциклопедическій словарь, но никакъ не журналъ или газету. Въ глазахъ своихъ сотрудниковъ редакторъ долженъ быть настоящимъ героемъ, и чѣмъ высшей пробы этотъ героизмъ—тѣмъ лучше.... Редакторскій трудъ гораздо сложнѣе, онъ сводится къ умѣнію одушевлять и вдохновлять. Быть настоящимъ, а не мнимымъ центромъ литературнаго кружка, быть лучшимъ выразителемъ принятаго направленія, первымъ и преданнѣйшимъ слугой поставленнаго знамени, быть объединителемъ въ широкомъ смыслѣ слова — вотъ, что, по-нашему, значитъ быть редакторомъ».

Болѣе семи лѣтъ подъ рядъ «Библіотека для чтенія» пользовалась громаднымъ успѣхомъ: она была первымъ, самымъ распространеннымъ и наиболѣе читаемымъ журналомъ въ Россіи. «Библіотеку для чтенія» убили «Отечественныя Записки.» Съ паденіемъ журнала падало и здоровье Сенковскаго. Ему пришлось измѣнить образъ жизни. Въ 1846 году онъ, по совѣту врачей, провелъ четыре мѣсяца за границей; въ 1847 году уѣзжалъ на лѣто въ Москву. Работать по-прежнему онъ уже не могъ, да и нельзя было работать по-прежнему, такъ какъ обстоятельства со дня на день становились суровѣе и безпощаднѣе. О цензурныхъ стѣсненіяхъ того времени г. Соловьевъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ воспоминаній Е. А. Ахматовой (замѣтимъ кстати, что въ нашемъ журналѣ за 1883 годъ были помѣщены любопытныя письма Сенковскаго къ Ахматовой): «Невозможно себѣ представить всѣхъ придирокъ и притѣсненій, которыя выносила тогдашняя журналистика. Было много и смѣшнаго. Осипъ Ивановичъ перевелъ изъ одного англійскаго журнала небольшой разсказъ какого-то путешественника, который, спасаясь отъ медвѣдя въ американскомъ лѣсу, взлѣзъ на дерево и вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ большою обезьяною съ палкою. Статью эту цензоръ не пропустилъ. Осипъ Ивановичъ поѣхалъ самъ узнать причину. Оказалось, что статья эта была принята за сочиненіе Осипа Ивановича; дерево, путешественникъ и медвѣдь, по мнѣнію цензора, изображали Австрію, Венгрію и Россію, а большая обезьяна съ палкой—такое лицо, которое цензоръ даже и назвать не смѣлъ. Осипъ Ивановичъ долженъ былъ представить въ цензурный комитетъ оригиналъ переведенной статьи — и тогда она была дозволена».

Въ 1848 году Сенковскій захворалъ холерой, и эта болѣзнь окончательно подточила его, и такъ уже разстроенное, здоровье. Онъ почти совершенно оставилъ «Библіотеку для чтенія» и даже сталъ равнодушно относиться къ когда-то излюбленному своему дѣтищу. Редакцію пришлось передать въ другія руки. Не на долго, въ концѣ жизни, еще разъ вспыхнулъ его талантъ. Въ «Сынѣ Отечества» съ 1856 года стали появляться его фельетоны съ подписью Брамбеусъ-Redivivus — ожившій Брамбеусъ. 4-го марта 1858 года его не стало.

Вотъ въ краткомъ пересказѣ содержаніе очерка г. Е. Соловьева.

Н. Кашкадамовъ.

